

ЖИЗНЬ
ЖИВОТНЫХ

АЛЬФРЕД
БРЕМ

ЗВЕРИ

ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХ

*В этом издании Вы увидите
гравюры знаменитых
художников - анималистов
второй половины девятнадцатого века:
Р.Кретшмера, В.Кунерта,
Г.Мютцеля, А.Рейхерта,
Ф.Шмидта-Каринга
и Ф.Шпехта*

АСТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

Москва 2000

ЖИЗНЬ
ЖИВОТНЫХ

АЛЬФРЕД
БРЕМ
ЗВЕРИ

Том I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

Москва 2000

УДК 59
ББК 28.693.36
Б87

Авторы комментариев:
кандидат биологических наук **Е. А. Коблик**
кандидат биологических наук **С. В. Крускоп**

Брем А.
Б87 Звери: В 2 т. Т. 1 / Коммент. Е. А. Коблика,
С. В. Крускопа – М.: ООО «Фирма «Издательство
АСТ», 2000. – 832 с.: ил. – (Жизнь животных).
ISBN 5-237-04777-7

Издание подготовлено по переводу, выпущенному в свет
в 1893 году в Санкт-Петербурге. Сохранен стиль повествования
автора — всемирно признанного классика натуралистической
литературы. В полном объеме воспроизведены иллюстрации,
созданные немецкими художниками и граверами в XIX веке
специально для книг А. Брема.

Книга адресована широкому кругу читателей.

УДК 59
ББК 28.693.36

ISBN 5-237-04777-7

© ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2000
© ООО «Издательство Астрель», 2000

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящее издание книг А. Брема «Жизнь животных» подготовлено по переводу с 3-го немецкого исправленного и дополненного издания в 10-ти томах, выпущенному в свет в 1893 году Товариществом «Общественная польза и К^о» (С.-Петербург).

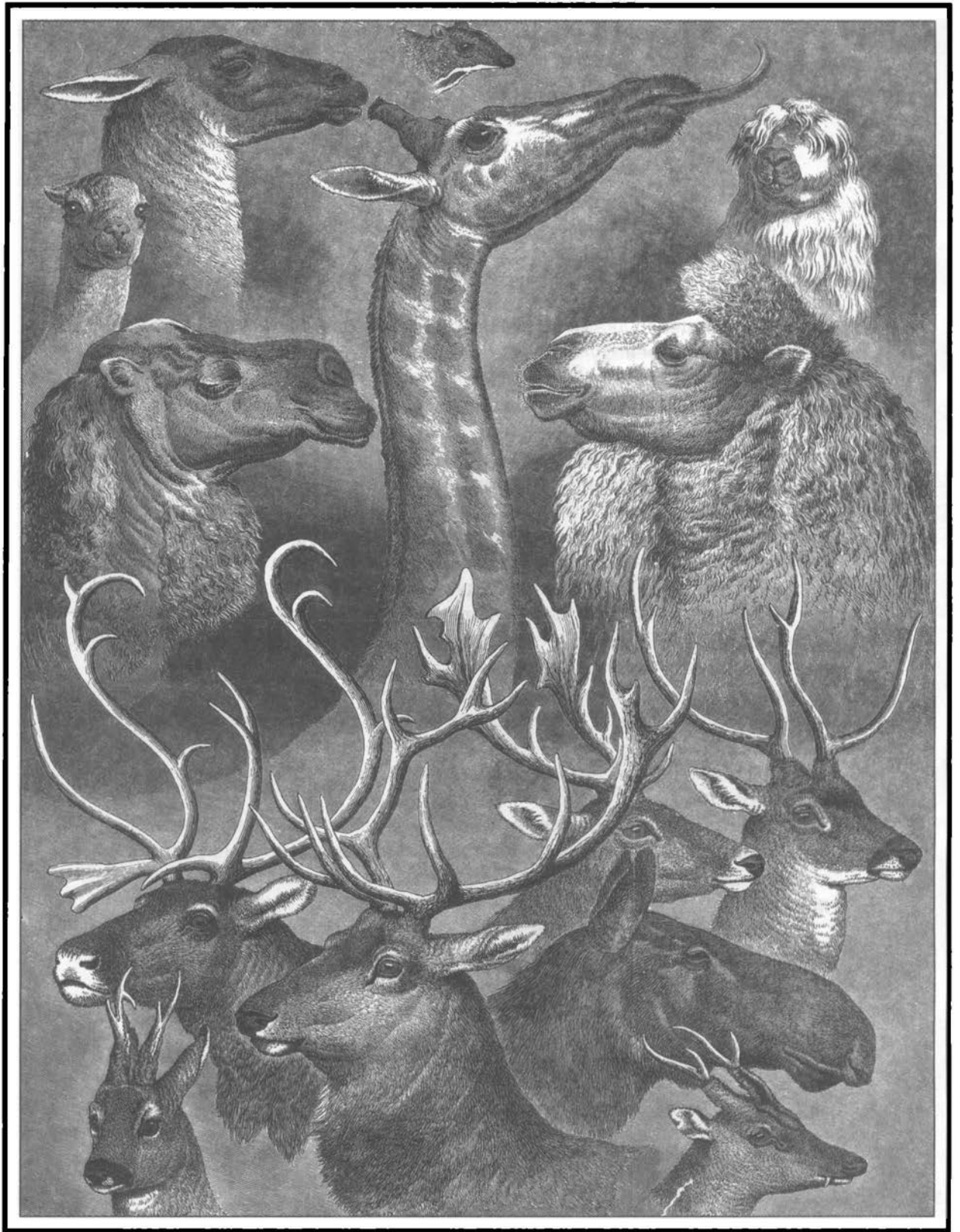
А. Брем — всемирно признанный классик научно-популярной натуралистической литературы. Заслуга его заключается в талантливом изложении сведений из жизни зверей, птиц и других животных. Все затронутые вопросы раскрываются им в общепонятной и увлекательной форме, доступной для самых широких кругов читателей. Знакомство с книгами Брема наибольшую пользу, на наш взгляд, принесет детям.

В издании полностью сохранен стиль повествования А. Брема. Сокращению подверглись только узкоспециальные разделы текста — систематические, географические, морфолого-анатомические описания, которые уже потеряли свою актуальность к настоящему времени. На полях книг сделаны необходимые комментарии и примечания. Их подготовили ведущие ученые-зоологи МГУ и РАН, доктора и кандидаты биологических наук, исходя из современного состояния науки.

Все латинские названия животных даны в их современном написании. Русские наименования, в большинстве случаев, также приведены в соответствие с общепринятым в научных кругах стандартом.

Особенную значимость этому изданию придают сохраненные в полном объеме классические высококачественные, очень точные иллюстрации животных, созданные немецкими художниками и граверами во второй половине XIX века специально для книг А. Брема.

Мы уверены, что знакомство с книгами А. Брема станет большой радостью для всех читателей, особенно для любителей живой природы.

БИОГРАФИЯ

Альфреда Эдмунда Брема

Немецкий зоолог Альфред Брем известен всему миру как автор знаменитой книги «Жизнь животных», переведенной на многие языки. Родился Брем 2 февраля 1829 года в семье священника в небольшой деревушке Рентендорф лесистой и холмистой Тюрингии, в Германии. Его отец Христиан Людвиг Брем был не только пастором, но и знатоком жизни птиц. Как орнитолога его знали во многих государствах. Скромный дом пастора посещали ученые из Англии, Франции и других стран. Ему часто посылали для определения целые коллекции птичьих шкурок. Поэтому собственная коллекция постоянно обогащалась и достигла такого большого количества экземпляров, которое редко встречается у частного лица: у него было около девяти тысяч чучел птиц.

Уже в молодые годы благодаря отцу Брем приобрел необыкновенную наблюдательность. Ему была знакома вся фауна родных мест, он мог отличать мельчайшие особенности большинства птиц. Очень часто ранним утром пастор брал ружье и отправлялся на охоту в леса, окружающие приход; сыновья почти всегда сопровождали отца и несли добычу, которая большей частью состояла из редких птиц, нужных для коллекции. Альфред Брем с большим восторгом вспоминал об этих прогулках и рассказывал, что, когда ему минуло восемь лет, в день его рождения отец подарил ему ружье.

Дети посещали местную школу, но отец дополнял полученные там знания частными уроками, так что сыновья имели очень хорошую подготовку по всем предметам. Вечерами мать Альфреда собирала вокруг себя детей и читала им драматические произведения Шиллера и Гёте. Несомненно, Брем очень многое получил от своей матери — богатое воображение, прекрасный голос, блестящую память и дар выразительного чтения. Близкие люди утверждали, что Альфред мог бы сделаться прекрасным актером и даже певцом. Он сохранил в течение всей своей жизни любовь к поэзии.

Удивительно, что когда Брему пришло время избрать практическую деятельность, то он обратился не к естественным наукам и медицине, а задумал стать архитектором. Он изучал архитектуру в Альтенбурге с 1843 по 1847 год. Занятия эти, впрочем, даром не пропали: они оченьгодились впоследствии, когда Брему было поручено устройство больших зоологических садов, и во время его путешествий. И вот, получив аттестат, молодой Брем вышел в жизнь; высокий, статный шатен с серо-голубыми глазами, орлиным носом, звучным голосом. Привычка зачесывать длинные волосы назад открывала высокий лоб красивого юноши. Для своего возраста он был образованным человеком, прекрасно разбирался в литературе, архитектуре, зоологии, знал латинский и французский языки.

Неожиданная возможность предпринять большое путешествие в Африку прервала практические занятия Альфреда. Организатор экспедиции барон Джон фон Мюллер — большой любитель природы и известный охотник, пригласил участвовать в ней молодого Брема, узнав, что восемнадцатилетний сын сельского пастора хорошо подготовлен в орнитологии и препарировании птиц. Брем с восторгом принял предложение, отец также с удовольствием согласился на это путешествие сына.

Брем и Мюллер сели на корабль в Триесте 6 июля 1847 года. Тогда еще Альфред не думал, что увидит родные леса только через пять лет. Спутники приехали в Каир и задержались в этом городе, так как оба, из-за неосторожности, получили тепловой удар. Кроме того, они пережили ужасы землетрясения, которое произошло там как раз во время их пребывания.

В Каире барон решил расширить маршрут своей экспедиции, не ограничиваться только Египтом, а добраться до столицы Судана Хартума. Но только 28 сентября путешественники смогли отправиться в путь, присоединившись к партии католических миссионеров. Сообща наняли барку и поплыли вверх по Нилу. Барка продвигалась медленно, поэтому натуралисты имели возможность проводить много времени на берегу, охотясь за редкими животными и наблюдая природу. Четвертого января 1848 года они достигли лесистой и богатой водами части Судана, там собрали богатую коллекцию редких птиц, в том числе марабу, маленького черного журавля и других.

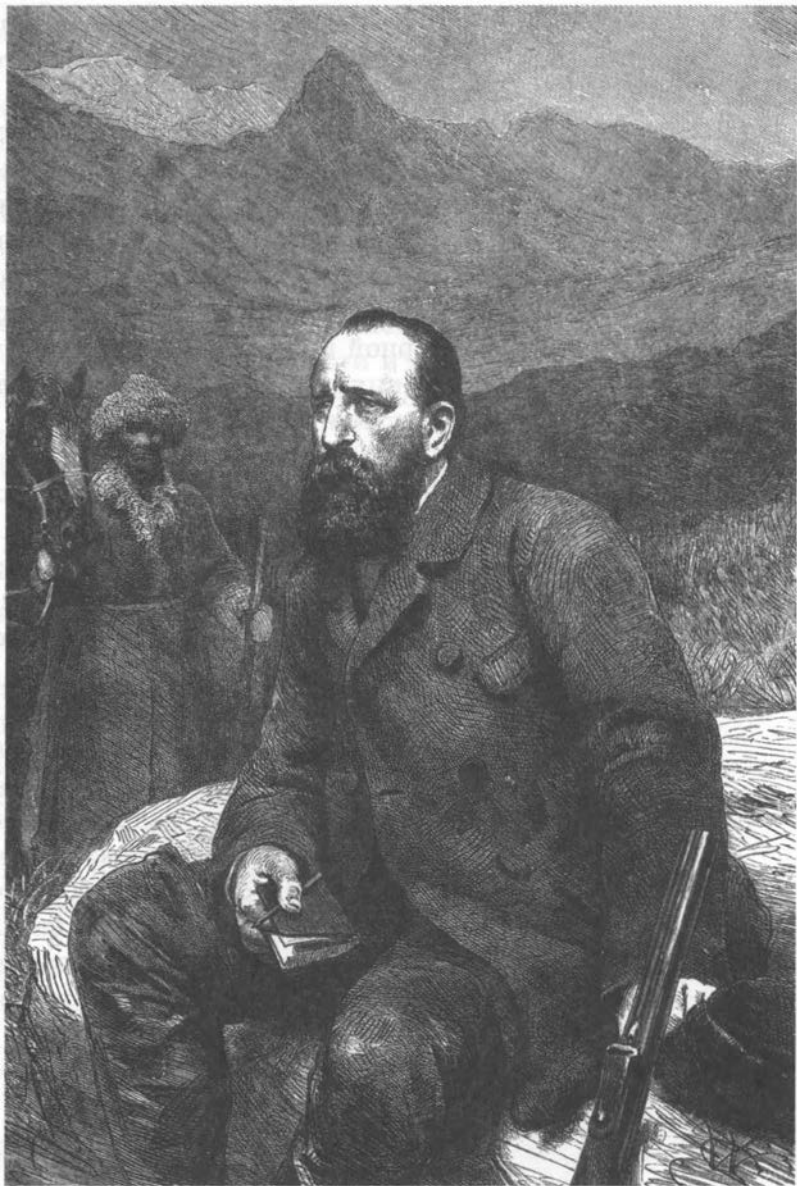
Шестого января путешественники прибыли в Хартум, где и прожили до 25 февраля. Охотились в окрестностях, знакомились с бытом населения, как местного, так и пришлого — турками, египтянами, европейцами. Дичь здесь была в изобилии, особенно в лесах, окружающих Голубой Нил, куда Брем отправился на довольно продолжительное время. Но вскоре заболел местной лихорадкой, приступы которой почувствовал еще на Ниле, и вернулся в Хартум. Подлечившись, Альфред снова отправился в леса и привез оттуда до 130 птичьих шкур.

В Хартуме Брем и Мюллеру представился благоприятный случай, они смогли присоединиться к опытному путешественнику английскому геологу Петерику и проехать частью водой, частью на верблюдах в малоизвестную страну Кордофан, лежащую в зоне саванн. Сначала отправились по Белому Нилу, потом начали сухопутное путешествие по жаркому Кордофану. Пребывание в этой стране было в высшей степени интересно, путешественники первый раз в жизни совсем близко наблюдали крупных млекопитающих: львов, леопардов, гиен. Их коллекция птиц пополнилась разными видами орлов, соколов, грифов. Но через четыре месяца убийственный климат заставил вернуться в Хартум. На обратном пути, проезжая по пустыне на спине верблюда, Брем претерпевал такие страшные страдания, что ежеминутно ожидал смерти. Наконец они достигли Нила и пошли на небольшом судне до Хартума, где намеревались довольно долго прожить, чтобы отдохнуть и вылечиться от лихорадки.

Мюллер и Брем прожили в Хартуме до 28 августа, а потом пустились в обратный путь вниз по Нилу. Генерал-губернатор Хартума отдал в их распоряжение две барки, на которых поместились многочисленные ящики с коллекциями и большое число клеток с животными. 28 октября доехали до Каира, довольные тем, что вернулись целыми и невредимыми из трудного путешествия и довели в сохранности все собранные сокровища. Конец года они прожили в этом городе, делали небольшие экскурсии по окрестностям для охоты и пополнения своих коллекций.

29 января барон фон Мюллер отплыл из Александрии в Европу, с тем чтобы начать подготовку новой, гораздо более обшир-

*Альфред Эдмунд
Брем*

ной африканской экспедиции. Брем остался в Египте. Почти год находился он то в Каире, то в Александрии, дожидаясь барона или хотя бы денег от него на предварительные работы по организации экспедиции.

Впрочем, любознательный юноша не терял времени даром. Он, облачившись в турецкий костюм, охотился в дельте Нила, бродил по Каиру, знакомился с его памятниками древности и бытом городского населения. Более того, пригласив опытного учителя, систематически изучал под его руководством арабский язык и переводил священную книгу мусульман — Коран.

Тем временем Мюллер добывал средства для экспедиции и вербовал новых членов. Экспедиция была задумана в грандиозных масштабах. Предполагалось добраться Красным морем до Суакина, доехать на верблюдах до Хартума, а оттуда подняться по Нилу до области проживания негров бари, то есть до 4-го градуса северной широты. После более или менее продолжительного пребывания среди них экспедиция должна была повернуть на запад к Атлантическому океану.

Барон пригласил для участия в экспедиции орнитолога доктора Ричарда Фирталера и Оскара Брема, брата Альфреда, которые прибыли в Александрию в ноябре 1849 года, привезли с собой деньги и снаряжение. Оскар Брем, хороший энтомолог, должен был обеспечить сборы насекомых и других беспозвоночных. Барон фон Мюллер обещал присоединиться к экспедиции в Хартуме около 1 июля.

Путешественники отправились в путь 24 февраля 1850 года. Точно так же, как и в первый раз, поднялись на барке вверх по Нилу, а затем продолжили путь на верблюдах. Начало путешествия было очень удачно: кроме птиц и зверей собрали много жуков и других насекомых, которыми специально занимался Оскар Брем. Но случилось большое несчастье — Оскар во время купания утонул буквально на глазах брата! Это был страшный удар для Альфреда и непоправимая потеря для экспедиции. Оправившись от удара, Брем все же нашел в себе силы доставить своих спутников до Хартума.

Положение участников экспедиции было плачевно. Не только не прибыл сам хозяин — барон, но от него не было ни денег, ни писем. Наконец поступило сообщение, что барон фон Мюллер обанкротился. Денег у Брема больше не было, но ему удалось сделать небольшой заем. На эти средства была предпринята шестинедельная экспедиция в леса Голубого Нила. Экспедиция дала богатый материал для коллекций. Но Брем опять схватил лихорадку и совсем больной вернулся в Хартум.

Вылечившись от лихорадки, Альфред вместе со всеми своими спутниками отправился во вторую экспедицию, которая про-

должалась три месяца, путешественники глубоко проникли в глухие места. Они добыли многих очень редких птиц, почти каждую ночь слышали рев львов, наблюдали целые стада слонов и огромные стаи обезьян, охотились на крокодилов и бегемотов. Однажды Брем чуть не сделался жертвой своей неосторожности, когда на него бросился легко раненный и разъяренный бегемот. Экспедиция привезла в Хартум около 1400 одних только птичьих шкур.

Брем жил в Хартуме, занимая деньги у своих друзей мусульман, которые высоко ценили его за способность приручать диких животных. Во дворе его дома был целый зверинец. Всюду за ним следовали стая ручных ибисов и мартышка, он приручил даже нескольких грифов. Но особенное удивление вызывали ручная львица и ручной крокодил. Брем пишет, что все эти животные составляли для него большое утешение во время его невольного плена в Хартуме. Встречая так много привязанности и благодарности в своих животных, он часто забывал тяжелое положение, в которое его поставили люди.

Тем временем припадки лихорадки становились все чаще; необходимость возвращения на родину была очевидной. Брем прожил в Судане четырнадцать месяцев, не имея средств заплатить долги. Вернуться в Каир, а затем и на родину ему помогли находившийся тогда в Хартуме немецкий купец Бауергорст и губернатор Судана Латиф-паша.

Отправившись 18 августа 1851 года из Хартума, Брем только к 26 октября добрался до хорошо знакомого ему Каира. Там он прожил всю зиму, отдохнул от трудного путешествия и поправил свое расстроенное здоровье. Шестнадцатого июля 1852 года вернулся он, наконец, после пятилетнего отсутствия в родной дом и имел счастье обнять отца, мать и всех братьев и сестер.

Понятно, что такое продолжительное пребывание в Африке и исключительные занятия охотой и наблюдением природы оказали решающее влияние на карьеру Брема. О продолжении своих занятий архитектурой он перестал думать. Прекрасно сознавая пробелы в естественнонаучном образовании, поступил в университет — сначала в Йенский, потом в Венский.

Уже в эти годы Альфред Брем начал свою литературную деятельность: печатал орнитологические очерки в специальных журналах и был одним из основателей немецкого Орнитологического Общества. В 1855 году он издал в трех томах «Путевые очерки о северо-восточной Африке». Написанные с блеском, они содержали не только подробные описания природы и различные сведения об охоте, рассказы об образе жизни тамошних животных, преимущественно птиц, но и богатый материал по этнографии виденных им стран.

Гонорар, полученный за эту книгу, позволил Брему в 1856 году вместе с братом Рейнгольдом совершить путешествие по Испании. Брат был врачом и также страстным охотником, любителем наблюдения природы. Эта поездка, богатая приключениями, в значительной степени пополнила сведения Брема о южноевропейских животных.

После возвращения из Испании Брем поселился в Лейпциге и стал заниматься литературным трудом. Он писал статьи для очень популярного журнала «Die Gartenlaube». Эти статьи сделали Брема известным, так как он сумел придать привлекательность и даже поэтический оттенок своим очеркам о жизни животных. В значительной степени на основании наблюдений, сделанных в Испании, братья в соавторстве с отцом опубликовали очень ценную статью «Орлы-ягнятники и их жизнь». Конечно, яркие поэтические описания царственной птицы принадлежат в этой книге Альфреду.

Вскоре А. Брем получил возможность совершить путешествие в Норвегию и Лапландию. Суровая, величественная природа фиордов и шхер далекого Севера произвела на него сильнейшее впечатление, особенно шумные птичьи базары. С энтузиазмом отдался он орнитологическим наблюдениям, уделяя больше всего внимания незнакомым птицам, не встречающимся ни в средней Европе, ни в Африке. Вернувшись в Лейпциг, описал свои впечатления в ярком очерке «Lapplands Vogelberge».

Брем обладал изумительным даром чувствовать красоту и постепенно смог стать выдающимся стилистом — настоящим художником слова, способным представить на страницах яркие, красочные образы живой природы. Потребность в доступной форме передать свои знания широким кругам любителей природы побудила Брема написать большую популярную книгу «Жизнь птиц». В этой книге в виде художественных очерков он дал характеристики наиболее интересных представителей преимущественно средневропейской орнитофауны. По словам последующих исследователей, у Брема «всем птицам свойствен характер; существуют веселые, печальные, честные, вороватые, благородные и подлые, прямодушные и лукавые птицы». Книга вышла в свет в Лейпциге в 1861 году, в день 74-летия отца и учителя автора — Христиана Людвига Брема.

Несмотря на видимые литературные успехи, Брем решил упорочить свое материальное и общественное положение. Он поступил преподавателем географии в частную мужскую гимназию. Это дало ему возможность обзавестись семьей: в 1861 году молодой ученый женился на Матильде Рейц, сделавшейся до конца дней верной спутницей жизни. Она посильно участвовала в путешествиях и очень дорожила его славой писателя и ученого.

Счастье благоприятствовало Брему, в скором времени он мог снова поехать в Африку. Организаторы грандиозной охотничьей экспедиции в предгорьях Абиссинии пригласили участвовать в ней Брема, как опытного путешественника и натуралиста. Он был даже командирован вместе с молодой женой для выбора подходящего района охоты и разбивки постоянного лагеря. Так что медовый месяц молодые провели весьма экзотично: в Африке на подступах к Абиссинии.

Стоянку для лагеря Брем выбрал на плато Менда. Богатая и разнообразная природа этой местности позволила охарактеризовать ее как африканскую Швейцарию. Здесь Брем ознакомился с жизнью африканских горных животных и сделал множество новых интересных наблюдений. К сожалению, натуралисту не повезло: он снова схватил малярию и, немного подлечившись, вынужден был вернуться в Лейпциг.

Уже через год, в 1863 году, обработав результаты поездки в Абиссинию, он опубликовал книгу «*Ergebnisse einer Reise nach Habesch*». В книге, восхищаясь необыкновенным богатством флоры Абиссинии, автор глубоко сожалеет о том, что мало знаком с ботаникой и поэтому не может подробно описать богатую и разнообразную растительность этой страны. Зато Брем поместил большой материал об образе жизни млекопитающих и птиц. Эти страницы читались зоологами всех стран с большим интересом. В том же году он написал вместе со своим лейпцигским другом натуралистом Россмеслером книгу «Лесные животные», которая была переведена на русский язык.

Работа над этими двумя книгами навела Брема на мысль создать большую научно-популярную сводку о жизни представителей всех классов животного царства. Так было начато издание самого большого сочинения Брема «Жизнь животных». В качестве соавторов Брем привлек двух известных зоологов — Ташенберга, который взялся за написание статей о насекомых и паукообразных, и Оскара Шмидта, которому достались низшие беспозвоночные. Успеху этого сочинения способствовали многочисленные прекрасные иллюстрации. Первый том появился в 1863 году, а полностью объемное шеститомное сочинение вышло только в 1869 году.

Во время работы над первым томом Брему было предложено место директора зоологического сада в Гамбурге. Лучшего директора трудно представить: обширная эрудиция, большой опыт в содержании и приручении диких животных, личные связи — все это создавало блестящую репутацию Брему в глазах членов «Зоологического общества», фактически владевших зоопарком. И для Брема, трудившегося над первыми томами «Жизни животных», посвященными млекопитающим и птицам, эта должность была интересна. Через его руки проходили сотни редких экзо-

тических животных, привозимых кораблями из всех стран света в большой порт Гамбург, и частично оседавших в зоопарке, где ученый мог вести над ними наблюдения.

Брем проработал в зоопарке три года, поставив его на образцовую высоту. Из-за разногласий с членами «Зоологического общества» он вынужден был покинуть зоопарк в Гамбурге. Но вскоре переехал в Берлин, куда был приглашен, чтобы организовать в городе аквариум с морской и пресной водой.

В 1864 году он пережил большое горе: на 78-м году жизни умер обожаемый им отец. Эта смерть очень сильно повлияла на душевное состояние Брема.

В 1869 году вышел последний шестой том «Жизни животных». Этот главный труд ученого сыграл огромную роль в популяризации зоологии во всем образованном мире. Он прославил автора на весь мир и вскоре был переведен на все европейские языки (первый полный русский перевод был сделан в 1870 году). Еще при жизни Брема вышло второе издание.

В этом же году был открыт и Берлинский аквариум. Настоящий зоологический сад в центре большого города сделался одним из самых популярных учреждений Берлина. На его территории кроме аквариума были созданы террариум, в котором содержались крокодилы, черепахи, змеи, и виварий, в больших светлых клетках распевали сотни самых разнообразных птиц. Громадный опыт по содержанию в неволе птиц позволил Брему опубликовать в 1870—1875 годах двухтомную сводку «Птицы в неволе». Сочинение сделалось настольной книгой для всех любителей птиц и послужило популяризации любительского занятия — содержания птиц в неволе.

В 1874 году Брем покинул место директора аквариума. И до конца жизни уклонялся от служебных постов. Успех «Жизни животных» и других книг давал ему солидный доход, и он жил как свободный художник, временами выступая с публичными лекциями.

В 1876 году Брему представилась возможность совершить путешествие в Россию и таким образом посетить страну, фауна которой была ему совсем не известна. Общество по изучению северных полярных стран предложило ему участвовать в экспедиции для исследования западной Сибири. Интересно, что среди прочих экспедицию щедро финансировал иркутский купец А.М. Сибиряков.

Путешественники 19 марта приехали в Нижний Новгород, оттуда по льду Волги на тройках они прибыли в Казань, где задержались на несколько дней. Из Казани маршрут привел их в Пермь, потом через Екатеринбург и Тюмень — в Омск, откуда по Иртышу они добрались до Семипалатинска. В течение нескольких месяцев Брем со своими спутниками исследовали средне-

азиатские степи до горных цепей Алатау, причем сделали небольшую прогулку в Китай, за русскую границу. Затем они объехали значительную часть западной Сибири до берегов Карского моря.

Все путешествие длилось шесть месяцев. Сделанные наблюдения представляли для Брема значительный интерес. Он обогатил свой опыт натуралиста близким знакомством с жизнью зверей и птиц за полярным кругом, в тайге, в среднеазиатских степях и прилегающих к ним горах. Эта экспедиция дала богатый материал по этнографии многих народов, проживающих на территории той части России. Брем считал путешествие по России самым интересным в своей жизни и собирался издать подробный дневник. Но вместо этого он выпустил только несколько ярких очерков: «Путешествие по Сибири», «Тундра и ее животный мир», «Азиатская степь и ее жизнь», «Лес, дичь и охотничий промысел Сибири». Полное описание сибирского путешествия было дано спутником Брема — Отто Финшем, его объемистая, чрезвычайно интересная книга была издана в русском переводе под заглавием «Путешествие в Западную Сибирь д-ра О. Финша и А. Брема».

Едва отдохнув от сибирского путешествия, неутомимый Брем предпринял новое. На этот раз он поехал недалеко — в южную Венгрию, эту обетованную страну всякого орнитолога. Путешествуя на пароходе по Дунаю, посетил знаменитую колонию цапель на острове Адони, дремучие леса Кескенде, необозримые болота Хулло и живописные Голубые горы. Конечно, по сравнению с сибирским путешествием, поездка по Дунаю была для Брема лишь увеселительной прогулкой.

В 1878 году Брем получил от австрийского императора орден Железной Короны, который давал права дворянства, а в следующем году — командорские кресты испанского ордена Изабеллы и португальского ордена — св. Иакова. Кроме того, Брем был награжден большой золотой медалью за особые научные заслуги и неоднократно избирался членом различных ученых обществ.

Но эти годы принесли Брему и много горя. Вскоре, после его возвращения из Сибири в 1877 году, умерла мать, а в следующем году, при рождении младшего сына, он потерял жену, которая была его верной спутницей и усердной сотрудницей в течение их супружеской жизни. От этого удара он уже совершенно не мог оправиться. Однако в 1879 году нашел в себе силы еще раз посетить Испанию, чтобы собрать экземпляры редких орлов. Потом он жил в своем поместье в Рентендорфе. Летом занимался разведением роз, зимой временами выезжал, чтобы прочесть публичную лекцию.

Лишь в 1883 году Брем совершил далекое путешествие. Он подписал очень выгодный контракт, по которому должен был прочитать пятьдесят лекций в больших городах Северо-Американских штатов. Но еще до начала поездки ученого постигло страшное несчастье: все пятеро его детей заболели дифтеритом. Хотя врач успокоил отца насчет исхода болезни, он уехал со стесненным сердцем. Младший сын, любимец семейства, умер раньше, чем Брем доехал до Америки, он получил горестное известие тотчас после высадки в Нью-Йорке.

Брем выполнил контракт, прочитал свои пятьдесят лекций. Это было последнее его путешествие; он вернулся в Рентендорф, чтобы оттуда уже не уезжать. 11 ноября 1884 года Брем скончался от кровоизлияния в мозг в возрасте 56 лет. Утверждения некоторых биографов, будто в конце своей жизни он ослеп, неверно. Его соколиные глаза сохраняли свою зоркость вплоть до того момента, как закрылись навеки...

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

Стоит ли переиздавать книги о животных, написанные в прошлом веке? За последние 30—40 лет произошел качественный скачок в зоологических исследованиях. Ученые, вооружившись фото-, кино- и видеокамерами, вертолетами и батискафами, радиопередатчиками и пеленгаторами, смогли проникнуть в самые труднодоступные уголки планеты и изучить жизнь животных в естественной среде так глубоко, как это и не мечталось исследователям прошлого. Однако этот скачок в зоологии не был бы возможным, не опирайся он на твердую почву уже накопленных к началу двадцатого века сведений, собранных и обобщенных предшественниками.

Альфред Брем первым из своих современников отважился на труд не просто научный, а научно-популярный, и не просто посвященный той или иной группе животных, но собравший знания своей эпохи обо всем животном мире.

Каждая эпоха в развитии зоологии требует обобщающего труда, нуждается в своем «Бреме». Знания античности были суммированы в работах Аристотеля и Плиния Старшего. Итог средневековой науке подвел Конрад Геснер. Следующий этап развития зоологии, связанный с эпохой Великих географических открытий, осветил Жорж Бюффон. Наконец, Брем создал настолько полную картину зоологических знаний своего времени, что его назвали «Плинием современности».

К началу XX века трудно было найти мало-мальски образованного человека в Европе, Америке, России, в домашней библиотеке которого не красовались бы тисненные золотом тома «Жизни животных».

Первое, на что обращаешь внимание, читая русское издание Брема, — это язык изложения. Брем писал с большим художественным мастерством. Во многом здесь заслуга переводчиков. Используя свободную литературную форму, исследователь сообщает читателю массу фактического материала, большая часть которого неоспорима и сейчас. Многие из написанного Бремом кочует из одной зоологической сводки в другую без исправлений

*Предисловие
научного
редактора*

и добавлений. Просматривая в ходе работы над комментариями советские издания «Жизни животных» и множество других книг по зоологии, выходявших вплоть до самых последних лет, укрепляешься в мысли, что вся отечественная зоологическая литература «вышла из Брема».

Брем погружает читателя в особую атмосферу открытий прошлых веков, где действуют в полевых условиях зоологи и натуралисты, те самые предшественники, без которых невозможен современный взлет науки. Он делится с нами собственными экспедиционными впечатлениями, дает слово другим путешественникам, большей частью нам неизвестным. После прочтения Брема хочется подробнее узнать о странствиях Азары или, скажем, Гордона Камминга, прочитать их полевые дневники.

Для правильного восприятия современным читателем материал требует определенных корректив и исправлений. Со времен Брема изменился статус многих животных, уменьшилась их численность, сократился ареал, какие-то виды вымерли. Поэтому в настоящем издании в основном систематика, шагнувшая далеко вперед, а также латинские названия приведены в соответствие с современными зоологическими представлениями. Все исправления, добавления, уточнения вынесены на поля в виде комментариев.

Книги Брема и в настоящее время продолжают служить украшением библиотеки каждого образованного человека.

Кандидат биологических наук
Е. А. Коблик

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХ

Основатель классической зоологии и наиболее значительный представитель ее в классической древности, Аристотель, разделял известных ему животных на группы: группу живородящих четвероногих, которая соответствует современной группе млекопитающих, за исключением китообразных; группу птиц; группу четвероногих, кладущих яйца; группу пресмыкающихся и земноводных; группу китообразных и рыб. К этим пяти группам животных, «имеющих кровь», в которой мы без труда узнаем позвоночных современной зоологии, он прибавляет четыре группы животных, «лишенных крови». Аристотель не устанавливает двух главных групп, что было совершено в начале нашего столетия Ламарком, который противопоставил друг другу «позвоночных» и «беспозвоночных». Но, конечно, выделенные Аристотелем группы животных, «лишенных крови», соответствуют, беспозвоночным. Эти группы следующие: мягкотелые, к которым он причислял лишь головоногих; мягкокорлупые, соответствующие ракообразным; насекомые, к которым причислялись также пауки, многоножки и черви; безногие скорлуповатые, именно: одно- и двустворчатые моллюски и морские ежи.

Лишь в XVIII столетии данная Аристотелем группировка животных была значительно улучшена Карлом Линнеем*, который, проводя точную и определенную научную терминологию, в первый раз разделил все животное царство на последовательные группы высшего и низшего значения и, что было особенно важно, ввел для важнейшей из этих групп — вида — двойное обозначение. Из видов слагаются роды, из родов — семейства, из семейств — отряды; наконец, отряды соединяются в классы. Линней различал шесть классов: млекопитающие, птицы, амфибии, рыбы, насекомые и черви.

Начиная с Жоржа Кювье, мы постепенно пришли к нынешним главным отделам животного царства. Кювье, опираясь на свои необыкновенные познания относительно внутреннего строения животных, разделил царство животных на основании особенностей нервной системы и относительного положения главных

* Шведский ученый Карл Линней жил в XVIII в. и создал первую упорядоченную научную систему живого мира, которая лежит в основе всех современных систем. Книга Брема написана во второй половине XIX в.

Общий взгляд на жизнь животных

** Число важнейших групп животного царства (их называют типами) постоянно увеличивается, по мере того как ученые глубже познают особенности строения и происхождения различных организмов. Некоторые группы животных были описаны в результате сенсационных находок, например в глубоководных океанических желобах (об их существовании Брем и его современники знать не могли). Истинные родственные связи других были обнаружены в результате исследования эмбриональных стадий развития. Всего в современной системе животного мира признается существование около двадцати самостоятельных типов.*

*** Современное название типа — хордовые Chordata. Хорда (спинная струна) — соединительнотканная, характерна для всех представи-*

органов на четыре типа, отличающихся между собой «планом строения». Он различал позвоночных, мягкотелых, суставчатых и лучистых животных. Преимущества Кювье, исправляя и улучшая его классификацию путем разделения и соединения групп, входящих в состав четырех типов Кювье, пришли к установлению большего числа высших групп животного царства, которых соответственно новейшим воззрениям называют стволами животного царства. Мы будем различать девять групп животного царства*: позвоночные, оболочники, моллюски, моллюскообразные, суставчатонагие, черви, иглокожие, кишечноротовые и простейшие.

Начнем с беглого взгляда на общие признаки так называемых позвоночных животных**.

Все позвоночные отличаются прежде всего внутренним хрящевым или костяным осевым скелетом, на спинной стороне которого залегает главная масса нервной системы; органы пищеварения и дыхания, сердце, мочевые и половые органы лежат на брюшной стороне осевого скелета. По направлению этого осевого скелета на теле позвоночных животных замечается расчленение на ряд последовательных частей. Кроме того, органы расположены таким образом, что все тело распадается на две симметричные половины; симметрия эта, однако, часто нарушается. Ни у одного позвоночного число парных конечностей не превышает четырех, однако не у всех позвоночных достигается или сохраняется это число. Кровь позвоночных, обращающаяся в замкнутой сети сосудов, за исключением бесцветной крови ланцетника, красного цвета, зависящего от кровяных телец, плавающих в жидкой части крови. Органы дыхания все равно, состоят они из жабр или легких, всегда связаны с передним отделом кишечника.

Среди позвоночных мы будем, согласно господствующим воззрениям, различать пять классов: млекопитающих, птиц, пресмыкающихся, земноводных и рыб.

Прежде казалось, что млекопитающие образуют наиболее резко ограниченный класс позвоночных животных. В настоящее время едва ли можно высказать о них такое мнение. Еще недавно смотрели на обладание молочными железами, служащими для первого питания детенышей, как на самый важный и отсутствующий у всех остальных животных признак млекопитающих. Однако, по Гегенбауеру, молочные железы однопроходных выделяют не настоящее молоко, а потообразную питательную жидкость. Тщательные исследования обнаружили, что у однопроходных эти железы представляют измененные потовые, а не сальные железы, как у остальных млекопитающих. Отличительным признаком млекопитающих могло бы служить наличие у них настоящих волос, однако волосы есть не у всех млекопитающих.

Теплая кровь, кроме млекопитающих, свойственна так же и птицам; то же относится и к легким, как исключительному органу дыхания. Двойной суставный бугорок на затылочной кости

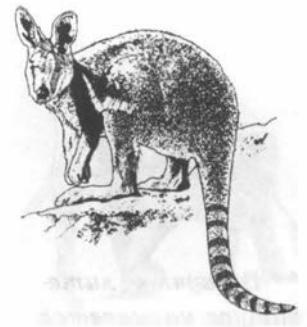
кроме млекопитающих есть также и у земноводных. Даже рождение живых детенышей встречается не у всех млекопитающих, так как однопроходные кладут яйца с твердой пергаментообразной скорлупой, и у ехидны эти яйца довольно долгое время насиживаются в кожной сумке. Напротив, полная грудобрюшная преграда, отделяющая грудную полость от брюшной, представляет действительно отличительный признак млекопитающих.

Череп у всех млекопитающих отделен от позвоночного столба и состоит из костей, которые соединены между собой довольно однообразно; верхняя челюсть сращена с черепом и находящиеся в ней и в нижней челюсти зубы, как ни различны они по строению и расположению, всегда сидят в отдельных ячейках. Шея образуется по большей части семью позвонками; длина шеи от числа позвонков не зависит, семь позвонков и у жирафа, и у крота. Поэтому в противоположность птицам шея млекопитающих является построенной совершенно однообразно; у птиц же вместе с длиной шеи значительно увеличивается и число позвонков. Грудная часть позвоночного столба образована из 10—24 позвонков, поясничная — из 2—9, крестцовая — из 1—9 и хвост — из 4—46. Ребра и зачаточные ребра встречаются, правда, и на других позвонках, однако обыкновенно под ребрами подразумевают только сидящие на грудных позвонках плоские и изогнутые кости, которые соединяются с грудной костью или прямо, или посредством хрящей, и таким образом ограничивают грудную полость. Число их точно соответствует числу грудных позвонков; но число истинных ребер, достигающих грудной кости, по отношению к числу так называемых ложных ребер, которые соединены с грудной костью посредством хрящей, подлежит многим колебаниям.

Конечности млекопитающих обнаруживают величайшие различия уже на скелете — так, задняя пара у некоторых китообразных отсутствует вовсе или по крайней мере до такой степени недоразвита, что представляет собой лишь незначительные остатки. Также и на передних конечностях, особенно плечевой пояс и кисть обнаруживают существенные отклонения; ключица может быть очень сильной или вовсе отсутствовать; число пальцев изменяется от пяти до одного, смотря по тому, рука ли это, лапа, копыто или ласта. Развитие костей ног не менее разнообразно.

Скелет млекопитающих приводится в движение мускулами или мышцами. Эти мускулы, которые мы в обыденной жизни называем мясом, прикреплены к костям и передвигают их в различных направлениях. Я не хочу обременять читателей подробными описаниями их строения, сюда, строго говоря, не относящимися. Ограничусь замечанием, что мускулы стоят в полном согласии с особенностями скелета и образом жизни животного, а эти особенности, по крайней мере отчасти, тесно связаны с внешним видом животного. Вследствие этого у одного животного

телей типа, по крайней мере — на личиночной стадии. Вполне сформированный позвоночник же есть далеко не у всех.

какой-то мускул отсутствует, у другого он особенно развит. Например, у кита нет настоящих шейных мускулов, а у обезьян они почти так же развиты, как у человека. Те млекопитающие, которые лазают, копают, порхают или хватают, обладают сильными грудными мускулами для сгибания рук; те, которые бегают, имеют сильные мускулы бедра и голени; те, которые пользуются хвостом, как пятой конечностью, имеют сильные хвостовые мускулы; лицевые мускулы весьма сильно развиты у всех хищников. Одним словом, каждое животное представляет соответствующее его образу жизни строение мышц.

По-разному устроены внутренние части тела млекопитающих. Органы пищеварения, как ни сходны они между собой в общем, довольно разнообразны в своих частностях. Рот всегда снабжен мясистыми губами*, обладающими тонко развитым осязанием.

Высшей степени развития зубы достигают лишь у млекопитающих и имеют решающее значение для их образа жизни, а также и для их научной классификации и определения. Строение зубов всегда находится в полном соответствии с родом пищи животного. За ртом следует пищевод, который никогда не представляет зобообразного расширения, как у птиц. Желудок, в который переходит пищевод, — это более или менее тонкостенный мешок, простой или имеющий до трех перетяжек. Совершенно своеобразно устроен он у тех животных, которые после пастьбы еще раз пережевывают пищу во время отдыха и лишь тогда отправляют ее в ту часть, где она переваривается, минуя первые отделы желудка, служащие для ее сохранения. Об относящихся к кишечнику железах, каковыми являются печень, слюнные железы, поджелудочная железа и почки, здесь не место распространяться; достаточно упомянуть, что только у млекопитающих моча отдельно изливается наружу и что в окружности заднепроходного отверстия часто встречаются железы, выделяющие своеобразные, обыкновенно сильно пахучие или даже вонючие вещества.

Сосуды мало отклоняются от общего типа: сердце и кровеносные сосуды у всех млекопитающих устроены почти одинаково, хотя и здесь замечаются колебания. Сердце имеет два желудочка и два предсердия; артерии отличаются упругими стенками, вены снабжены клапанами; всасывающие (лимфатические) сосуды во многих местах соединяются между собой и открываются одним главным протоком в большую полую вену.

Грудная полость замкнута грудобрюшной перегородкой; легкие свободно висят в ней и не связаны с особыми воздушными мешками. Дыхательное горло** разделяется на две ветви и имеет одну гортань, которая находится в его верхней части и образована у разных видов из различного числа хрящей. В связи с гортанью находятся у некоторых млекопитающих своеобразные голосовые мешки. Голосовых связок нет только у китов.

* Предполагают, что мягкие губы развились в связи с питанием материнским молоком.

** В научной литературе называется трахеей, а ветви — бронхами.

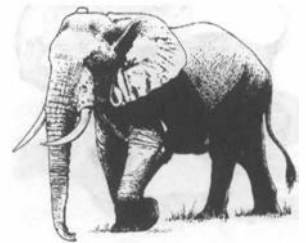
Мозг и нервы имеют различное строение; мозг полностью наполняет полость черепа, но эта полость часто бывает очень мала, и масса мозга в таком случае крайне незначительна*. Ни у какого другого млекопитающего головной мозг в такой степени не преобладает над спинным, как у человека, и ни у кого большой мозг не развит так, как у него. В этом проявляется превосходство человека над всеми остальными животными. У некоторых низших млекопитающих большой мозг гладок и лишен бороздок; у многих высших он, напротив, достигает необыкновенного развития и имеет в таком случае известные своеобразные извилины.

Органы чувств представляют большое сходство в своем строении; лишь у китов встречаются отклонения от общего типа. Носовые раковины по величине и протяжению стоят в соответствии с развитием чувства обоняния; их очень сложная нижняя часть, однако, не связана в такой степени с обонянием, как верхняя, на которой разветвляется обонятельный нерв. У всех млекопитающих, кроме китов, ноздри окружены костями и хрящами, которые обуславливают форму конца морды. У китов ноздри сливаются в одно отверстие; у них есть еще, правда, нос, но, без всякого сомнения, с очень несовершенным обонянием.

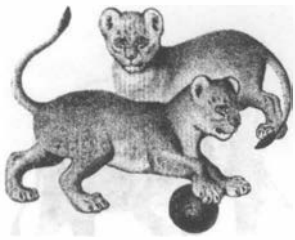
Органы слуха у млекопитающих по большей части совершенны; ухо имеет три полукружных канала и у земных животных — часто очень большую улитку. Зрение не до такой степени преобладает над другими чувствами, как у птиц; всегда парные глаза относительно малы и не обладают внутренней произвольной подвижностью, как глаза птиц. Мигательная перепонка почти у всех сильно недоразвита; веки развиты, часто с ресницами; зрачок круглый или вытянутый вертикально, а иногда продольно. У некоторых млекопитающих, например у слепого крота, глаза покрыты наружной кожей. Мускулы, двигающие глазное яблоко, сложнее и многочисленнее, чем у человека. Вкус гораздо совершеннее, чем у птиц, как можно заключить по мясистому, богатому нервами языку. Язык в высшей степени разнообразен по форме, строению и подвижности; может быть широким и плоским, малоподвижным или длинным и узким, даже червеобразным и вытяжным; иногда со складками по сторонам, иногда усажен роговыми шипами, как язык льва и всех кошек вообще. Под языком иногда находится небольшой придаточный язык.

Кожа млекопитающих чаще всего покрыта волосами, между которыми следует различать ость и подшерсток, шерсть и щетину, однако в качестве покрова тела встречаются чешуи и иглы, роговые щиты и накожные наросты; некоторые места тела покрыты голой кожей. Вообще покровы в высшей степени разнообразны, хотя все они должны рассматриваться лишь как различные формы одного и того же вещества. Такое же разнообразие обнаруживается и в роговых наростах на концах пальцев, которые бывают плоскими и тонкими, округленными и толстыми, пря-

** В последнее время показано, что для сохранения одинакового «интеллектуального уровня» при увеличении размеров тела размер мозга увеличивается пропорционально площади поверхности тела, а не его объему, как полагали раньше; однако и при этом пропорция не вполне строгая.*

** Вполне возможно, что Брем, будучи сторонником эволюционной теории, активно укорявшей в то время в научном мышлении, сознательно вводит в коллективный портрет млекопитающих черты, характерные для городского обывателя того времени и, таким образом, роднящие их с человеком.*

мыми или согнутыми, тупыми или острыми и, смотря по своей форме, называются ногтями, когтями или копытами.

Этих общих замечаний достаточно для нашего поверхностного рассмотрения тела млекопитающих. Тот, кто хочет подробнее ознакомиться с этим, найдет достаточно руководств и учебников, которые могут в понятной форме дать ему больше сведений. Наша цель заключается в том, чтобы познакомить читателя с деятельностью тела и души животных, с жизнью всего животного мира, и эту цель мы будем прежде всего иметь в виду.

Жизнь всех членов этого класса дает нам богатый материал для поучения и развлечения*.

Млекопитающие не так беззаботны, как птицы: они гораздо осмотрительнее и тяжеловеснее, чем пернатые обитатели поднебесья. Им недостает веселой живости и неистощимой жизнерадостности птиц; зато они обнаруживают известную склонность к комфорту и к жажде материальных наслаждений. Но по способности к движению не могут сравняться с птицами. Лишь немногие из млекопитающих любят бесцельные движения взад и вперед ради удовольствия, которые так свойственны птицам. Они имеют более серьезный нрав и избегают бесполезного растрачивания сил. Лишь в детстве и в то время, когда всемогущая любовь снова делает их похожими на детей, они бывают склонны к веселой игре и вполне предаются удовольствию движения. Иное видим мы у птиц. Здесь двигаться — значит жить, и жить — значит двигаться. Птица всегда беспокойна и готова превращать ночь в день, чтобы дать полное удовлетворение своей бесконечной живости. Ее маленькое сердце бьется быстрее, ее кровь скорее движется по сосудам, ее члены кажутся более гибкими и стройными, чем у млекопитающих. Большинство млекопитающих лишь тогда чувствуют себя вполне счастливыми, когда улягутся по возможности удобнее и могут предаться, если не сну, то по крайней мере полудремоте. Лежащая на спине собака, спящая на мягкой подушке кошка и особенно пережевывающий жвачку бык могут служить наглядными примерами моих слов. Подобное «сладкое бездействие» с открытыми глазами встречается между птицами разве что у наевшихся до одурения грифов.

Нельзя, конечно, сказать, что способность к движению у млекопитающих незначительна: они ходят, бегают, прыгают, лазают, летают, плавают и ныряют. Но значительная масса тела, тяжеловесность налагает оковы и быстрота их всегда менее значительна, чем у жителей воздуха. Даже наземные птицы, страус или казуар состязаются в беге с быстроногим конем или проворной антилопой. Если же млекопитающие пытаются подражать пернатым в движении, то беспомощность их тогда особенно ясно выказывается: летучая мышь есть лишь карикатура на птицу.

Млекопитающие ходят на двух или на четырех ногах. Один только человек обладает прямоходящим туловищем. Ни одна

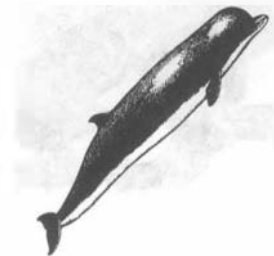
обезьяна не ходит, держась прямо, как человек; кенгуру, которые перемещаются исключительно с помощью задних ног, не ходят, а прыгают, то есть передвигаются одновременным движением обеих задних ног, и тушканчики, которые передвигают ноги поочередно, не ходят прямо. Все остальные земные животные ходят на четырех ногах и при этом передвигают одновременно или почти одновременно правую переднюю и левую заднюю ногу и наоборот. Исключение составляют слон, бегемот, верблюд, жираф и некоторые антилопы: они попеременно передвигают то обе левые, то обе правые ноги. К подобному роду ходьбы, иноходи, могут быть приучены воспитанием и наши домашние однокопытные. Быстрота движения животных так различна, что общая оценка кажется здесь невыполнимой; притом она измерена точно лишь у лошади. На свободной, ровной дороге самые быстрые скаковые лошади делают по несколько километров со средней скоростью около 15 м в секунду. Подобная быстрота редко встречается у млекопитающих на свободе. Но как незначительна эта быстрота в сравнении с быстротой полета птиц! Даже медленная ворона могла бы состязаться с беговой лошадей, почтовый голубь скоро обгоняет ее, так как при коротких полетах перемещается за то же время на расстояние в полтора раза больше. Старые голуби гамбургского общества почтовых голубей «Курьер» пролетали от Парижа до Гамбурга за 13,5 часа, в одну секунду по 15,4 метра расстояние от Франкфурта-на-Одере до Гамбурга за 4,25 часа, по 22,13 метра в секунду! от Лемферде до Гамбурга за 2 часа 38 минут 40 секунд, 22,36 метра в секунду! А если благородный сокол приведет в движение свои мощные, неутомимые крылья для серьезной охоты или стриж — для любовных хороводов, то как ничтожна покажется тогда быстрота благородного коня и даже движение локомотивов, быстрота которых достигает не более 30 метров в секунду, в действительности же некоторые из быстрых поездов проходят на свободном пути лишь от 23 до 29 метров в секунду!

Прыганье млекопитающих происходит весьма различным образом. Все звери, которые передвигаются прыжками, как, например, кенгуру и тушканчики, сообщают своему телу движение вперед быстрым вытягиванием согнутых задних конечностей и делают прыжки вместо шагов. Те, которые прыгают, лишь когда нападают или желают преодолеть препятствие, отталкиваются от земли сильным движением всех четырех ног, хотя при этом главная роль все-таки выпадает на долю задних ног. Хвост определяет и регулирует направление прыжка; поэтому почти у всех прыгунов этот орган хорошо развит, у обезьяны так же, как у тушканчика, у кошки, как у кенгуру. В исключительных случаях, например у некоторых обезьян, роль руля играют вместо хвоста задние конечности. Сила прыжка очень значительна. Обезьяна может достать прыжком ветвь, находящуюся на 5 метров выше

** Интересно, что у некоторых американских обезьян на конце хвоста есть лишенная волос подушечка, напоминающая подушечки пальцев. Однако роль хвоста при лазании этих приматов Бремом явно преувеличена.*

ее; некоторые виды могут делать еще большие прыжки. Белка безопасно прыгает вниз с высоты в 20 и более метров; олень перескакивает через стену в 2,5 метра высотой, лев может перепрыгнуть через стену в 3 метра; серна — через расщелину такой же ширины; антилопа подпрыгивает вверх на высоту, вероятно, около 2 метров. Прыганье кенгуру почти так же быстро, как бег собаки, тушканчика никогда не догонит бегущий человек.

Замечательно и разнообразно лазание млекопитающих. Мы встречаем между теми, вся жизнь которых протекает на деревьях, отличных акробатов и фигляров. Не только четыре ноги, руки или лапы, но так же и хвост, играют при этом деятельную роль. Хвост принимает на себя своеобразную роль, он служит органом прикрепления и привешивания тела. Все обезьяны Старого Света лазают, хватаясь за скалы, сучья и ветви четырьмя руками, причем передние конечности сгибаются, а задние выпрямляются, но движение это возможно и в обратном виде. Совершенно иначе лазают многие обезьяны Америки. Они ленивее, осторожнее и медлительнее, чем их отважные родичи в Старом Свете; поэтому и движения их другие. Конечно, они пользуются при лазании руками, но держатся на ветвях с помощью хвоста. Конец хвоста, снабженный сильными мускулами, так крепко обвивается вокруг какой-нибудь ветви или сучка, что одним этим тело достаточно укрепляется и животное получает возможность свободно пользоваться всеми четырьмя конечностями. Этот хвост протягивается вперед, чтобы найти точку опоры, по нему обезьяна вскарабкивается вверх, как по крепко привязанной веревке*.

Гораздо более неуклюже лазают ленивцы. Их ноги, правда, снабжены сильными когтями, но они употребляют их не столько для того, чтобы цепляться за кору, сколько для обхватывания ветвей и сучьев. Движение по скалам и по крутым склонам гор составляет особый вид лазания, который далеко не безопасен.

Впрочем, и в лазании птицы едва ли уступят млекопитающим. Белка, конечно, скачет вверх по стволу быстрее, чем дятел, но никоим образом не может так же ловко и изящно спускаться по стволу вниз головой, как поползень, с которым могут состязаться в этом отношении лишь ящерицы. Обезьяны, кошки, белки и некоторые куницеобразные спускаются, правда, таким же образом; но они при этом не лазают, а скользят и, начав движение, не могут удержаться на одном месте, если этому не помогут особые благоприятные обстоятельства.

Порхание млекопитающих, которое часто неправильно называли «летанием», представляет нам другой род движения, свойственный этому классу. Конечно, и в нем можно заметить некоторую грацию, как и при других движениях, но оно всегда остается только в зачатке и никогда не достигает законченности. У летяг и летучих сумчатых мы видим начало этого искусства. Они пользуются кожей, натянутой между их лапами лишь в качестве

парашюта, когда хотят спрыгнуть с высоты вниз; подняться на воздух с помощью движения этой кожи они не в состоянии. Точно так же не способны на большее и маки. Одни только настоящие летучие мыши обладают способностью двигаться в воздухе с помощью летательной перепонки, которая натянута между их конечностями, и особенно между непомерно удлиненными пальцами. Это происходит так: они ударяют по воздуху растянутой летательной перепонкой и таким образом поднимаются и передвигаются вперед. По-видимому, их так называемое летание происходит очень легко. Они делают такие быстрые и крутые повороты, что только хороший стрелок может попасть в них влет, быстро проскальзывают порхающим движением на некоторое расстояние вперед, поднимаются и опускаются ловко и быстро. Хотя поверхность органа летания млекопитающего при взмахе несколько и уменьшается, но сопротивление все же остается ощутительным и снова толкает животное несколько вниз; взмах крыла вниз поднимает летучую мышь, а взмах вверх опускает ее вниз: поэтому она порхает, а не летает*.

Совершенно иное представляет собой полет птицы! Это самое совершенное и самое величественное из всех движений. И какое в нем разнообразие! Иногда полет имеет вид спокойного парения, иногда он происходит с быстротой стрелы; птица на лету то тихо колыхается, то сильно качается, то играет, то незаметно скользит по воздуху; вдруг устремляется вперед по прямой линии и беззаботно порхает. Иногда полет имеет вид торопливого путешествия, иногда увеселительной прогулки; случается, что крылья с шумом пересекают воздух, бывает, что не слышно никакого звука, даже самого тихого. Для полета иногда нужны сильные удары крыльев, иногда крылья вовсе не двигаются. Птица то поднимается на высоту, о которой человек может только грезить, то приближается к воде так близко, что волны смачивают крылья пеной. Полет может быть бесконечно разнообразен, но всегда он остается своеобразным и не может быть назван иначе, как полетом. Только органы летания птиц называем мы крыльями**;

крыльями наделяет мысль художника душу, свободную от земных оков; летательная кожа летучей мыши, напротив того, присваивается дьяволу. Конечно, ночной образ жизни летучих мышей дал первый повод к вышеназванному уподоблению, но он, во всяком случае, очень характерен. Несомненна истина: только птица есть существо, свободное от земли; млекопитающее, даже с крыльями, остается привязанным к праху.

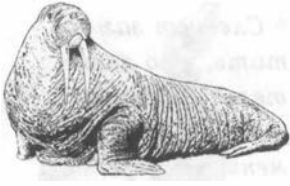
Многим млекопитающим дарована способность жить в воде, плавать и нырять в глубину. Лишь очень немногие млекопитающие не могут держаться на поверхности воды; сюда относятся некоторые обезьяны, например человекообразные и павианы, которые могут утонуть, упавши в воду; это я знаю из опыта. Все остальные млекопитающие тонут, по крайней мере не сразу. Мар-

Общий взгляд на жизнь животных

** Следует заметить, что летательный аппарат рукокрылых, по меньшей мере, не уступает в совершенстве птичьему. Полет рукокрылых более маневрен, чем в среднем у птиц. Однако такая конструкция крыла накладывает, по-видимому, большие, чем у птиц, размерные ограничения. Поэтому, видимо, рукокрылые не достигли такого разнообразия, как птицы.*

*** Как уже отмечалось, полет летучих мышей ни в коей мере не уступает полету птиц. Передние конечности летучих мышей, с помощью которых полет и осуществляется, мы с полным правом можем назвать крыльями так же, как и крылья птиц и ископаемых птерозавров.*

тышки плавают и ныряют превосходно, летучие мыши долго держатся на волнах; хищные, грызуны, почти все копытные плавают хорошо; один вид сумчатых живет исключительно в воде, а остальные, вероятно, тоже плавают порядочно. Но настоящими водными млекопитающими следует считать лишь китообразных, морских коров, тюленей.

Интересно и вместе с тем поучительно рассмотреть органы движения, с помощью которых животные осуществляют плавание. Мы можем для этого взглянуть сначала на случайных пловцов. Нога, снабженная копытами, — наиболее несовершенный орган для плавания, но между копытными мы встретим отличных пловцов, а бегемот — настоящее водяное животное. Рука в этом отношении стоит выше копыта, но требует для плавания, как и для других движений, известную долю искусства. Гораздо легче движение в воде для животных, имеющих лапы. Часто встречающееся соединение пальцев между собой посредством перепонки превращает лапу в более широкое весло, и весло это тем совершеннее, чем шире кожа между пальцами. Впрочем, перепонка не является непременным условием искусного плавания, ибо водяная землеройка плавает, несомненно, так же хорошо, как и утконос, хотя у нее вместо широкой утиной ноги только пальцы, окаймленные жесткими волосками.

Тюлени стоят посередине между животными, снабженными лапами, и настоящими «рыбообразными» млекопитающими. В действительности их лапы — это уже плавники, ибо пальцы покрыты кожей, соединяющей их, и только когти остаются видными снаружи. У китов нет и этого признака; пальцы тесно и неподвижно связаны между собой посредством хрящей ткани, лишь ласт остается подвижным; задние конечности отсутствуют, а хвост расширяется горизонтально в настоящий плавник: таким образом, кит являет нечто среднее между млекопитающим и рыбой. Такие различия в форме и в расположении органов движения изменяют и способы плавания. Копытные и животные, имеющие лапы, плавая, ударяют ими вниз, как бы ходят в воде и таким образом подвигаются вперед; ластоногие и рыбообразные передвигаются, пользуясь ластами как веслами, т. е. заносят их сквозь воду тонким краем вперед и затем ударяют по воде широкой стороной или же сильно двигают хвостовым плавником в стороны, вверх и вниз, подобно тому, как лодочник передвигает свое судно по волнам одним веслом, укрепляя его на корме и делая им движение то вправо, то влево, но всегда широкой стороной весла. Животные, имеющие лапы с плавательными перепонками, складывают их, передвигаясь вперед, и расширяют при обратном движении: они гребут, как птицы.

По наблюдениям китобоев, быстрота плавания китов может почти соперничать с быстротой бега некоторых животных; ибо раненый северный кит, по Скоресби, погружается так быстро, что

если бы он мог продолжать это движение с той же скоростью, то прошел бы в час расстояние в 12 морских миль, или более 22 километров, это около 6 метров в 1 секунду. Большие киты разных видов проплывают, по Пехуель-Леше, расстояния в 6—10 километров, а полным ходом — 18—25 километров в час, что составляет до 7 метров в секунду. А дельфины, карлики среди китов, часто передвигаются еще быстрее, ибо они плавают стадами, весело играя и прыгая вокруг быстроходного парохода.

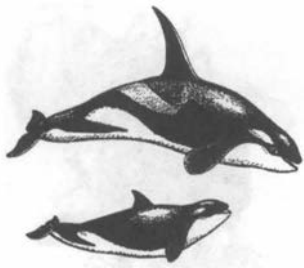
Рефлекторные движения внутренних органов у млекопитающих медленнее, чем у птиц. Сердце бьется медленнее и обмен воздуха в легких происходит не так часто, как у птиц такой же величины. Соответственно этому и температура крови приблизительно на 2 градуса ниже. Для водяных животных эта относительная медлительность процессов дыхания и кровообращения представляет большие выгоды; она позволяет им дольше оставаться под водой, чем птицам. Раненый северный кит, по словам Скоресби, может оставаться под водой до 40 минут, прежде чем потребность в дыхании выгонит его наверх. Кашалоты, которые, по наблюдениям Пехуель-Леше, ныряют глубже других видов китообразных, остаются под водой от 20 до 40 минут, а если они испуганы или ранены гарпуном, то даже вдвое больше. Ни одна птица не может выдержать такого продолжительного пребывания под водой. По крайней мере я замечал, что чистики уже через 3 минуты после ныряния снова показывались на поверхности воды, чтобы набрать в легкие воздух. Говорят, правда, самец гаги может оставаться под водой до 7 минут; но я никогда не наблюдал этого. Во всяком случае, можно считать твердо установленным, что все птицы, которые пробыли под водой более 4 минут, поднимаются очень утомленными и мгновенно задыхаются, если их удержать под водой еще некоторое время. Пехуель-Леше говорит, что бегемоты в спокойном состоянии остаются под водой около 2—3 минут, а преследуемые или раненые — самое большое 7—8 минут. В виде справки следует сообщить, что человек может оставаться под водой не более 70 секунд*. Эти данные основываются на наблюдениях, сделанных английскими учеными над водами на время ловли жемчуга на Цейлоне.

Совершенно своеобразна и вместе с тем поразительна замедленность дыхания некоторых млекопитающих во время зимней спячки. Так, сурок, который, по наблюдениям Мангили, летом во время бодрствования в течение двух дней дышит 72 000 раз, а во время зимнего сна в течение шести месяцев он дышит лишь 71 000 раз и, следовательно, потребляет в это время одну девяностую часть того количества воздуха, которое потребно для его жизни во время бодрствования.

Голос животного находится в тесной связи с органами дыхания. Если мы и в этом отношении станем сравнивать млекопитающих с птицами, то нам тотчас бросится в глаза незначитель-

** Как теперь известно, при определенной тренировке человек может находиться под водой до трех, трех с половиной минут, уступая таким образом только тюленям и некоторым китообразным.*

ная сила и малое разнообразие голосов почти всех млекопитающих. Человек — единственное млекопитающее, обладающее более совершенным голосом, чем птицы; его голос стоит так высоко над голосами всех птиц и других животных, что признак этот считали одним из главных при выделении человека в отдельный класс. Членораздельная речь является, конечно, необыкновенно большим преимуществом человека и в значительной мере подтверждает вышеприведенное мнение. Он один может петь лучше самых голосистых птиц и своим голосом не оскорбляет нежный слух, как большинство млекопитающих. Люди, которые резко кричат во время гнева или стрекочут как сороки во время болтовни, составляют исключение, и для характеристики этого голоса мы обыкновенно и сравниваем их с животными. Все прочие млекопитающие должны считаться созданиями, лишенными звучного голоса и способности пения, существами, чуждыми царству звуков, и очень часто даже оскорбляющими ухо человека безобразием своего голоса.

О пищеварении и отпращивании кишечного канала мы не будем много говорить. Пищеварение у млекопитающих совершается очень хорошо, но все-таки не так быстро, как у птиц, а у животных, впадающих в зимнюю спячку, может прерываться на целые месяцы.

Пока мы занимались чисто телесной деятельностью млекопитающих, мы должны были признавать, что птицы обладают во многом большими преимуществами по сравнению с млекопитающими животными. Иначе представляется дело, если станем рассматривать душевные способности животных. Органы чувств у рыб, пресмыкающихся и земноводных развиты очень ничтожно и даже у птиц довольно ограниченно; напротив, в классе млекопитающих внешние чувства достигают самой высокой степени развития. В этом отношении они стоят гораздо выше птиц. У птиц хорошо развито только зрение, у млекопитающих — все внешние чувства. Птицы видят лучше, чем млекопитающие, так как их большой глаз благодаря внутренней подвижности отлично может приспособляться к различным расстояниям; но по развитию и деятельности других чувств они стоят далеко позади млекопитающих. У всех млекопитающих более или менее обнаруживается та всесторонность в развитии, которая в человеке достигает полного проявления, и потому млекопитающие по всей справедливости стоят во главе всего животного царства.

Осязание можно считать тем чувством, которое наименее бросается в глаза, а между тем как хорошо развито осязание у млекопитающих! Огромный кит от незначительного прикосновения к его коже немедленно ныряет; слон тотчас же замечает муху, которая садится на его толстую кожу; быку легкое царапанье между рогами причиняет чувство приятного щекотания; спящую собаку пробуждает самое тихое поглаживание. Правда, у млеко-

питающих осязание оказывается более слабым, чем у человека, можно сказать, по сравнению с ним они лишены этого чувства*.

У человека кожа обладает таким тонким осязанием, что чувствует даже легчайшее движение воздуха. Но все-таки осязание у животных развито. Осязательная способность гораздо больше в усах; снабженные ими животные осязают почти так же хорошо, как насекомые. Наша домашняя кошка, крыса и мышь очень наглядно показывают, как полезны им усы: кажется, что они лишь обнюхивают предмет; на самом деле они его ощупывают усами, а уже потом распознают посредством обоняния. У всех ночных млекопитающих усы играют очень важную роль при ночных скитаниях, они заменяют во многих отношениях более благородные чувства — зрение и обоняние. Но какого совершенства может достигать чувство осязания знает всякий из моих читателей по своей собственной руке, достигающей высшего совершенства у художника или слепого. Рука — самый совершенный из органов осязания; она если не заменяет вполне зрение, то все-таки во многих случаях успешно играет его роль.

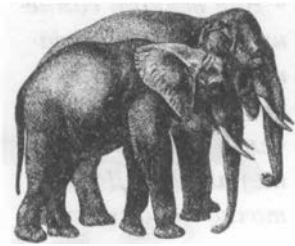
Чувство вкуса существует, строго говоря, в настоящем своем виде только у млекопитающих. Конечно, в слабой степени оно существует и у птиц, и у остальных позвоночных, так как один род пищи они предпочитают другому. Однако это чувство лишь у немногих птиц, например у попугаев и пластинчатоклювых, получает отдельный орган — язык, который позволяет различать вкус благодаря своей эластичности, допускающей деятельность нервов; между тем, у значительного большинства жвачных язык является настолько отверделым и недоразвитым, что совершенно не может способствовать процессу восприятия вкусовых ощущений. Иное находим мы у других млекопитающих. Здесь способность языка различать вкус замечается постоянно. Но и по отношению к вкусу человек ясно обнаруживает свое высокое развитие: довольно часто встречаются люди, которым это чувство доставляет не только приятные ощущения, но и заменяет многие душевные удовольствия, а для настоящего обжоры вся жизнь сосредоточивается в ощущении вкуса.

Чувство обоняния достигает у млекопитающих также высокой степени развития. Сравнительный обзор различных классов животных учит нас, что уже у низших животных обоняние — одно из наиболее выраженных чувств: я напому лишь насекомых, которые роями слетаются на запах цветов или издали примааниваются к падали и кучам навоза, а также на большом расстоянии различают своеобразный запах своих самок. У пресмыкающихся и земноводных, напротив, обоняние так плохо, что они не в состоянии отыскать что-либо с помощью него, хотя некоторые наблюдатели и утверждают, что змеи находят своих самок с помощью этого чувства. Между птицами мы находим многих, которые обладают хорошим чутьем, хотя рассказы, будто грифы

Общий взгляд на жизнь животных

** Вне всякого сомнения, чувство осязания у человека развито не сильнее, чем у других млекопитающих. Достаточно вспомнить, что некоторые звери способны охотиться в полной темноте (карликовый тушканчик) или в мутной непрозрачной воде (выхухоль), руководствуясь в основном этим чувством. Брем стоит на антропоцентрической позиции, распространенной в науке в его время, в этом и многих других случаях противопоставляя человека остальным животным.*

и вороны чувствуют пададь и другие пахучие вещества на расстоянии нескольких миль, вероятно, основаны на ошибочных и недостаточных наблюдениях. В этих случаях они руководятся зрением. Иначе обстоит дело у млекопитающих. Здесь много животных, у которых обоняние достигло поистине изумительного развития. Собака чутьем безошибочно различает среди тысячи человеческих следов следы своего господина, оставленные несколько часов тому назад; или следует за дичью по ее запаху, причем запах этот она отличает от сотни других. Хотя запах не может быть сильным, он происходит от газа, выделившегося от мгновенного прикосновения сапога хозяина или ноги животного к почве. Ясно представить себе эту степень чутья собаки просто невозможно!

Также немислимо для нас то развитие обоняния, которое мы называем «верхним чутьем». Заяц чует спрятавшегося охотника, стоящего с наветренной стороны на расстоянии 30 шагов. Это не кажется нам таким удивительным, потому что даже наши носы, довольно сильно притупленные воздухом комнат и всевозможными сильными ароматами, могут различать своеобразные запахи домашних животных за 10—12 шагов, а запах кабана — на более значительном расстоянии. Но каким образом северный олень чует человека даже на расстоянии 500 шагов, это непостижимо, и я не поверил бы этому, если бы не знал этого из собственного опыта. Африканский слон чует следы человека, оставленные за несколько часов в открытой местности в степи, заросшей кустарником. Нижнее и верхнее чутье для нас одинаково удивительны, потому что мы сами не можем даже приблизительно достигнуть ни той, ни другой высоты развития обоняния. Замечательно, что все животные, обладающие хорошим верхним или нижним чутьем, имеют влажные носы.

В заключение я считаю нужным привести тот факт, что благоухания, приятно щекочущие малочувствительные носы, для всех животных с тонким обонянием оказываются неприятными: собака с таким же отвращением отворачивается от одеколона, как и от сероводородного газа. Лишь животные с плохим обонянием любят сильные запахи и приходят в неистовство от них, как кошка от валерианы; животные с хорошим чутьем тщательно избегают всех газов, возбуждающих нервы, даже боятся их, так как сильные запахи причиняют им боль, что, впрочем, случается и с людьми, стоящими на низшей ступени образования, так называемыми дикарями.

Чувство слуха достигает у млекопитающих такого развития, как ни в каком другом классе животных. Самое совершенное ухо птицы всегда стоит гораздо ниже, чем ухо млекопитающего. Птицы отлично слышат, это уже вытекает из их музыкальных дарований: они развлекают и одушевляют друг друга своими прекрасными песнями, и ухо их довольно чутко ко всяким

звукам. Но замечательно, что лучшие певуны обладают наименее развитым ухом, между тем, для птиц с тонким слухом, каковы, например, все совы, пение певчих птиц кажется очень неприятным. Почти то же замечается и у млекопитающих. Здесь наружное, а еще более внутреннее строение уха показывает степень совершенства слуха; но эта способность может сделаться столь тонкой, что звуки, кажущиеся благозвучными более тупым или привычным ушам, становятся для чуткого животного резкими и неприятными. У человека чувство слуха, как и чувство обоняния, развито хуже, чем у млекопитающих; но это нисколько не вредит его положению среди природы: равномерное развитие всех чувств значительно возвышает его над всеми животными.

Впрочем, о действительной остроте слуха у млекопитающих нельзя сказать ничего определенного. Мы в состоянии только говорить об относительной остроте чувства, высота его развития не допускает измерения. Несомненно, очень многие млекопитающие слышат шумы, которые мы не в состоянии различать; но насколько это простирается, не знаем. Достоверно известно, что кошка и сова слышат шум, производимый бегущей мышью, но мы не в состоянии определить, на каком расстоянии они могут отличать тихие шаги от шороха ветра. Ушан слышит, вероятно, шум от полета маленьких бабочек, о движении которых мы не в состоянии составить какое-нибудь понятие с помощью слуха; степная лисица слышит, может быть, даже ползание жука по песку на порядочном расстоянии; олень улавливает шум шагов охотника на расстоянии 75, а может быть, и 150 метров, но все эти данные недостаточно определены и не дают нам основания для точного измерения.

Зрения у млекопитающих никогда не достигает такой остроты, как обоняние и слух. Относительно зрения все млекопитающие стоят ниже птиц, это я уже упоминал, но до какой степени — трудно сказать. Известно, что млекопитающие даже вблизи нескоро узнают присутствие врага, особенно, если он не движется. Можно с некоторой достоверностью сказать, что из дневных млекопитающих едва ли какое-нибудь превосходит человека по развитию глаз и остроте зрения; по крайней мере, я не знаю наблюдений, которые противоречили бы этому. Иначе у ночных животных, они обладают или очень развитыми, или недоразвитыми глазами. Настоящие хищники, бесспорно, имеют самое острое зрение; их глаза так восприимчивы к действию света, что обыкновенный дневной свет становится для многих крайне неприятным. Глаз хищного животного обладает значительной внутренней подвижностью, но подвижность эта не зависит от воли, как у птиц, а произвольна и стоит в точном соответствии с большей или меньшей яркостью света. Наша домашняя кошка ясно показывает, как действует свет на ее глаз: днем глаз так закрывается, что зрачок превращается в тонкую линию, между тем, по мере

наступления темноты зрачок расширяется. Кошка подтверждает таким образом мнение, что только не особенно хорошо развитый орган может выносить более сильные раздражения. Можно считать правилом, что все млекопитающие с круглым зрачком — дневные животные или обладают днем и ночью приблизительно одинаково острым зрением, между тем как животные, зрачок которых щелеобразен, могут проявлять полную остроту зрения лишь с наступлением сумерек.

Замечательным кажется встречающееся у млекопитающих недоразвитие глаз, которое может обуславливать полную слепоту, как у слепыша. За этим исключением глаза существуют, насколько известно до сих пор, у всех млекопитающих: наш крот, которого довольно часто смешивали с его слепым собратом, обладает глазами, способными к зрению.

Глаз млекопитающих мы должны рассматривать еще с одной точки зрения: как орган, указывающий на душевное состояние животного. У низших классов он не обладает выражением и не может являться зеркалом души. Мы находим, правда, коварными глаза змеи, злобными — глаза крокодила, у некоторых птиц считаем глаза кроткими, у других строгими, серьезными, мужественными; но только, за немногими исключениями, мы вкладываем в эти выражения собственные наши впечатления. Лишь живой глаз сокола или орла говорит нам об их внутреннем мире. У млекопитающих глаза всегда имеют особое выражение. Здесь мы действительно можем говорить о «выражении лица», а в нем глаза принимают самое большое участие. Поэтому эпитеты: «тупой глаз коровы», «прекрасный глаз жирафы», «кроткий глаз газели», «преданный взгляд собаки», «глупый взор овцы» — совершенно верны, так как у всех этих животных глаза действительно служат верным зеркалом души. Душевные состояния животного выражаются глазами, они заменяют отсутствующую речь. Боль и удовольствие, огорчение и веселье, страх и легкомыслие, забота и радостное настроение, ненависть и любовь, отвращение и доброжелательность находят в глазах немого, но красноречивого зрителя: душа проявляется тут внешним образом.

От внешнего зеркала души перейдем теперь к рассмотрению душевных проявлений у животных. Нам очень трудно наблюдать душевные проявления животных, потому что при этом мы невольно приписываем им свои собственные душевные способности.

Млекопитающие обладают памятью, некоторой долей рассудительности. Они способны различать предметы, имеют представления о времени, месте, о цвете и звуках; узнают ранее виденное, наблюдают и, в известной степени, даже рассуждают. Млекопитающие пользуются приобретенным опытом; узнают опасность и придумывают средства, чтобы избежать его; у них есть симпатии и антипатии к известным лицам и предметам, замечается в силь-

ной степени любовь к детенышам и любовь самцов и самок друг к другу, а зачастую — расположение к дружбе, ненависть к врагам и противникам. У этих животных иногда можно наблюдать проявления благодарности, верности, почтения к одним и пренебрежение к другим, радость и печаль, гнев и кротость, хитрость и понятливость. Умное животное рассчитывает, обдумывает, взвешивает, прежде чем действовать; в возбужденном состоянии оно иногда сознательно рискует свободой и жизнью. У животных этих можно подчас заметить готовность жертвовать собой для общего блага, заботу о больных, поддержку слабых. Случается, что млекопитающие делятся с голодными пищей. Они умеют преодолевать желания и страсти и учатся владеть собой, а следовательно, выказывают свободу и силу воли. Они в течение многих лет помнят прошедшее и думают о будущем, собирают и хранят запасы пищи для последующего времени. Различные эти душевные способности определяют характер животного. Млекопитающие могут быть мужественными или боязливыми, храбрыми или трусливыми, отважными или пугливыми, честными или склонными к воровству, иметь открытый или хитрый характер, могут быть прямодушными или коварными, гордыми или скромными, доверчивыми или недоверчивыми, послушными или упрямыми, услужливыми или властолюбивыми, миролюбивыми или задиристыми, веселыми или печальными, склонными к забавам или угрюмыми, общительными или необщительными, дружелюбными к другим или враждебно настроенными против всего света и прочее, и прочее.

Область распространения млекопитающих очень обширна, она простирается на все моря, материки и значительные острова земного шара. Лишь острова, лежащие в открытом море, которые никогда не стояли в связи с материком, не имеют свойственных им млекопитающих. Однако круг распространения отдельных видов млекопитающих ограничен. Лишь море доставляет своим обитателям большую свободу движения и перемены места, но все же не в такой степени, как воздух птицам.

На материках круг распространения млекопитающих гораздо более тесный, чем в море. Многие виды имеют весьма маленькое отечество. Все страны Земли по отношению к населяющим их животным поделены на известные области, и эти области названы зоогеографическими. Каждая из зоогеографических областей имеет своих, одной ей свойственных животных.

Число всех известных видов млекопитающих достигает более двух тысяч*. Из этого числа около 150 видов принадлежат Европе (до 60 — исключительно ей); около 240 живут в Африке, 350 — в Азии, 400 — в Америке и до 140 — в Австралии.

Телесные и душевные дарования определяют образ жизни млекопитающего на данной ему родине. Каждый живет соответственно своей организации и пользуется теми органами, которыми располагает. Млекопитающие более привязаны к определен-

** Сейчас ученым известно около 4 тысяч млекопитающих. Наиболее разнообразны грызуны (более 1500 видов), рукокрылые (около 900 видов) и насекомоядные (около 400 видов). В Европе (не считая Кавказа) живет около 210—220 видов млекопитающих.*

ной местности, чем подвижные птицы, но зато они умеют лучше и многостороннее пользоваться этой местностью.

Млекопитающие представляют в основном обитателей суши, в воде мы находим лишь менее развитые, неуклюжие и массивные формы; на суше, напротив того, наиболее развитые и благородные. Величайшие земные млекопитающие — карлики по сравнению с китами.

Можно сказать, что образ жизни животного зависит от величины и строения его тела. Понятно, что рыбообразные или ластоногие млекопитающие плавают, а животные с органами, служащими для порхания, летают; понятно и то, что обезьяна, белка и кошка лазают, крот роет, а многие однокопытные жвачные бегают по земле. Но образ жизни зависит еще и от местопребывания животного.

В этом отношении можно сказать следующее: обезьяны Старого Света живут на деревьях и скалах, обезьяны Нового Света и полуобезьяны — исключительно на деревьях; летучие мыши носятся по воздуху, а спят на деревьях, в дуплах, в расщелинах скал и стен; насекомоядные живут по большей части на земле, некоторые под землей или на деревьях. Хищники обитают в воде, на земле, на деревьях и скалах, лишь немногие из них ведут подземный образ жизни. Сумчатые живут на земле, в воде, в норах и на деревьях; грызуны есть всюду, кроме моря, но большей частью они живут в норах; неполнозубые обитают на земле, в норах и на деревьях; копытные — на земле, некоторые — в болотах и даже в воде; ластоногие и киты — обитатели воды.

Каждому наблюдателю должно броситься в глаза, что местожительство животного легко узнается по его внешности. Связь между местом жительства и млекопитающим обнаруживается нередко в характерных для каждого животного внешних признаках, а особенно очень резко и определенно в его окраске. Можно считать общим правилом, что млекопитающие обладают окраской, которая более или менее соответствует преобладающей окраске его местообитания. Чрезвычайная выгода, которую животное из этого извлекает, становится ясной, если мы подумаем о том, что хищное животное должно по возможности незаметно подкрадываться к своей добыче, а слабое животное должно по возможности лучше прятаться от хищника. Одноцветная окраска указывает на замкнутое, определенное местопребывание животного: чисто-желтые животные — всегда жители пустыни, чисто-белые, почти без исключения, — снежные животные. Но все же многие млекопитающие ежегодно меняют свою одежду.

Наши северные млекопитающие линяют все без исключения и, в сущности, однообразным способом. Когда прошло холодное время года и весна действительно наступила, то разрыхляются корни волос меха, который животное носило до этого времени,

и выпадает ость и подшерсток. Одновременно с этим начинают расти новые волосы ости, довольно быстро вырастают и проникают сквозь войлокообразную ткань старого сброшенного меха, который, если он был обилён, еще значительное время остается висеть на теле, в виде клочковатых кусков, и лишь постепенно выпарапывается, стирается и сдувается; скоро после того начинают подрастать волосы подшерстка, развитие которого происходит в более позднее время года. Поэтому летняя одежда млекопитающих, живущих на крайнем севере и в высоких горах, состоит преимущественно из волос ости, между тем как в зимней одежде преобладают волосы подшерстка, а волосы ости с началом холодного времени года и вовсе выпадают.

Громадное большинство млекопитающих — общественные животные, поэтому они собираются вместе с представителями своего вида и с животными, ведущими одинаковый с ними образ жизни, в малые и большие стада. Никогда эти стада не бывают так многочисленны, как стаи птиц, которые достигают, как известно, громадного числа, иногда до миллиона. У млекопитающих лишь при известных обстоятельствах встречаются общества из нескольких тысяч единиц*. Еще более их объединяет нужда: перед огненной линией горящей степи даже явные враги отступают вместе. В больших стадах наиболее сильное и умное животное получает первенство и добивается безусловного послушания. Среди жвачных чести этой удостаиваются старые, бездетные самки; у других животных, например у обезьян, вожаками становятся самцы, и притом лишь после упорной битвы между соперниками, из которой вожак выходит победителем, внушая всеобщий страх: здесь дело решает грубая сила, там — опытность или добрая воля. Избранный или по крайней мере признанный вожак берет на себя заботу о безопасности всего стада и защищает слабых членов его иногда с самопожертвованием. Некоторые млекопитающие живут отшельниками. Старые угрюмые и злые самцы обыкновенно изгоняются из стада и оттого делаются еще более угрюмыми, а иногда и бешеными. Но есть млекопитающие, которые ведут отшельническую жизнь и с каждым встречным пришельцем тотчас начинают жаркую битву. При этом нередко случается, что победитель съедает побежденного; как известно, и у некоторых племен людей встречается это ужасное явление.

Большая часть млекопитающих бодрствует днем и спит ночью; однако почти во всех отрядах существуют дневные и ночные животные. Некоторые виды не имеют определенного времени для сна, а отдыхают и бодрствуют, как им вздумается: таковы морские животные или звери далекого севера. Среди обезьян существуют несколько видов, ведущих ночную жизнь; летучие мыши, напротив, спят почти весь день, и лишь немногие появляются из своих убежищ, пока солнце еще на небе; среди насекомоядных и плотоядных, грызунов, копытных и жвачных есть очень много

** Незадолго до выхода работ Брема, в начале—середине XIX века, на равнинах Африки и Северной Америки паслись стада копытных, насчитывавшие сотни тысяч, а, возможно, и миллионы особей. Однако безжалостная охота европейцев очень быстро уничтожила эти скопления и даже привела к полному исчезновению некоторых видов зверей. В настоящее время самые большие скопления млекопитающих (не считая человека) образуют летучие мыши. В Бракенских пещерах на юге США живет колония небольших летучих мышей — бразильских складчатогубов (*Tadarida brasiliensis*) численностью более 8 миллионов особей.*

ночных животных, причем некоторые беззащитные виды стали таковыми лишь из страха перед преследованием. Сильные и быстродвигающиеся животные, а также живущие на деревьях — большей частью дневные, так как менее опасаются преследований. Было бы, однако, слишком смело утверждать, что все ночные животные трусливее, слабее, глупее и неповоротливее дневных, ибо стоит только подумать о кошках, куницах, оленях и других, которые бодрствуют и днем, и ночью, чтобы убедиться в противоположном. За общее правило, однако, можно принять, что более беззащитные животные, для которых их местожительство не предоставляет достаточной охраны, — чаще всего деятельны по ночам.

Во время бодрствования большая часть млекопитающих занимается исключительно отыскиванием пищи. Эта пища может быть в высшей степени разнообразной. Известно, что все млекопитающие или растительноядные, или хищники, пожирающие других животных. Животные, питающиеся растительной пищей, едят или целые растения, например: траву, репейники, мох, лишайники, или отдельные части растений: цветы, листья, плоды, зерна, семена, орехи, ветви, сучья, шипы и кору. Хищные животные питаются другими млекопитающими, а также птицами, пресмыкающимися, земноводными, рыбами, насекомыми, раками, червями и мягкотелыми; одни едят добычу, умерщвленную ими самими, другие любят падаль; иные не щадят даже себе подобных животных.

Млекопитающие едят много, однако относительно веса менее, чем птицы. Это полностью согласуется с их не такой значительной живостью. После еды они ищут покоя и при этом впадают или в полудремоту, или в настоящий сон. Лишь немногие обнаруживают склонность к играм и бесполезному движению; правда, детеныши умеют своей веселостью расшевелить снисходительных стариков. При хорошей и обильной пище шерсть млекопитающих становится гладкой и лоснящейся, и в клетчатке, и около органов, лежащих в полости тела, отлагается много жира, который служит для поддержания жизни во время голодания. У некоторых растительноядных и насекомоядных животных пища в течение зимы совершенно иссыкает. Неспособные к переселению в более теплые и более богатые страны, они неизбежно погибнут бы, если бы природа не позаботилась о них весьма замечательным образом. Эти млекопитающие являются настоящими детьми природы, которая охраняет их; в течение долгого времени они не нуждаются в пище извне, а медленно расходуют, впадая в сон, сходный со смертью, накопленный ими жир, т. е. погружаются в зимнюю спячку.

Когда осень почти оканчивается и наступает зима, животные удаляются в свои искусственные, очень теплые убежища, свертываются и скоро впадают в похожее на сон оцепенение. Биение сердца замедляется, и дыхание соответственно этому не-

быкновенно ослабляется или прерывается; теплота тела уменьшается; члены становятся негибкими и холодными; желудок и кишечник опорожняются и сжимаются; тело теряет чувствительность. Но только мелкие млекопитающие впадают в настоящую зимнюю спячку; более крупные, такие как медведь, спят по временам, хотя и целыми днями, а вероятно, даже и неделями, но в течение зимы все-таки принимают пищу, но в небольшом количестве.

Некоторые млекопитающие зимой предпринимают путешествия, чтобы улучшить свое положение; однако среди них не бывает, как у птиц, настоящих переселений*.

Случается, правда, что они оставляют одну страну и перебираются в другую; но путь, проходимый ими, никогда не бывает так длинен, чтобы его можно было сравнивать с перелетом птиц. Мучимые недостатком пищи лемминги, эти живые и привлекательные обитатели северных гор и равнин, собираются вместе большими массами и странствуют сообща, спускаются с возвышенностей и пытаются даже проложить путь через морские рукава, но при этом почти непременно гибнут. Южноафриканские антилопы, северные олени и бизоны, тюлени и киты приступают по той же причине к еще более отдаленным странствованиям; даже некоторые летучие мыши делают ограниченные перелеты; но все эти путешествия стоят бесконечно позади перелетов птиц.

Жизнь млекопитающих гораздо однообразнее, чем жизнь подвижных обитателей воздуха. Лишь виды, отличающиеся большим развитием умственных способностей, стараются внести в это однообразие некоторые перемены, поддерживая каким-нибудь образом сношения друг с другом; у менее развитых день разделяется между едой и сном, сном и едой. Время течки всегда несколько изменяет образ жизни. У большей части млекопитающих этот период связан с известной частью года: или с весной, или с осенью, иногда и с зимой, смотря по длительности беременности у животного. Детеныши рождаются чаще всего весной, которая предоставляет для новорожденных и для кормящих самок более обильную пищу. В период течки млекопитающие становятся совершенно иными, чем в другое время: самцы, которые ранее не обращают внимания на самок, собираются около них и вызывают большое возбуждение, душевное и телесное. Вместе с влечением к самкам растет ревность и ненависть к соперникам: жаркие битвы завязываются между ними, и эти битвы сопровождаются громким криком; даже в душе самого боязливого млекопитающего возбуждаются мужество и жажда боя. Заяц, который олицетворяет трусость, дерется в это время с таким же остервенением, как и лев, хотя и дает своему сопернику лишь сильные оплеухи передними лапами; пугливый олень становится смелым и даже опасным для человека; быки обнаруживают невыразимое бешенство; хищники же кажутся более кротко настроенными.

** Некоторые копытные, например голубые гну (Connochaetes taurinus) в Африке, совершают сезонные миграции в несколько сот километров. Настоящие миграции совершают и некоторые летучие мыши, выкармливающие детенышей в области умеренного климата, а к зиме улетающие на 1500—2000 километров к югу. Примером таких рукокрылых могут служить вечерницы (Nyctalus) и нетопыри (Pipistrellus) в Восточной Европе и волосатохвосты (Lasiurus) в Северной Америке.*

ми по отношению ко всем посторонним существам, чем прежде: их занимает преимущественно любовь.

Большей частью достаточно однократного совокупления во время течки, чтобы оплодотворить все яички, необходимые для одного помета, хотя число детенышей может колебаться в весьма значительных пределах. Более 24 детенышей сразу не рождает ни одно млекопитающее, уже 14 или 16 редко появляются на свет одновременно. Все большие млекопитающие рожают детенышей в меньшем числе и реже, чем мелкие. У крупных животных беременность продолжается более шести месяцев, они рожают на свет чаще всего одного детеныша; у мелких плод вынашивается в течение трех недель после оплодотворения. Из млекопитающих только однопроходные кладут яйца.

Новорожденные представляют весьма различную степень развития. У сумчатых они вынашиваются и развиваются лишь после рождения в кожистой складке на брюхе; вышедшие из яйца детеныши однопроходных малы и не сформированы. Большая часть хищников рождаются слепыми и открывают глаза через неделю или две. Но многие млекопитающие появляются на свет очень развитыми и уже спустя несколько часов в состоянии следовать за матерью. Другие, хотя и являются на свет зрячими, но такими беспомощными, что мать должна носить их с собой целыми неделями; мы видим, что дети обезьян и летучих мышей долгое время висят на матери, крепко уцепившись за нее всеми четырьмя конечностями.

Каждая мать необыкновенно привязана к своим детенышам и, подвергая опасности свою собственную жизнь, защищает их против всякого врага, даже против отца. Самец чаще всего не заботится о детях, напротив, становится иногда опасен, так как пожирает детенышей, если может до них добраться. Редко принимает он косвенное участие в уходе и воспитании своих потомков, но бывает, что защищает, если семье грозит опасность. Тем больше делает мать: она одна кормит, чистит, водит, наказывает — короче, воспитывает своих детенышей. Она кормит их своим молоком, охотится для них, лижет и чистит, прячет в убежище и снова уводит домой, играет с ними, учит добывать пищу, держит в повиновении с помощью наказаний, храбро сражается с каждым, кто только осмелится напасть на них. Любовь делает ее изобретательной, дружелюбной, кроткой, веселой по отношению к своему потомству и вспыльчивой, бешеной, злой и сердитой к окружающим. Она живет лишь для своих детей и заботится только о них и, пока они всецело поглощают ее внимание, она в значительной степени теряет интерес к окружающему. Даже самое угрюмое животное приобретает во время материнских забот ребяческий характер и склонность к играм, если этого желает ее детище. Без преувеличения утверждаю, что у самки в глазах можно прочесть любовь и нежность, гордость и радость матери: стоит

только наблюдать собаку, кошку, лошадь, козу в обществе своих чад; ни одна человеческая мать не может более гордиться своим ребенком.

Время, необходимое каждому млекопитающему для полного взросления, различно и зависит от его величины. Человек требует наибольшего времени для своего развития, даже слон вырастает скорее его. Вероятно, лишь величайшие морские млекопитающие достигают более преклонного возраста, чем человек. Продолжительность жизни млекопитающего увеличивается или уменьшается соответственно времени, которое необходимо для его полного взросления. Млекопитающих средней величины, достигших десятилетнего возраста, уже можно считать старыми животными; у других старость наступает, вероятно, лишь после 20 лет; во всяком случае, тридцатилетний возраст, в котором человек, как известно, достигает только полного развития, редок между млекопитающими. Старость проявляется точно так же, как у человека, уменьшением сил, поседением волос, выпадением и стиранием зубов, а также и в уменьшении известных украшений: так, у старых оленей развиваются менее значительные рога, чем у животных во цвете сил, у хищников зубы и когти тупеют, у старых слонов часто ломаются бивни или они становятся гнилыми и получают трещины. Мы не в состоянии решить, наступает ли смерть у животных, живущих на свободе, вследствие болезни или только от дряхлости. Больные прячутся обыкновенно в самые укромные уголки; раненые или изувеченные животные у видов, живущих обществами, покидаются товарищами, даже изгоняются ими; они оканчивают свое существование в одиночестве. Мы имеем право предполагать, что животные умирают различным образом, молодыми или старыми, и что в этом отношении они разделяют судьбу человека. Встречаются повальные болезни, которые ужасным образом свирепствуют среди животных этого класса; например мыши, которые иногда размножаются до невероятной степени, погибают в течение нескольких недель в такой массе, что их маленькие трупы, разлагаясь, заражают воздух. Подобные явления наблюдались и у более крупных видов в лесах и на полях Европы, а также и в далеких пустынях.

Животное стоит непосредственно под властью природы. Смотря по местности и внешним обстоятельствам, оно живет в изобилии или терпит нужду, мерзнет, голодает, томится или внезапно погибает. Нужда гонит его из привычных мест часто в далекие странствования, пока оно наконец не падает в истощении и не околеваает. С ним случаются несчастья, в которых оно само виновато: переломы костей, потеря зрения или органов защиты, что случается от неверного шага, неудачного прыжка, в битве с соперниками. В суровые, снежные зимы, во время продолжительных засух, млекопитающие умирают голодной смертью, иногда погибают от огня и дыма во время степных и лесных пожаров.

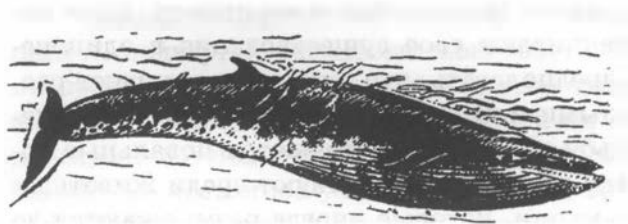

Общий взгляд на жизнь животных

Их застигают наводнения, и животные, выбившись из сил, тонут в воде; они гибнут в бурю и в сильную стужу, увлекаются за сползающими с высот снежными лавинами, убиваются падающими с гор камнями, раздавливаются падающими деревьями и погибают от удара молнии. А сколько их кончает жизнь под зубами и когтями хищников и уничтожается ловушками, петлями, ядом и выстрелами человека?

Человек подчинил себе и сделал полезными большое число животных, даже таких, которые не разделяют с ним его жилища; они используются для переноски тяжестей, для езды в экипажах и верхом, для войны и охоты, для почтовой и пастушеской службы, для фиглярства и забавы. Мясо, молоко, сало и жир млекопитающих служат ему пищей. Одни животные доставляют людям мех для одежды, шкуру на кожу, шерсть на пряжу и ткани, другие — рога, слоновую кость, зубы, китовый ус, в конечном счете помет — для удобрения полей. Столько пользы не приносит никакой другой класс животного царства; потому-то и можно сказать, что удобная жизнь, к которой мы привыкли, без млекопитающих была бы совершенно невозможна. Мы видим, как тесно связан человек с этими животными, на которых он наложил свое ярмо.

ОТРЯД ОДНОПРОХОДНЫЕ (Monotremata)

Отряд
однопроходные

Справедливо считают однопроходных представителями особого отряда и даже подкласса млекопитающих*.

Что однопроходные действительно кормят детенышей молоком, это уже давно установлено вне всякого сомнения; но лишь точные исследования Гегенбаура познакомили нас с истинной природой их молочных желез. Прежде долгое время их не замечали и потому уже в начале этого столетия были уверены в справедливости указания, сделанного исследователем, впервые открывшим утконоса, именно, что утконос кладет яйца; позднее указание это сочли за басню. Но 2 сентября 1884 года Гааке сообщил королевскому Южно-Австралийскому обществу в Аделаиде, что за несколько недель до того он нашел в большой, неизвестной до того времени сумке живой ехидны-самки яйцо, которое он и показал на заседании. В тот же самый день в Монреале была прочитана телеграмма, сообщавшая собравшимся там членам Британской ассоциации, что другой исследователь, работавший в то время в Австралии, Кальдуэлль убедился, что однопроходные кладут яйца. Гегенбаур доказал в 1886 году, что железы, доставляющие пищу вышедшим из яиц детенышам однопроходных, по своему строению не соответствуют, как у других млекопитающих, салным железам, а представляют измененные потовые железы. Если к этому прибавить, что утконос имеет в течение значительного периода своей жизни хотя и настоящие зубы, но сильно отличающиеся от зубов всех других ныне живущих млекопитающих, как открыл Томас лишь в 1888 году, и что, в противоположность всем другим теплокровным животным, температура крови однопроходных не превышает 28 градусов Цельсия**, то не покажется странным, если мы отделим их в качестве второго главного отдела класса млекопитающих от первого, к которому мы должны отнести, в качестве настоящих млекопитающих, сумчатых и высших млекопитающих, позвоночных.

С остальными млекопитающим однопроходные сходны прежде всего по своим наружным покровам: у утконоса мех, а у ехидны иглы; в остальном они и по внешнему виду существенно отличаются от других известных форм этого класса. Роговой клюв, напоминающий клюв плавающих птиц, заменяет у них морду;

** Отдельный подкласс яйцекладущих млекопитающих, или первозверей (Prototheria), в современной фауне представлен только отрядом однопроходных, известным начиная с раннего мела. Однопроходные обитают только в Австралии и на прилегающих островах.*

*** Температура тела утконоса в среднем 32,2 градуса Цельсия, ехидны — 31,1 градуса. У представителей отряда еще несовершенны механизмы терморегуляции, и температура может колебаться в пределах 25—36 градусов.*

СЕМЕЙСТВО ЕХИДНОВЫЕ

** Желудок однопроходных лишен пищеварительных желез и служит только для хранения пищи, подобно зобу птиц. Строение конечностей очень сходно с таковым рептилий, ноги при ходьбе находятся не под телом, как у других зверей, а сильно расставлены в стороны, как у крокодилов или ящериц.*

выводные протоки кишечника, мочевых и половых органов открываются вместе в так называемую клоаку. Это образование мы встречаем опять у птиц, которых однопроходные напоминают, кроме яиц с большим желтком, также присутствием дужки, образованной от сросшихся между собой ключиц, и тем, что правый яичник у них отчасти недоразвит. Если таким образом нельзя не заметить родства их с птицами, а также с пресмыкающимися и земноводными, то с сумчатыми их связывает наличие в тазе сумчатых костей.

Однопроходные — небольшие млекопитающие с плотным, несколько сплюснутым сверху вниз телом, очень короткими ногами, клювообразными челюстями, одетыми сухой кожей, маленькими глазами, коротким хвостом, расставленными кнаружи ногами с большими когтями; у самца на пятке замечается полая шпора, которая стоит в связи с особой железой. Наружной ушной раковины нет вовсе; зубы, существующие лишь у утконоса, состоят из плоских, блюдцеобразных пластинок, снабженных на краю бугорками или выемками, которые прилегают к челюстям. На черепе многие швы срастаются очень рано; также вполне окостеневают и реберные хрящи. Слюнные железы велики, желудок простой, слепая кишка очень коротка. Настоящей матки нет, так как яйцеводы открываются в клоаку*.

Кроме костей одной вымершей ехидны нашли зубы ископаемых животных, которые представляют сходство с зубами утконоса; в настоящее время этот своеобразный отряд ограничивается двумя семействами — ехидн и утконосов.

СЕМЕЙСТВО ЕХИДНОВЫЕ (Tachyglossidae)

Семейство ехидн, состоящее из двух родов, каждый с одним видом, отличается неуклюжим телом, покрытым мехом, который на большей части тела перемешан с иглами; клюв цилиндрический, совершенно беззубый, расщепленный лишь на переднем конце; хвост короткий, зачаточный; пальцы свободные, не вполне подвижные; язык длинный, тонкий, червеобразный, может далеко высовываться изо рта, как и у других животных, питающихся муравьями. По внешнему виду ехидны гораздо более отличаются от утконоса, чем по внутреннему строению**.

Немецкое название ехидн — «муравьиный еж», очень характерно для них. Короткая шея постепенно переходит в плотное, несколько приплюснутое неуклюжее тело, а на другом конце — в продолговато-округлую, относительно маленькую голову, от которой резко отграничен вытянутый в длину, тонкий, трубчатый клюв. Сверху он выпуклый, снизу плоский; довольно широк при основании, к концу суживается и тупо оканчивается. На самом кончике его находится очень маленькая и узкая ротовая

*** Считается, что предки ехидн были водными и гораздо больше походили на утконоса. Современные отличия ехидн связаны с их вторично наземным образом жизни и своеобразной пищевой специализацией общественными насекомыми.*

щель. Верхняя челюсть немного длиннее нижней; маленькие яйцевидные ноздри расположены почти на конце верхней челюсти, там, где покрывающая его голая кожа становится мягче и допускает некоторую подвижность морды. Маленькие глаза лежат глубоко по сторонам головы и характеризуются тем, что кроме век снабжены и мигательной перепонкой. Наружных ушных раковин не видно и следа; слуховой проход лежит далеко сзади и скрыт под иглистым покровом тела; он замечательно широк, но имеет форму щели, так как прикрыт складкой кожи, которую животное, прислушиваясь, может приподнимать; в других же случаях щетинки, окружающие наружное отверстие, могут совершенно закрывать его. Конечности относительно коротки, сильные, толсты, несколько неуклюжи и приблизительно равной длины. Задние ноги отодвинуты далеко назад и вывернуты кнаружи, передние прямые. Пальцы малоподвижны и вооружены длинными, широкими и крепкими, пригодными для рытья когтями, которые особенно развиты на передних ногах. На пятках задних ног у самца находятся крепкие, остроконечные, полые внутри роговые шпоры, которые стоят в связи с особой железой. Такое строение шпор подало повод к мнению, будто бы они служат самым страшным оружием животного и что через них, как через зуб змеи, изливается яд*.

Зачаточный хвост сильно притуплен на конце. Язык может высываться далеко за челюсти, и покрыт липкой слизью, которая помогает при захватывании пищи; эта слизь выделяется большими слюнными железами. Зубов нет и следа; но на нёбе стоят поперечные ряды мелких, жестких, остроконечных, направленных назад, роговых шипов, которые, вместе с шипами на языке, заменяют зубы. Обе млечных железы имеют множество выводных отверстий и лежат по бокам брюха самки в неглубоких ямках. Эти ямки, по словам Гаака, по крайней мере у ехидны, незадолго до кладки яйца лежат в боковых складках высиживательной сумки, которая образуется лишь для принятия и насиживания яйца; позднее она заключает детеныша и, по мере его роста, сильно увеличивается в объеме, а после выхода детеныша снова сглаживается. Сумка открывается спереди. Р. фон Ленденфельд нашел, что во время насиживания яйца, температура высиживательной сумки становится выше, чем в остальном теле.

Родина ехидн простирается от Новой Гвинеи по Австралии и до Тасмании.

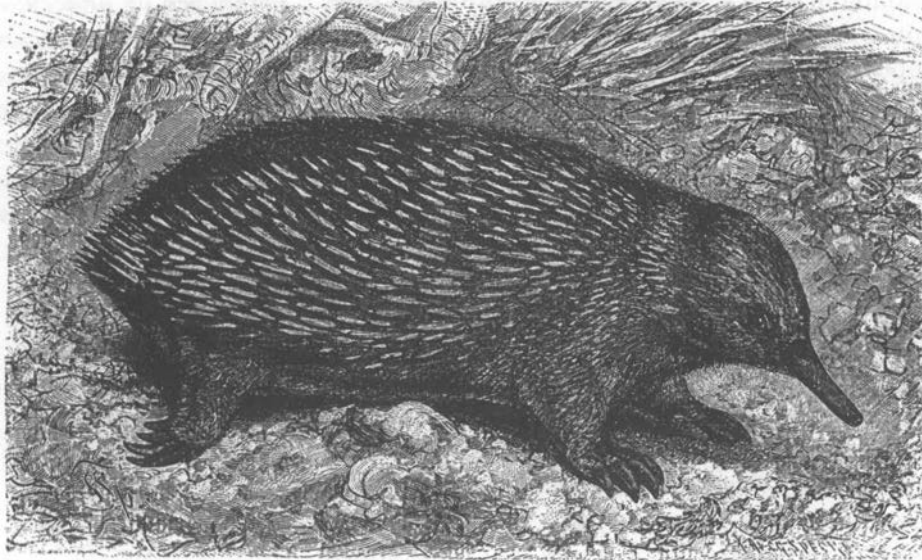
Австралийская ехидна (*Tachyglossus aculeatus*)**, отличается прежде всего пятипалыми ногами. Все пальцы снабжены когтями; когти передних ног широки, мало согнуты и направлены вперед; коготь на большом пальце меньше, чем на остальных; когти на задних ногах тоньше, согнуты кнаружи и очень различной длины: коготь большого пальца короток, туп и округлен, а коготь второго, часто также и третьего пальца гораздо длин-

** Действительно, секрет железы, имеющейся в районе колена как у ехидн, так и у утконоса ядовит и даже смертелен для животных мелких и средних размеров. У утконоса он опасен даже для человека. Поскольку железа есть только у самцов (и у некоторых самок ехидн), логично предположить, что это турнирное оружие, но брачных турниров однопроходных пока никто не видел. Так что, вероятно, в настоящее время железа и шпора представляют собой атавизм.*

*** Ранее в качестве отдельного вида выделяли еще тасманскую ехидну.*

Семейство ехидновые

** Впечатление, что ехидны предпочитают сухие открытые пространства — ошибочно, просто здесь они более заметны. Напротив, животные тяготеют к сырým тенистым местам, более*

*Австралийская
ехидна
(Tachyglossus
aculeatus)*

богатым всевозможными беспозвоночными. Не является ехидна и строго ночным животным, во многих районах ей свойственна дневная активность. В горы ехидны поднимаются до высоты 2500

нее когтей четвертого и пятого. Клюв длиной равен приблизительно остальной части головы; он прямой или слегка согнут вверх. Родина ехидны — Австралия, Новая Гвинея и Тасмания.

Австралийская ехидна предпочитает гористые местности равнинам и достигает иногда до 1000 метров над уровнем моря. Сухие леса, в которых она может выкапывать себе логовища и норы под корнями деревьев, особенно нравятся ей. Здесь она прячется днем, а ночью выходит и, нюхая по сторонам и роаясь, отправляется за добычей*.

Движения ее живы, особенно при рытье, в котором она очень искусна. Ходит она тихо, нагибая при этом голову и туловище к земле; при рытье ехидна одновременно приводит в движение все четыре ноги и, подобно броненосцам, может просто погружаться в землю на глазах зрителя. В сумерки не очень легко заметить это

животное, похожее цветом на землю; его и находят поэтому только случайно, когда оно, по обыкновению, беспокойно перебегает с одного места на другое. При этом ехидна исследует каждую ямку, каждую щель, и лишь только почует что-нибудь съедобное, то мгновенно приводит в движение свои сильные ноги, чтобы расширить себе

вход. Насекомые и черви, а особенно муравьи и термиты составляют по преимуществу ее пищу. Их она отыскивает с помощью очень чувствительного кончика носа, который, кажется, более пригоден для осязания, чем для обоняния. Ест она так же, как и другие животные, питающиеся муравьями, высовывая свой червеобразный язык и быстро втягивая его обратно, когда он покроется муравьями; так же как они, ехидна примешивает к этой пище много песка или пыли, а иногда и сухого дерева, так что желудок ее всегда наполнен ими. Иногда в нем находят и траву.

Если схватить ехидну, то она мгновенно свертывается в шар, и ее очень трудно в этом случае удержать, так как острые иглы при энергическом свертывании наносят обыкновенно чувствительные раны. Свернувшуюся ехидну нелегко унести; лучше всего схватить ее за задние ноги, тогда можно не обращать внимания на все ее усилия и движения. Если она успела вырыть ямку

известной глубины, то вытащить ее оттуда чрезвычайно трудно. Она растопыривается, как броненосцы, и так крепко упирается о стенки своими иглами, что как бы прилипает к ним. Сильные когти ног при этом, понятно, тоже пускаются в дело, чтобы укрепиться, насколько возможно. Заявления туземцев, будто бы самец может поранить своего врага шпорой задней ноги и излить через нее в рану ядовитую жидкость, судя по всем опытам, должно считать басней. Ехидна-самец вовсе и не пытается пользоваться для защиты своей шпорой, да и вообще едва ли думает о том, чтобы защищаться. Против четвероногих врагов ехидна защищается, как еж, свертываясь клубком, а если успевает, то с возможной быстротой зарывается в землю. Тем не менее, сумчатый волк овладевает ею и съедает с кожей и шипами.

Голос, который издает это странное существо, если его сильно беспокоят, состоит из слабого хрюканья. Из чувств выше всего стоят слух и зрение; остальные очень тупы*.

Подробное описание жизни этого животного на свободе дал в 1881 году сын Беннета, который в сопровождении одного туземца по имени Джонни отыскивал много ехидн, чтобы исследовать их размножение. «Моя первая экскурсия с Джонни, — говорит он, — выяснила существование многочисленных препятствий, мешающих выполнению моего плана. Мы видели много следов, но не видели ни одного животного. Почва была разрыта, как будто бы в ней рылось большое число свиней; это делают ехидны своим клювом, чтобы отыскивать насекомых под опавшей листвой. Они обращаются затем к сваленным гнилым деревьям, совершенно освобождают их от коры, выцарапывают червоточину и поедают насекомых, именно мелких жуков, муравьев и один вид сочных белых червей. Много мелких сухих деревьев было выворочено с корнями ехиднами во время отыскивания пищи. Они особенно жадны до термитов, которые устраивают глиняные холмики около 18 дюймов вышиной. Этими холмиками они овладевают, строго придерживаясь определенного плана. Сначала окапывают гнездо кругом, выгребают землю, делают щель в месте соприкосновения гнезда с почвой, проглатывают все, что им попадает на пути, наконец проделывают в середине дыру и опоражнивают все гнездо, не оставляя ни одного существа, которое могло бы рассказать об их посещениях. Муравьев-солдат они не трогают; их гнезда находились около самых построек термитов, но оставались нетронутыми. На больших сахарных муравьев, которые нагромождают песчаные холмики около 16 дюймов вышиной и 4 фута в диаметре, они нападают, причем сначала ложатся, высунув язык, на холмик и втягивают в рот тех муравьев, которые на него попадают; в этом положении они часто остаются в продолжение нескольких часов. При этом в их желудок, без сомнения, попадает песок. Затем они прорывают ход с одной стороны к другой и находят там лако-

метров над уровнем моря. В южных и горных районах Австралии, на острове Тасмания для ехидн характерна зимняя спячка, продолжительностью иногда до 4 месяцев.

** Очевидная ошибка Брема — зрение развито слабее других чувств, а вот слух, обоняние и осязание — очень тонкие.*

мую пищу, которую и поедают. Днем бродят мало и начинают свои поиски часа за два до заката солнца. Слышат ехидны очень хорошо, так что приходится двигаться чрезвычайно осторожно и медленно, чтобы не встревожить их; при малейшем шорохе листа они приседают к земле и начинают тотчас же закапываться. Они делают это ногами, причем всовывают в ямку все тело и выгребают землю себе на спину. Быстрота, с которой они выполняют это, почти невероятна, и после исчезновения животного вырытой земли заметно мало. Обыкновенно они не роют далеко вперед; я видел это только раз, когда ехидну посадили в ящик без дна: она исчезла под ящиком в землю и вышла наружу на расстоянии 10 футов по другую сторону стенки».

Гааке неоднократно держал в Австралии иглистых ехидн и произвел опыты над их размножением.

«Что касается до размножения ехидны, то до моего открытия не было известно ничего относительно временно образующейся и заключающей в себе яйцо выводковой сумки на брюхе самки. В начале августа 1884 года я достал парочку иглистых ехидн с острова Кенгуру. Несколько недель спустя я прочел замечание Гегенбаура относительно давно уже описанных Овеном полулунных складочек на брюхе самки, при основании которых открываются протоки млечных желез. Гегенбаур тщетно искал эти углубления на своем экземпляре, сохраненном в спирту; я решился поэтому поискать их у живого животного. Я велел слуге держать мою ехидну в воздухе за заднюю ногу и стал ощупывать брюхо животного. Я не нашел здесь двух описанных и изображенных Овеном складок, но зато нашел большую сумку, достаточно широкую, чтобы вместить мужские часы. Это и была выводковая сумка, образующаяся до кладки и служащая для помещения яйца; позднее она расширяется по мере роста детеныша и снова исчезает после того, как он перестает сосать. В качестве последних следов ее остаются, по-видимому, боковые складки, в которых лежат отверстия млечных желез. Только зоолог может понять, до какой степени я был ошеломлен, когда вытащил из сумки яйцо! Первое замеченное яйцо млекопитающего, которое можно было показать ученому обществу! Оно находится теперь вместе с чулом матери и положенной в спирт выводковой сумкой ее в музее в Аделаиде. Неожиданная находка до такой степени смутила меня, что я сделал глупость, возможную лишь при таких необычайных обстоятельствах, именно сильно сжал яйцо между указательным и большим пальцем и произвел на нем таким образом трещину. К сожалению, его жидкое содержимое за время поимки и содержания в неволе матери, начало уже разлагаться. Длина эллиптического яйца равнялась 15, ширина 13 мм; скорлупа была жестка и пергаментообразна, как у яиц многих пресмыкающихся».

«Особенное значение в истории размножения ехидны имеет своеобразная, образующаяся лишь на время выводковая сумка, резко отличающаяся от сумки сумчатого животного. Эта сумка стала известна так поздно потому, что она исчезает после периода размножения, а также исчезает у экземпляров, сохраненных в спирту без особых предосторожностей, и у чучел. Что она, благодаря росту детеныша, расширяется по крайней мере до величины кулака, я наблюдал позднее на одном экземпляре в музее Аделаиды. Я не мог произвести дальнейших наблюдений вследствие отъезда из Австралии». По Ленденфельду, в выводковой сумке во время насиживания яйца развивается более высокая температура, чем в остальном теле. О совокуплении, кладке яйца и продолжительности насиживания не известно ничего. Довольно твердо установлен лишь тот факт, что ехидна кладет обыкновенно только одно яйцо*.

Некоторые австралийцы зажаривают ехидну в шкуре, как цыгане нашего ежа, и едят; европейцы тоже уверяют, что приготовленная таким образом ехидна представляет превосходное кушанье; в Новой Гвинее, как наблюдал Гааке на реке Стрикланд, ее иглы употребляют в качестве наконечников для стрел. Этим и ограничивается та незначительная польза, которую это животное может приносить человеку.

Проехидна волосатая (*Zaglossus bruijni*). Этот вид от предыдущего отличается числом пальцев — на всех ногах лишь по три пальца. Первый и пятый палец не развиты; иногда встречаются животные с пятью передними и четырьмя задними пальцами. Длина когтей задних ног уменьшается постепенно изнутри кнаружи. Согнутый книзу клюв почти вдвое длиннее остальной части головы. Животное длиной около 0,5 м; голова, тело и конечности густо покрыты грубой шерстью равномерно темно-бурого или черного цвета с небольшой примесью гладких щетин или вовсе без них; в ней скрыты лишь немногочисленные, короткие, по большей части совершенно белые, иногда только бурые при основании иглы.

Проехидна известна до настоящего времени лишь из северо-западной части Новой Гвинеи; об ее образе жизни нет никаких сведений**.

СЕМЕЙСТВО УТКОНОСОВЫЕ (*Ornithorhynchus*)

Утконос (*Ornithorhynchus anatinus*) служит единственным известным представителем второго семейства из отряда однопроходных. Мы обязаны Беннету-старшему первым хорошим описанием этого поистине чудесного существа, которое долгое время после того, как было открыто, приводило в изумление, как исследователей, так и людей неученых. Внешний вид и образ

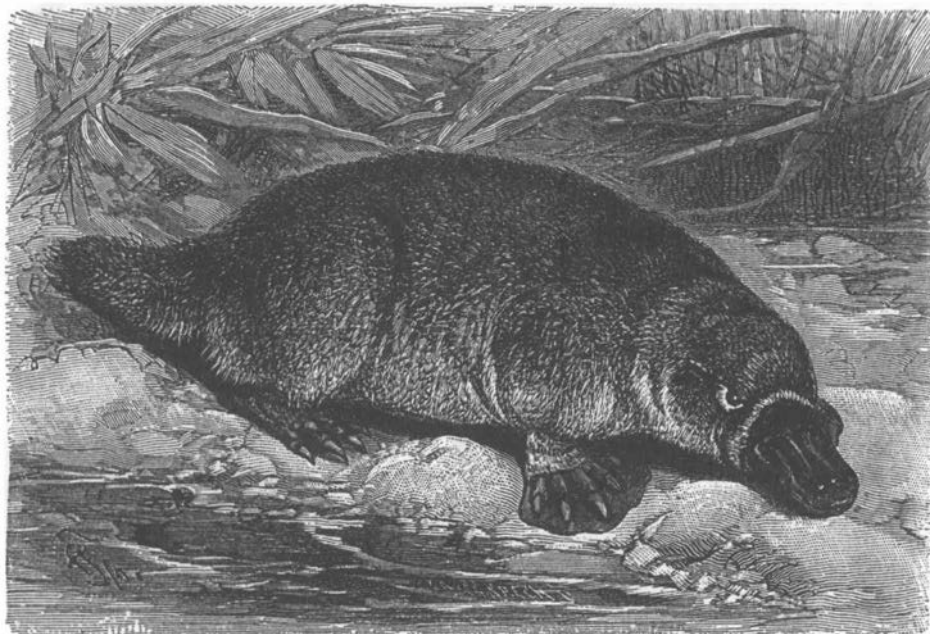
* Спаривание ехидны происходит в середине зимы (там, где ехидны впадают в зимнюю спячку — в конце зимы). Кладка яиц (от 1 до 3) приурочена к концу августа — началу сентября. Вылупление происходит через 7—10 дней «насиживания» в сумке, детеныш остается в сумке еще 6—8 недель, Половой зрелости ехидны достигают через год, некоторые доживают до 30 лет.

** Этот вид во времена Брема назывался ехидной шерстистой. Она является очень редким и скрытым зверем. Внесена в Международную Красную книгу. Основное отличие от ехидны — высокие колоннообразные ноги, длинный «клюв» и крупные размеры (рост до 80 см и масса до 10 кг). Очень велики вариации окраски, длины и густоты игл меха этого зверька.

жизни этого животного оказались настолько странными, что Беннет поехал в Австралию с единственной целью познакомиться с ним. До того времени в Европу доходили о нем лишь неопределенные известия. Знали только, что утконос живет в воде и служит предметом ревностной охоты туземцев, так как доставляет вкусное жаркое, и что он кладет яйца; последнее считали басней, пока Кальдуэлль в 1884 году не сообщил, что нашел яйца этого животного. «Новоголландцы, — рассказывает один из старых авторов, — сидят на берегу, вооруженные маленькими копьями, и выжидают, пока это животное вынырнет. Улучшив удобное мгновение, они очень ловко бросают копьё в эту дичь и очень искусно ловят ее. Часто туземец сидит целый час в засаде, прежде чем

попытается бросить копьё в утконоса; но зато всегда верным ударом пронзает тело».

Беннет ездил в Австралию в первый раз в 1832 году, затем еще раз в 1858 и сообщил добытые результаты сначала в одном ученом английском журнале, а затем подробно изложил их в особом сочинении. Позднее сведения об образе жизни утконоса сообщили Бен-

Утконос
(*Ornithorhynchus
anatinus*)

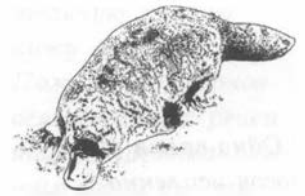
нет-сын и Ленденфельд.

Область распространения его ограничивается, насколько известно до настоящего времени, южной частью Австралийских колоний, Викторией, Новым Южным Уэльсом и Квинслендом на севере до 18 градуса южной широты. Его находят также в Тасмании; в западной части Австралии его, по-видимому, нет.

Утконос несколько больше ехидны, длина его около 60 см, из которых около 14 см приходится на хвост. Самец значительно больше самки. Приплюснутое тело похоже несколько на тело бобра или выдры. Ноги очень короткие, все лапы пятипалые и снабжены плавательной перепонкой. На передних ногах, которые обладают наибольшей мышечной силой и служат как для плавания, так и для рытья, плавательная перепонка продолжается несколько далее когтей; она очень гибка, растяжима и отодвигается назад, когда животное роет. Все пальцы очень сильные,

тупы и превосходно приспособлены для рытья. Два средних длиннее остальных. Коротки задние ноги выворочены назад и напоминают задние ноги тюленя; они действуют главным образом по направлению назад и кнаружи. Первый палец их очень короткий; все когти загнуты назад, они длиннее и острее, чем на передних ногах, но плавательная перепонка соединяет лишь основания пальцев. У самца несколько выше пальцев сидит обращенная внутрь, остроконечная и подвижная шпора, которая может довольно заметно поворачиваться. Хвост плоский, широкий и резко усеченный на конце, где сидят длинные волосы. У более старых животных он снизу совершенно голый или по крайней мере покрыт только редкими, грубыми волосами; у молодых же он покрыт шерстью, так что волосы на нижней стороне хвоста стираются, вероятно, лишь с течением времени. Голова довольно плоская, маленькая и настолько резко отличается своим широким утиным клювом от головы других млекопитающих, что ставит утконоса особняком. Обе челюсти вытянуты и сплошь одеты роговой кожей, которая продолжается назад в виде своеобразной оторочки. Челюсти имеют у взрослого животного лишь по четыре роговых зуба. Передние зубы длинные, узкие и острые, между тем как задние, коренные, — широкие и плоские. Вместо этих роговых зубов молодой утконос, не достигший трети или половины величины взрослого животного, имеет восемь настоящих зубов, похожих на плоские, неправильно округленные блюдечки и усаженных по краю крупными и мелкими бугорками. Эти лишь недавно открытые настоящие зубы напоминают зубы мелких млекопитающих юрского периода. После того как они совершенно сотрутся и выпадут, их заменяют вышеописанные образования, состоящие из ороговевшей слизистой оболочки полости рта. Ноздри лежат на верхней стороне клюва около конца, а маленькие глаза — высоко на голове; ушные отверстия, которые могут закрываться, расположены близко от наружного угла глаза. Складка, продолжающаяся в виде оторочки над передней частью головы и над горлом, приносит животному большую пользу, защищая мех во время отыскивания пищи от ила и глаза от земли во время рытья. Язык мясист, но усажен роговыми зубцами и утолщается сзади в виде своеобразного желвака, который совершенно замыкает рот. Таким образом клюв служит превосходным ситом, которое позволяет животному исследовать воду, отделять съедобное от несъедобного и сохранять съедобное в объемистых защечных мешках, протирающихся по бокам головы, чтобы затем, не торопясь, пережевать пищу.

Мех утконоса состоит из густых, грубых волос ости темного бурого цвета с серебристо-белым оттенком; под ними лежит очень мягкий сероватый подшерсток, похожий на подшерсток тюленя и морского бобра. На горле, груди и нижней стороне тела мех и

** Одно время утконосов усиленно промышленяли из-за ценного меха, во многих районах они исчезли или стали редкими. В настоящее время вид охраняется, и численность его возросла.*

*** Зимний сон у утконосов отсутствует — слишком высок уровень метаболизма. Количество съеденной за сутки пищи может достигать веса самого утконоса.*

**** В поисках пищи утконос способен оставаться под водой до 5 мин. При обследовании дна и камней глаза и ушные отверстия плотно закрыты и зверек целиком полагается на чрезвычайно чувстви-*

волоса гораздо тоньше и шелковистее. Общий цвет ости рыжий или черно-бурый, на нижней стороне грязный, серовато-белый, на подбородке у основания ног, на задней части брюха и у заднепроходного отверстия часто матовый, каштаново-бурый; узкое кольцо вокруг глаза белое или желтоватое. Верхняя сторона окрашена то светлее, то темнее. Ноги рыжевато-бурые; клюв сверху черного цвета, снизу желтого и черного. Молодые животные отличаются от старых красивыми, тонкими, серебристо-белыми волосами на нижней стороне хвоста и над самыми лапами. Мех, особенно мокрый, издает своеобразный рыбный запах, обуславливаемый, вероятно, маслянистым выделением. Австралийцы, несмотря на этот противный запах, едят очень охотно мясо этого животного*.

Утконос живет охотнее всего на тихих берегах рек, поросших многочисленными водяными растениями и затененных лиственными деревьями. Здесь он устраивает себе около берега более или менее искусно сделанное жилище. Первая нора, которую видел Беннет, находилась в крутом берегу между травой у самой реки. Извилистый ход, длиной около 6 м, открывался в обширное котловидное логовище, которое, как и ход, было выстлано сухими водяными растениями. Но обыкновенно каждое жилище имеет по два входа; один под поверхностью воды, другой около 30 см над ней. Иногда случается, что вход удален от воды метра на полтора. Нора поднимается косвенно снизу вверх, так что во время разлива вода редко проникает в логовище. Животное, по-видимому, соотносится с высотой уровня воды и соответственно этому удлиняет нору иногда до 15 м длины.

Утконосов можно видеть в реках Австралии во всякое время, но чаще всего в весенние и летние месяцы. Неизвестно точно, существует ли у них зимний сон**.

Они сумеречные животные, хотя оставляют на короткое время свои убежища и днем, отправляясь за пищей. Если вода очень чиста, то можно следить глазами за движениями утконоса, который то ныряет, то снова появляется на поверхности. Кто хочет наблюдать за животным, тот должен оставаться совершенно неподвижным, так как ни одно движение не ускользает от его острого зрения, ни малейший шум — от его тонкого слуха. Утконос редко остается на поверхности более 1 или 2 минут, затем ныряет и снова появляется на небольшом расстоянии. Как наблюдал Беннет за утконосами, содержащимися в неволе, это животное охотно держится у берега над самым илом и ползает между корнями и листьями водяных растений, которые служат главным местопребыванием насекомых. Пищу, которую утконос при этом собирает, преимущественно мелких водяных насекомых и моллюсков, он прячет сначала в защечные мешки и затем съедает на покое***.

По приказанию Беннета, были раскопаны много жилищ утконосов, и потому он имел возможность наблюдать несколько этих животных в неволе. «Я велел, — говорит он, — разрыть одно жилище, несмотря на все отговорки ленивого туземца, который положительно не мог понять, зачем я хочу иметь утконосов, когда имею в избытке быков и овец. Вход или преддверие жилища были широки по сравнению со следующим участком норы; последняя становилась все уже по мере того, как мы подвигались далее вперед, пока, наконец, ход не сузился до толщины животного. Мы проследили его на расстоянии 3 м. Вдруг из земли показалась голова утконоса, как будто бы его только что разбудили, и он спустился посмотреть, чего нам нужно. Однако, по-видимому, он пришел к убеждению, что наша шумная работа не клонится к его благу, так как он поспешно устремился обратно. Но когда он повернулся задом, его схватили за заднюю ногу и вытащили из норы. Он, казалось, был очень встревожен и удивлен этим; по крайней мере от страха, конечно, он тотчас выпустил свои очень неприятно пахнущие испражнения, нельзя сказать, чтобы к нашему удовольствию. Животное не издавало никакого звука и не пыталось защищаться, но, стараясь убежать, немного оцарапало задними ногами мою руку. Его маленькие, светлые глаза блестели; ушные отверстия то расширялись, то суживались, как будто бы он хотел уловить каждый звук; сердце его сильно билось от страха. Через несколько минут утконос, по-видимому, покорился своей судьбе, хотя время от времени пытался еще убежать. Я не решился схватить его за шкуру; мех так рыхл, что кажется, будто животное заключено в толстый меховой мешок. Мы посадили пойманную нами взрослую самку в бочку, наполненную травой, речным илом, водой и т. д. Она скребла повсюду, стараясь убежать, но видя, что все усилия ее тщетны, успокоилась, свернулась и, по-видимому, заснула. Ночью она была очень беспокойна и опять скребла передними лапами, точно желая вырыть себе нору. Утром я нашел ее крепко уснувшей; при этом она подвернула под себя хвост, подогнула голову и клюв под грудь и свернулась клубком. Когда я нарушил ее дремоту, она заворчала, почти как щенок, но тише и, пожалуй, благозвучнее. Целый день она оставалась почти спокойной, ночью же опять пыталась убежать и издавала продолжительное ворчание. Все соседи-европейцы, которые так часто видели это животное мертвым, были рады, что им, наконец, представился случай наблюдать его живым; я думаю, что это вообще был первый случай, когда европеец поймал живого утконоса и исследовал его жилище».

В новую поездку Беннету удалось найти гнездо с тремя детенышами, которые были уже покрыты шерстью, и наблюдать их некоторое время. «Когда мы нашли гнездо с детенышами, — говорит Беннет, — и посадили их на землю, они, хотя и стали

тельную мягкую кожу «клюва».
Помимо миллионов осязательных рецепторов, представляющих собой простые полусферические пупырышки, клюв усеян и другими органами — железами, выделяющими разные типы слизи для смазки, а также электрическими микроскопическими «розочками». Клювом утконос чувствует в воде постоянное электрическое поле напряженностью в 0,0002 V/см и переменное поле частотой до 300 Герц. Воспринимая электрические сигналы разных частот, выпускаемые рыбами, ракообразными, моллюсками, червями, утконос находит пищу на расстоянии даже в мутной воде, при близких контактах, используется и осязание.

Семейство УТКОНОСОВЫЕ

бегать вокруг, но не делали таких страшных усилий спастись бегством, как старые. Туземцы, у которых при виде этих жирных молодых животных потекли слюнки изо рта, говорили, что этим детенышам было уже 8 месяцев, и прибавляли, что старые утконосы только вначале кормят молодых молоком, а потом насекомыми, мелкими моллюсками и илом. В своем помещении эти молодые животные принимали во время сна самые различные положения. Один свертывался, как собака, и плотно прикрывал клюв хвостом, другой лежал на спине, вытянув ноги, третий на боку или свернувшись клубком, как еж. Если им надоедало одно положение, они укладывались иначе, но охотнее всего свертывались клубком, причем клали передние лапы под клюв, сгибали голову к хвосту, скрещивали задние лапы над клювом и поднимали вверх хвост. Хотя они и были покрыты густым мехом, но все же любили тепло. Они позволяли мне дотрагиваться до шкуры, но не до клюва — новое доказательство его чувствительности.

«Детенышам я мог спокойно предоставлять бегать по комнате, но старое животное так упорно старалось прорыть стену, что я был принужден запереть его. Там оно спокойно лежало весь день, но ночью возобновило попытки освободиться. Если я мешал утконосам спать, то всегда поднималось общее ворчание.

Маленькое семейство моих утконосов прожило еще некоторое время, и я мог наблюдать его привычки. Зверькам, по-видимому, часто снилось, что они плавают, так как их передние лапы часто делали соответствующие движения. Если я сажал их днем на землю, то они отыскивали темное местечко для отдыха и там скоро засыпали, свернувшись клубком; однако они предпочитали свое обыкновенное место отдыха всякому другому. Случалось также и совершенно обратное: они оставляли из каприза ту постель, на которой спали целые дни, и залезали за какой-нибудь ящик или вообще в темное место. Если они спали крепко, то их можно было трогать, и они не просыпались.

Сначала я был склонен считать их ночными животными; но скоро убедился, что образ жизни их очень неправилен; они оставляли места отдыха в самое различное время, как днем, так и ночью; с наступлением темноты, впрочем, становились живее и подвижнее. Я мог прийти лишь к одному несомненному выводу, что они в одинаковой степени и дневные, и ночные животные, хотя и предпочитают прохладу и сумерки жаре и яркому свету полудня. Это можно сказать не только о молодых утконосах, но также и о старых. Иногда они спали целый день и оживлялись ночью, иногда наоборот. Часто один спал, а другой бегал. Иногда самец сначала оставлял гнездо, а самка продолжала спать. Набегавшись и наевшись всласть, он свертывался в клубок и располагался спать. Тогда наступала очередь самки; в другой раз они появлялись оба вместе. Раз вечером, когда оба бегали, самка изда-

ла писк, как будто бы звала своего товарища, который спрятался где-то в комнате за мебелью. Он тотчас ответил подобным же звуком, и самка побежала к тому месту, откуда послышался ответ.

Было крайне забавно видеть, как эти странные животные зевали или потягивались. Они вытягивали при этом передние лапы и растягивали, насколько возможно, плавательную перепонку. Хотя это было совершенно естественно, но все же казалось крайне смешным, так как мы не привыкли видеть, чтобы утка зевала. Я часто удивлялся, каким образом они попадали на книжный шкаф или на другую какую-нибудь мебель. Наконец я увидел, как они прижимались спиной к стене, упирались ногами в шкаф и таким образом быстро взбирались вверх благодаря своим сильным спинным мускулам и острым когтям. Я кормил их хлебом, размоченным в воде, круто сваренным яйцом и очень мелко изрубленным мясом. Молоко они, по-видимому, не предпочитали воде.

Вскоре после моего прибытия в Сидней животные, к моему большому огорчению, стали худеть, и их мех потерял свой красивый, блестящий вид. Они ели мало, но еще бодро бегали по комнате; однако если им приходилось промокнуть, то мех сбивался в виде войлока и не высыхал уже так скоро, как прежде. Все в них указывало на то, что они нездоровы, и их вид мог возбуждать лишь сострадание. 29 января умерла самка, 2 февраля самец. Я продержал их лишь около 5 недель».

Из дальнейших наблюдений, сделанных Беннетом, мы узнаем, что утконос не может долго оставаться живым в воде. Когда одного из них посадили только на 15 минут в глубокую воду, так что он не мог найти мелкого места, то вынули его уже совершенно истомленным, еле живым.

Неудачная попытка Беннета привезти утконоса живым в Европу не испугала его. Он заказал особую клетку и во второй раз поехал в Австралию за утконосами. Но и на этот раз усилия его не увенчались успехом. Зато он пополнил свои наблюдения. Так он узнал, что семенные железки самца припухают, как у птиц, перед временем спаривания и достигают величины голубиного яйца, между тем как в другое время имеют величину маленьких горошин.

Утконос кладет несколько яиц* с мягкой скорлупой, в которых зародыши, согласно открытию Кальдуэлла, находятся на той же стадии развития, как в курином яйце, после 36 часов насиживания. Насиживание яиц происходит в гнезде. Детеныши, выходящие из яиц, малы, голы, слепы и беспомощны, как у ехидны и сумчатых. Клювы их коротки. В описанном выше гнезде Беннет-младший нашел двух молодых животных, которым было, вероятно, около одного месяца. Они лежали, свернувшись клубком, и прикрывали хвостом прижатый к брюху или спине клюв, а

** Обычно в кладке утконоса 2 яйца, но может быть и одно, и три. Брачный период начинается в конце зимы, спустя месяц после спаривания происходит кладка яиц. Самка в течение 9—10 дней высидывает яйца, свернувшись вокруг кладки. Детеныши вылупляются всего 2,5 см в длину. Самка, лежа на спине, помещает их себе на брюхо, где они питаются молоком. Позже, в дополнение к молоку, самка приносит детенышам беспозвоночных в защитных мешках. Лишь к 4 месяцам молодые утконосы окончательно прозревают, приобретают полный меховой покров, способность к терморегуляции и могут покинуть нору. В это время они почти догоняют размерами взрослых, достигая 33 см длины. Половозрелы в возрасте одного года, продолжительность жизни невелика — 10 лет.*

*Семейство
утконосовые*

передней ногою — хвост. Детеныши имели в длину 5 см, были круглы и хорошо упитанны, серого цвета, голы и блестели, как бархат; глаза их были еще не вполне открыты. Маленькие животные отдыхали охотнее всего на спине и клали клюв на одну из передних ног, вытягивая другую. Если их беспокоили, то они шипели или пищали.

В зоологическом саду в Мельбурне утконосов в последнее время держали в неволе; в Европу до настоящего времени не привезли ни одного живым.

ОТРЯД СУМЧАТЫЕ (Marsupialia)

Отряд
сумчатые

В классе млекопитающих отряд сумчатых более других может привлечь наше внимание. Мы соединяем под названием сумчатых значительное число разнообразных семейств млекопитающих, которые, за исключением сумки, способа размножения и половых органов, имеют между собою очень мало общего. Их скорее можно было бы считать отрядами особого подкласса млекопитающих*.

При изучении относящихся сюда животных возникает мысль, что мы имеем дело с группой, которая особенно процветала в то время, когда на земле жили еще огромные неуклюжие амфибии, летучие ящерицы и морские чудовища вроде ихтиозавра. Очень веские доводы заставляют предполагать, что сумчатые представляют собой лишь немного измененных потомков млекопитающих прошедших геологических периодов. Более подробное изучение сумчатых и сравнение их с другими млекопитающими выясняют, что внешний вид их очень разнообразен и они часто напоминают представителей других отрядов; но не менее бросается в глаза и то, что их организация более несовершенная по сравнению с теми животными, на которых они похожи. Если не обращать внимания на сумку, то сумчатый волк по внешнему виду, несомненно, имеет сходство с собакой, сумчатая куница — с выверрой, сумчатая мышь — с землеройкой, вомбат — с грызуном, точно так же как сумчатая белка похожа на летучую белку, а кенгуру имеет, по-видимому, голову жвачного. Однако зубная система и внутреннее строение этих сумчатых обнаруживают коренные отличия от сравниваемых с ними представителей высших отрядов, и это не позволяет соединять их.

Если сравнить сумчатое животное с хищным или грызуном, то даже для самого непроницательного глаза становится ясным, что оно во всех отношениях менее развито и менее совершенно, чем похожий на него хищник или грызун. Эта отсталость сумчатого проявляется или в форме всего тела, или в строении отдельных органов, или в зубной системе. Нашему глазу, привыкшему к другим формам животных, всегда чего-то недостает при рассмотрении сумчатого. Их зубная система по сравнению с зубными системами соответствующих хищников и грызунов оказывается

* Внутри класса млекопитающих сумчатые и плацентарные составляют подкласс звери (Theria), противопоставляемый подклассу первозверей (Prototheria).

Отряд сумчатые

** Сумчатые эволюционировали на сравнительно ограниченном пространстве трех южных континентов. В «тепличных» условиях у сумчатых не было необходимости в постоянном усложнении поведенческих реакций и навыков. Мозг же сумчатых практически не претерпел изменений, остался небольшим и просто устроенным. В этом причина подчеркиваемой Бремом «примитивности», «тупости» современных сумчатых. Когда «настоящие звери» вторглись на южные материка во время позднекайнозойского обмена фаун, сумчатые не удержали позиций и существуют сейчас в качестве реликтов лишь там, куда не проникли занимающие соответствующую нишу плацентарные.*

более несовершенной и скудной. Челюсти хищного сумчатого снабжены достаточным числом зубов, и порядок их такой же, как у хищников. Но они менее развиты, или расположены неправильно, или намного тупее, иногда хуже по цвету, менее белы и чисты, чем зубы настоящего хищника позднейшего времени. Таким образом, мы вполне основательно можем принять, что имеем дело с несовершенными, еще недостаточно развитыми существами*.

Вообще о строении тела сумчатых общего можно сказать очень мало. Различные представители этого отряда более отличаются друг от друга, чем представители любого другого отряда. Можно указать некоторые общие особенности скелета. Череп по большей части конусообразно удлинён; мозговая коробка по сравнению с лицевой частью и с носовой полостью меньше, чем у животных, о которых мы уже говорили; отдельные кости не срастаются так рано и тесно, как у тех. Позвоночный столб состоит обыкновенно из 7 шейных позвонков, 12—15 позвонков, несущих ребра, 4—6 поясничных, 2—7 крестцовых и различного числа хвостовых, так как хвост то совершенно не виден снаружи или недоразвит, то достигает чрезвычайно больших размеров. Ключица, за исключением немногих видов, всегда существует; строение передних и задних конечностей, напротив, очень разнообразно. Мозг отличается незначительным развитием: полушария большого мозга почти совершенно плоски, что не говорит в пользу сумчатых и объясняет достаточно незначительную степень развития их умственных способностей. Желудок у видов, питающихся мясом, насекомыми и плодами, простой и округленный, у других заметно удлинён; кишка тоже может представлять очень разнообразное строение. Зубы сумчатых лишь в одном отношении сходны с зубами более развитых млекопитающих: они частью подлежат смене. Во всем остальном они отличаются очень существенно. Особенно отличается большинство сумчатых значительным числом зубов. Клыки, очень большие у питающихся мясом, мало развиты у животных, питающихся растениями, а у многих и вовсе отсутствуют. Число резцов обыкновенно неодинаково в обеих челюстях; ложнокоренные с двумя корнями; истинно коренные остробугорчатые или снабжены складками эмали различной формы. У всех представителей отряда одинаковое строение половых органов и присутствие костей сумок. У самки они укрепляют брюшную стенку и защищают детенышей, находящихся в сумке, от давления брюшных внутренностей матери. В сумке находятся сосцы молочных желез, к которым присасываются детеныши, рождающиеся недоношенными. Сумка может представлять настоящий карман или быть недоразвитой, образуя две кожистые складки, или даже быть в зачаточном состоянии. Детеныши появляются на свет в таком состоянии, как ни у одного высшего млекопитающего. Они малы, голы, слепы и имеют лишь зачаточ-

ные конечности. После рождения присасываются к одному из сосцов, которые обыкновенно имеют вид длинной конической бородавки и скоро заметно вырастают. Затем они быстро развиваются, оставляют по временам сосок и вылезают из сумки.

От дня зачатия до того, как детеныш может высовывать голову из сумки, проходит у исполинского кенгуру около 7 месяцев; с этого времени до того, как он в первый раз оставляет сумку, еще около 9 недель, и столько же времени молодой кенгуру живет затем частью в сумке, частью вне. Число детенышей может быть очень значительно*.

Как было уже замечено, сумчатые в настоящее время населяют Австралию и некоторые прилежащие острова, а также Южную и Северную Америку. В Америке находятся лишь представители одного семейства, главным образом в южной ее части**.

Различные виды сумчатых и в образе жизни представляют мало общего: одни из них хищники, другие питаются растениями; многие живут на земле, другие на деревьях, некоторые по временам даже в воде; большая часть — ночные животные, некоторые, однако, деятельны и днем. Из хищных многие ловко бегают и лазают, из питающихся растениями некоторые быстры и выносливы в беге. Однако нельзя не заметить, что даже самые совершенные из сумчатых далеко не достигают подвижности более развитых млекопитающих. Кенгуру уступает оленю или антилопе, а вомбат даже самому неуклюжему грызуну. То же относится и к душевным способностям сумчатых; и в этом отношении их нельзя сравнивать с другими зверями. Одни лишь внешние чувства стоят у них, быть может, на той ступени, как у остальных млекопитающих; понятливость их, напротив, всегда ничтожна. Каждое сумчатое по сравнению с приблизительно соответствующим ему высшим млекопитающим является существом глупым, не поддающимся ни обучению, ни воспитанию. Нельзя воспитать из сумчатого волка собаку, имеющую чуть ли не человеческий разум. Несовершенство, грубость и неуклюжесть сумчатых особенно ясно обнаруживается в их нравах и привычках.

Пища сумчатых в высшей степени разнообразна. Все виды, которые соответствуют хищникам, преследуют других животных, поедают моллюсков, рыб и другую добычу, выбрасываемую морем, или падаль наземных животных; меньшие виды охотятся за птицами, насекомыми и червями. Растительоядные питаются плодами, листьями, травами и корнями, которые они срывают или ощипывают. Хищные сумчатые иногда приносят вред и досаждают, преследуя стада, забираясь ночью в курятники и производя другие неприятности. Европейцы истребляют сумчатых так быстро, как только возможно, без какой-нибудь определенной цели, а лишь удовлетворяя необузданную страсть к охоте. При этом в дело идут мясо и шкура лишь немногих видов, а остальные ни к чему не нужны.

** Размер детенышей при рождении не превышает 0,5 — 3 см. В одном помете может быть от одного до 25 (рекорд среди млекопитающих!) новорожденных.*

*** Разнообразие жизненных форм сумчатых в Южной Америке на протяжении большей части кайнозоя почти не уступало таковому в Австралии. Помимо доживших до наших дней опоссумов и ценоlestов здесь жили крупные хищники и мелкие растительноядные аналоги грызунов. Большинство сумчатых континента не пережили вторжения плацентарных; но когда воссоздалась сухопутная связь между Северной и Южной Америкой, то некоторые опоссумы вновь колонизировали Северную и Центральную Америку.*

** Ранее опоссумов называли двуутробками, имея в виду сумку в качестве «второй утробы». Однако в самых различных литературных источниках до 30-х годов XX в. двуутробками нередко называли и мелких австралийских сумчатых, внешне сходных с опоссумами. Неудачно и другое старое название опоссумов — сумчатые крысы: сейчас так называют несколько родов австралийских хищных сумчатых.*

*** Далеко не всегда хвост у опоссумов хватательный. У некоторых, преимущественно наземных видов к холодному (или сухому) сезону основание хвоста утолщается из-за отложений жира. Это запас питательных веществ на малокормный период.*

Опоссумовые, или двуутробки*, представляют сумчатых, которые достигают самой большой величины домашней кошки, но часто не превышают по величине мышшь. Тело плотное, голова имеет более или менее заостренную морду. Хвост по большей части длинный, голый на конце и служит для хватания, иногда хвост короткий и более или менее покрыт волосами**. Задние ноги несколько длиннее передних, лапы пятипалые, у одного рода пальцы соединены плавательными перепонками, большой палец задних ног может противопоставляться остальным. Самки некоторых видов не имеют сумки, у других она существует и открыта чаще сзади, чем спереди. В строении зубов ясно выражен характер хищного животного. Клыки развиты довольно сильно, четыре настоящих коренных зуба каждой челюсти снабжены более или менее остроконечными зубцами с режущим краем, три ложнокоренных зуба также с остроконечными зубцами. Резцы, которых в верхней челюсти с каждой стороны по пять, в нижней по четыре, то меньше, то больше, то тупее, то острее. Оба средних резца в верхней челюсти по большей части длиннее других.

Почти все опоссумовые живут в лесах или в густом кустарнике и селятся в дуплах деревьев, под землей и норах, в густой траве и кустарнике. Один вид населяет берега мелких рек и ручьев, превосходно плавает и прячется в подземных норах. Все они ночные животные и ведут одинокую, бродячую жизнь и только в течение времени спаривания держатся вместе со своими самками. Походка их на ровном месте довольно медленна и не тверда; ступают они всей ступней, большая часть их, однако, может, хотя и не без труда, лазать на деревья, привешиваться с помощью хвоста, превратившегося в орган хватания, и целые часы оставаться в таком положении. Из чувств лучше всего, кажется, развито обоняние. Душевные способности очень незначительны, хотя нельзя отрицать у них известной хитрости; они умеют избегать всякого рода ловушек. Пища их состоит из мелких млекопитающих, птиц и их яиц, а также из мелких земноводных, насекомых, личинок и червей; в случае нужды они едят плоды. Виды, живущие в воде и плавающие, едят главным образом рыбу. Более крупные сухопутные виды проникают в жилище человека и душат всех более слабых животных, до которых только могут добраться, упитываются их кровью и просто пьянеют от нее. Их голос состоит из своеобразно шипящих звуков; они издают его только тогда, когда их бьют. В случае преследования никогда не защищаются, а обыкновенно притворяются мертвыми, если не могут спрятаться. В страхе они издают сильный противный запах вроде чесночного.

Над двуутробками хорошие естествоиспытатели производили тщательные наблюдения, и многое, что мы знаем о размножении сумчатых животных вообще, и в частности о развитии их детенышей, основывается на данных, сообщенных этими исследователями*. По словам Бурмейстера, их ловят в Бразилии с помощью водки, которую выставляют в удобном месте. Они пьют и до такой степени пьянеют, что их легко тогда можно поймать. Мясо едят только местные жители; мех их никуда не годен, но волоса находят применение.

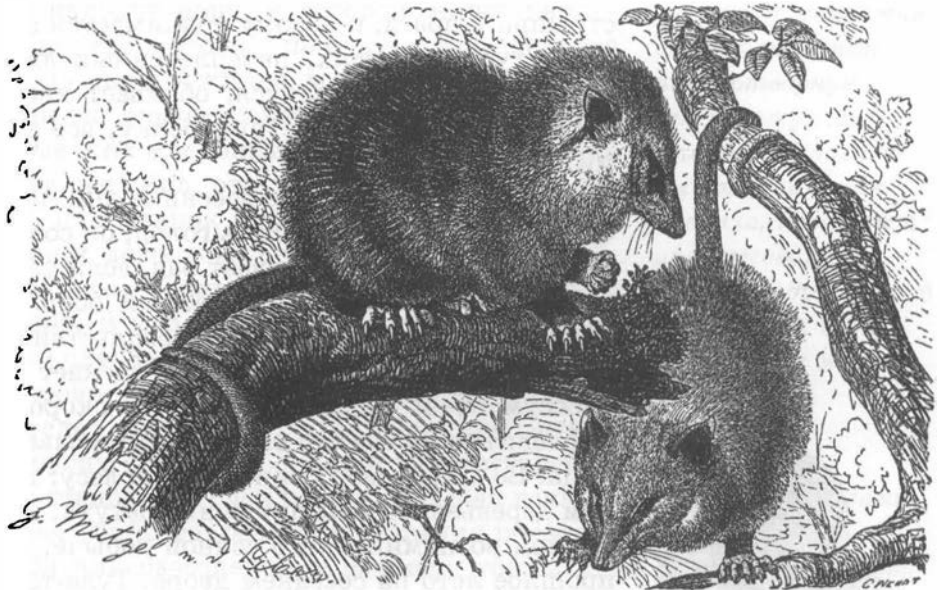
Из двуутробок наиболее известен **обыкновенный опоссум** (*Didelphis marsupialis*). Он не отличается ни окраской, ни какими-либо привлекательными чертами характера и справедливо считается крайне противным созданием. Длина тела опоссума более 47 см, длина хвоста около 43 см.

Тело мало вытянуто и довольно неуклюже, шея коротка и толста, голова длинная с плоским лбом, постепенно переходит в длинную заостренную морду; ноги короткие, пальцы свободны и почти одинаковой длины; задние ноги снабжены большим пальцем, который может противопоставляться остальным; довольно толстый,

круглый и заостренный на конце хвост покрыт волосами только у корня, а отсюда до конца голый и окружен тонкими рядами чешуек, между которыми лишь местами выступает несколько коротких волос. Самка имеет настоящую сумку. Основной цвет колеблется от белого до черного во всех степенях смешения. Америка от североамериканских Соединенных Штатов до Чили и Южной Бразилии составляет родину опоссума. В средних частях этой обширной области он всюду встречается часто и вовсе не на радость людям. Местопребыванием ему служат леса и кустарники, и чем они гуще, тем охотнее держится в них опоссум.

«Мне кажется, — говорит Одюбон, — что я вижу еще, как одно из этих животных медленно и осторожно пробирается по тающему снегу, обнюхивая почву, не найдется ли чего съедобного. Вот оно натолкнулось на свежий след курицы или зайца, поднимает морду вверх и нюхает по сторонам. Наконец опоссум ре-

* *Беременность большинства опоссумов — 12—13 дней, в год многие самки приносят по 2—3 помета. В помете обычно 4—11 детенышей, но бывает и до 25. Количество*

*Обыкновенный
опоссум
(Didelphis marsupialis)*

сосков у самки может достигать 25—27, расположены они в несколько рядов или в виде полукольца. Лактация длится 70—100 дней, половозрелость наступает в 6—8 месяцев, живут до 8 лет.

Семейство ОПОССУМОВЫЕ

шается и торопливо бежит по избранной дороге со скоростью хо-рошего ходока. Вот он ищет чего-то и, кажется, не решается, ка-кого направления ему держаться. Предмет его преследования сде-лал сильный прыжок или петлю прежде, чем опоссум нашел его след. Зверь поднимается на задние лапы, стоит несколько мгнове-ний в таком положении, озирается, снова обнюхивает землю и пускается рысью дальше. Но вот он решительно останавливается у корней старого дерева. Обходит кругом мощного ствола по по-крытым снегом корням и находит между ними отверстие, в ко-торое тотчас и проскальзывает. Проходит несколько минут, и он появляется обратно, таща в зубах уже мертвую земляную белку, и начинает взбираться на дерево. Медленно карабкается вверх. Первая развилина ветви, по-видимому, не удовлетворяет его: он полагает, что слишком открыт здесь для взглядов какого-нибудь страшного врага, и потому поднимается выше, пока не скроется в более густых ветвях, переплетенных диким виноградом. Здесь опоссум спокойно садится, обвивает хвостом ветвь и раздирает острыми зубами несчастную белку, все время держа ее передни-ми лапами.

Наступили веселые весенние дни, почки лопаются, но опос-сум все еще должен терпеть голод, он совершенно истощен. Посе-щает берега прудов и бывает рад, если увидит молодую лягушку, которая доставляет ему сносный обед. Понемногу прорастает клюква и крапива, и он с удовольствием ест молодые побеги. Утренний крик дикого индюка ласкает слух хитрого существа; опоссум очень хорошо знает, что скоро услышит и индейку и выследит ее до гнезда: там он рассчитывает с наслаждением пить яйца. Во время своих скитаний по лесу: то по земле, то по верши-нам деревьев, он слышит пение петуха, и восхищение овладевает им при воспоминании о сочной добыче, которой он лакомился в прошлое лето на соседнем дворе. Туда-то голодный плут направ-ляет свои стопы, и если обстоятельства благоприятствуют этому, то прокрадывается в курятник».

Опоссум, как показывает все его строение, животное древес-ное, на земле он передвигается, напротив, довольно медленно и беспомощно. При ходьбе ступает всей ступней. Движения его вялы, и даже бег не быстр, хотя и состоит из ряда прыжков, похожих на иноходь*. По деревьям животное лазает, напротив, с большой уве-ренностью и довольно бойко. При этом ему помогают цепкий хвост и большие пальцы задних ног, он может обхватывать ими ветви и крепко держаться за них. Нередко опоссум вешается на хвосте и остается в этом положении целые часы. Неуклюжее сложение мешает ему, правда, лазать с такой же быстротой и лов-костью, как могут лазать грызуны; однако на деревьях он в дост-аточной степени защищен от врагов.

Из его чувств особенно развито обоняние; говорят о способ-ностях опоссума выслеживать добычу. Он чувствителен к свету,

* Тем не менее при беге он может разви-вать скорость до 7 км в час. Кроме того, опоссум неплохо плавает. В насто-ящее время считает-ся, что это скорее наземное, чем древес-ное, животное.

который его ослепляет, и потому тщательно прячется от него. Этого достаточно, чтобы признать, что и зрение должно быть у опоссума довольно хорошо развито. Но другие чувства стоят, несомненно, на очень низкой ступени развития.

В больших, темных лесах опоссум, крадучись, бродит и днем, и ночью, хотя предпочитает темноту. Но там, где он боится опасности, и даже там, где ему досаждают дневной свет, он появляется лишь ночью, а целый день спит в норах или дуплах деревьев. Лишь во время спаривания живет вместе с самкой; в остальное же время живет одиноко, подобно всем близкородственным ему животным.

Он не имеет определенного жилища, а пользуется любым укромным уголком, который находит по окончании своих ночных скитаний при наступлении утра. Если счастье особенно благоприятствует ему и он находит нору, в которой живет какой-либо слабый грызун, то, конечно, это ему на руку; в таком случае первоначальный обитатель такого жилья должен сделаться его жертвой. Он поедает, как мы можем заимствовать из описания, данного Одюбоном, всех мелких млекопитающих и птиц, которых только может добыть, а также яйца, различных земноводных, более крупных насекомых, их личинок и даже червей, но в случае недостатка животной пищи довольствуется семенами и съедобными кореньями. Там, где может, свирепствует с кровожадностью, не поддающейся описанию. В курятниках он часто умерщвляет всех обитателей и в таком случае высасывает только их кровь, не трогая мяса. Это питье крови, как говорят, опьяняет его, как наших куниц, так что нередко его находят утром спящим между мертвыми птицами. В других случаях, во время удовлетворения своей кровожадности, он становится слеп и глух, забывая всякую опасность и, не прекращая убийства, без сопротивления позволяет собакам задушить себя или разозленному фермеру убить.

Впрочем, убить опоссума нелегко, так как он живуч и в случае крайности умеет спастись, притворяясь мертвым*.

На основании наблюдений над опоссумом в неволе установлено с достаточной достоверностью, что самка рождает детенышей приблизительно после 14-дневной беременности или, лучше сказать, переносит их из своего тела в сумку**. Число детенышей колеблется между 4 и 16. Вначале они еще совершенно бесформенны и очень малы, приблизительно с горошину; глаз и ушей нет, даже ротовая щель не явственна, хотя она, конечно, должна быть достаточно развита, чтобы служить соединительным звеном между детенышем и матерью. Рот развивается гораздо раньше, чем все остальные части тела; позднее развиваются до некоторой степени глаза и уши. Приблизительно через 14 дней открывается сумка, которую мать может произвольно суживать и расширять с помощью особых кожных мускулов; а приблизительно через 50 дней детеныши уже совершенно развиты. Они в

** Опоссум эффективно притворяется мертвым. Он падает на бок, тело как бы деревенеет, глаза стекленеют, язык свешивается из полуоткрытой пасти. Нередко при этом опоссум пускает слюну, испражняется и выделяет тошнотворную зеленоватую субстанцию. Удивленный хищник, как правило, перестает интересоваться зверьком, думая, что это падаль, и опоссум, уловив момент, скрывается.*

*** Детеныши сами добираются до сумки, руководствуясь в выборе дороги обонянием. Поскольку сумка открывается вперед, детенышам приходится преодолевать 4—5 см по брюху матери. Обычно на это уходит 2 минуты, но далеко не все проходят дистанцию целиком. Упавших с брюха детенышей самка не замечает, и они обречены на гибель.*

это время величиной с мышь, покрыты волосами на всем теле и открывают глаза. По прошествии 60 дней кормления в сумке вес их возрастает более чем в сто раз по сравнению с первоначальным. Мать ни в коем случае не позволяет открывать сумку, чтобы рассмотреть детенышей. Она выдерживает всякое мучение, но не подчиняется этому требованию. Лишь достигнув величины крысы, детеныши оставляют сумку, но остаются еще при матери, умея уже бегать, предоставляют ей добывать пищу и заботиться о них.

Вследствие вреда, который опоссум причиняет домашним птицам, если проникает на ферму, его всюду ненавидят и беспощадно преследуют.

Филандер
(*Philander opossum*)

Туземцы — особенно ревностные враги этого животного; они убивают его, где и когда только можно, и лучше других умеют извлекать из него пользу. Мясо животного несъедобно для европейца благодаря крайне противному запаху, похожему на чесночный, который зависит от выделений двух желез, расположенных по сторонам прямой кишки; но неграм оно очень нравится и вознаграждает его за труд ловли.

П о в е д е н и е
опоссума в неволе

едва ли может доставить удовольствие наблюдателю. Я могу утверждать на основании своих наблюдений, что это животное еще скучнее, чем другие хищные сумчатые. Опоссум лежит, свернувшись, целый день без движения в своей клетке, и, только если его дразнить, то от него можно добиться лишь одного движения: он открывает пасть, насколько может, и держит ее открытой все время, пока перед ним стоят, точно ему вставили в рот распорку. Того ума, который Одюбон приписывает опоссуму, живущему на свободе, не видно и следа. Он вял, ленив, сонлив и кажется отвратительно глупым: этими словами лучше всего можно охарактеризовать его поведение в неволе.

Шкура опоссума идет на выделку и продается под названием «кенгуру»; по Ломеру, в настоящее время в торговлю поступает около 600 000 штук. Цена шкуры устанавливается, смотря по красоте и спросу, зависящему от моды, в 0,5 — 2,5 марки.

Филандер (*Philander opossum*)*. Тело длиной в 24 см, а хвост в 32 см. Густые, мягкие и шерстистые волосы грязного желтовато- или рыжевато-серого цвета, снизу желтого. Бледно-серое лицо имеет бурую полосу посередине и пятна вокруг глаз; задняя половина хвоста кажется беловатой.

Филандер распространен довольно широко, быть может, по всему жаркому поясу Америки и встречается в большом числе в лесах Бразилии, охотнее всего поблизости болот, которые доставляют ему раков и крабов. Он живет почти исключительно на деревьях и спускается на землю только тогда, когда хочет охотиться вниз. Совершенно голый, цепкий хвост облегчает ему лазанье; во всяком положении, в каком случается его видеть, он всегда держится им и, собираясь отдохнуть, прежде всего обвивает свой длинный крысиный хвост два раза вокруг ближайшей ветви и таким образом обеспечивает себя от падения. На земле он ходит медленно и плохо, но тем не менее может справляться с мелкими млекопитающими, земноводными и насекомыми, а также раками, любимой пищей. На деревьях он охотится за птицами и отыскивает их гнезда, но ест, подобно опоссуму и другим родичам, и плоды. Он тоже посещает, как говорят, птичьи дворы и производит там среди кур и голубей большие опустошения.

Плавун, водяной опоссум (*Chironectes minimus*), от родичей отличается по строению ног. Передние и задние ноги с голыми подошвами и снабжены пятью пальцами; задние заметно больше передних, соединены плавательной перепонкой и вооружены большими, длинными, серповидными когтями. Пальцы передних ног вооружены лишь слабыми, маленькими и короткими когтями, которые так прикреплены к концам пальцев, что при ходьбе не касаются земли. Большой палец удлинен; позади него находится еще твердый отросток, похожий на шестой палец и происходящий от удлинения гороховидной кости. Очень длинный хвост покрыт лишь у корня короткими и густыми волосами, остальная часть его одета ромбическими чешуйками. Голова относительно мала, морда длинна и заострена, мех мягок. Самка снабжена полной сумкой**. Строение зубов плавуна почти такое же, как у других двуутробок.

По общему виду животное это похоже на крысу. Уши довольно велики, яйцеобразно округлены, кожисты и голы, глаза малы. Благодаря большим защечным мешкам лицо кажется толще, чем оно есть в действительности. Вытянутое, цилиндрическое, скорее приземистое, чем стройное, тело покоится на коротких ногах с широкими ступнями; передние ноги имеют свободные, очень длинные и тонкие пальцы, между тем как задние

** Филандер, или четырехглазый опоссум, назван так за круглые светлые пятна над глазами, хорошо выраженные у особой темной окраски. У более светлых особей пятна сливаются в поля, разделенные черной полосой.*

*** Выводковая сумка у самки хорошо развита и открывается назад. Самка плавает вместе с находящимися в сумке детенышами, как они дышат в сжатом от попадания воды кожаном мешке — неясно. Самцы плавун — единственные среди опоссумов, у которых, как и у самок, есть небольшая сумка. В ней они прячут мошонку, когда находятся в воде.*

представляют сильно развитые плавательные ноги. Хвост почти такой же длины, как тело, и может обвиваться, хотя и не употребляется в качестве органа хватания. Мягкий, гладкий, прилегающий мех, состоящий из более редких и длинных волос ости и густого подшерстка, окрашен на спине в прекрасный пепельно-серый цвет и резко отграничен от белой нижней стороны тела. На сером фоне спины видно шесть черных широких поперечных полос: первая тянется по лицу, вторая по темени, третья по передним ногам, четвертая по спине, пятая по пояснице, шестая по

Плавун,
водяной опоссум
(*Chironectes minimus*)

крестцу. Вдоль средней линии спины пробегает темная полоска от одной поперечной полосы до другой. Уши и хвост черные, лапы сверху светло-бурые, подошвы темно-бурые. У взрослых животных тело длиной около 40 см, хвост почти такой же длины.

Плавун распространен по большей части южноамериканской области. Он встречается от Гватемалы до Южной Бразилии, но, по-видимому, попадает везде редко или по крайней мере его трудно добыть; поэтому его до

сих пор можно найти лишь в очень немногих зоологических коллекциях. Наттерер, который 17 лет собирал коллекции в Бразилии, получил животное всего три раза, и то лишь случайно. Нечего удивляться поэтому, что мы почти ничего не знаем еще о его образе жизни. Известно, что он держится главным образом в лесах, по берегам маленьких рек и ручьев и, подобно большинству водных млекопитающих, прячется преимущественно в норах по берегу или плавает в реке; благодаря этому он обыкновенно ускользает от наблюдения. Говорят, что он выходит за пищей и днем и ночью, плавает с величайшей легкостью и может быстро и ловко двигаться также на суше. Пища его состоит, как утверждают, из мелких рыб или других маленьких водных животных и из рыбьей икры; однако большие защечные мешки указывают,

конечно, на то, что плавун не пренебрегает также и растительными веществами*. Говорят, что, наполнив эти запасные вместилища пищей, животное возвращается на сушу, чтобы там заняться едой. Самка рождает около 5 детенышей, вынашивает их в сумке, затем уже довольно рано ведет их в воду и долгое время обучает здесь плаванию, нырянию и добыванию пищи.

Редко случается удачно выстрелить в животное, когда оно показывается на середине реки. Обыкновенно тех немногих, которых удается добыть, находят, вынимая верши, расставленные для ловли рыбы, в которых они запутываются и задыхаются.

СЕМЕЙСТВО ХИЩНЫЕ СУМЧАТЫЕ (Dasyuridae)**

Сумчатые сони, или кистехвостые сумчатые крысы (*Phascogale*), представляют собой мелких хищных сумчатых, более или менее похожих на землероек. Длина тела этих животных незначительна, хвост умеренной длины. Плотное тело покоится на коротких ногах с маленькими пятипалыми лапами, которые, за исключением большого пальца задних ног, лишено когтя, вооружены крючковатыми, остроконечными когтями. Голова заострена, глаза и уши довольно большие. В зубной системе бросаются в глаза сильно развитые верхние резцы; тонкие клыки бывают лишь умеренной величины, остроконечные ложнокоренные зубы напоминают по своим бугоркам зубы насекомоядных.

Сумчатые сони населяют Австралию и Папуасские острова, живут на деревьях и питаются почти исключительно насекомыми. Их образ жизни и привычки еще недостаточно исследованы, и потому мы можем рассмотреть их лишь бегло.

Большая сумчатая крыса, или тафа (*Phascogale tapoatafa*). По величине она равна приблизительно нашей белке; длина тела 24 см, длина хвоста — 22,5 см. Длинный, мягкий, волнистый, довольно редкий мех на верхней стороне тела серого цвета, на нижних частях — белого или желтовато-белого; середина лба и темени темнее, все другие волосы с черными кончиками; пальцы белые. Хвост на протяжении первой четверти длины покрыт гладко прилегающими волосами, похожими на волосы тела. На протяжении следующей четверти он покрыт более короткими волосами, сверху светлого, снизу бурого цвета; вторая половина хвоста покрыта длинными, пушистыми, темными волосами.

Тафа — маленькое красивое и, казалось бы, безопасное создание, неспособное причинить вред; но едва ли какое-либо другое животное может до такой степени противоречить своим характером первому впечатлению, которое оно производит, как это хищное сумчатое, составляющее одно из величайших бедствий для колонистов. Дикий, кровожадный и смелый хищник просто

Семейство хищные сумчатые

* Доказательств питания растительным кормом нет и сейчас.

** Семейство хищные сумчатые — возможно, самое примитивное в отряде сумчатых. Насчитывает около 50 видов, распространенных в Австралии, Тасмании, на Новой Гвинее и прилегающих мелких островах. Внешний вид, размеры и повадки очень разнообразны. Все без исключения плотоядны, мелкие формы питаются насекомыми. Активны преимущественно ночью, некоторые виды ведут древесный образ жизни. Выводковая сумка может быть плохо развита или отсутствовать вовсе. Беременность 8—30 дней, в помете 3—10 детенышей, молодые остаются в сумке примерно 150 дней. Половозрелы к 6—12 месяцам, живут 7—12 лет.

пьянеет от крови умерщвленных им животных и во время своих хищнических набегов ловко проникает в жилища людей. Незначительная величина и маленькая голова позволяют тафе пролезать через самые маленькие отверстия, и если ей удастся проникнуть в помещение, где живут домашние животные, то она свирепствует здесь совершенно невероятным образом. От этого назойливого создания не защищает ни стена, ни ров, ни изгородь. Она пролезает через самую узкую щель, перепрыгивает через стену или изгородь, всюду находит доступ, снизу и сверху, с той или другой стороны. К счастью для колонистов, у тафы нет

*Большая сумчатая
крыса, или тафа
(Phascogale tapoatafa)*

таких резцов, как у наших крыс, и достаточно хорошей двери, чтобы удержать ее. Но каждый хозяин должен самым тщательным образом запирать курятники и голубятни, если хочет сохранить своих птиц. Если бы тафа была величиной с сумчатого волка и сохранила свою кровожадность, то она сделала бы необитаемыми целые страны и, безусловно, была бы самым страшным из всех хищных животных.

Колонисты утверждают едино-

гласно, что непрерывное преследование, которому подвергается тафа как со стороны белых, так и туземцев, нельзя объяснить исключительно ее хищностью и кровожадностью, этому содействует также особая ненависть к ней, обуславливаемая совершенно иной причиной. Тафа при нападении на нее защищается, говорят, с такой яростью и наносит при этом такие болезненные и даже опасные раны, что уже одно появление ее возбуждает в человеке жажду мщения.

Обыкновенно тафа только ночью оставляет свое убежище и бродит, отыскивая добычу. Однако довольно часто случается видеть, что она бегаёт и днем, причем свет, по-видимому, не мешает ей. Она обладает большой подвижностью и ловкостью, главным образом на ветвях деревьев. Здесь проводит большую часть жиз-

ни и с быстротой и гибкостью белки прыгает и шмыгает с ветви на ветвь, с одного дерева на другое. Длинный хвост приносит при этом пользу в качестве прекрасного руля или балансира. Тафа находит обыкновенно приют в дуплах деревьев*; здесь выкармливает своих детенышей. Она широко распространена в Австралии, где часто встречается как на равнине, так и в горах; этим отличается от большинства других австралийских животных, которые ограничиваются обыкновенно поясом определенной высоты.

Второй вид — желтоногая сумчатая мышь (*Antechinus flavipes*), животное, которое достигает в длину около 13 см и имеет хвост длиною в 8 см. Довольно обильный и мягкий мех у основания темно-серого цвета, снаружи он черноватый с желтыми крапинками, на боках — рыжеватый или охристо-желтый, снизу светло-желтого цвета; подбородок, грудь и брюхо белые или желтые; хвост светлый, местами испещренный более темными крапинками. Белобрюхие экземпляры обитают в западной и северной частях Австралии, желтобрюхие — в восточной.

Мы должны упомянуть еще об одном маленьком хищном сумчатом зверьке, который живо напоминает тушканчика, поэтому мы будем называть его сумчатым тушканчиком (*Antechinomys laniger*). Он отличается маленькой, стройной фигурой, очень большими ушами, очень длинным хвостом, снабженным кистью и необыкновенно удлиненными задними ногами, пальцы которых приблизительно равной длины. Преобладающий цвет длинной, тонкой и мягкой шерсти сверху неопределенно-серый, который на боках и снизу становится светлее. Вся длина животного несколько более 20 см, длина хвоста не менее 12 см. Судя по виду задних ног, похожих на задние ноги тушканчиков, можно сказать а priori, что сумчатый тушканчик передвигается преимущественно прыжками. Креффт действительно убедился в этом факте на основании собственных наблюдений. Родина этого животного — южный Квинсленд и Новый Южный Уэльс. Питается оно, конечно, насекомыми**. Сумчатые куницы, среди которых в 1888 г. различали пять видов, составляют особый род. По об-

Семейство хищные сумчатые

* Гнездо из листьев и веточек устраивает не только в дуплах, но и в развилках веток, даже на земле.

Желтоногая
сумчатая мышь
(*Antechinus flavipes*)

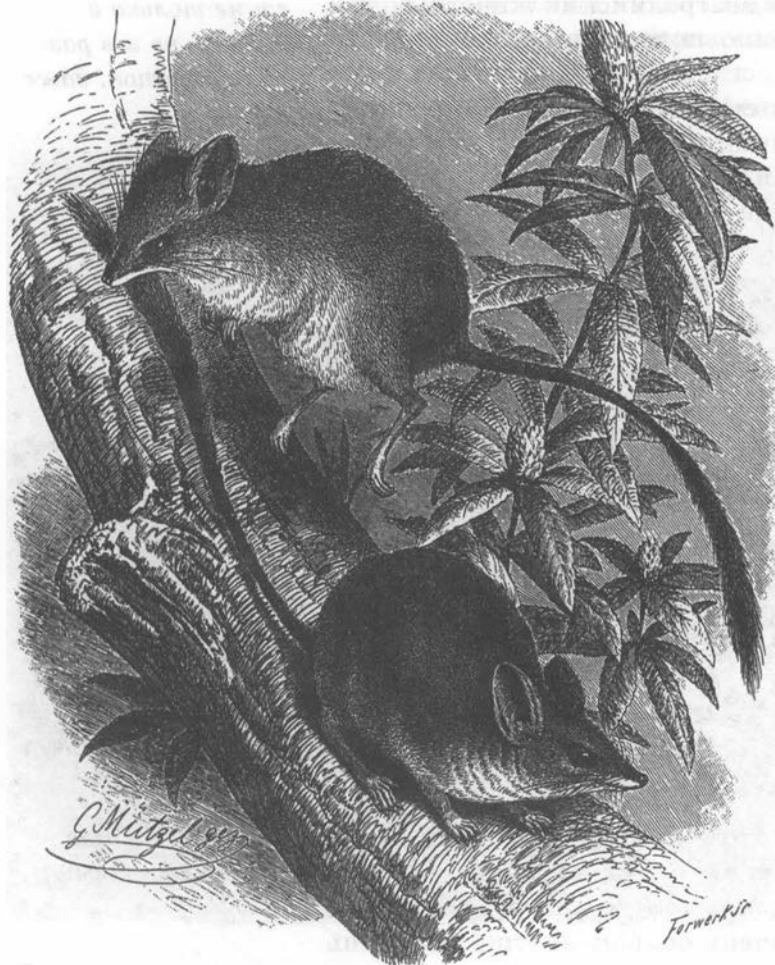
** Нередко охотится на ящериц и мелких грызунов, в неволе сумчатые тушканчики немедленно нападали на подсаженных мышей.

**Семейство
хищные сумчатые**

щему виду они занимают приблизительно середину между ли-
сицами и куницами, не представляя, однако, ни с теми, ни с
другими сходства, которое бросалось бы в глаза. Тело тонкое и
вытянутое, шея довольно длинна, голова впереди заострена. Зуб-
ная система такая же, как у сумчатого дьявола. Хвост длин-
ный, висячий и равномерно пушистый; ноги низкие и средней

толщины, задние ноги не-
сколько длиннее передних и
отличаются отсутствием
большого пальца; пальцы сво-
бодны и вооружены крепки-
ми, серпообразными, остроко-
нечными когтями*.

Один из наиболее извест-
ных видов этого рода —
крапчатая сумчатая куница
(*Dasyurus viverrinus*), или
кволл, имеет чало-бурый цвет,
снизу белый. Вся верхняя
часть тела покрыта непра-
вильной формы пятнами, ко-
торые на голове мельче, чем
на спине и боках. Несколько
заостренные уши умеренной
величины с короткими черны-
ми волосами. Конец морды
красно-мясного цвета. У
взрослого животного длина
тела достигает 40 см, хвоста
30 см, высота тела у загривка
15 см. Представители этого
вида распространены по Но-
вому Южному Уэльсу, Викто-
рии, Южной Австралии и Тас-
мании.

**Восточноавстралий-
ский сумчатый
тушканчик**
(*Antechinomys laniger*)

* Рисунок из изда-
ния Брема нето-
чен — там, где
обитает этот вид,
часто совсем нет
древесной расти-
тельности.

Любимое местопребывание крапчатой сумчатой куницы
составляют леса на берегах моря. Здесь она прячется днем в
подземных логовищах, под корнями деревьев и под камнями
или в дуплах деревьев. После наступления ночи бродит в поис-
ках пищи, уходя часто на далекие расстояния. Ест главным
образом мертвых животных, выброшенных морем, но охотится
также в лесу за мелкими млекопитающими или гнездящимися
на земле птицами; не пренебрегает и насекомыми. Она посе-
щает также курятники и беспощадно душит захваченных ею
птиц, а также крадет мясо и жир из жилищ человека. Походка
крадущаяся и осторожная, но движения быстры и ловки; одна-
ко она лазает плохо и поэтому охотнее всего держится на зем-

ле, хотя иногда и поднимается по наклонным стволам деревьев. Число детенышей колеблется между 4 и 6*.

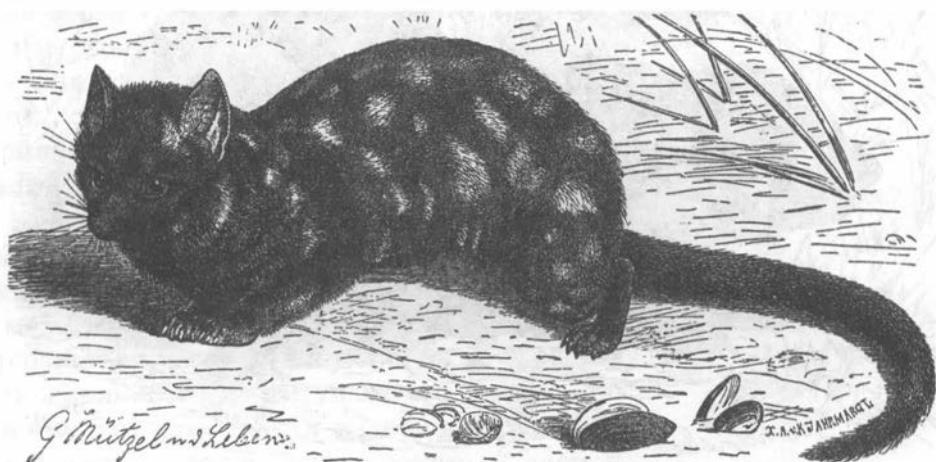
Сумчатую куницу преследуют с такою же ненавистью, как и вышеназванных хищных сумчатых. Ее ловят часто в железные капканы, куда кладут в качестве приманки какое-нибудь мясо. Для содержания в неволе она мало пригодна, это одно из самых скучных существ, каких только я знаю. Ее нельзя назвать ни злой, ни добродушной, ни живой, ни спокойной: она просто скучна. Ум ее, по-видимому, очень ограничен. Куница никогда не выказывает привязанности или любви к своему хозяину и никогда не становится ручной. Если приблизиться к ее клетке, она уходит в угол, прячет спину и, насколько может, разевает рот. Хотя эта поза и имеет угрожающий вид, на самом деле вовсе не страшна: если еще более приблизиться к ней, она не отважится на решительное противодействие. Когда куница возбуждена, то издает хрипкое сопение, которое едва ли можно назвать фырканьем; она не думает защищаться каким-нибудь иным способом, например зубами. Света боится так же, как и другие представители этого семейства, и потому всегда удаляется днем в самый темный угол своей клетки. Так как куница нечувствительна к влиянию погоды и довольствуется всякой животной пищей, то ее можно содержать без особого труда.

Сырое или вареное мясо всякого рода составляет для нее вполне пригодную пищу. Она не проявляет такой жадности, как остальные хищные сумчатые. Данный ей кусок мяса схватывает с поспешностью, отрывает кусочек, подпрыгивая, бросает его вверх, ловит и проглатывает. Окончив обед, садится на задние лапы, быстро трет передние лапы одну о другую и вытирает ими свою влажную морду или чистит все тело, так как она очень чистоплотна.

Сумчатый дьявол (*Sarcophilus harrisi*) производит крайне отталкивающее и противное впечатление. Он составляет также особый род. Животное получило такое многозначительное название благодаря своей невероятной дикости и неприручаемости. Все наблюдатели единогласно говорят, что едва ли можно представить себе более неприятное, более задорное, отчаянное и бешеное существо, чем этот сумчатый дьявол; его дурное расположение духа и злоба никогда не прекращаются, и гнев вспыхивает ярким пламенем по самому незначительному поводу. В

Семейство хищные сумчатые

* В неволе известен случай рождения 24 детенышей. Возможно, в природе самки нередко приносят большой помет, но, поскольку сосков всего 6—8, выживают лишь детеныши, сумевшие раньше других добраться до сосков.

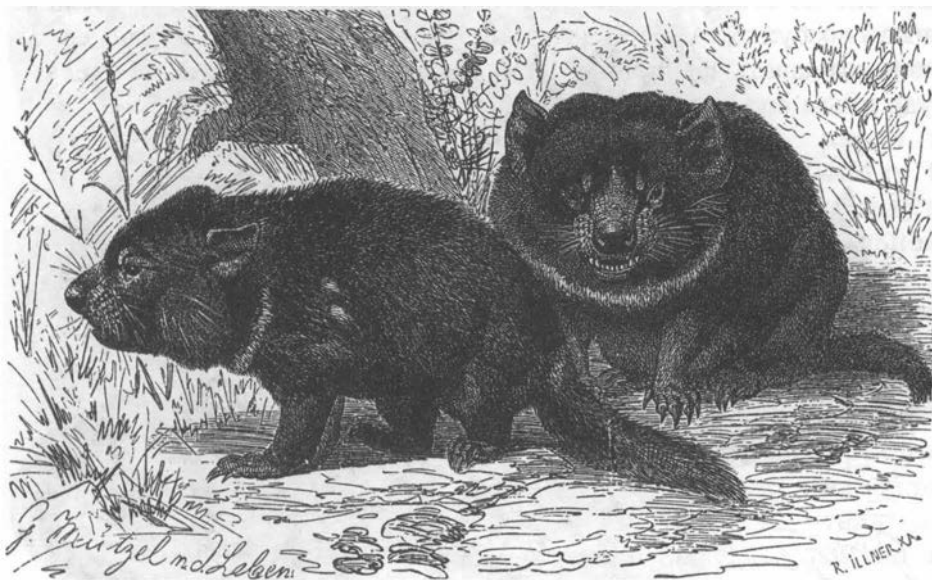
**Крапчатая
сумчатая куница**
(*Dasyurus viverrinus*)

**Семейство
хищные сумчатые**

неволе, даже при самом тщательном уходе, он не теряет своих качеств и никогда не полюбит и не будет узнавать человека, который кормит его и ходит за ним. Напротив, с безрассудной яростью нападает на своего сторожа, как и на всякое другое существо, которое осмелится к нему приблизиться. Сумчатый дьявол или спит в самом темном углу клетки, или щелкает своими страшными зубами и бешено огрызается, если думает, что может достать того, кто к нему приближается. В этих взрывах злости, по-видимому, только и проявляется духовная деятельность, к которой он способен.

Внешний вид сумчатого дьявола следующий: сложение плотное, голова очень велика, неуклюжа, толста, с широкой мордой. Уши короткие, снаружи покрыты волосами, внутри голые и складчатые.

Глаза маленькие, зрачки круглые. Нос голый, губы усажены многочисленными бородавками. Хвост короткий, конической формы, очень толст у корня и быстро утончается; низкие, несколько кривые ноги приблизительно равной длины. В зубной системе одним ложнокоренным зубом меньше, чем у сумчатого волка. мех состоит

*Сумчатый дьявол
(Sarcophilus harrisi)*

** Белые пятна на черном фоне шерсти, очевидно, служат маркерами для индивидуального распознавания особей, их расположение и размеры сильно варьируют. Помимо пятен на груди белые метины могут быть по бокам тела и на крестце.*

из коротких нигде не удлиняющихся мягких волос; волнисто закрученные волосы усов толсты, щетинисты и короткие, пучок щетинок на щеках чрезвычайно длинен. Голова покрыта редкими черными волосами, так что между ними просвечивает красноватая кожа. На груди сумчатого дьявола находятся белый галстучек и два белых пятна; остальное тело покрыто черным, как сажа, мехом*. Вся длина животного около одного метра, из которых на хвост приходится около 30 см.

Вначале сумчатый дьявол доставлял поселенцам в Тасмании много хлопот, так как сильно препятствовал разведению домашней птицы. Он проникал, как куница, в курятник и свирепствовал здесь с такой кровожадностью, какую может проявлять кроме него только куница. Поэтому с самого начала его возненавидели и стали преследовать самым беспощадным образом, тем более что находили его мясо вкусным или по крайней мере съедобным. Ставили всякого рода ловушки и ус-

траивали большие охоты. Благодаря этому он очень скоро научился бояться человека и удалился в самые густые и недоступные горные леса. Во многих местностях он уже истреблен и даже там, где еще встречается, его замечают теперь довольно редко*.

Это настоящее ночное животное; он в такой же степени боится дневного света, как сумчатый волк или наши совы. Свет, по видимому, действительно причиняет ему боль. За содержащимися в неволе животными наблюдали: когда их выносили на свет, они тотчас торопливо и испуганно старались найти самое темное место в клетке, корчились, отворачивались и старались защитить глаза от крайне неприятного действия света с помощью постоянных движений мигательной перепонки. Пока солнце находится еще на небе, сумчатый дьявол прячется в самых темных и глубоких норах, в расщелинах скал, под корнями деревьев и здесь впадает в глубокий сон, похожий на смерть; тогда его не может разбудить даже шум охоты. После наступления ночи он оставляет логовище и бродит, ища добычи. При этом он оказывается относительно быстрым и проворным в своих движениях и выносливым на бегу; но все-таки по ловкости и гибкости стоит бесконечно позади виверр и куниц, с которыми хотели его сравнивать. Его осанка и некоторые привычки напоминают медведя. При ходьбе он ступает всей ступней, при сидении опирается, как собака, на заднюю часть.

Со своей обычной яростью он нападает на всех животных, которые ему только попадаются. Отыскивает добычу как между позвоночными, так и между беспозвоночными; из того, что дает ему эта скудная, надо сознаться, страна или море, он не брезгует ничем, так как его прожорливость не уступает его ярости. Во время своих хищнических походов дьявол издает звуки, которые представляют собой нечто среднее между звучным лаем и ворчанием. Его прожорливость часто служит причиной гибели. Он идет, не задумываясь, в любую ловушку и берет всякую приманку, состоит ли она из кусочка мяса какого-либо позвоночного или из другого низшего животного. Труднее, говорят, охотиться за ним с собаками: видя опасность, он в драке проявляет необычайную храбрость и защищается до конца против каждого, даже более сильного противника. Большая сила челюстей, страшные зубы, бешеная ярость и бесстрашие часто позволяют ему победоносно отражать нападение собаки. И действительно, едва ли найдется такая охотничья собака, которая вступила бы с ним в бой.

В неволе дьявол остается всегда верным себе, через год он так же бешен и яростен, как и в первый день заточения. Без малейшего повода бросается иногда на жерди своей клетки и наносит кругом удары лапами, как будто бы хочет растерзать на месте всякого, кто к нему приблизится. В неволе ест любую

** Основную роль в сокращении ареала сумчатого дьявола сыграло проникновение на австралийский материк крупного плацентарного хищника — собаки динго. Сумчатый дьявол за короткое время исчез с материка и сохранился только на Тасмании, куда динго не проник.*

Семейство Сумчатые муравьеды

* Сумка дьявола представляет собой серповидную складку кожи, открывается назад. Спаривание происходит в начале осени, детеныши рождаются в начале зимы. Четверо новорожденных имеют длину всего по 12 мм. В 15 недель они покидают соски матери, но остаются в сумке весь период лактации — 4—5 месяцев.

** Намбат в прошлом был широко распространен по всей южной части Австралии, в настоящее время встречается лишь на крайнем юго-западе материка. Естественный ареал, видимо, связан с наличием термитов, которые не только служат пищей, но и содействуют образованию дупел, используемых в качестве убежища. Включен в Международную Красную книгу как вид, находящийся под угрозой исчезновения.

пищу; довольно продолжительное время его можно кормить одними только костями, которые он легко раздробляет крепкими зубами.

Число детенышей, как говорят, колеблется от 3 до 5. Утверждают, что самка долго носит их с собой. Больше ничего о размножении не известно*. Мясо, как говорят, по вкусу похоже на телятину.

СЕМЕЙСТВО СУМЧАТЫЕ МУРАВЬЕДЫ (*Myrmecobiidae*)

Сумчатый муравьед, или намбат (*Myrmecobius fasciatus*), его называют также «мурашеед»**, служит единственным представителем семейства. Тело его длинно, голова заострена, задние ноги четырехпалые, передние пятипалые; задние ноги несколько длиннее передних, подошвы не покрыты волосами, пальцы разделены. Хвост висячий, длинный и косматый. Самка не имеет сумки. На груди находится замечательная и очень сложная железа, открывающаяся несколькими протоками и свойственная обоим полам. Зубная система животного чрезвычайно богата. Число зубов больше, чем у какого-либо другого млекопитающего, за исключением армадилла и некоторых китообразных. У муравьеда не менее 50 — 54 зубов. С обеих сторон в верхней челюсти находятся по 4 резца, по 1 клыку, по 3 ложнокоренных зуба, по 5 истинно коренных; в нижней челюсти — по 3—4 резца, по 1 клыку, по 3 ложнокоренных зуба и по 5—6 истинно коренных. Язык длинный, тонкий, к концу сужен, отличается совершенно гладкой поверхностью и может вытягиваться.

Мурашееда можно по справедливости считать одним из самых красивых и привлекательных по виду сумчатых. По величине он равен приблизительно нашей обыкновенной белке. Длина тела около 25 см, длина хвоста около 18 см. Тело покрыто густым мехом, голова коротка, хвост, напротив, длинен, покрыт косматыми волосами черного цвета. Под длинной, довольно жесткой остью лежит густой, короткий подшерсток, по бокам верхней губы торчат усы, под глазами щетинистые волоса. Окраска очень своеобразна. Охристо-желтый цвет передней и верхней части тела кажется светлее от примеси белых волос; он постепенно переходит в густой черный цвет, который покрывает большую часть задней половины тела, но прерывается белыми или рыжеватыми поперечными полосками. Вся нижняя часть желтовато-белая, пах бледный чало-желтый, ноги с наружной стороны бледные буровато-желтые, с внутренней стороны — белые. На голове черные волосы в смеси с чало-желтыми и некоторым количеством белых производят буроватую окраску. Верхняя сторона хвоста представляет грубую смесь бледно-желтого

и черного цвета; нижняя сторона его окрашена ярким ржаво-рыжим цветом. Нос, губы и когти черного цвета. Подшерсток беловато-серый.

Несмотря на такое резкое разграничение цветов, животное производит приятное впечатление, которое еще более увеличивается, если приходится видеть его в живом виде. Оно так же подвижно, как и вышеописанные виды. Если оно обращается в бегство, то довольно быстро движется мелкими прыжками, причем держит хвост совершенно так же, как наша белка. Бежит мурашеед не особенно скоро, но его ловкость и хитрость с избытком вознаграждают недостаток быстроты. В лесу, не тронутым еще рукой человека, его любимом местопребывании, он легко может спрятаться или в дупле дерева, или под корнями, или же

в расщелине скалы; такие убежища мурашеед умеет найти даже во время самого энергичного преследования; он скрывается в них с большою ловкостью, и извлечь его оттуда очень трудно. Даже дым, который коварный человек обыкновенно употребляет для того, чтобы выгнать

из норы спрятавшееся животное, не производит, говорят, на мурашееда желаемого действия; во всяком случае, человек гораздо раньше устает от возни при выкуривании, чем дым, затрудняющий дыхание и отравляющий воздух, начнет действовать на мурашееда. Главная пища мурашееда указана уже в самом названии. Его находят преимущественно в таких лесных местностях, где встречаются во множестве муравьи. Он, совершенно как муравьед, всовывает язык в кишачную кучу муравьев и затем, когда масса разозленных насекомых вцепится в него, челюстями быстро втягивает его обратно в рот. Говорят, что, кроме того, он ест других насекомых, иногда смолу, выступающую на ветвях эвкалиптов, и даже траву.

Число детенышей колеблется, говорят, от 5 до 8*.

**Семейство
сумчатые муравьеды**

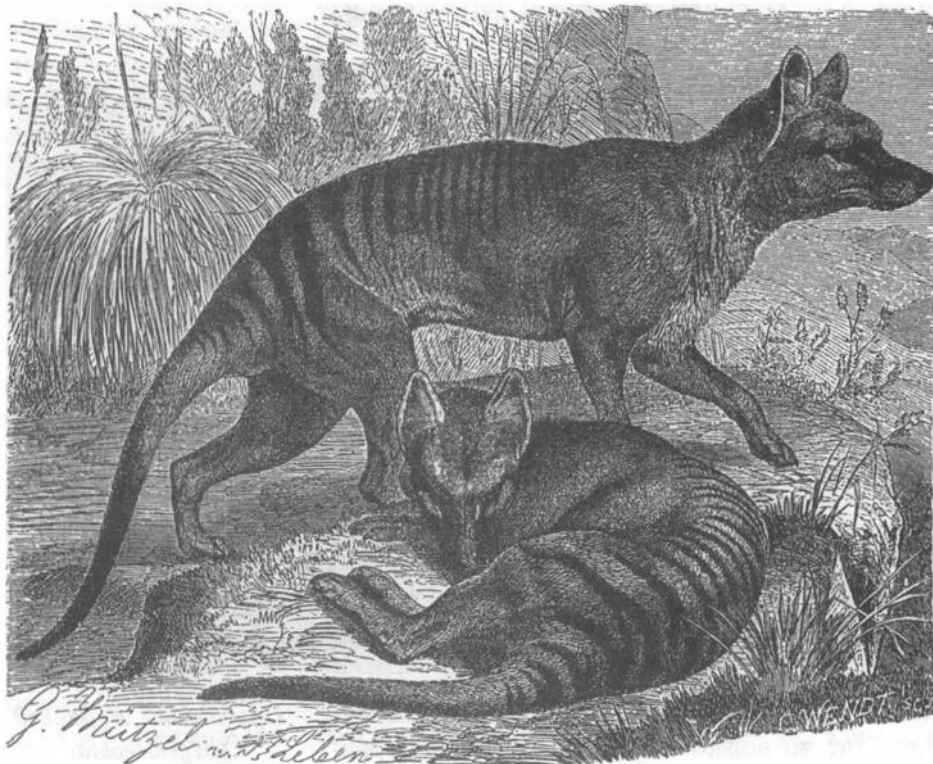
*Сумчатый муравьед
(Myrmecobius
fasciatus)*

* Самка приносит
лишь 4 детенышей.

СЕМЕЙСТВО
СУМЧАТЫЕ ВОЛКИ (*Thylacinus*)

Сумчатый, или тасманийский, волк, тилацин (*Thylacinus cynocephalus*), единственный ныне живущий представитель особого рода, не без основания носит свое имя; он в самом деле похож на дикую собаку*. Его вытянутое тело, форма головы, сильно отделенная от остальной головы морда, стоячие уши, злые глаза, а также поднятый кверху хвост напоминают собаку, только конечности относительно коротки, и зубы существенно отличаются. В каждой половине верхней челюсти находится по 4, в нижней по 3 резца, кроме того, вверху и внизу по 1 клыку, 3 ложнокоренных и 4 истинных зуба; всего, следовательно, 46 зубов.

Сумчатый волк — самое крупное из всех плотоядных сумчатых. Длина его тела более 1 м, длина хвоста 50 см, старые самцы, как уверяют, становятся еще заметно больше, достигая общей длины около 1,9 м. Короткий, пушистый мех серо-бурого цвета, на спине с 12—14 черными поперечными полосами. Волосы на спине при основании темно-бурые, а перед

Сумчатый волк
(*Thylacinus*
cynocephalus)

* Сумчатый волк — удивительный пример морфологической конвергенции сумчатых и плацентарных млекопитающих.

темным концом желтовато-бурые; волосы на брюхе бледно-бурые у корня и буровато-белые на конце. Голова светлая, область глаз беловатая; у переднего угла глаза находится темное пятно, а над глазом полоска. Когти бурые. Сзади на спине волосы удлиняются и достигают на бедрах наибольшей длины. Мех не очень тонок, но короток и несколько курчав. Хвост лишь у корня покрыт мягкими волосами, а на остальном протяжении жесткими. Выражение лица у животного совершенно иное, чем у собаки, привлекают внимание далеко разрезанный рот и большей величины глаза.

Сумчатый волк живет в Тасмании. В первое время европейской колонизации он попадался очень часто, причинял много

хлопот и убытка скотоводам, так как прилежно посещал стада овец и птичьи дворы. Позднее огнестрельное оружие все более и более отгоняло его, и теперь он оттеснен внутрь острова. Здесь в некоторых гористых местностях он все еще водится в довольно значительном количестве, чаще всего на высоте около 1000 м над уровнем моря*.

Расщелины скал в темных, почти недоступных для человека ущельях, естественные или вырытые им самим глубокие норы составляют его дневное убежище; отсюда он предпринимает свои хищнические набеги.

Сумчатый волк — ночное животное и очень боится яркого света. Чрезвычайную чувствительность его глаз к дневному свету доказывают непрерывные движения мигательной перепонки; ни одна сова не старается тщательнее защитить глаз от резкого света, чем он. Вероятно, благодаря этой чувствительности к свету днем он неповоротлив и неловок, ночью же, напротив, бодр, энергичен и часто даже смел и опасен; не боится борьбы и часто выходит из нее победителем, так как единственными опасными врагами его могут быть только собаки. Если он и не самый дикий из всех хищных сумчатых, то во всяком случае превосходит своих родичей силой и смелостью и уже поэтому заслуживает свое название. Он приносит столько же вреда, как и его северный тезка.

Пища сумчатого волка состоит из мелких животных, которых он может добыть и одолеть; при этом он уничтожает как позвоночных, так и беспозвоночных, начиная от насекомых и моллюсков. Там, где горы доходят до морского берега и где переселенцы не утвердились еще прочно, он бродит ночью по берегу, нюхает по сторонам и отыскивает всевозможных животных, выброшенных волнами. Двустворчатые и другие моллюски, которых попадается очень много, составляют главную его пищу, если только счастье не улыбнется и море не приготовит ему пир, выбросив на берег полусгнившую рыбу или тюленя. Но сумчатый волк предпринимает и более трудные охоты. На богатых травой равнинах и в низменностях, поросших кустами, он преследует быстрого кенгуру**, а в реках и прудах — утконоса, несмотря на его умение плавать и нырять. Если он очень голоден, то не пренебрегает никакой пищей и не боится даже острых игл, покрывающих ехидну.

Животное это ловят в ловушки, если оно в своих разбойничьих экскурсиях появляется около деревень, или травят его собаками. От последних он умеет хорошо защищаться и выказывает при этом храбрость и свирепость, вовсе не соответствующие его незначительной величине. В крайнем случае он дерется поистине отчаянно, и с ним нелегко справиться целой стае собак.

О жизни сумчатого волка в неволе мало что можно рассказать. Глупый и тупой, как все его родичи, он едва ли может возбудить участие к себе. Только что пойманные, говорят, ведут себя

** Со времен Брема ситуация изменилась настолько, что о сумчатом волке приходится сейчас говорить в прошедшем времени — видимо, он полностью вымер в 60—70-х годах XX века.*

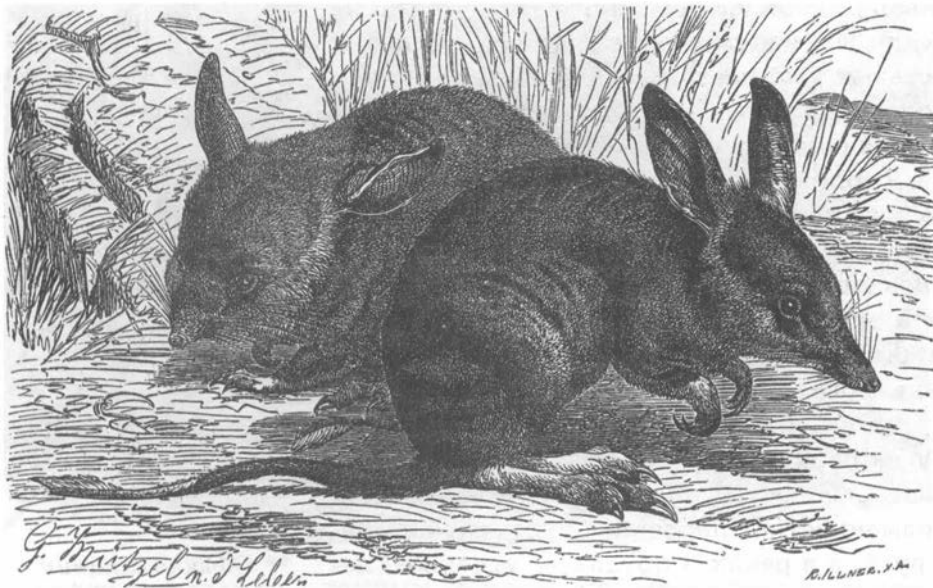

*** Обычно хищник загонял свою добычу в результате долгого изматывающего преследования. Есть наблюдения, что на близкой дистанции, в броске, сумчатый волк достигал кенгуру, скача, как и они, только на задних лапах.*

сначала очень упрямо и непокорно, с ловкостью кошки лазают по своей клетке и по балкам дома и делают прыжки вышиною в 2—3 м. При продолжительной жизни в неволе уменьшается как их подвижность, так и дикость по отношению к человеку; однако они никогда не дружат со своим сторожем, едва могут узнавать его и отличать от других людей, относятся к нему совершенно равнодушно и разве при виде предлагаемого мяса до некоторой степени оживляются. Их ясный темно-бурый глаз тупо смотрит на наблюдателя и вовсе не имеет того выражения, какое имеет глаз настоящего хищника.

СЕМЕЙСТВО БАНДИКУТОВЫЕ (Peramelidae)

Даже не специалист легко может отличить представителей семейства бандикут, или сумчатых барсуков. Значительно удлиненные задние ноги и своеобразное строение пальцев этих животных составляют признаки, которые должны броситься в глаза

Кроличий бандикут
(*Macrotis lagotis*)

каждому. Из пяти пальцев передних ног лишь два или три средних велики, свободны и снабжены большими серповидными когтями. Второй и третий палец задних ног сращены между собой до ногтей; большого пальца нет или он недоразвит, четвертый палец очень длинен. Тело в общем плотное; голова и особенно морда заострена; хвост очень короткий и покрыт редкими волосами, лишь у отдельных видов он длинен и пушист; уши у одних животных умеренные, у некоторых видов замечательно велики. Сумка открыта у самки сзади. Зубная система состоит из четырех или пяти верхних и трех нижних резцов, одного клыка, трех ложнокоренных и четырех истинных коренных зубов в каждой челюсти.

Сумчатые барсуки живут в Австралии и Новой Гвинее в норах, которые они выкапывают себе в земле и в которые прячутся с величайшей поспешностью при малейшей опасности. Иногда они встречаются поблизости от плантаций или человеческих поселений, обыкновенно же держатся вдали от человека — заклято-

го врага всех животных. Большинство видов живет обществами и ведет исключительно ночной образ жизни. Их движения довольно быстры и своеобразны: походка состоит из ряда то более коротких, то более широких не то прыжков, не то шагов. Пищей служат им главным образом растения, особенно сочные корни и клубни; однако они поедают также насекомых и червей.

Все сумчатые барсуки робкие и пугливые, крайне добродушные, безобидные и миролюбивые животные, которые на свободе пугаются каждой опасности и стараются убежать от человека. В неволе они без сопротивления подчиняются своей участи и уже в короткое время становятся ручными и доверчивыми. В этом заключается единственная польза, которую они могут приносить человеку, так как ни один вид не употребляется в пищу и не дает шкуры, которая шла бы в дело. Вред, приносимый ими, заключается, как говорят, в том, что они роются на полях и иногда причиняют опустошения на плантациях.

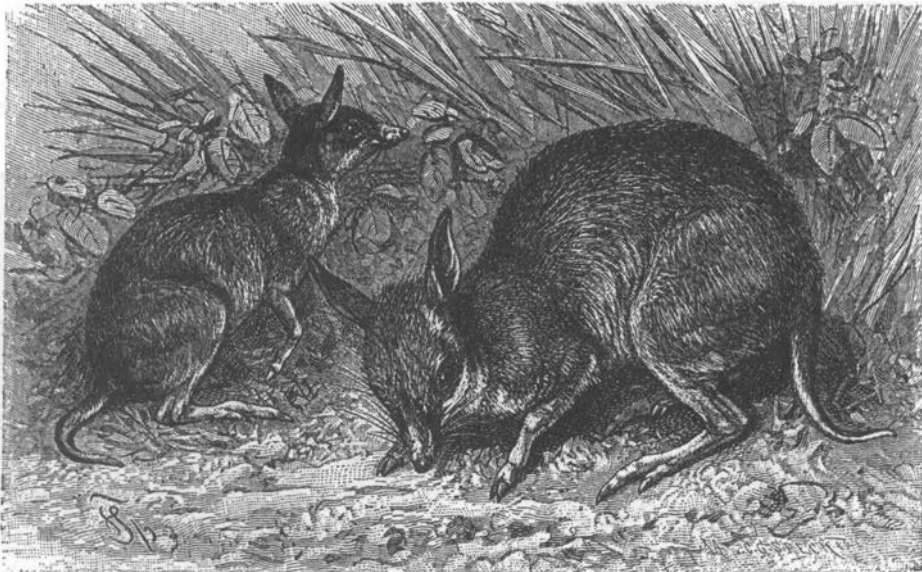
Длинноносый бандикут (*Perameles nasuta*)* — животное своеобразного внешнего вида, которое почти настолько же похоже на кролика, как и на землеройку. Оно справедливо носит свое название в том отношении, что обладает очень длинной мордой. Верхняя часть ее удлинена, и кончик носа далеко выдается над нижней губой. Уши покрыты очень короткими волосами, внизу широки, глаза малы. Вытянутое тело снабжено висящим, покрытым короткой шерстью хвостом средней длины и покоится на довольно толстых ногах, при этом задние ноги почти вдвое длиннее передних. На передней паре ног внутренние и наружные пальцы намечены лишь в виде бородавок и так скрыты под волосами, что их трудно найти. Остальные три пальца, которыми животное ступает, имеют большие, серпообразно согнутые когти. Не густой, но довольно длинный, рыхлый и жесткий, даже почти щетинистый мех состоит из редких и коротких волос подшерстка и более длинных волос ости. Сверху он испещрен буроватыми чало-желтыми и черными крапинками, что обуславливается главным образом двойной окраской отдельных волос, которые внизу серого цвета и постепенно переходят в черный, но часто с буроватыми чало-желтыми кончиками. Хвост сверху черно-бурый, снизу светло-каштаново-бурый. Уши покрыты по краям буроватыми волосами, но голая кожа всюду просвечивает. Взрослое животное длиной более 50 см вместе с хвостом, который равняется полным 12 см; высота у загривка около 10 см.

Длинноносый бандикут живет в возвышенных, более прохладных горных областях восточной Австралии, особенно в горах Нового Южного Уэльса. Его нет на жарких равнинах этой части света, но он, однако, часто спускается к морскому берегу. В местах обитания прорывает под землей длинные ходы, частью для добычи пищи, частью чтобы устроить себе жилище. Сеть дорожек в виде бороздок, ведущих от одной норы к другой, покрывает не-

* Брем рассказывает о длинноносом бандикуте, а на рисунке изображен кроличий бандикут, или обыкновенный билби (*Macrotis lagotis*), — представитель отдельного семейства *Thylacomylidae*. Билби заметно крупнее длинноносого бандикута, с более длинными ушами и замечательным черно-белым хвостом, несущим на конце кисточку и своеобразный «коготь». Внесен в Красную книгу МСОП.

**Семейство
бандикутовые**

редко обширные равнины. Упомянутые норы особенно многочисленны под кустами. Длинные и крепкие когти дают возможность бандикуту вырывать эти полуподземные ходы и норы; а так как именно корни и клубни составляют, по-видимому, его главную пищу, то он, подобно кроту, должен постоянно рыть новые ходы, чтобы поддерживать свою жизнь. Длинный хобот тоже служит ему для рытья. Кроме корней он поедает червей и насекомых, но, пока может иметь растительную пищу, он, кажется, предпочитает ее всякой другой. Иногда причиняет довольно значительные опустошения на картофельных полях и в амбарах с зерновым хлебом и почти так же неприятен этим, как мыши и крысы. К счастью, у него нет таких резцов, как у этих вредных животных, и потому земледelec при известной предусмотрительности может

**Свиноногий
бандикут**
(*Chaeropus ecaudatus*)

бандикут ступает поочередно передними и задними ногами, а, следовательно, не движется, подобно кенгуру, исключительно на задних ногах. Голос его можно слышать лишь тогда, когда его ранят; он состоит из резких свистящих звуков, которые живо напоминают писк крыс. Переселенцы смотрят, по-видимому, на него и его родичей с таким же отвращением, как мы на только что упомянутых грызунов, и преследуют всех бандикутов, когда и как только могут. Самка рождает, говорят, более одного раза в год 3—6 детенышей и долгое время носит их в своей открытой сзади сумке.

Свиноногий бандикут (*Chaeropus ecaudatus*) живо напоминает слоноземлеройку. Довольно тонкое тело покоится на очень тонких и длинных ногах, причем задние значительно длиннее передних. Морда острая; уши очень длинные, хвост средней длины покрыт редкими волосами и снабжен незначительным гребнем. На передних ногах находится лишь по два развитых корот-

избавиться от нежелательных посетителей; надо заботиться о том, чтобы фундамент таких амбаров глубоко входил в землю, чтобы бандикут не мог подрыть под них.

Своеобразные движения этого животного представляют нечто среднее между бегом и прыжками и должны более всего походить на движения кролика, так как

ких пальца одинаковой длины с короткими, но крепкими когтями; первого и пятого пальца здесь вовсе нет, четвертый недоразвит; задние ноги имеют лишь по одному развитому пальцу, четвертому, к которому прилегают недоразвитые остальные. На основании этого замечательного строения ног животному дали и его научное название, которое значит «свиноногий», хотя при внимательном рассмотрении сходство его ноги с ногой свиньи только кажущееся. Видовое название тоже было дано при особенных обстоятельствах. Томас Митчелль, открывший это животное, вытаскил первый и единственный экземпляр, добытый им живым, из древесного дупла, куда он спрятался; Митчелль был не менее удивлен, чем туземцы, которые говорили, что никогда не видели такого существа. Больше всего бросилось естествоиспытателю в глаза отсутствие хвоста, и потому он дал животному видовое название *eкаudatus* (бесхвостый). Но позднее все присланные в Европу экземпляры имели хвосты, и поэтому выяснилось, что первый экземпляр этого вида, попавший в руки исследователей, лишился хвоста благодаря несчастному случаю.

Животное достигает приблизительно величины маленького кролика; длина его около 35 см, из которых 10 см приходится на хвост. Длинный, рыхлый, мягкий мех на спине буро-серого цвета, снизу белого или желтовато-белого. Хвост сверху черный, на конце и на нижней стороне буровато-белый; большие уши покрыты ржаво-желтыми, а их кончики черными волосами. Передние лапы беловатые, задние бледно-рыжие, их большой палец грязно-белый.

Насколько известно, до настоящего времени свиноногий бандикут населяет почти всю Австралию, может быть, за исключением крайнего севера, востока и северо-востока*. Главным местопребыванием его служат равнины, поросшие жесткой, режущей травой. В общем он живет, как и сумчатые барсуки, но делает себе довольно искусно гнездо из сухой травы и листьев, так хорошо скрытое под густым кустарником, что даже опытный охотник с трудом может отыскать его. Пища состоит, говорят, из различных растительных веществ и насекомых. Более точных сведений об их образе жизни до настоящего времени не имеется.

СЕМЕЙСТВО КУСКУСОВЫЕ (*Phalangeridae*)**

Семейство лазающих сумчатых — кускусовые достигают величины не более крупной куницы. Они снабжены обыкновенно длинным хватательным хвостом, морда их коротка и широка. Желудок простой и богат железами, слепая кишка чрезвычайно длинна. Зубы велики и хорошо развиты. Кускусовые живут также в Австралии и на близлежащих островах.

Все они живут на деревьях и поэтому встречаются только в лесах; лишь в исключительных случаях некоторые спускаются

* *Ныне находится под угрозой исчезновения, если еще не вымер. Внесен в Красную книгу МСОП. Последний раз этого небольшого бандикута видели в 1920 г. в полупустыне Центральной Австралии. Причинами вымирания считают выпас скота и интродукцию хищников — лисиц. Биология вида не изучена, известно, что в помете — 2 детеныша.*

** *Австралийских представителей семейства нередко называют поссумами (и даже опоссумами), однако, чтобы избежать путаницы с американскими сумчатыми, предпочтительнее название «кускусы».*

на землю, обыкновенно же всю жизнь проводят на верхушках деревьев. Почти все виды спят большую часть дня, а если и пробуждаются от голода, то лишь на короткое время. При наступлении темноты они выходят из своих убежищ за пищей, которая состоит главным образом из плодов, листьев и почек. Некоторые едят, правда, также птиц, яйца и насекомых, но другие едят только молодые листья и побеги или роются в земле, отыскивая кор-

ни; здесь они устраивают себе, как говорят, подземные жилища, в которых спят в течение холодного времени. По своим движениям куксусовые существенно отличаются друг от друга. Они медленны и крайне осторожны и потому двигаются, крадучись; другие отличаются живостью и проворством. Все умеют отлично лазать, некоторые делают широкие прыжки. Цепкий хвост и встречающаяся у многих летательная перепонка указывают уже на эти способности. При ходьбе они ступают всей подошвой, при лазании стараются по возможности обезопасить себя от падения. Большая часть живет обществами или держится вместе парами. Они рожают 3—4 детенышей*.

Это кроткие, безобидные, пугливые существа. Если их преследуют, то некоторые привешиваются на ветви хвостом и долгое время остаются в таком положении без

движения, очевидно, стараясь спрятаться. В неволе некоторые обнаруживают известную привязанность к своему сторожу, но большая часть едва научается узнавать его. При хорошем уходе почти все долго выживают в неволе. Кормление их не представляет никаких затруднений.

Пятнистый куксус (*Phalanger maculatus*), один из красивейших видов этого рода, достигает во взрослом состоянии общей длины в 1,1 м, из которых около 48 см приходится на хвост. Тело одето густым, волнистым, шерстистым, мягким, как шелк, мехом. Цвет его бывает разным. По большей части белый с жел-

Пятнистый куксус
(*Phalanger maculatus*)

* В одном помете — 1—2 детеныша, в году бывает два помета. Сумка у куксусов хорошо развита и открывается вперед.

товатым или сероватым налетом мех верхней стороны тела разрисован большими яркими ржаво-рыжими, темно-бурыми или черными пятнами, которые расплываются на наружной стороне ног, нижняя сторона всегда без пятен и чисто-белого цвета, ноги ржавого цвета. Лоб у старых животных ярко-желтый, у более молодых ржаво-желтый; уши чисто-белого цвета, а голые места красноватого; белый хвост лишь в исключительных случаях имеет несколько пятен.

Пятнистый кукусус населяет острова к востоку от Целебеса до Новой Гвинеи и северной части Австралии; на самом Целебесе, группе Гилоло, южных Молуккских островах и архипелаге Бисмарка существование его еще не доказано с достоверностью. Мы обязаны первыми сведениями о жизни этого животного голландцу Валентину. Он рассказывает, что на Амбоине кукусовая ласка, или кусу, как ее называют малайцы, представляет одну из самых странных форм. «Голова имеет большое сходство с головой крысы или лисицы. Мех тонок и густ, как у кошки, но более волнист, рыжего и серого цвета, почти как у зайца. Некоторые рыжеваты, некоторые белы, самки по большей части серы. Большие виды очень злы и опасны; если они сидят на дереве и кто-нибудь схватит их за хвост, то могут утащить человека вверх и затем сбросить его оттуда. Они защищаются острыми когтями лап, которые снизу голы, почти как рука ребенка; они пользуются ими, как обезьяны; зубами, напротив, не защищаются, хотя они у них очень остры. Конец хвоста обнажен и загнут; зверьки так крепко держатся им за ветви, что их можно оторвать лишь с большим трудом. На Молуккских островах кукусы живут не в норах, а в лесах, особенно там, где есть семена деревьев. На Цераме и Буру их больше, чем на Амбоине, так как здесь они боятся людей, которые ловят их оригинальным способом и употребляют в пищу; для туземцев они представляют лакомый кусок и в жареном виде похожи по вкусу на кроликов. Но голландцы не едят их. Надо пристально смотреть на повисшее на хвосте животное, тогда оно из страха расслабляет хвост и падает с дерева. Но лишь некоторые люди обладают способностью взглядом заставить падать кукусов с деревьев. Животные прыгают с дерева на дерево, как белки, и погибают при этом хвост крючком. Они цепляются им за ветви, чтобы тем легче добраться до плодов, которыми питаются. Кукусы поедают зеленые листья, наружную скорлупу некоторых орехов, пизанги и другие сочные плоды. При этом садятся, как белки. Если они ходят по земле и их застанут врасплох, то в одно мгновение взбираются на деревья. Если их испугать, то они от страха мочатся. Между задними ногами находится сумка, где сохраняются 2 — 4 детеныша, которые так крепко висят на сосках, что при отрывании их идет кровь*.

Почти каждая самка, которую находят, имеет в мешке детенышей; они, должно быть, постоянно беременны».

** Абсолютно верное наблюдение. Губы детенышей многих сумчатых временно срастаются с соском, а сам он приобретает во рту грибовидную форму, так что оторвать сосущего детеныша от матери без членовредительства невозможно.*

** Все кукусы в основном питаются зелеными листьями, подобно ленивцам. Этот грубый малокалорийный корм они способны переваривать благодаря колониям бактерий, живущих в объеме желудка и слепых кишках. Сочные плоды стоят в питании на втором месте. Из кормов животного происхождения кукусы потребляют насекомых, птичьи яйца, птенцов.*

Более новые сведения сообщили Лессон и Гарно, которые встретили родственный вид в Новом Мекленбурге. «Туземцы ежедневно приносили на судно множество этих животных живыми. Они ломали им ноги и всовывали в рот кусок дерева, вероятно, чтобы помешать кусаться. По рассказам туземцев, кукусы выдают себя вонью; их очаровывают пристальным взглядом и ловят, когда они, утомленные, распусят хвост и упадут на землю. Туземцы необыкновенно любят их жирное мясо, откармливают пойманных зверьков и пекут их с кожей и шерстью на угольях. Из зубов готовят ожерелья, пояса и украшения для оружия, часто длиною в сажень и более».

Куа и Гэмар замечают, что пятнистый кукус очень походит на американских ленивцев. По их словам, он так же туп и проводит большую часть жизни в темноте. Если ему мешает свет, то прячет голову между ногами и переменяет положение лишь тогда, когда захочет есть; при всей своей тупости он обнаруживает, однако, большую жадность. В лесах все известные виды питаются пряными плодами; в неволе они едят, если им недостает растительной пищи, и сырое мясо*.

Их поведение в клетке или в комнате так же мало привлекательно, как и внешний вид. Они ленивы и смирны, сонливы и угрюмы, едят жадно и пьют очень много. С себе подобными обращаются дурно, часто с ворчанием и пронзительным криком наносят удары, фыркают, как кошки, шипят и дразнят друг друга. Днем их большие карминно-красные глаза, зрачок которых сокращается до степени узкой щели, имеют своеобразное глупое и вялое выражение; ночью они светятся, как у других ночных животных; в это время они во многих отношениях напоминают лори. Если они не едят и не спят, то лижут себе лапы или хвост; других способов проводить время кукусы, по-видимому, не знают. Животное это лишь на Амбоине называется «кукус», в Австралии его называют «гебун», на Ару «вангал»; очень вероятно, что оно носит особое название на каждом острове.

Непонятно, отчего пойманные зверьки крайне редко привозятся живыми в Европу, хотя жители Молуккских островов и островов Ару ведут деятельную торговлю животными, чтобы выменивать на них европейские товары.

Гораздо чаще попадают к нам кузу, близкородственные кускусам лазающие сумчатые, с такими же зубами. Они отличаются по внешнему виду округленным зрачком, довольно большими ушами, гладкой шерстью и хвостом, покрытым волосами до самого кончика.

Один из наиболее известных видов этого рода, **лисий кузу** (*Trichosurus vulpecula*)**, животное, которое, по-видимому, соединяет изящное строение нашей белки с внешним видом лисицы. Длина тела равняется 60 см, длина хвоста 45 см. Тело вытянутое, шея короткая и тонкая, голова удлинённая, морда

*** Лисий кузу, или, как его называют в Австралии, «щёт-кохвостый поссум».*

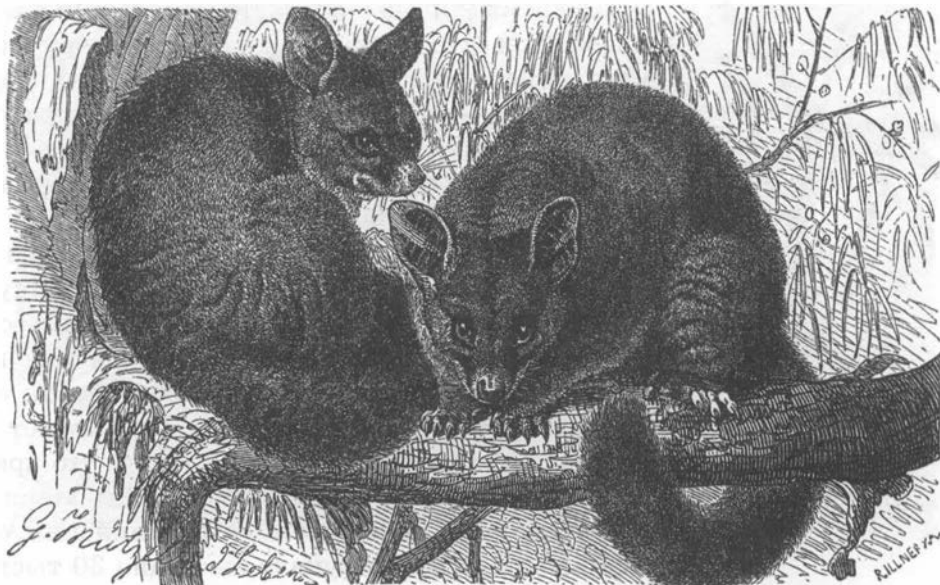
короткая и заостренная, верхняя губа глубоко расщеплена. Из других признаков этого животного надо указать: стоячие заостренные уши средней величины; расположенные по бокам головы глаза с продолговатым зрачком; голые подошвы; плоские ногти на больших пальцах задних ног и сильно сжатые, серпообразные когти на остальных пальцах ног; неполная, состоящая лишь из невысокой кожной складки сумка у самки; наконец, густой и мягкий мех, состоящий из шелковистого подшерстка и довольно короткой жесткой ости. Цвет верхней стороны буровато-серый с рыжевато-чалым оттенком, который местами заметно преобладает; нижняя сторона тела светлая орехово-желтая; нижняя часть шеи и груди по большей части ржаво-рыжие; спина, хвост и усы черные, голые внутри уши покрыты с наружной стороны светлыми, орехово-желтыми, на внутреннем краю черно-бурыми волосами. Молодые животные светло-пепельно-серого цвета, смешанного с черным, снизу они окрашены, как и старые особи. Кроме того, встречается много индивидуальных отклонений.

Лисий кузу живет в Австралии и Тасмании и представляет одно из самых обыкновенных сумчатых животных Австралии*.

Подобно родичам, он живет исключительно в лесах на деревьях и ведет чисто ночной образ жизни; появляется из своего убежища лишь через 1 — 2 часа после заката солнца. Хотя он отлично умеет лазать по деревьям и тело его превосходно приспособлено для такого движения, тем не менее кузу — ленивое и медлительное создание по сравнению с другими животными сходного строения, особенно с белками. Цепкий хвост играет важную роль при лазании; лисий кузу не делает ни одного движения, предварительно не укрепившись прочно с помощью этого необходимого для него органа. На земле он, говорят, еще медлительнее, чем на деревьях. Пища его состоит по большей части из растительных веществ; однако он никогда не пренебрегает маленькой птицей или другим слабым позвоночным. Свою добычу этот хищник-любитель сначала долго мучит, как куница,

Семейство кускусовые

* В наше время лисий кузу стал еще более многочисленным и является самым обычным и распространенным сумчатым Австралии. Он охотно поселяется рядом с жилищем человека и

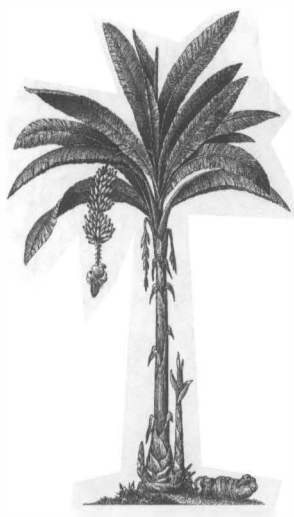
Лисий кузу
(*Trichosurus vulpecula*)

освоил даже крупные города. Эти зверьки не боятся людей, будучи всеядными, находят себе пропитание на помойках и свалках. Некоторый урон в городах им наносят кошки и собаки.

трет и переворачивает ее в передних лапах и наконец подносит ко рту, острыми зубами открывает череп и выедает сначала мозг; лишь после того принимается за остальное. Каким образом кузу ловит животных на свободе, не удалось наблюдать. Его медлительность, говорят, так велика, что без особенного затруднения кузу может поймать человек, несколько опытный в лазании. Как скоро кузу замечает опасность, то повисает на ветви с помощью хвоста и, чтобы его не заметили, долго остается неподвижным в таком положении; благодаря этому он довольно часто ускользает от взглядов преследователей. Если кузу найдут, то он почти не старается избежать грозящей опасности».

Самка рождает лишь двух детенышей и долгое время носит их в сумке, а позднее на спине, пока молодые не вырастут настолько, чтобы обходиться без материнского попечения. В новейшее время живые кузу часто привозятся в Европу. Большая часть зоологических садов имеет по несколько экземпляров. Приручают их без труда. Находящиеся в неволе звери кротки и миролюбивы, не пытаются кусаться, но так глупы, безучастны и ленивы, что доставляют мало удовольствия.

Туземцы ревностно преследуют это животное и считают его мясо, несмотря на издаваемый им крайне противный запах, за лакомый кусок и умеют также различным образом употреблять в дело его шкуру. Накидку, приготовленную из меха кузу, они носят с таким же удовольствием, как мы соболью или кунью шубу. Действительно, мягкий волокнистый мех представляет пушной товар, очень ценимый даже колонистами; о нем знатоки высказались с большим одобрением. Поэтому нет ничего невероятного, что мех кузу войдет в употребление. Это предположение, как пишет нам г. Ломер, начинает оправдываться: шкуры поступают в торговлю под названием «австралийский опоссум»; в шестидесятых годах их поступало ежегодно 30 тысяч штук, в настоящее время около 2 миллионов штук. Конечно, эти шкуры принадлежат не только кузу, но и некоторым другим австралийским сумчатым. Смотря по величине, красоте и цвету, цена колеблется от 60 пфеннигов до 10 марок за штуку.

СЕМЕЙСТВО

КАРЛИКОВЫЕ КУСКУСЫ (*Burramyidae*)

Карликовый летучий кукус, или поссум (*Acrobates rugtaeus*)*, справедливо считается представителем особого рода.

Широкая летательная перепонка доходит до основания кисти; хвост перообразный, усажен волосами в два ряда; уши покрыты редкими волосами. Это миловидное животное по величине равняется приблизительно нашей домашней мыши, и если сидит на ветви, приложив к телу растяжимую летательную пере-

* Это единственный представитель семейства, имеющий летательную перепонку и способный планировать.

понку, то до такой степени похож на этого изящного и тем не менее так сильно ненавидимого грызуна, что их можно спутать.

Вся длина летучего кукуса равняется приблизительно 14,5 см, из которых немного более половины приходится на хвост, остальные на тело. Короткий, мягкий мех сверху серо-бурого, снизу желтовато-белого цвета; глаза окружены черными кольцами; уши спереди темные, сзади беловатые. Оба преобладающие цвета тела резко разграничены. При сидении летательная перепонка прилегает складками к телу и служит, таким образом, своеобразным украшением. Нежный, белый цвет на нижнем краю перепонки можно сравнить с изящной кружевной оборкой накидки, лежащей на плечах животного.

Летучий кукус, водящийся в восточной Австралии от Квинсленда до Виктории, питается, подобно его родичам, листьями, плодами, почками и другими нежными частями растений, но не пренебрегает и маленькими насекомыми, если случайно найдет их. По живости и подвижности он едва ли уступает своим родичам, а по способности перепрыгивать или перелетать на большие расстояния с помощью растянутой летательной перепонки у него мало соперников. Говорят, что туземцы и поселенцы, живущие поблизости от Порт-Джаксон, очень любят это маленькое животное и часто держат его ручным в клетках; однако пока нет еще более точных сведений ни о жизни и поведении в неволе, ни о жизни на свободе, ни о размножении и воспитании детенышей этого красивого создания*.

Семейство сумчатые летяги

* Эти посумы держатся в эвкалиптовых лесах группами до 16 особей. Самка приносит 2—4 детенышей.

Карликовый
летучий кукус
(*Acrobates pygmaeus*)

СЕМЕЙСТВО СУМЧАТЫЕ ЛЕТЯГИ (Petauridae)**

Сахарный летающий посум, или карликовая сумчатая летяга (*Petaurus breviceps*). По виду и по величине это животное похоже на нашу белку. Вытянутое и тонкое тело благодаря летательной перепонке, натянутой между ногами, кажется необыкновенно широким; шея коротка и довольно толста, плоская

** Во времена Брема всех представителей семейства относили к кукусовым.

**Семейство
сумчатые летяги**

голова оканчивается короткой, несколько заостренной мордой; хвост очень длинный, округленный, висящий и мохнатый. Стоячие уши длинные, но тупо заострены; глаза велики и выдаются в виде полушарий. мех очень густой, чрезвычайно тонкий и мягкий; летательная перепонка покрыта волосами, и только уши голы на внутренней стороне, на наружной же стороне покрыты волосами, по крайней мере у основания. Вся верхняя сторона тела пепельно-серого цвета; летательная перепонка снаружи окаймлена темным орехово-бурым и белым цветом; нижняя сторона — белая со слабо-желтоватым оттенком, к краю же буроватая. Ржаво-бурая полоска тянется через глаза и пробегает

к ушам, другая полоска впереди ржаво-бурая, на лбу яркая каштаново-бурая полоса проходит по спинке носа, по лбу и по средней линии спины. Хвост у корня светлого пепельно-серого цвета, на конце черного. Вся длина животного достигает 46 см, из которых несколько более половины приходится на хвост*.

Сахарный поссум встречается от Квинсленда до Виктории. Это настоящее древесное

*Сахарный
летающий поссум,
или карликовая
сумчатая летяга
(Petaurus breviceps)*

животное, которое, подобно большинству родичей, бодрствует ночью. Днем прячется в самой густой чаще деревьев, где отыскивает или дупло, или развилину, и, свернувшись в клубок, предается сну; с наступлением сумерек начинается его деятельность. Тогда он с ловкостью белки лазает по деревьям, притом всегда снизу вверх, так как сверху вниз он прыгает, расправив свою летательную перепонку. Днем нельзя признать в нем животное, которое наблюдали ночью. Он кажется скорее каким-то безжизненным существом, чем проворным обитателем деревьев. Поссум спит, боясь света, лишь иногда только просыпается, чтобы съесть что-нибудь; шатаясь, неуверенно передвигает ноги и боязливо избегает лучей ненавистного света. Совершенно иным является он в одну из ясных, волшебных лунных ночей своей родины. С изумлением следишь теперь за

* Длина тела с хвостом у сахарного поссума не превышает 30 см.

движениями сахарного поссума. Они становятся так же легки, проворны и ловки, как движения самой шаловливой обезьяны, самой проворной белки. Лишь на земле поссум кажется неуклюжим, движения его шатающимися, шаг неверным; но на земле, к которой он относится почти враждебно, поссум спускается лишь в крайней нужде, например, если деревья так далеко отстоят одно от другого, что даже летательная перепонка не позволяет перепрыгнуть через разделяющий их промежуток. Он может делать чрезвычайно длинные прыжки и при этом произвольно изменять направление. Если имеет возможность прыгнуть с высоты в 10 м, то способен достичь дерева, отстоящего от него на 20 — 30 м*.

Вообще сахарный поссум очень хорошенькое животное, если и не совсем безобидное, то все же легко приручаемое, ночью к тому же чрезвычайно живое, бодрое и забавное, но, к сожалению, всегда несколько боязливое. Человек, искусно лазающий, легко может поймать его во время сна, особенно если для этой охоты соединяются вместе несколько человек. Свет до такой степени ослепляет его, что, даже если он и захочет воспользоваться своим искусством летать, то не попадет на назначенную ветвь и вместо дерева полетит на землю, где человек очень скоро нагонит его. Поссума нередко можно найти в домах колонистов, которые ухаживают за ним с большой заботливостью. Ум его незначителен, но он до некоторой степени вознаграждает недостаток умственных способностей своей шаловливостью и веселостью, кротостью и изяществом. По клетке непрерывно прыгает в течение всей ночи и при этом часто принимает самые удивительные позы. Сахарный поссум без большого труда привыкает ко всякому корму, хотя плоды, почки и насекомые всегда остаются его любимой пищей, потому что эти вещества соответствуют его естественной пище. Особенно охотно он ест мед эвкалиптов: насекомые, наверное, тоже составляют значительную часть его пищи. В Лондонском зоологическом саду наблюдали, что они очень охотно поедали мертвых воробьев и куски мяса, которые им бросали, и потому полагают, что поссумы ночью без шума подкрадываются, подобно лори, к спящим птицам и другим мелким животным и умерщвляют их. В некоторых местностях они приносят значительный вред персикам и апельсинам.

Общительность сильно развита у сахарного поссума. В лесах всегда попадают по нескольку животных этого вида вместе, хотя кажется, что они не особенно дружелюбно и с любовью обращаются друг с другом.

О размножении сахарного поссума, по-видимому, неизвестно еще ничего, по крайней мере ни в одном из знакомых мне сочинений я не нашел никаких достоверных сведений по этому вопросу**.

* Длина прыжка может составлять и 50 м. Есть сведения, что на лету зверьки могут ловить насекомых. Еще одно необычное умение — способность приносить материал для гнезда в дупло при помощи хвоста.

** Сумка хорошо развита, сосков — 4, беременность длится около 3 недель. В помете 1—3 (обычно 2) детеныша. Молодые становятся самостоятельными с 4 месяцев.

** В это обширное семейство входят около 60 видов, объединенных в 16—20 родов. 5 родов с 9 видами мелких кенгуру иногда выделяют в отдельное семейство крысиных кенгуру, или потору (Potoridae). Ближайшими родственниками кенгуру среди других сумчатых являются кукусы.*

*** При медленном передвижении кенгуру всегда используют передние конечности — они опираются на них и затем выбрасывают вперед задние ноги (аналогичным образом передвигаются зайцы). Мелкие кенгуру вообще редко прыгают только на одних задних лапах.*

Семейство кенгуровые включает как гигантов, так и животных величиной с кролика, но все они имеют крайне странный вид. У кенгуру наиболее развита задняя часть тела благодаря замечательно большим задним конечностям. В противоположность им голова и грудь необыкновенно малы. Передвигаются они почти исключительно при помощи задней части тела, и этим объясняется ее развитие. Кенгуру может лишь в очень незначительной степени пользоваться слабыми передними ногами при ходьбе и для схватывания пищи**, между тем очень удлиненные задние ноги и сильно развитый хвост позволяют ему двигаться скачками. Задние ноги и хвост этих животных, безусловно, самые особенные во всем животном мире. Ноги имеют толстое бедро, удлиненную голень, непропорционально удлиненную плюсну и толстые, длинные пальцы, из которых четвертый снабжен большим копытообразным ногтем. На задних конечностях лишь четыре пальца, так как недостает большого. Хвост относительно толще и длиннее, чем у всякого другого млекопитающего, и крайне мускулист. По сравнению с задними конечностями передние представляются недоразвитыми хватательными органами, но это вовсе не значит, что они недоразвиты и в смысле подвижности. Они имеют по пять пальцев, снабженных круглыми и одинаково развитыми ногтями, и служат им в качестве рук. Форма головы — нечто среднее между головой оленя и зайца.

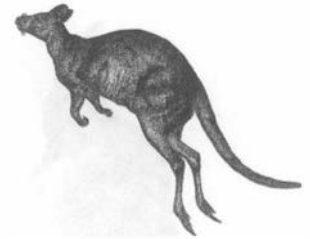
Родина кенгуру — Австралия и прилегающие к ней острова; обширные, богатые травой равнины внутри этой части света составляют их любимое местопребывание. Одни виды предпочитают местности, покрытые кустарником, другие — травянистые равнины с редкими деревьями, третьи селятся в горах. А есть такие виды, которые избрали для своего местопребывания непроходимые чащи: протаптывают там себе тропинки, обламывая ветви, или живут на деревьях. Большая часть видов ведет дневной образ жизни; но среди мелких животных есть ночные, которые днем прячутся в небольших углублениях, расщелинах скал, куда регулярно возвращаются после выхода за пищей. В большинстве областей Австралии, заселенных европейцами, кенгуру вытеснены. «Уже теперь, — рассказывал как-то старый бушмен (анонимный, но надежный наблюдатель), — на расстоянии 30 миль вокруг Мельбурна едва ли можно увидеть хотя бы одного кенгуру. Животные истреблены там бесцельным и беспорядочным преследованием со стороны поселенцев. Они сохраняются обыкновенно везде, где европеец не поселился еще прочно. Я встречал их в Порт-Филипп в таком большом числе, что вместе со своими товарищами по путешествию мог в течение двухлетнего пребывания там убить более 2000 штук. Поверхность этой стра-

ны чрезвычайно благоприятствует им. Большие, сплошные леса сменяются широкими равнинами; такие-то местности и доставляют кенгуру все необходимое для жизни. Может быть, они еще многочисленнее внутри страны; мне по крайней мере кажется вероятным, что они оттуда распространяются в прибрежные районы.

Их любимые пастбища — богатые травой равнины, окруженные лесами, заросшими кустарником, или расположенные вокруг лесов. Летом они предпочитают влажные местности, зимой — сухие. Без воды они, по-видимому, могут долго обходиться; по крайней мере я часто находил их поселения, которые отстоят от воды на целые мили, и при этом не наблюдал, чтобы они ночью регулярно приходили в определенные места на водопой. Напротив, мне бросилось в глаза, что они охотно держатся поблизости пасущегося рогатого скота. Каждое стадо имеет одно пастбище или несколько, с хорошо протоптанными тропинками между ними. Число животных в стаде различно. Я часто видел стада по 100 штук, но большей частью по 50. Мелкие виды обыкновенно объединяются в небольшие группы; я их видел штук по двенадцать вместе, очень часто и поодиночке. Одно стадо никогда не разделяется и не смешивается с другими. Во главе каждого стоит старый самец, за которым остальные члены следуют без рассуждения, точно так же, как овцы за вожаком — бараном. Рано утром и вечером в сумерки кенгуру пасутся, а днем, если чувствуют себя в безопасности, отдыхают несколько часов. В это время за ними очень интересно наблюдать: одни медленно бродят по жесткой траве, другие играют между собой, третьи лежат на боку в полусне.

До времени спаривания каждое стадо живет в мире. Но любовь возбуждает, и самцы тогда часто вступают в серьезные битвы между собой*. После спаривания самые старые животные обыкновенно отделяются от стада и ведут одинокую жизнь в более густом лесу».

Кенгуру, безусловно, принадлежат к самым замечательным из млекопитающих. В них все достойно удивления: движения и отдых, способ добывания пищи, размножение, развитие и духовная жизнь. Походка кенгуру, которую можно наблюдать, когда они пасутся, представляет неуклюжее, беспомощное ковылянье. Животное опирается на передние конечности и двигает вперед задние ноги между передними. При этом оно должно опираться сзади на хвост, иначе не могло бы так высоко поднять длинные задние ноги, чтобы передвинуть их. Но кенгуру обыкновенно сидит на задних ногах и хвосте, даже когда щиплет траву, а передние конечности при этом свешивает. Когда он срывает растение, то встает. При этом опирается на подошвы ног и на плотно прижатый к земле хвост; благодаря чему тело твердо и удобно покоится, как на треножнике. Наполовину насытившись, кенгуру ло-

* Поднявшись на «цыпочки» и стараясь казаться как можно выше, они боксируют передними лапами, а время от времени, опираясь на хвост, награждают друг друга мощными ударами задних ног в живот. Сила удара когтистой задней ноги очень велика. Используя этот прием, кенгуру порой успешно обороняются от собак, могут покалечить и близко подошедшего человека. От собак кенгуру нередко спасаются в воде — используя разницу в росте, они хватают собаку передними лапами и стараются утопить.

жится на землю, далеко вытянув задние ноги. Если ему в этом положении захочется есть, то задняя часть тела остается спокойно лежать, а туловище он подпирает короткими передними конечностями. Во время сна более мелкие виды принимают такое же положение, как заяц на лежке: они садятся, плотно прижавшись к земле, на все четыре лапы и на подогнутый под тело хвост. Это положение позволяет им в любое мгновение пуститься в бегство. Самый ничтожный шорох вспугивает отдыхающего кенгуру, особенно старых самцов, которые быстро поднимаются, чтобы осмотреться; при этом они становятся на кончики пальцев и опираются на конец хвоста.

Если кенгуру замечает что-нибудь подозрительное, то он прежде всего думает о бегстве и при этом проявляет всю свою подвижность. Он прыгает, как и всегда при скором беге, исключительно при помощи задних ног, но делает прыжки, которые по своей длине превосходят прыжки всех остальных животных. Передние ноги плотно прикладывает к груди, хвост вытягивает прямо назад, отталкивается, напрягая изо всей силы мощные мускулы своих длинных, тонких и упругих задних ног, подлетает кверху и как стрела описывает по воздуху пологую дугу. Некоторые виды держат тело во время прыжка горизонтально, другие приподнимают его; уши в этом случае закинута назад, на загривок, между тем как при спокойном беге они подняты. Если животное не испугано, то делает лишь маленькие прыжки, самое большее длиной 3 м; но когда встревожено, то удваивает и утраивает усилия. Кенгуру прыгает правой ногой немного прежде, чем левой, как отделяясь от земли, так и опускаясь, притом ставит правую ногу несколько впереди. При каждом прыжке тяжелый хвост делает размахи вверх и вниз и тем энергичнее, чем больше прыжки. Всякого рода повороты кенгуру выполняет с помощью 2—3 маленьких прыжков, не управляя, по-видимому, при этом хвостом. Он всегда ступает лишь на пальцы и никогда не падает на передние ноги. Различные виды неодинаково держат передние ноги: одни отставляют их от тела, другие более прижимают и скрещивают. Прыжки непосредственно следуют один за другим, и каждый равняется по крайней мере 3 м, а у более крупных видов нередко и 6—10 м в длину при высоте в 2—3 м*.

** Рекордная длина прыжка крупных видов — 13,5 м, высота — 3,3 м, скорость бега — 45 км/ч.*

Понятно, что нужна превосходная собака, чтобы преследовать кенгуру, и действительно мало таких охотничьих собак, которые в состоянии выполнить это. В местности, заросшей кустарником, преследование очень скоро приходится прекратить, так как убегающий кенгуру легко перепрыгивает через попадающиеся кусты, между тем как собака должна обходить их. На неровной почве он движется медленнее; особенно ему трудно спускаться со склона, так как при сильном прыжке он здесь легко может вырнуться через голову. Животное может бежать в продолжение нескольких часов, не уставая.

Из внешних чувств у кенгуру лучше всего развит слух; по крайней мере у животных в неволе постоянно замечается движение ушами, как у нашего благородного оленя. Зрение слабее, а обоняние, вероятно, развито довольно плохо. Некоторые наблюдатели рассказывают тем не менее, что кенгуру отлично видят, слышат и чуют. Это в высшей степени глупые животные; даже овца в умственном отношении стоит гораздо выше их. Все необыкновенное сбивает их с толку, так как им недостает способности быстро действовать в соответствии с обстоятельствами. Кенгуру, живущий на свободе, если ему грозит опасность, бросается бежать, причем едва может остановиться и иногда делает такие прыжки, при которых неминуемо должен сломать крепкие кости своих ног.

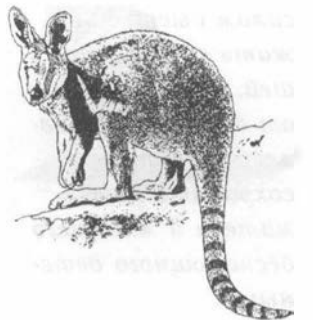
Большие виды редко рожают более одного детеныша. Несмотря на значительную величину некоторых кенгуру, беременность самок длится изумительно короткое время. У исполинского кенгуру, например, лишь 39 дней. По истечении этого времени детеныш рождается, как у всех млекопитающих. Мать берет его ртом, раскрывает передними конечностями сумку и плотно прикладывает невзрачное существо к одному из сосков*.

Через 12 часов после рождения молодой кенгуру этого вида имеет в длину несколько более 3 см. Он совершенно не развит, мягок и похож на червя; его глаза закрыты, уши и ноздри едва намечены, нет еще даже зачатка конечностей, кожа просвечивает насквозь. Между детенышем и матерью не существует, по-видимому, ни малейшего сходства. Передние конечности, например, у малыша на треть длиннее задних. Он висит на соске без заметного движения, сильно сжавшись, загнув короткий хвост вверх между задними ногами. Когда он прикрепляется к соску, то сосок значительно разбухает и большие губы детеныша плотно обхватывают его. Насколько известно, молодой кенгуру вовсе не сосет, а молоко без всякого усилия с его стороны из соска прямо брызжет ему в рот. Почти восемь месяцев он проводит и питается исключительно в сумке. Однако уже тогда время от времени высовывает голову из нее, но самостоятельно двигаться не в состоянии. Жофруа Сент-Илер открыл мускул, который лежит над выменем и выжимает, или по крайней мере может выжимать молоко в рот еще бессильного детеныша, но указание это не подтверждено.

Из новейших наблюдений следует, что кенгуру растет очень быстро, особенно начиная с того времени, когда покрывается волосами. Он может тогда поднимать свои длинные уши, которые до того висят по бокам головы. С этого времени он очень часто высовывается, если мать сидит спокойно. Выставляет голову, озирается во все стороны, передними лапами роется в сене и понемногу начинает уже есть траву. Мать все еще проявляет чрезвычайную заботливость по отношению к детенышу, но не так тревожится, как прежде. Сначала она лишь с величайшим неудоволь-

** Это характерное заблуждение времен Брема. Самка никак не помогает новорожденному добраться до сумки, правда, иногда вылизывает шерсть на его пути, как бы обозначая дорожку из слюны.*

Семейство кенгуровые

** Как правило, оказывается «выкинутым» из сумки уже подросток, вполне самостоятельный детеныш, не питающийся молоком и имеющий все шансы на выживание. С появлением нового детеныша мать постепенно отучает предыдущего от пребывания в сумке из опасения повредить младшего. Однако при внезапной тревоге подросток детеныш «по привычке» ныряет в сумку матери, которой уже не по силам быстро бежать с такой ношей. Таким образом, от старшего избавляются, чтобы сохранить жизнь матери и младшего беспомощного детеныша.*

ствием допускает какие-либо попытки людей, желающих посмотреть или потрогать детеныша в сумке. Точно так же, как к человеку, относится она в это время и к самцу, который постоянно приближается, чтобы видеть своего потомка. Она отвечает на навязчивое приставание тем, что отворачивается или сердито и хрипло ворчит, а иногда даже защищается ударами. С того времени, когда детеныш начинает высовывать голову из сумки, она менее старательно прячет его. Детеныш и сам крайне боязлив и при малейшей опасности прячется в сумку. Здесь он не всегда сидит в одном положении, а принимает всевозможные позы. Случается видеть, как он выглядывает из сумки, высунув голову, нередко высовывает задние ноги и хвост; иногда видны лишь задние ноги, а голова спрятана. Очень привлекательное зрелище представляет мать, когда она загоняет выглядывающего из сумки детеныша; если он не слушается, делает ему легкий удар лапами. Через некоторое время детеныш начинает по временам покидать свое убежище и бегает рядом с матерью на свободе, но еще долго в случае опасности прячется снова в сумку. Он сильными прыжками приближается к матери, которая сидит спокойно на задних ногах, и бросается, не останавливаясь ни на мгновение, вниз головой в полуоткрытую сумку, поворачивается и выглядывает из ее отверстия.

Путешественники по Австралии рассказывают, что кенгуроматери в случае большой опасности и тем более когда их ранит охотник, оригинальным образом освобождаются от своих детенышей. Если они видят, что не в состоянии бежать далее вместе с ним, то быстро вынимают его из сумки, сажают на землю и бегут дальше, постоянно оглядываясь, пока могут, на преследователей. Они охотно жертвуют детенышем для своего спасения, но редко достигают цели, так как разгоряченные преследователи обращают главное внимание на мать и проносятся мимо детеныша*.

Пища кенгуру растительная; они предпочитают траву и листья деревьев, поедают корни, кору и почки, плоды различных растений. Любимую пищу их составляет особая трава, которую так и называют — «трава кенгуру», она служит верным признаком местопребывания этого животного. Некоторые естествоиспытатели полагали, что кенгуру пережевывают жвачку; однако, несмотря на тщательное наблюдение, я не мог подтвердить это ни у одного кенгуру. Они, правда, часто подолгу жуют какое-нибудь растение, но не отгрызают проглоченную пищу.

Кенгуру составляют на родине самую важную дичь, и поэтому за ними страстно охотятся и хищные животные, и люди, как туземцы, так и белые. Черные умеют так незаметно подкрасться к пасущемуся стаду и так ловко обойти его, что по крайней мере несколько кенгуру становятся их добычей. На больших охотах часть охотников ложится в засаду, а другие гонят на них дичь, причем сначала подкрадываются как можно ближе к пасущим-

ся стадам, а затем вскакивают с криком. Испуганные животные поворачивают в ту сторону, которая кажется им безопасной, и, таким образом, почти наверняка попадают в руки спрятавшихся охотников. Кроме того, австралийцы умеют устраивать всякого рода петли и силки и очень искусно расставляют их. Гораздо большие опустошения производят белые. Они употребляют для того всевозможные средства: ловят петлями, отстреливают с помощью огнестрельного оружия, травят собаками, притом только из кровожадности, просто чтобы убить; убитых же оставляют гнить в лесу. «Вот почему, — пишет анонимный автор, — кенгуру уже истреблены в окрестностях всех более значительных городов и поселений. Если эта дикая охота будет продолжаться таким же образом, то скоро они и внутри страны будут принадлежать к числу наиболее редких млекопитающих. Я не могу признать, чтобы они приносили вред на обширных, поросших травой равнинах. Поблизости от селений они, правда, становятся надоедливее, чем наши зайцы и кролики; но это не оправдывает их преследование. Они перескакивают ночью через изгороди и поедают растения на полях, но несколько пугал достаточно, чтобы удержать их. Я склонен думать, что те, кто таким безрассудным образом преследует кенгуру, не в состоянии понимать значения животных. Я не хочу отвергать, что шкура и мясо кенгуру менее ценны, чем шкура и мясо нашего оленя, но все же и то и другое вовсе не настолько лишено ценности, как кажется австралийцам. Многие считают мясо кенгуру немного лучше, чем падаль, не берут его даром, даже в таких местах, где за бычачье и баранье мясо платят сравнительно дорого; за шкуру торговцы дают не более 1,5 шиллинга или марки. Но я на основании собственного опыта могу уверить, что мясо вовсе не дурно, а шкура ни в чем не уступает телячьей и притом тоньше ее. Уверяют, будто бы мясо кенгуру не питательно; но я считаю это положительно неверным. Я и мой старый спутник питались мясом кенгуру все время, пока были в лесу, и выполняли свою работу так же хорошо, как и другие. «Берегите муку и старайтесь добыть кенгуру», — говорят обыкновенно бушмены, если мука приходит к концу. Я не хочу оспаривать, что мясо это лишь второстепенного качества, так как оно сухо и безвкусно, очень кровянисто, темного цвета и не так приятно, как баранина; но я утверждаю, что им не следует пренебрегать, а хвост, в частности, дает превосходный суп».

Все виды кенгуру без особых затруднений привыкают к неволе, без труда прокармливаются сеном, зеленым кормом, листьями, репой, зернами, хлебом и тому подобной пищей, не требуют зимой особенно теплого хлева и при надлежащем уходе довольно легко размножаются. Хотя они любят тепло и охотно греются и нежатся на солнце, им не вредит, однако, и довольно суровая, зимняя стужа и снег, если только они имеют сухое и защищенное от ветра местечко, куда могут спрятаться. Благодаря этой невзыс-

Семейство кенгуровые

* Помимо естественной области распространения, охватывающей Австралию, Тасманию, Новую Гвинею и прилегающие острова, ряд видов был акклиматизирован в некоторых районах Европы, Северной Америки, Новой Зеландии, отличающихся мягкими, слабо морозными зимами с неглубоким снежным покровом.

** Этот вид уступает размерами лишь гигантскому рыжему кенгуру, живущему в засушливых местностях Центральной Австралии. Всего несколько тысяч лет назад на материке вымерли формы, достигавшие в положении «сидя» на задних лапах 2,2 м и веса предположительно в 350 кг.

*** Западные серые кенгуру выделены в отдельный вид *M. fuliginosus*.

кательности и нечувствительности к влиянию погоды кенгуру в настоящее время представляют самое обыкновенное явление во всех зоологических садах и ежегодно выращиваются в большом числе. Тем не менее они едва ли могут когда-нибудь оправдать те надежды, которые на них возлагались. На мой взгляд, лишь очень немногие из них годятся для переселения к нам в большие охотничьи районы. Я не говорю уже о том, что они, предоставленные самим себе, едва ли могут выжить в нашем климате*, но польза от них слишком незначительна, для того чтобы можно было рекомендовать их для замены нашей исчезающей дичи. Напротив, в менее обширных, огороженных и охраняемых парках, где они не могут приносить вреда, кенгуру служат хорошим украшением.

Несколько лет тому назад барон Филипп фон Безелагер сделал опыт по разведению кенгуру Беннета в Германии, а именно в Рейнской провинции, в лесу около Геймерцгейма, на территории величиной в 500 гектаров. Сюда в 1887 году было пущено сначала пять кенгуру: два самца и три самки. Они очень хорошо выдержали зиму на свободе, несмотря на глубокий снег и холод, доходивший до минус 22,5 градуса. Питались они сначала тем, что могли найти в лесу, так как лишь позднее нашли места, где был приготовлен для них корм; здесь они охотнее всего ели репу, жадно поглощали овсяные снопы, а позднее предпочитали каштаны всякому другому корму.

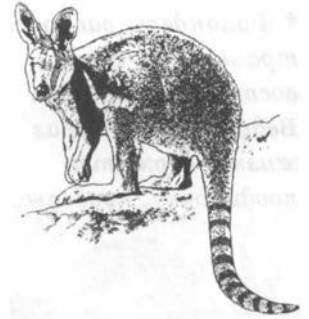
Восточный серый, или исполинский, кенгуру (*Macropus giganteus*)** принадлежит к самым крупным видам семейства. Очень старые самцы в сидячем положении имеют почти такой же рост, как человек; длина их до 3 м, из которых около 90 см приходится на хвост; вес колеблется между 100 и 150 кг. Самка в среднем на треть меньше самца. мех плотный, густой, гладкий и мягкий, похожий несколько на овечий; цвет его неопределенно бурый, смешанный с серым. Передние конечности, голени и плюсны белого или серовато-белого цвета, пальцы задних ног темные. Голова того же цвета, как спина, с темными полосами по бокам. Наружная сторона ушей у западноавстралийских экземпляров*** обыкновенно светлее головы, у животных с востока этого материка большей частью темнее. Хвост буроватый, к концу становится постепенно темнее, конец его черный.

Кук открыл этот вид кенгуру в 1770 году на берегу Нового Южного Уэльса и назвал его бумером, так называют животное и туземцы. Исполинский кенгуру живет во всей Австралии и Тасмании. Водится на поросших травой равнинах или в редких лесах, состоящих из кустов, какие часто встречаются в Австралии. В кустарники он удаляется преимущественно летом, чтобы защищать себя от горячего полуденного солнца. В настоящее время благодаря непрерывному преследованию кенгуру далеко отеснен внутри страны, да и здесь начинает попадаться реже. Он жи-

вет стадами, но не так общителен, как полагали сначала, принимая за одно стадо соединение различных семейств вместе. Обыкновенно случается видеть лишь по три или четыре кенгуру вместе, но, собственно говоря, ни один из них не заботится о другом и каждый идет своей дорогой. На хорошем пастбище собирается большее число животных; но они снова разбредаются, когда в данной местности не находят более корма. Прежде думали, что самцов должно считать вожаками стада, вероятно, потому, что они казались пригодными для этого по своей значительной величине. Но и это предположение оказалось неверным. Все наблюдатели согласны между собою в том, что и самец исполинского кенгуру в высшей степени робок и пуглив и лишь редко позволяет человеку приблизиться к нему.

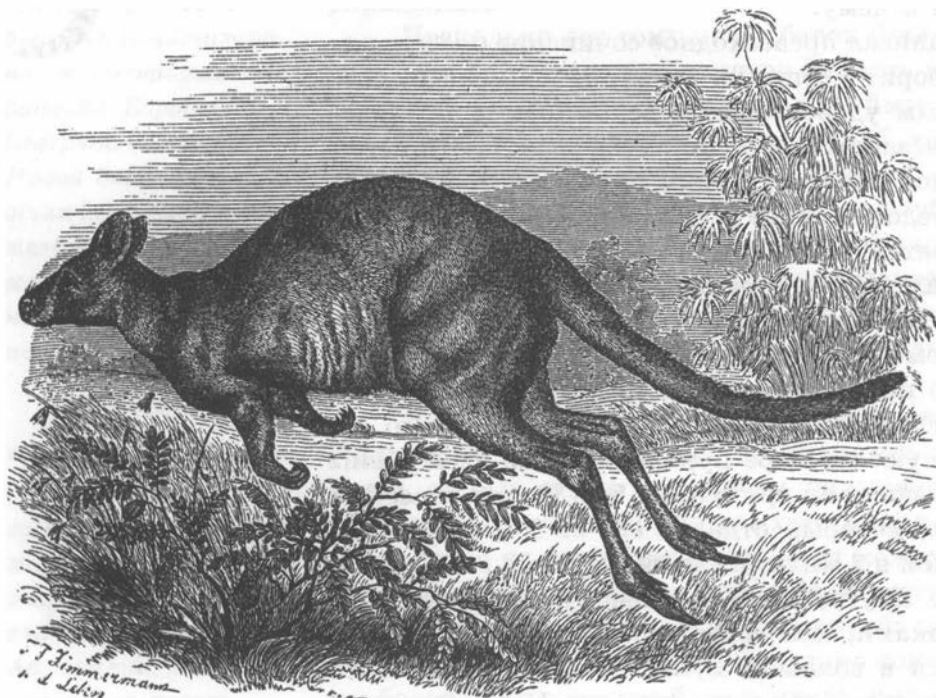
Гульд, который написал превосходное сочинение о млекопитающих Австралии, говорит о бегущих исполинских кенгуру следующее: «Я с особенным удовольствием вспоминаю о прекрасном бумере, который внезапно был поднят собаками на открытой равнине и затем бросился бежать. Сначала он вытянул шею, чтобы оглянуться на преследователей и посмотреть, с какой стороны ему открыт путь; но затем помчался вперед, не промедлив ни одного мгновения, и дал нам возможность наблюдать самую безумную скачку, какую только можно себе представить. С быстротой птицы, в один прием проскакал он 14 английских миль; так как перед ним не было никаких преград, то я нисколько не сомневался в том, что беглец уйдет от нас. Но, к его несчастью, он попал на косу, вдававшуюся в море приблизительно на 2 мили. Здесь путь ему был отрезан, и он принужден был искать спасения вплавь. Морской рукав, который отделял его от материка, был приблизительно шириной в 2 мили, и свежий ветерок гнал волны прямо против кенгуру. Ему оставалось только два выхода: или вступить в битву с собаками, или искать спасения в море. Потеряв голову, он бросился в волны и мужественно поплыл через рукав, хотя волны наполовину захлестывали его. Под конец кенгуру все же был вынужден повернуть назад и, утомленный, обесиленный, стал жертвой преследователей. Расстояние, которое он промчался во время бегства, если считать различные повороты, не могло быть менее 18 миль, и, кроме того, он проплыл еще добрых две мили. Я не в состоянии определить время, в какое он проскакал это пространство, но полагаю, что прошло около двух часов до того времени, когда он достиг конца упомянутой косы. Но там он прыгал еще так же быстро, как и вначале».

К тому, что уже сообщено относительно жизни этого животного, я ничего не могу прибавить; над этим видом было сделано больше всего наблюдений. В настоящее время у нас в неволе гораздо реже можно увидеть исполинского кенгуру, чем прежде. При хорошем уходе некоторые кенгуру живут в Европе 10—25 лет.

Семейство кенгуровые

* Филандеры распространены на юго-востоке Австралии. Ведут ночной образ жизни, держатся поодиночке, проделывают

Красношейный
филандер
(*Thylogale thetis*)

вают туннели в густых зарослях. При опасности подают сигнал, топая задней лапой по земле.

Более мелкие виды кенгуру местные жители называют валлаби. Красивейшие среди них — падемелоны, или филандеры.

Красношейный филандер (*Thylogale thetis*)* едва достигает трети роста исполинского кенгуру, длина равняется 1,1 м, из которых 45 см приходится на хвост. Шерсть длинная и мягкая, цвет спины буро-серый, на затылке переходящий в ржаво-рыжий; брюхо белое или желтовато-белое; бока рыжеватые. Задние ноги равномерно бурого цвета, передние серого; хвост, покрытый короткими, жесткими волосами, сверху серый, снизу буровато-белый.

Филандер населяет богатые кустарником местности Южно-го Квинсленда, Нового Южного Уэльса и Виктории и живет здесь поодиночке или маленькими стадами. Ради его нежного, в выс-

шей степени вкусно-го мяса, которое похоже на мясо нашего зайца, за ним ревностно охотятся как туземцы, так и колонисты. По образу жизни он сходен со своими родичами. Мне бросилось в глаза, что содержащиеся в неволе филандеры во время прыжков довольно сильно размахивают передними ногами и отставляют их в стороны от тела, между тем как другие виды прижимают их. По этой осо-

бенности филандера можно отличить с первого взгляда от других очень похожих на него видов. Парочка, которую я держал, вела себя, как и большинство прыгающих сумчатых, прекрасно по отношению друг к другу, но не с родственными видами.

В горах живут горные кенгуру, прыгающие сумчатые средней величины, несколько отличающиеся от длинноногих кенгуру зубной системой, короткими главными когтями задних ног и хвостом одинаковой толщины в передней и задней части, имеющим на конце кисть.

Кистехвостый скалистый кенгуру (*Petrogale penicillata*) достигает вместе с хвостом 1,25 м. Бока беловато-бурые, спина черная, брюхо бурое или желтоватое, грудь и подбородок белые, щеки серовато-белые с неясной темной полоской, края темных ушей желтые, ноги и хвост черные.

Равный ему по величине **кольцехвостый, скалистый, желтоногий кенгуру** (*Petrogale xanthopus*) бледного рыжевато-бурого цвета, смешанного с серым. Плюсны желтого цвета, хвост с желтыми и черно-бурыми кольцами.

Горы южной Австралии населены значительным числом скалистых кенгуру; однако их нечасто случается заметить, так как эти животные ночные, они крайне редко появляются раньше солнечного заката из темных пещер и расщелин между скалами. Проворство, с которым это животное лазает по скалистым стенам, вполне могло бы сделать честь обезьяне. Умение лазать гораздо более защищает его от преследования человеком и другими врагами, чем остальных родичей. Охота за скалистыми кенгуру требует большого опыта от охотника, да и то она успешна лишь в том случае, если удастся выследить тропинку, которой твердо держится эта дичь. Туземцы доходят по хорошо заметному следу до самой расщелины, в которой животное прячется днем, и там убивают его; но для такой охоты нужно удиви-

тельное терпение дикаря, европеец благоразумно отказывается от нее. Более опасный враг, чем человек, для этих животных динго, так как он довольно часто живет в тех пещерах, куда прячется днем скалистый кенгуру. Однако и динго удается овладеть этим осторожным животным лишь при неожиданном нападении; если кенгуру замечает врага, то несколькими прыжками ставит себя вне всякой опасности. Его ловкость позволяет ему без труда достигать самых высоких и недоступных мест. Притом, по уверениям туземцев, скалистый кенгуру живет преимущественно в таких расщелинах, которые имеют по нескольку выходов. Раненные, они обыкновенно недоступны для охотника, так как прячутся в какую-нибудь пещеру и там умирают.

В последнее время скалистых кистехвостых и кольцехвостых кенгуру не раз привозили к нам живыми, и теперь можно

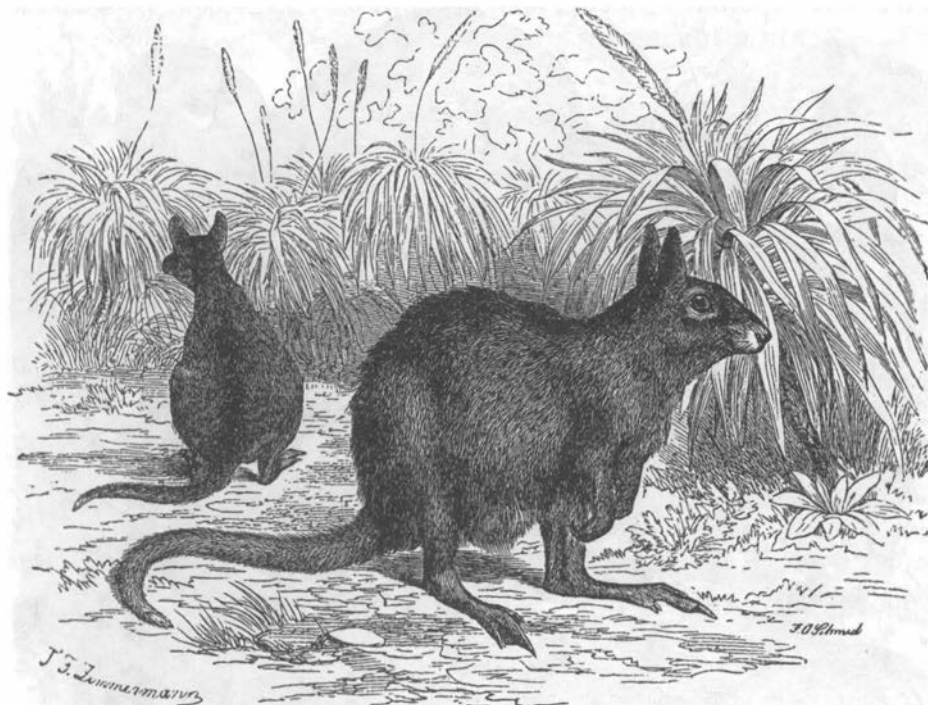
*Кольцехвостый,
скалистый,
кенгуру
(Petrogale xanthopus)*

видеть их во многих зоологических садах. По своему нраву они, кроме любви к лазанию, ничем не отличаются от своих родичей. При хорошем уходе размножаются в неволе так же легко, как их родичи.

Длинноухий, или обыкновенный заячий, кенгуру (*Lagorchestes leporides*)* называется так потому, что по характеру и окраске он сильно напоминает зайца. Длина его 60 см, из которых около 35 см приходится на хвост. Тело вытянуто, ноги и когти тонки, маленькие передние лапы вооружены острыми узенькими когтями. Морда покрыта бархатистыми волосами, уши заострены на концах, изнутри покрыты длинными, белыми волосами, а снаружи короткими черными и белыми. Остальной мех представляет то трудное для описания смешение цветов, которое мы встречаем на шкуре зайца. Волоса на верхней стороне у корня черные, потом рыжевато-бурые, затем ржаво-белые и, наконец, черные. Грудь и брюхо окрашены в серый и ржаво-белый цвет, на каждой голени находится

темное пятно; ноги серые с крапинками, волосы на морде черные и белые.

Заячий кенгуру населяет большую часть внутренней Австралии и сильно напоминает по своему образу жизни нашего зайца. Подобно последнему, это животное ночное, которое днем прячется в глубоко вырытом логовище и тогда, прежде чем подняться, он близко подпускает к себе охотника и собак в надежде, что сходство шкурки с почвой защитит его. Действительно, он часто обманывает собак и, даже убегая от них, употребляет различные хитрости, делая, подобно нашему зайцу, неожиданные петли и поворачивая как можно скорее назад. Однако наблюдение, сделанное Гульдом, заслуживает упоминания. «На одной из равнин южной Австралии, — рассказывает он, — я охотился за одним заячьим кенгуру с двумя проворными собаками. Пробежав около четверти мили, он вдруг повернулся и побежал обратно по на-

**Длинноухий
заячий кенгуру**
(*Lagorchestes leporides*)

* Заячьи кенгуру держатся в травянистых степях и саваннах поодиночке, могут прыгать на 2—3 м. В отличие от большинства кенгуру самки у них заметно крупнее самцов.

правлению ко мне. Собаки следовали за ним по пятам. Я стоял совершенно неподвижно, и животное подбежало ко мне на расстояние 6 м прежде, чем заметило меня. К моему большому изумлению, оно не повернуло ни направо, ни налево, а одним сильным прыжком перескочило через мою голову. Я был не в состоянии выстрелить ему вслед».

Искусство лазания среди прыгающих сумчатых достигает своей высшей степени развития у четырех видов древесных кенгуру из Новой Гвинеи и Северного Квинсленда*. Большие и сильные передние конечности, которые только немного меньше задних, составляют очень характерный отличительный признак этого рода. Верхние резцы почти одинаковой величины; клыки гораздо меньше резцов. Когти четвертого и пятого задних пальцев согнуты, так же, как и когти на пальцах передних конечностей, а не прямые конусообразные, как у остальных родов.

Медвежий кенгуру (*Dendrolagus ursinus*) Новой Гвинеи — довольно большое животное, длиной в 1,25 м, из которых несколько

более половины приходится на хвост; тело у него короткое и толстое, голова короткая. мех состоит из жестких, черных, у основания буроватых волос; кончики ушей, морда и брюхо — бурые; щеки желтоватые; кольцо вокруг глаз темнее.

Все наблюдатели согласны с тем, что нельзя представить себе более странного явления, как древолаз, который весело движется по ветвям и проделывает почти все фокусы гимнастического искусства, какие проделывают и другие лазающие млекопитающие. С величайшей ловкостью животное взбирается по стволам деревьев, с уверенностью белки поднимается и опускается по ним. Но тем не менее оно кажется там, в вышине, не на месте. Каждый наблюдатель бывает просто озадачен, когда это черное длинноногое существо неожиданно

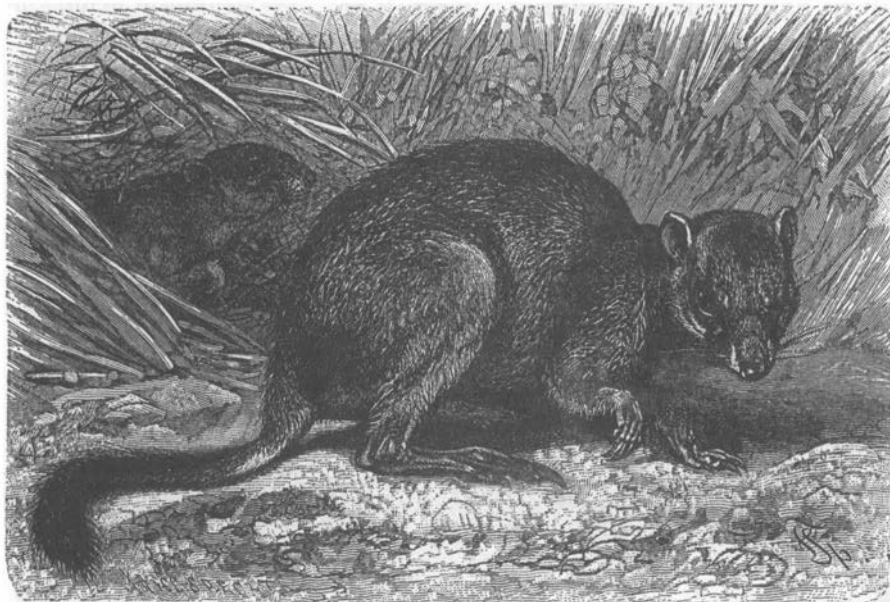
** Древесные кенгуру могут делать прыжки до 9 метров длиной, по горизонтальным ветвям скачут на задних ногах. Хвост у них не цепкий и используется лишь как балансирующая опора. Подошвы лап очень шероховатые, для лучшего сцепления с корой. Вниз по*

*Медвежий кенгуру
(Dendrolagus ursinus)*

стволам спускаются хвостом вперед.

вспрыгивает с земли на дерево и движется по качающимся ветвям. Как и можно было ожидать, судя по местожительству, медвежий кенгуру питается преимущественно листьями, почками и побегами деревьев, вероятно, ест также и плоды. Его редко приходится видеть в неволе; я видел лишь одного. Он жил в Роттердамском зоологическом саду. К сожалению, мои попытки приобрести его не увенчались успехом. Как пишет мне Розенберг, он долгое время держал медвежьего кенгуру вместе с одним его родичем. «Оба вида скоро становятся ручными, легко привыкают к своему хозяину и не показывают ни малейшего страха перед собаками. Мои пленники бегали быстро повторяющимися прыж-

Кистехвостый
кенгуру
(*Bettongia lesueuri*)

ками на задних ногах. Когда они лазали, то обхватывали передними конечностями ствол или ветвь, но делали это несколько неуклюже. Я кормил их растительной пищей, зрелыми пизангами, которые они, сидя на задних ногах, подносили ко рту и ели по-обезьяньи, только более неловко. Медвежий кенгуру хорошо известен всем папуасам в Новой Гвинее под названием ниаай; они часто ловят его и нередко доставляют живым в Тернате».

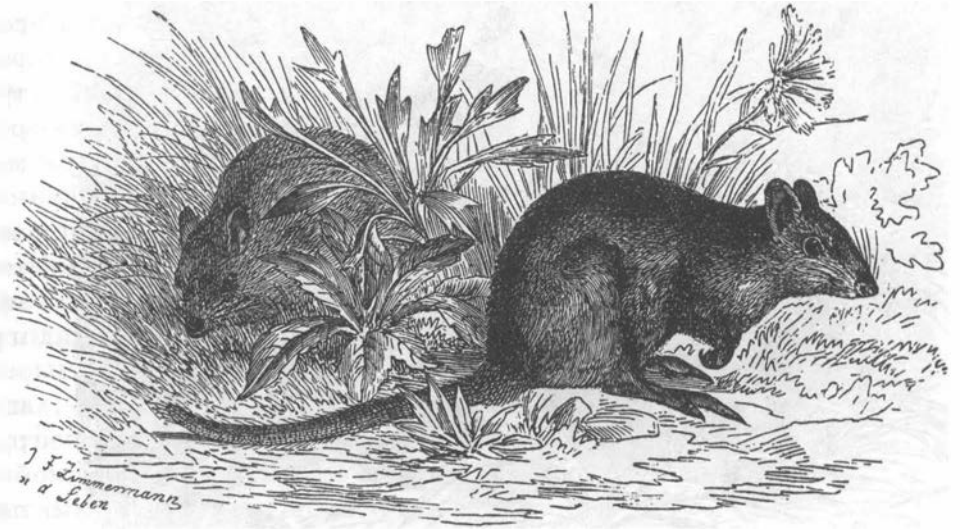
Кистехвостый кенгуру (*Bettongia lesueuri*) — животное величиной с кролика, с очень короткими круглыми ушами и довольно длинным мехом. Цвет верхней стороны серо-бурый с черными и белыми крапинками, нижней — грязно-белый или желтоватый. Этот вид отличается гребнем длинных, черных, косматых волос на последней трети хвоста; вся длина его 67 см, из которых на хвост приходится 31 см. Родина — весь материк Австралии, за исключением самых северных областей.

Об образе жизни и поведении его Гульд сообщал приблизительно следующее. «Подобно остальным видам того же рода он вырывает себе в земле углубление и помещает в нем сделанное из травы толстостенное гнездо, которое по внешнему виду настолько соответствует окружающей обстановке, что необходимо очень внимательно искать его, чтобы заметить. Место для него выбирается между кустиками травы или около куста. Днем одно животное или пара их лежат в таком гнезде совершенно скрытые от глаз наблюдателя, так как они всегда тщательно закрывают от-

верстие, образовавшееся в гнезде при влезании в него. Туземцев это, впрочем, не может обмануть. Они замечают почти каждое гнездо и убивают затем его обитателей ударом палицы. Замечателен способ, которым эти маленькие кенгуру притаскивают жесткую траву для своего гнезда. Они пользуются для этого своим хвостом, который очень удобен для охватывания. Животное берет им пучок травы и тащит его в определенное место; можно представить себе, какой странный и забавный вид оно имеет при этом. В неволе они тоже притаскивают таким же образом материалы к своему логовищу; по крайней мере так поступали несколько экземпляров, которых держал граф Дерби в парке для животных в Носли, по возможности стараясь удовлетворять всем их потребностям.

В Австралии эти сумчатые живут на сухих равнинах и холмах, поросших редкими деревьями и кустами. Хотя они и не держатся стадами, но все же объединяются вместе в довольно большом числе. За пищей выходят лишь после наступления ночи, едят траву и корни, которые благодаря своей ловкости они выкапывают из земли без особенного затруднения. Охотник узнает их присутствие по норкам, вырытым под кустами. Если их потревожить днем, то они с изумительной быстротой спешат к какой-нибудь щели в земле или скале или к дуплу в дереве, которые могут защитить их, и обыкновенно с успехом укрываются».

Трехпалый крысиный потору, или настоящая кенгуровая крыса (*Potorous tridactylus*), отличается удлиненной головой, короткими ногами и крысиным хвостом. Длина тела 40 см, длина хвоста 25 см. Тело коротко и приземисто, шея толста, хвост длинный, плоский, покрыт довольно яркими кольцами и чешуйками и, кроме того, редкими, короткими и жесткими волосами, частью голый. Длинный, рыхлый, слабо блестящий мех сверху темно-бурого цвета с примесью черного и бледно-бурого, на нижней стороне грязно- или желтовато-белого. Волосы имеют темные основания, а на верхней стороне тела также черные кончики; между ними примесь более коротких волосков с желтыми кончиками. Хвост у корня и сверху буроватый, вдоль боков и снизу черного цвета.

Трехпалый
крысиный потору
(*Potorous tridactylus*)

Новый Южный Уэльс, Виктория, Южная Австралия и Тасмания составляют родину крысиного потору; у Порт-Джаксона он прежде был очень обыкновенен. Потору любят местности, поросшие редкими кустами, и избегают открытых пастбищ. Они выкапывают между кустами травы углубления в земле, тщательно выстилают их сухой травой и сеном и спят в них обыкновенно по нескольку штук вместе целый день. Эти настоящие ночные животные выходят пастись лишь к закату солнца. Логовище устроено так же искусно, как и у родичей этого животного.

Своими движениями крысиный кенгуру существенно отличается от других видов.

Мускусный кенгуру
(*Hypsiprymnodon
moschatus*)

По моим собственным наблюдениям, он бежит совершенно иначе и гораздо легче, скорее как тушканчик. Этот бег короткими шагами, как можно назвать движения потору, необыкновенно быстр и вместе с тем позволяет животному обнаруживать большую ловкость, чем это могут сделатьдвигающиеся скачками кенгуру. Крысиный потору быстр, проворен, жив и по земле скользит, как тень. Опытная собака ловит его без особого труда; но неопытный охотник тщетно будет

стараться отыскать его, если тот уже оставил логовище. В гнезде его легко может поймать и человек, так как он спит довольно крепко и подпускает очень близко своего злейшего врага. По отношению к пище потору отличается от описанных до сих пор его родичей. Он роется, отыскивая главным образом клубни и корни, и поэтому причиняет иногда ощутительный вред полям.

С тех пор как существуют зоологические сады, крысиный кенгуру нередко попадает живым в Европу. Он отлично выживает при очень простой пище и не требует никакой особенной защиты.

Мускусный кенгуру, или **мускусная кенгуровая крыса** (*Hypsiprymnodon moschatus*)*, заслуживает особого внимания, так как тесно связывает прыгающих сумчатых с лазающими.

Он маленького роста, похож на крысу, длиной около 41 см, из которых 16 приходится на голый чешуйчатый хвост, утончаю-

* Самый мелкий представитель кенгуру.

щийся к концу. Круглые уши велики, тонки и голы; задние ноги немного длиннее передних. Задние ноги снабжены длинным большим пальцем, который может противопоставляться остальным, и представляют, следовательно, настоящие хватательные ноги или задние руки. Остальные пальцы задних ног снабжены когтями равной величины, а на большом пальце когтя нет; когти передних ног малы и тонки. мех густой и бархатистый, на темном фоне покрыт ржавыми оранжево-серыми крапинками, больше всего на спине, менее на брюхе; на голове и конечностях крапинки едва заметны. Ноги и ступни бурого цвета; последние голы до верхней стороны среднего заднего пальца.

Об этом животном, которое водится в Квинсленде, Рамзай пишет: «Я встретил это в высшей степени замечательное и странное сумчатое животное в первый раз в январе 1874 года во время посещения реки Гербарта, где оно населяет влажные местности, густо поросшие кустарником по берегам рек и по склонам прибрежных гор этой области. Животное попадается вовсе не редко, но благодаря своему скрытому образу жизни и густым лесным зарослям в тех местах, где оно водится, его всегда трудно добыть. По образу жизни его можно считать за дневное животное; движения в спокойном состоянии довольно изящны; оно ходит почти таким же образом, как потору, на которых оно очень похоже. Пищу добывает себе, роясь в растительных остатках на лесной почве, где находит насекомых, червей и клубни растений; часто ест пальмовые ягоды, сидя на задних ногах и держа ягоды в передних лапах, или иногда копает землю, как сумчатые барсуки. Редко встречаются они более одного или двух вместе, если их не сопровождают детеныши. В марте 1874 года я получил от Бродбента самку с двумя детенышами в сумке, которые были очень малы и походили на молодых сумчатых барсуков. В том же месяце был застрелен полувзрослый детеныш вместе с самцом и самкой. Животные, очевидно, рожают детенышей в дождливое время года, которое продолжается от февраля до мая».

СЕМЕЙСТВО КОАЛОВЫЕ (*Phascolarctidae*)*

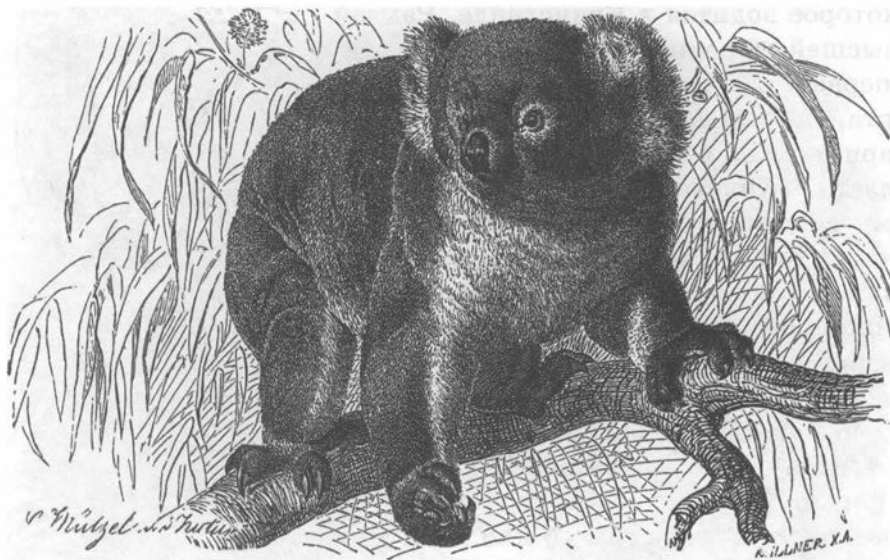
Семейство, состоящее из одного только рода и вида, знакомит нас с одним из самых замечательных сумчатых — коала, или сумчатым медведем (*Phascolarctos cinereus*). Бесхвостое тело сложено плотно, голова толстая, с короткой мордой, рот снабжен защечными мешками, уши большие и покрыты густыми волосами; передние и задние лапы пятипалые. Первый и второй пальцы передних лап противопоставляются трем остальным. Задние лапы имеют лишенный когтя большой палец, остальные пальцы с острыми, длинными и согнутыми когтями**. В зубной системе

* Ранее коала включали в семейство кусткусовых.

** Хватка лап коала (особенно задних) необычайно сильна для зверька таких размеров.

Семейство коаловые

* Длина коала 60—80 см, масса — 5—16 кг, самцы несколько крупнее самок.

Коала

(*Phascolarctos cinereus*)

** Лишь нос и область вокруг губ у коала оставляют впечатление голых, но на самом деле покрыты короткой бархатистой шерстью. Нос выглядит темной кожаной нащепкой на морде, и, вероятно, его поверхность служит для терморегуляции.

бросаются в глаза неравные верхние резцы, маленькие клыки и бугорчатые коренные зубы; резцов в верхней челюсти по три, в нижней лишь по одному; ложнокоренных по одному, настоящих коренных по четыре в каждой челюсти; клыки имеются лишь в верхней челюсти.

Название «сумчатый медведь» очень подходит к этому животному; действительно, коала и по общему виду, и по походке, и по всей осанке имеет большое сходство с молодым медведем. Длина его достигает 60 см, высота у загривка около половины этой величины*. Толстая голова с далеко расставленными ушами, покрытыми взъерошенными волосами, с маленькими глазами

и широкой, тупой мордой. мех очень длинный и густой, несколько косматый, но при этом тонкий, мягкий и волокнистый; лицо вдоль переносицы и от носа до глаз почти голое**; зато волосы на наружной и внутренней стороне ушей очень густы. Цвет спины рыжеватопепельно-серый, брюха — желтовато-белый, наружной стороны ушей — черно-серый.

Родина сумчатого медведя — восточная Австралия от Квинсленда до Виктории. Но часто он не встречается и потому известен довольно мало. Самец и самка держатся парами; они медленно передвигаются по высочайшим деревьям, благодаря чему получили название «австралийский ленивец». Недостаток быстроты с избытком вознаграждается невероятной осмотрительностью и уверенностью, которые он проявляет при лазании, что позволяет ему проходить даже по самым концам ветвей.

Лишь в исключительных случаях медведь оставляет верхушки деревьев и опускается на землю, где передвигается еще медленнее, ленивее и беспомощнее, чем на ветвях, и перебирается на другое дерево в поисках новой пищи. Это животное полуночное, по крайней мере самую светлую и жаркую часть дня он проводит во сне, глубоко запрятавшись в верхушки каучукового дерева, которое составляет его любимое местопребывание.

К вечеру он начинает есть. Спокойно, невидимый для других существ, населяющих эти чащи, не торопясь поедает молодые листья и побеги деревьев, держа их передними лапами и обкусыва-

вая резцами. В сумерки иногда спускается и на землю и роется здесь, отыскивая корни*.

Сумчатого медведя называют чрезвычайно добродушным и мирным животным, которое нелегко привести в возбужденное состояние. Он молчаливо занимается своим делом. Крайне редко удается слышать его голос, глухой лай, который переходит в резкий пронзительный крик лишь в том случае, если он очень голоден или когда его настойчиво дразнят**. В случае сильного гнева иногда принимает угрожающую позу. Но едва ли можно у него предположить серьезное намерение кусаться или царапаться***.

Поймать коала, при его тупости, не представляет большого труда, и он безропотно покоряется своей судьбе. В неволе очень скоро становится ручным, замечательно быстро начинает узнавать своего хозяина и даже в известной степени привязывается к нему. Его кормят листьями, кореньями. Еду он подносит ко рту передними лапами, причем садится при этом на заднюю часть тела, между тем в других случаях садится как собака.

Насколько известно, самка рождает только одного детеныша. Она таскает его, пока он растет, в сумке, а затем еще долгое время на спине или на плечах и обращается с ним с большой заботливостью и любовью. Детеныш крепко прицепляется к материнской шее и безучастно посматривает на окружающий мир в то время, когда мать с осторожностью, заслуживающей уважения, лазает по деревьям.

Европейцам коала известен лишь с 1803 года; туземцы называют его «горибун» и считают ценной дичью. Ради мяса они преследуют его. Охотясь за коала, влезают на стволы высотой более 20 метров, загоняют животное на самую верхнюю ветвь и сбрасывают его оттуда своим товарищам или убивают там же палицей.

СЕМЕЙСТВО ВОМБАТОВЫЕ (Phascolomyidae)

Вомбаты — это сумчатые животные, похожие на грызунов. В настоящее время известны три вида вомбатов, которые сходны между собой по внешнему виду и характеру. Сложение их чрезвычайно нескладное, тело тяжелое и толстое, шея короткая, голова неуклюжая, хвост маленький, в виде почти голого зачатка; конечности короткие, кривые. Пальцы лап сращены между собой и имеют длинные, крепкие, серповидные когти, которых нет лишь на больших пальцах задних ног; ступни широкие и голые. Очень своеобразна зубная система: в каждой половине челюсти по одному переднему широкому резцу, по одному ложнокоренному и по четыре длинных, кривых коренных зуба****.

Крестцовая кость состоит из 4 позвонков, а хвост из 12—16. Из внутренних органов отметим присутствие слепой кишки с червеобразным отростком.

Семейство ВОМБАТОВЫЕ

* Корнями коала не питаются, но иногда едят землю, чтобы восполнить дефицит минеральных веществ.

** Коала издаёт довольно много звуков, особенно во время брачных игр. Это «детский плач», ворчание, рычание, пронзительные крики и др.

*** При внешней беспомощности коала могут постоять за себя — укунить, нанести раны острыми когтями. Известны случаи, когда они успешно противостояли даже динго.

**** Зубная система вомбатов в наибольшей из всех современных сумчатых степени сходна с зубной системой грызунов: постоянно растущие бескорневые и стачивающиеся коренные резцы, покрытые эмалью только спереди. Имеются у вомбатов и щечные мешки.

Семейство ВОМБАТОВЫЕ

* Обитает на о. Тасмания и по всей юго-восточной части Австралии.

** Ландшафты, в которых живут вомбаты, разнообразны — леса, горы, степи, саванны. Норы бывают очень сложные, многоуровневые, длиной более 30 м, но с одним входом. Копают вомбаты очень быстро, передними лапами, задними отбрасывают грунт, резцами перекусывают корни. В процессе рытья вомбаты способны валить крупные деревья.

*** Вне брачного сезона вомбаты ведут одиночный образ жизни. Единственный детеныш рождается поздней осенью и проводит в сумке (открывающейся назад) до середины лета. В неволе вомбаты доживали до 26 лет.

Короткошерстный, или голоносый, вомбат (*Vombatus ursinus*)* достигает в длину 95 см и имеет короткие и округленные уши. Цвет крапчатый, серо-бурый, обусловлен тем, что волосы у корня темно-бурого цвета, на кончике серебристо-белого, местами черные.

Длинношерстный, или шерстоносый, вомбат (*Lasiorhinus latifrons*). Размеры короткошерстных и длинношерстных вомбатов схожи — длина 70—120 см, масса до 35 кг. Сходен и образ жизни. Достигает в длину не менее 1 м. Волосы мягче и преимущественно светлого мышино-серого цвета. Отдельные вкрапления более темных чало-бурых или рыжеватобурых волос придают меху рыжеватый отлив. Пятно над глазом, шея, грудь и внутренняя сторона передних конечностей белого цвета. Большие выдающиеся уши оканчиваются довольно острыми кончиками.

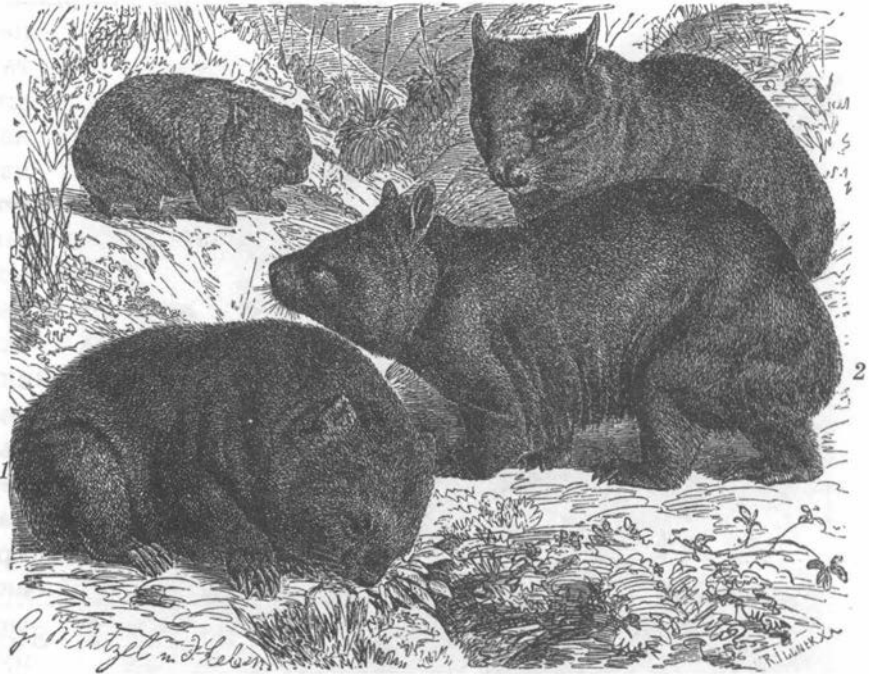
Все виды живут в густых лесах, вырывают здесь широкие норы и очень глубокие ходы в земле и проводят в них весь день во сне**.

Только с наступлением ночи вомбат выбирается наружу и отправляется своей неровной походкой искать пищу. Питается он преимущественно одной жесткой, похожей на ситник травой, покрывающей большие пространства, но не брезгует другими травами, ест и корни, которые добывает, сильно разрывая землю. Все виды этого рода ведут, по-видимому, одинаковый образ жизни, и сказанное об одном относится ко всем остальным***.

Движения вомбата медленные, но твердые и сильные. Такое тупое и равнодушное существо, как он, нелегко вывести из спокойного состояния. Он прямо и безостановочно идет своим путем, не останавливаясь ни перед каким препятствием. Туземцы рассказывают, что во время ночных скитаний вомбат часто скатывается, как камень, в канавы, но не сбивается с пути, а продолжает бежать по сухому дну в том же направлении, как и раньше, пока не выберется где-нибудь снова наверх; он продолжает свой путь с таким равнодушием, как будто бы с ним ничего не случилось. Судя по тем животным, которых я наблюдал в неволе, эти рассказы не кажутся такими невероятными, как можно было бы подумать. Действительно, трудно чем-нибудь возбудить вомбата, хотя при известных обстоятельствах его можно и рассердить. Несомненно одно, это такой упрямец, какого едва ли можно еще найти, если только не назвать это качество более благородным именем — настойчивостью. Все, что он задумал, старается выполнить, не обращая внимания на трудности. Австралийские переселенцы говорят, что вомбат крайне миролюбив, спокойно, без раздражения позволяет себя поднять и унести; но если в его упрямую голову придет мысль об обороне, то становится серьезным противником, тогда он бешено и опасно кусается без разбора направо и налево. Я могу подтвердить эти данные.

Как и большая часть австралийских животных, вомбат отлично выживает в неволе. При хорошем уходе и надлежащей пище он, по-видимому, чувствует себя очень хорошо и становится почти ручным, настолько привыкает к человеку, что ему можно позволить бегать на свободе по дому. Его равнодушие позволяет свыкнуться с неволей, по крайней мере ему никогда не приходит мысль убежать. В Тасмании, говорят, вомбат, как собака, бегают между хижинами рыбаков. Однако не следует думать, что он может подружиться со своим хозяином. К человеку он относится так же равнодушно, как и к остальному миру. Если сыт, то каждое место для него хорошо.

Это вялое, ко всему безучастное существо легко можно прокормить зеленым кормом, морковью, репой, плодами, семенами и хлебными зёрнами; когда же дают немного молока, то это доставляет ему особенное наслаждение. В Австралии считают мясо вомбата вкусным, употребляют в дело даже его шкуру, но у нас ни то, ни другое не находят ценным.

1 — Короткошерстный вомбат
(*Vombatus ursinus*)
2 — Длинношерстный вомбат
(*Lasiorhinus latifrons*)

СЕМЕЙСТВО ХОБОТНОГОЛОВЫЕ КУСКУСЫ (Tarsipedidae)

Семейство состоит только из одного рода и вида — **хоботноголового куска** (*Tarsipes spenserae*). Его называют «пяткоход». Стройный зверек длиной до 16 см, из которых 9 см приходится на покрытый редкой шерстью цепкий хвост, характеризуется очень длинным и тонким хоботом, длинным вытягивающимся языком, отсутствием слепой кишки и недоразвитыми настоящими коренными зубами. Когти недоразвиты, за исключением когтей двух сросшихся между собою пальцев, следующих за большим пальцем задних ног. Шерсть коротка, груба и жестка, на спине она серого цвета с тремя продольными черными или бурыми полосами, на боках бледно-ржавая, на брюхе желтовато-белая, на ногах серая, на ступнях белая.

Этот замечательный зверек живет в западной Австралии и занимает обособленное положение по отношению к другим пред-

**Семейство
хоботноголовые
кускусы**

ставителям того же семейства*; из плотоядных сумчатых он похож лишь на мурашьеда, который тоже отличается маленькими зубами и вытяжным языком и тоже живет в западной Австралии. Оригинальности строения тела животного соответствует образ жизни, главную пищу его составляют насекомые, а также нектар цветов. Супруга сэра Джорджа Грэя пишет о куксусе: «Мы

**Хоботноголовый
куксус
(*Tarsipes spenserae*)**

* Во времена Брема хоботноголового куксуса считали членом семейства куксусовых.

некоторое время имели двух таких зверьков; первый экземпляр, посланный домой, умер, как я опасаясь, от голода, так как мне сказали, что они питаются корнями и орехами. Но я нашла, что это ошибка, пяткоходы — плотоядные животные. По крайней мере второй экземпляр, который у нас был, ел моль и мух. Он обыкновенно хватал моль и тому подобных животных за оба крыла и держал обеими передними лапами; съедал только тело, а крылья бросал. Никогда я не видела, чтобы он пил. Обыкновенно пяткоход спал днем, свернувшись в клубок, а ночью становился очень бодрым и лазал по ветвям деревьев; охотно повисал с помощью хвоста на маленькой ветви и вдруг перепрыгивал на другую». Джайлберт тоже указывал на жадность, с которой эти животные ловят и поедают мух, и затем продолжает: «Пища, которую ему давали, состояла из размяг-

ченного, сильно подслащенного сахаром хлеба, в который он всовывал язык точно так же, как это делают птицы медососы, когда хотят высосать нектар из венчика цветка. Джонсон Друммонд застал пару этих животных в то время, когда они сосали нектар из цветов; он внимательно наблюдал и ясно видел, как они всовывали в цветы свои длинные языки, совершенно как упомянутые птицы». Насколько велика в питании доля насекомых — неизвестно. Образ жизни и особенности размножения зверька плохо изучены. Имеется 4 соска, сумка сильно редуцирована. Анальное и мочеполовое отверстия открываются в общую клоаку. Хоботноголовые куксусы ведут ночной образ жизни, день проводят в гнездах птиц и дуплах.

ОТРЯД НЕПОЛНОЗУБЫЕ (Edentata)

Семейство
муравьедовые

Время процветания млекопитающих, составляющих отряд, к описанию которого мы приступаем, прошло. В первобытные времена в Бразилии жили неполнозубые величиной с носорога и даже еще крупнее; в настоящее же время самые крупные представители этого отряда ростом с большого волка. Среди вымерших видов существуют соединительные звенья между семействами, представители которых встречаются и в наши дни; теперь же эти семейства кажутся вовсе не родственными. Многих из ныне живущих неполнозубых ожидает та же участь, что и их предков: они должны скоро исчезнуть с лица земли, и дни их сочтены.

СЕМЕЙСТВО МУРАВЬЕДОВЫЕ (Myrmecophagidae)*

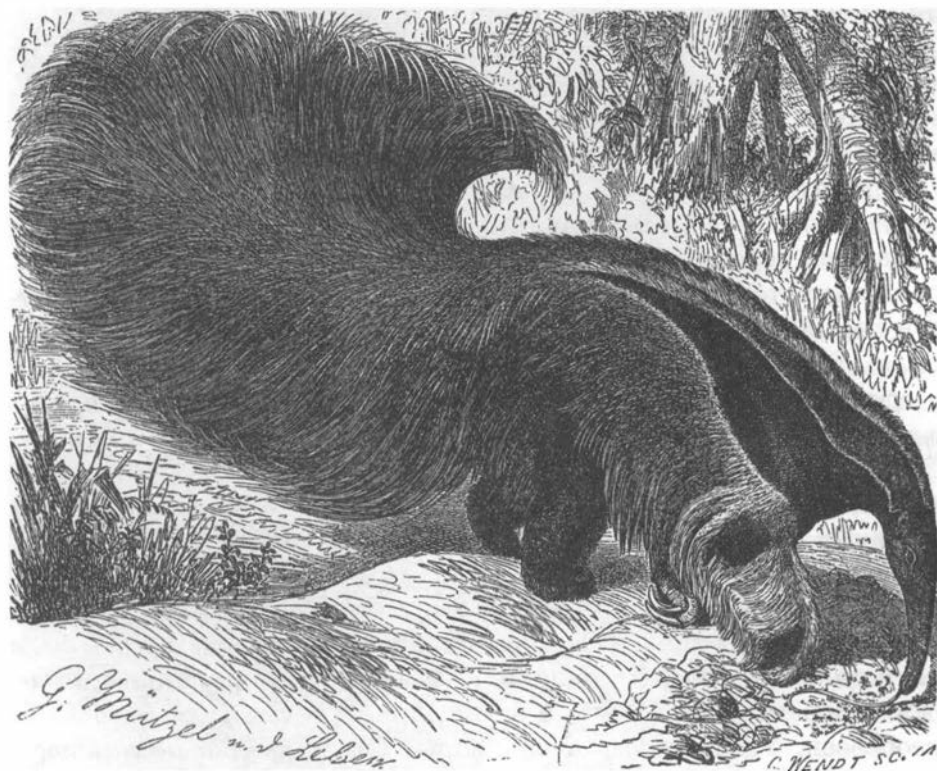
Муравьеды имеют лишь незначительное внешнее сходство с ленивцами. Тело их вытянуто, голова и особенно морда сильно удлинены; хвост достигает почти половины длины тела. Густой взъерошенный мех покрывает тело и особенно верхнюю его часть; задние конечности тонки и слабее передних. Как передние, так и задние ноги имеют по пяти пальцев, которые, однако, не все вооружены когтями. Ротовое отверстие очень узко, а язык длинен, тонок, округлен и червеобразен. Уши и глаза очень малы. Еще удивительнее строение черепа. Благодаря удлинению лицевой части морда длинная, трубкообразная, межчелюстная кость очень мала, согнута и соединена с верхней челюстью лишь хрящом. От зубов нет и следа. 15—18 спинных позвонков снабжены ребрами, кроме того, мы замечаем 2—6 поясничных, 4—6 крестцовых и 29—40 хвостовых. Ребра так широки, что их края покрывают друг друга, и все промежутки между костями исчезают. Ключица у двух видов муравьедов недоразвита, а у одного вида, наоборот, очень развита; кости передних конечностей крайне толсты. Особые мускулы управляют очень длинным, круглым языком, усаженным острыми, похожими на роговые выросты, мелкими шипами. Чрезвычайно развитые слюнные железы постоянно выделяют липкую слизь, которая покрывает язык**. Сердце относительно мало. Артерии образуют в бедрах чудные сети.

* Семейство муравьедовые объединяет 4 вида из 3 родов. Ныне это обитатели Западного полушария, но ископаемые останки муравьедов находили и в Европе. Некогда существовали испанские муравьеды, в два раза превосходящие размерами нынешнего гигантского муравьеда.

** Парные слюнные железы, каждая размером с голову животного, достигают груди и функционируют только во время кормежки, выжимая в рот огромное количество липкой слюны, в которой вязнут муравьи.

* Обычно не более
18—25 кг.

Гигантский, или трехпалый, муравьед (*Myrmecophaga tridactyla*). Мех этого очень странного животного состоит из густых, упругих, жестких на ощупь щетинистых волос. Короткие на голове, они удлиняются на затылке и тянутся вдоль спинного хребта, где образуют гриву длиной до 24 см, а на хвосте их длина колеблется между 26 и 40 см, между тем как на остальном теле, на лапах длина волос лишь 8—11 см. Конец морды, губы, веки и подошвы лап лишены волос. Волосистой покров головы пепельно-серого цвета в смеси с черным. Почти того же цвета затылок, спина и частью бока тела, передние лапы и хвост. Горло, шея, грудь, брюхо, задние лапы и нижняя сторона хвоста черно-бурые.

Диагональная полоса, проходящая по телу от груди к крестцу, черного цвета с бледно-серым окаймлением, в начале широкая (13—15 см), затем суживается. Черная поперечная полоса покрывает конец передней лапы. Пальцы передних лап и голые части тела черного цвета. В молодости муравьеды вообще светлее, чем в зрелом возрасте. Длина взрослого муравьеда равняется 1,3 м, длина хвоста без волос 68 см, а с волосами по крайней

Гигантский
муравьед
(*Myrmecophaga
tridactyla*)

мере 95 см, часто несколько больше. Таким образом, общая длина животного достигает 2,3 м, но иногда попадаются старые самцы еще большей величины. Вес гигантского муравьеда до 40 кг*.

«Внешний вид животного, — говорит Ренггер, — крайне некрасив. Его голова напоминает форму длинного, тонкого, несколько согнутого вниз конуса и оканчивается маленькой тупой мордой. Обе челюсти одинаковой длины, нижняя мало подвижна, ротовая щель маленькая, в нее может войти самое большое толстый большой палец мужчины, ноздри в форме полумесяца, глаза малы и глубоко посажены, уши тоже небольшие, немного более 2,5 см шириной и такой же длины, на верхушке закруглены. Шея благодаря длинным волосам кажется толще, чем задняя часть головы; тело велико, неуклюже и несколько сжато с боков; конечности короткие,

передние широки и очень мускулисты. Передние лапы снабжены четырьмя пальцами с толстыми когтями. Коготь на первом, или внутреннем, пальце длиной 4,5 см, почти прямой, на втором — 1 см длиной, согнут и остер на внутреннем крае. На третьем пальце коготь имеет 6,5 см длины и ту же форму, что и на предыдущем пальце, но остер на обоих краях. Наконец, на четвертом пальце коготь по величине и форме равен первому. При ходьбе и в состоянии покоя животное прикладывает этот коготь к подошве лапы, как палец к руке, сложенной в кулак, причем ступает не плоской стороной ступни, а наружным краем ее, где под самым наружным пальцем находится большая мозоль. Когда муравьед выпрямляет пальцы, то угол, образованный между когтями и подошвой лапы, едва больше прямого. На ступне заметны несколько маленьких, а у заднего ее края одна большая мозоль. Задние конечности пятипалые, и они не такие сильные, как передние. Когти на задних лапах имеют в длину лишь 1—2 см, несколько сжаты с боков, слабо согнуты и направлены вперед. Животное ступает всей подошвой задних лап. Длинный хвост сжат с боков и имеет вид настоящего знамени. Язык, толщина которого не более 0,9 см, напоминает по форме длинный, постепенно заостряющийся конус и состоит из двух мускулов и двух тел, похожих на железы, которые расположены у основания языка. Язык может вытягиваться в длину на 50 см.

Муравьед не часто встречается в Парагвае. В основном он населяет безлюдные или по крайней мере мало посещаемые поляны в северной части страны. У него нет ни определенного логовища, ни вообще постоянного местопребывания. Он бродит днем по равнинам и спит там, где его застигнет ночь. Однако для этого он старается найти место, где трава очень высока или где есть хотя бы несколько кустов. Животные держатся поодиночке или парами, обычно самка и детеныш. Двигается муравьед медленным шагом, а если его преследуют — неуклюжим галопом, впрочем, достаточно медленно, так что человек легко может догнать его*.

Пища его состоит исключительно из термитов, муравьев и их личинок. Чтобы добыть их, он разгребает и разрывает когтями передних лап постройки и земляные кучи, служащие жилищем этим насекомым, затем вытягивает свой длинный язык, вставляя его между сбегающими со всех сторон насекомыми, и снова втягивает в рот уже покрытый ими язык. Так он проделывает до тех пор, пока не насытится или пока не перестанут показываться муравьи или термиты**.

Время совокупления и продолжительность беременности самки мне неизвестны***. Она рождает весной одного детеныша и некоторое время носит его с собой на спине. Детеныш сосет, как говорят, несколько месяцев и, хотя уже умеет питаться насекомыми, все же не оставляет матери, пока та не забеременеет снова. У него еще недостает силы разрывать кучи термитов самому, поэтому он пользуется помощью матери».

** Гигантский муравьед довольно много ходит, причем иногда ходит; на коротких дистанциях может обогнать человека. При ходьбе опирается на запястья и внешние части лап, подогнув пальцы, чтобы не тупить длинные когти. Может хорошо плавать.*

*** За ночь муравьед съедает около 30 тыс. муравьев.*

**** Беременность длится 190 дней, единственный детеныш весом около 1,7 кг, по наблюдениям в Парагвае, рождается весной. Самостоятельным муравьед становится с двухлетнего возраста.*

Семейство муравьедовые

** На взрослых муравьедов даже такие крупные хищники, как пума и ягуар, нападают редко.*

*** Этот вид распространен в Центральной и Южной Америке от Гондураса до севера Аргентины. Тропическим лесам предпочитает полуоткрытые и открытые ландшафты — льяносы, пампы, саванны, редколесья. Численность везде мала и продолжает снижаться, из некоторых регионов исчез совсем. Включен в Красную книгу МСОП.*

Из органов чувств у него лучше всего развито обоняние; затем следуют слух и зрение. Единственный звук, издаваемый им, и то лишь в гневе, напоминает ворчание. В целом это тихое, смиренное животное, которое не способно причинить какой-либо вред человеку или другим животным, кроме того случая, когда его сильно раздражат. На открытом поле муравьеда можно гнать перед собой на большие расстояния без сопротивления с его стороны. Если его бьют, то он садится, как замечает Азара, на седельные кости и задние лапы, а передние расставляет по направлению к своему врагу, чтобы схватить его когтями.

«Мясо и шкура животного употребляются лишь дикими индейцами; однако в Парагвае некоторые деревенские жители кладут шкуру муравьеда под простыню, считая ее надежным средством против ломоты в пояснице. Редко кто-либо охотится за этим муравьедом. Если случайно встретишь муравьеда на равнине, то его легко убить палкой, нанеся ему несколько ударов по голове. Этим животных людям следовало бы скорее защищать, чем преследовать. Они совсем не вредят, а, напротив, приносят большую пользу, уменьшая количество термитов и муравьев, которые в некоторых местностях в Парагвае до такой степени размножились, что там невозможно устраивать плантации. Ягуар и пума единственные враги муравьеда, не считая человека*. Рассказы обитателей Парагвая о битвах, которые якобы происходят между муравьедами и ягуарами, опроверг уже Азара».

От других естествоиспытателей мы узнаем, что муравьед, кроме Парагвая, населяет почти всю остальную восточную часть Южной Америки. Он распространен от реки Ла-Платы до Карибского моря**. Говорят, что передвигается муравьед, опустив голову и обнюхивая землю. Хвост при этом он держит совершенно вытянутым, а гриву подымает высоко вверх, так что кажется гораздо больше, чем он есть в действительности. Кроме муравьев и термитов современные наблюдатели находили в его желудке также много земли и частиц дерева, которые животное проглатывает вместе с муравьями. Отсюда вывели поспешное заключение, что муравьед поедает и растительные вещества. Другие естествоиспытатели объясняют наличие в желудке частиц дерева и земли тем, что они служат ему для облегчения пищеварения. То, что муравьед кроме главной своей пищи поедает также охотно мокриц и многоножек, если они не слишком велики, не подлежит ни малейшему сомнению. Муравьед часто подолгу следит за червями, а потом расщепляет на куски гнилые стволы своими крепкими когтями. Относительно размножения мы знаем также, что детеныш следует за матерью целый год и более, и она в случае опасности защищает его сильными ударами сжатых в кулак передних лап. Пока молодой самец не в состоянии взламывать сам постройки термитов, самка, говорят, заботится о нем.

Несколько замечательных сведений о муравьеде дает Бэтс. Он получил убитого муравьеда; странное животное было зажарено, его мясо оказалось превосходным и до некоторой степени напоминало мясо гуся. Жители Карипе не притронулись к нему, так как, по их словам, у них не принято есть муравьедов. Позднее охотник, снабжавший Бэтса мясом, лишился собаки — муравьед смертельно ранил ее когтями. Из этого указания следует, что рассказы о способности муравьеда защищаться вовсе не лишены основания. С раздраженным муравьедом шутить опасно. Чуди испытал это на себе: раненый, сбитый с ног муравьед вскочил, встал на задние ноги и схватил его своими необыкновенно сильными передними конечностями. Каплер, наблюдавший это животное в Суринаме, подтверждает, что оно взламывает постройки термитов, и прибавляет, что находил в его желудке даже мелких жуков. Он также подтверждает, что это животное, доведенное до крайности, умеет обороняться, и рассказывает, как досталось от него одному белому управляющему плантацией, который, встретив муравьеда, решил убить его своим длинным садовым ножом. Управляющий погнался за убегающим животным и нанес ему лишь один легкий удар, после чего муравьед повернулся к своему преследователю, схватил его и держал так крепко, что всякая борьба была тщетной. Человек и муравьед катались по земле, но схваченный не мог освободиться, и лишь после того, как на его отчаянные крики прибежали люди, животное выпустило своего противника и ушло. Управляющий был так жестоко изуродован, что его пришлось тотчас же отправить в больницу в Парамарибо, где выздоровление его затянулось на месяцы.

В последнее время пойманные муравьеды не раз привозились в Европу и при надлежащем уходе жили годы*. Я видал их в зоологических садах в Лондоне и Берлине.

Тамандуа, или четырехпалый муравьед (*Tamandua tetradactyla*)**, из всех муравьедов, которые живут на деревьях, наиболее сходен с описанным сородичем, но тем не менее считается представителем особого рода, так как у него на передних лапах по 4, а на задних по 5 пальцев и длинный хвост его служит ему для хватания.

Животное встречается приблизительно в тех же странах, что и гигантский муравьед, но доходит до Перу. Длина его равняется примерно 100 см, из которых около 60 см приходится на туловище. Средняя вышина его 30—35 см***. Тамандуа едва достигает половины величины гигантского муравьеда и представляет большое сходство с ним, кроме хвоста. Голова тамандуа не так вытянута и не оканчивается такой длинной мордой, как у муравьеда. Верхняя челюсть длиннее нижней, шея велика, тело широко, уши яйцеобразны и отстоят от головы, ноги похожи на ноги гигантского муравьеда, когти передних ног 2,5 и 5 см длиной, согнуты по длине и сжаты с боков, когти задних ног короче, равной длины и

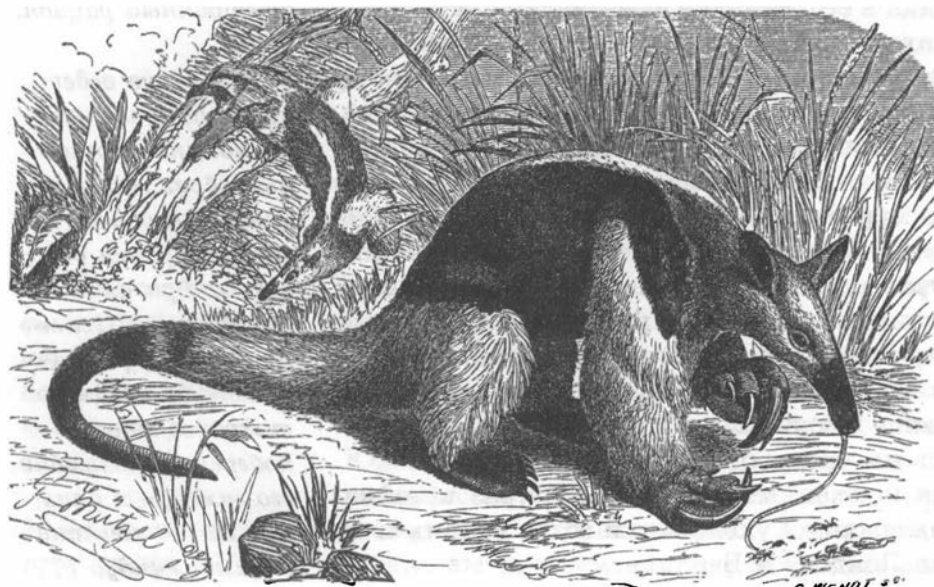
* *Продолжительность жизни гигантского муравьеда в неволе достигает 14 лет. Основным секретом содержания его в неволе является правильно подобранный рацион.*

** *Тамандуа ведет преимущественно ночной, полудревесный образ жизни. В Южной Америке распространен до южной Бразилии и Боливии, а в Центральной Америке — от юга Мексики до тихоокеанского побережья Колумбии, его замещает близкий вид — мексиканский тамандуа (*T. mexicana*). В зависимости от ландшафта тамандуа проводит на деревьях от 10 до 50% своего времени. В целом обычен, в некоторых местах плотность достигает 3 животных на 1 кв. км.*

*** *Средний вес тамандуа 4—8 кг.*

Семейство муравьедовые

* Стандартная окраска тамандуа удивительно напоминает темный жилет, надетый на светлую рубашку.

Тамандуа
(*Tamandua tetradactyla*)

** Редкая чисто-кремовая цветовая вариация чаще всего встречается в местах обитания четырехпалого муравьеда и мексиканского тамандуа, всегда одетого в «жилет». Различия в окраске позволяют отличить этих животных.

мало согнуты. Толстый, мускулистый хвост, способный обвиваться, к концу утончается. Прямые, упругие, жесткие на ощупь, блестящие щетинистые волосы покрывают подшерсток, который едва уступает по жесткости им и отличается лишь слабой курчавостью. Те и другие почти одинаковой длины. На голове они короткие, на остальном теле около 8 см длиной. На верхнем конце лопатки волосы топорщатся, перед лопаткой они направлены вперед, а позади ее — назад. Цвет шерсти на голове, за исключением черного кольца вокруг глаза, на затылке, спине до крестца, на шее, груди, передних конечностях от середины плеча и на задних от коленного сочленения, а также на задних частях — беловато-желтый; черная полоса тянется от шеи назад по плечам и бокам тела и так быстро увеличивается в ширину, что на боках и бедрах

задних ног составляет уже преобладающий цвет*. Окраска обуславливается, впрочем, лишь кончиками волос, так как корни их светлого серовато-желтого цвета. Конец морды, губы, веки и подошвы ног голы и черного цвета, уши и хвост покрыты лишь редкими волосами. Молодые животные беловато-желтого цвета и лишь на втором и

третьем году постепенно принимают цвет взрослых. Но и у этих последних встречаются отклонения: отсутствует иногда черное кольцо вокруг глаз, беловато-желтый цвет заменяется на сероватый или рыжеватожелтый и т.д.**

До настоящего времени мы мало что знали о жизни этого замечательного существа. В Парагвае и Бразилии тамандуа живет в уединенных лесистых местностях, охотно селится на опушке лесов и в кустарниках, иногда встречается поблизости человеческих жилищ. Он держится не только на земле. Тамандуа ловко поднимается на деревья, хотя, как и ленивцы, делает это довольно медленно. При этом он держится хвостом за ветку, даже если сидит. Походка его, хотя и несколько быстрее, чем у муравьеда, но все же очень медленна. Вообще его должно считать вялым и тупым животным. Для сна он ложится на брюхо, прикрепляется хвостом, прикладывает морду к груди и совершенно закрывает ее обеими передними конечностями. Пища его,

как и у гигантского муравьеда, состоит преимущественно из муравьев, и притом главным образом из таких, которые живут на деревьях. Принц фон Вид нашел в его желудке лишь термитов, муравьев и их куколок, но полагает, что он может питаться и медом. В съеденной им пище находили также землю и кусочки дерева. Голос тамандуа случается слышать очень редко. Самка рождает, говорят, весной одного детеныша и долго носит его с собой на спине*.

«Тамандуа, — сообщает Гензель, — я нашел лишь на опушке девственного леса. В самом лесу он мне не попадался, точно так же я не встречал его и на саваннах. Некоторые из собранных мной экземпляров были застрелены на высоких деревьях. От врага этот муравьед старается всегда убежать, хотя и без особенной поспешности**. Если его догонит человек или собака, то он поднимается на задние лапы, словно медведь, и с ворчанием ожидает противника, но никогда не обхватывает его. Передние лапы его, кроме больших согнутых и острых когтей, имеют еще очень развитые, крепкие, как рог, утолщения на ладонях. С быстротой молнии схватывает он противника когтями, прижимая его в то же время к ладоням. Я видел, как один еще не взрослый тамандуа справился с двумя большими собаками, схватив одну за нос, другую за верхнюю губу. Он держал их таким образом, стоя на задних лапах. Обычно в таких случаях охотник обыкновенно перерезает храброму животному сухожилия сочленения передней лапы, чтобы заставить его выпустить собаку. Бессмысленная страсть бразильцев к убийству очень вредит этому безобидному и полезному животному. Для бразильца невозможно, увидев тамандуа, не сойти с лошади и не разрубить ему голову своим большим ножом, а затем оставить труп на съедение грифам. Он делает это хотя бы для того, чтобы испытать тяжесть и остроту своего ножа».

Этих муравьедов тоже несколько раз привозили в Европу, а именно в Лондон.

Тамандуа, особенно в раздраженном состоянии, распространяет очень своеобразный сильный запах, похожий на мускусный, который пропитывает мясо этого животного и делает его несъедобным для европейцев. Тем не менее его едят индейцы и негры, которые, чтобы добыть это жаркое, ставят в лесах ловушки. Португальские и бразильские охотники готовят себе из крепкой кожи тамандуа чехлы от дождя для оружейных замков.

Карликовый, или двупалый, муравьед (*Cyclopes didactylus*)*** — представитель последнего рода этого семейства. Животное величиной с белку имеет приблизительно 40 см в длину, из которых на цепкий хвост приходится 18 см. На передних лапах по четыре пальца, из которых лишь два, второй и третий, вооружены большими когтями, на задних по пяти пальцев. Мех мягкий, как шелк, сверху рыжего цвета, снизу серого. Отдельные

* *Беременность длится 150—160 дней. В помете 1 детеныш.*

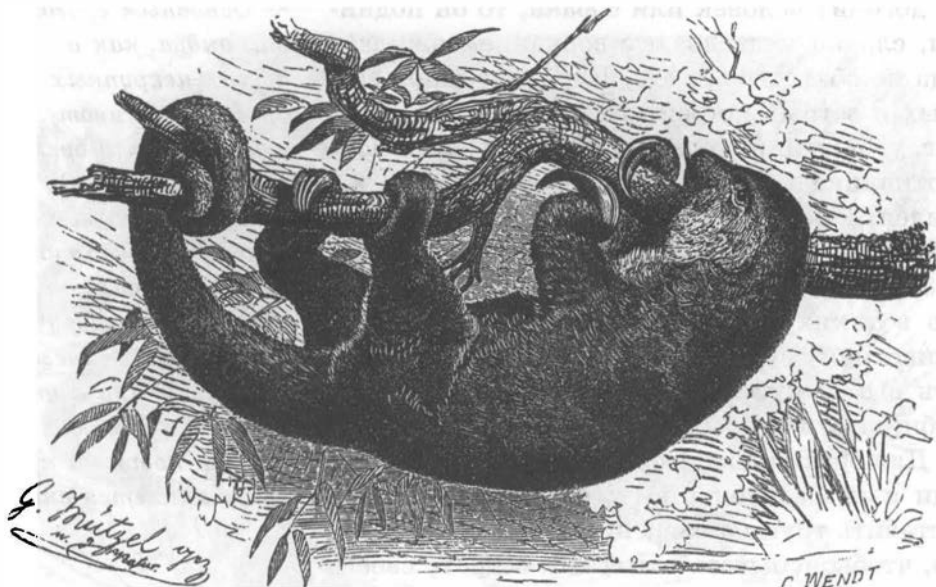
** *Основным врагом тамандуа, как и других некрупных древесных животных, является орел-гарпия. Муравьеда сравнительно легко обнаружить по тому шуму, который он производит, разрушая древесное гнездо термитов или муравьев, и по дождю мусора, который при этом сыплется вниз.*

*** *Карликовый двупалый муравьед обитает в тропических лесах от Мексики до Боливии и Бразилии. Самый мелкий вид семейства весит 400 г.*

Семейство муравьедовые

* Задние ноги карликового муравьеда имеют особое «сочленение» в подошве, позволяющее трем пальцам поворачиваться назад, под подошву, обеспечивая

Карликовый муравьед
(*Cyclopes didactylus*)

цепкий захват.

Морда лишь слегка удлинена и изогнута концом вниз, рот и глаза довольно крупные.

** Сведения о его размножении скудны и сейчас.

волосы внизу серо-бурые, сверху черные, на конце желто-бурые. Наблюдались отклонения в цвете. По внутреннему строению тела этот род существенно отличается от своих сородичей*.

Хотя карликовый муравьед сложен довольно неуклюже, все-таки его можно назвать красивым животным благодаря его изящному меху. Область распространения этого муравьеда ограничена. Его находили до настоящего времени лишь в северной Бразилии, Гвиане и Перу, следовательно, в странах, лежащих между 10-м градусом южной и 6-м градусом северной широты. В горах он иногда поднимается на высоту до 600 м над уровнем моря. Встречается редко. Живет в самых густых лесах и благодаря своей незначительной величине легко избегает встречи с охотником. Как и остальные его сородичи, карликовый муравьед живет по-

одиночке, и разве во время спаривания вместе с самкой. Это ночное животное целый день спит на ветвях деревьев. Движения его неуклюжи, медленны и размеренны. Однако лазает он ловко, хотя и осторожно, и всегда с помощью хвоста. Муравьи, термиты, пчелы, осы и их личинки составляют пищу муравьеда. Возможно, он поедает и других

мелких насекомых, которые живут на деревьях. Поймав более крупную добычу, муравьед садится, словно белка, на задние лапы и подносит ее ко рту, держа в когтях передних конечностей. В случае опасности он старается по мере возможности защищаться, но его слабые силы не позволяют ему оградить себя даже от мелких врагов. Например, он не может справиться с совами средней величины.

О размножении карликового муравьеда нам ничего не известно**.

Говорят, что индейцы убивают его ради мяса. Бэтс наблюдал короткое время одного карликового муравьеда. Зверек был найден индейцем в древесном дупле, где он неподвижно висел, прицепившись к дереву всеми четырьмя конечностями. Пока его не дразнили, он оставался в одном и том же положении, привесившись, как ленивец. Когда его рассердили, муравьед, крепко держась хвостом и задними конечностями за дерево, стал по-коша-

чи защищаться передними лапами*. Ночью он оставался в том же положении, в котором Бэтс наблюдал его утром. На другой день его унесли на дерево в сад, но на следующую ночь муравьед исчез.

СЕМЕЙСТВО ЛЕНИВЦЕВЫЕ (Bradypodidae)

Ленивцы — это весьма тупые и ленивые существа, производящие поистине жалкое впечатление. Передние конечности их значительно длиннее задних. Лапы вооружены большими серповидными когтями. Шея относительно длинна и поддерживает короткую круглую голову, похожую на обезьянью, с маленьким ртом, жесткими малоподвижными губами, маленькими глазами и небольшими ушными раковинами, которые вполне скрыты в мехе. Хвост представляет собой едва заметный зачаток. Волосной покров в старости длинный и грубый, как жесткое сено, и растет в направлении, обратном тому, которое встречается у других животных, т. е. от нижней части тела вверх**. У ленивцев, живущих на свободе, волосы зеленого цвета из-за водоросли, которая покрывает их. Строение позвоночника у него очень странное. Вместо 7 позвонков, из которых обыкновенно состоит шея, у некоторых ленивцев 6 шейных позвонков, у других 9, а в виде исключения и 10***. Число позвонков, снабженных ребрами, варьируется от 14 до 24. Зубная система состоит из 5 цилиндрических коренных зубов в каждом ряду. Первый зуб иногда имеет вид клыка; в нижней челюсти по большей части находится 4 зуба, а точнее, лишь остатки зубов****. Желудок продолговатой серповидной формы и разделен на правую и левую половину, между которыми вдается пищевод; правая, меньшая часть, трижды кишкообразно извита, левая разделена толстыми мускулообразными складками на три отдельных камеры. Сердце, печень и селезенка замечательно малы. Плечевые и бедренные артерии делятся, образуя так называемые чудные сети. Дыхательное горло тоже необыкновенного строения, так как достигает иногда замечательной длины и делает изгибы в грудной полости. Мозг небольшой с весьма малым количеством извилин, что указывает на незначительные умственные способности ленивцев. Образ жизни всех этих животных почти одинаков, поэтому остановлюсь на описании двух наиболее известных видов этого семейства.

Более совершенными я считаю двупалых ленивцев. У них довольно большая плосколобая и тупорылая голова, относительно короткая шея, тонкое туловище без видимого снаружи хвоста, длинные тонкие конечности, из которых передние вооружены двумя, задние тремя сжатыми серповидными когтями, гладкая мягкая шерсть без подшерстка, 18 зубов и 6—7 шейных позвонков.

Семейство ЛЕНИВЦЕВЫЕ

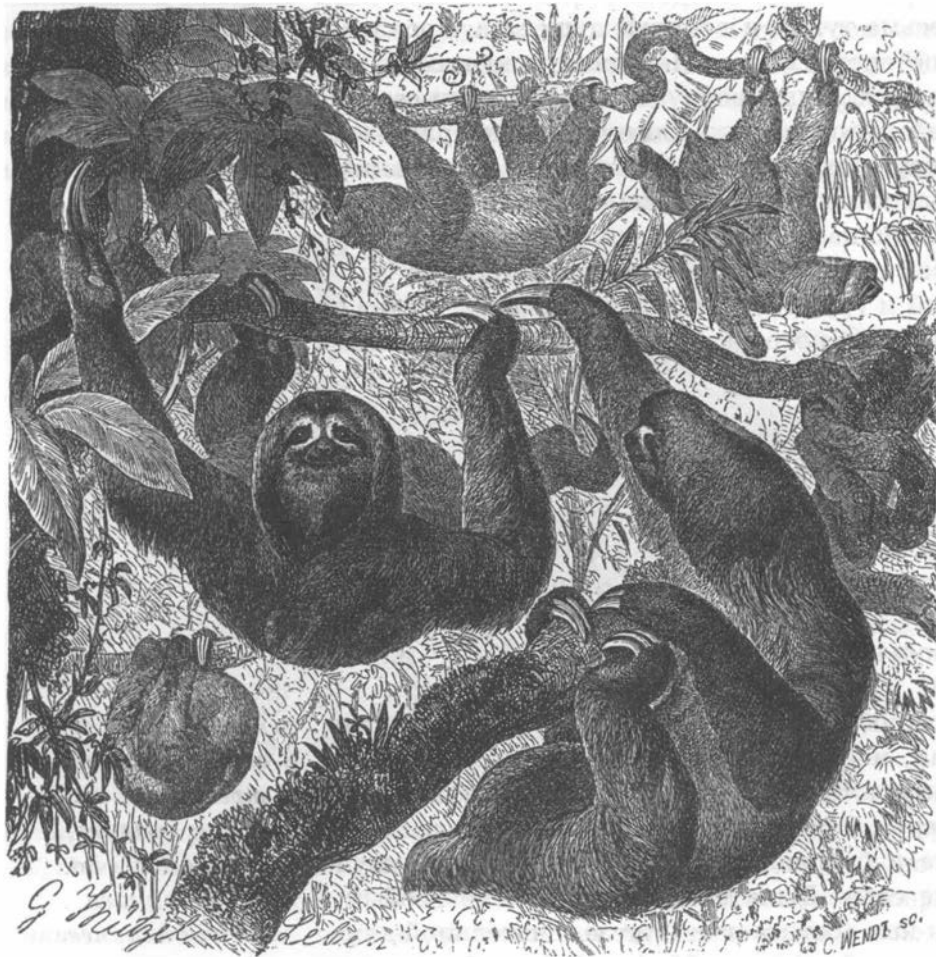
**Если муравьеда потревожить, то он, крепко уцепившись за ветку хвостом и задними лапами, поднимает передние над головой и делает резкие выпады корпусом, рассекая воздух когтями.*

*** Направленные таким образом густые и жесткие волосы защищают животных от тропических ливней.*

**** У двупалых ленивцев 6—7, редко 8 шейных позвонков. У трехпалых ленивцев, как правило, 8—9 (и даже 10) позвонков, их шея заметно длиннее, голова может поворачиваться на 270 градусов.*

***** Лишенные эмали (и потому темно-бурые) зубы растут всю жизнь, постепенно снашиваясь сверху. У трехпалых ленивцев бывает до 20 зубов.*

Унау, или **двупалый ленивец** (*Choloepus didactylus*), из Гвианы и Суринама достигает в длину приблизительно 70 см. Длинная шерсть направлена от груди и брюха к спине и образует здесь завитки. На голове волосы короче и направлены назад. На лице, голове и затылке волосяной покров серовато-оливкового цвета; на спине, где волосы направлены навстречу друг другу, он темнее, чем на нижней стороне; на груди, руках и плечах, а также голенях — оливково-бурого цвета. Голая морда буроватого цвета, лишенные волос подошвы передних и задних конечностей красного цвета, когти голубовато-серого. Радужная оболочка не очень большого глаза бурого цвета.

Трехпалый ленивец
(*Bradypus tridactylus*)

боков серповидными когтями. Волосы на голове с пробором и направлены вниз, а в остальных местах снизу вверх, подошвы лап покрыты волосами.

Ай, или **трехпалый ленивец** (*Bradypus tridactylus*), из Бразилии достигает общей длины в 52 см, из которых 4 см приходятся на хвост. мех состоит из тонких, коротких и густых волос подшерстка, по которым лучше всего определять истинную окраску животного, и длинных, в высушенном состоянии жестких, довольно гладких, похожих на сено волос ости. По обеим сторонам спины от плеч до области хвоста тянется широкая продольная полоса буроватого цвета. Остальной мех бледного рыжевато-

Трехпалые ленивцы (*Bradypus*) плотного телосложения, голова небольшая с усеченной наискось мордой, с твердыми губами и маленьким ртом, шея очень длинна, хвост, сплюснутый с боков, заметно выдается вперед, конечности довольно короткие и толстые, и обе пары их вооружены тремя очень сильно сжатыми с

боков серповидными когтями. Волосы на голове с пробором и направлены вниз, а в остальных местах снизу вверх, подошвы лап покрыты волосами.

серого цвета, на брюхе серебристо-серый. Если срезать длинные волосы на спине до лежащего под ними подшерстка, то выступит истинный цвет животного, и тогда станут заметны черно-бурая продольная полоса, пробегающая вдоль спины, и две белых полосы по бокам. Все три полосы резко ограничены, однако из-за длинных волос точно определить границы этих цветов невозможно*. Над глазами по направлению к вискам пробегает широкая белая полоска. Глаза окружены черно-бурым кольцом, и такая же полоса тянется вниз от висков. Когти желтоватого или буровато-желтого цвета.

Ленивцы водятся только в Южной Америке. Большие леса на влажных низменностях, где растительный мир столь разнообразен, являются основным местом их обитания. Чем пустынее и тенистее лес, тем более привлекает он этих удивительных созданий. Будучи настоящими древесными животными, как обезьяна и белка, они в отличие от последних с трудом перебираются ползком с ветви на ветвь. Пространство, которое свободно преодолевают легкие и резвые обезьяны, воспринимая это как увеселительную прогулку, для ленивца становится дальним путешествием. Соединившись иногда в небольшую семью, эти ленивые существа ведут скучную тихую жизнь и медленно странствуют с ветви на ветвь. Они весьма неловко передвигаются по земле, чего нельзя сказать про их поведение на деревьях. Их длинные руки позволяют им далеко хвататься за ветви, а благодаря сильным когтям они могут без труда удерживаться на деревьях. Лазают ленивцы, впрочем, совершенно иначе, чем все остальные животные, живущие на деревьях: для них правилом служит то, что для других является исключением. Свешиваясь телом вниз, они протягивают к ветвям свои длинные руки, крепко вцепляются в них когтями и, не торопясь, передвигаются с ветви на ветвь, с сука на сук. Однако они кажутся ленивее, чем это есть на самом деле.

Будучи ночными животными, ленивцы проводят без движения целый день, но уже в сумерки становятся бодрее, а ночью странствуют хотя и медленно, но не лениво. Питаются исключительно почками, молодыми побегами и плодами, а в обильной росе, которую слизывают с листьев, находят достаточную замену недостающей им воды. Они, бесспорно, проявляют вялость и при добычании, и при принятии пищи. Ленивцы невзыскательны, довольствуются малым и способны целые дни и даже недели, как утверждают некоторые, терпеть голод и жажду без вреда для себя. Они не оставляют дерева, пока оно доставляет им пищу; и только когда начинают ощущать недостаток в еде, решаются предпринять путешествие. Медленно передвигаясь, отыскивают они место, где ветви других деревьев соединяются с ветвями их дерева, и по этому мосту, цепляясь за сучья, перебираются на соседнее дерево.

Прежде утверждали, что ленивцы предпочитают одни виды деревьев другим, но сейчас отказались от этого мнения, так как

* У самцов трехпалых ленивцев (*B. tridactylus*) и бурогорлых ленивцев (*B. variegatus*) между лопаток находится короткошерстное оранжевое пятно, пересеченное бурой полосой, идущей вдоль хребта. В этом месте, вероятно, расположена кожная пахучая железа. Удивительно, что Брем нигде не упоминает об этом пятне. Приходится предполагать, что лично Брем попались лишь самки либо ошейниковые ленивцы (*B. torquatus*), оба пола которого лишены этого пятна.

Семейство ленивцевые

** У каждого трехпалого ленивца свой ассортимент, состоящий в среднем из 25—30 видов растений. Под этот ограниченный набор и приспособлено пищеварение: набор микроорганизмов настолько специализирован, что резко сменить рацион оказывается невозможным. Вероятно, микрофлора передается от матери к детенышу. По этим причинам трехпалые ленивцы не выживают в неволе. Они умирают от голода, не успев приспособиться к непривычному ассортименту. Двупалые ленивцы менее привередливы в еде, само питание более разнообразно и не подвержено индивидуальным «вкусам». Помимо листьев они охотно едят плоды.*

узнали на основании наблюдений, что им годятся всякие деревья. Впрочем, несмотря на незначительную способность добывать пищу, они могли бы быть более разборчивыми. Растительный мир их родины так велик, что они без особого труда могли бы отыскать себе пищу по вкусу*. Роскошная кайма леса, которая тянется вдоль тропических рек и, не прерываясь, глубоко вдается во внутренность страны, состоит большей частью из видов деревьев, верхушки которых самыми разнообразными способами переплетаются между собой и позволяют ленивцам передвигаться с места на место, никогда не касаясь земли. Ленивцам, чтобы нормально питаться, достаточно совсем небольшое пространство, так как в этих благословенных странах прирост растительности гораздо значительнее той убыли листьев, которая производится этими животными.

С помощью своих длинных передних конечностей ленивцы притягивают к себе более удаленные ветви и обрывают с них когтями листья и плоды, затем подносят пищу ко рту. Длинная шея позволяет им ошипывать листья, между которыми им приходится пролезать. Говорят, что на деревьях, густо покрытых листьями, они сильно наедаются, а в дождливое время года много пьют воды. Впрочем, это не противоречит медленной деятельности их органов. Чем выше развито животное, тем равномернее совершаются все отправления его тела; чем ниже оно стоит, тем менее зависит оно от того, что мы называем жизненными потребностями. Таким образом, ленивцы могут без ущерба для себя и недостаток в пище терпеть, и пользоваться избытком единственного наслаждения, которое им известно, именно — еды. Они, которые обыкновенно довольствуются лишь росой с листьев, в дождливое время года, по словам индейцев, относительно быстро спускаются с деревьев, чтобы приблизиться к реке и утолить жажду.

На земле эти жалкие существа чувствуют себя чужими. При ходьбе они с таким трудом волочат свое тело, что всегда возбуждают в зрителе сострадание. Его можно сравнить с медленной сухопутной черепахой, когда он пытается переместить свою неуклюжую массу тела. Широко расставив конечности, опираясь на локти и медленно переставляя лапы широкими круговыми движениями, ленивец очень тихо подвигается вперед; брюхо при этом почти касается по земле, а голова и шея медленно покачиваются из стороны в сторону и как будто бы поддерживают равновесие этого крайне беспомощного зверька. Пальцы ног во время ходьбы поднимаются вверх, а когти загибаются внутрь; вследствие этого лапа касается почвы наружным краем и притом почти исключительно мякотью большого пальца. Ясно, что такое движение должно совершаться неторопливо. На земле ленивец хорошо сознает свое беспомощное положение. Если его случайно застать в то время, когда он идет, или посадить пойманного на ровное место, то он вытягивает кверху свою маленькую голову на

длинной шее, несколько приподнимает переднюю часть тела и медленно, как бы механически делает движение лапой, словно желая схватить врага своими мощными когтями. Беспомощность и неторопливость придают ему своеобразный, несчастный вид. Трудно предположить, чтобы это существо, ковыляющее таким жалким образом, было способно спастись из воды, если попадет в нее вследствие какого-нибудь несчастного случая. А между тем ленивец сносно плавает, причем движется гораздо быстрее, чем при лазании, держит голову высоко над водой, довольно легко рассекает волны и действительно достигает суши. Бэтс и Уоллес видели, как один ленивец переплывал через реку шириной около 300 м*. Из этого следует, что название «ленивец», как ни правильно оно по существу, относится, однако, лишь к движениям этого животного при ходьбе. На деревьях его движения вовсе не так медлительны, как думали прежде. Замечательна изумительная точность, с которой он выполняет движения при лазании. Ленивец в состоянии висеть, уцепившись всего лишь одной лапой за ветку, причем он не только может удерживать свое тело на одной конечности, но и поднимать ее вверх к месту прикрепления. Тем не менее ленивец старается всегда найти надежные точки опоры для всех четырех конечностей и почти боится отнять от опоры одну из лап, прежде чем найдет для нее другую точку прикрепления**.

Чрезвычайно трудно оторвать ленивца от ветви, за которую он уцепился. Во время сна и отдыха ленивец принимает свою обычную позу. Он ставит все четыре лапы одну подле другой, выгибает тело почти шарообразно и наклоняет голову к груди, однако к телу ее не прислоняет. В таком положении ленивец висит весь день на одном месте, не уставая. Лишь в исключительных случаях он старается схватиться передними лапами за более высокую ветвь, приподнимает переднюю часть тела и опирается, может быть, спиной о другую ветвь. Насколько это животное нечувствительно к голоду и жажде, настолько же оно оказывается чувствительным к сырости и связанной с нею прохладе. При самом слабом дожде он старается как можно поспешнее укрыться под густым сводом листьев и даже делает в это время отчаянные усилия, не соответствующие его прозвищу. В дождливое время ленивец часто по целым дням печально висит на одном месте, испытывая, наверно, крайне неприятное ощущение от стекающей по нему воды***.

Крайне редко, обыкновенно только вечером или рано-рано утром, или же когда ленивец встревожен, можно услышать его голос. Он не громок и состоит из жалобных, продолжительных, высоких, коротких и резких звуков; некоторые наблюдатели передают его с помощью часто повторяемого звука «и». Однако современные ученые никогда не слышали, чтобы ленивец издавал звук «ай», который послужил поводом к французскому назва-

** Поскольку ленивцы часто живут в сезонно затопляемых лесах или просто на деревьях по берегам водоемов, умение плавать является для них важным условием для выживания.*

*** Они способны висеть на ветке только на двух лапах. Особая подвижность голеностопных суставов и суставов запястья позволяет им поворачивать лапу более чем на 250 градусов и фиксировать ее на ветке в любом положении.*

**** На самом деле капли скатываются по шерсти, и зверь практически не намокает.*

Семейство ленивцевые

** Обычно молчаливые, ленивцы издаются ноздрями высокий свист при охране территории, поиске брачного партнера, общении между самкой и детенышем.*

*** У ленивцев замедлены большинство физиологических процессов в организме. Речь идет не только о пищеварении. Они делают не больше 6—7 вдохов в минуту. Температура тела низка и меняется в зависимости от колебаний температуры среды в амплитуде 24—35 градусов.*

**** У трехпалых ленивцев беременность длится 5—6 месяцев, у двупалых — 11. Детеныш рождается крупный — 25 см.*

нию этого животного, или, как тоже уверяли прежние наблюдатели, то высокие, то низкие звуки. Днем можно слышать разве глубокие вздохи ленивца; на земле он не кричит, даже если его дразнят*.

Из сказанного следует, что все органы чувств у ленивца одинаково развиты. Глаза его так слабы и невыразительны, как ни у какого другого млекопитающего. О том, что у него не отличный слух, можно судить уже по незначительной величине и скрытому положению ушных раковин. О его неразвитом осязании тоже известно. Относительно обоняния мы не можем сказать ничего, и лишь вкус мог бы считаться до некоторой степени развитым. Душевные способности ленивцев также стоят на низшей ступени. Эти животные не отличаются понятливостью, они тупы, глупы и равнодушны. Ленивцев называют безобидными, но на самом деле они просто не способны к душевным проявлениям. У них, как говорят путешественники, нет сильных порывов страстей, они не знают страха, но не обладают и мужеством и, по-видимому, не испытывают ни радости, ни печали. Эти сообщения, по моим наблюдениям, не вполне верны. Большинство наблюдателей обыкновенно забывают, что ленивцы — ночные животные, о способностях которых нельзя судить, основываясь на наблюдениях, сделанных днем. Название «ленивец» относится больше к спящему животному; во время бодрствования оно движется медленно, но вовсе не лениво. Его мало развитый мозг, конечно, не способствует проявлению значительных душевных качеств. Однако нельзя сказать, чтобы ленивец вовсе не понимал окружающей обстановки и господствующих в ней условий, чтобы он не проявлял любви, ненависти, не выказывал дружбы к себе подобным или вражды к другим животным, чтобы он был не способен примениться к изменившимся обстоятельствам**.

Ленивцы рожают одного детеныша. Он является на свет сплошь покрытый волосами и даже уже со значительно развитыми пальцами и когтями и тотчас после рождения вцепляется этими когтями в длинные волосы матери, обвивая лапами ее шею. Мать носит его таким образом всюду с собой. Сначала она, по-видимому, относится к детенышу с большой нежностью, но материнская любовь скоро остывает, и глупая самка не заботится более о нем, не кормит и не чистит его и не оказывает ему другие услуги. Она равнодушно позволяет оторвать его от своей груди и лишь незначительное время обнаруживает известное беспокойство, как будто бы потеряла что-то особенно важное. Самка узнает свое детище лишь тогда, когда оно коснется ее или она его. Крик же его она как будто не слышит***. Часто случается, что самка дня два голодает или по крайней мере не заботится о пище. Несмотря на это, она непрерывно кормит молоком своего детеныша, который прицепляется к ней так же крепко, как она к ветви дерева. Обо всем этом сообщают путешественники, передавая, быть

может, рассказы индейцев, но насколько это верно — большой вопрос. С тех пор как я начал держать у себя ленивцев и наблюдать за ними, я пришел к совершенно иным взглядам.

Нельзя сказать, чтобы у этих беспомощных созданий было много недоброжелателей. Благодаря жизни на деревьях они избегают самых опасных для них врагов — млекопитающих. Кроме того, их мех в общем совершенно похож по цвету на сучья, на которых они неподвижно висят, как плоды на дереве, так что нужен привычный соколиный глаз индейца, чтобы отыскать спящего ленивца. Впрочем, эти животные не так уж безоружны, как может показаться на первый взгляд. На дереве до них, естественно, трудно добраться, а если ленивцев застать врасплох на земле и попытаться поймать их, то они довольно быстро опрокидываются на спину и схватывают нападающего когтями; сила их рук, во всяком случае, очень значительна. Даже сильному человеку трудно освободиться от обхватившего его ленивца или оторвать это животное от ветви дерева, к которой оно прицепилось. Если не отцеплять одну ногу за другой и не держать их, то это и вовсе не удастся*.

Польза, которую приносят ленивцы, чрезвычайно ничтожна. В некоторых местностях индейцы и негры едят их мясо, неприятный запах и вкус которого противны европейцам. Из очень жесткой, крепкой и прочной кожи этих животных делают покрышки для седел и мешки. Вреда эти животные не могут причинить. Они тоже стоят в списке животных, приближающихся к окончательному истреблению. Ленивцы могут обитать лишь в самых отдаленных лесах, и, пока топор все далее и далее проникающего европейца щадит еще величественные деревья, доставляющие им кров и пищу, до тех пор они будут пользоваться жизнью.

Нас не должно удивлять, что об этих странных животных распространялось много поверий и сказок. Первые рассказы о них принадлежат Овидею, который говорит приблизительно следующее: «Perico ligero самое ленивое животное, какое можно видеть на свете. Он так неуклюж и нетороплив, что ему нужен целый день, чтобы пройти лишь 50 шагов. Первые христиане, увидевшие его, помнили, что в Испании негров обыкновенно называют в насмешку «белыми Иванами», и потому дали ленивцам в шутку название «проворные собачки». Это одно из самых удивительных животных. Взрослое животное длиной две пяди и немногим менее в толщину. У него четыре тонких ноги, пальцы которых срослись между собой, как у птиц. Ни когти, ни лапы не устроены так, чтобы они могли поддерживать тяжелое тело, и потому брюхо почти волочится по земле. Шея вытянута прямо вверх, такой же толщины, как пест ступки; голова почти не отличается от нее, лицо круглое, похоже на лицо совы и окружено волосами, так что оно лишь немного больше в длину, чем в ширину, глаза малы и круглы, ноздри — как у обезьян, рот маленький.

** Ленивцы могут неплохо защищаться ударами когтей, о чем говорят шрамы на шкурах хищников. Опасность представляют также длинные клыкообразные зубы двупалых ленивцев. Сами ленивцы малочувствительны к боли и обладают удивительной способностью исцеляться даже от серьезных ран. Широкие ребра с дополнительными сочленениями в какой-то степени защищают грудную клетку и внутренние органы от когтей хищников. Благодаря своему положению «под веткой» ленивец оказывается труднодоступен для хищных зверей типа оцелота или тайры. Однако ни положение, ни неподвижность, ни маскировка не спасают его от главного врага — лесного орла гарпии. Ленивцы составляют до трети ее рациона. Серьезную угрозу для ленивцев представляют крупные удавы.*

Семейство броненосцевые

** Несмотря на кажущуюся беспомощность и примитивность, ленивцы считаются одними из самых преуспевающих животных американских тропиков и практически не имеют конкурентов в своей экологической нише. Поскольку ленивцы хорошо замаскированы, скрытны, а днем почти неподвижны, то они, как недавно установили ученые, являются самыми многочисленными обитателями дождевых лесов — на 1 га приходится по 6—7 особей одного вида.*

Ленивец двигает шею то в одну, то в другую сторону, как будто чему-нибудь удивляется. Его единственное желание и удовольствие заключаются в том, чтобы вешаться на деревьях или на чем-нибудь, где он может лазать; и потому его часто можно видеть на деревьях, по которым он медленно взбирается. Его голос очень отличается от голосов других животных. Поет ленивец всегда только ночью, издавая время от времени каждый раз по шесть звуков, сначала один выше другого, а затем все тише и тише: ла, ла, соль, фа, ми, ре, до. Потом кричит шесть раз — ха, ха, ха, ха, ха, ха. Пропев раз, он некоторое время ждет и снова повторяет то же. Я считаю его ночным животным. Иногда христиане ловят ленивца и приносят его домой, где он по обыкновению медленно ползает, и его нельзя ни угрозами, ни толчками принудить двигаться быстрее. Если животное находит дерево, то влезает тотчас же на самые высокие ветви и остается там 10, 12 и даже 20 дней; что оно ест, неизвестно. Я держал его дома, и, по моему наблюдению, оно, должно быть, питается воздухом. Того же мнения придерживаются и многие другие наблюдатели, так как никто не видел, чтобы ленивец что-нибудь ел. Он по большей части поворачивает голову и рот в ту сторону, откуда дует ветер; отсюда следует, что воздух, должно быть, очень приятен ему. Ленивец не кусается, да и не может кусаться, так как рот его очень мал; он также не ядовит. Вообще же я никогда не встречал ранее столь глупого и бесполезного животного, как он».

Многое из того, что сообщает рассказчик, совершенно верно. Преувеличения встречаются позднее, например, у Стедмана. Он говорит, что ленивцу требуется два дня, чтобы добраться до вершины дерева средней величины, и что он не оставляет дерева, пока находит на нем какую-нибудь еду. По пути наверх ленивец поедает будто бы столько, сколько ему нужно, чтобы совершить свое путешествие, но, добравшись до вершины, он совершенно объедает ее. Так он поступает, чтобы не умереть с голоду, когда вернется на нижние ветви в поисках другого дерева. Если бы ленивец объел нижнюю часть вершины, то, естественно, должен был бы погибнуть от трудностей, связанных с путешествием на другие деревья. Некоторые утверждают также, что ленивец свертывается клубком и падает с дерева будто бы для того, чтобы избавить себя от труда двигать членами. Принц фон Вид первый сообщил ясные и свободные от предрассудков наблюдения; после него нам давали сведения главным образом Куа и Гэмар и, наконец, Шомбургк*.

СЕМЕЙСТВО БРОНЕНОСЦЕВЫЕ (Dasypodidae)

Броненосцы, как и ленивцы, являются представителями некогда обширного семейства. По сравнению с некоторыми из их первобытных сородичей они всего лишь карлики. Глиптодонт, или

гигантский броненосец, достигал величины носорога, другие представители этого семейства по крайней мере размеров быка, между тем как в настоящее время длина броненосцев равняется самое большее 1,5 м, а без хвоста 1 м*.

Все броненосцы — неуклюжие создания с вытянутой мордой, большими свиными ушами, толстым хвостом и короткими ногами с очень большими когтями, которые служат им для копания. Свое немецкое название («поясные животные») броненосцы получили по своеобразному строению панциря, на спине которого лежат пластинки в виде неполных поясов. Именно этим расположением щитков он и отличается от чешуйчатого покрова других млекопитающих. Средние пояса состоят из продолговатых четырехугольных пластинок, тогда как плечевой и крестцовый щиты образованы от поперечных рядов четырехугольных или шестиугольных пластинок, между которыми находятся мелкие неправильные щитки. Теменной панцирь тоже состоит из щитков, по большей части пяти- или шестиугольных. Нижняя сторона тела покрыта грубыми или мягкими щетинистыми волосами; у многих видов отдельные волосы растут повсюду между щетинками.

Внутреннее строение тела представляет некоторые особенности. Ребра, число которых колеблется между 10 и 12, чрезвычайно широки и у некоторых видов касаются друг друга. В позвоночнике шейные позвонки, за исключением первого и второго, часто срастаются. Замечательна толщина костей конечностей и пальцев. Ни в одном семействе число зубов не колеблется так сильно, как у броненосцев. У некоторых видов оно так велико, что название отряда можно соотнести с ними условно, памятуя, что предчелюстные кости всегда лишены зубов. До сих пор едва ли было возможным определить с достаточной достоверностью, сколько зубов у броненосцев, так как их число значительно колеблется даже у одного и того же вида. Одно можно утверждать, что зубов никогда не бывает меньше 8 в каждом ряду, их число может доходить до 26 в нижней и до 24 в верхней челюсти, благодаря чему общее количество зубов варьирует от 96 до 100. Впрочем, говорить о недостатке зубов нельзя, так как они, собственно, потеряли всякое значение для броненосцев и давно уже перестали быть настоящими зубами. Зубы имеют форму валиков, сжатых с боков, и лишь у молочных есть корни. Они покрыты тонким слоем эмали. Начиная с первого и до среднего, зубы увеличиваются, а затем постепенно уменьшаются; но и это расположение не может считаться правилом. Челюсти необыкновенно слабы. Зубы одной челюсти вдаются в промежутки зубов другой, но животное не в состоянии крепко кусать или жевать. Язык похож на червеобразный язык муравьедов, но не может так далеко высываться изо рта и гораздо короче, чем у них, трехгранно заострен и усажен маленькими грибовидными или нитевидными со-

Семейство броненосцевые

* Вымершие глиптондонты составляли отдельное семейство *Glyptodontidae*, родственное броненосцевым. Некоторые глиптондонты достигали 3,3 м в длину и 1,5 м в высоту (самая высокая точка была в крестце); весили они около 2 т. Главными отличиями глиптондонтов от броненосцев являлись куполообразный спинной панцирь, лишенный подвижных блоков и весивший порой до 0,5 т, тупые копытообразные когти и уплощенные перетирающие зубы. Питались глиптондонты исключительно вегетарианской пищей.

Семейство броненосцевые

** Броненосцы — наиболее распространённое семейство ксенартров. В Южной Америке они достигают Патагонии и южного Чили, в Северной девятипоясный броненосец расселился (с конца XIX в.) к северу от Рио-Гранде и является сейчас обычным видом в Техасе и большинстве южных штатов США. Поскольку броненосцы не впадают в зимнюю спячку, их продвижение в умеренные широты ограничено линией устойчивых отрицательных температур и замерзания водоемов в зимний период.*

*** Ноздри броненосца во время копания в земле смыкаются, и до 6 минут он может не дышать. Благодаря большому удельному весу и умению надолго задерживать дыхание броненосцы в состоянии форсировать небольшие реки даже пешком по дну.*

сочками. Чрезвычайно большие слюнные железы находятся на нижней челюсти и покрывают язык постоянно липкой слизью. Желудок простой. Артерии образуют местами чудные сети, но не в таких размерах, как у ленинцев. Обыкновенно бывает две, реже четыре млечных железы.

Все броненосцы — обитатели Южной Америки и встречаются на севере до Мексики*. Они живут на поросших скудной растительностью песчаных равнинах, на полях, а также на опушках лесов, не проникая, однако, внутрь их. Лишь во время спаривания можно видеть по нескольку представителей одного вида вместе; в остальное время года каждый броненосец живет сам по себе, ни мало не заботясь об остальных существах, за исключением тех, которые служат ему пищей. Днем броненосцы обычно прячутся в норы; у большинства из них они не особенно длинны. Один вид ведет подземный образ жизни, как крот. Остальные охотнее всего вырывают норы у основания больших муравейников и термитовых куч; причину этого легко понять, так как пища броненосцев состоит преимущественно из насекомых и их личинок, а особенно муравьев. Червей и слизняков они тоже поедают при случае; не избегают и падали; некоторые охотно едят также растительную пищу.

С наступлением темноты броненосцы появляются перед своими глубокими подземными жилищами и некоторое время бродят вокруг, неторопливо передвигаясь с места на место. Настоящее царство их — ровная рыхлая почва; здесь они чувствуют себя как дома. Насколько медленными и вялыми кажутся эти животные при ходьбе, настолько же они быстры и ловки, когда надо зарыться в землю. Потревоженные броненосцы спасаются лишь тем, что быстро зарываются в землю. Они действительно так мастерски роют норы, что погружаются в землю буквально на глазах наблюдателя. Чрезвычайная незащитность сделала бы их жертвой врагов, если бы они не обладали столь чудесным свойством. Один вид может свертываться в шар, как наш еж, но делает это лишь в самом крайнем случае, предпочитая все-таки зарыться и спрятаться в землю. В воде эти столь неуклюжие на вид животные двигаются весьма успешно. Гензель говорит, что они очень хорошо плавают, быстро гребя, как крот**.

Броненосцы — безобидные и мирные создания, без каких-либо выдающихся душевных способностей. Тот, кто видел их однажды, уже после непродолжительного наблюдения должен был бы прийти к заключению, что такими равнодушными, глупыми и скучными созданиями много заниматься не стоит. Они или тупо лежат на одном месте, или скребут и роют, чтобы выкопать себе логовище в земле. Голос их напоминает невыразительное ворчание.

Численность броненосцев уменьшается, им грозит полное истребление. Размножение их незначительно. Некоторые виды рождают, правда, до девяти детенышей, но растут они настолько

медленно и к тому же так беззащитны, что нечего надеяться на увеличение их числа*.

Семейство делят на 8 родов по особенностям зубной системы, внутренних и половых органов, по числу пальцев, строению когтей и количеству поясов панциря.

Щетинистый броненосец (*Chaetophractus villosus*) водится в пампасах Буэнос-Айреса. Он самый некрасивый и неуклюжий из всех своих сородичей. Голова широкая, сверху плоская, с тупой мордой, глаза маленькие, уши воронкообразные и покрыты красной сетчатой кожей, шея короткая и толстая, тело широкое и как бы сплюснуто сверху вниз. Короткие, толстые, пятипалые конечности вооружены большими когтями. Верхняя часть головы покрыта группой неправильных шестиугольных щитков; панцирь над каждым глазом как бы немного вырезан. На затылке находится 9 стоящих рядом продолговатых четырехугольных щитков, на передней части спины по бокам 7, посередине 5 рядов неправильных шестиугольных пластинок. За этим плечевым панцирем следуют 6 подвижных поясов из продолговатых четырехугольных щитков, а затем крестцовый, или бедренный, панцирь, состоящий из 10 рядов продолговатых четырехугольных щитков. Эти последние тесно прилегают друг к другу; последний из них посередине заднего края имеет маленькую вырезку. Хвост у основания покрыт панцирем из 5 отдельных колец, состоящих из четырехугольных щитков, остальную часть его покрывают неправильные шестиугольные чешуи. Наконец, под каждым глазом находятся связанные между собой вертикальные ряды щитков, имеющие в длину 5—7 см, а на шее — два таких же поперечных ряда, но не связанных между собой. Верхняя сторона лап и передняя сторона передних конечностей тоже покрыты неправильными шестиугольными чешуями. Остальную часть тела покрывает толстая морщинистая кожа, на которой находится большое число плоских бородавок. У заднего края головного щита, плечевого панциря, спинных поясов, отдельных рядов щитов крестцового панциря и хвостовых колец находится по несколько жестких пластинок. Нередко встречаются броненосцы, у которых вместо 6 подвижных спинных поясов 7, а в крестцовом панцире вместо 10 рядов щитов 11. Длина животного равняется 50 см, длина хвоста 24 см, высота загривка также 24 см**.

Шестипоясный броненосец (*Euphractus sexcinctus*)*** похож на вышеописанного. Длина его, включая хвост, имеющий в длину 20 см, равна 56—60 см. Позади ушей у него находится полоса, состоящая из 8 щитов; между плечевым и крестцовым панцирем 6 широких поясов****. Панцирь буровато-желтый, на верхней стороне более темный, кожа бледного буровато-желтого цвета.

Броненосцы не живут подолгу на одном месте, а часто переменяют логовище. Оно представляет собой выкопанную ими нору

Семейство броненосцевые

* *Невысокий уровень высшей нервной деятельности, замедленный обмен веществ, низкая температура тела — 34—35 градусов вовсе не являются факторами, угрожающими существованию броненосцев. Напротив, хорошая защита от врагов в сочетании с отсутствием узкой специализации в питании привели к тому, что многие виды броненосцев процветают. Главными врагами броненосцев являются человек и домашняя собака.*

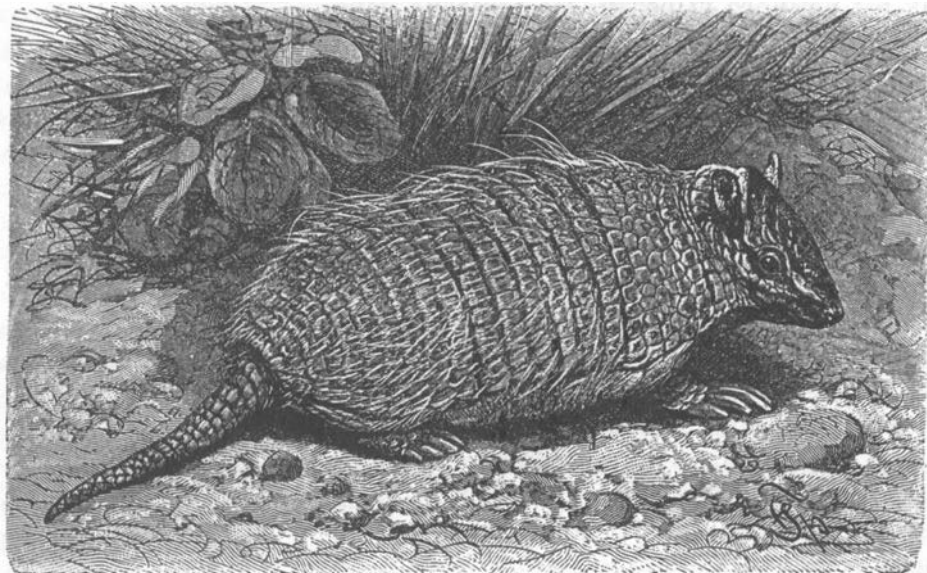
** *Длина тела не превышает 28 см, а хвоста — 10 см.*

*** *Широко распространен в саваннах к востоку от Анд. Весит около 5 кг. Самка приносит по два детеныша дважды в году.*

**** *От 6 до 9 подвижных поясов.*

Семейство броненосцевые

* У всех броненосцев есть индивидуальные участки, границы которых они помечают запахами метками. Размер

Шестиполосный
броненосец
(*Euphractus sexcinctus*)

участков даже у одного вида может быть различным и составлять от 1 до 15 га.

в виде галереи длиной в 1—2 м. При входе нора круглая, и в зависимости от величины животного диаметр ее колеблется от 20 до 60 см. К концу нора расширяется и оканчивается котлообразно, так что животное может свободно поворачиваться в глубине норы. Направление хода различное. Сначала он идет вниз под углом, равным приблизительно 45 градусам, затем поворачивает и идет то прямо, т.е. горизонтально, то изгибается в ту или другую сторону. В таких норах броненосцы проводят все время, свободное от добывания пищи. В безлюдных местностях они выходят из норы и днем, если небо покрыто тучами и им не мешает яркий солнечный свет. В населенных местах животные не оставляют своих жилищ до наступления сумерек, но затем бродят целую ночь. Для них, по-видимому, довольно безразлично, найдут

ли они обратный путь к своей норе или нет; если они заблудятся, то без затруднения вырывают себе новую*.

Азара говорит, что броненосцы устраивают свои жилища главным образом под муравейниками и жилищами термитов. Это очень удобно для них, так как они могут собирать свою основную пищу и днем. Броненосцы подрывают

снизу муравейники и съедают их обитателей, и нора, таким образом, оказывается им не нужной. Теперь ничто не может удерживать их в старой норе, и они до некоторой степени принуждены выкопать себе новую. Кроме муравьев и термитов пища их состоит главным образом из жуков и их личинок, гусениц, кузнечиков и земляных червей. Ренггер заметил, что один броненосец выкапывал зарывшихся в землю навозных жуков и жадно отыскивал и поедал вылезавших дождевых червей. Но он не согласен с мнением Азары, будто бы от преследований броненосцев страдают маленькие птицы, гнездящиеся на земле, а также ящерицы, жабы и змеи. Ренггер полагает, что броненосцы отыскивают падаль лишь затем, чтобы поедать находящиеся там насекомых. Он также сообщает, что броненосцы, несомненно, едят растительную пищу: он нашел ее в желудке убитых им животных.

Обыкновенно все броненосцы движутся медленным шагом; самое быстрое движение, на которое они способны, — это несколь-

ко более скорая рысь. При этом они передвигаются настолько быстро, что человек не может догнать их. Делать прыжки или быстро и ловко поворачиваться им невозможно*. Скакать они не могут вследствие своей неуклюжести, а скоро поворачиваться мешает тесно прилегающий панцирь. Поэтому они, ускоряя до крайности свой бег, могут плестись рысью лишь по прямому направлению или делая очень большую дугу, и были бы совершенно беззащитны, если бы не умели прибегать к иным уловкам. Недостаток проворства вознаграждается у них большой мышечной силой. Она проявляется у них в скорости, с которой они зарываются в почву, и притом в таких местах, где кирка с трудом входит в землю, например у подножия холмиков, построенных термитами. Взрослому броненосцу, почуявшему близость врага, достаточно трех минут, чтобы выкопать ход, значительно превосходящий по длине его тело. При рытье броненосцы царапают землю когтями передних конечностей и отбрасывают разрыхленную землю назад задними лапами. Как только они зарылись более чем на длину тела, то даже самый сильный человек не в состоянии вытащить их обратно из норы за хвост. Норы их никогда не бывают шире, чем это нужно для того, чтобы проникнуть в них, поэтому животному стоит лишь несколько согнуть спину, и края поясов сверху, а острые когти снизу оказывают такое сопротивление, что человеку становится не под силу вытащить животное из норы. Броненосцы часто освобождаются уже тогда, когда их удастся вырвать из норы, внезапно сгибаясь и снова расправляясь, как пружина. Гензель подтверждает эти сообщения и прибавляет, что пойманный броненосец нарочно притворяется покорным, но лишь только почувствует, что рука не так крепко держит его, как тотчас же старается освободиться.

В зависимости от времени оплодотворения самка рождает или зимой, или весной. Несмотря на незначительное число сосков, у нее бывает 4—6 детенышей. В течение нескольких недель мать заботливо прячет их в своей норе. У детенышей трудно различить пол, и потому бразильцы думают, что все детеныши одного помета — или самцы, или самки**. Вероятно, время кормления детенышей молоком продолжается недолго, так как скоро их можно видеть бегающими по полям. Как только они немного подрастут, каждый направляется своим путем, и самка уже не заботится более о своем потомстве. Вообще броненосцы встречаются поодиночке, кроме разве того случая, когда в норе помещается мать с еще сосущими детенышами.

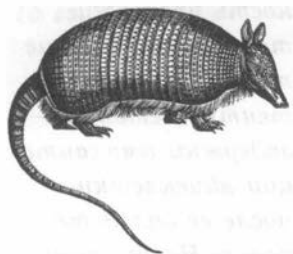
За броненосцем обыкновенно охотятся при лунном свете. Охотник вооружается толстой палкой из твердого дерева, которая на конце заострена или оканчивается утолщением, и отыскивает животных с помощью нескольких собак. Если броненосец замечает собак заблаговременно, то тотчас же убегает в свою нору или вырывает себе новую. Это он делает гораздо охотнее, чем

** На самом деле многие броненосцы со сравнительно легким и тонким панцирем (например, девятипоясные) довольно маневренны и могут высоко подпрыгивать. При быстром движении броненосцы ходят преимущественно на задних лапах, лишь касаясь земли загнутыми когтями передних и не перенося на них тяжести тела. Поддерживать горизонтальное положение при этом броненосцам помогает хвост-балансир.*

*** Абсолютно верное наблюдение. Весь помет (от 2 до 12, но чаще 4 детеныша) развивается из одной делящейся яйцеклетки и фактически представляет собой однояйцевых (однополых) близнецов. Беременность продолжительная вследствие присутствия латентной стадии — задержки имплантации яйцеклетки после ее оплодотворения. Новорожден-*

Семейство броненосцевые

ные довольно развиты, у них открытые глаза и мягкий розовый панцирь, который вскоре твердеет. Через несколько часов после рождения детеныши способны ходить. Выводок остается с матерью несколько месяцев. Половозрелость наступает у самок в 2 года, у самцов нередко позже, окончательных размеров зверьки достигают лишь к 4 годам.

отыскивает убежище в чужом жилище. Если же собаки наступят зверька, прежде чем тот залезет в нору, то он погиб. Они не могут схватить его зубами, поэтому крепко держат мордой и лапами, пока не подоспел охотник, который и убивает его ударом по голове. Опытные собаки, по словам Гензеля, стараются перевернуть носом убегающего броненосца на спину, чтобы иметь возможность схватить его за нижнюю часть тела. И если у них это получается, то буквально в мгновение ока разрывают зверька, только панцирь хрустит на их зубах, точно они давят яичную скорлупу. В норе броненосец всегда уходит от собак, даже если нора не глубока. Собаки тщетно пытаются настичь его: броненосец зарывается быстрее, чем могут следовать за ним более крупные собаки. Схваченный собаками, он и не пытается защищаться, хотя, по-видимому, мог бы нанести им значительные повреждения когтями.

Броненосцы роют такое количество нор, что бывает довольно трудно отличить обитаемое жилище от брошенного. Однако опытные индейцы по некоторым признакам умеют распознавать жилые норы. К ним обычно ведет своеобразный след — маленький неглубокий желобок от хвоста, который животное волочит за собой, а перед норой находится помет ее обитателя; броненосцы никогда не испражняются внутри своего жилища. Наконец, во всех норах, в которых находится зверек, кишит множество москитов, конечно, собирающихся сюда затем, чтобы высасывать у беззащитного броненосца кровь из непокрытых частей тела. Этих примет вполне достаточно для опытных охотников.

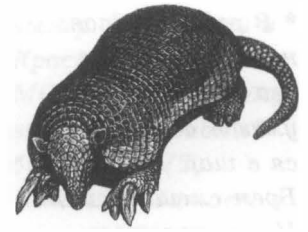
Все броненосцы — существа, ненавистные местным жителям, так как из-за них происходят различные несчастные случаи. Эти животные сильно досаждают смелым наездникам степей, которые проводят на лошади большую часть своей жизни. Лошадь, мчащаяся галопом, случайно попав ногой в нору, может разбиться вместе с всадником. Поэтому все владельцы ферм преследуют бедных броненосцев самым безжалостным образом. Кроме людей им досаждают крупные виды кошек и бразильский волк. Однако, по-видимому, все эти враги причиняют им не очень много вреда, так как в тех местах, где человек оставляет их в покое, они всегда встречаются в большом количестве.

В Парагвае броненосцев редко можно встретить в жилищах людей. Они слишком скучны, а из-за своей склонности к рытью едва ли могут понравиться хозяину дома. Днем зверьки совершенно спокойно держатся в углу своей клетки, втягивают конечности под панцирь и наклоняют к земле острую морду, но, как сообщает Гааке, любят также спать лежа на спине, вытянув все четыре лапы вверх, причем часто делают ими судорожные движения. С наступлением ночи они становятся подвижными, бегают, едят приготовленную для них пищу и время от времени пытаются вырыть когтями дыру. Если их выпустить на двор, то они в

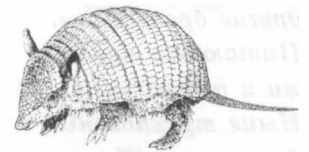
ближайшую же ночь, а чаще всего на следующий день зарываются в землю и живут затем, как на воле, т.е. показываются лишь ночью и через каждые 3 или 4 дня вырывают себе новую нору. По их действиям никогда не скажешь, что они обладают значительным умом. Людей, по-видимому, броненосцы едва отличают от других существ, с которыми живут; однако они привыкают к тому, чтобы человек трогал и носил их, между тем стараются убежать от собак и кошек. Из чувств у них выше всего стоит обоняние, слух развит слабее, а глаза их совершенно не приспособлены к яркому солнечному свету, да и в сумерки пригодны лишь для рассматривания предметов, находящихся очень близко.

Броненосцы, которых часто привозят в Европу, и в некоторых зоологических садах запирают в клетку вместе с обезьянами, питаются в неволе червями, насекомыми, личинками и сырым или вареным мясом, которое им дают маленькими кусочками, так как они не могут откусить от большого куска. Зверьки хватают пищу губами или языком. При надлежащем уходе они долго живут в клетках и волей или неволей служат обезьянам в качестве верховых животных и товарищей по играм, терпеливо переносят все лишения, привыкают к прогулкам днем и даже приступают к размножению. Детеныши, рожденные в Лондонском зоологическом саду, появились на свет слепыми*. Росли они чрезвычайно быстро; один из них в течение 10 недель прибавил в весе почти 1,5 кг, а в длину 25 см. В Кельнском зоологическом саду одна самка два раза рождала по 2 детеныша.

При обильной пище животные становятся такими жирными, что все их тело кажется как бы завернутым в сало. Индейцы страстно любят мясо всех броненосцев, европейцы же едят мясо лишь двух видов. Как говорит Каплер, мясо теряет свойственный ему мускусный запах, если его положить на ночь в соленую воду с лимонным соком. Ренггер уверяет, что жареное и приправленное испанским перцем мясо броненосца представляет одно из самых приятных кушаний. Все остальные путешественники согласны с этим. «Мясо броненосца, — сообщает Гензель, — это лакомство; оно нежно и бело, как куриное, а обильный жир по вкусу напоминает жир почек телят». Приготавливается оно, по Чуди, крайне простым способом. Животному вспарывают брюхо, вынимают внутренности, натирают солью, перцем и другими пряностями и жарят на углях в панцире, пока он не опалится довольно сильно; тогда панцирь легко отстает от готового мяса. Вероятно, из-за несколько странного вида животного бразильцы не часто едят его; негры же, наоборот, очень любят и потому ревностно охотятся за всеми броненосцами. Индейцы в Парагвае делают из панциря маленькие корзинки, ботокуды из снятого хвостового панциря — говорные трубы; прежде куски панциря шли на изготовление гитар.

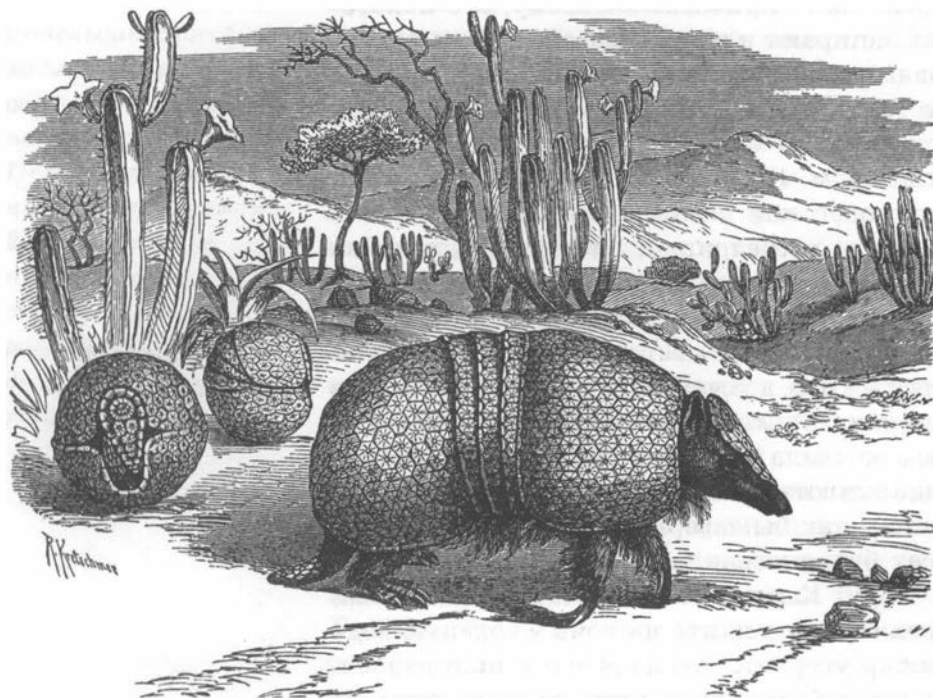

* Глаза у новорожденных открытые.

Семейство броненосцевые

* В роде *трехпоясных броненосцев* — два вида, и оба умеют сворачиваться в шар. Видимо, Брем смешивает их. Из-за толстого

Трехпоясный
броненосец
(*Tolypeutes tricinctus*)

панциря они более неуклюжи, чем другие броненосцы. Питаются муравьями и термитами. Ныне трехпоясный броненосец (*T. tricinctus*), обитающий в центральной Бразилии, почти

Трехпоясный броненосец (*Tolypeutes tricinctus*). Он еще мало известен. Первое описание его было сделано, вероятно, по чучелу, составленному из отдельных частей различных животных. Однако уже Азара дал настолько ясное описание, что более нельзя сомневаться в существовании этого животного. Он говорит, что этот броненосец не встречается в Парагвае, а попадает лишь под 36 градусом южной широты. «Некоторые называют его «болита» (шар), так как он единственный из всех броненосцев, кто прячет голову, хвост и четыре лапы, когда испугается; при этом он образует из своего тела шар, который можно катать в любом направлении без того, чтобы он развернулся*.

Развернуть этот шар можно лишь с большим усилием. Охотники убивают это животное, с силой бросая его на землю. Я видел лишь одного, которого мне подарили, но он был так слаб и болен, что умер уже на следующий день. Зверек постоянно находился в скорченном положении, почти в виде шара, и неуклюже бегал, не вытягивая тела, едва поднимал при этом лапы и ступал вме-

сто подошв концами больших пальцев (следовательно, концами когтей), хвост держал в таком положении, что тот почти касался земли. Передние и задние конечности у него гораздо слабее, чем у других броненосцев, и когти не особенно приспособлены для рытья. Поэтому я сомневаюсь, чтобы он выкапывал себе норы; если он действительно живет в норах, то они, вероятно, выкопаны другими представителями той же группы. Я расспрашивал об этом, и все утверждали, что он всегда встречается на поверхности земли. Распрямить тело зверька против его воли, как я часто делал это с другими животными, чтобы измерить их, просто невозможно. Длина от конца морды до конца хвоста равняется 45 см, а хвост 7 см; внизу у конца он или круглой, или конической формы, у основания же сплюснут

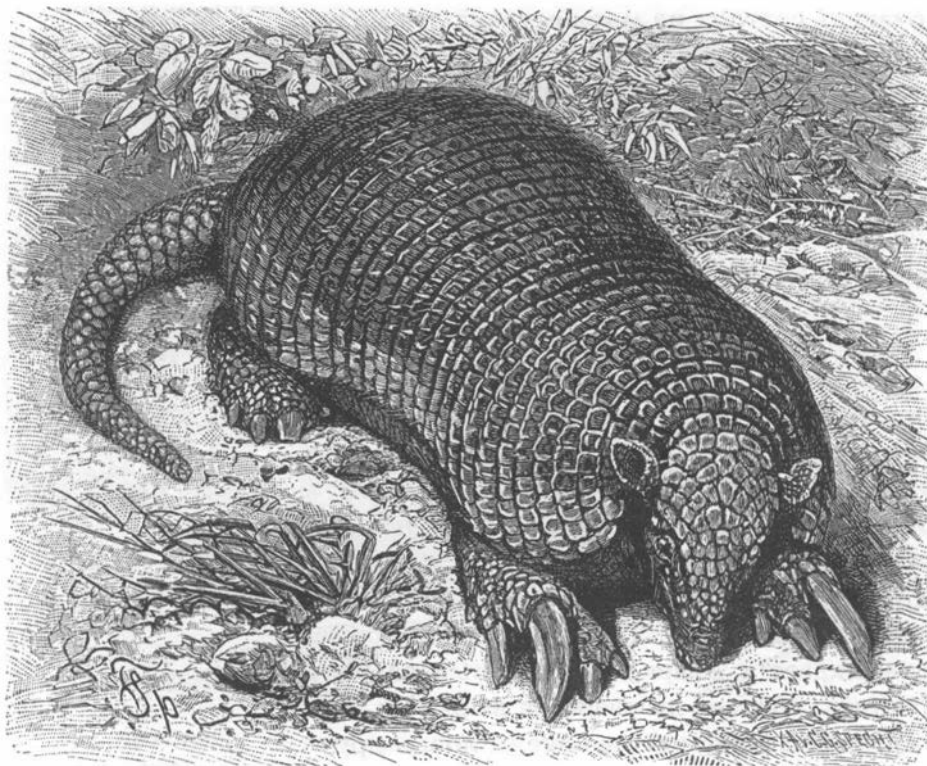
и широк. Пластинки у него тоже не такие, как у остальных броненосцев, а похожи более на крупные зерна и сильно выдаются; лобная броня вверху гораздо толще, чем у других видов, и состоит из рядов щитов и неправильных кусков. Уши хотя и имеют 2,5 см длины, но не достигают верхушки лобного панциря, который значительно выдается над головой. Плечевой щит 6,5 см шириной; животное может покрывать и защищать им не только глаза, но и большую часть головы (вероятно, когда свертывается). Каждый из трех спинных поясов зверька имеет длину 1,7 см, но они суживаются по направлению к бокам; крестцовый щит шириной в 15 см. Все отдельные пластинки щитов и поясов неправильны, шероховаты, бугорчатые, и каждая из них в свою очередь состоит из множества более мелких неправильных кусочков. Цвет животного свинцово-серый, блестящий или буроватый, кожа между полосами беловатая, а на нижней стороне темная. Здесь едва попадаются щитки, но на наружной стороне конечностей и на боках, где соединяются пояса, их много. Там заметны и мускулы, стягивающие щиты, чтобы образовать из них шар. Одни лапы лишены пластинок, хотя на них и находятся отдельные щитки».

Другие путешественники, рассказывая об этом броненосце, указывают, что собаки нападают на него с большой яростью, так как они не в состоянии разгрызть его панцирь, и тщетно пытаются унести свернувшееся животное. Большой гладкий шар выкальзывает у них из зубов, и мячик катится по земле, не терпя от этого никакого вреда. Это в высшей степени озлобляет собак, они снова яростно нападают на броненосца, но их усилия тщетны. Геринг получил живого зверька из Сан-Луиса в западной Аргентине, его настоящей родины, или по крайней мере из той страны, где это животное встречается чаще всего. Там трехпоясный броненосец живет, что подтверждает и Азара, на открытых равнинах. Геринг не смог выяснить, обитает ли зверек в вырытых им самим норах. Туземцы при случае берут его во время ловли других броненосцев, которые, как было замечено, составляют любимую их пищу. Они убивают и этого зверька, если хотят съесть. Но так как броненосец привлекательное создание, то они обыкновенно щадят его и держат в неволе. Дети любят играть с ним, катают его туда и сюда или заставляют бегать по доске, забавляясь стуком, который он производит благодаря своей странной поступи. Геринга часто посещали туземцы и просили показать своего пленника. Хотя это животное еще недолго было в неволе, однако оказалось с первого мгновения доверчивым и без колебания брало из рук предлагаемый ему корм. Оно ело всякие плоды и листья, особенно персики, тыкву и салат, правда, лишь тогда, когда пищу держали перед ним. Из-за того, что ротовое

вымер. Он занесен в Красную книгу МСОП. Близкий ему вид — шаровидный броненосец (T. matacus) обитает в саваннах и лесах южной Бразилии, Боливии, Парагвая и Аргентины. Отличается числом пальцев на передних ногах и оранжево-желтым цветом панциря.

отверстие у него чрезвычайно мало, пищу приходилось разрезать на тонкие кусочки, которые зверек ел очень изящно. Спал броненосец как ночью, так и днем. При этом он вытягивал конечности прямо перед собой, подбирая задние лапы и, ложась на них и на брюхо, нагибал голову и прятал ее между передними конечностями. Спина при всяком положении оставалась сильно выгнутой: животное было не в состоянии совершенно распрямиться. Хотя оно абсолютно спокойно ело и бегало в присутствии нескольких лиц, но мгновенно свертывалось, если его трогали, а если на него давили, то свертывалось так сильно, что принимало почти шарообразную форму. Если зверька оставляли в покое, то он постепенно распрямлялся и продолжал свою прогулку. Если шар клали на ладонь спиной вниз, то зверек медленно развертывался и вытягивал все четыре конечности прямо вверх, дергал иногда головой и передними лапами, но не делал никаких усилий, чтобы освободиться. Если его трогали за грудь, то он начинал двигать передними конечностями; ощупывать голову зверек позволял, не выказывая сопротивления.

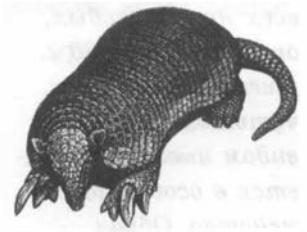
**Гигантский
броненосец**
(*Priodontes maximus*)

Животное это казалось необыкновенно красивым, и каждое его движение, несмотря на странность, было поистине привлекательно. Ходьба на концах когтей, согнутых и имеющих около 3 см в длину, представляла нечто поразительное. Она всегда вызывала удивление зрителей. Если броненосца отпустить на свободу, то он старался как можно поспешнее убежать; но если его начинали преследовать, то он свертывался в шар. Если этот шар катали по земле, то он оставался плотно замкнутым, но лишь только движение прекращалось, то животное развертывалось и убегало. Собаки выказывали против броненосца не больше озлобления, чем против других броненосцев.

Гигантский броненосец (*Priodontes giganteus*, или *P. maximus*)* живет в лесистых местностях Бразилии и Гвианы. Принц фон Вид везде слышал о нем, но никак не мог увидеть его. Он полагает, что этот броненосец распространен на большей части Бразилии, а может быть, встречается и во всей Южной Америке. В больших первобытных лесах охотники часто находили под корнями старых деревьев его норы и жилища, по ширине которых можно было составить заключение о величине животного. Туземные охотники уверяли, что он ростом с большую свинью, и его хвосты, которые принц нашел у животных, казалось, подтверждали эти рассказы. Он обнаружил у них также говорные трубы, которые назывались «хвосты тату», длиной до 36 см и шириной у основания 8 см. Азара замечает, что гигантский броненосец очень редок в Парагвае и не имеет особого имени. «Его встречают, — говорит он, — лишь в огромных лесах северной части нашей страны. Если один из поденщиков, работающих в местности, где водится гигантский броненосец, умирает и его приходится из-за отдаленности кладбищ хоронить тут же, то необходимо выкладывать могилу толстыми стволами в два ряда, иначе гигантский броненосец выкопает и растерзает труп, как скоро запах приведет его к могиле. Я сам видел гигантского броненосца лишь однажды, и то случайно. В одном деревенском доме я расспрашивал о животных, обитающих в этих окрестностях, и узнал от одного старика, что за несколько ночей перед тем его работники нашли недалеко от леса большое животное, которого испугались лошади. Один из парней сошел с лошади и при свете полной луны опознал броненосца, который рылся в земле. Он поднял его за хвост, обвязал его вокруг тела двумя арканами и потащил домой. Но там женщины со страху стали кричать и успокоились лишь тогда, когда ловец убил свою добычу. На следующий день явились соседи, чтобы посмотреть на замечательное создание. Тело его разрезали на куски, кто-то взял щит, чтобы сделать из него дно скрипки или гитары, кто-то когти. Услышав это, я попытался достать что мог и нашел, что птицы и черви съели почти все мясо, а голова и хвост совершенно сгнили, однако я видел кусок панциря, точнее, плечевой и крестцовый щиты и другие лежащие между ними щиты, на которых, правда, многие пластинки утратили блеск. По этим остаткам я и набросал свое описание». Вот все, что мог сообщить Азара.

Из исследований, сделанных позднее, выяснилось, что длина тела гигантского броненосца достигает 1 м и более, длина хвоста равняется приблизительно половине этой длины. По Каплеру, вес его достигает 45 кг**. Лоб и череп покрыты очень неправильными костяными таблицами. Плечевой панцирь состоит из 10 поперечных рядов, между которыми сзади по бокам

* Гигантский броненосец — самый крупный представитель американских неполнозубых, по крайней мере по весу. Это редкий вид распространен в восточной части Южной Америки, чаще встречается у воды. Внесен в Красную книгу МСОП.

** Вес гигантского броненосца достигает 60 кг.

Семейство броненосцевые

** Очевидно, благодаря огромной силе и мощному когтю на передних лапах этот броненосец может сокрушать самые прочные термитники. Как и гигантский муравьед, он способен подниматься на задние лапы и даже короткое время ходить таким образом.*

*** Это самый мелкий представитель всех неполнозубых, он весит всего 90 г. Вместе со вторым, чуть более крупным видом иногда выделяется в особое подсемейство. Образ жизни этого скрытного зверька, обитающего в сухой пампе и песчаных полупустынях западной Аргентины, практически не изучен. Относится к редким животным, включен в Красную книгу МСОП.*

вставляется еще один ряд; подвижных поясов 12—13, крестцовый панцирь состоит из 16—17 рядов. Щиты квадратные или прямоугольные, также пяти- и шестиугольные, задние ряды крестцового панциря неправильны; хвост покрыт четырехугольными и неправильными костяными пластинками. Всюду между щитками торчат короткие щетинки. Небольшие широкие уши покрыты круглыми костяными бородавочками. Цвет тела, за исключением беловатой головы, хвоста и боковой полосы, черный. Короткие неподвижные пальцы вооружены крепкими когтями. Средний коготь пятипалых передних лап необыкновенно велик*, пальцы задних ног снабжены, напротив, широкими, плоскими, почти копытообразными когтями. Шейные позвонки частью срастаются так, что на первый взгляд кажется, что их только пять. Позвонки имеют высокие, широкие, соприкасающиеся между собою остистые отростки, служащие опорой для тяжелого панциря; 12 крестцовых позвонков сливаются с подвздошными и седалищными костями, 12 ребер очень широки; грудная кость состоит из 6 кусков. Плечо сильно повернуто вокруг продольной оси. Однако самое замечательное у гигантского броненосца — это его зубы. В верхнем ряду по 24—26 зубов, в нижнем по 22—24, правда, некоторые из них выпадают; во всяком случае, зубная система состоит из 90—100 зубов. В передней половине рядов они представляют собой лишь тонкие пластинки и только сзади становятся постепенно толще и принимают яйцеобразную, круглую или цилиндрическую форму. Некоторые из передних зубных пластинок срослись, кажется, из двух зубов. По составу они похожи на зубы остальных броненосцев. На что нужна гигантскому броненосцу эта масса зубов, совершенно необъяснимо, так как, насколько известно, его пища ничем не отличается от пищи других видов.

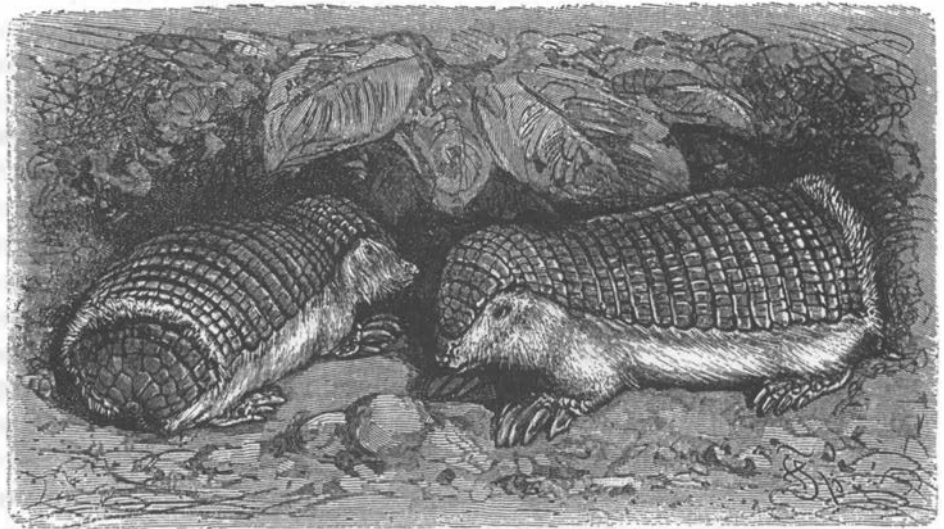
«В его желудке, — пишет Каплер, — я находил всегда лишь личинок жуков, гусениц и червей. Животное имеет такой сильный мускусный запах, что индейцы не едят его. Если его преследуют, то оно старается тотчас же забраться в свою нору, откуда его приходится выкапывать. Но броненосец, постоянно фыркая, так быстро роет дальше, что человек, вооруженный лопатой, едва может угнаться за ним».

В 1824 г. недалеко от Мендосы (западная Аргентина) американец Гарлан открыл замечательного представителя этого семейства **плащеносного броненосца** (*Chlamyphorus truncatus*)**, к величайшему удивлению местных жителей, которые едва ли знали о его существовании. Долгое время были известны лишь два экземпляра, хранившиеся в Филадельфийском и Лондонском музеях, которые ученые исследовали самым тщательным образом. Позднее удалось получить другие экземпляры, что по-

зволило дать полное описание внутреннего строения и внешнего вида животного. Плащеносный броненосец по праву считается представителем особого рода, но отличается от остальных перечисленных броненосцев более своим панцирем, нежели внутренним строением тела.

Фитцингер на основе собственных исследований приводит следующее описание этого животного: «Чилийский плащеносный броненосец, которого одни естествоиспытатели называют щитоносным кротом, а другие броненосной мышью, благодаря своему кожистому роговому панцирю, покрывающему его тело, принадлежит к самым замечательным созданиям во всем животном мире. Это странное существо по сравнению с другими броненосцами и даже самыми мелкими из известных до сих пор видов животных является

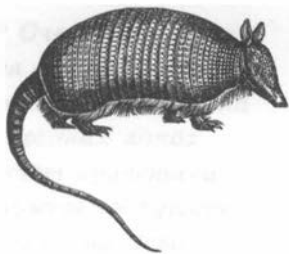
настоящим карликом, напоминающим по форме своего тела и еще более по образу жизни кротов. Голова броненосца, которая, по видимому, отлично приспособлена для рытья, весьма мала. Задняя половина ее широка, передняя заострена и оканчивается довольно короткой тупой мор-

дой с хрящевым, почти похожим на свиной пяточком, с маленькими округленными ноздрями, на внутреннем крае которых усажены очень короткие жесткие волосы. Ноздри могут закрываться находящимися там же маленькими бугорками. Глаза малы и скрыты под свешивающимися над ними щетинками. Уши расположены близко от глаз и не имеют наружной ушной раковины; узкий слуховой проход окружен лишь приподнятым краем кожи, он также прикрыт волосами. Ротовая щель мала, намного не доходит до глаз и окружена твердыми, жесткими и вздутыми губами. На поверхности довольно длинного мясистого языка конической формы расположены мелкие бородавочки. Строение зубов очень простое. Резцов и клыков нет; коренные зубы, которых всегда по восьми в верхней и в нижней челюсти, окружены слоем эмали. Они не имеют корней, жевательная поверхность у них плоская, за исключением передних зубов, которые несколько заострены. Зубы с первого до четвертого постепенно возрастают по

Плащеносный
броненосец
(*Chlamyphorus
truncatus*)

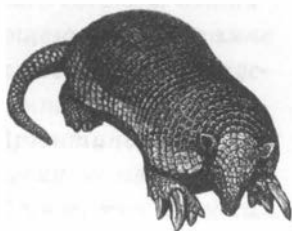
Семейство броненосцевые

величине, а начиная с четвертого и до последнего, снова уменьшаются.

Шея коротка и толста, тело, напротив, длинное, шире всего сзади, уже в плечах и несколько втянуто посередине на боках. Передняя половина тела гораздо сильнее задней. Лапы короткие; передние конечности очень толсты, неуклюжи и имеют почти такое же строение, как у крота; задние лапы гораздо слабее передних, стопа их узка и длинна. Обе пары конечностей пятипалые; лишь не вполне подвижные пальцы передних лап соединены между собой до основания когтей; на задних лапах пальцы свободны. На передних конечностях второй палец длиннее других, наружный самый короткий и снабжен у основания роговой пластинкой, служащей броненосцу для рытья. На задних лапах длиннее всех третий палец, а наружный, как и на передних лапах, самый короткий. Все пальцы снабжены тупоконечными когтями. С помощью больших и крепких когтей передних конечностей броненосец копает землю. Все когти длинные, сильно сжаты с боков, слабо согнуты и остры с наружного края. Начиная со второго, они постепенно увеличиваются в ширине. Самый широкий — наружный, он почти лопатообразной формы, и у него острый, режущий наружный край. Когти задних лап значительно меньше, они почти прямые и плоские. Хвост, прикрепленный к выемке нижнего края панциря, покрывающего заднюю часть тела, круто сгибается вниз и направляется вдоль нижней стороны тела между задними лапами, так что совершенно прилегает к брюху. Короткий, не гибкий и почти неподвижный, у основания он толще, затем постепенно суживается и сплющивается, но к концу вдруг расширяется в продолговатую сплюснутую пластинку, которая имеет извилистый край и почти лопатообразную форму.

Вся верхняя часть тела покрыта кожистым роговым панцирем, состоящим из щитков. Панцирь довольно толст и менее гибок, чем кожа. Он начинается на голове, тянется по всей спине до задней части и вертикально спускается, так что животное кажется как бы усеченным и точно изуродованным. Этот панцирь, состоящий из прямоугольных, ромбоидальных или неправильных щитков, которые по большей части расположены правильными поперечными рядами, или поясами, вовсе не соединен крепко на всем протяжении с кожей тела, как у броненосцев. Он лишь прилегает к ней, будучи прикреплен по средней линии к остистым отросткам позвоночника посредством кожи. На голове панцирь крепится с помощью двух щитов к обоим полушаровидным возвышениям лобной кости. Поэтому он отстает на боках и может быть приподнят. Напротив, на передней части головы он крепко соединен с костями, а также и на заднем конце, где образует усеченную поверхность. Неподвижная часть головного панциря зак-

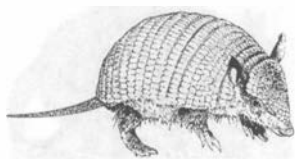

лючает 5 поперечных рядов щитков, число которых в двух передних поясах равняется 4, а в трех задних — 5. Спинной панцирь, передние пояса которого покрывают затылок, состоит из 24 по большей части правильных поперечных рядов. Два из них, лежащих ближе всего к голове, состоят из 7—8 неправильных и похожих на бугорки щитков различной величины, между тем как остальные ряды заключают совершенно правильные прямоугольные щитки, число которых от 15 или 17 доходит до 24, а в трех последних рядах уменьшается до 22. Все эти поперечные ряды так соединены между собой приросшей кожей, которая загибается под щитки, что передний край каждого ряда лежит под задним краем предыдущего. Хотя промежутки не особенно велики, однако они обуславливают значительную степень подвижности отдельных поясов. Это позволяет сделать вывод, что животное способно свертывать свое тело в шар. Наконец, совершенно неподвижный, соединенный с хвостом лишь кожей панцирь задней части тела состоит из 5—6 расположенных полукругом рядов щитков частью прямоугольной, частью ромбоидальной формы. Первый, или верхний, из этих рядов заключает 20, последний же только 6 щитков. Весь панцирь, как на верхней стороне, так и на нижней, лишен волос и совершенно гладок, лишь на нижних краях его находятся многочисленные и довольно длинные шелковистые волосы. Напротив, кожа животного везде и даже под панцирем, за исключением, пожалуй, хвоста, подошв, конца морды и подбородка, покрыта довольно густыми, тонкими и мягкими, почти шелковистыми волосами, которые гораздо длиннее, чем у кротов, но вовсе не так густы, как у них. Длиннее всего волосы на боках и ногах, короче и реже на тыльной стороне ступней, где они выступают между роговыми бородавчатыми возвышениями. Хвост покрыт кожей, которая на верхней стороне довольно гладка и имеет 14—16 почти щитообразных поперечных валиков, между тем как на нижней стороне усажена многочисленными бородавчатыми возвышениями. Оба соска лежат на груди. Цвет панциря, как и волос, желтовато-белый, на нижней стороне тела несколько светлее. Глаза черные. Длина тела 13 см, хвоста 3,5 см, высота у загривка 5 см».

В зоологических сочинениях об образе жизни этого броненосца мы находим лишь следующее. Животное это обитает на песчаных равнинах и вырывает, совершенно как наш европейский крот, длинные ходы под землей, очень редко выходит на поверхность и, вероятно, почти всю жизнь проводит под землей. Оно, как говорят, с величайшей быстротой роет норы и бегаёт под землей, на поверхности же, напротив, движется медленно и неловко. Питается, по-видимому, насекомыми и червями, может быть, даже нежными корнями. О размножении известно только, что живот-

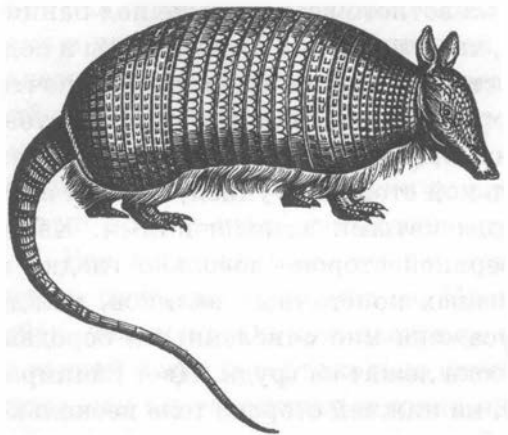
*Семейство
броненосцевые*

ное мало плодовито. Туземцы уверяют, что самка носит своих детенышей под панцирем.

Ясно, что сведения эти недостаточны и что многие из них представляют лишь предположения.

О размножении, как сказано, не известно почти ничего. Животное ловят всегда случайно, преимущественно при выкапывании оросительных рвов, которые проводят там, где хотят устроить поля. Несколько раз зверек попадался при ловле других броненосцев. В последнее время спрос на плащеносных броненосцев возрос. Однако добыть их, должно быть, очень трудно, так как Геринг, который прожил в Аргентине 7 месяцев, несмотря на все старания и самые заманчивые обещания, не смог заполучить ни одного живого или недавно убитого зверька. Пойманных животных не убивают, и они живут столько, сколько проживут, а затем их сохраняют как большую достопримечательность. Южане вообще любят держать животных в неволе, которые кажутся им замечательными, не заботясь, однако, об уходе за ними. Так как они не умеют сдирать и набивать шкуры животных, то плащеносных броненосцев у них встречаешь в виде мумий.

ОТРЯД НАСЕКОМОЯДНЫЕ (Insectivora)*

Отряд
насекомоядные

Отличительный признак насекомоядных — вытянутая голова, обычно с удлинённой наподобие хобота мордочкой. У этих маленьких стопоходящих животных туловище короткое, передние конечности устроены правильно, хвост у некоторых видов короткий, задние лапы зачастую длинные, некоторые органы чувств высоко развиты, другие же совсем слабо. Наружный покров их тела бывает различным. У одних животных оно может быть покрыто мягкой шелковистой шерстью, у других иглами. Зубная система представлена тремя видами зубов, но передние зубы по количеству и форме у разных семейств существенно отличаются. Так, у одних клыки достигают удивительной величины, у других же они меньше резцов, и только коренные зубы тем похожи между собой, что передние имеют по одному зубцу, а задние многозубчатые. Череп в большинстве случаев вытянут наподобие конуса, глазная впадина только у немногих замкнута, скуловые дуги у некоторых мало развиты. Ключица всегда хорошо развита; грудная кость чаще всего плоская, но у некоторых родов снабжена выдающимся гребнем. Число позвонков и ребер значительно колеблется. На лапах большей частью по пяти пальцев, но развитие их, как равно и запястья, весьма различно. Среди мускулов заслуживает упоминания особенно развитая у некоторых видов подкожная свертывающая мышца. Мозг почти такой же, как у рукокрылых, и соответственно мал; свободные от извилин полушария большого мозга оставляют мозжечок непокрытым. Строение мозга обуславливает душевные способности животных и образ их жизни.

Животных отряда насекомоядных можно отнести к тупоумным, угрюмым, недоверчивым, трусливым и злым существам, любящим уединение. Большинство живет, копаясь и роаясь под землей или по крайней мере в глубоко скрытых норах, но некоторые обитают в воде и на деревьях. Благодаря своей изумительной деятельности они значительно препятствуют размножению вредных насекомых, червей, улиток, а также наносят вред разным мелким грызунам. Таким образом, все насекомоядные в высшей степени полезны, но их услуги способны оценить разве только одни натуралисты. Большинство же людей ненавидят их.

** По современным данным, в отряде насекомоядных насчитывается около 400 видов, объединенных в 6 семейств. Этот отряд — третий по объему в классе млекопитающих после грызунов и рукокрылых.*

Отряд насекомоядные

** В спячку залегают лишь немногие из наиболее крупных видов — ежи, да и то не все. Мелкие насекомоядные — землеройки — не питаются растительной пищей и не впадают в спячку. Высочайший уровень метаболизма не позволяет зверькам обходиться без пищи дольше нескольких часов.*

Темная ночь не нравится никому из добрых людей, свидетельствует старинная поговорка. Действительно, все, что бродит и ползает во тьме ночной, возбуждает в народе чувство отвращения.

Фохт говорит: «Достаточно взглянуть на открытую пасть насекомоядного, чтобы убедиться, что эти животные могут быть только плотоядными. Обе челюсти у них плотно усажены заостренными зубами; кинжалоподобные лезвия зубов то выступают вместо клыков, то торчат позади над плоскими коронками коренных зубов. Острые пирамиды, похожие на зубцы пилы, перемещаются с другими зубами, которые отчасти можно сравнить со складными клинками английских перочинных ножей. Все устройство зубной системы указывает на то, что она предназначена для поедания даже таких жесткокрылых насекомых, как жуки. Если Саварэн, знаменитый французский гастроном, говорил про людей: «Скажи мне, что ты ешь, и я скажу тебе, кто ты таков», то про млекопитающих и по давню можно сказать: «Покажи мне твои зубы, и я скажу тебе, что ты ешь и к каким животным относишься». Насекомоядное не жует и не растирает пищи зубами, оно только кусает ими и раздробляет пищу; поэтому венчики их зубов сверху не стираются, а, напротив, оттачиваются вследствие бокового трения зубов один о другой. Стоит только взять на себя труд сравнить зубную систему маленького грызуна, например крысы, с зубами крота, как тотчас же заметишь резкие отличительные признаки как тех, так и других. Зубная система землеройки, увеличенная соразмерно росту льва, представляла бы действительно страшное разрушительное орудие».

Я не думаю, что можно было ту пользу, которую приносят эти животные человеку, обрисовать в более коротких и ясных словах, чем это сделал Фохт. Впрочем, не он один указывал на эту пользу; до него многие другие естествоиспытатели говорили об этом. Но бороться с укоренившимся в людях предрассудком, к сожалению, очень трудно и приходится признавать, что человек зачастую не умеет ценить того, что приносит ему большую пользу. Маленьких землекопателей преследуют как только могут за их некрасивую внешность, за их образ жизни и при этом совершенно забывают их прямое назначение и оказываемые ими услуги. Конечно, тот, кто познакомится с их жизнью поближе, станет рассуждать иначе; он найдет в маленьких животных так много интересного и привлекательного, что скоро забудет их некрасивую наружность и станет относиться к ним с искренним участием, оказывая всевозможное покровительство и защиту.

Большинство насекомоядных подвержено зимней спячке*. Если б природа не позаботилась о них таким образом, многие из них погибли бы. Ведь с наступлением холодов жизнь всех низших животных прекращается, и тысячи созданий, предназначенных для питания нашим хищникам, погружаются или в вечный, или по крайней мере во временный сон. Враги насекомых, как

известно, странствовать, подобно птицам, не могут, поэтому они должны каким-либо образом подчиниться этим условиям. В холодное время года насекомоядные удаляются в скрытые убежища или устраивают себе их сами и впадают в глубокую зимнюю спячку, которая прекращает временно почти все внешние проявления жизни, сохраняя этим до нового пробуждения жизненную деятельность тела. В спячку, впрочем, погружаются только мелкие виды насекомоядных, то есть те, которые наравне с животной пищей употребляют также и растительную, тогда как самые ярые из насекомоядных занимаются своим промыслом зимой так же успешно, как и летом. Под снегом, под землей или в водной глубине, куда не проникает убийственный мороз, деятельность кипит и зимой, грабежи и убийства продолжают по-прежнему; то же самое, разумеется, бывает и в тех странах, где царит вечное лето или если и бывает зима, то без жестоких морозов.

Насекомоядные водятся преимущественно в умеренных странах северного полушария и совершенно отсутствуют в Южной Америке, равно как и в Австралии*. Обильные водой сырые лесистые местности, рощи, поля и сады представляют для них наиболее излюбленные места обитания, которые они едва ли когда-нибудь покидают. Здесь они занимаются охотой, большинство из них ночью, но некоторые также и днем.

Насекомоядные являются в высшей степени прожорливыми существами. Замечено, что некоторые из них нападают на животных, значительно превосходящих их по величине, и таким образом несколько не уступают в этом кошкам и собакам. Размножение их совпадает с весенними месяцами той местности, где они живут; число детенышей колеблется между 1 и 16.

Некоторые виды насекомоядных человек употребляет в пищу, другие служат ему для истребления мышей. Этим и ограничивается непосредственная польза этих животных, в общем, как уже было сказано, мало ценяемая людьми.

СЕМЕЙСТВО ЩЕЛЕЗУБЫЕ (*Solenodontidae*)**

Кубинский щелезуб (*Solenodon cubanus*). Туловище почти 60 см в длину***, хвост приблизительно равняется 30 см. Голова, стороны шеи и брюхо окрашены в грязноватый охристо-желтый цвет, остальные части тела в черный, а хвост в синевато-черный. Длинные волосы на спине у корня желтые, а на концах черные, некоторые же из них или совсем желтые, или совсем черные. Родиной животного надо считать Кубу.

Подобно настоящим землеройкам, это животное ведет преимущественно ночной образ жизни и имеет обыкновение спать днем в каком-нибудь хорошо скрытом убежище. В некоторых горных местностях щелезуб весьма обыкновенен. Когда охотни-

* *Насекомоядные широко распространены не только в умеренных зонах, но и в тропиках, включая острова и архипелаги, где большинство млекопитающих отсутствуют.*

** *Щелезубые — реликтовое семейство, состоящее всего из одного рода и двух видов. Своё название зверьки получили из-за борозды на передней поверхности второго нижнего зуба. Сейчас это единственные насекомоядные, живущие на Антильских островах.*

*** *Длина тела не превышает 40 см. Веса щелезубы около 1 кг.*

ки преследуют его, зверек прежде всего прячет голову в надежде, что его не обнаружат, и остается спокойно лежать, так что можно подойти и схватить его за хвост.

В неволе щелезуб охотно принимает пищу, но так как плохо пережевывает ее, то мясо ему нужно давать мелко нарезанными кусочками, чтобы он не подавился. Чистота является необходимым условием его благополучия. Щелезуб охотно идет в воду и чувствует там себя, по-видимому, хорошо, тем более что ему представляется при этом возможность без всяких затруднений утолить жажду, тогда как при питье на земле ему сильно мешает

Кубинский щелезуб
(*Solenodon cubanus*)

длинный конец хобота. Его резкий голос напоминает то хрюканье свиньи, то крик птицы; по временам животное кричит, как молодой сыч. Щелезуб легко раздражается и тогда весьма своеобразно взъерошивает шерсть. Идущая мимо курица или какое-нибудь другое маленькое животное в высшей степени волнуют его, и он старается схватить их. Пой-

манную добычу щелезуб, как ястреб, разрывает своими длинными, кривыми когтями. Время от времени из его кожи выделяется красноватая, маслянистая, зловонная жидкость*.

СЕМЕЙСТВО ТЕНРЕКОВЫЕ (Tenrecidae)

Щетинистыми ежами, или тенреками, называют насекомоядных животных, обитающих на Мадагаскаре, из-за их паразитического сходства с ежами. Как по своему внешнему виду, так и по количеству зубов тенреки имеют друг с другом мало общего. Туловище у них вытянутое, голова длинная, хобот особенно удлиннен. Глаза маленькие, уши средней величины, хвоста иногда вовсе нет, а если есть, то бывает очень длинным и голым. Ноги короткие, пятипалые, вооружены сильными когтями. Волосной покров тела состоит частью из колючей щетины, частью из жестких волос. Черепу недостает глазных дуг; берцовые кости разъединены; позвоночный столб состоит из 7 шейных позвонков, 14—

* Кожные специфические железы в подмышках и паху щелезуба вырабатывают маслянистый секрет зеленого цвета с сильным козлиным запахом.

15 поддерживающих ребра, 4—7 не имеющих ребер, 3—5 крестцовых и 9—23 хвостовых позвонков.

Об образе жизни щетинистых ежей можно сказать весьма немного, и то в общих словах, так как сведения имеются только о немногих видах.

Обыкновенный тенрек (*Tenrec ecaudatus*). У него особенно замечательна голова с остроконечной мордой. Уши небольшие округлые и с выемкой сзади, глаза маленькие. Шея короткая и тоньше туловища; пятипалые конечности средней высоты, только задние немного длиннее передних; когти средней величины.

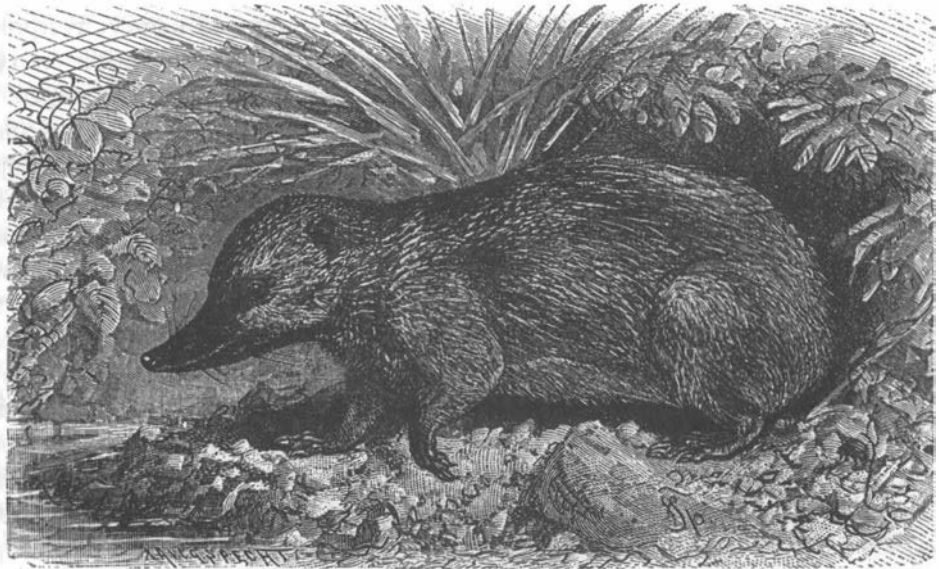
Все тело довольно густо покрыто иглами, щетиной и волосами, которые как бы переходят одни в другие. Только на затылке и по сторонам шеи находятся настоящие, хотя и не очень жесткие, скорее гибкие иглы приблизительно 1 см в длину. Дальше на боках иглы становятся длиннее, а вместе с тем тоньше, мягче и гибче. На спине преобладает щетина; ею же покрыта и задняя часть животного*.

Конечности и вся нижняя часть тела поросли волосами, а на голой остроконечной морде торчат длинные усы. Конец морды и уши — голые, лапы покрыты весьма короткими волосами. Иглы, щетина и волосы имеют светло-желтую окраску, которая бывает то светлее, то темнее. В середине волос всегда замечаются черно-бурые кольца, которых на спине больше, чем на боках. Морда бурая, конечности рыжие, усы темно-бурые. У молодых животных по бурому фону шерсти расходятся желтые продольные полосы, которые с возрастом исчезают. Длина взрослого животного достигает приблизительно 27 см.

Тенрек первоначально водился только на Мадагаскаре, но теперь его можно найти и на острове св. Маврикия, а также на Майотте и других Коморских островах, где он предпочитает гористые местности, богатые кустарником, папоротником и мхом. Тенрек выкапывает в земле норы и ходы, которые служат ему гнездом. Это пугливое, робкое существо большую часть дня проводит в норе; на свет выходит только после захода солнца и никогда не удаляется на значительное расстояние от своего жилища. Его

Семейство тенрековые

* В середине спины у молодых тенреков находятся специализированные иглы примерно 4 см дли-

Обыкновенный
тенрек
(*Tenrec ecaudatus*)

ной, направленные вперед. Действием подкожной мускулатуры животные заставляют их вибрировать и производят гудение частотой от 2 до 20 Гц. Взрослые зверьки утрачивают эту способность.

Семейство тенрековые

** Во время спячки температура тела у тенреков понижается до 24—35 градусов, дыхание замедляется до 30 вдохов в минуту.*

*** У тенреков бывает до 21 детеныша в одном помете, что является рекордом плодовитости среди млекопитающих. У беременных самок находили до 32 эмбрионов, из которых, однако, выжили далеко не все. Период размножения начинается вскоре после окончания спячки.*

можно видеть только весной и летом, то есть после первого дождя и до наступления засухи. Во время сильной засухи он забирается в самую глубокую котловину своего жилища и спит там с апреля до ноября так же, как наш еж зимой*.

Туземцы думают, что сильные удары грома, возвещающие о первом дожде, выводят тенрека из оцепенения, и потому связывают его появление с наступлением весны. Весьма понятно, что весна самое благоприятное для тенрека время года: он получает новое одеяние и имеет возможность отрастить круглое брюшко, жир которого должен поддерживать его силы в голодное время года.

Как только первый дождь освежит истощенную зноем почву и пробудит тропическую весну, тенрек снова появляется на поверхности земли. Он бродит своей медлительной походкой с низко опущенной головой, поводя остроконечным носом во все стороны в поисках пищи, которая в большинстве случаев состоит из насекомых, червей, улиток, ящериц и различных плодов. К воде он, кажется, чувствует особенную любовь, охотно спускается по ночам к топким болотам и с наслаждением валяется там, как свинья в грязи. Неловкость и неповоротливость тенрека легко отдают его во власть врагов, тем более что природа не наделила его теми средствами для защиты, какие есть у настоящих ежей. Его единственное, и притом весьма слабое, орудие заключается в чрезвычайно неприятном мускусном запахе, который он распространяет постоянно, усиливая его до невыносимости в минуты тревоги и испуга. Даже самое неуклюжее млекопитающее в состоянии поймать и одолеть тенрека. Хищные птицы усердно преследуют его, равно как и люди, которые с увлечением охотятся на зверька не только в период его бодрствования, но и во время зимней спячки или, вернее, летнего оцепенения. Поллен говорит, что место спячки животного узнают по маленькому бугорку над норой, но, кроме того, пользуются специально обученными для этого собаками, которые ловко выслеживают норы и выкапывают животных. Во время мясоеда на рынках острова св. Маврикия можно видеть торговцев с живыми, заколотыми и приготовленными тенреками. Горные жители стекаются по праздникам в город исключительно с целью запастись столь драгоценным для них мясом. Такие беспрестанные преследования, вероятно, скоро бы окончательно стерли щетинистого ежа с лица земли, если бы он не был столь плодовитым: за один помет самка тенрека рождает необыкновенно многочисленное потомство: 12—16 детенышей**. Маленькие тенреки уже через несколько месяцев достигают 7 см длины и скоро становятся способными самостоятельно добывать себе пищу. «Материнская любовь самки поистине замечательна, — говорит Поллен. — Она ретиво защищает своих детенышей от каждого врага и скорее сама погибает в борьбе, чем бросит маленьких».

В неволе тенрек питается сырым мясом, вареным рисом и бананами. Днем он спит, ночью же, напротив, очень бодр. Когда его кладут на землю, он тотчас же принимается рыться в ней рыльцем и, подобно свинье, охотно валяется в грязи.

СЕМЕЙСТВО ЕЖОВЫЕ (Erinaceidae)*

Ежи — столь характерные животные, что для полного ознакомления с ними вполне достаточно самого краткого описания. Главными отличительными признаками, свойственными всем видам этого семейства, являются зубная система, состоящая из 36 зубов, и иглистая шкура. Все ежи имеют короткое туловище, не особенно длинную, на конце морды оттянутую наподобие хобота голову с небольшими глазами и довольно длинными ушами; короткие и толстые ноги с неуклюжими ступнями, из которых передние имеют всегда пять, а задние иногда четыре пальца; короткий хвост и жесткий мех, состоящий на спине из коротких игл, а на животе из волос. Ёж резко отличается от других родственных ему видов зубной системой. В широкой межчелюстной кости наверху с каждой стороны торчат по 3 резца; затем следуют наверху 7, внизу 5 коренных зубов, из которых 5 последних вверх и соответствующие им 4 внизу — многозубчатые, а остальные — однозубчатые; клыки не отличаются от резцов. На коротком и сжатом, со всех сторон замкнутом черепе скуловатая дуга вполне развита. Заслуживает особого упоминания подкожная мышца, которая способствует свертыванию ежа в клубок, обхватывая своими различными частями почти все тело животного**.

Это семейство распространено по всей Европе, Африке и Азии. Леса, луга, поля, сады и обширные степи служат главным местопребыванием ежей***. Здесь они устраивают свои жилища в густых кустарниках, под изгородями, в дуплистых деревьях, под корнями, в расщелинах скал, в покинутых норах других животных и в подобных местах или же сами выкапывают себе неглубокие норы. Большую часть года живут одиночно или парами и ведут вполне ночной образ жизни. Только после захода солнца они приободряются от своей дневной дремоты и уходят на поиски пищи, которая у большинства состоит из растений и животных, а у некоторых исключительно из животных. Плоды, овощи, сочные корни, семена, маленькие млекопитающие, птицы, земноводные, насекомые, личинки, слизни, дождевые черви и т. д. составляют их пищу. В виде исключения некоторые из ежей отваживаются нападать на больших животных, преследуют, например, различных куриных птиц или молодых зайцев.

Семейство ЕЖОВЫЕ

* Одно из древнейших семейств насекомых, да и вообще млекопитающих. В настоящее время включает 5—8 родов и около 20 видов.

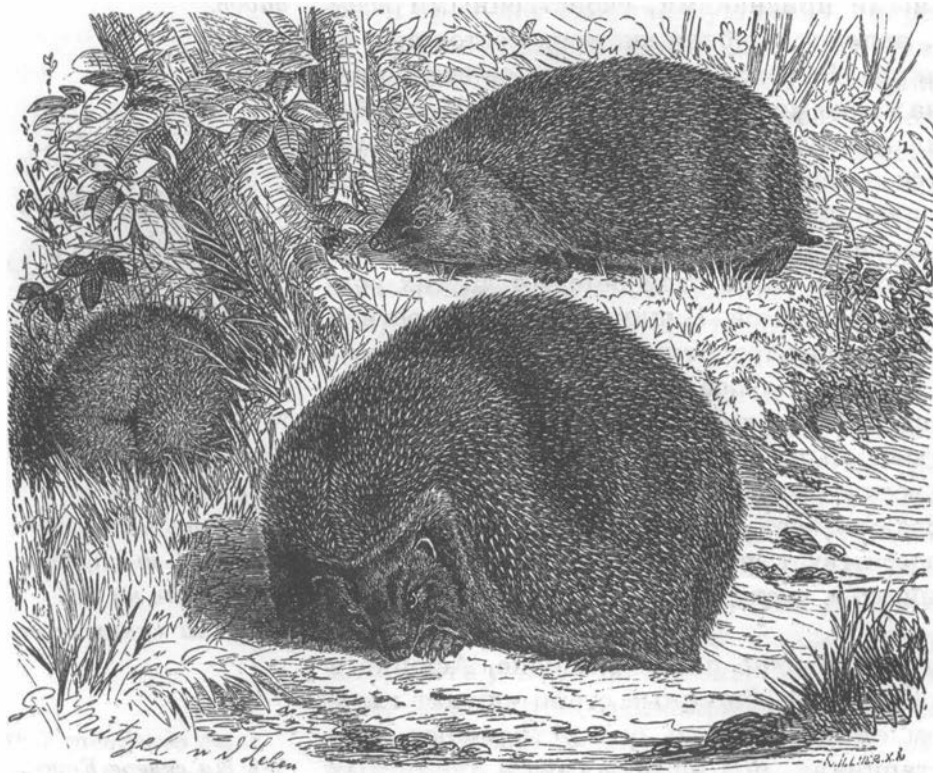

** Ежи могут также произвольно взъерошивать и опускать колючки мелкими мышцами, надвигать на лоб колючий «капюшон».

*** На севере Европы ежи распространены до границы леса и тундр, но их нет на большей части Сибири. Встречаются они по всей Африке и в Азии (к югу от таежной зоны), но отсутствуют в Японии, на Цейлоне и Мадагаскаре. В России — 5 видов ежей.

Семейство ежовые

* Наряду с обыкновенным, или европейским, ежом в Германии широко распространён близкий вид — восточноевро-

Европейский ёж
(*Erinaceus europaeus*)

пейский ёж отличающийся лишь мелкими деталями сложения и окраски. Во времена Брема эти виды не разделялись, и приведенные им сведения в равной мере могут относиться к обоим.

Ежи — неповоротливые, неуклюжие, ленивые животные, прикованные к земле; при ходьбе они ступают всей ступней. Среди органов чувств на первом месте у них обоняние; слух также довольно тонок, тогда как зрение и вкус развиты довольно слабо, а осязание, кажется, совсем отсутствует. Душевные способности ежей имеют низкую степень развития. Они боязливы, трусливы и глупы, но довольно добродушны или, вернее, просто равнодушны к условиям своей жизни и по этой причине приручаются очень легко. Самки мечут 3—8 слепых детенышей, нежно заботятся о них и при защите выказывают положительное мужество, которое вообще у них отсутствует. Большинство ежей владеет способностью при малейшей опасности свертываться в клубок, чтобы таким образом защитить свои мягкие части от нападения. В таком же положении они и спят. Те, которые живут в северных странах, проводят холодное время года в непрерывной спячке; живущие же в экваториальных странах спят во время засухи.

Непосредственная польза, которую ежи приносят человеку, ничтожна; по крайней мере до сих пор не умеют из-

влекать выгоды из убитого ежа. Зато довольно значительны косвенные услуги, оказываемые ими истреблением множества вредных животных. Вследствие этого вместо того презрения, какое мы уделяем им, они заслуживают нашего полнейшего участия и постоянного покровительства.

Обыкновенный, или европейский, ёж (*Erinaceus europaeus*)* не требует пространного описания. Все его туловище очень сжато, толсто и коротко; рыльце остроконечное, ротовая щель большая; уши широкие; черные глаза малы. Волоса на шее и брюхе светло-рыжие, желтовато-серые или беловато-серые; иглы желтоватые, в середине и на концах темно-бурые; по поверхности их прорезываются тонкие продольные борозды числом 24—25, между которыми возвышаются выпуклые кромки. Внутренняя часть

иглы представляет канал, наполненный большими клеточками. Длина животного достигает 25—30 см, хвост 2,5 см; высота в зашейке примерно 12—15 см. Самка отличается от самца меньшей величиной и более остроконечной мордой, причем туловище ее толще, чем у самца, и окраска волос сероватая; кроме того, лоб самки не так низко усажен иглами, вследствие чего голова ее кажется несколько длиннее.

Область распространения ежа простирается на всю Европу, за исключением самых холодных стран, а также и на большую часть северной Азии: его находят в Сирии, в западной и юго-восточной Сибири*.

Внешний вид его свидетельствует, что ему живется там привольно, потому что он достигает там, как и в Крыму, значительно большей величины, чем в Германии. В европейских Альпах встречается до пояса горной сосны, а поодиночке попадает иногда на высотах до 2000 метров над уровнем моря; на Кавказе подымается еще на 1000 метров выше. Ёж живет как на низких равнинах, так и в гористых местностях, в лесах, лугах, полях, садах, встречается во всей Германии, хотя, впрочем, в довольно умеренном количестве. Гораздо многочисленнее он в России, где его, по-видимому, особенно щадят не только люди, но и его главнейшие враги из царства животных — лисица и филин, которым здесь предоставляется такое изобилие другой пищи, что ежа они могут оставить в покое. Лиственный лес с густым кустарником или подгнившие в корнях дуплистые деревья, живые изгороди в садах, кучи навоза или хвороста, дыры в стенах, короче сказать, все места, могущие доставить ему убежище, привлекают его к себе, и можно с полной уверенностью рассчитывать найти здесь ежа из года в год.

Ёж — забавный чудака и добрый, смиренный товарищ, который честно и скромно проводит свою жизнь среди трудов и забот. Мало пригодный для общества, он держится почти всегда особняком или в крайнем случае со своей самкой. Каждый из них одиноко трудится над устройством удобного жилища, под густыми кустарниками, под кучами хвороста или в терновнике. Это довольно просторное гнездо, состоящее из листьев, соломы и сена; оно закладывается где-нибудь в яме или под густыми ветвями. Если же готовой ямы не найдется, то ёж сам с большим трудом выкапывает нору и выстилает ее. Такая нора не превышает 30 см в глубину и снабжена двумя выходами, из которых один обращен обыкновенно на юг, а другой на север. Иногда, впрочем, при сильном северном или южном ветре ёж, подобно белке, перемещает эти выходы. В высокой ржи делает обыкновенно только большое гнездо. Жилище самки почти всегда бывает тут же, поблизости, в том же самом саду. Случается также, что оба ежа, и самец и самка, ложатся в теплое время года в одно гнездо; бывают такие не-

* Европейский ёж распространен на восток только до западно-центральных областей России, на большей части России, Балканах, Кавказе, Турции, Палестине, Западной Сибири его замещает восточно-европейский еж. Юг Восточной Сибири (Забайкалье), Монголию, часть Китая населяет даурский еж, Дальний Восток, Маньчжурию и Корею — амурский ёж.

** Факт длительного совместного проживания двух ежей маловероятен. Ёж — территориальное животное, причем постоянный участок самца (50 га) в пять раз превышает участок самки.*

жные ежи, что совсем не расстаются со своими милыми и жительствоуют все время в одном месте*.

Если на ходу колючий рыцарь услышит какой-нибудь подозрительный звук, он тотчас останавливается, прислушивается и прислушивается, при этом можно убедиться, что из всех чувств у него самым острым является обоняние, особенно по сравнению со зрением. Нередко случается на охоте, что ёж бежит к охотнику прямо в ноги, затем вдруг обернется, обнюхает и поспешно удирает, если не найдет более выгодным тотчас употребить в дело свое оборонительное и наступательное орудие, то есть свернуться в клубок. Тогда животное теряет свой прежний вид и превращается в яйцевидную кучу, в совершенно круглый комок, который с одной стороны имеет небольшое углубление. Углубление это ведет к брюху, и в нем ёж прячет тесно прижатые одно к другому морду, четыре лапки и коротенький хвостик. Между иглами воздух имеет беспрепятственный доступ к телу животного, благодаря чему дыхание его нисколько не задерживается, и он может долго оставаться в таком положении. Такое свертывание не стоит ему никакого усилия, потому что подкожные мышцы, обуславливающие это движение, развиты у ежа, как ни у какого другого животного, и действуют одновременно с такой силой, что даже вооруженный толстыми рукавицами человек бывает не в состоянии разжать свернувшегося в клубок ежа. Впрочем, такому намерению немалое препятствие оказывают и колючие иглы.

Во время спокойного движения колючее одеяние животного выглядит красивым и гладким, потому что тысячи игл уложены в порядке в виде черепиц; но как только еж принимает форму клубка, иглы подымаются, топорщатся во все стороны и превращают его в страшный колючий шар. Несмотря на это, опытному человеку нетрудно и такого взъерошенного ежа унести в руках; для этого шар кладут в таком положении, какое животное принимает во время ходьбы, и тихонько проводят рукой по иглам спереди назад; после этого иглы укладываются в порядке, и тогда ежа свободно можно взять в руки.

Когда его выследит один из его главных врагов — собака или лисица, он поспешно свертывается в клубок и остается в этом положении, что бы с ним ни делали. По злобному лаю или ворчанию преследователей он соображает, что они пристают к нему со злым намерением, и принимает меры предосторожности, оставаясь под прикрытием своего природного щита. Конечно, есть средства заставить ежа моментально развернуться; для этого стоит только облить его водой или бросить в воду, и этим пользуется не только хитрая Лиса-Патрикеевна, но также и некоторые собаки. Такое же действие производит на ежа табачный дым, пущенный ему в нос между иглами, так как его чувствительному органу дым кажется чем-то ужасным; зверек буквально одурманивается им: он сразу вытягивается, подымает кверху нос и, шатаясь,

делает несколько нетвердых шагов, пока струя чистого свежего воздуха не приведет его снова в себя*. Свертывание служит ежу единственным средством защиты против всевозможных опасностей, которым он подвергается. Даже в тех случаях, когда он, например, оступится, что при его неловкости случается нередко, и свалится через высокий плетень или же скатится с крутизны, и тогда он моментально свертывается и летит вниз по скату или по стене, не причиняя себе ни малейшего вреда. Бывали случаи, что ёж падал с насыпи более чем в шесть метров высоты без всяких вредных последствий для себя.

Ежа отнюдь нельзя считать за неловкого и неуклюжего охотника; он отлично знает разные охотничьи уловки. Главным образом пища ежа состоит из насекомых, почему его и можно причислить к полезным животным. Но такая малопитательная пища не вполне удовлетворяет его, вследствие чего он объявляет войну и другим животным. Ни одно из маленьких млекопитающих или птиц не застраховано от его нападений; среди же низших животных он хозяйничает самым ужасным образом. Кроме несметного количества кузнечиков, сверчков, тараканов, майских и навозных жуков, других жуков всевозможных видов и их личинок ёж пожирает дождевых червей, слизней, лесных или полевых мышей, маленьких птиц и даже птенцов больших пород. Трудно поверить, чтобы он в самом деле в состоянии был ловить маленьких проворных мышей; но он отлично понимает охотничье искусство и мастерски справляется с такой, по-видимому, невероятной задачей. Я наблюдал ежа однажды за ловлей мышей и крайне удивлялся его хитрости. Весной, шныряя по низкой ржи, он вдруг остановился перед мышьиной норой, обнюхал вокруг, медленно обошел со всех сторон и, наконец, уверенно попал в то место, где проложена мышьяная нора. В этом случае рыльце его было как нельзя кстати. С крайней торопливостью он разрыл землю в том месте, где прошла мышь, и очень скоро догнал ее, о чем свидетельствовали писк мыши и самодовольное ворчание ежа, доказывавшее, что жертва схвачена охотником. Этот случай познакомил меня с охотой ежей за мышами в поле; но как они умудряются ловить их в амбарах и сараях, это я узнал впервые гораздо позже, от моего друга Альбрехта. Бегая однажды по комнате, ёж, воспитывавшийся у этого наблюдателя, вдруг заметил дерзкую мышь, которая отважилась выйти из своей норы. С невероятной быстротой, не утрачивая, впрочем, своей обычной неловкости, ёж напал на дерзновенную и схватил ее, прежде чем она успела убежать. «Это поразительное в столь неуклюжем животном движение лихого удалства, которое мне не раз приходилось наблюдать в еже и после, — пишет мой друг, — возбуждало во мне всякий раз искренний смех; оно до такой степени своеобразно, что не поддается никакому сравнению; это было нечто вроде пущенной из лука стрелы, которую ветер гнал то вправо, то влево и все-таки донес до верной цели».

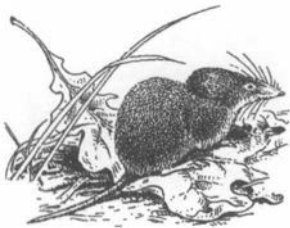
** Вполне естественная реакция зверька на дым. Во время лесных пожаров оставаться в неподвижности, свернувшись в клубок, глупо, даже небystрый аллур, на который способен ёж, может привести к спасению. По современным данным, табачный дым, напротив, приятен для ежей.*

Гораздо важнее этих хищнических набегов бывают бои ежа со змеями. Тут он выказывает храбрость, которую трудно предполагать в нем. Ленц сделал прекрасные наблюдения над этим. «Двадцать четвертого августа, — сообщает он, — я посадил самку ежа в большой ящик, в котором она через два дня принесла шестерых детенышей, снабженных маленькими иглами; тут она стала заботиться о них с истинно материнскою нежностью. Для испытания ее аппетита я давал ей очень разнообразную пищу и нашел, что она ела с большим удовольствием жуков, дождевых червей, лягушек, даже жаб — последних, впрочем, не особенно охотно, — медяниц и кольчатых ужей; любимым же ее кушаньем были мыши; плоды она ела только тогда, когда не было никакой животной пищи. Однажды я в продолжение двух дней нарочно ничего другого не давал ей, кроме плодов, она ела так мало, что двое из ее детенышей умерли с голоду, от недостатка в молоке. Большое мужество показывал мой ёж по отношению к опасным животным. Однажды я впустил к нему в ящик восемь сильных хомяков, животных, как известно, очень злых, с которыми шутить нельзя. Едва он почуял новых гостей, как гневно взъерошил свои иглы и, пригнув нос к земле, бросился на ближайшего врага. При этом издавал звуки, похожие на барабанный бой, точно подзадоривая себя к битве, и его взъерошенные на голове иглы грозно вздымались, как бы образуя боевой шлем, годный как для обороны, так и для наступления. Как только хомяк подступал к ежу с намерением укусить его, он кололся в кровь об его иглы и получал столько ударов колючим панцирем в бока и столько укусов в ноги, что погиб бы неизбежно, если бы я его не отнял. Покончив с одним, колючий герой напустился на других врагов и стал расправляться с ними не менее энергично, так что и тех мне пришлось спасать от рассвирепевшего ежа.

Но перейдем к самому существенному и опишем, как наш герой справляется с гадюками. Удивляясь его подвигам, мы должны сознаться, что у нас не хватило бы в данном случае мужества подражать ему. 30 августа я впустил большую гадюку в ящик ежа, занятого в то время кормлением своих детенышей. Предварительно я имел случай убедиться, что у этой гадюки не было недостатка в яде, так как за два дня перед этим она быстро умертвила мышь. Ёж очень скоро заметил ее присутствие (руководствуясь, по обыкновению, не зрением, а, как всегда, обонянием), поднялся со своего ложа, бесстрашно обошел вокруг, обнюхал ее с головы до хвоста, так как она лежала вытянувшись, и в особенности внимательно обозрел ее пасть. Змея начала шипеть и несколько раз ужалила ежа в морду и губы. Как бы издеваясь над ее бессилием, зверек спокойно облизал себе тут же, не отходя, раны, причем получил сильный укус в высунутый язык. Не смутившись и этим, он продолжал обнюхивать разъяренную и не перестававшую кусаться змею и даже дотрагивался до нее языком, но не

кусал. Наконец, быстро схватил голову змеи, раздробил ее зубами, несмотря на сопротивление, вместе с ее ядовитыми зубами и железами и съел полтуловища. Покончив с гадюкой, он снова залег к детенышам и стал продолжать прерванное кормление. Вечером он съел остальную часть змеи и маленькую новорожденную гадюку. На следующий день он опять съел трех новорожденных гадюк и, как ни в чем не бывало, чувствовал себя отлично, как и его детеныши; на ранах же не было видно ни опухолей, ни малейших болячек.

Первого сентября ёж вторично выступил в бой. Как и в тот раз, он приблизился к гадюке, обнюхал ее и получил несколько укусов в морду, щетину и иглы. В то время, как он обнюхивал, гадюка, которая до сих пор напрасно трудилась над ним и только изрядно исколотая об его иглы, наконец опомнилась и задумала дать тягу. Она поползла вокруг ящичка, но ёж не оставил ее и продолжал следовать за ней, несмотря на то, что она жестоко кусала его всякий раз, как только он приближался к ее голове. Наконец он загнал ее в самый угол ящичка, где лежали его детеныши; не видя возможности двигаться дальше, змея широко разинула пасть с оскаленными ядовитыми зубами. Ёж, однако, не отступил; тогда она бросилась на него и так сильно ухватила за верхнюю губу, что сама повисла на ней. Ёж стряхнул гадюку; она уползла, но он продолжал двигаться за ней и при этом получил несколько новых укусов. Эта борьба продолжалась добрых 12 минут; я насчитал у ежа до десяти укусов, которые он получил в морду, и двадцать, которые попали в щетину или не достигли цели. Пасть гадюки, исколотая иглами, была вся в крови. Наконец ёж схватил ее голову зубами, но она вырвалась и уползла. Я поднял ее за хвост и схватил позади головы; она тотчас же раскрыла пасть, чтобы меня укусить, и этим доказала, что ее ядовитые зубы были еще в целости. Когда я снова бросил змею в ящик, ёж немедленно схватил зубами ее голову, размозжил и, не торопясь, съел гадюку, не обращая внимания на ее извивы и извороты. После этого он поспешил к своим детенышам и тотчас же принялся кормить их молоком. Самка и детеныши оставались здоровыми: ни на ком из них не обнаружилось никаких дурных последствий. С тех пор ёж часто сражался с подобным же успехом и всегда прежде раздроблял гадюке голову, тогда как у безвредных змей он этого не делал. Остатки после еды он уносил в гнездо и съедал их впоследствии».

Эти наблюдения, без сомнения, замечательны во всех отношениях. По физиологическим законам трудно допустить, чтобы теплокровное животное так спокойно переносило ядовитые укусы, которые других небольших млекопитающих неминуемо приводят к смерти. Нужно только принять во внимание, что укус гадюки умерщвляет даже таких животных, которые по крайней мере в тридцать раз больше и тяжелее ежа, а стало быть, должны

** Устойчивость ежей к разнообразным ядам удивительна. По сравнению с морскими свинками такого же размера ежи переносят дозы яда гадюк или ос, большие в 35—45 раз. Смертельная для одного ежа доза мышьяка может убить 25 человек.*

*** Сведения о нападении ежей на кур — типичные байки. Не может справиться еж и с куриным яйцом — разрез его рта слишком узок для диаметра яйца, и ежу затруднительно прокусить скорлупу зубами.*

**** Брачный сезон продолжается до начала сентября, и в районах с мягким климатом ежиха успевает вырастить два выводка в год.*

быть и гораздо выносливее его. Но наш колючий герой кажется действительно неуязвимым, потому что ест не только ядовитых змей, яд которых, как известно, причиняет вред лишь при непосредственном введении в кровь, но также и животных, которые отравляют организм через желудок, как, например, шпанских мух. Всем известно, что уже одно прикосновение этих насекомых вызывает на коже сильное воспаление, между тем ёж безнаказанно для себя поедает и их, тогда как у всякого другого животного подобная пища вызвала бы неизбежную смерть*.

Незначительный вред, причиняемый ежом, не может быть принят в расчет в виду приносимой этим животным пользы, тем более что вред этот вовсе не очень убедительно доказан. Говорят, что ёж страстно любит куриные яйца и не только умеет искусно находить их, но также в высшей степени ловко и ест, ни капли не теряя их содержимого; некоторые видели, как он осторожно кладет яйцо на землю, держит его передними лапами, прокусывает маленькое отверстие в скорлупе и затем осторожно вылизывает содержимое. Кроме того, птицеводы обвиняют ежа в том, что он при удобном случае забирается в курятники и наносит вред домашней птице; один из них уверяет даже, что поймал однажды ежа, который в одну ночь задушил 15 кур, а одну из них, должно быть, съел**.

Доводы в справедливости этого обвинения вовсе не доказательны; хотя владелец птичника, поставивший после такого разграбления около курятника капканы, и нашел в них на следующее утро трех ежей. Не подлежит никакому сомнению, что виновницей хищнического поступка была куница, а не ежи, которые попали в ловушку по своей неловкости во время охоты за мышами. Что наш колючий рыцарь при удобном случае не откажется съесть цыпленка или даже взрослую курицу, этого, конечно, нельзя отрицать, как и того, что он в состоянии задушить кролика или какое-нибудь другое маленькое животное и с удовольствием пользуется такой добычей.

Время спаривания ежа продолжается с конца марта до начала июня***.

В этот период, находясь вместе со своей самкой, ёж испытывает крайнее возбуждение; он не только играет с ней, но и постоянно издаёт звуки, которые можно слышать от него исключительно во время сильного волнения. Глухое урчание, хриплый визг, звучное щелканье, а затем очень часто равномерно повторяемый звук, напоминающий пыхтение отдаленного локомотива, служат выразителями хорошего расположения духа ежа, тогда как своеобразная трель, похожая на барабанный бой, вроде тех звуков, какие издаёт барсук, выражает дурное настроение, злость или испуг. Все эти звуки слышатся большей частью во время спаривания, потому что ежу тоже нужно как-нибудь привлечь к себе самку. Незванные соперники всегда готовы проникнуть в его

владения, особенно если милая не держится в строгих границах подобающей ей верности.

Спустя семь недель после спаривания самка мечет 3—6, в редких случаях 8 слепых детенышей в особо для родов устроенном, прекрасном, просторном и хорошо выстланном гнезде, под густой изгородью, кучами листьев и мха или в ржаном поле. Новорожденные ежики имеют в длину около 6,5 см*, выглядят вначале белыми и являются почти совсем голыми, так как иглы вырастают только впоследствии.

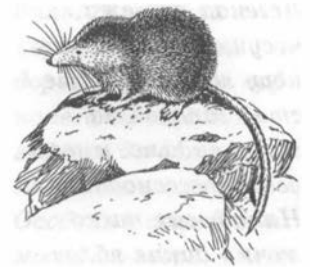
Вокруг морды у новорожденных бывает щетина, остальные же части тела не покрыты волосами. Глаза и уши закрыты. Уже по прошествии первых суток иглы вырастают на 9 мм; вначале они совсем белые, спустя месяц молодой еж принимает такую же окраску, как и взрослые. Тогда он может есть уже самостоятельно, хотя все еще продолжает сосать. Только будучи совсем взрослым, ёж достигает способности свертываться в клубок и натягивать на голову кожу до морды. Мать заблаговременно начинает носить в гнездо дождевых червей, слизней, а также опавшие плоды в пищу своим детенышам, а впоследствии берет с собой по вечерам на прогулку и свое потомство. На свободе самка по отношению к детенышам бывает гораздо нежнее, чем в неволе. В первый год жизни молодые ежи не способны к размножению; но на второй уже спариваются и живут совместно со своими самками до зимы, когда каждый отдельно устраивает для себя нору. К осени молодые ежи вырастают уже настолько, что могут самостоятельно находить пропитание; еще до наступления морозов каждый успевает отрастить сытое брюшко и подобно старым ежам начинает хлопотать об устройстве зимнего помещения.

Зимнее логово сверху представляет собой большую беспорядочную кучу, состоящую из соломы, сена, листьев и мха, и очень тщательно выстланно внутри. С наступлением первого сильного мороза ёж глубоко зарывается в своем гнезде и проводит все холодное зимнее время в непрерывной спячке. Нечувствительность, вообще свойственная этому животному, даже и в период его оживленной деятельности, достигает в это время своей высшей степени; только если его очень растеребить, он пробудится на минуту, пошатается из стороны в сторону и затем снова моментально заснет мертвым сном**.

Зимняя спячка продолжается обыкновенно до марта. При благоприятных обстоятельствах еж на свободе может прожить от 8—10 лет.

Чтобы приручить ежа, нужно только взять его и отнести в подходящее помещение; здесь он скоро привыкает и в самое короткое время теряет к человеку всякий страх. Пищу берет без церемонии и сам отыскивает ее в доме, во дворе или еще чаще в амбарах и сараях. Чуди, правда, сомневается, чтобы ёж мог быть пригоден для ловли мышей. У него был ёж, который ел из одной

** Новорожденные ежата весят 10—25 г. Несмотря на наличие пяти пар сосцов, ежике редко удается выкормить больше 5 малышей. Если самку побеспокоить в первые двое суток после родов, она может даже съесть собственный выводок. Через 2 месяца ежата весят уже около 250 г.*

*** При первых заморозках обмен веществ у ежа замедляется, а температура тела падает до 10 градусов, пульс снижается до 20 ударов в минуту. Пробудившиеся от спячки весной ежи обычно весят не более 350 г (осенний вес бывает 700 — 950 г).*

Семейство ЕЖОВЫЕ

** Большой проблемой для всех ежей является бесчисленное количество блох, вшей, клещей, власоедов, находящихся убежище между иголками. Чтобы избавиться от них, ежи и используют сильно пахнущие вещества, нередко катаются на падали, натираются луковой шелухой, ядовитой кожей жаб, «купаются» в муравейниках и даже нанизывают на иголки окурки. Легенда про ежа, несущего на спине в нору яблоки, в качестве запасов на зиму, видимо, имеет реальное основание. Нанизывая на колочки дикие яблочки, ежи выводят паразитов их кислым соком. Известна необычная форма поведения ежей — натирание шерсти и иголок большим количеством пенистой слюны. Возможно, это половое поведение, но есть версия, что в слюне также содержатся отпугивающие или едкие вещества.*

плошки с мышами, но это еще ничего не доказывает. Напротив, многочисленные наблюдения подтвердили, что ёж очень искусный ловец мышей. Во многих местностях ими обзаводятся исключительно с этой целью и держат в таких кладовых, куда кошек пускать нельзя. Я также держал в клетке ежей, которые по целым дням оставались с мышами и ели вместе с ними размоченную в молоке булку; но кончалось всегда тем, что ежи съедали своих товарищей. Ёж также пригоден для истребления неслетных насекомых, в особенности мерзких тараканов, к чему он прикладывает большое усердие. Если с ним обращаться хоть маломальски хорошо и позаботиться насчет его помещения в темном и укромном местечке, то неволя вовсе не бывает для него тягостна*.

«Ёж, — рассказывает Вуд, — живший несколько лет в нашем доме, должен был вести кочевую жизнь, так как все наши знакомые брали его к себе для истребления тараканов, и он перекочевывал из одного дома в другой. Зверек наш был удивительно ручным и выходил из ящика даже среди ясного, светлого дня, чтобы получить свою порцию булки с молоком. Нередко он предпринимал по саду прогулки, причем совал свой нос в каждую дыру, в каждую щелку и переворачивал по дороге каждый упавший листок, чтобы сыскать себе корм. Как только он слышал посторонние шаги, тотчас же свертывался в клубок и оставался несколько минут в таком положении, пока кажущаяся опасность не проходила. Нас он скоро перестал бояться и спокойно бегал в нашем присутствии».

Содержащийся в доме ёж часто надоедает своим шумом по ночам. Его неуклюжесть сказывается на каждом шагу и при каждом движении; в нем и следа нет той поразительной ловкости, какую отличаются кошки. Кроме того, ёж довольно неопрятен и неприятен своим мускусным запахом. Зато своими потешными выходками он способен развеселить всякого. Ёж легко привыкает к самой разнообразной пище, а также и к различным напиткам; особенно он любит молоко, но не отвергает также и спиртных напитков, которые вызывают его на разные курьезные выходки. Балль рассказывает о содержавшемся у него еже разные забавные вещи, между прочим, и то, что он не раз напивался пьяным. Хозяин попотчевал ежа однажды водкой, и тот выпил так много, что совершенно опьянел. «Мой колючий друг, — говорит Балль, — вел себя совершенно так же, как пьяный человек; он потерял сознание, и его темные, обыкновенно столь невинные глазки получили какой-то сомнительный блеск, одним словом — такое же выражение, какое замечается у всех пьяных; он потешно спотыкался, не замечал нас, шатался, падал то на одну, то на другую сторону и держал себя так, будто хотел сказать: «Уйдите все с дороги, сегодня мне нужен простор!» Беспомощность его все более и более усиливалась, он пошатывался, спотыкался и

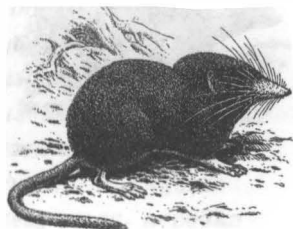
наконец так опьянел, что с ним можно было делать все, что угодно: мы могли вертеть его во все стороны, раскрывать ему рот, теревить за иглы, и он не шевелился. Спустя 12 часов ёж уже снова был на ногах, но прежней дикости как не бывало: мы могли подходить к нему совсем близко, и его иглы при этом нисколько не топорщились и оставались в замечательном порядке.

Кроме невежественных злых людей еж имеет много других врагов. Собаки ненавидят его до глубины души, выражая это постоянным яростным лаем. Если им приходится натолкнуться на ежа, они выходят из себя, срывая злобу на колючем зверьке. Тот остается в оборонительном положении все время, пока собака занимается им, и предоставляет ей до крови исколоть нос об иглы. Злоба собаки основана, вероятно, большей частью на ее беспомощности в борьбе с этим колючим героем: ее бесит то, что она решительно ничем не может повредить своему врагу и, нападая на него, скорее причиняет боль самой себе. Многие охотничьи собаки не обращают даже внимания на иглы ежа, когда хотят сорвать на нем всю свою ненависть. У одного из моих приятелей была легавая собака, которая всех попадавших ей ежей без всяких околичностей загрызала до смерти. Когда в старости зубы ее сделались тупыми, она не могла уже больше совершать таких геройских подвигов молодости; но ненависть ее к ежам нисколько не ослабла. Если ей случалось встретить этого зверька, она брала его в пасть, несла на мост и оттуда прямо бросала в воду. Лисица, как уверяют, усердно преследует ежа и гнусным лукавством заставляет его развертываться: она медленно подкатывает колючий шар передними ногами к воде и сталкивает его туда или повертывает на спину и опрыскивает своей вонючей мочой; бедный зверек с отчаяния развертывается, в тот же момент хитрая пройдоха хватается за нос и умерщвляет. Много ежей погибает таким образом, особенно в молодости. Кроме лисицы у ежей есть еще более опасный враг — филин. Когти и клюв филина настолько длинны и не чувствительны, что он легко может схватить ими ежа за его колючее одеяние. Помимо всего этого еще масса ежей делается жертвами зимних морозов. Неопытные детеныши, побуждаемые голодом, отваживаются иногда поздней осенью, ночью, выходить из своих нор и замерзают от холодных утренников; многие погибают также во время зимы в самом гнезде, если оно не защищено как следует от бури и непогоды. Бывает иногда, что за зиму в садах или рощах вымирает все население ежей*.

Ёж и после смерти своей приносит человеку пользу; по крайней мере в некоторых местностях мясо его едят, правда, только цыгане и прочий кочующий народ, но все-таки оно съедобно, любители изобрели даже особенный способ его приготовления. Настоящие мастера кулинарного искусства обмазывают ежа толстым слоем месива из липкой глины и в этой оболочке кладут

* Основным врагом ежа на сегодняшний день стал автомобиль. В районах с хорошо развитой дорожной сетью под колесами ежегодно гибнет до четверти популяции ежей. Особенно страдают молодые звери, более активно исследующие окрестности в поисках постоянного участка. К дорогам и обочинам ежей привлекает также возможность полакомиться падалью — остатками сбитых животных. Еще одна причина повышенной смертности ежей — применение пестицидов в сельском хозяйстве.

его в огонь, наблюдая, чтоб он не пригорел, и для этого поворачивая его время от времени со стороны в сторону; как только слой глины станет сухим и твердым, жаркое снимают с огня, дают ему немного остынуть и затем отколупывают оболочку, вместе с которой отходят и иглы, приставшие к глине. При таком способе приготовления весь сок остается в жарком, и получается превосходное кушанье, по словам тех, кто его ест. В былые времена в Испании немало поедали ежей, особенно во время поста. У древних еж имел свое место и в медицине: его кровь, внутренности и даже помет употреблялись на приготовление разных лекарств; кроме того, его сжигали целиком, и пепел животного имел такое же употребление, как и собачий. И теперь еще жир ежа считается целебным средством. Колючую кожу этого зверька древние римляне употребляли для ворсования шерстяных сукон и поэтому вели ежовыми шкурами оживленную торговлю, которая доставляла такой значительный доход, что для урегулирования ее потребовалось особое постановление сената. Кроме того, колючая шкура употреблялась в качестве гребня для чесания льна. Некоторые сельские хозяева и по сей час пользуются ежовой шкурою, когда нужно отнять от матери теленка; для этого к носу сосуна привязывают кусочек колючей ежовой шкуры и этим заставляют мать отвадить питомца, становящегося ей уже тягостным, и приучить его к другой пище. Кроме всего этого некоторые шапочники готовят из натуральной ежовой шкуры особого рода колючие головные уборы.

СЕМЕЙСТВО ЗЕМЛЕРОЙКОВЫЕ (Soricidae)*

** Землеройковые, самое обширное семейство отряда насекомоядных, объединяет свыше 20 родов и порядка 300 видов. Землеройки — самые мелкие насекомоядные, крупнейшие из них достигают длины тела 18 см, хвоста — 12 см, массы — до 35 г. Большинство землероек — наземные зверьки, но есть и полуводные, и роющие формы.*

Землеройки между насекомоядными занимают такое же место, как куницы между хищными. Подобно им, они обладают всеми свойствами, необходимыми для настоящей разбойничьей жизни; везде, где бы ни жили, они устраиваются как дома и проявляют храбрость, кровожадность, свирепость, совсем не соответствующие их незначительной величине.

Землеройки вместе с летучими мышами могут считаться самыми маленькими из всех млекопитающих: сложены они очень пропорционально и своим наружным видом напоминают крыс и мышей. Туловище у них тонкое, голова длинная, морда вытянутая, зубная система очень полная и состоит из необыкновенно острых зубов; с каждой стороны челюстей у землероек по 2—3 резца, иногда с зазубринами, 3—5 ложнокоренных и 3—4 настоящих коренных с четырьмя или пятью зубцами. Собственно клыков у них нет. 12—14 позвонков поддерживают ребра, 6—8 не имеют ребер, 3—5 составляют крестцовую кость и 14—28 — хвост. По сторонам туловища или у корня хвоста замечаются особенные железы. Тело покрыто мягкими бархатистыми волосами, губы,

лапы и хвост — жесткими волосками, щеки — длинными усами, края ступни — крепкой щетиной, резко отделяющейся от голых ступней.

В настоящее время землеройки распространены по всему Старому Свету и по Северной Америке; в Австралии и в Южной Америке их вовсе нет*.

Они охотно живут как на равнинах, так и на возвышенных местностях, встречаются даже в предгорьях Альп и в Альпах, но предпочитают все-таки густые леса и кустарники, луга и долины, сады и дома. Большинство отдадут предпочтение сырым местностям, некоторые живут прямо в воде. Многие ведут подземную жизнь, выкапывают норы и ходы или же пользуются готовыми, предварительно выгнав оттуда, добром или насильем, законного владельца. Почти все землеройки стремятся к темноте или прячутся в тень и избегают засухи, жары и света; они так чувствительны к подобным влияниям, что часто погибают от солнечных лучей. Движения их необыкновенно ловки, проворны и при желании могут быть чрезвычайно разнообразны. Бегающие землеройки шныряют повсюду с быстротой молнии; плавающие не уступают в быстроте ни одному другому сухопутному млекопитающему.

Среди органов чувств у землероек обоняние, по-видимому, занимает первое место; за ним следует слух; зрение же более или менее слабо. Их душевные способности стоят невысоко; но все-таки нельзя отрицать в землеройках известной степени понятливости. Они чрезвычайно хищны и кровожадны и действительно представляют собой страшный бич для маленьких животных, тогда как перед большими они благоразумно отступают. Даже при самом незначительном шуме большинство из них разбегаются по своим норам и хорошо делают, так как они совершенно беззащитны против сильных животных**.

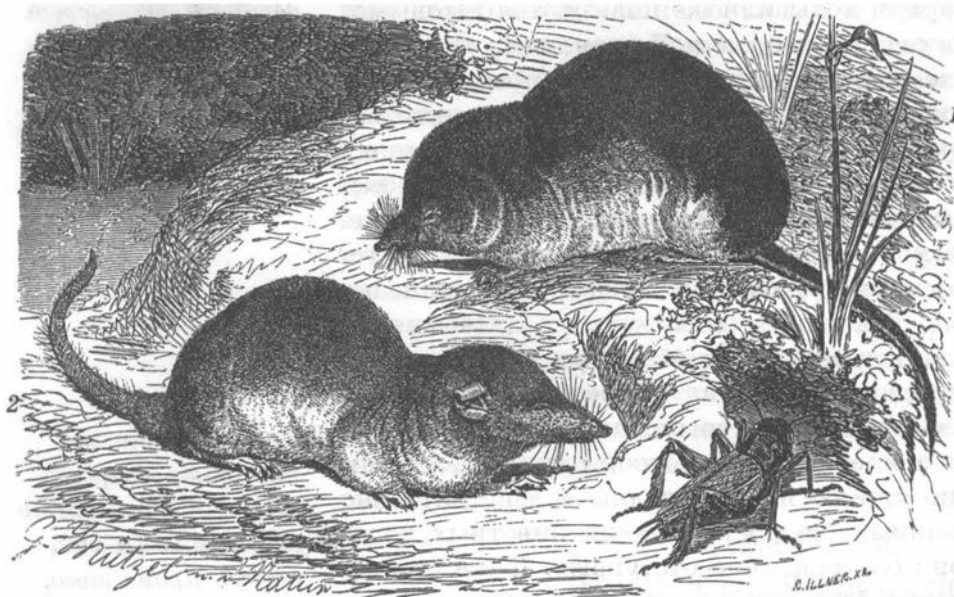
С нашей точки зрения, мы должны рассматривать большинство землероек не только как невинных, безвредных животных, но признавать за ними даже известную пользу, так как они оказывают нам значительные услуги истреблением вредных насекомых. Пищу себе землеройки достают преимущественно из животного царства; добычей их бывают насекомые и личинки, черви, моллюски, маленькие птицы. Они прожорливы и ежедневно поедают количество пищи, равное их собственному весу. Ни один вид землероек не может долго переносить голода; поэтому они не подвержены зимней спячке, а при всякой мало-мальски теплой погоде выходят из своих нор и шныряют даже по покрытой снегом земле и отыскивают себе пищу в защищенных от холода местах, как, например, в человеческих жилищах. Голос всех землероек состоит из тонких, щебечущих или визжащих и свистящих звуков; в страхе они испускают жалобные стоны; при опасности все без исключения распространяют более или менее силь-

** В Южную Америку уже в плейстоценовое время проникли 4—5 видов землероек. Они распространены на юг до Эквадора, южных частей Колумбии и Венесуэлы. В России обитает не менее 24 видов семейства.*

*** Землеройка может дать мощный, несоразмерный росту отпор многим хищникам. Кроме того, высокое верещание (частично в ультразвуковом диапазоне), издаваемое зверьками, очень раздражает тонкий слух большинства некрупных хищных зверей, и они предпочитают не связываться с землеройками. Однако основное отпугивающее средство землероек — запах.*

ный мускусный запах, который хотя и не защищает их от нападения врагов, тем не менее не многим приходится по вкусу. Так, например, собаки, кошки и куницы не дотрагиваются до убитых землероек и никогда не едят их; между тем как большинство птиц, у которых органы обоняния и вкуса развиты слабее, не отказываются от этого кушанья.

Большую часть землероек можно считать плодовитыми животными, так как они мечут от 4 до 10 детенышей; последние рождаются обыкновенно голыми и с закрытыми глазами, но развиваются очень быстро и уже через месяц бывают в состоянии заниматься самостоятельным промыслом.

Человек не может извлекать из этих животных непосредственной пользы; только один вид землероек доставляет годный к употреблению мех и хвосты, которые благодаря их сильному мускусному запаху являются средством против моли; мясо же их нигде не едят. Но зато косвенные услуги, оказываемые землеройками, очень значительны;

- 1 — Обыкновенная
бурозубка
(*Sorex araneus*)
- 2 — Длиннохвостая
белозубка
(*Crocidura russula*)

они были оценены еще древними египтянами, это можно видеть из того, что один вид в древности бальзамировали и клали в гробы вместе с покойниками.

Обыкновенная бурозубка (*Sorex araneus*) принадлежит к наиболее известным в Германии животным.

По величине она немного меньше домашней мыши: ее длина едва достигает 11 см, из которых 4,5 см приходится на хвост. Окраска тонкого шелковистого меха колеблется между ярким красно-бурым и блестящим черным цветами; бока окрашены всегда светлее спины, нижняя часть тела серовато-белая с буроватым налетом, губы беловатые, длинные усы черные, лапы буроватые, хвост сверху темно-бурый, снизу буровато-желтый. По меняющейся окраске установили много различий, которые одними принимаются за виды, другими — за разновидности.

Бурозубка водится в Германии, Швейцарии, Англии, Франции, Италии, Венгрии и Галиции, вероятно, также и в России; она живет и в высоких, и в низких местностях; в горах, долинах, на полях, в садах, по соседству с деревьями и даже в самых

деревнях и обыкновенно держится поблизости от воды. Зимой заходит в дома или по крайней мере в сараи и амбары. В Германии — это самый обыкновенный вид. Бурозубка особенно любит ютиться в подземных норах и потому охотно забирается в кротовые ходы или в покинутые мышьи норы, если не удастся отыскать естественных щелей и расселин в скалах. В мягкой почве она сама своим хоботом и слабыми передними лапами выкапывает ходы, которые прокладывает обыкновенно очень поверхностно под землей*. Как и большинство видов этого семейства, бурозубка вполне ночное животное, которое днем очень неохотно оставляет свое подземное помещение. Она никогда не выходит во время полуденного жара, так как солнечные лучи вызывают в ней, по-видимому, в высшей степени тягостные ощущения; по крайней мере некоторые наблюдатели допускают, что многие землеройки, которых находили мертвыми по дорогам и канавам, были жертвами солнечных лучей; яркий свет ослеплял их, так что они не могли найти входа в свою нору и погибали от этого.

Бурозубка постоянно в работе: она вечно вертит во все стороны своим хоботом, отыскивая пищу, и если найдет добычу, которую в силах одолеть, то не выпустит уже от себя; она ест даже своих собственных детенышей или мертвых собратьев. «Я часто, — говорит Ленц, — держал в ящиках землероек. Мухами, мучными и дождевыми червями и чем-нибудь подобным их никогда нельзя было накормить досыта. Я должен был каждой из них давать ежедневно по целой убитой мыши, по землеройке или же по птичке, равной с ними величины. Как ни были они малы, но ежедневно могли съесть целую мышь, оставляя от нее только кожу да кости. Таким образом мне удавалось откормить их очень жирными; но если оставить их хоть немного поголодать, то они быстро умирают. Я пробовал также не давать им никакого другого корма, кроме хлеба, репы, груш, конопли, мака, репного и канареечного семени; но они скорее умирали с голоду, чем дотрагивались до этой пищи. Если им давали жирный пирог, то они ели его только из-за жира; когда же им попадалась пойманная в ловушке землеройка или мышь, они моментально набрасывались на еду. При хорошем уходе землеройка выдерживает в неволе целые месяцы».

Движения бурозубки в высшей степени проворны и ловки; она бежит по земле, прыгает довольно далеко, может взлезать по наклонным деревьям и, в случае нужды, умеет довольно сносно плавать. Голос ее состоит из резкого, тонко щебечущего, почти свистящего, но тихого звука, какой издают и все остальные виды семейства. Между органами чувств выше всего, без сомнения, стоит обоняние. Часто случается, что пойманные живыми землеройки, которым предоставляют свободу, снова возвращаются в ловушку только потому, что их притягивает туда оставленный ими

** Несмотря на название, землеройки не делают собственных нор в почве, предпочитая занимать чужие. Могут прокладывать ходы в рыхлой лесной подстилке, гнезда делают, как правило, на поверхности земли.*

Семейство землеройковые

** Еще до распадения выводка (на 22—25-й день после родов) самка может начать новый цикл размножения. Лишь в редких случаях бурозубки доживают до 2 лет.*

запах. Землеройка, кажется, никогда не руководится своим зрением; слух ее тоже, должно быть, довольно слаб; зато тонкий нос совершенно заменяет ей эти оба органа чувств.

Немного можно встретить животных, которые так необщительны и необходимы с себе подобными, как землеройки; только крот может сравняться с ними в этом отношении. Еще не случалось, чтобы разного пола животные уживались, помимо времени спаривания, в мире друг с другом: одна землеройка непременно съест другую, если только сумеет овладеть ею. Часто приходится видеть этих двух хищниц до того увлеченными дракой, что их можно смело схватить руками; в борьбе они сваливаются в клубок и катаются в таком виде по земле, крепко вцепившись друг в друга зубами, с яростью, достойной злейшего бульдога. Счастье, что землеройки не имеют львиного роста: они опустошили бы всю землю и наконец сами умерли бы с голоду. Беременная землеройка устраивает себе гнездо из мха, травы, листьев и стеблей растений, всего охотнее в стенах или под пустыми корнями деревьев; в нем несколько боковых ходов и мягкая подстилка; здесь она между маем и июлем мечет 5—10 детенышей, которые рождаются голыми, слепыми и с закрытыми ушами. Вначале мать кормит их с большою нежностью, но скоро ее любовь остывает, и детеныши вынуждены сами идти на промысел и самостоятельно добывать себе пищу*.

При этом, как выше замечено, исчезают всякие родственные отношения: каждая землеройка уже с детства приучена к мясу, берет его, где только предоставляет случай, и не остановится даже перед трупами родных братьев и сестер.

Замечательно, что только немногие животные едят землероек. Кошки умерщвляют их, вероятно, потому, что принимают за обыкновенных мышей; но только загрызают насмерть, а никогда не съедают. Также и куницы, по-видимому, брезгуют ими. Только некоторые хищные птицы, аисты и гадюки без размышления, даже с удовольствием пожирают их. Во всяком случае отвращение, которое питают к землеройкам все млекопитающие, одаренные чутким обонянием, имеет свое основание в скверном запахе, свойственном этим животным. Этот сильный мускусный запах исходит из двух отделительных желез, которые лежат по бокам тела, ближе к передним, чем к задним ногам; он до такой степени силен, что сообщается всем предметам, до которых касается землеройка.

Весьма возможно, что разные суеверные взгляды, от которых приходится страдать землеройкам во многих местностях Европы, основаны на этом отвратительном запахе. Повсюду в Англии, например, этого безвредного животного боятся более, чем ядовитой змеи. Все отлично понимают, что такое маленькое животное не может причинить ни малейшего вреда своими тонкими мелкими зубами, но все-таки приписывают ее укусу ядовитое свойство. Даже одно прикосновение землеройки считается верным

предвестником какой-нибудь беды, животное или человек, которые «поражены землеройками», необходимо должны в скором времени заболеть, если вовремя не прибегнут к одному радикальному средству. Это целебное средство, которое может помочь против болезни, полученной от землеройки, заключается в ветвях «землероечного ясеня», то есть обыкновенного дерева, которое очень простыми приемами превращалось в целебное. Для этого ловили землеройку и с радостными криками победы несли ее к ясеню, на долю которого выпадала честь защищать род человеческий от такого маленького хищного зверька. В стволе ясеня просверливали большое отверстие, впускали туда землеройку и затем накрепко закупоривали дыру плотной пробкой; с этого момента ясень получал целебную силу.

До какой степени было распространено и принималось на веру это глупейшее суеверие, можно видеть из «Истории четвероногих животных и змей» Топсея, появившейся в Лондоне в 1658 году. Старый шутник-зоолог говорит в своей книге о землеройке приблизительно следующее: «Это хищное животное, хотя и прикидывается нежным и кротким, но кусает глубоко и смертельно отравляет при малейшем прикосновении. Будучи свирепым существом, она всякому старается вредить, и нет такого создания, которое бы было любимо ею или могло ее любить, так как все животные только боятся ее. Кошки охотятся за ней и умерщвляют ее, но никогда не едят, потому что если бы такое желание пришло им, то они немедленно погибли бы. Если землеройка случайно попадет в колею, оставленную на дороге колесом, то должна расстаться с жизнью, так как выйти оттуда она уже не может. Это подтверждают Марцелиус Никандер и Плиний; причину же этого поясняет Филес, который говорит, что в колее землеройка так измучивается и теряется, как будто бы ее приковали там цепями. Поэтому-то древние прописывали землю из такой колее как противоядие от укуса землеройкой. Впрочем, есть еще много средств для лечения ядовитых укусов, эти средства помогают вместе с тем и от других болезней. Землеройку, которая случайно попадет в колею и там умрет, сжигают, толкут в ступе, затем смешивают с пылью и с гусиным жиром; приготовленная таким образом мазь помогает против всяких воспалений. Кроме того, если убитую землеройку повесить таким образом, чтобы она не касалась земли, то труп ее помогает против всяких нарывов и волдырей, стоит только троекратно коснуться им больных мест. Равным образом землеройка исцеляет нарывы и всякие воспаления, если, найдя ее труп, обернуть его в полотняную, шерстяную или другую материю. Мазь, приготовленная из сожженного и истолченного в порошок хвоста землеройки, служит отличным средством против укуса бешеными собаками и пр.». После всех этих описаний целебных свойств зверька мне ничего больше не остается говорить.

**Семейство
землеройковые**

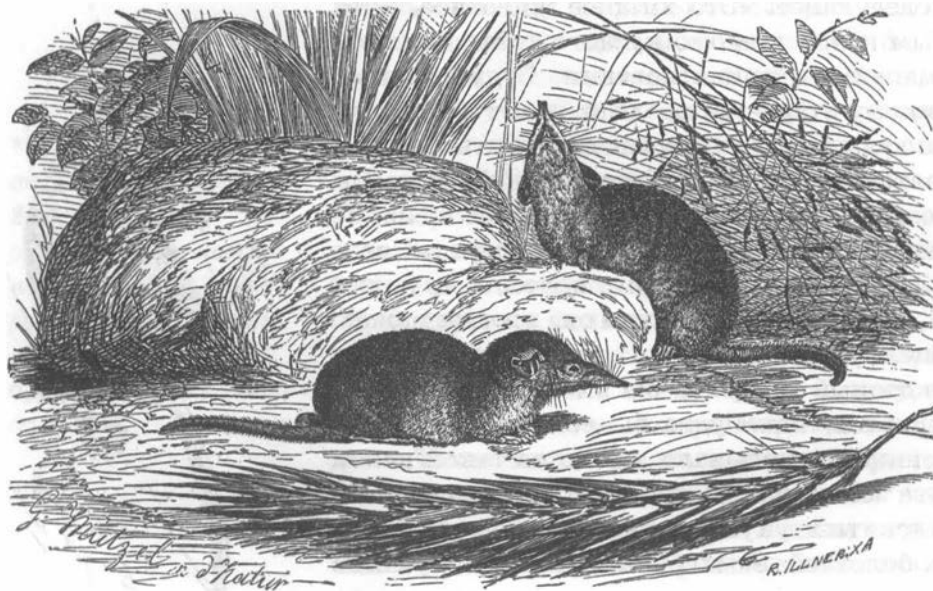
* Характерная черта поведения выводка белозубок — передвижение цепочкой вслед за матерью, держась зубами за хвост идущего впереди. У других землероек эта особенность менее выражена.

Домовая землеройка, или длиннохвостая (обыкновенная) белозубка (*Crocidura russula*).

Зверек в 11,5 см общей длины, из которых 7 см составляют длину тела, а 4,5 см идут на хвост; в Германии — это один из обыкновенных видов. Волосы его меха на верхней стороне имеют буро-серую, в молодости же черновато-серую окраску, а на нижней — без резких ограничений более светло-серую; на губах и на ногах волосы буровато-белые, на верхней стороне хвоста — светло-буро-серые, на нижней — серовато-белые. Зубная система состоит из 28 зубов.

Из северной Африки домовая землеройка распространяется по южной, западной и средней Европе до севера России, встречается также в центральной Азии и в северо-восточной Сибири.

Напротив того, в Англии, Дании, Скандинавии и Голландии ее нет. По Блазиусу, она некоторым образом привязана к полям и садам, по крайней мере предпочитает их лесу и рощам, где по временам попадает. Ни один из ее родичей не привыкает так легко к

Малая белозубка (*Crocidura suaveolens*)

окружающим людям, ни один не входит так свободно в дома, особенно в амбары и сараи. Она охотно водворяется в погребах и кладовых, прельщаясь их темными уголками, представляющими спокойное убежище. На свободе охотится как в ранние, так и в поздние часы на маленьких животных всех видов, начиная с небольших млекопитающих и кончая червями; в домах лакомится мясом, салом и маслом. Ее обычаи и привычки совершенно такие же, как и у бурозубки *.

На свободе она мечет летом (а в теплых помещениях и в осенние, и даже в зимние месяцы) 5—10 голых и слепых детенышей в скрытом, довольно тщательно и мягко выстланном гнезде. По прошествии приблизительно шести недель детеныши достигают роста родителей, приобретают самостоятельность и промышляют почти так же успешно, как и взрослые. Несмотря на страсть к лакомствам, белозубка может считаться полезным животным, которое значительно искупает свои небольшие проступки массой услуг по ловле всевозможных паразитов; на основании этого она заслуживает от нас пощады и покровительства.

Малая белозубка (*Crocidura suaveolens*) вместе с одним из видов летучих мышей самое маленькое из всех известных до сих пор млекопитающих.

Общая длина ее едва достигает 6,5 см, из которых 2,5 см приходится на хвост. Окраска шелковисто-мягкого меха светло-буроватая или красновато-серая, хвост сверху буроватый; снизу светлее, хобот и лапы мясного цвета, ноги покрыты беловатыми волосками. Старые животные бывают светлее и более ржавого цвета, молодые темнее и более серого. Замечательны в этом животном особенно большие ушные раковины.

Малая белозубка встречается почти во всех странах, омываемых Средиземным и Черным морями; ее находили на севере Африки, в южной Франции, в Италии и в Крыму*.

По образу жизни она напоминает своих родичей. Для местопребывания выбирает охотнее всего сады поблизости от деревень, но попадает также в строениях и жилищах. Она гораздо нежнее и чувствительнее к холоду, чем наши северные виды, поэтому борется с зимними холодами, прячась от них в особенно теплые жилища.

Обыкновенная кутора, или **водяная землеройка** (*Neomys fodiens*), отличается большим разнообразием в окраске, принадлежит к крупнейшим видам встречающихся у нас землероек. Общая длина ее достигает 11,8 см, из которых 5,3 см приходится на хвост. Тонкий, густой и мягкий мех на спине обыкновенно черный, зимой более блестящий, чем летом, на животе серобелый или беловатый, иногда чистый, иногда покрыт серо-черными пятнами. Волосы меха настолько густы, что представляют сплошную массу и не пропускают до кожи ни одной капли воды. Плавательные щетинки на лапах, смотря по возрасту и времени года, бывают то длиннее, то короче. Когда они оттопырены, то становятся такими широкими, что выдаются с каждой стороны ног подобно зубцам гребешка, а когда сложены, то так плотно прилегают к ступням, что их трудно заметить. Они служат животному прекрасными веслами и оказывают ему большие услуги. По желанию могут развертываться и снова свертываться, а во время бега так плотно сжимаются, что нимало не страдают от трения**.

Как кажется, водяная землеройка распространена почти по всей Европе и в части Азии***, где в благоприятных местностях ее можно всюду встретить. Северная граница ее распространения достигает Англии и Остзейского края, южной Испании и Италии. В горах поднимается на значительную высоту; в Альпах, например, почти до 2000 метров над уровнем моря. Она предпочитает воды гористых местностей, особенно такие, в которых при больших морозах встречаются незамерзающие источники, необходимые ей зимой, чтобы входить в воду и выходить из нее. Самыми излюбленными местами являются источники горных лесистых местностей, имеющие чис-

* Малая белозубка распространена по всей лесостепной, степной и пустынной зоне Евразии до Палестины, Ирана, Дальнего Востока, Китая, а также в Северной Африке.

** При плавании зверек гребет лапами, а хвост, сжатый с боков и имеющий на нижней стороне киль из удлиненных жестких волос, выполняет роль руля.

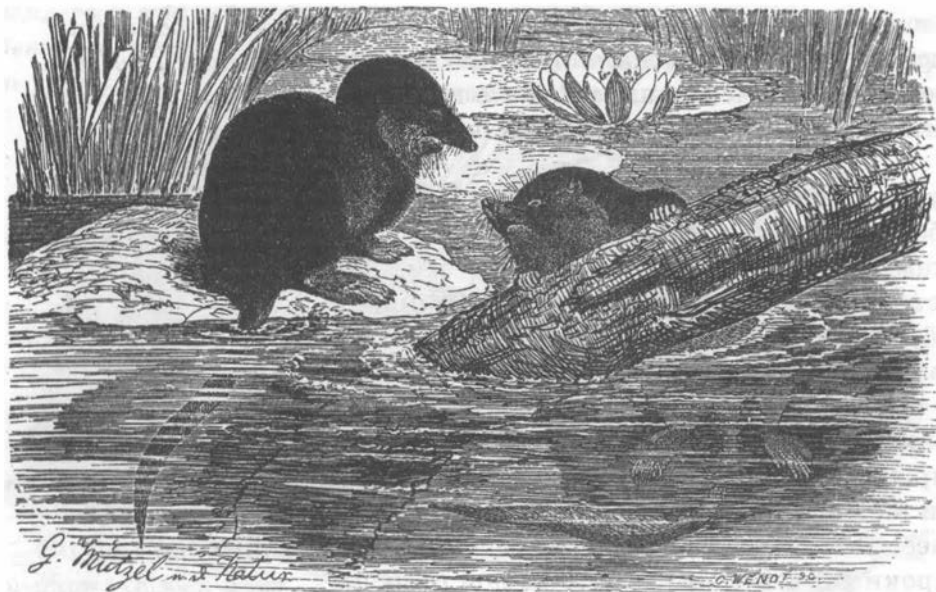
*** Населяет околоводные лесные биотопы Европы (кроме Испании), Казахстана, Западной и Южной Сибири, Дальнего Востока.

**Семейство
землеройковые**

тую воду и песчаную почву, и сады или луга в окрестностях. Также охотно она водится в прудах с чистой водой и покрытых ряской. Иногда попадает здесь в громадном количестве. Часто селится в деревнях, особенно близ мельниц; но местопребывание ее вовсе не связано исключительно с водой; она также охотно бегает по лугам, прилегающим к ручьям, проползает под стога сена, забирается в амбары и сараи и даже во внутренности домов; иногда попадает в поля, находящиеся очень далеко от воды. В рыхлой почве поблизости воды она сама выкапывает себе ходы, однако охотнее пользуется норами мышей и кротов, находящихся по соседству. Важным условием ее жилища являются выходы, которых должно быть несколько: один ведет в воду, другой на поверхность воды, остальные имеют выход на сушу. Нора служит зверьку местом сна и убежища,

в котором он может укрыться от преследования врагов.

В шумных местах водяная землеройка проводит обыкновенно весь день в жилище; там же, где ей нечего бояться, бодрствует и проявляет свою деятельность и днем, особенно весной, в пору любви. Она редко плавает вдоль берега, так как больше любит переплывать ручьи от одного берега к другому;

**Обыкновенная
кутора
(*Neomys fodiens*)**

когда же ей приходится держать путь вдоль ручья, то она предпочитает бежать под берегом или по дну ручья, под водой.

Водяная землеройка чрезвычайно живое и умное животное, представляющее для наблюдателя большой интерес. Ее движения быстры и уверенны, ловки и неутомимы. Она отлично плавает, ныряет и обладает способностью держаться на воде без всякого движения, высовываясь то одной головой, то всей верхней частью туловища. Когда она плывет, ее туловище кажется широким, плоским и как бы покрытым сплошным слоем блестяще-белых маленьких жемчужин; это явление происходит от пузырьков воздуха, собирающихся между густыми волосами шерсти: воздушный слой, окружающий все тело, и способствует тому, что мех животного всегда бывает сухим.

Спрятавшись у какого-нибудь пруда, где бы землеройки пользовались покоем, можно отлично наблюдать их деятельную

жизнь. Уже незадолго до восхода солнца или сейчас же после него можно видеть, как они выходят из своих нор и пускаются плавать в пруду; часто останавливаются, ложатся плашмя на воду или высовываются из нее половиной своего туловища, так что становится видным их белое горло. Плывая, они так сильно работают задними ногами, что по сильному движению воды можно было бы ожидать гораздо большее животное. Во время отдыха не перестают озираться во все стороны и, как только почуют опасность, с быстротой стрелы снова ныряют в воду. Впрочем, маленькая водолазка не любит долго оставаться под водой; она очень скоро снова показывается на поверхности. Здесь ее настоящая сфера деятельности; в продолжение целого дня ее можно видеть в беспрестанной суете в уединенных тихих местах. Она плавает не только близ берегов, но также и посредине пруда, перерезывая его с одной стороны на другую; время от времени она отдыхает на пне свешивающегося над водой дерева или на плывущем полене, иногда развлекается, прыгая из воды за пролетающим мимо насекомым, и затем снова ныряет вниз головой; при этом мех ее всегда остается гладким и сухим, так как капли воды стекают с него*.

Во время болезни утрачивается это свойство меха: волосы промокают и сырость проникает до кожи; тогда водяной землеройке часто приходит скорый конец.

Всего полнее проявляется жизнь красивого животного в пору любви и спаривания, совпадающую обыкновенно с апрелем и маем. Самец преследует самку при непрерывном крике, который звучит почти как «зи-зи-зи», и, когда зверьков много, крики сливаются в одно общее жужжание. Самка выплывает из своего убежища, подымает вверх над водой голову и грудь и озирается во все стороны. Самец, находящийся в поисках предмета своих страстных вожделений, тоже показывается на зеркальной поверхности воды и, завидев милую, стремительно бросается к ней. Но самка еще не расположена принимать его ласки; она хотя и допускает самца подплыть к ней совсем близко, но, как только он достигнет ее, неожиданно ныряет и бесследно пропадает на дне пруда; пробежав здесь довольно значительное расстояние, она снова появляется на поверхности, но уже совсем в другом месте. Самец выслеживает ее и через минуту уже опять возле милой; он уверен, что цель достигнута, однако самка не из доступных: она вторично исчезает и снова показывается где-нибудь в отдалении. Таким образом заигрывание это продолжается с четверть часа, пока самка наконец не сдастся на упорные преследования самца. При этом ни один из влюбленных не упускает случая словить какое-нибудь из пролетающих мимо насекомых или вообще схватить что-нибудь съедобное, а во время своих любовных походов они облазят все ходы на берегу. В одном из них самка устраивается на время родов, избрав себе для этого маленькую нору, хорошо выстланную мхом и сеном. Здесь около середины мая она родит 6—10 детенышей,

* Из-за «шубы» пузырьков в непромокаемом меху кутора ныряет с заметным трудом (ее удельный вес заметно легче воды), предпочитает плавать на поверхности, под водой может находиться 5—20 сек.

которые в первые дни своего появления на свет выглядят очень странными и нисколько не похожими на взрослых землероек: они рождаются голыми, так что цвет тела ярко сквозит через кожу, и тупой носик их особенно комично выдается на маленькой мордочке; но скоро они вырастают, приобретают мало-помалу внешний вид своих родителей и рано начинают вести самостоятельный образ жизни, охотясь под руководством матери и прокладывая в траве поблизости от главного входа норы новые узкие тропинки.

Относительно своего роста водяная землеройка действительно страшный хищник; она пожирает не только насекомых всех видов, особенно тех, которые живут в воде, но и червей, мелких моллюсков, раков, а также и земноводных, рыб, птиц и маленьких млекопитающих. Мышь, забравшаяся в их нору, должна считаться погибшей; неосторожная трясогузка, рано вылетевшая из гнезда и беспечно устремившаяся на зеленый бережок, схватывается беспощадно и с такой же свирепостью, с какой рысь набрасывается на косулю; лягушка, беззаботно прыгающая вблизи одного из входов, схватывается за задние ноги и тащится, несмотря на жалобный писк, в нору, где и погибает весьма скоро; гольцы и пескари загоняются в маленькие бухты и здесь ловятся особенным образом: землеройка мутит воду и сторожит вход в бухту; как только одна из маленьких рыбок захочет проплыть мимо, она бросается на нее и ловко схватывает, оправдывая, как нельзя лучше поговорку — в мутной воде рыбу ловит. Землеройка отваживается нападать не только на маленьких животных, но и на таких, вес которых превосходит ее собственный по крайней мере в 60 раз; можно сказать, что среди хищников не найдется другого животного, которое решилось бы нападать на такую несоразмерно большую добычу и так умело осиливать ее*.

Враги у водяных землероек почти те же самые, что и у всех землероек; днем обыкновенно с ними не приключается никаких бед; ночью же, когда они спуют по берегу, часто становятся добычей сов и кошек; но последние только убивают их и бросают по причине мускусного запаха. Исследователь, желающий собирать водяных землероек, должен поэтому обходить берега прудов по утрам; в короткое время он наверно соберет столько трупов, сколько ему нужно.

СЕМЕЙСТВО ПРЫГУНЧИКОВЫЕ (*Macroscelididae*)

Короткоухий прыгунчик (*Macroscelides proboscideus*)** характеризуется полной зубной системой и пятипалыми конечностями. В длину 25 см, из них на хвост приходится 11,5 см, а на хобот почти 2 см. Окраска шерсти на спине то красновато-бурая, то бледно-серая. На животе и лапах более или менее белая. Через ржаво-бурый с красновато-черным концом хобот по направлению ко лбу идет рыже-бурая полоса; уши внутри белые.

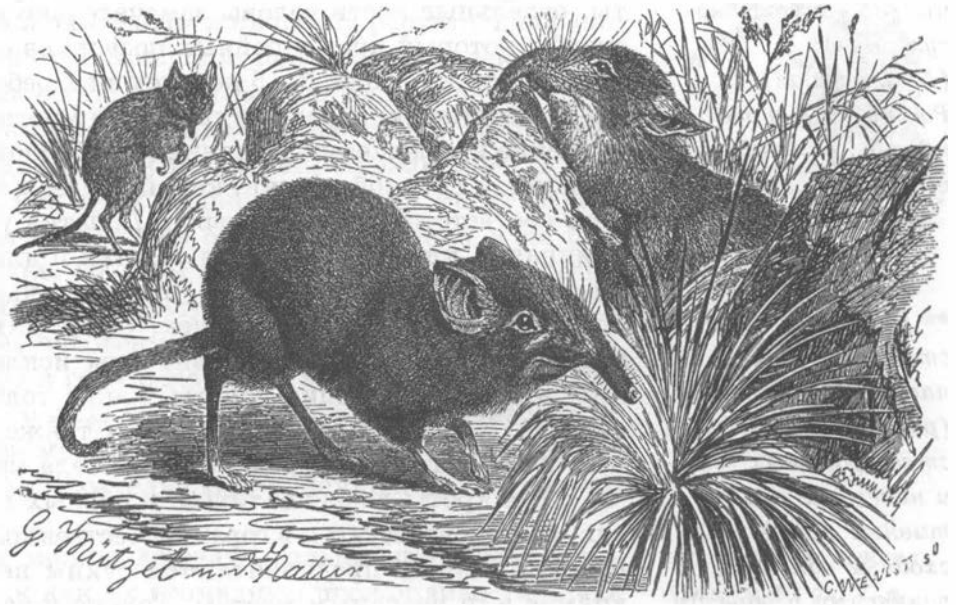
* *Кутора всегда поедает пищу на суше. Она имеет менее интенсивный обмен веществ, чем мелкие землеройки, она менее прожорлива (вес съеденного корма примерно равен весу зверька), может обходиться без пищи около 57 часов.*

** *Короткоухий прыгунчик, представитель монотипического рода, является самым мелким зверьком отряда. Сложением очень напоминает тушканчика, при быстрых прыжках передвигается только на длинных задних лапах, при медленном передвижении использует и передние. Питается в основном муравьями и термитами.*

Короткоухий прыгунчик по образу жизни вполне напоминает остальных прыгунчиков. Все они без исключения живут в Африке, особенно в южной и восточной ее частях, т. е. в наиболее раскаленных солнцем и бесплодных местностях. Эти зверьки предпочитают скалистые горы, находя здесь убежище в глубоких, недоступных норах под камнями, в расселинах скал и логовищах других животных, куда прячутся при всякой кажущейся опасности, которую готовы видеть в малейшей безделице. Это — дневные, даже скорее солнечные животные, чувствующие себя лучше всего в полуденный зной, когда с наибольшим усердием предаются своей охоте. Пища их состоит главным образом из насекомых, которых они искусно ловят или вытаскивают из трещин и расселин в камнях.

Если хорошо спрятаться, то можно наблюдать их суетливую работу, но малейшее движение пугает зверьков и заставляет моментально скрываться в норах, откуда они долго после того не решаются вновь показаться. Наконец, один за другим прыгунчики выходят и начинают проворно прыгать кругом. Они то пригля-

дываются и прислушиваются, то гоняются друг за другом или за пролетающими мимо насекомыми, то роются и нюхают между камнями, засовывая свой тонкий хоботообразный нос в каждый уголок, в каждую щель и расселину. Зверек любит присаживаться на раскаленный камень, где с восторгом предается солнечным лучам. Нередко двое прыгунчиков затевают веселую возню; может быть, это нежная парочка, живущая вместе. О размножении короткоухих прыгунчиков до сих пор ничего не известно, равно как не сделано никаких наблюдений над живущими в неволе зверьками.

Короткоухий прыгунчик
(*Macroscelides proboscideus*)

СЕМЕЙСТВО КРОВОУЫЕ (Talpidae)

Кроты распространены в большей части Европы, Азии, южной Африки и Северной Америки. Число их видов не особенно велико, но все же найдется, по всей вероятности, еще много, неиз-

Семейство кротовые

* Кроты отсутствуют на большей части тропической Азии и в Африке. В Австралии кротов замещает сумчатый крот — единственный вид семейства сумчатых (*Notoryctidae*). В России — 7 видов кротов, включая выхухоль.

** Брем дает представление только о настоящих кротах (род *Talpa*). В семействе кротовых есть и наземные примитивные формы, сходные обликом, размерами и образом жизни скорее с землеройками, есть полурылообразные формы (звездорыл), наконец, полуводные формы (выхухоль).

вестных натуралистам*. Все кроты так замечательно сложены, что узнать их нетрудно с первого раза. Сжатое, цилиндрической формы туловище переходит без всяких признаков шеи прямо в маленькую удлинённую голову, которая заостряется в хобот; глаза и наружные уши очень слабо развиты и их едва можно различить. Туловище покоится на четырех коротких ногах, из которых передние представляют колоссальные орудия для копания, тогда как задние тонки, вытянуты и похожи на крысиные; хвост, если бывает, то очень короткий или же совершенно отсутствует**.

Зубная система состоит из 36—44 зубов. Череп очень вытянутый и плоский; глазная впадина цельна; скуловые дуги развиты, отдельные кости головы замечательно тонки. В позвоночном столбе, который кроме шейных позвонков состоит из 10—20 поддерживающих ребра, 3—5 не имеющих ребер, 3—5 крестцовых и 6—11 хвостовых, поражает сращение многих шейных позвонков. Строение и положение передних ног обуславливают крепость верхней части грудной клетки, какой нет ни у какого другого животного соответствующих размеров. Лопатка у крота самая узкая и длинная, а ключица — самая толстая и длинная во всем классе; плечо необыкновенно широко, а предплечье крепкое и короткое. Запястье имеет десять косточек. Сразу видно, что исполинские передние конечности предназначены исключительно для копания; это самые лучшие лопаты, какие только можно себе представить. К таким костям прилегают также крепкие мышцы, от чего и зависит сила передней части тела крота.

Все кроты любят селиться в ровных плодородных местностях, но присутствуют и в горах. Естественно, что луга, поля, сады, рощи и долины предпочитают сухим неплодородным скатам холмов или песчаным местам. Только в виде исключения появляются они на берегах рек, озер, и еще реже можно встретить крота на морских берегах. Все виды ведут подземную жизнь: они роют ходы в земле, выбрасывая при этом на поверхность целые кучи, как в сухой, рыхлой или песчаной почве, так и в сыром мягком грунте. Многие виды устраивают себе протяженные и очень сложные жилища. Как дети мрака, они без мучительных ощущений не могут выносить света; потому очень редко выходят добровольно на поверхность земли и даже в глубине ее деятельны больше ночью, чем днем. Само строение тела изгоняет кротов с земной поверхности; они не могут ни прыгать, ни лазать и даже едва ходят, хотя многие из них довольно скоро передвигаются по земле, пуская при этом в ход больше ступни задних ног и внутренние края передних. Зато изумительны та скорость, с которой бегают кроты в своих подземных владениях, и то проворство, с которым они копают. Они умеют также отлично плавать, хотя это искусство применяют лишь в случае крайней необходимости.

Широкие лапы представляют собою превосходные весла, а сильные предплечья после трудной работы в земле действуют в воде без особого напряжения.

Из органов чувств особенно развиты у крота обоняние, слух и осязание, тогда как зрение очень слабо. Голос крота состоит из шипящих и визжащих звуков. Душевные способности весьма слабы, хотя и не в такой степени, как обыкновенно склонны думать; однако все же дурные качества перевешивают хорошие: все кроты в высшей степени неуживчивые, вздорные, сварливые, хищнические и кровожадные существа, которые в жестокости превосходят даже тигров, будучи способны пожирать своего же брата крота, если он попадет под руку.

Пища кротов исключительно животная; растительной они не употребляют. Различные живущие под землей насекомые, а также черви, мокрицы составляют главные составные части их пищи. Кроме того, они при всякой возможности едят маленьких млекопитающих, птиц, лягушек и слизней. Прожорливость кротов столь же велика, как и их подвижность, они могут только весьма недолгое время находиться без пищи, поэтому и не подвергаются зимней спячке. На этом основании они очень полезны как истребители насекомых; с другой же стороны, их постоянное рытье земли досаждают человеку.

Один или два раза в год самка крота мечет 3—5 детенышей и тщательно заботится о них. Кротята вырастают довольно скоро и остаются около своей матери приблизительно 1—2 месяца; затем они становятся самостоятельными и начинают свои земляные работы*.

В неволе кротов можно держать только при самом тщательном попечении, так как их громадную прожорливость почти невозможно удовлетворить.

По свойству зубной системы, по устройству рыльца и по отсутствию или присутствию более или менее длинного хвоста кротов разделяют на несколько родов и видов; но все они настолько похожи один на другого, что мы рассмотрим внимательно лишь один вид — обыкновенного крота, так как образ жизни этого вида вполне достаточно характеризует свойства всех других.

Обыкновенного, или восточноевропейского, крота (*Talpa europaea*), встречающегося только в Европе и Азии, можно описать немногими словами благодаря его характерным внешним признакам. Длина туловища достигает 15 см, самое же большее 17 см, включая сюда и 2,5 см, идущих на хвост; высота в зашеевке около 5 см. Зубная система состоит из 44 зубов. Коротенькие ноги поставлены по отношению к цилиндрическому туловищу довольно горизонтально; очень широкие, рукообразные лапы имеют ладонь, обращенную постоянно наружу, а не внутрь, как у других животных. Между короткими пальцами с широкими,

* Беременность у европейского крота длится 40 дней, в выводке бывает до 9 детенышей (обычно 5). Через месяц они догоняют размерами взрослых и становятся самостоятельными, еще через 5 месяцев — половозрелыми.

Семейство кротовые

** Густой бархатистый мех фактически состоит из одного подшерстка, стоящего вертикально. Такой мех позволяет кроту с одина-*

*Обыкновенный
(европейский) крот
(Talpa europaea)*

ковой легкостью передвигаться в узких ходах как головой, так и хвостом вперед. Из-за трения о земляные стенки мех быстро изнашивается, поэтому у кротов бывает 3—4 линьки в году.

сильно сплюснутыми и тупо обрезанными когтями самый длинный — средний, наружные же постепенно укорачиваются и почти соединены один с другим перепонкой, даже почти сращены. На маленьких и коротких задних ногах пальцы разъединены, а когти заострены и слабы. Глаза, величиной почти с маковое зернышко, лежат посредине между концом рыльца и ушами и совершенно закрыты волосами головы, но имеют веки и могут произвольно выдвигаться вперед или втягиваться назад и при случае быть полезными. Маленькие уши не имеют наружных раковин; они окружены лишь коротким кожистым выступом, который также спрятан под волосами и служит для открывания и замыкания слухового канала. Равномерно черные волосы

повсюду очень густы, коротки, мягки и шелковисты; блестящие усы и надглазные щетины тоже коротки и очень тонки. За исключением лап, ступней, кончика рыльца и хвоста, мех покрывает все туловище; шерсть отличается своим блеском, имеющим то буроватый, то голубоватый или даже беловатый отлив*. Голые части — мясного цвета.

Глаза представляют собой черные, маленькие, блестящие бисеринки, так что в них невозможно различить зрачка от радужной оболочки. Самка сложена более стройно, чем самец, и молодые животные окрашены несколько серее старых. Это единственные различия, существующие между полами и возрастными. Есть однако разновидности, у которых пепельно-серое одеяние молодости остается на всю жизнь или такие, у которых на брюхе по пепельно-серой основной окраске проходят широкие серо-желтые продольные полосы; встречаются также черные кроты с белыми пятнами, и, как редкость, попадаются желтые и белые экzemпляры.

Область распространения крота проходит через Европу и северную Африку и через Азию к Алтаю и даже к Японии. На Скандинавском полуострове крот поднимается до Доврефельда, в Англии — до средней Шотландии, а в России — до средних

областей Северной Двины. На Оркнейских и Шетландских островах, на большей части Гебридских островов и в Ирландии он отсутствует. В Азии доходит до Амура, а на юге до Кавказа; в Альпах поднимается до 2000 метров*. Он везде очень обыкновенен и размножается чрезвычайно быстро там, где его не преследуют.

О своем местопребывании крот дает знать по земляным кучам, которые он постоянно выбрасывает, чтобы иметь возможность существовать. Эти кучи верно указывают направление и протяжение того участка, на котором крот охотится**.

При необыкновенной прожорливости он постоянно должен расширять район своей охоты и поэтому непрерывно занят работой по устройству подземных владений. Без усталости выкапывает горизонтальные ходы на незначительной глубине под землей и, чтобы удалить взрытую землю, выбрасывает на поверхность всем известные кучи. «Из всех наших подземных животных, — пишет Блазиус, — обыкновенный, всюду распространенный крот старательнее всех работает над устройством затейливых жилищ и ходов. Ему приходится заботиться не только об удовлетворении своего прожорливого аппетита, но и об обеспечении безопасности против нападений многочисленных врагов. Всего искуснее и тщательнее строится гнездо, или логовище. Обыкновенно оно находится в наиболее укромном, трудно доступном месте, под корнями деревьев, под стенами и в большинстве случаев несколько отдалено от обыденного участка для охоты. Этот участок ежедневно расширяется, разнообразно разветвляясь и скрещиваясь своими переходами. С ним гнездо соединено длинным, в большинстве случаев довольно прямым переходом. В периоде размножения кроме этих ходов крот устраивает еще и другие. Настоящая нора зверька обозначается на поверхности особенно большой кучей выброшенной земли; нора внутри состоит из овального чуланчика, имеющего более 8 см ширины, служащего спальней, и из двух круговых галерей; большая галерея устроена на одной высоте с чуланчиком и окружает его приблизительно на расстоянии 16—25 см, а меньшая проходит немного выше чуланчика и параллельно с первой. Стены чуланчика и прилегающие к гнезду ходы отделаны очень плотно, хорошо утрамбованы и тщательно сглажены. Само гнездо мягко устлано травой и листьями в большинстве случаев молодых злачных растений, мхом, соломой, навозом или нежными кореньями; все это кроты большей частью приносят с поверхности земли. Если зверьку угрожает опасность сверху, то он отодвигает мягкую подстилку в сторону и уходит вниз; если же опасность надвигается снизу или с боков, то он спасается в соединительных ходах, ведущих в меньшую круговую галерею. Нора во всяком случае представляет кроту безопасное убежище для сна и отдыха, и потому в ней он проводит все свое свободное

** Брем смешивает области распространения нескольких видов кротов, в том числе сибирского, кавказского, малого, крупнозубого, японского и даже дальневосточных могов. Европейский крот распространен на восток только до Иртыша и Оби, на юг — до зоны степей.*

*** Роя поверхностные охотничьи ходы в рыхлой почве, крот обычно не делает выбросов на поверхность, утрамбовывая грунт в стенку хода. Лишь начиная с глубины 10 см крот вынужден выбрасывать землю наружу. За день крот в среднем прорывает 20 м новых подземных ходов.*

Семейство кротовые

** Действительно, ходы крота делятся на две группы — глубокие основные и поверхностные кормовые. Сеть туннелей иногда тянется на 4 км по прямой, общая длина ходов — десятки километров. Подсчитано, что длина кротовых туннелей на площади 200 га составляла 87 км, объем выброшенной земли достигал 204 т.*

от охоты время. Жилище это лежит на глубине 30—60 см от поверхности земли. Главная галерея шире туловища крота, так что животное скоро и удобно может двигаться по ней назад и вперед; здесь стены хорошо утрамбованы, поэтому очень тверды и крепки. С поверхности главную галерею нельзя заметить, как другие ходы, по выброшенной земле, потому что, работая над ней, крот всю вырытую землю придавливает к сторонам прохода. Эта галерея служит для возможно быстрого и удобного сообщения с обыденным местом охоты; ею нередко пользуются и другие подземные жители, как, например, землеройки, мыши и жабы, которые, однако, очень боятся встретиться здесь с кротом. Снаружи галерею можно заметить только по тому, что растения засыхают над ней и почва немного оседает в этом месте. Такая галерея нередко бывает в 30—50 метров длины.

Место охоты крота, как уже сказано, отстоит большей частью далеко от его жилища и изо дня в день, зимой и летом раскапывается и обшаривается по всем направлениям*.

Здесь ходы роются только для временного пользования и потому не отличаются особенной прочностью; земля вследствие этого местами выбрасывается наружу в виде куч и тем делает заметным направление ходов. Кроты ходят на охоту обыкновенно три раза в день: рано утром, в полдень и вечером; таким образом ежедневно им приходится шесть раз пробегать назад и вперед по главной галерее все пространство до норы. В этом случае стоит только найти направление галереи, чтобы наверняка поймать крота в течение немногих часов».

Внутренность жилища не имеет непосредственного сообщения с наружным воздухом, тем не менее он проникает туда в достаточном количестве между скважинами взрытой земли и доставляет животному необходимое количество кислорода. Кроме воздуха кроту нужна еще вода для питья; поэтому он постепенно устраивает себе отдельные ходы, которые ведут к ближайшим лужам и ручьям, а если таковых нет поблизости, то выкапывает специальные шахты, куда собирается дождевая вода. Один старый охотник на кротов часто находил в нижней части глубоких ходов вертикальные отверстия, которые служили кроту колодцем для питья. «Многие из этих отверстий, — описывает он, — бывают значительной глубины. С виду они казались сухими и, только когда я бросил туда горсть земли, убедился, что в них вода. Крот свободно может опускаться и подыматься по этим колодцам. Во время сырой погоды они до краев наполняются водой; есть, впрочем, такие, что и в сухую погоду бывают с водой, это зависит от свойств грунта. До какой степени крот имеет необходимость в воде, можно судить по тому, что в сухую погоду в проходе, ведущем к луже или к колодцу, можно всегда поймать довольно много кротов».

Рытье не представляет для крота никакого труда. С помощью своих сильных затылочных мышц и мощных передних конечностей, которыми он держится на определенном месте, крот сверлит рыхлую почву рылом, разгребает ее передними лапами по сторонам и с необыкновенной быстротой отбрасывает назад. Его уши благодаря способности замыкаться защищены от засорения песком и землей. Взрытую землю крот оставляет позади себя в прорытом проходе до тех пор, пока ее не накопится столько, что она станет ему мешать; тогда он сбрасывает землю на поверхность мордой, при этом наверху образуется слой рыхлой земли в 12—15 см толщины. В легком грунте крот роет с поразительной быстротой.

Вообще движения крота быстрее, чем это можно предположить; не только по подземным ходам, но также и на поверхности земли, где он совсем уже не в своей сфере, крот бежит относительно быстро, так что человек едва может его догнать. Под землей же, по ходам, передвигается со скоростью лошадиной рыси. Я уже упоминал, что в воде он чувствует себя как дома, и известны примеры, когда крот переплывал не только широкие реки, но даже и морские проливы.

Главная пища крота состоит из дождевых червей и личинок насекомых, живущих под землей. Для своей охоты за дождевыми червями он и прокапывает длинные ходы, в чем легко можно убедиться, если воткнуть палку во взрыхленную землю и ею пошевелить из стороны в сторону. Черви знают, что главным разрушителем их покоя бывает крот, и поэтому, как только они ощущают движение в земле, хотя бы и палкой, тотчас же поспешно выползают со всех сторон из земли, пытаясь найти спасение на поверхности, так как думают, что сотрясение это производится роющим кротом. Кроме этих червей и личинок крот ест майских и навозных жуков, медведок и всех прочих насекомых, которых в состоянии раздобыть, а также улиток и мокриц, которые особенно, кажется, нравятся ему. Необыкновенно тонкое обоняние помогает ему находить насекомых, он следует за ними то на большую, то на меньшую глубину, смотря по тому, опускаются они или поднимаются. Крот охотится, однако, не только под землей, а приносит пищу и с ее поверхности, иногда и из воды. Землеройка или полевка, лягушка или ящерица, медяница и уж, которые случайно забредут в кротовое жилище, делаются его жертвами. «Я наблюдал на свободе, — говорит Блазиус, — как крот, перехитрив лягушку, тащит ее за задние лапы к себе в нору, причем несчастная жертва громко и жалобно квакает». Ленц утверждает, что крот таким же образом поступает и со змеями. Голод крота неутолим. Ему необходимо ежедневно такое количество пищи, которое равнялось бы массе его собственного тела, он не выдерживает без еды и полусуток*.

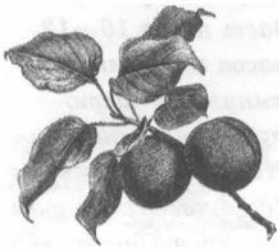
** Вследствие интенсивного обмена веществ крот погибает после 10—12 часов голодания и вынужден часто принимать пищу. Непродолжительные (до 4 часов) периоды сна крота несколько раз в сутки сменяются активной кормежкой.*

В остроте чувств крота очень легко можно убедиться на поймаемых животных. Я посадил одного крота в ящик, который был покрыт слоем земли почти в 16 см толщины. Он тотчас же ушел в глубину. Тогда я притоптал землю и положил в угол кусочки мелко нарезанного сырого мяса; через несколько же минут земля в этом месте приподнялась, из-под нее просунулась тонкая подвижная мордочка, и мясо было съедено. Обоняние дает кроту возможность находить пищу, не видя и не дотрагиваясь до нее, и успешно руководит им в его путешествиях по крайне запутанным подземным ходам. Все кротовые знают, как деятелен у них этот орган, и поэтому, когда ставят ловушки, берут в руки убитого крота и натирают им куски дерна и капканы.

Остроконечный, крайне подвижный нос служит ему вместе с тем и органом осязания. Это особенно видно, когда крот случайно выходит на поверхность земли и старательно ищет место, благоприятное для быстрого рытья. Он торопливо шныряет там и сям и исследует почву, прежде чем употребит в дело свои могучие копательные орудия. Даже во время самого копания его нос постоянно впереди. Слух у крота превосходный. Вероятно, он служит ему главным образом для предупреждения об опасности; крот верно различает не только самое тихое сотрясение земли, но и каждый подозрительный шум и спешит тогда как можно скорее убраться. То, что вкус стоит позади этих двух чувств, видно из разнообразия его пищи и из прожорливости, с которой он ест. Крот не пробует на вкус ту или другую добычу, а сразу принимается есть, доказывая этим, что для него все одинаково съедобно. Однако все же нельзя отрицать у крота наличие вкуса, хотя развитие его и стоит на очень низкой ступени.

Уже из сказанного видно, что крот относительно своей величины действительно страшный хищник. Этому соответствуют и его душевные способности: он жесток, необыкновенно свиреп, кровожаден, зол, мстителен и не живет в мире ни с одним существом, кроме своей самки, да и с той только во время спаривания и пока детеныши малы. В остальное время он не выносит вблизи себя ни одного живого существа и менее всего сожителя по норе, даже одной породы. В случае, если такие сильнейшие враги, как ласка или гадюка, заберутся в его подземные галереи с намерением поохотиться, то он неизбежно будет побежден, если натолкнется на этих непрощенных гостей; но с равными себе по силе или с более слабыми животными сражается не на живот, а на смерть. Никогда еще ни один крот не уживался с себе подобным, будь это другой одного с ним пола или нет. Два крота, встретившись во всякое, кроме спаривания, время, тут же сразу начинают борьбу, которая в большинстве случаев ведет к смерти одного из них, а иногда даже и обоих. Понятно, что свирепее дерутся между собой кроты одинакового пола, и исход такой драки предreshен:

слабейший бывает тотчас же съеден. Поэтому ясно, что крот живет в своем жилище исключительно один и сам для себя, полномостным хозяином, наслаждаясь работой, едой, сном и отдыхом.

Иная жизнь начинается в пору любви. В это время жаждущие любви самцы и самки часто оставляют по ночам свои норы и рыскают в поисках чертогов других кротов, чтобы напроситься к ним в гости. Доказано, что гораздо чаще случается встретиться двум самцам, ищущим любви, чем самцу с самкой. Как только соперники сойдутся, начинается жестокая борьба. Наконец, после немалых драк самец находит самку и тогда все свои старания направляет на то, чтобы силой или добровольно склонить ее к любви. Он вместе со своей милой направляется в свое или в ее жилище и пролагает новые ходы, которые напоминают обыкновенные охотничьи, хотя и предназначаются для другой цели, для того, чтобы спрятать самку и спасти ее от посягательств других искателей. Устроив свою дрожайшую половину в безопасном убежище, крот возвращается к сопернику, если таковой имеется. Оба расширяют проход, в котором встретились, для места сражения и затем начинают драться не на жизнь, а на смерть. Тем временем заключенная самка старается освободиться и, прорывая новые ходы, уходит все далее и далее; победитель гонится за ней и возвращает на место; здесь тоже не обходится без борьбы; однако оба угрюмых отшельника мало-помалу привыкают друг к другу. Они сообща начинают работать над устройством проходов для обеспечения безопасности и для добывания пищи. Самка устраивает своим будущим детенышам гнездо обыкновенно там, где скрещиваются несколько подземных туннелей, чтобы в случае опасности иметь как можно больше выходов для бегства. Гнездо представляет собой простой чуланчик, мягко выстланный нежными, в большинстве случаев пережеванными растениями: листьями, травой, мхом, соломой, навозом и другим подобным материалом. Гнездо отстоит обыкновенно на довольно большом расстоянии от прежней норы крота и сообщается с ней круговой галереей. После почти четырехнедельной беременности самка рождает в этом гнезде 3—5 слепых детенышей, которых можно считать самыми беспомощными из всех млекопитающих*.

Они вначале голы и слепы и величиной почти с боб, но уже в раннем детстве обнаруживают такую же ненасытность, как и их родители, и поэтому вырастают очень скоро.

Мать с большим усердием выращивает своих детенышей и не боится никакой опасности, когда дело идет об их спасении. Если ее случайно выкопают вместе с детенышами из земли, во время, например, пахоты, то она тащит их в ближайшую нору или в кучу мха, навоза и листьев и прячет там. Самец, впрочем, тоже принимает участие в воспитании малышей. Он приносит им дождевых червей и других насекомых, а во время наводнения добро-

* Конечно, за исключением детенышей сумчатых.

Семейство кротовые

** Самец крота, за исключением периода спаривания, ведет строго одиночный, территориальный образ жизни. Он не принимает никакого участия в выращивании выводка и при случае может съесть собственных детенышей.*

совестно разделяет беду вместе с самкой и спешит перенести во рту детенышей в более безопасное место. По прошествии пяти недель кротята достигают почти половины настоящего роста, но все еще лежат в гнезде и ожидают, пока мать или отец принесут им корм, на который они с жадностью набрасываются*. Если отнять у них мать, то, мучимые голодом, они сами пробираются в круговую галерею, вероятно, с намерением найти там мать; не встретив никакого препятствия, выбираются на поверхность земли, где играют и возятся друг с другом. Первые попытки малышей рыть землю бывают очень неудачны: они без толку разгребают ее, не умея отбрасывать, и потому только чуть-чуть уходят в глубину. Искусству копать ходы и откидывать землю они выучатся с возрастом и к следующей весне обыкновенно уже освоят его. Все лето, с апреля и до августа, можно встретить маленьких кротят, но из этого не следует, что самка мечет два раза в году; а объясняется тем, что спаривание, а следовательно, и рождение детенышей происходит в различное время.

Крот не подвержен зимней спячке, как многие другие насекомоядные, а летом и зимой находится в постоянной деятельности; он почти непрерывно гоняется за дождевыми червями и насекомыми, следуя за ними то в глубину, то на поверхность земли. Нередко можно видеть, как крот выбрасывает кучи из-под свежеснеженного снега и совершает большие переходы в мерзлой почве под рыхлым снегом. Некоторые кротовые рассказывают, что эти зверьки устраивают себе на зиму хозяйственные запасы из большого количества дождевых червей, которых они предварительно настолько калечат, что те не в состоянии убежать, но оставляют все-таки живыми; говорят также, что в суровые зимы эти кладовые набиты полнее, чем в теплые. Впрочем, Ф. Даль советует проверить эти сообщения новыми наблюдениями.

Могут спросить, каким образом делались наблюдения над животными, ведущими такой замкнутый образ жизни. На это я отвечу, что большинству сведений мы обязаны опытным кротоводам, которые познакомили нас с особенностями животного и были нашими первыми учителями. Кроме того, многое мы узнали из наблюдений над пойманными кротами, каждое сведение хранилось, как научный факт. Таким образом получилась довольно ясная картина жизни крота. Я приведу здесь один пример, чтобы показать приемы, употреблявшиеся при наблюдении над кротами. Лекур хотел исследовать скорость движений крота по его подземным ходам и применил при этом весьма верный и вместе с тем забавный способ: он воткнул в главной круговой галерее целый ряд соломинок таким образом, чтобы бегущий крот мог задеть их. На верхушках этих соломинок он укрепил маленькие бумажные значки и затем звуком рожка вспугнул находящегося в охотничьем участке крота, который и бро-

сился в галерею. Как только крот дотрагивался до соломинок, значки тотчас же отпадали, и с помощью этого наблюдатель мог верно исследовать скорость бега крота на известном расстоянии. С устройством жилища можно ознакомиться очень легко, так как для этого его надо просто выкопать; способ рытья наблюдался на пойманных кротах. Площадки для боя между двумя кротами-соперниками открыты тоже весьма просто: услышав под землей воинственный шум, быстро раскапывали это место и находили дерущихся животных. В таком роде продолжались и дальнейшие исследования.

Нельзя отрицать, что крот приносит большую пользу, уничтожая дождевых червей, медведок, сверчков, личинок майского жука и других вредных насекомых, и поэтому он останется всегда одним из самых благодетельных млекопитающих во всех местах. На лугах, в лиственных лесах, на хлебных полях и огородах крот является желанным гостем, которому следует оказывать покровительство; в других же местах от него масса неприятностей. Конечно, крот не должен быть терпим в садах, так как здесь он приносит существенный вред, раскапывая почву, при этом вредит корням выращиваемых растений. Немало хлопот доставляют искусственные насыпи, которые крот устраивает для защиты от наводнений. Известно много средств для вывода кротов, но лучше всего поручить это дело старому, опытному кротолову, которого можно найти в каждой деревне; такие люди гораздо лучше знают, как это делается. Тем не менее я приведу здесь одно средство, так как оно мало еще кому известно и весьма действительно. Если необходимо защитить сад или какое-нибудь другое охраняемое место от нашествия кротов, то нужно только закопать в землю вокруг всей территории сантиметров на 60 в глубину разных осколков: толченых черепков, стекол и других острых предметов. Такая преграда удержит всякого крота; начиная рыть землю, он наткнется на осколки, ранит ими морду и очень скоро от этого погибает.

Кроме человека крот имеет еще много других врагов. Хорьки, горностаи, совы, соколы, сарычи, вороны и аисты подстерегают его у земляных куч, а маленькая ласка преследует его даже в ходах, там он, как уже сказано выше, нередко падает жертвой гадюки. Пинчеры считают за особенное удовольствие подстеречь роющегося крота, затем неожиданным ударом выбросить его на поверхность и здесь загрызть. Только лисицы, куницы, ежи и вышешпоименованные птицы едят кротов, другие же враги лишь умерщвляют их и бросают.

В Германии убитого крота почти никак не употребляют. Его шкура идет только на подбивку трубок для дутья или на выделку кошельков; а в России из нее выделывают маленькие мешочки, которые продаются повсюду, даже в Китае*.

** Широко использовать красивый и прочный мех кротов начали лишь с конца прошлого века. В настоящее время среди всех пушных зверей России крот занимает шестое место по массовости заготовок (в Европейской части и на Урале — первое место). В мире ежегодно заготавливается до 20 млн шкурок кротов.*

Семейство кротовые

* Населяет быстро-текущие прозрачные горные реки. Редкий вид с ограниченным ареалом в горах Пиренейского п-ова и юга Франции, включен в Красную книгу МСОП, выхухоль никогда не была объектом пушного промысла.

Крот не раз служил предметом разных баснословных рассказов. Древние приписывали его жиру, крови, внутренностям, даже шкуре чудесную целебную силу. Еще и по настоящее время во многих местностях существует поверие, что можно вылечиться от перемежающейся лихорадки, если дать кроту умереть на своей ладони, и что после этого рука приобретает чудодейственное свойство, помогает во всех болезнях, для чего достаточно только возложить эту руку на больное место.

Пиренейская выхухоль (*Galemys pygmaeus*)*.

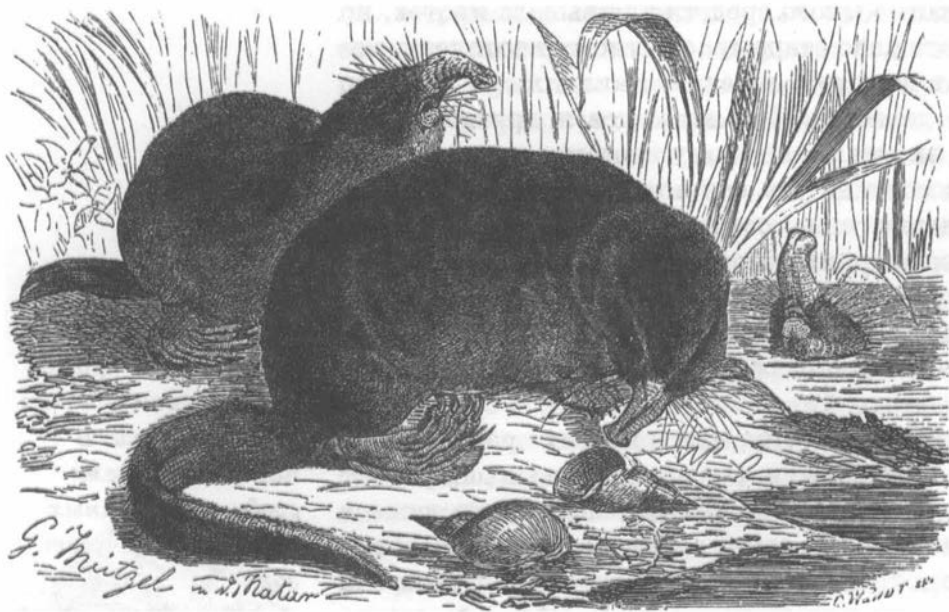
Представляет собой животное в 25 см общей длины, из которых почти половина приходится на хвост; окраска меха сверху каштаново-бурая, по бокам буро-серая, на брюхе серебристо-серая, по сторонам хобота беловатая; хвост темно-бурый с белыми волосками; передние лапы покрыты буроватыми волосами, задние — голые и чешуйчатые.

Вначале думали, что этот вид водится только на Пиренеях; но Граэлльс и мой брат нашли его также в Сьерра-де-Гредос, из чего следует предположить, что он водится по всему северу Испании.

Русская выхухоль (*Desmana moschata*).

Отличается от испанских родичей своей величиной, общая длина достигает 42 см, из которых туловище имеет 25 см, а

хвост 17 см. Глаза малы, слуховые отверстия густо покрыты волосами, ноздри замыкаются бородавкой, ступни голые, сверху покрыты тонкой чешуей, внизу сетчатые, на наружных краях усажены плавательными щетинами. Мех, состоящий из очень гладких волос ости и крайне мягкого подшерстка, сверху красновато-бурый,

Русская выхухоль
(*Desmana moschata*)

снизу беловато-пепельно-серый и серебристо-блестящий.

Выхухоль живет на юго-востоке Европы и главным образом по речным системам Волги и Дона. Ее жизнь тесно связана с водой и только при крайней необходимости она предпринимает небольшие путешествия из одного ручья к другому. Повсюду, где выхухоли водятся, их много.

Жизнь выхухоли очень своеобразна и похожа отчасти на жизнь речной выдры. Она проходит наполовину под землей, наполовину в воде. Больше всего выхухоль любит стоячие или медленно текущие воды с высокими берегами, в которых она легко может выкапывать ходы*. Здесь ее находят поодиночке или парами в большом количестве. Ходы начинаются у кромки берега под поверхностью воды и тянутся по берегу косо вверх, простираясь иногда в длину на 6 и более метров; этот ход ведет в котловину, лежащую обыкновенно на 1,5—2 м над поверхностью воды и непременно над высокой водой, так что гнездо это всегда бывает сухим. Отдушины кверху нет; несмотря на это, рассказы о том, что выхухоль иногда задыхается зимою в своей норе, надо считать пустыми баснями.

Как отличный пловец и водолаз, выхухоль большую часть жизни проводит в воде и только в том случае выходит на поверхность, когда наводнение выгоняет ее из подземных ходов; но даже и тогда она удаляется лишь на небольшое расстояние от воды. В воде проводит и день, и ночь, и зиму, и лето, даже когда лед покрывает реки, она продолжает кормиться в воде и, только наевшись досыта и утомившись, возвращается в свою нору, вход в которую лежит всегда так низко, что даже самый толстый лед не может его закрыть. Пища выхухоли состоит из пиявок, червей, водяных слизней, комаров, водяных пауков, личинок разных насекомых; рыбаки, правда, говорят, что она ест корни и листья аира, но основанием к этому предположению послужило лишь то обстоятельство, что она особенно часто охотится именно в таких местах, где есть это растение.

Насколько неуклюжа и неповоротлива кажется выхухоль внешне, настолько ловка и проворна на самом деле. Едва пройдет лед, можно видеть, как она бегаёт под водой в прибрежном тростнике и кустарнике, поворачиваясь во все стороны, отыскивая червей быстрыми движениями хобота и часто показываясь на поверхности, чтобы перевести дух. В ясную погоду она играет в воде и греется на солнышке на берегу. Хоботом ворочает во все стороны, ощупывая им каждый предмет.

Поймать выхухоль можно довольно легко, особенно весной и во время спаривания, когда животные играют друг с другом. Если тянуть по воде большую сеть, то в ней непременно запутаются несколько выхухолей. При этом, конечно, следует соблюдать осторожность и тянуть сеть на небольшом пространстве, чтобы пойманные животные, которым сети мешают двигаться, не задохнулись под водой. В вершах и сетях, расставляемых рыбаками, часто оказываются погибшие таким образом выхухоли. Осенью против них предпринимается настоящая охота, потому что к этому времени детеныши вырастают и добыча становится обильной. О размножении и количестве детенышей у выхухолей до

** Наиболее специализированный к полуводному образу жизни представитель кротовых — между пальцами передних и задних ног имеется перепонка, по краям лап проходит гребень из жестких волос. В отличие от куторы главным движителем в воде у выхухоли является сжатый с боков хвост. Русская выхухоль, прежде широко распространенная в бассейнах Волги, Дона, Днепра, Урала, ныне стала редким видом. Внесена в Красные книги МСОП и России. В настоящее время охраняется в заповедниках и заказниках, успешно акклиматизирована на юге Западной Сибири. Попытки разведения зверька в неволе оказались мало результативными.*

Семейство кротовые

** Русская выхухоль способна к размножению круглый год, но основной брачный период приходится на конец весны — начало лета.*

сих пор не известно ничего верного; но кажется, что их нарождается довольно много, по крайней мере об этом свидетельствуют 8 сосцов, имеющихся у самки*.

Как многочисленны должны быть выхухоли, видно из того, что мех, употребляемый на опушки шапок и домашнего платья, стоит на наши деньги всего несколько копеек.

У выхухоли, по-видимому, немного врагов как между млекопитающими, так и между птицами; но большие хищные рыбы, например щуки, преследуют ее очень усердно. Злодейки выдают потом себя мускусным запахом, которым до того пропитываются, что становятся совершенно негодными для еды. Человек преследует это красивое животное ради его меха, который так похож на мех бобра и ондатры, что Линней на основании этого причислил выхухоль под именем мускусного бобра к отряду грызунов.

ОТРЯД ШЕРСТОКРЫЛЫ (Dermoptera)

Семейство
шерстокрыловые

Шерстокрылы имеют отдельные отличительные признаки полуобезьян, летучих мышей и насекомоядных, но их нельзя причислить ни к одному из этих отрядов. Неопределенность их положения в систематике ставила многих натуралистов в большое затруднение. Линней причисляет их к полуобезьянам, Кювье — к летучим мышам, Жофруа — к хищным животным, Окен — к сумчатым и, наконец, Петерс — к насекомоядным, отряд которых и заканчивается этим семейством. А по исследованиям Леха шерстокрылы должны образовать собою отдельный отряд. По своей организации они стоят ниже всех поименованных родственных им отрядов. Вследствие неопределенности этого подразделения, животные имеют массу названий: крылатые обезьяны, летучие маки, летучие кошки, удивительные летучие мыши и т.д.

СЕМЕЙСТВО ШЕРСТОКРЫЛОВЫЕ (Cynocephalidae)

Шерстокрылы представляют собой животных величиной с кошку. Туловище стройное, не очень большие конечности соединены широкой толстой кожей, с обеих сторон покрытой волосами. Все пять пальцев снабжены выдвижными когтями, и среди них нет большого пальца, который бы располагался отдельно от других. Короткий хвост заключен в летательной коже. Голова относительно мала, морда очень удлинена, глаза средней величины; покрытые волосами уши малы*.

Летательная кожа не имеет значения летательной перепонки; это лишь парашют, который дает возможность телу медленно и плавно опускаться при высоких прыжках, и таким образом не представляет ничего общего с летательной перепонкой летучих мышей. Она является продолжением той кожи, которая покрывает тело, начинается на шее, соединяется с передними конечностями, облекает их до самой кисти, отсюда идет к задним лапам и заканчивается на самом конце хвоста. Таким образом все конечности заключены в ней. На каждой груди по два сосца**.

* У шерстокрыла прекрасно развито зрение. Глаза большие и зоркие, как и подобает ночному животному, обитающему в трехмерном мире переплетающихся стволов, веток, лиан. Похоже, что неплохо развит и слух, а обоняние, судя по большому обонятельным долям мозга, должно быть просто отменным.

** У шерстокрылов имеется единственная пара подмышечных сосков.

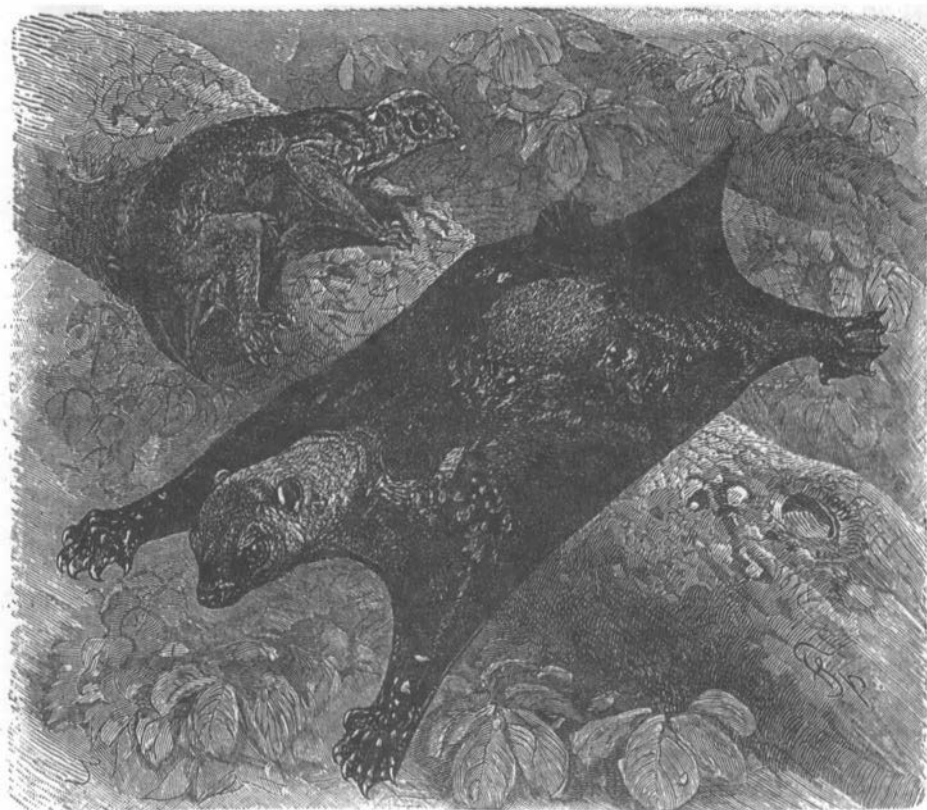
**Семейство
шерстокрыловые**

* Эта зубная гребенка используется шерстокрылом для соскабливания мякоти листьев при питании и для ухода за шерстью.

Зубная система состоит из 34 зубов: 2 резца вверху, 4 внизу, по 1 клыку, по 2 ложнокоренных и по 4 бугорчатых зуба с каждой стороны челюстей; резцы нижней челюсти зазубрены наподобие гребня, имеют 8—10 зубцов и наклонены вперед*; верхние же резцы имеют лопастные коронки.

Череп вытянут, внизу плоский и широкий, в области морды очень тонкий; скуловые дуги замкнутые; позвоночный столб кроме шейных позвонков имеет 10 спинных, 9 поясничных, 4 крестцовых и 18 хвостовых.

Филиппинский шерстокрыл (*Cynosephalus volans*) достигает в длину 60 см, из которых 11—12 см идут на хвост; спина его густо обросла волосами, на передних конечностях гораздо меньше волос, а плечи и бока туловища совсем голы. мех имеет сверху бурорыжую окраску, а снизу немного темнее; в молодости он окрашен иначе: сверху буровато-серый, по бокам темно-бурый; с годами конечности и летательная кожа меха покрываются светлыми пятнами. Область распространения, считая все разновидности принадлежащими одному виду, занимает Зондские, Молуккские и Филиппинские острова и через Малай-

**Филиппинский
шерстокрыл**
(*Cynosephalus volans*)

ский полуостров простирается до Тенассерима.

Помимо Бонциуса, который первый упоминает о шерстокрыле, еще многие путешественники говорили о нем; но ни один из них, насколько мне известно, не дал обстоятельного описания этого животного. Много, что рассказывается о нем, несомненно относится к крыланам; другие же данные так недостаточны, что о них не стоит и упоминать. Только Юнгхун дает дельные сведения. «Мы услышали вдруг крик, но такой странный и ужасный, что сочли его за крик ребенка или стон погибающего. Время от

времени он таким раздирающим диссонансом оглашал воздух тихой ночи, что туземцы, преисполненные суеверного страха, прекратили свой веселый говор и боязливо сомкнулись около огня в тесный кружок. Объяснение этих таинственных звуков скоро, впрочем, нашлось: предполагавшийся злой дух представился нашим взорам, медленно пронесшись над нашими головами. Это был шерстокрыл, который, перелетая с одного дерева на другое, издавал время от времени такие неприятные, стонущие звуки».

Днем шерстокрыл, живущий уединенно в высоких горных лесах Явы, сидит так тихо на ветвях деревьев, между моховыми зарослями, что его почти невозможно заметить. Острые когти дают ему возможность ловко и уверенно лазать по деревьям, тогда как по земле он ползает весьма неуклюже. Ощипывая плоды и разыскивая насекомых, быстро лезет вверх, до самой верхушки дерева, и затем спускается по косому направлению к верхушке другого дерева, сильно напоминая, по словам фон Розенберга, бумажного змея. В то время как животное ползает или ходит, его летательная кожа собирается в складки и укладывается на теле, так что несколько не мешает его движениям; если же шерстокрыл хочет воспользоваться ею как парашютом, то он взбирается на кончик сука, соскакивает оттуда сильным прыжком, расправляет все свои конечности и медленно парит сверху вниз, перелетая таким образом пространство иногда в 60 метров. Шерстокрыл никогда не поднимается над высотой, с которой начинает свой прыжок, но всегда опускается вниз по сильно наклонному направлению*. «Однажды в сумерки, — рассказывает Валлас, — я видел на Суматре шерстокрыла; он быстро лез вверх по стволу дерева и затем, разрезав поперек воздух, скользнул на другое дерево; отсюда он спустился ближе к земле, чтобы тотчас же снова полезть вверх по другому дереву. Я измерил шагами расстояние от одного дерева до другого и нашел, что животное спрыгнуло с вершины дерева вышиной приблизительно в 14 м, на расстояние 70 метров. Отсюда ясно, что оно имеет способность самостоятельно держаться на воздухе, так как иначе у него не было бы смелости делать такие большие прыжки. Шерстокрыл неповоротлив в своих движениях, по крайней мере днем он поднимается на деревья короткими прыжками с частыми остановками, как будто желает отдохнуть». Днем он висит, по словам этого исследователя, прицепившись к стволу дерева, под защитой своей шкуры, которая по окраске — оливковой или бурой с беловатыми крапинами и пятнами — близко подходит к цвету древесной коры. Свой цепкий хвост употребляет, вероятно, для поиска пищи, которая главным образом состоит из листьев. «Говорят, — прибавляет Валлас, — что шерстокрыл рождает на свет только одного** дете-

** Шерстокрылы — лучшие планеры из всех позвоночных животных. Площадь перепонки у них наиболее велика по сравнению с весом тела. Расстояния в 20—30 м шерстокрыл преодолевает, почти не теряя высоты. В полете зверек может неплохо маневрировать, изменяя площадь и угол наклона отдельных частей перепонки.*

*** Период беременности длится 60 дней, самок с единственным детенышем встречали только весной. Детеныш рождается совершенно недоразвитым, как у сумчатых, первое время завернут в перепонку самки. Подростка мать оставляет в гнезде во время кормежки, но предпочитает носить на себе, жертвуя способностью к планированию.*

*Семейство
шерстокрыловые*

ныша, и мои собственные наблюдения подтверждают это; однажды я застрелил самку с очень маленьким, нежным, голым, сморщенным, слепым существом, которое висело на ее груди, напоминающая молодых сумчатых животных».

Этим ограничиваются наши сведения о жизни шерстокрыла. Прибавлю, что туземцы усердно преследуют это животное не только ради его мяса — противного для европейского вкуса, но главным образом ради меха, который по качеству не уступает меху шиншиллы и ценится довольно высоко.

ОТРЯД РУКОКРЫЛЫЕ (Chiroptera)

Отряд
рукокрылые

Не успеет еще солнце закатиться, как у нас начинается своеобразная деятельность крылатых существ, принадлежащих к одной из самых замечательных групп млекопитающих. Из всех скважин, дырок и щелей выползает тьма летучих мышей, которые робко скрывались днем, как бы не смея показываться при солнечном свете, и теперь готовятся к ночному полету. Чем больше сгущаются сумерки, тем больше появляется этих темных существ; ночной мрак делает их бодрыми, и они уверенно носятся по воздуху*.

Чем ближе подвигаемся мы к теплому поясу, тем многочисленнее становится число рукокрылых и тем более разнообразия мы замечаем во внешнем виде животных. Юг можно считать родиной большинства этих млекопитающих. Уже в Италии, Греции и Испании очень много летучих мышей. Здесь по мере приближения вечера не сотнями, а тысячами выползают они из каждого старого здания, из каждой пещеры, слетаются на простор, подобно большому войску, совершающему выступление, и уже в сумерках весь горизонт буквально заполняется ими. Поистине изумительна необычайная численность рукокрылых в жарких странах. Весьма привлекательно и интересно провести вечер у ворот какого-нибудь большого города на востоке. Пробуждающиеся тогда летучие мыши в полном смысле слова тучами заволакивают небо. Скоро теряешь счет им, потому что со всех сторон и по всем направлениям стремятся скученные массы этих темных созданий. Они живут и движутся везде: в садах, рощах и лесах, перелетают между деревьями, проносятся над полями на более или менее значительной высоте, кишат над улицами города, во дворах и даже влетают в комнаты. Сотни их исчезают и заменяются новыми сотнями, и вас постоянно окружают стаи этих летающих существ.

«Вечерний ландшафт на Цейлоне, — говорит Теннент, — немислим без множества летучих мышей. Массами живут они в каждой пещере, в каждом подземном ходе, в водосточных трубах высоких улиц, в крепостных галереях, под крышами домов, в развалинах храмов и строений. С закатом солнца они покидают свои дневные убежища, чтобы начать охоту за насекомыми; когда стем-

* Из-за скрытного ночного образа жизни рукокрылые и сейчас продолжают оставаться наименее изученной группой млекопитающих. Целый ряд форм рукокрылых известны по единичным, порой далеко отстоящим друг от друга точкам находок, нет сведений ни об их истинном ареале, ни об образе жизни. Ежегодно открывают не менее десятка новых видов.

Отряд рукокрылые

* Многие ученые считают рукокрылых довольно близкими родственниками приматов. Согласно другой точке зрения, рукокрылые — прямые потомки насекомыхных.

** Летучая мышь-бабочка (*Craseonycteris thonglongyai*) оспаривает у карликовой белозубки титул самого мелкого зверька на свете: при размахе крыльев около 15 см вес взрослого животного достигает 3 г.

неет и зажженные свечи манят в комнаты ночных бабочек, тогда, в погоне за ними, летят в дома и летучие мыши и при свете ламп хватают свою добычу». В Средней и Южной Америке рукокрылые живут повсюду и неизменно размножились, представляя при этом и разнообразие видов. «Они населяют, — говорит принц фон Вид, — дремучие первобытные леса, живут в густых зарослях, в дуплах, скалах и истребляют бесчисленное множество насекомых. Путешественники, быстро объезжающие эти края, не могут составить себе и приблизительного понятия о разнообразии этих животных, нахождение и изучение которых сопряжено с большими трудностями». «Идя по лесу днем, — говорит Бэкс, — всегда приходится спугнуть несколько летучих мышей, висящих на деревьях, а ночью можно наблюдать их в состоянии напряженного оживления как в первобытных лесах, так и по берегам ручьев и рек».

То же самое можно сказать и об Африке: здесь мы находим множество больших и малых видов этих млекопитающих, живущих при таких же условиях по берегу моря, в саваннах, во внутренних лесах и даже в пустыне.

Рукокрылые имеют коренастое телосложение, короткую шею и толстую, продолговатую голову с большой ротовой щелью. По общему строению они скорее всего напоминают обезьян* и, подобно им, снабжены двумя грудными сосцами; но во всем другом отличаются от названных животных.

Их передние конечности превращены в летательные органы и потому необыкновенно увеличены, тогда как туловище по сравнению с ними незначительной величины. От этого они с виду кажутся довольно большими, а в действительности их следует причислить к самым маленьким млекопитающим**.

Внутренние части тела представляют много замечательного. Скелет состоит из довольно тонких, но крепких костей. Череп делится на очень нежную собственно черепную часть и еще более нежную часть — лицевую; все отдельные кости срастаются между собою без видимых швов; обе половины межчелюстной кости разделены или срослись и прикреплены к небу. Позвонки — широкие и короткие, ребра — длинные, широкие и сильно загнутые, тазовые кости тонкие и вытянутые, а ключицы и лопатки, напротив, толстые и крепкие. Главным отличительным признаком рукокрылых является строение передних конечностей. Плечо, предплечье и пальцы чрезвычайно удлинены, в особенности последние три пальца, которые по длине превосходят плечевую часть руки. Благодаря этому удлинению пальцы оказываются превосходно приспособленными к расширению натянутой между ними летательной перепонки, но зато почти вовсе непригодными для какого-либо другого употребления. Один только большой палец, не принимающий никакого участия при летании, сохраняет еще сходство с пальцами других млекопитающих: обыкновенно он

короткий, состоит из двух суставов и с острым когтем, палец этот заменяет животному всю руку, когда оно ползает или удерживается в висячем положении. Бедренная кость гораздо короче и слабее плечевой, кости ног развиты заметно слабее соответствующих костей рук. Строение ног довольно правильное: ступня имеет пять пальцев, снабженных когтями. Но только и у нее есть своя особенность: от пятки выступает свойственная только одним летучим мышам кость, так называемая шпора, служащая для натягивания летательной перепонки между хвостом и ногой. Таким образом, строение скелета рукокрылых напоминает, с одной стороны, скелет птиц, а с другой — скелет допотопных летучих ящериц. Из мускулов заслуживают внимания очень сильные грудные мускулы; кроме того, есть еще один, совершенно отсутствующий у других млекопитающих мускул, присосший одним концом к черепу, а другим к руке и помогающий расправлять крыло. Строение зубов сходно со строением зубов у насекомоядных; мы находим у рукокрылых все три рода зубов; что же касается числа зубов и их формы, то в этом отношении замечается большое разнообразие. Можно отметить еще сильные жевательные мускулы, свободный язык, защечные мешки, морщинистый мешкообразный желудок и длинный кишечник без слепой кишки.

Из всех признаков летучих мышей наиболее замечательным является кожный покров, потому что он обуславливает не только всю форму тела, но и выражение морды, а вместе с этим служит причиной того, что физиономии некоторых летучих мышей имеют вид определенно чудовищный*.

Сильное развитие накожных образований на ушах и на носу придает лицу необычайный характер. «Ни в какой другой группе животных, — говорит Блазиус, — не можем мы указать подобного развития кожистых наростов. Они играют важную роль при образовании ушей и носа, летательная перепонка также представляет чрезвычайно сильное развитие той же кожи. Уши у всех рукокрылых несоразмерно велики. Длина их у некоторых видов превосходит длину тела; а в ширину оба уха иногда развиваются до того, что срастаются в одну сплошную замкнутую ушную раковину. У многих видов места, примыкающие к ноздрям и носовому гребню, выглядят столь странным образом из-за разрастания кожи, что получают физиономии, не имеющие себе подобных. Не только развитие летательной перепонки, но и все прочие кожные образования ушей и носа оказываются у летучих мышей с такими особенностями, по которым они резко отличаются от прочих животных и от которых безусловно зависят их движения и весь их образ жизни».

Кожа рукокрылых, а в особенности летательная перепонка, заслуживает более детального рассмотрения. Летательная перепонка натянута между пальцами передних конечностей, плечом,

Отряд рукокрылые

** Кожные и хрящевые выросты и другие причудливые образования на морде играют важную роль при эхолокации зверьков, концентрируя, рассеивая или «видоизменяя» звуковые сигналы при их «отправлении» и «приеме».*

Отряд рукокрылые

** Крохотные глаза особенно характерны для представителей только одного, но наиболее крупного семейства летучих мышей — гладконосых летучих мышей. Связь размеров глазного яблока с приверженностью строго ночному или сумеречному образу жизни отсутствует.*

предплечьем, боками тела, задними конечностями, а иногда и хвостом. Она содержит особый эластичный слой кожи и два слоя мускульных волокон, лежащих посередине. Животное смазывает свою летательную перепонку липкой, маслянистой, сильно пахнущей жидкостью. Эта мазь выделяется железами, которые находятся на лице между ноздрями и глазами и имеют один или даже несколько выводных каналов. Животное смазывает летательную перепонку всякий раз после пробуждения и непосредственно перед летанием, и таким образом она постоянно жирна и гибка.

Очень своеобразно у рукокрылых строение волос. Здесь не может быть речи ни об ости, ни о подшерстке: отдельные волоски соединяют в себе назначение обоих. У корня каждый волосок тонок и расщеплен. Надо заметить, что строение волос у разных видов различно.

Внешние органы чувства у летучих мышей превосходно развиты, но не у всех родов и видов одинаково. По всей вероятности, чувство вкуса у них стоит на самой низкой ступени; но и его нельзя считать совсем неразвитым, судя по строению языка, мягкости губ и обилию нервов. Если спящим и даже наполовину окоченелым летучим мышам в открытый рот влить каплю воды, они сейчас же ее проглатывают. Но если дать им каплю водки, чернил или другой какой-нибудь невкусной жидкости, то все это неминуемо будет выплюнуто. Не менее развит у них и орган зрения. Сравнительно с величиной тела глаз небольшой, но зрачок способен значительно расширяться. Некоторые виды имеют особенно маленькие глаза, они, как указывает Кох, так запряваны в густых волосах лица, что никак не могут соответствовать своему назначению. Подобных животных с маленькими глазами видят иногда летающими даже днем, тогда как настоящие ночные рукокрылые имеют открытые глаза*.

Но глаза могут и бездействовать, однако животное не терпит от этого заметного ущерба. Чувство зрения у них подкрепляется обонянием, слухом и осязанием. Много раз пробовали ослеплять летучих мышей, заклеивая им глаза кусочками английского пластыря. После этого, невзирая на слепоту, они летали по комнате так же искусно, как прежде, и прекрасно умели избегать всяких препятствий, например протянутых по разным направлениям нитей. Органом осязания, кажется, служит летательная перепонка; к этому заключению приходят, по-видимому, все наблюдения. Но еще более совершенными оказываются обоняние и слух. Нос у всех настоящих рукокрылых представляет высокую степень целесообразного развития. Мало того что ноздри сами по себе очень открытые и при посредстве особых мускулов они то расширяются, то суживаются и могут совсем закрыться; но здесь имеются еще большие листовидные придатки, которые служат для усиления обоняния. При повреждении листовидных придатков

способность летать у животных ухудшается, а при особенно тяжелых случаях окончательно утрачивается*.

Превосходно устроенное ухо состоит из очень большой, часто достигающей угла рта, ушной раковины, снабженной лопастями и вырезками и чрезвычайно подвижной. Над ушным отверстием находится особая ушная крышка, так называемый козелок; это большой, подвижный, различно устроенный клапан, который при шуме и тонах более сильных, чем те, какие летучая мышь может вынести, запирает ей ухо и этим избавляет ее от мучительных ощущений; тот же самый придаток, когда это нужно, делает животное способным улавливать даже самый слабый звук. Не подлежит сомнению, что летучая мышь на далеком расстоянии слышит летающее насекомое и направляется к нему, главным образом руководствуясь своим тонким слухом. Если отрезать листовидный придаток или ушную лопасть и козелок, то все рукокрылые начинают летать неправильно и везде натываются на разные препятствия**.

«Когда летучая мышь, — замечает Альтум, — очень внимательна, то ухо у нее приподнято и остается в неподвижном положении растопыренным, а у родов с большими ушами даже несколько наклоненным вперед для восприятия впечатлений, причиняемых жужжанием насекомого или дуновением ветра. Когда же она находится в состоянии глубочайшего покоя, то внешний край уха складывается, и оно плотно прижимается к голове сзади и снаружи. Если же она не очень возбуждена, но и не чувствует себя совершенно покойной, то и ухо у нее принимает какое-либо среднее положение. По-видимому, летучие мыши восприимчивы только к свистящим тонам, подобным их собственному крику или жужжанию насекомых, и невосприимчивы к другого рода звукам, например к треску, громкому разговору, крику и пр. Если в ящик, покрытый стеклом, поместить вместе с комаром карликовую летучую мышь или ушана, то, как только комар начинает летать, животное приходит в сильнейшее беспокойство, расширяет ухо, ловит ртом вокруг себя: ясно, что оно руководствуется не столько зрением, сколько слухом. Даже может показаться, что жужжание насекомого животное чувствует сильнее и вернее при посредстве своей ушной кожицы, чем самого уха».

Понятливость летающих животных отнюдь не ничтожна, как это можно было бы предположить. Мозг у них большой и имеет извилины; это уже указывает на то, что душевные способности довольно хорошо развиты. Все рукокрылые отличаются хорошей памятью, а иные из них даже и некоторой долей сообразительности. После летания они всегда возвращаются в свои логовища, а на время зимней спячки избирают наиболее подходящие места.

Очень хорошо знают они своих недругов и умеют избавляться от них хитростью; в свою очередь умеют перехитрить маленьких животных, которых преследуют сами. При хорошем обращении

** Дистанционное обоняние лучше развито у плоядных и нектароядных рукокрылых по вполне понятным причинам — они еще издали могут определять полностью раскрывшиеся цветы и наиболее зрелые плоды. Повреждение же кожных отростков на морде прежде всего отрицательно влияет на возможности эхолокации, а не на ориентирование при помощи обоняния.*

*** Лишь в 1938 г. Д. Гриффин из Гарвардского университета доказал, что летучие мыши ориентируются при помощи ультразвуковой эхолокации, хотя такие предположения высказывались еще в начале века.*

** На самом деле прямой зависимости между размерами ушей и скоростью полета рукокрылых нет. Короткокрылые «порхающие» формы более маневренны, обычно они охотятся под пологом леса или в кронах на «штучную» добычу, не обязательно летающую, чаще сидящую на листьях. Как правило, эти летучие мыши имеют более удлиненные и узкие челюсти для лучшего схватывания отдельных небольших насекомых. Скоростные летуны с длинными узкими крыльями охотятся над кронами или открытыми пространствами. Они предпочитают искать скопления мелких летающих насекомых, чтобы за один бросок поймать несколько объектов, либо прицельно охотятся на крупных жуков и бабочек.*

летучие мыши делаются ручными и преданными своему хозяину, это подтверждают наблюдения многих ученых и любителей. Некоторые исследователи приучили этих животных принимать пищу из рук или доставать ее из стаканов, и они, раз поняв, в чем дело, исполняли это. Мой брат так приручил к себе ушана, что он следовал за ним по всем комнатам и, как только брат предлагал ему муху, мгновенно садился к нему на руку и поедал добычу. Большие рукокрылые, содержащиеся в неволе, бывают очень милы, делаются ручными и оказываются очень толковыми.

«От формы летательной перепонки, — говорит Блазиус, — зависит способность летать и характер летательных движений. Такого большого разнообразия в этом отношении не встречается даже у птиц. Породы с длинными, стройными крыльями летают быстро и ловко, как ласточки; а те, у которых крылья широкие и короткие, своим полетом напоминают беспомощные летательные попытки кур. О форме крыла можно довольно точно судить по отношению длины пятого пальца к длине третьего или к длине целой летательной перепонки. Длина летательной перепонки захватывает кроме длины третьего пальца длину предплечья и плеча; ширина летательной перепонки приблизительно равняется длине пятого пальца.

Нетрудно по высоте полета, роду движений и величине животного отличить на лету всякий вид и нельзя ошибиться, если по устройству крыла судить о летательной способности. Не такое полное соответствие наблюдается между величиною ушей и слабостью летательной способностью, между малыми ушами и сильным полетом; но следует, однако, признать, что европейские породы, снабженные самыми большими ушами, летают медленно, а быстрее из них имеют уши самые маленькие*. Такое же отношение к летанию имеют форма и твердость наружного уха. Лучше летающие имеют короткую ушную раковину с плотной кожей, а у плохо летающих, наоборот, она вытянута в длину и состоит из тонкой кожи. Это имеет значение относительно целых групп.

Процесс летания для рукокрылых весьма облегчается их телосложением. Сильные грудные мускулы, легкая и сплюснутая нижняя часть туловища, верхние конечности, своей длиной почти в три раза превосходящие длину тела, натянутая между пальцами и всеми частями конечностей, лишенная перьев летательная перепонка — все эти условия способствуют летанию.

Чтобы как можно скорее развернуть летательную перепонку, все рукокрылые во время покоя прицепляются когтями задних конечностей к какому-нибудь возвышенному предмету и свешиваются головой вниз. Прежде чем взлететь, они выпрямляют голову, поднимают руку, широко раздвигают пальцы и кисть руки, втягивают поджатый во время сна хвост вместе со шпорами на ноге, перестают держаться когтями и тотчас же начинают быстро и без перерыва взмахивать по воздуху руками. Кожа хвоста слу-

жит им рулем, хотя далеко не таким совершенным, как хвост у птиц. Такой способ движения обуславливает совершенно особенное направление полета, которое Коленати очень удачно сравнивает с ломаной линией.

С земли поднимаются рукокрылые не так легко; помогают они себе в этом случае тем, что, расширив сначала руки и летающую перепонку и подобрав под себя ноги, несколько выпрямляют тело, делают один или несколько скачков вверх и затем сильными взмахами крыльев стараются подняться на воздух.

Впрочем, руки рукокрылых служат не только для летания, а и для ходьбы по земле. Походка у всех пород хотя и не такая плохая, как можно было бы предположить заранее, но все же она является жалким ковыляньем. Ловких движений и поворотов, которыми отличается их полет, при хождении они не способны делать. Однако некоторые виды рукокрылых бегают почти так же скоро, как крысы. При лазании они цепляются острым когтем большого пальца или всей рукой за стену или дерево и попеременно перемещают задние конечности. Задние конечности у животных слабы, тем не менее они имеют достаточно силы, чтобы выдерживать тяжесть тела не только в течение целого дня, но и во все время зимнего сна, продолжающегося часто более четырех месяцев. Кроме того, животные искусно пользуются пальцами и когтями ног для удаления различных паразитов, а также и для приведения в порядок своих волос на спине, очень ловко умеют ими счищать с себя грязь и каждой конечностью достигают почти середины линии между плеч, расчесывая, чистя и приводя в порядок волосы».

Голос всех известных летучих мышей почти одинаков; различие состоит, насколько простираются наши наблюдения, только в том, что у отдельных видов он звучит сильнее или слабее, выше или глубже. Мелкие виды издают дрожащий звук, который походит на звук «кри-кри-кри»; такими же звуками летучие собаки выражают свой гнев и всякое иное беспокойство*. Независимо от высоты или глубины тона эти голоса производят неприятное ощущение.

Все рукокрылые днем спят, а ночью охотятся. Большая часть начинает летать при наступлении сумерек и еще задолго до восхода солнца удаляется в свои убежища; некоторые виды, однако, появляются гораздо ранее, а иные около 3—5 часов пополудни уже весело носятся в воздухе, несмотря на самый яркий солнечный свет.

Каждый вид рукокрылых имеет особые места охоты в лесах, садах, аллеях и улицах, над медленно текущими или стоячими водами; в открытом поле они летают реже по той простой причине, что здесь им не за кем охотиться. В более богатых странах юга рукокрылые живут вблизи маисовых и рисовых полей, потому что последние дают убежище множеству насекомых, представ-

* Большинство звуков, издаваемых летучими мышами, являются ультразвуками, т.е. находятся выше порога слышимости человека. Человек воспринимает частоты в интервале примерно от 20 до 20 тыс. герц. Летучие мыши издают и воспринимают звуки частотой до 150 тыс. герц. Тонкий свербящий писк, или серии высоких щелчков, которые слышит человек от летучих мышей, обычно не является лоцирующим сигналом.

ляющих для них хорошую добычу. Мелкие виды обыкновенно возвращаются на малых участках, имеющих каких-нибудь тысячу шагов в диаметре. Более крупные захватывают больший район, чтобы облететь его, требуется более получаса. О больших южных породах, так называемых летающих собаках, известно, что они без передышек пролетают многие мили, перебираются с одного острова на соседние, удаленные на несколько миль, а оттуда на материк и обратно, посещая при этом в поисках пищи другие острова. Летающие собаки, живущие не только в Ост-Индии, но и вдоль всего берега восточной Африки и на соседних островах, например на Мадагаскаре, без сомнения, должны были перелететь находящиеся между обеими частями света моря и проливы, отделяющие материк от островов».

«На охоте, — продолжает Альтум, — летучие мыши следуют определенному плану: какую-нибудь улицу или аллею они облетят взад и вперед, обыщут угол, кружась между зданий, исследуют внутри и снаружи чердак. Они будут летать над поверхностью воды, пока не убедятся, что долее искать здесь нечего: тогда они избирают новую местность, хотя по прошествии некоторого времени нередко возвращаются на прежнее место. Величина охотничьих участков обыкновенно находится в точном соотношении с величиной самих охотников. Когда летучие мыши утомляются, они подвешиваются на некоторое время и, отдохнув, снова летят. Различные виды как бы распределили между собой время летания: самые ранние летают в вечерние сумерки, другие до и после утренних сумерек, а некоторые только в полночные часы.

Днем рукокрылые прячутся в самых разнообразных местах. Дуплистые деревья, пустые дома, расщелины в утесах и пещеры служат им пристанищами для сна. В тропических странах многие виды висят открыто на ветвях деревьев, если только эти ветви образуют достаточно густую крону. В первобытных лесах Африки я находил множество настоящих рукокрылых висящими в нежной листве мимоз. В Нижней Гвинее Пехуэль-Леше видел ночных собак, сотнями отдыхавших среди сухих листьев верных пальм по берегу моря; в лесах Южной Америки Бэтс встречал некоторые виды под широкими листьями геликоний и других растений, любящих тенистую местность. Летучие собаки не всегда ищут деревья с лиственным кровом, обещающим им тень, охотно висят на совершенно обнаженных сучьях, не боясь солнечных лучей, от которых они защищают только глаза, скрывая лицо в летательной перепонке.

Однако большинство летучих мышей предпочитают скрываться, одни под корой деревьев и в их дуплах, другие под крышами между дранец и черепиц, третьи в пещерах, иные под сводами обрушившихся или мало посещаемых зданий, многие прячутся в глубоких колодцах, шахтах, штольнях и других подобных местах. Во всех странах и климатах природные пещеры в скалах

оказываются любимейшим местопребыванием рукокрылых. В пещерах одни виды ищут для себя узкие щели и трещины, куда втискиваются порознь или обществами; а листоносые, которых можно считать основными обитателями пещер, висят почти всегда открыто, хотя отчасти и в высоких недоступных сводах этих пещер. В странах, где нет природных пещер, летучие мыши пользуются старыми рудниками, подвалами, склепами и катакомбами, и эти подземные жилища заселяются тем гуще, чем они древнее и уединеннее и чем менее беспокойств имеют там животные. Число летучих мышей в природных пещерах и в сходных с ними искусственных сооружениях неимоверно велико. В Зигене в княжеской усыпальнице я насчитал их более 1000 штук, и все же это были далеко не все животные, жившие под этим сводом*.

Многие виды рукокрылых живут между собой согласно. Некоторые образуют многочисленные общества, вместе охотятся и отдыхают. Совсем без ссор и драк дело, конечно, не обходится: лакомый кусочек или удобный уголок для сна может подать достаточный повод к раздору. Но зато здоровые животные стараются поддерживать больных и оказывать им посильную помощь, и так поступают не только сильные летучие собаки, но и меньшие рукокрылые, например листоносые. Однако представители различных видов ненавидят и даже пожирают друг друга; так, например, вампиры, рассказывает Коленати, нападают на ушанов и сосут из них кровь, а те пожирают за это своих неприятелей.

Пищу летучих мышей составляют плоды, насекомые, в некоторых случаях другие позвоночные животные и кровь, которую они высасывают из более крупных животных. Один врач в бразильском поселении Блуменау рассказывал Гензелю следующий случай. Он наблюдал, как однажды вечером в открытое окно его комнаты влетела большая летучая мышь, бросилась на ласточку, собиравшуюся строить себе здесь гнездо и потому ночевавшую в комнате, и загрызла ее. О некоторых ост-индских рукокрылых рассказывают, что они ловят лягушек и загрызают их; в земле Гереро на таких местах, где отдыхают летучие мыши, Пехуэль-Леше находил свежие остатки ящериц, маленьких птиц и даже других летучих мышей. Словом, хищнических наклонностей, в обыкновенном значении этого слова, у рукокрылых отрицать нельзя**.

Живущие в Европе виды этого отряда, настоящие летучие мыши, поедают главным образом насекомых: ночных бабочек, жуков, мух и комаров, и, выйдя утром после теплой летней ночи в сад, конечно, очень часто приходится видеть обглоданные крылья и другие остатки их пиршеств. Аппетит у них необычайный; крупнейшие свободно съедают дюжину майских жуков, а меньшие — штук 60 мух и все-таки не чувствуют себя сытыми. Поймав более крупных насекомых, они прижимают их головой к груди и затем медленно пожирают; мелких насекомых глотают це-

* Колония бразильских складчатогубов (*Tadarida brasiliensis*) в Браккенской пещере на юге США в некоторые годы насчитывала до 20 млн зверьков, в Бахарденской пещере в Туркменистане насчитывается около 40 тыс. длиннокрылов.

** Крупные американские листоносые и ложные вампиры Старого и Нового Света действительно являются настоящими хищниками. Эти самые большие представители подотряда летучих мышей охотятся на мелких птиц, ящериц, грызунов и других позвоночных. Некоторые виды копыеносов специализируются в охоте на древесных и наземных лягушек, отдавая предпочтение самым крупным. Австралийский ложный вампир нападает на мелких летучих мышей.

** Еще один источник питания, особенно важный именно для рукокрылых Западного полушария, — цветочный нектар.*

*** Пьют рукокрылые обычно в полете, смачивая шерсть на груди и потом выливая капли. Некоторые летучие мыши настолько ловки, что подбирают упавших на поверхность воды насекомых, но не ртом, а задними лапами. Небольшое семейство зайцегузых, или рыбадных, летучих мышей из тропиков Америки специализировано к питанию рыбой. Ультразвуковой радар этих рукокрылых способен лоцировать добычу в поверхностном слое воды.*

ликом. Чем живее движения рукокрылых, тем более требуется для них пищи, и по этой уже причине они являются очень полезными для нас животными, заслуживающими величайшей пощады. Этого нельзя сказать о тех летучих мышах, которые сосут кровь и могут причинять этим большой вред, а также о тех видах, которые, питаясь плодами, опустошают целые фруктовые плантации, виноградники. «В Южной Америке, — сообщает Гензель, — есть даже между настоящими летучими мышами такие, которые питаются сочными плодами; но мне ни разу не удалось поймать таких животных, я даже не видел, как они уничтожают плоды. В Рио-де-Жанейро, однако, мне рассказывал один немецкий купец, занимающийся естествознанием и заслуживающий, как кажется, полного доверия, что он с большим трудом защищал в своем саду деревья с сочными плодами от летучих мышей. В Порто-Алегре у одного немецкого ремесленника перед окном стояло дикое фиговое дерево, приносившее фиги величиной не больше обыкновенного ореха. По словам этого человека, во время созревания плодов к дереву слетается бесчисленное множество летучих мышей, которые поедают фиги». Исследованиями Бэтса подтверждено, что и в других тропических странах, как и в Бразилии, существуют пожиратели плодов среди гладконосых и листоносых рукокрылых*.

Все рукокрылые садятся около воды и пьют очень много**. Вообще у водоемов они чаще встречаются еще и потому, что здесь в обилии попадают насекомые.

Пищеварение у рукокрылых происходит весьма быстро, поэтому в их убежищах скоро накапливаются большие массы испражнений, распространяющих такой нестерпимый запах, что целые здания словно зачумляются этими животными.

Особенного внимания заслуживает наблюдение, сделанное Гейглином: в Африке летучие мыши ради пищи сопутствуют стадам. «В земле Богосов, — замечает этот исследователь, — ведется очень большое скотоводство, и стада, находя в более отдаленных местностях лучшие пастбища и лучшие водопой, по целым месяцам не возвращаются к жилищам своих хозяев. При нашем прибытии в Кеерен весь рогатый скот, сопровождаемый мириадами мух, пасся в глубоких долинах Барки, и одновременно с ними появились насекомоядные летучие мыши в несметном количестве. В ночь под первое октября мы разбили палатки на высоком плоскогорье вблизи загона для скота. Так как в это время стада находились в другой части гор, то мы заметили только одну или двух летучих мышей. Но через день сюда вернулись стада, и в тот же самый вечер число летучих мышей значительно увеличилось». Довольно высокая температура для всех рукокрылых составляет необходимое условие; она оживляет насекомых, да и сами летающие животные не выносят стужи. В Германии очень немногие летучие мыши подвергают себя действию солнечных лучей, вы-

летая в послеобеденное время; в тропических же странах эти животные часто располагаются на залитых палящими лучами местах, и это делают не только летучие собаки, которые, не нуждаясь в тени, дремлют на ветвях деревьев, почти утративших свои листья, но и гладконосые и листоносые рукокрылые. Так, Шомбургк упоминает об одном вампире, который днем подвешивается спать на стволах прибрежных деревьев, поднимающихся на два-три метра, но не в тени, а на солнечной стороне, чтобы быть совершенно освещенным солнечными лучами. «Еще в большем количестве, — говорит он, — встречал я их на выдающихся над рекой утесах. Если мы приближались к таким местам, то животные вылетали из своих убежищ. Полетав вдоль берега несколько раз взад и вперед, они снова располагались на прежних местах». То, что летучие мыши могут выдержать высокую температуру, доказывают многие из наших видов, которые летом проводят день под крышами домов и церквей, невзирая на господствующий здесь сильный жар. Скопление огромной массы летучих мышей, выделяющей большое количество тепла, служит еще одним доказательством вышесказанного. Суровая погода, дождь, ветер удерживают большинство видов в их убежищах; хотя некоторые летают и по холодным вечерам, но очень недолго и как можно скорее стараются вернуться к месту обычного сна. При этом имеет значение и то обстоятельство, что в суровую погоду охота бесполезна, потому что насекомые тоже скрываются, к тому же сильный ветер затрудняет летательные движения летучих мышей, и только длинокрылые виды могут до некоторой степени сопротивляться сильным течениям воздуха.

С наступлением стужи все рукокрылые, живущие в умеренных странах, впадают в более или менее глубокий зимний сон, большая или меньшая продолжительность которого соответствует суровости или мягкости климата их родины*.

Когда начинается холодное время, животные отыскивают наиболее защищенное от влияний непогоды пристанище: в пещерах, погребах, под теплыми крышами, на чердаках и в других местах. Наименее чувствительные к стуже рукокрылые иногда прерывают зимний сон, пробуждаются и летают в своих защищенных убежищах, по-видимому, не столько ради добычи, сколько для того, чтобы подвигаться. Некоторые летучие мыши вылетают даже на открытый воздух и порхают некоторое время над покрытой снегом землей. Летом рукокрылые предпочитают небольшие углубления поблизости от входа или живут в открытых расселинах. Напротив, зимой они прячутся дальше в более просторные пещеры, уединяясь в самые задние части, куда не проникает мороз. Только немногие виды на время зимнего сна не меняют местожительства и остаются в своих обычных щелях.

«Положение тела, в котором летучие мыши спят зимой, бывает самым разным для отдельных групп и семейств; самое про-

** Многие виды рукокрылых умеренных широт (вечерницы, нетопыри, двухцветные кожаны и др.) являются, подобно птицам, перелетными, т.е. совершают правильные сезонные миграции. Впадать в зимнюю спячку способны лишь небольшое число видов из двух семейств — гладконосых и подковоносов. Спячка нормально проходит при амплитуде температур от 0 до минус 10 градусов. Нередко во время спячки зверьки покрываются каплями конденсирующейся воды и даже ледяной корочкой. Если во время зимнего сна согреть зверька, через 10—15 мин он переходит в активное состояние.*

** Столь «тесная» зимовка вызвана, конечно, не недостатком места, а необходимостью поддерживать особый микроклимат вокруг зверьков.*

*** Спаривание летучих мышей умеренных широт имеет два пика — осенью и весной, однако при осеннем спаривании сперма самцов задерживается в половых путях самок и оплодотворения не происходит до весны. У многих тропических рукокрылых бывает два брачных периода и два приплода.*

стое и обычное положение для зимнего сна принимают они, подвешиваясь когтями задних конечностей и прижимая крылья к бокам. При этом многие висят свободно под потолком или сводом, другие прикрепляются к стенам, а некоторые пользуются также и передними конечностями, как опорой. Среди живущих в теплых странах есть виды, которые для продолжительного ежедневного отдыха распускают крылья, чтобы прочнее утвердиться. Большая часть листоносых принимают такое странное положение, что, проходя мимо них, можно подумать, что видишь перед собой не животное, а гриб. Они совершенно завертываются в летательные перепонки и висят свободно на задних конечностях; перепонка бедер закидывается на спину, верхние части рук образуют на спине клин и лежат плотно одна возле другой; летательная перепонка боков и пальцев покрывает тело таким образом, что концы пальцев направляются кверху, а большой палец служит для замыкания; высовывается один нос, но и тот прячется во время крепкого зимнего сна.

Есть летучие мыши, которые зимуют многочисленными обществами. Животные висят плотно, располагаясь рядами или различной формы группами по несколько сотен штук*.

Некоторые покрывают все стены на чердаках или плоскости внутри дуплистых деревьев, где особи висят одна возле другой отдельно. Некоторые летучие мыши проводят зиму в одиночку и никогда не спят совместно.

У животных, достигших полного развития, любовная пора наступает осенью, перед началом зимнего сна**. Особи различного пола, говорит Кох, приманивают друг друга своеобразным призывным звуком, который существенно отличается от сердитого чавканья, издаваемого ими, когда их тревожат. Во время спаривания самцы гоняются за самками, задирают их, кувыркаются с ними в воздухе и проделывают всякого рода фокусы; впрочем, эти игры не у всех родов летучих мышей предшествуют спариванию.

Только весной рождаются детеныши. Самка во время родов, по словам Блазиуса и Коленати, держится в висячем положении при помощи острых когтей обоих больших пальцев рук, подгибает хвост к брюху вместе с перепонкой и таким образом устраивает что-то вроде мешка, в который и падает новорожденный. Тотчас после рождения мать перегрызает пуповину и облизывает детеныша, затем детеныш крепко прицепляется к груди матери и начинает сосать.

Все рукокрылые животные во время летания носят своих детенышей с собой, притом довольно долгое время, даже когда маленькие животные уже сами могут хорошо летать и по временам оставлять грудь матери. Это я наблюдал сам у летучих мышей, которых встречал в висячем положении на деревьях в первобытных лесах Африки. В шесть—восемь недель детеныши достигают полного роста; осенью и зимой их можно узнать по

более сплюснутой голове, коротким конечностям и более темной окраске шерсти. Этим они отличаются от старых животных.

«Суеверный человек, — говорит Кох, — клеветает на это безобидное животное, и многие чувствуют к нему отвращение вместо того, чтобы ради собственной же пользы заботиться о нем и защищать его. Несправедливо утверждают, будто летучие мыши пожирают сало в кладовых, потому что летучие мыши вовсе не едят сала. В действительности же сало пожирают мыши и крысы; при приближении человека они убегают в свои норы, между тем как безобидные летучие мыши и днем и зимой спокойно остаются там, где совершена кража. Более того, основательный наблюдатель легко может убедиться, что летучая мышь не только не пожирает сала, но и сохраняет его, уничтожая ветчинных кожеедов и их личинок. Общераспространенное мнение, будто летучие мыши могут вцепиться в волосы, так что их нельзя отцепить, также лишено всякого основания. По собственной воле летучая мышь никогда не опускается на голову человека. Но случается иногда какой-нибудь несчастной летучей мыши влететь в комнату, где находятся люди; присутствующие устраивают настоящую облаву, машут и бьют ее платками; бедное, испуганное, искалеченное животное падает, хватается за всякий подвернувшийся предмет и при этом, конечно, случайно может упасть на голову дамы, куафюра который как бы нарочно оказывается наиболее удобной для того, чтобы можно было крепко в нее вцепиться. Подобного рода случаи и могли, конечно, послужить поводом к необоснованному мнению. Летучих мышей считают спутниками злых духов*.

Один молодой образованный испанец с полной уверенностью утверждал, будто он слышал, что летучие мыши выкрикивают проклятия, если их раздражить зажженной лучиной.

«Пребывание летучих мышей в темных местах, устройство тела, как у мыши, удивительные летательные перепонки, вызывающее страх выражение морды и неприятно пронзительный голос придают всему ее существу нечто таинственное, что сознавали уже и древние. Между тем злых духов рисовали, да и теперь еще рисуют, с крыльями летучей мыши. Подобно тому как дракон, этот страшный фантастический зверь, имеет крылья летучей мыши, так и теперь еще сатана изображается с крыльями рукокрылого. Подобного рода изображения естественно действуют на детский ум и на склонный к суевериям ум необразованного народа и возбуждают отвращение и ненависть к животным, имеющим все права на то, чтобы их щадили и берегли. Вот почему обязанность всех сведущих людей — возвысить свой голос в пользу этих оклеветанных животных. При одной мысли о том, какую великую пользу приносят эти животные, в наших глазах утрачивает всякое значение многое из свойственной им неприглядности, и стоит только провести прекрасный теплый летний вечер на откры-

Отряд рукокрылые

* Почти у всех народов Земли летучие мыши олицетворяют темные потусторонние силы и становятся жертвами людских предрассудков. Справедливости ради следует сказать, что многие рукокрылые действительно имеют непривычную, причудливую внешность, которая нередко отражается даже в научных названиях систематических групп летучих мышей: мешкокрылы, футлярохвосты, присосконоги, воронкоухи, свиноносы, трезубценосы, щелеморды, цветкоморды, складчатогубы, мопсы и др.

Отряд рукокрылые

** Подсчитано, что 40 тыс. длиннокрылов из Бахарденской пещеры за ночь съедают около 150 кг корма, что составляет около 1,5 млн насекомых среднего размера.*

*** Хотя от нападения вампиров в некоторых местах действительно очень страдает скот и из-за этого скотоводство оказывается нерентабельным, главная угроза в другом. Вампиры представляют опасность прежде всего как переносчики вируса бешенства. Однако сокращение численности многих рукокрылых связано прежде всего с сокращением площади некоторых местообитаний (прежде всего тропических лесов, где рукокрылые наиболее разнообразны), а также с исчезновением естественных убежищ (вырубка старых дуплистых деревьев, постепенная смена архитектуры в населенных*

том воздухе, чтобы понять, что летучие мыши своим ловким полетом вносят приятное оживление в тихий ландшафт.

Польза, которую приносит человеку большая часть многочисленных животных этого отряда, далеко превышает вред, какой они причиняют. Множество вредных насекомых летает именно ночью и таким образом попадает на глаза своим врагам. Необыкновенная прожорливость, свойственная всем рукокрылым, служит причиной истребления насекомых в громадных размерах. Чтобы составить хотя бы поверхностное представление об этом, достаточно исследовать пристанище летучих мышей. «Здесь высотой в фунт, — говорит Кох, — лежит масса испражнений летучих мышей, и исследование показывает, что отдельные комочки состоят из частей многих и различных насекомых. В одном кубическом сантиметре кала летучей мыши мы нашли 41 голень различных больших и малых насекомых, а в старых руинах, в церковных колокольнях и подобных местах лежит, наверное, более одного кубического метра кала, и кучи его, без сомнения, должны заключать в себе до полутора миллиона насекомых. Конечно, такие огромные кучи не могли образоваться в течение одного лета и представляют извержение многих летучих мышей»*.

Но днем, во время сна, летучая мышь извергает только небольшую часть кала, обыкновенно же она испражняется во время полета. Пришлось бы составить длинный список, если бы захотели перечислить всех тех бабочек, мух и разного рода насекомых, которыми питаются летучие мыши. Но ограничимся замечанием, что летучие мыши истребляют именно вредных насекомых, поскольку полезные насекомые летают большей частью днем, поэтому и не становятся их добычей. На вред, приносимый немногими летучими мышами, так как они питаются плодами, не стоит обращать внимания. Равным образом и кровососы не так вредны, как обыкновенно о том рассказывают. По новейшим и вполне достоверным сведениям, летучие мыши, сосущие кровь, никогда не причиняют гибель большим животным или людям, даже и в том случае, если они несколько ночей подряд сосут кровь из их тела**; что же касается рукокрылых, питающихся плодами, то они водятся в таких местностях, где природа доставляет столь обильную пищу, что употребление ими плодов становится заметным для человека только в том случае, когда он с особенной заботливостью выращивает их в садах; но и в этом случае плоды легко могут быть защищены от крыланов с помощью сетки и т. п. Таким образом, мы считаем себя вправе причислить весь этот отряд животных к числу самых полезных существ.

Древние смотрели на летучих мышей еще с большим отвращением, чем наши невежественные мужчины и наши жеманные женщины; даже египтяне, эти замечательные исследователи природы, их не любили, почему и избегали изображать на своих памятниках. «Изображения их, — замечает Дюмихен, — крайне

редко и в весьма ограниченном числе встречается на стенах храмов. Кроме иероглифического имени Сетахем при отдельных изображениях летучих мышей встречается в надписях еще слово Таки, из чего мы можем вывести то верное заключение, что египтяне различали несколько видов летучих мышей».

До последнего времени летучих мышей, само собою разумеется, причисляли к птицам, хотя еще Геснер указывал на то, что летучая мышь представляет собою нечто среднее между птицей и мышью, следовательно, она справедливо названа летучею мышью и не может быть причислена ни к птицам, ни к мышам.

Приводимые Геснером разного рода верные и неверные наблюдения древних над летучими мышами в высшей степени любопытны.

«Саламандра и летучая мышь, — говорит Геснер, — родят детенышей без послета и не в коже, без сомнения, потому что детеныши рождаются собственно из яиц, чего не бывает у мышей, полевок и у других подобных животных. Албертус говорит, что эта птица (летучая мышь), равно как и удод, зимою предается спячке. Африкан и Зороастр говорят, что летучих мышей можно прогнать дымом зажженного сена. Дерево клен, по-латыни *Platanus*, летучим мышам очень противно, и если повесить его листья у окон и дверей, то ни одна летучая мышь в дом не влетит; так пишут Африкан и Плиний. Аист — большой враг летучей мыши; так как сия последняя только через прикосновение портит яйца аиста, если он не закроет их листьями клена, которые противны летучей мыши; это утверждают Элиан, Пилес и Зороастр. В Италии есть ядовитый вид муравьев, которым очень противно сердце летучей мыши. Поэтому если совы хотят прогнать от своих детенышей этих муравьев, то они кладут в гнездо сердце летучей мыши; так учит *Oppian*. Орус говорит, что если положить кал летучей мыши на муравейник, то ни один муравей к этому месту не приблизится. Если вечером, когда стемнеет, держать перед собою блестящий, острый меч, то летучие мыши бросаются на него так, что прокалывают сами себя и падают на землю. Если саранча опустошает какую-нибудь местность, то следует на верхушку деревьев привязать несколько летучих мышей; тогда саранча пролетает мимо, как утверждает Демокрит в своем сочинении «*Geoponica*». Когда летучие мыши против своего обыкновения много и часто летают, то это означает, что на следующий день будет хорошая и теплая погода».

Число ископаемых видов летучих мышей очень невелико. В янтаре найдены волосы, а в некоторых известняках отпечатки костей рукокрылых*.

Необыкновенно большое разнообразие форм при кажущемся сходстве очень затрудняет разделение и определение рукокрылых даже для специалистов. Мы считаем долгом познакомить наших читателей только с наиболее характерными формами.

пунктах, при которой исчезают чердаки и другие укромные места).

** Зубы рукокрылых найдены еще в отложениях палеоцена. Из раннего эоцена известен полный скелет летучей мыши *Icaronycteris*, отличающийся от современных лишь несколькими примитивными особенностями. Большинство современных семейств известны в ископаемом состоянии начиная с позднего эоцена — раннего олигоцена.*

СЕМЕЙСТВО
КРЫЛАНОВЫЕ (Pteropodidae)*

* Семейство насчитывает 165—170 видов, объединенных в 42 рода. Размеры крыланов от сравнительно мелких (15 г) до наиболее крупных среди рукокрылых (900 г).

** Речь идет о семействе вампиров, из подотряда летучих мышей, не имеющих отношения к крыланам.

*** Большинство крыланов действительно сходны с собаками и лисицами конфигурацией морды, большими выразительными глазами, постановкой острых ушей. А голова африканского молотоголового крылана, по латыни метко названного *monstrosus* (монстр), представляет собой злую карикатуру на лошадь или лося.

Все принадлежащие к этому семейству рукокрылые водятся исключительно в жарких странах: в южной Азии и на ее островах, в средней и южной Африке, Австралии и Океании. На животных из-за их величины уже с древнейших времен смотрели как на истинных чудовищ. Этим безвредных и добродушных млекопитающих называли отвратительными гарпиями и страшными вампирами; к их числу относили и то воображаемое ужасное существо, которое опускалось на спящих людей и высасывало у них из сердца кровь; в них видели души осужденных на вечное проклятие и полагали, что укус крылана может превратить невинного человека в проклятого. Словом, закоснелое суеверие с истинным удовольствием занималось этими животными, которые ни в чем ином не повинны, разве только в том, что имеют несколько странный внешний вид, и в их отряде есть несколько маленьких и довольно безвредных видов, которые действительно сосут кровь**.

И в настоящее время есть немало невежественных людей, которые склонны видеть в этих животных отвратительных вампиров; поэтому естественная история обязана и самых суеверных людей познакомить подробнее с плодоядными летучими лисицами. Они имеют почти такое же устройство, как и другие летучие мыши, но отличаются более значительной величиной и сходством головы с головой собаки или лисицы, вследствие чего и называют их летучими собаками или летучими лисицами***. Летательная перепонка, а в зависимости от нее устройство рук и ног сходны с устройством этих частей тела и у других летучих мышей. Кроме большого пальца они имеют коготь на указательном пальце. На носу нет кожистого нароста, и уши не имеют клапана. По этим признакам крыланы легко могут быть отличены от остальных летучих мышей.

В зубном ряду по четыре резца и по одному клыку в каждой челюсти, пять коренных зубов в верхней и шесть коренных зубов в нижней челюсти. Все коренные зубы имеют, по крайней мере у старых животных, плоские коронки и небольшие продольные борозды. У одного вида нет нижних резцов.

Летучие собаки охотнее всего живут в темных лесах и днем в несметном количестве висят рядами на ветках деревьев, покрывши голову и тело крыльями.

Их находят в дуплистых деревьях иногда в количестве многих сотен штук. В мрачных первобытных лесах они летают и

днем; но настоящая жизнь, как и вообще жизнь всех рукокрылых животных, начинается только с наступлением сумерек. Острое зрение и чуткое обоняние дают им возможность находить деревья с сочными зрелыми плодами; к ним они подлетают поодиночке; но скоро собираются большой стаей и могут объесть подобное дерево дочиста. В виноградниках нередко появляются в значительном количестве и причиняют большой убыток, потому что выбирают только зрелые и сладкие ягоды. Временами предпринимают далекие путешествия, перелетают с острова на остров, а иногда и через довольно широкие морские проливы. По словам Стерндаля, однажды поймали летучую лисицу на пароходе на расстоянии от суши по крайней мере в сто английских миль, конечно, в весьма истощенном состоянии.

Плоды летучие собаки более высасывают, чем пожирают; волокнистое вещество выплевывают. Они предпочитают сладкие душистые плоды, любимую их пищу составляют бананы, фиги, а также вкусные ягоды, иногда виноград.

Когда удается забраться в плодовый сад, они едят всю ночь и производят при этом такой шум, что их слышно на далеком расстоянии. Выстрелами и подобными средствами рукокрылых нельзя прогнать, потому что, вспугнув в одном месте, они перелетают на другое и продолжают свое пиршество.

Днем очень боязливы и обращаются в бегство всякий раз, как только заметят что-нибудь подозрительное. Хищная птица приводит их в ужас, а сильный удар грома — в настоящее отчаяние. В испуге крыланы падают на землю, бросаются в разные стороны с изумительной скоростью, цепляются за всякие предметы, проворно взбираются даже на лошадей и людей, распускают крылья, делают несколько взмахов и улетают, чтобы укрыться в каком-нибудь другом месте. Полет их быстр и силен, но не высок; однако в исключительных случаях они поднимаются на высоту свыше 100 метров. Крыланы могут взлетать только с возвышенных предметов, а не с земли. Но и на земле довольно ловки и бегают как крысы, хорошо взбираются по древесным стволам и ветвям до самой вершины. Они много кричат, даже и тогда, когда спокойно висят на дереве; крик этот похож на скрип и писк, а по временам шипят как гуси*.

Самка рождает один раз в год одного или двух детенышей, которые крепко держатся за грудь матери; мать носит их на себе очень долго и очень их любит**.

В неволе, спустя незначительное время, животные становятся ручными, привыкают к лицам, которые за ними ухаживают, и проявляют даже некоторую привязанность к ним. Очень скоро берут пищу из рук и не пытаются при этом ни кусаться, ни царапаться.

Польза, которую приносят эти рукокрылые, гораздо меньше причиняемого ими вреда. Этот вред, однако, на их родине, столь

* Голосовой репертуар крыланов очень богат, у некоторых видов насчитывается до 22 разновидностей криков. Большинство звуков издают в слышимом человеком диапазоне частот. Зрение и обоняние при ориентации в пространстве играют у крыланов гораздо большую роль, чем у летучих мышей.

** Чтобы не упасть, детеныш держится за сосок матери 20 тонкими крючковидными молочными зубами, а за шерсть — когтями с зазубринами. Лишь спустя три недели самка начинает оставлять его на днежке с другими детенышами. Вернувшись с кормежки, самки узнают своих детенышей, окрикивая их и получая ответ. Довершает распознавание индивидуальный запах.

Семейство крылановые

* Брем не упоминает два главных полезных дела крыланов — опыление цветов и разнос семян фруктовых деревьев.

** Большая летучая лисица — крупнейшее рукокрылое, весит до 900 г (есть сведения, что до 1,6 кг).

богатой плодовыми деревьями, не имеет большого значения. Крыланов употребляют в пищу, и Гааке находит, что мясо это очень вкусно и похоже на мясо кроликов и куриц. В особенности хвалят мясо молодых животных, достигших пятимесячного возраста. Употребляют в дело даже мех*.

Весьма любопытно и поучительно познакомиться со взглядами различных народов на этих животных. Уже Геродот говорит о больших летучих мышах в Аравии, которые живут на растущем в болотах растении *cdsia*, причем прибавляет, что животные отличаются силой и страшно кричат. Люди, собирающие это растение, покрывают все тело и лицо до глаз, чтобы не видеть этих животных, и только тогда принимаются за жатву. «Впрочем, Плиний говорит, — добавляет Геснер, — что это все ложь и выдумана она только ради выгоды». Страбон рассказывает, что в Месопотамии, поблизости от Евфрата, водится чрезвычайное множество летучих мышей, которые отличаются большим ростом, их ловят и едят. Швед Кепинг упоминает, что летучие собаки появляются ночью целыми стадами, высасывают очень много пальмового сока, пьянеют от него и, как мертвые, падают на землю. Ему самому удалось поймать такую летучую собаку и прибить ее к стене гвоздями; но животное обгрызло гвозди и округлило их, точно напильником. Каждый невежественный европеец, а в особенности женщины, смотрят на летучих собак, как на отвратительных вампиров, и боятся их, словно чудовищ. Напротив, индусы считают их священными существами. Когда Гюгель, в бытность свою в Нурпуре, проходя вечером по улицам, увидел летающее животное, он выстрелил по нему из двустволки и подстрелил летучую мышь величиной с курицу. Почти в то же мгновение сбежалась толпа людей, подняла страшный крик и яростный вопль. Чтобы обезопасить себя от натиска толпы, он прислонился спиной к стене и выставил вперед ружье; но успокоить волнение смог только с помощью ложного уверения, будто принял животное за сову.

Наиболее известна большая летучая лисица, калонг (*Pteropus vampyrus*)**.

При длине тела в 40 см имеет размах крыльев в 1,5 метра. Окраска спины темно-бурая, на брюхе ржаво-черная, на голове и шее рыжевато-красная; летательная перепонка коричневого цвета.

Калонг живет на Яве, Суматре, Банде и Тиморе, как и все члены этого семейства, в больших лесах или в рощах из плодовых деревьев и здесь выбирает для своего спокойного пребывания ветви деревьев. Отдельные деревья бывают буквально увешаны сотнями и тысячами этих животных, которые, если их не беспокоить, предаются здесь дневному сну; но, если спугнуть, громадными стаями кружатся в воздухе. С наступлением вечера

вся эта масса приходит в движение, и при этом каждый калонг летает на некотором расстоянии от другого; но случается, что большой стайей слетаются на одно какое-нибудь место. Так, Окслей рассказывает, что стая этих животных в течение многих часов пролетала над стоящим на якоре в Малаккском проливе кораблем. Логан видел миллионы калонгов в болотах на северном берегу Сингапура: вечером становилось совершенно темно от этой массы животных. Напротив, Гаскарл пишет мне: «Я никогда не замечал, чтобы калонг летал тесно скученными стаями, а постоянно видел в Батавии только отдельные экземпляры, впрочем, в значительном числе, направляющимися вечером большей частью к взморью». Под деревьями, которыми калонги пользуются как приютом для сна, находится масса их кала и распространяет столь сильный запах, что местонахождение животных часто можно определить при помощи обоняния.

В письме из Суматры Розенберг сообщает: «Калонг принадлежит к числу обычных животных и встречается как по берегу, так и внутри страны. Он живет большими стаями и при заходе солнца направляется с места ночлега к лесу, где имеется корм. Во время пребывания в Лумуте мне каждый вечер приходилось наблюдать стаю этих животных, пролетающую на значительной высоте над небольшою крепостью по направлению с северо-запада на юго-восток и с восходом солнца возвращающуюся в противоположном направлении к острову Мазаллар: здесь был их приют. Когда я выстрелил по довольно низко летящей самке, с груди ее сорвался детеныш; но, прежде чем он упал на землю, мать, с быстротой молнии кинув-

Большая летучая
лисица, калонг
(*Pteropus vampyrus*)

Семейство крылановые

** Этот рассказ можно было бы отнести к разряду «баек», если бы не дотошность и скептицизм наблюдателя. Возможно, иногда калонги, имея потребность в животном белке, разнообразят свой фруктовый стол таким способом. Известно, что крыланы в качестве дополнения ловят насекомых, а в неволе пристрастны к мясной пище. Но ловил и поедал рыбу скорее всего пальмовый крылан, а не калонг.*

*** Чтобы подолгу висеть на ветке, не напрягая мышцы, летучие лисицы используют специальный автоматический механизм — под тяжестью животного распрямляются конечности, при этом натягиваются сухожилия внутренней стороны стопы, и таким образом сгибаются пальцы. Эта система настолько эффективна, что даже мертвое животное остается висеть на ветке.*

шись за ним вниз, схватила его зубами, поднялась на воздух и улетела со спасенным детенышем».

Пища калонгов состоит из самых различных плодов, в особенности из смоквы и манго, ради которых они массами нападают на плодовые сады на Яве, причем часто наносят значительный убыток. Впрочем, не довольствуются только растительной пищей, а преследуют различных насекомых и даже маленьких позвоночных животных. Так, например, Шорт, к немалому своему удивлению, недавно открыл, что они ловят рыбу. «Когда я жил в Конлевераме, — говорит он, — мое внимание привлек образовавшийся от недавно выпавшего дождя пруд; он был буквально наполнен мелкими рыбешками, которые играли в воде и часто показывались на ее поверхности. Это явление — внезапное появление рыб в пруду, по временам высухавшем и снова наполнявшемся водой выпавшего дождя, не представляло для меня ничего нового; внимание мое было направлено на множество больших, тяжело летавших птиц, которые носились над водой, ногами схватывали то там, то сям рыбку и удалялись с добычей на деревья, чтобы там съесть ее. При более внимательном наблюдении я убедился, что предполагаемые птицы были калонги. За наступившей вечерней темнотой я мог их наблюдать только короткое время; на следующий вечер пришел к пруду часом раньше и заметил то же самое. Теперь я попросил моего спутника Уатсона зарядить ружье и выстрелить, чтобы достоверно убедиться, что это за животные. Уатсон застрелил двух или трех из числа охотившихся за рыбой, и таким образом было рассеяно всякое сомнение в том, что это были калонги. При посещении пруда в другое время я опять замечал то же самое»*.

В некоторых местах калонги подвергаются преследованию не столько вследствие причиняемого ими вреда, сколько ради мяса. При охоте за калонгом малаец пользуется сарбаканой, целится в крыло, как в наиболее чувствительную часть тела, оглушает животное и таким образом овладевает им; европейцы же с большим успехом пользуются огнестрельным оружием. Во время полета весьма легко стрелять по животным: крылья их теряют равновесие, как только дробинка перебьет косточку пальцев. Если стреляют по ним днем, в то время, когда они сонные висят на ветках, то, стараясь улететь, калонги так беспорядочно сучиваются, что мешают друг другу. А подстреленные животные не в состоянии расправить свои крылья, но так крепко цепляются за ветви, что не падают, даже будучи смертельно ранеными**.

«Я видел, — замечает Гаскарл, — что любители охоты стреляют в кучу тесно висящих калонгов. Но падают при этом только некоторые, остальные же не отлетают прочь, а подползают теснее друг к другу, крепко держась своими длинными крыльями». Ягорь, напротив, рассказывает, что стая калонгов при выстреле только частично остается висеть на дереве, многие животные под-

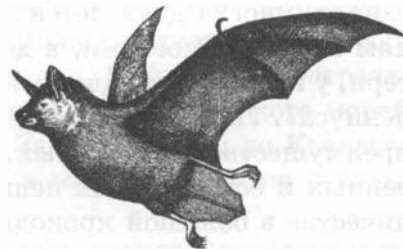
нимаются в воздух. Мясо калонга не везде и не многими европейцами употребляется в пищу. Уоллес замечает, что почти одни жители Батшиана в Зондском архипелаге употребляют в пищу летающих собак. «Эти отвратительные создания, — говорит он, — считаются там лакомством, и потому их преследуют, когда в начале года они появляются в большом количестве на острове, чтобы здесь кормиться плодами. Днем во время сна они легко могут быть пойманы или убиты палками: затем их собирают в корзины и относят домой. Приготовление из них пищи требует особого умения, так как кожа и жир калонга имеют прогорклый запах, сильно похожий на запах лисицы. По этой причине их варят с обильным количеством пряных корней и приправ, и приготовленное таким образом мясо становится действительно вкусным, похожим на мясо хорошо прожаренного зайца». Они быстро привыкают к потере свободы, становятся ручными, и ухаживать за ними нетрудно. Калонги прихотливы на свободе — выбирают только самые сочные плоды, но невзыскательными оказываются в неволе — едят любые фрукты, какие только им дают, но предпочитают мясо.

Рок привез во Францию самца калонга. В продолжение 109 дней он кормил его на корабле сначала бананами, после вареньем, затем рисом и в заключение свежим мясом. Мертвого попугая калонг сожрал с большой жадностью, а когда нашли гнездо крыс и дали ему крысят, он казался весьма довольным. Наконец, его кормили рисом, водой и сладким хлебом. По прибытии в Гибралтар снова дали плодов, и он более уже не ел мяса. Ночью калонг становился резвым и пытался вылезти из клетки; днем держался спокойно и, подобно всем летучим мышам, подвешивался на одной ноге, закутавшись в крылья, в которые прятал даже голову. Он скоро привык к людям, которые за ним ухаживали. В особенности хорошо знал своего хозяина, позволял ему дотрагиваться до себя и гладить, не делая никакой попытки укусить. Точно так же он держал себя и по отношению к негритянке, которая ухаживала за ним*.

Семейство крылановые

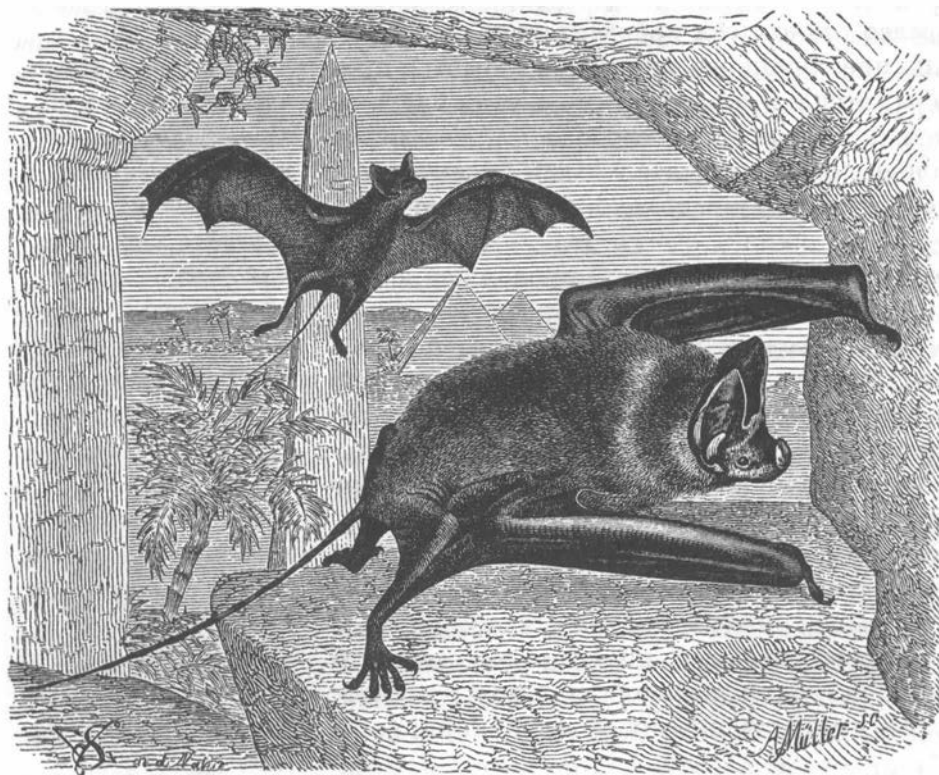
* Крыланов в отличие от летучих мышей довольно просто содержать в вольерных условиях. В неволе многие из них доживали до 17—20 лет. В настоящее время в некоторых европейских и американских зоопарках созданы питомники, где успешно разводят крыланов. Благодаря усилиям знаменитого зоопарка два вида летучих лисиц были спасены от вымирания.

СЕМЕЙСТВО
МЫШЕХВОСТОВЫЕ (Rhinopomatidae)

Наиболее известный вид **большой ланцетонос**, или **египетский свободнхвост** (*Rhinopoma microphyllum*).

Это маленький длинноволосый, светло-серый зверек; $5\frac{1}{2}$ см длина тела, почти такой же длины и хвост; около 20 см размах

Большой ланцетонос, или египетский свободнхвост (Rhinopoma microphyllum)

крыльев; особенно бросается в глаза очень длинный и тонкий хвост, который состоит из 11 позвонков и далеко выдается за летательную перепонку бедра. Вероятно, ланцетонос был известен уже старому Геснеру, по крайней мере его описание относится к этому виду. «В большой каменной четырехугольной постройке (пирамиде) в Египте мы находили много летучих мышей, тем непохожих на наших, что у них есть длинный хвост

вроде мышиноного, который далеко выдается за крылья; сами же крылья не длиннее, чем у наших летучих мышей. Рождают они одного, иногда двух детенышей, матери привешиваются к камням кривыми когтями, а детеныши присасываются к груди матери, у которой есть два соска, как у женщины, по описанию Беллениуса». Ланцетонос живет в громадном количестве в Египте, преимущественно в старых, покинутых памятниках, в искусственных и естественных пещерах. Я находил их в громадном количестве в большой крокодиловой пещере в Монсалуте, которая служила в древности местом погребения священных пресмыкающихся. Под одним из больших сводов этой пещеры они висели в таком огромном количестве, что черный потолок казался от них серым. На полу лежал слой испражнений в несколько дюйм-

мов толщины, и вонь от них заражала всю длинную пещеру. Когда мы вошли с огнем в этот спальный покой, то воздух огласился оглушающим шумом и нас окружила масса спугнутых животных, которые стремились найти другое убежище. Шум от их полета раздавался далеко по всей пещере и был похож на шум отдаленной грозы. Несколько раз они тушили у нас свечи. При каждом взмахе палкой мы сбивали одну, а то двух или трех летучих мышей; с перебитыми крыльями они с писком ползали по земле, стараясь где-нибудь спастись. Пойманные кусались смело и довольно чувствительно.

В вечерние сумерки эта летучая мышь часто появляется на Ниле, но еще чаще на залитых водой местах и ловит насекомых, летающих над поверхностью воды. Впрочем, она распространяется далеко по Нилу и часто встречается в Донголе.

СЕМЕЙСТВО ПОДКОВОНОСЫЕ (*Rhinolophidae*)*

У подковоносов вполне развитой носовой нарост состоит из трех частей: подковы, продольного гребня** и ланцета. Подкова начинается на верхушке мордочки, окружает лежащие на переносице в глубокой кожистой складке ноздри и оканчивается боковыми ветвями у самых глаз. Продолговатый гребень возвышается в середине подковы, сзади ноздрей и имеет впереди расширенную поперечную поверхность, а сзади седлообразное углубление, где он и оканчивается выдающимся вперед острием. Стоящий поперек лба кожистый ланцет возвышается между глаз под задним краем ветвей подковы и имеет с каждой стороны выдающейся средней линии по три углубления, отделенных одно от другого поперечными перепонками. Ухо гораздо проще, кожистого развитого козелка нет. Подковоносы имеют широкие и довольно короткие летательные перепонки, поэтому они тяжело машут крыльями и полет их менее ловок, чем у других видов.

Один из обыкновенных видов подковоносов — это **малый подковонос** (*Rhinolophus hipposideros*); он принадлежит к самым маленьким из наших летучих мышей. Все тело длиной в 6 см, а размах крыльев около 22 см. Шерсть светлая, беловато-серая, сверху несколько темнее, чем снизу. Малый подковонос распространен на севере далее других листоносов. В Европе он встречается, по словам Коха, от берегов Северного и Балтийского морей до Средиземного моря и от крайнего Запада Европы до Кавказа; в Германии местами его совсем нет, а местами водится в большом количестве.

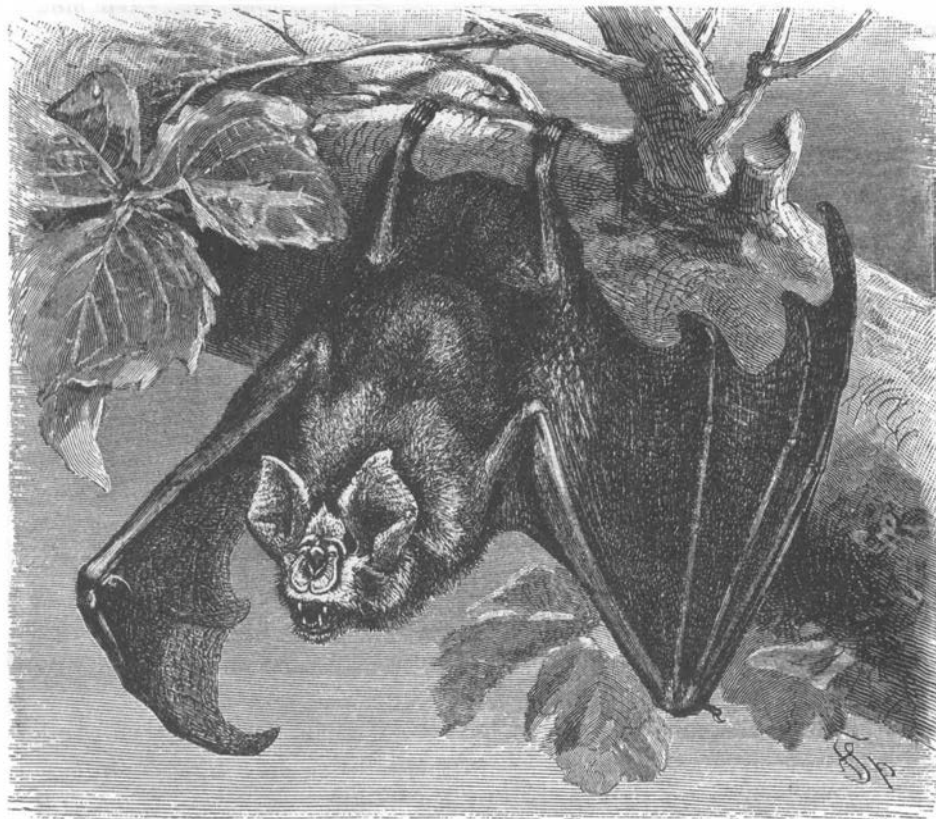
К климату и переменам погоды этот подковонос менее чувствителен, чем его сородичи, но не охотно вылетает в холодную, сырую погоду; для дневного отдыха всегда находит защищенные места, поэтому забирается далеко в глубину рудников и пещер.

* Семейство включает единственный род, примерно с 70 видами. Сложная конфигурация кожных выростов на морде всех представителей семейства позволяет различать виды и свидетельствует о тонкости эволюции. Подковоносы летают с закрытым ртом и производят ультразвуковые сигналы через ноздри. Большинство видов — строго ночные рукокрылые. Подковоносы распространены по всем тропикам и субтропикам восточного полушария, заходя на север до Японии, Британских островов, побережья Балтики, горных систем Крыма, Кавказа, Средней Азии. В России небольшие колонии (от десятков до 500 зверьков) подковоносов четырех видов существуют на Кавказе и в Предкавказье.

** Этот гребень обычно называют «седлом».

Зимняя спячка длится довольно долго, впрочем, смотря по обстоятельствам, его можно видеть и с первыми летучими мышами, рано вылетающими из своих убежищ, и с теми, которые вылетают поздно; есть и такие, которые поздно засыпают и рано вылетают. Это различие во времени начала и окончания зимней спячки, кажется, обуславливается не возрастом, а скорее полом животных; Кох находил в спячке очень рано осенью большей частью самцов, а поздней весной — самок; некоторые экземпляры подковоносов прерывают зимнюю спячку, другие — нет.

Летом малые подковоносы живут преимущественно в подземных пещерах, в старых развалившихся ледниках, в рудниках

*Большой подковонос
(Rhinolophus
ferrumequinum)*

и в нежилых строениях. И летом, и зимой собираются стаями, но не такими громадными массами, как другие летучие мыши, и каждое животное висит отдельно, а не скучившись. В состоянии покоя висят на задних ногах и заворачиваются слегка в летательную перепонку; во время зимней спячки так плотно завертываются, что его можно принять скорее за гриб, чем за летучую мышь. В светлый летний день, когда подковонос спит, без сетки его нелегко поймать,

потому что при приближении человека он быстро просыпается и улетает. Во время бодрствования поминутно вертит головой то в ту, то в другую сторону, обнюхивая все вокруг, лижет себя, приглаживается, ловит в своей шерсти паразитов.

Малый подковонос — самая живая, миловидная и занимательная из наших летучих мышей, хотя летает не очень ловко, довольно медленно и невысоко над землей. Неволи, к сожалению, не выносит; как большинство видов этого семейства, очень раздражителен, возбуждается, когда его дразнят или трогают; из-за раздражения начинает течь кровь из носа, и животное зачастую умирает.

Главная пища подковоноса — насекомые, не покрытые жесткой кожей: мелкие ночные бабочки, мухи и т. п.

Еще чаще встречается **большой подковонос** (*Rhinolophus ferrumequinum*). Длина его тела достигает 5,5 см, хвоста — 3,5 см, размах крыльев — 33 см. Носовой нарост очень велик; ухо также довольно большое; волосы густые и длинные; цвет самцов сверху пепельно-серый с беловатыми корнями волос, снизу — светло-серый; у самок сверху — светло красновато-бурый, а снизу — красновато-серый.

Подковоносы водятся большей частью в средней и южной Европе, их находят в Азии на Ливанских горах. В горах летом они поднимаются до высоты 2000 метров. Живут охотно группами; иногда соединяются с родственными видами. Для зимней спячки и дневного сна выбирают обычные места, как и все другие летучие мыши*.

Весной большой подковонос вылетает рано, зимой вылетает только изредка и поздно вечером.

Полет его из-за широких, но коротких крыльев не отличается ловкостью; он никогда не поднимается особенно высоко.

СЕМЕЙСТВО АМЕРИКАНСКИЕ ЛИСТОНОСЫ (Rhinolophidae)**

Между многочисленными видами этой группы особого внимания заслуживает самый большой из всех кровососов Южной Америки — **ложный вампир** (*Vampyrum spectrum*)***.

Длина его тела достигает 16 см, а размах крыльев, по Бэтсу, 70 см. «Голова, — говорит Бурмейстер, — толстая и длинная с вытянутой мордочкой. Уши торчат кверху и большей величины, чем у многих видов, продолговатые, яйцевидно-круглые и без большой вырезки на наружном крае; узкий, острый козелок имеет у основания зубец; носовой лист, сравнительно с величиной животного, мал и узок, посередине его идет возвышение, стебелек довольно широкий, не отделенный вырезкой от острозубчатой и гладкой, без бородавок, окраины носа. Верхняя губа гладкая, на нижней две большие голые бородавки. Мягкий и нежный мех на спине темно-каштановый; летательные перепонки, как и все голые части тела, бурого цвета». Вампир живет в северной Бразилии и Гвиане в девственных лесах, а также в старых зданиях****. «Ничего не может быть отвратительнее, — говорит Бэтс, — вида этого создания, особенно если рассматривать его спереди. Большие, кожистые, стоящие широко по сторонам головы уши; прямо стоящий, вроде копья, носовой нарост; сверкающие и блестящие черные глаза — все это, соединенное в одно целое, напоминает сказочных домовых. Неудивительно, что народная фантазия наделила это отталкивающее создание сверхъестественными свойствами. Но вампир — одна из самых неопасных летучих мышей, и

Семейство американские листоносы

* Из-за жесткого костного каркаса поясов конечностей подковоносы с трудом передвигаются по горизонтальным поверхностям, поэтому спят в убежищах с широкими входами, в которые можно влететь и сразу повиснуть на потолке.

** Свое название получили из-за характерного выступа в виде листка на носу, сильно варьирующего по форме и размеру у разных видов.

*** Ложный вампир — самый крупный рукокрылый западного полушария. Латинское название этой летучей мыши переводится как «вампир-привидение».

**** Арал ложного вампира охватывает территорию от юга Мексики до южного Перу и центральной Бразилии, а также остров Тринидад.

**Семейство
американские
листоносы**

** Немалую роль в питании ложных вампиров играют мелкие позвоночные.*

*Ложный (большой)
вампир
(*Vampyrus spectrum*)*

*** В этом и следующем рассказах, приводимых Бремом, речь, очевидно, идет не о ложных вампирах, а о других видах листоносов.*

безвредность его хорошо знакома всем прибрежным жителям Амазонской реки». По древнейшим и новым описаниям достоверных исследователей эта летучая мышь, хотя и представлена в таком страшном виде, относится к листоносам, но не к кровососам; по ночам усердно охотится за насекомыми и, кроме того, питается плодами*.

«Во время светлых лунных ночей, — говорит Уатертон, — я часто видел, как упырь подлетал к деревьям со спелыми плодами и сосал их. Из леса он приносил по временам к нам на двор круглый плод величиной с мускатный орех, походивший на плод дикой гуаявы, а когда цвело местное ореховое дерево, носился вокруг него. В одну светлую лунную ночь я видел несколько летучих мышей, которые летали около вершины этого дерева, и заметил, что цветки по временам падали в воду. Это происходило, конечно, не без причины, потому что все упавшие цветы, исследованные мною, оказались свежими и неповрежденными. Из этого я заключил, что их срывали листоносы для того, чтобы съесть завязывающийся плод или насекомых, которые так часто сидят в цветках»**.

Бетс подтверждает наблюдения Уатертона. «Я нашел два различных вида вампиров — один черноватого, другой красноватого цвета — и убедился, что оба питаются преимущественно плодами. Здание церкви в Эга служило главным пребыванием обоих видов, я их видел каждый вечер, сидя перед дверью моего дома: они стаями вылетали из церкви через большое открытое окно позади алтаря. Я слышал их писк прежде, чем они разлетались по лесу. Иногда они залетали даже в дома. Первого из них, которого я увидел в комнате, когда он кружился под потолком, я принял за исчезнувшего перед тем голубя моего соседа. Я вскрывал желудки многих из этих листоносов и находил, что они содержали множество мякоти и семян различных плодов, перемешанных с остатками насекомых. Туземцы утверждают, что они воруют в

садах зрелые плоды каюса и гуаявы. Но при сравнении вынутых из желудка семян с зернами разводимых в Эга деревьев я нашел, что этого не может быть, и мне кажется вероятнее, что упыри только в лесах находят пищу, а к утру возвращаются в деревни, потому что они здесь в строениях имеют более надежное место для отдыха, чем на дворе».

СЕМЕЙСТВО ВАМПИРОВЫЕ (Desmodontidae)*

Вампиры распространены в большом количестве во всех странах, расположенных в жарком и умеренных поясах. Некоторые скрываются в чаще больших лесов, в дуплистых деревьях, на старых пнях и между широкими листьями пальм и других крупнолистных растений; большинство прячутся на день в пещерах, в обломках развалившихся зданий, под темными сводами, а также между стропилами крыш.

Известные виды этого семейства живут отдельно, некоторые, в особенности обитающие в пещерах, скапливаются в громадные стаи. С наступлением сумерек просыпаются и часто летают всю ночь. Иные летают низко и быстро, другие — высоко и медленно.

Самые древние из известных описаний я нахожу у моего любимого старого Геснера. «В Дариене в Новом Свете ночью испанцев мучили летучие мыши; они кусали их во время сна так, что те исходили кровью и многих наутро находили мертвыми. Также это животное, найдя под открытым небом курицу или петуха, захватывает зубами за гребень и убивает, пишет Петр Мартир. Во многих местностях испанцы встречали летучих мышей величиной не меньше голубя-турмана, которые с наступлением ночи нападали на них, кусали ядовитыми зубами и совсем оглушали, так что те едва имели силы бежать от них. Таких же летучих мышей, не меньшей величины, в громадном количестве находили на острове Ураба — одном из самых больших островов Нового Света, где эти животные причиняли такой же вред, как испытали и вышеописанные испанцы. Анцизус, когда я его спросил о ядовитых укусах, рассказал, что однажды летом, во время жары, его укусила летучая мышь в ногу, но это повредило ему не больше, чем укус неядовитого животного. Другие говорят, что хотя укус и ядовит, но если больное место смочить морской водой, то через час все пройдет».

Точнее сообщает об этом испанец Азара, называющий кровососа «Morderor», то есть кусатель. «Иногда, — говорит он, — они кусают спящих кур в гребень или в бородки и высасывают из них кровь, вследствие чего куры околевают, в особенности когда раны воспаляются, что случается почти всегда. Вампиры также кусают лошадей, ослов, мулов и коров — чаще всего в бока, плечи или в шею, потому что в этих местах им легче удержаться.

** Семейство включает три рода настоящих вампиров, или десмодов, — довольно крупных рукокрылых, распространенных от юга Техаса до центральных районов Чили и Аргентины. На островах Карибского моря вампиры отсутствуют (есть только на Тринидаде). В горах встречаются до высоты 2100 м, ландшафтные зоны для них очень важны — живут от пустынь до тропических лесов. Во времена Брема вампиров причисляли к семейству американских листоносов, чем и объясняется периодическая подмена названия «вампир» на «листонос».*

Кусают они и людей; я сам убедился в этом, потому что четыре раза был укушен в пальцы, когда спал под открытым небом или в открытых строениях. Я вовсе не чувствовал ран, нанесенных мне; раны были круглыми или продолговато-круглыми, но такой незначительной глубины, что едва проникали через кожу, и отличались от других ран вздутыми краями. По моему вычислению количество крови, вытекшей из раны, равнялось двум с половиной унциям. У лошадей и у других животных это количество должно быть больше и доходит до 3 унций, притом я полагаю, что уже вследствие толстой шкуры кровососы должны наносить этим животным более значительные и глубокие раны. Кровь выходит не из артерий, потому что рана до них не доходит, а только из сосудов кожи, без сомнения, вампиры вытягивают ее высасыванием или лаканием. Хотя мои раны и болели несколько дней, но во всяком случае были так незначительны, что я не считал нужным употреблять против них какое-нибудь средство, тем более что они не мешали мне ходить. Так как эти животные вовсе не столь опасны и сосут кровь лишь в те ночи, когда им не удается отыскать другой пищи, то нечего их бояться и от них прятаться. Рассказывают, будто бы они обмахивают крыльями как веером то место своей жертвы, где хотят сосать, для того, чтобы животное ничего не чувствовало». Все остальные народные поверья о вампире Азара опровергает самым решительным образом.

«Когда жгучая дневная жара сменяется в тропических странах прохладой не менее длинной ночи, — описывает Гумбольдт, — то рогатый скот и лошади не могут все-таки насладиться отдыхом. Чудовищные летучие мыши, подобно вампирам, во время сна высасывают у них кровь, крепко прицепившись к ним на спину, где потом образуются гнойные раны, на которые садятся комары, оводы и множество других жалящих насекомых». В описании своих путешествий этот же натуралист еще несколько раз возвращается к кровососам, которых он сам наблюдал. «Огромные летучие мыши, по всей вероятности, из семейства листоносов, летали по обыкновению добрую половину ночи над нашими гамаками; так и казалось каждую минуту, что они хотят вцепиться кому-нибудь в лицо». В другом месте он говорит: «Скоро после этого страшные летучие мыши, летавшие над нашими гамаками, укусили, или, как выражаются туземцы, ужалили нашего большого дога за морду. У них длинные хвосты, как у молоссов; но я думаю, что это были листоносы*; их язык усажен сосочками и служит орудием сосания; они могут его сильно сузить. Рана была небольшая и круглая; собака жалобно выла, но не от боли, — она испугалась летучих мышей, когда они летали над нами. Подобные случаи бывают гораздо реже, чем обыкновенно в этой стране думают. Хотя мы были в тех местностях, где вампиры встречаются очень часто, и много ночей проводили под открытым небом, но

* Настоящие вампиры практически лишены хвоста и имеют глубоко вырезанную перепонку между задними ногами.

никогда они нас не кусали. Кроме того, ранка совсем не опасна, а боль от нее так незначительна, что просыпаются уже тогда, когда летучая мышь сделала свое дело».

Ренгор прибавляет к наблюдениям Азары следующее: «Я исследовал более сотни ран у мулов, лошадей и быков и не мог составить себе ясного понятия о том, каким образом вампиры производят их. Воронкообразная рана имеет около четверти дюйма ширины, иногда несколько более, и от одной до двух линий глубины. Рана никогда не проникает через всю кожу до мускулов; на ней вовсе не заметно следа зубов, как при обыкновенных укусах; напротив того, края раны сильно разрыхлены и распухшие. Поэтому я не думаю, чтобы эти раны у крупного скота возникли посредством укусов, тем более что в таком случае каждое спящее животное непременно бы проснулось и прогнало врага. Можно предположить, что вампир делает сначала кожу нечувствительной посредством сосания губами, подобно тому как это делается, когда ставят банки, и затем, когда она уже вздуется, прокусывает зубами небольшое отверстие. В это отверстие, как мне кажется, вампир потом всовывает вытягивающийся, приспособленный для сосания язык, вследствие чего и образуется воронкообразное углубление. Из устройства крыльев очевидно, что летучая мышь не может в одно время и сосать и махать крыльями. Летательная перепонка соединена с ногами до самой ступни, следовательно, для животного невозможно держаться ногами и в то же время двигать ими, чтобы махать крыльями; ему бы тогда пришлось сосать на лету. Я по крайней мере видел, что когда летучие мыши садились на лошадей, то складывали при этом крылья. Для того чтобы легче держаться, они выбирают на теле животного места, покрытые волосами и не очень выпуклые, например, у лошади — шею, загривок и круп, а у мулов — шею и загривок, у быка — лопатку и складки шеи. Раны эти не опасны; но так как иногда в одну и ту же ночь несколько вампиров сосут кровь из одного животного, и это иногда повторяется несколько ночей кряду, то скотина ослабевает от потери крови, тем более что кроме крови, высосанной вампиром, ее потом вытечет от 2 до 3 унций (около 60—90 граммов) из каждой раны. Нередко также мясные мухи кладут свои яйца в образовавшуюся таким образом рану, отчего она превращается в большую опухоль. О том, что листоносы сосут также и людей, я не могу привести другого примера, кроме того, что рассказывает о себе сам Азара».

«Известные, часто описываемые кровососы, — говорит Бурмейстер, — которым без основания приписали столько дурного, распространены в Бразилии почти повсеместно и едва ли не ежедневно выказывают свое присутствие, кусая верховых и вьючных животных. Они, впрочем, редко приносят настоящий вред или убытки, так как количество крови, высасываемое ими у животных, очень незначительно. Укусы их чаще всего замечаются в

холодное время года, когда летучим мышам трудно добыть насекомых, и постоянно на определенных местах, именно там, где волосы животного расходятся во все стороны и летучая мышь легко может проникнуть до голой кожи. Большую часть укусов я находил на загривке, в особенности у тех животных, у которых были на этих местах раны от хомута и сбруи. Второе любимое место вампиров — это впадина на бедре, около тазовых костей, где волосы расходятся; кусают они также ноги внизу, но очень редко делают укусы под шеей. На голове, на носу и на губах раны встречаются только в исключительных случаях. Пока животное не спит, оно не подпустит к себе летучей мыши; топая ногами, двигая головой, оно всегда прогонит вьющегося около него врага; вампир может спокойно сосать только спящих животных. Рассказ о том, что листоносы при этом машут крыльями, следует считать басней. Иногда конюхи, осматривающие лошадей, даже схватывают сосущих их летучих мышей: до того эти кровососы бывают увлечены своим делом, что не обращают ни на что внимание. Об укусах людей я не имею точных наблюдений, так как мне не случалось видеть человека, укушенного ими. Трудно с точностью сказать, каким образом кусает летучая мышь. Известно только, что она садится с полураспущенными крыльями, раздвигает слегка волосы, крепко прижимает к коже бородавчатый подбородок и начинает сосать. Рана имеет вид маленькой, неглубокой ямочки, совершенно не похожей на раны, нанесенные острым орудием. Я думаю, что отверстие делается заметным только тогда, когда летучая мышь уже несколько всосала кожу и прокусила или откусила часть ее двумя острыми верхними резцами, но не клыками, которые для этого вовсе не годятся. Крови после укуса много не вытекает. Узкая высохшая полоска крови — вот все, что замечается впоследствии. О случаях смерти животных от потери крови я никогда не слышал. Они, без сомнения, несколько ослабевают от часто повторяющихся укусов, в особенности потому, что в холодное время года нигде не найти обильного корма; но умирают такие животные только в том случае, когда хозяин слишком обременит их тяжелым вьюком, так что, по всей вероятности, животное околело бы и без потери крови».

К этому рассказу лучше всего присоединить обстоятельные сообщения Гензеля, показания которого заслуживают доверия, хотя иногда он исходит от ложных предположений. «В Бразилии, — говорит он, — часто можно видеть на лошадях и мулах раны, причиненные летучими мышами, высасывающими кровь. В Рио-де-Жанейро, где вследствие жары все конюшни оставляются открытыми, чтобы отогнать этих летучих мышей, вынуждены ночью ставить лампы и вывешивать полотна в виде флагов, которые развеваются ветром. Мне самому часто случалось видеть и находить бесчисленные раны несомненно такого же характера на моих верховых и вьючных животных; эти раны отнюдь не похо-

дят на раны от укуса хищного зверя, у которого мелкие резцы, но большие и острые клыки, так что на укушенном месте остаются четыре дырочки — следы четырех клыков. От укуса хищным животным не бывает зияющей раны, а кровотечение происходит только в том случае, если клыки проникли глубоко и повредили крупные сосуды. Если укусит какой-нибудь небольшой хищник, например ласка, то крови вытекает очень мало и рана скоро затягивается. Но раны лошадей и мулов, укушенных вампирами, совсем иного характера, они представляют маленькую яйцевидную поверхность, которая слабо углублена и очертанием походит на чечевицу. Порез не перпендикулярен к поверхности укушенного места, как в ранах, сделанных клыками, а идет почти параллельно коже. Такую рану можно получить следующим образом: приподнять щипчиками кожу немного вверх и затем срезать ее ножом, проводя им как бритвой во время бритья. Подобный укус или порез всегда сопровождается потерей частички кожи и сильным продолжительным кровоизлиянием, так как при этом перерезывается много сосудов. У лошадей, укушенных вампирами ночью или вечером, нередко и на следующее утро еще стекает кровь узкой струйкой с шеи на землю или с плеча по передним ногам. Такие раны могут быть причинены только большими, острыми, лопатообразными резцами, а подобную зубную систему мы находим только у десмодов и у ланцетоносов. Я убежден, что только эти две группы летучих мышей сосут кровь, а все рассказы о других летучих мышах, высасывающих кровь, основаны на ошибке или на недоразумении».

«Вместе с десмодами, — продолжает Гензель, — встречаются в Бразилии и другие листоносы; однако раны, наблюдаемые на тамошних лошадях, всегда такие же, как вышеописанные. На рогатом скоте я никогда не замечал укусов, так как кожа у них слишком толста и крепка; но за отсутствием лошадей кровососы накидываются и на них.

Мне кажется совершенно невероятным, чтобы из одной и той же раны могли сосать кровь несколько кровососов, один после другого, потому что они оставляют свое убежище почти в одно время, кроме того, потребность в пище у них одинаково велика. В Америке, где лошадь не принадлежит к числу местных видов, кровососы первоначально имели другой источник питания. Такие животные, как олени, тапиры, водосвинки и другие, защищены от нападения кровососов, потому что живут в непроницаемой чаще лесов или в воде, а обезьяны спасаются от них благодаря своей живости и ловкости. Так что чаще всего вампиры ловят мелких теплокровных животных — мышей, птиц и высасывают у них кровь, а только в исключительных случаях нападают на лошадей или мулов. Доказательством того, что вампиры не употребляют в пищу насекомых, а исключительно питаются кровью, могут служить недоразвитые корен-

Семейство вампировые

** Червеобразный
желудок вампиров не
способен перевари-
вать ничего, кроме
крови.*

*** Найдя подходящее
место для укуса,
зверек острыми, как
бритва, передними
резцами срезает
кусочек кожи и
углубляет ранку
языком, смачивая
слюной, содержащей
анальгетики —
обезболивающие
вещества и антико-
агулянты — веще-
ства, препятствую-
щие свертыванию
крови. Вампиры не
сосут кровь из раны,
а лизут и лакают
кровь, сбегаящую из
ранки вниз по повер-
хности тела.*

ные зубы, совершенно не приспособленные к жеванию*. Кроме того, при вскрытии их внутренности находят наполненными черной, смолистой кашицей, образовавшейся от переваренной крови. Испражнения также черны и тягуче-жидкие. С началом сумерек летучие мыши покидают свои убежища в самой глубине темных пещер или в щелях скал, но не вылетают на открытый воздух тотчас же, а сначала собираются вблизи входа пещеры на удобном месте, где ожидают наступления темноты и, между прочим, выпускают жидкие испражнения. Поэтому почва в таких пещерах покрыта толстым слоем массы вроде дегтя, со своеобразным запахом, свойственным летучим мышам; в посещенной мною пещере слой этот достигал фута глубины. Большая собака, вошедшая туда, возвратилась как будто в черных сапогах».

У меня относительно этого предмета мнение иное, чем у Гензеля. Его предположение, что питание кровью содействует образованию жидких испражнений, — неверно, в чем легко можно убедиться на каждой кошке или собаке, если их намеренно кормить кровью. Мне кажется, что жидкие испражнения происходят от плодов, которые листоносы высасывают в значительном количестве.

Кроме упомянутых Геснером испанцев и известного Азары некоторые другие путешественники также были укушены кровососами, например Бетс, проживший в Бразилии 11 лет. Во время своего пребывания в Карапе он жил в комнате, необитаемой уже несколько месяцев и стены которой имели во многих местах отверстия. «Первую ночь, — рассказывает он, — я спал крепко и не замечал ничего необыкновенного; на вторую — около полуночи был разбужен шумом, который производила крыльями огромная стая летучих мышей, летавших взад и вперед по комнате. Они потушили лампу, и когда я ее опять зажег, то увидел, что вся комната была ими наполнена и казалась черной от множества кружившихся в ней летучих мышей. Несколько минут я их прогонял палкой, и они исчезли через отверстие в крыше между черепицами. Но, как только все успокоилось, вернулись назад и опять затушили огонь. Я больше не обращал на них никакого внимания и лег спать. На следующую ночь несколько этих животных залезли в мой гамак; тех из них, которые вскарабкались на меня, я схватил и бросил о стену. На расвете нашел на своих ногах рану, несомненно причиненную летучей мышью. Это, наконец, мне так надоело, что я принялся вместе с неграми их прогонять и убил массу висевших на стропилах. Негры взобрались на крышу и оттуда притащили сотню летучих мышей с детенышами. Кроме этого раза мне больше не приходилось выдерживать нападения летучих мышей. Тот факт, что они высасывают кровь** у спящих людей, признан несомненным; но люди, действительно укушенные ими, встречаются

редко. Негры считают, что вампир — единственный вид, который нападает на людей. Те летучие мыши, которых я ловил, когда они на меня лезли, были нетопыри, и поэтому я склонен думать, что сосанием крови занимаются различные виды этих животных». Таких обстоятельственных отчетов не имеется из Африки и Индии; некоторые путешественники упоминают михоходом и очень кратко, что кровососы Старого Света, поймав мелких животных, сначала высасывают у них кровь, а потом пожирают, но это не особенно существенные наблюдения. Во всяком случае, в этих странах ни люди, ни крупные животные не страдают от кровососов.

Один из представителей этого семейства, о котором уже много раз упоминалось, получил название **обыкновенный вампир**, или десмод (*Desmodus rufus*)*. Эта летучая мышь сверху темно-бурого цвета, только верхушки и основания волос беловатые; снизу шерсть гораздо светлее, блестящего серебристого цвета. Носовой нарост, ушная раковина, руки и ноги кажутся мясного красного цвета и покрыты редкими волосами. Летательные перепонки почти такого же цвета, как и спина. Длина тела достигает 6,5 см, размах крыльев — 37 см.

Этот вид, по словам Бурмейстера, часто встречается в пещерах Минас Гераес. Днем висит под потолком небольшими группами, легко приходит в беспокойство при виде света. Подобно листоносам в тесном смысле, питается кровью, что подтверждает и форма зубов — резцов и коренных. Наблюдения Бурмейстера очень существенно пополняет Гензель. «Эти летучие мыши, — говорит он, — живут большими группами в пещерах между скалами, иногда встречаются в больших дуплистых деревьях. Во время ловли они кусали моих собак за нос и меня самого за пальцы; я рассматривал эти раны и нашел, что они совсем похожи на те, которые я видел у лошадей, покусанных кровососами. Животное кусает с быстротой молнии: кажется, что оно только коснулось кожи, а между тем видно, что уже кусочек ее откушен. Поэтому они не могут впиваться зубами, как это делают другие листоносы, которые, когда их поймают, приходят в такую ярость, что хватаются зубами за что попало и так висят довольно долго. Еще много есть неизвестного в образе жизни этого кровососа, так как число ран, наблюдаемых от его укусов на лошадях и мулах, — слишком незначительно по сравнению с количеством этих летучих мышей. В немецких колониях Санта-Круц в песчаниковой горе есть пещера, где живут эти листоносы; я насчитал их там штук 200. Поблизости этой пещеры было огороженное место, на котором дни и ночи паслись лошади и рогатый скот ближайших поселенцев. Я часто туда ходил, но никогда не замечал на животных очень большого количества ран от укусов кровососов. Если бы все те летучие мыши, что жили в пещере, нападали на них, то здесь держать их было бы невозможно».

** Это самый крупный (длина тела до 9 см) и наиболее известный представитель семейства. Большинство нападений на крупный скот и человека принадлежит ему. Крупным птицам они наносят укусы в нижнюю часть голени, или вокруг клоаки. Если птица просыпается и начинает прохаживаться, незаметно семеня за ней, уловив момент, прикладываются к ране. Десмоды — строго ночные рукокрылые, летают низко, издают локационные звуки малой мощности. Собираются в пещерах, дуплах, иных укрытиях скоплениями по несколько тысяч особей. Сезонности в размножении нет, беременность длится 90—120 дней, в году бывает 2 помета. Детенышей самка оставляет на месте дневки.*

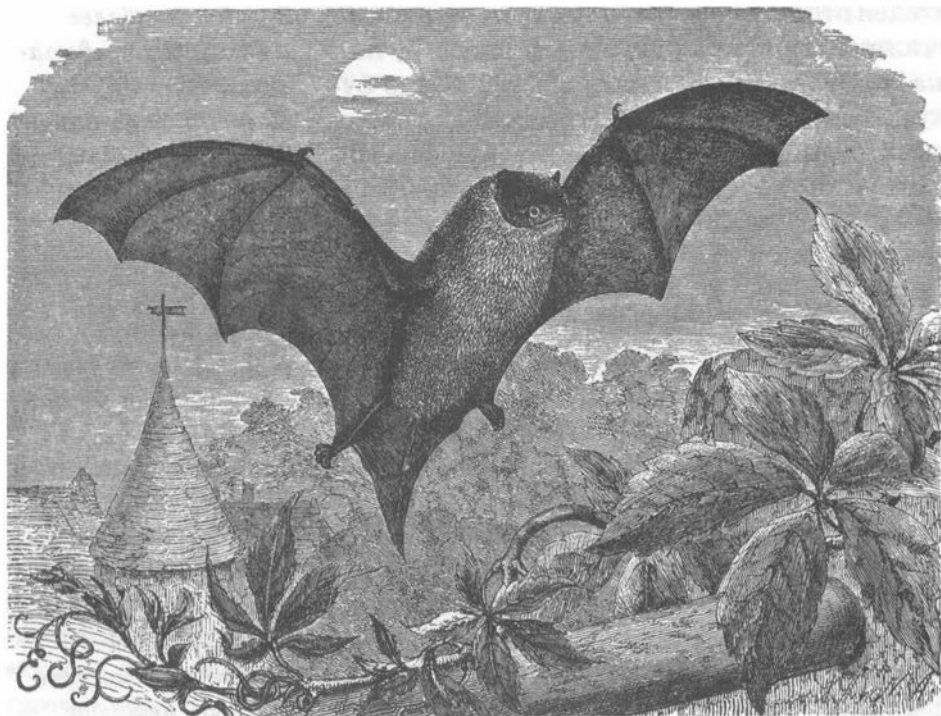
СЕМЕЙСТВО
ОБЫКНОВЕННЫХ ЛЕТУЧИХ МЫШЕЙ
(Vespertilionidae)

Самый малый представитель этой группы и вообще самая малая из летучих мышей в Европе — **нетопырь-карлик** (*Pipistrellus pipistrellus*).

Общая длина его тела только 6,7 см, причем на хвост надо отнять 3,1 см, размах крыльев 17—18 см. Цвет шерсти непостоянный, на верхней стороне туловища желтовато-ржаво-бурый; двуцветные волосы у корня темнее, на концах светлее. Толстокожие

уши и летательные перепонки имеют темно-коричневую, почти черную окраску.

Нетопырь-карлик живет почти во всей Европе и в большей части северной и средней Азии; область его распространения занимает пространство от Скандинавии и Испании до Японии; в России и Скандинавии его находят, по словам Блазиуса, до 60 градуса северной широты.

Нетопырь-карлик
(*Pipistrellus*
pipistrellus)

Он встречается в Англии, Франции, Германии, Венгрии, Испании, Сицилии и Греции, но чаще всего в средней Европе, особенно в Германии, где считается самым обыкновенным видом. В гористых местностях поднимается до верхней границы пояса лесов, в Альпах почти до высоты 2000 метров; живет даже на близких к матерiku островах. В Германии нет ни одного города, ни одной деревни, даже почти ни одного двора, где бы его не было. Днем его можно найти в углах под крышами, в расселинах каменных стен, в трещинах балок, под сводами арок, в дуплах или под корой деревьев, под досками, в густых ветвях, в плюще и в других подобных местах. В замке Вейльбург, по словам Коха, эта летучая мышь заползает даже в стеклянные фонари коридоров, а также в ходы, проделанные в старых дубах личинками жука-олени, одним словом, она пользуется всяким доступным для нее местом. Для летнего дневного сна и для зимней спячки выбирает

такие же места, но вообще неразборчива на этот счет, потому что лучше, чем все другие родичи, переносит неблагоприятную погоду. Нетопырь-карлик позже всех других живущих в Германии летучих мышей начинает зимнюю спячку и раньше всех прекращает ее, часто во время зимы пробуждается и охотится не только в защищенных местах, но и на открытых; всегда живет обществами*. Во время зимней спячки нетопыри часто сгущаются по несколько сотен и тысяч, образуя большие клубки; соединяются даже с родственными видами. Смотри по времени года, они вылетают на охоту раньше или позднее.

Полет нетопыря-карлика очень ловок, но, конечно, соответствует его малой величине; высота полета, по наблюдению Альтума, различна; иногда он низко летает над небольшими прудами, чаще порхает между стволами деревьев, а в хорошие вечера подымается на высоту от 15—20 метров. В городах, где он тоже нередко встречается, не поднимается выше второго этажа. Мало летает над серединой улиц, а ближе к зданиям, подымаясь то выше, то ниже; над высокими крышами совсем не летает. В деревнях его можно видеть у каждого дома или недалеко от него; на дворах больших хозяйств он обшаривает все углы и закоулки, забирается в открытые чердаки и конюшни; любит залетать в открытые освещенные комнаты, и при случае в несколько минут может набраться в комнату 20—30 летучих мышей. «Выдаются вечера, конечно, случайно, — говорит Альтум, — что они в большом количестве залетают в комнаты в разные дома; меня однажды известили из трех мест, что накануне вечером к ним в освещенные комнаты налетело множество нетопырей-карликов». Но они никогда не залетают в низкие маленькие комнаты, а всегда в большие; избегают пустых площадей без деревьев и только мимоходом проносятся над ними.

В мае самка мечет двух, редко одного детеныша, которые в конце июня или в начале июля настолько вырастают, что летают вместе с матерью, но все еще и помимо величины отличаются от старых. Последние делают на лету разнообразные, ловкие извивы, а молодые, по словам Альтума, шурша и шелестя крыльями, не особенно ловкими взмахами летят более или менее прямо, так что их полет очень похож на полет дневных бабочек.

Нетопыря-карлика можно до известной степени приручить; он довольно хорошо выносит неволю, пьет молоко, ловит пущенных к нему насекомых, ест и мертвых, даже мясо — сырое и вареное.

Нетопырь-карлик больше всех других рукокрылых страдает от всевозможных врагов. Остатки его находят в погадках дневных и ночных хищных птиц; Кох говорит, что он составляет любимую пищу обыкновенной пустельги, которая его преследует, предпочитая всякой другой пище. Также уничтожают его хорьки, куница, горностаи, ласка и даже мыши, которые забираются

** Нетопыря-карлика можно легко распознать по голосу во время осенних брачных игр. Он издает чистые металлические звуки, переходящие в длинную трель, очень отличающиеся от стрекота других нетопырей.*

**Семейство
обыкновенных
летучих мышей**

зимой в его убежище, нападают и пожирают. Но самый ужасный враг этого в высшей степени полезного животного, которое живет вблизи наших домов и истребляет моль, комаров, мух и других вредных насекомых, это, к сожалению, человек — в своем безумии необразованный, грубый, беспечный невежда, не ценящий своих лучших друзей и уничтожающий сотнями этих безвредных и благодетельных созданий.

Один из обыкновеннейших видов этой группы — **водяная летучая мышь, или водяная ночница (*Myotis daubentoni*)**.

При размахе крыльев от 23—24 см общая длина тела 8,5 см, из которых 4,7 см составляют длину туловища, а 3,8 см длину хвоста. Ее легко отличить от других летучих мышей такой же

величины по коротким ушам с удлиненным узким козелком и по отсутствию шпорцев; сверху она красновато-серо-бурого цвета; а снизу грязно-белого. Тонкокожистые летательные перепонки и уши серо-бурые, последние у основания несколько светлее. Шерсть двуцветная: у основания черная, а концы волос светло-серо-бурые, снизу — белые.

Водяная летучая мышь живет

**Водяная ночница
(*Myotis daubentoni*)**

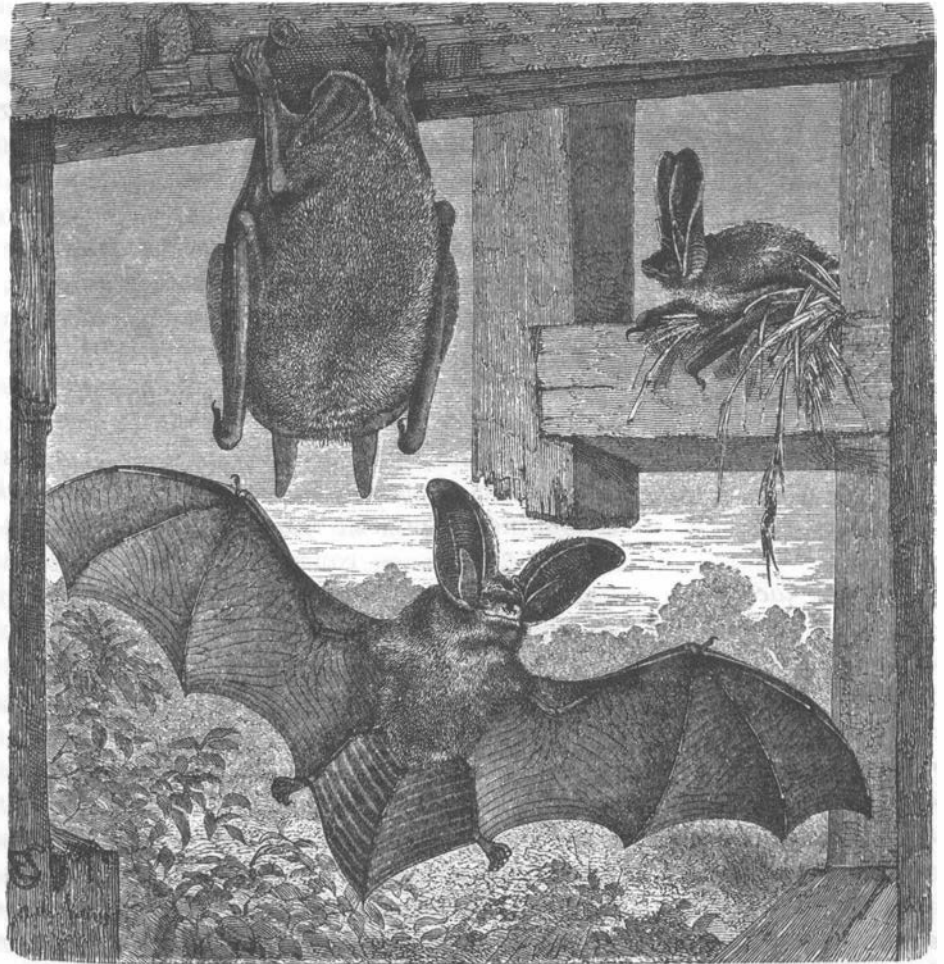
* Ночницы — единственный космополитически распространенный род летучих мышей.

почти во всей Европе и, кажется, в части Азии; встречается в Германии, Швеции, Финляндии, по всей западной Франции, в Венгрии, Сицилии, Сардинии, средней России и на Урале*. В гористых странах поднимается довольно высоко, на Гарце — на 600, а на Альпах — на 1200 метров над уровнем моря. В богатых водой местностях она встречается часто и местами даже в громадном количестве; появляется весной уже в начале марта, а засыпает в конце октября. Для зимней спячки выбирает себе дуплистые деревья, своды, ямы, трещины в скалах и разрушенные здания, но больше любит забираться в темные углы в известковых пещерах, старых штольнях, где или висит свободно, или заползает в тесные щели. Повсюду, где она часто встречается, живет обществами и только в безводных гористых местностях — поодиночке. На охоту за добычей вылетает, как только начинает смеркаться, иногда

отлетает на расстояние в четверть часа от своего убежища к воде и быстро летает над ней. Альтум говорит, что около Мюнстера она представляет обыкновенное явление везде, где есть вода, все равно стоячая или текучая, но только не заросшая очень высокими растениями; недалеко от Берлина, где она также представляет очень обыкновенное явление, водится в громадном количестве. «Большие пруды, — говорит Альтум, — с нависшими над ними деревьями, окруженные садами и развалившимися каменными стенами, составляют любимейшее ее местопребывание. Полет ее очень быстр и ловок*»; она летает, когда наступят уже сумерки, преимущественно над местами, где темнее от деревьев или от ка-

* Полет водяной
ночницы довольно
медленный.

ких-нибудь строений, и представляется каким-то светлосерым призраком над темной поверхностью воды; очень низко проносится над водой, ловя насекомых. Если встречается мосты, то залетает под них даже и в том случае, если там проплывают лодки с людьми. В этом отношении она походит на летучую мышь-карлицу, которая тоже решается залетать под проездные ворота или даже в комнаты, где ищет укромного уголка, но больше пяти минут не остается на одном месте и опять перелетает на прежнее». Утомленная охотой, эта летучая мышь

привешивается для временного отдыха к ветвям деревьев, растущим у воды, или к стенам каменных зданий, где часто можно наблюдать целые ряды этих летучих мышей.

Ушан обыкновенный (*Plecotus auritus*) при размахе крыльев в 24 см имеет длину тела только 8,4 см; из них еще около 4 см приходится на хвост. Уши очень длинные по сравнению с величиной всего тела, а именно 3,3 см. мех довольно длинный,

Ушан обыкновенный
(*Plecotus auritus*)

*Семейство
обыкновенных
летучих мышей*

** На Кольском п-ове обыкновенные ушаны встречаются севернее Полярного круга, почти доходят до него в Западной Сибири и Якутии. Все виды ушанов являются неперелетными рукокрылыми, на зиму впадают в спячку.*

*** Ушаны часто собирают насекомых, сидящих на субстрате, даже хватают их, садясь на землю. Взмахивая короткими широкими крыльями, могут зависать на одном месте, что облегчает им сбор корма. В отличие от ночниц и вечерниц на охоту вылетают в полной темноте. В период размножения самки держатся колониями до 200 особей, самцы — поодиночке.*

разных оттенков — сверху серо-бурых, с нижней стороны несколько светлее; у молодых животных темнее, чем у старых. Летательные перепонки тонки, нежны и гладки, светло-серо-бурого цвета; у самого тела они покрыты редкими и чрезвычайно тонкими волосками. Особенно замечательны равняющиеся почти длине туловища уши, имеющие от 22—24 поперечных складок, а сзади — правильно закругленный изгиб. Козелок достигает почти половины длины уха, к концу суживается и заметно отгибается книзуржи; он, как и само ухо, состоит из крайне нежной и тонкой кожицы.

Ушан встречается во всей Европе, за исключением тех стран, которые лежат за 60 градусом северной широты*. Кроме того, его наблюдали в северной Африке, западной Азии и Ост-Индии. Он нигде не считается редкостью, а в северной и средней Германии — один из обыкновеннейших видов; живет всегда отдельно или небольшими группами. Повсюду держится недалеко от человеческих жилищ, летом привешивается иногда для спанья на оконных ставнях, в дуплах деревьев, зимой забирается в ледники, под своды, в известковые пещеры. В городах, говорит Альтум, он выбирает незастроенные места — площади, обсаженные деревьями и кустами, иногда попадает в беседки и строения, стоящие в саду. В гористых странах, например на Гарце или на Альпах, ушаны не поднимаются выше лесной полосы. Летом их чаще всего можно видеть летающими на лесных прогалинах и проселках, в садах и аллеях. Редко поднимаются они выше 15 метров, обыкновенно летают гораздо ниже, хлопают крыльями и летят медленно, впрочем, могут и разнообразить свои движения. «Он любит летать, — говорит Альтум, — около плодовых деревьев: подобно бражникам, отыскивает свою пищу в цветущих растениях, причем временами останавливается неподвижно в воздухе, словит паука или моль и опять продолжает летать». Во время полета сгибает свои громадные уши, очень подвижные из-за бесчисленных поперечных складок, и наклоняет их дугообразно вперед книзу, так что тогда торчат вверх только острые, длинные козелки. Когда ушан висит, то чаще всего складывает уши назад под крылья. Во время зимней спячки, по словам Коха, он висит на открытом месте, реже в расщелинах и обыкновенно поблизости от входа в убежище; может выносить довольно значительный холод. Несмотря на то что ушаны нечувствительны к холоду, они очень рано забираются в свое убежище, уже с октября, и зимняя спячка длится до марта. В конце июня или в начале июля самка приносит детенышей. Питается ушан преимущественно насекомыми, которых ловит на лету и, по наблюдению Альтума, хватает их также с листьев; это последнее, впрочем, оспаривается другими наблюдениями**.

Ушанов, подобно большей части летучих мышей, очень мучают всевозможные паразиты; кроме того, им часто грозит опас-

ность со стороны куниц, хорьков, некоторых дневных хищных птиц, сов, а иногда также и кошек. Хищные звери подкрадываются к ним днем, а совы ловят ночью, когда они вылетают за добычей, — в то время даже и мелкие, ловкие ночные хищные птицы без труда хватают их на лету.

Ушаны дольше всех других рукокрылых выдерживают неволю: при тщательном уходе могут жить в ней несколько месяцев и даже лет. Вследствие этого их выбирают чаще, чем других летучих мышей, для наблюдений над условиями жизни рукокрылых. Их можно до известной степени приручить. Фабер в продолжение многих недель производил наблюдения над жившим у него ушаном. Обыкновенно в сумерки ушан был очень подвижен, летал часто и в продолжение дня, а в середине ночи отдыхал. Он легко и долго носился по комнате, по большей части держа крылья спокойно, впрочем, мог на лету опускать и расправлять их. Чтобы миновать какое-нибудь препятствие, он описывал дугу, быстро опускался на землю и без труда опять подымался на воздух. По стенам лазал замечательно ловко при помощи больших пальцев передних конечностей. Длинные уши его были в постоянном движении: он то приподнимал их, как лошадь, при малейшем шуме, то отгибал назад, наподобие рогов у молодых баранов, когда слышал продолжительный и сильный шум. В спокойном состоянии постоянно складывал уши, часто вертел головой, облизывал себя языком и нюхал во все стороны носом. Как все летучие мыши, этот ушан сильно страдал от всевозможных паразитов и часто чесал голову и все тело когтями. В холодную погоду сидел смирно. Как только заходило солнце, он начинал двигаться — бегал по клетке взад и вперед. Прожорливость его даже в неволе была чрезвычайно велика. Если к нему пускали мух, то он сейчас же начинал за ними охотиться, чтобы насытиться, ему нужно было от 60—70 таких насекомых. Он переваривал почти так же быстро, как и пожирал, и еще во время еды наполнял клетку своими черными испражнениями. Добычу замечал не глазами, а с помощью тонкого слуха и обоняния. Как только мимо него пролетали мухи, ушан тотчас их замечал, обнюхивал вокруг, наострив уши, останавливался перед мухой и затем с распущенными крыльями бросался на нее; чтобы поймать добычу, старался вогнать ее под крылья и потом схватывал наклоненной вперед мордой. Он быстро пережевывал пищу и проглатывал ее с помощью языка, причем ловко выплевывал твердые части, которые были ему не по вкусу, например ноги и крылья. Мертвых насекомых он ел только в случае сильного голода, но если только его добыча шевелилась, то всегда быстро бросался на нее. После окончания еды свертывался и сидел спокойно.

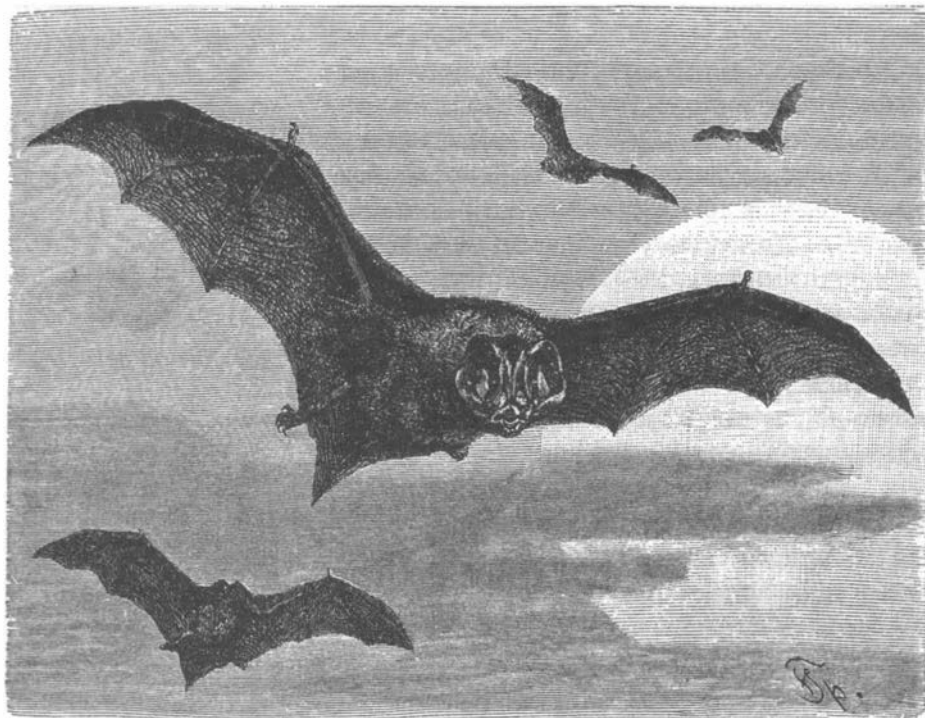
Европейская широкоушка (*Barbastella barbastella*). Длина 9 см, хвост 5 см, а размах крыльев 26 см. мех на верхней стороне темно-бурого цвета, а на нижней — светлее, серо-бурого; волосы у

Семейство
обыкновенных
летучих мышей

**Семейство
обыкновенных
летучих мышей**

* Оба вида широкоушек, европейская и азиатская (*V. leucomelas*), обитают в России только на Кавказе.

Европейская широкоушка (Barbastella barbastella)

корня черные, на конце имеют бледно-коричневую окраску; толстокожие летательные перепонки и уши бурого цвета.

«Этот вид хорошо известен, — говорит Блазиус, — в Англии, Франции, Италии, Германии, Швеции и в Крыму. Я наблюдал его в Венгрии, в средней России* и в Альпах, где он поднимается до самых высоких пастушеских хижин, встречается на Сен-Готарде, а также на Гарце — до высших обитаемых пунктов». По словам Коха, она особенно любит гористые страны и большие леса, никогда не живет обществами и во время зимней спячки только изредка привешивается вдвоем или втроем; широкоушки очень миролюбивого нрава и не дерутся между собою и с другими летучими мышами.

Для дневного отдыха они прячутся преимущественно в расщелины каменных стен, реже привешиваются к открытым темным местам на скалах или под сводами. Кенатило считает, что они тоже перекочевывают, потому что в тех местах, где летом встречались в большом количестве, зимой их можно редко видеть. Зимняя спячка, по Коху, начинается почти зимой — в ноябре; сон не крепок, легко прерыва-

ется и оканчивается очень рано, с наступлением первых теплых дней в начале марта или даже в конце февраля. При продолжительном холоде они, конечно, дольше остаются в своем убежище, но уже не в бессознательном состоянии, как во время спячки. Чаще всего забираются под арки, в ледники, подвалы, рудники и пещеры, а в известняковые пещеры только в случае крайности, когда поблизости нет ничего лучшего. Во время спячки висят, держась задними ногами, головой вниз, предпочтительно на стенах, в которые упираются передними ногами, а не на потолке. Самцы висят отдельно, самки забираются в щели. В своем убежище широкоушка не забирается далеко вглубь, а обыкновенно помещается у входа, так что до нее доходит и свет, и холод. Кох во многих местах находил висящих широкоушек, окруженных со

всех сторон ледяными сосульками. В хорошую погоду они иногда летают по убежищу, ловят бабочек, которые тоже там зимуют.

Летом широкоушка вылетает на волю при наступлении сумерек во всякую погоду, не боится ни дождя, ни ветра, держится тогда возле лесных опушек, в тенистых садах, реже возле домов и охотится преимущественно за мелкими бабочками; летает очень высоко и скоро, делает разнообразные извивы и быстрые повороты. По словам Альтума, она может быстро взлетать на высоту 10 метров и также опуститься до 3 метров над почвой, чтобы обыскать кусты; в городе держится не выше крыш домов. Рано весной производит на свет двух детенышей, которые уже осенью настолько вырастают, что делаются похожими на взрослых.

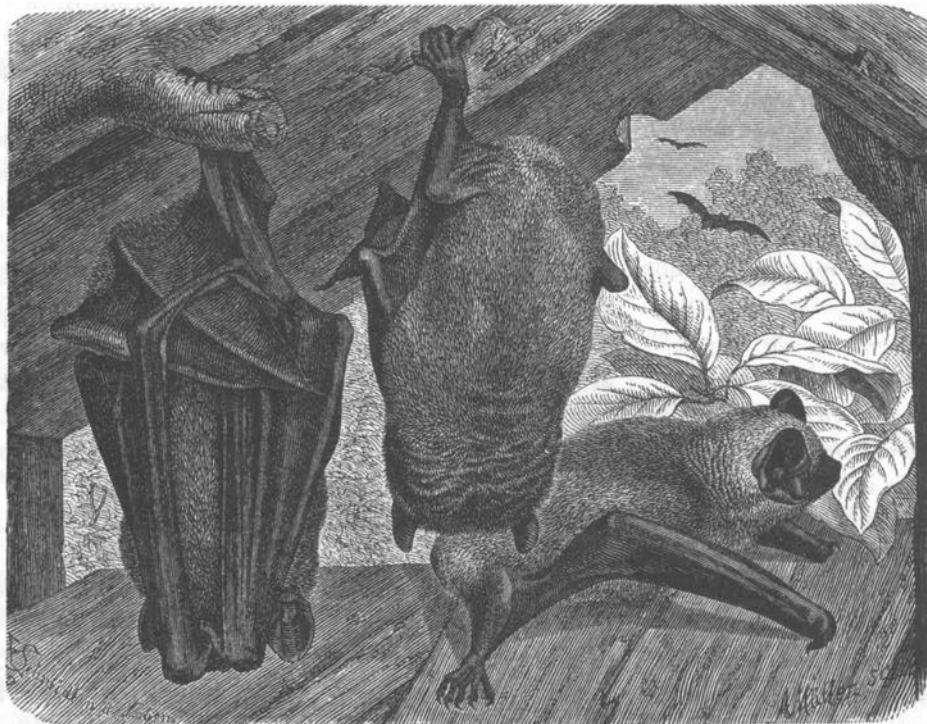
Из туземных видов широкоушка самая смиренная, не злая, мало кусается, лучше всех выдерживает неволю, если только у нее нет недостатка в живых насекомых. Даже старые животные быстро приручаются и привыкают к тому, кто за ними ухаживает; через несколько дней уже перестают бояться людей и до известной степени становятся ручными.

Представитель этой группы **рыжая вечерница** (*Nyctalus noctula*) — один из самых крупных европейских видов. Длина вечерницы 11 см, причем 4 см приходится на хвост; размах крыльев — 37 см; сверху и снизу одноцветной красновато-бурой окраски, молодые — темнее; толстокожие уши и летательные перепонки темно-бурого цвета.

Встречается от Англии и Северной Германии по всей Европе, даже в северо-восточной и южной Азии, следовательно, распространена по большей части Старого Света*; предпочитает плоскогорья и широкие долины гористым и высоколежащим странам и поэтому только в области своего распространения попадает часто. Для дневного отдыха, по наблюдениям Коха, забирается чаще всего в трещины на деревьях, в дырки, вырубленные дятлами, в конюшни, нежилые лесные домики и в дупла деревьев, где

Семейство обыкновенных летучих мышей

* В России этот вид распространен от зоны смешанных лесов на юг до границ, на восток — до Алтая. Местами

Рыжая вечерница
(*Nyctalus noctula*)

обычен. На зиму большинство зверьков улетает на юг. Предпочитает широколиственные леса с дуплистыми деревьями. Иногда образует небольшие колонии (до 100 особей) на чердаках, в развалинах.

Семейство обыкновенных летучих мышей

** Рыжая вечерница — один из лучших летунов среди рукокрылых, сочетает скорость с маневренностью. На полной скорости она подлетает к дуплу, мгновенно сложив длинные узкие крылья, проскакивает внутрь, резко тормозит и повисает на стенке или потолке дупла. Поэтому в отличие от кожанов и нетопырей, заползающих в убежище, предпочитает круглые, а не щелевидные дупла. На охоту вечерницы обычно вылетают через 20—30 минут после захода солнца, но с наступлением полной темноты возвращаются. Второй вылет — перед рассветом. Нередко в ясные вечера кормятся, летая на высоте 40—70 м и даже выше. Вечерницы специализированы в питании крупными летающими насекомыми.*

ее местопребывание легко заметить по тому, что вход в дупло гладкий и жирный, а также по особенному неприятному запаху. Такие же места выбирают эти летучие мыши и для зимней спячки, но предпочитают здания: чердаки церквей, старые необитаемые замки, где они собираются сотнями, привешиваются друг к другу наподобие черепицы на крыше и висят так громадными клубками в том случае, если не совершают перелета. Коленати наблюдал, как на Дунае они летели на запад целыми тысячами, а Кох говорит, что в гористых частях южной Германии осенью они исчезают и появляются опять только в середине лета. «Зимой мы никогда не находили у себя этих летучих мышей, хотя годами следили за ними с помощью угольчиков и лесников, между тем в июле и августе эти легко заметные по своему полету животные в тех же странах представляют вовсе не редкое явление». Но в других местах Германии, даже на севере, их находили и зимой. Они в это время собираются более или менее группами, соединяются с родственными видами, хотя их отнюдь нельзя назвать миролюбивыми. Зимняя спячка начинается довольно рано и продолжается непрерывно до поздней весны; это явление стоит в некотором противоречии с их нечувствительностью к холоду и суровой погоде. Размножение также совершается в поздние весенние месяцы; самка мечет двух детенышей, которые и к началу зимней спячки еще отличаются от взрослых животных.

Из всех здешних летучих мышей рыжая вечерница самая сильная, летает выше всех и вечером появляется первой*. Нередко ее можно видеть за несколько часов до заката солнца и, если можно так выразиться, довольно часто в борьбе с хищными птицами. Однако с помощью быстрых извивов она очень ловко умеет избавиться почти от всех нападений, часто даже ловкий сокол-чеглок, умеющий ловить и ласточек, не в состоянии догнать вечерницу. Из всех летучих мышей ее можно назвать самой увертливой. «Быстрыми, отчасти дрожащими взмахами крыльев, — говорит Альтум, — пронесится она невероятно скоро между вершинами самых высоких деревьев, уклоняясь то в ту, то в другую сторону, и крупными извивами преследует насекомых; иногда она несется некоторое время, не делая взмахов, иногда быстро опускается вниз или еще быстрее поднимается вверх». Питается всевозможными насекомыми, поэтому считается одним из полезнейших наших млекопитающих. Хотя рыжие вечерницы меньше других летучих мышей страдают от врагов, но все же в погадках сипухи попадаются их черепа. Опаснейшим врагом является зима; Альтум утверждает, что он чаще всех других видов находил вечерниц замерзшими.

ОТРЯД ПРИМАТЫ (Primates)*

Отряд
приматы

Из древних народов, по-видимому, только индийцы и египтяне питали некоторую симпатию к обезьянам. Древние египтяне высекали их изображения из прочного порфира и придавали своим богам часто внешний вид обезьян; древние индийцы точно так, как их нынешние потомки, строили для обезьян особые дома и храмы. Царь Соломон, по библейскому сказанию, выписывал обезьян из Офира. Римляне держали их для удовольствия в своих домах, а также изучали по их трупам внутреннее строение человеческого тела; их забавляла смешная переимчивость этих животных, и они для забавы заставляли обезьян бороться с дикими зверями в цирке. Впрочем, гордые римляне никогда не приравнивали обезьян к себе и считали их вполне зверями точно так, как и Соломон. Арабы смотрят на дело иначе: они видят в обезьянах потомков нечестивых людей, для которых нет ничего ни святого, ни достойного уважения, которым чуждо понятие о добре и зле, которые не сближаются ни с какими другими существами, созданными Господом Богом и которые прокляты с того дня, когда они, по суду Всевышнего, превращены из людей в обезьян. Существа эти осуждены Аллахом на вечные времена носить в себе отвратительное соединение человеческого подобия и бесовской внешности. Мы, европейцы, склонны видеть в обезьянах карикатуру на человека, а не существ, имеющих сходство с нами по строению своего тела. Более привлекательными нам кажутся те обезьяны, которые менее всего похожи на нас, между тем как те виды, у которых сходство с человеком выражено сильнее, нам почти всегда противны. Нерасположение наше к этим существам основывается не только на их наружном виде, но и на душевных свойствах их. Нас одинаково поражает как сходство обезьян с человеком, так и отличие их от нас. Достаточно бросить один взгляд на скелеты человека и обезьяны, чтобы заметить в них очень существенные различия, однако при внимательном изучении различия эти вовсе не так поразительны, как кажется с первого раза. Во всяком случае совершенно несправедливо считать обезьян существами, обиженными природой, как это легкомысленно делают некоторые писатели.

** Отряд приматов (Primates — «первенствующие») объединяет почти 200 видов, включая человека. Приматы естественным образом распадаются на два подотряда — полуобезьян и обезьян, представители которых заметно различаются внешним обликом, уровнем высшей нервной деятельности, экологией, многими другими чертами.*

Отряд приматы

Величина обезьян очень разнообразна: горилла ростом с большого человека, игрунка не больше белки*.

И строение их тела довольно разнообразно. В общих чертах обезьян можно разделить на три группы: человекообразные, собакоподобные и векшеподобные, что в большинстве случаев лучше характеризует их фигуру, чем длинные описания. Одни из них массивны, другие — стройны, третьи — неуклюжи, а некоторые очень грациозны. Конечности у обезьян бывают короткими и мускулистыми или же тонкими и длинными. У большинства приматов длинные хвосты, но у некоторых хвост короткий, а есть и вовсе бесхвостые обезьяны. Точно так же разнообразен и волосяной покров: у одних обезьян жидкие и короткие волосы, у других, напротив, шерсть густая и длинная, так что образует настоящий мех. Цвет шерсти чаще всего темный, но встречаются обезьяны, чей волосяной покров местами ярко окрашен. Голые места на теле иногда бывают также окрашены чрезвычайно ярко. Между обезьянами встречаются и альбиносы. В Сиаме, в Стране белого слона, где вообще альбиносы в моде, белые обезьяны чтятся весьма высоко.

Несмотря на внешнее разнообразие обезьян, внутреннее строение их тела довольно однообразно. В скелете их отмечается от 12 до 16 грудных позвонков, от 4—9 поясничных, от 2—5 крестцовых и от 3—33 хвостовых. Ключица всегда сильно развита; кости предплечья не срастаются и очень подвижны; кости запястья удлинены, а суставы пальцев иногда довольно коротки; на задних конечностях очень сильно развит большой палец, который, как у человеческой руки, может быть противопоставлен всем другим пальцам. Череп бывает довольно разнообразной формы в зависимости от развития лицевой и мозговой части; глаза расположены спереди и лежат во впадинах, окруженных сильно выдающимися костями; скуловые же дуги мало выдаются. Зубная система у обезьян полная: на каждой стороне челюсти, как верхней, так и нижней, замечается по два резца, по одному развитому клыку, по два или по три ложнокоренных и по три настоящих коренных зуба, с плоскобугорчатыми верхушками. Одним словом, зубы обезьян мало чем отличаются от зубов человека**.

Среди мускулов особенно замечательны мускулы руки, так как они представляют не столь сложную систему мышц, как на руке человека. Устройство гортани таково, что оно не позволяет обезьянам разнообразить звуки в такой мере, как это делает человек. Пузыреобразные раздутия дыхательного горла у некоторых обезьян способствуют образованию резких и воющих звуков. У некоторых видов обезьян отмечено развитие защечных мешков, т.е. особых расширений внутренних стенок рта, которые соединены с полостью рта особым отверстием и служат для временного сохранения пищи. У мартышек и павианов защечные мешки развиты сильнее, чем у других обезьян. Эти мешки спус-

* Длина тела приматов от 8,5 см (мышинный лемур, долгопяты) до 180 см (горилла), масса соответственно — от 45 г до 300 кг.

** Наиболее заметным внешним отличием обезьяньей зубной системы от человеческой являются выдающиеся крупные клыки и диастемы — промежутки в зубном ряду, куда эти клыки входят при сомкнутых челюстях.

каются ниже челюсти, у человекообразных и у обезьян Нового Света их вовсе нет.

Обезьян часто называют *четырёхрукими* и противопоставляют *двуруким*, т. е. человеку, имея в виду строение их передних и задних конечностей. Без всякого сомнения, обезьяны значительно отличаются от человека по строению рук и ног, но различие это с анатомической точки зрения не особенно велико. Если сравнить руки и ноги человека с руками и ногами обезьяны, то оказывается, что они устроены по одному и тому же типу. Большой палец, противоположный другим пальцам, встречается у человека только на руках, у игрунковых — только на задних конечностях, а у прочих обезьян — и на передних и на задних конечностях*.

Было бы несправедливо отрицать различие между строением ног человека и задних конечностей обезьян, но разделять их на этом основании не следует.

Окен, сравнивая обезьяну с человеком, пишет следующее: «Обезьяны похожи на человека во всем безнравственном и дурном: они злы, лицемерны, коварны, непристойны и вороваты. Они, правда, научаются многим штукам, но непослушны и любят прерывать свои занятия какой-нибудь совершенно неожиданной проказой. Обезьянам нельзя приписать ни одной добродетели, и человеку они не приносят никакой пользы. Случается, что они стерегут дом, охраняют имущество, прислуживают, но все это делают до тех пор, пока им не взбредет на ум какое-либо дурачество. Как в нравственном, так и в физическом отношении они представляют собой лишь худшую сторону человека».

Нельзя отрицать, что описание это почти верно. Однако надо признать у обезьян и хорошие качества. Судить о нравственных свойствах всего отряда довольно трудно, потому что многочисленные семейства и роды значительно отличаются друг от друга. Весьма справедливо, что обезьяны злы, коварны, гневны, мстительны, чувственны, сварливы, раздражительны — одним словом, подвержены многим аффектам. Но не следует упускать из виду их понятливость, веселость, кроткий нрав, ласковость и доверчивость к человеку, их умение придумывать себе занятия, их забавную серьезность, храбрость и постоянное попечение о благе своих товарищей; их мужество при защите общества от сильнейших врагов. Но больше всего в них развита любовь к своим детенышам; они часто переносят эту любовь на слабых собратьев и детенышей других животных.

Умственное развитие приматов не так уж сильно превосходит умственные способности прочих млекопитающих, как думают обыкновенно. Безусловно, их удивительные руки дают обезьянам значительные преимущества перед другими животными, а их движения и действия кажутся более совершенными, чем это есть на самом деле. Обезьяны очень понятливы, и переимчивость,

Отряд приматы

* У ряда форм, освоивших брахиацию — передвижение путем попеременного подвешивания на конечностях, — большой палец на руках может быть сильно редуцирован или отсутствовать совсем. Таковы коаты, колобусы, гиббоны, некоторые другие древесные обезьяны.

Отряд приматы

* *Тибетские (Macaca thibetana) и японские макаки (M. fuscata), горные резусы (M. assamensis) живут в областях Азии с умеренным климатом и достаточно суровой — морозной и снежной — зимой. Именно эти макаки считаются самыми холодоустойчивыми обезьянами.*

** *Вероятно, Брем имеет в виду гамадрила (Papio hamadryas), однако он, как и другие павианы, — африканская обезьяна, и заходит на юг Аравийского п-ова только краем ареала, в Австралии обезьян вовсе нет.*

*** *Японский макак распространен до северной оконечности о. Хонсю — до 41-го градуса с.ш.*

которой большинство из них обладает, помогает им легко обучиться некоторым довольно сложным действиям. Их следует отнести к числу самых умных животных. Они обладают прекрасной памятью и умеют пользоваться своим опытом. Обезьяны отлично понимают свою выгоду, обнаруживают замечательное искусство в притворстве и знают, как скрыть зловерные намерения, зреющие в их голове. Обезьяны умеют ловко избегать опасностей и очень удачно придумывают средства к защите. У них замечается довольно сильное развитие сердечных чувств: они способны любить и привязываться к другим существам, часто бывают благодарны и расположены к тем лицам, которые делают им добро. Павиан, живший у меня, всегда выказывал расположение ко мне, хотя легко сходиллся и с другими лицами, но эта последняя дружба была не сильна, так как он часто кусал нового приятеля, заметив, что я приближаюсь к ним. Любовь их, однако, тоже непостоянна. Стоит только посмотреть на лицо обезьяны, как сразу убедишься в том, как часто меняется у нее состояние духа. Подвижность лица поразительна. На нем замечаются в быстрой последовательности самые разнообразные выражения: радость и печаль, доброта и гнев, похоть и спокойствие — одним словом, всевозможные аффекты и страсти. При этом не следует забывать, что это быстрое изменение выражения лица несколько не мешает обезьянам в то же самое время прыгать, лазать и проделывать всевозможные гимнастические упражнения.

Замечательно, что всех обезьян, несмотря на их ум, можно легко обмануть. Страсть у них почти всегда одерживает победу над рассудительностью. Если они находятся в состоянии сильного возбуждения, то уже не замечают самой грубой западни и совершенно забывают про осторожность, увлекаясь желанием удовлетворить свою страсть. Замечание это относится и к самым умным обезьянам, но из этого нельзя вывести заключения о слабости их умственных способностей. Разве то же самое не случается иногда с людьми?

Палеонтологические изыскания свидетельствуют, что в прежние времена распространение обезьян было более обширно, чем теперь. Ныне они живут только в жарких странах земного шара, так как им необходим теплый климат в течение всего года. Некоторые павианы поднимаются в горных странах на значительную высоту и там переносят довольно низкую температуру, но все другие обезьяны очень чувствительны к холоду*.

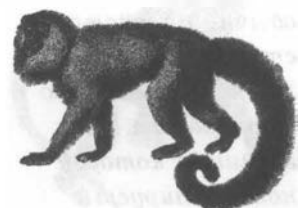
В каждой части света есть свои особые породы обезьян, и только один вид живет одновременно и в Африке, и в Азии**. В Европе встречается один вид обезьян, и то в небольшом количестве экземпляров: они живут на Гибралтарской скале под защитой английских орудий. Впрочем, Гибралтар не самая северная местность, где встречаются обезьяны: японская мартышка обитает на севере до 37 градуса северной широты***. В Южном полу-

шарии обезьяны достигают 35 градуса южной широты, и то только в Старом Свете. В Америке же область распространения обезьян простирается от 28 градуса северной широты до 29 градуса южной широты.

Область распространения каждого вида обезьян довольно ограничена, хотя можно заметить, что в отдаленных странах одной и той же части света встречаются породы обезьян, друг на друга очень похожие.

Большинство обезьян живет в лесах; только некоторые виды предпочитают скалистые горные местности. Строение тела этих животных так хорошо приспособлено к лазанью, что большие деревья составляют любимое место их пребывания; обезьяны, живущие на скалах, лазают на деревья только в случае крайней нужды.

Обезьяны, бесспорно, принадлежат к числу самых живых и подвижных млекопитающих животных. Выйдя на добычу, они не остаются ни минуты в покое; эта подвижность обуславливается, между прочим, и разнообразием их пищи. Обезьяны едят все съедобное, но главную часть их пищи составляют все-таки растительные вещества: плоды, луковицы, клубни, корни, семена, орехи, почки, листья и сочные стебли. От насекомых они также не отказываются, а яйца птиц и сами птенцы составляют для многих обезьян любимое лакомство. Во время своих поисков они постоянно что-нибудь рассматривают, хватают, срывают, обнюхивают и откусывают, а затем или съедают, или бросают. Обезьяны бегают, скачут, кувыркаются, в случае необходимости и плавают. Движения, проделываемые ими на ветвях деревьев, превосходят всякое описание. Только большие обезьяны и павианы немного неуклюжи, прочие же — настоящие акробаты. Прыжки длиной в 6—8 метров для них нипочем. С верхушки дерева они легко спрыгивают на конец ветки, лежащей на 10 метров ниже. Ветка эта от толчка сильно наклоняется, затем выпрямляется и дает обезьяне толчок вверх, и от этого толчка она, словно стрела, пронизывает воздух, действуя хвостом и ногами, как рулем. Вскочив таким образом благополучно на другое дерево, животное быстро пробирается дальше, искусно избегая самых страшных колючек. Вьющееся растение служит ему весьма удобной лестницей, древесный ствол — торной дорогой. Обезьяны лазают вперед и назад, вверх и вниз головой, по сучьям и под ними. Если обезьяна сорвется с верхушки дерева, она схватится на лету за ветку и будет спокойно ждать, пока та перестанет качаться. Тогда обезьяна вскарабкается по ней и полезет дальше. Если ветка обломится, обезьяна, падая, схватит другую. Не выдержит и эта — попадется третья, а впрочем, и на землю упасть ей нипочем. Чего нельзя схватить руками, обезьяны хватают задними конечностями, а американские обезьяны — хвостом.

** При ходьбе по земле человекообразные обезьяны не сжимают руки в кулаки, а просто подгибают две концевые фаланги пальцев, опираясь на предпоследние.*

*** Некоторые виды макак и носач экологически связаны с побережьями и, очевидно, являются лучшими среди приматов пловцами (не считая человека).*

**** Основу стай приматов составляют семейные кланы, состоящие из нескольких поколений родственников. Неродственные, прижкнувшие особи обычно находятся в стае в меньшинстве. Клан имеет общую территорию, на границах которой контактирует с*

У обезьян Нового Света хвост, можно сказать, пятая, самая важная конечность: на нем они висят, качаются, им достается пища из расщелин и щелей; посредством него обезьяна влезает вверх на ветку; даже во время сна хвост не ослабляет своего сжатия.

Но легкость и грация в движениях обезьян заметны только при лазании. Даже крупные бесхвостые обезьяны Старого Света лазают прекрасно, хотя движения их при этом более похожи на движения человека, чем других обезьян. Походка же их более или менее тяжела и неуклюжа.

Мартышки и игрунки ходят лучше других, особенно мартышки, которые бегают так скоро, что собаке их трудно догнать; павианы же ковыляют при ходьбе самым забавным образом. Походка так называемых человекообразных обезьян отличается от человеческой. Человек при ходьбе касается земли всей ступней, обезьяны же опираются на согнутые пальцы передних рук и неуклюже подбрасывают туловище вперед, выкидывая задние конечности между передними, которые для этого несколько расставлены в стороны. Движение это сходно с походкой человека на костылях. При этом обезьяна опирается на сжатые кулаки передних конечностей* и на внешний край ступни задних, средние пальцы которых часто подгибаются, а большой палец отставляется в сторону, чтобы служить опорой. Гиббоны, по-видимому, так ходить не могут. Они при ходьбе часто опираются только на задние конечности, расставляя по возможности пальцы и откидывая большой палец до образования прямого угла со ступней. При этом расставленные передние конечности служат им балансиром и распрямляются по мере увеличения быстроты движения.

Почти все обезьяны могут недолгое время стоять и ходить на одних задних конечностях, но когда они теряют равновесие, то падают на выставленные передние конечности; при быстром же движении (особенно, когда их преследуют) все обезьяны бегают на четвереньках.

Некоторые виды обезьян превосходно плавают, другие, напротив, не умеют плавать и быстро тонут, попав в воду. К первым относятся мартышки, которые при мне быстро и спокойно переплывали Голубой Нил**. К последним, вероятно, павианы и ревуны. На наших глазах утонул один павиан, которого мы вздумали купать. Обезьяны, не умеющие плавать, боятся воды в высшей степени.

Конечности у обезьян очень сильные, и потому эти животные могут поднимать тяжести, которые человеку были бы не по силам. Живший у меня павиан мог висеть несколько минут на одной руке и легко приподнимать свое тучное тело.

Общественная жизнь обезьян в высшей степени интересна для наблюдателя. Очень немногие виды приматов ведут одиночный образ жизни, большинство из них живут стаями***.

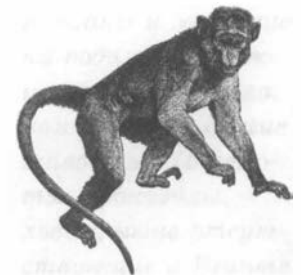
Каждая стая выбирает себе определенную местность большего или меньшего размера. Выбор местожительства зависит от многих обстоятельств, однако, обилие пищи играет здесь главную роль. Рощи около человеческого жилья обезьяны занимают очень охотно. Они, как было сказано, не испытывают особого уважения к чужой собственности. Майсовые и сахарные плантации, огороды, бахчи, банановые рощи предпочитают всем другим.

Язык обезьян довольно богат. Они издают весьма разнообразные звуки для выражения своих чувств. Человек скоро учится понимать эти звуки. Особенно характерен побуждающий всю стаю к бегству крик ужаса у вождя; описать его достаточно трудно и почти невозможно подражать ему. Он состоит из ряда отрывистых, дрожащих и негармонических звуков, значение которых усиливается искажением лица обезьяны. Когда раздается этот громкий крик, вся стая обращается в бегство; матери созывают детенышей, которые мгновенно к ним прицепляются, и самки спешат с драгоценной ношей к ближайшему дереву или скале. Только когда успокоится вождь, стая снова собирается и возвращается обратно.

Наличие мужества у обезьян отрицать нельзя. Более крупные из них смело сражаются с хищными зверями и даже с человеком, хотя исход борьбы для обезьян predetermined. Даже мартышки, несмотря на свой небольшой рост, бросаются на неприятеля, когда рассержены или загнаны в тупик. Зубы больших обезьян, например павианов и человекообразных, являются страшным оружием, и потому эти животные могут смело начинать борьбу с врагами. Самки вступают в бой большей частью ради собственной защиты или защиты детенышей, однако они выказывают такое же мужество, как и самцы. С крупными павианами туземцы не начинают бой без ружья, а в борьбе с гориллой и огнестрельное оружие не всегда обеспечивает победу. Во всяком случае беспримерная ярость этих обезьян, увеличивающая их силу, чрезвычайно опасна, а ловкость их часто лишает противника возможности нанести им окончательный удар. Обезьяны защищаются руками и зубами: они бьют, царапают и кусают.

Самки приносят одного детеныша, редко двух; детеныш это существо весьма некрасивое, с конечностями, которые кажутся вдвое длиннее, чем у взрослых, и лицом, до того покрытым морщинами и складками, что оно более похоже на лицо старика, чем на физиономию ребенка. Но мать любит этого уродца очень нежно; она ухаживает за ним и ласкает его весьма трогательно, хотя в наших глазах эти ласки и баловство выглядят смешными. Вскоре после рождения детеныш учится вешаться матери на грудь, обнимая передними конечностями шею, а задними — бока; в этом положении он не мешает матери бегать и лазать и может спокойно сосать. Более взрослые детеныши вскакивают на плечи и спину родителей. Сначала детеныш довольно бесчувствен и безучас-

другими кланами и одиночками, конфликтует с «соседями», «обменивается» членами. Внутри клана поддерживается строгая иерархия. Разросшийся клан может разделиться. Для многих обезьян характерны и небольшие семейные ячейки, состоящие из самца, самки и их детенышей. Среди полуобезьян есть виды, в норме ведущие одиночный образ жизни.

** Для обезьян, так же как и для других животных, характерны эпизоотии, приматы часто страдают от паразитов. Большинство болезней, свойственных человеку, характерны и для обезьян, инфекционные заболевания легко передаются от обезьян к человеку и обратно.*

*** Человекообразные обезьяны доживали в неволе до 45—60 лет. В природе максимальный срок жизни меньше — 35—40 лет.*

тен, и в это время любовь матери проявляется сильнее всего. Она все время возится с малышом: то лижет его, то ищет у него насекомых, то прижимает малыша к себе, держит его перед собой, беспрестанно кладет к себе на грудь или качает, точно желая ублажить. Плиний всерьез утверждает, что самки, преисполненные нежных чувств, часто душат своих детенышей в крепких объятиях, но в наше время этого никто не видел. Через какое-то время молодая обезьяна становится более самостоятельной и требует некоторой свободы, которую, впрочем, и получает. Мать спускает детеныша с рук и позволяет ему шалить и играть с другими обезьянками, но очень зорко присматривает за ним, повсюду сопровождает его и позволяет ему только то, что дозволить можно. При малейшей опасности она бросается к своему детенышу и особенным звуком приглашает его вскочить к себе на грудь. Непослушание наказывается щипками, пинками, а иногда пощечинами; впрочем, дело редко доходит до этого, потому что в послушании детеныши обезьян могут служить примером многим человеческим детям. Чаще всего приказание матери исполняется при первом ее звуке.

До сих пор еще с точностью не установлено, во сколько лет обезьяна мужает, но, само собой разумеется, что у крупных видов время это продолжительнее, чем у мелких. Мартышки и мелкие американские обезьяны делаются взрослыми, вероятно, на четвертом или пятом году жизни, павианы же на 9—13, а большая человекообразная обезьяна, надо полагать, еще позднее; по крайней мере выпадение молочных зубов у нее бывает почти в том же возрасте, что и у человека. На свободе обезьяны, кажется, редко подвергаются болезням: об эпидемиях между ними никто никогда не слыхал*. Неизвестно также, как долго они живут, но следует предположить, что гориллы, орангутаны и шимпанзе живут почти так же долго, как люди, а может быть, и дольше**.

У нас, в Европе, обезьянам живется плохо, и они, несмотря на все предосторожности, по большей части умирают от чахотки легких. Вид больной обезьяны в высшей степени жалок. Бедное животное, прежде столь веселое, сидит спокойно и с жалобным, умоляющим, почти человеческим взглядом смотрит на людей, которые за ним ухаживают. Чем ближе обезьяна к смерти, тем тише и покорнее она становится, все зверское в ней исчезает, а более благородные качества обнаруживаются яснее. Она весьма благодарна за всякую помощь, оказанную ей, во враче видит своего благодетеля, охотно принимает лекарства, позволяет даже хирургические операции, не защищаясь от них.

Как уже сказано, в жарких странах, где есть поселения и поля, обезьяны приносят больше вреда, чем пользы. Мясо некоторых обезьян употребляется в пищу. Мех шкуры выделывают, кожа идет на сумки и другие изделия. Но эта польза ничтожна в срав-

нении с огромным вредом, который обезьяны причиняют в лесах, на полях и в садах, и потому удивляешься индусам, которые считают их священными существами, берегут и ухаживают за ними, точно на самом деле они полубоги.

В высшей степени интересно окончить общую статью об обезьянах историческим обзором отношения древних народов к этим животным. Нижеследующие страницы составлены моим приятелем Дюмихеном, знаменитым исследователем старины, который был настолько любезен, что изложил здесь все, что стало известно об обезьянах в результате исследования памятников Древнего Египта.

«Стены древних египетских надгробных памятников, как известно, покрыты многими рисунками, относящимися к домашней жизни египтян. Между ними часто встречаются изображения домашних и диких животных. Мы видим, например, как хозяин, похороненный в могиле, осматривает свои стада, которые тянутся перед ним длинной вереницей. Встречаются также изображения ловли рыб и птиц, охоты на львов и газелей; иногда изображена борьба человека с крокодилами и бегемотами. Рядом с рисунками мы часто находим иероглифические надписи, содержащие большей частью очень удачные описания изображенных животных. Понятно, что эти древние надписи и рисунки имеют большую важность для исследователей, изучающих жизнь животных в долине Нила. Из обезьян, запечатленных на древних египетских памятниках, чаще всего встречаются гамадрилы и бабуины, а также два вида мартышек, которые и ныне живут в восточном Судане. Рисунки эти находятся на стенах могил древнего Мемфиса, на скальных гробницах Бени-Гасана, в Фивском некрополе, а также на стенах некоторых храмов. В большинстве случаев изображались самцы обезьян, так как они имели мифологическое значение. Очень красивы небольшие фигурки, изображающие сидящего гамадрила, высеченные из различных горных пород. Их можно встретить в египетских музеях различных городов Европы. Поскольку гамадрилы и бабуины в самом Египте не водятся, равно как оба вида мартышек не живут в нижней долине Нила, а между тем мы встречаем их на древних египетских памятниках, то из этого следует заключить, что между родиной этих животных и Египтом уже в древности установились торговые и другие отношения. Некоторые древние надписи нам указывают, что сношения эти происходили через судоходство по Красному морю. Следовательно, изображения обезьян на древних египетских памятниках доказывают, что уже очень давно, может быть три тысячи лет до Р.Х., существовало судоходство между Египтом и южным побережьем Красного моря*.

Что касается первой из названных обезьян, а именно гамадрила, то в иероглифическом письме она носит название *ань*, *анинь*,

* Скорее всего во времена фараонов павианы и мартышки водились в нижней течиции Нила, как и многие другие животные (бегемоты, крокодилы, львы), ныне отсутствующие в Египте.

анань, что в точном переводе означает *подражающий, переимчивый*; иногда, впрочем, ее обозначали словом *утен*. Оба этих названия относятся также и к другим обезьянам. По правилам древней египетской письменности к корню *ан* присоединяли различные другие добавочные придатки и таким образом получались различные слова, выражающие подражание, изображение и т.д. Фигура обезьяны в иероглифах присутствует, например, в словах: «изобразить», «подражать», «подражатель», «рисовать», «живописец», «описать», «писец», «письменная доска», «письмо». В позднейшую эпоху, во времена Птолемеев, когда в иероглифах встречаются различные самовольные изменения, попадаетеся иногда изображение сидящего гамадрила, который держит в правой руке перо из тростника, что обозначало: «писец», «писать», «письмо».

На стене одного из храмов в Египте, а именно храма в Теир эль-Бахери, на западе от Фив, находится замечательное изображение, относящееся к морскому походу в Аравию, предпринятому египтянами в XVII столетии до Р.Х. На одной из таблиц этого рисунка мы видим, как египетские корабли нагружают иноземной добычей. Рядом с таблицей помещена объяснительная надпись, содержащая подробную опись груза, так сказать накладную. В этой описи значится, что корабли нагружали большим количеством драгоценных произведений аравийской земли: благовонным деревом, грудями ладана, деревьями, дающими ладан (на таблице изображено, как каждое из этих деревьев, посаженное в огромную кадку, переносится на корабли шестью человеками), черным деревом, белой слоновой костью, золотом и серебром, драгоценным деревом *ташет* и корою *кассир*, благовонной смолой *ахем*, краской для лица под названием *местем*, обезьянами *анан* (гамадрилы) и *кафу* (бабуины), и зверями *тазем* (степные рыси), мехами пантер, женщинами и детьми.

Вполне художественное исполнение этих стеновых изображений, особенно рисунки обеих обезьян, вполне убеждает нас, что это гамадрил (*анан*) и бабуин (*кафу*). Слово *кафу* вовсе не египетское, оно заимствовано, вероятно, из Индии, где на санскритском языке и малабарском наречии оно произносится как *капи*, что, очевидно, соответствует еврейскому слову *коф*. Слово это встречается в Библии при описании похода Соломона на Офир и, очевидно, обозначает бабуина, а не гамадрила, как до сих пор предполагали. Названия других обезьян, именно *мартышек*, я не считаю возможным привести с точностью, так как при их изображениях нет соответствующих надписей. Вероятно, что к ним относится одно из вышеприведенных названий, общих для всех обезьян. Исследователь иероглифов Горополлон, сочинения которого нам известны по греческому переводу некоего Филиппа, говорит о гамадриле, между прочим, следующее: «Египтяне изображали письмо гамадрилом, так как они полагали, что некото-

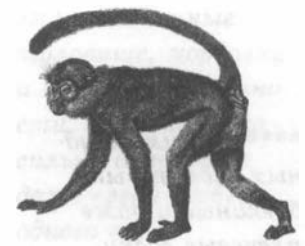
рые из этих животных сами имели понятие о письме, и потому египтяне считали, что эти обезьяны приходятся им сродни. Гамадрилов держали при храмах, и когда в храм приводили нового гамадрила, то жрец подавал ему табличку для письма, чернила и перо, чтобы гамадрил сделал на табличке надпись и этим доказал, что он принадлежит именно к той породе гамадрилов, которая имеет право содержаться при храмах. По той же причине гамадрил был посвящен Меркурию, покровителю всех наук».

В этих словах Горополлона есть доля правды. Исследования доказали, что к числу священных животных, которые содержались при храмах в Древнем Египте и после смерти подлежали бальзамированию, относился и гамадрил. Животное это было посвящено богу Тоту* (Гермесу), божеству луны, покровителю письма, счета и всякой науки, вот почему гамадрилы содержались при некоторых храмах, особенно в Гермополе. Жрецы, заметив понятливость этого животного, без всякого сомнения, причисляли гамадрилов к разным кунштюкам, между прочим, и умению чертить на табличках разные знаки, которые благочестивыми египтянами принимались за иероглифы, чем и объясняется, по всей вероятности, упомянутое изображение пишущего гамадрила. Горополлон далее рассказывает, что египтяне также обозначали месяц изображением гамадрила, так как они заметили удивительное влияние этого светила на означенное животное: «Во время новолуния самец гамадрила исполнен печали, прячется от людей и не хочет принимать пищи, между тем как у самки в это время всегда является кровотечение. Явления эти были так правильны, что гамадрилов держали при храмах для того, чтобы узнавать время, когда луна и солнце бывают в соединении.

И в этих показаниях есть правда. В астрономических росписях, помещаемых обыкновенно на сводах храмов, гамадрил всегда изображается в связи с луной. Его изображение иногда прямо обозначает месяц как светило; иногда он в прямостоячем положении, с приподнятыми руками, приветствует восходящую луну, а сидящий гамадрил обозначает собой равноденствие.

В то время как гамадрил приобрел мифологическое значение и даже играл определенную роль в храмах, другие три обезьяны — бабуин и два вида мартышек — были незаменимы в домашней обстановке египтян. Знатные египтяне забавлялись музыкой и танцами рабов, карликами, собаками и обезьянами; поэтому мы видим иногда на древних египетских памятниках обезьяну, привязанную на веревочке к креслу хозяина и забавляющую его своими прыжками и гримасами. Часто встречаются также изображения одной из этих маленьких обезьян, которая лакомится фигами».

** Наиболее известным символом бога Тота был священный ибис, павиан же одно время олицетворял собой ипостась бога смерти — Анубиса. Животные — символы различных богов — со временем менялись. Во времена эллинизма Тота начали отождествлять с греческим богом Гермесом.*

** Лемуры лишь одно из семейств подотряда. Полуобезьяны отличаются от обезьян более примитивным небольшим мозгом с малым числом извилин, удлинённым лицевым отделом черепа, голый верхней губой.*

*** Крупнейшая полуобезьяна — индри — достигает 71 см в длину (без хвоста) и массы 6 кг.*

**** Указательный палец на руке нередко редуцирован у полуобезьян до маленького бугорка.*

***** Помимо грудных, могут быть брюшные и даже плечевые соски.*

Прежние естествоиспытатели считали животных, о которых идет речь, настоящими обезьянами и потому соединяли их в один отряд, мы же отделяем полуобезьян от настоящих обезьян и полагаем нужным образовать из них отдельный подотряд. На самом деле полуобезьяны, которых можно также назвать лемурувыми*, мало похожи на четырехруких. Строение их тела совершенно другое, а зубы не имеют почти никакого сходства с зубами обезьян.

Описание общих признаков полуобезьян сделать довольно трудно. Рост, величина тела и конечностей, зубы и скелет у этих животных очень разнообразны. Величина тела колеблется между ростом большой кошки и крысы**.

У большинства видов туловище тонкое, у иных даже худощавое; у некоторых морда несколько похожа на морду собаки или лисицы, у других голова похожа на голову сони, летяги или совы. Задние конечности большей частью заметно длиннее передних; величина первых иногда очень значительна. У некоторых животных этой группы ступня на задних конечностях довольно коротка, у других, напротив, длинна. Строение рук и ног довольно разнообразно. У большинства полуобезьян и кисти, и ступни похожи на руки. Пальцы на всех четырех конечностях сходны между собой; большой палец отделяется от других пальцев, и на всех них есть ногти, кроме второго, у которого виден коготь. Однако указанное строение конечностей встречается не у всех полуобезьян, заметны небольшие различия в длине, толщине, а также в расположении большого пальца***.

Величина хвоста может быть разной: у многих он длиннее туловища, у иных очень короток, иногда даже не заметен, у некоторых хвост пушистый, у других почти голый. Большие глаза, хорошо развитые ушные раковины и густой мягкий мех, который только у немногих состоит из жестких волос, указывают на то, что полуобезьяны должны быть отнесены к сумеречным или ночным животным. Расположение, форма и число зубов более разнообразные, чем у обезьян. Череп отличается сильным округлением затылка, короткими, но узкими лобными костями и большими глазными впадинами, которые лежат близко друг к другу и окружены выдающимися костями. В хребетном столбе мы замечаем, кроме 7 шейных позвонков, 9 спинных, 9 или более поясничных, от 2 до 5 крестцовых и 8—30 хвостовых. В противоположность обезьянам полуобезьяны имеют соски не только на груди, но и на животе****. Местом обитания полуобезьян служит Африка, главным образом Мадагаскар и соседние острова, затем Индия и Зондские острова. Здесь они водятся чаще всего в густых лесах, богатых различными плодами.

Все эти животные живут исключительно на деревьях, иные из них никогда не спускаются на землю. Некоторые полуобезьяны отличаются ловкостью и живостью движений на ветвях, у других движения тихие, обдуманные, как бы таинственные и малозаметные; только немногие из них двигаются днем, большинство же начинает свою деятельность только ночью, а утром засыпает. Одни питаются различными плодами, почками и молодыми листьями, другие — насекомыми, небольшими позвоночными, а также и растительными веществами. Животные эти не приносят заметного вреда, но и пользы от них мало. Несмотря на это, туземцы относятся к ним неравнодушно и считают некоторых из них животными священными и неприкосновенными, на других же смотрят как на существ опасных и могущих принести вред человеку. Туземцы не разрешают путешественникам и натуралистам охотиться за полуобезьянами, иногда даже мешают охоте и не позволяют делать наблюдения за этими животными. В этом следует видеть причину, почему в наших зверинцах и зоологических садах полуобезьяны встречаются редко, хотя в своем отечестве они довольно обыкновенны и живут иногда большими стадами. Поймать их живыми не особенно трудно, и уход за ними в неволе очень прост. Большинство видов переносят неволю гораздо лучше обезьян и при надлежащем уходе даже размножаются в клетках. Те из полуобезьян, которые отличаются живым нравом, понятливее других, они легко привыкают к людям, ухаживающим за ними.

СЕМЕЙСТВО ТУПАЙЕВЫЕ (Tupaiaidae)

Обыкновенная тупайа (*Tupaia glis*)*. Для всех видов рода тупайи характерны пушистый, перистый хвост, большие выпуклые глаза, умеренно большие закругленные уши, зубная система, состоящая из 38 зубов, и тонкая кольцеобразная кость, замыкающая сзади глазные впадины. Обыкновенная тупайа отличается от прочих видов кроме своей величины еще длинным хвостом и окраской меха. У нее темно-бурый, переходящий в черный мех с рыжеватым оттенком на нижней стороне тела. На голове и на хвосте — вперемежку с серым. Горло красновато-серое; по затылку проходит серая поперечная полоска, а по спине — темно-бурая продольная полоса. Отдельные волосы на спине имеют серые и темно-бурые кольца. Впрочем, эта окраска в зависимости от места обитания тупайи сильно меняется и бывает светло-бурого и ржаво-бурого оттенков, что и привело к установлению многих разновидностей. По величине тупайа ближе всего стоит к нашей белке; длина ее туловища достигает почти 20 см, хвост такой же длины.

Семейство тупайевые

* Большинство видов тупайи, кроме перьехвостой, трудно различимы в природе и неволе, путает их и Брем. Он говорит о тупайе танае (*Tupaia tana*), приводит латынь обыкновенной тупайи (*T. glis*), на рисунке же, похоже, изображена полосатая тупайа (*T. dorsalis*). Все тупайи имеют мелкие размеры (длина тела 9—22 см, хвоста — 10—22 см), удлиненные туловище, мордочку и короткие конечности. Окраска меха сильно варьирует даже среди особей одного вида.

Семейство тупайевые

* Тупайи — эндемики Индо-Малайской области. В Гималаях отсутствуют, хотя в горы поднимаются до 2500 м.

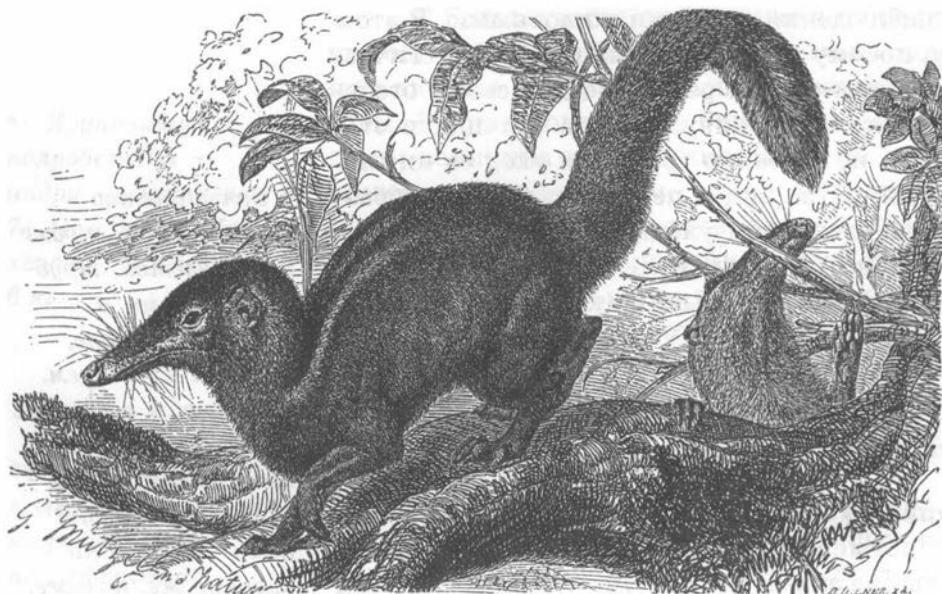
Область распространения этого животного весьма обширна. Она охватывает приблизительно Борнео, Яву и Суматру, Малаккский полуостров вместе с Бирмой до Ассама, южные склоны Гималаев до Непала, где тупайа встречается на высоте 1000—2000 м над уровнем моря*.

Столичка приобрел один экземпляр этого животного на острове Препарис, севернее Андаманских островов.

Об образе жизни тупайи нам известно не много. Знаем только, что она водится в лесах, бамбуковых рощах и кустарниках. В Бирме Мазон и Мак-Мастер видели ее даже у местного населения в домах. Блэнфорд говорит, что тупайи легко приручаются и совершенно доверчиво относятся к людям. Иногда добровольно заходят в жилища и поселяются там. Он сообщает дальше, ссылаясь на Кантиора, что тупайи едят свою пищу почти так же, как наши белки, и после еды, подобно последним, чистятся;

что они любят также воду, причем не только ее пьют, но и купаются в ней. Затем упоминает о том, что тупайи питают склонность к дракам и преследуют всех себе подобных, имеющих дерзость проникнуть в их личные владения.

Тупайа — проворное, бойкое животное и только немногим уступает в быстроте белке. Она отлично умеет

Полосатая тупайа
(*Tupaia dorsalis*)

пользоваться своими длинными загнутыми когтями и лазает чуть ли не с ловкостью обезьян. Ее пища состоит из насекомых и плодов, которые она собирает как на деревьях, так и на земле. Один родственник тупайе вид был приручен и приучен к молоку и хлебу, но его редко видели в спокойном состоянии: он вечно огрызнулся на всякого, кто подходил к нему. Большую часть пищи зверек добывал сам, и так как ему была предоставлена полная свобода и он бегал по всему помещению, то скоро дом очистился от насекомых. Несмотря на этот опыт, до сих пор еще не удавалось перевезти в Европу живую тупайу**.

** Тупайи легко содержатся в неволе, иногда доживая до 12 лет.

СЕМЕЙСТВО ЛЕМУРОВЫЕ (Lemuridae)

Семейство лемуровые

Римляне считали лемуров* воплощением душ умерших, из которых добрые охраняли семейство и дом в виде богов — ларов, а злые в виде скитающихся и лукавых привидений беспокоили бедных смертных; чтобы по возможности ублажить злых, римляне устраивали особые полночные пиршества. Наука, обращающая, как известно, внимание только на вполне ясные стороны жизни организмов и часто приходящая в затруднение при наименовании бесконечно разнообразных произведений природы, подразумевает под лемурами, правда, тоже ночных бродяг, но никак не бестелесных существ, а, напротив того, простых животных, которые имеют более или менее приятный вид и красивую наружность. Признаки эти относятся к типическим формам описываемого отряда, именно к семейству лемуровых, которое включает самые разнообразные роды и виды.

Лемуры живут главным образом на Мадагаскаре и соседних с ним островах, встречаются также по всей средней Африке, от восточного до западного берега, и только некоторые виды обитают в Индии и на Зондских островах**.

Все без исключения полуобезьяны живут в лесах, предпочитая дремучие леса, которые изобилуют плодами и насекомыми; соседства людей, хотя и не избегают, но и не ищут. Все они в большей или меньшей степени ночные животные и, как все виды этого отряда, днем забираются в темнейшую часть леса или в дупла и спят там скорчившись или обнявшись***. Их позы при этом весьма своеобразны. Они или сидят на задних лапах, уцепившись руками за сук, низко опустив голову между притянутыми передними конечностями, обвив хвостом голову и плечи, или же свертываются, попарно обвив друг друга хвостами так тесно, что образуют собой шар. Если потревожить такой меховой клубок, то из него внезапно высовываются две головы и широко раскрытыми глазами смотрят на нарушителя их покоя.

Сон лемуровых очень чуток, жужжание мухи или шорох от ползанья жука способен разбудить большую часть из них. Уши их тогда приподнимаются, и большие глаза сонно смотрят по сторонам, но только несколько мгновений, так как они чрезвычайно боятся дневного света. Их глаза очень чувствительны и переносят дневной свет труднее других млекопитающих. Днем они как бы мертвы и пробуждаются лишь с наступлением сумерек, но к находящимся в неволе этого вполне отнести нельзя.

С наступлением сумерек они пробуждаются, чистят и приглаживают мех, громко и неприятно кричат и отправляются странствовать за добычей по своим воздушным владениям. Тогда-то и начинается столь необычная у каждого вида лемуров жизнь. Большинство из них, пробуждаясь, оглашают лес общим криком, кото-

* Слово *Lemur* на латыни обозначает усопшего предка, конечно, никаких полуобезьян римляне так не именовали. Первым из лемуров был описан катта, или кошачий. Описал его Карл Линней в 1758 г. Возможно, на выбор названия для зверька повлияла своеобразная расцветка мордочки катты, напоминающая череп.

** Лемуры обитают только на Мадагаскаре. В настоящее время большинство видов стали редкими или находятся под угрозой исчезновения из-за вырубки лесов и охоты. Почти все виды внесены в Красную книгу МСОП.

*** Большинство лемуров — дневные животные.

рый может привести новичка в ужас, потому что он необыкновенно громок и напоминает рычание опаснейших зверей, например львов. Этот общий рев означает, как у лемуров, так и у других животных, начало их ночного скитания. Лемуры обходят пространства, избранные ими для охоты или, точнее, для пастбища, и при этом выказывают такую подвижность, ловкость и проворство, которых никак не ожидаешь от них, вспоминая об их дневной сонливости. Они, может быть, даже превосходят обезьян в искусстве лазанья, прыганья и кривлянья. Кажется, что у них вырастают крылья — такие огромные прыжки делают они с одной ветки на другую, так быстро вбегают вверх по стволам или по толстым ветвям и так беспрерывно двигаются самым различным образом. Шайка, состоящая обыкновенно из довольно значительного числа животных, достигает наконец фруктового дерева, и тут начинается настоящий грабеж. При этом они столь же проворны, как и раньше при беганье, лазанье и прыганье. Лемуры пожирают огромное количество плодов, но еще больше портят, и если бы эти обезьяны напали на плантацию, то причинили бы ей значительный вред. Но их родные леса так богаты всевозможными плодами, что у животных нет причин посягать на имущество человека.

Совершенную противоположность только что описанным родам и видам этого семейства являют собой другие лемуры, которые отличаются от них своим нравом и движениями. Украдкой и неслышными шагами прокрадываются они с ветки на ветку. Их большие круглые глаза светятся в сумерках, как огненные шары. Только по ним и можно догадаться об их присутствии. Благодаря темному цвету шерсти этих лемуров даже очень зоркому глазу нельзя заметить их ночью, а белая нижняя часть тела достаточно прикрывается сучьями, или же она принимается за проникший в чащу свет луны. Все их движения совершаются так обдуманно и тихо, что ни один звук не выдает прислушивающемуся человеку близкого присутствия живого существа. Горе беззаботно спящей птичке, на которую упадет этот огненный взгляд. Ни один индеец не крадетсЯ так тихо по военной тропе, как лемур к спящей добыче. Без малейшего шума, почти без видимого движения переставляет он лапы, неслышно приближаясь к своей добыче. Осторожно поднимает лапу и затем медленно протягивает ее к спящей птице. Тут он делает быстрое, почти неуловимое движение, и прежде чем сонная птица успеет почувять близость страшного врага, она уже схвачена и задушена. Ни с чем не сравнить той жадности, с которой такое добродушное на вид четверорукое животное пожирает только что убитую добычу. Не уцелеют ни птенцы, ни яйца, если только он заметит ее гнездо. Вся ночная жизнь лемуровых проходит в хищничестве; кажется, что они решительно предпочитают мясную пищу растительной, хотя и не отказываются от последней.

Все виды лемуриных расчетливы и осторожны. Они лазают по деревьям медленно, но уверенно. Прежде чем выпустить ветку, животные всегда удостоверятся, будет ли для них другая достаточно надежной опорой. По земле они ходят плохо и скорее ползают, чем бегают.

Об их размножении мы знаем до сих пор очень мало, несмотря на то, что многие виды этого семейства размножались уже несколько раз в неволе. У них рождается по одному детенышу, который тотчас после рождения прицепляется к матери и носится ею до тех пор, пока не научится двигаться самостоятельно. У некоторых видов, по рассказам жителей Мадагаскара, как самка, так и самец принимают участие в уходе за детенышем, но это пока не подтверждается наблюдениями*.

Эти животные чувствуют себя хорошо только при постоянно довольно высокой температуре; от холода они становятся вялыми и заболевают. В неволе лемуриные выказывают неудовольствие, когда им холодно или когда нарушают их сон. Если же они довольны, то многие из них мурлычут наподобие кошки.

За немногим исключением, лемуриных нельзя отнести к понятливым существам. Все они робки, трусливы, хотя храбро защищаются, когда их ловят. Привыкнув к людям, зверьки делают до некоторой степени доверчивы, выказывают кротость, миролюбие и добродушие, но редко теряют природную пугливость и приобретают смелость. Некоторые виды этого семейства, впрочем, переносят неволю довольно хорошо и, подчинившись человеку, даже приучаются оказывать ему услуги, например на охоте за другими зверями. Бесхвостые же виды, напротив того, не изменяют в неволе своего унылого характера, сердятся, когда их беспокоят и с трудом отличают ухаживающего за ними человека от других людей, к которым относятся всегда недоверчиво.

К тем видам, которые имеют одноцветный хвост и мохнатые уши, спрятанные в длинной шерсти, принадлежит **вари** (*Varecia variegatus*) — одно из крупных животных этого рода. Длина его туловища около 40 см, а хвоста около 50 см**.

Довольно густой мех, который особенно длинен на голове и по сторонам шеи, окрашен большими белыми и черными пятнами, причем у иных экземпляров преобладает белый цвет, а у иных — черный. Случается даже встречать животных почти совсем белых или почти совсем черных. У иных половина спины белая, а брюхо черное, у других цвета эти расположены в обратном порядке. Морда, хвост и передние конечности почти всегда черные; щеки и места около ушей чаще всего белые. Более точных указаний о цвете животных дать нельзя, добавим только, что обе половины тела окрашены всегда одинаково***.

«До сих пор, — замечает Поллен, — вари находили в лесах внутренней части Мадагаскара, т.е. в местности, которая простирается между Тинтинге, Таматаве и Антананариву. Он живет боль-

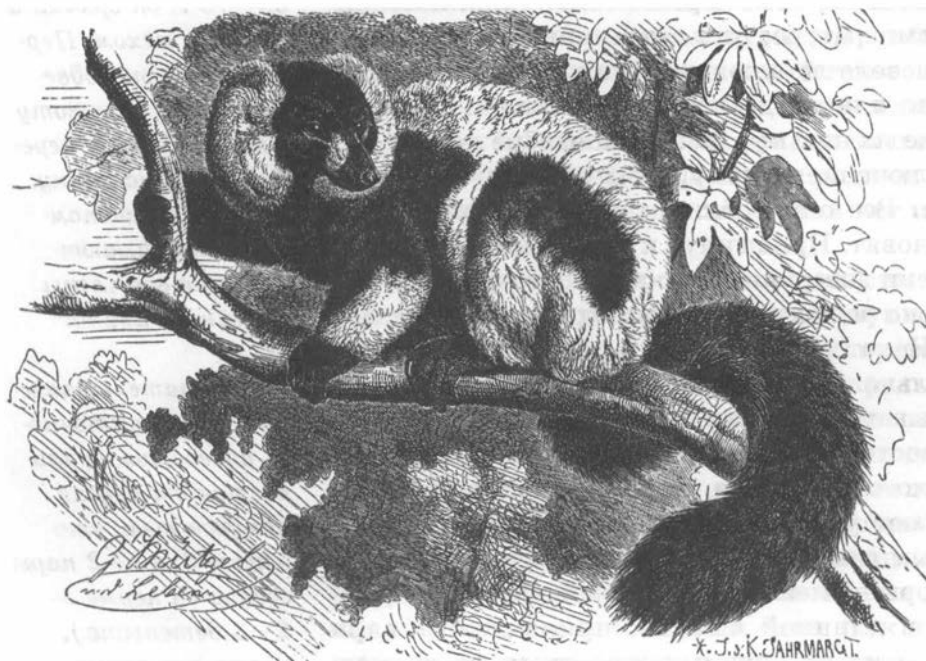
** В помете у лемуров могут быть и двойни, и тройни. Беременность обычно длится 4—5 месяцев, лактационный период — 5—6 месяцев. Детеныш при рождении весит 50—70 г, он зрячий и покрыт мехом. Первое время он подвешивается к животу матери, затем перебирается на спину. В заботе о потомстве принимают участие все члены семейного клана.*

*** Обитатель влажных лесов восточного побережья. Отличается от других лемуров тем, что имеет 3, а не 2 пары сосков (в норме — 2—3 детеныша), хвост у него короче, а не длиннее тела. Имеется горловая пахучая железа. Семейная группа невелика — 3—8 особей, беременность — всего 3 месяца.*

**** Окраска шерсти вари необычайно широко варьирует географически и индивидуально.*

Семейство лемуровые

* Черный лемур обитает на севере Мадагаскара, образует несколько подвигов, отличающихся главным образом окраской самок.

Вари, лемур вари
(*Varecia variegatus*)

Может совершать прыжки до 8 м в длину. Семейные группы небольшие, возглавляются самкой. Активны рано утром и на закате.

шими стадами, которые питаются плодами. Вари — пугливое, дикое животное, голос у него сильный и потому слышен издали; завывание стада этих животных напоминает рев льва и звучит так страшно, что невольно вздрогнешь, когда первый раз услышишь его. Образ жизни вари, насколько известно, мало отличается от образа жизни сродных ему видов».

«В неволе, — пишет Гааке, — вари тише других лемуров; он не приближается к посетителям, не требует от них ласки, не выпрашивает лакомства; только молодые животные любят играть, но ручными делаются и старые. Вари может переносить довольно низкую температуру. Прекрасный самец, который жил в нашем саду, заболел чахоткой и перестал есть. Я объяснил его бо-

лезнь отчасти дурным воздухом того помещения, где он находился вместе с обезьянами, и хотя у нас была зима, я пересадил его в клетку на чистый воздух. Ночью термометр падал до 8 градусов ниже нуля, но вари очень хорошо переносил этот мороз. У него восстановился аппетит, и он с каждым днем ел все лучше и лучше, внимание его к окружающим предметам также возросло. Днем вари сидел или лазал по сухому

дереву, которое было поставлено в клетке, а ночью спал на полу, на сене. К сожалению, болезнь была уже так сильна, что свежий воздух и увеличение питания не смогли спасти животное. Этот вари умер в довольно теплую погоду».

Из сходных видов упомянем сначала о черном лемуре (*Lemur macaco*)*, которого сакалавы называют «акумба». Животное это замечательно тем, что ясно доказывает, как резко могут отличаться самки от самцов у одного и того же вида. Самец, которому, собственно, и дано название черного лемура, весь окрашен в черный цвет, только у некоторых замечается красноватобурый налет на сторонах тела и на конечностях, а в хвосте иногда встречаются несколько белых волос. Самку же Бартлет описал как отдельный вид и назвал белобородым маки. Она значитель-

но отличается по цвету от самца. У нее преобладает ржаво-красный цвет, который бывает то светлее, то темнее, а на середине спины переходит иной раз в пурпурово-красный; щеки, ноги и хвост чаще всего белого цвета и только в виде исключения иногда рыжего. Верхняя часть головы у большинства экземпляров белого цвета, но часто с серым или черноватым налетом, который бывает хорошо заметен; большое черное пятно на задней части головы переходит порой в ржаво-красный цвет. Глаза у обоих полов буровато-оранжевого цвета. Величина животного мало отличается от величины других лемуров этого рода.

Черные лемуры, как самцы, так и самки, жили в неволе и были известны гораздо раньше, чем Поллен сообщил нам об их образе жизни на свободе. Я уже прежде знал, что черный лемур и белобородый маки принадлежат к одному и тому же виду, а наблюдения Поллена и других естествоиспытателей доказали это вполне достоверно.

Черный лемур живет в лесах, простирающихся между заливом Диего-Суарес и заливом Бомбедок, также в лесу Луку-Бе, на острове Носси-Бе, но держится почти всегда на высочайших деревьях самой непроницаемой чащи. Как и другие родственные ему виды, он живет небольшими стадами и по ночам странствует по лесу за добычей, по вечерам же все стадо издает страшный крик. Иногда, например при взгляде на какие-нибудь подозрительные предметы, крик прерывается особенного рода хрюканьем. Ловкость, которую выказывают черные лемуры при прыганье с одного дерева на другое, кажется невероятной. За ними трудно следить глазами и гораздо легче убить на лету птицу, чем черного лемура. Эти животные имеют обыкновение, когда за ними гонятся, падать с вершины дерева вниз и та-

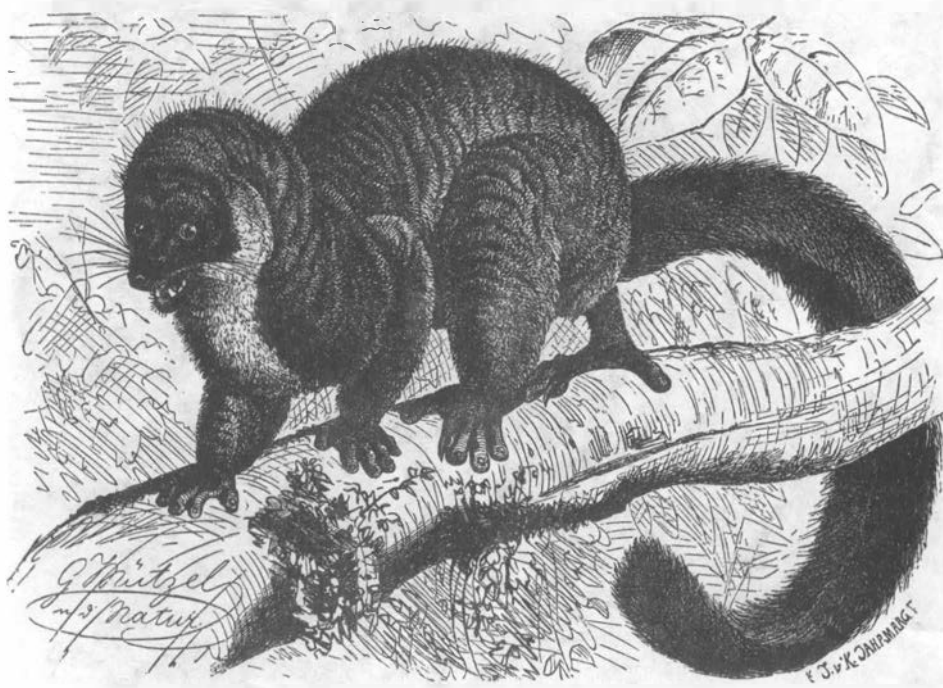
Черный лемур
(*Lemur macaco*)

ким образом обманывать охотника, который полагает, что убил их, между тем как через некоторое время они снова влезают на деревья, находящиеся на довольно большом расстоянии. Вследствие этого охота за ними в высшей степени затруднительна. Те, которые пойманы молодыми, скоро делаются ручными и доверчивыми, садятся на плечо хозяина и приучаются ко всякой пище, которую им предлагают. В диком состоянии они питаются растительной пищей, чаще всего бананами, но никогда не отказываются от мозга какой-нибудь птички, который они высасывают, раскусивши череп.

В некоторых местах Мадагаскара запрещено убивать или даже живыми держать у себя черных лемуров. Когда Поллен посещал остров Носси-Алия, то туземцы осматривали его багаж,

чтобы узнать, не везет ли он с собой лемуров, которые, по их мнению, осквернили бы остров.

Я могу дополнить вышеизложенные сведения собственными наблюдениями. Среди прочих животных получил я раз также двух черных лемуров, самца и самку, которые жили вполне дружно и потому не были разделены: это были первые зверьки, за которыми мне пришлось ухаживать, и я мог со всей тща-

Мангустовый лемур
(*Lemur mongoz*)

* Распространен в сухих тропических лесах на западе и севере Мадагаскара, населяет некоторые острова Коморского архипелага, где живет моногамными парами.

тельностью провести наблюдения за ними. Прежде всего я узнал, что эти животные вовсе не так сильно любят мясо и насекомых, как до сих пор думали. Я предложил своим пленникам сырое и вареное мясо, мышей, воробьев и яйца. Зверьки ели все, не выказывая, однако, особого пристрастия к этой пище. Внутренность яйца они только лизали; воробьев хватали быстро, но без жадности; только мух глотали они с настоящей страстью, весьма искусно схватывая их. Я заметил, что плоды были для них самой любимой пищей. Лемуры охотно поедали все наши европейские плоды, а также вареный рис и картофель, иногда хлеб с молоком.

Для дополнения сведений об этих лемурах упомяну лишь еще о двух видах, которые нередко встречаются в зоологических садах. Первый из них — это мангустовый лемур (*Lemur mongoz*)*,

его довольно часто привозят в Европу. По величине он мало отличается от других видов, длина его тела 95 см, из них половину занимает хвост. Верхняя часть тела темно-пепельного цвета, так как волосы имеют черные и белые колечки. Голова темно-серая, а на задней части спины и внешних частях бедер серый цвет переходит в светло-бурый. Под горлом идет белая полоса, которая в виде воротника доходит до ушей. Внутренняя часть конечностей также белая; живот светло-рыжий, морда черная, а глаза коричневые. И у этого вида были замечены различия в окрасе, но не столь значительные, как у предыдущего.

Другой замечательный вид — **катта, или кошачий лемур** (*Lemur catta*)*.

Он отличается красотой формы и окраски, а также длинным хвостом, на котором заметны светлые кольца, и относительно большими глазами. По величине катта несколько меньше предыдущих видов. Длина его тела 35—40 см, а хвост около 50 см. У него плотный, мягкий и несколько волнистый мех серого цвета, который в одних местах переходит в пепельно-серый, а в других — в ржаво-красный. Морда, уши и брюхо беловатого цвета; морда и окружность глаз черного. Самцы от самок, по-видимому, цветом не отличаются.

По наблюдениям Поллена, катта водится только в лесах на юго-западе Мадагаскара, в других же частях острова замечен не был. Он живет, как и другие его сородичи, стадами и отличается от них разве только миловидностью и необыкновенной подвижностью**.

По Поллену, катта прыгает с дерева на дерево очень ловко и красиво и через известные промежутки издает крик, который вовсе не походит на крик других лемуров, а напоминает мяуканье нашей домашней кошки. Пойманный катта очень скоро привыкает к своему хозяину. Поллен рассказывал об одном молодом животном этого вида, принадлежавшем чиновнику на французском корвете, которое так хорошо знало своего хозяина, что легко узнавало его среди экипажа и пассажиров.

** К настоящему времени самый изученный вид полуобезьян. Это средних размеров лемур (вес до 2 кг).*

*Кошачий лемур, или
катта
(Lemur catta)*

*** Это дневное животное, обитает в засушливых местах юго-западного Мадагаскара, населяет скалы, редколесья, саванны, более половины времени проводит на земле.*

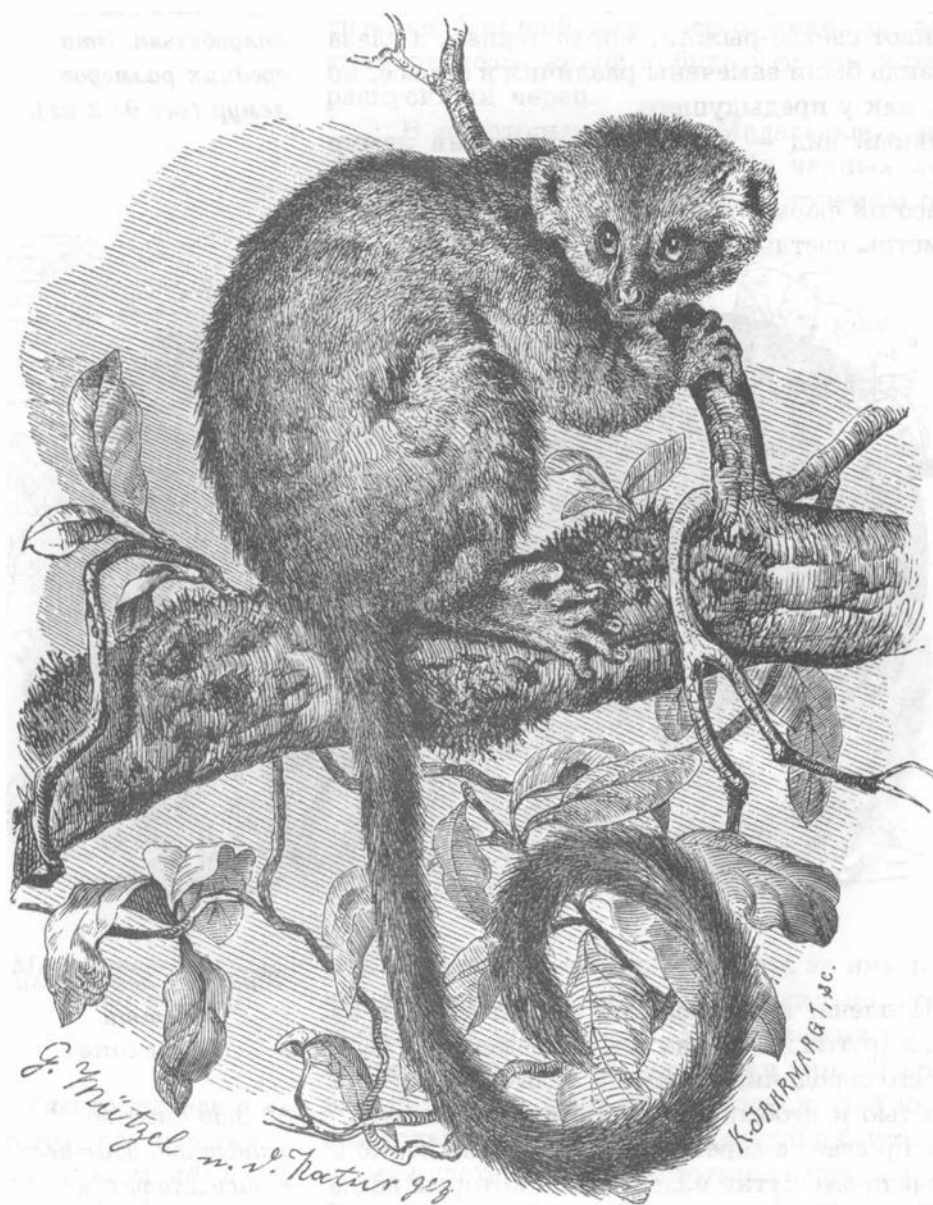
**Семейство
лемуровые**

Полумаки отличаются от упомянутых выше форм тонким куницеобразным телом с довольно короткими и похожими между собой конечностями, а также хвостом, длина которого почти равна длине тела. Голова круглая с острой мордой, маленькими глазами и широкими, но очень короткими, почти совсем скрытыми в мехе ушами, которые густо покрыты снаружи и внутри волосами. Конечности снабжены тонкими пальцами, большой палец на руках короток, а на ногах умеренной длины. Зубов — 36; они отличаются тем, что оба верхних средних резца стоят впереди наружных.

Шерстистый мех единственного известного до настоящего времени представителя этого рода — **серого лемура** (*Haplemur griseus*) оливково-буроватого цвета, который у одних экземпляров переходит в желтоватый, у других — в рыжий; обыкновенно цвет этот ярче всего по сторонам головы; нижняя часть тела более серого цвета, чем верхняя; брюхо ржаво-желтое, хвост чало-серый, глаза бурые. Тыльная сторона рук и ног покрыта до самых ногтей

редкими волосами. Длина тела равняется 60—65 см, из которых 35 приходится на хвост.

Полумак, называемый мадагаскарцами северо-западной части острова «бокомбул», живет преимущественно в бамбуковых

Серый (гана) лемур
(*Haplemur griseus*)

тей редкими волосами. Длина тела равняется 60—65 см, из которых 35 приходится на хвост.

Полумак, называемый мадагаскарцами северо-западной части острова «бокомбул», живет преимущественно в бамбуковых

лесах. Именно там, на расстоянии нескольких дней пути от морского берега, на берегах реки Амбассуана нашел его Поллен. «Туземцы, — говорит он, — так часто рассказывали мне об этом животном, что я не мог отказать себе в посещении этих лесов, чтобы наблюдать его лично. Когда я объявил проводникам свое намерение, то они представили тысячу причин, по которым мое путешествие было затруднительным. Они утверждали, что для белого человека опасно охотиться в бамбуковых лесах, что местопребывание животного находится слишком далеко, что по дороге я могу захворать, и т.п. Мне удалось уговорить их лишь после того, как я раздал им различные маленькие подарки.

После очень трудного пути в течение нескольких часов мы добрались до густого бамбукового леса, в котором мне удалось убить несколько этих животных. Охота на них действительно крайне трудна. Приходится ползти по земле, вытянувшись во весь рост, а острые листья бамбука беспрестанно ранят охотника. Днем бокомбул спит на высочайших бамбуковых стволах согнув спину, спрятав голову между бедрами и положив хвост на спину. Хотя он ведет ночной образ жизни, тем не менее и днем замечает врагов, и очень часто ему удается избежать охотника. Его пища состоит из бамбуковых листьев; по крайней мере я нашел, что его желудок был набит ими. Ленивый и медлительный днем, он обнаруживал ночью невероятную деятельность и проворство. Его голос представляет собой слабое хрюканье, напоминающее хрюканье свиньи, но гораздо менее громкое. По-видимому, он рождает на свет детенышей в декабре или январе. Я держал одно из этих животных несколько месяцев в неволе и кормил его бананами, манго и вареным рисом, но убедился, что животное ело рис лишь при очень сильном голоде.

СЕМЕЙСТВО КАРЛИКОВЫЕ ЛЕМУРЫ (Cheirogaleidae)*

У карликовых лемуров глаза лучше развиты, чем уши. Тело их сжато, голова коротка, морда округлена, хвост немного длиннее тела, конечности вообще равномерно развиты, так как задние несущественно длиннее передних. Другими внешними отличиями этих маленьких животных являются большие глаза, средней величины уши, голые внутри и покрытые снаружи очень тонкими и редкими волосами; необыкновенно изящные конечности с короткими пальцами, а также нежный, мягкий, шелковистый и отчасти волнистый мех. Зубная система состоит из 4 резцов сверху и снизу, 1 клыка в каждой челюсти и 6 коренных зубов в верхней и 5 — в нижней челюсти. Верхние резцы имеют широкую двойную коронку, верхние коренные зубы — два наружных бугорка и один средний. Позвоночник состоит из 23 грудных позвонков, 7 поясничных, 3 крестцовых и 28 хвостовых.

Семейство карликовые лемуры

* Семейство карликовых лемуров включает 4 рода и 7 видов мелких древесных ночных зверьков, ведущих крайне скрытный образ жизни. Внешним обликом, образом жизни, рационом, состоящим в основном из насекомых, эти эндемики Мадагаскара сходны с африканскими галаго и иногда сближаются с ними. Ранее карликовых лемуров относили к семейству лемуровых. Название «кошачьи маки» не слишком к ним подходит, более употребительно название «крысиные маки».

**Семейство
карликовые
лемуры**

Вильчатополосые лемуры (*Phaner*) — полуобезьяны, у которых в общем то же строение, что и у полумаков. Тело тонкое, голова невелика, с довольно острой мордой, передние конечности короткие, задние — средней величины, хвост длиннее тела. Глаза крупные, умеренно большие уши совершенно голы, мягкий мех, скудно покрывающий лицо и руки, несколько волнист. Хвост покрыт длинными густыми волосами. Верхние резцы разделены промежутком, но стоят в одном ряду.

Наиболее известный представитель этого рода, называемый валуви, вильчатополосый лемур, фанер (*Phaner furcifer*), по величине приблизительно равен полумакам: общая длина его тела равна 65—70 см, длина хвоста — 33—40 см. Преобладающая окраска верхней части тела светлого буровато-серого цвета, а нижней — резко ограниченного чало-серого цвета. Голова и шея имеют рыжеватый оттенок. На висках с обеих сторон начинается черная полоса, которая окружает глаза, оставляя на лбу светлый промежуток. На макушке

полосы соединяются в одну. От них вдоль всей спины до хвоста тянется черная полоса. Хвост у основания серый, к концу черный; радужная оболочка глаза черная.

**Вильчатополосый
лемур, или фанер
(*Phaner furcifer*)**

Этот лемур, по словам Поллена, часто встречается в лесах западной части Мадагаскара, но, кажется, попадает местами и в восточных областях. «Лишь с наступлением ночи он оставляет

то убежище, в котором проспал весь день. Убежищем ему чаще всего служат дупла деревьев с двумя отверстиями, иногда даже такие, в которых одновременно с ним живут пчелы. В этом случае он отделяет свое гнездо от насекомых кучей соломы и сухих листьев. Туземцы полагают, что он потому предпочитает общество пчел, что страстно любит мед. Я наблюдал ночью этих милых животных. Они гораздо бодрее и подвижнее, чем лемуры, и совершают чрезвычайно большие прыжки. Крик их, который они во время бодрствования издают почти непрерывно, резко звучит как «ка-ка-ка-ка-ка», напоминая до некоторой степени крик цесарок».

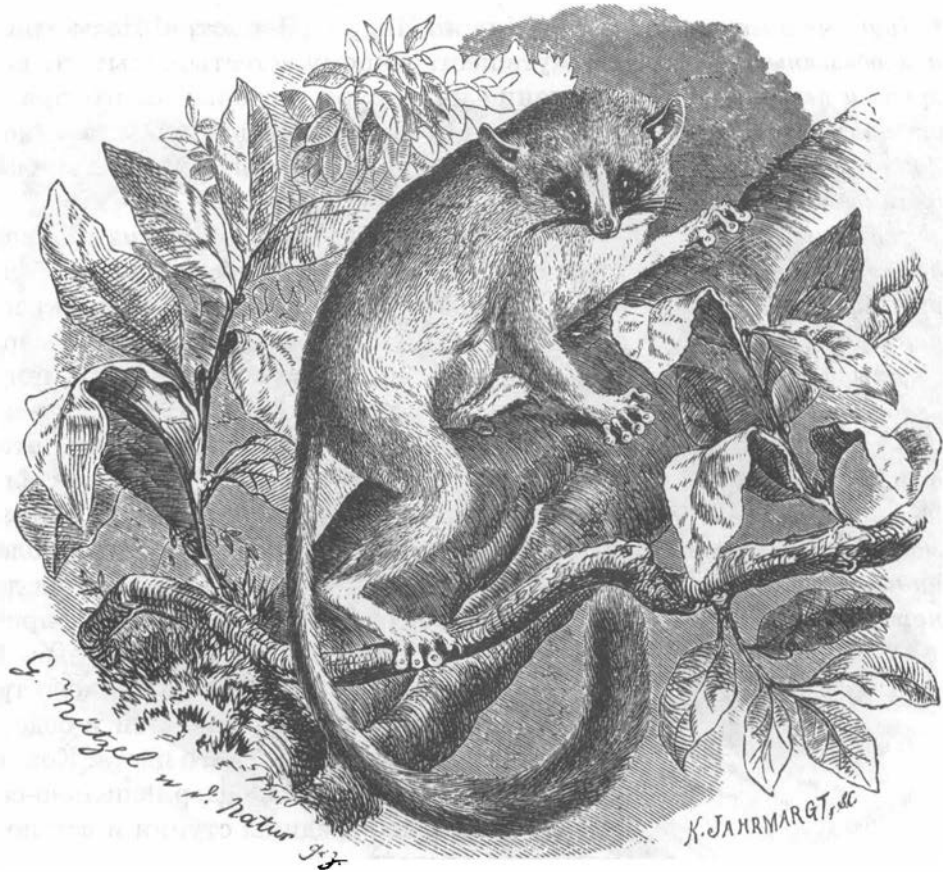
Охота на валуви крайне трудна и требует большого напряжения. Поллен пространно рассказывает, как однажды вечером, при свете полной луны, он отправился с неохотно сопровождавшим его мадагаскарцем в глубину леса, наполненного ядовито кусающимися мошками. Остановившись на полянке, Поллен ждал целый час, пока не услышал крик животного над самой головой, но самого крикуна заметил лишь после продолжительных поисков. Наконец ему

удалось убить валуви. В сущности Поллен описывает охоту на всех ночных животных, живущих на деревьях, окраска меха которых хорошо подходит к цвету ветвей. О жизни этого животного в неволе наш исследователь не сообщает ничего, и поэтому я не могу сказать, отличается ли валуви в каком-то отношении от родственных видов*.

Рыжий лемур (*Microcebus rufus*). Длина тела равна 14—15 см, а длина хвоста — 16—17 см**. Сверху лемур рыжевато-серого цвета, снизу белого. Обитает на Мадагаскаре, но о поведении его на воле мы знаем чрезвычайно мало, что объясняется незначительной величиной и ночным образом жизни жи-

Семейство карликовые лемуры

* *Валуви* — моногамы, но иногда у самца бывает две самки.

*Мышиный лемур
(*Microcebus murinus*)*

** *Рыжий лемур* ненамного крупнее мышиного лемура, умещающегося в человеческом кулаке, и очень сходен с ним внешне и образом жизни.

вотного. Родственный ему вид, описанный Полленом, живет в непроходимых лесах острова, днем прячется в гнезде, построенном им самим из соломы и сухих листьев, равно по величине гнезду белки; ночью же, как и все другие подобные животные, бродит в поисках пищи, которая, вероятно, больше состоит из насекомых, чем из плодов. Этим и ограничиваются пока наши сведения о нем.

СЕМЕЙСТВО ИНДРИЕВЫЕ (Indridae)*

* Крупные дневные полуобезьяны с яркой и пестрой окраской меха. Задние конечности длиннее передних, по земле они скачут боком, балансируя руками и выпрямившись вертикально. Учитывая почти человеческие пропорции зверьков, неудивительно, что местные жители — мальгаши считают индри «лесным народом».

«Индри! Индри! (Посмотри! Посмотри!)», — говорили туземцы путешествуя естествоиспытателю Соннера, обращая его внимание на лемура, который благодаря своему особому строению действительно возбудил их внимание. Но Соннера неверно понял восклицание местных жителей и назвал это животное «индри».

Хохлатый индри (*Propithecus diadema*). Длина тела — 75 см, причем длина хвоста составляет 4,5 см.

Шерсть шелковистая и мягкая, окраска ее очень красивая, хотя без ярких цветов. Черная голая морда и щеки, поросшие редкими серыми волосами, окружены широким венцом довольно длинных волос чалого цвета. Сзади венец этот окружен черными волосами; он обрамляет все лицо ото лба до горла, где обе полосы соединяются. На темени находится ярко-белое пятно, которое переходит на ушные раковины. На задней части головы и на шее его продолжают серовато-белые полосы. Внутренняя часть ушной раковины, затылок, плечи, спина до крестца, вся грудь и передняя часть ступней черного цвета, причем отдельные волосы у основания серые или серовато-черные. На задней части тела заметно белое пятно в виде удлиненного треугольника. Внутренние стороны передних конечностей и бедер так же белого цвета. Зад и хвост красновато-рыжего цвета. Кончик хвоста серый, предплечье и наружная часть бедер пепельно-серого цвета, наружная часть голеней до середины ступни и вся покрытая шерстью ступня серого цвета**.

** Брем приводит размеры и окраску настоящего индри. Они необычайно изменчивы в окраске, представляющей собой сочетание кремовых, черных, серых и красно-коричневых тонов.

Соннера, который дал первое описание хохлатого индри, рассказывает о нем следующее: «Индри двигается ловко и проворно, отлично прыгает с дерева на дерево и питается преимущественно плодами. Когда ест, то сидит на задних лапах, а передними держит пищу. Голос его похож на крик плачущего ребенка. По характеру своему хохлатый индри добродушен, кроток и легко приручается, почему туземцы южной части Мадагаскара часто держат его в домах и дрессируют к охоте, как собак». Поллен сообщает нам об этом животном несколько больше, но, к сожалению, не собственные наблюдения, а то, что он слышал от туземцев.

«До сих пор, — говорит этот натуралист, — хохлатый индри встречался только во внутренней части восточного Мадагаскара, точнее на северо-востоке этого острова; туземцы по крайней мере уверяли меня, что в других местах он не водится». Винсон, проходя через большой лес в Аланамазоатрао, два дня кряду был оглушаем криком этого индри. Он сообщает, что эти животные встречаются в здешних лесах в большом количестве, но заметить их в густой листве никак нельзя. Туземцы считают хохлатого индри сверхъестественным и священным существом, так как они думают, что их родители и предки после смерти превращаются в этих лемуров. На этом основании они глубоко верят, что деревья, на которых живут индри, содержат в себе самые лучшие лекарственные вещества от неизлечимых болез-

ней, и потому срывают листья с того дерева, где сидел лемур, а затем в случае надобности употребляют их. Туземцы рассказывают также, что на это животное очень опасно нападать с копьями, потому что оно умеет схватывать их на лету и с большой точностью мечет ими обратно в охотника. Согласно другому рассказу туземцев, самка тотчас после рождения детеныша кидает его самцу, сидящему на некотором расстоянии на том же

дереве. Тот в свою очередь бросает детеныша обратно самке и так до двенадцати раз. Если в процессе этого перебрасывания несчастный детеныш не свалится на землю, то мать принимает его и начинает кормить, если же он упадет, то родители не поднимают малыша, и он погибает. Само собой разумеется, что эти рассказы доказывают лишь то, что туземцы мало знакомы с образом жизни хохлатого индри.

«В некоторых местностях Мадагаскара, — говорит Поллен, — индри приучают к охоте за птицами, причем, как утверждают, он оказывает такие же услуги, какие хорошая собака.

Короткохвостый
индри, или бабакото
(*Indri indri*)

** Все индри питаются почти исключительно листьями. Дополнительным кормом служит кора и смола деревьев, некоторые плоды. Животную пищу не употребляют.*

*** На пальцах передних и задних конечностей руконожки ногти продолговатые, заостренные и имеют вид когтей. Лишь на большом пальце ступни развит широкий плоский ноготь. Когтевидные ногти позволяют зверьку лазить как белка или кошка, цепляясь за кору, а не обхватывая ветки пальцами, как большинство приматов. Когтезачесть особенно удобно при большом диаметре стволов и веток.*

Хотя лемур питается преимущественно плодами, но не пренебрегает и маленькими птичками, очень ловко ловит их и лакомится их мозгом»*.

Насколько известно, хохлатого индри никогда не привозили в Европу живым. Это тем более странно, что, как выше было сказано, животные эти встречаются на Мадагаскаре в неволе и содержание их, без сомнения, не представляет трудностей.

СЕМЕЙСТВО РУКОНОЖКОВЫЕ (Daubentoniidae)

Более ста лет назад путешественник Соннера получил из леса на западном берегу Мадагаскара пару крайне странных животных, о существовании которых никому до того времени известно не было. Даже на противоположном берегу о них никто не знал. По крайней мере жившие там туземцы уверяли нашего естествоиспытателя, что этих двух животных, которых он держал при себе, они видели впервые. При виде их они громко вскрикивали, выражая свое удивление, и Соннера избрал этот возглас «ай-ай», чтобы назвать открытое им создание.

«Это четвероногое, — говорит Соннера, — представляет большое сходство с белкой, но отличается от нее несколькими существенными признаками. Оно похоже до некоторой степени также на черного лемура и обезьяну. На каждой ноге по пять пальцев; на передних конечностях они очень длинные и несколько согнуты, вследствие этого животное ходит весьма медленно. Пальцы снабжены кривыми ногтями**.

Два последних сустава среднего пальца длинные, тонки и не покрыты волосами. Животное пользуется этим пальцем, чтобы доставать из трещин деревьев червей и проталкивать их в глотку. По-видимому, он служит ему еще затем, чтобы цепляться за ветви деревьев. На задних конечностях четыре пальца с кривыми когтями, пятый, или внутренний, — большой палец, он снабжен плоским ногтем, похожим на ноготь человека.

Ай-ай имеет в каждой челюсти по два резца, которые стоят очень близко друг к другу и похожи на клюв попугая; нижние гораздо больше верхних. У него большие, широкие и плоские уши; они черного цвета, гладки, блестящи и покрыты снаружи длинными волосами. Над глазами и носом, на щеках и подбородке у него находятся пучки длинных волос.

Все животное покрыто желтовато-белым пухом или нежными волосами, из которых торчат большие черные волосы. Передняя часть головы и шеи желтовато-белого цвета. Хвост плоский, мохнатый, покрыт длинными волосами. Хотя он и кажется совершенно черным, однако его волосы от корня до середины длинны белого цвета. Ай-ай имеет в длину от головы до хвоста 18 дюймов 6 линий, а хвост его — 1½ фута».

О том, где встречается и живет это животное, Соннера не сообщает ничего, о поведении его в неволе известно очень мало. «Это животное, — говорит он, — по-видимому, принадлежит к тем, которые роются в земле. Днем оно не видит; его глаз красноват и неподвижен, как у совы. Животное очень лениво, а потому и очень смирно. У меня были самец и самка, но оба прожили не более двух месяцев; я кормил их вареным рисом. Во время еды они пользовались двумя тонкими пальцами передних конечностей, как китайцы своими палочками. Были робки и пугливы, очень любили тепло, всегда сползались вместе, перед тем как улечься спать, ложились на бок и прятали голову между передними конечностями. Они лежали весь день неподвижно, и лишь продолжительным встряхиванием можно было заставить их двигаться».

До новейшего времени ай-ай, привезенный Соннера в Европу, оставался единственным экземпляром, а появившееся в 1782 году описание — единственным источником сведений о жизни этого редкого животного. Некоторые ученые были склонны считать его уже вымершим. Следующее известие об ай-ае ученый мир получил в 1841 году благодаря Де-Кастелю. Этому путешественнику удалось достать молодого ай-ая, и он решил подарить его Парижскому зоологическому музею. К несчастью, животное умерло, не доехав до Европы, но шкура и скелет его поступили в упомянутый музей. Благодаря этому было доказано, что это животное и ай-ай Соннера принадлежат к одному и тому же виду. До самого начала 60-х годов эти два экземпляра оставались единственными. Лишь в 1862 году лондонское зоологическое общество получило радостное известие, что две руконожки, как между тем называли это странное существо, пойманы на Мадагаскаре и находятся на пути в Европу для помещения их в зоологическом саду в Риджентс-Парке. Одна из них благополучно прибыла в Европу живой, другая по крайней мере в спирту. Несколько позднее было привезено еще несколько экземпляров, из которых Берлинский музей смог приобрести трех.

Лишь теперь у зоологов появилась возможность установить родственные отношения ай-ая и определить его место в системе. До этого времени взгляды ученых сильно расходились.

На основании этих исследований ученые пришли к выводу, что **руконожка** (*Daubentonia madagascariensis*) составляет не только особый род, но и особое семейство в отряде полуобезьян*.

Ай-ай, или руконожка, имеет следующие внешние признаки: голова очень велика, шея коротка, туловище довольно толстое, хвост по длине приблизительно равен телу. Конечности почти равной длины. По отношению к величине головы глаза кажутся маленькими**, кожистые уши, напротив, большими. На руке и ноге особенно бросаются в глаза очень удлиненные пальцы. На руке утолщенный снизу большой палец толст и короток; указа-

* *Мадагаскарская руконожка* (*Daubentonia madagascariensis*) не имеет близких родственников среди полуобезьян и составляет монотипичное семейство руконожковых (*Daubentoniidae*). Известен ископаемый вид руконожки, гораздо более крупный, чем современный. Масса современной руконожки достигает 2 кг.

** Глаза имеют необычный для приматов вертикальный зрачок и хорошо развитую мигательную перепонку.

тельный несколько тоньше; безмянный почти такой же толщины, как и большой; мизинец тоже очень толст, но третий палец недоразвит и кажется как бы ссохшимся. Плюсна умеренно развита, большой палец ноги средней длины и такого же строения, как большой палец руки, остальные пальцы ноги почти одинаковой длины и сходного строения. Морда рыжевато-серого цвета за исключением более темного кольца вокруг глаз и светлого пятна над ними. Взрослые экземпляры достигают длины в 1 м, причем 45 см приходится на расстояние от конца морды до начала хвоста и более 50 см — на хвост.

В течение короткого времени я наблюдал руконожку, которая жила несколько лет в Лондоне. К сожалению, я мог посвятить этому животному лишь один вечер. И даже этот единственный раз, когда я видел руконожку, убедил меня, что описание

Соннера нуждается не только в дополнении, но и в исправлении. Поэтому я и хочу здесь кратко изложить мои ограниченные наблюдения.

Животное не имеет значительно сходства буквально ни с каким другим млекопитающим. В некоторых отношениях оно напоминает галаго, однако, едва ли какому-нибудь исследователю придет в голову объединить их в одно семейство.

Руконожка
(*Daubentonia
madagascariensis*)

Для зоолога, который видит это странное существо живым перед собой, не подлежит ни малейшему сомнению, что он имеет дело с абсолютно ночным животным. Ай-ай боится света более, чем все известные мне млекопитающие. Ночную обезьяну можно по крайней мере разбудить. Проснувшись, она ощупывает вокруг себя, с удивлением смотрит на мир, освещенный дневным светом, с участием прислушивается к жужжанию пролетающего мимо насекомого, даже чистится и лижется; ай-ай же днем, если его и удастся с большим трудом растрясать и заставить проснуться, кажется совершенным автоматом. Машинально тащится он назад в свое темное место, свертывается клубком, закрывает морду

густым хвостом, которым он, как обручем, окружает голову. В каждом движении, в каждом действии его чувствуется вялость и равнодушие в самой сильной степени. Лишь глубокой ночью, спустя долгое время после сумерек, ай-ай оживляется и выползает из своего темного убежища, видимо все еще опасаясь, чтобы какой-нибудь луч света не ослепил бы его. Свет свечи, который нисколько не тревожит других ночных животных, заставляет его поспешно прятаться.

Движения его медленны и ленивы, хотя и в меньшей степени, чем это можно было бы ожидать. Если ему надо избежать беспокоящего его света, то ай-ай доказывает, что при известных обстоятельствах он может даже быть проворным. Походка его похожа на походку других ночных обезьян, с тем только различием, что она несравненно медленнее. При этом животное держит заднюю часть тела гораздо выше передней, опираясь на сильно расставленные и согнутые пальцы, мохнатый хвост располагает горизонтально, не волоча его по земле. Можно подумать, что животное дает себе достаточно времени для размышления. Я не имел случая наблюдать, как оно лазает, но и это движение совершается, говорят, так же медленно, как и ходьба.

Единственная пища, которую дают животному, состоит из молока с подмешанным в него вареным и растертым желтком. Ему достаточно маленького блюдца на целый день. Во время еды ай-ай пользуется обеими руками, он бросает ими жидкую пищу себе в рот. Мясной пищи он до сих пор упорно избегал; пытались ли приучить его к какой-нибудь другой пище, я не знаю.

Достоинством внимания кажется мне еще одно наблюдение. Все ветви дерева, находящегося в клетке ай-ая, облуплены и искусаны им. Это указывает на способ употребления им своих резцов, что заставило естествоиспытателей причислить животное к грызунам. Я думаю, что из этого можно заключить, что на свободе он отыскивает пищу на засохших деревьях и действительно поедает насекомых, как указывает Соннера. Я предполагаю, что он обдирает кору деревьев своими превосходно приспособленными для этого резцами, открывая таким образом места, где прячутся некоторые насекомые и их личинки, а затем вытаскивает их из щелей и трещин своими длинными пальцами и съедает*.

К этим наблюдениям, написанным в 1863 году, я хочу прибавить данные, позднее обнаруженные Полленом, так как они существенно пополняют наши сведения о жизни ай-ая на свободе. «Это животное, столь замечательное в научном отношении, — говорит наш сотоварищ, — живет предпочтительно в бамбуковых лесах внутри большого острова. По словам туземцев, оно такое редкое, что его удастся видеть лишь случайно. Живет поодиночке или парами, но никогда не стадами, появляется только ночью, а целый день спит в самых густых и непроходимых бамбуковых чащах среди лесов. Оно питается сердцевиной бамбукового или

** Сначала зверек определяет наличие личинки под корой или в древесине на слух (отсюда такие развитые и подвижные ушные раковины), затем прогрызает отверстие в древесине зубами либо отслаивает кору пальцами и извлекает личинку из отверстия, наколов ее на коготь тонкого среднего пальца, специально приспособленного для этой цели (все пальцы на руке сильно удлинены, но этот зрительно выглядит особенно длинным). При ходьбе руконожка загибает его внутрь, опасаясь повредить. На Мадагаскаре отсутствуют дятлы, и эту своеобразную экологическую нишу заняла руконожка.*

Семейство лориевые

** Биология руконожки плохо изучена и сейчас. Зверьки ведут одиночный образ жизни, территориальны, издают громкие предостерегающие крики «ахай» через ноздри, с закрытым ртом. День проводят в гнездах на деревьях или в дуплах. В феврале—марте самка приносит единственного детеныша.*

*** Эти приматы характеризуются коротким хвостом, очень крупными глазами. Обладают цепкой хваткой пальцев, обусловленной особым строением сухожилий, подвижными суставами и густой сетью кровеносных сосудов, снабжающих мышцы конечностей дополнительным питанием.*

**** Когтем снабжен не мизинец кисти, а указательный палец стопы.*

***** У всех лориевых 2—3 пары молочных желез с сосками.*

сахарного тростника, а также жуками и их личинками. Для того чтобы достать пищу, все равно состоит ли она из сердцевины бамбукового или сахарного тростника или из насекомых, ай-ай прогрызает своими сильными резцами отверстие в стволе растений, запускает в него тонкий средний палец и вытаскивает им растительное вещество или насекомых.

Насколько это животное сонливо днем, настолько же оно оживленно движется ночью. Оно ложится спать с восходом солнца, причем прячет голову между ногами и, кроме того, закутывает ее еще своим длинным хвостом. С наступлением ночи ай-ай выходит из своего сонного состояния, лазает вверх и вниз по деревьям и с ловкостью лемуринов прыгает с ветви на ветвь, тщательно исследуя при этом все отверстия, щели и дыры в поисках добычи. Но еще до начала утренней зари прячется обратно в лес. Его крики, громкое хрюканье часто случается слышать ночью»*.

СЕМЕЙСТВО ЛОРИЕВЫЕ (Lorisidae)**

Между тем как все лемуриновые по крайней мере в известное время обнаруживают большую живость, деятельность и подвижность, лори отличается противоположными качествами. Они до некоторой степени представляют в своем семействе ленивцев, их и называют поэтому ленивыми обезьянами. К ним относятся маленькие довольно красивые полуобезьяны с тонким бесхвостым телом, большой круглой головой и тонкими стройными конечностями, задняя пара которых несколько длиннее передней. Морда острая, но короткая; очень большие глаза близко расположены, уши средней величины и покрыты волосами. На руках указательный палец очень укорочен, четвертый удлинён, а мизинец снабжен острым и длинным когтем***. Самка имеет лишь две грудные железы, но каждая из них с двумя сосцами****. Между зубами средние верхние резцы бросаются в глаза по своей величине, тогда как наружные совершенно недоразвиты; шесть нижних резцов, разных по ширине, стоят вертикально; клыки толсты, согнуты, но острые; оба ложных коренных зуба довольно велики и имеют по одному бугорку, настоящие коренные зубы четырехбугорчатые. Позвоночный столб, кроме шейных позвонков, состоит из 15—16 грудных с ребрами, 8—9 поясничных, 2—5 крестцовых и 8—9 хвостовых. Очень своеобразно кистевидное разветвление бедренной и подключичной артерии: обе разделяются на столько ветвей, сколько мускулов находится в соответствующей конечности.

Немногие виды этого семейства населяют Индию и прилегающие острова, но жизнь их на свободе почти неизвестна нам. Они замещают в южной Азии более подвижных лемуринов, однако лишь по строению тела, а не по характеру.

Крайне милovidный представитель этого семейства — **тонкий лори** (*Loris tardigradus*)* ростом всего лишь с белку. Длина его тела — 25 см. Туловище удлинённое, глаза большие, морда острая, конечности тонкие. Длинный, похожий на плющ бархатистый мех рыжеватого-серого и желтовато-бурого цвета сверху и сероватого или бледно-желтого снизу. Глаза орехово-бурого цвета; обрамленные темным мехом, они резко выделяются на светлой части морды. Это милое существо, которое туземцы называют «тевангу», живет в лесах низменностей южной Индии, начиная от Голавари, и на Цейлоне. Днём оно спит в дуплах деревьев** и появляется лишь вечером. На воле его еще никто не наблюдал, хотя уже давно существуют рассказы о жизни этого лори на свободе.

Тевено впервые упоминает о тонком лори. Он видел в конце 17 столетия несколько этих животных в Аурангабаде, в прежнем царстве Великого Могола. Им очень удивлялись, так как они отличались от настоящих обезьян особенно своей малой величиной. «Когда животных наблюдали, они часто становились на задние конечности, обнимали друг друга и при этом пристально смотрели на людей. Хозяин называл их дикими людьми».

Около середины прошлого столетия о тевангу рассказал Себа, при этом он дал превосходное изображение его. Себа называет это животное «цейлонский ленивец», но замечает, что оно носит это имя совершенно незаслуженно, так как тевангу — что доказывается уже стройным телосложением животного — не лениво, не медлительно, а, напротив, очень проворно в ходьбе и крайне ловко и быстро во время лазанья. Тевангу питается плодами и семенами больших деревьев, которые самец собирает, пробует и передает потом самке; но и эта последняя тоже очень вежлива по отношению к самцу. Число детенышей иногда доходит до четырех***.

Эти два старых сообщения, собственно, самые подробные из тех, которые мы имеем о тонком лори.

По словам Жердона, тонкий лори, по-видимому, малоизвестен на Малабарском берегу; напротив, он очень обыкновенен на восточном берегу, где представители этого вида иногда в большом количестве привозятся живыми на продажу в Мадрас. Местные знахари употребляют глаза этих животных на приготовление различных снадобий. Блэнфорд говорит, что тонкий лори очень любит сироп и мед.

К моему величайшему удивлению и радости, я нашел живого тонкого лори у одного содержателя зверинца. Это нежное создание попало в Европу четыре года назад вместе с тремя другими и было продано упомянутому лицу одним из наших первых крупных торговцев зверьями. Оно превосходно вынесло, таким образом, не только путешествие в Европу, но и жизнь в неволе в более холодной стране. Я приобрел это маленькое животное за

** Самый изящный член семейства весит всего 340 г. В горных лесах он встречается до высоты 1800 м. При столкновениях со зверьками своего вида тонкие лори агрессивны, драки нередко кончаются серьезными увечьями.*

*** Тонкие лори проводят день не в дуплах, а свернувшись в шар на ветке и спрятав голову между задними ногами.*

**** У тонких лори бывает 2 помета в году, по 1—2 детеныша. Новорожденные покрыты шерстью, зрячие, питаются молоком около 3,5 месяца, покидают мать в возрасте около года, половозрелы в 1,5 года.*

высокую цену, чтобы наблюдать его, дать срисовать его живым и, конечно, заботливо ухаживать за ним.

Самой подвижной частью тела является голова, которую животное умеет поворачивать внезапно и с быстротой молнии, между тем как рукой или ногой оно редко производит такое же быстрое движение. Его глаза светятся в полумраке буквально как раскаленные уголья и производят своеобразное впечатление, так как посажены очень близко и отделены друг от друга лишь белым пятном. Уши несколько оттопыриваются, раковины их при этом вполне развернуты.

Тонкий лори
(*Loris tardigradus*)

существ. Даже если просунуть руку в его клетку, то он едва ли обратит на это внимание. Однако если потрогать лори, он издаст характерное храпение и попытается укусить. Легкое поглаживание, кажется, нравится ему; если лори тихонько чесать голову, то он закрывает глаза.

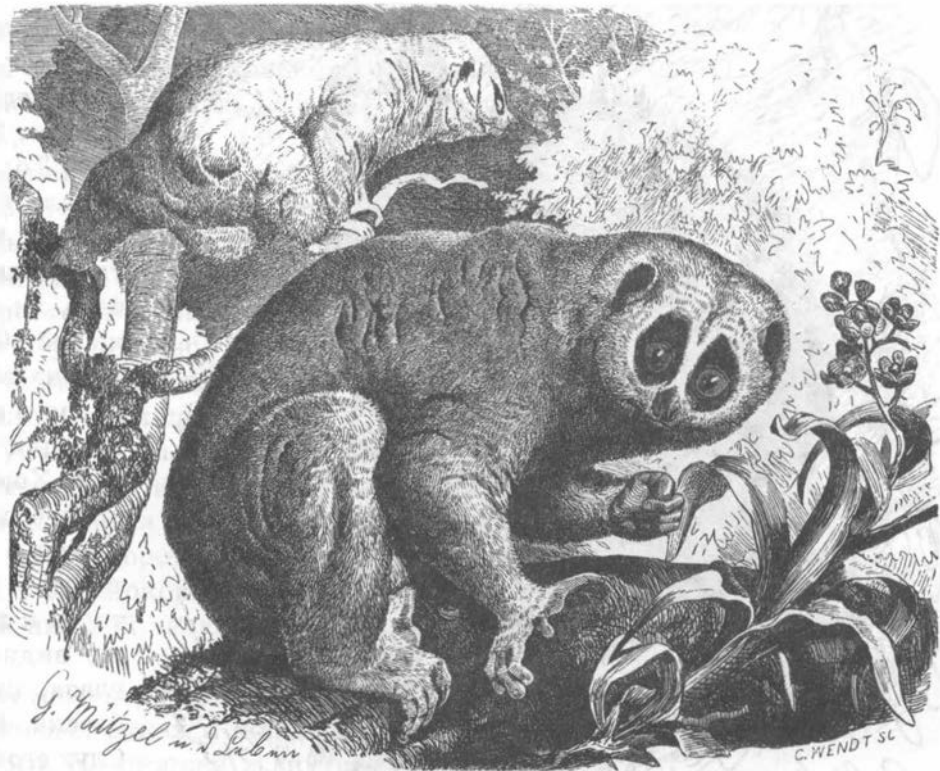
Главная пища тонкого лори состоит из размоченной в молоке булки. Овощей он избегает почти совсем, мяса и яиц тоже; на живых птиц до сих пор тоже не выказывал желаний броситься. Насекомых, особенно мучных червей, лори ест чрезвычайно охотно, но он слишком неловок или ленив, чтобы брать их самому, и лишь тогда хватается их ртом, когда сторож держит лакомый кусочек прямо перед ним. Вероятно, его равнодушие к

В раздражении тонкий лори издает резкое храпение, которое больше всего напоминает голос хомяка, но гораздо слабее его. Этим он проявляет высшую степень своего гнева. Раздражительность лори, впрочем, довольно незначительна, так как его трудно вывести из состояния покоя. На людей и животных, которые движутся или делают что-нибудь вне его клетки, он едва обращает внимание и лишь на собак вытаращивает глаза, как на совершенно чуждых ему

птицам обусловлено тем, что он отвык от них за долгие годы своей неволи.

Толстый лори, или куканг (*Nycticebus coucang*)*, более известен и распространен, чем его тонкий сородич. Западной границей области распространения толстого лори должно считать приблизительно устье Брахмапутры и 89 градус восточной долготы, еще он встречается недалеко от Рангпура. Его не видели на Гималаях, но он попадался в Ассаме и всех странах, лежащих к югу и юго-востоку от тех мест, а также на островах Суматра, Ява и Борнео. Этот лори больше и более плотного сложения, чем тонкий лори. Преобладающий цвет у него светлый или темный, пепельно- или серебристо-белый на верхней части тела, часто с красноватым оттенком, который книзу становится бледнее. Вдоль спины пробегает полоса более или менее густого каштаново-бурого цвета, которая или исчезает на затылке, или оканчивается широким пятном, доходящим иногда до ушей, или продолжается в виде полосок до глаз. Глаза всегда окружены бурыми кольцами, даже в том случае, когда никакие полоски не украшают лицо животного. Голые части носа и пятки мясного цвета. Длина тела равняется 32—37 см, длина хвоста — от 1,5 до 2 см.

Толстый лори обитает в лесах, живет семьями. Днем спит в дуплах деревьев, а с наступлением сумерек становится бодрым и пускается отыскивать пищу. Европейцам едва ли приходилось видеть это животное на воле. Розенберг указывает только, что оно всю ночь бесшумно и медленно лазает по ветвям деревьев в поисках пищи, которая состоит из листьев и плодов; животное не пренебрегает, однако, птичьими яйцами и птенцами. Толстый лори, по его словам, больно кусается и чрезвычайно живуч; на Суматре он обыкновенен. Как сообщает Тиккель, этот лори довольно рас-

*Толстый лори
(*Nycticebus coucang*)*

востоку от Брахмапутры, а также Большие Зондские о-ва. Средний и малый лори обитают только в некоторых районах Индокитая.

Семейство лориевые

* Самый крупный и широко распространенный из трех медленных лори. Населяет всю тропическую Юго-Восточную Азию к

пространен в Тенассериме и Аракане, но его редко случается видеть, так как он живет в самых густых лесах и бродит лишь ночью. Добровольно толстый лори не покидает дерева. Если его посадить на землю и испугать, то он может бежать нетвердой шатающейся походкой. Самки рожают лишь одного детеныша. В юго-восточной части Борнео толстый лори, по словам Бока, тоже весьма обыкновенен. «Куканга убить труднее, чем какое-либо из

тех животных, которые мне попадались. Он очень живуч, и мучительно видеть его предсмертные страдания. Добыв на Суматре две шкуры этого лори, я решил не покупать их более. Под кожей этого лори находится толстый слой жира, издающий невыносимый запах», — говорит Бока.

Толстого лори часто приручали и много раз привозили живым в Европу. Ползает он так медленно, что в минуту едва ли проходит более 4 сажень. Очень редко ходит на задних лапах, разве что сделает шага два, вообще же всегда передвигается на четвереньках. Хорошо лазает, но и при этом его медлительность бросается в глаза. По-видимому, толстый лори крайне чувствителен к дневному свету, ночью же видит превосходно, и его глаза, которые днем лишены блеска, светятся в это время. Слух его так тонок, что он даже во сне слышит шорох приближающегося к нему насекомого и тотчас просыпается. Он умеет мастерски подкрадываться к насекомым и малень-

ким птицам и с быстротой молнии схватывать их. Голос его состоит из тихого свиста, который меняется в зависимости от того, выражает ли он удовольствие, боль, досаду или нетерпение; в гневе лори издает пронзительные звуки.

У туземцев Явы наш лори, может быть, вследствие его своеобразного нрава пользуется, говорят, дурной славой. Полагают, что его присутствие приносит несчастье, болезнь, смерть или другую

Спящий толстый
лори
(*Nycticebus coucang*)

беду, и потому местные жители стараются избегать встречи с этим животным.

«В неволе лори смиренны, терпеливы и печальны. Целый день они спят, скорчившись и опираясь головой на сложенные руки. С наступлением ночи лори оживляются. Сначала они протирают себе глаза, делая это точь-в-точь как человек спросонья, потом осматриваются и начинают бродить. При этом лори очень ловко передвигаются по натянутым для них веревкам. Лори очень охотно едят плоды и молоко, но особенно лакомы до птиц и насекомых. Если им показывали этих животных, то они подходили к ним крадучись, осторожными шагами, часто переходя через всю комнату точно так же, как человек, который крадется на цыпочках, чтобы застать другого врасплох. Приблизившись к своей добыче на расстояние около одного фута, они останавливались, приподнимались, подвигались еще ближе, тихонько протягивали руки и наконец с быстротой молнии бросались на добычу и душили ее в несколько мгновений».

До настоящего времени я видел и наблюдал лишь двух живых толстых лори; первого из них — в Амстердамском зоологическом саду и лишь днем. Он, однако, оказался вовсе не таким дружелюбным, как я ожидал.

Обыкновенный потто (*Perodicticus potto*)*. У него тонкое тело, округлая голова с удлинённой мордочкой. Глаза средней величины, уши маленькие кожистые, задние и передние конечности почти равной длины, с большими кистями. Недоразвитый, но все же заметный, указательный палец без ногтя, остальные пальцы с плоскими ногтями, за исключением второго пальца на задней лапе. Большой, кривой и плоский коготь на этом пальце поднят вертикально. Хвост короткий. Зубная система состоит из 2 резцов, 1 клыка, 3 ложнокоренных и 3 настоящих коренных зубов в верхней и нижней челюстях; всего, следовательно, 36 зубов.

Короткошерстный мех сверху рыжевато-серого цвета вперемежку с черным; на голове, руках и ногах более рыжеватого; в области плеч чало-серого. На нижней и внутренней стороне мех еще светлее; на хвосте серовато-рыжего цвета; волосы с чернотой концами. Длина потто равна приблизительно 35 см, на хвост приходится 6 см.

Родина потто, насколько нам известно, западная Африка, однако распространен он не только в Верхней Гвинее и в Сьерра-Леоне, но, как показала экспедиция Гусфельдта в Лоанго, и в Нижней Гвинее, по крайней мере до Конго**.

Золотой, калабарский потто, или медвежий маки (*Arctocebus calabarensis*)***, отличается от обыкновенного потто большими глазами и ушами, указательным пальцем, недоразвитым до такой степени, что он имеет вид бородавки, и едва заметным хвостом в виде короткого зачатка. Число зубов то же, что и

Семейство лориевые

* Обыкновенный потто сходен размерами и массой с толстым лори, но имеет более однотонную окраску, менее крупные глаза и заметный хвост.

** Потто встречается в поясе лесов Западной и Экваториальной Африки на восток до Кении включительно. В году у него — 2 помета по одному детенышу.

*** Наименее изученный член семейства, имеющий ограниченный ареал на западе Центральной Африки. Значительную часть времени зверек проводит подвешившись вниз головой под веткой.

у обыкновенного потто. Однако последний верхний коренной зуб имеет три, а нижний пять бугорков. Густой, длинный, волнистый мех, более редкий и короткий на лице, буровато-серого цвета, на брюхе светло-серого, а на морде, передних и задних конечностях темно-бурой окраски. Длина золотого потто — 25—30 см. Он водится в западной Африке, в области устьев реки Нигера.

*Калабарский потто,
или медвежий маки
(Arctocebus
calabarensis)*

Об образе жизни обоих животных мы знаем крайне мало, хотя обыкновенный потто был открыт уже в начале прошлого столетия, а золотой потто еще раньше, в 1680 году, и первого из них уже не раз привозили живым в Европу, а именно в Лондонский зоологический сад. Босман, открывший обыкновенного потто, говорит, что он неповоротлив, как ленивец, и поэтому туземцы в Гвинее называют его лентяем. Бойль, который позднее прислал один экземпляр этого потто в Европу, указывает, что он ведет уединенный образ жизни, показывается редко и только ночью, ест растения и, главным образом маниок. Молодой потто, которого держали в Чинчочо на берегу Лоанго, обыкновенно целый день спал, то лежа свернувшись,

то вися в виде шара на палке или проволочной решетке. При этом для него, по-видимому, было совершенно безразлично, имела ли его жердь вертикальное, наклонное или горизонтальное положение. Если его будили днем, то он иногда пытался схватить предложенных ему насекомых. При этом потто делал прыжки, которые живо напоминали прыжки большой лягушки. Он скоро стал совершенно ручным, был добродушен, но скучен. Туземцы рас-

сказывают, что в лесу потто по временам издает ночью ужасный крик и что во время войны с Ашанти этот самый крик не раз заставлял английских часовых поднимать тревогу.

СЕМЕЙСТВО ГАЛАГОВЫЕ (Galigidae)*

Галаго относятся к самым известным полуобезьянам, с жизнью и нравами которых нас познакомили уже прежние путешественники. Между тем как у одних низших приматов выше всего стоит зрение, у галаго главную роль играет слух, что заметно по очень большим кожистым ушам, которые напоминают уши некоторых летучих мышей**.

Тело галаго можно назвать скорее тонким, чем плотным, но благодаря густому меху оно кажется толще, чем есть в действительности. Относительно большая голова отличается, кроме необыкновенно развитых голых ушей, большими близко посаженными глазами. Передние и задние конечности средней длины*** и хорошо развиты; указательный палец задней лапы, а у некоторых также средний палец на обеих конечностях снабжен когтеобразным ногтем, все остальные — плоскими ногтями****.

Во рту заметны 4 больших, узких, долотообразных резца, расположенных на некотором расстоянии друг от друга. В верхней челюсти 6 больших, широких и длинных резцов. В нижней — 1 длинный гладкий клык, снабженный на наружной стороне бороздкой. В верхней челюсти — 3 ложных и 6 настоящих коренных зубов. В нижней челюсти — более короткий, но зато более крепкий клык, 2 ложнокоренных и 3 настоящих коренных зуба.

Все галаго — обитатели Африки и некоторых ее западных и восточных островов. Они должны считаться хищниками, которые лишь иногда едят плоды. Чтобы дать представление о них, я повторю здесь то, что вместе с Керстеном я говорил на основании его указаний и собственных наблюдений в книге о путешествии фон дер Деккена. «Галаго — ночные животные в буквальном смысле этого слова, существа, для которых месяц служит солнцем, создания, для которых половина дня проходит бесследно. Они более сонливые, чем сони. Весь день лежат, свернувшись клубком, в каком-нибудь укромном месте, а если им помешают отыскать такое убежище, то стараются защититься от ненавистного солнечного света, боязливо прячут голову и даже складывают уши, чтобы обезопасить себя от любого звука. Если по какой-либо причине они проснутся, то сначала бессознательно таращат глаза, затем постепенно приходят в себя и всем своим видом показывают, как неприятно было для них пробуждение. Совершенно другими становятся те же животные после захода солнца. Как скоро в лесу сгущаются сумерки, галаго просыпается, может быть, благодаря становящейся чувствительной для него вечерней прохлады».

Семейство галаговые

* Представители семейства — эндемики Африки к югу от Сахары и прилегающих к материке небольших островов.

** Ушные раковины способны двигаться независимо друг от друга; необычайно подвижна шея, галаго легко поворачивают голову на 180 и более градусов. Эти особенности обеспечивают точную локацию добычи.

*** Задние конечности гораздо длиннее передних, что характерно для «прыгающих» животных.

**** Ногти на пальцах «когтистых» галаго (подрод *Euoticus*) заостренные, узкие и напоминают настоящие когти.

Семейство галаговые

* В основном галаго питается крупными насекомыми. Птицы, их яйца, ящерицы, лягушки, плоды занимают значительно меньшее место в рационе. Характерно также питание цветами и ароматными смолами некоторых деревьев.

** У галаго две пары сосков и число детенышей у них колеблется от 1 до 3. В году обычно бывают два помета.

*** Наиболее широко распространенный вид семейства. Обитает к югу от Сахары, населяя леса различных типов и саванну. Вместе с тем практически отсутствует во влажных экваториальных лесах Центральной и Западной Африки, предпочитаемых большинством галаго. По ночам издает крики, похожие на плач младенца.

де. Он разворачивает свернутый над головой хвост, открывает глаза и расправляет кожистые уши, которые были свернуты или, точнее, смяты в виде крышки, хорошо запирающей слуховой аппарат. После этого животное покидает свое убежище, чистится, лижется и затем начинает бродить, как привидение. Оно ведет образ жизни хищника в полном смысле этого слова, у которого ненасытная жажда крови соединяется с жестокостью, необыкновенной для четырехрукого животного. Дальнозоркий, как рысь, чуткий, как летучая мышь, с тонким обонянием лисицы, не очень умный, но весьма хитрый, галаго соединяет в себе проворство обезьяны и сони, отличается большой смелостью и является поистине одним из самых страшных врагов мелких животных, чем существенно отличается от большинства других семейств этого отряда»*.

В этих словах заключается почти все, что было известно до настоящего времени о жизни галаго на свободе; да и не легко было бы приобрести более подробные данные, так как наблюдения за образом жизни этих животных в ночное время представляют большие трудности. У нас нет точных сведений о времени и способе их размножения; мы можем сказать лишь одно — галаго, как и почти все остальные полуобезьяны, рождает лишь одного детеныша**.

В Занзибаре нередко предлагают на продажу пойманную самку галаго с детенышем. Последний висит, как это обыкновенно водится у обезьян, полуобезьян и летучих мышей, на груди и брюхе матери, вцепившись четырьмя лапами в ее густой мех. Малыш держится так крепко, что она может выполнять с ним все движения и его едва можно отделить от ее тела.

Из немногих видов галаго, величайший из которых почти равен взрослому кролику, а самый маленький вид едва превышает мышь, нам со времен Адансона хорошо известен **обыкновенный**, или **сенегальский**, галаго (*Galago senegalensis*)***.

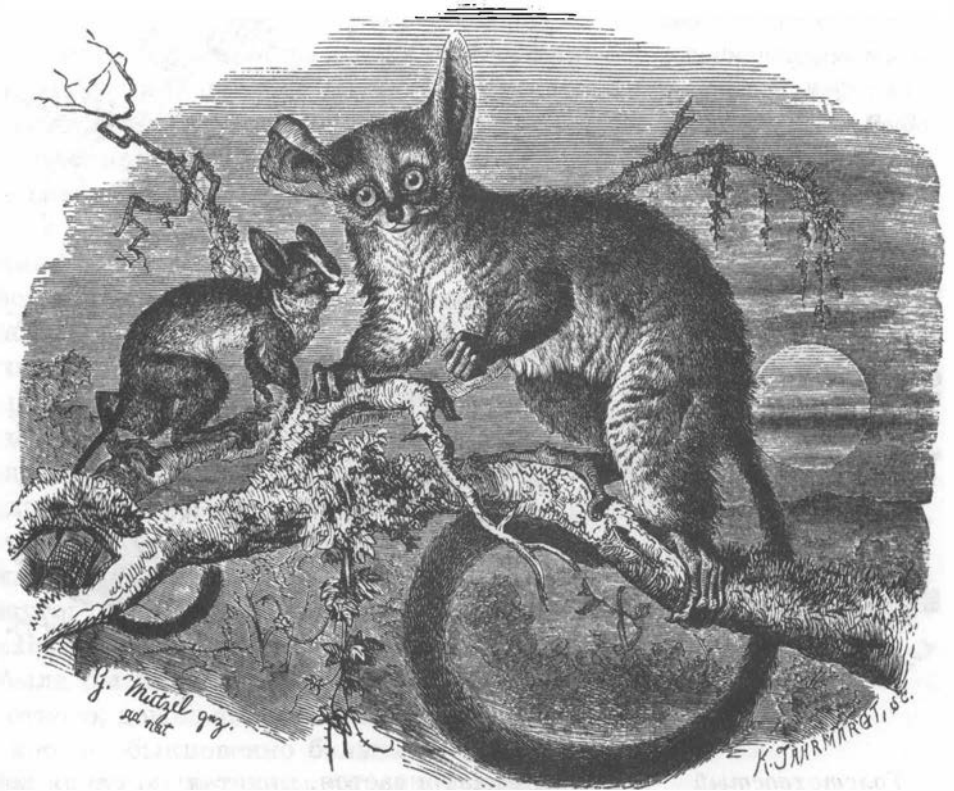
Это изящное создание величиной с белку, длина тела составляет 16—20 см, а хвоста — 23—25. Его короткий, но густой и мягкий, как шелк, мех булано-серого цвета сверху, на голове и спине рыжеватого, на внутренней стороне конечностей и на брюхе желтовато-белого цвета. Подобным образом окрашены виски и продольная полоска, начинающаяся между глазами и доходящая до конца носа. Уши мясного цвета, глаза бурого.

Галаго водится в большей части Африки. Адансон открыл его в лесах на реках Сенегамбии, позднейшие путешественники наблюдали его в Южной Африке и Судане. Здесь находил его несколько раз и я, но всегда лишь к западу от Белого Нила, а именно в Кордофане. Туземцам он хорошо известен под именем «тендж». Они полагают, что он первоначально был обезьяной и так опустился лишь благодаря своей сонливости. Мы встречали тенджа лишь в мимозовых лесах, обыкновенно парами. Живот-

ные спали, сидя на толстых ветвях у самого ствола, но тотчас оживлялись, заслышав наши шаги. Когда днем мы спугивали их, то они быстро и ловко начинали лазать по ветвям, но никогда не убегали, а всегда скоро спокойно и доверчиво снова усаживались на прежнее место и прислушивались, присматривались к нам сквозь густую листву. Они умели очень ловко двигаться между многочисленными острыми шипами мимоз, а также делать большие прыжки с одного дерева на другое. Ночью, как нам говорили, они быстро, но бесшумно занимаются охотой за насекомыми или по крайней мере собирают плоды, и глаза их горят тогда как огонь. Говорили также, что эти животные очень легко попадают в петли и что днем человек, умеющий хорошо лазать, может даже схватить их рукой. Ловцу нужно только хорошенько трясти ветвь, на которой сидит тендж, тогда животное, боясь упасть, крепко цепляется за нее и позволяет схватить себя. Я думаю, что этот способ охоты дает хорошие результаты. Я сам часто с успехом применял его во время ловли молодых белок.

Самый большой из всех известных до сих пор галаго, которого мы

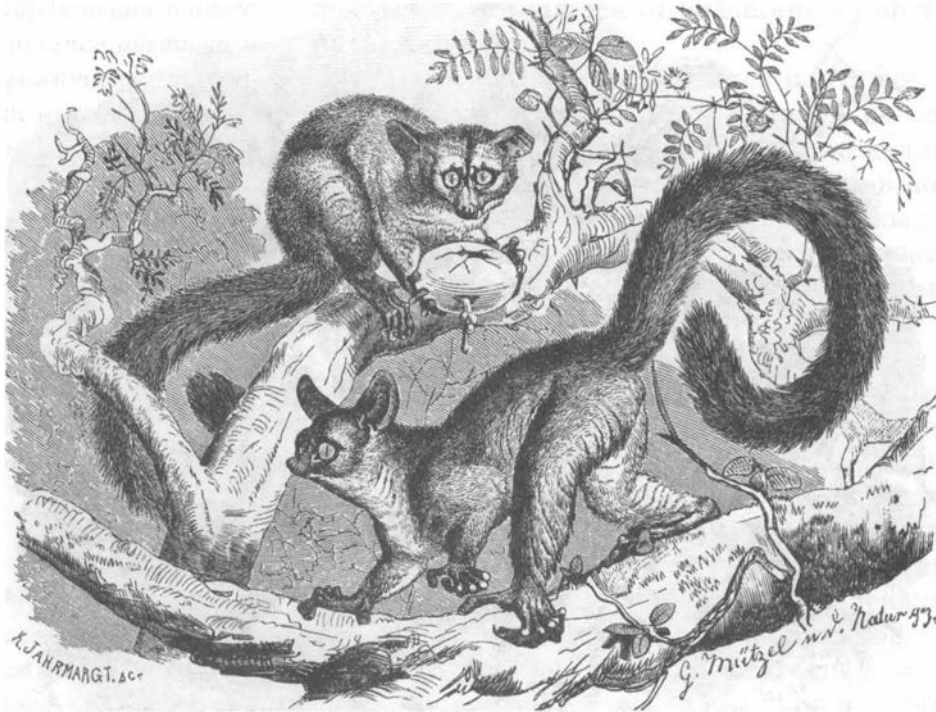
будем называть **толстохвостый галаго** (*Otolemur crassicaudatus*), размером почти с кролика. Длина его тела равна 30—32 см, длина хвоста — 40—42 см. Густой, волнистый мех, который особенно пушист на хвосте и лишь на спинной стороне конечностей укорачивается и прилегает к телу, рыже-бурого цвета на верхней части головы, серовато-ржавого на спине, серого или желтовато-белого на нижней части тела, буровато-рыжего на хвосте, черно-бурого на пальцах обеих пар конечностей. Каждый волос у основания голубовато- или черновато-серого цвета, на конце серебристо-серого с черными и бурыми кольцами или же совершенно черный.

Обыкновенный, или
сенегальский, галаго
(*Galago senegalensis*)

Область распространения этого галаго простирается на довольно большую часть восточной Африки, по крайней мере от Джубы до Мозамбика, но о жизни животного на воле мы почти ничего не знаем. В последнее время живые галаго попадают нередко в наши клетки, и я сам имел случай наблюдать их; из этих наблюдений следует, что толстохвостый галаго не отличается значительно по образу жизни от своих сородичей. Как и они, он является настоящим ночным животным, которое целый день спит, а ночью бодро и живо бродит и лишь утром на рассвете отправляется в свое гнездо. В течение дня галаго отдыхает, свернувшись в самом темном углу своей клетки. При этом он помещает

голову между передними конечностями, крепко обвивает ее пушистым хвостом и схватывает сей последний обеими задними лапами, которые он вытягивает, насколько это возможно, вперед. Галаго так хорошо прячет голову, что, кроме ушей, которых он никогда не прикрывает, не видно ничего. Уши у него обыкновенно завернуты и кажутся обвислыми и измятыми. Приблизительно в 5 часов вечера животное просыпается, потягива-

Толстохвостый
галаго
(*Otolemur
crassicaudatus*)

ется и осматривается, пристально глядя вокруг, причем то вытягивает, то снова прячет голову. Потом оно чистится и лишь после этого начинает лазать. Движения его всегда медленны и осмотрительны; шаги совершенно не слышны. При ходьбе пальцы широко растопыряются, хвост волочится по земле. Галаго лазает медленно, но очень искусно, вверх и вниз головой, крепко привешивается передней или задней лапой и качается. Пища его состоит из размоченной в молоке булки, мяса и плодов. Винные ягоды и изюм он ест особенно охотно, жаден до насекомых, их личинок и куколок. Предлагаемую пищу берет ртом или руками; неизвестное ему обыкновенно сначала обнюхивает, потом ощупывает языком. На живых птиц галаго смотрит жадным, много говорящим взглядом. Он добродушен, и ему очень нравится, ког-

да его слегка чешут пальцами, но если его берут в руки, то галаго кусается. Его наружность выражает понятливость, красивые, бурые, сильно выпуклые глаза смотрят умно. Днем зрачок сжат в виде маленькой узкой щели, ночью он значительно расширяется. Скоро после пробуждения животное издает оригинальный крик, который напоминает воркование голубей. Он начинается тихим глухим звуком «ду», затем усиливается и оканчивается более слабым мяукающим «дью». Весь крик звучит очень глухо, приблизительно как «ду-ту-ту-ту-дью-дью».

СЕМЕЙСТВО ДОЛГОПЯТОВЫЕ (Tarsiidae)

Большая, круглая, плотно сидящая на плечах голова с лягушачьим лицом, короткие передние и длинные задние конечности и более длинный, чем тело, хвост составляют внешние признаки, а странно устроенные зубы, похожие на зубы хищников, питающихся насекомыми, — главный внутренний признак одной полуобезьяны, которая уже с давних пор считается представителем особого рода, а в новейшее время с полным правом выделена в отдельное семейство. Вследствие необыкновенно удлинённых ступней этому семейству дали название долгопятов. Ранее этих странных животных различные исследователи относили то к тушканчиковым, то к сумчатым, то, наконец, к лемуриным*.

Долгопят-привидение (*Tarsius spectrum*) представляет, если можно так выразиться, воспроизведение лягушки в классе млекопитающих. Его морда имеет очевидное сходство с головой древесной лягушки, и точно так же его передние и задние лапы некоторыми особенностями, которые мы опишем ниже, напоминают конечности упомянутого земноводного. Движения долгопята в известной степени сходны с движениями древесной лягушки. Его большая голова была бы шарообразной, если бы морда не выдавалась в виде короткого, довольно широкого конуса. Именно благодаря этому, а также необыкновенно большому по отношению к длине морды разрезу рта, оканчивающемуся под глазами, и толстым губам морда получает лягушачье выражение. Сходство это существенно увеличивается из-за чрезвычайно больших совиных глаз**. Они занимают большую часть лица, стоят довольно близко друг к другу и имеют в диаметре по меньшей мере 1,5 см. Менее своеобразными являются уши, так как такие уши встречаются и у других млекопитающих. Они похожи на большие широкие ложки, сидящие на короткой трубчатой рукоятке, и представляют собой узкую поверхность, оканчивающуюся острым краем, ограниченную изнутри началом ушной складки. Внутри ушной раковины четыре расположенных одна над другой попеременных дуги. Шея короткая и едва заметна. Тело шире всего сверху, так как плечи сильно выдаются. Спина кажется вдавнен-

Семейство ДОЛГОПЯТОВЫЕ

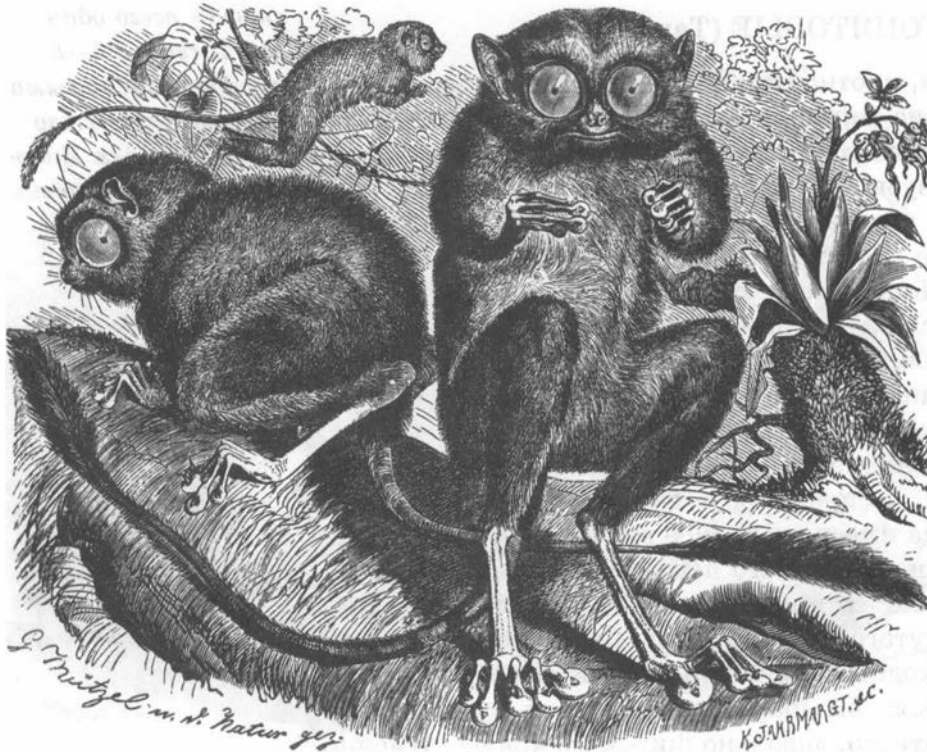
* Многими морфологическими чертами долгопяты сходны с настоящими обезьянами, а не с полуобезьянами. В семействе — всего один род *Tarsius* с 3—5 трудноразличимыми видами. Семейство эндемично для Индо-Малайской области.

** Более крупный, чем у долгопятов, орган зрения относительно размеров тела из всех животных имеют только некоторые головоногие моллюски — кальмары, каракатицы.

Семейство ДОЛГОПЯТОВЫЕ

* Долгопят может на одной лапе висеть на гладком вертикальном стекле.

Восточный
долгопят, или
долгопят-привидение
(*Tarsius spectrum*)

** Именно удлинённая плюсна (*Tarsius*) обусловила латинское и русское названия зверька.

ной, грудь уже спины. Передние конечности обращают на себя внимание своими небольшими размерами; плечевая часть очень коротка. По сравнению с передними конечностями кисти могут быть названы очень длинными. Средний палец длиннее других и втрое длиннее большого пальца, который в свою очередь значительно меньше мизинца. У долгопядов так же, как у некоторых галаго, на ладони и концах пальцев развиты большие утолщения в виде подушечек*.

Бедрa довольно крепкие, голени, напротив, по сравнению с ними кажутся тонкими, а плюсны, покрытые редкими волосами

до пятки, т.е. до начала пальцев, выглядят даже сухими как щепки**. Задние лапы, за исключением строения ногтей второго и третьего пальцев, похожи на передние, с тем лишь различием, что большой палец задних конечностей может противопоставляться остальным пальцам в большей степени, чем большой палец передних конечностей. Утолщения на концах пальцев задней конечности значительно больше, чем на передней; притом не

третий, а четвертый палец длиннее всех. Хвост круглый, к концу слегка утончается. Зубная система долгопята отличается от зубной системы остальных полуобезьян тем, что у него не узкие горизонтально вытянутые вперед нижние резцы, а вертикальные. Они напоминают резцы хищников, питающихся насекомыми; ложнокоренные и настоящие коренные зубы относительно широкие, острые и бугорчатые. Резцов, по исследованиям Бурмейстера, в верхней челюсти 4, в нижней — 2. Кроме того, сверху с каждой стороны находится по 1 клыку, по 2 тупобугорчатых ложнокоренных зуба и по 3 настоящих коренных; снизу по 1 клыку, по 2 остробугорчатых, по 1 тупобугорчатому ложному и по 3 настоящих коренных зуба. Череп по своей форме совершенно соответствует шарообразному наружному виду головы и отличается от

черепов остальных полуобезьян огромными глазными впадинами. Все кости тонки и нежны, свод черепа едва толще игровой карты, так что его легко прорезать ножом. В позвоночнике насчитывается 7 шейных позвонков, 13 или 14 спинных, 6 поясничных, 3 крестцовых и 31—33 хвостовых. Несколько волнистый, мягкий и густой мех покрывает голову, спину и наружную сторону конечностей, укорачивается на груди и брюхе, а на носу, ноздрах и верхнем крае рта становится настолько коротким, тонким и редким, что эти части кажутся почти голыми, хотя в действительности они покрыты волосами. На ушной раковине снаружи, особенно у основания и посередине, заметны короткие волоски, на внутренней поверхности раковины они крайне тонки и едва заметны, верхняя же часть раковины совершенно обнажена. Цвет меха буровато-серый с легким рыжим оттенком. На лбу, спине и верхней стороне бедер, на темени и затылке цвет темнее, на груди он переходит в беловатый. Волосы, покрывающие конец хвоста, желтоваты. Глаз, по словам Кёмминга, имеет бурю радужную оболочку, по Ягору, желтоватую. Взрослые экземпляры достигают в длину 40 см, из которых 23—24 см приходится на хвост.

Об образе жизни долгопята-привидения существуют рассказы Раффлеса, Кёмминга и Соломона Мюллера, к которым я могу прибавить несколько важных указаний Розенберга и Ягора. Область распространения его — Малайские острова. Однако это маленькое животное нигде не встречается часто*. На материке он не известен. Большое количество его названий, а еще более басни, сложенные о нем, доказывают, что всем туземцам он кажется в высшей степени удивительным созданием. Местом пребывания долгопят-привидение избирает, по словам Розенберга, леса на равнинах. Днем он прячется в темных, влажных местах в густой листве или дуплах деревьев. По словам Кёмминга, этот долгопят живет между корнями больших бамбуковых деревьев в самых густых лесах. Самцов и самок обычно видят вместе, почему туземцы, поймав одно животное, стараются добыть и другое. По тому, как долгопят сидит и прыгает, он невольно напоминает, по словам Соломона Мюллера и Розенберга, который называет его самым милым существом, лягушку. Долгопят делает прыжки почти в метр**. Он так мало пуглив, что днем спрыгивает с высокого дерева или куста вниз на прохожего и позволяет схватить себя рукой. Его непропорционально большие, вытаращенные глаза, зрачок которых может быстро увеличиваться и уменьшаться в зависимости от количества падающих на него лучей света, приобрели ему среди туземцев репутацию животного, олицетворяющего собой нечистую силу. Его считают заколдованным животным и на основании учения о переселении душ признают душой злодея, обладающей волшебными силами. Туземцы Суматры так боятся его, что тотчас оставляют свои рисовые поля, завидев на дереве рядом с собой долгопята. По их мнению, в противном слу-

** Восточный долгопят обитает только на о. Сулавеси. Другие виды живут на Филиппинских о-вах, Суматре, Борнео с прилегающими островами. Недавно на Сулавеси открыты еще два узкоареальных вида.*

*** Долгопяты замечают в экваториальных лесах Малайского архипелага африканских галаго. Они еще более приспособлены к прыжкам с использованием толчка задними конечностями, обладают более цепкими пальцами. В длину прыгают на 2 м, в высоту — на 1,5 м. Они строго ночные полуобезьяны, день проводят, как правило, не в дуплах, а тесно прижавшись к вертикальной ветке в укромном месте. По-видимому, при охоте ориентируются больше при помощи зрения, чем слуха.*

Семейство долгопятовые

чае с ними или с их семействами может случиться несчастье. Басни эти касаются и пищи нашего животного. Еще Петер Камель в начале прошлого столетия говорил, что, по мнению туземцев, долгопят-привидение питается древесным углем, но что это ложь, так как он употребляет в пищу бананы и другие плоды. Ягор, который получил двух живых долгопятов, тоже слышал эти рассказы, но убедился из собственных опытов, что животное избегает растительной пищи и поедает главным образом насекомых, однако не всех, а по выбору. Кёмминг утверждает, что пища долгопята состоит из ящериц и что он предпочитает этих пресмыкающихся всякой другой добыче, однако, если очень голоден, питается еще мелкими раками и тараканами. Соломон Мюллер указывает, что долгопят употребляет кроме насекомых также различные плоды.

Относительно размножения долгопята-привидения Кёмминг сообщает следующее: «Я имел счастье, сам того не зная, приобрести беременную самку и потому был немало удивлен, увидев однажды утром, что она родила детеныша. Этот последний казался несколько слабым, но был очень похож на мать. Его глаза были открыты, тело уже покрыто волосами. Он постоянно сосал и держался между ногами матери и был так закрыт ею, что виднелся только его хвост. Силы детеныша быстро увеличивались, и уже на второй день он ползал по клетке, хотя еще с видимым напряжением. Однако он добирался до верхушек палок, из которых была сделана клетка. Если окружающие желали видеть детеныша в то время, как мать закрывала его, то достаточно было потревожить ее. Она при этом обыкновенно злилась, брала детеныша зубами, совершенно как кошка, и некоторое время таскала его таким образом. И в другие разы, когда ее не беспокоили, я видел, как она выходила из гнезда, держа детеныша в зубах. Последний очень вырос в течение трех недель»*.

** Размножаются долгопяты круглый год, пик брачного периода приходится на зиму (сухой сезон). Несмотря на 2 пары сосков, рожают только 1 детеныша.*

ПОДОТРЯД ОБЕЗЬЯНЫ (Anthropoidae)

Подотряд обезьяны

Флора и фауна Южной Америки так резко отличаются от флоры и фауны жаркого пояса Старого Света, что это различие бросается в глаза с первого взгляда. Поэтому если счастливый случай даст нам возможность удовлетворить свою страсть к путешествиям и побывать в Южной Америке, то нам почти все там покажется волшебным и сказочным. Нас поразит прелесть новизны, а богатство природы заставит забыть о преимуществах нашего полушария.

То же самое можно сказать и о тех животных, к описанию которых мы теперь приступаем. Широконосые обезьяны* могут считаться, конечно, довольно замечательными существами, но красивыми их назвать нельзя, за редким исключением. Они почти все беспомощнее, ленивее, скучнее и глупее обезьян Старого Света и значительно безобиднее, добродушнее и безвреднее последних; но потому именно они и не подходят под тип настоящих обезьян. С последними мы привыкли соединять качества, исключительно им свойственные, то есть веселость, резвость, нахальство, бесстыдство, одним словом, все их худые свойства. Мы уже привыкли видеть в этих удивительных существах свою карикатуру по наружности и чувствуем себя неудовлетворенными, если это карикатурное сходство не проявляется также и в душевных качествах.

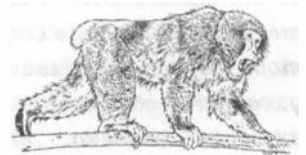
Широконосые резко отличаются от своих сородичей на востоке как телосложением, так и зубной системой.

Тело их обыкновенно худощаво, члены стройны; хвост есть и почти всегда хорошо развит; он часто составляет как бы пятую руку, так как при помощи сильных мускулов, находящихся на конце его, способен сильно свертываться и, таким образом, представляет собой хватательный орган. Большой палец на передних конечностях не противопоставляется, а на задних противопоставляется остальным. Ногти плоски. Вместо 32 зубов челюсти снабжены 36 зубами; с каждой стороны по 6 коренных зубов. У широконосых никогда не бывает ни защечных мешков, ни седалищных наростов. Носовая перемычка широкая. Ни один из родов этого семейства не достигает значительного роста. Окраска шерсти у них довольно разнообразна, но никогда не бывает так пестра, как у обезьян Азии и Африки.

Отечеством широконосых служит исключительно Южная Америка. Северную границу его составляет 29 градус северной широты. Область их распространения на западе ограничивают Анды, на востоке — Атлантический океан, на юге она не простирается далее 25 градуса южной широты.

Все широконосые живут исключительно на деревьях и потому водятся преимущественно в девственных лесах. Сухим местностям они предпочитают болотистые и изобилующие водой.

** Широконосые обезьяны — надсемейство, объединяющее приматов Нового Света. От обезьян Старого Света помимо широкой перегородки между ноздрями, которые открываются в стороны, они отличаются рядом существенных признаков, большая часть из которых приведена Бремом.*

Подотряд обезьяны

** Некоторое отставание в «умственном развитии» вообще характерно для животных, эволюционировавших на ограниченных территориях, в условиях менее жесткой конкуренции и наличия свободных экологических ниш. Это в полной мере относится к части южноамериканской териофауны, имеющей древние корни (в том числе широконосые обезьяны), фауне Австралии, Новой Зеландии, Мадагаскара, некоторых других изолированных районов Земли. Парадоксально, но масса мозга широконосых обезьян по отношению к телу превышает тот же показатель узконосых обезьян, включая человека.*

На землю спускаются только в крайнем случае и на водопой отправляются не так, как другие звери — пробираясь по вьющимся растениям и нависшим сучьям, они спускаются к воде и пьют, не покидая ветвей. Деревья снабжают их всем необходимым, так как пища их состоит из различных растений, а также из насекомых, пауков, птичьих яиц или птенцов и меда; только немногие из них опустошают иногда какую-нибудь плантацию.

Большинство видов деятельны днем, но некоторые из них — сумеречные и ночные животные. Как те, так и другие проворны и ловки, но среди них есть несколько видов в высшей степени неповоротливых обезьян. Лазают они все превосходно, причем, как я уже указывал, отлично умеют пользоваться своим замечательным хвостом. Многим из них хвост заменяет собою все: они совершенно не могут жить без него. Благодаря своей неповоротливости обезьяны постоянно нуждаются в определенной поддержке своему телу, для чего им и служит цепкий хвост при всяких обстоятельствах. В каком бы положении обезьяна ни находилась, даже во время покоя, она обвивает хвостом какой-нибудь предмет, хотя бы один из ее собственных членов. Мускульная сила хвоста, значительно превосходящая силу остальных членов, и тонкая чувствительность, которой он обладает на конце, дают обезьянам возможность пользоваться этим замечательным даром природы при самых разнообразных условиях. В их жизни хвост во многих отношениях заменяет недостающее им проворство, как умственное, так и физическое, которым отличаются их заморские сородичи. Несмотря на все это, настоящие древолазы Старого Света, несомненно, превосходят их в прыганье и лазанье. Обезьяны Нового Света почти всегда ходят на четвереньках и отличаются более или менее неуклюжей, неуверенной и шаткой походкой.

В понятливости они значительно уступают обезьянам Старого Света. В общем это кроткие, добродушные и доверчивые существа, но в то же время они глупы, неловки и тяжелы на подъем*.

Некоторые из них любопытны, шаловливы и доверчивы, большинство же, напротив, угрюмы, упрямы, злы, коварны и задорны. Широконосые, как и обезьяны Старого Света, большие лакомки, так же жадны и вороваты. Хорошие же качества последних у них совершенно отсутствуют. Если бы мне пришлось выбирать между обезьянами Старого и Нового Света, то я не стал бы долго задумываться над тем, кому из них отдать предпочтение. На свободе эти обезьяны всегда дики и пугливы и не в состоянии отличить истинную опасность от воображаемой. Поэтому они бегут при всяком необыкновенном явлении и стараются как можно скорее скрыться в густой листве. Будучи ранены, обезьяны сильно кусают тех, кто их хочет схватить; в нормальном состоянии они защищаются только против слабых хищников. Это слабые и трусливые животные.

В плену широконосые вскоре начинают вести себя послушно и доверчиво, но в старости все-таки делаются злыми и задорными, хотя и не всегда.

Материнская любовь у них развита так же сильно, как и у обезьян Старого Света. Они рожают зараз одного или двух детенышей, любят и балуют их, ухаживают за ними и защищают их с такой заботливостью и сердечной теплотой, что в этом отношении нельзя не отнести к ним с участием*.

Человеку американские обезьяны не вредят, а если и вредят, то в незначительной степени. Родина их — просторный, большой, богатый лес; он кормит и снабжает их всем необходимым; они не нуждаются в человеке. Только немногие виды делают набеги на поля, лежащие вблизи лесов, причем опустошения, производимые ими, ничтожны по сравнению с теми убытками, которые наносят плантациям обезьяны Старого Света. Человек охотится на них ради мяса и шкуры. Многие путешественники бывали поставлены в необходимость смотреть на этих обезьян как на ценную дичь и готовить себе суп и жаркое из их мяса, и многие красавицы прячут и греют свои нежные руки в муфте из меха, который прежде покрывал тело обезьяны.

Для туземных жителей Америки обезьяны являются в высшей степени полезными животными, так как мясо их составляет значительную часть их рациона, почему за ними и охотятся ревностно. Обыкновенным оружием для этого служит лук, нередко, однако, пользуются сарбаканом и маленькими, но пропитанными ужаснейшим ядом стрелами. Хотя обезьяны и стараются вытащить эту маленькую стрелку из раны как можно скорее, но хитрый человек надрезает стрелку до половины, вследствие чего ядовитый кончик ее почти всегда ломается и остается в ране, а сила действия этого яда достаточно велика, чтобы лишить жизни и более крупное животное.

СЕМЕЙСТВО ЦЕПКОХВОСТЫЕ (Cebidae)

Из цепкохвостых мы на первом месте поставим ревунов**. Тело их плотно; голова высока, пирамидальной формы; морда выдается вперед; большой палец передней руки тонок. Густая шерсть, удлиняясь на подбородке, принимает форму бороды. Типическим признаком ревунов прежде всего служит пузыревидно вздутая подъязычная кость. Александр фон Гумбольдт был первым естествоиспытателем, исследовавшим этот орган анатомически. «У маленьких американских обезьян, — говорит он, — которые щечечут как воробьи, имеется простая тонкая подъязычная кость, у больших же обезьян язык поддерживается широким костяным барабаном. Верхняя часть гортани представляет большое сходство с нижней гортанью у птиц. Свойственный ревунам жалоб-

** Четкой сезонности в размножении американских обезьян нет. Беременность у цепкохвостых длится полгода, у игрунок — 3,5—4 месяца. Первые в норме рожают одного детеныша, вторые — двойню (редко трех).*

*** Ревуны — самые крупные из приматов Нового Света. Относительно «узконосы». Самцы достигают массы 9 кг, самки значительно легче. Половой диморфизм в размерах у ревунов наибольший среди широконосых обезьян.*

** Ревуны поднимаются в горы выше 1500 м.*

ный крик происходит, когда воздух с силой врывается в костяной барабан. Если принять в соображение большую величину этой костяной коробки, то не покажутся удивительными сила и объем голоса этих животных, которые с полным правом носят свое имя». Хвост ревунов очень длинен, с нижней стороны на конце обнажен, богат нервами и сосудами и снабжен сильными мышцами, благодаря чему служит орудием для хватания.

Область распространения ревунов очень обширна, они водятся почти во всех странах Южной Америки. Густые, высокие и сырые леса являются их излюбленным местопребыванием; на равнинах они живут только в тех местах, где отдельные группы деревьев образуют небольшие рощи и где поблизости находится вода. Сухих местностей они избегают совершенно, но встречаются в холодных полосах. Так, в южных странах Америки есть местности, в которых разность температур зимой и летом, и без того ощутительная, еще больше увеличивается благодаря высоте их над уровнем моря*.

Там, как сообщает Гензель, зимой по ночам бывают довольно сильные морозы и к утру лес покрывается белым инеем; лужи так замерзают, что тяжелые мускусные утки переселенцев не проваливаются; и лед не ломается, даже если на него бросают камни величиной с кулак. «Такой холод, конечно, держится недолго, и ночной мороз скоро исчезает под теплыми лучами полуденного солнца. Холодные зимние дожди бывают чувствительнее этих морозов; при температуре, стоящей на точке замерзания, они льют в продолжение нескольких дней, изредка даже неделями и сопровождаются пронизывающим, холодным южным ветром. В то время как домашние животные, если их плохо кормят, погибают под влиянием таких перемен погоды, дикие животные чувствуют себя очень хорошо, и, как только погода прояснится и солнце вступит в свои права, голос ревуна раздается снова, свидетельствуя о том, что состояние его здоровья ничем не потревожено. Если утром, после холодной ночи, при первых теплых лучах солнца взойти на какое-нибудь возвышенное место так, чтобы удобно было обозреть всю лесистую местность какой-нибудь горной долины, то даже невооруженным глазом то там то сям можно заметить красноватые точки — это старые самцы ревунов, которые, взобравшись на ветви дерева или на распорки двух ветвей, греют свои шкуры на солнце. Холоднее всего зимой бывает в Рио-Гранде-де-Сул, на плоской возвышенности Сьерры, где не растет больше ни одного апельсина и зимние холодные ветры, дующие из пампасов и Патагонии, очень чувствительны. Здесь нередко выпадает много снега, который не тает в продолжение нескольких дней. Впрочем, никогда не замечалось, чтобы холод заставлял ревуна покидать свое место обитания».

Описывая жизнь ревунов, мы основываемся на наблюдениях, собранных Александром Гумбольдтом, принцем Макс фон

Вид, Ренггером, Шомбургком, Гензелем и Каплером. По мнению первых, описания их относятся к двум различным видам.

Рыжий реву (*Alouatta seniculus*) отличается рыжеватобурой шерстью, которая посреди спины золотисто-желтого цвета. Волосы короткие, жесткие, в корне одноцветные; подшерстка не замечается. Длиной рыжий реву около 1,35 м, из коих 70 см приходится на долю хвоста. Самка меньше ростом и более темного цвета.

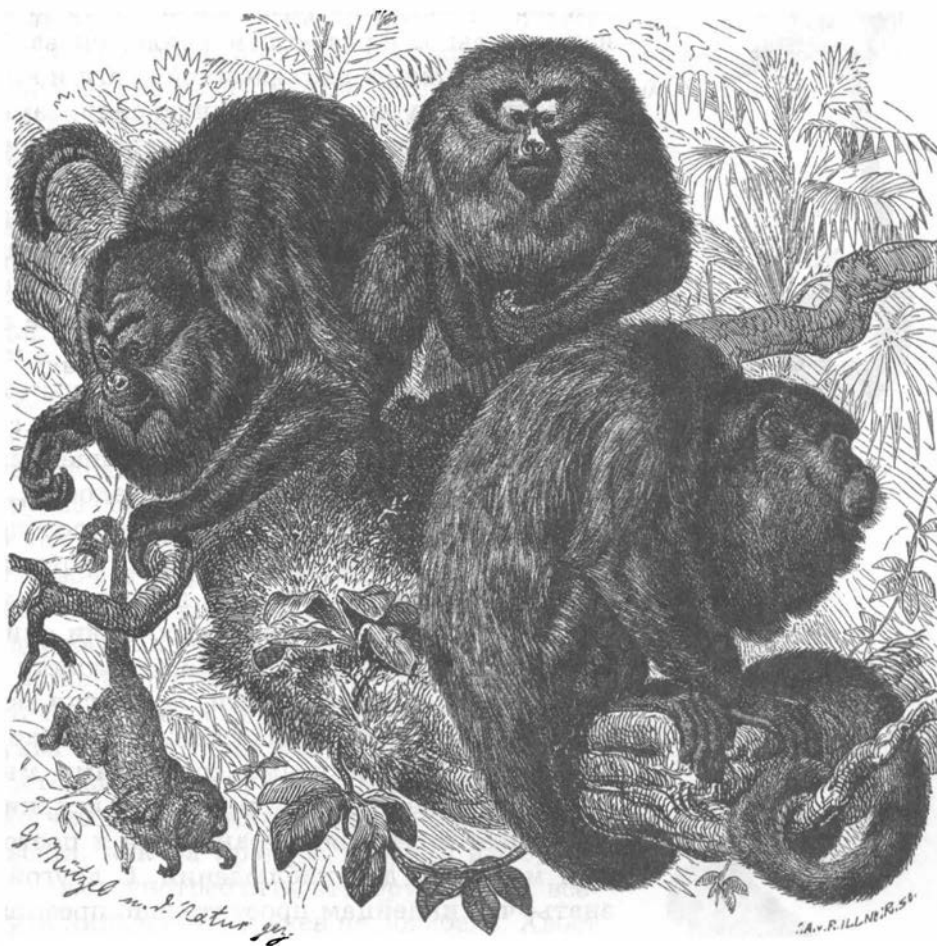
У черного ревуна (*Alouatta caraya*) волосы значительно длиннее, совершенно черные и только с боков несколько рыжеватые. У самки на брюхе шерсть желтовата. Длиной черный реву около 1,3 м, из коих на долю хвоста приходится половина.

Первый обитает на востоке почти всей Южной Америки, последний живет в Парагвае.

Ревун — одно из тех американских животных, с которыми путешественники были знакомы уже с самых древних времен. Знакомство это было, однако, всегда неполное, что и послужило поводом ко многим басням, слагаемым про него. Этим басням до сих пор еще верят белые и индейцы, которые сами не наблюдали ревунов.

Мы, однако, оставим их в стороне и обратимся к сообщениям известных натуралистов.

«По приезде, — говорит очень опытный наблюдатель Шомбургк, — мне приходилось слышать при восходе и заходе солнца ужасный рев многочисленных ревунов, доносившийся до меня из дремучего леса. Во время охоты, однако, мне долго не удавалось самому выследить этих животных. Однажды утром, когда я, по-

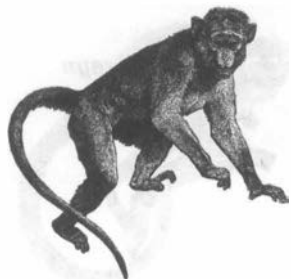
Черный реву
(*Alouatta caraya*)

завтракав, взял ружье и направился к лесу, из глубины его снова раздался этот дикий рев и возбудил во мне охотничью страсть. Я поспешил через чащу в том направлении, откуда слышался рев, и после больших усилий и продолжительных поисков достиг того места, где расположилось общество, не заметившее моего приближения. Оно сидело передо мной на высоком дереве и давало такой страшный концерт, что издали могло показаться, будто все лесные дикие звери вступили между собой в смертельный бой. Впрочем, нельзя было не заметить, что в этих звуках господствовало некоторое согласие. По временам общество, рассеявшееся по всему дереву, внезапно умолкало, как бы по данному знаку, затем так же неожиданно раздавался опять немusикальный голос одного из певцов и рев возобновлялся снова. Костяной мешок, который находится на подъязычной кости и который, отражая звуки, придает голосу необыкновенную силу, заметно двигался во время рева вверх и вниз. Звуки то напоминали хрюканье свиньи, то походило на рев ягуара, когда тот бросается на свою добычу, то снова переходили в страшное рычание этого хищника, когда, окруженный со всех сторон, он чувствует грозящую опасность. Однако это страшное общество имело также и смешную сторону и было способно вызвать на мгновение улыбку на лице даже самого мрачного ипохондрика, если бы он увидел, с каким серьезным выражением лица эти длиннорылые певцы смотрели друг на друга. Мне говорили, что у каждого стада есть свой запевала, который отличается от остального хора, состоящего из одних басов, не только своим высоким пронзительным голосом, но и более стройным, худощавым телом. Первое из этих сообщений я нашел вполне справедливым, но худощавого и стройного запевалы не видал; зато на ближайшем дереве я заметил двух молчаливых обезьян, которых принял за караульных. Если они действительно стояли на страже, то довольно плохо исполняли свою обязанность, так как я находился поблизости, не будучи замечен ими».

Этот интересный рассказ достаточно ясно доказывает нам, с какими своеобразными созданиями мы имеем дело. Можно утверждать не преувеличивая, что вся жизнь и деятельность их заключает в себе ряд странностей и поэтому представляет богатый материал для наблюдений. С другой стороны, нужно признать, что индейцам простительно презирать и ненавидеть ревунов за их неприятную наружность и скучный нрав. Можно также оправдать все напрасные обвинения, высказанные в адрес ревуна, если подумать, до чего непривлекательны эти животные не только в неволе, но и на свободе и до чего однообразен их образ жизни.

В продолжение дня любимым местопребыванием ревунов служат самые высокие деревья в лесу. С наступлением сумерек они спускаются на более низкие деревья и, спрятавшись в их густой, переплетенной ползучими растениями листве, предаются

сну. Медленно, почти ползком перелезают ревуны с одной ветви на другую, выбирая листья и почки, неторопливо срывая их рукой и медленно поднося их ко рту. Насытившись, они усаживаются на каком-нибудь суку и сидят здесь скорчившись, без движения. В таком положении обезьяны имеют вид дремлющих дряхлых стариков. Иногда они ложатся по длине ветки, спускают руки и ноги по обеим сторонам ее и держатся только хвостом. Что делает один, то делают и другие, медленно и бессмысленно подражая ему в движениях. Если один из взрослых самцов покинет дерево, на котором поместилось семейство, то остальные члены этого общества следуют за ним без оглядки.

«Поистине удивительно, — говорит Гумбольдт, — до чего однообразны движения этих обезьян. Каждый раз, когда ветви двух соседних деревьев находятся на некотором расстоянии друг от друга, самец, идущий во главе толпы, цепляется хвостом за ветку и, повиснув таким образом, раскачивается до тех пор, пока не ухватится за ветвь соседнего дерева. Все стадо, вслед за ним, в точности проделывает на том же месте такие же движения»*.

Хвост у ревунов играет несомненно самую важную роль при движении. Какое бы положение ни приняли обезьяны, они цепляются им за что-нибудь, хватают им и притягивают к себе различные предметы. Они чувствуют необходимость пользоваться хвостом на каждом шагу, чтобы придать уверенности своим медленным движениям. Нельзя сказать, чтобы они лазали дурно: напротив, они даже очень ловки, но никогда не делают далеких, смелых прыжков, как другие обезьяны. Двигаясь вперед по какому-нибудь суку, они до тех пор не выпускают его из рук, пока хвост, которым они вертят во все стороны, не нащупает надежной точки опоры и не обовьется вокруг нее один или два раза. Слезая с дерева, они до тех пор держатся хвостом за ветку, которую собираются покинуть, пока не найдут руками новой точки опоры, а влезая на дерево, держатся хвостом за нижнюю ветку, пока руками и ногами крепко не ухватятся за верхнюю. Хвост сильнее рук, мускулы на конце его настолько сильны, что держат хвост постоянно свернутым, подобно часовой пружине. Ревун может повиснуть на конце своего хвоста, как на крючке, обернув им сучок только наполовину. Он может употреблять это орудие для всевозможных целей и, будучи лишен его, обречен на гибель. Хвост долгое время еще поддерживает тяжесть тела уже мертвого животного, и мускулы хвоста не всегда разгибаются под этой тяжестью. Азара рассказывает, что иногда находят уже полусгнивших ревунов, все еще крепко висящих на своем хвосте.

Не многим другим животным деревья служат таким исключительным местопребыванием, как ревунам. На землю обезьяны спускаются достаточно редко и делают это, вероятно, только тогда, когда не могут напиться, свесившись с низких ветвей. Гумбольдт говорит, что они не могут предпринять не только путе-

* Для ревунов характерна полубрахияция — сравнительно небыстрое передвижение под ветками при помощи «рук» и хвоста. Могут совершать и прыжки до 3—4 м.

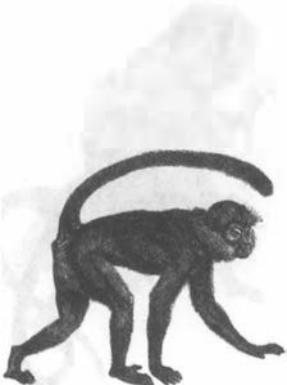

шествий, но даже коротких прогулок по ровному месту, а Ренггер называет рассказ индейцев о том, будто бы ревуны иногда переплывают широкие реки, сказкой, выдуманной ими для иностранцев. «Ревуны до того боятся воды, — говорит он, — что если во время быстрого разлива реки они бываю застигнуты водой врасплох на каком-нибудь дереве и отрезаны ею от сообщения с другими деревьями, то скорее умрут с голоду, чем решатся переправиться до другого дерева вплавь. Однажды я встретил стадо обезьян, сидевшее на дереве, которое со всех сторон было окружено водой. Они до того исхудали и были так слабы, что едва могли двигаться. Они объели не только все листья и нижние побеги, но даже часть коры своего дерева. А между тем до ближайшего леса им понадобилось бы проплыть расстояние не более чем в 60 футов». Тот же естествоиспытатель уверяет, что никогда не видел ревунов в открытом поле и никогда не встречал следов их на земле.

Если ревуна не преследуют, то он всегда держится в определенной области, имеющей в окружности не более мили. Семейство часто проводит целый день на одном и том же дереве. Поодиночке они встречаются редко. Члены семьи всегда держатся друг друга. Там, где их часто беспокоят, они гораздо более дики и исчезают уже при первом лае собаки. Когда они прячутся, то так ловко пользуются своими преимуществами, что иногда приходится долго и тщетно искать их, зная в то же время наверное, что они не могли оставить дерева. Охотнее всего ревуны забираются в густую листву вьющихся растений и сидят там без движения. С помощью подзорной трубы иногда можно различить в кусте орхидных растений черную морду ревуна, неподвижно уставившегося на охотника и не сводящего с него глаз, чтобы не упустить ни одного его движения. Однако цвет шкуры старых самцов обычно выдает их, так как она светится между листьями.

«Когда летом утренние лучи солнца разгонят свежесть ночи и туман, лежащий в долинах по откосам гор, тогда маленькое общество ревунов, которое провело ночь, сидя в куче, на ветвях густого дерева, расходится по сторонам. Прежде всего они отправляются отыскивать себе пищу. По утолении голода им остается до наступления душного и жаркого дня еще достаточное количество времени, чтобы предаться сообща своему любимому удовольствию. Само собой разумеется, что у зверя с таким серьезным нравом, как у ревуна, забава лишена той шаловливости, которая характеризует забавы его сородичей. Вот общество подходит к исполинской смоковнице, густая листва которой защищает их от солнечных лучей, а мощные горизонтальные ветви приспособлены как нельзя лучше для прогулок. Глава семьи избирает себе одну из этих ветвей, остальные члены общества по своему усмотрению рассаживаются поблизости, и он, подняв хвост, начинает прогуливаться по ветви взад и вперед с серьезной важностью.

Вскоре вожак издает слабый рев. Вначале это тихие, отрывистые звуки, как у льва, когда тот собирается испытать силу своих легких. Затем звуки, производимые, по-видимому, выдохательными и выдыхательными движениями груди, делаются все сильнее и все чаще следуют друг за другом; слышно, как усиливается возбуждение певца. Наконец оно достигает высшего предела: промежутки между отдельными звуками становятся все меньше, постепенно исчезают, и звуки наконец сливаются в непрерывный рев. В это мгновение остальными, молчавшими до тех пор членами семейства, как женского, так и мужского пола, овладевает бесконечное одушевление: все они присоединяют свои голоса к голосу запевалы, и ужасный хор около десяти секунд раздается в тихом лесу. Рев оканчивается такими же отрывистыми звуками, какими был начат, но они не так продолжительны, как вначале».

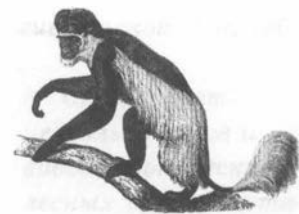
«Голос ревунов, единственный в своем роде среди всего класса млекопитающих, не поражает, безусловно, своей силой, так как не может сравниться в этом отношении с ревом льва или оленя во время течки, но сила его громадна для такого маленького тела, которое обыкновенно бывает не больше крупной лисицы. Часто пытались описать голос ревуна. Однако кто не слышал его сам, тот не в состоянии будет составить себе о нем достаточно ясного представления».

По Ренгеру, ревуны чаще и громче всего кричат в теплое время года, притом как утром, так и вечером. В холодную или дождливую погоду их слышно редко, в ночное время их никогда не бывает слышно. Иногда они режут по целым часам почти без умолку. Гумбольдт нашел, что рев бывает слышен на расстоянии приблизительно полтора километра, а принц фон Вид полагает, что он слышен еще дальше; однако показание Гумбольдта основано на точном наблюдении, а не на приблизительном расчете*.

О рыжем ревуна, обитающем в Гвиане, Капплер говорит: «Он живет небольшими стадами, состоящими редко более чем из десяти штук, среди которых, однако, всегда находится старый самец, который занимает на деревьях более высокое место и управляет этим отвратительным концертом. Каждый раз, когда мне случалось совершенно близко наблюдать этих крикунов, на вершине дерева сидел старый самец, держась передними руками за какую-нибудь ветвь и обвив другую своим длинным хвостом, в то время как другие члены общества — самцы, самки и детеныши — помещались в различных положениях несколько ниже**.

Вдруг старый самец испускал ужасно хриплый крик вроде «роху! роху!» и, повторив его пять или шесть раз, поднимал неимоверно громкий рев; к нему присоединялись все остальные и ревели с такой силой, что можно было опасаться оглохнуть. Рев этот так силен, что в тихие ночи бывает слышен на расстоянии двух часов ходьбы. Не знаю, что побуждает кричать это живот-

* Хоровой рев стаи слышен в лесу на расстоянии 3 км.

** «Запевалой» является доминирующий самец, обычно наиболее крупный в стае. Группа ревунов обычно насчитывает 10—20 особей, редко — до 45.

Взрослых самцов не более 2—4, строгой иерархии в стае нет. Криками группа обозначает границы своей территории, достигающей 76 га.

** Основа питания
ревунов — листва.
Плоды, орехи, жи-
вотная пища явля-
ются лишь дополне-
нием.*

ное. В колонии полагают, что оно ревет, когда начинается прилив, но это предположение ошибочно, так как обезьяны эти кричат во всякое время дня. Весьма вероятно, что на крик их имеют влияние какие-нибудь особенные явления в атмосфере. Ревун ленив и угрюм: он прыгает только, когда его преследуют, обыкновенно же лазает по деревьям с большой осмотрительностью, постоянно придерживаясь за что-нибудь хвостом. Будучи пойман молодым, ревуно скоро приручается и делается очень доверчивым, играет даже с кошками и собаками, но большей частью остается угрюмым. Если человек, которого ревуно любит, удалится на время, то он начинает не переставая издавать хриплые крики, которые в высшей степени неприятны. Ревуны обладают особенным противным запахом, по которому легко узнать в лесу о близости их. Они производят на свет только одного детеныша. Главный враг их — хохлатый орел».

Воздушное жилище ревуна в изобилии снабжает его всем необходимым. Благодаря разнообразию и богатству различных плодов, он никогда не терпит нужды в пище*.

Кроме плодов он питается семенами, листьями, почками и различного рода цветами, а также, подобно другим обезьянам, вероятно, ест насекомых, яйца и беспомощных птенцов. Ревуны никогда не вредят плантациям, даже в тех случаях, когда проводят целые дни в их окрестностях; древесные листья они предпочитают маису и дыням.

В Южной Америке в июне или июле, иногда уже в конце мая или только в начале августа самка рождает одного детеныша. Гензель уверяет, что размножение ревунов не совпадает с каким-нибудь определенным временем года, так как новорожденных детенышей можно находить в продолжение всего года и в один и тот же день добыть как утробных зародышей, так и детенышей самого разного возраста**.

*** Наибольшее число
новорожденных
приходится на сухой
сезон (декабрь—
май). В заботе о
потомстве участву-
ют все самки и
молодежь стаи.*

У ревунов, по-видимому, никогда не бывает более одного детеныша. В продолжение первой недели после рождения малыш, как и детеныши обезьян Старого Света, висит на брюхе матери, ухватившись за нее руками и ногами; впоследствии она носит его на спине. Самка не выражает ласками своих чувств, как это делают другие обезьяны; однако никогда, по крайней мере в первое время, не покидает своего любимца, хотя впоследствии, когда дитя подрастет, она иногда, обращаясь со страху в бегство, спешно сбрасывает его с себя или насильно сажает на ветку. Индейцы, видевшие это, утверждали, что самка ревунов вообще не любит своих детенышей и относится к ним равнодушно. Но принц фон Вид говорит положительно: «Опасность усиливает заботливость матери, которая, даже будучи смертельно ранена, не покидает своего детеныша».

«К врагам ревунов, — сообщает Гензель, — кроме человека нужно причислить, конечно, таких хищников, которые живут на

деревьях, в особенности пуму, оцелота и главным образом гирару, лазящее животное, по строению тела похожее на росомаху*.

Я привез с собой череп гирары, убитой днем одним охотником в тот момент, когда она спускалась с дерева, таща крупного самца ревуна, уже наполовину задушенного ею. Внимание охотника привлек ужасный крик всего стада обезьян, и он поспел как раз вовремя, чтобы наказать хищника. Весьма вероятно, что самых опасных врагов ревуны встречают среди птиц. Большая белая хищная птица, которая, как говорят, попадает очень редко и летает только во мраке лесов (вероятно, гарпия), уносит молодых обезьян. Подобно ястребу, летящему над кустарником, мчит она над самыми вершинами деревьев, нападает с налету на беззаботное стадо обезьян и похищает детенышей со спин матерей**.

Страх, который овладевает животными при этом неожиданном нападении, так велик, что они не только не защищаются, но даже забывают о бегстве и только с отчаянными воплями закрывают голову руками, как бы желая отстранить опасность».

В тех областях Южной Америки, по которым путешествовал Гензель, на ревунов охотятся с собаками.

«Ревун, — продолжает рассказывать Гензель, — очень живуч и не перестает бежать, получив тяжкие раны, от которых другие животные неминуемо должны были бы свалиться с дерева. Даже тогда, когда ревун смертельно ранен и умирает, он нередко ускользает от охотника, особенно если в него попал заряд дроби».

Впрочем, лучшие наши ружья не могут сравниться с ужасным и все-таки очень простым оружием индейцев — сарбаканом. Потому-то краснокожим гораздо легче убить ревуна, чем нам. Несмотря на неподражаемую ловкость, с которой индейцы владеют своим оружием, они, кроме того, еще охотно взбираются на соседнее дерево и с вершины его пускают смертельную стрелу в беззаботное стадо.

На большей части Парагвая за ревунами охотятся усердно. Меха их в большой цене, а мясо их — любимая пища индейцев. Один из президентов Парагвая велел однажды изготовить из меха черного ревуна более сотни гренадерских шапок. Кроме того, из его шкуры выделывают мешки, черпаки и пр. Путешественники, такие, как принц фон Вид, долгое время питались почти исключительно мясом ревуна. Уверяют, что оно очень вкусно и дает крепкий бульон. Но вид у него во всяком случае отвратительный в особенности когда индейцы, спалив обезьяне волосы или обварив ее, положат в горшок или посадят на вертел, чтобы жарить. Во многих странах Южной Америки европейцы не дотрагиваются до мяса обезьян и считают его самой скверной пищей; индейцы, напротив, большие до него охотники.

Приручением ревунов занимаются в редких случаях, так как воспитание их сопряжено с большими трудностями.

Семейство цепкохвостые

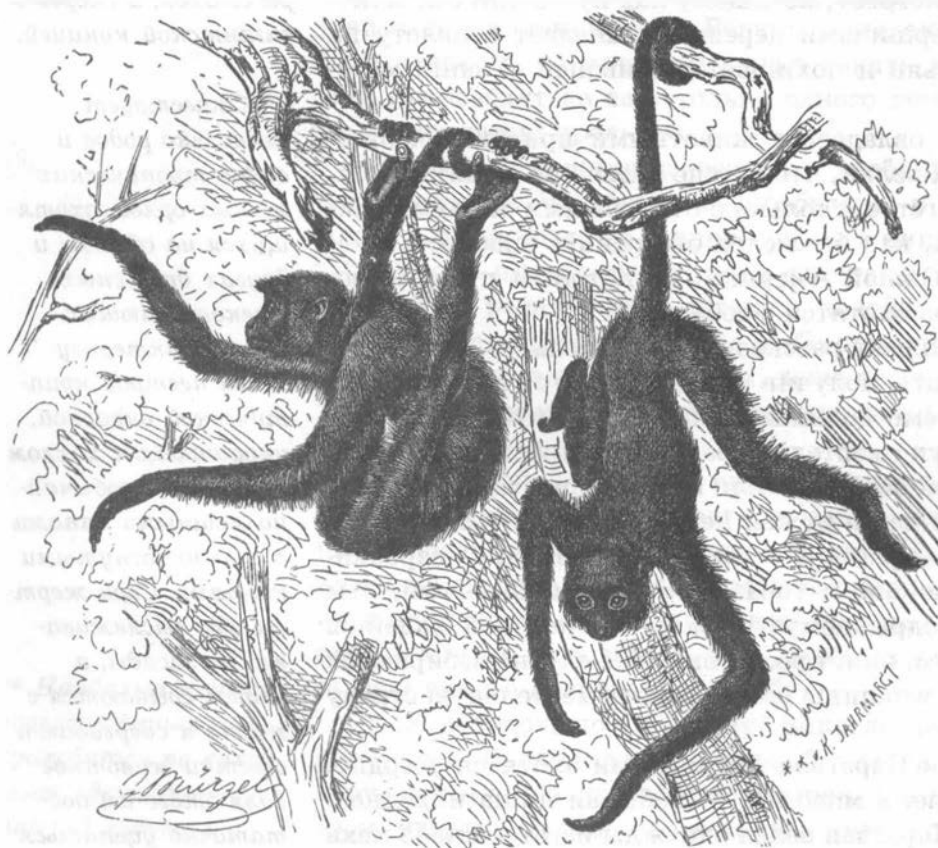
** Имеется в виду тайра (Eira barbara) — крупный хищник из семейства кунных, сложением сходный не с росомахой, а скорее с гигантской куницей.*

*** Существует несколько родов и видов тропических лесных орлов, охотящихся на обезьян и других древесных млекопитающих. Они характеризуются пестрой криптической окраской, украшающим хохлом на голове, необычайно мощными лапами с сильно загнутыми когтями. Свои жертвы они выслеживают из засады, а затем срываются с места и сдергивают с ветки животное (для этого им достаточно уцепиться одним когтем). Благодаря длинному хвосту и относительно коротким, закругленным крыльям их полет необычайно маневренный. Одним из крупнейших и известнейших орлов-обезьяноядов является гарпия.*

В Европу эти животные попадают очень редко. В Лондонском зоологическом саду несколько лет тому назад жил ревуна, пользовавшийся, по-видимому, прекрасным здоровьем; но голоса своего он не подавал и этим отличался от других ревунов, звуочный голос которых описан выше. Другой экземпляр недавно попал живым в руки одного из наших крупных торговцев зверями, это дало Мютцелю возможность сравнить свое прекрасное изображение ревуна, первое верное из виданных мною до сих пор, с живым экземпляром.

Из цепкохвостых обезьян, живущих в Гвиане, особенно часто встречаются **черные коаты** (*Ateles paniscus*).

Длина их тела — около 1,35 м, на долю хвоста приходится более половины, высота плеча равна приблизительно 40 см. Грубая шерсть на плечах длиннее, на спине гуще, чем на брюхе. На лбу шерсть поднимается наподобие гребня; цвет черный, на лице слегка рыжеватый; кожа темного, а на ладонях рук совершенно черного цвета. Живые карие глаза придают их добродушному лицу чрезвычайно симпатичное выражение.

Черная коата
(*Ateles paniscus*)

Собственно паукообразная обезьяна (*Brachyteles arachnoides*)*, с которой познакомил нас главным образом принц фон Вид, живет во внутренних частях Бразилии. Длинной он около 1,4 м, обладает крепким сложением, маленькой головой, короткой шеей, длинными конечностями и покрыт густой, волнистой шерстью. Волосной покров окрашен в чалый, а иногда в беловатый серо-желтый цвет; на внутренней стороне конечностей цвет шерсти обыкновенно светлее. Голое лицо в молодости черно-бурого, в старости темно-серого, но средняя часть его телесного цвета. Большой палец передней руки представляет собой короткий отросток без ногтя.

* Единственный представитель рода *Brachyteles* обитает только в прибрежных лесах юго-восточной Бразилии.

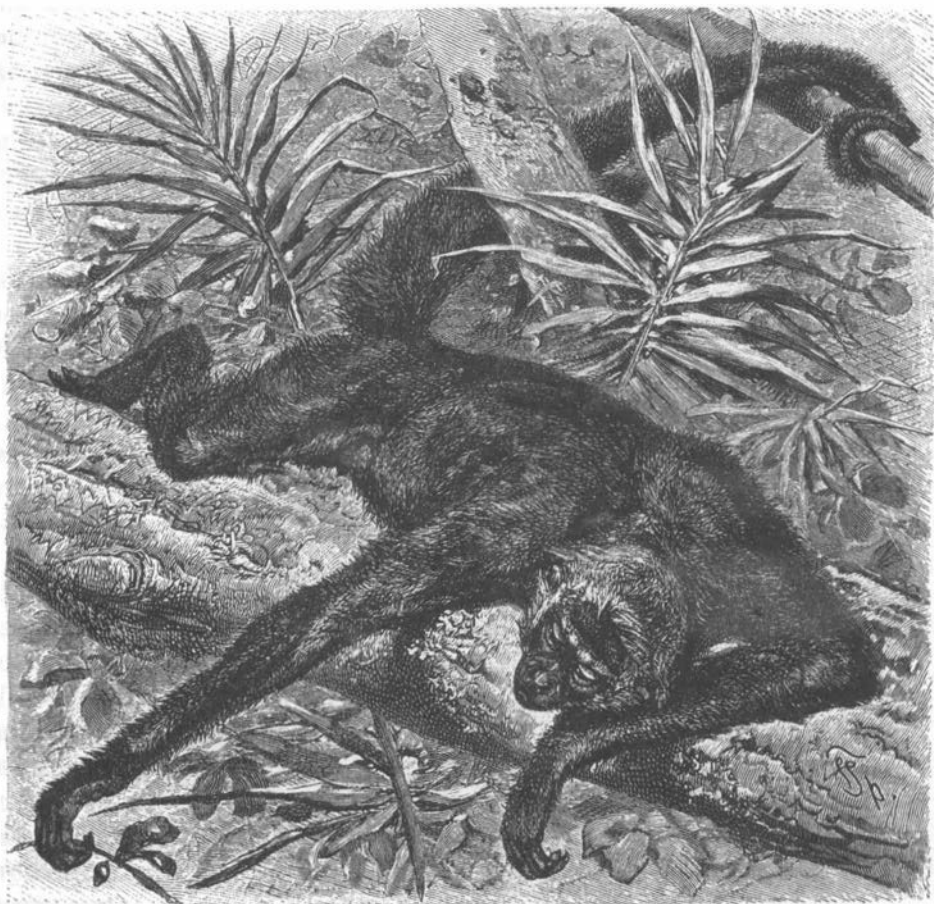
Бесспорно, самая красивая из всех цепкохвостых обезьян светлолобая коата (*Ateles belzebuth*)*, открытая недавно младшим Бартлетом в восточной части Перу и названная в честь него. Густой длинный и мягкий мех на всей верхней и наружной стороне имеет черную окраску. Полоса на лбу золотисто-желтая; бакенбарды белые; нижняя сторона тела и хвоста, внутренняя поверхность конечностей и наружная сторона голеней задних ног буровато-желтой окраски, немного светлее, чем полоска на лбу, и испещрены местами отдельными черными волосами. Все голые части лица и рук черно-бурого цвета. Что касается величины, то, по-видимому, это великолепное создание одного роста с близкими ему видами, так как ни Грэй, ни Бартлет ничего не говорят об этом.

С жизнью коатов на свободе нас познакомили Гумбольдт, принц Макс фон Вид и Шомбургк. По большей части коаты попадают группами приблизительно из шести штук, реже по одиночке или парами, еще реже более значительными обществами.

Каждое из таких стад тихо и спокойно пробирается своим путем за пищей, не обращая внимания на других неопасных для них существ. Движения их по сравнению с жалким ковыляньем ревунов должно назвать быстрыми. Значительная длина конечностей способствует беганию и лазанью. Они далеко хватаются своими длинными руками и потому без особенного напряжения быстро подвигаются вперед. Преследующий их не должен терять времени. На вершинах деревьев коаты обнаруживают замечательную ловкость. Они лазают уверенно и по временам делают небольшие прыжки; однако во время любых движений странным образом размахивают конечностями. Обыкновенно обезья-

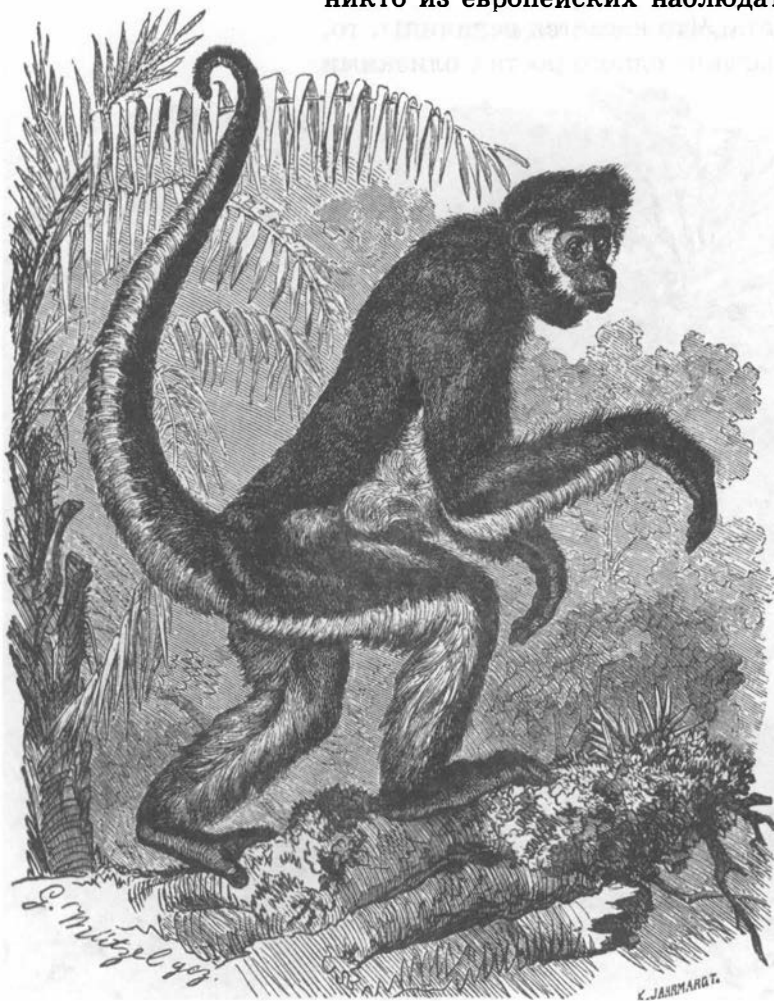
Семейство цепкохвостые

* Окраска может быть очень разнообразной, широко варьирует внутри каждого вида.

Паукообразная
(мохнатая)
обезьяна
(*Brachyteles*
arachnoides)

ны протягивают вперед хвост, чтобы отыскать себе точку опоры, прежде чем оставить ветвь, на которой сидят. Иногда случается встречать целые общества, которые висят, зацепившись хвостами за ветку. Они представляют собой весьма интересное зрелище. Нередко видишь, как семейство обезьян сидит или лежит на ветвях, комфортабельно греясь на солнце, закинув назад голову, заложив руки за спину и подняв глаза к небу. На ровном месте эти обезьяны с трудом подвигаются вперед, как бы хромая. Впрочем, никто из европейских наблюдателей не видал коатов на земле*.

Светлолобая коата
(*Ateles belzebuth*)

* По земле и толстым ветвям коаты могут ходить выпрямившись, балансируя руками и хвостом.

Размножение у них, по видимому, не связано с каким-либо определенным временем года; по крайней мере Шомбургк замечает, что в каждом обществе, которое он встречал, почти всегда находилось несколько детенышей, которых матери чаще носили на груди, чем на спине. О нежной привязанности самок к своим детенышам мне нет надобности говорить, об этом уже было сказано выше.

В богатых девственных лесах нетребовательные коаты, довольствующиеся листьями и плодами, не приносят никому вреда.

Тем не менее их ревностно преследуют. Португальцы охотятся за ними ради шкур, индейцы ради мяса, причем некоторые индейские племена предпочитают его всякой другой пище. Они охотятся за обезьянами большими группами и убивают их сотнями. Во время охоты индейцы тщательно

осматривают верхушки деревьев, обращая внимание на малейшие признаки присутствия обезьян. Тихий по сравнению с ревом ревунов, но все же довольно громкий голос выдает наших животных уже на довольно значительном расстоянии. Как только безобидные лесные животные замечают своих злейших врагов, то есть людей, они обращаются в стремительное бегство, с боязливой поспешностью протягивая вперед свои длинные конечности и хватаясь за ветви хвостом, и таким образом быстро перемещаются вперед. Наиболее доверчивые из них пытаются испугать

человека гримасами и громким криком. Говорят, что иногда, даже после того, как несколько обезьян убиты выстрелами, они, как бы обезумев, подчиняются своей судьбе и остаются на месте. Тяжело раненные, коаты часто еще долго висят на ветвях, пока наконец смерть не расслабит мускулы хвоста, и тогда тело шумно падает на землю.

Шомбургк называет этот вид обезьян безобразными и отвратительными и полагает, что именно благодаря их неприятной внешности индейцы и не приручают их. Если бы он хоть раз держал в неволе этих животных, о которых так худо отзывался, и познакомился бы с их безобидным добродушием, то, несмотря на непривлекательную внешность и странные, точно вывихнутые конечности этих животных, он полюбил бы их и уж во всяком случае переменял бы свое мнение. К сожалению, они и в настоящее время редко появляются в наших зоологических садах; правда, ежегодно несколько экземпляров привозятся в Европу, но наш климат по большей части скоро убивает их, даже при самом тщательном уходе и попечении*.

К цепкохвостым обезьянам Америки принадлежат также шерстистые обезьяны**.

Они отличаются коренастой фигурой, большой круглой головой с короткими добродушными глазами и очень маленькими, как бы обрезанными ушами, покрытыми со всех сторон волосами, сильными и равномерно развитыми конечностями, пятипалыми передними и задними лапами и равным по длине телу, очень сильным хвостом. Ногти довольно сильно сжаты, но ноготь большого пальца плоский. Довольно длинные, мягкие, волнистые волосы, удлиненные на груди в виде гривы, покрывают тело. Эти обезьяны отличаются от своих сородичей коренастым сложением, бороздчатыми клыками и шерстистым мехом. Они населяют леса, расположенные вдоль Амазонки и Ориноко; живут обществами на деревьях. Добродушны, питаются плодами и издают негромкий глухой вой.

Шерстистая обезьяна Гумбольдта (*Lagothrix lagotherica*)*** по величине почти равняется реву. Бетс измерил длину тела самца, второго по величине из виденных им американских обезьян. Она составила 70 см, а длина хвоста — 68 см****. Живой полузрелый самец, измеренный мною, имел в длину от конца носа до основания хвоста 51 см. Длина хвоста равнялась 60 см, верхней и нижней конечностей — 20 см, кисти и стопы — 11,5 см. Мягкие шерстистые волосы удлинены на хвосте и бедрах, а на груди образуют настоящую гриву. Середина брюха и паховая область почти обнажены. На голове волосы кажутся подстриженными, хотя они здесь только немного короче, чем на спине. На наружной стороне передних конечностей волосистой покров направлен снизу вверх, на внутренней — сверху вниз; на бедрах тоже сверху вниз. Лицо, тыльная сторона руки и ноги, ладони и

* Половозрелость у коат наступает в 4—5 лет. Продолжительность жизни в неволе достигает 33 лет.

** Шерстистые обезьяны (*Lagothrix*, 2 вида) относятся к подсемейству паукообразных обезьян, но сильно отличаются от других его представителей. Довольно часто они кормятся на земле, образуют смешанные группы с другими обезьянами.

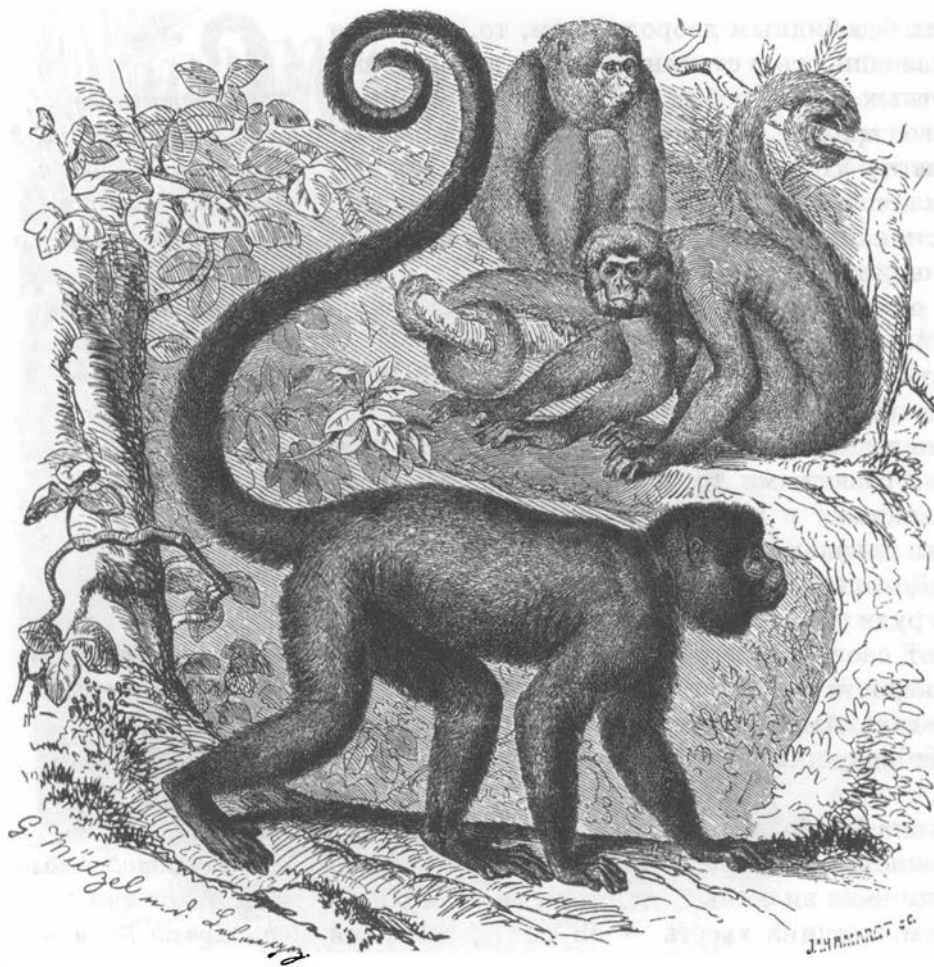
*** Шерстистая обезьяна Гумбольдта, или барригудо, обитает только в Колумбии, желтохвостая (*L. flavicauda*) — по всей западной Амазонии. Какой вид описывает Брем — неясно.

**** Пропорции хвоста и тела обратные: тело — 50—68 см, хвост — 60—72 см. Вес достигает 5—6 кг.

пятки, голое место на конце хвоста буровато-черного цвета, глаза темно-коричневые, белки глаз нечистого белого цвета. мех на верхней части головы матово-черный, цвет шеи несколько светлее, середина брюха матово-черная, верхняя сторона темно-серая.

По словам Чуди, шерстистая обезьяна живет в лесах стадами; однако иногда встречаются и отдельные экземпляры. «Если общество этих обезьян во время своих странствований избрало себе место для отдыха, то тотчас же раздается их однообразный,

глухой вой, который, однако, не так неприятен и надоедлив, как вой ревунов. Каждая обезьяна старается провести время по-своему: большая часть удобно усаживается на ветвях и греется на солнце, другие срывают плоды, третьи играют и ссорятся. Вообще мы не заметили, чтобы характер этих обезьян был смиренный, как пишет об этом Гумбольдт. Мы, напротив, нашли, что они более злы, дерзки и бесстыдны, чем все другие виды американских обезьян. Они так нахальны, что часто преследуют индейцев, которые несут плоды с плантаций, лежа-

Шерстистая
обезьяна Гумбольдта
(*Lagothrix lagothericha*)

щих на опушке первобытных лесов, чтобы продать их в вышележащих долинах. Нередко обезьяны бросаются в них ветвями. Нам не раз приходилось быть очевидцами этих забавных битв и прекращать их выстрелом. Шерстистые обезьяны лазают медленнее, чем коаты; их движения неторопливы и даже несколько неуклюжи. Особенно это бросается в глаза, когда они висят на дереве, прицепившись к нему своим цепким хвостом, и долго покачиваются туда-сюда, прежде чем им удастся добраться до другой ветви. Подстреленные, они быстро падают на землю, веро-

ятно, вследствие значительной тяжести их тела. Худощавые и более легкие обезьяны падают редко: в предсмертной агонии они судорожно цепляются хвостом за ветвь и даже после смерти остаются целые дни в этом положении. На земле обезьяна не пытается убежать, а старается прислониться спиной к дереву и яростно защищается руками и зубами, хотя, конечно, неравная борьба кончается не в ее пользу. Очень часто обезьяна, находясь в таком печальном положении, издает резкий крик, возможно зовет на помощь товарищей. Эти последние тотчас начинают собираться на помощь к животному, находящемуся в беде. Но скоро раздается другой крик, совершенно отличный от первого, — короткий, громкий и более глухой, крик агонии. И все стадо, спешащее на помощь, мигом рассыпается, и каждая из обезьян ищет спасения в поспешном бегстве. Мясо обезьяны имеет неприятный вкус, сухо и волокнисто, однако иной раз в нужде оно казалось нам лакомством».

Бетс замечает, что индейцы ревностно преследуют шерстистую обезьяну, так как мясо ее им кажется очень вкусным. «На основании слов нанятого мною охотника, — говорит он, — который долгое время прожил среди индейцев племени тукана, поблизости от Табатинга, я могу предположить, что вышеназванное племя индейцев, состоящее приблизительно из 200 человек, ежегодно убивает и съедает по крайней мере 2000 обезьян». Животное это весьма обыкновенно в лесах возвышенностей*.

«Шерстистая обезьяна в неволе, — прибавляет Бетс, — отличается серьезным нравом; она кротка и доверчива, как и цепкохвостые обезьяны. Благодаря этим качествам ее охотно покупают любители животных; ей недостает, однако, живучести цепкохвостых обезьян, и она редко выдерживает путешествие вниз по реке до Пары». Еще реже попадает она живой в Европу.

Сапажу** отличаются от цепкохвостых обезьян тем, что их хвост со всех сторон покрыт волосами, и хотя может обвиваться вокруг ветвей, но не является хватательным органом.

Наиболее известный представитель рода сапажу — **обыкновенный, или белоплечий, белогрудый капуцин** (*Sebus caricinus*)***, или его еще называют «кайи». Кайи на языке гуаранов означает «обитатель леса». Слово это было различным образом исковеркано европейцами, и в настоящее время оно менее употребительно, чем название «капуцин», которое, впрочем, необыкновенно удачно. Эта обезьяна известна нам уже лет двести и, должно быть, попадалась живой на глаза старику Линнею, так как, описывая ее образ жизни, он говорит следующее: «Ходит опираясь на сочленения, которые соединяют кисть с остальной конечностью, не прыгает; печальна и постоянно издает жалобные звуки, пугает врагов ужасным криком; часто чирикает так же, как цикада, а рассерженная лает, как собачка; погибает хвост винтообразно, часто обвивает его вокруг шеи, пахнет мускусом». Ка-

* Шерстистые обезьяны встречаются в горах до 2000 м, и лишь поблизости селений они стали редкими; это объясняется тем, что за ними охотятся с давних пор.

** Род капуцинов, или сапажу (*Sebus*), объединяет 4 вида некрупных обезьян, пожалуй наиболее известных и популярных в Европе из приматов Нового Света со времен Великих географических открытий.

*** Вид, давший название всему роду. Распределение цветов в окраске его шерсти, напоминает униформу одного из монашеских орденов.

Семейство цепкохвостые

* Длина тела капуцинов — 30—38 см, хвоста — 38—50 см, вес — 2—4 кг.

1 — Капуцин-фавн
(*Cebus apella*)

2 — Обыкновенный
капуцин
(*Cebus capucinus*)

** Этот вид живет не в Бразилии, а в Колумбии, Венесуэле, Эквадоре.

пуцина должно причислить к более крупным видам этой группы, так как длина его тела достигает 45 см, а длина хвоста — 35 см. К нам попадают обыкновенно лишь экземпляры средней величины*. Отличительным признаком этой обезьяны является голый уже с ранней юности, морщинистый или покрытый складками лоб светлого мясного цвета. Преобладающий цвет более или менее темно-бурый; покрытые редкими волосами виски, бакенбарды, горло, грудь и брюхо, а также плечи светло-бурого цвета. Родина этой обезьяны — южная часть Бразилии**.

Так как и в настоящее время еще господствует неясность в разграничении видов, то нельзя определить, какие из показаний путешественников мы должны относить к тому или иному виду,

поэтому можно набросать лишь общую картину этой группы. Таким образом, в нижеследующих строках я вовсе не имею в виду одного капуцина, хотя и называю его чаще других видов.

Область распространения капуцина простирается за Южный тропик и за Анды. Он обыкновенен везде от Багги до Колумбии и предпочитает те леса, в которых почва не поросла низким кустарником. Несравненно большую часть своей

жизни капуцин проводит на деревьях; он оставляет их только тогда, когда хочет пить или посетить маисовое поле. Капуцин не имеет определенного местопребывания. Днем он переходит с дерева на дерево, отыскивая пищу, ночью отдыхает между перепутанными ветвями дерева. Обыкновенно капуцин встречается небольшими семьями из 5—10 обезьян, из которых большая часть — самки.

Изредка попадаются и одинокие старые самцы. Животное это трудно наблюдать, так как оно очень пугливо.

Капуцина часто ловят и приручают. Старые животные не привыкают к неволе: они становятся печальны, не принимают

пищу, не делаются ручными и обыкновенно умирают через несколько недель; напротив, молодая обезьяна скоро забывает свободу, привязывается к человеку и, подобно многим другим представителям отряда, очень скоро привыкает есть и пить то же, что и человек. Капуцин, как и другие виды того же рода, отличается тихим нравом, который, по-видимому, плохо гармонирует с его проворством. Ложась спать, он свертывается клубком и закрывает лицо руками и хвостом. Спит он обычно ночью, а при большой жаре и в полдень; в течение остального дня он находится в постоянном движении.

Из органов чувств этого животного лучше всего развито осязание. Капуцин близорук, а ночью и вовсе не видит; слышит он плохо, так что к нему легко подкрасться. Еще слабее развито у него, по-видимому, обоняние. Каждый предмет, который обезьяна хочет обнюхать, она держит у самого носа и тем не менее часто ошибается, так как начинает есть то, что оказывается несъедобным. При сильном голоде и жажде она ест собственные испражнения и пьет свою мочу. Осязание заменяет ей до некоторой степени остальные слабо развитые чувства. Оно обнаруживается особенно на руках, в меньшей степени на ногах и вовсе не заметно в хвосте.

Звуки, издаваемые капуцином, меняются соответственно его настроению. Чаще всего приходится слышать тон, похожий на звук флейты, этот звук он издает, по-видимому, от скуки. Если же капуцин требует чего-нибудь, то он стонет. Удивление и смущение он выражает полусвистящим тоном. В гневе обезьяна несколько раз кричит глубоким и грубым голосом: «ху-ху!» В страхе или от боли пищит, при радостном возбуждении — хихикает. Этими различными тонами вождь сообщает своему стаду свои ощущения*, которые выражаются, впрочем, не только звуками, но и гримасами. Например, когда капуцин смеется, он оттягивает назад углы рта и не издает при этом никакого звука. При плаче глаза его наполняются слезами, которые, однако, никогда не текут по щекам.

Эта обезьяна отличает мужчин от женщин; самцы любят больше женщин и девушек, самки — мужчин и мальчиков.

В неволе капуцины нередко спариваются и рожают детенышей. По-видимому, в этих условиях они более нежны к ним, чем на свободе. Матери целый день возятся со своим малышом, не дают никому из людей трогать его, показывают лишь тому, к кому относятся благосклонно, и при необходимости мужественно защищают его. В неволе обезьяна подвержена многим болезням, особенно насморку и кашлю, и, подобно своим сородичам из Старого Света, довольно часто заболевает чахоткой. Против обычных болезней обезьянам помогают врачебные средства, во всяком случае лекарства производят на них то же действие, как и на человека. По расчету Ренгера, предельный возраст капуцина равняется приблизительно 15 годам**.

** Выделено не менее 10 звуковых сигналов, используемых этими обезьянами для общения с членами группы.*

*** Рекорд продолжительности жизни капуцина в неволе — 47 лет.*

Семейство цепкохвостые

** Капуцины — наиболее сообразительные и «интеллектуальные» среди широконосых приматов, поведением они гораздо больше напоминают мартишек, или макак, чем другие американские обезьяны. Для капуцинов весьма характерна орудийная деятельность — используя камни, они раскалывают орехи. Большим успехом пользуются «абстракционистские полотна», нарисованные красками некоторыми из этих обезьян в неволе.*

*** В подсемейство саки входят 3 рода с 7—12 видами. Это молчаливые обезьяны, живущие поодиночке и небольшими группами до 6 особей в наиболее труднодоступных лесах.*

**** Все саки ведут дневной образ жизни.*

Одни только индейцы употребляют шкуру и мясо этого животного и потому охотятся за ним с луком и стрелами. Белые преследуют его разве в том случае, если оно слишком бесстыдно ведет себя на плантациях. Они охотно держат его в неволе. В Европу обезьян привозят постоянно, можно сказать, на каждом судне, капитан которого любит животных, а потому и цена им невелика. В общей клетке капуцин скоро приобретает себе известное положение. Тем не менее он явно уступает проворным и задорным мартишкам. Лишь тогда, когда сравниваешь его с ними, замечаешь, что его резвость и веселость совершенно иного рода, чем у шаловливых обезьян Старого Света, которые проделывают свои проказы с величайшей серьезностью и при каждом удобном случае проявляют исключительную дерзость. Напротив, капуцин обнаруживает боязливость, даже почти беспомощность, а его постоянные жалобные крики только усиливают это впечатление. В обществе мартишек капуцин всегда является жертвой, над которой они потешаются сколько душе угодно. В обществе павианов он, видимо, чувствует себя гораздо лучше, так как его визг рано или поздно трогает сострадательную душу какой-нибудь самки павиана и побуждает ее вступить за беспомощного. Такую защиту капуцин принимает с большой благодарностью и позволяет лелеять и нянчить себя, как младенца, хотя бы он уже давно вышел из детского возраста*.

Саки** большей частью коренасты, длинная пушистая шерсть придает им весьма неуклюжий вид; конечности довольно толсты, а хвост покрыт густыми пушистыми волосами, которые удлиняются книзу. Волосы на верхней части головы разделены пробормом, на щеках же и подбородке оканчиваются густой длинной бородой.

От прочих американских обезьян они отличаются еще устройством зубов: очень большие трехгранные клыки отделены промежутком от тесно сидящих, остроконечных и наклоненных вперед резцов.

Немногочисленные виды этого рода водятся исключительно в северной части Южной Америки. Здесь они живут в сухих высоких лесах, где нет кустарников, и держатся в стороне от других обезьян. По Чуди, это — ночные животные, деятельность которых начинается с закатом солнца и оканчивается с его восходом. Днем обезьяны спят, и тогда за ними трудно охотиться, потому что они ни единым звуком не выдают своего присутствия. Но Шомбургк не соглашается с мнением Чуди по крайней мере касательно ночной жизни этих животных***. По его мнению, различные виды этих обезьян строго придерживаются определенных местностей; они держатся отдельно друг от друга, и некоторые выдают себя путешественникам своим голосом. «Везде, где по берегам растет густой лес, — говорит Шомбургк, — встречал я целые стада обезьян, сидящих на ветвях. Большинство из них были действительно

миловидные саки. Длинные волосы, разделенные пробором, пышная борода и бакенбарды, пушистый хвост, похожий на лисий, и ласковый, умный взгляд придают этим зверькам чрезвычайно приятный и вместе с тем комичный вид. Это были первые саки, которых мне случилось встретить. Я, конечно, тотчас же выскочил на берег, чтобы поохотиться на них, и застрелил самца и самку. Но я почти раскаялся в своем выстреле, когда услышал жалобный, за душу хватающий крик самца, которого я только тяжело ранил. Этот жалобный крик похож на стон страдающего ребенка».

В небольших лесах верховьев рек Мараньон и Ориноко водится преимущественно самый обыкновенный вид этого рода — **черный, или чертов, саки**, куксио индейцев (*Chiropotes satanus*)*,

величиной 55 см и почти с таким же длинным хвостом. Совершенно круглая голова его покрыта как бы шапкой, образованной не очень длинными и густыми волосами, лучеобразно исходящими от темени. Спереди они разделены пробором. Щеки и подбородок опушены густой черной бородой. «Ни один щеголь в мире не мог бы держать своих волос в большем порядке, чем это красивое животное», — говорит Капpler. Верхняя часть тела обе-

зьяны покрыта густой, но не длинной шерстью, нижняя едва покрыта волосами, хвост очень пушистый. У старых обезьян шерсть черная с бледно-желтой спиной, у молодых — буро-серая. Впрочем, в цвете встречаются отступления. Капpler говорит, что в Гвиане эту обезьяну зовут «шиу»; она живет небольшим семейством от 4 до 6 особей, не очень распространена и в неволе редко выживает.

Второй вид этой породы — **бледноголовый саки** (*Pithecia pithecia*).

Наружность его значительно меняется в зависимости от возраста. Вследствие этого он получил множество названий. У ста-

Чертов (черный)
саки
(*Chiropotes satanus*)

рых самцов шерсть почти везде черная, только на передних конечностях несколько светлее. Спереди, до самых бровей, голова покрыта короткой, светлой шерстью, которая на лбу разделена полоской черной кожи; на щеках длинные бакенбарды. Но шерсть бывает также желтоватого цвета, лицо же окаймляют ржаво-красные волосы. Черное лицо покрыто редкими волосами ржавого цвета. Уши, пятки, пальцы и ногти черные. У самок шерсть на верхних и наружных частях тела бурая, на нижних — ярко-рыжая; бакенбарды черные. Молодые обезьяны походят на мать.

Бледноголовый саки
(*Pithecia pithecia*)

ный нос и рот. По словам Лаборда, пища этого саки состоит из ягод, плодов и пчелиных сот. Самки приносят по одному детенышу и долгое время таскают его на спине. Это подтверждает и Капплер, который прибавляет, что бледный саки легко делается ручным, но всегда остается робким и грустным.

Чертов саки живет в подчинении у цепкохвостых обезьян, которые нередко принуждают его слезать с высоких деревьев в кусты, отнимают у него добычу, а иногда и колотят. Говорят, что длинная борода мешает этой обезьяне пить воду обыкновенным

Шерсть по большей части длинная, жесткая, грубая и только на нижней части тела и руках — тонкая и редкая. Светлая рамка волос окаймляет лицо и образует бакенбарды.

Бледный саки, которого также называют «ванаку», «ариги», водится неподалеку от Амазонки и в Гвиане и живет чаще в кустарниках, чем на высоких деревьях. Встречается обществами по 6—10 особей и на вид кажется довольно ленивым. Покрытое желтовато-белыми густыми волосами лицо имеет вид маски, на которой резко выступают чер-

способом, так что она подносит ее ко рту рукой. Только заметив, что за ней наблюдают, она решается пить прямо ртом.

Чуди, напротив, уверяет, что она пьет воду так, как это делают все обезьяны, то есть опустившись на колени и сунув морду прямо в воду. Наш натуралист часто давал жившей у него обезьяне воду в кувшине с узким горлышком, так что она не могла сунуть в него морду, но и тогда обезьяна не пила из горсти, а поступала, как большая часть своих сородичей, которые, опустив в сосуд руку до половины, слизывают воду с руки.

По уверению Гумбольдта, чертов саки дик и в высшей степени раздражителен. Поэтому его трудно приручить, и в неволе всегда довольно зол. Свое неудовольствие он выражает при малейшем поводе, скаля зубы, гримасничая и сверкая глазами. При сильном гневе он подымается на задние конечности, трет конец бороды рукой и дико скачет вокруг предмета, возбудившего его злобу. Иногда он впадает в ярость и впивается зубами в подставленную ему палку с такой силой, что ее едва можно вырвать.

Редко удается привезти живую обезьяну этого вида в Европу. Только в Лондоне, зоологический сад которого снабжается лучше всех остальных садов вследствие любви англичан к путешествиям и собиранию животных, можно видеть живых чертовых саки. До 1883 года в Риджентс-Парке побывало только 18 обезьян рода саки.

Бетс приводит описание близкого родственника чертова саки — лисьехвостого, или мохнатого, саки (*Pithecia hirsuta*)*. Из его слов можно вывести заключение, что не все виды по своему нраву соответствуют описанию Гумбольдта. Мохнатый саки, или парауаку, достигает почти метра в длину, половину которой занимает хорошо развитый хвост. Он покрыт густой, длинной (почти 12 см) шерстью, которая спереди падает на гладкий лоб, закрывая отчасти лицо; на остальных частях тела мех его имеет большое сходство с мехом медведя. Черный с серыми крапинками мех принимает на голове ореховый, на груди красновато-бурый оттенок; на внутренней части бедер он переходит в красновато-бурый цвет. Щетинистые бакенбарды грязно-серного цвета, пятки желтовато-бурые, лицо, где нет волос, черное.

Спикс обнаружил эту обезьяну в лесах Бразилии между реками Амазонка и Рио-Негро. Он рассказывает, что мохнатые саки утром и вечером выходят из своих лесов, собираются огромными обществами и наполняют тогда воздух пронзительным криком**. Они чрезвычайно осторожны и проворны: при малейшем шуме все стадо пускается в бегство и скрывается в лесу, так что охотнику редко удается достать живьем хоть одну обезьяну***. Но, раз прирученные, они очень привязываются к своему хозяину.

На севере Южной Америки водятся короткохвостые обезьяны. Они, кажется, не имеют большого распространения; образ

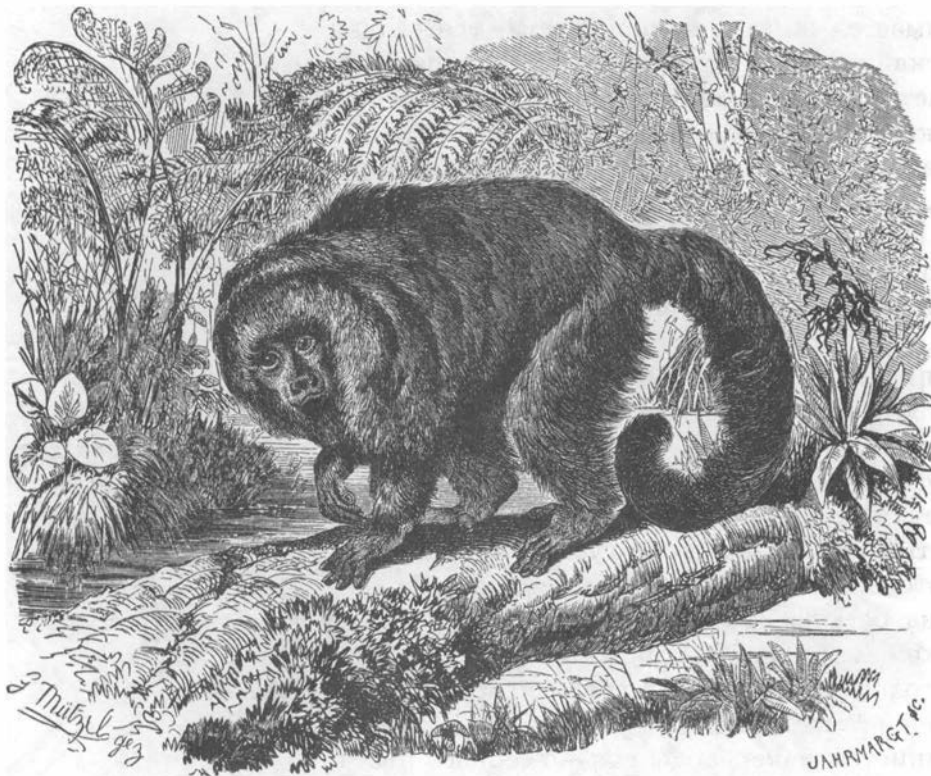
* Слабоизученный вид, нередко включаемый в предыдущий.

** Крики саки похожи на громкий свист.

*** Несмотря на плотное сложение, которое в сочетании с лохматой шерстью придает обезьянам вид «ходячих стогов», саки очень проворны, способны бегать по ветвям на задних конечностях.

Семейство цепкохвостые

* Уакари, или какайо, — самые короткохвостые и широконосые среди приматов Нового Света.

Лисьехвостый, или
мохнатый, саки
(*Pithecia hirsuta*)

жизни их на свободе малоизвестен. От Бетса мы получили некоторые более подробные сведения о них. От прежних наблюдателей мы знаем только, что короткохвостые обезьяны появляются небольшими стадами на берегах рек и во время своих странствований издают неприятные звуки. Кроме того, существуют описания некоторых исследователей, наблюдавших этих животных в неволе.

Гумбольдт первый описал нам обезьяну, носящую у туземцев название «некрасивая обезьяна». **Черноголовый уакари** (*Cacaјао melanocephalus*)* имеет в длину 65 см, из которых на хвост приходится 15 см.

Несколько косматая шерсть ее блестящего светло-коричне-

вого цвета; на груди, животе и нижней стороне конечностей светлее; верхняя сторона рук и ног серо-бурая; на голове и хвосте шерсть большей частью черная. У отдельных экземпляров руки и кисти также черные, а светло-коричневый цвет на спине переходит на бедрах и в начале хвоста в ржаво-красный. Все голые части матово-черные; вокруг глаз орехово-бурое кольцо.

Другой вид этого рода — **лысый уакари** (*Cacaјао*

calvus) — отличается от черноголового еще более коротким хвостом в виде толстого отростка, более длинной шерстью на спине и более светлой окраской шерсти. Однообразный грязно-желтый или красноватый оттенок его меха переходит на спине в грязно-белый, на нижних частях туловища — в золотисто-желтый. У очень старых животных цвет шерсти еще более светлый, почти белый. От этого еще резче выделяется ярко-красный цвет лица с желтыми щетинистыми бровями и красновато-желтыми глазами. Кроме того, короткие, будто остриженные волосы головы, составляющие резкий контраст с длинной шерстью спины, придают всей наружности этой обезьяны своеобразный вид.

* Уакари обитают
только в Западной
Амазонии.

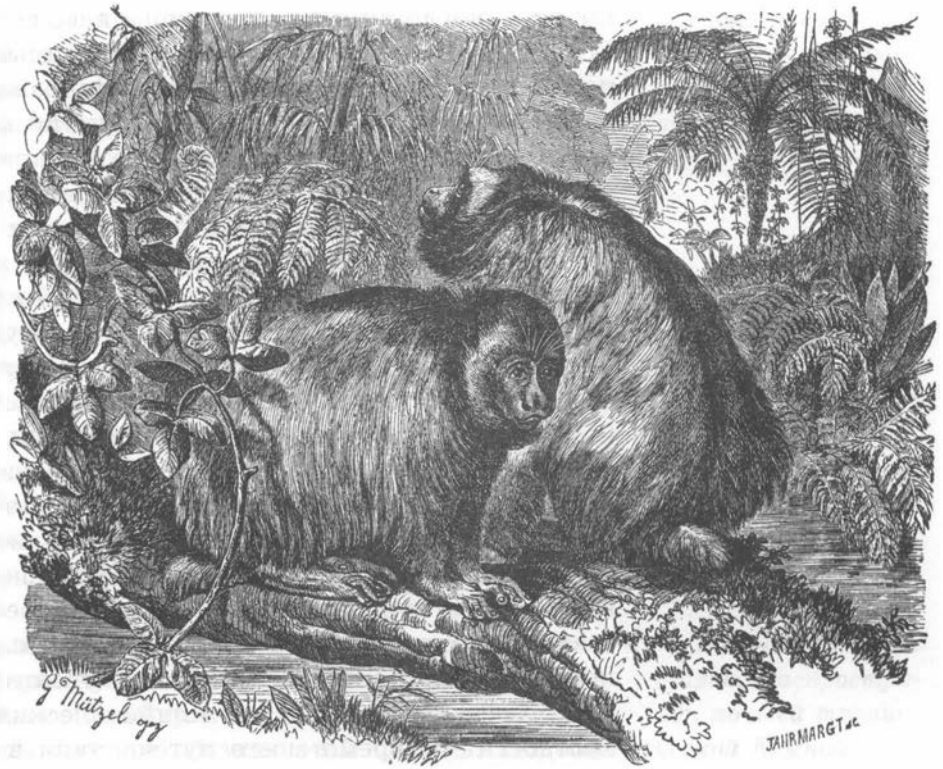
«В одно прекрасное утро 1855 года, — говорит Бетс, — увидел я на улицах города Эга несколько индейцев, несших на плечах большую клетку 4 метра длинной и 1 метр вышиной, сооруженную из лиан. Очевидно, они направлялись к пароходу. В клетке находилось до 12 обезьян самой странной наружности. Это были лысые уакари — обезьяны, живущие только в окрестностях Эги. Предводитель индейцев посылал их в качестве богатого подарка в Рио-де-Жанейро правительственному чиновнику. Обезьяны эти были пойманы с величайшей трудностью в лесах, в глубине страны, близ устья Уапур, приблизительно в 50 километрах от Эги.

Этот уакари живет в лесах, которые большую часть года залиты водой; поэтому короткий хвост уакари нельзя принять за признак его пребывания на ровной земле, как, например, у макак и павианов. Кажется, что уакари водится исключительно в упомянутых местностях, в особенности на одном острове близ главного устья Уапур*. Тут можно видеть, как они ходят небольшими группами по верхушкам высоких деревьев и срывают плоды, составляющие их пищу.

По словам охотников, движения их быстры и ловки, хотя обезьяны почти никогда не перепрыгивают, а предпочитают перебегать с дерева на дерево по крепким сучьям**.

Матери несут своих детенышей на спине, подобно некоторым другим обезьянам Южной Америки.

Все жившие в неволе уакари были пойманы с помощью сарбаканов и стрел, намазанных слабым ядом. Подстреленные уакари бегут еще довольно долго по лесу, так что только опытный охотник может преследовать их. Между индейцами считается особенно ловким тот охотник, который, не отставая от раненой обезьяны, в состоянии подхватить ее на руки в ту минуту, когда, потеряв силы, она падает с дерева. Тогда обезьяне дают

Лысый уакари
(*Cacajao calvus*)

** Основной способ
их путешествия в
кронах — «четырёх-
рукая» брахиация.

**Семейство
цепкохвостые**

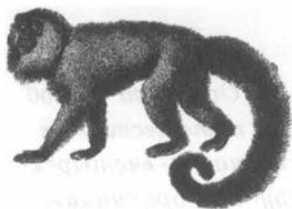
щепотку соли как противоядие и она обыкновенно приходит в себя.

Насколько редки лысые уакари, можно заключить уже из того, что для поимки 12 обезьян вышеупомянутый предводитель должен был выслать шесть своих самых ловких охотников, которые охотились целых три недели. Вольный охотник, которому удалось поймать такую обезьяну, требует за нее большую цену и всегда находит покупателей. Уакари — прекрасный подарок влиятельным особам.

Старые уакари, пойманные вышеописанным способом, навсегда остаются угрюмыми и грустными, отвергают всякую ласку и кусают тех, кто до них дотронется. Даже в своих лесах они почти никогда не издают звука, в неволе же совсем молчаливы. Если уход за ними не вполне достаточный, они по прошествии нескольких недель делаются ко всему равнодушными, не принимают пищи и начинают хиреть. Многие из них умирают от болезни, которая имеет все признаки воспаления легких.

Привыкнув видеть уакари всегда угрюмыми, я был весьма удивлен, встретив однажды в доме одного знакомого необыкновенно веселую и обходительную обезьяну этого вида. Не успел я присесть, как она выбежала из соседней комнаты, взобралась по моим ногам на колени, где, усевшись поудобней, стала оглядываться кругом и с обыкновенными обезьяньими ужимками доверчиво посматривала на меня. Это, впрочем, был молодой самец, которого взяли грудным у труп матери, растили среди детей хозяина и никогда не держали на привязи.

Уакари принадлежит к тому виду животных, которых бразильцы называют «смертными», то есть нежными и хилыми. Большое число животных этого вида, которых посылают из Эги, умирают, не достигнув Пары, и едва ли один экземпляр из дюжины доставляется живым в Рио-де-Жанейро. Очень может быть, что трудность их приручения связана с тем ограниченным пространством, на котором они водятся, и с климатическими особенностями этой местности. Во время моего путешествия вниз по реке на нашем судне, большой шхуне, находился прирученный старый уакари, который свободно расхаживал повсюду. По прибытии в Рио-Негро мы были принуждены целых четыре дня простоять перед таможней. Наш лоцман, однако, не бросил якорь, а прикрепил шхуну к дереву бушпритом. Однажды утром мы не нашли нашего уакари: он убежал в лес. Два человека были посланы за ним в погоню, но вернулись через несколько часов, не отыскав и следа беглеца. Мы уже потеряли надежду вернуть его себе, как вдруг он появился на опушке леса. Уакари подходил все ближе и ближе, он возвращался по той же дороге, по которой ушел, а именно по бушприту. Уакари занял свое обычное место на палубе. Он, очевидно, нашел, что леса Рио-Негро весьма не похожи на леса Уапуры, и предпочел неволю свободной жизни в неудобной для него местности».

Этот интересный рассказ превосходного наблюдателя Бетса содержит, по-моему, самое лучшее описание короткохвостых обезьян, так как все остальные наблюдения, сообщенные другими натуралистами, дают довольно смутное представление о жизни этих животных. Гумбольдт, у которого долго жил лысый уакари, рассказывал про него, что он был прожорлив, тупоумен и труслив. В возбужденном состоянии раскрывал рот самым странным образом, делал ужасные гримасы или вдруг поднимал крик, похожий на громкий смех. Вообще он был чрезвычайно беспомощен, и когда хотел что-нибудь взять, то принимал очень странную позу: садился, совершенно согнувшись, на задние лапы и вытягивал перед собой руки. При виде крокодила или змеи приходил в ужас и дрожал всем телом. Однако эта характеристика едва ли может быть отнесена к этому виду.

Беличий саймири (*Saimiri sciureus*)*. Еще его называют «мертвая голова». Этот вид замечателен как своей миловидной фигурой, красивой и приятной для глаз окраской шерсти, так и грациозностью движений и веселостью. Его можно смело назвать одной из самых красивых обезьян Нового Света. Несколько страшное название «мертвая голова» в сущности не соответствует настоящему виду его головы. Название это дано вследствие самого поверхностного сходства, исчезающего при ближайшем сравнении. У стройного саймири очень длинный хвост. Его мягкая шерсть на спине красновато-черная; в глубокой старости она становится померанцевого цвета с серыми крапинками на конечностях, а на животе белая. Иногда преобладает серый цвет. Встречаются также обезьяны с черной как уголь головой, ярко-желтым телом с черными крапинками; конечности в таком случае золотисто-желтые. Общая длина 80 см, длина хвоста 50 см.

Родиной этой миловидной обезьяны следует считать Гвиану**, где она водится преимущественно по берегам реки этой богатой страны. По словам Шомбургка, саймири принадлежат к самым распространенным видам обезьян этой полосы. Подобно встречающемуся там капуцину, саймири живут многочисленными (по сто особей и более) стадами не в высоких лесах, а в кустарнике на окраинах лесов и подымаются иногда до 600 метров над уровнем моря. Нередко соединяются они со стадами капуцинов. Саймири целый день в постоянном движении, а ночь проводят на вершинах пальм, которые служат им самым верным убежищем. Они очень пугливы, ночью не смеют шевельнуться, днем же обращаются в бегство при малейшей опасности, и тогда можно видеть, как все стадо тянется длинной вереницей по верхушкам деревьев. Впереди идет вожак, который благодаря проворству этих животных скоро приводит все стадо в безопасное место. Матери носят своих детенышей сначала на руках, а потом, когда они немного окрепнут, — на спине. Впрочем, детенышей можно видеть у

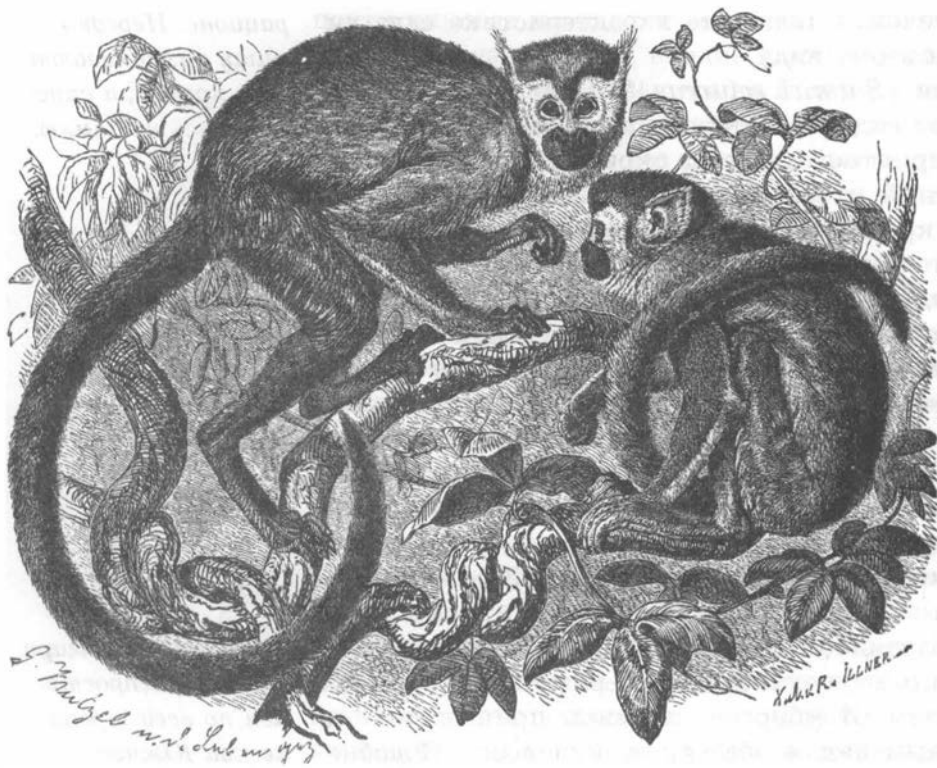
* Саймири составляют одно подсемейство с капуцинами. Для этих мелких обезьян характерно преобладание животной пищи в рационе. Нередко пищу разыскивают не в кронах, а спустившись на землю.

** Беличий саймири широко распространен по всей тропической Южной Америке, в Центральной Америке его замещает близкий вид — рыжеспинный саймири (*S. oerstedii*).

матерей круглый год, из чего мы заключаем, что самки рожают в разное время года.

Все движения саймири удивительно грациозны. Они превосходно лазают и перепрыгивают с изумительной легкостью довольно большие пространства. В покое часто принимают позу сидящей собаки; во время сна опускают голову между ног, так что она касается земли. Хвост служит им большей частью как руль во время прыжков. Они, правда, обматывают им иногда какой-нибудь предмет, но не в состоянии удержаться на хвосте. Голос их состоит из свиста, повторенного несколько раз. Когда с ними случается что-нибудь неприятное, они начинают жалобно кричать и визжать. Утром и вечером часто слышатся подобные крики целого общества, и даже ночью раздаются визжание пугливых животных и пробуждает в лесу заснувшую жизнь.

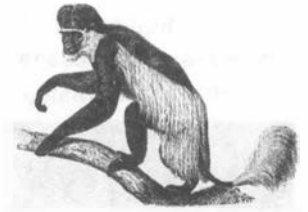
«Если спросить индейца, — говорит Гумбольдт, — почему лесные звери в известные ночные часы поднимают такой шум, он даст странный ответ: они празднуют полнолуние». Я же думаю, что причина этих звуков — завязавшаяся среди леса битва. Например,

Белый саймири
(*Saimiri sciureus*)

ягуары преследуют пекарей или тапиров, те ищут спасения в бегстве, при этом они так несутся, что вырывают с корнем растущие на дороге кусты. Чуткие и пугливые обезьяны, испуганные этой охотой, вторят с деревьев крику больших животных, они будят птиц, и скоро все население леса приходит в смятение.

Саймири принадлежит к самым трусливым животным, но во всех действиях своих он выказывает себя настоящей обезьяной. Нравом он напоминает ребенка, на которого похож и лицом: «...то же выражение невинности, та же лукавая улыбка, тот же быстрый переход от радости к печали». Его лицо служит верным отражением внешних впечатлений и внутренних ощущений. В минуты испуга в его больших глазах показываются сле-

зы; горе тоже выражается слезами. В неволе саймири жалуется и визжит по самому незначительному поводу. Чувствительность и раздражительность его одинаково велики, но он вовсе не своен волен, напротив, так добродушен, что невозможно на него сердиться. Саймири внимательно следит за всеми действиями своего господина. Когда ему что-то говорят, он пристально всматривается в лицо говорящего, следит глазами за каждым движением его губ, старается к нему приблизиться, садится на его плечо, дотрагивается до его зубов и языка, как будто старается угадать смысл непонятных ему звуков. Пищу саймири берет руками, а иногда и ртом.

Это животное всеми любимо за свой добрый нрав; его охотно держат в домах. Часто можно встретить саймири даже в хижинах диких племен. Потерю свободы переносит плохо, среди людей живет недолго. Однако же Капплер в течение 13 лет держал у себя на родине такую обезьянку.

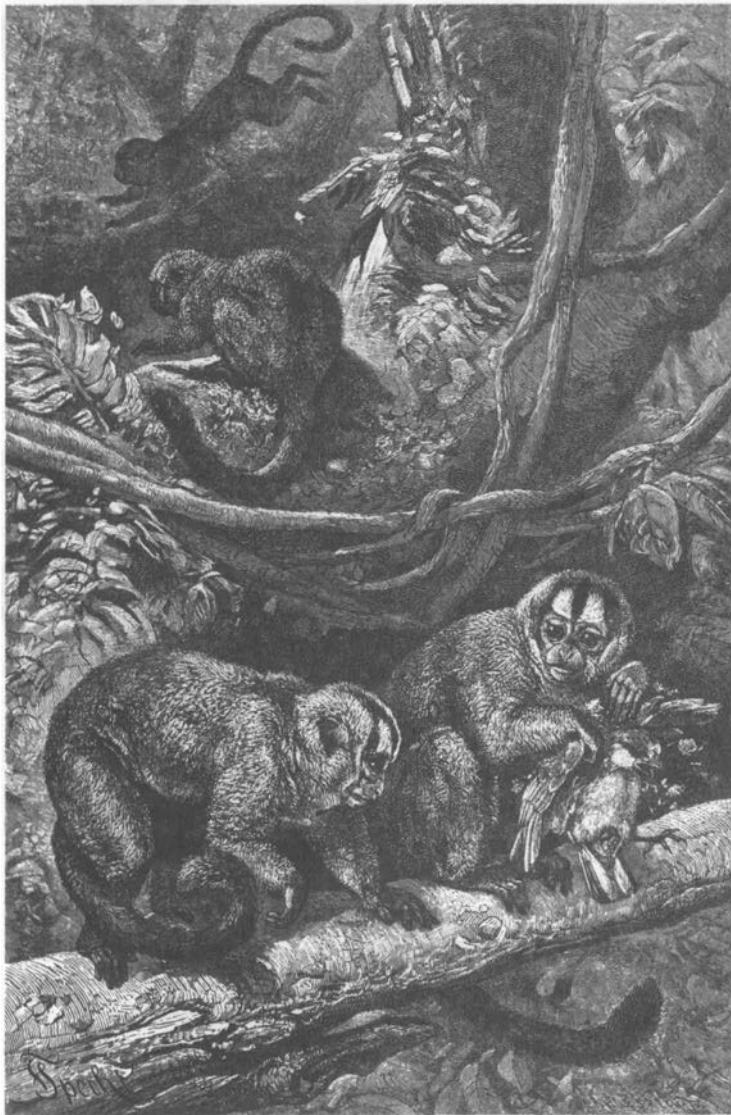
Индейцы выбирают для охоты за саймири преимущественно холодные, дождливые дни. Мясо их не так вкусно, как у других обезьян, и, говорят, пахнет козлом; поэтому индейцы преследуют их не ради мяса, а для того, чтобы сделать ручными. «Пустив стрелы, пропитанные слабым раствором яда, в кучу таких обезьян, — говорит Гумбольдт, — можно поймать много живых детенышей. Молодой саймири даже при падении не выпускает шеи или плеча мертвой матери и, если сам не ранен, остается висеть на ее трупe. Большая часть из тех обезьян, которых мы встретили в хижинах индейцев, оторваны от тела матери. Взрослые животные легко вылечиваются от ран, но все же умирают, так и не привыкнув к неволе, поэтому их очень трудно доставить живыми к берегу моря. Как только с ними перейдут из лесной полосы в степь — они становятся печальными и унылыми. Нельзя приписать эту перемену незначительному увеличению тепла; она происходит скорее от усиления света, уменьшения сырости и от каких-нибудь изменений в составе воздуха на берегу моря». По этой причине саймири почти никогда не встречается у европейских торговцев зверями и в наших зоологических садах.

Мне удалось только два раза купить этих хорошеньких обезьянок, и жили они у меня довольно долго. При заботливом уходе они выдерживают в неволе до семи месяцев, и только холодное время года губит их. Гааке сообщает, что в 1889 году в зоологический сад во Франкфурт привезли из Лондона четырех саймири. Они прибыли туда благополучно, но были вялыми и неповоротливыми и умерли через 2—3 недели.

Ацара был первый натуралист, познакомивший нас с одной из самых замечательных обезьян, о которой мы хотим поговорить. Несколько позже упоминает о том же животном Гумбольдт, затем Ренгер, Шомбургк и, наконец, Бетс. Эта **миркина**, или **ночная обезьяна** (*Aotes trivirgatus*)*, составляет совершенно осо-

* *Миркина, дурукули, — единственная в мире ночная обезьяна и единственный ночной примат Нового Света. Обладает рядом общих черт с ночными полуобезьянами Восточного полушария: огромные глаза, подвижная шея, длинные, узкие стопы, позволяющие совершать «лягушачьи» прыжки в кронах, преимущественно животная диета. Хвост используется только в качестве балансира. Миркина — самый мелкий представитель семейства цепкохвостых обезьян — весит 500—1000 г.*

бый род обезьян. У нее маленькая круглая голова с большими свиными глазами; рыльце довольно большое, широкое, но мало выдающееся; отверстия ноздрей обращены вниз; уши маленькие. Тело длинное, покрыто мягкими волосами, довольно пушистый хвост длиннее туловища, ногти сжаты и загнуты крючком. Тонкое тело мирикины длиной 35 см, хвост — 50 см. Цвет шерсти сверху серо-бурый с ржавым оттенком, оконечность хвоста черная. На темени три продольные черные параллельные полосы одинаковой ширины, а вдоль спины до основания хвоста идет широкая светлая желтовато-бурая полоса. Шерсть тонка и мягка на ощупь, и цвет ее одинаковый как у самца, так и у самки.

*Мирикина, или
ночная обезьяна
(Aotes trivirgatus)*

На темени три продольные черные параллельные полосы одинаковой ширины, а вдоль спины до основания хвоста идет широкая светлая желтовато-бурая полоса. Шерсть тонка и мягка на ощупь, и цвет ее одинаковый как у самца, так и у самки.

Мирикина водится преимущественно в жарких странах восточной части Южной Америки, но местопребывание ее ограничивается только некоторыми областями.

Ренггер уверяет, что мирикина обитает на правом берегу Парагвая до 25 градуса южной широты, а на левом берегу совсем не встречается. Жизнь ее на свободе малоизвестна. Она проводит время на деревьях или в дуплах, ночью ищет себе пищу, а днем возвращается в дупло, где и спит целый день. Люди этого натуралиста, отправившись однажды за дровами, нашли двух таких обезьянок, спящих в дупле. Вспугнутые животные пытались было убежать, но, ослепленные ярким дневным светом, не были в состоянии сделать ни верного прыжка, ни залезть на дерево. Поэтому с ними легко справились, хотя они пытались защищаться зубами. Логовище их состояло из листьев и было выло-

жено древесным мхом, из чего можно заключить, что эти животные имеют постоянное жилище и возвращаются к нему ежедневно. Ренггер уверяет, что они встречаются всегда парами, а большими обществами не живут. Бэтс же утверждает противное. «Эти обезьяны, — говорит он, — хотя и спят днем, но пробуждаются при малейшем шуме, так что люди, проходящие мимо избранно-

го мирикинами для ночлега дерева, бывают поражены внезапным появлением целой группы полосатых мордочек, скрывающихся до сих пор в дупле дерева. Именно такое гнездо было открыто однажды моим индийским «кумом», и от него получил я в подарок обезьянку». По свидетельству охотника, самка родит в наши летние месяцы по одному детенышу, носит его сначала на груди, потом на спине.

Молодую мирикину легко приручить, старые же остаются всегда дикими и кусаются. При заботливом уходе она переносит неволю легко, но нечистоплотность губит ее. Обыкновенно их держат в большой клетке. В течение дня мирикينا скрывается в самом темном месте своего жилища и спит. При этом она сидит скорчившись и согнувшись, а лицо прячет между скрещенными руками. Если обезьянку разбудить, то ее следует все время ласкать и гладить, иначе она тотчас засыпает. При дневном свете мирикينا ничего не видит и зрачки ее едва заметны. Когда из темноты внезапно выносишь обезьянку на свет, ей это не нравится; все ее телодвижения и жалобные крики показывают, какое болезненное впечатление производит на нее свет. Но с наступлением вечера она просыпается; зрачки увеличиваются по мере того, как уменьшается дневной свет, и наконец становятся так велики, что радужная оболочка почти исчезает. Глаза блестят, как глаза кошек и сов. Мирикينا начинает расхаживать по клетке, отыскивая себе пищу. При этом движения ее легки, хотя не особенно грациозны, так как задние конечности длиннее передних. Но лазает она весьма искусно и ловко перепрыгивает с дерева на дерево. Из органов чувств лучше всего у нее развит, по-видимому, слух*.

Малейший шум возбуждает ее внимание. Зрением пользуется она только ночью, так как дневной свет ее ослепляет, и она ничего не может видеть. Понятливость ее очень ограничена: хозяйина своего она не узнает, на зов не откликается и к ласкам его равнодушна. Даже для удовлетворения своих желаний она не прибегает к мерам, которые бы свидетельствовали о некоторой сообразительности ее. Ренггер заметил только сильную привязанность между самцом и самкой. Если из пойманной четы одна обезьяна умирает, другая не может пережить это и тоже умирает. Свободу ценят они больше всего и потому пользуются всяким удобным случаем, чтобы убежать, даже если пойманы молодыми и несколько лет уже живут в неволе.

Мнение Ренггера относительно понятливости мирикины не совсем верно. Очень может быть, что большая часть мирикин не знают своего хозяина и равнодушны к его ласкам, но исключения встречаются и тут: очень много зависит от возраста, в котором обезьяна попала в неволю, и от обращения с ней.

В Европу мириклин привозят редко и всегда поодиночке. Время от времени эту обезьянку можно встретить в том или другом зоологическом саду, но показывают ее только после настоя-

** Несмотря на преимущественную ориентацию при помощи слуха, уши у мирикины (в отличие, например, от галаго) необыкновенно маленькие, они прижаты к голове и почти не видны в меху. Дословный перевод научного названия примата — «безухая трехполосая».*

Семейство игрунковые

** Сравнительно компактная группа мелких изящных широконосых обезьян пестрой окраски с украшающими пучками шерсти.*

*** На север игрунки распространены только до Панамы. В Бразилии, Гвиане и Перу встречается наибольшее число видов; в Мексике попадает, по имеющимся до сих пор сведениям, только два вида.*

чивого требования, так как днем она старается как можно лучше скрыться от глаз посетителей. Даже люди, особенно хорошо относящиеся к животным, не всегда ей приятны. Сонливость ее в течение дня заставляет забывать всю привлекательность ее нрава ночью. Я получил такую обезьянку в подарок и потому мог за ней наблюдать довольно продолжительное время.

Странный случай стал причиной ее смерти. После нескольких недель наблюдения я решил поместить ее в большую клетку. Но уже на вторую ночь после своего перемещения она сумела отворить дверь клетки и исчезла. Несмотря на самые тщательные поиски, мы нигде ее не нашли. Только спустя четыре недели мы нашли труп марикины в узкой щели стены. Она, очевидно, надеялась проложить себе там дорогу, но проход был слишком узок, и обезьянка, застряв, не могла двинуться ни взад ни вперед и таким образом погибла.

СЕМЕЙСТВО ИГРУНКОВЫЕ (Callithricidae)*

Игрунковые обезьяны отличаются от всех вышеупомянутых обезьян главным образом тем, что у них на всех пальцах, за исключением больших пальцев ног, узкие когти; а на больших пальцах ног широкие, черепицеобразные ногти. Кроме того, у них отмечаются следующие признаки: округленная голова с коротким, плоским лицом, маленькие глаза и большие, украшенные пучками волос уши, стройное тело, короткие конечности, цепкие передние конечности, большие пальцы которых не могут быть противопоставлены остальным, что возможно на задних конечностях, длинный пушистый хвост и шелковистая шерсть. Их руки превратились в настоящие лапы, и только ноги сохранили еще такое же строение, как у других обезьян. Как и у обезьян Старого Света, во рту у них 32 зуба. Клыки отличаются величиной и толщиной, верхние — притом трехгранной формы с проходящей снаружи и изнутри бороздкой. На скелете 13 грудных, 6 поясничных, 3 крестцовых и 21—31 хвостовой позвонок.

Область распространения игрунковых обезьян обнимает все северные страны Южной Америки и простирается на север до Мексики, на юге же едва ли переходит пределы Бразилии**. Насколько эти виды сходны между собой по внешнему образу и окраске, настолько же различаются по существенным признакам. Области распространения различных игрунковых обезьян тесно соприкасаются, вследствие чего местопребывание каждого вида кажется очень ограниченным, и только в виде исключения какой-нибудь один вид распространяется на большое пространство. Как высоко встречаются они в горах, пока с точностью не определено; Шомбургк встречал их на высоте до 500 м над уровнем моря; без сомнения, в Андах они попадают еще выше.

Все игрунковые обезьяны живут исключительно на деревьях. Они населяют разнообразные и обширные леса своей родины и встречаются не только в высокоствольных, сырых, первобытных лесах морского берега или низменностей, но и в низких, кустарниковых лесах центральных частей. Обыкновенно они держатся в пустынных, необитаемых местах и только в виде исключения заходят в плантации и даже в города и селения, как это случается, например, в Перу. Они не сидят на задних ногах, подобно другим обезьянам, напротив, сидят обыкновенно на всех четырех лапах или же лежат, вытянувшись, на животе, причем их длинный, густо поросший волосами хвост свешивается вниз. Игрунки не любят лазать по тонким ветвям деревьев, но держатся, подобно белкам, больше на толстых сучьях, употребляя в дело при передвижении свои длинные когти. Игрунковые обезьяны не рискуют перепрыгивать с дерева на дерево, так как не в состоянии после прыжка укрепиться с достаточной силой и уверенностью. Никогда их не видели ходящими на двух ногах; при ходьбе ступают всеми ступнями задних конечностей и кистями передних; туловище они поднимают, только когда подносят что-нибудь ко рту, причем делают это совсем как белки.

Ни один из путешественников, сочинения которых мне известны, не описывает, как и где проводят ночь игрунковые обезьяны. Они не строят гнезд, подобных беличьим, вероятно, дупла деревьев служат им приютом на ночь. Я заключаю это из повадок обезьян, находящихся в неволе; они сразу начинают пользоваться ящиками, предложенными им для спанья, в них прячутся часто и днем и при опасности всегда быстро там скрываются. По всей вероятности, на свободе в дуплах деревьев они сворачиваются в такие же общие клубки, какие образуют в неволе, где все члены общества тесно прижимаются друг к другу, взаимно прикрываясь хвостами*.

Вскоре после восхода солнца они начинают свои рыскания, обходят при этом большую или меньшую часть леса; появляются, как говорит принц фон Вид, то тут то там и на некотором отдалении выдают свое присутствие охотнику или натуралисту коротким, одно- или двусложным свистом. Если при приближении врага стадо игрунков не успеет убежать, то оно скрывается за толстыми ветвями, время от времени пугливо выглядывая оттуда и следя за всеми движениями человека. Бэтс считает этих обезьян очень любопытными. Поступки их обнаруживают мало обдуманности; они следуют сиюминутному внушению, и ради нового, возбуждающего их внимание предмета забывают о том, чем только что занимались. Такое непостоянство нрава этих обезьян проявляется также в выражениях удовольствия и неудовольствия, на которые они не скупаются; иногда они кажутся чрезвычайно довольными и одаривают ласками своих друзей; но вдруг оскаливают зубы, делаются пугливыми, точно им угрожают, или, рассердившись, скрежещут зубами и стараются укусить.

** Действительно, игрунки ночуют в дуплах, там же и рожают детенышей. Семья из 3—12 особей маркирует общий участок запахowymi метками. Семейная группа состоит из взрослой пары и их детей нескольких поколений. Молодые помогают ухаживать за детенышами, по мере взросления они изгоняются с территории и постепенно образуют новые семейные кланы. В семьях развита двойная система доминирования, отдельно для самок и самцов.*

** Питаются игрунки в основном насекомыми, пауками, мелкими позвоночными, растительную пищу используют в качестве дополнения. Важное место в рационе занимают ароматные смолы и сок некоторых деревьев, игрунки добывают их, делая отверстия в коре зубами и время от времени «подновляя» их.*

*** Большую часть времени детенышей носит на себе самец, посадив их на бедра. Самка забирает потомство на время кормления. Половозрелыми игрунки становятся в 14—16 месяцев, но обычно приступают к размножению гораздо позже, уже обзаведясь собственной территорией. В неволе некоторые виды доживали до 16 лет.*

Пища обезьян состоит главным образом из разных плодов, семян, листочков и цветов растений; попутно они ревностно преследуют различных насекомых, пауков, предпочитая их другим животным, но не пренебрегая и мелкими позвоночными. Во всяком случае они более плотоядны, чем другие обезьяны, и на ряду с растительной питаются и животной пищей*.

На родине размножение игрунковых обезьян, кажется, нельзя приурочить к определенному времени, взрослых с детенышами можно видеть во все времена года. У самки, как у других обезьян, рождается обыкновенно один детеныш, но иногда два и даже три. Тогда она одного из них сажает на спину, другого — на грудь, а сосут они по очереди. По наблюдениям над обезьянами, находящимися в неволе, оба родителя облегчают друг другу тягость воспитания юнцов. Иногда самка предлагает самцу таскать некоторое время одного из детенышей, и, кажется, он исполняет это без сопротивления**. Молодые при рождении бывают не больше домашней мыши, однако уже покрыты волосами и, как все юные обезьяны, довольно развиты.

На хищных птиц указывают как на самых злых врагов этих красивых созданий. От лазающих кошек они часто спасаются благодаря своей быстроте и ловкости, а также осторожному выбору мест для ночлега; но от орлов и соколов бегством им не спастись. Бесчисленное множество игрунков становится добычей этих опасных хищников; вся их жизнь изо дня в день есть в сущности борьба за существование. Человек преследует обезьян не столько из-за мяса или шкуры, сколько из-за возможности легкого их приручения. Хотя туземцы и питаются их мясом, но ставят его ниже мяса других обезьян; мех используют только в редких случаях: его обрабатывают для шапок или же для каких-нибудь опушек. Часто можно видеть пойманных игрунковых обезьян в хижинах индейцев или в жилищах южноамериканцев европейского происхождения. Овладевают молодыми и взрослыми обезьянами. Молодых отнимают от убитой матери, стреляя в них слегка отравленными стрелами, а потом вылечивают. Заманивают обезьян также в рыболовные верши, наполненные бананами или другими любимыми плодами. Верши прикрепляются на деревьях, которые животные постоянно посещают. Обезьяны лезут в вершу через узкое отверстие и неизбежно попадают во власть ловцов, так как не могут отыскать выход через направленные во внутрь остроконечные прутья, расположенные воронкообразно. По уверению принца фон Вида, таким образом часто ловят в одну вершу по нескольку обезьян. Если игрунковые попадают в такие нехитрые ловушки, то это не говорит в пользу их умственных способностей.

Последнее время семейство игрунковых разделили на несколько родов; отличия между ними ограничиваются, однако, внешними признаками; строение зубов, скелет и устройство внут-

ренных частей тела почти одинаково у всех родов этого семейства.

Скажу несколько слов о **серебристой игрунке** (*Callithrix argentata*)*. Это животное, без сомнения, одна из самых красивых обезьянок, имеет всего 17—20 см длины, а хвост около 25 см. Длинная шелковистая шерсть серебристо-белого цвета, хвост маково-черный, а почти голое лицо мясного цвета.

«Маленькая серебристая обезьяна, — говорит Бетс, — одна из самых редких американских обезьян и встречается, как кажется, только вблизи Каметы. В Камете я видал трех обезьянок этого вида на кокосовой плантации, и они издали очень походили на белых котят. По своим движениям и характеру они сходны с другими видами этого семейства. Впоследствии я имел случай наблюдать одну из этих обезьянок в неволе — это был очень пугливый и чувствительный зверек. Обладательница носила эту обезьянку всегда за пазухой и так любила ее, что не хотела продать ни за какие деньги. Обезьянка брала пищу у нее из губ и позволяла хозяйке себя ласкать и целовать, но никого чужого к себе не допускала; если кто-нибудь ее хотел тронуть, то она страшно пугалась, все тело дрожало от страха, зубы стучали и животное издавало дрожащие звуки. При этом черные глазки с любопытством и недоверчивостью обращались на того, кто к ней подходил».

Кондамин рассказывает, что губернатор города Пара ему подарил серебристую обезьянку, которая жила около года в неволе и перенесла путешествие в Европу, но околела перед самым приездом во французскую гавань. Привозили ли когда-нибудь этих обезьян в Европу живыми, я сказать не могу; в списке Лондонского зоологического сада, самого богатого животными, я эту обезьянку не нахожу.

Обыкновенная игрунка, или **уистити** (*Callithrix jacchus*)**, среднего роста, туловище 22—27 см, а хвост 30—35 см. Она очень красива и покрыта длинной, мягкой шерстью. Цвет шерсти состоит из смешения черного, белого и ржаво-желтого. Смешение это происходит вследствие того, что волоски у основания черные, затем рыжеватые, потом опять черные с белым кончиком. На верхней части спины преобладает желтоватый цвет, а на нижней ее части заметны черные и белые поперечные волнистые линии. На животе и конечностях все волосы имеют белые кончики, отчего этот цвет здесь яснее выступает. Хвост черный, но на нем заметно около двадцати беловатых колечек, и кончик также белый. Треугольное белое пятно на лбу и чисто-белые пучки на ушах ясно выделяются на темно-бурой голове. Лицо темного телесного цвета и покрыто редкими беловатыми волосками.

Почти так же часто встречается **черноухая игрунка** (*Callithrix penicillata*), по величине похожая на предыдущую обезьянку, а по цвету темнее ее. Круглое пятно на лбу и лицо покрыты короткими волосами белого цвета; длинные пучки волос на

Семейство игрунковые

* В роде собственно игрунок (*Callithrix*) насчитывают от 3 до 12 видов. Игрунки отличаются от тамаринов короткими нижними клыками, не выдающимися над зубным рядом. Характерны кисточки на ушах. Серебристая игрунка обитает на востоке Амазонии.

** Обыкновенная игрунка, уистити, обитает на северо-востоке Бразилии. Часто с ней в качестве подвида объединяют и следующий вид — черноухую игрунку, живущую южнее.

ушах, голова, затылок и шея темно-бурые; волосы на шее длинные и образуют род воротника. Шерсть на прочих частях тела красновато-серая, так как волосы у основания темно-серые, в середине бледно-красные, а на конце белые; руки и ноги светло-серые, а иногда темно-бурые, колечки на хвосте попеременно серые и грязновато-белые.

1

2

3

1 — Обыкновенная
игрунка

(*Callithrix jacchus*)

2 — Серебристая
игрунка

(*Callithrix argentata*)

3 — Черноухая
игрунка

(*Callithrix penicillata*)

и пауков. Днем эти зверьки в постоянном движении, а ночью сидят смирно и спят съевшись и покрыв голову своим хвостом. У самки рождается несколько детенышей, но почти всегда вырастает только один, которого она носит, как другие обезьяны.

Уистити попадают в Европу чаще других обезьянок этой группы. Их уже знали после открытия Америки, и с тех пор они встречаются уже в ручном состоянии. Кормят их плодами, зеленью, насекомыми, улитками и даже мясом, и они делаются скоро ручными, но привыкают только к тем, кто за ними ходит.

Уистити уже много раз плодились в Европе и однажды даже в Петербурге при самых неудобных условиях: животных держа-

ли в холодную осень и весну в нетопленной комнате и не выпускали на свободу. Несмотря на это, в течение двух лет у них три раза рождались детеныши, которых они благополучно вырастили. Сведения эти сообщает известный естествоиспытатель Паллас.

Карликовая игрунка (*Cebuella pygmaea*)* величиной в 16 см с такой же величины хвостом. Шерсть ее сверху и по сторонам глинисто-желтого цвета с черными полосками; лапки красновато-желтые. Темные полосы идут от спины к бокам и на бедра; хвост имеет неясные кольца, состоящие из черных, красновато-желтых и белых волосков.

Это красивое животное открыли в Бразилии на берегу Амазонки, около Табатинга; Бетс видал карликовую игрунку в окрестностях Сан-Пауло и об образе жизни ее ничего не сообщает.

От настоящих игрунковых обезьянок отличаются тамарины** только тем, что на голове и плечах большой гривы нет и хвост длиннее туловища; кроме того, у них большие перепончатые голые ушные раковины. Эти признаки точно так, как и небольшое различие в устройстве зубов, на которых основывали разделение этих обезьян на отдельные роды, следует считать не особенно важными.

Обезьяну эдипов **тамарин**, или **пинче** (*Saguinus oedipus****), следует считать переходной формой от игрунковых, имеющих гриву, к таким, у которых ее нет. У этого животного на голове длинные волосы, которые падают на лоб и на затылок, но стороны лба ими не покрыты. Взрослые самцы достигают 16—18 см, а хвост у них длиной в 40—42 см; шерсть землисто-бурого цвета и состоит из волос, которые у основания серые, а на конце имеют три светло-бурых пятна. Нижняя часть тела, волосы на голове, руки и голени почти чистого белого цвета; хвост у основания каштаново-бурый, а на конце темно-бурый. Черное лицо с веселыми светло-бурыми глазами ярко выдается из-под белых волос и имеет особенное выражение вследствие сросшихся бровей и узкой бороды, окружающей рот; ладони и нижняя часть ступней окрашены в черный цвет.

Область распространения пинче ограничивается, кажется, лишь северо-западной частью Южной Америки. О жизни этой обезьяны на свободе еще подробных сведений нет, да и в неволе ее мало наблюдали, так как она редко попадала живой в руки европейцев. Однако известно, что по своему образу жизни пинче мало отличается от других видов игрунковых. Парочка этих обезьянок, которая жила несколько недель в Берлинском зоологическом саду, особенно поразила меня своим голосом, который удивительно похож на голос птицы: он состоит из продолжительных звуков, похожих на звук флейты, или из трелей, которые начинаются высоким звуком «ди-ди-ди», затем, понижаясь, переходят в «дре-дре-де» и оканчиваются коротким «гак-гак-гек». Мне не известно ни одного млекопитающего и даже ни одной игрунки, у которой голос был бы так поразительно сходен с голосом птицы.

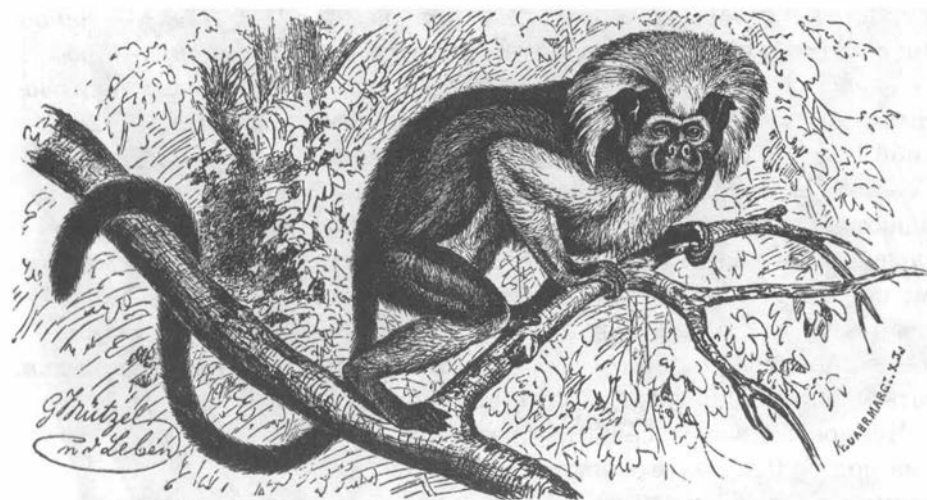
* Карликовая игрунка — самая мелкая обезьяна в мире. Ее длина достигает 12—15 см, длина хвоста — 17—23 см, вес — 107—141 г. Живет на западе Амазонии.

** Тамарины (*Saguinus*) — наиболее обширный род игрунковых, включает около 15—20 видов, необычайно пестрой окраски и разнообразной внешности: лысые, украшенные хохолками, длинными белыми усами и т.п.

*** Обитает на севере Колумбии.

* Самые крупные представители семейства: длина тела — до 50 см, хвоста — до 38,5 см, масса — до 1 кг. Название «львиные игрушки» не совсем точно, так как они ближе к роду тама-ринов.

*Эдипов тама-рин
(Saguinus oedipus)*

** Популяции розалий имеют очень изменчивую окраску, сейчас выделяют 4 вида, все они включены в Международную Красную книгу.

Львиными игрунками называют те виды, которые имеют голое лицо и уши, довольно тонкий хвост, иногда с пучком волос на конце, по величине почти равный длине тела; только на шее, плечах и передних конечностях шерсть удлинена, на голове она образует более или менее длинную гриву.

Львиные игрушки, или розалии (*Leontopithecus rosalia*)*. Розалия принадлежит к крупным видам этой группы, так как длина ее тела 25—30 см, а длина хвоста 30—40 см. Лицо голое, буровато-мясного цвета; большая ушная раковина окаймлена темно-бурыми волосами; щеки и лоб, который к темени оканчивается острым углом, покрыты тонкими, короткими, желто-бурыми волосами; руки, ноги сверху и снизу желтовато-бурые, на ногах желтый цвет преобладает. Грива разделена на темени пробором, покрытым короткими темно-бурыми волосами; эта грива очень длинная и имеет темно-бурю окраску. Другие части головы, горло, грудь и плечи темно-оранжевого цвета, остальное тело покры-

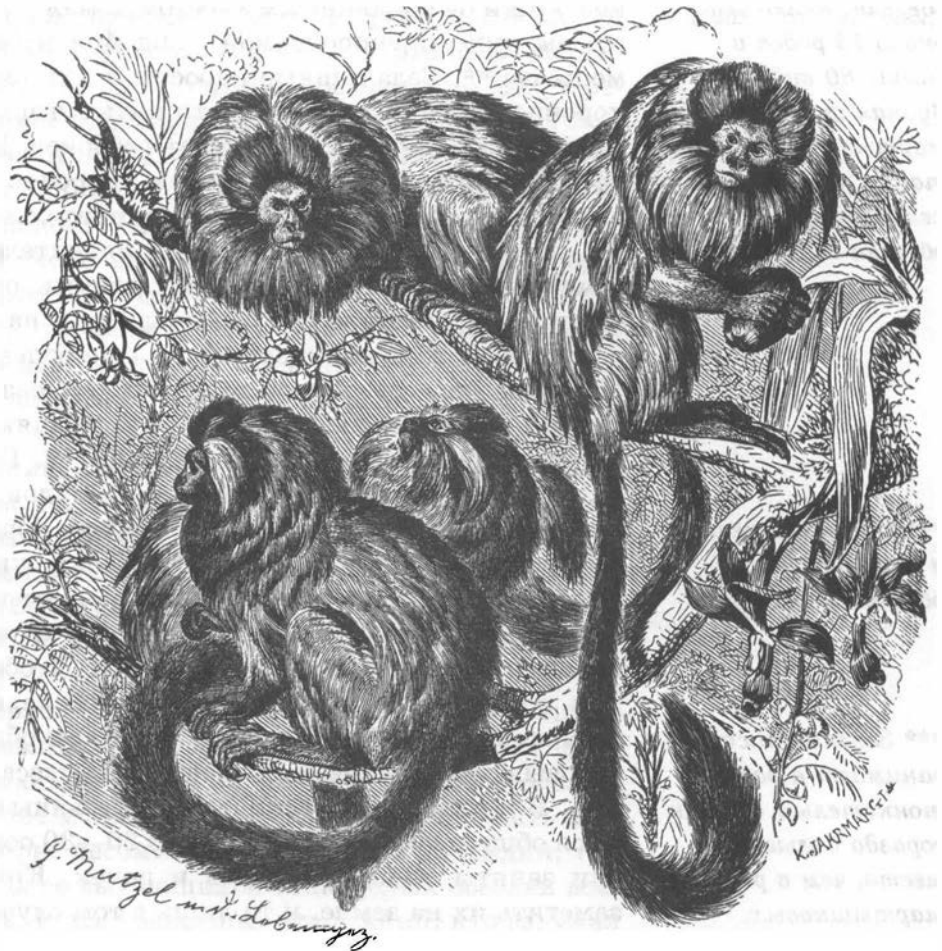
то красновато-желтой шерстью с золотистым отливом. Основание хвоста у некоторых экземпляров такого же цвета, как и тело, затем появляются темные пятна, к концу хвост темнеет, а самый его кончик снова желтый; но пятен на хвосте может и не быть. Самка по окраске не отличается от самца**.

«Это милое животное, — говорит принц фон Вид, — можно найти в больших лесах около Рио-де-Жанейро, Кабо-Фрио, Сан-Джоао и пр. Но далеко на север оно не заходит, по крайней мере на реке Паранахибо оно уже не встречается. Согласно этому, область распространения розалии очень незначительна и ограничивается лесами восточного берега Южной Америки от 22 до 23 градуса южной широты. По словам местных жителей, эта обезьянка нигде не встречается в большом количестве. Мы ее видели отдельными экземплярами или небольшими семьями на Сьерра-де-Инуа, в лесу около Сан-Джоао и в лесных местностях около Понта-Негру и Гурапина. Кажется, что она живет не только в высоких горных лесах, но и в кустах песчаных равнин; если испугается какого-нибудь необычного предмета, то прячется в листве верхушек деревьев. Пища ее состоит из плодов и насеко-

ных. У розалии родится по одному или по два детеныша, которых самка носит на спине или на груди до тех пор, пока они не сделаются настолько сильны, что могут за ней следовать. В ручном состоянии зверьки эти лучше других игрунковых переносят переезд через море в Европу, в остальном они по образу жизни совершенно сходны с прочими видами этой группы. Их очень любят за красоту, так как они похожи на маленьких львов. В возбужденном состоянии у них приподнимается грива вокруг лица, и тогда они особенно красивы».

В Европе ежегодно продается несколько пар этих хорошеньких животных, и всегда находятся покупатели, хотя цена их довольно высока. Но истинный любитель охотно платит высокую цену за этих красивых обезьянок. Их следует считать самыми приятными из всех видов игрунковых, по крайней мере из тех, которых привозят в Европу; они живут у нас дольше в неволе, может быть, вследствие того, что за ними лучше ухаживают, так как дорого за них платят. Уже Бюффон говорит, что одна розалия жила в Париже пять или шесть лет при самом обыкновенном уходе.

По образу жизни и привычкам розалия мало отличается от своих родичей и имеет одинаковые с ними приятные и неприятные черты характера. Как все игрунковые, она очень пуглива и недоверчива, раздражительна и вспыльчива; скоро узнает своего хозяина, предпочитает его другим лицам и более к нему доверчива, но никогда не показывает такой привязанности и такого расположения, как другие обезьяны, однако не может окончательно преодолеть боязливость

Львиная игрунка,
или розалия
(*Leontopithecus
rosalia*)

и недоверчивость. Изредка, как, например, недавно в Антверпенском зоологическом саду, у них рождаются детеныши, но это редкое явление. Их кормят, как и другие виды, вареным рисом, плодами и хлебом, размоченным в молоке, но, кроме того, им непременно нужно давать и животную пищу, мясо, жуков, червей и пр., так как замечено, что это необходимо для их здоровья.

СЕМЕЙСТВО МАРТЫШКОВЫЕ (Cercopithecidae)*

** Самое обширное семейство узконосых обезьян, включает около 13 родов и свыше 80 видов. Зубная формула мартышковых такая же, как у человекообразных обезьян и человека.*

Тонкотелые обезьяны представляют, как показывает их название, тонких и стройных обезьян с длинными, тонкими конечностями и очень длинным хвостом, с маленькой высокой головой, голым лицом, укороченной мордой и небольшими защечными мешками**. Седалищные наросты у них очень малы. На заднем коренном зубе нижней челюсти пять бугорков. Скелет их по тонкости костей напоминает скелет гиббонов. Пальцы рук длинные, но большой палец передних рук укорочен или недоразвит и не пригоден для хватания. Шерсть удивительно тонкая, цвет ее всегда приятный; на голове волосы значительно удлинены. Очень замечательно строение желудка: своими перетяжками и происходящим вследствие этого разделением на отделы он несколько напоминает желудок жвачных, а еще более — желудок кенгуру. По исследованиям Оуэна и других, он разделяется двумя перетяжками на три части, из которых средняя в свою очередь представляет двойной ряд подразделений***. Гортанный мешок различной величины существует у всех видов.

*** Защечных мешков у тонкотелых обезьян нет.*

Южная Азия, Цейлон и острова Зондского архипелага — родина тонкотелых обезьян. Здесь они живут более или менее многочисленными стадами в лесах, охотнее всего вблизи рек, а также около сел и плантаций, и так как их почти всюду щадят, то живет им необыкновенно хорошо. Чтобы в немногих словах дать общую картину их жизни на свободе, я, прежде чем описывать замечательные виды отдельно, дам общий очерк их жизни, основываясь на словах Теннента и Уэллеса.

**** Зеленая листва занимает в рационе тонкотелых обезьян гораздо большее место, чем в рационе мартышковых, отсюда усложненное строение пищеварительной системы, развитая бактериальная микрофлора в кишечнике, желудок из нескольких камер. Вопреки названию*

В родных лесах тонкотелые обезьяны обыкновенно встречаются обществами, состоящими из 20—30 особей; большей частью они заняты поиском плодов и почек. Крайне редко случается заметить их на земле, и то лишь в том случае, когда они отыскивают упавшие на землю любимые плоды. Туземцев они нисколько не боятся и даже проявляют по отношению к ним величайшую беззаботность; напротив, увидев необычно одетого европейца, они несколько минут пристально смотрят на него и затем убегают как можно скорее. Точно так же возбуждает их любопытство и появление собаки; но при этом они не ограничиваются наблюдением за ее движениями, а выдают себя криком. Будучи испуганы, они часто прячутся в ветвях деревьев и делают это

некоторые тонкотелые обезьяны весьма «пузаты», поскольку им все время приходится набивать объемистый желудок столь грубым и малокалорийным кормом, как листья.

так искусно, что общество их, которое только что лакомилось на вершине пальмы, в самое короткое время становится невидимым. Если же они не считают себя в безопасности, то обращаются в бегство и обнаруживают при этом такую быстроту, ловкость и умение прыгать, каких едва достигают другие представители этого семейства. Они делают громадные прыжки с ветвей одного дерева на нижележащие ветви другого, причем ветвь, на которую они перепрыгнули, низко пригибается от тяжести их тела и, разгибаясь, снова подбрасывает их вверх; кроме того, они обладают способностью менять направление движения во время самого прыжка, чтобы в случае надобности схватиться за более удобную ветвь и бежать дальше. По замечанию Уэллеса, очень интересно наблюдать, как за вожаком, отважившимся на прыжок, с большей или меньшей быстротой следуют и остальные мартышки. Нередко случается при этом, что одна или две обезьяны не могут решиться на прыжок, пока остальные не скроются из виду. Тогда они в совершенном отчаянии, из страха быть покинутыми, бросаются в воздух, ломают тонкие ветви и часто даже падают на землю. Там, где их не беспокоят, они становятся назойливыми, появляются на домах или около них и причиняют различным образом вред; случается даже, что они бывают опасными для детей. Теннент рассказывает, что ребенок одного европейского пастора, оставленный легкомысленной кормилицей перед домом без присмотра, подвергся нападению тонкотелых обезьян, и они так измучили и искусили его, что он от этого умер. Пища обезьян состоит из различных растений, плодов всякого рода, какие они только могут разгрызть, почек, листьев и цветов. Главную пищу, по словам Теннента, составляют бананы. Однако, по-видимому, они еще более любят некоторые цветы, например цветы красного гибискуса, и поедают их в необыкновенно большом количестве — полезное указание для тех, кто вздумал бы держать в неволе этих обезьян.

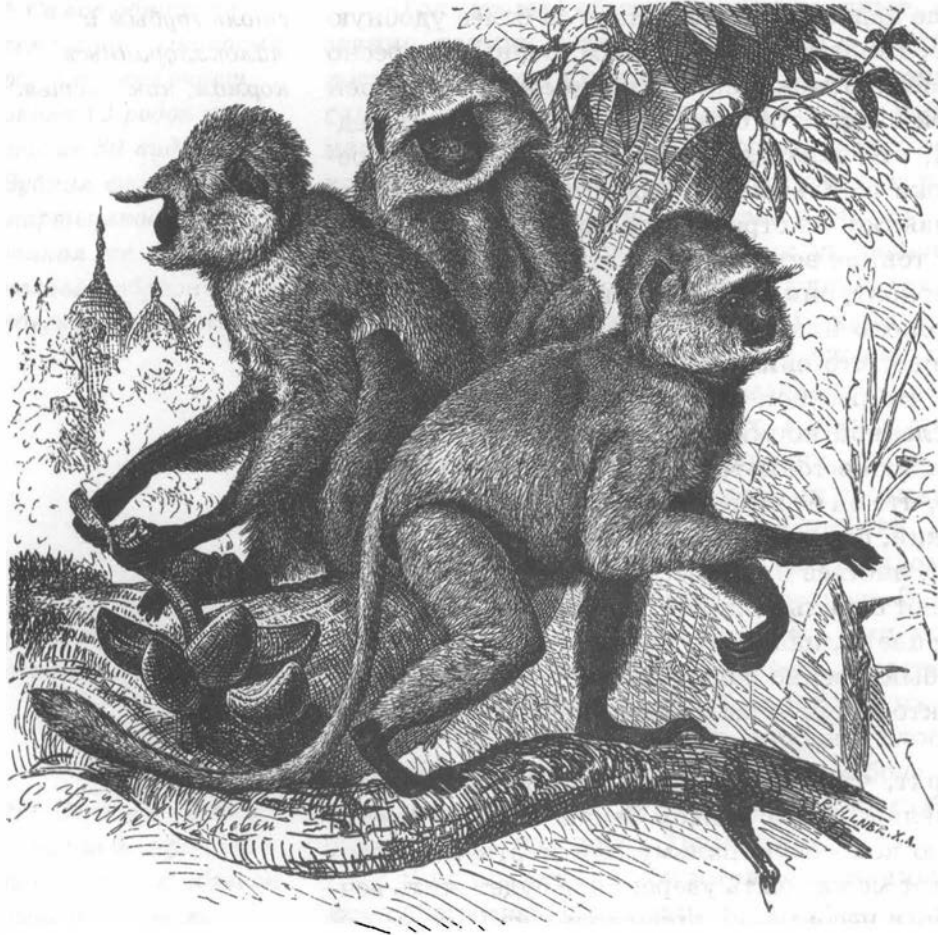
Сингалезцы говорят, что никто никогда не находил еще в лесу труп такой обезьяны. «Кто увидел белую ворону, гнездо рисовой птицы, прямую кокосовую пальму или мертвую обезьяну, — говорят они, — тот может быть уверен, что будет жить вечно». Это народное поверье несомненно происходит из Индии, так как там одной из наиболее выдающихся тонкотелых обезьян воздают божеские почести. И все убеждены, что всякий, кто вздумал бы отдыхать на могиле такой обезьяны или хотя бы на месте ее смерти, должен умереть и что даже погребенные кости ее могут принести несчастье. Поэтому каждый, кто собирается там строить дом, обращается к знахарям и удостоверяется с помощью их «искусства», что на месте, выбранном для дома, никогда не околевала обезьяна.

Из тонкотелых обезьян прежде всего заслуживает внимания **гульман, лангур или хануман** (*Semnopithecus entellus*), свя-

**Семейство
мартышковые**

** Гульман распространен по всему Индостану, обитает также на Цейлоне, по долинам рек*

*Гульман, лангур,
или хануман
(Semnopithecus
entellus)*

*проникает в южный
Тибет, в Гималаях
встречается до вы-
сот 4000 м.*

щенная обезьяна индусов. Это самая обыкновенная обезьяна, встречающаяся в большей части Индостана, и область распространения ее все увеличивается, так как она не только пользуется защитой и покровительством человека, но в некоторые местности ее нарочно ввозят. Вся длина взрослого самца равняется, по Эллиоту, 1,57 м, а по Жердону, иногда даже 1,72 м, из которых по крайней мере 97 см попадают на необыкновенно длинный хвост с пучком волос на конце. Вес обезьяны 9—11 килограммов. Цвет меха желтовато-белый; цвет голых частей темно-фиолетовый.

Лицо, кисти и ступни в тех местах, где они покрыты волосами, и жесткий хол, свешивающийся над глазами, черного цвета, короткая борода желтоватого. Распространение этой обезьяны, так хорошо известной в Индостане, как это ни странно, до сих пор с точностью не определено. По словам Блэнфорда, ее нет в Пенджабе и Синде, она водится лишь к востоку от них, в южном Раджастане, в Гуджарате, Бомбее, в средних штатах, в юго-западном Бенгале и в Ориссе, может быть даже южнее Годавери. Гуттон утверждает, что священная обезьяна не водится

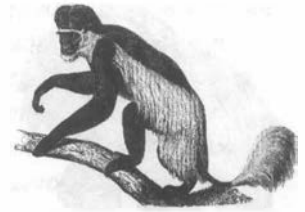
к востоку от Хугли и к северу от Ганга и что экземпляры, которых видели в этих местностях, привезены людьми. Напротив, Блэнфорд уверяет категорически, что эта обезьяна встречается в Ауде, а также и вообще у подножия Гималайских гор*.

Гульман занимает не последнее место среди бесчисленных божеств индусов и пользуется этой честью с незапамятных времен. Великан Раван, рассказывает древнеиндийская сага, похитил Ситу, супругу Шри-Рамы, и унес ее в свое жилище на остров Цейлон; но обезьяна освободила пленницу из неволи и отвела ее

к супругу. С тех пор она приобрела славу героя. Много рассказывают о ее душевной силе и быстроте. Одним из самых ценных плодов — манго — люди также обязаны гульману, который украл его из сада великана. В наказание за кражу его приговорили к сожжению; кто приговорил, этого предание не указывает, но гульман погасил огонь и обжег себе при этом лицо и руки, которые так и остались черными. Таковы причины, заставившие браминов боготворить гульмана.

Уже много лет тому назад эту обезьяну наблюдали в ее отечестве, но именно поэтому мы позднее всего познакомились с ней. Полагали, что такое обыкновенное животное часто привозилось в Европу, а потому и не заботились о том, чтобы набить чучело гульмана и переслать в Европу. Кроме того, убить священное животное трудно или, вернее, опасно, так как одни только маратхи не почитают гульмана, а почти все остальные индийцы ухаживают за ним, охраняют и защищают его, как только могут. Европейец, осмелившийся напасть на неприкосновенное животное, должен опасаться за свою жизнь, если он единственный белый среди легковозбуждающейся толпы туземцев. Обезьяна эта считается священной. Одно индийское царственное семейство считает себя потомками этой обезьяны, и члены его носят титул «Хвостатый Рама», так как родоначальник фамилии, говорят они, был снабжен этим, для людей бесполезным, придатком. Португальский вице-король Индии Константин де Браганца достал обезьяний зуб из сокровищ одного цейлонского князя и вскоре к нему явилось особое посольство от короля Пегу, предложившее ему около 250 тысяч рублей золотом за эту драгоценность. Такой большой суммы, конечно, никто никогда не предлагал за зуб; тем более кажется удивительным, что европейцы не приняли этого предложения. Вице-король собрал своих советников, и они старались уговорить его принять эту значительную сумму; но один священнослужитель оказался против на том основании, что такой торг может укрепить туземцев в их суеверии; ревнителю благочестия удалось настоять на своем. В сущности это безразлично для нас, если бы таким образом не был уничтожен предмет, который мог иметь важное значение для истории индийской мифологии, а также и для естественной истории. По этому единственному зубу можно было бы определить, какой обезьяне он принадлежал.

И в настоящее время почитание священного животного таково, как было прежде. Индийцы позволяют бесстыдным животным спокойно грабить сады и обворовывать дома, не предпринимая ничего против них, и очень недовольны теми, кто решается обидеть обезьян. Тавернье рассказывает, что молодой голландец, недавно приехавший из Европы, убил выстрелом из окна одну обезьяну и среди туземцев поднялось такое волнение, что их едва удалось успокоить. Они тотчас же отказались служить этому голландцу, так как были твердо уверены, что чужестранец и они вме-

Семейство мартышковые

сте с ним должны погибнуть. Дювосель передает, что вначале ему было невозможно убить одну из этих обезьян, так как туземцы всегда мешали. Каждый раз, как только видели натуралиста с ружьем, они прогоняли обезьян, а один благочестивый брамин целый месяц стоял на страже в саду европейца, чтобы тотчас прогнать дорогих ему животных, лишь только чужестранец соберется охотиться за ними. Форбс уверяет, что в Дюбое число обезьян равняется числу людей. Обезьяны живут на крышах домов и совершенно невыносимы для чужестранца. Если житель города хочет отомстить за что-либо соседу, то он посыпает рисом и другим зерном крышу врага перед началом дождливого времени года, когда каждый домовладелец заботится о том, чтобы привести в порядок кровлю, чтобы она не протекала. Заметив рассыпанные зерна, обезьяны не только поедают то, что лежит сверху, но сдирают с крыши и черепицу, чтобы добраться до зерен, упавших в щели. Благодаря спешной работе в это время нельзя достать ни одного кровельщика, и таким образом внутренность дома остается открытой потокам дождя, которые и портят находящиеся в доме предметы.

Туземцы заботятся не только о здоровых, но и о больных обезьянах. Тавернье нашел в Ахмадабаде больницу, в которую помещали на излечение обезьян, быков, коров и т.д. Все балконы домов постоянно посыпаются для обезьян рисом, просом, финиками, плодами и сахарным тростником. Обезьяны так дерзки, что не только грабят сады, но в обеденное время проникают внутрь домов и берут пищу из рук людей. Миссионер Джон уверяет, что лишь благодаря постоянной бдительности он мог защитить от этих воров свое платье и другие вещи. Раз один факир перед палаткой Гюгеля созвал обезьян, но не дал им ничего поесть. Три самые старые обезьяны так злобно напали на него за это, что он едва мог отбиться от них палкой. Народ стоял при этом не на стороне факира, а на стороне обезьян и сильно ругал его за то, что он сначала обманул, а потом еще и поколотил священных животных. Очень вероятно, что почитание обезьян стоит в связи с верованием в переселение душ. Индийцы думают, что их души поселяются после смерти в тело этих обезьян.

Если оставить в стороне бесстыдство гульманов, то они красивые и привлекательные создания. Джон прямо говорит, что никогда не видел более красивых обезьян. Их дружелюбное отношение друг к другу, громадные прыжки пленяют каждого наблюдателя. С невероятным проворством они влезают с земли на вершины деревьев, снова кидаются оттуда вниз на землю, отламывают, точно шутя, толстые ветви, перепрыгивают на верхушки далеко стоящих деревьев и меньше чем в минуту переносятся, не касаясь земли, с одного конца сада на другой. Часто в несколько минут их собирается невероятное множество, потом вдруг исчезают, а минуты через две снова все на том же месте.

В молодости у обезьян круглая голова и они очень умны; гульманы хорошо умеют различать, что им вредно и что полезно, очень легко приручаются, но обнаруживают неудержимую страсть к воровству. С возрастом форма головы меняется, душевные способности слабеют. Голова становится более плоской, обезьяны приобретают более звериный вид, вместе с тем умственные способности падают, склонность к одиночеству уничтожает общительность, неуклюжая сила заменяет ловкость, так что старые обезьяны мало похожи на молодых.

Обыденное времяпрепровождение и общественная жизнь гульманов такие же, как и у других обезьян этой группы. В лесу, своем настоящем местожительстве, они составляют многочисленные стада под предводительством самца, одержавшего верх в упорных боях с соперниками*. Они странствуют по лесу, соседним полям и садам, грабя и истребляя больше, чем съедают, служа бичом для тех, кого обворовывают, и услаждая взоры благочестивых индусов и беспристрастных исследователей природы**.

Их размножение в благоприятных местностях, то есть там, где они стоят под защитой глупого поверья, так значительно, что может возбуждать беспокойство; в высоко лежащих местностях Верхней Индии они, как это доказано, скоро вымирают, если их туда ввезти: свежий горный воздух для них вреден. Блайт рассказывает, что местами полувзрослые или побежденные самцы изгоняются из стада обезьяньим султаном, заботливо охраняющим свои права на гарем, и бывают вынуждены составлять особые стада; от туземцев он слышал, что борьбе и дракам между самцами нет конца. Говорят, что священная индийская смоковница представляет любимое жилище гульмана. Рассказывают, что под тем же деревом живут ядовитые змеи, с которыми обезьяны находятся в постоянной вражде. В этом нет основания сомневаться, но тем более нет причин не доверять следующей невинной сказке, которую многие принимают за чистую монету. Говорят, будто гульманы, найдя спящую змею, хватают ее за шею около головы, спускаются вместе с нею на землю и до тех пор бьют головой о камни, пока не раздробят ее, и тогда, радуясь удаче, бросают извивающееся и корчащееся животное своим детенышам на потеху. Уверяют также, что на этих обезьян не действуют некоторые растительные яды: доза стрихнина, которая умертвила бы всякое другое животное такой же величины, не производит на них никакого действия.

О подвижности гульманов Жердон говорит следующее: «Они скачут с изумительной ловкостью с ветви на ветвь и в случае необходимости делают поистине поразительные прыжки. Я видел, как они перепрыгивали с дерева на дерево через промежутки в 20 и 30 футов, причем пролетали наискось вниз футов от 40—50. На четвереньках они тоже бегают замечательно быстро, делая по земле проворные прыжки». При этом гульманы, как сообщает

** Время от времени среди самцов гульманов вспыхивают сражения за право стать вожаком стаи. Новый вождь изгоняет из группы старого лидера (а также других самцов, ставших половозрелыми) и убивает всех детенышей от прежнего вожака. После потери потомства самки снова становятся готовыми к спариванию. Таким образом новый лидер закрепляет свое положение и обеспечивает наилучшие условия для своего потомства.*

*** За стаями гульманов нередко следуют группы оленей аксисов, кабанов, которые подбирают за обезьянами надкусанные и брошенные вниз плоды.*

**Семейство
мартышковые**

Блэндфорд, загибают свой длинный хвост на спину и вперед. По словам этого автора, они никогда не встречаются далеко от воды. «Их голос, — замечает он в другом месте, — громок и его часто можно слышать, особенно по утрам и вечерам. Два самых обыкновенных звука, издаваемых ими, — это звучный, радостный, почти благозвучный крик, известного рода радостное восклицание, с которым они кидаются между ветвями, и грубый гортанный звук, издаваемый при тревоге и раздражении. Этот последний хорошо известен охотникам на тигров, с которыми, то есть охотниками, обезьяны эти, по-видимому, находятся в постоянной дружбе. Безопасно укрывшись в воздушной высоте или переходя с дерева на дерево (если тигр крадется где-нибудь), обезьяна жестами и голосом указывает охотнику, где прячется в кустах и траве хищник. Нельзя без удивления наблюдать, как эти обезьяны даже в самых отдаленных и диких местностях, видимо, считают людей своими друзьями или по крайней мере союзниками против тигра. Однако охотники ошибочно полагают, что грубый гортанный звук всегда указывает на присутствие тигра или леопарда, так как гульманы не менее часто издают его и в том случае, когда бывают чем-нибудь удивлены. Я слышал этот звук даже тогда, когда обезьяны замечали убегающего оленя, и полагаю, что они так же не приветствовали бы и внезапно появившегося человека». В общем Блэндфорд говорит, что гульман спокойнее, менее любопытен и дерзок, а также менее задорен, чем макаки. В неволе старые обезьяны становятся нередко угрюмыми и злыми.

Гульман обнаруживает большую привязанность к своим детенышам. Дювосель рассказывал, что он подстрелил одну самку этого вида и при этом стал свидетелем поистине трогательной сцены. Бедное животное, раненное около сердца, несло на себе детеныша, оно собрало все силы, взяло детеныша, повесило его на ветвь и упало вниз мертвое. «Эта черта, — прибавляет наш автор, — произвела на меня более сильное впечатление, чем все рассказы браминов, и на этот раз удовольствие добыть такое прекрасное животное не могло заглушить во мне сожаление, что пришлось убить существо, которое перед самой смертью проявляло такое внушающее уважение чувство».

К рассматриваемому роду принадлежат и другие замечательные виды. Очень красив **чубатый тонкотел** (*Presbytis comata*)*, которого яванцы называют «буденг». Шерсть взрослого животного блестящего черного цвета, бархатистая на лице и руках, шелковистая на спине. Нижняя сторона тела, покрытая более редкими волосами, чем верхняя, представляет буроватый оттенок. Голова покрыта своеобразной шапкой волос, которые свешиваются надо лбом и торчат по бокам головы, на висках. Новорожденные детеныши золотисто-желтого цвета, и только кончики волос на нижней части спины, на верхней стороне хвоста и хвостовой кисти темные**. Но скоро черный цвет распространяется дальше, и

* Распространен в западной части о. Ява.

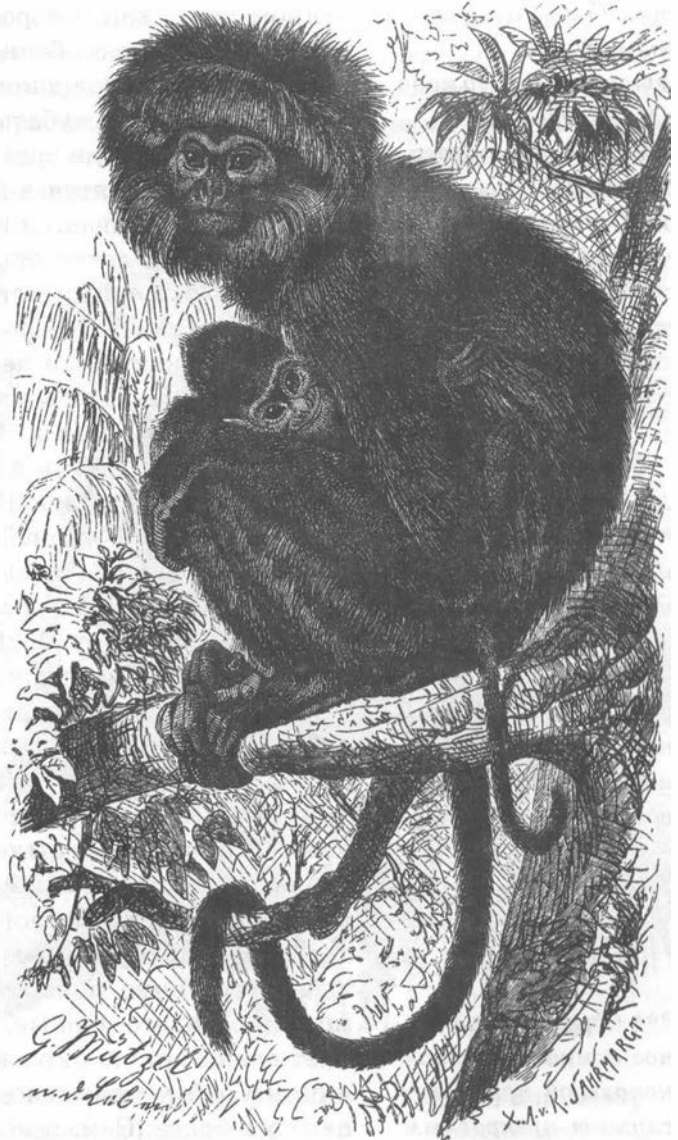
** Резкие различия в окраске шерсти детенышей и взрослых особей вообще характерны для представителей подсемейства тонкотелых обезьян. Например, у светло-серого гульмана детеныш рождается угольно-черным, у черных коlobусов младенцы белые.

через несколько месяцев руки, верхняя сторона головы и кисточки на хвосте становятся черными, затем шерсть детеныша все более и более начинает походить на шерсть взрослого животного. Вся длина этой красивой обезьяны достигает почти 1,5 метра, из которых хвост составляет более половины.

«Буденг, — говорит Горстфильд, — живет в большом числе в обширных лесах Явы. Его встречаешь большими обществами (до 50 особей) на вершинах деревьев. Интересно наблюдать такие стада на некотором расстоянии. При приближении человека они поднимают громкий крик и с ужасным шумом так неистово прыгают по ветвям, что часто отламывают толстые сухие ветви деревьев и бросают их в своих преследователей».

Там и сям на Яве чубатые тонкотелы живут в полудиком состоянии, пользуясь покровительством туземцев. «Я посетил, — рассказывает Ягор, — источники реки Прого, которая орошает провинцию Каду и впадает в Индийский океан. Прекрасный, чистый и очень многоводный источник вырывается из лавы, густо поросшей папоротниками; среди явайцев он пользуется большим почетом. Едва мы прибыли туда, как несколько буденгов спустились с деревьев и смело и доверчиво окружили нас. Мы накормили их маисом. Это поселение полуручных обезьян, по словам сопровождавшего меня старшины (это позднее не раз мне повторяли и другие туземцы), существует с древних времен, и число обезьян никогда не превышает пятнадцати. В этот день их было, правда, шестнадцать, так как одна старая самка имела детеныша, который висел у нее на брюхе и пугливо высывал голову. Но как только детеныш вырастет, его принудят оставить общество, если он сам будет не в состоянии выгнать другое, более слабое животное.

Эти обезьяны не терпят, чтобы их было более пятнадцати; так по крайней мере мне рассказывали все». Едва ли надо говорить, что указание туземцев было ложным. Как у большинства других обезьян, отдельных самцов прогоняют из стада, но едва ли это ведет к тому, чтобы число голов в стаде оставалось математически точ-

Чубатый тонкотел
(*Presbytis comata*)

Семейство МАРТЫШКОВЫЕ

* Носач обитает только в прибрежных мангровых лесах о. Калимантан (Борнео). Другой вид рода — одноцветный симиас (*N. concolor*) — эндемик архипелага Ментавай, к западу от Суматры. Для носачей — единственных из тонкотелых обезьян — характерны крупные седалищные мозоли.

** Стройное сложение характерно только для молодых особей, взрослые, особенно самцы, имеют бочкообразную грудную клетку и объемистый живот и весят до 24 кг.

*** Огромный полый нос самца — вторичнополовой признак, служит прекрасным резонатором. Он так велик, что при кормежке самцы отводят его в сторону рукой. Возможно, нос удлинился, а

но одним и тем же; этому противоречит и приведенное сообщение точного наблюдателя Горстфильда.

«Несмотря на почитание, которым обезьяны пользуются, туземцы все-таки охотятся за ними ради меха. На этих охотах, устраиваемых обыкновенно старшинами и происходящих под их руководством, животных убивают камнями из пращей и часто уничтожают в большом количестве. Туземцы умеют просто и хорошо выделывать шкуры обезьян и употребляют их в выделанном виде, как и европейцы, на чепраки и всякого рода военные украшения; особенно ценятся те шкуры, которые чисто-черного цвета и имеют длинные, шелковистые волосы».

В молодости чубатый тонкотел поедает нежные листья различных растений, в зрелом возрасте — дикие плоды, которые во множестве находятся в ненаселенных лесах его родины. Он, конечно, не отказывается и от животной пищи.

Один вид легко отличается от всех других обезьян по своему носу — это носач, или кахау (*Nasalis larvatus*)*. Это странное существо совершенно похоже на тонкотелых обезьян; но выдающийся карикатурный человеческий нос, который подвижен, как хобот, и может вытягиваться вперед или втягиваться обратно, придает ему нечто в высшей степени своеобразное. Тело носача тонкое**, хвост очень длинен, конечности почти равной длины, защечных мешков нет. Нос крючкообразно свешивается вниз над верхней губой; в средней части он довольно широк, на конце заострен и сверху снабжен легкой продольной бороздкой; ноздри очень велики и притом могут значительно расширяться. У молодых животных этот орган, представляющий такое замечательное строение, еще мал и притуплен и лишь у старых животных достигает значительной величины. По словам Бокка, он, однако, свойствен лишь старым самцам, но не самкам***. Шерсть у носача густая и мягкая; на темени волосы короткие и густые, по бокам лица и на затылке длиннее, вокруг шеи они образуют род воротника. На темени, затылке и в области плеч шерсть яркого бурокрасного цвета, на спине и верхней части боков бледно-желтого, на груди и верхней части брюха светлого красновато-желтого; в крестцовой области находится пятно серовато-белого цвета. Голые внутренние поверхности рук пепельно-серые, седалищные мозоли серовато-черные. Таким образом, и эта обезьяна представляет очень яркую окраску. Взрослые самцы кахау достигают величины 1,5 метра: тело их имеет в длину 0,7 метра, а хвост — немного более. Самки не достигают такого размера, но, как говорят, способны размножаться еще до окончания роста.

Кахау живет обществами на Борнео. О его жизни на воле мы знаем мало. Уэллес, имевший случай наблюдать нашу обезьяну в ее родных лесах, упоминает о ней лишь вскользь: «На берегах реки Симунион держалось очень много обезьян и между прочими замечательная носатая обезьяна, которая ростом с трехлет-

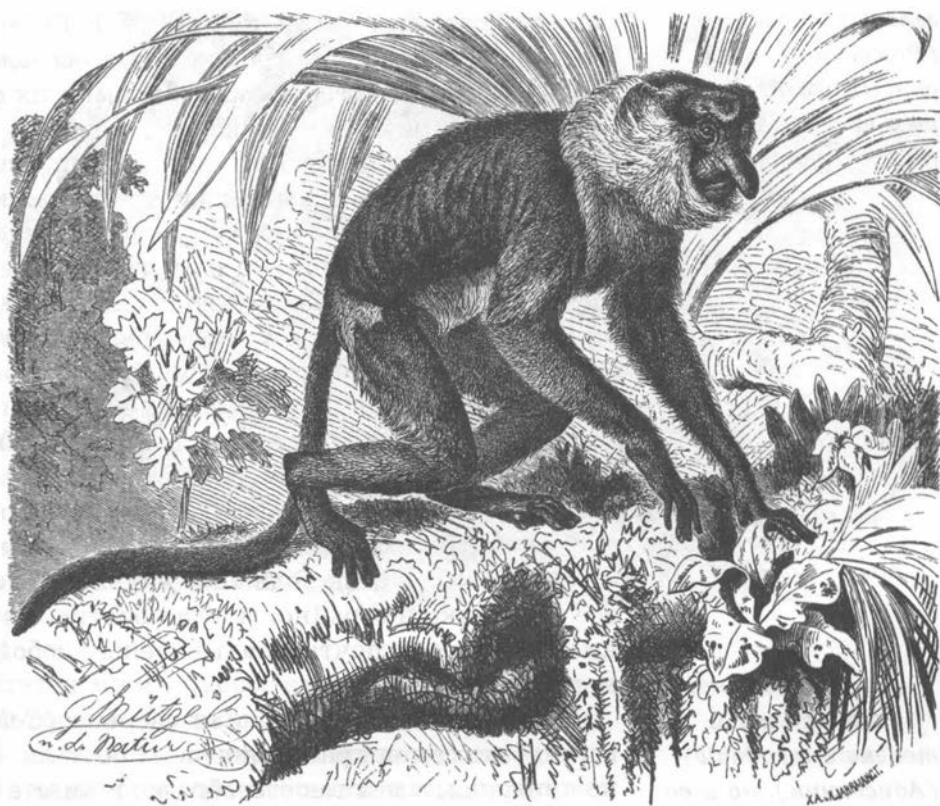
него ребенка и имеет очень длинный хвост и мясистый нос, более длинный, чем у самого носатого человека». Вурмб пишет приблизительно следующее: по утрам и по вечерам многочисленные стада носачей собираются на деревьях и у берегов реки и поднимают вой, который звучит очень сходно со словом «кахау»; благодаря этому крику животное и получило свое название. Они очень быстры и ловки и очень хорошо прыгают и лазают. Их душевные свойства малоизвестны, однако утверждают, что эти животные очень злобны, дики и коварны и не годны для приручения. Говорят, что, застигнутые врасплох, они прячутся на деревьях, но очень мужественно защищаются против нападения. Заявления туземцев, будто кахау во время прыжков закрывают нос руками, чтобы защитить его от неприятных столкновений с ветвями, кажутся не более чем шуткой. Неизвестно, чем питается

носатая обезьяна, но надо думать, что пища ее та же, что и у тонкотелых обезьян*. Говорят, что даяки ревностно охотятся за этими обезьянами ради мяса, которое, по их словам, очень вкусно. «Носатые обезьяны, — пишет мне Гаскарль, — которых привезли в ботанический сад в Бейтензорх на Яве в 1841 и 1842 годах и которые там содержались некоторое время, очень скоро умерли; впрочем, у них не было хорошего помещения, где они могли бы свободно двигаться».

Неизвестно, заключалась ли в этом единственная причина их смерти; во всяком случае данные Гаскарля доказывают, что можно некоторое время держать кахау в клетке.

То же подтверждает и Бокк в своих сообщениях о носачах: «Эти обезьяны живут в густых лесах по берегам рек, но никогда не встречаются большими стадами, а всегда по двое или трое и выбирают вершины высочайших деревьев. Их движения медленны, и их нелегко потревожить. Я вспоминаю, как однажды даяки

ноздри стали открываться вниз, а не вперед, когда предки этих обезьян перешли к жизни в затопляемых приливами лесах и возникла необходимость плавать и нырять.

Носач, или кахау
(*Nasalis larvatus*)

* Они питаются жесткой листвой мангрового дерева и цветами пальмы *Nipa fruticans*.

* Толстотелы, или колобусы (*Colobus*), — род, насчитывающий 10 видов. Нередко выделяют группы черно-белых колобусов (собственно *Colobus*), черно-красных колобусов (*Piliocolobus*) и зеленых колобусов (*Procolobus*). Брем описывает некоторых представителей первой группы.

** Обитает не только в Эфиопии (Абиссинии), но и во многих районах Центральной Африки, как и предполагал Брем. Нередко название «гвереча» распространяют на всех колобусов.

указали мне трех носатых обезьян, которые, находясь вне выстрела, грелись на солнце на очень высоком дереве. Даяки нарочно шумели, но обезьяны не обращали на это внимания, пока я не выстрелил в них, после чего они двумя большими прыжками скрылись в густой листве». Он говорит, что обыкновенно эти обезьяны спокойно убегают, делая хорошо размеренные прыжки с ветви на ветвь, по крайней мере футов по 20 каждый. «Они питаются дикими плодами и листьями и достигают значительной величины, часто такой же, как орангутанг. Из всех обезьян, может быть за исключением орангутанга, их труднее всегда держать в неволе. Прежде всего их трудно приучить питаться рисом; кроме того, в неволе они, по-видимому, хиреют, хотя и от природы не очень подвижны. Обезьяны кажутся крайне печальными, и я часто видел, что они долго оставались в одном положении, без малейших движений; даже если их дразнили, они не делали никаких гримас и не обнаруживали признаков гнева. В Бейтензорхе господин Тейсманне показывал мне трех носатых обезьян, которых он держал более двух лет; долгое время он кормил их свежими листьями, но постепенно приучил и к рису».

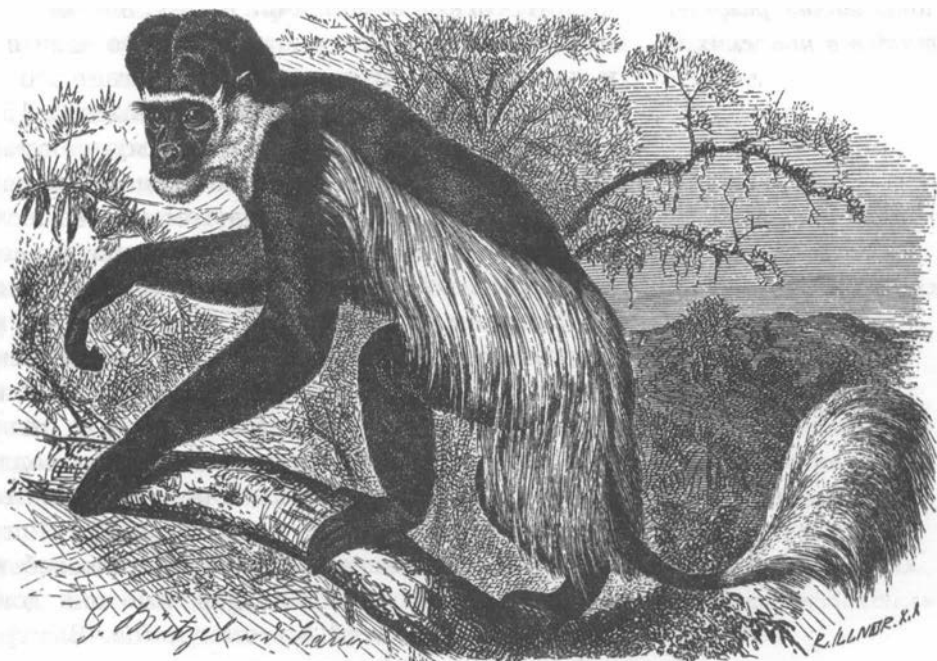
Африканские родичи тонкотелых азиатских обезьян, толстотелые обезьяны представляют тоже животных, резко бросающихся в глаза и отличающихся своеобразной окраской, странными, но красивыми гривами и другими особенностями, происходящими вследствие сильного волосяного покрова*. Точно так же, как Индия представляет более роскошную природу, чем сухая Африка, так и тонкотелые обезьяны светлее и ярче окрашены, чем толстотелые; я не хочу, впрочем, этим сказать, что последние менее красивы и приятны для нашего глаза. В общем отличительные признаки обеих групп очень незначительны. Толстотелые обезьяны отличаются от тонкотелых главным образом тем, что на передних руках у них кроме 4 развитых пальцев существует лишь зачаток большого пальца. Тело толстотелых обезьян все еще тонко и стройно, морда коротка, хвост очень длинен, тонкие конечности почти равные между собой по длине, защечных мешков нет.

Восточный колобус, или гвереча (*Colobus guereza*). На мой взгляд, это самая красивая из всех обезьян. Окраска ее чрезвычайно приятная, а мех так своеобразен и вместе с тем изящен, что едва ли можно сравнивать с ним мех какого-нибудь другого животного. Заслуга открытия этого удивительно красивого создания принадлежит известному немецкому путешественнику Рюппелю, который нашел его во время путешествия по Абиссинии**, и его название, употребляемое в стране, ввел в науку. Обезьяна эта была известна и раньше; уже Хиоб Лудольф упоминал о ней в своем очень ценном сочинении об Эфиопии, но к весьма недостаточному описанию он приложил еще более недостаточный и даже неверный рисунок; благодаря этому для ученых было невозможно при-

знать эту обезьяну за отдельный вид и изобразить ее. Другой путешественник, Сельт, упоминает тоже о гвереце, но и он дает неверное описание и изображение, составленное на основании рисунка Лудольфа и обрывков шкуры гверецы, которые случайно достались ему. Рюппель видел живую гверецу и потому мог лучше всех описать ее на основании собственных наблюдений. Позднее эту обезьяну наблюдали и другие естествоиспытатели. Я сам нашел у одного туземца на нижнем течении Белого Нила шкуру гверецы, которая служила ему кисетом; от него я узнал, что далее на юге эта обезьяна вовсе не редкость. Гейглин тоже часто наблюдал ее в Абиссинии и на Белом Ниле и собрал достоверные сведения о том, что гвереца встречается и в других областях Средней Африки; отсюда можно вывести, что область распространения этого животного гораздо обширнее, чем мы обыкновенно принимаем.

Гвереца поистине красивое животное. Тело ее прекрасного бархатисто-черного цвета, и на этом фоне великолепно выделяются белые части: полоска на лбу, виски, стороны шеи, подбородок, горло и пояс, а также кайма вокруг голых седаличных мозолей и конец хвоста. На каж-

дом белом волосе находится много бурых колец, благодаря чему мех кажется серебристо-серым. Грива, которую по-моему можно назвать поясом, перехватывающим бока, свешивается по обе стороны тела, как богатый плащ бедуина, и чрезвычайно украшает животное. Волосы этой гривы очень мягкие и тонкие и имеют значительную длину. Черный мех нижней стороны тела просвечивает местами через эту роскошную оторочку. Чистый черный цвет резко выделяется на ослепительно белом фоне, а темный цвет рук и лица так хорошо согласуется с этой окраской, что наша обезьяна вполне могла бы заслужить премию красоты. Несколько одежда гверецы эксцентрична, если можно так выразиться, настолько изящно и привлекательно все животное. Длина туловища равняется 0,7 м, длина хвоста без кисти — 0,75 м.

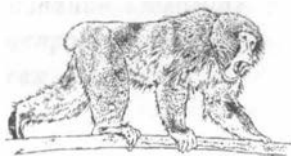
Восточный колобус,
или гвереца
(*Colobus guereza*)

** Оторочка из длинных волос по бокам тела, пышная кисть на конце хвоста выполняют роль «парашютов», позволяя колобусам достигать столь впечатляющих результатов в прыжках.*

Гвереца встречается, как сообщил мне Шимперт, начиная с 13 градуса северной широты во всей Абиссинии, чаще всего на высоте 2000—3000 м над уровнем моря. Здесь она живет маленькими обществами из 10—15 особей на высокоствольных деревьях, охотно селясь поблизости чистых горных текучих вод, часто около церквей, одиноко стоящих в тени священных деревьев. Один вид можжевельника, достигающий таких гигантских размеров, что наши ели и сосны показались бы перед ними карликами, по видимому, особенно привлекает гверецу, благодаря своим ягодам, которые кажутся вкусными и нам. Гвереца в высшей степени ловкое животное, движения которого отличаются поистине удивительной смелостью и верностью. Там, где гверецу не преследуют, она, по словам Гейглина, не пуглива и мужественно лает и пищит, согнув по-кошачьи спину, на того, кто ее потревожит. Преследуемая гвереца показывается во всей своей красоте. Красиво и легко, смело и рассчитано прыгает это удивительно нарядное животное с ветви на ветвь или с высоты 15 метров вниз, а белый плащ обвеивает ее тело подобно тому, как развеивается вокруг всадника бурнус бедуина, летящего на арабской лошади*. На землю гвереца спускается лишь в том случае, если преследователи настигают ее; в качестве настоящего древесного животного она находит все необходимое на своих любимых деревьях. Питается тем же, чем и прочие обезьяны, живущие на деревьях: почками, листьями, цветами, ягодами, плодами, насекомыми и т.п. В противоположность другим обезьянам гверецу туземцы считают безвредной главным образом потому, что она не трогает плантаций или по крайней мере никогда не производит в них больших опустошений. Возможно, что хорошему мнению о ней способствует и ее привычка селиться около церквей.

Охота за гверецей представляет особые трудности. На высоких вершинах любимых деревьев она довольно обезопасена от коварных посягательств охотников. Выстрел дробью может, конечно, ранить это очень живучее животное, но лишь редко удается добыть его этим способом. Чтобы действовать наверняка, охотник должен браться за винтовку; но это оружие было до сих пор, да и теперь еще остается, для туземцев вещью, с которой они не умеют обращаться. Хорошо, что дело находится в таком положении: с винтовкой в привычной руке абиссинец, может быть, истребил бы уже эту обезьяну. В прежнее время за гверецей охотились ревностно. Считалось особенным отличием иметь щит, украшенный шкурой этой обезьяны. Щиты абиссинцев и других восточноафриканских народов продолговато-круглые и состоят из кожи антилоп или бегемотов; эту кожу покрывали спинной и боковой частью шкуры гверецы, так что грива служила украшением щита.

В Гондаре, столице Абиссинии, за такую шкуру платили талер — сумму, за которую можно было купить 5—6 жирных овец.

В настоящее время это украшение сильно упало в цене; описанные выше щиты, к счастью, больше не употребляются: я говорю — к счастью, так как надеюсь, что благодаря этому прекрасное создание впредь не будет жертвой отвратительной страсти к истреблению, которую человек всюду проявляет.

Два вида этого рода называются **королевский колобус** (*Colobus polykomos*) и **черный колобус** (*Colobus satanas*)*. Первый вид, который справедливо носит название «медведеобразная обезьяна», отличается от гверцы отсутствием белой бороды, место которой занимает полоса длинных, клочковатых, грубых волос желтоватого цвета с примесью черного, а также более длинной шерстью на всем теле и белым хвостом. По величине и образу жизни он похож на гверцу, но живет в западной Африке и на острове Фернандо По. Туземцы часто предлагали Пехуель-Леше купить эту обезьяну; но так как предлагаемые экземпляры были уже слабы и болезненны, он их в Европу везти не решился.

Черный колобус, или сатана, также встречается чаще всего на Фернандо По; многие естествоиспытатели несправедливо считают его за разновидность предыдущей обезьяны.

В Африке живут не только самые большие и умные, равно как самые безобразные обезьяны Старого Света, но и самые красивые, приятные и милые обезьяны. К последним, бесспорно, принадлежит большая группа четвероруких, известная у нас под общим именем мартышек**. Мартышки чаще других обезьян встречаются в зоологических садах, даже в маленьких зверинцах, а иногда в виде домашних животных и у любителей.

Немцы их называют «морские кошки», и название это им дано еще в XVI столетии, когда их стали привозить из Гвинеи. Животные эти на кошек мало похожи и к морю никакого отношения не имеют. Встречаются в тропических странах Африки, но только на материке, а не на островах. В густых, дремучих лесах они обитают в большом количестве. Разные виды мартышек живут как на востоке, так и на западе Африки, а также в средней части материка; большая часть их привозится, однако, в Европу из западной Африки, а также из Абиссинии и верховьев Нила.

Мартышки отличаются красивой и стройной формой тела, тонкими конечностями, короткими руками с очень длинным большим пальцем, длинным хвостом без кисти на конце, большими защечными мешками и значительными седалищными наростами. Цвет шерсти большей частью довольно яркий, а у некоторых видов представляет красивую пестроту. Известно до двадцати видов этих обезьян***. На Ниле мартышки встречаются начиная от 16 градуса северной широты, и как на западе, так и на востоке живут у самого берега моря. Они предпочитают сырые леса на берегах рек, а в сухих горных лесах встречаются реже; около полей селятся они очень охотно. В Африке можно с увереннос-

* *Ареал первого охватывает дождевые леса Западной Африки (но не о. Фернандо-По), второй помимо о. Фернандо-По (ныне — о. Биоко) обитает в Габоне и Экваториальной Гвинеи.*

** *Очевидно, Брем называет мартышками всех древесных длиннохвостых обезьян Африки. В строгом смысле слова мартышки — представители рода *Cercopithecus*, но некоторых мартышек иногда выделяют в самостоятельные роды.*

*** *Описание образа жизни этих обезьян Брем дает, основываясь на наблюдениях хорошо знакомого ему широко распространенного вида — зеленой мартышки (*Cercopithecus (Chlorocebus) aethiops*).*

**Семейство
мартышковые**

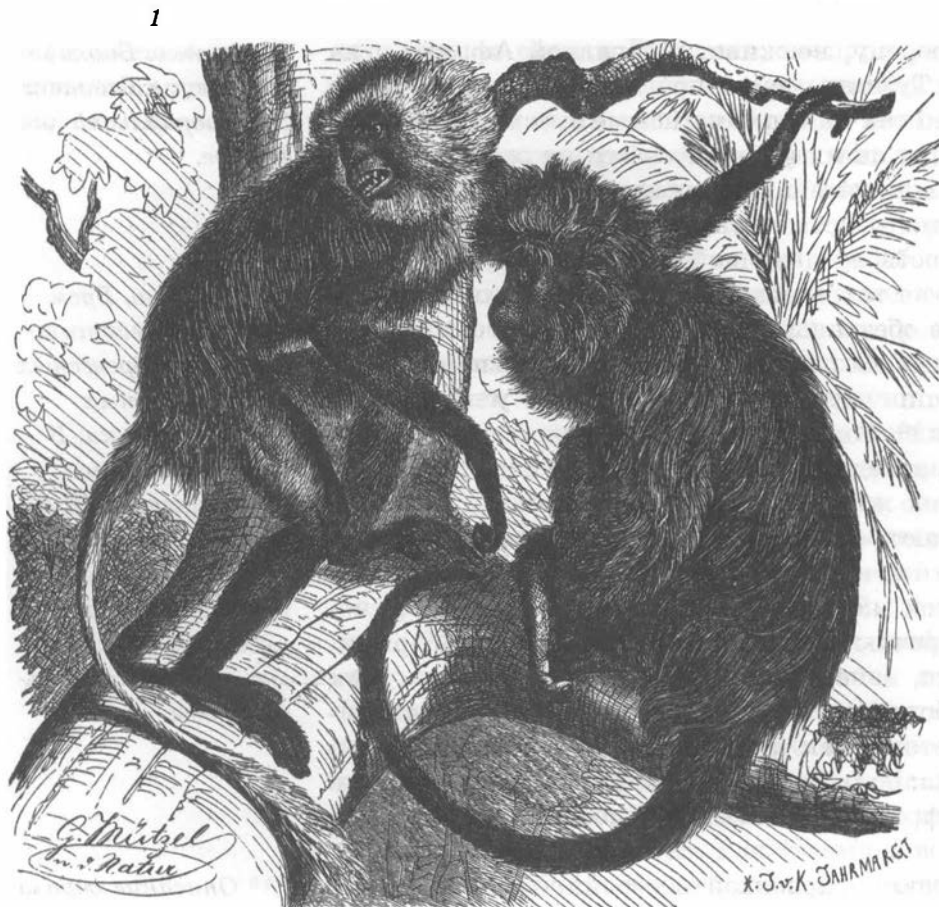
тью рассчитывать найти мартышек там, где встречаются попугаи, и наоборот, где есть попугаи, там водятся и мартышки.

Мартышки принадлежат к числу самых живых, веселых и, как сказано выше, приятных обезьян. Они почти всегда живут большими стадами, и отдельные семейства встречаются очень редко. Весело встретить в лесу стадо этих животных: глядя на них, можно вдоволь налюбоваться на крики и драку, ссоры и примирения, беготню и лазанье, грабеж и воровство, гримасы и самые удивительные гимнастические упражнения. Стадо образует отдельное общество, не признающее за собой другой власти, кроме той, которая принадлежит избранному вожаку. Право это основа-

но единственно на более острых зубах и сильнейших руках властелина. Мартышки не верят, чтобы существовала такая опасность, которой нельзя было бы избежать; во всяком положении они найдутся; нужды и недостатка пищи они не боятся и проводят жизнь в постоянной веселой суете. Основной чертой их характера следует считать соединение бесконечного легкомыслия с забавной серьезностью — свойства эти заметны во всех их поступках. Для них не существует недосыгаемой цели, слишком высокой вершины, недоступ-

ного сокровища, чужую собственность они не уважают. Поэтому неудивительно, что жители восточного Судана отзываются о них с безграничным презрением и негодованием, но для постороннего наблюдателя они все-таки очень забавны.

Шайку мартышек трудно не заметить в лесу; если даже не расслышишь крика вожака, то до уха путешественника легко донесется шум, производимый на деревьях прыгающими и бегающими обезьянами; а если и этого шума не уловишь, то можно

2

- 1 — Королевский
колобус
(*Colobus polykomos*)
2 — Черный колобус
(*Colobus satanas*)

увидеть животных, которые никогда не прячутся от людей, а спокойно сидят или скачут по веткам деревьев, а иногда ищут друг у друга блох и других паразитов. На землю они сходят только за пищей, большую же часть времени проводят на верхушках деревьев, переходя по веткам с одного на другое, причем не обращают внимания на иглы и колючки.

«В главных чертах, — пишет Пехуель-Леше, — мартышки ведут себя на свободе точно так же, как и у нас в зоологических садах, но некоторые черты их характера яснее выказываются на родине, и потому следует их отметить. Для наблюдения за мартышками удобнее всего леса западной Африки, где водятся несколько видов мартышек. Приближение стада этих обезьян узнаешь по шелесту зеленых ветвей и треску сломанных сухих сучьев, а также по легкому рычанию, часто прерываемому более громким голосом, обозначающим какую-нибудь ссору. Если стадо направляется к известной цели, то оно путешествует в большом порядке; при этом мартышки идут гуськом одна за другой, пробираясь по тем же веткам, по которым прошли предыдущие. Так как обезьяна ждет, чтобы тонкая ветка, по которой только что пробежала передняя обезьяна, пришла в спокойное состояние, то шествие происходит довольно медленно и одна обезьяна следует за другой на известном расстоянии, что облегчает наблюдателю возможность близко подкрасться к стаду.

Каждое стадо*, которое, по всем вероятностям, состоит из сильно размножившегося семейства, держится отдельно от других и находится под предводительством старого и опытного самца; самок я никогда в этой роли не видел. Вожак очень заботится о благосостоянии своих подчиненных, он идет всегда впереди, во время стоянки садится на верхушку дерева и озирается кругом; к воде сходит первый и издает различные звуки для призыва или предупреждения своих спутников. Звуки эти очень разнообразные, и опытный охотник скоро научается распознавать их значение, но описать их чрезвычайно трудно. Наиболее резким можно считать звук, который я никогда не слышал у обезьян в плену и который, вероятно, издается только вожаком; это очень громкий крик, представляющий нечто среднее между чавканьем и лаем и напоминающий иногда звук раскупориваемой бутылки шампанского. Крик этот, вероятно, выражает полное довольство, так как он издается почти всегда вечером, иногда после заката солнца, когда сытое и усталое стадо отыскало себе дерево для ночлега. Тогда можно видеть веселых скакунов спокойными: они сидят большей частью на сухих ветвях дерева и при лучах заходящего солнца почесывают друг друга или задумчиво смотрят с вышины на окружающую местность, как будто любясь ее красотой. Во время сна мартышки опираются о ствол дерева или толстый сучок, а также прислоняются друг к другу, так что образуют тесную кучу, что, конечно, делается для взаимного согревания. Когда ут-

** Обычно мартышки живут семейными группами по 6—30 особей, лишь изредка объединяясь в стаи до 200 животных. Семья может не иметь постоянного участка, а кочевать по «кольцевому маршруту» от одного плодоносящего дерева к другому. Нередко соединяются семейные группы разных видов мартышек, причем пищевая конкуренция бывает не очень велика из-за нюансов диеты каждого вида (скажем, более «листоядный» вид кооперируется с более «плодоядным»). С определенной выгодой для себя мартышки объединяются с птицами-носорогами, хорошо осведомленными о расположении и сроках плодоношения деревьев. На земле мартышки могут кормиться в компании с павианами, бородавочниками, лесными антилопами.*

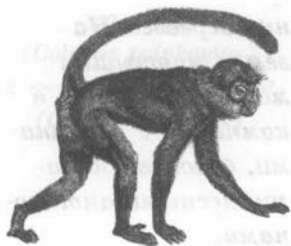

ром довольно свежо, то обезьяны очень долго сохраняют это положение и никак не решаются разойтись. Мне случалось по утрам находить сонные стада в подобной позе; животные сидели так тесно прижавшись друг к другу, что только по числу висящих хвостов можно было догадаться о количестве обезьян.

Мне несколько раз приходилось наблюдать такие исключительные собрания мартышек; туземцам явление это тоже знакомо, и они уверяют, что обезьяны в этих случаях собираются на сходку и о чем-то совещаются, причем отдельные стада собираются издалека; туземцы убеждены, что собрания эти происходят в известном порядке, как у людей. Иногда число обезьян бывает так велико, что они все не помещаются на одном дереве, а часть их садится на другие, близстоящие деревья. При обыкновенных обстоятельствах стада живут в лесу, каждое отдельно; если же два стада встретятся на каком-нибудь дереве с любимыми плодами, то начинаются ссоры с гневным криком и писком, а затем настоящая драка; при этом, однако, они не забывают во время прыжков и беготни, иногда вися в воздухе в самом опасном положении, срывать и пожирать вкусные плоды, из-за которых началась драка. Мартышки очень хорошо умеют пользоваться своим длинным хвостом во время бегства или нападения других обезьян: они плашмя прижимают хвост к сучку и таким образом на него опираются или для той же цели обвивают его крупной спиралью кругом ветви. Видно, что употребление хвоста очень важно для этих животных, чтобы крепко держаться на деревьях; однако цепким, как у американских обезьян, этот хвост назвать нельзя.

Мартышки воды не боятся: на берегу моря они во время отлива ловят крабов и ищут раковины, причем волны часто окатывают их, так что животные стряхивают с себя капли, когда вылезут на корни растущих у самого берега деревьев. Жители Куйлу и Бани единогласно утверждали, что мартышки плавают отлично и что целые стада этих обезьян иногда переплывают широкие реки. Этим можно объяснить, почему мы не нашли ни одной обезьяны на небольшом лесистом острове реки Куйлу, где за несколько недель перед тем находили их во множестве и удачно за ними охотились.

Кроме человека мартышки, кажется, признают своими врагами только леопардов и крокодилов. Мне случалось видеть отдельно сидящих мартышек, которые не пугались мимо летящих больших орлов. Но все наши ручные обезьяны, кроме молодого гориллы, который попал к нам из лесу еще очень неопытным детенышем, сильно боялись старой леопардовой шкуры, плохо набитой соломой и травой. К змеям мартышки относятся недоверчиво, но ужаса при виде их не выказывают, а собак вовсе не боятся; мы замечали даже обратное: когда наши храбрые овчарки получали корм и мартышки потихоньку приближались, что-

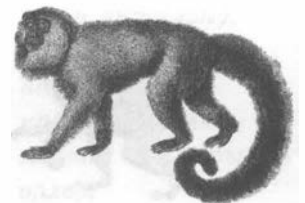

бы участвовать в угощении, то собаки удалялись и издали смотрели, как дерзкие обезьяны выбирали себе самые лакомые кусочки: псы по опыту знали, что с проворными обезьянами им не справиться.

На берегах рек я часто наблюдал следующее: если мартышка висит на конце длинной и гибкой ветки, далеко выдающейся над водой, и другие обезьяны проберутся на ту же ветку, отчего конец ее спустится к самой поверхности воды, то крайняя мартышка вскакивает и спасается на вышележащую часть ветви; боязнь воды этого действия объяснить нельзя, скорее следует думать, что обезьяна опасается крокодила, который, конечно, охотно схватит обезьяну, попавшуюся ему под пасть».

Весело смотреть на толпу обезьян, отправляющихся на грабеж. Нахальство, которое при этом они выказывают, забавляло меня настолько же сильно, насколько оно возмущало жителей восточного Судана, где я наблюдал эти набеги. Шайка отправляется к засеянному полю под предводительством вожака; самки несут детенышей под брюхом, причем эти последние для предосторожности обвивают кончик своего хвоста кругом хвоста матери. Сначала шайка продвигается вперед осторожно, стараясь шествовать по ветвям деревьев. Старый вожак идет впереди, остальные следуют за ним шаг за шагом, переходя не только на то же дерево, но даже на ту же ветку, по которой прошел старший. Вожак часто влезает на верхушку дерева и оттуда внимательно обозревает окрестность; если все благополучно, то он успокаивает стадо особым мурлыканьем, в противном случае, громким криком предупреждает об опасности. Приблизившись к полю, обезьяны сходят с деревьев и большими прыжками спешат к желанному месту; здесь начинается самая усиленная деятельность. Прежде всего мартышки стараются как можно скорее обеспечить себя пищей. Большое количество кукурузных початков и колосьев дурро наскоро вылуциваются, и мартышки набивают зернами, насколько возможно, свои защечные мешки. Когда эти кладовые наполнены, то шайка несколько смиряется, но вместе с тем делается разборчивее и притязательнее относительно пищи. Мартышка, сломив початок или колосок, тщательно его обнюхивает, и если добыча, что часто случается, ей не нравится, то она ее немедленно бросает. Можно считать, что из десяти сломанных колосьев съедается только один; в большинстве случаев лакомка выбирает из целого початка только несколько зерен. А остальное тут же бросает — вот почему так ненавидят мартышек туземцы.

Если на поле все спокойно, то матери позволяют детенышам отойти от себя и поиграть с другими маленькими обезьянами; однако строгий надзор самок над детенышами не прекращается ни на минуту, и каждая мать внимательно следит глазами за своим чадом, зато забота о безопасности всего стада предоставлена одному вожаку. Этот последний, даже во время самой вкусной

еды, встает иногда на ноги, как человек, и осматривает окрестность; тихое мурлыканье успокаивает стадо, если нет ничего подозрительного; в противном случае, издается громкий и дрожащий крик, который указывает на опасность. Тогда все стадо собирается в кучу, матери призывают детенышей и в несколько минут стадо готово к бегству; при этом, однако, все обезьяны спешат набрать столько корма, сколько могут унести с собой. Я несколько раз видал, как мартышки уносили с собой по пять больших кукурузных початков; при этом они брали два початка в правую переднюю руку и по одному в каждую из трех остальных, так что на ходу ступали початками кукурузы. При опасности им приходилось, конечно с кислой миной, расставаться с ношей, но последний початок обезьяна решалась бросить только в крайнем случае, когда враг слишком близко, так что для спасения необходимо живо действовать всеми четырьмя конечностями. Бегут они всегда к ближайшему дереву. Я заметил, что мартышки влезали на совершенно одинокие деревья, откуда им приходилось снова слезать, если я их преследовал. Но как только они попадают в настоящий лес, то могут считать себя в совершенной безопасности, так как лазают по деревьям не хуже гиббонов. Для них не существует никакого препятствия в лесу, их не останавливают ни страшные иглы, ни густой кустарник, ни далекое расстояние между деревьями. Большие прыжки совершаются с уверенностью, которая нас сильно поражает, потому что ни одно из наших европейских лазающих животных не способно к таким штукам. Они могут, действуя хвостом, как рулем, изменять направление скачка; промахнувшись на одной ветви, они хватаются за другую; с вершины бросаются вниз, на конец самой низшей ветви и, едва коснувшись ее, несутся дальше; с дерева скачут на землю; перескакивают с дерева на дерево, точно через ров; с быстротою стрелы поднимаются по стволам вверх и бегут все дальше и дальше. Вожак и тут постоянно впереди и своим выразительным мурлыканьем указывает стаду, как нужно бежать, тише или скорее. Обезьяны во время бегства никогда не обнаруживают страха и малодушия, напротив того, они выказывают при этом большое присутствие духа, так что можно без преувеличения сказать, что для них не существует опасности, которую бы они не могли избежать. Действительно, опасен для них только коварный человек со своим огнестрельным оружием; от хищных млекопитающих они спасаются легко, а в случае нужды умеют отразить и нападение хищной птицы.

Когда вождь убедится, что опасность миновала, он останавливается, быстро взбирается на верхушку дерева и, удостоверившись, что все обстоит благополучно, сзывает свое стадо успокоительными звуками. Обезьянам тогда предстоит важное занятие. Во время поспешного бегства они не могли охранять свою шкуру от колючек и шипов, которые вцеплялись в их мех и даже проникали через кожу; необходимо освободить друг друга от этих не-

приятных прицепок. Поэтому во время отдыха начинается тщательная чистка. Обезьяна ложится во всю длину на ветке, другая садится около нее и самым добросовестным образом исследует ее шкуру. Колючки и шипы вынимаются, и, кроме того, кожа очищается от паразитов; если таковые найдутся, обезьяны их жадно съедают. Но не всегда им удается хорошо вычистить свою шкуру: иногда колючки проникают в тело так глубоко, что другой обезьяне никак не удастся их вытащить.

Закончив чистку, мартышки возвращаются назад на то же поле и продолжают грабеж. Таким образом, жители тех стран никак не могут избавиться от нашествия обезьян, которые вредят им хуже саранчи. Не имея огнестрельного оружия, туземцы принуждены ограничиваться тем, что постоянно выгоняют со своих полей обезьян; но это, как мы видели, мало помогает, так как обезьян невозможно остановить никакими предохранительными мерами. Грабители эти не страшатся даже заклинаний жрецов и заговоров колдунов, между тем как в других случаях средства эти, по мнению африканцев, помогают постоянно; поэтому жители северо-восточной Африки и считают обезьян богопротивными и отверженными существами. Один мудрый шейх из восточного Судана говорил мне: «Поверь мне, господин, что обезьяны действительно богопротивные существа, так как они никогда не преклоняются перед словом посланника Божия. Все Божии твари уважают пророка — Аллах, да ниспошлет ему мир! — одни обезьяны презирают его. Если кто напишет на табличке изречение из Корана и вывесит его на поле, чтобы предохранить свои плоды от вреда, наносимого слонами, бегемотами и обезьянами, тот может легко убедиться, что только слоны уважают этот священный знак. Слон — благородное животное, а обезьяна — создание, обращенное гневом Аллаха из человека в чудовище; это сын, внук и правнук нечистого, точно так, как бегемот есть гнусный облик колдуна-оборотня». В восточном Судане за мартышками не охотятся, но ловят их сетями, под которые кладут лакомую приманку. Сеть опускают на обезьяну, когда она схватывает приманку, и животное так в ней запутывается, что не может освободиться, несмотря на свои яростные усилия. Мы, европейцы, стреляли их из ружей без труда, так как они обращаются в бегство только тогда, когда убьют нескольких обезьян; людей они боятся мало или вовсе не боятся. Я видел, что мартышки оставались совершенно спокойными, когда под деревьями, где они сидели, проходили пешеходы, всадники, мулы и верблюды, но при виде собаки они пугались и кричали.

Обезьяны на свободе мало терпят от хищных млекопитающих — их спасает ловкость; разве леопарду иногда удается поймать какую-нибудь неосторожную обезьяну.

От хищных птиц мартышки защищаются сообща. Один из самых смелых хищников их отечества, бесспорно, хохлатый орлан*. В этом я убедился однажды сам.

** Как известно, орланы питаются рыбой. Главным охотником на мартышек в Африке является венценосный орел, однако трудно предположить, что эта огромная мощная птица не справилась с мартышкой (известны случаи успешной охоты этого орла даже на павианов и антилоп). Скорее всего Брем наблюдал кого-нибудь из более мелких хохлатых орлов.*

** Инстинктивный страх, испытываемый многими людьми при виде змеи, нередко объясняют атавистическим чувством, доставшимся человеку в наследство от обезьян. На самом деле неизвестно, насколько обезьяны страдают от укусов древесных змей. Интересно, что широконосые обезьяны змей, по-видимому, не боятся.*

*** Молодые мартышки становятся независимыми от матери в полгода, половозрелость же наступает у них на пятом году (у самок) либо на шестом-седьмом году (у самцов). В неволе мартышки жили до 24 лет, рекорд продолжительности жизни — 31 год — принадлежит мартышке-диане.*

Охотясь в дремучем лесу, я услышал на дереве шелест, который производила эта хищная птица, и в ту же минуту раздался ужасный крик обезьян: орлан бросился на одну еще очень молодую, но уже самостоятельную обезьянку, схватил ее и хотел унести, чтобы спокойно съесть на стороне. Но это не удалось! Обезьяна, схваченная птицей, уцепилась всеми четырьмя конечностями за ветку с такой силой, что ее нельзя было оторвать, и при этом орала во всю мочь. За одну минуту собралось все стадо и орлан был окружен по крайней мере десятью обезьянами. С ужасными гримасами и отчаянными криками бросились они на птицу и схватили ее со всех сторон. Тут, очевидно, хищник перестал думать о добыче, а должен был позаботиться о собственном спасении, что было вовсе не так легко. Обезьяны крепко держали и, вероятно, задушили бы его, если бы птице не удалось наконец после многих усилий вырваться и улететь. В воздухе, однако, носилось много перьев из его хвоста и спины, что доказывало, что он не без труда освободился от мартышек. Следует думать, что этот орлан едва ли отважится вторично напасть на обезьян.

Из вышесказанного видно, что обезьяны мало боятся как хищных животных, так и человека. Но некоторые пресмыкающиеся и гады, особенно змеи, приводят их в ужас. Я забыл сказать, что обезьяны постоянно без всякой жалости разоряют птичьи гнезда и с жадностью пожирают не только яйца, но и птенцов. Однако, готовясь напасть на гнездо, устроенное в дупле, они действуют с большой осторожностью, так как знают, что змеи часто прячутся в подобных дуплах. Мне приходилось видеть, как обезьяны, нашедшие дупло, тщательно его исследовали: нет ли в нем змеи. Сначала обезьяна заглядывала внутрь дупла, насколько это возможно, затем внимательно прислушивалась, а если в дупле не слышалось ничего подозрительного, то осторожно запускала руку. Обезьяна никогда смело не засунет руки, а делает это очень медленно, осторожно, постоянно прислушиваясь и заглядывая в дыру, не покажется ли вдруг голова страшной для нее змеи*.

У мартышек, живущих на свободе, размножение происходит, по-видимому, во всякое время года. Круглый год встречаются в каждом стаде еще сосущие детеныши и подростки, уже не нуждающиеся в попечении матери. В зоологических садах и зверинцах Европы мартышки размножаются также довольно легко, но не так часто, как павианы и макаки**.

Во время моего продолжительного пребывания в Африке я часто держал у себя ручных обезьян, и между ними много мартышек; поэтому могу по личному опыту говорить о душевных способностях этих животных, которых внимательно наблюдать можно почти исключительно только в неволе. Я положительно утверждаю, что каждая из обезьян отличается особенными, индивидуальными свойствами характера, и потому наблюдения над пленными обезьянами очень интересны и поучительны.

Одна из самых известных из них — это **мартышка-диана**, или **бородатая мартышка** (*Cercopithecus diana*). Довольно маленькая стройная мартышка, которую легко узнать по длинным бакенам и бороде. Большая часть ее тела темно-серая; спина и крестец пурпурово-коричневые; нижние части тела белые, а задняя сторона бедер желтоватая. У самки бороды не бывает. Длина тела с хвостом один метр, но хвост занимает половину этой длины. Эта обезьяна, как и следующая, принадлежит к числу небольших и самых красивых мартышек.

На диану похожа **мартышка мона** (*Cercopithecus mona*), но у нее нет бороды. Лицо и конечности черного цвета; задняя часть головы, затылок и спина каштаново-бурого; верхняя часть головы темно-бурого, смешанного с зеленовато-желтым цветом; над глазами черная полоса, а над ней другая бледная полоса; борода желтовато-белая; шея, грудь, брюхо и внутренняя часть передних конечностей белого цвета. Длина туловища взрослого самца 55 см, а хвост 60 см. Диана и мона водятся в западной Африке.

Не все мартышки так милы и приятны, как вышеописанные виды; некоторые из них ворчливы и неприветливы. По моим наблюдениям, **мартышка-гусар** (*Erythrocebus patas*) принадлежит к числу скучнейших и диких мартышек; другие наблюдатели, может быть, и могут сказать о нем что-нибудь хорошее. По росту она на половину или по крайней мере на треть больше предыдущих видов. Лицо у нее черное, нос беловатый, бакенбарды белые, на голове у нее темно-красное пятно с темным ободком, верхняя часть тела глянцевого, ржаво-красного или золотисто-красного цвета; нижняя часть тела и внутренняя часть конечностей белые. Область распространения этой обезьяны простирается от западного берега Африки до Абиссинии. Я видел, сколько мне помнится, гусара только не-

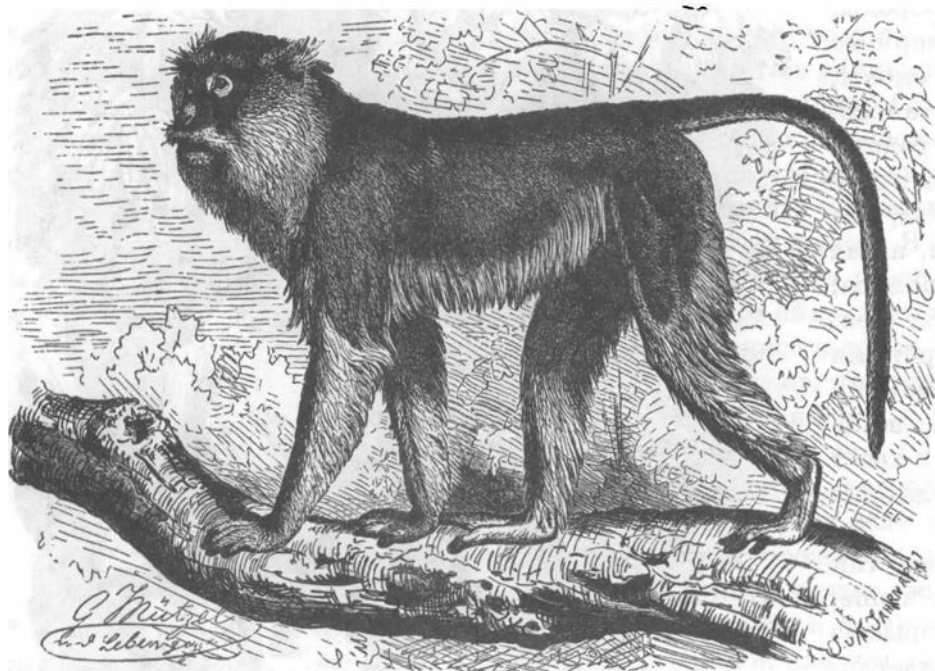

2

1 — Мартышка
мона
(*Cercopithecus mona*)
2 — Мартышка-
диана
(*Cercopithecus diana*)

Семейство мартышковые

* Название «гусар» обезьяна получила за яркую «накидку» из удлиненных волос на плечах и тонкие закрученные «усы».

Мартышка-гусар
(*Erythrocebus patas*)

сколько раз в лесах Голубого Нила, южнее Сенаара; Гейглин и Гартманн встречали его чаще, преимущественно в небольших степных рощах или в высокой траве, цвет которой несколько соответствует окраске его шерсти*. Выражение его лица ворчливо и очень нелюбезно, и поступки соответствуют этой внешности. Пока он молод, то все-таки несколько приветлив, в старости раздражительность его так усиливается, что сношения с ним делаются невозможными. Он относится недружелюбно ко всем другим существам, не исключая и прочих видов обезьян; во всех он видит врагов, все, по-видимому, ему надоедают, и самые невинные действия принимает он за обиды. Простой взгляд уже сердит его, а хохот приводит в сильную ярость. Тогда он широко открывает

рот и показывает свои относительно большие зубы, а если окажется возможным, то больно кусает врагов. Ласковые слова на него не действуют, а побои не только не улучшают, но еще более портят его нрав. Насколько помнится, я ни разу не видел действительно ручного старого гусара, а встречал только сердитых и злых обезьян этого вида.

Бородатый, черный, мангабей
(*Cercocebus ater-*

rimus) достигает довольно большой величины: туловище имеет 65 см длины, а хвост — 60 см; высота плеч — 40 см. Верхняя часть тела окрашена в совершенно черный цвет, который на животе и на внутренних сторонах конечностей переходит в темно-серый. Лицо и руки также черные, а верхние веки почти чисто-белые. В последнее время его довольно часто привозят в Европу с западного берега Африки. По своему образу жизни он похож на других мартышек, но, как мне кажется, от них отличается более суровым и ворчливым нравом.

Не часто привозят в Европу цейлонского макака (*Macaca sinica*).

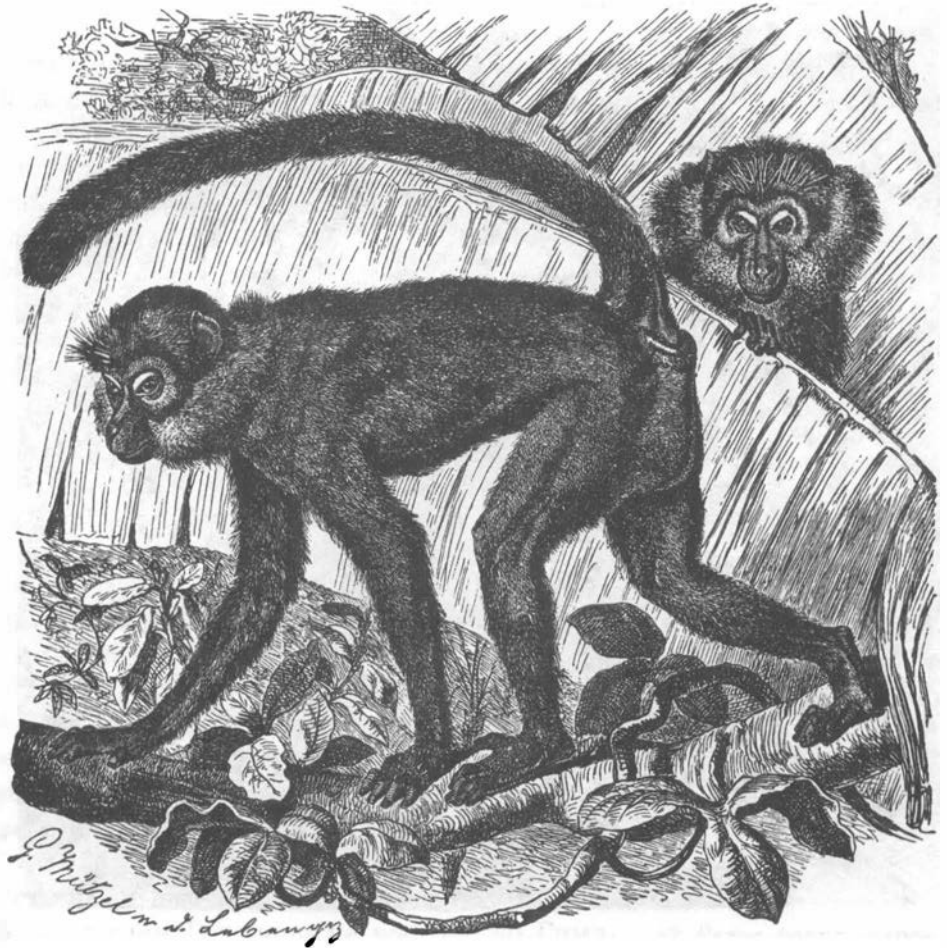
По величине он несколько меньше своих сродников: длина туловища редко больше 45 см, а хвост немного длиннее. Тулови-

ще довольно тонкое; плоская морда более вытянута, чем у макаков; волосы на голове расположены радиусообразно от темени; лоб почти голый; шерсть довольно короткая. Верхняя часть туловища блеклого зеленовато-серого цвета. Отдельные волосы серого цвета с черными и желтыми колечками. Нижняя часть тела беловатая. Руки и уши черноватого цвета.

Эта обезьяна живет, по Блэнфорду, в южной части Индостана на его западном берегу до Бомбея, а на восточном — только до

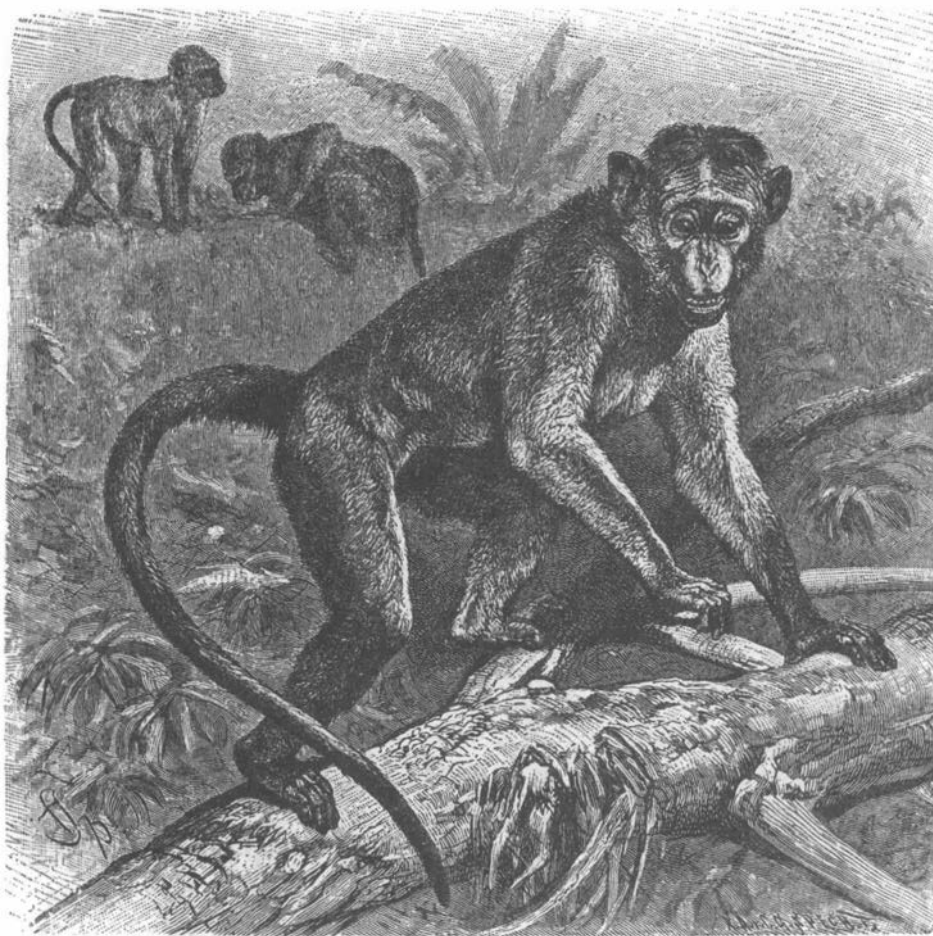
Годавери. Индусы считают ее за священное животное и не только позволяют ей распоряжаться в их садах, но строят для этой обезьяны отдельные храмы и разводят плодовые сады, чтобы высокопочитаемому ими животному жилось как можно лучше. Приписывают ли ему геройские подвиги, как гульману — это мне неизвестно. По нраву своему обезьяна — настоящий макак, точно так же непостоянна, как и другие животные этого рода. Расположение духа ее меняется каждую минуту без всякой видимой причины, так что никогда нельзя знать, чего она хочет; но веселость, живость, переимчивость и понятливость этой обезьяны делают из нее весьма приятного товарища и заставляют забывать не только его шалости, но и внешнее безобразие.

По нраву и привычкам, по способу передвижения и вообще по образу жизни обезьяна мало или вовсе не отличается от других макаков. Ее гримасы и другие движения кажутся более смешными вследствие особенной ее внешности, главным образом из-за странного пучка волос, который закрывает верхнюю часть лба.

Бородатый
(черный) мангабей
(*Cercopithecus aterrimus*)

На острове Цейлон водится обезьяна, свойственная только этой местности, очень похожая на нашу обезьяну. Ее едва ли можно считать отдельным видом; эту обезьяну очень любят как туземцы, так и европейцы, там живущие. Заклинатели змей и другие фокусники научают ее танцевать и разным другим искусствам. Одевают ее в пеструю одежду и ходят с ней от селения к селению и от города к городу, снискивая этим пропитание. Теннет, кото-

рый это рассказывает, прибавляет, что эта обезьяна легко привыкает к табачному дыму, что, по моему мнению, не представляет ничего удивительного, так как многие животные этого отряда очень любят табачный дым.

Макак-резус (*Macacus mulatta*), бундер у индийцев, считается, по мнению некоторых путешественников, в своем отечестве также священным животным. Блэнфорд, впрочем, недавно сообщил, что индийцы не считают эту обезьяну священной, но, однако, не охотятся за ней, и потому во многих местах резус точно так же назойлив, как и гульман;

Цейлонский макак
(*Macaca sinica*)

следует заметить, что при рассказах путешественников очень трудно добиться толку, о какой обезьяне идет речь.

«Вблизи Биндрабуна, обезьяньего леса, — говорит капитан Джонсон, — существует более сотни прекрасных садов, в которых разводятся всякие плодовые деревья исключительно для пользования бундеров, так как местные богачи считают своим долгом тратиться на содержание их. Когда я шел однажды по улице Биндрабуна, одна старая обезьяна следовала за мной по деревьям, затем внезапно соскочила вниз, стащила с меня чалму и убежала так далеко, что мой головной убор так и пропал. Другой раз я

прожил более месяца в этом городе, на берегу реки, в большом доме, принадлежавшем богатому индийцу; в доме не было дверей, и поэтому обезьяны беспрепятственно входили в мою комнату и на наших глазах уносили со стола хлеб и другие вещи. Еще смелее они грабили нас, когда мы спали, и я часто прикидывался спящим, чтобы наблюдать за ними. Нельзя было не удивляться их хитрости и ловкости: им было нипочем делать прыжки в четыре или восемь метров с одного дома на другой, иногда с одним и даже двумя детенышами, прицепившимися к ним на животе, да еще, кроме того, с награбленным хлебом, сахаром и другими предметами.

Каждый индус охотно платит эту подать и показывает этим такую степень сострадания и милосердия, что хотя они и кажутся нам несколько смешными, но все-таки заслуживают подражания. Я не вижу также ничего нелепого в том, что они защищают своих любимых животных от иностранцев; напротив того, такая защита животных людьми заслуживает полного уважения. Без сомнения, индусы идут в этом уже слишком далеко. Иностранцам очень трудно жить в этой местности, не став в неприязненное отношение с обезьянами. Почти невозможно в тех местах развести сад или плантацию: избалованные индусами бездельники уничтожают и грабят их самым бессовестным образом. Поставленные для защиты сада сторожа не помогают: пока они гонят незваных гостей с одной стороны, те появляются уже с другой. Огни, чучела и тому подобное нисколько не пугают обезьян, а за насилие, нанесенное им, можно поплатиться жизнью*.

Туловище резуса достигает от 50 до 60 см длины, а хвост — 25 см. Он крепкого приземистого телосложения; верхняя часть тела покрыта густой, а нижняя — редкой шерстью. На шее, груди и брюхе кожа отстает от тела и образует складки. Шерсть сверху зеленоватого или сероватого цвета, который на конечностях и около хвоста имеет желтоватый оттенок. Нижняя часть тела белая; хвост сверху зеленоватый, снизу серый. Лицо, уши и кисти рук светлого медно-красного цвета. Седалищные наросты ярко-красные. У самки хвост обыкновенно опущен, а у самца загнут дугой кверху. Резус часто встречается в Индии, севернее Бомбея и Гуджарата на западе и от реки Годавари на востоке до Гималайских гор. В Кашемире он встречается, по Блэнфорду, до 2000 метров над поверхностью моря. Около Симлы эта обезьяна водится, вероятно, еще выше: в Непале и Сиккиме — в более низких местах; следует предполагать, что она живет и в Ассаме, и в Бирме**.

«Я видел этих обезьян, — говорит Гуттон, — в феврале около Симлы, когда вся земля была покрыта снегом, преспокойно ночевавших на деревьях и не обращающих никакого внимания на холод. Вообще зима им не страшна, и мне даже показалось, что в местностях около Симлы зимой они встречаются чаще, чем

** Популяции у населенных пунктов состоят из более агрессивных и «предприимчивых» животных, «городские» обезьяны доминируют над «лесными» в смешанных группах.*

*** Резус распространен от пустынь восточного Афганистана, через север Индии и Бирму до лесов Индокитая, Южного Китая, северного Таиланда. В Гималаях встречается до высоты 2500 м.*

Семейство мартышковые

* *Скорее всего Хуттон наблюдал другой вид макаков — горного резуса (M. assamensis).*

** *Резус — классическое лабораторное животное, прославившееся тем, что на его примере впервые был показан резус-фактор крови. Эти макаки неоднократно летали в космос. Как и большинство макаков, прекрасно приручается и привыкает к человеку, по сравнению с другими видами более вынослив и неприхотлив.*

*** *Крупный макак с удлинёнными челюстями. Самки весят 4,5 кг, массивные самцы — до 9 кг. Для самцов характерны треугольная черная «шапочка», светлые надбровья, пышные желтоватые бакенбарды, короткая борода.*

в жаркое лето. Я их видел скачущих и играющих на хвойных деревьях, ветки которых были покрыты снегом, и встречал их на высоте до 3000 метров даже осенью, когда ночью бывали сильные морозы*. Однако в тех странах, где живет резус, замечали, что при приближении зимы он спускается с гор в равнины. В Бенгалии водится в густых бамбуковых рощах, особенно в таких, которые находятся на берегах ручьев. Обезьяна очень любит воду, прекрасно плавает и при преследовании, не задумываясь, бросается в реку и, нырнув на довольно большое расстояние, вплавь спасается от врага».

Резусов встречают довольно большими стадами особенно вблизи воды. Его пища состоит из плодов, семян и насекомых. Он часто спускается на землю в поисках корма. Обезьяны живут очень недружно между собой, дерутся, кусаются и немилосердно кричат.

Резус — сердитая, раздражительная и задорная обезьяна, которая только в молодости несколько привязывается к тем, кто за ней ухаживает; во взрослом состоянии она не умеет уживаться ни с другими обезьянами, ни с людьми.

При хорошем уходе резус размножается в неволе, и это происходит довольно регулярно. В зоологическом саду Нилля живет семейство резусов, у самок которых ежегодно рождается по детенышу. Рождение происходит постоянно в мае и июне, а период беременности не определен с точностью**. Обезьяны остаются в летних помещениях под открытым небом до первого снега.

Свинохвостый макак, или лапундер (*Macaca nemestrina*), отличается от других обезьян этой породы главным образом коротким, тонким хвостом и длинными конечностями. Название он получил по хвосту, который тем похож на свиной, что точно так же загнут закорючкой. Волосы на верхней части тела густые и длинные, на нижней — довольно редкие; цвет шерсти сверху темный оливково-бурый; каждый волосок имеет оливковые, зеленоватые, желтоватые и черные колечки, на плечевой части руки цвет шерсти бледно-желтый, на нижней части тела — желтоватый или светло-бурый, а на нижней стороне хвоста — светло-ржаво-бурый. Лицо, уши, руки и седалищные наросты грязно-мясного цвета, верхние веки беловатые, глаза коричневые. На теле волосы расположены лучистым образом. Высота спины этой обезьяны 50 см, длина туловища 60 см, а хвоста 15—20 см***.

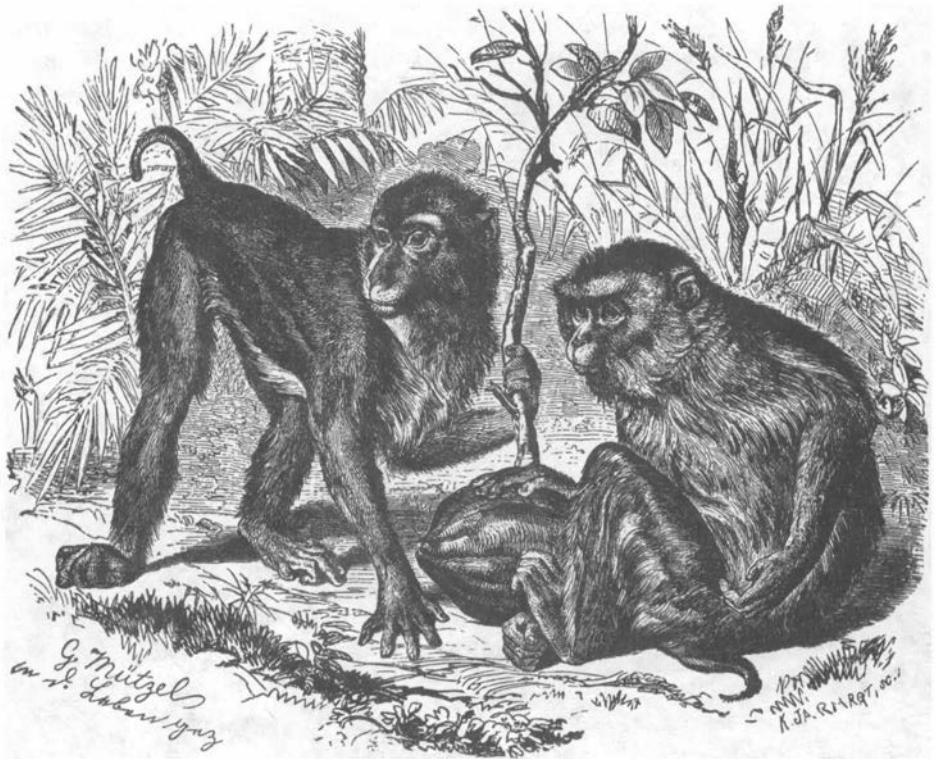
Лапундер живет в первобытных лесах Суматры, Борнео и южной Бирмы, на полуострове Малакка до Тенассерима, где, впрочем, он уже довольно редок; на деревьях обезьяна эта встречается реже, чем на земле и на скалах. Фейр говорит, что встречал лапундера в гористых местностях. Подробных описаний его жизни на свободе еще пока нет, по крайней мере они мне неизвестны; но можно с уверенностью сказать, что лапундер на своей родине довольно распространен, так как встречается довольно часто у тор-

говцев зверями. Рассказывают, что малайцы, которые называют его «бру», держат его в ручном состоянии и приучают к разным услугам, например к срыванию кокосовых орехов с деревьев, причем, говорят, лапундер показывает не только большую ловкость, но и толковость, именно отличает спелые орехи от неспелых и сбрасывает вниз только спелые.

«Однажды, — рассказывает Бокк о своем пребывании на Суматре, — мне встретился малаец, который вел за собой большую обезьяну на веревке длиной по крайней мере в 50 футов. Я спросил малайца, не приучена ли обезьяна к каким-нибудь фокусам, и обещал дать несколько центов за представление; малаец сказал обезьяне несколько слов на своем языке, и та тотчас же полезла на близстоящее высокое кокосовое дерево. Здесь она ощупала и осмотрела несколько орехов, пока не нашла спелый, который сорвала и бросила вниз. Таким образом она исследовала множество орехов и бросала вниз все спелые, что продолжалось до тех пор, пока хозяин не дал знак, что довольно, и тогда она спустилась вниз. Мне потом сказали, что этот малаец ходит от одной деревни к другой и промышляет на пропитание, пользуясь искусством обезьяны срывать с деревьев спелые кокосовые орехи. Впоследствии я узнал, что обезьяны, приученные к этому делу, вовсе не редкость».

Несмотря на свою величину, лапундер очень ловок и подвижен, хотя в искусстве лазанья уступает гиббонам, мартышкам и некоторым мелким обезьянам. По природе он добродушен и, кажется, сохраняет это свойство даже в старости. Впрочем, я встречал многих взрослых лапундеров, с которыми нельзя было шутить; это были старые, угрюмые самцы.

Наиболее известный и важнейший вид макаков — магот, или варварийский макак (*Macaca sylvanus*), единственная обе-

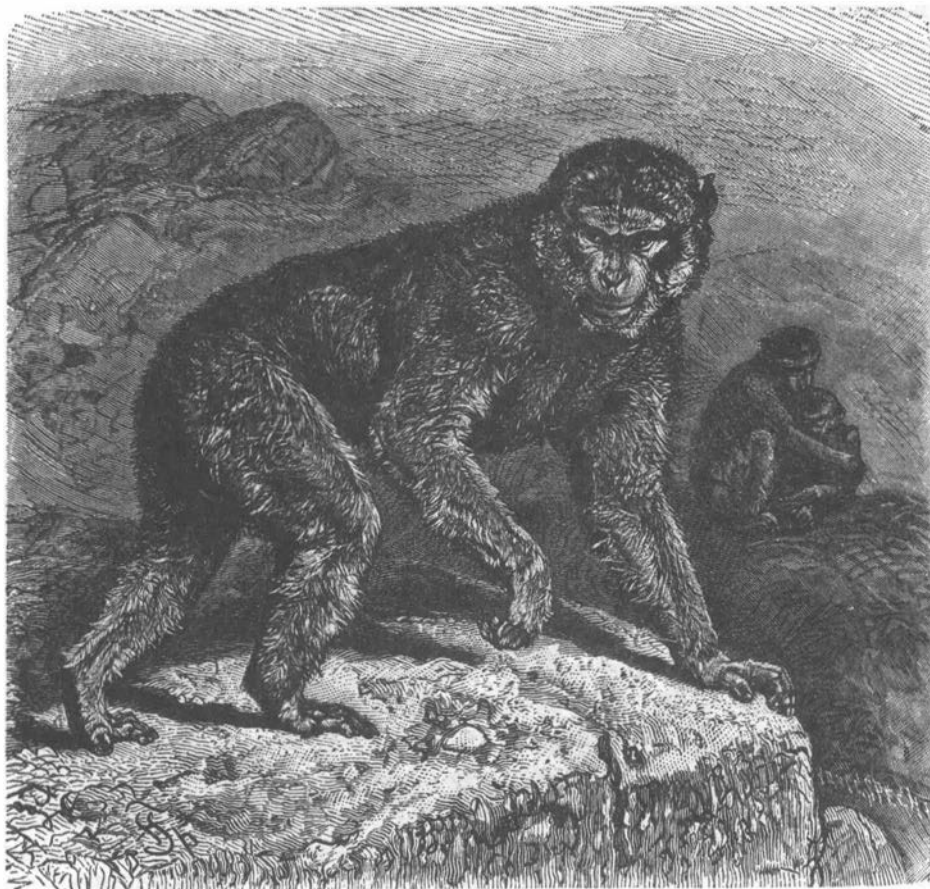

Свинохвостый
макак, или лапундер
(*Macaca nemestrina*)

**Семейство
мартышковые**

* Единственный вид
макаков, живущий
за пределами Азии.

зьяна, встречающаяся в Европе на свободе*. Магот отличается стройным телосложением, длинными, тонкими конечностями, мехом, который на спине довольно густ, а на животе редок, и густыми бакенбардами. Морщинистое лицо, уши, руки и ноги телесного цвета, пятки бледно-красные, шерсть красновато-оливковая; волосы, составляющие ее, в основании темного цвета, а на конце красноватые. У старых животных волосы и на конце черные, отчего вся шерсть получает темную окраску. Нижняя часть тела и внутренняя сторона конечностей более светлого желтовато-серого или беловатого цвета. Длина тела около 55 см, а высота спины 45—50 см.

**Варварийский
макак, или магот
(*Macaca sylvanus*)**

Не подлежит сомнению, что эта обезьяна была известна древним грекам и первая была привезена в Европу. Плиний про нее рассказывает, что она очень переимчива, научается играть в шашки, умеет отличить картину от действительности, любит, чтобы с ней занимались и размножается в домашнем состоянии. Из позднейших писателей Лев Африканский сообщил, что эта обезьяна живет в мавританских лесах и на горах около Бугира, что она не только руками и ногами, но и лицом похожа на человека

и от природы удивительно понятлива и умна. Тот же писатель говорил, что магот питается травами и зернами, нападает целыми стадами на хлебные поля, ставит на краю их часовых, которые при опасности предостерегают других криком, и что тогда все стадо спасается бегством, прыгая большими скачками на деревья, причем и самки прыгают вместе с другими, держа детенышей на груди. «Обезьяны эти, — продолжает он, — очень понятливы, и их можно многому научить, а некоторые из них настоящие артисты, но они опасны тем, что очень раздражительны и кусаются». Со

времен древних греков и римлян и до настоящего времени магот всегда пользовался со стороны людей большим вниманием. Обезьяна постоянно вместе с медведями и верблюдами встречалась у вожаков, которые в прежние времена ходили по деревьям и забавляли народ своими представлениями. В последнее время обычно этот стал исчезать. Среди шарманщиков и фокусников магот пользовался всегда большим почетом не только из-за понятливости, но и вследствие особенности строения тела. Недавно мне объяснили, что для участия в представлениях очень важно, чтобы обезьяна или вовсе не имела хвоста, или имела бы хвост по возможности короткий и мягкий, потому что при одевании обезьян он создает большие затруднения. Вот почему у шарманщиков мандрил предпочитается всем павианам, а бундер и магот — макакам. «Его стройная фигура, — говорит Брукман, — значительно облегчает одевание; платье на нем всегда хорошо сидит; хвоста вовсе не видно, когда он появляется на сцене. Учится легко и хорошо помнит, чему научился; вследствие этого его предпочитают для представлений всем обезьянам. При хорошем уходе и разумном обращении магот даже в старости остается кротким и добродушным; если его колотят, то делается хитрым и злым». Рейхенбах говорит, что магот годится только для простых ролей. Вся его фигура указывает на хитрость, обдуманность и решительность характера. Широкое лицо выражает упорство, а широкая голова показывает добродушие. Маленькие глаза глядят лукаво, а низкий лоб — признак ограниченных умственных способностей. Вследствие этого фокусы его довольно однообразны: он одевается и раздевается, снимает шляпу, кланяется, ездит верхом на других животных, качается и ходит по канату, ловит брошенные орехи, ест и пьет из посуды. Брукман, знаток этого дела, не согласен с вышеизложенным мнением Рейхенбаха. Он удостоверяет, что между маготами встречаются самые лучшие артисты, которые достигают высшей степени искусства.

Родина магота — северо-западная Африка, Марокко, Алжир и Тунис. Рюпель утверждает, что он часто встречается в оазисах, лежащих на западе от Египта и оттуда вывозится во множестве в Александрию и Каир. Но я не ручаюсь за верность этого сведения, так как встречал их в Египте в гораздо меньшем количестве, нежели виды, населяющие центральную Африку*. Насколько нам известно, он живет на своей родине большими стадами, под руководством старого, опытного самца. Магот очень умен и хитер, лукав, ловок, проворен и силен и при случае отлично умеет защищаться своими хорошо развитыми зубами. При каждом сильном возбуждении он так искажает лицо, как никакая другая обезьяна, быстро двигает по всем направлениям губами и громко стучит зубами. Лишь при сильном испуге он издает громкий, короткий крик; желание, радость, отвращение, досаду и злобу выражает гримасами и щелканьем зубов. Когда сердится, то бы-

** Естественный ареал маготов — горы Атласа в пределах Марокко и Алжира, в Тунисе, видимо, вымер, восточнее вряд ли встречался. Предпочитает хвойные и листопадные леса в скалистых ущельях или на холмах, встречается до высот 2000 м. Природная популяция оценивается в 30 тыс. особей. Как этот макак оказался в Северной Африке, так далеко от мест обитания других видов рода, — неясно. Возможно, до образования пояса пустынь макаки имели сплошной ареал от Пиренеев и Атласа, через Переднюю Азию и Иран до мест современного обитания в Азии.*

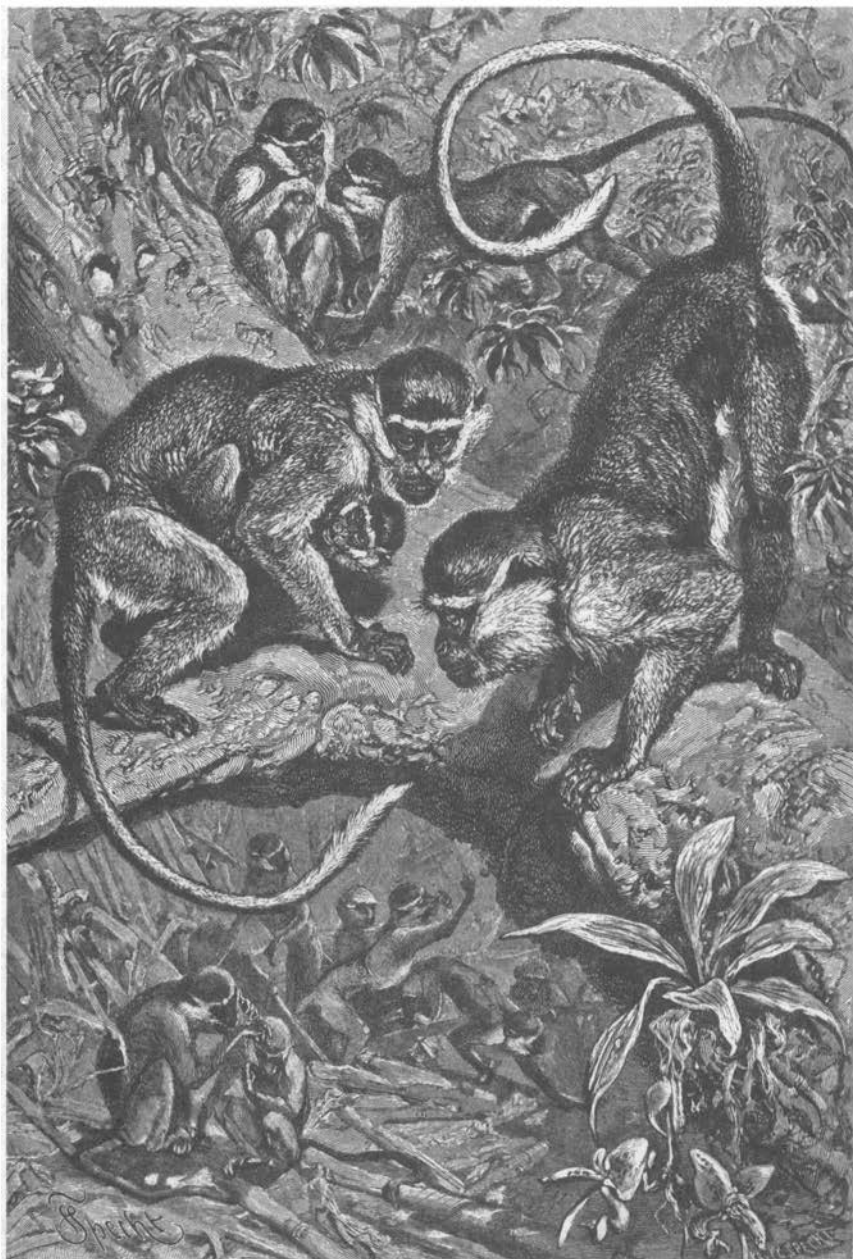
стро двигает вверх и вниз морщинистым лбом, вытягивает морду и так сжимает губы, что рот образует маленькое, круглое отверстие. На свободе магот живет в горных местностях, на скалистых утесах, но и на деревьях чувствует себя как дома. Говорят, что он, как павиан, пожирает насекомых и червей, почему постоянно перекатывает камни и иногда даже скатывает их с гор, что опасно, если производится с крутых косогоров. Скорпион, как утверждают, его любимая пища; он ловко вырывает ядовитое жало и затем лакомится им с большой жадностью. Но довольствуется и небольшими насекомыми и червями, и чем мельче его добыча, тем прилежнее он охотится и тем жаднее ее съедает. Пойманное насекомое тщательно поднимает с земли, рассматривает и с одобрительной гримасой тотчас же пожирает.

Странно и даже не совсем понятно, почему у европейских торговцев зверями магот считается редкостью и только иногда несколько экземпляров этих обезьян предлагаются на продажу. По этой же причине он встречается в зоологических садах только в немногих экземплярах и, к великому огорчению всех странствующих артистов, его трудно достать для обезьяньих театров. Этих обезьян привозят нам обыкновенно из Марокко, но, кажется, ловлей, приручением и продажей их теперь занимаются гораздо меньше, чем прежде.

Магот — единственная обезьяна, встречающаяся до сих пор в диком состоянии в Европе. Во время моего пребывания на юге Испании (1856) я, к сожалению, не мог узнать ничего точного и обстоятельного о стаде обезьян, живущих на скалах Гибралтара. Как мне рассказывали, стадо это еще довольно многочисленно, но видеть его можно очень редко. Сами испанцы не могут определить: местного происхождения эти животные или были перевезены из Африки? Часто наблюдали в подозрную трубу за тем, как эти обезьяны, разыскивая пищу, передвигали камни и скатывали их с гор. В садах они появляются очень редко. Поэтому достойны внимания сведения об этих обезьянах, собранные А. Смитом на месте. Прежде всего он сообщает, что присутствие обезьян в Европе долго подлежало сомнению, принималось за глупую сказку и отрицалось даже одним капитаном корабля, часто бывавшим в Гибралтаре, так что, как уверяет Смит, он сам стал сомневаться в существовании обезьян в Европе. Но однажды, поднявшись на вершину скалы, где находилась мачта с флагом, чтобы полюбоваться великолепным видом, он узнал истину. Сторож, стоящий при флаге, случайно сообщил ему, что теперь обезьяны заняты переселением. Наш автор немедленно собрал тщательные сведения, и благодаря ему мы узнали следующее: «Обезьяны живут на этой скале с незапамятных времен, но когда и как они переместились через море — трудно определить. Предание мавров, будто у обезьян до сих пор существует под проливом подземный ход, соединяющий Гибралтар с Марокко, по которому они прихо-

дят и уходят, слишком уж сказочно. Верно только то, что обезьяны действительно живут на Гибралтаре, хотя численность их в последнее время сильно убавилась, несколько лет сряду встретились всего четыре обезьяны. Они показываются редко и с переменной ветра меняют местопребывание. По своей нежной натуре они боятся всякого изменения погоды, перемены западного ветра на восточный и наоборот, причем стараются от него защититься, притаившись за скалами. Они очень живы и охотнее всего избирают местом жительства утесистые обрывы, где они беспрепятственно завладевают многочисленными пещерами и расселинами, находящимися в рыхлых скалах. Должно быть им нетрудно добывать пищу, так как имеют сытый вид. Расселины скал покрыты роскошной растительностью, листья и плоды которой служат обезьянам пищей; но особенно они любят сладкие корни карликовой пальмы, растущей там в изобилии. Для разнообразия едят жуков и других насекомых. Говорят (за справедливость этого я не могу ручаться), что маготы иногда спускаются со скал и грабят городские сады, когда спелые плоды настолько прельщают их, что жадность преодолевает любовь к уединению. Их считают чрезвычайно трусливыми и говорят, что они при малейшем шорохе убегают. Рассказчик мой опроверг это и в доказательство своих слов указывал на некоторые скалы, с которых обезьяны еще утром того же дня смотрели на него, не пугаясь ни

Зеленая мартышка
(*Cercopithecus aethiops*)

цвета его английского мундира, ни его строгого взгляда. Довольно долгое время они оставались на расстоянии 30 или 40 локтей от бруствера, к которому он прислонился, и потом спокойно удалились. Так как их никто не преследует, а, наоборот, ограждают от всякого беспокойства, то их уединение и редкое появление можно объяснить только прирожденной дикостью и робостью. Я не мог узнать, с которых пор оказывается им такое покровительство; вероятно, это началось с того времени, когда Гибралтар попал во владение англичан. С 1855 года квартирмейстер не только взял их под свою особенную защиту, но даже тщательно записывал каждое их появление и число экземпляров. По этой записи видно, что они появлялись в среднем один раз в каждые десять дней, иногда немного чаще; что летом, так же как и зимой, они переселялись всякий раз с целью избежать ветра; наконец, в 1856 году их было еще десять, но постепенно число особей уменьшилось до четырех. К сожалению, надо ожидать их полного исчезновения, так как эти четыре обезьяны принадлежат к одному полу. Неужели из многих английских офицеров в Гибралтаре не найдется ни одного, который взялся бы перевезти несколько обезьян с противоположного берберийского берега, что легко исполнить, так как сообщение между берегами происходит еженедельно довольно регулярно? Неужели никто не купит полдюжины этих животных, чтобы пустить их к сотоварищам на гибралтарские скалы? Тогда мы могли бы надеяться, что обезьяны опять расплодятся и в Европе не исчезнет этот вид млекопитающих».

Год спустя Поссельт пишет об этих же обезьянах следующее: «При переезде из Кадиса в Гибралтар я осведомился об обезьянах, и англичанин, коренной житель Гибралтара, уверил меня, что их больше там нет. В городе мне сказали, что несколько штук обезьян без всякого сомнения еще есть, и даже указали, что, вероятно, от трех до пятнадцати, но их трудно сосчитать, так как они живут в недоступных скалистых местах и очень пугливы. Без проводника я медленно поднялся по самой удобной дороге к высочайшей северной вершине скалы, к махте, и, добравшись до двух третей высоты, отклонился влево, направляясь к северной вершине. Великолепный ландшафт так приковал мое внимание, что я совершенно забыл об обезьянах, как вдруг при последнем повороте дороги услышал своеобразный резкий звук, который я сначала принял за отдаленный собачий лай. Шагах в двухстах от меня стояла первая батарея с обращенными в сторону Испании грозными пушками. А по вымощенному брустверу этой батареи бежало, удаляясь от меня, какое-то животное величиной с шотландскую таксу; оно и производило этот звук. Я остановился и увидел, что это была обезьяна, которая, вероятно, стояла на страже, так как на краю стены, по направлению к Средиземному морю, лежали еще две другие, приятно потягиваясь на солнце. Шаг за

шагом приближался я к интересной группе обезьян, которые, плотно прижавшись друг к другу, внимательно следили за мной. Приблизившись шагов на сто, я остановился и стал наблюдать за животными, которые, очевидно, перестали меня бояться. На тысячи ладов проявляли они свое довольство от согревания теплыми солнечными лучами, то обнимаясь, то приятно катаясь по стене. Иногда одна из обезьян влезала через казенную часть в пушку и вылезала из дула, затем снова возвращалась к товарищам. Словом, обезьянки расположились здесь как дома и решили насладиться чудным солнечным днем. Прежде их было очень много, а теперь всего три; они более не размножаются, потому что принадлежат к одному полу: или все самцы, или все самки, так что маленькая семейка скоро вымрет. Владельцы садов прежде расставляли ловушки, чтобы оберегать свои плоды от нападения прожорливых гостей, причинявших большие опустошения, но теперь эта предосторожность уже излишня. Покровительства могущественной Англии оказалось недостаточно, чтобы предохранить древних обитателей сильной крепости от гибели, и через несколько лет европейская фауна лишится одного интереснейшего вида».

Для успокоения всех друзей животных я могу сообщить, что опасения Посселята не оправдались, и сведения его оказались неверными. Через посредство брата я обратился к самому коменданту Гибралтара с просьбой дать мне сведения об обезьянах и узнал следующее: «Число обезьян, населяющих скалы, в настоящее время простирается до одиннадцати; убедившись, что они без труда находят достаточное количество пищи, их теперь не кормят, а предоставляют самим себе. Сигнальный сторож, равно как и полицейские чиновники, следит за их безопасностью и запрещает гоняться за ними и причинять какой-либо вред. Сторож записывает сведения о них в особую книгу, и так как эти обезьяны всегда вместе, то он в точности знает их число, замечая прибавление и исчезновение отдельных особей. Когда и как попали они на скалы, не может никто сказать, хотя об этом ходят различные мнения. Шесть или семь лет тому назад их оставалось только три, но Вильям Кондрингтон, боясь, что они совершенно вымрут, привез из Тангера еще трех или четырех, и с тех пор они размножились».

К последнему времени число их более чем удвоилось. На запрос, посланный одному из офицеров английского гарнизона в Гибралтар, от капитана Е.С.Шифарда был получен следующий ответ. «Трудно определить с точностью, — пишет Шифард 18 марта 1889 года, — количество находящихся налицо обезьян. Вчера только видел двенадцать, но прошлым летом приходилось встречать до двадцати пяти, и я думаю, можно смело сказать, что всего их штук около тридцати. В это время года обезьян не часто можно видеть, так как корм и вода не всегда изобилуют на вершинах

Семейство мартышковые

** Нынешняя гибралтарская популяция возникла от животных, завезенных сюда арабами уже в историческое время, и без искусственной поддержки вряд ли жизнеспособна.*

*** К группе павианов, или собакоголовых обезьян, относятся три африканских рода: павианы, мандрилы и гелады. Это наиболее крупные и высокоразвитые представители семейства. В условиях постепенной аридизации климата Африки и распространения саванн и пустынь на месте лесов перешли к наземному образу жизни.*

**** Все павианы живут в Африке к югу от Сахары, ареал одного вида заходит на юг Аравийского п-ва. В Азии есть формы, во времена Брема считавшиеся павианами, но являющиеся на самом деле макаками.*

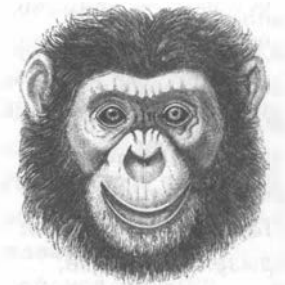
скал, в летнюю жару недостаток пищи заставляет их спускаться ниже; тогда они причиняют садам значительный вред. Около июня или июля прошлого года у обезьян было не менее шести детенышей. Взрослые самцы довольно велики: они достигают полных трех футов длины, взрослые самки тоже довольно статны, но тоньше и не такого сильного и плотного сложения. Самый сильный самец держится в стороне от стада».

Эти наблюдения показывают, что отнюдь не надо опасаться уничтожения последней в диком виде живущей в Европе породы обезьян*.

Павианы** принадлежат к самой замечательной, но не к самой привлекательной и приятной группе обезьян. Мы находим в ней самых безобразных, грубых, нахальных, следовательно, самых отвратительных членов всего отряда. Благородство и красота форм, замечаемые у других обезьян, здесь совершенно исчезли, а необузданность страстей подавила умственные способности.

Согласно Аристотелю, мы называем павианов «собакоголовые», потому что устройство их головы более походит на голову некрасивой собаки, чем на человеческую, с которой головы прочих обезьян имеют отдаленное сходство. Голову павиана можно с тем же правом назвать карикатурой собачьей головы, как голову гориллы — карикатурой человеческой. Но так как выдающаяся, подобно собачьей морде, часть лица павианов служит отличительным их признаком, то название, данное Аристотелем, остается до сих пор в своей силе. Собакоголовые, после человекообразных, самые большие обезьяны. Телосложением они коренасты; сила мускулов их изумительна. Тяжелая голова удлиняется в виде массивной, спереди обрубленной, ребристой или морщинистой морды с выдающимся носом. Зубы своими страшными клыками с острыми задними краями напоминают зубы хищных млекопитающих. Губы подвижны, уши малы, над глазами высокие дуги бровей; сами глаза, хитрые и коварные, отражают, как в зеркале, все существо этих обезьян. Конечности короткие и сильные, на руках по пять пальцев; хвост то короткий, то длинный, иногда весь покрыт волосами, иногда оканчивается только пучком волос. Защечные мешки очень велики. Седалищные наросты достигают ужасающих размеров и часто окрашены самыми яркими цветами. У некоторых видов волосы удлиняются на голове, шее и на плечах в виде густой гривы и имеют неопределенный оттенок, сходный с цветом земли или скал, например желтовато-серый или зеленовато-бурый. Собакоголовые живут в Африке, Аравии и Индии***; в отдельных местностях находят особенные виды, которые, впрочем, распространены во многих странах.

Павианы большей частью живут в скалистых местностях, однако некоторые виды встречаются и в лесах. Они весьма ловко

лазают по деревьям, чего, по наблюдениям за ними в безлесных местностях, нельзя и предположить. На горы взбираются от 3000 до 4000 метров выше уровня моря и даже доходят до снежной линии; однако они, по-видимому, предпочитают местности менее возвышенные: от 1000 до 2000 метров над уровнем моря. Самые древние путешественники уже упоминают о том, что настоящее отечество павианов — гористые местности. Так, Бартема Болонский, путешествовавший в 1503 году по Аравии, рассказывает, что, проезжая по дороге к Цибиту, он увидел на высокой горе более десяти тысяч этих обезьян, как видом, так и силой напоминающих львов. Поэтому он советует не пускаться по этому пути в одиночку, а собираться партиями до ста человек, чтобы быть в состоянии защищаться от них.

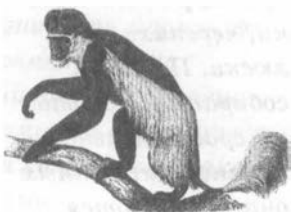
Пищу павианов составляют преимущественно луковицы, клубни, корни, ягоды, яйца и мелкие животные. Однако не надо думать, что эти отважные и ловкие обезьяны довольствуются одними мелкими животными: кровожадность побуждает их нападать и на больших. В восточной Африке, по словам Фишера, ловят не только кур, но подстерегают и маленьких антилоп*. Посевам и виноградникам павианы приносят величайший вред. Уверяют даже, что они совершают набеги в обдуманном порядке. Кроме того, как говорят, уносят с собой большое количество плодов на вершины гор, где собирают запасы на черный день. Что они при грабежах выставляют часовых — не подлежит сомнению; однако надо считать преувеличенными рассказы, встречающиеся у Гесснера, что эти обезьяны, становясь одна за другой, образуют цепь для передачи из рук в руки сорванные плоды. Так же маловероятно, что павианы обирают огурцы, дыни и гранаты, которые только успеют сорвать, уносят их в безопасное место и там сваливают в кучи, из которых мало-помалу таким же порядком таскают добычу на вершины гор. Часовые, которых действительно выставляют, должны всякий раз криком извещать своих товарищей о приближении человека; бдительность часовых обеспечивается тем, что в случае оплошности товарищи колотят их до полусмерти. Во всяком случае в населенных и бедных странах павианы — настоящий бич, приносящий жителям огромный вред.

Более всех остальных обезьян павианы своим внешним видом выказывают принадлежность к наземным животным. Строение тела привязывает их к земле. Походкой напоминают неуклюжую собаку; приподымаясь, они часто подпирают туловище одной рукой. Походка их, обыкновенно тихая и тяжелая, превращается, когда их преследуют, в удивительный галоп, сопровождаемый самыми странными телодвижениями. Эти движения отличаются каким-то нахальным бесстыдством; надо видеть, чтобы иметь о них понятие. Это какое-то качание из стороны в сторону всего туловища, а в особенности задней его части, при этом жи-

** Павианы всеядны, но основу питания составляет все-таки растительная пища, преимущественно луковицы, корневища, трава. Из пищи животного происхождения главное место в рационе составляет саранча. Питаются павианы также падалью, пищевыми отбросами вблизи населенных пунктов. «Помоечные» популяции павианов заметно растут. В прибрежных районах серьезным подспорьем становятся крабы, рыба, лягушки, черепахи, моллюски. Павианы — собиратели, охотой на сравнительно крупных животных они занимаются*

Семейство мартышковые

эпизодически, но благодаря слаженности коллектива такие охоты бывают достаточно результативны. Павианы добывают грызунов, зайцев, детенышей антилоп и даже своих дальних родственников — галаго и мартышек. Могут нападать на стада овец и коз. За обладание ценной крупной дичью в стае павианов разыгрываются баталии, львиную долю получают доминантные особи.

вотные так выгибают хвост и так бесстыдно смотрят своими маленькими блестящими глазками, что один взгляд на них дает полное понятие об их наглости. Нрав обезьян вполне соответствует наружному виду. Пользуюсь словами Шейтлина для описания их: «Павианы все злы, свирепы, бесстыдны, сладострастны и коварны; их морда грубо напоминает морду собаки, лицевая часть безобразна, а задняя донельзя неприлична. Взгляд лукавый, душа злобная. Зато они понятливее мелких пород обезьян и выказывают много ума и хитрости. У них проявляется в высшей степени свойственная всем обезьянам способность к подражанию, посредством которой они могли бы делаться совсем похожими на людей, но никогда этого не достигают. Неприличие их превосходит всякое описание — женщинам и детям не следует позволять приближаться к ним. Но западни и опасности замечают легко и защищаются мужественно и упорно. Как ни дурны природные качества павианов, в юности их, однако, можно приручить и сделать послушными. Но к старости, когда ум и чувства притупляются, дурная природа берет свое: они опять делаются непослушными, скалят зубы, царапаются и кусаются. Воспитание не успело пустить глубокие корни. Говорят, что на свободе они умнее и развитее, в неволе более кротки и понятливы. Это семейство называют собакоголовыми. Хорошо бы им к собачьей голове прибавить и собачий нрав!»

Не могу не согласиться с Шейтлином: нарисованная им картина совершенно верна. Душевные качества павианов представляют признаки, свойственные всем обезьянам, но у павианов они обращены в дурную сторону. Однако мы не можем им отказать и в некоторых хороших качествах: они чрезвычайно привязаны друг к другу и к своим детенышам, любят человека, который их воспитал и выходил, и стараются быть ему полезными; но безнравственность и порочность павианов совершенно затемняют их немногие хорошие стороны. Хитрость и коварство свойственны всем этим обезьянам; кроме того, они часто впадают в ярость. Гнев их вспыхивает мгновенно, как солома, но не так легко его потушить. Неосторожное слово, насмешливая улыбка, даже просто косою взгляд могут привести павиана в страшное бешенство, и тогда он забывает все, даже тех, кого прежде любил. Поэтому павианов надо считать опасными животными, так как их дикая натура легко может прорваться наружу, даже после долгого промежутка. Для врагов они положительно страшны.

Павианы большей частью убегают при приближении человека, но в случае необходимости вступают как с ним, так и с хищными зверями в бой, который может быть очень опасен. Леопард считается страшнейшим их врагом, однако он нападает больше на детенышей, так как не всегда может справиться со взрослыми павианами. С собаками павианы справляются легко, но, несмотря

на это, охота на павианов составляет большое удовольствие этим благородным животным. Собаки, леопарды и львы почти единственные опасные враги павианов*.

Однако, нужно думать, этим обезьянам часто плохо приходится от ядовитых змей. Ни один павиан не поднимет камня, не вступит в кусты, не удостоверившись сначала, что там не скрывается змея. Скорпионов эти умные животные не боятся; напротив того, они весьма искусно их ловят и вырывают ядовитое жало, не причинив себе вреда. После того съедают с таким же удовольствием, как пауков и раков.

Полезьа, приносимая павианами, весьма незначительна. Однако они способны к изучению разных штук; говорят, что в южной Африке их приучают к отыскиванию воды в пустыне; поэтому приучают и берут с собой в те безводные местности, где сами бушмены находят воду только в незначительном количестве. Когда запас воды подходит к концу, павиану дают съесть что-нибудь соленое, через несколько часов его привязывают к веревке и пускают бежать. Мучимое жаждой животное бросается то вправо, то влево, то вперед, то назад, обнюхивает воздух, вырывает из земли растения, начинает наконец рыть землю, указывая таким образом на скрытый источник, или решительно несется вперед к отдаленной еще воде.

В сказаниях и рассказах арабов павианы играют выдающуюся роль. Историки лучше всего знают этих обезьян потому, что они водятся в Йемене и их привозят живыми в Египет и Сирию; к ним в особенности относится высказывание Магомета о том, что Аллах в гневе своем превратил их из людей в обезьян. Шах Кемаль-эдин Демири, умерший в 1495 году, написал большое сочинение о жизни животных. «Не по приказу высокого покровителя написана эта книга, — говорит он, — а потому, что люди слишком мало знают о животных». Он передает легенду о павианах, как истый правоверный, не позволяя себе ни малейшей критики. Город назывался Айла и был расположен у моря, а жители были евреи. Причиной превращения был грех, который совершили иудеи, занявшись в субботу рыбной ловлей и осквернив таким образом день Господень. Некоторые благочестивые и мудрые жители старались помешать святотатству, но, видя, что все увещания напрасны, оставили нечестивый город. Три дня спустя они вернулись, но нашли ворота запертыми. Перелезли через стену и увидели себя окруженными павианами, некоторые подошли к ним ближе и, ласкаясь, грустно и просительно на них смотрели; тогда им пришла мысль, что павианы, верно, их бывшие родственники. «Скажи мне, павиан, — спрашивали они, — не ты ли мой племянник Ибрагим, или Ахмед, или Мурза? И павианы поддакивали, грустно кивая головами. Таким образом стало известно, что над ними произнесен был страшный приговор». Шейх Демири, который в остальном весьма благоразумен, полагает, что этому рассказу должно по-

** Главный враг павианов — леопард, преследующий их на земле и на деревьях. Именно с сокращением числа леопардов связывают взрывной рост численности павианов в ряде районов Африки. Однако были и случаи, когда несколько самцов павианов расправлялись с леопардом, разрывая его в клочья. Реже павианы (особенно молодые) становятся жертвами львов, гепардов, гиеновых собак, пятнистых гиен, даже шакалов и крупных орлов. Непростые отношения сложились у павианов с шимпанзе, в местах совместного обитания между этими обезьянами вспыхивают стычки, практикуется кража и убийство детенышей друг друга. Конкурентные отношения, а впоследствии и отношения «хищник—жертва» возникли в свое время между павианами и предками человека — гоминидами.*

* *Хохлатый макак обитает только на северном полуострове о. Сулавеси. Кроме него на этом острове живут еще 6 видов макаков, довольно близких хохлатому. Местные жители считают хохлатого макака священным предком своего племени.*

верить, хотя и можно доказать, что павианы существовали раньше евреев. После этого вступления он переходит к рассказу о самих животных и обрисовывает их чрезвычайно метко. «Эти животные, — говорит он, — очень схожи с людьми по своим свойствам и нравам: они смеются, радуются, садятся на задние лапы, чешутся ногтями, подают что-нибудь рукой, имеют суставчатые пальцы и ногти, как люди, и дружелюбно относятся к человеку. Обыкновенно ходят на четвереньках, но могут ходить и на задних лапах. На нижнем веке имеются ресницы, а это встречается только у людей. Упав в воду, они тонут, как люди, не умеющие плавать. Они живут постоянными парами и ревнуют своих самок — явления, которые свойственны только человеку. Самки носят своих детенышей у груди, как женщины. Не подлежит сомнению, что эти животные обладают свободной волей; иначе им было бы невозможно выучиться вещам, не свойственным их природе».

Мы начнем рассмотрение павианов с обезьяны, которую некоторые естествоиспытатели причисляют к павианам, другие к макакам.

Хохлатый макак, или хохлатый павиан (*Macaca nigra*)*, отличается от прочих собакоголовых совсем коротким хвостом и формой морды, которая широка, плоска и коротка, причем нос не выдается над верхней губой, как у павианов, и не достигает конца морды. Лицо и зад голы, остальные части тела покрыты длинной, мягкой шерстью, которая на голове еще удлиняется в виде довольно высокого хохла. Шерсть везде ровного черного цвета, как и покрытое бархатистой кожей лицо; седалище красное. Хохлатый павиан ростом меньше всех остальных видов этого роста; длина его тела 65 см, длина хвоста только 3 см.

Родина черного макака — Целебес, и там он водится в довольно большом количестве. О его жизни на воле еще мало известно. Розенберг рассказывает о нем следующее: «Он встречается на горах, покрытых лесом, на высоте 1300 метров над уровнем моря; собираются они стадами в несколько сот голов, чтобы перекочевывать с одной местности в другую. Один мой знакомый встретил во время служебной поездки такое кочующее стадо обезьян, перегородившее ему дорогу, по которой он ехал верхом, и ему стоило большого труда защититься от этих животных ударами кнута. Этот вид встречается еще на маленьком острове Бачан, находящемся к югу от Хальмахеры, величайшем из Молуккских островов; но туда он, вероятно, был занесен. Султан Молуккских островов помнит, что слышал еще в детстве, будто в правление его отца или деда на Бачан переселили пару этих обезьян. От этой пары и произошли все живущие там обезьяны, которые, впрочем, далеко не распространены по всему острову и на Галмагере еще не встречаются.

В последнее время их часто стали перевозить в Европу, где они подолгу живут в неволе. Хохлатый макак, которого я видел в

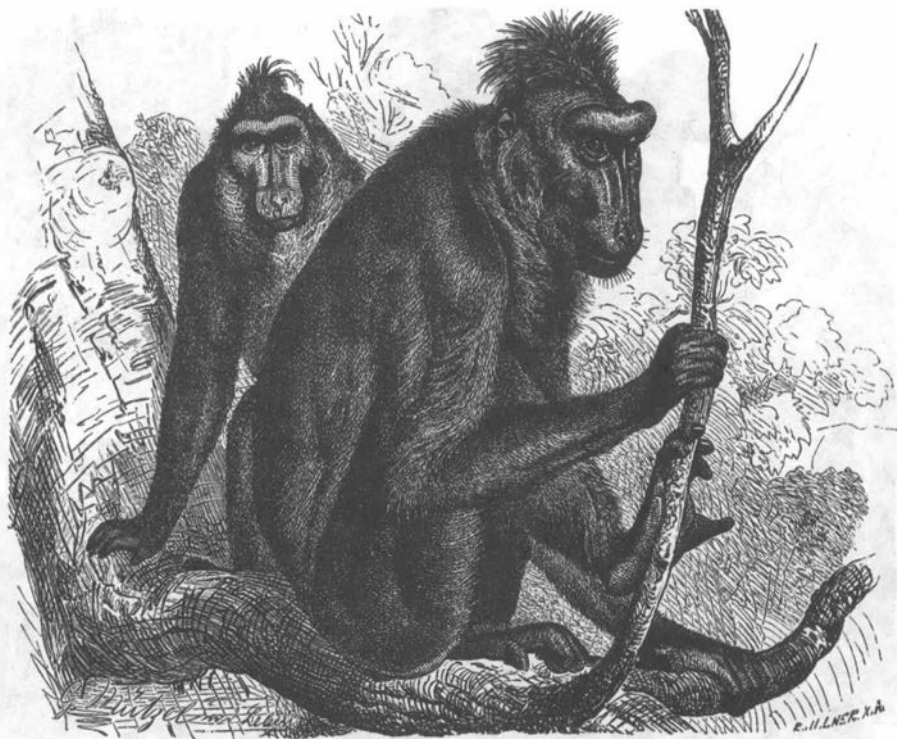
Амстердамском зоологическом саду, казалось, чувствовал себя там прекрасно.

Для обезьяньего театра, по словам Брукмана, ни одна обезьяна не может сравниться с хохлатым макаком. Он учится всему легко, прекрасно помнит выученное и «работает» с величайшим удовольствием. Однако вследствие редкости и высокой цены этой обезьяны ее не часто можно встретить на сцене, тем более что она скоро начинает хиреть.

Между павианами в собственном смысле мне удалось особенно близко познакомиться с **бабуином** (*Papio cynocephalus*). К сожалению, я наблюдал за ним в неволе. С только что описанными породами обезьян смешать бабуина трудно, но нельзя отказать ему в сходстве с **чакмой**, **медвежим павианом** (*Papio ursinus*). Гладкий, ровный, нигде не удлинняющийся мех его сверху зеленоватый желто-оливковый; каждый волос попеременно с черными и желтыми колечками; внизу мех светлее; на щеках желтовато-белый. Лицо и уши черновато-серого цвета; верхние веки беловатые; руки буровато-серые, а глаза светло-коричневые. Взрослые самцы достигают 65—70 см вышины при длине в 1,5 метра, третью часть которой занимает относительно тонкий хвост. Чакма значительно больше, неуклюже и темнее цветом; сфинкс меньше, но сильнее и приземистее. На лице последнего бросается в глаза странное утолщение скул; мех его не зеленовато-желтый, а красно-бурый с зеленоватым оттенком.

Бабуин живет почти там же, где гамадрил, но проникает дальше в глубь Африки. Он распространен в Абиссинии, Кордофана и средней Африке. Встречается тоже в большом количестве и еще дальше, к югу от озера Танганьика, до верхнего течения реки Луалаба.

О жизни на свободе нашей обезьяны Гартманн мог сообщить мне только следующее: «На плоскогорье Джебел-Гули бабуин живет в довольно большом количестве; он там питается луко-

Хохлатый макак,
или хохлатый
павиан
(*Macaca nigra*)

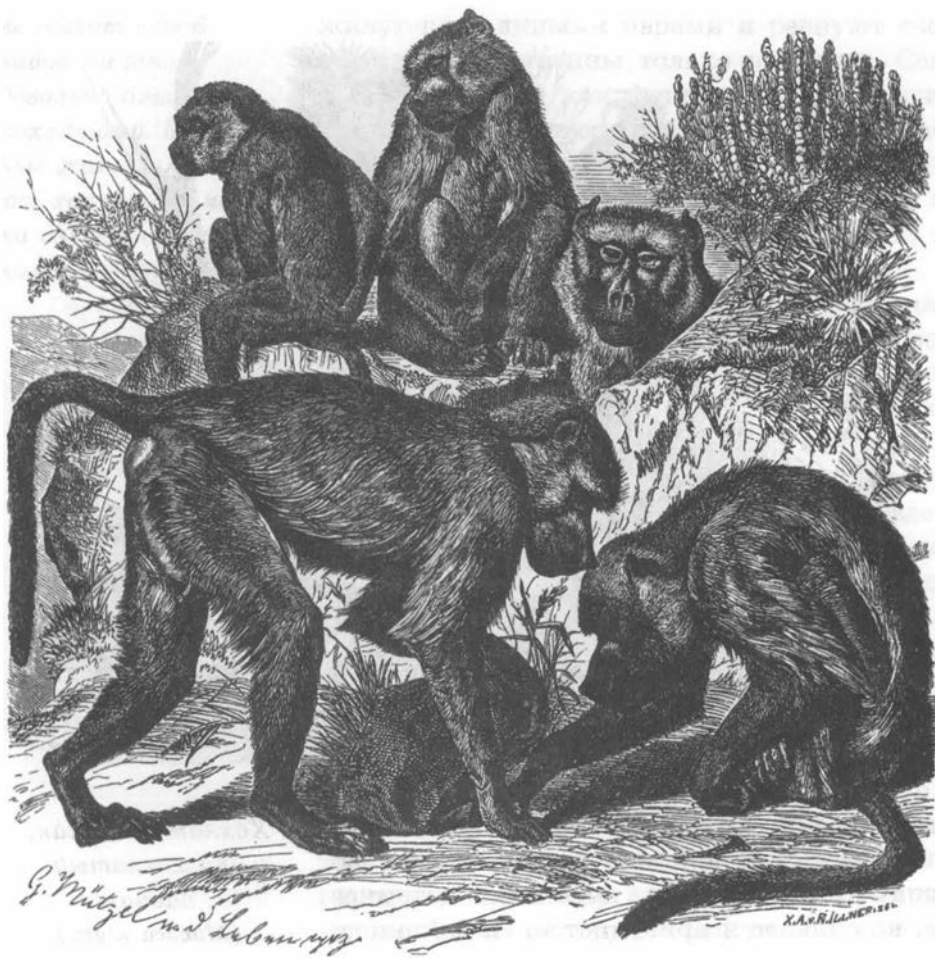
вицами, винными ягодами, тамариндами, живет крайне приятно изо дня в день, пока появившийся в горах леопард не спугнет его или не растерзает. Туземцы мало обращают на него внимания; иногда, впрочем, ловят и приручают детенышей. Но бывают случаи, когда эти бабуины очень неприятны, а именно когда встречаются с молодыми туземными девушками у горных ручьев. Девушки жалуются, что бабуины набрасываются на них и совершают над ними разные насилия. Поэтому, когда молодые девушки идут за водой к источнику, их всегда сопровождают

вооруженные молодые люди.

Величайшее удовольствие доставляли нам наблюдения над этими обезьянами, которые рядами, одна за другой, перебирались через вершины Джебель-Гули и играли под деревьями, растущими на горах. При каждом отряде встречались самцы огромного роста. Охота за ними, впрочем, никогда нам не удавалась, так как при нашем приближении они своевременно спасались бегством».

О жизни на свободе бабуинов Ноок сообщает нам следующее (из наблюдений столь рано умершего

Бема): «Они встречаются часто, как в степных рощах, так и в местностях около рек, до озера Танганьика, также в Уруа и Катанга. Детенышей, сидящих на спинах матерей, видел я преимущественно от марта до мая, но, по-видимому, самки рожают в разное время года. Большими стадами пробираются они по лесам и набрасываются во время жатвы на расположенные там и сям майсовые и просяные поля, которым причиняют страшный вред. Они очень смелы и хитры. Когда сторожа выгоняют их из полей кри-

**Бабуин,
или желтый павиан
(Papio cynocephalus)**

ками или бросанием в них копий, они только удаляются на небольшое расстояние и выжидают, пока опасность минует. Женщин вовсе не боятся, часто нападают на них и вырывают из рук пищу. Огнестрельное оружие знают отлично. От охотников спасаются не спеша, время от времени прыгая на невысокие деревья или прислоняясь к стволам деревьев для осмотра местности, сидят там на расстоянии ружейного выстрела, но тотчас же бегут дальше при виде направленного на них дула. Детеныши, даже довольно взрослые, остаются при убитой матери. Подстреленных животных старые самцы уводят и охраняют. Нападение собак бабуины часто отражают успешно; однако их все-таки травят и ловят собаками. Старые опытные самцы всегда составляют арьергард. Если стадо

остановилось для отдыха на земле, эти самцы прохаживаются перед фронтом; если оно расположилось на верхушке дерева — эти часовые бесстрашно садятся для наблюдений на выдающийся сук. Бабуины кажутся тяжелыми и неуклюжими, но очень смело взбираются на высочайшие деревья, а при виде опасности с большим шумом соскакивают с них тяжелыми прыжками. Ночью они спят на высоких деревь-

ях, однако часто переключиваются с места на место и в темные ночи. Звук голоса у старых самцов ниже и сильнее и походит на отрывистый лай; испуганное стадо кричит пронзительно. Короткое и грубое «ol ol» выражает удивление и недовольство; протяжное «о-о» — какое-нибудь желание.

В молодости они очень забавны и легко привыкают к людям, но среди них имеют своих любимцев, которым позволяют носить себя, к другим же относятся неприязненно. Их можно тоже, как собак, приучить к травле людей. Перед грозой или ливнем выказывают большое волнение, и вообще они легко пугаются и тогда доходят до иступления. Особенно характерно то конвульсивное подергивание, которое нападает на них не вследствие

Чакма, или
медвежий павиан
(*Papio ursinus*)

** Гамадрил — житель скалистых ландшафтов Африканского Рога и Южной Аравии, некогда был распространен в Судане, Нубии, низовьях Нила. Вечером гамадрилы собираются на удобных для ночевки скалах скоплениями до 700 и более особей, днем объединенная стая рассыпается на мелкие семейные группы, которым легче разыскивать скудную пищу порознь. В группе только один взрослый самец и гарем из 10—60 самок с детенышами, остальные самцы образуют отдельные группы холостяков. В группе поддерживается жесткая иерархия между самками за право быть ближе к самцу, вожаку же приходится постоянно отбивать атаки холостяков, стремящихся занять его место.*

болезни, а когда они замечают, что за ними наблюдают. При встрече с европейцем обезьяны иногда, как бы движимые невидимой силой, со страхом подходят к нему, но, дотронувшись, мгновенно отскакивают с громким криком. Они охотно едят кузнечиков, а также мышей и т.д.» Что эти павианы нападают и на больших животных, уже сказано нами выше.

Своими движениями и фигурой бабуин напоминает остальных павианов, нравом же своим он выгодно от них отличается. Это умное животное; пойманное молодым, оно легко привыкает к человеку, без труда выучивается разным штукам и остается преданным своему хозяину, несмотря даже на дурное обращение. Самки более кротки и добродушны, самцы своими коварными и злыми шалостями иногда вредят даже своему хозяину, с которым самка всегда живет в большом ладу.

Бабуина ловят в Судане, откуда перевозят вниз по Нилу в Египет и в Европу, но, должно быть, их привозят и из других мест, так как они часто встречаются в неволе.

В Египте бабуин почти так же полезен фокусникам, как гамадрил, о котором мы будем говорить далее. В Европе он постоянный житель зоологических садов и зверинцев; встречается обыкновенно в обезьяньем театре, потому что его гибкий хвост прячется в одежде, а ум и добродушие делают способным ко всякой дрессировке. Мы уже видели, как легко он всему учится. Хорошо запоминает пройденное и охотно участвует в представлениях, и потому его можно причислить к лучшим деятелям обезьяньего театра.

Гамадрил, или плащеносный павиан (*Papio hamadryas*)*. Благодаря своей наружности, замечательному уму, а может быть и неприятным качествам, он особенно почитался древними египтянами. Трудно понять, почему этой обезьяне дано название древнегреческой лесной нимфы, тогда как в наружности ее весьма мало женственного. Достоверно известно, что название это дано было ей не древними народами.

О почитании, которым пользовался гамадрил в Египте, сообщил уже нам Дюмихен. Следы этого почитания видны до сих пор: жители степных внутренних районов Африки и большая часть абиссинцев стараются прической волос как можно более походить на гамадрила. Не подлежит, впрочем, сомнению, что они подражают скорее изображениям на памятниках, чем живым зверям. В настоящее время гамадрилу больше не поклоняются: вред, приносимый этой обезьяной, слишком велик, чтобы она могла возбудить к себе хорошее чувство в людях.

Теперь в Египте нет уже этих обезьян в диком состоянии; Проспер Альпинус, путешествовавший по Египту в 1580 году, удостоверил, что там нет обезьян, а их привозят из Аравии. «Они так талантливы, — продолжает он, — что им невозможно отказать в рассудке. Их без труда обучают всевозможным остроумным шту-

кам, которыми они увеселяют публику. Таких дрессированных обезьян можно часто видеть в Каире, Александрии и других местностях. Туземцы особенно любят держать самцов, но трудно себе представить, как непристойны эти животные. Гамадрилы похожи на больших собак и преследуют на полях арабских женщин, которые принуждены красить лицо и даже тело шафраном, чтобы спастись от их нападений. Павианы думают тогда, что женщины больны, и они перестают им нравиться».

Относительно последнего предположения наш наблюдатель не совсем прав. Я сам часто замечал, что арабские женщины мажут себе лицо шафраном, но не для спасения от обезьян, а просто по той же причине, по какой наши дамы натирают свои щеки румянами.

Альварец, который почти в одно время с Альпинусом был в Африке, именно в Абиссинии, рассказывает, что видел целые стада этих павианов, и дает весьма верное описание их внешнего вида и нрава. «Они, — говорит он, — не оставят в покое ни одного камня. Если одной, двум или трем обезьянам не под силу сдвинуть камень с места, они садятся вокруг него в большом количестве, со-

единенными усилиями непременно перевертывают его и ищут под ним любимую пищу. Они тоже очень любят муравьев и, чтобы достать их, кладут руки ладонью вверх в муравейник; когда рука покрывается муравьями, они быстро облизывают ее. Гамадрилы опустошают все сады и поля, если не защищать их. Впрочем, никогда не выступают на эти грабежи без лазутчиков, но, получив знак, что никакая опасность им не угрожает, врываются в сад или поле и опустошают их. Сначала ведут себя тихо и спо-

Гамадрил, или
плащеносный
павиан
(*Papio hamadryas*)

койно, и если глупому детенышу вздумается крикнуть, то он получает пощечину, но мало-помалу забывают всякую осторожность и громкими криками выражают радость по поводу удавшегося намерения. Они бы страшно размножились, если бы леопарды не уничтожали их детенышей в огромном количестве, несмотря на храбрую защиту матерей».

Между новейшими исследователями Эренберг дает нам довольно подробное описание этих обезьян, которых он встречал в Аравии и на абиссинском берегу в одиночку или целыми стадами. Еще позднее о них были сообщения Родатца и Бессиера. В первую свою поездку по Африке мне не случилось встречать гамадрилов на свободе. Зато во время моего, к сожалению, весьма короткого пребывания в Абиссинии (весной 1862 года) я часто их видел, так что могу привести о них собственные наблюдения.

Гамадрилы обитают в довольно большом количестве на прибрежных горах Абиссинии и южной Нубии до северной границы области тропических дождей. Чем богаче растительность на горах, тем охотнее там живут обезьяны. Вода поблизости тоже необходимое условие благосостояния стада этих животных. Довольно большими обществами они спускаются иногда на холмы Самхары или степной полосы морского побережья, но многие все-таки остаются в горах. Здесь каждое стадо занимает пространство земли от одной до трех миль в поперечнике. Гораздо реже встречаются маленькие общества этих обезьян: мне только раз случилось видеть группу в 15—20 штук; чаще встречались стада в 150 штук и более. Между ними находятся 10—15 взрослых самцов огромного роста; челюсти их вооружены зубами гораздо более длинными и крепкими, чем зубы леопардов. Взрослых самок бывает приблизительно вдвое больше. Остальная часть стада состоит из детенышей и полувзрослых обезьян. Старые самцы отличаются огромным ростом и длинной епанчой*. У убитого мною самца длина волос епанчи достигала до 27 см. У самок грива короче и все тело темнее, то есть оливкового цвета; детеныши походят на мать. Относительно окраски шерсти я должен заметить, что каждый волосок гривы имеет попеременные колечки зеленовато-бурого и желтого цвета, вследствие чего весь мех принимает весьма странный оттенок, несколько напоминающий цвет высушенной травы. На задних ногах и на голове, по бокам, волосы светлее, голое лицо грязно-мясного цвета, седалище ярко-красное. Чем старше павиан, тем светлее волосы его епанчи. Длина взрослых самцов — 0,9—1 м, от 20—25 см приходится на хвост, оканчивающийся пучком волос; высота тела до загривка — 50 см. При восходе солнца или в дождливые дни все общество можно застать на тех местах, где оно провело ночь, — в углублениях недоступных отвесных скал и под выдающимися карнизами. Павианы сидят, плотно подсев-

** На самом деле гамадрил — некрупный павиан, длина тела самцов достигает 60—94 см, вес — 18 кг, самок соответственно — 50—65 см и 10 кг. Чакма и анубис бывают тяжелее почти вдвое.*

ши друг к другу, молодые и слабые обезьяны в середине, как можно ближе прижавшись к матерям и к отцам. Утром, в хорошую погоду, все стадо подымается с места довольно рано и направляется медленно и спокойно вдоль отвесных скал; при этом они то сорвут растение, корень которого употребляется ими в пищу, то свернут с места камень, чтобы достать из-под него насекомых, улиток и червей, до которых павианы большие охотники. Когда завтрак окончен, они опять подымаются на вершину горного хребта. Самцы серьезно и важно садятся на камни спиной к ветру. Самки прохаживаются и присматривают за детенышами, которые весело играют или борются между собой. К вечеру все стадо направляется к ближайшей воде, чтобы напиться, потом идет опять на поиски пищи, после чего уже отыскивает удобный ночлег. Если место, выбранное для ночлега, удобно и им понравилось, то они возвращаются туда каждый вечер, конечно если только их не напугают преследованием. Ночлег около полей, засеянных просом, пользуется особым их расположением, и тогда хозяевам полей следует остерегаться, иначе дерзкие грабители появляются ежедневно, разоряют еще больше, чем поедают, и таким образом губят всю жатву.

Едва ли подлежит сомнению, что они перекочевывают из разоренной ими местности в другую, где еще надеются найти пищу. Меня уверяли туземцы, что павианы не живут постоянно в одних и тех же местах, а появляются и исчезают по своему усмотрению.

Туземцев гамадрилы не боятся — они спокойно проходят мимо чернокожего человека и пьют из одного с ним ручья. Белый человек возбуждает в них некоторое опасение, хотя нельзя утверждать, чтобы гамадрилы всегда бежали от него. Павианы эти еще более, чем остальные обезьяны, умеют во всех случаях сохранять спокойствие, которое дает им возможность выйти из всякого опасного положения.

Однако дело принимает другой оборот, когда гамадрилы заметят приближение собак или леопарда. Тогда старые самцы подымают страшный рев и рычание, бьют одной рукой о скалу, скалят зубы и сверкающими глазами смотрят сверху на нарушителей спокойствия, очевидно готовые ринуться на них.

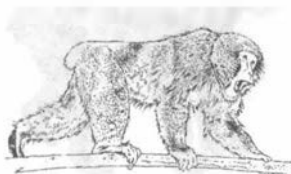
Первое общество гамадрилов, которое я видел, отдыхало после утренней прогулки. Оно сидело на гребне кряжа, довольно круто спускающегося в обе стороны. Я уже издали заметил высокие фигуры старых самцов, но принял их за обломки скал, с которыми эти животные имеют по цвету большое сходство. Но отрывистый, громкий лай, который можно передать звуком «кук», убедил меня в ошибке. Все головы повернулись в нашу сторону, только детеныши продолжали беззаботно играть и несколько самок не бросали своего любимого занятия и усердно «искали» в шерсти старого самца. Общество так и осталось бы в выжидательном положении, если бы с нами не было двух смелых и чутких борзых

собак, которые были приучены отгонять гиен от наших жилищ и даже могли бороться с волками. Услышав возглас обезьян, собаки тотчас же залаяли; тогда все стадо поднялось на ноги, вероятно с намерением найти себе более безопасное убежище. Обезьяны, одна за другой, двинулись вдоль горного кряжа и скоро исчезли с наших глаз. Однако, обогнув долину, мы заметили вскоре обезьян, сидящих рядами и как бы прилепленных к совершенно отвесной скале; я до сих пор не могу себе объяснить, каким образом они могли удерживаться в таком положении. Вид этих спокойно сидящих животных был слишком заманчив, чтобы не возбудить в нас желания поохотиться. Жалость, возбуждаемая видом молодой беспомощной обезьяны, здесь не имела места. На гамадрилов мы не могли смотреть как на подобие человека, а только как на злых хищников, которых незачем щадить. К сожалению, стена была так высока, что на меткость выстрелов надеяться было трудно. Мы решили по крайней мере спугнуть их. Звук первых выстрелов произвел между ними страшное смятение: стадо принялось мычать, реветь, лаять и кричать самым ужасным образом. Потом вся цепь пришла в движение и гамадрилы двинулись вдоль кряжа с такой уверенностью, как будто они шли по гладкому полу; между тем мы никак не могли понять, на что они ступают. Совершенно узкий карниз был для них удобной дорогой. Только в двух местах, где пришлось круто спуститься на три метра и потом подняться на ту же высоту, они ступали несколько медленнее и осторожнее. Мы сделали пять или шесть выстрелов, но целиться было трудно; кроме того, необычайность зрелища отняла у нас всякое самообладание. Однако наши выстрелы довели волнение обезьян до ужаса.

В Египте, а именно в Каире, можно часто видеть гамадрилов у фигляров и фокусников. Вероятно, они дают зрителям те же представления, которые видел когда-то Альпинус, точно так же, как с очковой змеей, проделываются все те же старинные фокусы. На больших площадях Каира, в особенности в праздничные дни, всегда можно встретить несколько вожakov обезьян и заклинателей змей. Но все эти представления ниже всякой посредственности, даже прямо-таки грубы и пошлы. Можно сказать, что хозяин обезьяны воспользовался ее понятливостью, чтобы дать в этих представлениях отвратительное изображение своего собственного безобразия. Нужно, впрочем, заметить, что фокусники держат преимущественно самок, потому что самцы становятся с годами слишком злыми и опасными. Их даже в Египте не позволено выводить без намордника, но и он не всегда помогает. Проезжая однажды по улицам Каира, я нечаянно толкнул ногой сидящего на дороге гамадрила. Несмотря на то что мой осел бежал галопом, гамадрил в ту же минуту схватил меня за ногу, сдернул чулок и башмак и оставил на ноге следы своей ловкости и злобы в виде нескольких довольно глубоких ран.

По соседству с гамадрилом живет другой павиан, носящий гриву, которого возвели недавно в представители особого рода, хотя от гамадрила он отличается только устройством ноздрей, которые расположены не на конце морды, а сбоку, а также обнаженными местами на груди и шее, более густой гривой, более длинной кистью на хвосте и незначительными особенностями в устройстве зубов.

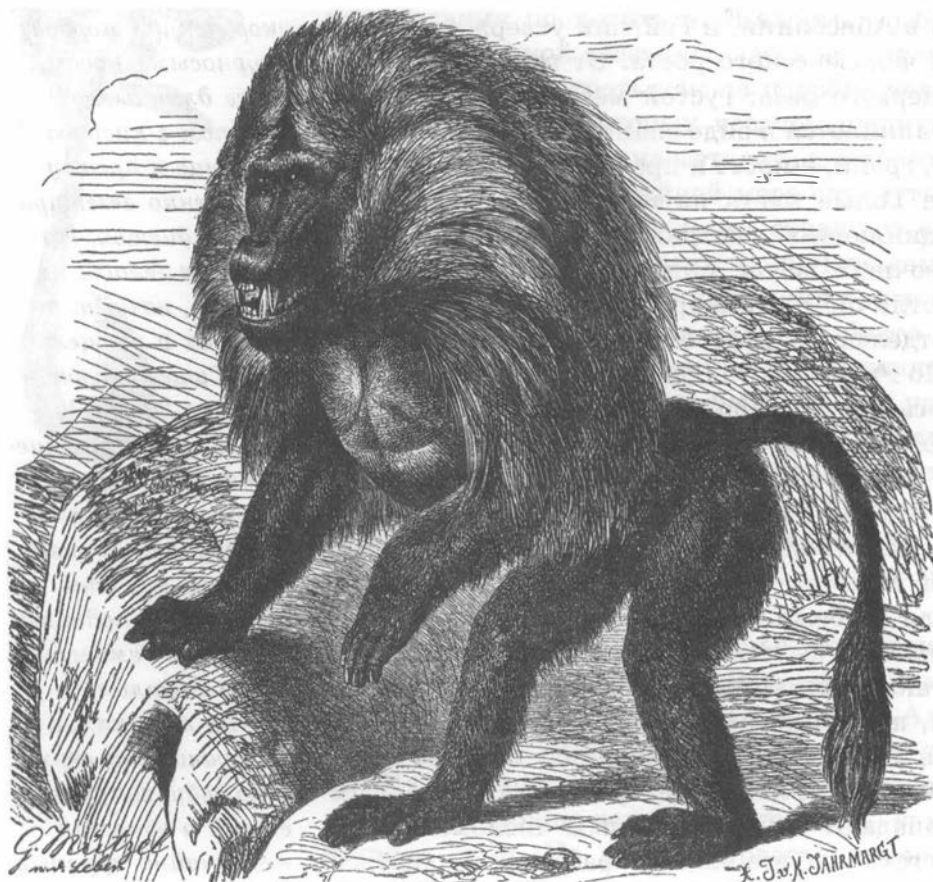
Гелада (*Theropithecus gelada*)* — великан между павианами и значительно больше гамадрила, с чем, впрочем, не согласен Рюппель, которому мы обязаны открытием этого вида. Между тем Шимперт, живший в Абиссинии, и Гейглин утверждают, что гелада достигает почти человеческого роста. От гамадрила геладу можно отличить с первого раза: густой мех на задней части шеи, затылке и спине удлиняется в виде епанчи; цвет тела темно-бурый, шерсть на горле, груди, животе и предплечьях черно-бурого цвета. Лицо черное. Голые места на передней части шеи и груди образуют два соединяющихся остриями треугольника и напоминают рисунок песочных часов; они окаймлены белыми и черными волосами. В отличие от гамадрила у гелады очень маленькие, совершенно отделенные друг от друга серовато-черные седалищные наросты. По Рюппелю, гелада живет на высоких горных вершинах Сымен, самой возвышенной горной страны Абиссинии. Шимперт мне говорил, что гелады живут обыкновенно на высоте от 3000 до 4000 метров над уровнем моря**. Здесь можно их видеть огромными стадами, а на нижней границе горной страны появляются они только небольшими группами от 100 до 200 штук. Обезьяны эти спускаются со скал, покрытых тернистым кустарником, только для грабежа. Их пищу составляют луковички, которые они выкапывают из земли, орхидеи, лилии, злаки и всякого рода плоды, а также насекомые, черви, слизи и т.п. Они тоже нападают на поля, но всегда, как уверяют абиссинцы, в отсутствие сторожа. Хотя гелады не так нахальны и навязчивы, как гамадрилы, все же наносят большой вред полям, главным образом потому, что нападают всегда огромным числом. От людей стадо пускается в бегство, но все же благоразумнее держаться подальше от гелады, доведенной до бешенства, так как зубы ее так же страшны, как зубы гамадрила. С гамадрилами гелады живут во вражде.

Горы Сымен похожи на большие дома: сверху они спускаются отлого, как крыши, потом вдруг на сто и более метров обрываются круто или почти вертикально вниз. В этих стенах много пещер, в которых ночуют обезьяны. Днем их можно видеть сидящими длинными рядами на карнизах и выступах обществами до 1000 особей. Это время их отдыха после прогулки за пищей. К самой подошве крутых скал они спускаются только для того, чтобы опустошить какое-нибудь поле. Во время подобных вылазок иногда встречаются с гамадрилами, и тогда обе армии вступают в

** Эндемик гор северо-восточной Эфиопии. От павианов гелады отличаются помимо названных Бремом признаков слегка укороченной мордой, «курносый» носом, более длинным хвостом с кистью на конце и преимущественно вегетарианской диетой. По деревьям гелады не лазают, ночуют в пещерах и расщелинах. Сушествуют стаи по 300—670 особей, распадающиеся днем на группы-гаремы и холостяцкие группы. Доказывая свой высокий ранг, самец поднимает брови, демонстрируя светлые пятна на веках, и выворачивает верхнюю губу, закрывая ею нос и обнажая необычайно крупные клыки. Известны гибриды гелады и анубиса.*

*** Гелады живут только на альпийских лугах и выходах скал от 1800 до 5000 м над уровнем моря. Характерны вертикальные сезонные кочевки.*

ожесточенный бой. Вражда противников велика, как это можно видеть по тому остервенению, с которым они нападают друг на друга. Дело, впрочем, не доходит до серьезной битвы. Гелады и гамадрилы поднимают ужасный вой, рычат, режут и лают. С той и другой стороны выступает иногда по старому исполину, которые и набрасываются друг на друга. Они таскают один другого за гриву, служащую признаком возмужалости, иногда кусаются, но дело все-таки ограничивается главным образом криком и яростными взглядами.

Гелада
(*Theropithecus gelada*)

* Считается самым
ярко окрашенным
млекопитающим
мира.

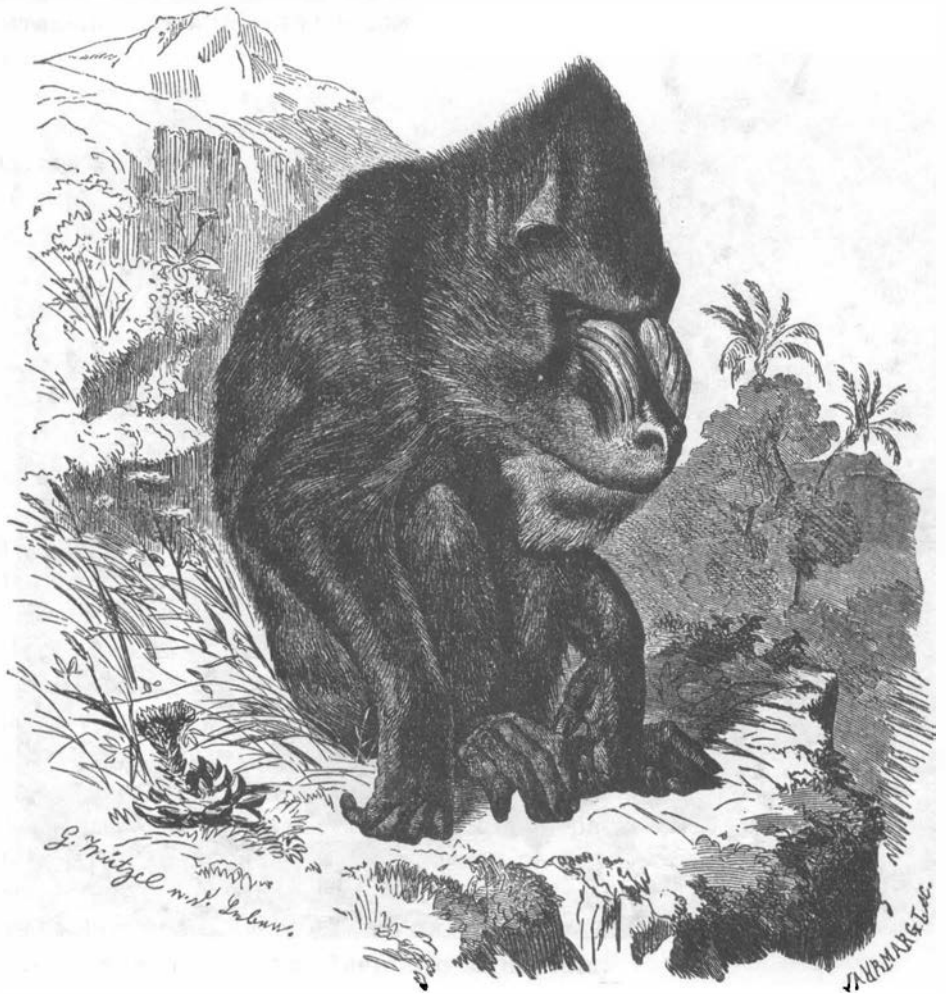
Самых отвратительных из всех павианов, не без основания, отделили от остальных, так как они существенно отличаются от других видов этого рода, хотя строение тела их показывает родство с павианами. Голова их, особенно череп, необыкновенно велика, очень маленькие глаза стоят близко один к другому; надглазная дуга выдается ребром; по обеим сторонам носа проходит продольный с бороздками нарост, который при раздражении распухает. Конечности у них очень сильные, хвост имеет вид короткого, вверх торчащего обрубка; седалищные наросты проходят по всей задней части туловища. Волосной покров тоже особенный; шерсть удлиняется на задней части головы и на затылке; кроме того, по крайней мере у одного вида, замечается ярко окрашенная, остроконечная борода. Оба нижеописанных павиана живут в западной Африке и уже в продолжение 300 лет нередко перевозятся в Европу живыми.

На том же основании, на котором мы могли назвать гверцу самой красивой обезьяной, мы можем назвать мандрилу (*Pario sphinx*)* безобразнейшим из всех обезьян.

В старости он делается поистине отвратительным зверем во всех отношениях и его нравственные качества совершенно соответствуют наружности. Тело у него очень сильное, можно сказать неуклюжее, голова безобразная, зубы страшные, шерсть очень жесткая и спутанная, окраска не покрытых шерстью частей тела в высшей степени яркая и отвратительная. Каждый отдельный волосок имеет оливковые и черные кольца, вследствие чего шерсть верхних частей приобретает темно-бурый цвет с оливковым оттенком, на груди волосы желтые, на брюхе белые, на боках светло-бурые, борода ярко-лимонного цвета, за ушами серовато-белые пятна. Руки и уши черные, нос и окружающие его части ярко-красного цвета, наросты на щеках василькового цвета с черными бороздками, мошонка и зад ярко-красные, седалищные наросты красные и голубые. Старые самцы достигают длины одного метра и более, высота туловища до плеч — 60 см, а хвост не более 3-х см.

Сродный ему дрил (*Papio leucophaeus*) немного меньше ростом, шерсть у него сверху оливково-бу-

рая, снизу и по бокам беловатая, бакены желтовато-чалые, лицо черное, руки и ноги медно-красные, седалищные наросты и мошонка красные. Длина взрослого дрила достигает 85—90 см, высота до плеч — 55—60 см, длина хвоста 8—9 см. Довольно странно, что мы не знаем ничего верного о жизни этих двух видов обезьян на свободе, между тем как в неволе они нам давно известны. Их родина — Гвинейский берег, и к нам в Европу они привозятся с Золотого Берега. Говорят, что обезьяны водятся ста-

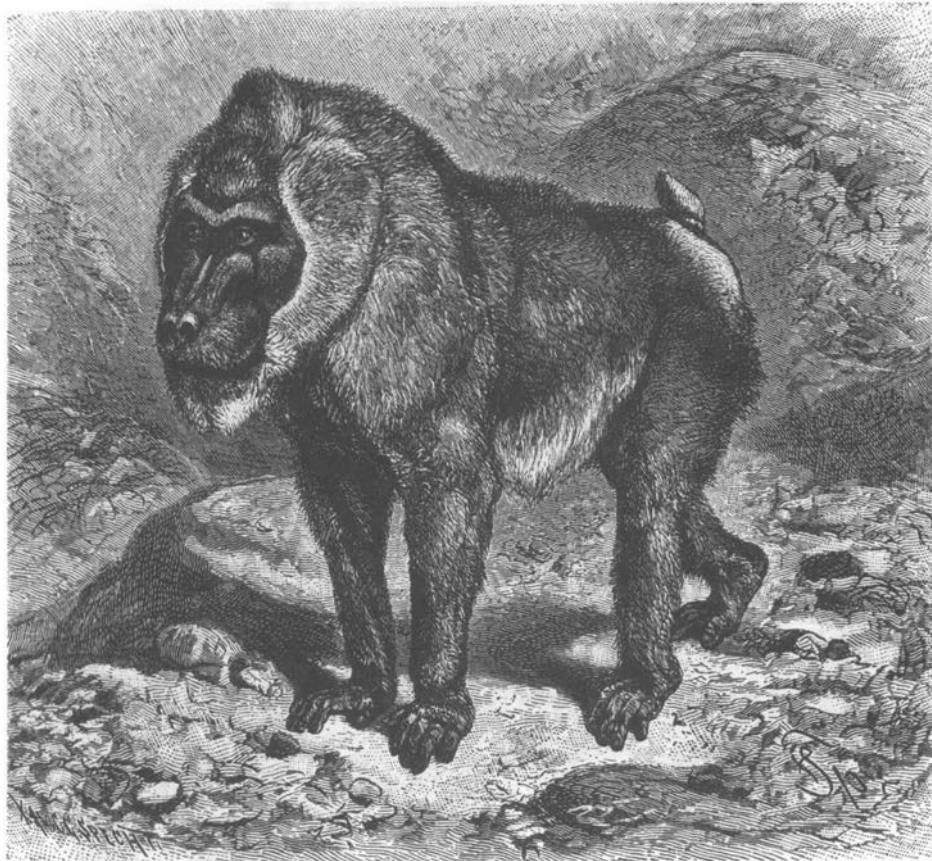

Мандрил
(*Papio sphinx*)

дами в горных лесах и живут частью на скалах, а частью на деревьях, но нередко покидают свои жилища, чтобы посещать и грабить ближние поселения. Рассказывают даже, что толпы их нападают на целые деревни и в отсутствие мужчин сильно обижают детей и женщин. Туземцы, говорят, больше боятся мандрила, чем льва, никогда не вступают с ним в бой поодиночке, даже избегают лесов, где эти обезьяны живут, или собираются хорошо вооруженной толпой и совершают настоящие походы против этого врага. Сколько правды заключается в этих рассказах, решить трудно; во всяком случае нужно признать их преувеличенными

и принимать на веру осторожно.

Раньше дрилы и мандрилы чаще попадали для продажи в Европу, чем теперь. Древним оба вида были неизвестны. «Это животное, — говорит старик Гесснер, — встречается довольно редко в индийских пустынях и лишь иногда привозится шарлатанами на базары и ярмарки. Оно имеет на ногах пальцы, как у человека, и когда ему грозят пальцем, то оборачивается к грозящему задом. Это животное ест яблоки, груши и другие плоды, а также хлеб и охотно пьет вино.

Дрил
(*Papio leucorhæus*)

Когда оно проголодается, то взбирается на деревья и стряхивает с них плоды. По характеру приветливо, особенно к женщинам, дружбу свою к которым выражает различным образом». Приложенное к этому описанию изображение так удачно представляет мандрила в том положении, когда он поворачивается задом к человеку, что нельзя сомневаться в том, что это на самом деле мандрил.

«Гнев других обезьян, — как выражается один английский писатель, — сравнительно с яростью мандрила все равно что легкий ветерок перед ужасным тропическим ураганом, который все уничтожает на своем пути».

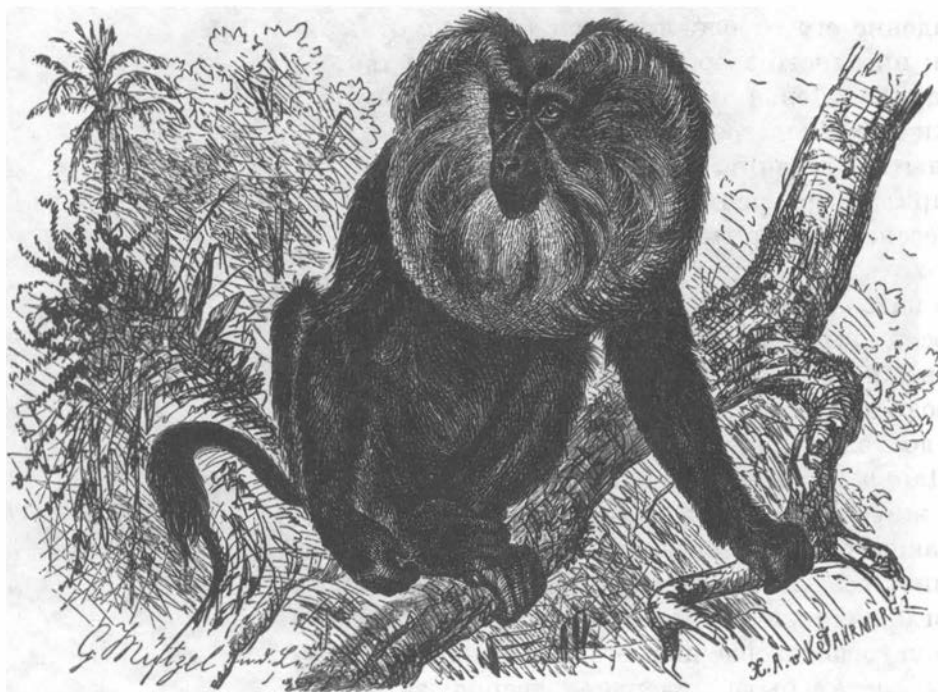
Насколько сильно его бешенство, настолько велика и его непристойность, для описания которой не хватает слов. «Его крик, взгляд и голос, — говорит Кювье, — выражают полнейшее скотское бесстыдство. Свои грязные похоти он удовлетворяет самым бесстыдным образом. Кажется, природа хотела олицетворить в нем порок со всем его безобразием». Все, что казалось нам отвратительным в гамадриле и других павианах, покажется умеренным сравнительно с поведением мандрила. Его страстность не знает границ. Разгневанный, он впадает в такое раздражение, что все забывает и бросается очертя голову на своего врага. Истинно демонический огонь загорается в глазах зверя, который кажется тогда одаренным сверхъестественной силой и злобой. В эту минуту у него одна мысль: разорвать в клочки врага и устранить со своей дороги всякое препятствие. Его тогда не пугает ни кнут, ни оружие. Нападение его обуславливается тогда не отвагою, а просто безумием; ни одного зверя сторожа не боятся так, как разъяренного мандрила. Лев и тигр — перед ним ягнята, потому что они все-таки держатся границ благоразумия, гамадрил же и другие павианы в сравнении с ним — младенцы. Половые побуждения у мандрила выражаются точно так же неистово, как и другие страсти. Гесснер справедливо замечает, что мандрил распространяет свою похоть не на одних самок своей породы. У мандрилов, живущих в неволе, замечена не только склонность к женщинам, но и ревность к мужчинам, которые ухаживают за знакомыми им женщинами. Они приходят в бешенство, когда видят, что мужчина ласкает или только делает вид, что ласкает предмет их страсти, и долго не прощают ему этого поступка. В зоологическом саду в Париже однажды очень удачно воспользовались ревностью этого животного, чтобы захватить разломавшего свою клетку и наделавшего много вреда мандрила. Все попытки изловить его оказались безуспешными, он успел уже ранить несколько сторожей, когда наконец одному из них пришла мысль завлечь обезьяну в клетку, воспользовавшись его собственной страстью. С задней стороны клетки была маленькая дверца; за ней встала дочь одного из сторожей так, чтобы обезьяна могла ее видеть; к ней подошел один сторож, обнял ее и сделал вид, что хочет ее поцеловать. Этого было довольно для влюбленного мандрила. Он в бешенстве кинулся на этого человека, конечно, с намерением разорвать его, но, чтобы достигнуть своей цели, должен был войти в клетку. Всякое благоразумие было забыто: ревнивая обезьяна без оглядки бросилась в отворенную дверь и через минуту очутилась за железной решеткой. Нельзя отрицать, что мандрила очень трудно воспитывать и что большинство вследствие своей раздражительности в неволе погибает, но бывают и исключения.

Один очень известный мандрил был артистом обезьяньего театра Брукмана. Он находился более 16 лет во владении своего хозяина и был приручен и выдрессирован, насколько это возмож-

но для обезьяны. Перед посторонними он, конечно, делался вспыльчивым и раздражительным, но к своему хозяину относился вполне доверчиво и даже тогда, когда, давая волю своей ярости, он по обыкновению всех павианов тряс прутья своей клетки, как бы желая ее разломать, Брукман мог безнаказанно хватать его за ошейник, вытаскивать из клетки и заставлять показывать фокусы.

От других павианов довольно сильно отличается одна из самых красивых обезьян, которую часто причисляют к макакам, — это **львинохвостый макак, вандеру**, или **силен** (*Macaca silenus*). Отличительными признаками этой обезьяны служат: приземистое телосложение, длинная борода, окружающая все лицо, и не очень длинный хвост с пучком волос на конце. Длинная шерсть

на верхней части тела блестящего черного цвета, а на нижней — светлая буровато-серая. Гривообразная борода белого цвета, а у молодых — сероватая; руки и ноги черные, а добродушные глаза имеют коричневый раек. Длина тела с хвостом не превышает одного метра; по измерению Бурдильона, два самца имели 87,5 и 80,9 см; две самки — 77 и 70 см, причем хвосты — 25—38 см.

**Львинохвостый
макак, вандеру
(*Macaca silenus*)**

* На Цейлоне **силен** не водится, он живет только во влажных горных лесах Западных Гат — хребта, идущего вдоль западного побережья

ошибочно считали остров Цейлон отечеством **силена***, но новые исследования показали, что он водится не только на Цейлоне, но и в Малабаре и живет там исключительно в дремучих лесах, находящихся на возвышенностях от 14 градуса северной широты до мыса Коморина. Их встречают стадами от 12 до 20 штук. Гекел утверждает, что видал эту обезьяну гораздо севернее, около Бомбея, в пещерных храмах Карли. Теннет говорит, что все **силены**, доставленные из Цейлона в Европу, были привезены на этот остров с Индийского материка. Об образе жизни этого животного на свободе мы знаем очень мало. **Силен** питается почками и листьями и иногда приносит значительный вред садам. Тирбах рассказывает, что опустошения эти так значительны, что после набе-

га сады представляют самый печальный вид: на кокосовых пальмах не остается ни одного плода, а земля под деревьями вся покрыта орехами, очень часто неспелыми, которые обезьяны не ели, а только обрывали и бросали вниз.

Малабарцы, однако, очень ценят эту обезьяну. Местные князья любят ее за серьезный нрав и понятливость. В их домах часто воспитывают молодых обезьян этого вида и приучают их к разным фокусам, которые они удивительно хорошо исполняют.

«Белобородая обезьяна, — говорит Нейдт, — очень похожа на старого индейца с большой седой бородой. Она живет большей частью в лесах и вреда не приносит. От других обезьян отличается тем, что не так зла и имеет более веселый нрав. Она, очевидно, осторожнее других обезьян, может долго употреблять стеклянную посуду, не разбивая ее; хорошо знает, когда провинилась, причем выказывает жестами свое сожаление об этом, а когда ее бьют, то у нее видны слезы на глазах».

СЕМЕЙСТВО ГИББОНОВЫЕ (*Hylobatidae*)

Ни в одной группе обезьян развитие передних конечностей не достигает такой степени, как у гиббонов, или длинноруких обезьян. Они с полным правом носят свое имя, ибо их необычайно вытянутые руки достигают земли, когда животное держится вертикально. Одного этого признака было бы достаточно, чтобы отличать длинноруких обезьян от всех других родов этого отряда.

Гиббоны образуют довольно обширный род человекообразных обезьян*; известно около семи видов, которые должны быть причислены к этому роду. Все они азиаты и принадлежат исключительно Ост-Индии, а также ближайшим из Больших Зондских островов: Суматре, Яве и Борнео. Относящиеся сюда виды достигают довольно значительной величины, хотя ни один не превышает одного метра в высоту. Их тело, несмотря на сильную и выпуклую грудь, кажется очень тонким, так как паховая область утончена, как у борзой собаки; задние конечности значительно короче передних, длинные руки у некоторых видов отличаются еще тем, что указательный палец отчасти срастается со средним**. Голова мала и яйцевидной формы; лицо человекообразно; седалищные мозоли малы, а хвост незаметен. Тело гиббонов покрыто густым и мягким, как шелк, мехом, который бывает черного, бурого, буро-серого и соломенно-желтого цвета. Все гиббоны обладают чрезвычайно громким голосом и особенно охотно издают крики в утренние часы.

Сиаманг (*Hylobates syndactylus*) представляет собой самую большую из всех длинноруких обезьян; он отличается еще и тем, что его руки относительно менее длинны, чем у других видов.

Семейство ГИББОНОВЫЕ

Индостана, на высоте 600—1100 м над уровнем моря. Самый редкий вид макаков, в природе сохранилось не более 400 особей (почти столько же — в неволе). Занесен в Красную книгу МСОП.

** Семейства гиббоновые (*Hylobatidae*) и человекообразные обезьяны (*Hominoidea*) составляют особую группу *Hominoidea*, или высших узконосых обезьян. Линии гиббонов и крупных человекообразных разделились около 10 млн лет назад.*

*** Пропорции ног и туловища у гиббонов сходны с человеческими. Указательный палец срастается со средним не на руках, а на ногах только у одного вида — сиаманга.*

«Его вид, — говорит Дювосель, — безобразен особенно потому, что его низкий лоб так недоразвит, что вместо него одни только бровные дуги, глаза глубоко сидят в орбитах, нос кажется широким и плоским, направленные в стороны ноздри очень велики; рот открывается почти до основания челюстей. Если притом вспомнить о большом голом гортанном мешке сиаманга, который свешивается на передней стороне шеи в виде грязного и отвислого зоба и надувается при крике, о кривых конечностях, обращенных внутрь, которые животное всегда держит согнутыми, о висках, вдавленных под выдающимися буграми, и о недоразвитом подбородке, то придется сказать себе, что наша обезьяна не принадлежит к самым прекрасным представителям своего отряда. Густой мех, покрывающий тело, совершенно черного цвета, состоит из длинных, мягких и блестящих волос; только брови красно-бурые. Волосы на предплечье направлены вверх, на плече — вниз, так что на локте они как бы взъерошены». Встречаются и альбиносы. Бокк однажды получил одного живого альбиноса этого вида. Взрослые самцы достигают одного метра в высоту, а размах рук их почти вдвое больше.

Сиаманг водится обыкновенно в лесах Суматры, опытные исследователи наблюдали его как в неволе, так и на свободе. Однако указание Гельферса, что сиаманг встречается даже в южном Тенассериме, так же как и указание Уэллеса, что он водится и на полуострове Малакка, поставлены под сомнение Блэнфордом*.

* Помимо Суматры сиаманги действительно обитают на полуострове Малакка.

Наиболее характерным представителем семейства является хулок, или белобровый гиббон (*Hylobates hoolok*), длинноручая обезьяна, высотой около 0,9 м, без гортанного мешка и со свободными пальцами задних конечностей. Ее мех, кроме белой перевязки на лбу, угольно-черного цвета; детеныши черно-бурые; конечности, средняя линия вдоль спины пепельно-серого цвета. По Блэнфорду, однако, нередки и светлоокрашенные хулоки обоего пола — от буровато-черного до желтовато-серого цвета. Седалищные мозоли ясно заметны. Хулок живет в Индокитае и водится, по Блэнфорду, в лесистых горных местностях к югу от Ассама по всему Аракану, а по Андерсону, до Вартабона. Его распространение на востоке достоверно неизвестно; недалеко от Бхамо в долине Иравади он еще встречается**.

** Распространен в Бирме, Ассаме и на северо-западе Индокитая.

Белорукий гиббон, или лар (*Hylobates lar*), приблизительно такой же величины, как хулок, черно-серого цвета, с красно-бурыми ягодицами, окаймленными белыми волосами; руки и ноги светлого цвета, лицо на голых частях черное, окаймлено ошейником беловатых волос. Общий цвет колеблется от черного до желтовато-белого; светлоокрашенные животные, как говорят, встречаются гораздо чаще, чем у хулока, а в некоторых местностях преобладают. Отечеством его надо считать полуостров Малакка*** и Тенассерим, где он живет до 1100 метров над уровнем моря. Тиккель утверждает, что лар встречается до северной гра-

*** Обитает по всему Индокитаю, Таиланду, Малакке, в китайской провинции Юньнань и на севере Суматры. В горы поднимается до 2400 м.

ницы Пегу, а Андерсон говорит, что он встречается даже в Аракане. Распространение лара на востоке неизвестно. Однако он живет, вероятно, в Сиаме; Бокк, к сожалению, не называет виды гиббонов, которых он наблюдал стадами у Меконга.

Наконец, **быстрый**, или **чернорукий гиббон** (*Hylobates agilis*), по Кантору, встречается рядом с ларом и на полуострове Малакка. Имеет голое голубовато-черное лицо (у самки оно с буроватым оттенком) и длинный, густой мех, цвет которого на голове, брюхе и внутренней стороне рук и бедер черный, над плечами и к шее постепенно становится светлее, а в паху переходит в бледно-бурый, между тем как задняя часть до коленных сочленений окрашена в смесь белого и красноватого цвета. Руки и ноги темно-бурые. Самка светлее, борода на щеках у нее менее длинная, чем у самца, хотя все еще довольно велика, так что голова больше в ширину; детеныши одноцветные — желтовато-белые.

Строение тела длинноруких обезьян предназначено для лазанья. Они обладают всем необходимым для быстрого, продолжительного и ловкого лазанья и прыганья. Объемистая грудь вмещает большие легкие, которые не утомляются, не отказываются служить, если быстрое движение взволнует кровь; сильные задние конечности доставляют необходимую силу толчка для больших прыжков; длинные передние конечности дают животному возможность с большой уверенностью хвататься за ветви, которые должны служить новой точкой опоры, при более коротких руках легко было бы промах-

Белорукий гиббон
(*Hylobates lar*)

Семейство гиббоновые

** Гиббоны в совершенстве освоили особый тип передвижения — брахиацию, при которой основным «двигателем» служат руки. Пожалуй, из всех приматов они наиболее специализированы в быстром передвижении в кронах. Там они способны совершать прыжки до 15 м. Способ перемещения гиббонов, будь то в неволе или в природе, неизменно вызывает у наблюдателей чувство восхищения. Тем не менее, судя по застарелым переломам конечностей, найденным у 70% обезьян, искусство брахиации дается гиббонам непросто: случаются и падения с большой высоты.*

нуться. Насколько эти руки длинны, становится яснее всего при сравнении. Размах рук человека, как известно, равен его росту, а размах руки гиббона почти вдвое больше длины его тела; человек, стоящий прямо, едва касается опущенными руками колен, гиббон же — ступней. Понятно, что такие руки почти непригодны для хождения: они приспособлены лишь для лазанья. Поэтому хождение длинноруких обезьян есть жалкое ковылянье на задних ногах, тяжеловесное переваливание тела, которое удерживается в равновесии лишь вытянутыми руками; зато лазанье и прыганье по ветвям получается у этих животных легко и ловко. Для этих движений нет, по-видимому, границ, они как бы не зависят от закона тяжести. Гиббоны на земле медленны, неуклюжи, неловки, короче, — они чужие на земле; на ветвях представляют прямую противоположность — это настоящие птицы в образе обезьян*.

Если горилла — Геркулес среди обезьян, то гиббона можно сравнить с легким Меркурием; недаром же один из них — лар — назван в память возлюбленной Меркурия, прекрасной, но болтливой наяды Лары, которая своим неугомонным языком возбудила гнев Юпитера, но красотой заслужила любовь Меркурия и, благодаря этому избежала ада.

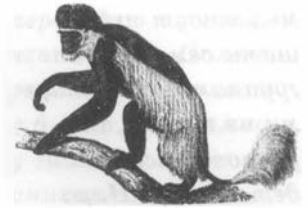
Лар живет стадами из 6—20 особей, молодые и старые обоего пола вместе. По своему характеру он похож на хулока, но, по Тиккелю, не так подвижен и ловок, как последний. Он пьет иначе, так же как сиаманг: зачерпывает воду рукой и подлизывает капли, стекающие с пальцев. Его крик, судя по описаниям, совершенно отличен от крика хулока. Лар до такой степени пользуется на ветвях деревьев исключительно передними конечностями, что всякие предметы, которые он желает унести с собой, держит задними конечностями, особенно награбленные плоды, которые, убегающая, перетаскивает в безопасное место.

Наиболее неуклюже двигается в соответствии со своим внешним видом сиаманг, он не только медленно ходит, но и лазает несколько неуверенно и лишь в прыганье обнаруживает свою ловкость. Но и остальные виды могут лишь с трудом передвигаться на земле. «В комнате или на ровном месте, — говорил Гарлан о хулоке, — они ходят на задних ногах и довольно хорошо удерживают равновесие, причем поднимают кисти рук даже выше головы, слегка сгибают руки в запястном и локтевом сочленениях и затем довольно быстро бегут, покачиваясь вправо и влево. Если их побуждать к более быстрому движению, то они опускают руки до земли и перемещаются быстрее, опираясь на них. Они более прыгают, чем бегут, но все время держатся довольно прямо». У остальных видов туловище кажется не только слишком длинным, но и слишком тяжелым для коротких и тонких бедер, и поэтому обезьяны эти наклоняются вперед и употребляют при ходьбе обе руки, как костыли. «Таким образом они

двигаются вперед толчками, подобно ковыляющему на костылях старику, который боится сильного напряжения». Совершенно противоположное впечатление производят они, когда лазают. Все наблюдатели единогласно удивляются тому искусству и той ловкости, которую обнаруживают длиннорукие обезьяны на ветвях.

С невероятной быстротой и уверенностью влезает быстрый гиббон, по Дювоселю, на бамбуковый ствол, вершину дерева или ветвь, раскачивается на ней несколько раз вверх и вниз или вперед и назад и потом с легкостью бросается, пользуясь упругостью качающейся ветви. Он пролетает, будто стрела или наклонно опускающаяся птица, расстояние в 12—13 метров несколько раз подряд. Можно предположить, что сознание своего недостижимого для других животных искусства доставляет ему большое удовольствие. Он прыгает без надобности через препятствия, которые легко бы мог обойти, изменяет во время прыжка направление и виснет на первой понравившейся ему ветви, подобно акробату, кувыркается и качается на ней, быстро поднимается, раскачивается вверх и вниз и снова бросается в воздух, с уверенностью стремясь к новой цели. Кажется, будто он обладает волшебными силами, может летать, не имея крыльев, больше живет в воздухе, чем на ветвях. На что нужна такому одаренному существу земля? Она чужда ему, как и он ей; земля доставляет ему только освежающее питье, и, утолив жажду, гиббон снова возвращается в свое воздушное царство. Здесь он дома; здесь он наслаждается покоем, миром, безопасностью; здесь он может пренебрегать врагами или убежать от них; здесь он может жить и наслаждаться своими легкими движениями.

Некоторые наблюдатели сравнивают движения живущих на свободе длинноруких обезьян с полетом ласточек. Тем более замечательно наблюдение Г.О.Форбса над сиамангом. Он говорит: «Я считаю неверным, что эти обезьяны прыгают с дерева на дерево на такие большие расстояния, как обыкновенно говорят. Мне случилось видеть, что при рубке леса вблизи одного села стадо сиамангов оказалось отрезанным от ближайших деревьев лишь расстоянием в 30 футов; при каждом ударе топора они в величайшем страхе лазали по дереву вверх и вниз и не отваживались перескочить через этот промежуток; когда дерево стало падать, они и тогда не решились спрыгнуть с него, а были им раздавлены при падении». Из этого, однако, нельзя еще заключать, что сиаманги не могут перенестись через расстояние в 12 метров, особенно наискось вниз; возможно, что они, перепуганные и сбитые с толку своим необыкновенным и опасным положением, и не думали о том, чтобы спастись обычным способом. Уэллес, правда, тоже говорит, что сиаманг движется гораздо медленнее других гиббонов и не любит «громадных прыжков», но все же указывает, что и он «перебрасывается туда и сюда между далеко стоящими друг от друга деревьями».

Семейство гиббоновые

** Гиббоны — моногамы, живут небольшими семейными группами, состоящими из пары и их разновозрастных детенышей. Пара создается долго, молодой самец долго ухаживает за самкой из другой группы. Семья имеет территорию от 5 до 40 га, границы участка предохраняются от вторжения соседей криками и демонстративными позами. Одно из деревьев на участке служит местом постоянной ночевки. Гнезд гиббоны не строят, спят сидя на корточках на ветке у ствола, обхватив голову руками. Благодаря густой шерсти риск промокнуть под дождем невелик. Питаются плодами, листьями, побегами. Детеныш рождается обычно раз в 2—3 года. Беременность длится 200—225 дней. Самка оставляет детеныша в 2 года (обычно к этому времени появляется более младший), и от-*

Наблюдение за этими животными на свободе имеет свои трудности, так как почти все виды длинноруких обезьян избегают человека и лишь изредка приближаются к лесным полянам. «Они живут по большей части, — говорит Дювосель о сиамангах, — многочисленными стадами под предводительством вожака, которого, по уверению малайцев, невозможно ранить. Если их застать врасплох на земле, то можно поймать, так как или испуг приводит их в остоленение, или они сами чувствуют свою слабость на земле и сознают невозможность бегства. Как бы ни было многочисленно стадо, оно всегда покидает раненого товарища, хотя бы дело шло о совершенно молодом. Мать, однако, схватывает детеныша, пытается бежать, падает иногда вместе с ним вниз, затем испускает громкий горестный крик и с раздутым гортанным мешком и угрожающе расставленными руками загораживает дорогу врагу. Но материнская любовь проявляется не только в момент опасности. Случалось иногда наблюдать интересное зрелище, когда матери приносили своих малюток к реке, мыли, несмотря на их крики, затем старательно вытирали и сушили, и вообще так заботились об их чистоте, что такого ухода можно пожелать и некоторым человеческим детям. Малайцы рассказывали Диарду, и он позднее сам подтвердил это собственным наблюдением, что еще неспособных к движению детенышей всегда носит и водит тот из родителей, который одного пола с детенышем: детенышей мужского пола — отец, женского — мать*.

О хулоках мы тоже имеем довольно подробные рассказы. Эти обезьяны, по Гарлану, держатся преимущественно на невысоких горах, так как они не выносят холода. Их пища состоит из плодов, однако они поедают и некоторые травы, нижние ветви деревьев и другие части растений; они разжевывают их, проглатывают сок, а разжеванную массу выбрасывают. Блэнфорд сообщает, что хулоки, как и все обезьяны, охотно пожирают насекомых, особенно пауков, а также яйца и, конечно, молодых птиц, а может быть и вообще всех птиц, каких только им удастся поймать. О быстром гиббоне рассказывают даже, что он умеет ловить птиц на лету. По Овену, который прожил почти два года на родине хулоков, эти обезьяны собираются в лесах в общества от 50 до 100 особей; старые самцы, по словам Блэнфорда, отделяются от стада и живут отдельно, что часто встречается у многих млекопитающих. Обыкновенно хулоков замечают на вершинах тех деревьев, плоды которых особенно любят, но иногда они выходят по тропинкам из густого леса на открытые поляны. Раз Овен неожиданно встретил стадо этих животных, которое весело забавлялось, но при его приближении тотчас подняло тревогу и убежало в бамбуковую чащу; другой раз он, проходя один по вновь проложенной дороге, вдруг увидел, что окружен большим стадом этих обезьян, которые казались изумленными и еще более рас-

серженными тем, что в их царство проникло какое-то странно одетое существо. При приближении человека хулоки вообще убегают с возможной поспешностью, почему увидеть их удается редко. Они, как сообщил мне Гаскерл, так же осторожны, как и любопытны, и потому нередко показываются на опушке открытого пространства, вырубленного под пашню в тех местностях, где еще не напуганы охотниками; но коль скоро замечают, что за ними наблюдают или к ним приближаются, то мгновенно скрываются, и после того обезьян уже не так легко увидеть. Зато их голоса приходится слышать чаще. При восходе и закате солнца они поднимают такой ужасный крик, что можно оглохнуть, находясь вблизи, и не на шутку испугаться, если нет привычки к этой странной «музыке». Это ревуны Старого Света; они будят обитателей Малайских гор и вместе с тем досаждают горожанам, которым отравляют отдых на дачах. Говорят, что их крик можно слышать на расстоянии английской мили. Часто приходилось слышать и крик длинноруких обезьян, содержащихся в неволе, притом как обладающих гортанными мешками, так и тех, которые лишены этих придатков, усиливающих голос. Один опытный наблюдатель, Беннет, держал живого сиаманга и заметил, что если он был чем-нибудь возбужден, то вытягивал губы воронкой, наполнял воздухом свой гортанный мешок и затем кричал почти как индюк. Он одинаково кричал и при радостном, и при гневном возбуждении*.

Относительно душевных способностей длинноруких обезьян мнения наблюдателей различны. Дювосель очень дурно отзывался о сиаманге: «Его медлительность, непристойность и тупоумие остаются неизменными. Правда, под властью человека он скоро становится настолько же кротким, насколько был прежде диким, и настолько же доверчивым, насколько прежде был пугливым, однако всегда остается более боязливым, чем другие виды; он никогда не привязывается к человеку так, как те, и его покорность является скорее следствием невыразимого равнодушия, чем приобретенного доверия. Он остается одинаковым как при хорошем, так и при дурном обращении; благодарность и ненависть, по-видимому, для него чужды. Его внешние чувства слабы. Если он рассматривает что-нибудь, то безучастно; если ощупывает, то машинально. Это существо, лишенное всяких способностей, если расположить животное царство по степени развития ума, то ему пришлось бы занять одно из самых последних мест. По большей части он сидит скорчившись, обхватив себя длинными руками и спрятав голову между бедер и отдыхает или спит. Лишь время от времени выходит из этого состояния и прерывает продолжительное молчание неприятным бессмысленным криком, не выражающим ни чувства, ни какой-либо потребности. Даже голод, кажется, не пробуждает его из природной сонливости. В неволе он равнодушно берет пищу, без жадности подносит ее ко рту и даже

прыск целиком переходит на попечение отца. Половозрелость наступает в 6—10 лет. Самки у гиббонов более инициативны и играют в семье роль вожака.

** Гиббоны — единственные млекопитающие, кроме человека, способные издавать чистые мелодичные звуки. Утреннее хоровое пение семьи гиббонов служит для маркировки территории и объединения членов группы. Инициатором «концерта» является самец. Другие члены семьи подхватывают «мелодию» голосами разной тональности. «Песни» некоторых видов насчитывают до 90 «колен», состоящих из нескольких сигналов разного тона и тембра. Вокализация гиббонов зависит от погоды, времени суток, индивидуальных особенностей и «настроения» певцов.*

** В неволе гиббоны оказываются довольно смыслены и забавны, у них богатая мимика и голосовые сигналы. Способны использовать орудия — палки, веревки. Эти нежные приматы подвержены инфекционным заболеваниям, хотя могут и играть в открытых вольерах при 15-градусном морозе. Отмечены случаи продолжительности их жизни в неволе до 31 года. Вместе с тем из-за трудностей в подборе пар разводить гиббонов крайне трудно. Нередко между кандидатами на образование семьи возникает несовместимость, и потомства получить не удается. В природе сокращается ареал и численность большинства гиббонов из-за охоты и вырубки лесов.*

позволяет отнять ее. Пьет он таким способом, который соответствует остальным его ухваткам: погружает в воду пальцы и сосет висящие на них капли». Бокк тоже называет сиаманга «ленивым и глупым в неволе; он не обнаруживает забавной живости, свойственной другим обезьянам и, по-видимому, теряет при этом понятливость». Подобным наблюдениям над отдельными животными не следует, однако, придавать слишком общего значения, тем более что другие наблюдатели если и не говорят прямо противоположного, то все же отзываются о наших обезьянах гораздо благосклоннее.

Уэллес выставляет сиаманга в более благоприятном свете. «Я купил, — говорит он, — маленькую длиннорукую обезьяну этого вида, которую туземцы поймали и так крепко связали, что даже поранили ее. Сначала сиаманг был довольно дик и хотел кусаться, но когда мы развязали его и предоставили ему для гимнастических упражнений два шеста под навесом дома, а затем привязали его короткой веревкой к кольцу, свободно двигающемуся по шесту, чтобы он мог ходить и лазать вперед и назад, то он скоро успокоился, принял довольный вид и стал очень проворно прыгать туда и сюда. Сначала сиаманг выказывал ко мне антипатию, которую я старался устранить тем, что всегда сам кормил его. Но раз во время кормления он так сильно укусил меня, что я вышел из терпения и сильно ударил его. В этом мне пришлось раскаиваться, так как после этого он стал ко мне относиться еще хуже. Моему мальчику-малайцу он позволял играть с собой; этими играми, а также собственными упражнениями, легкостью и ловкостью прыжков он доставлял окружающим большое удовольствие. Когда я возвратился в Сингапур, сиаманг привлекал общее внимание. Ел он почти все виды фруктов и рис, и я надеялся, что его удастся перевезти в Англию. Но он умер перед самым отъездом»*.

Рассказ этот имеет совершенно другой тон, чем рассказ Дювоселя, и притом согласуется с тем, что мы знаем об остальных длинноруких обезьянах. Один хулок, которого Гарлан держал живым пять месяцев, стал менее чем за месяц таким ручным, что гулял, держась одной рукой за руку хозяина, а другой — опираясь о землю. «На мой зов, — рассказывает Гарлан, — он приходил, садился около меня на стул, чтобы завтракать вместе со мной, и брал с тарелки яйца или крыло курицы, не пачкая скатерти. Он пил также кофе, шоколад, молоко, чай; хотя обыкновенно он пил, погружая в жидкость руку, но, чувствуя сильную жажду, брал сосуд в обе руки и пил из него, как люди. Его любимыми кушаньями были: вареный рис, размоченный в молоке хлеб, бананы, апельсины, сахар и т.п. Бананы он очень любил, но охотно ел и насекомых, отыскивал в доме пауков и ловко ловил правой рукой мух. Подобно индусам, которые избегают есть мясо из-за религиозных побуждений, этот гиббон, по-видимому, тоже питал к нему отвращение».

Вообще гиббонов редко приходится видеть в неволе даже на их родине. Они не могут выносить потерю свободы, страстно стремятся назад в свои леса, к быстрым движениям на свободе, становятся все тише и печальнее и наконец умирают.

СЕМЕЙСТВО ЧЕЛОВЕКООБРАЗНЫЕ (Hominidae)*

Важнейшим из азиатских человекообразных обезьян является **орангутан** (*Pongo pygmaeus*)**. От африканских человекообразных обезьян орангутан отличается чрезвычайно длинными руками, достигающими до ступней ног, и клинообразно или пирамидально заостренной на макушке головой с весьма выдающейся вперед мордой; он имеет только двенадцать пар ребер. Пока он молод, череп его в высшей степени походит на детский, но с возрастом звериный образ получает такое преобладание, что череп старой обезьяны очень мало напоминает череп молодой.

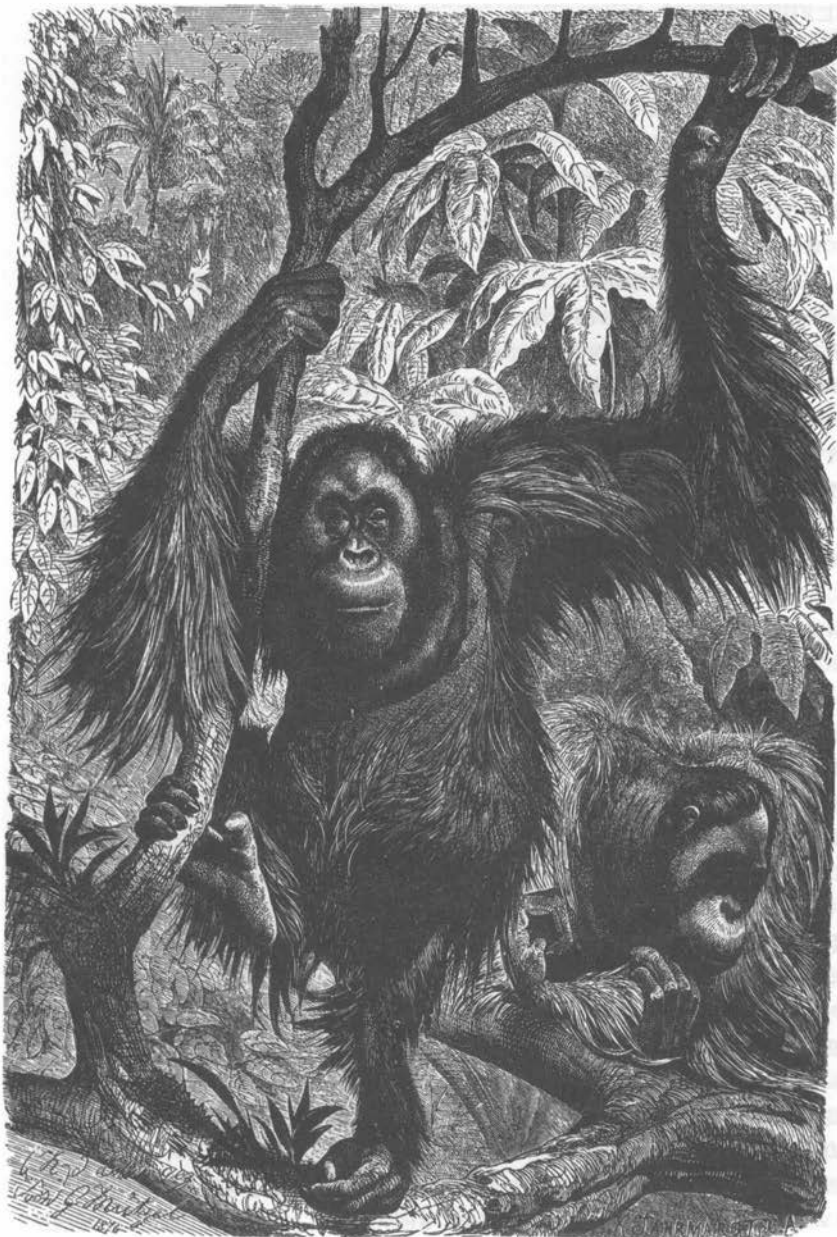
Рост величайшего орангутана-самца, убитого Уэллесом, был при стоячем положении животного 1,35 м высоты, а длина распростертых рук достигала 2,4 м, ширина лица — 35 см, обхват тела доходил до 1,15 м. Туловище животного, на котором сильно выступает вперед живот, широкое в бедрах; шея короткая и покрыта впереди складками, так как животное обладает большим горловым мешком, который может надуваться; длинные конечности имеют длинные кисти и пальцы. Ногти плоские и на большом пальце задних конечностей их часто не бывает. Губы некрасивые, потому что не только покрыты морщинами, но сильно вздуты и выдаются вперед; нос совершенно плоский, и носовая перегородка выдается из-за ноздрей; глаза и уши малы, но сходны с соответствующими частями лица человека. В ряду страшных зубов сильно выступают вперед клыки, нижняя челюсть длиннее верхней. Шерсть на спине редкая и очень жидкая на груди, но длиннее и гуще по сторонам тела, где она растет длинными космами. Волосы на лице растут в виде бороды, на верхней губе, подбородке, на черепе и на предплечьях они топорщатся вверх, на остальных частях тела направлены вниз. Лицо и ладони голы, грудь и тыльная сторона пальцев почти совершенно голы. Обыкновенно цвет волос темно-ржавый, рыжий, на спине и груди темнее, на бороде светлее. Обнаженные части имеют синеватый или сероватый оттенок. Старые самцы отличаются от самок значительной величиной, густыми и длинными волосами, особенно обильными на бороде, и характерными кожистыми наростами на щеках, которые в виде полумесяца идут от глаз до ушей и до верхней челюсти, что, конечно, значительно обезображивает лица этих обезьян. Молодые животные не имеют бороды, но зато шерсть их гуще и темнее

Семейство человекообразные

* Семейство человекообразных обезьян и людей (*Hominidae*), по последним представлениям, включает в себя 4 рода и 5 видов наиболее крупных современных приматов.

** Малайцы убеждены, что орангутан («человек лесной») умеет говорить, но не хочет, поскольку боится, что его вернут из леса и обратят в раба человека. Нередко можно услышать слово «орангутанг», но добавление единственной буквы резко искажает смысл названия, означая «человек-должник». До недавнего времени в русском языке было принято написание через дефис — «орангутан», сейчас вполне допустимо и сокращенное — «оранг».

Некоторые естествоиспытатели вместе с жителями, которые по показанию С. Мюллера, называют даже самок и самцов различными именами, полагают, что существует несколько видов орангутана; другие считают, что различия между ними несущественны и зависят от возраста.

Орангутан
(*Pongo pygmaeus*)

Орангутан известен еще с древних времен. Уже Плиний сообщал, что на горах Индии водятся сатиры, «очень злые животные с человеческим лицом, которые ходят прямо или на четвереньках, и притом с такой быстротой, что поймать можно или очень старых, или больных». Рассказ его передавался из века в век и пополнялся новыми добавлениями каждого нового рассказчика. По-видимому, было почти забыто, что речь идет все-таки о животных, обезьяны в этих рассказах превращаются в диких людей. Всякого рода преувеличения исказили первоначальные сведения и помрачили истину. Врач Бонцус, живший в середине XVII столетия на Яве, первый снова заговорил об обезьянах на основании собственных наблюдений. Он говорит, что «сам несколько раз видел лесных людей, как самцов, так и самок. Ходят они довольно часто на задних ногах, и движения совершенно похожи на человеческие. Особенно удивительна была одна самка. Она стыдилась, когда ее рас-

сматривали незнакомые люди, и не только лицо, но и все свои голые части прикрывала руками; она вздыхала, плакала и до того поступала по-человечески, что ей недоставало только дара слова, чтобы быть вполне человеком. Явайцы утверждают, что эти обезьяны могли бы хорошо говорить, если бы только захотели, но

они не делают этого потому, что боятся, как бы не заставили их работать. Признавалось за верное, что эти лесные люди произошли от скрещивания обезьяны с индийскими женщинами».

Благодаря превосходным исследованиям Уэллеса мы имеем теперь о жизни орангутана на свободе такие подробные сведения, каких нет о других человекообразных обезьянах. Названный путешественник имел полную возможность изучить животное и сравнить сообщения местных жителей с собственными наблюдениями. К чести его предшественников, из которых многие, а именно Оуэн, Кессель и Брук, положили немало труда, чтобы очистить описание орангутана от басней и заблуждений, я должен сказать, что Уэллес хотя и передает только собственные наблюдения, но в существенном подтверждает сообщения предшественников.

«Известно, — говорит он, — что орангутан живет на Суматре и Борнео, и имеется достаточно оснований думать, что область его распространения ограничивается этими большими островами*. Впрочем, на первом встречают его гораздо реже. Орангутан водится в обширных местностях юго-западного морского берега, но живет исключительно в низменных и болотистых лесах. В Садонге его можно встретить только на ровных, богатых водой и поросших первобытным высоким лесом местностях. Над болотами возвышаются многие отдельно стоящие горы, обитаемые отчасти даяками, которые разводят здесь плодовые деревья. Эти сады служат для орангутанов завлекательной приманкой; они посещают их, чтобы поживиться плодами, но на ночь удаляются назад, в болотистый лес. Во всех местностях, где почва несколько возвышена и суха, орангутан не водится. Он встречается, например, в глубоких долинах реки Саравак, а у устья, где заметны приливы и отливы, его не видно, потому что нижняя часть долины Саравак болотиста, но не везде покрыта высоким лесом, а большей частью поросла низкими пальмами. Вблизи же города Саравак почва сухая и холмистая, и на ней небольшими участками растет первобытный лес и встречаются джунгли. Большая площадь непрерывного и равномерно высокого первобытного леса является условием для благоденствия нашей обезьяны. Такие леса для нее все равно что открытое поле, по ним она движется в каком угодно направлении с такой же легкостью, как индийцы путешествуют по степям, а арабы — по пустыням. Она переходит с вершины одного дерева на другое и никогда не спускается на землю. Высокие, сухие местности с прогалинами, поросшие низкими джунглями, конечно, являются вполне пригодными для человека, но не удобны для того своеобразного способа движений, каким пользуется наше животное: на таких местах оно может подвергнуться многим опасностям. Вероятно также, что в этой области встречаются плоды в большом разнообразии, потому что небольшие горы служат местным жителям садами и местом для

** В настоящее время его ареал включает север о. Суматра (5 — 15 тыс. особей) и внутренние части о. Борнео (Калимантан) (80 тыс. особей). Все человекообразные обезьяны включены в Красную книгу Международного союза охраны природы, в различные конвенции, ограничивающие торговлю животными, однако ситуация с орангутаном наиболее драматична. Лишь 10 — 12% этих обезьян живут на охраняемых территориях, популяции фрагментированы, и между ними затруднен обмен. Размножающиеся группы в зоопарках и немногие реабилитационные центры по возвращению прирученных детенышей в природу пока не перекрывают ежегодного урона природным популяциям орангутанов.*

Семейство человекообразные

** Орангутан — медленный брахиатор, попеременно находящий точки опоры всеми четырьмя конечностями. К нему в наибольшей степени подходит определение «четверорукий». По земле орангутан ходит опираясь на внешние стороны полусжатых стоп и почти не использует опору на кулаки рук, что характерно для шимпанзе и горилл.*

*** Орангутан каждый вечер строит новое гнездо, заламывая и укладывая ветки вокруг основной развилки и накрывая сооружение для мягкости лианами и листьями. Весь процесс занимает несколько минут.*

насаждения растений, так что деревья горных стран могут с успехом произрастать среди болотистой равнины.

Видеть спокойное шествие орангутана через лес составляет редкое и поразительное зрелище. Он идет осторожно, в согнутом положении вследствие значительной длины рук и относительной короткости задних конечностей и двигается так же, как и все сродные ему обезьяны: ходит не на подошвах, а на кулаках. По-видимому, он всегда выбирает такие деревья, ветви которых сплетены с ветвями близстоящих. Протягивает длинную руку, если близко, хватает намеченные ветви обеими руками, пробует их крепость и затем осторожно перебирается на ближайший сук, по которому и продолжает идти.

Он никогда не скачет и не прыгает, по-видимому, никогда также и не спешит, но тем не менее подвигается вперед так быстро, что бегущий по земле человек его не перегонит»*.

В другом месте Уэллес замечает, что в продолжение часа орангутан свободно проходит пространство в 5—6 английских миль.

Длинные и сильные руки оказывают ему большую пользу, они дают возможность легко взбираться на самые высокие деревья, чтобы обрывать плоды и молодые листья с гибких ветвей, которые не могут выдержать его тяжести, также набирать листья и сучья, чтобы сделать себе гнездо.

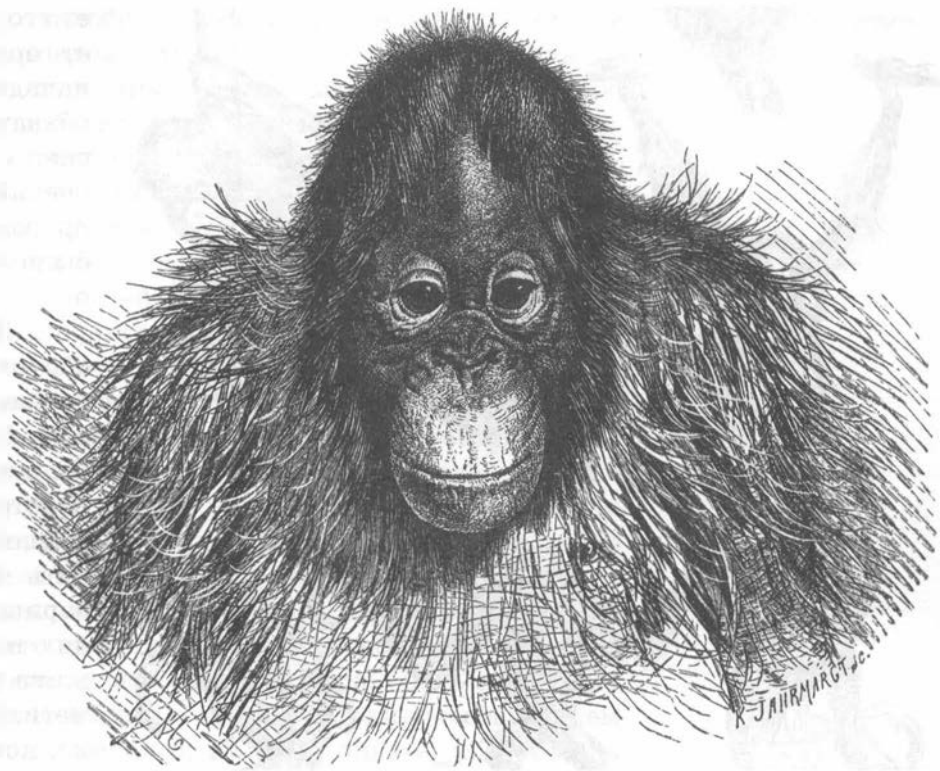
Подобного рода гнездо орангутан устраивает почти каждую ночь для сна, но обыкновенно он складывает его на небольшом дереве не выше 5—15 м над землей, вероятно, потому, что здесь его меньше беспокоит ветер. Рассказывают, будто орангутан должен строить себе каждую ночь новое гнездо, но это представляется мне маловероятным, потому что в таком случае приходилось бы чаще встречать следы гнезд, чем это бывает на самом деле. Даяки говорят, что во время ненастья обезьяна укрывается листьями пандала и большими папоротниками. Это, может быть, и привело к предположению, что обезьяна строит себе на деревьях нечто вроде хижины**.

Орангутан оставляет свое ложе только тогда, когда солнце стоит уже высоко и роса на листьях успела высохнуть. Середина дня он употребляет на то, чтобы есть, но редко возвращается в течение двух дней к одному и тому же дереву. Насколько я мог убедиться на опыте, он питается почти исключительно плодами и иногда листьями, почками и молодыми побегами. Незрелые плоды предпочитает зрелым, ест также очень кислые или очень горькие; в особенности ему доставляет удовольствие большая мясистая красная семенная оболочка одного тамошнего плода. Только иногда он лакомится маленькими семенами больших плодов, но опустошает и разоряет кругом гораздо больше, так что под деревьями, на которых он ел, всегда находится масса остатков. В высшей степени любит дурианы и уничтожает этот

драгоценный плод в большом количестве, но никогда не решается переходить просеки, чтобы добыть его. Орангутан крайне редко спускается на землю, вероятно, только тогда, когда, понуждаемый голодом, ищет на берегу сочные побеги или когда во время очень сухой погоды идет за водой, которую обыкновенно находит в достаточном количестве в углублениях листьев. Только однажды я видел двух полувзрослых орангутанов на земле в сухой норе. Они играли вместе, становились прямо и охватывали друг друга руками. Никогда обезьяна этой породы не стоит на задних лапах, разве только тогда, когда держится руками за ветви или когда на нее нападают и она собирается защищаться. Рисунки, на которых ее изображают ходящей с палкой, неверны и основаны на вымысле.

Человека орангутан, по-видимому, не очень боится. Те из обезьян этой породы, которых я наблюдал, смотрели на меня несколько минут широко раскрытыми глазами и затем медленно удалялись к соседнему дереву. Завидя одного из орангутанов, я часто должен был отойти за тысячу и более шагов, чтобы взять ружье, при возвращении почти всегда находил его на том же дереве или недалеко. Никогда не видел вместе двух совершенно взрослых животных, но почти всегда встречал самцов, равно как и самок, в сопровождении полувзрослых детенышей.

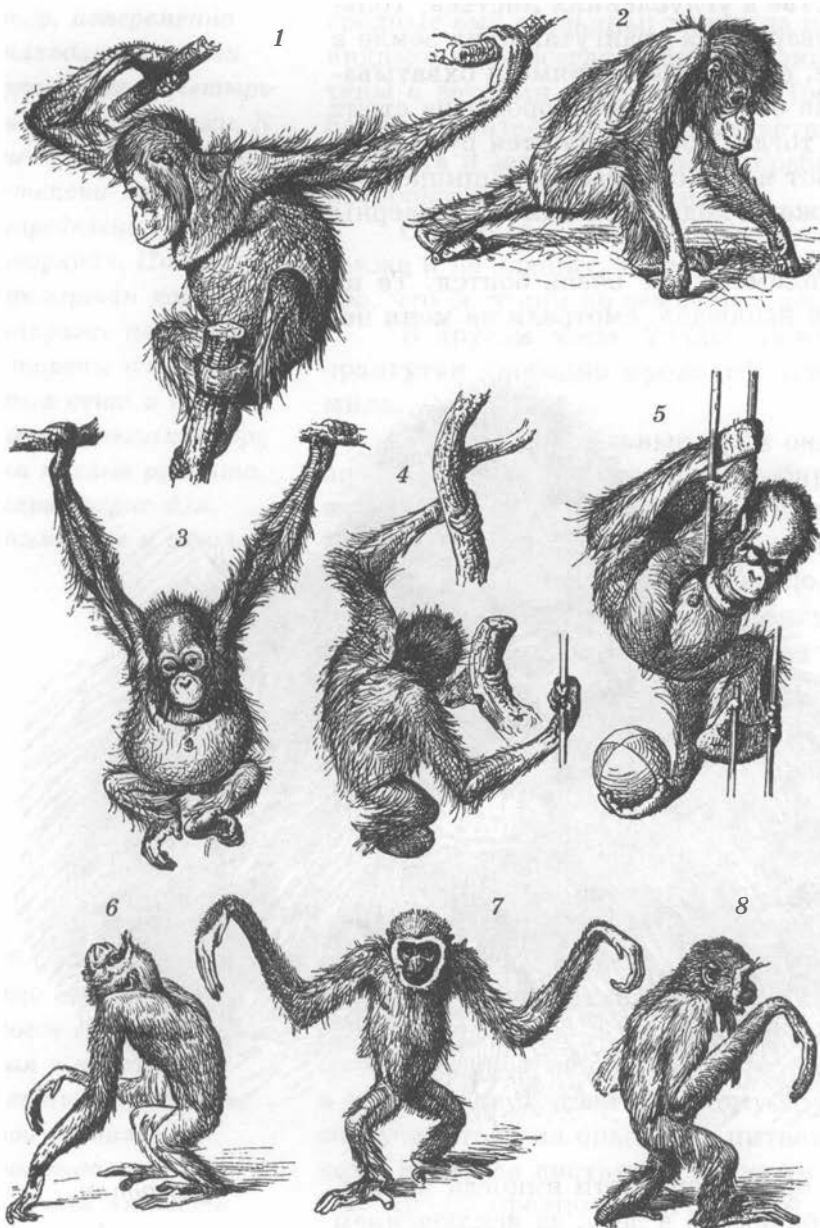
Даяки рассказывают, что орангутан почти никогда не подвергается нападению со стороны зверей в лесу, за исключением только весьма редких случаев. Все предводители даяков, проводившие жизнь в местах, где часто водится орангутан, уверяли меня, что никакое животное не обладает достаточной силой, чтобы его убить, и единственное существо, с которым он вступает в борьбу, — это крокодил. Когда орангутан не находит в джунглях достаточно плодов, то отправляется на берег реки за растущими

Орангутан

**Семейство
человекообразные**

около воды молодыми побегами и плодами. Здесь и случается, что крокодил старается схватить его, но орангутан прыгает на него, бьет руками и ногами, рвет на части и убивает. Рассказчик прибавлял при этом, что раз он сам был свидетелем такой борьбы, и уверял, что обезьяна всегда остается победителем. Другой предводитель рассказывал мне следующее: «Орангутан не имеет врагов, потому что ни одно животное не осмеливается нападать на него, исключая крокодила и тигровую змею. Он убивает крокодила благодаря своей чрезмерной силе, причем становится на него, разрывая его челюсти и перегрызает горло. Если тигровая змея нападает на орангутана, он обхватывает ее руками, кусает и быстро убивает. Он очень силен. В джунглях нет другого животного, которое было бы столь же сильно, как он.

При исключительных обстоятельствах случается также, что орангутан вступает в борьбу и с человеком. Однажды пришли ко мне некоторые даяки, чтобы рассказать, что орангутан вчера чуть не убил одного их товарища. В нескольких милях вниз по реке стоит хижина даяка, и ее жители заметили большого орангутана, который спокойно обрывал побеги пальмы на берегу. Его спугнули, и он бросился назад в джунгли, но толпа людей, вооруженных копьями и дубинами, пересекла ему дорогу. Передний отважился бросить свое копьё в животное, но орангутан схватил противника руками, вонзил зубы в его руку около плеча и стал рвать на куски мясо выше локтя; не будь при этом других людей, человек был бы еще больше изуро-

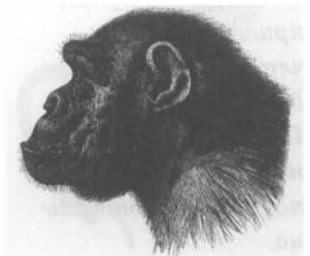
*Орангутан (1—5)
Гиббон (6—8)*

секла ему дорогу. Передний отважился бросить свое копьё в животное, но орангутан схватил противника руками, вонзил зубы в его руку около плеча и стал рвать на куски мясо выше локтя; не будь при этом других людей, человек был бы еще больше изуро-

дован или даже совсем убит. Но спутники копьями и топорами забили насмерть разъяренное животное. Раненый долго был болен и никогда уже не мог вполне владеть своей рукой». В справедливости этого рассказа убедился и сам Уэллес: на следующий день он посетил место борьбы и отрезал голову убитого орангутана, чтобы присоединить ее к своей коллекции*.

Я позволю себе в дополнение к этому превосходному очерку жизни орангутана присовокупить некоторые прежние сведения. Первыми точными наблюдениями мы обязаны голландцу Фосмерну, который долгое время держал у себя самку. «Животное было добродушно и никогда не выказывало злобы или коварства. Можно было без всякого опасения класть ей в рот палец. Она имела вид несколько печальный и грустный, она любила человеческое общество без различия пола, но оказывала предпочтение тем людям, которые больше других занимались ею. Обезьяну посадили на цепь, что иногда повергало ее в отчаяние: она бросалась тогда на пол, жалобно кричала и рвала одеяло, которое ей давали. Выпущенная однажды на свободу, быстро влезла на стропила кровли и бегала по ним с такой быстротой, что четверо людей провозились целый час, пока поймали ее. При этом приключении она стащила бутылку малаги, откупорила ее и поспешно выпила вино, а бутылку опять поставила на место. Она ела все, что ей давали, но предпочитала другой пище плоды и коренья. Охотно ела также вареное и жареное мясо или рыбу. За насекомыми не охотилась, а когда ей дали живого воробья, то очень испугалась, но все-таки загрызла его, выдернула несколько перьев, попробовала мясо и выкинула птицу вон. Сырые яйца пила с наслаждением. Лучшим лакомством, по-видимому, считала землянику. Обычным питьем ей служила вода, но она очень охотно пила также всякого рода вино, и в особенности малагу. После питья вытирала губы рукой и даже употребляла совершенно как человек зубочистку. Воровала чрезвычайно искусно, и так ловко крадала из карманов людей лакомства, что они и не замечали этого. Перед сном делала большие приготовления: поправляла сено на постели, встряхивала его хорошенько, клала особую связку сена под голову и затем покрывалась одеялом. Одна спать в комнате не любила, потому что вообще не выносила одиночества. Днем иногда дремала, но всегда недолго. Ей дали платье, которое она натягивала то на тело, то на голову, и притом не разбирая, холодно или жарко. Однажды при ней отперли ключом замок ее цепи, она смотрела на это с большим вниманием и затем взяла щепку, воткнула в замочное отверстие и принялась вертеть ее во все стороны. Раз дали ей котенка, она схватила его крепко и тщательно обнюхала, котенок оцарапал ей руку, тогда она отбросила его прочь, осмотрела царапину и с этих пор уже не хотела знаться с Васькой. Она умела очень ловко развязывать самые запутанные узлы руками или зубами, если они были слишком туго затянуты, и это

** Описана вполне объяснимая реакция самозащиты, характерная для любой обезьяны и вовсе не свидетельствующая об исключительной свирепости орангутана. Важно, что во всех подобных случаях нападающей стороной является человек.*

Семейство человекообразные

** В непривычном климате орангутаны очень подвержены инфекционным заболеваниям. Тем не менее именно орангу принадлежит рекорд продолжительности жизни млекопитающего в неволе — 60 лет. В природе оранги живут 35—40 лет.*

*** Горилла (*Gorilla gorilla*) является самым крупным современным приматом. Рост некоторых самцов в выпрямленном положении достигает почти 2 м, обхват грудной клетки — 175 см, масса — до 200 кг (в неволе иногда до 300 кг).*

**** Горилла лучше приспособлена к четвероногому передвижению по земле. Положение ее тела на четвереньках почти горизонтально.*

доставляло ей такое большое удовольствие, что она всегда развязывала шнурки у башмаков тех людей, которые к ней подходили. В руках ее была необыкновенная сила, и она могла поднимать ими большие тяжести. Задними конечностями пользовалась так же ловко, как и передними. Так, например, если случалось, что она не могла чего-нибудь достать передними, то ложилась на спину и приближала к себе предмет задними. Она кричала только тогда, когда ее оставляли одну. Сначала крик этот походил на вой собаки. Чахотка скоро положила конец ее жизни»*.

Другой прирученный орангутан, о котором рассказывает Джеффрис, содержал свою клетку очень чисто, мыл в ней пол тряпкой и водой и удалял всякого рода остатки еды и тому подобное. Он мыл себе лицо и руки, как человек. Третий орангутан отличался большой нежностью по отношению ко всем тем, кто дружелюбно с ним говорил, и совершенно по-человечески целовал своего господина и сторожа. С незнакомыми был очень робок, к знакомым же относился вполне доверчиво.

Я имел случай наблюдать многих живых орангутанов, но мне не случилось встретить ни одного, которого можно было бы сравнивать с шимпанзе одного и того же возраста. Всем им недоставало свойственной последним веселости и охоты к шуткам: они были, напротив того, в высшей степени серьезны, большей частью очень тихи и потому скучны. Каждое движение их было медленно, а выражение добродушных коричневых глаз печально. Таким образом, они представляли во многих отношениях противоположность шимпанзе.

Горилла (*Gorilla gorilla*) несколько меньше ростом, но значительно шире в плечах большого человека. По Окену, впервые давшему подробное описание гориллы, рост самца, как видно по шкурам, присланным Саважем и Дю-Шаллью, от подошвы до темени 1,65 м, ширина плеч 95 см, длина головы и туловища вместе 1,08 м, передних конечностей 1,08 м, длина задних конечностей до пятки 75 см, а до конца среднего пальца 1,5 м. Вероятно, есть гориллы-самцы и большего роста, так как фон Коппенфельс определил рост только что убитого гориллы в 1,9 м, и Гартманн также приводит более крупные цифры**. Самки меньше ростом. Длинное крепкое туловище и такие же передние конечности, непомерной длины кисти и ступни, а также соединение средних пальцев рук и ног особой кожей — вот самые характерные признаки гориллы***. Линия, образующая очертание головы от сильно выдающихся надглазных дуг, вначале несколько вогнута, затем слегка выпукла, достигнув темени, поднимается вверх и круто спускается по направлению к затылку. Линия бровей благодаря толстой, покрывающей их коже и густым волосам выдается еще сильнее, вследствие чего небольшие темно-карие глаза более углубляются внутрь. Плоский нос вдавлен посредине и значительно расширен с боков, кончик его благодаря широким ноздрям,

косо открывающимся вперед и кверху, заметно выдается. Расстояние между носом и глазами у различных горилл не одинаково, что придает каждому лицу, окаймленному взъерошенными волосами, своеобразное выражение. Морда широкая, толстые губы не так подвижны, как губы других человекообразных обезьян, походят больше на человеческие и также представляют замечательные различия у каждой особи*. Короткий подбородок ушел бы внутрь, если бы вся нижняя часть лица не была выдвинута вперед. Уши, отодвинутые далеко назад и лежащие на одном уровне с глазами, сравнительно меньше ушей шимпанзе, но больше человеческих. С последними они сходны больше, чем уши какой-либо другой обезьяны, так как имеют хорошо развитую раковину и маленькую, однако висячую мочку. Короткая шея благодаря мощным мышцам, покрывающим остистые отростки позвонков, составляет с затылком и спиной прямую линию, поэтому шея от туловища отделяется только сбоку и спереди, так что голова кажется сидящей непосредственно на туловище. Само туловище отличается как своей необыкновенной шириной, так и несоразмерной длиной по отношению к туловищу человека. Мощная грудная клетка необычайно объемиста, ширина плеч почти непомерной величины, спина слегка согнута**, но так, что лопатки не выступают, брюхо равномерно выпукло. Конечности гориллы существенно отличаются от человеческих равномерной толщиной отдельных частей, обусловливаемой отсутствием толстых мускулов на плечевой части руки и икр на голеньях. Сравнительно с другими человекообразными обезьянами у гориллы плечо относительно длиннее, вся же рука короче. Сравнительно с человеком у гориллы руки вовсе не так длинны, как это кажется на первый взгляд по причине короткости ног. Предплечье, незначительно утончаясь, переходит в короткую, широкую и толстую кисть, отличающуюся длинной ладонью, три средних пальца толстые, крепкие, как бы опухшие, соединены между собой до третьего сустава кожей, благодаря чему двигаться свободно могут самое большее два сустава, и снабжены ногтями, равными по величине человеческим, но маленькими для рук гориллы. Большой палец, как у всех человекообразных обезьян, слаб и почти наполовину короче каждого из остальных пальцев. При сравнении с другими сходными с ней обезьянами бедро гориллы оказывается развитым сильно, голень, напротив, короткая и слабая; ступня также короткая и широкая. Шерсть гладкая, довольно длинная и густая, слегка волнистая на затылке, плечах и бедрах. Лицо начиная от бровей до половины скул и подбородка, уши, кисти и ступни с боков и снизу, до места сращения пальцев, остаются голыми. Остальное тело покрыто шерстью довольно равномерно, гуще всего одеты ею темя, затылок, плечи, верхние части рук, а также верхняя и нижняя часть ног, где шерсть иногда бывает длиной в 10 см и более. На груди и брюхе шерсть реже, у старых горилл посредине спины

* Верхняя губа гориллы очень коротка, малоподвижна и не похожа на губы человека, шимпанзе или орангутана.

** В отличие от «сутулых» шимпанзе спина самки гориллы абсолютно прямая, а у самца — сильно прогнута в пояснице.

Семейство человекообразные

** Цвет шерсти гориллы заметно варьирует от пола, возраста, подвидовой принадлежности животного. У западных горилл больше примеси серо-коричневых тонов, как правило, они имеют рыжеватую «шапочку». Восточные гориллы иссиня-черные. После 13 лет жизни короткая шерсть на спине и пояснице самцов стремительно седет (у западного подвида — до бедер). Серебристо-серая или белесая спина становится признаком зрелости. Широко известна горилла-альбинос Снежок, пойманная в Экваториальной Гвинее и долго жившая в Барселонском зоопарке.*

*** К костяным гребням на черепе крепится мощная шейная и жевательная мускулатура, необычайно развитая у этих растительноядных животных.*

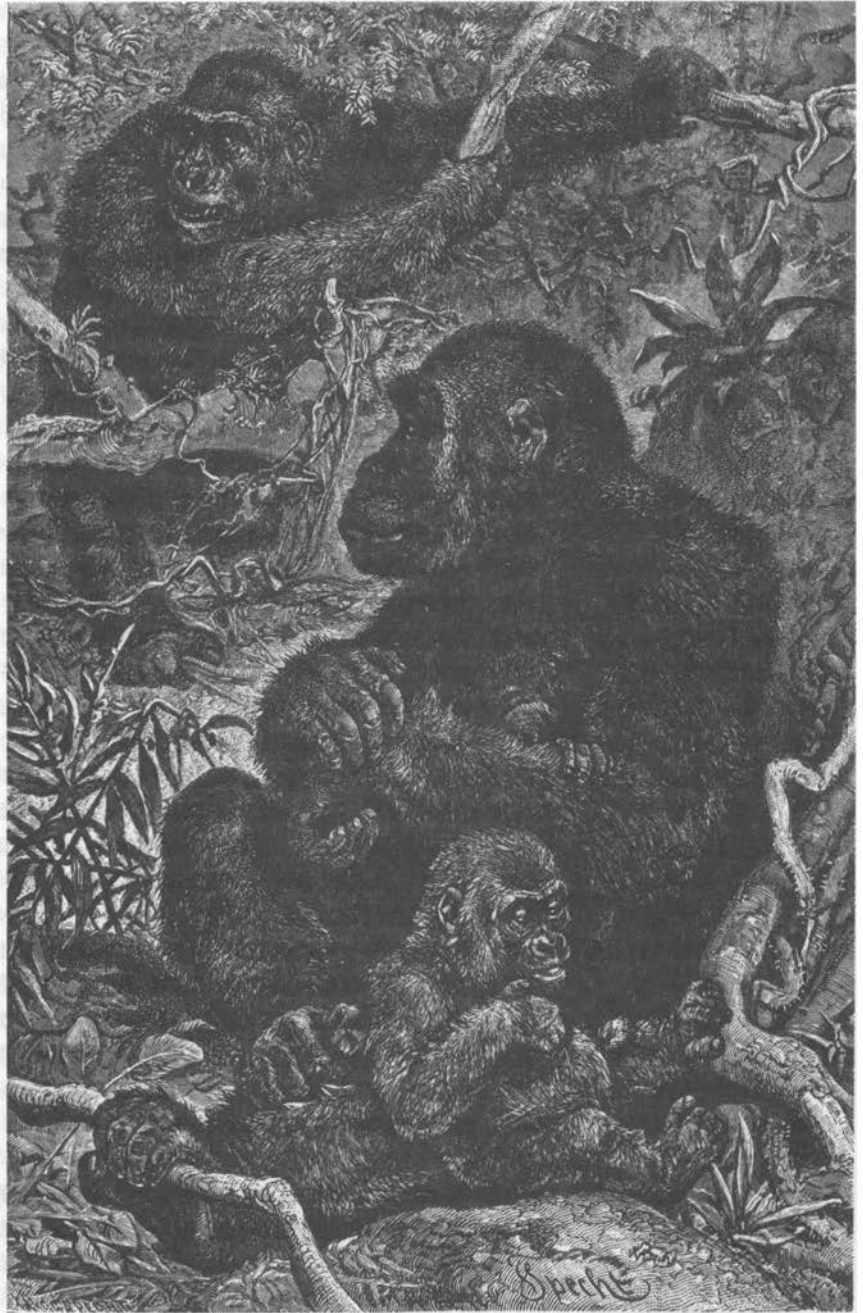
и внизу ее она бывает обыкновенно вытерта. Растет шерсть вообще по направлению спереди назад и сверху вниз, за исключением предплечья, где она растет по направлению снизу вверх. Все свободные от волос части тела темно-серого цвета, кожа, покрытая волосами, темно-бурого цвета, сама шерсть имеет различную окраску, трудно поддающуюся описанию. Преобладает темно-серый цвет, происходящий от смешения небольшого количества красноватых со множеством серых волос. Этот смешанный цвет принимает на темени и затылке более равномерный оттенок, и поэтому эти части выглядят красновато-серыми, даже рыжими. На спине преобладает серый цвет, на поверхности ног, обращенной внутрь, — коричневый. На заду находятся несколько грязновато-белых волос. Самец и самка отличаются друг от друга только ростом и формой головы, старые и молодые не имеют существенных отличий*.

Зубы очень велики, клыки развиты едва ли меньше, чем у хищных животных, задний коренной зуб нижней челюсти имеет три маленьких наружных и два внутренних бугорка, а также плоский бугорок сзади. Остов своей массивностью соответствует величине животного. На громадном черепе особенно бросается в глаза его задняя часть, узкая, длинная, сильно сдавленная с боков, сзади выступающая углом и малообъемная; теменной гребень большей частью сильно развит у самца, отсутствует редко, у самки же его никогда не бывает**. Не менее замечательны надглазные и скуловые отростки лобной кости, выдающиеся далеко вперед, а также исполинская нижняя челюсть. Грудная клетка необыкновенно обширна, а кости рук поражают могучим сложением. По Гексли и Гартманну, кости ступни не похожи на кости руки, а скорее похожи на остов настоящей хватательной ноги, снабженной длинным, толстым большим пальцем, оказывающим прекрасные услуги при лазанье.

Нельзя еще с точностью указать область распространения гориллы. Родиной ей, по-видимому, служит лишь небольшая область западной Африки, а именно Нижняя Гвинея. До сих пор она встречалась в местностях, лежащих по берегу моря, приблизительно между экватором и 5 градусом южной широты, а также на западном склоне соседних гор. Так как горилла — обитатель лесов, то она, по всей вероятности, не встречается ни южнее, по направлению к реке Конго, ни в местностях, лежащих по другую сторону горной цепи, а, всего вероятнее, живет к северу от рек Огове и Габуна до Камеруна, в местностях, обильно орошаемых и потому покрытых густыми лесами. Она встречается, может быть, также и в Верхней Гвинее, в местностях, находящихся в тех же благоприятных условиях.

После Ганнона первые сведения о больших человекообразных обезьянах доставили Эдуард Лопец, мореплаватель и торговец, и Андрей Баттель, бывший солдат и мародер, жившие в конце

XVI столетия в различных местах Нижней Гвинеи. Баттель рассказывает про настоящую гориллу, живущую по берегу около устья реки Лоанго, и впервые употребляет название «мпунгу», что развеивает всякие сомнения относительно достоверности его сообщений. Описывая бухту Уимба и впадающую в нее реку, которую называет Банна (речь идет о Баниа), он говорит: «Леса до того кишат павианами, мартышками, обезьянами и попугаями, что все боятся путешествовать в них, больше всего при этом опасаются двух чудовищ, живущих в этих лесах и в высшей степени опасных. Самое большое из этих чудовищ африканцы называют «понго» (вернее, «мпунгу»), то, которое меньше, — «ензего» (вернее, «нзику»). Понго сложен как человек и лицом похож на него, его громадный рост и впалые глаза, защищенные пучками длинных волос, делают его похожим скорее на великана. Лицо, уши и руки лишены волос, тело, напротив, покрыто, хотя и не особенно густо, темными волосами. От человека он отличается исключительно своими ногами, не имеющими икр. Он всегда ходит на ногах и, бегая по земле, складывает руки на затылке. Спит на деревьях и строит себе навесы от дождя. Пища его состоит из плодов, которые находит в лесах, и орехов, мяса не ест никогда. Говорить не может, и разума у него не больше, чем у всякого животного. Если местным жителям, принужденным путешествовать в этих лесах, случается ночью развести

Горилла
(*Gorilla gorilla*)

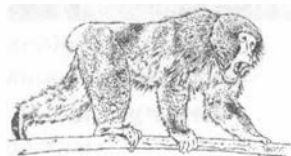

огонь, то поутру, как только они оставят место ночлега, тотчас же появляются понго, садятся у огня и сидят, пока он не потухнет; они не понимают, что для поддержания его нужно подкладывать дрова. Они часто собираются в стада и убивают немало африканцев в лесу, нападают также на слонов, которые пасутся поблизости, и так сильно колотят их своими мощными кулаками, что те с ревом убегают. Этим понго никогда не удастся поймать живыми, так как десять человек не в состоянии удержать одного из них; зато их детенышей часто убивают отравленными стрелами. Молодой понго так крепко прицепляется к телу матери, что африканцам, которым удастся убить самку, достается и детеныш, не покидающий мать. Когда одно из этих чудовищ умирает, остальные покрывают его кучей веток и хвороста; таких куч в лесах встречается множество».

Несколько позже капитан одного корабля, который провел довольно долгое время на западном берегу Африки, упоминая о тех же обезьянах, указывает, однако, на три различных вида, добавляя, что самый большой из них называется «импунгу».

Лишь в 1846 году американскому миссионеру Вильсону удалось добыть череп этой обезьяны. Не было сомнения, что он принадлежит виду, еще не описанному. После долгих поисков был найден другой череп; остальные же части скелета надеялись раздобыть позже. Африканцы, вполне знакомые с нравом и привычками этого животного, давали весьма похожие показания относительно его роста и зверского нрава и обещали в короткий срок доставить полный скелет. Вильсону самому удалось увидеть убитую гориллу. По его уверению, невозможно, не видевши, составить себе верного понятия ни о ее безобразной внешности, ни о необыкновенной мышечной силе. Неудивительно, что африканцы, даже вооруженные, боятся встречи с ним. По их словам, обезьяна чрезвычайно зла и при встрече с одним человеком немедленно нападает на него. «Я сам, — уверяет Вильсон, — видел человека, которому одно из этих чудовищ почти совершенно откусило икру и который был бы разорван на части, если бы его вовремя не выручили товарищи». Уверяют, что гориллы вырывают из рук человека ружье и сплющивают его дуло между челюстями; действительно, если принять во внимание громадную силу челюстных мышц, то это никому не покажется невозможным.

Около того же времени Саваж, производя подобные исследования среди африканцев, собрал сведения об образе жизни этих обезьян и напечатал результаты своих исследований в «Бостонском вестнике естествоведения» за 1847 год, не прибавив ничего нового к прежним описаниям, основанным на рассказах местных жителей. Сведения, доставленные Фордом в 1852 году, согласуются с предыдущими. Он имел случай наблюдать пойманную маленькую гориллу. «О зверском нраве горилл можно было

ясно судить, наблюдая привезенного сюда детеныша. Его держали несколько месяцев и всеми силами старались приручить, но он был до того дик, что укусил меня».

Следующие сведения доставлены Дю-Шаллью. Я бы воспользовался его сообщениями, если бы они не возбудили во мне при первом же чтении непреодолимого недоверия. Я вполне согласен с Ридом в том, что рассказы Дю-Шаллью представляют замечательную смесь истины с вымыслом, и присоединяюсь к мнению Рида, когда он говорит, что Дю-Шаллью написал про гориллу много верного, но ненового и немного нового, которое оказывается неверным.

Из всех сведений, доставленных прежними путешественниками, больше всего, по-видимому, можно положиться на сведения, добытые Ридом. «Путешествуя в стране горилл, — говорит он, — я осведомлялся в каждом селении, где останавливался на ночлег, о том, не окажется ли там африканца, которому случилось убить гориллу. Если на мое счастье таковой находился, его приводили ко мне, и я, через переводчика, расспрашивал о нравах и привычках этих обезьян. Подобному плану следовал я, находясь среди белингов на реке Муни, среди шикенов на реке Габун и среди коммов на Фернандовац. Те же вопросы я предлагал и невольникам, уроженцам Центральной Африки, которые находились при своих хозяевах в качестве охотников. Сравнив все полученные сведения, я удержал лишь то, что подтверждалось одинаковыми показаниями охотников этих трех различных районов Центральной Африки. В то время как шимпанзе живет вблизи небольших степей, горилла, по-видимому, любит полумрак густых лесов. Бегает на четвереньках, и самца можно встретить иногда одного, а иногда в сопровождении самки и детеныша. Он срывает с деревьев ветви и листья, находящиеся над землей, на доступной ему высоте. Иногда влезает на дерево, чтобы полакомиться плодами. Есть трава, растущая на сырой, покрытой кустарником почве, которую горилла любит до того, что можно почти наверное рассчитывать встретить ее в местности, где попадается это растение. По утрам и вечерам посещает плантации, поедает бананы, сахарный тростник и издает при этом жалобный крик. Ночлег устраивает на деревьях. Когда самка беременна, самец строит на высоте 5—8 метров над землей гнездо, то есть простое логовище из сухих прутьев и ветвей, которые натаскивает руками. Здесь самка производит на свет детеныша, после чего покидает гнездо. Во время течки самцы ведут борьбу за обладание самками. Свидетель, заслуживающий доверия, видел двух из них в бою, один был гораздо больше другого и убил меньшего. Из этого следует заключить, что гориллы, подобно другим зверям, ведущим борьбу за обладание самками, живут в многобрачии. Обыкновенный крик гориллы жалобен. В ярости издает резкий, хриплый лай, похожий на рев тигра.

Семейство человекообразные

** Горилла гораздо менее агрессивна, чем шимпанзе. Для нее скорее характерна «демонстрация агрессии» — громкий рев, гулкие барабанные удары кулаками по собственной груди, швыряние сучьев, внезапные наскоки с оскаленной пастью. Обычно противник убегает, но испуганный «чудовищем» человек, у которого не выдерживают нервы, может ранить животное копьём или пулей во время одной из ложных атак. Подранок же действительно становится смертельно опасным. Спровоцировать «настоящее» нападение самца гориллы может также пристальный взгляд «глаза в глаза», воспринимающийся приматами как вызов доминантному положению, либо неожиданное появление в непосредственной близости от самок или детенышей, что квалифицируется вожаком как угроза собственной*

Благодаря склонности африканцев все преувеличивать я вначале наслушался самых разнообразных рассказов про дикость гориллы. Однако когда расспросил настоящих охотников, то нашел, насколько мог судить, что они, как все отважные люди, скромны и скорее молчаливы, чем болтливы. То, что они сообщали о дикости этих обезьян, не совсем согласуется с рассказами Саважа и Форда. Они отрицают факт, что горилла, не будучи раздражена человеком, нападает на него. «Не трогайте ее, — говорят они, — и она вас не тронет». Если же неожиданно потревожить ее во время еды или сна, она круто оборачивается, устремляет пристальный взор на человека и испускает негодующий, жалобный крик. Если ружье охотника дает осечку или обезьяна будет только ранена, то случается, что она бросается в бегство; иногда, однако, с яростью во взоре, с отвисшей губой и приподнявшимся пучком волос на голове кидается на противника. Горилла, по-видимому, не отличается проворством, так как охотники зачастую убегают от нее. Нападает она всегда на четвереньках, хватает досадивший ей предмет, подносит ко рту и кусает его. Распространенный повсюду рассказ о том, что горилла в состоянии прокусить дуло ружья, не представляет ничего удивительного, так как всякое большое животное, имеющее крепкие челюсти, может сплющить зубами дешевые бирмингемские ружья. Я слышал с различных сторон, что горилла убивала людей, но всегда оказывалось, что рассказы эти основаны на преданиях. Охотник, служивший мне проводником, был однажды ранен гориллой. Рука его была совершенно искалечена, и на кисти еще виднелись следы зубов гориллы. Я попросил его с точностью представить мне, как нападает горилла. Я изображал охотника, он — гориллу. Он присел, а я сделал вид, что хочу стрелять в него. Тогда он на четвереньках подбежал ко мне, схватил мою руку у кисти, поднес ко рту, укусил ее и убежал. «Вот как сделала горилла со мной», — сказал он.

При содействии таких простых свидетелей лучше всего можно добиться истины среди африканцев. В общем леопарда считают за более свирепое и более опасное животное, чем гориллу. Но ведь, с другой стороны, и шимпанзе бросается на человека, когда тот нападает на него; то же делает и орангутан, так же поступают наконец все животные, начиная со слона и кончая насекомыми. Итак, я не имею никакого основания предположить, что горилла более свирепа и более склонна нападать на человека, нежели другие звери, которые, подобно нашей обезьяне, осмотрительны и трусливы и умеют пользоваться своим прекрасным чутьем и слухом, чтобы уйти от преследований человека*. В качестве скромного собирателя фактов я стремлюсь к одному — к истине. Показания мои отличаются от показаний моих предшественников, но я должен откровенно признаться, что как та, так и другая сторона одинаково правы. Все африканцы вообще склонны скорее к преувеличению, чем к умалению фактов. Я расспросил, может быть, боль-

шее число свидетелей, чем Вильсон, Саваж и Форд, вместе взятые, и был вдвое более осторожен при моих исследованиях; однако те имели передо мной большое преимущество в том, что знали язык местных жителей, а также лучше меня были знакомы с их нравами. Я не в состоянии определить относительную ценность наших сообщений уже по одному тому, что не знаю, от какого племени те путешественники получили свои сведения. То, что я могу утверждать по собственному наблюдению, состоит в следующем: я видел гнезда горилл и описал их, однако не могу сказать наверняка, служат ли они им постоянной постелью или только временным логовищем. Я также неоднократно находил следы гориллы и потому вправе утверждать, что эта обезьяна обыкновенно ходит на четвереньках. Никогда не случилось мне находить сразу следов больше, чем от двух горилл. Я также делал наблюдения над молодым гориллой и молодым шимпанзе в плену и смею уверять, что оба оказались одинаково понятливы. Наконец, я могу утверждать, что горилла, по крайней мере иногда, бежит от человека, так как я находился достаточно близко, чтобы слышать, как одна из них убежала от меня.

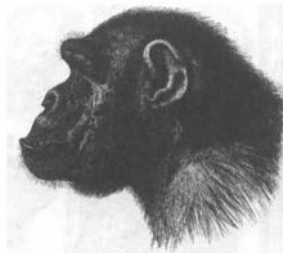
Из множества рассказов, сообщенных мне про гориллу, я выпустил все, казавшиеся недостаточно правдоподобными. В одном из этих рассказов, например, говорится, что иногда семья горилл влезает на дерево и до отвалу наедается плодов, в то время как старый отец семейства остается у подножия дерева. «Если тебе удастся, — говорят африканцы, — подойти на достаточно близкое расстояние, чтобы убить гориллу, то ты можешь убить также остальную семью». Во втором рассказе говорится о том же, о чем говорится во всех рассказах про больших обезьян, а именно о том, что они уносят с собой женщин. Каждый, однако, будет вправе отнестись недоверчиво к этим рассказам, если, например, услышит, что обезьяны утащили женщину в лес и она жила там среди них в полудиком состоянии.

Винвуд Рид заключает свои сообщения замечанием, что он ничего не мог узнать о том, чем горилла резко отличается от шимпанзе по образу жизни. Оба строят гнезда, оба бегают на четвереньках, оба необщительны, но иногда собираются в стада и т.д. «Белый человек до сих пор не убивал еще ни гориллы, ни шимпанзе. Осторожность этих животных, неизвестность их местопребывания, зависть местных охотников — все это делает такого рода охоту предприятием чрезвычайно трудным»*.

Со времени сообщений Рида, бесспорно самого добросовестного докладчика, наши сведения о горилле в значительной степени увеличились. Два раза удалось германским путешественникам, членам экспедиции Гюсфельда по реке Лоанго, сохранить в живых молодых горилл, которых и отправили в Европу в 1876 и 1883 годах; там прожили они довольно долгое время в Берлинском зоопарке, под наблюдением директора Гермеса, и таким об-

Семейство человекообразные

семье. В остальном же огромная обезьяна удивительно миролюбива. Фактически, кроме человека, горилла не имеет врагов.

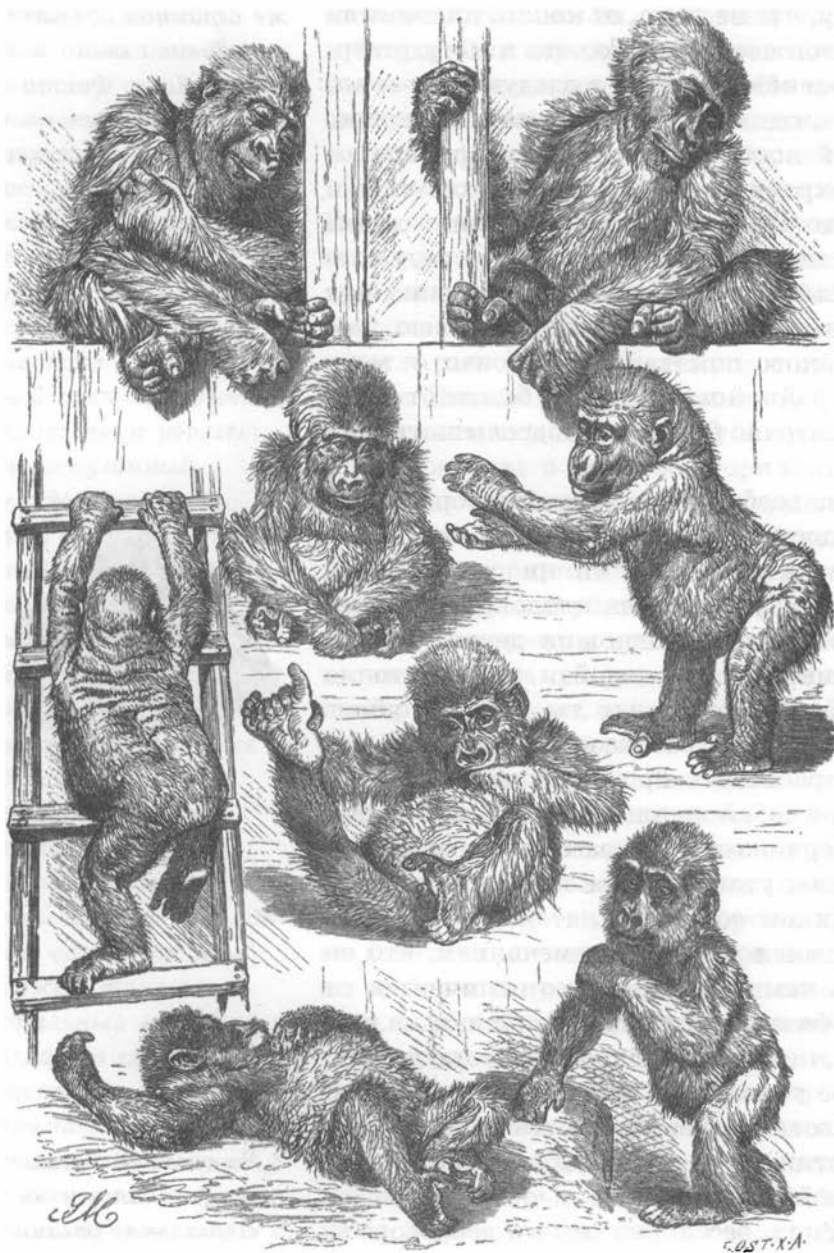
** Во времена Брема повседневная жизнь и социальная организация человекообразных обезьян были практически неизвестны либо сильно искажены рассказчиками.*

разом дали возможность представителям науки внести ясность в некоторые вопросы. Далее Гуго фон Коппенфельс, страстный охотник, в продолжение последних десяти лет несколько раз принимал путешествия в страны, лежащие по рекам Габуну и

Огове, чтобы ознакомиться на месте с этими замечательными животными.

Коппенфельс является пока единственным европейцем, который наблюдал в лесах и собственно убивал горилл. Он подтверждает многие из показаний, данных другими, в особенности Ридом, понаслышке, и пополняет их на основании личного опыта.

«Я утверждаю, хотя это и может показаться невероятным, что из африканцев, занимающихся охотой, может быть только одной трети случалось видеть гориллу в лесу. За исключением старых нелюдимых самцов, гориллы живут семейно и скитаются по лесам для отыскания пищи, потребляемой ими в громадном количестве; ведя бродячий образ жизни, они ночуют там, где их застанут наступившие сумерки. Каждый вечер они строят новое гнездо на высоте 5—6 метров на больших, здоровых деревьях толщиной немногим более 0,3 метра. Гнездо это, наподобие журавлиного, расположено на первом разветвлении более толстых

Горилла

сучьев и сложено из зеленых ветвей. Детеныши, если они еще нуждаются в тепле, а также их мать отдыхают в нем ночью, тогда как отец проводит ночь сидя, скорчившись у подножия ствола и приклонясь к нему спиной; таким образом он охраняет семью от на-

падения леопардов. В сухое время года, когда в глубине лесов начинает ощущаться недостаток в воде и пище, гориллы, как и другие обезьяны, совершают набеги на плантации и производят в них страшные опустошения. Хозяева плантаций выставляют стражу, которой в большинстве случаев удается прогнать горилл частыми выстрелами из ружей. Случается, однако, что старые гориллы-самцы, сознавая свою геркулесовскую силу, полагаясь на свое в высшей степени острое чутье и гонимые голодом, не обращают на это внимания и продолжают опустошения по ночам. В таких случаях люди, потерпевшие убытки, вынуждены подкараулить или выследить ненасытное животное и застрелить его. Сделать это, однако, удается редко, так как хитрый зверь сразу чувствует серьезное намерение преследователей и удаляется на некоторое время.

Если ее не трогать, горилла не нападает на человека и скорее даже избегает встречи с ним. Если, однако, внезапно потревожить ее, то она приподнимается на ноги, издает из глубины груди отрывистый, не то рычащий, не то хрюкающий рев, который передать невозможно, и громадными кулаками колотит себя по гигантской груди; при этом скрежещет зубами, лицо принимает самое свирепое выражение и волосы на лбу и на затылке шевелятся и становятся дыбом. Приведенная в бешенство старая горилла представляет ужасающий вид. Если не раздражать ее и вовремя отступить понемногу, пока ярость не достигла еще своих крайних пределов, то я не думаю, чтобы она решилась на нападение. Если же выстрелить и иметь несчастье только слегка ранить ее, то уверен, хотя сам и не испытал этого, что горилла бросится на стрелка, и горе ему, если у него нет сейчас же второй пули наготове! Бегство от нее невозможно, защититься другим оружием, кроме огнестрельного, совершенно бесцельно.

Горилла, сколько мне случалось замечать, питается растительной пищей. Однако молодые оказывают в плену особенное предпочтение животному корму, откуда можно заключить, что, живя в лесу, они не пренебрегают ни мясом, ни яйцами. Стоит раз только увидеть гориллу, чтобы не смешивать ее больше с шимпанзе. Помимо значительно большего роста, более коренастого сложения горилла отличается еще серым цветом волос, который в старости распространяется почти по всему телу. Цвет лица ее, однако, до старых лет остается черным; у шимпанзе он изменяется, смотря по разновидности и возрасту. Горилла отличается также чрезвычайным развитием всей мышечной системы своего удивительно массивного тела, не считая икр, которых лишены все обезьяны, и принимая в расчет ее большую ловкость, которая на первый взгляд кажется не очень большой.

Я, если можно позволить себе подобное сравнение, побился бы об заклад, что горилла выйдет победителем из борьбы с сильным медведем. Африканцы называют ее различным образом: в некоторых местностях «ндипина», в других — «нгуяла»*.

* Сведения Коппенфельса довольно фрагментарны, но в отличие от рассказов других путешественников объективны и весьма точны.

В Рождество 1874 года фон Коппенфельс в первый раз убил гориллу. Он встал неподалеку от большого дерева кайя, плоды которого гориллы очень любят, и на нем нашел несколько плодов, недавно початых ими. «Около часа я ждал напрасно. Стало заметно смеркаться, москиты жалили меня очень больно, и я хотел было покинуть свой пост, как вдруг из-за акации послышался легкий треск. Выглянув из-за ствола, за которым стоял, заметил семью горилл, беззаботно занимавшихся собиранием плодов. Семья состояла из обоих родителей и двух различного возраста детенышей, старшему было лет шесть, младшему — год, если считать по признакам человеческого возраста. Трогательно было смотреть, с какой любовью мать заботилась о меньшом. Отец, напротив, не заботился ни о чем другом, кроме утоления собственного голода. Лучшие плоды были, по всей вероятности, съедены, и самка, с необыкновенной быстротой вскарабкавшись на дерево, стала стряхивать с него спелые. Тут горилла-самец, продолжая жевать, отправился напиться к близкому источнику. Я ни на одно мгновение не спускал с него глаз. При появлении этого животного я сильно испугался, вспомнив описания Дю-Шаллю и полные сказочных преувеличений рассказы африканцев. Волнение мое исчезло, когда самец, приблизившись к берегу ручья, вдруг стал обнаруживать беспокойство и, присев, начал всматриваться в сторону дерева, скрывавшего меня. Слишком поздно, однако, почуял он близкого врага, так как, вскинув ружье и приложившись, я уже следил за каждым его движением. Достаточно было нескольких мгновений, чтобы прицелиться в животное, неподвижно уставившее на меня свои глаза. Раздался выстрел. Не успел еще рассеяться дым, как я уже вложил в ствол ружья новый патрон и стал ждать нападения животного. Мой спутник, дрожа, стоял позади и держал второе ружье наготове. Нападения не последовало. Горилла-самец, сраженный насмерть, упал на лицо. Детеныши, испустив отрывистый крик, бросились в чащу, мать соскочила со значительной высоты с дерева на землю и последовала за ними».

Некоторое время спустя при случайной встрече фон Коппенфельс застрелил самую крупную гориллу из когда-либо убитых им. Он шел в сопровождении носильщиков по узкой лесной тропинке. «Вдруг позади меня раздался крик непосредственно шедшего за мной Галлоа, и с восклицанием: «Берегись, господин, большая горилла!» — эти трусы бросили свою ношу и убежали. Я был ошеломлен криком и только тогда, когда в стороне от меня раздалось глухое рычание, увидел шагах в пятнадцати приподнимающуюся огромную темную массу. Это была самая большая горилла, которую я когда-либо видел, и первая, которая не обратилась в бегство. Воспользуясь моим смущением, и я бы погиб. Но я не нашел нужным продолжать это взаимное разглядывание и поднял двустволку. Тут грозный рев превратился в лай, удары в грудь посыпались чаще, всклокоченные волосы ее

затряслись и встали дыбом на голове и мой страшный противник, казалось, готовился к нападению. Если бы я удалился осторожно и вовремя, то я уверен, что горилла не напала бы на меня, но не таково было мое намерение. Вполне овладев собой, я спокойно и уверенно стал целить ей в сердце. Раздался выстрел, животное подскочило и, завертевшись на месте, упало на лицо, раскинув руки. Падая, горилла ухватилась за лиану толщиной в 5 сантиметров, и сила ее была до того велика, что она вместе с лианой сорвала несколько сухих и зеленых сучьев. Весом она была по крайней мере 200 килограммов, длина тела — 1,9 метра».

Благодаря правдивым описаниям фон Коппенфельса и его сообщениям о нравах горилл, основанным исключительно на личных наблюдениях, мы получаем более верное представление об этом редком обитателе лесов и горилла теряет в наших глазах большую часть приписываемых ей ужасных качеств. Можно вполне присоединиться к мнению Р. Буртона, который здраво судит о вещах, касающихся Африки: «Горилла не более чем жалкая обезьяна, а не адское чудовище, получеловек, полузверь, как его описывали раньше».

Попытка перевезти в Европу живыми молодых горилл, которых африканцы иногда доставляют на берег, очень долго не удавалась. Животные умирали уже по дороге. Только раз, в 60-х годах XIX века, в Англию прибыла молодая горилла и короткое время находилась в руках укротителя зверей, который даже не знал, каким сокровищем обладает. Впервые это предприятие удалось с успехом германской экспедиции по реке Лоанго. Фалькенштейн, врач и зоолог экспедиции, получил благодаря счастливой случайности молодую гориллу, она была больна и должна была погибнуть, но из-за неустанных забот Фалькенштейна животное прожило сначала довольно долгое время в Африке, а затем в Берлинском зоопарке, где многие могли его изучать и любоваться им*.

Эта горилла умерла 13 ноября 1877 года, прослужив предметом наблюдений в продолжение девяти месяцев в Африке, пятнадцати месяцев в Берлине и благополучно совершив довольно длинное путешествие в Англию. Вторая горилла была доставлена живой в Европу, а затем снова в Берлинский зоопарк через посредничество Пехуель-Леше, бывшего спутника Фалькенштейна, когда тот в начале 1883 года возвращался на родину после своей поездки в бассейн реки Конго. Она также была родом из окрестностей реки Лоанго и даже из той же области, что и первый зверь. Но она была меньше ростом и менее крепкого сложения, а потому и выказывала меньше резвости и подвижности как в Африке, так и в дороге. Она жила под надзором директора Гермеса четырнадцать месяцев в Берлине и умерла 16 марта от той же болезни, как и первая горилла.

** Как правило, во времена Брема в Европу привозили молодых животных, отнятых от матери и находящихся в состоянии жестокого стресса, усугубляемого непривычной пищей, незнакомой обстановкой, иными климатическими условиями. Отсюда высокая смертность в неволе. Детеныши рождаются у самок с интервалом 3,5—4,5 года, они совершенно беспомощны, весят всего 1,5 кг. В общении с матерью, товарищами по играм, другими членами группы они до 11—12 лет «обучаются» быть настоящей гориллой. Гориллы становятся половозрелыми к 6—9 (самки) либо к 7—11 (самцы) годам, но в природе самцы получают возможность участвовать в размножении лишь в 14—20 лет. Продолжительность жизни в природе — около 30 лет, в неволе — до 47 лет.*

** Половой диморфизм в облике и размерах у шимпанзе гораздо менее выражен, чем у оранга и гориллы. Рост выпрямившегося самца достигает 150—170 см, вес — 40—60 кг (в неволе — до 90 кг). Самки достигают роста 135 см и весят в среднем 30 кг (в неволе — до 80 кг). Самцы отличаются более массивными челюстями и клыками, коренастым сложением, очень темным цветом кожи, небольшой бородкой. Даже некрупный шимпанзе гораздо сильнее человека.*

Все дальнейшие попытки доставить горилл в Европу и сохранить их живыми до сих пор остались тщетными.

Шимпанзе (*Pan troglodytes*) может быть рассматриваема как представитель особенного вида.

Она значительно меньше, чем горилла, туловище гораздо короче, чем у нее, хотя и обладает таким же числом грудных и поясничных позвонков, как у гориллы.

«Старые шимпанзе-самцы, — говорит Гартманн, — достигают 1,3—1,7 м высоты. Старые самки редко бывают выше 1,3 м*. Экземпляры, содержащиеся у нас в зоологических садах и зверинцах, — большей частью молодые самки. Череп имеет форму приплюснутого шара. У самцов иногда не достигает развития высокий продольный гребень, переходящий за середину темени, и резкие поперечные затылочные борозды, характеризующие череп самца гориллы. Боковые линии черепа, даже у старых самцов шимпанзе, редко соединяются для образования низкого гребня и простираются на короткое расстояние. Надглазные дуги, даже у старых шимпанзе, никогда не бывают так сильно вздуты, как у гориллы, — поэтому и не выдаются так резко вперед. Челюсти иных чрезвычайно выдаются, и зубы наклонены вперед, у других этого не замечается. Зубы шимпанзе редко достигают ширины и толщины зубов гориллы, длиной они всегда меньше. Область переднего носового отверстия на черепе шимпанзе обыкновенно более плоская и более вдавлена, чем на черепе гориллы. Кости туловища и конечностей стройнее, красивее и менее массивны, чем у гориллы. Несмотря на некоторые отличительные признаки, особенно в устройстве таза, можно сказать, что скелет шимпанзе очень близко подходит к человеческому.

Профиль шимпанзе более плоский, чем у гориллы, выражение гораздо более кроткое. Светло и добродушно смотрят большие глаза со светло-коричневой радужной оболочкой, умеренно прикрытые невысокими костями и надглазными дугами. Нос плоский, имеет неглубокую среднюю продольную борозду с мало выдающимся хрящом ноздрей, разделенных тонкой перегородкой. У гориллы, наоборот, нос выступает вперед, толстый и вздутый, с большими шишкообразными ноздревыми хрящами. Верхняя губа у шимпанзе длинная, дугообразно выпуклая и покрыта многими морщинами, идущими сверху вниз и поперек. Как и у гориллы, нижняя губа выдается из-под верхней. Обе губы необыкновенно подвижны и могут вытягиваться в форме хобота. Плечи старых шимпанзе-самцов широки; грудь и туловище имеют бочкообразную форму; грудь, хотя и мускулиста, но все-таки уже живота. Руки длинные, ниже колена, очень мускулистые, но не настолько сильные, как верхние конечности гориллы. Ручной кулак тонкий и короткий. Пальцы длинные, у старых обезьян очень толстые и сильные, морщинистые и до половины первого

сустава соединены кожей. Средний палец самый длинный. Голени ног совсем без икр. На ступне большой палец отдален от остальных пальцев большой вырезкой, он длиннее и толще. Ступня вытянутая, морщинистая и плоская. Пятка, как и у гориллы, слабо развита. Ногти у обеих обезьян круглые, выпуклые, роговое вещество их коричневого и черного цвета.

Волосы шимпанзе прямые, непушистые или косматые, на темени большей частью разделены пробором. Они длинные на затылке, щеках, плечах, спине, на верхней и нижней части плеча, на верхней и нижней части бедра и короче на прочих частях тела. Преобладающий цвет темный, черный, у иных экземпляров с тусклым красно-бурым оттенком. У старых шимпанзе я находил концы волос на конечностях, окрашенные серым или рыжим цветом, что сообщает цвету этих частей либо серый, либо бледно-красный оттенок. Подбородок покрыт тонкими, короткими белыми волосами. Такие же волосы растут около ягодиц, но они здесь длиннее и гуще*.

Шимпанзе ходят на всех четырех конечностях, причем пальцы рук они пригибают к ладоням и опираются на землю их тыльной поверхностью, покрытой от ходьбы мозолями. Ногами пользуются, или пригибая пальцы, или наступая всей ступней. Шимпанзе не может долго находиться в прямом положении и всегда ищет опору для рук или кладет их на несколько закинутую назад голову, чтобы таким образом сохранить равновесие.

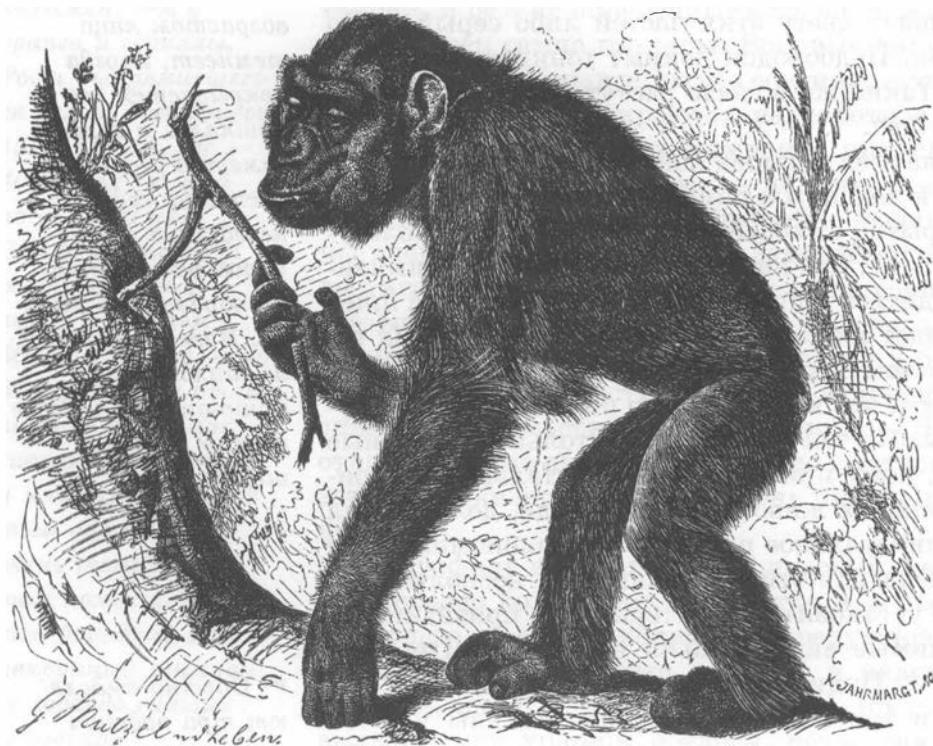
Многие утверждают, что все шимпанзе похожи друг на друга, как две капли воды. Но так могут думать только неопытные наблюдатели. Каждый, кому приходилось внимательно всматриваться в физиономии многих животных этого вида, должен был заметить большое индивидуальное различие в физиономиях. Вот почему и старались разделить этих шимпанзе на несколько отдельных видов и точно установить характерные их признаки. Но все подобного рода мнимые виды обезьян не могли выдержать самой легкой критики**. Индивидуальные видоизменения в физиономии и в строении туловища весьма значительны у этого животного. Мне кажется, что, чем более в своей организации обезьяна приближается к человеку, тем сильнее сказываются и особенности индивидуума».

В доказательство того, что шимпанзе были известны древним, указывают на известную мозаику, которая украшала храм Фортуны в Пренесте: здесь между многими другими животными земель по верхнему Нилу, по-видимому, представлены и человекообразные обезьяны. Молодой экземпляр шимпанзе в первой половине XVII столетия был живым привезен в Европу, анатомирован Тульпиусом и Тизоном и описан Даппером. С этого времени животное неоднократно привозилось к нам, а в последнее время его можно встретить почти постоянно у торговцев зверями в Европе.

** Молодые шимпанзе отличаются розоватым или телесным цветом «лица», ушей, ступней и кистей, контрастирующим с довольно густой черной шерстью. С возрастом лицо темнеет, иногда покрывается веснушками, а волосы заметно редуют и частично седеют, нередко на месте «пробора» на темени образуется лысина. Изредка встречали шимпанзе с каштановым и даже рыжим цветом шерсти.*

*** Обычно выделяют три подвида обыкновенного шимпанзе, отличающихся цветом лица, длиной и формой бородки, разной степенью склонности к облысению.*

В прежнее время местом жительства шимпанзе считали исключительно Верхнюю и Нижнюю Гвинею с землями, примыкавшими к ней от Сьерра-Леоне до Конго. Здесь он водится в лесах, на берегах рек и в горах. Фон Коппенфельс охотился за ними у рек Габуна и Огове. Далее к югу, по удостоверению участвовавших в немецкой экспедиции на Лоанго, это животное встречается вблизи Конго, а во многих местностях весьма часто. Теперь мы знаем благодаря преимущественно немецким исследователям, что животное распространено далеко во внутренней части Африки до страны озер. Там оно так же часто встречается, как масляная пальма и серый попугай. Уже Гейглин пишет: «На густолиственных высоких деревьях вдоль реки в стране ньям-ньяма живет парами и семействами обезьяна ростом с человека и дикого нрава. Она не боится нападать даже на преследующего ее охотника. Обезьяна устраивает себе большое гнездо на вершинах деревьев и прикрывает его плотной кровлей против дождя. Шерсть ее темно-оливковая, негустая, лицо голое, телесного цвета, а седалищная область белого цвета».

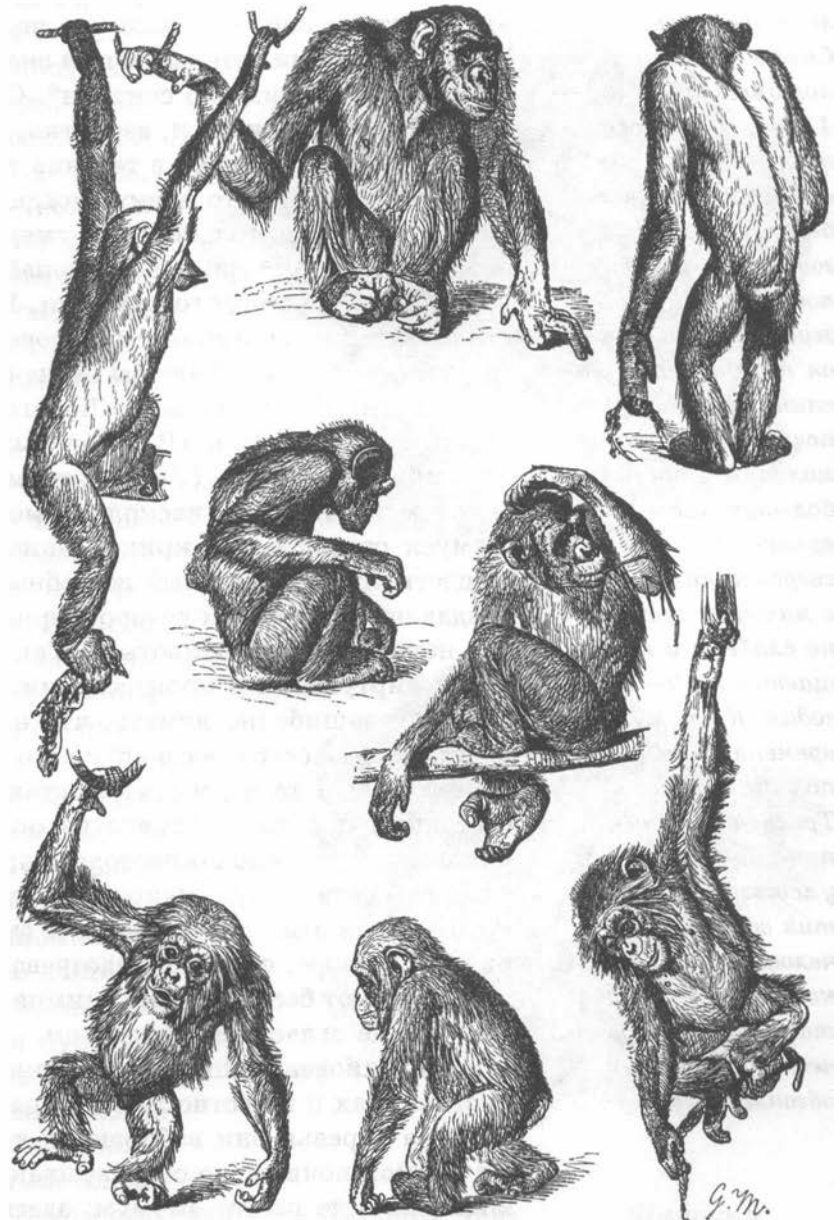

**Шимпанзе
(*Pan troglodytes*)**

«Нельзя сказать, — пишет Саваж из Нижней Гвинеи, — чтобы шимпанзе жили общес-
ствами, так как редко их встречают в количестве более пяти и самое большое в количестве десяти штук. Основываясь на надежных сведениях, я могу утверждать, что они только случайно собираются в большом числе для игр. Один из доставлявших мне сведения уверял, что видел однажды не менее пятнадцати обезьян, которые, забавляясь, испускали ликующие крики, барабанили по старым деревьям. Они по возможности избегают находиться вблизи человеческого жилища. Свои собственные жилища, более похожие на гнезда, чем на хижины, строят на деревьях, но вообще не очень высоко от земли, из больших или малых ветвей, пригнутых книзу, переплетенных друг с другом и скрепленных сучь-

ями или вилообразными ветками. Иногда находят гнездо недалеко от корня толстого, богатого листьями дерева, а именно в 8—12 метрах над землей. Впрочем, мне пришлось встретить и такое гнездо, которое было не ниже 13 метров. Постоянного местопребывания шимпанзе не имеют, они меняют его главным образом в зависимости от того, где находят питание, или по каким-либо другим причинам и обстоятельствам. Мы чаще всего встречали их на высоко расположенных местах, возможно, потому, что леса в низменностях, благоприятных для земледелия местных жителей, были вырублены. Редко приходится встречать более одного или двух гнезд на одном и том же дереве или даже около него. Однажды, впрочем, нашли пять таких гнезд». Гнезд, которые представляли бы особо искусные формы плетения, как описал их Дю-Шаллю, никто из других исследователей более не описывал.

В спокойном состоянии шимпанзе, живущий на свободе, принимает сидячее положение. Редко его видят стоящим или ходячим; как только он увидит, что его заметили, тотчас же становится на все четыре конечности и поспешно убегает от наблюдателя. Уже по строению шимпанзе можно догадаться, что он ловко лазает. Во время игр перескакивает на большое расстояние с одного дерева на другое и прыгает с удивительной ловкостью. Пища его, по всей вероятности, состоит из тех же растений и плодов, какими питается и горилла: плоды, орехи, листовые и цветочные почки, может быть также и корни. Нередко они обры-

Шимпанзе

Семейство человекообразные

** Сезонности размножения у шимпанзе не отмечено. Самка приносит потомство раз в 3—4 года, единственный детеныш рождается после 8 месяцев беременности. До года мать носит его под брюхом, придерживая рукой, затем он перебирается на спину. С 2 лет уже почти не питается молоком и проводит большую часть времени в играх со сверстниками. Связь с матерью постепенно слабеет и прекращается к 10—13 годам. К этому же времени наступает половозрелость. Трехлетний шимпанзенок по уровню умственного развития сопоставим с человеческим ребенком того же возраста, по уровню физического развития обгоняет его.*

вают бананы и другие плоды на деревьях, посаженных африканцами на маисовых полях, или в оставленных жителями деревнях, где растет папайя; по уничтожении ее снова переселяются на более или менее далекие расстояния. Шимпанзе обнаруживает большую понятливость и горячую любовь к своим детенышам. О времени и обстоятельствах, при которых происходит спаривание, роды и развитие детенышей, мне известно не много. Только из наблюдений над пойманными детенышами я знаю, что растут они гораздо медленнее, чем до сих пор считали*. Смена зубов наступает не ранее четвертого года жизни и, вероятно, еще годом позднее. Шимпанзе, за которым я ухаживал в течение трех лет, был во всяком случае старше двух лет в то время, когда мне достался; у него нижние резцы сменились только перед смертью. Следовательно, смена зубов, предполагая верность моего наблюдения, должна быть отнесена только к шестому году жизни. Если бы, основываясь на этом, стали сблизать шимпанзе с человеком относительно постепенного роста, то ошибка была бы незначительна.

О шимпанзе в области Лоанго Пехуель-Леше сообщает следующие подробности: «В некоторых местностях, а именно в Киулу и при устье Баниа (Уимба), шимпанзе водятся в весьма значительном количестве, насколько можно судить о том по раздающемуся отовсюду их крику. Они живут вместе семействами и обществами. Их ужасный жалобный крик, яростный визг и вой, раздающиеся утром и вечером, а часто и ночью, заставляют просто ненавидеть это животное. Так как они оказываются истинными виртуозами в произведении раздирающих уши звуков, то можно безошибочно думать, что в этом диком шуме принимает участие множество обезьян: часто кажется, будто слышишь их более сотни. Кто же желает составить себе понятие о том, что в состоянии проделать семейство шимпанзе в музыкальном отношении, тому можно посоветовать провести денька два в Киулу, на горе, и заметить, куда направляются стада мартышек. Достаточно изучив нрав этих неутомимых и смелых обезьян и на свободе, и на нашем дворе, я сильно подозреваю, что, очевидно, это они дразнят и мучают беспомощных шимпанзе до тех пор, пока первобытный лес не огласится их криком.

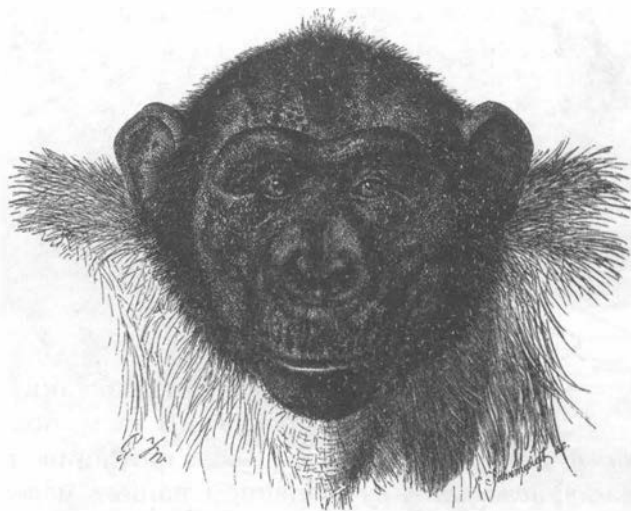
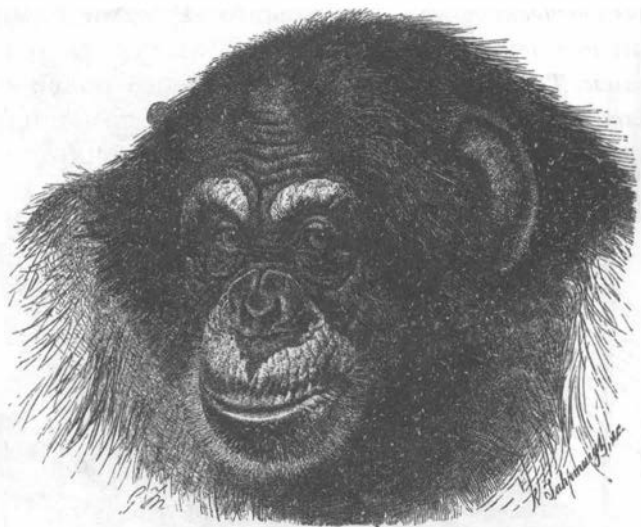
Обыкновенно шимпанзе можно встретить на земле в густых кустарниках и в местностях, где растут растения семейства музовых, на деревья они взбираются только для обрывания плодов. На мягкой почве ясно отпечатываются их следы; они долго остаются там, где растет амомум: здесь находят разбросанные скорлупы плодов».

Среди африканцев западной Африки существует предание, что шимпанзе некогда были членами их племени, но за дурные привычки изгнаны из человеческого общества и вследствие сильного упорства, с каким сохраняли дурные наклонности, постепенно низошли до своего настоящего состояния.

Случается, что шимпанзе один на один вступает в борьбу с человеком, чтобы защитить себя. Опасаясь быть пойманным, он выказывает сопротивление тем, что обхватывает руками противника, чтобы приблизить его к себе, и старается укусить. Саваж видел человека, ноги которого были сильно изранены этой обезьяной. «Сильное развитие клыков у шимпанзе как будто указывает на его способность употреблять мясную пищу. Но она обнаруживается только тогда, когда шимпанзе находится в прирученном состоянии. Сначала он отталкивает мясо, но потом мало-помалу приучается к нему, предпочитая даже другой пище. Следовательно, клыки, развивающиеся рано, служат только для защиты. Когда шимпанзе приходится бороться с человеком, то он прежде всего старается его укусить».

В противоречие с Саважем, но согласно с фон Коппенфельсом Фалькенштейн высказывает мысль, что шимпанзе, как и горилла, даже на свободе охотно питается животной пищей. В сочинении об экспедиции на Лоанго Фалькенштейн замечает: «Не следует, подчиняясь распространенному предрассудку, опасаться давать обезьянам мясную пищу. Имея возможность наблюдать обезьян на свободе, мы видели, как они с истинной страстью не только гоняются за насекомыми, пауками и саранчой, но и стараются поймать птиц и добывать яйца. Крысы составляют для обезьян лакомый кусочек, который они энергично защищают от всяких покушений со стороны своих товарищей. Горилла также нуждается в мясной пище, которую и потребляет с большим удовольствием. В лесу, когда охота оказывается неудачной, шимпанзе часто бывает вынужден питаться плодами: по крайней мере в содержимом желудка двух больших убитых шимпанзе я нашел остатки только растительной пищи. Но я убежден, что это случайное обстоятельство и что в других случаях легко можно было бы привести доказательство употребления животной пищи».

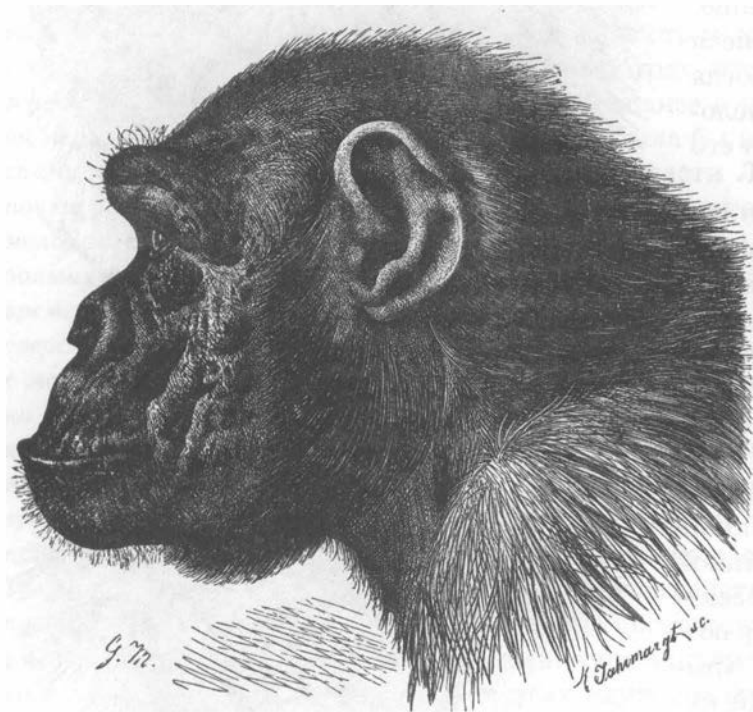
Из всех видов человекообразных обезьян живыми к нам доставляют чаще всего шимпанзе, но, к сожалению, они здесь вы-

Шимпанзе

Семейство человекообразные

** Наблюдателей всегда поражали «человеческие» черты поведения шимпанзе. Так, они любят обниматься, при встречах хлопа-*

Шимпанзе

ют друг друга по плечу, пожимают руки. Мимика этих обезьян почти полностью сходна с человеческой. На лице шимпанзе отражаются радость и горе, удивление и гнев, страх и другие чувства.

живают только два-три года, между тем как в Западной Африке, как уверяют, шимпанзе даже в неволе доживают до двадцати лет и становятся большими и сильными.

Большая часть работ, исполняемых шимпанзе, приходится на долю его рук; ими он ощупывает и хватает предметы, между тем как ногами пользуется только иногда, как орудием для схватывания. Руками шимпанзе вообще распоряжается так же, как и человек*, и отличается от него только тем, что отдельные пальцы рук его менее подвижны. Поэтому обыкновенно он схватывает что-либо при помощи большого пальца и всех остальных вместе. Однако более точные исследования показывают, что он умеет отдельно пользоваться указательным и средним пальцами.

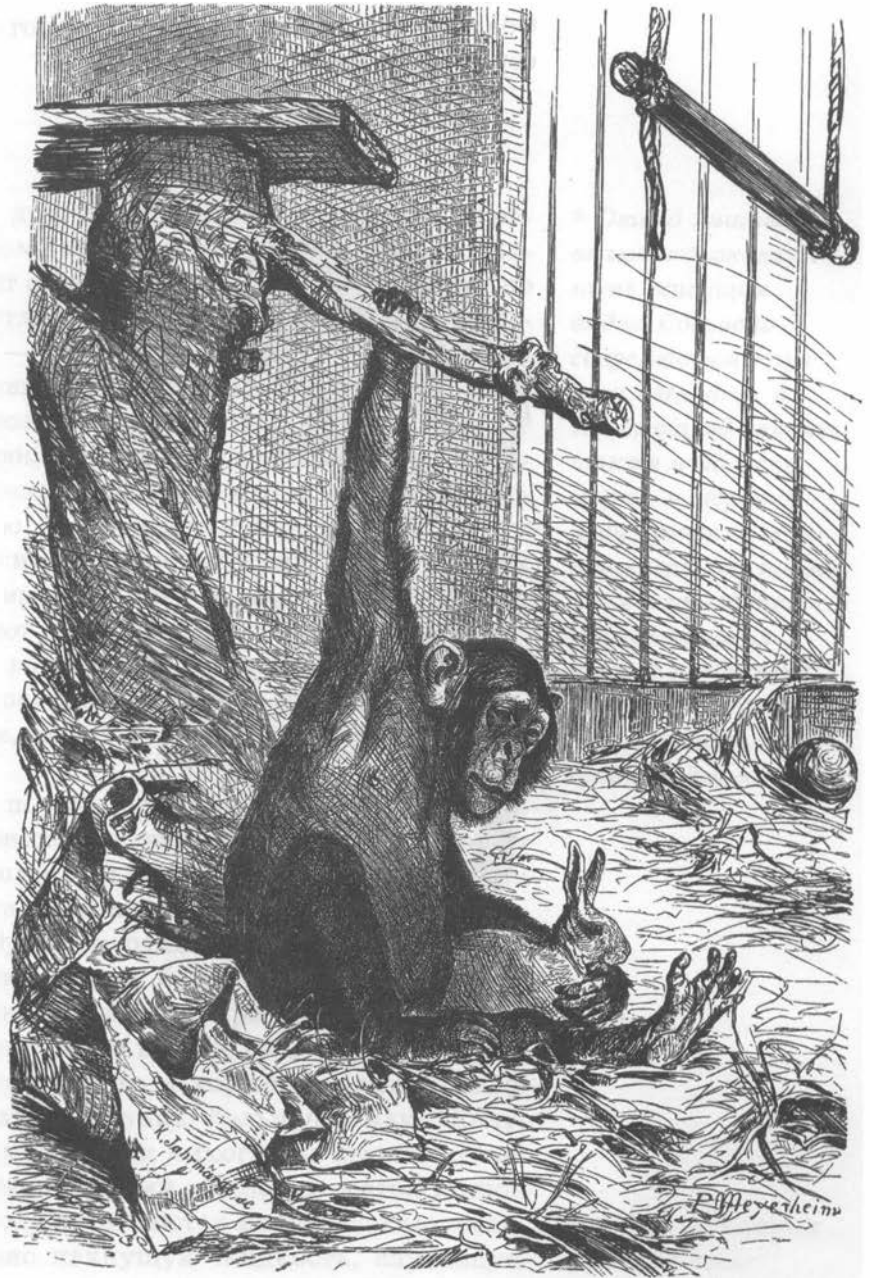
Рид рассказывает, что на его вопрос, ударяет ли себя горилла в грудь и производит ли шум, похожий на бой барабана, ему ответили, что она не производит никакого барабанного боя, а делает это шимпанзе. Когда он выразил желание увидеть, как производится барабанный бой, то африканцы подвели его к дуплистому дереву и сами показали, как шимпанзе ударами ног ухитряется извлекать звуки, похожие на барабанный бой. И действительно, даже приученный шимпанзе делает то же самое, когда находится в веселом настроении или дает исход своему гневу и ярости: он не только бьет руками по полу, как делают это и другие обезьяны, но и ударяет ногами, в

особенности по таким местам, где сильнее отдается звук, и этим производит шум, похожий на барабанный бой.

Эти описания я позволю себе заключить дружеским сообщением нашего известного иллюстратора животных Фр. Шпехта о шимпанзе, находящемся в зверинце Нилля, в Штутгарте. «Наш шимпанзе, — пишет Шпехт, — может смеяться настоящим образом, как человек. Это мне кажется тем более достойным замечания, что ни одно животное не обладает способностью выражать радость громким смехом. Насколько мне известно, об этом не упоминается ни в одном описании. Когда я брал этого милого зверька под руки, подбрасывал вверх и снова ловил, то, казалось, радости его не было конца, что он и выражал громким смехом. То же делал он и тогда, когда я щекотал его подмышками или по

пяткам. Однажды я захватил с собой в клетку кусок мела, лишь только уселся на стул, как он тотчас вскочил ко мне на колени, чтобы посмотреть, что произойдет далее. Я дал ему мел и, водя его рукой, нарисовал на стене клетки марабу и разные другие изображения. Он дал мне совершенно спокойно исполнить рисунок и смотрел с величайшим вниманием. Когда я отпустил его руку, он с быстротой молнии спрыгнул на пол, стал перед стеной и, к величайшей потехе зрителей, зачирикал фигуры с такой быстротой, что в короткое время ничего нельзя было различить. Из этого можно заключить, что он понял употребление мела.

В настоящее время Штутгартский зоологический сад владеет двумя шимпанзе, которые хорошо уживаются друг с другом. К самке, жившей там раньше, был присоединен самец. Ящик, в котором находился новоприбывший, на ночь был поставлен в просторную и теплую клетку самки. Когда самец вышел из своего устланного ватой помещения, оба на минуту поднялись на задние конечности и стояли в изумлении один перед другим, затем бросились друг к другу в объятия и стали сердечно целоваться, повторяя это несколько раз. Самка тотчас же приволокла свое одеяло, разостлала на полу, села на него и жестами приглашала самца расположиться так же удобно. Весьма трогательные зрелище представляют они и теперь среди других животных, когда садятся вместе, друг против друга, за стол во время обеда. Оба

Шимпанзе

*Семейство
человекообразные*

едят кашу ложкой и при этом не обнаруживают ни малейшей зависти из-за пищи. Когда ставился сосуд с напитком, самка, по усвоенной ею своеобразной привычке, осторожно приближала к себе бокал самца, отпивала из него и затем ставила его на свое место, как бы показывая этим, что муж не должен много пить. Оба этих животных также выражают свою радость во время игры сердечным смехом».

ОТРЯД ХИЩНЫЕ (Carnivora)*

Отряд
хищные

Едва ли какой-нибудь другой отряд млекопитающих представляет такое богатство форм, как хищные. Величина этих животных весьма различна — от очень большой до самой малой, и по устройству тела они также отличаются друг от друга. От огромного льва до маленькой ласки — сколько промежуточных ступеней, сколько различий во внешнем виде! Мы можем встретить здесь красиво окрашенную грациозную кошку, а рядом с ней — неуклюжую гиену; стройную, подвижную виверру с шелковистым, гладким мехом и большого мохнатого пса; тяжеловесного и неповоротливого медведя и быструю, увертливую куницу. Могут ли эти столь разные животные относиться к одному отряду? Можно ли их соединить вместе, если одни из них живут на земле, другие лазают по деревьям, третьи чувствуют себя как дома только в воде?

Несмотря на различие во внешних признаках, у всех хищников много общего: одинаковый образ жизни, привычки, одинаковая пища и, как следствие, сходное строение конечностей, скелета и зубов.

Конечности хищников по своей длине и толщине строго соответствуют величине туловища; на этих конечностях бывает от четырех до пяти пальцев с более или менее развитыми — тупыми или острыми, втяжными или невтяжными — когтями. Все органы чувств высокоразвиты. Зубы животных в большинстве случаев достаточно большие, имеют острые бугорки или коническую, острую форму и сидят в челюстях плотно; при закрытом рте ряд нижних зубов помещается вплотную позади ряда верхних. Зубы образуют прекрасное режущее орудие, а хорошо развитые жевательные мускулы придают этому орудию большую силу. Желудок имеет вид простого мешка. Кишки никогда не бывают очень длинными, а иногда даже очень коротки, слепой отросток кишок мало развит. У заднего прохода встречаются иногда особые железы, которые выделяют сильно пахнущую жидкость, служащую для защиты от врагов, иногда для приманки добычи, а иногда они выделяют жирную массу, служащую для смазывания меха**.

Ниже мы перечислим основные внешние признаки хищников. Строение туловища этих животных весьма многообразно — от короткого и толстого у медведя, до длинного и тонкого у ви-

** Отряд хищных включает около 270 ныне живущих видов. Согласно современным научным взглядам, в этот отряд входят также и тюлени, моржи и морские львы, ранее объединявшиеся под названием «ластоногие». Отряд хищных ученые разделяют на два подотряда: кошкоподобные и собакоподобные.*

*** Одна из важных функций этих желез — мечение индивидуального охотничьего участка пахучими метками.*

Отряд хищные

** Клыки служат не только для удержания, но зачастую и для умерщвления добычи. Форма коронки коренных зубов может сильно изменяться в зависимости от того, чем питается животное. Например, у медведей, всеядных животных, поедающих много растительной пищи, они никогда не образуют острых вершин или кромок и имеют уплощенную бугорчатую поверхность (так же как у свиней и обезьян).*

*** Нижняя челюсть большинства хищников не способна к сложным движениям. Наоборот, очень крепкий челюстной сустав позволяет ей двигаться только в одной плоскости — вверх-вниз. Боковые движения она может совершать только у некоторых всеядных хищников, поедающих много растительной пищи.*

верры; конечности почти всегда средней величины с четырьмя или пятью пальцами, снабженными когтями; голова большей частью округлая, кончик носа голый, глаза большие и зоркие, уши, как правило, стоячие, губы окружены усами, а иногда и бородой. Во рту как на верхней, так и на нижней челюсти имеются по шесть небольших резцов и по два длинных конусообразных клыка, служащих для схватывания добычи. Задние ложнокоренные зубы верхней челюсти и передние настоящие коренные нижней имеют трехзубчатую и сжатую с боков коронку: эти зубы служат главным образом для разрезания мяса; прочие ложнокоренные зубы также сжаты с боков, но имеют по одному зубцу, а некоторые настоящие коренные заканчиваются плоской верхушкой для растирания пищи*.

Внутреннее строение тела хищных имеет несколько более или менее ясно выраженных общих признаков. Скелет, несмотря на легкость и красоту формы, очень прочен. Череп удлинённый; та часть его, где находится мозг, почти одинаковой длины с мордой, так что ни одна из этих частей практически не преобладает над другой. Большие гребни и выдающиеся швы на черепе, а также очень выпуклые скуловые дуги служат основанием для сильных мускулов, которые, сокращаясь, приводят в движение нижнюю челюсть; глазные впадины достаточно велики; вздутые теменной кости, где помещается внутреннее ухо, очень заметно; носовые кости и хрящи также хорошо развиты, — все это говорит о хорошем развитии органов зрения, слуха и обоняния. Спинные и шейные позвонки имеют большие отростки; поясничные позвонки часто срастаются между собой; число хвостовых позвонков у разных видов хищных различно. Строение конечностей зависит от образа жизни животного, но всегда указывает на силу и подвижность этих частей тела.

Конечности хищника иногда бывают короткими и утолщенными; это свидетельствует о том, что животное хорошо разрывает землю и ведет подземный образ жизни. Иногда эти конечности очень длинны — такие животные отличные бегуны. У некоторых хищников пальцы соединены плавательной перепонкой — это признак водной жизни зверя. Когти иногда бывают втяжными, это защищает их при ходьбе от стирания, а будучи выпущены, они служат прекрасным орудием для схватывания и раздиранья добычи; у некоторых животных когти не втягиваются, и поэтому не столь остры; в этом случае они служат опорой для ноги, а также для копания земли и для лазания. Если говорить о зубах, то здесь главную роль играют очень длинные клыки и острые коренные, так называемые плотоядные зубы; они служат для схватывания и раздиранья добычи, а также для разрезания мяса. Нижняя челюсть приводится в движение посредством больших мускулов и толстых сухожилий, способствующих очень сильным и разнообразным движениям этой части черепа**.

Как уже говорилось выше, органы чувств развиты у этих животных прекрасно, но иногда, в виде исключения, один из них бывает мало развит, и тогда недостаток этот вознаграждается сильно развитыми прочими чувствами.

Вообще нельзя сказать, что у всех хищников одно какое-нибудь чувство всегда развито сильнее других; напротив, у одних сильнее развито обоняние, у других — зрение, у третьих — слух, а в иных случаях важную роль играет и осязание. В большинстве случаев наиболее острыми бывают два чувства: обоняние и слух, в более редких — слух и зрение.

Умственные способности хищных вполне соответствуют развитию органов чувств: в этом отряде можно встретить необыкновенно умных животных, и потому неудивительно, что они выказывают много хитрости и ловкости, которые необходимы для успешной охоты. Уверенность в собственной силе делает животных смелыми и предприимчивыми — эти качества у других животных никогда не бывают так сильно развиты, как у хищников, но они в то же время служат причиной некоторых недостатков этих столь совершенных существ.

Место жительства и образ жизни животных непосредственно связаны с их нравом и строением тела. Хищные живут и властвуют повсюду: на земле и в воде точно так же, как и на верхушках деревьев; в горах, как и на равнинах; в лесу, как и в поле; на севере, как и на юге. Хищники делятся на дневных и ночных животных: некоторые ищут добычу при свете солнца, другие — в сумерках, третьи — темной ночью.

Одни хищники образуют общества, другие предпочитают одиночество, некоторые нападают на свою добычу открыто, но большинство подкарауливают ее, затаившись и не производя ни малейшего шума, затем нападают неожиданно, что дает им возможность схватывать животных, которые по размерам иногда больше самих хищников. В таких случаях хищники стараются спрятаться, чтобы не пугать преждевременно добычу своим появлением, и только немногие, сознавая свою слабость, ищут спасения в бегстве, если заметят что-либо подозрительное.

Все хищные питаются другими животными и лишь в виде исключения едят плоды, семена и другие растительные вещества. Обычно хищников делят на всеядных и плотоядных, но первое название не вполне справедливо, потому что всеядные все-таки предпочитают хороший кусок мяса всякой другой пище. Само собой разумеется, что по пище, или, точнее, по своей добыче, хищные отличаются друг от друга в соответствии со своим местом жительства, регионом, в котором они проживают, строением тела и образом жизни. Лишь немногие виды животного царства не подвергаются нападению и не служат добычей хищников. Самые большие и сильные представители этого отряда питаются главным образом млекопитающими, не пренебрегая, впрочем, и дру-

СЕМЕЙСТВО ВОЛЧЬИ

** С позиций современной экологии, «вредных» животных не бывает, любое животное занимает свое место в природном сообществе. К сожалению, неумеренная охота привела к сокращению численности, а в ряде случаев — и к исчезновению некоторых хищников в Европе (да и во всем мире).*

*** Семейство объединяет 16 современных родов и 36 видов. Псовые широко распространены в Евразии, Африке, Северной и Южной Америке, на Новую Гвинею и в Австралию проникли с человеком. За исключением одного вида, имеют более или менее узнаваемый «собачий» облик: сравнительно легкое сложение, длинные или средней длины ноги, заостренную морду.*

гими животными. Даже лев не питается исключительно одними млекопитающими, остальные кошки еще менее разборчивы; собаки же, главную пищу которых хотя и составляет мясо, вполне довольствуются и другой пищей. Среди виверр и куниц часто встречаются такие, которые едят исключительно рыбу или же, так же охотно, пресмыкающихся; медведей обыкновенно называют всеядными, и, действительно, они одинаково охотно питаются и растительной, и животной пищей. Для позвоночных животных хищные являются охотниками или, лучше сказать, врагами точно так же, как и для беспозвоночных. Хищники находят свою добычу на твердой земле, в воде, на ветвях деревьев, на севере, на юге, в высоких горах и под землей. Отдельные виды этого отряда сеют смерть повсюду, так как они этим живут; слабый должен служить добычей сильного, и ни одно животное не может спастись от нападения хищника.

Некоторые хищные млекопитающие живут, по общему мнению, парами, но некоторые кошки и куницы образуют пары лишь в определенное время года, соединяясь вместе для того, чтобы выкормить детенышей, защищать их и охранять, но во многих случаях отец смотрит на своих детенышей как на добычу, и матери приходится отгонять его от логовища, когда он случайно его найдет. В этих случаях мать является единственной воспитательницей. Число детенышей в одном помете бывает очень различно, но редко меньше двух. Почти всегда детеныши рождаются слепыми и первое время очень беспомощны, но потом развиваются, как правило, довольно быстро. Мать обстоятельно учит их ловить добычу и отыскивать соответствующий корм и защищает до тех пор, пока малыши не смогут жить самостоятельно. Лишь немногие хищники таскают своих детенышей на спине или держат их передними конечностями; большинство переносит их с места на место в зубах.

Человек живет почти со всеми хищными животными в открытой вражде, лишь немногих он сумел приручить и теперь пользуется их услугами. Большинство хищников считается, более или менее справедливо, опасными животными, и поэтому их безжалостно истребляют. Мясо и жир некоторых животных этого отряда употребляют в пищу, драгоценный мех других служит для одежды человека, и, имея в виду эту пользу, можно, конечно, извинить охоту на них. К сожалению, мы часто замечаем, что человек вследствие слепого стремления к уничтожению преследует не только безвредных, но даже и полезных хищных животных*.

СЕМЕЙСТВО ВОЛЧЬИ, ИЛИ ПСОВЫЕ (Canidae)**

Довольно строго ограниченное семейство плотоядных млекопитающих образуют псовые, или волчьи (Canidae). Семейство это

имеет много своеобразных признаков как во внутреннем строении тела, так и в особенностях образа жизни и привычек. Туловище большей частью у них худощавое, голова маленькая, морда острая, нос тупой и выдающийся вперед, шея довольно слабая, ноги тонкие и высокие, с небольшими лапами, хвост довольно короток и часто покрыт длинными волосами. На передних лапах обычно бывает пять пальцев, на задних — всегда четыре; пальцы с большими, но тупыми и невтяжными когтями. Глаза у всех довольно большие и всегда широко открыты в отличие от кошачьих. Уши больше и острее, чем у кошек; сосцы на груди и животе многочисленнее. Зубная система собак очень полная: у них от 36 до 48 зубов.

Образ жизни собак показывает, что они могут питаться не только животной пищей, а из этого следует, что в этом отношении они довольно резко отличаются от кошек. В настоящее время собаки встречаются во всех населенных местах земного шара и почти везде довольно обыкновенны. Местом жительства им чаще всего служат уединенные, спокойные пустоши как на равнинах, так и на горах, большие леса, степи и чащобы. Некоторые виды постоянно странствуют и остаются на месте до тех пор, пока их детеныши не подрастут. Другие роют себе норы в земле или пользуются норами, вырытыми другими животными. Некоторые виды собак принадлежат к ночным животным, другие ведут полуночный образ жизни, третьи охотятся за добычей только днем. Некоторые из них почти столь же деятельны днем, как и ночью. Немногие собаки живут одиноко или парами, и даже те виды, у которых самец и самка живут в известное время года вместе, собираются при случае в большие стаи, так что можно утверждать, что все вообще собаки принадлежат к общественным животным*.

Что касается способов передвижения, то здесь собаки мало уступают кошкам. Тупые когти не позволяют им лазать, и поэтому они больше кошек привязаны к земле. Кроме того, они не могут делать таких же высоких и длинных прыжков, как кошки, в других же отношениях они скорее превосходят кошек, нежели им уступают. Все собаки прекрасно бегают и при этом обнаруживают большую выносливость: они могут бежать быстро и очень долго. Все без исключения плавают, а некоторых из них можно даже назвать почти водными животными, так как они с большим искусством плавают и ныряют. При ходьбе собаки касаются земли лишь пальцами, так же как и кошки. Внешние чувства у собак развиты превосходно. Слух почти такой же хороший, как и у кошек, обоняние же достигает в высшей степени замечательного развития; что касается зрения, то можно с уверенностью сказать, что оно лучше кошачьего, потому что ночные животные из этого семейства видят в темноте не хуже кошек, а дневные в этом смысле даже превосходят их.

Еще более замечательны умственные способности собак. Низко стоящие виды выказывают значительную хитрость и ко-

* Истинно общественными мы можем считать животных с выраженной иерархической организацией группы, т.е. с развитыми социальными отношениями. Среди псовых это в первую очередь волк (*Canis lupus*), красный волк (*Canis alpinus*) и гиеновая собака (*Lycaon pictus*).

** Это происходит, когда самка, стоящая в иерархии выше, доминирующая, готовится принести потомство, а доступное подходящее логово занято более слабой, подчиненной самкой.*

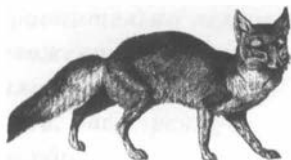
варство. Домашняя собака и дикая лисица совершенно с одинаковой обдуманностью приводят в исполнение заранее разработанные планы, результат которых они предварительно просчитывают с удивительной точностью. Эта понятливость и толковость самым тесным образом связала собак с человеком и поставила их в этом отношении выше всех других животных. Даже у тех видов, которые живут в природе, эти качества проявляются в большой осторожности и недоверчивости, которыми сопровождаются все их поступки. Только очень сильный голод иногда в состоянии победить эту недоверчивость, что заставляет их поступать не так, как они обычно поступают.

Пища их состоит преимущественно из животных веществ, чаще всего они питаются млекопитающими и птицами. Кроме того, собаки поедают пресмыкающихся, земноводных, рыб, моллюсков, раков, насекомых, а также мед, плоды и иногда даже почки, молодые побеги, корни, траву и мох. Некоторые из них очень прожорливы и убивают больше животных, чем могут съесть.

Плодовитость собак выше, чем кошек, и количество их детенышей иногда достигает самого большого числа, встречающегося у млекопитающих. В среднем они приносят от четырех до девяти щенят, но в исключительных случаях их число достигает 18 и даже 23. Иногда бывает, что отец или другой самец преследует молодое потомство с кровожадными намерениями и поедает их. Такие случаи наблюдаются, например, у волков и лисиц, которые часто не щадят себе подобных*. У большинства же хищников вся семья живет дружно и долго не расстается. Матери заботятся о своем потомстве с истинным самопожертвованием.

Вследствие многочисленности особей некоторых видов собак вред, который они причиняют человеку, довольно значителен, и потому эти вредные животные повсюду неутомимо преследуются, зато мелкие виды этого семейства приносят даже определенную пользу, поедая вредных грызунов, падаль, а кроме того, их мех, кожа и зубы также идут в дело. Если же мы сравним вред и пользу, приносимые собаками, то едва ли можно сомневаться в том, что от них пользы больше, чем вреда, так как один из видов, а именно наша домашняя собака, оказывает человеку так много неисчислимых и немислимых услуг, что вред, причиняемый дикими видами, можно не принимать во внимание.

Волк (*Canis lupus*) похож на большую, высоконогую, худощавую собаку с хвостом, опущенным вниз, а не загнутым кверху. При более внимательном рассмотрении отличительными признаками волка оказываются следующие: худощавое туловище, брюхо подтянуто, ноги тонкие, хвост покрыт длинными волосами и висит до пяток. Морда кажется вытянутой и заостренной; широкий лоб спускается круто вниз, глаза расположены косо, уши всегда стоячие. Шерсть волка как по цвету, так и по длине волос довольно разнообразна, что зависит от климата той местности, где

Семейство волчи

он живет. В северных странах у волка длинная, жесткая и густая шерсть; она всего длиннее на животе и на бедрах, хвост очень пушистый, шея и бока покрыты густой жесткой шерстью; в южных странах шерсть у волка значительно короче, но еще более жесткая. Цвет шерсти обыкновенно чалый или серо-желтый с примесью черных волос; на нижней части тела окрас этот светлее и переходит иногда в беловато-серый. Летом цвет животного принимает рыжеватый оттенок, а зимой — желтоватый; в северных странах преобладает белый оттенок, а в южных — черный. Лоб у волка серовато-белый, морда серовато-желтая с примесью черного, губы беловатые, щеки желтоватые, иногда с неясными черными полосками, густой подшерсток желтовато-серый.

Взрослый волк достигает 1,6 м в длину, из которых 45 см приходится на хвост; высота в холке — около 85 см. Крупные экземпляры весят 40, а иногда и 50 кг*. Волчица отличается от волка несколько более изящным телосложением, более острой мордой и тонким хвостом.

Волк и поныне еще очень распространен, хотя все-таки встречается реже, чем в прежние времена. Он живет почти по всей Европе, но в самых населенных местах этой части света уже исчез. В Германии, а также в Великобритании он совсем истреблен. На востоке Европы очень обыкновенен. В Исландии и на островах Средиземного моря его, кажется, никогда не было, а в северной Африке он встречается. Кроме того, волк распространен по всей северо-восточной и Средней Азии, в Афганистане, в Белуджистане до Инда, даже до Синда, а может быть, до верхнего Пенджаба. В Северной Америке его можно рассматривать как разновидность нашего волка; то же можно сказать и о мексиканском волке.

Древние знали волка очень хорошо. Многие греческие и римские писатели говорят о нем не только с отвращением, которое волк всегда возбуждал в них, но также и с затаенным страхом перед воображаемыми таинственными и колдовскими свойствами этого животного. В древнегерманских сагах волк считается животным, посвященным Водану, и к нему относятся скорее с почтением, чем с отвращением; отвращение появилось уже гораздо позднее, когда христианское вероисповедание уничтожило мифологические воззрения древних германцев. Тогда Водан превратился в «дикого охотника», а его волки — в собак; затем появилось сказание о волке-оборотне — чудовище, которое может принимать облик то волка, то человека, наводя ужас на суеверных людей. Еще до сих пор на Западе у малообразованных людей сохранилось предание об этом волке-оборотне, и простые люди могут вам поведать о средствах, с помощью которых можно обезвредить это чудовище или хотя бы отогнать его прочь.

Волк понемногу вытесняется из населенных мест, но даже и западная Европа еще не скоро от него избавится. В прошлом

** Волк очень изменчив и в размерах, и в окраске. Окраска разных подвидов варьирует от почти чисто-белой и песчано-желтой до почти черной. Самые мелкие волки, с длиной тела около 1 м, длиной хвоста 23—36 см и весом 10—16 кг, живут в Аравии и Египте. Самые большие волки, с длиной тела более 1,5 м и весом более 40 кг (до 80), населяют север Канады и Аляску.*

столетии этот опасный хищник встречался во всех лесах Германии, но и в наше время, по официальным данным, их убивают тысячами. В 1817 году в Пруссии было убито 1080 волков. В Померании их было убито в 1800 году 118 штук, в 1801 году — 109, в 1802 году — 102, в 1803 году — 186, в 1804 году — 112, в 1805 году — 85, в 1806 году — 76, в 1807 году — 12, в 1808 году — 37, в 1809 году — 43. После этого они стали встречаться

Волк
(*Canis lupus*)

реже, но при бегстве французской армии из России число их снова значительно увеличилось, так как трупы погибших солдат составляли их основную добычу. В Познани в 1814—1815 годах 28 детей было съедено волками, а в 1820 году — еще 19 детей и взрослых. Ныне волки в Германии стали очень редки, но ежегодно из России, Франции и Бельгии некоторые из них прибегают в восточную и западную Пруссию, Познань, Рейнские провинции, а в холодные зимы — даже в Верхнюю Силезию, причем в

благоприятных условиях животные эти забегают далеко внутрь страны. В течение одиннадцати лет (1871—1882 годы) в землях, принадлежащих Германскому союзу, было убито 459 волков, и еще в 1885—1886 годах их было убито: в Лотарингии — 32, в Эльзасе — 7, в Рейнской провинции — 2, в восточной Пруссии и Бранденбурге — по одному. В конце 1886 года в одной местности восточной Пруссии появилась довольно большая стая волков. В юго-восточной части Австрийской империи, а именно в Венгрии и принадлежащих ей славянских землях, приходится ежегодно устраивать большие охоты на волков и истреблять их разными средствами, но в лесистых и малонаселенных местностях их до сих пор очень много. Число волков, убиваемых ежегодно в России, в точности не известно, хотя в некоторых губерниях за уби-

тых волков платят премии; в Швеции и Норвегии также не собирают точных сведений о числе убитых волков, хотя они в этих странах причиняют значительный вред.

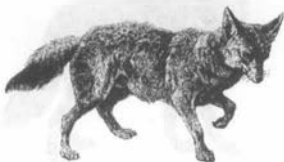
Волк живет как на значительной высоте в горах, так и в низменностях и держится преимущественно в малонаселенных и спокойных пустошах, иногда в густых лесах, иногда в болотистых местностях, где много кустарника, а на юге — в степях. Он устраивает логовище в кустарнике, чаще на краю леса, нежели в глубине его, на сухих кочках в болотах, в камыше, на кукурузных полях, а в Испании даже на хлебных полях, часто вблизи деревень. Вообще он избегает человеческих поселений гораздо меньше, чем обыкновенно думают, но очень осторожен, прячется и не показывается до тех пор, пока сильный голод не заставит его отправиться за добычей. Когда у волков нет маленьких детенышей, они редко живут постоянно на одном месте. большей частью животные уходят довольно далеко и покидают обжитые места на несколько дней или недель, чтобы снова сюда вернуться, когда найдут добычу. Весной и летом волк живет одиноко или попарно, осенью — целой семьей, зимой же хищники эти собираются иногда в стаи, величина которых зависит от условий той местности, где они живут. Если волк и волчица образуют пару, то их союз практически никогда не распадается; весной же пары образуются обязательно; в больших стаях самцы преобладают.

Раз собравшись в большую стаю, волки держатся вместе, помогают друг другу при нападении на добычу и созывают других волков своим воем. Впрочем, волк предпринимает свои странствования как в стаях, так и в одиночку, пробирается по горным кряжам, проходит большие степи, переходит от одного леса к другому и в результате появляется иногда в местностях, где уже несколько лет кряду волков не видели. Доказано, что во время этих странствований волки пробегают за одну ночь от 40 до 70 километров. Зимой довольно часто, а при глубоком снеге почти всегда стаи волков идут гуськом, причем каждое животное, как индейцы на военной тропе, следуют друг за другом, ступая по возможности в тот же самый след (это делают и рыси), так что даже и опытному охотнику трудно бывает узнать, из какого количества волков состоит стая. Утром какая-нибудь лесная чаща служит убежищем стае хищников; на следующую ночь путешествие продолжается, иногда же волки возвращаются назад. Весной после течи стаи разъединяются, и беременная волчица отыскивает, по показаниям заслуживающих доверия охотников, вместе с волком свое прежнее логовище, где она родит и воспитывает волчат. Подвижность и сила волка приводят к усиленному обмену веществ в его организме, а следовательно, ему требуется большее количество пищи, в результате чего этот хищник везде, где он появляется, истребляет множество доступных ему животных. Самую любимую добычу волка составляют довольно крупные

Семейство ВОЛЧЬИ

* Такого свойства, как «кровожадность», у животных вообще не бывает, его придумал человек. В природе волки убивают столько добычи, сколько им необходимо для еды. Мнение о кровожадности волка возникло в связи с тем, что эти звери, оказавшись в овчарне или в стаде овец, действительно могут убить их довольно много. Домашние овцы настолько неспособны на адекватное оборонное поведение, что с «точки зрения» хищника все являются больными. Следует заметить, что охранные (не пастушеские) собаки, попав в стадо овец, тоже могут многих загрызть — срабатывает природная «программа».

домашние и дикие животные, как млекопитающие, так и птицы, но он довольствуется иногда и мелкими животными, ест даже насекомых, не пренебрегает, как говорят, и растительными веществами, например кукурузой, дынями, тыквами, огурцами, картофелем. Хотя вред, приносимый волком, довольно значителен, он все же был бы снесен, если бы волк по своей кровожадности не истреблял гораздо больше животных, чем ему требуется для насыщения*. Из-за этого он считается бичом для пастухов и охотников и вообще врагом всех оседлых людей.

Летом волк не приносит столько вреда, как зимой, так как летом в лесу кроме травоядных он находит много другой пищи: ловит лисиц, ежей, мышей, разных пресмыкающихся и ест некоторые растительные вещества; в это время он нападает разве что на мелкий домашний скот, который без должного надзора пасется вблизи его места жительства. Дичи истребляет он очень много: загрызает лосей, оленей, косуль, уничтожает зайцев своего района — и, если этой дичи много, редко нападает на крупный домашний скот. Иногда волк довольно долго охотится на мелких животных и, по словам Иславина, одолевает целые сотни верст, преследуя странствующих пеструшек (*Lemmus norwegicus*); тогда он только ими и питается, а на обратном пути ест ящериц, ужей, лягушек и даже майских жуков. Падаль ест особенно охотно и в тех местах, где живет вместе с рысью, подъедает за ней все объедки. Осенью и зимой становится гораздо опаснее, так как постоянно бродит вокруг пасущихся еще стад и нападает как на крупный, так и на мелкий скот, однако остерегается взрослых лошадей, коров и свиней, когда они идут стадом, а волки еще не собрались в стаи. В начале зимы он все ближе и ближе подходит к деревням и городам, а в маленьких местечках охотится за собаками, которых очень любит и которые часто составляют в некоторых местах единственную его добычу. Без сомнения, при случае хватает и других животных, без колебания проникает в хлев, если хозяин оставил двери открытыми, иногда даже вскакивает туда через открытое окно или чердак и при этом немилосердно загрызает всех овец или коз, находящихся в хлеву. Подобные смелые набеги совершает все-таки редко, но жители многих деревень в тех местах, где свирепствуют волки, ежегодно недосчитываются многих своих собак, да и охотники за волками часто теряют таким образом многих псов из своей своры. Когда волки бродят стаями, то нападают и на лошадей, и на коров, хотя те умеют защищаться. По словам Левиса, в России утверждают, что голодные стаи волков нападают на медведя и после продолжительного боя загрызают его. Наблюдения Кременца подтверждают, что волки иногда тревожат медведя в его зимнем логовище, преследуют раненых медведей и стараются захватить медвежат. Едва ли, однако, можно допустить, что в схватке с медведем волк всегда одерживает победу, но достоверно известно, что волк нападает на всех

животных, с которыми надеется справиться. Однако везде он как можно дольше старается не вступать в схватку с человеком. Страшные рассказы, которые распространены о волке, и точно так же, как о тигре, бывают еще разукрашены фантазией досужных людей, почти все без исключения заключают в себе мало правды. Обезумевшая от голода стая волков при случае, конечно, может напасть на людей, даже взрослых и вооруженных; может случиться, что волки и загрызут, и сожрут при этом человека, но во всяком случае опасность от волков в тех странах, где их много, вовсе не так велика, как часто ее себе представляют. Одиноким волк редко нападает на взрослого человека, даже вооруженного одной только дубиной; подобное поведение может быть вызвано лишь особыми обстоятельствами, например если волк бешеный или волчица опасается за своих детенышей*.

Во время поисков добычи волк выказывает такую же хитрость, как и лисица, от которой отличается главным образом нахальством. Он приближается к избранной жертве со всей возможной осторожностью, соблюдая, так сказать, все правила охоты; незаметно подкрадывается как можно ближе к животному, ловким прыжком хватая его за горло и валит на землю. На лесных тропинках он иногда по целым часам поджидает добычу, например оленя или косулю, а в степных местностях точно так же терпеливо подкарауливает скрывшегося в норку байбака. Он идет по следу зверя с безошибочной уверенностью. Когда волки охотятся стаями, то умеют очень хорошо распределять между собой обязанности: часть стаи гонится за добычей, а другая перерезает ей путь и загрызает. «Если волки, — пишет Левис, — встретят лисицу на равнине, то они стараются ее сейчас же окружить, а некоторые пускаются в погоню. Бедная лиса тогда пропала: ее скоро хватают и еще скорее разрывают на части и пожирают». Нападая на стадо, волки очень хитро стараются отвлечь от него собак, о чем знали уже древние народы. Геснер пишет: «Когда соберется много волков, а при стаде несколько собак и пастухов, то часть волков нападает на собак, а другая — на овец».

Как вреден бывает волк, видно из нижеследующих фактов. У кочевых народов и тех, которые занимаются главным образом скотоводством, не бывает врага хуже. В России волк ежегодно уничтожает до 180 тысяч голов крупного и в три раза больше мелкого скота**. Лазаревский утверждает, что вред, причиняемый волками домашнему скоту, определяется в 15 миллионов рублей. Кроме того, волки часто болеют бешенством, и тогда они одинаково опасны как людям, так и животным. Говорят, что бешеные волки в России всегда стараются укусить встречающихся людей в лицо.

Неудивительно, что столь опасные звери, особенно там, где они встречаются во множестве, наводят ужас не только на людей,

** Волки нападают на человека в крайних и очень редких случаях, например при сильном голоде, хотя трупы замерзших людей (или солдат, погибших во время войны) волки поедают. Наиболее опасны для человека волчьи стаи, ведомые одичавшей собакой, поскольку у нее заметно приглушен страх перед человеком.*

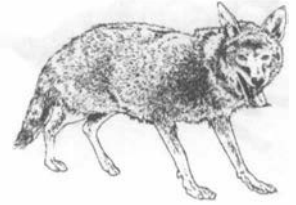
*** Цифра эта, как и другие сведения о масштабе урона, наносимого волками, скорее всего преувеличена. В местностях, где волки не редкость, на них списывали домашних животных, погибших от самых разных причин, в том числе незаконно забитых или украденных пастухами или сторожами стада.*

** Во многих областях собаки чаще других домашних животных становятся добычей волков. Поэтому собаки, не приученные специально к охоте на волка, чаще всего прячутся при его появлении.*

но и на животных. Лошади становятся очень беспокойными, когда чувствуют волка, все прочие домашние животные, за исключением собак, обращаются в бегство, как только издали услышат приближение их главного врага. Для хороших же собак нет большего удовольствия, чем охота на волков, так как замечено, что собаки любят больше всего самую опасную охоту. Непонятна и вместе с тем удивительна эта ненависть между двумя столь близкородственными животными, такими, как волк и собака*. Хорошая собака, когда следит за волком, забывает в своем охотничьем задоре все остальное и успокаивается только тогда, когда вцепится в своего врага. Во время схватки она не обращает внимания на раны и не смущается смертью своих товарищей. Уже при смерти, она все еще старается впиться в волка зубами. Не все собаки, однако, одинаково хорошо охотятся на волков; некоторые из них, почуяв волка, прячутся. При этом величина собак не имеет такого значения, как порода, наследственность и приобретенный навык. Очень часто маленькие псы оказываются более ожесточенными врагами этого хищника, чем большие, но недостаточно смелые собаки.

И другие домашние животные умеют защищаться от волка. «В южнорусских степях, — говорит Коль, — волки бродят около пасущихся там стад и табунов. К лошадям приближаются они очень осторожно, стараются схватить жеребят, которые отделились от других лошадей, иногда решаются напасть на одинокого коня, схватывают его за шею и таким образом валят. Когда прочие лошади увидят волка, они смело на него наступают, бьют передними копытами, если он тотчас не убежит, а жеребцы хватают его даже зубами. При этом часто волк бывает сразу убит, но случается, что он снова вскакивает, впивается зубами в горло нападающего коня и валит его на землю. Даже стая волков не в состоянии принудить к бегству табун лошадей, напротив того, они сами должны опасаться быть окруженными и избитыми, если не спасутся бегством». В подобном незавидном положении оказывается наш серый приятель, если он вздумает полакомиться свиной в лесах Испании и Хорватии. Отдельную свинью он одолеть конечно может, но большое стадо этих животных, по сообщенным мне достоверным сведениям, совершенно не боится волков, которые даже боязливо его избегают. Храбрые кабаны смело защищают все стадо от волков и так основательно обрабатывают их своими клыками, что те забывают о своих намерениях и думают лишь о спасении шкуры. Если волк вовремя не убежит, то сердитые кабаны безжалостно его убивают и съедают его мясо с таким же удовольствием, с каким бы он сам попользовался добычей. Этим объясняется, что в тех лесах, где пасутся свиньи, почти никогда не бывает волков, и поэтому так же понятно, что если охотник со своими собаками оказывается по соседству от стада свиней, то его псы подвергаются такой же опасности, как и

волки. Свиньи видят в чужих, незнакомых им собаках только близкого родственника ненавистного волка и потому яростно на них бросаются и даже в этом случае не щадят охотника, который спешит на помощь своим верным товарищам по охоте. Даже одинокие свиньи храбро защищаются, и волк одолевает их с большим трудом. Одни лишь овцы безропотно покоряются неизбежному року. «Если волк заметит, — пишет Коль, — что пастухи и собаки несколько отошли от стада, то он бросается на первую попавшуюся овцу и загрызает ее. Прочие же овцы убегают на 200—300 шагов, собираются там в кучу и своими глупыми глазами смотрят на волка, пока он еще раз к ним не приблизится и не схватит еще овцу. Тогда они опять убегают на несколько сот шагов и снова его поджидают». К стаду крупного рогатого скота волк обычно не отваживается подойти, так как оно дружно отражает нападение и старается забодать хищника рогами. Он пытается только загрызть оставших коров или телят и хватает их за горло так же, как лошадей; более слабые домашние животные обыкновенно делаются жертвами волка, если вовремя не найдут безопасного убежища, так как этот хищник настойчиво преследует их, куда бы они ни бежали, причем не боится даже воды.

Волку свойственны многие качества собаки: он точно так же силен и настойчив, внешние чувства у него точно так же хорошо развиты, кроме того, он весьма умен. В сказках и баснях волк изображается дураковатым существом, которое постоянно дает себя перехитрить и обмануть лисице, но этот образ вовсе не соответствует действительности, так как в хитрости, лукавстве, умении притворяться и осторожности волк несколько не уступает лисице и, скорее, во многом ее превосходит. В большинстве случаев он умеет прекрасно принаравливаться к обстоятельствам, свои поступки обдумывает и легко находит выход из затруднительного положения. Он старается обмануть свору собак, обнаруживая при этом большую осторожность и хитрость, и не теряет присутствия духа, даже когда за ним гонятся. Его зрение, слух и обоняние одинаково хорошо развиты. Утверждают, что он не только хорошо чувствует следы, но даже чувствует запах на большом расстоянии. Он очень хорошо различает следы разных животных, на которые случайно нападает во время своих странствований, и с большой уверенностью идет по тому следу, который избрал, не обращая внимания на остальные. Выслеживая добычу, он обычно проявляет большую осторожность, чтобы не попасть в какую-нибудь ловушку и не поплатиться жизнью*. Он никогда не выходит из засады, пока не удостоверится в том, что ему ничто не угрожает. Он приближается к своей жертве бесшумно и относится недоверчиво ко всякой веревке, к каждому отверстию и вообще ко всем незнакомым предметам, предполагая в них западни или ловушки; поэтому он по возможности старается не входить во двор через открытые двери или ворота, если может пробраться

** Сейчас известно, что охота, особенно на крупную добычу, требует от хищника столь высокого напряжения всех сил, что любая, даже сравнительно легкая рана может повлиять на успешность ее исхода. Поэтому подавляющее большинство хищников действительно старается нападать лишь в случае, когда им самим ничего не угрожает. Это не «трусость», а необходимое условие их выживания.*

Семейство ВОЛЧЬИ

туда каким-нибудь иным способом. Замечено, что он только в крайнем случае схватывает привязанных животных, боясь, что они выставлены как приманка в какую-нибудь ловушку.

Старый писатель Геснер передает следующими словами рассказ своего современника Геблера:

«Отец Геблера питал особое пристрастие к охоте и приготовил несколько ям для того, чтобы ловить туда разную дичь. В одну из этих ям однажды ночью попало три живых существа: одним из них была старуха, которая вечером пробиралась из огорода, где крала капусту, репу и лук; кроме того, в той же яме оказались волк и лисица. Все трое сидели всю ночь очень смиренно — очевидно, от страха; даже у волка, самого сильного из них, был вид кроткого ягненка, и он никому не причинил вреда; старуха же, как самое разумное существо, от страха сделалась совсем бессильной и бледной и была скорее похожа на мертвую, чем на живую. Когда рано утром отец по своему обыкновению пошел осматривать ямы и увидел эту странную картину, он очень испугался и заговорил со старухой, которая как будто ожила от человеческого голоса и немного пришла в себя. Как храбрый человек, отец вскочил в яму, заколол волка кинжалом, убил лисицу, на своих плечах по доставленной лестнице вытащил полумертвую старуху и отнес ее домой, очень удивляясь, что столь свирепое и прожорливое животное, как волк, не тронуло ночью ни старухи, ни лисицы». Совершенно иначе ведет себя волк, когда его мучает сильный голод; тогда он забывает всякую осторожность и становится не только смелым, но и нахальным. Для голодного волка больше не существует опасности; он ничего не боится и его ничем нельзя испугать.

У старых волчиц течка начинается в конце декабря и продолжается до середины января; у более молодых она начинается позже, в конце января, и продолжается до половины февраля. Возбужденные страстью самцы в это время грызутся между собой из-за любви самки. После 63—64 дней беременности, так же примерно, как у крупных пород собак, волчица мечет в уединенном месте леса от трех до девяти волчат, большей частью четыре—шесть. Волчица выбирает для своих щенят сухое лесистое место на болоте, куда люди и скот почти не имеют доступа; на юге Европы волчицы устраивают свое логово в специально выкопанных ямах, под корнями деревьев или в расширенных норах лисиц и барсуков. Волчата остаются слепыми необыкновенно долго, 21 день, растут сначала медленно, впоследствии очень быстро, ведут себя как молодые собаки, весело играют и дерутся между собой, как щенята, и их вой и лай слышны издали. Волчица обращается с ними очень нежно, как хорошая сука, лижет и чистит их, очень долго кормит молоком, затем приносит им обильную пищу, соответствующую степени их развития, и старательно скрывает от посторонних глаз. Если семейству грозит какая-ни-

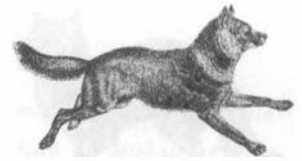

будь опасность, то волчица переносит в пасти поочередно своих детенышей в другое, более укромное место. Молодые волки растут до третьего года и тогда делаются способными к размножению. Вероятно, волки могут прожить 12—15 лет; многие из них умирают от голода, другие погибают от множества болезней, которым они подвержены точно так же, как и собаки.

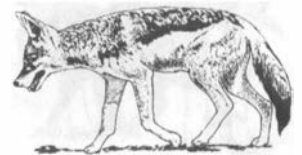
«Вблизи своего гнезда, — пишет мне Каде, — волк никогда не охотится, именно поэтому молодые косули и волчата часто играют вместе на одной прогалине. Во время охоты за волками я часто сам убивал — и видел, как другие убивали, — на одних и тех же тропинках и молодых волков, и молодых косуль. Невозможно, чтобы эти последние, красивые животные, не знали о присутствии волков уже в конце июля». То, что волчица перетаскивает своих волчат в другое место, наблюдалось неоднократно, но многие утверждают, что и волк ей в этом помогает. Говорят, что волк иногда пожирает своих детенышей, но это, кажется, происходит только в исключительных случаях.

Не говоря о том, что волчице совершенно невозможно скрыть только что родившееся потомство от чуткого носа своего супруга и, следовательно, спасти детенышей от его зубов, я считаю своим долгом поставить вопрос: почему волки никогда не пожирают трупы убитых на охоте волков, с которых сняты шкуры?* Еще молодым человеком слышал я ужасно жалобный вой старых волков, нашедших трупы своих детенышей, убитых охотниками. Вой этот возбудил во мне такую жалость, что я проклинал жестокость охотников и никогда не подражал им. Сообщение это опровергается другими наблюдениями: молодые волки, мать которых убита, пропадают часто бесследно, и, по всей вероятности, могилами их становятся желудки старых волков. Если волчат не тревожат в их гнезде, то это следует приписать скорее бдительности матери, чем любви отца. Каде полагает, что отец участвует в добывании пищи для детенышей, но не подтверждает своего мнения никакими убедительными доказательствами, так что вопрос об этом следует считать еще не решенным. Только впоследствии, когда молодые волки подрастут, мать приводит их к старым волкам, и те принимают малышей в свое общество, отвечают всегда воем на их визг, обучают, предупреждают об опасности и жалобно воют, если волчата погибают.

Захваченные молодыми и хорошо воспитанные, волки становятся совсем ручными и выказывают большую привязанность к своему хозяину. Кювье рассказывает про одного волка, который был воспитан как собака и подарен новому хозяину уже взрослым зверем. Несколько недель рядом волк был безутешен, почти ничего не ел и относился совершенно равнодушно к своим сторожам. Наконец он почувствовал привязанность к тем из них, которые входили в его клетку и с ним занимались; по-видимому, волк забыл своего старого хозяина. Однако, когда хозяин вернул-

** Известны случаи, когда волки охотно поедали погибших сородичей (например, убитых кабаном).*

ся в Париж после восемнадцатимесячного отсутствия, волк узнал его голос среди голосов многих других людей и, выпущенный на свободу, неистово выказывал свою радость. Затем его снова разлучили с хозяином, и, как и в первый раз, волк был очень печален. Три года спустя хозяин вновь вернулся в Париж. Это было вечером, и волк сидел в клетке, откуда не мог видеть, что происходит в соседнем помещении, но как только услышал голос своего хозяина, начал жалобно выть. Когда его выпустили из клетки, он бросился к своему другу, положил передние лапы на его плечи, начал лизать ему лицо и пытался кусать сторожей, которые хотели снова запереть его в клетку. Когда воспитатель удалился, волк захворал и отказывался от пищи. Выздоровление продолжалось очень медленно, и после этого чужому было всегда опасно к нему приближаться.

Мои собственные наблюдения над волками, которых я сам воспитывал или о которых слышал, подтверждают вышеприведенные рассказы. Один из волков Бреславского зоологического сада был таким же ручным, как собака; самым любезным образом он здоровался с директором этого учреждения Шлегелем, лизал ему руку, которую тот безбоязненно просовывал в клетку, и относился дружелюбно ко всем знакомым. Другой волк, который жил в этой же клетке, относился к Шлегелю очень странно: по его приказанию он высовывал хвост наружу, но ворчал и сердился, когда хвост трогали; при этом он лязгал зубами, но звук этот не походил на пистолетный выстрел, как желает убедить своих доверчивых читателей немецкий писатель Мариус. Гнев этого волка был притворный: он яростно бросался на товарища, когда того ласкал Шлегель, и демонстративно высовывал свой хвост из клетки, чтобы быть замеченным, из чего видно, что он скорее готов был перенести дерганье хвоста, чем остаться незамеченным. Можно с уверенностью сказать, что волк способен к воспитанию и легко становится ручным, если за ним ухаживают люди без предубеждений. Тот, кто умеет с ним обращаться, может из него сделать животное, очень близкое к домашней собаке. Но при этом необходимо иметь в виду, что к дикому животному в период воспитания следует относиться иначе, чем к домашнему, которое с незапамятных времен находится в зависимости от человека.

«Хотя волк, — пишет Геснер, — и приносит некоторую пользу, когда его убивают или ловят, но вред от живого волка для людей и скота гораздо больше этой пользы, и поэтому когда найдут его след, то все мужчины преследуют его до тех пор, пока не поймают или не убьют каким-нибудь способом — капканом, ловушками, ядом, огнестрельным оружием и т. п.». То, что Геснер коротко и просто сказал более трехсот лет назад, остается верным и до сих пор.

«С волками и медведями никто не должен заключать мира» — так гласит древний закон Карла Великого, переведен-

ный на немецкий язык в сборнике, называемом «Sachsenspiegel». Там же говорится: «Кто держит у себя злую собаку или ручного волка, оленя или медведя, тот должен платить за вред, причиняемый этими животными».

Для истребления волков годны все средства: порох и свинец, точно так же как и коварно отравленная приманка, силки и ловушки. Большинство волков умирают от стрихнина. Когда зимой пищи волкам не хватает, им готовят отравленную приманку*.

В густонаселенных странах для охоты на волков собирается обычно очень много народу. Целые волости иногда поднимаются, когда найдут след волка. Швейцарская хроника повествует: «Как только заметят волка, все должны подняться, и целая область должна участвовать в охоте на него до тех пор, пока его не убьют или не прогонят». Каждый человек, способный носить оружие, был обязан принимать участие в этой охоте, и большинство исполняли эту обязанность с большой готовностью. В больших лесах Польши, Познани, восточной Пруссии и Литвы прорублены ради охоты на волка широкие просеки и весь лес разделен таким образом на четырехугольники. На трех сторонах такого четырех-угольника, где предполагают присутствие волка, становятся охотники с ружьями, а на четвертую сторону посылаются загонщики. Волк появляется обыкновенно довольно быстро, тотчас после первого шума, и, не торопясь, бежит к охотникам, где его встречают выстрелами. На такой охоте только отличные стрелки стреляют пулями, большинство же заряжают свои двустволки очень крупной дробью или картечью. Мне случилось раз в Кроации присутствовать на охоте за волками, и я должен сказать, что зрелище было великолепное, но результат довольно плохой. Созвав жителей многих деревень, собрали их около леса, где должна была проходить охота. Загонщиков набралось несколько сот, и они под предводительством лесничих того помещика, который устраивал охоту, были расставлены вокруг леса огромной цепью, составлявшей около двух верст в длину. Против них на дороге была установлена цепь стрелков. Три выстрела послужили загонщикам сигналом для начала охоты, и сразу поднялся шум. Загонщики подвигались к нам с криками, они свистели в дудки и били в барабаны, что придавало охоте особую оригинальность — казалось, целый полк идет на штурм. Вскоре я услышал шаги приближающегося ко мне животного, но это оказалась лисица, а не волк. Лишь один волк был убит, трое других прорвались сквозь цепь загонщиков, а четвертый был только ранен. Убитому волку связали лапы ивовыми прутьями, повесили на большую жердь и торжественно понесли в деревню.

Совершенно иначе охотятся жители русских степей. Они редко употребляют огнестрельное оружие. Там верхом гонятся

* Подобное отношение не могло не сказаться: популяции волка очень сильно пострадали, особенно в Западной Европе и Северной Америке, где ряд подвидов оказался под угрозой исчезновения. По-видимому, многочислен волк в настоящее время только в России и некоторых соседних странах.

Семейство ВОЛЧЬИ

** Истинная польза от волка состоит не в том, чтобы обеспечивать охотников шкурами. Волк — самый крупный хищник в европейских лесах, не считая медведя, и именно он обеспечивает регулирование численности крупных копытных и выбраковку из их стад больных или увечных особей. Из-за снижения численности волка во многих местах косули и лоси размножаются с такой скоростью, что уничтожают на больших площадях подлесок, а зимой погибают от бескормицы.*

за волком до тех пор, пока он не выбьется из сил, и тогда убивают. Уже через несколько часов он начинает уставать и на согнутых задних лапах возвращается к своим преследователям, которые слезают с лошадей и убивают его дубиной или суют ему в пасть какую-нибудь тряпку или старую шляпу, хватают за загривок, связывают и привозят живым домой. Коль рассказывает, что пастухи при табунах лошадей очень искусны в подобной охоте. Они бывают вооружены только палкой с железным набалдашником, которую очень ловко кидают в волка на всем скаку, при этом почти всегда попадают в цель, и волк часто валится от одного удара.

Лапландцы охотятся на волка очень оригинальным образом. Летом и среди зимы их северные олени часто подвергаются нападениям волков, и лапландцы почти ничего не могут с этим поделаться; хотя у них есть ружья и они умеют с ними хорошо обращаться, но охота с ружьем им не так нравится, как та, которую мы сейчас опишем. Как только выпадет первый снег и на нем еще не успеет образоваться твердая корка, которая зимой выдерживает волка, лапландцы начинают готовиться к охоте. Единственным оружием им служит длинная палка, к концу которой приделан острый нож, так что орудие это похоже на копье. На ноги лапландцы надевают длинные лыжи, с помощью которых быстро двигаются по снегу. Тогда они отыскивают волка и преследуют его; он быстро бежать не может, так как до живота проваливается в снег и скоро устает, поэтому на лыжах его догнать нетрудно. Лапландцы все более и более к нему приближаются, и если преследование происходит в безлесной равнине, то волк погиб. Нож, привязанный к палке, обыкновенно покрывают роговыми ножнами, которые, однако, сидят так слабо, что падают от одного удара по шкуре волка; тогда на хищника начинают сыпаться удары острием ножа, пока он не протянет ноги. Большинство волчьих шкур, которые привозят из Норвегии, добыты лапландцами именно этим способом.

В Юрских горах кантона Ваад в Швейцарии существует, по словам Чуди, особое общество для волчьей охоты, которое имеет своих чиновников, заседания и особые суды. Трубный звук извещает об убиении волка; на деньги, полученные от продажи его шкуры, устраивается большой праздник, на котором не подчинившиеся приказу начальники пьют в наказание одну воду и опутываются соломенными цепями. Так как членом общества может стать только тот, кто присутствовал на трех удачных охотах на волков, то отцы часто берут с собой маленьких детей и держат их во время охоты на руках.

Волчьи шкуры пользуются большим спросом, из них, как известно, изготавливают ковры и полости*. Самые большие и лучшие волчьи меха добывают на Скандинавском полуострове, в северной России (в Сибири) и северном Китае, и за них в Германии

платят 10—25 марок. Шкуры из других стран стоят гораздо дешевле, 3—8 марок. Из Сибири привозят ежегодно в Европу 20—25 тысяч шкур. Кроме того, многие правительства платят премию за убитого волка, не обращая внимания на то, застрелен он, отравлен или пойман в ловушку. Из кожи волка в некоторых странах шьют перчатки и барабаны. Мясо волка, которое не едят даже собаки, употребляется, однако, как говорят, в пищу калмыками и тунгусами.

В Испании, где шкура волка не имеет большой цены, охотники получают выгоду от убитого волка другим способом. Охотник кладет убитого волка на мула и отправляется с ним из села в село, сначала к владельцам больших стад; когда нужно, с волка сдирают шкуру и делают из нее чучело, которое показывают в каждой деревне, к немалому удовольствию молодого поколения. Владельцы больших стад платят иногда крупные суммы за убитого зверя, и, таким образом, может случиться, что охотник, при хороших условиях, за показ убитого волка получит довольно много денег.

Североамериканский волк* похож во всем на своего восточного родича: он так же силен, нахален и осторожен, как и восточный, и ведет себя вообще как наш волк.

По Ломеру, дорожке всего ценятся волчьи шкуры из Лабрадора — черные, черно-бурые и чисто белые; они стоят в Германии 60—100 марок, обычные серые — 20—25 марок. Шкуры из области Гудзонова залива — 10—25 марок. Ежегодно продается от 10 до 15 тысяч шкур американского волка, но в это число входят и шкуры других видов волков.

Полосатый шакал (*Canis adustus*)** ростом меньше волка и иначе окрашен. Туловище у него вытянутое, голова конусообразно заостренная, очень острая морда, с боков только немного или вовсе не сужена, поэтому немного похожа на лисью. Глаза со светло-бурым райком и продолговато-круглым зрачком поставлены косо. Уши расставлены далеко друг от друга, и длина их почти равняется трети всей головы; на конце они несколько закруглены; ноги очень высокие и тонкие. Не очень пушистый хвост, несмотря на высокие ноги, висит до земли. Шерсть состоит из длинных, жестких, довольно редких волос ости, которые совершенно закрывают тонкий подшерсток.

Зундеваль, первым описавший полосатого шакала, определяет длину его тела в 1,1 м, длину хвоста в 33 см и высоту в холке в 45 см; цифры эти почти соответствуют измерениям одной самки этого вида, которая жила у меня. Общий окрас шерсти буровато-светло-серая, по бокам тела проходит продольная светлая полоса, которая внизу окаймлена черным; по задним бедрам проходит наклонная черная полоса; лапы ярко-рыжего цвета, но на передних лапах заметна поперечная темная полоса. Хвост у основания серый, по сторонам чалый, сверху и

** Североамериканские волки относятся к тому же биологическому виду, что и евразийские. Они более разнообразны по окрасу меха и в среднем крупнее европейских сородичей. Кроме того, на юге США живет особый близкий вид — рыжий волк (*Canis rufus*), более мелкий и легче сложенный. Этот вид в настоящее время находится под угрозой исчезновения.*

*** Широко распространен в Африке южнее Сахары. Длина тела 65—81 см, длина хвоста 30—40 см, высота в плечах около 0,5 м, вес 7—14 кг. Он населяет саванны, кустарниковые заросли и опушки лесов, поднимаясь в горы до 2700 м.*

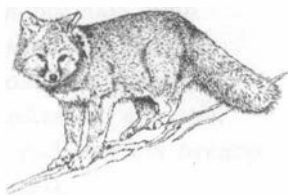
снизу черный, а кончик совершенно белый. Разные особи этого вида имеют разных окрас шерсти, а также различную ее густоту и длину и отличаются друг от друга даже общим строением тела.

Полосатый шакал распространен почти по всей Африке до страны кафров на юге. Одну самку мне прислали из Занзибара, а другое похожее на нее животное живет в Лондонском зоологическом саду и получено с устья реки Огове в Нижней Гвинее. Очень похожий экземпляр привезен из окрестностей Лоанго в Берлинский зоологический сад, и там же живет теперь другой полосатый шакал, отличающийся от предыдущих.

Пехуель-Леше, который наблюдал это животное в Нижней Гвинее, особенно около Лоанго, как в диком, так и в прирученном состоянии, говорит о нем следующее: «Полосатый шакал больше и выше нашей лисицы, но имеет такое же хитрое выражение лица, как и она, хотя производит впечатление довольно добродушного животного. Трудно найти два экземпляра, которые были бы совершенно похожи по цвету и рисунку шерсти; детеныши по окрасу очень походят на нашу лисицу. Это очень живые и ловкие животные, на движения которых приятно смотреть. С 9 до 4 часов дня их редко видно; в другое же время их всегда можно встретить в саваннах, хотя и не слишком часто; они попадают отдельно или парами, но никогда не встречаются в стаях.

Эти звери никогда не гонятся за крупными животными, но подкарауливают и хватают разных мелких зверьков, хотя, без всякого сомнения, при случае могут напасть и на большое, но больное или раненое животное. От голода, должно быть, они не страдают, так как не пренебрегают никакой пищей, вероятно, едят и падаль и с удовольствием гложут жирные плоды масличной пальмы.

Вечером и утром полосатые шакалы бродят по луговым степям своей характерной спокойной походкой и внимательно осматриваются кругом. От человека они не бегут сразу, а сначала с любопытством на него посматривают. Они приближаются и к жилищам, и домашние собаки с ними ссоры не заводят, а туземцы, которые называют их «мбулу», также оставляют их в покое. Если спугнуть полосатого шакала, то он сначала побежит, затем будет периодически останавливаться и спокойно ждать своего преследователя. Тогда вовсе не трудно застрелить его зарядом дробы, если не пожалеть это красивое и доверчивое животное. Протяжный и довольно пронзительный лай полосатого шакала слышен во всякое время года, утром и вечером. Он так громок, что вновь прибывший в эту местность человек непременно испугается, когда услышит его вблизи деревни или лагеря. Однажды, услышав жалобный крик, мы вовремя успели на опушку леса, где бедное животное было уже схвачено огромной африканской змеей —

питоном; мы освободили его выстрелом. Сначала он был очень удивлен, а затем с визгом убежал».

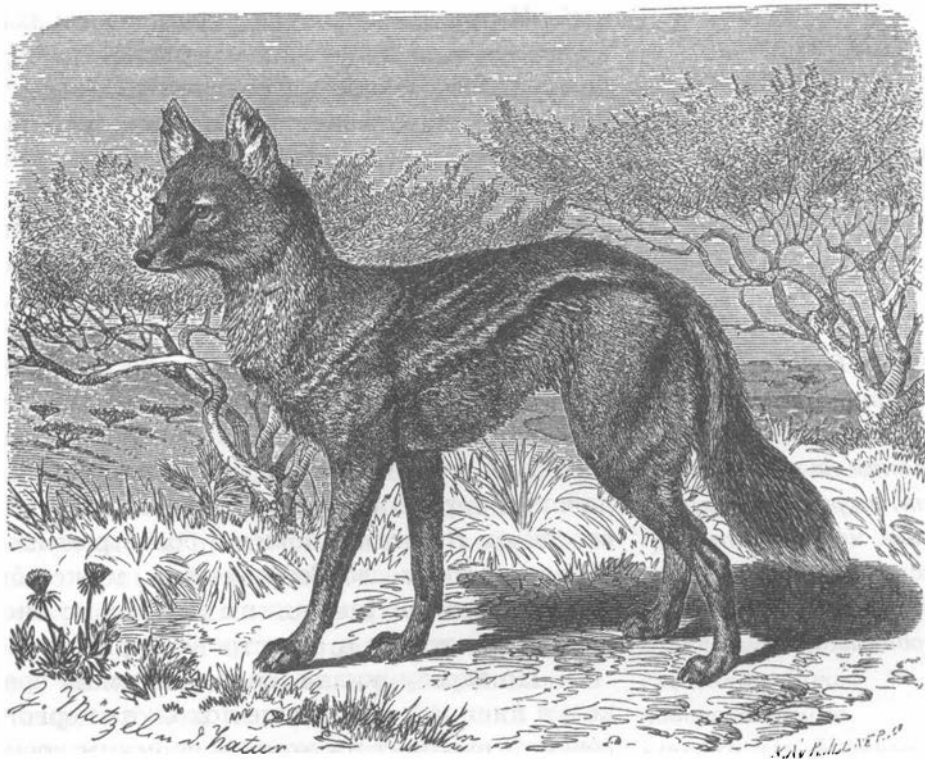
Жившие у меня полосатые шакалы были родом из Занзибара и из своей клетки с большим вниманием следили за всякими мелкими животными, которых они могли увидеть; летевшая мимо птичка или приближающаяся курица сильно их занимала. В другом отношении они по своему поведению мало отличались от других диких собак той же величины; они боялись людей и крупных животных, хотя при случае умели хорошо защищаться. Одна из самок сначала очень недоверчиво относилась к моим ласкам, но понемногу становилась все менее осторожной, а через

несколько недель я вполне завоевал ее доверие. Она шла на мой зов и позволяла себя трогать; сначала, правда, подозрительно обнюхивала мою руку, так что приходилось соблюдать осторожность, но наконец я добился своего и мог ее безнаказанно гладить. Со своими сожителями по клетке она жила в мире, но близко их к себе не подпускала и решительно защищалась. Голоса ее я никогда не слышал. Мелких животных и птиц, например крыс и воробьев, она

пожирала с жадностью, но так же охотно ела плоды: сливы, вишни, груши, а булку с молоком ела с особым удовольствием. Самка эта была очень чувствительна к нашему северному климату; в холодные дни она лежала, свернувшись по-собачьи, без движения и неохотно вставала, когда ее звали, между тем как в другое время, услышав зов, сейчас же подходила к решетке. Активнее всего она была в теплые летние вечера.

Обыкновенный шакал (*Canis aureus*)* — это то животное, которое древние называли «фос» и «золотой волк», и, по всей вероятности, он под именем лисицы упоминается в Библии (Книга Судей, XV, 4) в истории о Самсоне, который посредством этих животных сжег жатву филистимлян. Название его происходит от

Семейство ВОЛЧЬИ

Полосатый шакал
(*Canis adustus*)

* Обыкновенный, или золотистый, шакал населяет разнообразные (преимущественно сухие и открытые) местобитания Ближнего Востока, Балкан,

Семейство ВОЛЧЬИ

Кавказа, Южной Азии и Африки на юг до Танзании. Длина тела 0,6—1 м, хвост 20—30 см, высота в плечах около 0,5 м, вес до 15 кг.

** Остров Шри-Ланка.*

*** На Борнео (Калимантан) и другие Зондские острова шакал не проникает, из рода Canis там могут быть встречены только одичавшие домашние собаки.*

**** Стая шакалов этого и других видов обычно состоит из взрослой пары и подросших щенков прошлого помета.*

персидского слова «сигал», которое турками переделано в «шикал», а русскими на Кавказе — в «чекалка». Животное это хорошо известно всем жителям Востока, и в народной литературе тех стран оно играет ту же роль, как у нас лисица.

Туловище шакала имеет 65—80 см в длину, хвост 22—30 см, высота в плечах 45—50 см. Туловище у него стройное, ноги высокие, морда острее, чем у волка, но тупее, чем у лисицы, пушистый хвост висит почти до земли. Уши короткие, достигают разве только четверти всей длины головы и расставлены далеко друг от друга; светло-бурые глаза имеют круглый зрачок; жесткая и не очень длинная шерсть довольно неопределенного окраса. Основной цвет серовато-желтый, который на спине и по бокам переходит в черный. Нижняя часть тела окрашена гораздо светлее верхней; конечности, шея и щеки имеют рыжевато-чалый цвет. Брюхо и горло желтовато-белого цвета, который на груди переходит постепенно в рыжевато-желтый, а на нижней части шеи — в серый. На плечах заметны неясные темные поперечные полосы. Вес шакала около 10 кг.

Родиной шакала следует считать Азию. Начиная от Индии, он встречается на всем западе и северо-западе этой части света: в Белуджистане, Афганистане, Персии, Закавказье, Малой Азии, Палестине, Аравии — и переходит в северную Африку. В Европе его находят в Турции, Греции и даже в некоторых местностях Далмации. Насколько далеко он распространен в Африке, еще пока не известно. В Индии и на Цейлоне* его можно встретить везде в лесистых и безлесных странах, на равнинах и высотах, а в Гималайских горах он поднимается на 1000 м над уровнем моря. На восток от Индии становится более редким, но встречается еще в западной Бирме до Теннасерима, может быть, и на Малаккском полуострове. По описаниям Диарда можно почти предположить, что шакал живет и на острове Борнео**.

По образу жизни шакал занимает среднее место между волком и лисцей, но больше похож на первого. Днем он прячется, а вечером выходит на охоту и громким воем сзывает товарищей, с которыми вместе охотится. Он чаще встречается стаями, хотя иногда ищет добычу и в одиночку***. Его можно считать, может быть, самым нахальным и докучливым видом диких собак. Он вовсе не боится человеческих поселений, смело врывается в деревни, даже сильно населенные города, на скотные дворы, в хлевы и хватает там, что найдет. Его нахальство раздражает не меньше, чем вой, который он издает каждую ночь. В местах, где встречается это животное, слышится многоголосый, очень жалобный вой, который немного похож на вой собак, но по тонам своим более разнообразен. Во всяком случае, звуки эти вовсе не означают на самом деле жалобу зверя, так как шакалы воют и при обильной пище, например около крупной падали, но даже и тогда голос их бывает так жалобен и печален, что можно подумывать, будто они

неделю ничего не ели. Как только один из них подает голос, все другие шакалы начинают ему вторить, так что, находясь в каком-нибудь уединенном жилище, можно слышать самую удивительную музыку, потому что вой шакалов раздается со всех сторон и на различном расстоянии. Новичку этот вой кажется очень страшным, потому что бывает похож на крик о помощи или жалобный стон человека. Продолжительный ночной крик шакалов часто не дает заснуть человеку, которому приходится провести ночь в лесу или пустыне, поэтому можно не удивляться, что восточные жители ненавидят это животное и осыпают его самыми страшными проклятиями.

Шакалы, как уже говорилось, заслуживают ненависть людей и своими делами. Малую пользу, которую они приносят, нельзя и сравнить с причиняемым ими вредом. Они полезны только уничтожением падали и разных мелких вредных животных, например крыс; вред же они наносят нахальными нападениями на человеческое имущество. Они не только пожирают все съедобное, но также воруют всевозможные несъедобные вещи, забираются в дома, дворы, палатки, комнаты, конюшни и кухни и тащат оттуда все, что попадет; стремление к воровству у них развито так же сильно, как и прожорливость. На птичьем дворе они умерщвляют кур с кровожадностью куницы и хищничают с меньшей хитростью, но с большим нахальством, чем лисицы. При случае они нападают на одиноких коров*, загрызают ягнят и коз, гонятся за небольшими оленями и грабят плодовые сады и виноградники. Стерндаль и Жердон уверяют, что шакалы в Индии вредят плантациям сахарного тростника и кукурузы; забираются они и на кофейные плантации и там съедают большое количество спелых ягод. Зерна кофе проходят неперевавленными через их кишечник, и поэтому их усердно собирают, так как говорят, что они дают лучший кофе — конечно, не потому, что эти зерна побывали в желудке шакала, а потому, что эти животные выбирали себе самые спелые ягоды. На морском берегу шакалы питаются мертвыми рыбами, моллюсками и прочими животными. Они следуют целыми стаями за крупными хищниками, чтобы лакомиться остатками их добычи; за караванами путешественников следят они по целым дням, во время остановок врываются в лагерь и тут воруют, что только возможно. Если шакалы встречают человека, то разбегаются от него во все стороны, но тотчас опять соединяются и продолжают свое странствование. На Востоке говорят, что шакалы нападают и на людей — конечно, не на здоровых и взрослых, а в основном на детей и больных. По официальным сведениям, шакалами убито в Индии людей больше, чем волками, и даже, может быть, тиграми-людоедами. В трех провинциях этой страны за три года шакалы убили 527 человек, в одной лишь Бенгалии в 1882 году — 359 человек.

** Корова слишком велика в качестве жертвы шакалов (разве что она находится при смерти). Реально же группа шакалов способна убить новорожденного ягненка или детеныша газели, обычно же их добыча гораздо мельче.*

Семейство ВОЛЧЬИ

** Жертвами шакалов, если приведенные цифры хотя сколько-нибудь соответствуют действительности, могли становиться*

Обыкновенный
шакал
(*Canis aureus*)

умирающие от дряхлости, истощения или болезней люди, вовсе не способные оказать сопротивление хищникам.

Если эти цифры верны, то как велико должно быть во всей Индии количество людей, умерщвленных шакалами?*

В северных частях Цейлона, где на песчаной почве весьма скудно растут кустарник и небольшие группы деревьев, шакалы, по показаниям Теннента, очень обыкновенны. Они охотятся здесь всегда стаями под предводительством вожака и выказывают при этом большую храбрость. Они гоняются не только за зайцами и другими грызунами, но также и за крупными животными, например оленями. Если под вечер или с наступлением темноты они заметят, что заяц или другое животное спрячется в чащу кустарника, то они устраивают настоящую облаву. Шакалы ок-

ружают кустарник со всех сторон, не забывая занять все тропинки; вожак продолжительным воем дает сигнал к наступлению, товарищи ему вторят, и вот они все разом бросаются в чащу, чтобы выгнать животное на тропинку, где сидящие в засаде шакалы его и схватывают. Теннет говорит со слов лично наблюдавшего это, что первая забота шакалов, умертвивших какую-нибудь дичь, состоит в том, чтобы ее оттащить куда-нибудь в кусты, откуда они сейчас же выходят,

чтобы осмотреть окрестности и убедиться, что никакой другой крупный хищник не может отнять у них добычу. Если опасности не предвидится, то они возвращаются к убитому животному и куда-нибудь его утаскивают или пожирают на месте. Наблюдатель, сообщивший это Тенненту, уверяет, что шакалы применяют следующую хитрость, чтобы отвлечь внимание человека или крупного хищника: они схватывают какой-нибудь предмет в пасть и с ним убегают, как будто хотят спасти добычу от преследователей, а когда за ними гонятся, они бросают этот предмет и тайком возвращаются к настоящей добыче. Во всяком случае, шакалы у сингалезцев считаются олицетворением хитрости и

коварства, и потому им посвящено множество басен и рассказов.

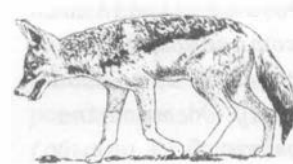
На черепе некоторых шакалов встречается иногда костяной нарост, который снаружи обозначен пучком длинных волос*; нарост этот называется шакальим рогом, и индусы, и сингалезцы приписывают ему чудодейственную силу. Говорят, что этот нарост можно найти только на черепе вожака и потому его нелегко достать, но у счастливого обладателя рога исполнятся все его желания; вообще этот рог самый лучший талисман, который сам собой возвращается к обладателю его, если тот вдруг его потеряет. Издревле существует предание, что шакал служит проводником и разведчиком тигру и льву, что он их предостерегает об опасности, ведет к жертве и в награду за это получает часть добычи. В Индии утверждают, что шакалы только в присутствии тигра или леопарда издают своеобразный крик, который в другое время никогда не слышен. Этот крик очень хорошо известен охотникам и действительно всегда обозначает близость тигра или леопарда, но гораздо правильнее считать его криком, предостерегающим других шакалов, так как голодный тигр или леопард, конечно, без колебаний может напасть и на шакала. Более добросовестные наблюдатели утверждают, что голодные шакалы не идут впереди тигра, а следуют за ним, чтобы воспользоваться остатками его добычи, но при этом старательно избегают слишком близкого контакта с опасным сотоварищем по охоте.

Сандерсону однажды посчастливилось наблюдать за шакалами. Он спрятался около убитой тигром скотины, чтобы подкараулить этого хищника, когда он вторично вернется к своей добыче, но до появления тигра он смог увидеть проделки трех шакалов. «Двое из них, — рассказывает Сандерсон, — еще до заката солнца бродили около мертвой скотины, и забавно было видеть, с какой преувеличенной осторожностью они приближались к лакомой добыче, хотя должны были знать, что тигра вблизи нет. Подойдя наконец к падали, они вдруг, как бы испугавшись, отскакивали назад — очевидно, с намерением спровоцировать тигра, если он находился поблизости. Наконец у них хватило смелости подойти к мертвой добыче. Один из шакалов стал жадно есть и шумно откусывать куски то с одной стороны, то с другой, а второй вовсе не ел, а стоял на часах. Вдруг караульщик весь съежился, взъерошил шерсть, опустил хвост и принял позицию защищающейся собаки, при этом маленькими шагами, ворча, продвигался вперед, как индюк. Я подумал, что приближается тигр, но оказалось, что это был третий шакал, которого его родичи не хотели допустить к своей добыче. Вновь пришедший, видя, что место занято, спокойно улегся в некотором отдалении и стал ожидать своей очереди. Между тем первый шакал уже целых полчаса обжирался, а его товарищ не съел еще ни одного куска; вдруг оба вскочили и стали пристально вглядываться в какое-то

Семейство ВОЛЧЬИ

Данные, приводимые Бремом, скорее свидетельствуют не о кровожадности шакалов, а о том, какое количество умирающих людей было доступно зверям в Индии того времени. Вообще, в той же Индии шакалы приносили и приносят большую пользу, уничтожая в окрестностях городов огромное количество отбросов.

** Видимо, имеется в виду какое-то болезненное образование, например, травматического происхождения.*

** По одной из теорий, домашняя собака происходит от шакала, а не от волка.*

*** Хотя, вопреки тому, что считалось ранее, между шакалом и собакой нет физиологических препятствий к спариванию, поведение их слишком различно. Чтобы в специальных экспериментах получить гибрид этих двух животных, их приходилось выращивать вместе, начиная с рождения. Кроме того, в отличие от собаки и волка самец-шакал бывает готов к спариванию очень недолгий промежуток времени в течение года. Таким образом, спонтанное появление гибридов собак с шакалами хотя и возможно, но случается, по-видимому, достаточно редко.*

место около того дерева, на котором я сидел; после этого они стали издавать очень странное хрюканье, без усталости скакали взад и вперед, но все время смотрели на то же самое место. Теперь я понял, что они увидели тигра; хотя мне ни разу не случилось присутствовать при такой встрече, но движения шакалов были так характерны, что иного значения им было дать невозможно. Я, понятно, был очень возбужден, так как не мог повернуться, чтобы осмотреть то место, откуда должен был появиться тигр. Внезапно шакалы прекратили свое ворчание и стали громко визжать, надеясь, без сомнения, разжалобить крупного хищника, а затем убежали, и я почти под собой услышал шаги тихо приближающегося тигра. Вскоре я увидел при свете яркой луны полосатую голову и плечи; тигр немного постоял на месте, а затем подошел к добыче и стал смотреть вслед шакалам. Я прицелился в него и выстрелил, не теряя времени; с громким яростным воем раненый тигр пробежал еще шагов восемьдесят, а затем в ночной тишине раздался характерный предсмертный стон убитого мной животного».

Течка у шакалов бывает весной и служит причиной очень громкого воя влюбленных самцов. По прошествии девяти недель самка шакала ценится пятью—восемью детенышами, которых она вскармливает в скрытом от людских взоров логовище. Мать храбро защищает своих щенят и точно так же, как волчица и лиса, обучает их своему ремеслу, а по прошествии двух-трех месяцев покидает логово и отправляется странствовать. Молодые шакалы к этому времени перенимают уже все привычки старых: умеют отлично выть и воровать. В Индии число детенышей, как правило, не превышает четырех; мать их рождает в норе, а иногда в сухой яме под нависшим берегом.

Молодые шакалы приручаются гораздо легче, чем лисы. Они привыкают к своему господину, следуют за ним, позволяют себя ласкать и даже требуют ласки, идут на зов, виляют хвостом, когда их гладят, — одним словом, ведут себя как домашние собаки*. Даже старые шакалы в неволе постепенно привыкают к человеку, хотя вначале и пробуют кусаться. Шакалы довольно легко размножаются и в неволе, а также без труда спариваются с подходящими по величине домашними собаками**. Адамс видел в Индии домашних собак, которые очень походили на шакалов, и полагает, что они произошли от скрещивания шакалов с домашними псами; Блэнфорд считает также подобное скрещивание возможным. Мех малоазиатского шакала стоит недорого.

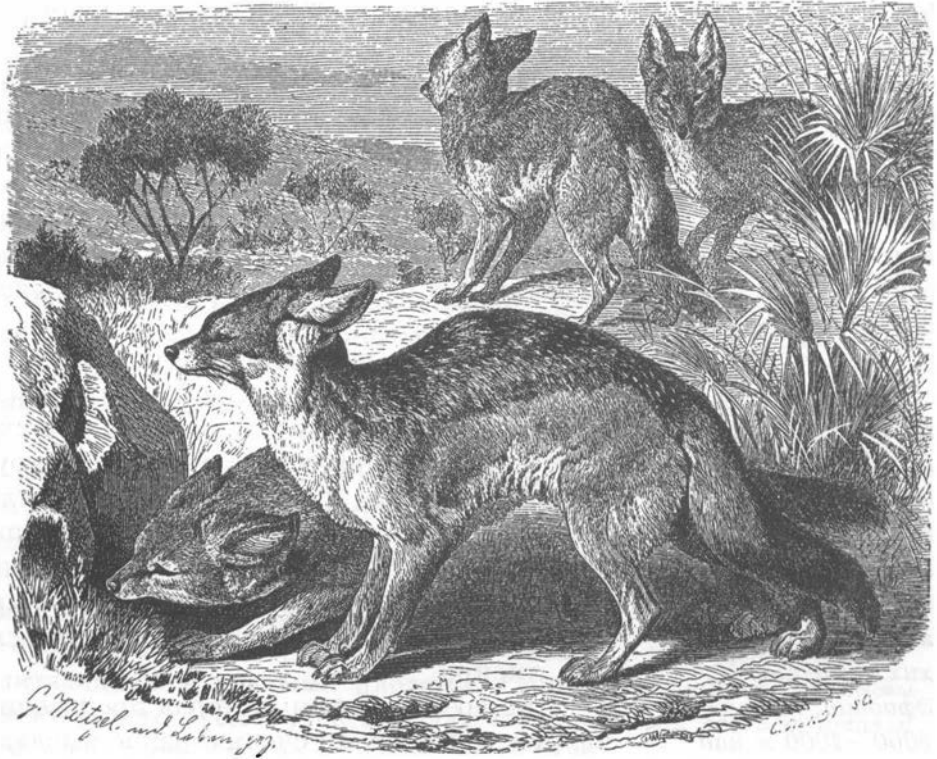
Шакалы подвержены самой страшной болезни собак, а именно бешенству.

Во внутренней и южной Африке живет один вид шакала, которого можно часто видеть в больших зоологических садах и музеях.

Чепрачный шакал (*Canis mesomelas*)* отличается от обыкновенного шакала тем, что ноги у него гораздо короче и голова очень напоминает голову лисицы, а уши имеют некоторое сходство с ушами фенека: они очень большие, у основания широкие и кверху заострены, так что образуют равносторонние, книзу несколько суженные треугольники; оба уха сидят совсем близко одно от другого. Большие коричневые глаза имеют круглый зрачок; хвост висит до земли. мех густой и мягкий. Основной цвет — желтовато- или рыжеватого-серый, переходящий на нижней части тела в желтовато-белый. Вся спина покрыта как бы чепраком черного цвета, который сбоку резко отличается от прочего меха и посредине имеет белый поперечный рисунок. На шее этот чепрак окаймлен неясной белой полосой. По длине чепрачный шакал превосходит обыкновенного, а в высоту ниже его.

По моим наблюдениям, область распространения этого шакала начинается от средней Нубии; отсюда она доходит до мыса Доброй Надежды по восточному берегу Африки, где, впрочем, в некоторых местах чепрачного шакала нет. Вся южная Африка и часть западного берега, по крайней мере до Массамеда, входят в область распространения этого животного. В других частях западной Африки и в Конго его до сих пор не замечали. Этот шакал встречается как в степях, так и в лесах, но чаще всего в гористых местностях. В южной Африке и Абиссинии он очень обыкновенен. На восточном берегу Красного моря находится узкая пустынная полоса, называемая Самхара; по ней проходит много оврагов, в которые в дождливое время с гор стекает вода; берега этих оврагов покрыты густым кустарником. Здесь всегда водится много шакалов, так как они находят в кустах богатую добычу, состоящую из зайцев и степных куропаток. Шакал чаще охотится ночью, но его можно видеть и днем, иногда даже вблизи дере-

* Распространен по всей Африке южнее Сахары, населяя саванны и редколесья. Длина тела 68—73 см, длина хвоста 30—38 см,

Чепрачный шакал
(*Canis mesomelas*)

высота в плечах
30—48 см. Вес 7—13
кг, самцы в среднем
на 1 кг тяжелее
самок. Беремен-
ность — 60 дней,
рождается 1—8
(обычно 4) детены-

шей. Они начинают выходить из убежища в возрасте 8—9 недель, а в 6 месяцев уже охотятся вместе со взрослыми. Чепрачный шакал более активный охотник, чем два других, и чаще нападает на достаточно крупных животных, в том числе овец. Еще один африканский вид рода *Canis*, о котором Брем не упоминает, — абиссинский волк, или эфиопский шакал (*Canis simensis*). Этот очень редкий красивый зверь, похожий на высоконогую рыжую лисицу, живет только в сухих высокогорьях Эфиопии, на высоте 3000—4000 м над уровнем моря. Хотя он крупнее шакалов (длина до 1 м, высота в плечах 60 см), его основная добыча — мышевидные грызуны. В настоящее время абиссинский волк находится под угрозой исчезновения: его численность не превышает 600 особей.

Рано утром он появляется везде, как в кустарнике, так и в пустыне; в свое логовище он возвращается, только когда солнце уже довольно высоко. По ночам он забегает в деревни и на стоянки караванов, и даже огонь не может отпугнуть его, когда он совершает свои воровские нападения. Я часто видел его рыскающим между тюками и лежащими верблюдами нашего лагеря, и однажды, когда наша барка стояла на берегу Нила, шакал пробрался ко мне по доске, соединяющей судно с берегом. Туземцы его ненавидят, так как он таскает все съедобное из их хижин, часто похищает домашних птиц и даже нападает на мелкий скот. Сомалийцы утверждают, что он объедает курдюки у их овец; в Судане в этом его не обвиняют, но говорят, что он усердно охотится за маленькими антилопами, мышами, сусликами и другими грызунами.

Падаль всегда привлекает его, и он, кажется, предпочитает эту пищу всякой другой. Буртон говорит, что сомалийцы считают лай чепрачного шакала предвестником восхода солнца и по нему предсказывают хорошую или плохую погоду; в Абиссинии и Судане не обращают внимания на эту музыку, хотя она там часто раздаётся. Я должен признаться, что вой шакалов меня никогда не беспокоил и даже служил мне развлечением во время бессонных ночей.

О размножении этого животного мы пока почти ничего не знаем. Мне рассказывали, что у них бывает от четырех до пяти детенышей, которые рождаются в начале дождливого сезона. В Африке никому не приходит в голову приручить это очень миловидное животное, и потому мы очень редко получаем из Капской колонии живые экземпляры этого шакала. Если заняться воспитанием этих животных, то они очень скоро становятся ручными. По природе своей чепрачный шакал добродушное, непритязательное животное, которое более склонно к приручению, чем лисица.

Во время линьки, которая происходит в сентябре, наш шакал некоторое время очень странно выглядел: его черный чепрак почти совсем вылез, но новые волосы выросли довольно быстро, и через четыре недели у него образовался новый, еще более красивый мех. Чепрачные шакалы довольно легко размножаются в клетках. Отличается ли у них продолжительность беременности от других волков, я сказать не могу. В южной Африке очень любят мягкий мех чепрачного шакала; шкурки его сшивают по 10—20 вместе в виде большого ковра (каросс), который охотно покупают туземцы, чтобы использовать в качестве покрывала для постели. При искусном подборе шкурок разного окраса ковры получаются очень красивыми.

Если мы теперь обратимся к американским шакалам, то прежде всего должны упомянуть о двух видах, отличающихся очень длинной головой, тонкой мордой и коротким хвостом.

Гривистый волк, или гуар (*Chrysocyon brachiurus*) *, похож, по словам Бурмейстера, на нашего волка, но имеет более тонкое туловище, ноги у него выше, морда тоньше, грудь уже, хвост короче. По словам Гензеля, туловище его кажется неестественно коротким, а ноги из-за удлиненных костей кисти и ступни кажутся длинными. мех у него также весьма своеобразный. На морде и на лапах, по описанию Бурмейстера, шерсть очень короткая, но длина волос постепенно увеличивается, и на затылке и спине они достигают наибольшей величины (около 13 см), образуя настоящую гриву, которая во время приступов гнева или при возбуждении взъерошивается. Грива эта ярко-коричневого цвета, к середине спины становится несколько темнее, а к животу — светлее и желтее. Морда бурого цвета, голый нос черный, верхняя часть головы светлее, уши снаружи рыжевато-бурые, а внутри желтовато-белые; на затылке заметно большое темно-бурое пятно, продолженное до спины; лапы спереди черные, а сзади бурые, ступни почти белые; хвост сверху красновато-бурый, а снизу желтоватый. Длина туловища и головы 1,25—1,3 м, хвост — 40 см, а высота в холке — 70 см.

До сих пор нам очень мало известно об образе жизни этого животного, которое и в музеях встречается довольно редко. Хотя гуар широко распространен в Южной Америке и поодиночке встречается во многих местностях Бразилии, Парагвая и Аргентинской республики, но из-за своей осторожности и боязливости держится далеко от человеческих жилищ, и потому его можно редко видеть и еще реже — убить. Бурмейстер считает особым счастливым случаем, что во время его пребывания в Лагоасанте ему принесли убитого гуара, так что он смог его описать. Этот волк с некоторым любопытством смотрит на человека издали, но вскоре убегает от него и никогда не бывает навязчив; он лишь в редких случаях нападает на домашнюю скотину и никогда — на человека; питается небольшими млекопитающими и разными плодами. Гензель говорит, что он практически ничего не смог узнать об образе жизни этого животного, но чаще всего о нем слышал на плоскогорье Сьерра-Герал, где он нападает на стада овец и мог бы считаться вредным, если бы чаще встречался. По показаниям принца фон Вида, гуар днем прячется в мелких кустарниках степных местностей внутри страны; ночью же, а в ненаселенных местностях даже вечером он охотится за добычей и издает свой громкий, далеко слышимый вой. Вечером он рыщет в болотистых местах в поисках диких морских свинок, которые с такой быстротой мелькают в высокой траве, что ни одна охотничья собака не может их поймать, но гуар их легко догоняет. Высокие ноги дают ему возможность обозревать большое пространство и делать такие большие прыжки, что мелким животным от него спастись трудно.

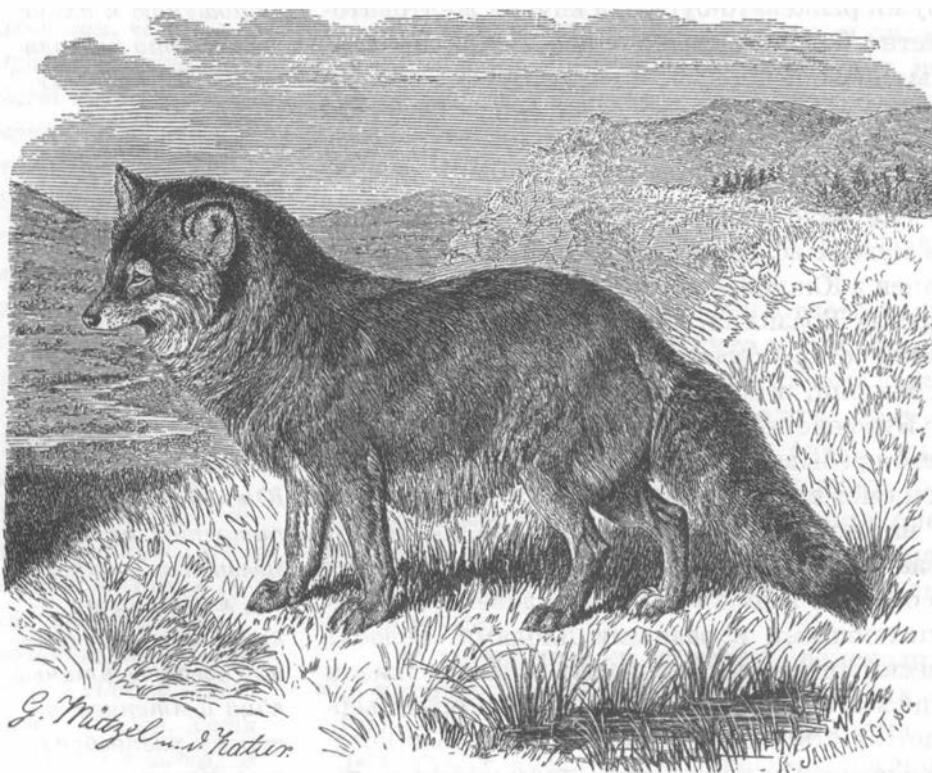
Второй вид, свойственный Америке, **луговой волк**, иначе — **койот** (*Canis latrans*)**. Коренастое туловище его благодаря длин-

* Гривистый волк не находится в очень тесном родстве с волками и шакалами и принадлежит к особому роду. Ноги гривистого волка самые длинные среди млекопитающих (по отношению к длине тела). Это позволяет зверю, населяющему преимущественно травянистые равнины, осматриваться поверх высокой травы. Челюсти гривистого волка слабые и не предназначены для умерщвления крупной добычи. Самое большое псовое Южной Америки питается мелкими грызунами, лягушками, ящерицами, крупными насекомыми, поедает птичьи яйца и птенцов, а также разнообразные фрукты.

** Койот населяет Северную Америку от Аляски до Панамы. Он похож на некрупного волка с более легкой заостренной головой.

Семейство волчьих

Длина тела до 1 м, вес 7—20 кг. Самцы весят немного больше самок; животные из северных районов крупнее, чем из южных.

Койот
(*Canis latrans*)

* По-видимому, в разных ситуациях охотничья тактика койота, как, впрочем, и волка, может сильно различаться. Основная его добы-

ноту густому меху кажется еще толще. Шея короткая и толстая. Голова более вытянута, чем у волка, сверху широкая; морда острая. Уши довольно большие, снизу широкие, с незакругленными кончиками. Светло-бурые глаза имеют круглый зрачок. Шерсть грязного желтовато-серого цвета, переходящего на ушах и носу в ржаво-бурый, а на верхней части шеи и спины — в черноватый. Стороны шеи, лопатки, бедра и наружные стороны лап светло-рыжие или светло-желтые, а брюхо и задние стороны конечностей беловатого цвета, уши ржаво-бурого цвета. Края губ белые, окружность глаз буровато-серого цвета. Хвост у основания серовато-желтого цвета с примесью черных волос, а на конце совсем черный. Зимой шерсть на спине отрастает до 10 см. Встречаются

некоторые видоизменения в цвете. Взрослые луговые волки достигают 1,4 м в длину, из них на долю хвоста приходится 40 см; высота в холке 55 см.

Луговой волк в Северной Америке встречается на обширной территории, а именно от реки Миссисипи на восток и от британских владений на север почти до Панамского перешейка; особенно часто он встречается около реки Миссури, в Калифорнии и Колумбии. Английские естествоиспытатели

говорят, что он живет большими стаями и гоняется за крупными животными, а именно следует за стадами бизонов, причем очень храбро нападает на больших, измученных или раненых быков. Принц фон Вид и Одюбон, напротив, утверждают, что он живет поодиночке или парами и по образу жизни не отличается от нашего волка*. Он хватает все, что может схватить, и по хитрости своей не уступает нашим волкам и лисицам. Ночью он забегает в индейские деревни, а зимой рыщет около жилищ даже днем, точно так же как волк в снежную зиму во время морозов. В апреле луговые волчицы живут в вырытых ими норах или в есте-

ственных пещерах, и там у них родится 6—10 детенышей. Течка бывает в январе и феврале, и в это время койоты, как и все собаки, сильно возбуждены. Тогда в прериях слышен их голос — своеобразный, в конце несколько протяжный лай. Многие индейские собаки по своему внешнему виду очень похожи на лугового волка, поэтому можно предположить, что они произошли от скрещивания лугового волка с собакой*. «Волки, — говорит Тильман, — встречаются везде в прериях, но луговой волк, или койот, попадаетея гораздо чаще, чем крупный серый волк. Днем койоты бегают поодиночке или попарно по прерии, около падали или раненого животного их собирается большое количество, а ночью целые стаи задают концерты около стоянок путешественников. Я не могу сказать, чтобы этот вой был очень неприятен; часто, лежа в палатке и слушая его, я находил в нем некоторое сходство с отдаленным пением, точно так, как крик диких гусей издали напоминает колокольный звон. Койот вместе с грифом истребляет падали в пустыне, но сильно разложившиеся трупы он не ест. Самой верной добычей койота следует считать пристреленного или раненого в борьбе с товарищами бизона. Как только такой бизон падает, обессилев от ран, острые зубы койотов быстро довершают дело. Для человека койот так же безопасен, как и большой серый волк, но нахальство его так велико, что на стоянках в пустыне нужно хорошо прятать всякий кусок мяса и даже намазанные салом сапоги. Только однажды днем я близко видел койота: он был так увлечен охотой за зайцем, что заметил меня только тогда, когда очутился почти под копытами моей лошади».

О жизни этого животного в неволе я могу сообщить из собственного опыта. Я некоторое время воспитывал лугового волка, который жил у меня в комнате и вел себя так же хорошо, как добродушная собака, но только со знакомыми. Он во всем походил на домашнюю собаку. При виде моего приятеля прыгал от радости, вилял хвостом и подходил, чтобы его поласкали; однако он никогда не лизал руки гладившего его, просто их обнюхивал. Когда его оставляли одного, он скучал и начинал жалобно выть.

Мех лугового волка находит такое же применение, как и шкуры других волков. По Ломеру, в зависимости от величины и качества шерсти за шкуру платят от 3 до 8 марок; следовательно, по цене этот мех равняется низшим сортам европейских волчьих шкур.

Виверровая, или енотовидная, собака (*Nyctereutes procyonoides*)**. Удлиненное, сзади расширенное тело покоится на слабых низких ногах; голова короткая, узкая; морда острая; хвост очень короткий и пушистый; уши короткие, широкие, с закругленными верхушками и почти спрятаны в очень длинном мехе. Окрас шерсти напоминает скорее куницу, чем собаку, и довольно изменчив, то светлее, то темнее, но по плечам и передним

ча — это различные грызуны и зайцы, однако стая койотов, вероятно, может справиться с большим или раненым оленем или другим копытным сходного размера.

** По одной из теорий, домашняя собака происходит от ныне вымершего волжского волка, которого можно считать евразийской разновидностью койота.*

*** Енотовидная собака — самое своеобразное евразийское псовое. Ее ближайший родственник — южноамериканская саванная лисица. Длина тела енотовидной собаки 50—68 см, длина хвоста 13—25 см. Нормальный вес составляет 4—6 кг, но осенью может увеличиваться в полтора раза за счет накопленного жира. Енотовидная собака — единственное псовое, которое проводит зиму в спячке.*

Семейство ВОЛЧЬИ

** Мех енотовидной собаки известен под торговым названием «уссурийский енот». Этот зверь неплохо приручается и активно разводится на зверофермах (в 1940—1950-х гг. ее даже рекомендовали для разведения в пришкольных хозяйствах).*

*** Енотовидная собака распространена от среднего течения Амура до северного Вьетнама. Кроме того, она была акклиматизирована в европейской части России, где хорошо прижилась, и к настоящему времени расселилась во многие страны Европы и на Кавказ.*

ногам всегда проходит темно-бурая полоса; лапы того же цвета. Голова и стороны шеи обычно светло-чалого цвета, прочие части тела бурые. Щеки и края ушей бурого цвета. Нижняя часть тела светло-бурая; хвост, начиная с середины до конца, черно-бурый, а на шее и боках видны светлые желтовато-серые пятна. Каждый волос на этих пятнах у основания бурый, а на конце серовато-желтый. Подшерсток, по словам Радде, развит сильнее, чем у всех других собак, и поэтому мех этот имел бы большую ценность, если бы остевые волосы не были взъерошены, как у барсука, и разнообразие окраса не затрудняло бы составления цельного красивого меха из отдельных шкур*. Летом окрас шерсти заметно темнее, так как кончики волос после линьки не успевают еще выпцвести. Длина животного, включая хвост в 10 см, — 75—80 см, а высота в холке всего 20 см.

Грей описал виверровую собаку по шкуре, доставленной ему, вероятно, из Китая; Темминг два года спустя описал то же животное под названием «енотовая собака» по чучелам, привезенным Зибольдом из Японии. Теперь нам известно, что этот вид собак встречается не только в Японии и Китае от города Кантона до реки Амур, но, по всей вероятности, живет во всей умеренной полосе Восточной Азии, причем на северо-востоке доходит до 51 градуса северной широты**.

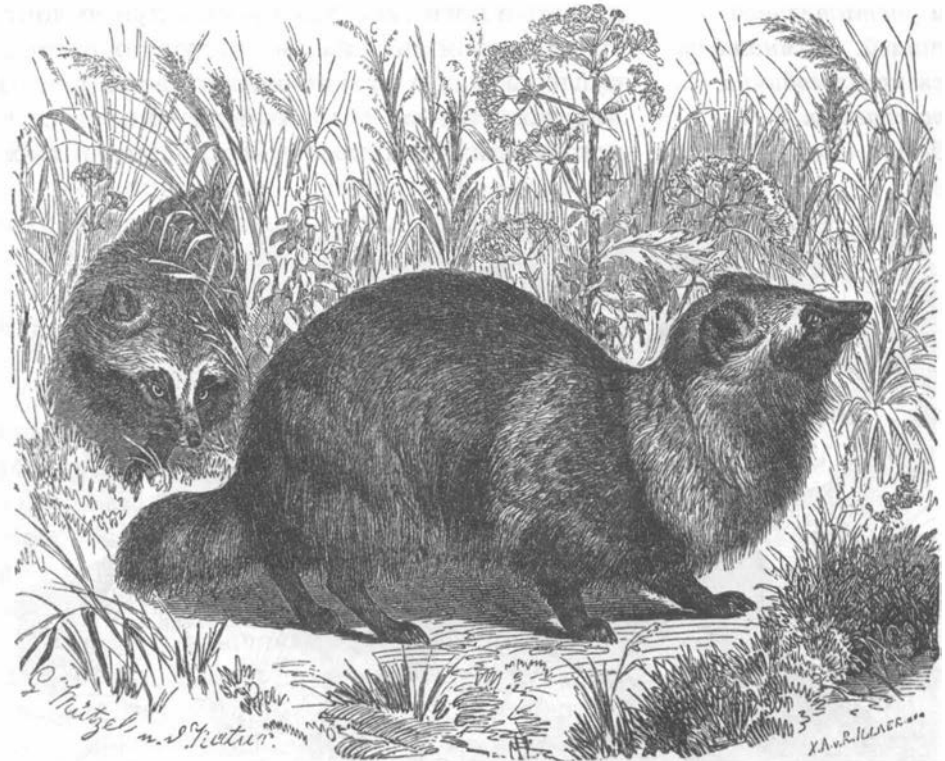
В верхних частях бассейна Амура и его притоках виверровая собака встречается особенно часто, причем она предпочитает местности с богатыми рыбой реками и озерами и потому держится чаще всего в долинах рек. Однако Радде, который предоставил нам единственное хорошее описание образа жизни этого животного, встречал его на отлогих, покатых склонах Малого Хингана, покрытых редким лесом.

По наблюдениям, сделанным Радде над свободно живущими и пленными экземплярами, об образе жизни виверровой собаки мы можем сообщить следующее: так же как волк, шакал и корсак, собака эта не живет постоянно на одном месте, летом встречается повсюду, а зимой держится чаще всего около рек и ручьев. Днем она спит, свернувшись в клубок и спрятав голову и лапы в длинный мех. Логовище она устраивает в высоких камышах, которые покрывают берега речек, или в долинах, иногда для отдыха забирается в пустые норы лисиц и других животных, а ночью отправляется за добычей. Скорость во время бега развивает небольшую, и ее походка чем-то напоминает виверру. Точно так же как это животное, она сгибает спину дугой и внезапно отпрыгивает в сторону. Как и лисица, охотно ночью ходит по льду, старается держаться старого следа; шаги у нее маленькие, как и у лисицы; следы показывают, что она при ходьбе переваливается с боку на бок и чаще двигается прыжками, чем рысью. Обычно издаваемые ею звуки похожи на тихое мяуканье, а в гневе своеобразно ворчит, оканчивая этот звук протяжным жалоб-

ным визгом. Днем эта собака очень пуглива, а ночью храбро защищается при нападении даже очень сильных собак; она очень прожорлива, из-за чего легко попадает в ловушки и съедает отравленные приманки. Добычей ей чаще всего служат мыши и рыбы. Первых она преследует летом на равнинах и плоскогорьях, причем чаще всего для этой охоты собирается несколько виверровых собак — вероятно, целая семья; собаки разбегаются от одного пункта в разные стороны и, встретившись в другом месте, снова расходятся, чтобы продолжить охоту. Виверровая собака, как и лисица, очень охотно ловит рыбу и потому подолгу караулит ее на берегу рек и ручьев, и вообще она так любит рыбу, что,

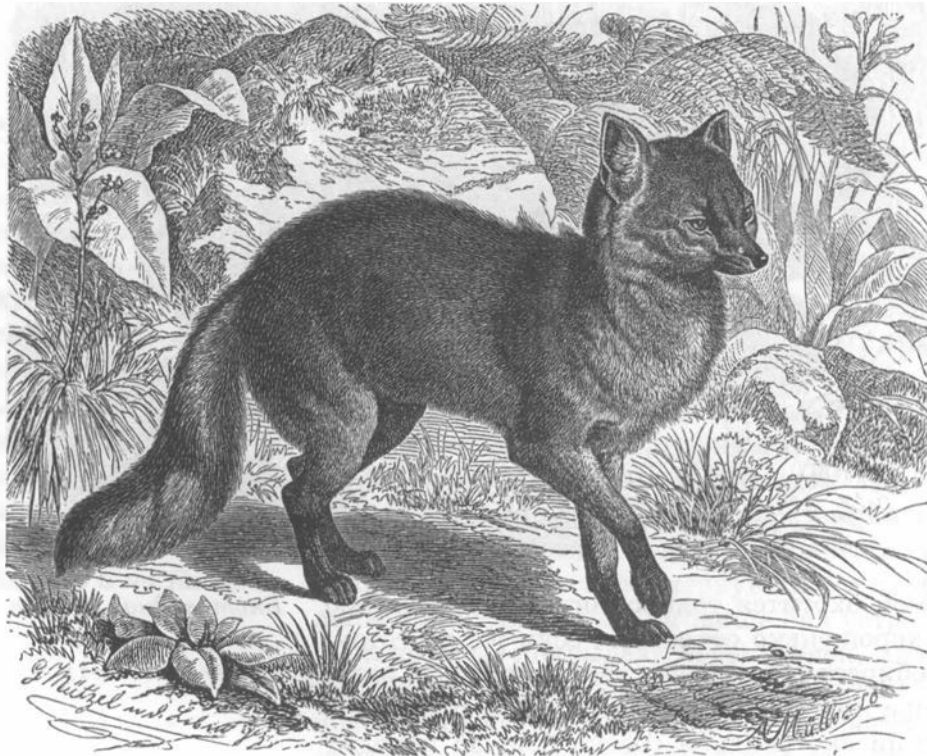
если может ее добыть, пренебрегает мясом всех прочих животных. Она съедает зараз от 8 до 10 рыб в ладонь величиной и, судя по всему, остается голодной: если ей предложить еще этот любимый корм, то она может съесть его в большом количестве. Живых рыб она сразу загрызает, раскусив им голову. Впрочем, виверровая собака ест и растительные вещества, например ягоды, плоды дикой яблони и, по уверению тунгусов, желуди: она более всеядна,

чем прочие собаки. Зимой охотится только тогда, когда осенью не имела возможности хорошенько отъестся; если же достаточно нагуляла жира, то собирает себе запасы лесных яблок и залегает в пустой лисьей норе или другой яме на короткую зимнюю спячку; в этом отношении енотовидная собака больше походит на медведя, барсука и некоторых куниц, чем на собак. Радде находил ее зимой в горах очень редко и о зимней спячке этого животного узнал с некоторым удивлением от тунгусов, которые, как все народы, живущие охотой, очень наблюдательны, когда речь идет об образе жизни животных; тунгусы, кроме того, ему сообщили, что эта собака зимует только в таких норах, куда не проникает мороз.

Енотовидная собака
(*Nyctereutes*
procyonoides)

* *Майконг* населяет редколесья, кустарниковые заросли и саванны Южной Америки. Питается различной животной и растительной пищей. Размножается круглогодично, рождается 3—6 детенышей.

Майконг
(*Dusicyon thous*)

Резвые охотничьи собаки быстро догоняют это животное и справляются с ним без труда. Туземцы Сибири, китайцы и японцы едят его мясо, а из меха чаще всего делают шапки. Пойманные виверровые собаки легко привыкают к человеку, утрачивают свою дикость, но все-таки остаются очень недоверчивыми. Сначала они едят только тогда, когда на них не смотрят, но затем привыкают и начинают есть без опаски, особенно если им предлагают рыбу. После обильной еды они всегда долго спят. Эти животные очень чистоплотны.

Майконг (*Dusicyon thous*) *. Колонисты называют это животное саванновой собакой. Судя по виденному мной живому экземпляру, это животное похоже на шакала, имеет стройное тело, длинные ноги, короткую, широкую голову с тупой мордой; уши средней величины далеко отстоят одно от другого и наверху закруглены; глаза красно-бурого цвета, расположены несколько наклонно и имеют овальный зрачок; хвост висит почти до земли; длина тела 65 см, хвоста 28 см, а высота в холке 55 см. Мех состо-

ит из не очень длинных жестких волос, прикрытых редким подшерстком. Цвет шерсти почти везде рыжевато-серый, а на спине, иногда и на плечах темнее.

Говорят, уже испанцы обнаружили майконга на Антильских островах, где его использовали в качестве домашнего животного. С тех пор он там истреблен, но, по показаниям Шомбургка, многие индейские племена Южной Америки и до сих пор держат его в полуручном со-

стоянии. «Гористые местности, — говорит этот естествоиспытатель, — перерезанные лесистыми долинами, и берега рек в саваннах должно считать, по-видимому, любимым местопребыванием этого хитрого и умного животного. Оно там живет и собирается целыми стаями. В открытых местностях майконги выслеживают добычу в основном глазами, а не носом; в лесу — наоборот: там

они, очевидно, бегут по следам добычи и сопровождают свою охоту громким лаем. Если стае удастся пробраться незамеченной в поселение, то от них спасутся разве лишь немногие куры и попугаи, спящие на деревьях и крышах. Хищники эти никогда не поедают добычу тут же, на месте, но всегда уносят ее в лес или в другой скрытый уголок. Индейцы уверяют, что майконги гонятся за маленькими оленями и за стадами водосвинок, причем хватают отставших животных. Индейцы дорожат майконгом потому, что от скрещивания его с домашней собакой происходят отличные охотничьи собаки*, которые по наружности больше походят на собак, чем на майконгов. У них очень тонкое тело, уши стоячие, а по выносливости, ловкости и проворству при выслеживании и преследовании дичи они превосходят всех других собак. За таких ублюдков, дрессированных для охоты за оленями, водосвинками и тапирами, платят в колониях 10—12 талеров. Поэтому ручные майконги считаются у индейцев ценным имуществом. Однако это животное следует держать постоянно на привязи, так как его нельзя отучить от хищнических замашек. Если по небрежности хозяина майконг сумеет освободиться от веревки, он производит страшное смятение среди домашних птиц фермы. Индейцы кормят их вареным мясом, рыбой и плодами». Гензель сомневается в показаниях Шомбургка относительно того, что эти собаки происходят от скрещивания майконга и домашней собаки.

Другой представитель южноамериканских собак — **бразильская лисица** (*Dusicyon vetulus*)**. Длина тела — около 90—100 см, из которых 35 см приходится на довольно длинный хвост. Окрас шерсти очень разнообразен: затылок и спина обыкновенно черного цвета, темя и стороны головы серые, бока темно-серые, грудь и живот грязновато-желтые, лапы спереди бурые, а сзади черные, ступни бурые. На голове выделяются белое пятно на морде, светло-желтые кольца вокруг глаз, буровато-желтое пятно около ушей и такого же цвета пятно на горле. Длинные усы, черточка за глазами и все не покрытые волосами части тела черного цвета. Шерсть состоит из довольно мягкого подшерстка и слегка волнистых жестких волос ости, окрашенных так, что они образуют разноцветные кольца и обуславливают цвет различных частей тела своими темными или светлыми кончиками. Различные изменения в цвете и рисунке шерсти очень затрудняют определение этого вида, и до сих пор многие натуралисты склоняются к выводу, что существует несколько разновидностей этого животного.

Родина этой лисицы — вся Южная Америка, от Тихого до Атлантического океана и от экватора до южного конца Патагонии. Она встречается как в горах, так и на равнинах, но, кажется, предпочитает умеренные страны жарким. В Андах поднимается до 5 тысяч метров над уровнем моря. В Парагвае живет в мел-

* Это утверждение крайне сомнительно в связи с большой генетической удаленностью собаки и майконга.

** Бразильская лисица обитает только в саваннах юга Бразилии. Длина тела 58—64 см, вес до 4 кг. Отличительная черта этой лисицы — очень мелкие зубы. Она питается преимущественно крупными насекомыми, но нападает и на мелких позвоночных — птиц и мышевидных грызунов.

Семейство ВОЛЧЬИ

* Судя по описанию, Брем смешивает этот вид с другими южноамериканскими лисами, в частности с широко распространенной к югу от Бразилии парагвайской лисицей (*Pseudalopex gymnocercus*) и индийской лисицей (*P. culpeatus*). Последняя — самая крупная из южноамериканских лис, до 13 кг весом, и способна нападать даже на сравнительно крупных животных, в том числе овец (по крайней мере ягнят).

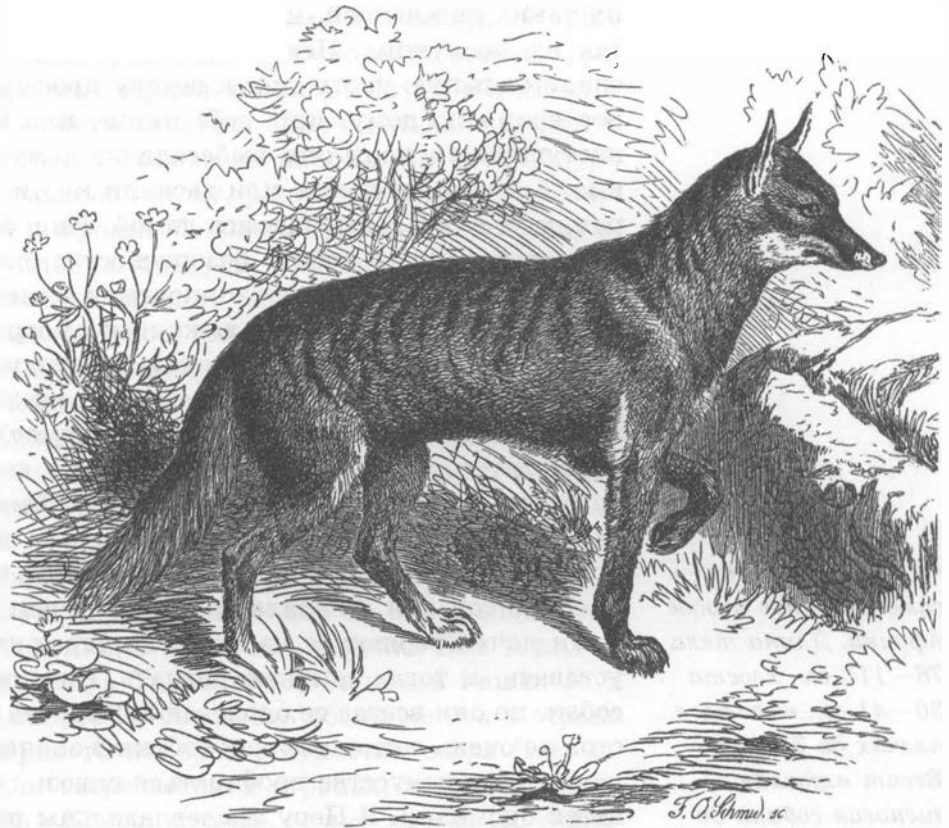

ком кустарнике и избегает появляться в больших лесах и на безлесных равнинах, хотя и заходит туда во время своих охотничьих странствований. Повсюду довольно обычна, держится знакомой местности, летом и зимой живет одна, зимой и весной — попарно, целый день спит, а по вечерам ищет добычу, которая состоит из агути, пака, кроликов, молодых оленей, диких и домашних птиц. Говорят, что она следует за ягуаром и поедает за ним остатки; не пренебрегает лягушками и ящерицами, ловит раков и крабов и из-за своей многочисленности, хищничества и vorоватости считается очень вредным животным*.

Азара, Ренггер и Чуди предоставили нам обстоятельные описания образа жизни бразильской лисицы, но лучшее описание принадлежит Ренггеру: «Мне случалось во время моих путешествий, ночуя под открытым небом, наблюдать иногда это животное при лунном свете. Если приходилось ночевать около хижины, где держали уток, то лисица осторожно приближалась, держась против ветра, чтобы издали почуять людей и собак. Тихими, едва слышными шагами кралась он вдоль забора или по траве, делая иногда большие обходы, пока не приближалась к уткам, затем внезапно бросалась на одну из них, схватывала ее за шею, так что она не могла и вскрикнуть, и быстро удалялась с добычей, высоко подняв морду, чтобы добыча не мешала при бегстве. Она поела свою жертву всегда в некотором отдалении, где чувствовала себя в безопасности, как это можно было видеть по оставшимся костям и перьям. Если во время набега она была испугана каким-нибудь шумом, то тотчас спасалась в самую густую чащу кустарника, но через некоторое время появлялась с другой стороны и возобновляла нападение. Случалось, что она пять или шесть раз появлялась около хижины, пока не удавалась удобной минуты, чтобы поймать утку. Если охота не удавалась в одну ночь, то она являлась в следующую. Однажды я приказал сторожить несколько ночей подряд одну лисицу, утащившую у меня утку; она, однако, не показывалась, хотя каждое утро мы находили ее свежие следы поблизости. Но в первую же ночь, когда никто не сторожил, животное забралось в птичник. В лесу или на открытой местности лисица не так осторожна в преследовании добычи, так как здесь у нее меньше врагов и ей легко догнать мелких млекопитающих, на которых не удается напасть неожиданно. Преследуя добычу, она, как собака, опускает морду к земле, отыскивая след, и время от времени поднимает нос и обнюхивает воздух. Лисица часто посещает плантации во время созревания сахарного тростника не только из-за множества грызунов, живущих там, но и из-за самого тростника, который она грызет с удовольствием. Она ест только небольшую часть растения, находящуюся около корня и содержащую больше всего сладкого сока, но таким образом портит до десяти и более кустов, нанося этим значительный вред».

В менее населенных местностях эта лисица становится иногда очень нахальной. Геринг мне рассказывал, что не раз видел это животное днем около птичьих дворов. У него отличная память, и он никогда не забывает тех мест, где однажды удачно поохотился. Если зверь побывал на птичьем дворе, то нужно его хорошенько сторожить, так как он будет возвращаться туда до тех пор, пока не утащит последнюю птицу. Там, где он чувствует себя в безопасности, рыщет как днем, так и ночью. Он очень искусно умеет находить тропинки даже на болотах. Тут он активно охотится за водяными и болотными птицами, а именно за утками, куликами, лысухами, причем ему всегда удается добыть или неопытного птенца, или даже взрослую птицу. Гаучо, которые его отлично знают, рассказывали Герингу, что этот зверь отправляется на болото тотчас после охотников, зная наверное, что найдет там несколько птиц, застреленных, но не найденных ими.

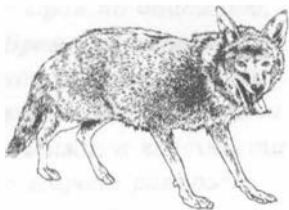
К одиноким всадникам лисица относится с большим любопытством: услышав лошадиный топот, она выходит из кустов, становится иногда на самой середине дороги и смело осматривает коня и всадника, причем подпускает их ша-

гов на пятьдесят и даже ближе, прежде чем удалиться. Уходит не спеша, шаг за шагом, оглядываясь много раз на интересующее ее явление и как бы смеясь над всадником и его лошадей. Однако если ее начинают преследовать, она быстро убегает и мгновенно скрывается в густом кустарнике. «Зимой, во время течки, — продолжает Ренггер, — самцы и самки отыскивают друг друга, и тогда часто вечером и ночью слышится их вой, который можно передать слогами «а-гуа-а», между тем как в другое время этот звук слышен только перед переменной погоды. Самка и самец устраивают себе общее логовище в кустарнике, под высокими кор-

Бразильская лисица
(*Dusicyon vetulus*)

Семейство ВОЛЧЬИ

нями деревьев, в оставленных норах броненосцев и в тому подобных местах, сами же никогда не роют себе норы. Весной южного полушария, то есть в октябре, самка приносит в этом логовище от трех до пяти детенышей, которых в первые месяцы редко оставляет одних. Самец в это время приносит им добычу. Когда детеныши уже могут есть сами, оба родителя уходят на охоту и вместе заботятся об их пропитании. В конце декабря уже можно встретить молодых лисиц, которые охотятся с матерью. В это время самец бросает свое семейство, а несколько позже и самка оставляет детенышей. В Парагвае часто берут очень молодых щенков и приручают; если воспитывать их с некоторым старанием, то они вскоре становятся вполне домашними животными. Я видел двоих таких детенышей, которые вели себя как собаки, но не были так же послушны. Неволя мало изменила их образ жизни: они спали большую часть дня, к вечеру просыпались, бегали некоторое время по дому, ища себе пищи, или играли с хозяином. С наступлением ночи они выбегали из дому и охотились, как дикие, в лесу и по полям или таскали кур и уток на соседних дворах, к утру же возвращались домой. Но и здесь домашние птицы не могли считать себя в безопасности: они загрызали их, если могли это сделать незаметно; когда за ними наблюдали, то они не только не трогали кур, но даже и не смотрели на них».

Шкура бразильской лисицы в дело употребляется редко, а мясо из-за противного запаха и вкуса никогда не служит пищей жителям Парагвая. Но из-за причиняемого ею вреда на нее часто охотятся, ловят в капканы, стреляют вечером, когда она приближается к жилищам, или травят собаками. Во время такой охоты прежде всего стараются выгнать ее из кустов, где она прячется, для того чтобы охотники на конях могли ее преследовать вместе с собакой. Сначала она бежит очень быстро, так что всадники почти теряют ее из виду, но через четверть часа начинает уставать, и тогда ее легко догнать. Она пробует защищаться от собак, но они всегда ее одолевают. Впрочем, выгнать зверя из кустов не очень легко, так как собаки в значительной степени уступают ему в искусстве пробираться сквозь перепутанные колючие ветви бромелии. В Перу землевладельцы платят за каждого убитого по овце. Поэтому индейцы усердно охотятся за этим зверем, и владельцы стад считают особенной честью украсить свои жилища возможно большим числом чучел. У лисицы нет, однако, других врагов, кроме человека. Тонкий слух и чрезвычайно хорошо развитое чутье защищают ее от любого нападения, а быстрота бега спасает от преследования.

Гиеновая собака, или пестрый волк (*Lycaon pictus*)*, достигает величины 1,35—1,5 м, из которых 35—40 см приходится на хвост, высота в холке — 70—75 см, а вес животного составляет 30—35 кг, следовательно, по величине она равняется небольшому волку или крупной овчарке, а по виду своему больше напоминает

* Гиеновая собака — самое крупное псовое Африки. Длина тела 76—110 см, хвоста 30—41 см, высота в плечах до 78 см. Весит взрослая гиеновая собака до 36 кг. Череп гиеновой собаки мощный, с несколько укороченным лицевым отделом, широкими скулами и прочными, массивными челюстями, позволяющими разгрызть сравнительно большие кости.

последнюю. При всей стройности и легкости тела она, однако, производит впечатление сильного животного. Едва ли можно найти двух животных этого вида, шерсть которых имела бы совершенно одинаковую окраску: только на голове и на затылке похожий рисунок встречается достаточно часто. Окрас шерсти состоит из соединения белого, черного и буровато-желтого цветов. У одних преобладает белый цвет, у других — черный; эти цвета образуют основной фон, на котором ярко выделяются более темные или более светлые пятна. Пятна бывают очень неправильной формы, отличаясь также по размеру, и часто распространены по всему телу; белые и желтые пятна всегда окаймлены желтым. Морда до глаз всегда черная, и этот цвет продолжается длинными полосами между глазами и ушами по темени, затылку и спине. Уши черные, глаза бурого цвета. Основание хвоста буровато-желтого цвета, середина черная, а кончик белый с желтым.

Гиеновая собака может считаться замечательным и вместе с тем красивым животным. Голова ее похожа на небольшую, короткую и широкую собачью голову, у которой носовые каналы очень длинные, имеют широкие боковые полости, способствующие свободному поступлению воздуха. По числу и расположению позвонков это животное походит на других собак. Туловище его стройное, но довольно сильное; голова невелика; морда тупая; слух и зрение чрезвычайно развиты; уши большие, широкие и почти голые; большие глаза имеют круглый зрачок. Ноги не очень высокие; на сильных лапах спереди только четыре пальца, между тем как у других собак их бывает пять; хвост средней величины и не очень пушистый, а шерсть короткая, гладкая и весьма своеобразно окрашена.

Гиеновая собака живет в Африке, но область распространения ее в этой части света еще окончательно не определена. Она встречается в южной Африке; в восточной Африке Бем видел ее на востоке и на западе озера Танганьика; Рюппель нашел ее в Нубии; по словам Швейнфурта, она очень обыкновенна в стране Бонго; Нахтигаль говорит то же об окрестностях озера Чад, но севернее, кажется, она не встречается. В странах, лежащих на самом экваторе, например в Конго, похоже, ее нет совсем. По указаниям Цукелли можно заключить, что в конце XVII столетия эта собака встречалась во внутренней части береговой полосы, южнее реки Конго, но новейшие путешественники ее там не замечали, и даже тамошним туземцам она неизвестна. Ее встречали только в южной части Бенгуэлы, в немецких африканских юго-западных колониях, в области Нгами и в восточной части бассейна Замбези. Известия о ней доходят до нас, однако, очень редко, и это тем более странно, что гиеновая собака должна была бы обратить на себя внимание всех наблюдателей как из-за своей подвижности и крикливости, так и из-за окраса, который своей пестротой отличает ее от всех диких животных. В некоторых местностях

гиеновая собака встречается постоянно, между тем как в соседних ее видят редко, что можно объяснить непоседливым образом жизни этой собаки, так как она следует за странствующими животными и собирается в стаи то в одном месте, то в другом. Она, без всякого сомнения, уходит из тех мест, где дичь становится редкой, и выгоняет многих животных из той местности, где встречается в большом количестве. Это настоящее степное животное, и по образу жизни и повадкам оно похоже на домашнюю собаку. Гиеновая собака отыскивает себе добычу и днем, и ночью и любит многочисленное общество себе подобных, поэтому часто встречается в стаях от 30 до 40 штук. В прежние времена она в большом

количестве встречалась в Капской колонии, и многие путешественники о ней упоминают. При этом, конечно, встречаются различные преувеличения при описании ее образа жизни, и до сих пор нам очень трудно отделить в этих рассказах истину от вымысла.

Католический монах Цукелли в своем «Описании путешествия миссионера в Конго», написанном в начале прошлого столетия, дает довольно подробные сведения о гиеновой собаке.

Гиеновая собака
(*Lycaon pictus*)

«Не лишним будет упомянуть, — говорит он, — о том животном, которое питает инстинктивную ненависть ко всем другим лесным животным и всех их преследует. Это особый вид диких собак, которые гоняются за дичью, но от наших волков сильно отличаются. Они скорее имеют свойства охотничьих собак и, по видимому, природой предназначены к тому, чтобы прогонять других вредных животных. Если они находятся в каком-нибудь лесу, то путник может не бояться встретить здесь других хищных животных. Когда один из наших братьев собирался из Бамбы предпринять путешествие через пустыню, то он сначала спросил князя, не следует ли в этой местности опасаться нападения львов и

пантер. Князь же ему ответил, что он может отправляться в путь без всякого опасения, так как несколько дней назад в этой местности видели много гиеновых собак, которые наверняка очистили территорию от всех больших хищников. Следовательно, они прогоняют диких зверей, хотя сами к ним принадлежат; к человеку же относятся дружелюбно и не наносят ему никакого вреда, поэтому их спокойно допускают в деревни и даже на дворы. Ненависть гиеновых собак к хищным зверям так велика, что они нападают даже на самых больших, например на львов и пантер, и побеждают их своей многочисленностью. Убитую днем добычу они вечером делят между собой, а если от нее что-нибудь останется, то тащат это в деревни, чтобы и людям от них что-нибудь досталось. Они продолжают свою деятельность в течение нескольких дней, пока совершенно не очистят данную местность от диких зверей; тогда они отправляются дальше и там продолжают свою охоту».

По этому описанию видно, что оно составлено много лет назад и наблюдения поэтому не очень точны. Кольбе уже иначе описывает этих животных, которых встречал в Капской колонии. Там их называют дикими собаками. Они часто забегают в готтентотские деревни и даже в дома европейцев, но на человека не нападают, зато причиняют большой вред стадам овец: если их вовремя не прогнать, они часто загрызают 60—100 овец, прокусывают им животы, съедают внутренности и затем убегают. Следующие наблюдения проводились уже более ста лет спустя. Бурчел видел это животное в южной Африке и привез даже живой экземпляр с собой в Англию. Этот наблюдатель называет животное охотничьей гиеной и подтверждает, что оно охотится днем стаями и лаем своим напоминает собак. Он говорит о смелости этой собаки, сравнивая ее с гиеной, которая рыщет только ночью, как трусливый вор. Рюппель из своего первого африканского путешествия привез в Европу семь гиеновых собак, которых поймал в пустыне Баюда в Нубии. Они известны там под именем «симр» и считаются очень вредными животными: говорили даже, что они нападают на человека, но обыкновенно они прячутся около источников, чтобы подкараулить антилоп и других небольших животных.

Гордон Кемминг также описывает гиеновых собак, живущих в южной Африке. Когда он однажды спрятался около ключа, чтобы подкараулить дичь, то увидел быстро бегущего окровавленного гну, за которым гнались четыре гиеновые собаки. Гну бросился в воду, обернулся и стал грозить собакам рогами. Все четыре собаки были покрыты кровью, глаза их блестели от кровожадности, и они собирались броситься на свою жертву, но Кемминг одним выстрелом из своей двустволки убил гну, а другим — одну из собак. Три остальные собаки не поняли, откуда раздался выстрел, и стали бегать кругами, осматривая и обнюхивая местность.

Кемминг ранил еще одну собаку, и тогда все три убежали. «Эти собаки, — рассказывает он, — охотятся стаями до 60 штук и очень долго гонятся за добычей, благодаря чему загоняют до изнеможения и осиливают самую большую антилопу. На буйволов, однако, они нападать не осмеливаются и гонятся за животным до тех пор, пока оно больше бежать уже не может, валят его на землю и съедают в несколько минут. Человека они боятся меньше, чем другие хищные звери. Самки воспитывают своих детенышей в больших норах, которые они вырывают в пустынных местностях. Когда к этим норам приближается человек, мать убегает, не защищая своего потомства. Опустошения, которые они производят в стадах, очень значительны, так как собаки эти загрызают и калечат гораздо больше овец, чем им требуется для утоления голода. Они относятся к домашним собакам с большим презрением, смело ожидают их нападения, бросаются на них соединенными силами и обычно убивают своих противников. Домашние собаки со своей стороны так же враждебно к ним относятся и лают по целым часам, когда даже вдалеке слышат голоса диких собак». Если оставлять упряжных волов без присмотра, то гиеновые собаки при случае объедают им хвосты. «Утром, — рассказывает Бурчел, — прибыл Филипп с нашими волами, но так как он не был предупрежден и не обращал внимания на отдыхавших волов, то гиеновые собаки объели хвосты у трех из них; у одного они отъели только кончик, а у двух других хвосты были съедены целиком. Нужно иметь в виду, что потеря хвоста для волов довольно чувствительна, так как только посредством его они могут отгонять докучливых мух. Овцы и крупный рогатый скот очень страдают от нападений этих собак: первых гиеновые собаки хватают открыто, а на вторых бросаются из какой-нибудь засады».

По-видимому, племена, кочующие по степи Баюда, справедливо утверждают, что гиеновые собаки иногда нападают и на человека. По всей вероятности, смелость гиеновых собак зависит от местных условий так же, как и у других хищных зверей. Спек рассказывает о пестрой гиене, под именем которой он, очевидно, подразумевает гиеновую собаку: «По величине и внешнему виду она похожа на большого волка, имеет длинные уши, бегаёт быстро, охотится стаями и лает, как собака, из-за чего ее и называют «лесной собакой». Трое таких животных однажды выбежали из лесу и бросились с громким лаем на одного из наших служителей, но убежали обратно, когда увидели, что он собирается в них стрелять». Гейглин считает гиеновую собаку, несмотря на ее красивую окраску, скверным, вонючим и злым животным, которое кроме всего прочего наделено коварством и хитростью, и утверждает, что раненые животные этого вида смело нападают на человека.

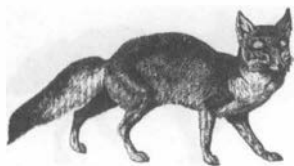
Что бы ни говорили некоторые путешественники, гиеновую собаку следует все-таки считать привлекательным хищником.

Должно быть, очень интересно наблюдать, как охотятся эти красивые, ловкие и громко лающие животные. Они выделяют из стада большую и сильную антилопу, которая, зная своих врагов, тут же поспешно обращается в бегство. Вся стая собак гонится за нею с лаем, воем, визгом — одним словом, производит очень много шума, который издали напоминает звон колокольчиков. Охота продолжается долго; антилопа из-за главной опасности забывает обо всех остальных. Не обращая внимания на людей, которых антилопа обычно избегает, она несется мимо них; вслед за ней, не отставая, спешит вся стая собак. Они бегут большими прыжками, галопом, все время сохраняя известный порядок. Когда устают передние собаки, их место занимают задние, которые берегли свои силы тем, что бежали кратчайшими путями. Таким образом собаки чередуются, пока продолжается охота. Наконец антилопа устает, и охота приближается к концу. Надеясь на свою силу, она оборачивается к врагам и грозит им рогами. Длинные острые рога описывают дуги на уровне земли. Случается, что одна или несколько собак при этом получают смертельные ранения, но в большинстве случаев через несколько минут антилопа лежит на земле, издавая последние стоны под острыми зубами собак; впрочем, иногда она вскакивает и пытается бежать. Тогда начинается новая травля, и гиеновые собаки с окровавленными мордами снова бегут за измученным животным. Их кровожадность как будто еще увеличивается после смерти жертвы; они большей частью поедают только внутренности животного, пренебрегая остальными частями тела. Бурчел однажды нашел только что убитую ими крупную, так называемую лосевую антилопу, которую собаки только выпотрошили; он воспользовался остальными частями тела этого животного для собственной кухни*.

Из описаний Селуса видно, что этот хищник не всегда охотится стаями, иногда он и в одиночку нападает на довольно крупных животных. Во время путешествия по стране Машуна Селус заметил на расстоянии примерно семисот шагов большую антилопу, которая паслась около кустов. Вдруг статное животное испугалось и бросилось бежать по степи прямо на Селуса и его спутников; за ней гналась на некотором расстоянии гиеновая собака. Могучая антилопа на минуту остановилась и посмотрела на своего в сравнении с ней небольшого врага. «Но, — продолжает этот писатель, — вместо того, чтобы вступить в борьбу, как я ожидал, она собрала все свои силы и обратилась в бегство, пронесаясь мимо нас. Гиеновая собака гналась за ней как гончая, вытянув в струнку свой пушистый хвост, и вскоре ее догнала. Подпрыгнув, она укусила антилопу в бок, но тотчас отскочила на несколько шагов. Получив укус, антилопа изменила направление и кинулась в нашу сторону, а от второго укуса, произведенного в то же самое место, еще больше приблизилась к нам, так что оба животных описали около нас почти полукруг, имеющий в радиусе

** В большинстве мест гиеновые собаки охотятся стаями, в которой существует жесткая иерархия и, по видимому, наиболее строгая организованность совместных действий из встречающихся у хищных животных. Это позволяет гиеновым собакам убивать животных более крупных, чем стая могла бы съесть за один раз. В первую очередь хищники выедают внутренности, более богатые разными питательными веществами, чем мясо как таковое. Под лосевой антилопой Бурчел имел в виду, вероятно, канну (*Taurotragus oryx*), очень крупную антилопу высотой в плечах более 1,5 м и весом около 1 т.*

около трехсот шагов. Когда собака в третий раз захотела укусить антилопу, заметила нас и остановилась; антилопа тоже остановилась, пробежав шагов сто. Оба животных после этого разбежались в разные стороны. Это был единственный случай, когда я видел, как гиеновая собака преследовала добычу, да еще такую, как взрослая крупная антилопа, которая умеет отлично защищаться при помощи сильных рогов. Если бы гиеновая собака нападала спереди, как гончая, то, наверное, была бы пронзена насквозь рогами антилопы. Не могу с уверенностью сказать, удалось ли бы хищнику разорвать бок у антилопы и выпустить внутренности, как, очевидно, он намеревался, но упоминая об этом факте в доказательство того, что гиеновая собака иногда в одиночку отваживается охотиться за очень крупным животным. Если учесть, что об индейских диких собаках рассказывают почти то же самое, можно предположить, что африканская гиеновая собака часто справляется с довольно крупной добычей».

При подробном рассмотрении живой гиеновой собаки сходство ее с гиеной почти совсем пропадает. Умное, веселое и хитрое выражение морды этого необыкновенно подвижного создания не имело ни малейшего сходства с выражением морды гиены; еще поразительнее было это различие, когда можно было сравнить легкие красивые движения этой собаки с движениями гиены, которые имеют совершенно другой характер. С первого взгляда можно было видеть, что гиеновую собаку следует считать как бы олицетворением светлого дня, между тем как гиена олицетворяет собой темную ночь. Позже я видел многих животных этого вида, и некоторые из них даже жили у меня. Характерными особенностями этого животного следует считать неукротимую живость нрава и постоянное стремление кусаться, может быть, без намерения принести вред, но только из желания дать выход необыкновенной живости характера. Когда гиеновая собака приходит в возбуждение, то каждая жилка у нее дрожит и напрягается. Ее невероятная подвижность сначала кажется результатом веселого характера, но вскоре обнаруживаются ее дикость, хищнические наклонности и стремление кусаться. Гранвил в своих известных юмористических очерках о различных животных заставляет волка говорить: «Тут лаем не поможешь, нужно укусить». Если бы он знал гиеновую собаку, то наверняка, приписал бы эти слова ей.

Следует еще заметить, что гиеновые собаки в неволе размножаются и, что особенно важно, приносят до десяти щенят за раз; по крайней мере, в одном зоологическом саду наблюдалось именно такое количество щенят. К сожалению, животные эти, как и многие другие привезенные из жарких стран, даже при очень внимательном уходе рано или поздно заболевают чахоткой, этой неизлечимой болезнью, которая уносит много жизней в зоологических садах, точно так же как и среди людей*.

* В зоопарках времен Брема животных держали в тесных, душных, плохо вентилируемых клетках, как правило, на неподходящем корме. Неудивительно, что туберкулез («чахотка») был обычным явлением в таких зверинцах.

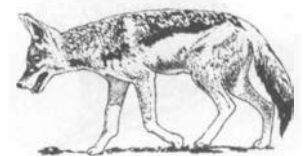
Сайкс описал **красного волка — колзуна** (*Cuon alpinus*)*. Это животное, по его словам, составляет особую группу волков, отличающуюся тем, что у них только 40 зубов. Область распространения животного странным образом совпадает с областью распространения тигра; величина его примерно соответствует величине не очень большой гончей собаки, общая длина тела — около 1 м, собственно хвост имеет в длину 20 см, но из-за длинных волос кажется длиннее — от 35 до 37 см, высота в холке от 45 до 50 см. Шерсть почти на всем теле довольно короткая, только хвост покрыт длинными волосами; цвет шерсти буровато-рыжий или рыжевато-серый; нижняя часть тела светлее, а морда, уши, лапы и кончик хвоста более темного цвета. Ходжсон определяет вес кобеля в 12,3 кг.

Описываемое животное живет в Индии, начиная от Гималайских гор и истоков Инда до Ассама, а также на Тибете, где его нашел Ходжсон; в Индии он чаще встречается в лесистых местностях.

Как настоящий житель лесов, колзун встречается чаще всего на обширных лесистых участках, а также в джунглях; но в северных высоколежащих областях своего распространения, где нет лесов, он довольствуется голыми пустынями и скалистыми местностями. Насколько известно, он нигде не встречается в очень большом количестве, и поскольку он очень беспокоит и разгоняет дичь, то долго в одном месте оставаться не может. Колзун гоняется за добычей стаями, причем число животных одной стаи прежде определялось в 50—60 особей, но, по новым исследованиям, редко доходит до 20, а чаще бывает от 2 до 15. Преследует он молча, лишь изредка издает звук, похожий на жалобный визг. Все наблюдатели согласны в том, что это животное охотится с большим искусством. Вильямсон, который часто наблюдал за его охотой, говорит, что при продолжительном преследовании ни одно животное не может от него спастись, и Сандерсон подтверждает это. По способу охоты колзун походит на вышеописанную гиеновую собаку. Как только стая выследила зверя, она гонится за ним безостановочно и очень долго, разделяясь иногда на несколько групп, чтобы загородить добыче дорогу. Говорят, что даже быстроногий олень становится их жертвой. Они не нападают спереди и не хватают за горло, а впиваются в бок, причем стараются прокусить мягкие части живота, и в результате быстро следующих один за другим укусов внутренности жертвы вываливаются, и преследуемое животное падает в изнеможении.

Так как колзуны довольно боязливы и избегают плотно населенных местностей, то они редко приносят вред домашним животным; однако Жердон, Мак-Мастер и Блэнфорд приводят случаи, что даже столь хорошо вооруженное животное, как домашний буйвол, иногда становится добычей этих волков. Чаще всего они гоняются за оленями, антилопами и свиньями, но, гово-

** Красный волк из-за наличия только 40 зубов был выделен в особое подсемейство. Теперь ученые приходят к выводу о его близости к настоящим собакам. Зверь размером с некрупного волка: длина тела до 110 см, хвоста до 0,5 м, высота в плечах 42—55 см. Вес 10—20 кг, самцы на 1—2 кг тяжелее самок. Распространен этот зверь от гор Южной Сибири и Центральной Азии до Индии, Малайи, островов Ява и Суматра.*

рят, преследуют также медведей, леопардов и тигров. Хотя эти сведения получены от туземцев, однако опытные охотники, такие, как Бальдвин, Стерндаль и Сандерсон, склонны думать, что это верно. Блэнфорд, напротив, полагает, что мнение о преследовании колзунами хищных зверей произошло оттого, что эти животные часто ссорятся с тиграми и леопардами из-за добычи и при этом происходят ожесточенные схватки, заканчивающиеся иногда смертью как жертвы, так и охотников. Едва ли можно верить туземцам, утверждающим, что эти дикие собаки пускают сильно пахнущую мочу на кустарники, чтобы оттуда выгнать добычу, или, обмочив мочой хвост, прыскают ею в глаза жертвы, чтобы ее ослепить.

Красный волк
(*Canis alpinus*)
(южные подвиды,
Индостан)

но другой, который бежал рядом с оленем, еще два раза укусил его за нижнюю часть живота и только тогда убежал. Олень свалился после нескольких прыжков с вывалившимися наружу внутренностями. В другой раз я видел, как оленя преследовали три колзуна на полянке среди леса. Волки успели всего несколько раз вцепиться в бока жертвы, так как мы их отогнали, но олень также очень скоро свалился и был заколот одним из моих людей. У него была разорвана нижняя часть живота и на внутрен-

Хотя колзун очень смел и хищен, однако о нападении его на человека еще ни разу не сообщалось. Сандерсон неоднократно наблюдал, как они преследуют добычу. Он пишет: «При преследовании колзуны руководствуются как зрением, так и обонянием, и настойчивость их так велика, что их охота редко бывает неудачна. Однажды утром два колзуна гнали оленя мимо моей палатки; один из них вернулся, увидев наш лагерь,

ней стороне задней ноги оторван кусок мяса около двух килограммов весом. Подобные раны могли бы быть нанесены и тигром.

Размножение у этих волков происходит зимой, а продолжительность беременности точно неизвестна, но, по Блэнфорду, продолжается около двух месяцев. Самка мечет в январе или марте в яме или пещере шестерых, а иногда и более щенят, но Ходжсон утверждает, что среднее их число составляет от 2 до 4*. Этот натуралист сообщает, что однажды ему удалось до некоторой степени приручить молодого колзуна, но другие в продолжение нескольких лет оставались в неволе дикими и пугливыми. Из всех наблюдений видно, что эти собаки совсем не способны к приручению или оно удается лишь с большим трудом.

Восточная граница области распространения только что описанного колзуна предположительно проходит в Бирме, в местностях между Ассамом и Тенассеримом.

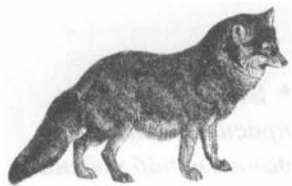
Второй вид красных волков — южноазиатские дикие собаки, которые встречаются на Малаккском полуострове, на Суматре, Яве, а может быть, и на Борнео, — **малайская дикая собака, или адьяг (*Cuon alpinus*)****. Она меньше и слабее индийской и покрыта рыжевато-желтым или рыжевато-красным мехом, который на нижней стороне тела светлее. Кончик хвоста черный.

По образу жизни и способу преследования добычи адьяг, по видимому, мало отличается от колзуна, только больших и сильных животных он, кажется, не преследует, хотя, по словам Форбеса, по крайней мере на Суматре и Яве о его способе охотиться рассказывают то же самое, что и о колзуне. По существующим сведениям, на только что названных островах он живет повсюду, начиная от морского берега и кончая местностями, лежащими на тысячу футов над уровнем моря. Юнгхун рассказывает, что на морском берегу адьяг охотится за весьма своеобразной добычей. «Когда я 14 мая 1846 года, — говорит он, — из кустарника, находящегося в местности Тандюнг-Содонг, вышел на песчаное побережье, то увидел перед собой точно поле битвы: тысячи скелетов огромных черепах, разбросанных на песке. Некоторые из них были уже выбелены солнцем и состояли из гладких костей, другие еще покрыты гниющими, смрадными внутренностями, третьи совсем свежи, со следами крови; но все эти скелеты лежали на спине. Очевидно, на этом месте адьяги нападали на черепах во время их перехода из моря к дюнам для кладки яиц. Адьяги собираются в стаи от 20 до 30 особей и принимают загрызть черепах во всех доступных местах покрытого панцирем тела, хватают их за голову, за ноги, у заднего прохода и умеют перевернуть совместными силами этих пресмыкающихся, несмотря на их огромную величину. Тогда они начинают грызть их со всех сторон, срывают брюшной щит и едят внутренности, мясо и яйца, как в огромном корыте. Многие черепахи пытаются спастись от преследования

* Беременность у красного волка (по данным наблюдений в Московском зоопарке) продолжается 60—62 дня. Детенышей обычно 4—6.

** В настоящее время красных волков из Индокитай, Малайи и с Зондских островов относят к тому же виду — *Cuon alpinus*.

этих волков и достигают моря, часто таща за собой крепко вцепившихся в них адьягов. Не всегда этим хищникам удается спокойно съесть свою добычу. Иногда случается, что королевский тигр, властелин лесов, ночью выходит из чащи, на минуту останавливается, гневным взором осматривает берег, тихо подкрадывается и, наконец, одним прыжком со страшным ревом оказывается среди волков, которые мгновенно разбегаются и скрываются в лесу, издавая отрывистый крик, больше похожий на свист, чем на ворчанье. Для подобного рода охоты адьяги выбирают пустынную и мало посещаемую туземцами местность, но внимательный наблюдатель довольно легко отыскивает эти места благодаря большому числу кружащихся над ними хищных птиц».

Адьяг охотится и в населенных местностях, лежащих довольно высоко над уровнем моря. По показаниям Юнгхуна, который в 1844 году путешествовал по острову Ява, адьяги стаями от 10 до 12 штук появляются на обработанных высоких равнинах, расположенных на высоте до тысячи метров над уровнем моря, и там нападают на коз и даже на лошадей, которые ночью оставлены на пастбище или привязаны к дереву недалеко от деревень. Волки нападают на свою жертву сообща, хватают ее преимущественно за мягкие части живота около задних ног и таким образом заедают до смерти. По уверению яванцев, подобные нападения повторяются в какой-нибудь местности только через несколько лет, в течение которых об адьягах ничего не слышно, а это доказывает, что адьяги, как и другие виды волков, предпринимают очень дальние странствования. По наблюдениям Форбеса видно, что это животное в отличие от своего индийского родича при преследовании добычи лает. «Лай адьягов, — пишет этот натуралист, — слышен очень часто на Яве по ночам, но все мои старания наблюдать их во время охоты были напрасны; они так пугливы и осторожны, что очень трудно к ним подойти на расстояние выстрела, и я смог там получить только один и то плохой экземпляр».

* Горные красные волки из Средней Азии и Сибири относятся к тому же виду, что индийские и малайские. От своих более южных сородичей северный красный волк отличается более длинной и лохматой шерстью и менее яркой и контрастной окраской.

Относительно приручения этого вида волков нет никаких сведений. В Амстердамском зоологическом саду я видел адьяга, привезенного с острова Ява, и пришел к выводу, что по внешнему виду это животное очень похоже на домашнюю собаку. Оно бегаёт, сидит и лежит совсем как собака, но с первого взгляда видно, что оно резко от нее отличается.

Третьим видом азиатских красных волков следует считать **горного волка** (*Canis alpinus*)*, которого буряты называют «зубри», а тунгусы «джеркуль» и который водится в восточной и средней частях Азии. Грей сравнивал черепа горного волка и колзуна и обнаружил между ними большое сходство, но Скулли указывает, что он отличается от колзуна более крупными верхними коренными зубами. Прекрасный экземпляр этого животного в Берлинском музее похож на очень большую мохнатую овчарку. У

него широкая голова с тупой мордой, не очень большие глаза и средней величины уши, которые сверху округлены и густо обросли волосами как снаружи, так и внутри; ноги довольно толстые и сильные; хвост висит до земли, общая длина тела 1,3 м, из которых на хвост приходится 35 см, высота в холке 45 см. Шерсть у горного волка очень длинная и жесткая, подшерсток мягкий и густой. Хвост покрыт длинными мягкими волосами. Волосы на верхней части тела у основания имеют рыжевато-серый, в середине ржаво-красный, а на конце черный или белый цвет, что в сочетании дает бледно-рыжеватый окрас; нижняя часть тела, внутренние стороны конечностей и кончики лап бледно-чалого цвета.

Хвост заметно темнее верхней части тела и имеет желтовато-серую окраску. Уши покрыты снаружи рыжими, а внутри белыми волосами.

О распространении и образе жизни этого животного довольно подробно повествует Радде. В некоторых горных местностях, в верхних частях восточных притоков Енисея горный волк встречается довольно часто, но за ним не охотятся регулярно ни буряты, ни русские охотники; причину этого сле-

дует искать не столько в низкой цене его грубого меха, сколько в страхе, который он вызывает. Он, по-видимому, в основном водится в малонаселенных горных местностях, которые служат пристанищем и оленям. На восток от среднего течения Оки, в охотничьем районе Карагашей, этот волк встречается еще стаями в 10—15 штук и охотится там за оленями, преимущественно за самками и молодыми. По течению реки Иркут горный волк встречается единичными экземплярами и там охотится за горными баранами. В верхних частях долины Иркуты горный волк так разогнал оленей, что охота на них потеряла всякий смысл. В южных частях Яблоневого хребта, по показаниям Радде, его совсем не знают, но на Даурском плоскогорье он иногда встречает-

Красный волк
(*Canis alpinus*)
(горные подвиды)

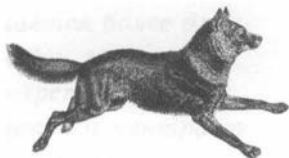
* Сейчас в России
красный волк крайне
редок: в малопосеща-
емых горных райо-
нах юга Алтая,
Забайкалья и При-
морья сохранилось не
более 40—50 особей.

ся и известен под именем «джеркуль». В горах, окружающих нижнее течение Амура, он обыкновенен*.

В Амурской области охотники боятся горного волка. Стаи этих животных окружают свою жертву и всегда убивают ее. Если охотник встретит этих животных в большом количестве, то ему не остается другого средства к спасению, как влезть на дерево. Эти животные часто загоняют оленей и горных баранов на край глубокой пропасти, куда они не решаются прыгнуть; раненых животных они очень скоро догоняют и повергают на землю. Во время преследования горные волки издают звук, похожий на шипение и свист, и с такой жадностью бросаются на добычу, что подпускают тогда к себе охотников очень близко. Один тунгус, по словам Радде, из четырех горных волков, которые пожирали убитого ими оленя, застрелил одного за другим трех, причем оставшиеся в живых и не думали бросать свою добычу. Местные охотники считают их очень хитрыми и быстрыми животными. Во главе стаи всегда бегут несколько старых сильных самцов. Опытные охотничьи собаки отказываются от преследования этих волков и возвращаются со взъерошенной от страха шерстью к охотнику, точно так же, как они это делают, когда выследят тигра. Мясо этого животного не едят, и русские купцы его шкуру не покупают. От Радде требовали, правда, за подобную шкуру от 6 до 8 рублей, но только потому, что заметили, что он очень хотел получить цельную шкуру этого животного.

Домашние собаки (*Canis familiaris*). «Умом собаки держится мир» — так сказано в Вендидаде (Книга законов), древнейшей и достовернейшей части Зенд-Авесты, одной из самых древних книг человечества.

Для низшей ступени цивилизации человечества слова эти были (и являются еще и поныне) несомненной истиной. Дикий, грубый и необразованный человек немыслим без собаки, но так же трудно представить себе благовоспитанного и образованного человека, живущего в цивилизованных государствах, без этого животного. Человек и собака дополняют друг друга в сотнях и тысячах случаев и потому могут считаться самыми верными товарищами. Никакое другое животное на земном шаре не пользуется таким уважением, дружбой и любовью, какие издавна заслужила себе собака со стороны человека. Она так необходима для благосостояния человека, что сама как бы составляет часть человечества. «Собака, — говорит Кювье, — самое замечательное, совершенное и полезное из всех приобретений, какие когда-либо сделал человек. Все собаки сделались нашей собственностью, а каждая отдельная собака вполне принадлежит своему хозяину, человеку, сообразуется с его привычками, знает и защищает его имущество и остается ему верной до самой смерти. При этом следует иметь в виду, что эти качества собак зависят не от принуждения и боязни, а от бескорыстной любви и привязанности.

Быстрота движений и тонкость обоняния сделали из собаки прекрасного помощника человека, и можно сказать, что ныне животное это необходимо для благоустройства человеческого общества. Собака есть единственное животное, которое вместе с человеком расселилось по всему земному шару. Хотя, по-видимому, собака известна каждому, но ее стоит описать подробнее, что мы и сделаем с особенным удовольствием.

Ее находят повсюду, где только поселился человек. Она встречается даже у самых жалких, диких и необразованных народов и стала их другом, товарищем и защитником. Но ни предание, ни исследование не могут нам дать до сих пор точных указаний о прародителях этого домашнего животного: мнения о происхождении домашней собаки до сих пор еще очень разноречивы. Нет ни одного животного, в отношении которого сделано было бы столько предположений и догадок, как о собаке. История происхождения собаки очень похожа на историю человека. Полное подчинение собаки человеку имело для нее такие последствия, какие мы не встречаем ни у какого другого животного.

Жизнь собаки на Земле, так тесно связанная с жизнью человека, должна была вместе с ним подвергнуться столь разнообразным и взаимоисключающим местным условиям, что о первобытном ее состоянии, точно так же как о первобытном состоянии человека, могут существовать лишь довольно произвольные предположения. Впрочем, все это относится только к ее физическим свойствам, так как о душевных и умственных ее качествах все судят одинаково. По своему скелету, черепу и зубной системе собака, очевидно, принадлежит к волкам, однако ни по черепу, ни по зубам ее нельзя причислить ни к одному из ныне существующих видов волков, точно так же, как нельзя найти резких различий между домашней собакой и ее дикими родичами. Наши европейские собаки по особенностям своего черепа занимают среднее

Домашняя собака
(*Canis familiaris*)

** Происхождение домашней собаки до конца не установлено. Наиболее распространена версия происхождения от волка, однако некоторые исследователи выводят собак от шакала, гибрида волка с шакалом или койотоподобного вымершего волжского волка. Не исключено, что в домашней собаке присутствует кровь всех трех видов. Новейшие исследования показывают генетическую близость домашних собак и со своеобразным абиссинским волком. Возможно, одомашнивание собаки происходило неоднократно и независимо в нескольких разных регионах. Несмотря на это и на крайне высокое морфологическое разнообразие, все современные домашние собаки, вероятно, связаны общим происхождением и относятся к одному виду — *Canis familiaris*, собака домашняя.*

положение между волками и шакалами, но особенности эти в высшей степени разнообразны у различных пород*.

«Американцы уже имели домашних собак до того, как испанцы привезли туда европейскую породу. В Мексике испанцы нашли немых собак. А. Гумбольдт сообщает, что у индейцев в Йоуха и Хуанка собакам воздавали божеские почести, пока инка Пачакутек не заставил этих индейцев почитать в качестве божества солнце. Их жрецы во время жертвоприношений дули в собачьи черепа, а в древнейших перуанских могилах находили собачьи мумии. Чуди исследовал черепа этих мумий и считает, что они принадлежат особому виду собак, отличающемуся от европейских.

Весьма удивителен тот факт, что местные породы собак по строению черепа очень близки к волкам, но еще удивительнее, что одичавшие собаки даже по внешнему своему виду понемногу возвращаются к первобытным формам. Это относится не только к окраске, но и ко всему строению животного, например к ушам, которые постепенно становятся прямыми и остроконечными, а также и к свойству шерсти. Уже Оливье заметил, что собаки в окрестностях Константинополя очень похожи на шакалов. На юге и востоке России встречается большое количество полуодичавших собак, которые странствуют целыми стаями и по цвету шерсти и внешнему виду туловища и ушей сильно напоминают шакалов. Наблюдения Палласа, что собаки часто живут в дружбе с шакалами, становятся понятными при таком сходстве внешнего вида. Положительно доказано, что волк и собака между собой спариваются и производят живучих ублюдков. То же замечается при скрещивании собаки и шакала.

Вопрос о том, составляет ли собака самостоятельный и отдельный вид, как волк, шакал и лисица, трудно разрешим, и на него едва ли можно отвечать утвердительно. Ни одно дикое животное не имеет столько различий в строении черепа, скелете и величине, как разные породы собак. Даже домашние животные, которых нужно считать отдельными видами, только измененными приручением и подбором, например лошадь, осел, бык, коза и свинья, не представляют такого разнообразия форм. Однако еще менее справедливо было бы рассматривать разные породы собак в качестве отдельных видов. Несомненно, что нельзя считать ни один из известных нам диких видов этого рода прародителем домашней собаки, и точно так же едва ли можно предположить, что первобытная форма существует на земном шаре, но еще не открыта или не замечена натуралистами.

Поэтому, если хотят настаивать на решении вышеприведенного вопроса, приходится согласиться с мнением Палласа, что происхождение домашней собаки следует объяснить приручением и скрещиванием местных диких видов этого рода. Взгляд этот, конечно, как и всякий другой, относящийся к происхожде-

нию домашних животных, следует считать гипотезой, но в справедливости этого взгляда можно убедиться при сравнении черепов собак с черепами различных видов волка. Вышеизложенное предположение Палласа вполне объясняет беспрепятственное скрещивание домашней собаки с волком и шакалом. Гипотеза эта находит некоторое подтверждение в других фактах из животного и растительного царства, например в строении некоторых растений, происходящих от скрещивания сходных видов, а также в разнообразии некоторых пород куриных птиц. Сходство одичавших собак и дружба их с шакалами имеют здесь также большое значение. Мы знаем, что одичавшие лошади со временем начинают походить на диких. Козы, которые большую часть года скитаются по горам без всякого присмотра, как, например, в Далмации и в некоторых местностях Италии, приобретают сходство с дикими, так называемыми безоаровыми козами; пестрые кролики, выпущенные на свободу, через несколько лет рождают детенышей, которые по цвету ничем не отличаются от диких».

Дарвин приходит к тем же предположениям, что и Блазиус. «Некоторые зоологи, — говорит он, — полагают, что все породы домашних собак происходят от волка, шакала или какого-то неизвестного вымершего вида; другие думают, что собаки происходят от скрещивания многих ныне живущих и вымерших видов. По всей вероятности, нам никогда не удастся достоверно выяснить родословную наших домашних собак. Палеонтология не дает разъяснений по этому вопросу, что происходит, с одной стороны, от большого сходства черепов вымерших и живых шакалов и волков, с другой — от большого различия черепов ныне живущих пород собак. В пластах третичной формации найдены, кажется, черепа, которые больше похожи на собачьи, чем на волчьи, что, может быть, поддерживает

Тибетская собака

мнение Блэнвилля, что домашнюю собаку следует считать потомком одного вымершего вида. Некоторые натуралисты высказывают предположение, что каждая из ныне существующих пород собак имела уже вымершего отдельного представителя; но это мнение в высшей степени невероятно. Если остановиться на последнем предположении, то трудно объяснить большое разнообразие пород и почти уродливый вид некоторых из них. Кроме того, тогда нужно предположить, что многие виды диких собак вымерли после того, как человек уже приручил домашнюю собаку, а подобное вымирание довольно крупных хищных животных

маловероятно. Кстати, следует вспомнить, что еще в 1710 году на таком относительно маленьком острове, как Ирландия, волк еще не был истреблен.

Причины, по которым многие писатели пришли к предположению, что домашние собаки происходят от нескольких различных диких видов, состоят, во-первых, в большом разнообразии внешнего вида отдельных пород, а во-вторых, в том, что уже в самые древние исторические времена существовало несколько разновидностей до-

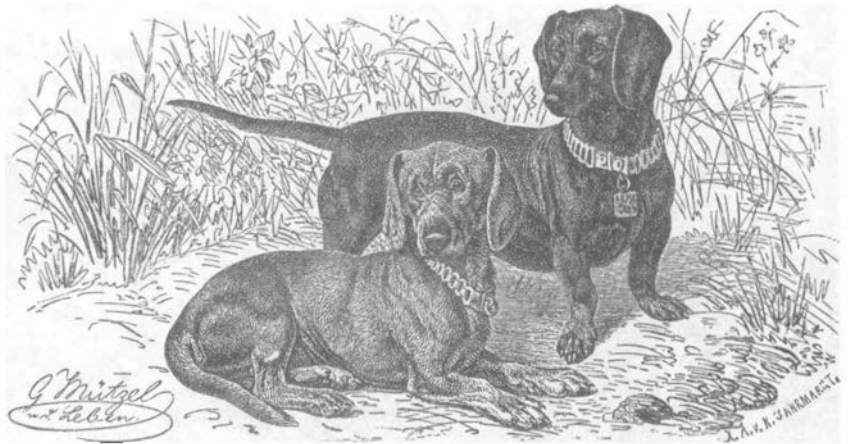

Русская борзая

машней собаки, которые между собой были мало сходны, но очень похожи на ныне существующие породы. Начиная от Рождества Христова и до XIV столетия осталось очень мало сведений о породах домашних собак, но нам известно, что в более древние времена уже существовало несколько пород домашних собак, причем, однако, невозможно с точностью определить их и сравнить с нынешними. На одном рисунке, изображающем виллу императора Антония, мы видим двух молодых борзых. На одном ассирийском памятнике, относящемся к VII веку до Рождества Христова, изображен очень большой дог, порода которого, по Раулинсону, и поныне там сохранилась. На египетских памятни-

как IV—XII династии, то есть от 3400 до 2100 года до Рождества Христова, как видно по прекрасным рисункам сочинений Лепсиуса и Розеллини, изображено несколько пород собак, из которых большинство также похоже на борзых. На более поздних памятниках мы находим собаку, похожую на гончую, с висячими ушами, но очень длинной спиной и острой мордой, а также маленькую собачку с кривыми ногами, которая напоминает наших такс. Самое древнее изображение собаки на египетских памятниках имеет очень странный вид: собака похожа на борзую, но с длинными острыми ушами и коротким крючковатым хвостом. Сходная с этой собакой разновидность живет и ныне в северной Африке — это арабская кабанья собака, которую Гаркурт считает очень древней, так сказать иероглифической породой, с которой охотился еще Хеопс; она несколько похожа на шотландскую мохнатую оленью собаку. Вместе с этой древнейшей породой жила в Египте еще другая собака, по наружности похожая на нынешнюю индейскую бродячую собаку. Из вышесказанного мы видим, что уже четыре или пять тысяч лет назад существовало несколько пород собак, а именно: борзые, гончие, доги, таксы и дворняжки, которые имели некоторое сходство с нынешними разновидностями. Однако у нас нет возможности с полной достоверностью доказать, что эти древние породы были вполне тождественны нынешним. До тех пор пока думали, что человек живет на земле около шести тысяч лет, это различие пород в столь раннее время могло служить доказательством того, что у каждой из них был свой отдельный прародитель, но так как теперь известно, что люди появились на земном шаре гораздо раньше, и, принимая во внимание, что даже совсем необразованные народы имеют домашних собак, доказательство это в значительной мере потеряло свою силу*.

Ручные собаки встречались в Европе гораздо раньше начала исторических времен. В датских кухонных остатках каменного периода нашли кости собаки, которая, по Стэнструпу, была уже, по всей вероятности, домашней. Во время бронзового периода люди имели более крупных собак, а в железном веке попадаются собаки еще гораздо крупнее. Жившая в конце каменного периода в Швейцарии домашняя собака средней величины, по мнению Рютимейера, отличалась как от волка, так и от шакала по своему

Такса

чего стало появление большого количества подранков. Древнейшая известная собака, определенно считающаяся домашней, была похожа на примитивного шпица. Древнейшими породами считают грейхаунда и так называемую фараонову собаку; обе они были известны уже в Древнем Египте.

Семейство ВОЛЧЬИ

* Одомашнивание собаки произошло, по-видимому, в позднем каменном веке, 10—15 тысяч лет назад, когда человек начал активно охотиться с помощью лука и метательных дротиков, результатом

черепу, а по некоторым признакам приближалась к нашим охотничьим и легавым собакам. Во время бронзового периода появилась большая собака, которая, судя по челюстям, походила на датскую. В одной древней пещере Шерлинг нашел останки двух пород собак, возраст которых невозможно было определить.

Из всего вышесказанного ясно, что можно с большой достоверностью сделать следующее предположение: человек в различных странах обратил в домашнее состояние различные виды диких собак. Довольно странно поэтому было бы считать, что по всему земному шару распространились потомки одного первоначально дикого вида собаки».

Новейшие изыскания показали, что время беременности со-

бак, волков и шакалов почти одинаково; если и замечаются незначительные изменения в продолжительности беременности, то они большого значения не имеют, так как даже у домашних собак беременность бывает или дольше, или короче на три-четыре дня. Кювье полагал, что шакала не приручают из-за его противного запаха, но дикие народы к этому мало чувствительны, да и запах шакалов в различных странах бывает не одинаково силен, к тому же у домашних собак

Померанский шпиц

он также иногда очень неприятен. Жоффруа Сент-Илер кормил одну домашнюю собаку только сырым мясом и довел ее до того, что от нее воняло, как от шакала.

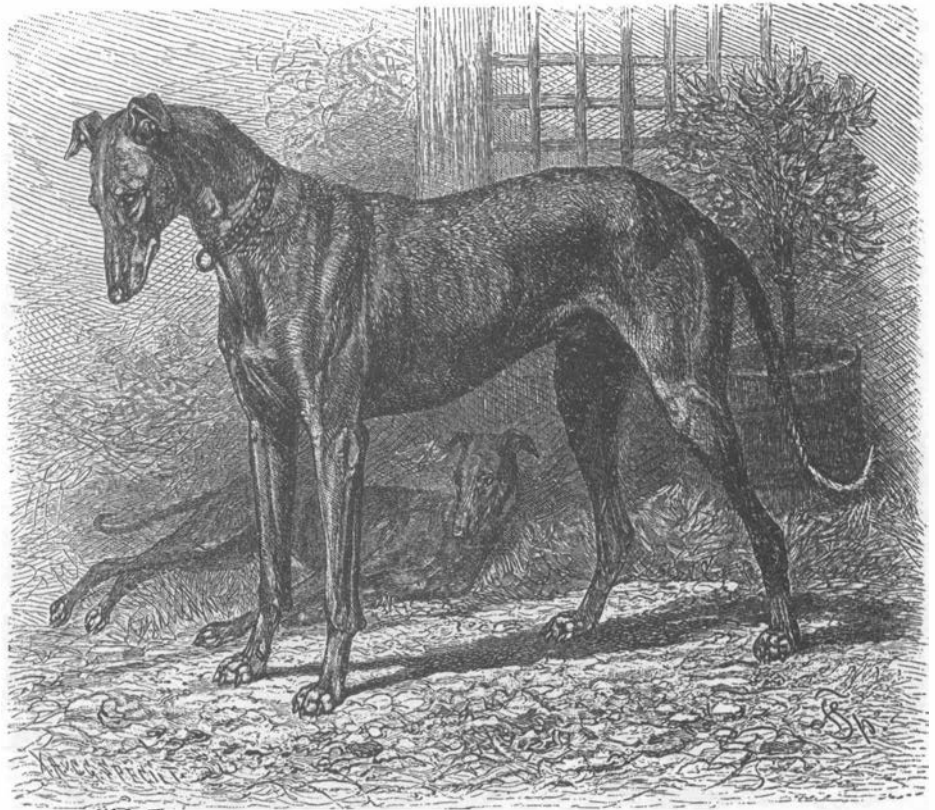
Большинство фактов заставляет нас склониться в пользу предположения о происхождении домашних собак от многих диких видов. Трудно предположить, чтобы люди, распространившись по всей Земле, ограничились приручением лишь одного вида столь легко воспитываемых и столь полезных для него животных, как разные виды диких собак. Кроме того, не следует упускать из виду, что различие пород собак произошло уже очень

давно и домашние собаки разных стран обнаруживают большое сходство с местными дикими видами.

Итак, можно сказать, что домашняя собака, по-видимому, есть искусственный продукт человека.

Прекрасным примером в пользу только что высказанного предположения, что домашние собаки могут вполне одичать, служит динго (*Canis familiaris*), живущий в диком состоянии в Австралии. Ввиду этого я сам сначала считал его особым видом диких собак, но ныне, при внимательном рассмотрении многих экземпляров этого животного, пришел к выводу, что это просто одичавшая домашняя собака. Подтверждением только что высказанного мнения может служить тот факт, что, за исключением некоторых рукокрылых и мелких грызунов, динго — единственное австралийское млекопитающее, не принадлежащее к отрядам сумчатых и птицезверей. Когда и каким образом он одичал, нельзя определить с точностью, что, впрочем, не имеет большого значения для решения главного вопроса о происхождении этого животного. Внешний вид, или, как натуралисты выражаются, *habitus*, динго, несомненно, указывает в нем домашнюю, а не дикую собаку.

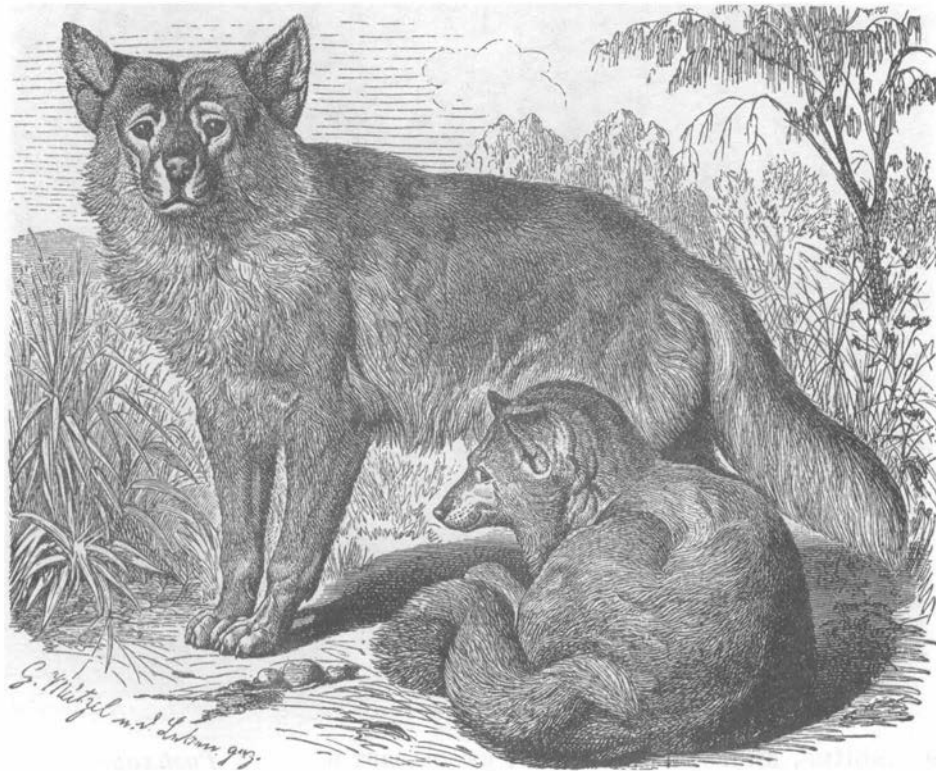
Динго достигает величины овчарки среднего роста. Тело его довольно приземисто, голова большая и довольно толстая, морда на конце тупая и широкая, стоячие уши у основания широкие, а на конце закруглены, пушистый хвост свисает до пяток, конечности довольно короткие. Не очень густой, но и не очень редкий мех почти на всем теле одинаковой длины. Почти все экземпляры, которых я видел, были бледного желтовато-рыжего цвета, переходящего в более или менее серый и даже иногда в черный. Подбородок, горло, нижняя часть тела и хвост более светлого цвета, а спина темнее, так как здесь кончики волос черные. Хотя

Грейхаунд

Семейство ВОЛЧЬИ

* Динго обычно относят к тому же виду, что и домашнюю собаку, однако происхождение его до конца не выяснено. Вероятно, динго попал в Австралию с людьми около 5

Динго
(*Canis familiaris*)

тысяч лет назад,
т. е. гораздо позже,
чем собака была
приручена человеком.

вышеуказанная окраска встречается чаще всего, но попадаются и совсем черные динго, а некоторые имеют белые лапы и т. д.

Еще ныне динго живет во всех густых лесах Австралии*, в ущельях, покрытых кустарником, в рощах, рассеянных по тамошним степям, и даже в самих степях. Он встречается на всей материке и везде довольно обыкновенен. Его там считают очень вредным животным для стад и потому усердно преследуют. В некоторых местностях, по показаниям Ленденфельда, платят по 20 марок премии за его убийство, а в Новом Южном Валлисе ежегодно употребляют, говорят, несколько бочек стрихнину для приготовления отравленных приманок.

Прежде чем колонисты начали регулярную охоту на этого врага их стад, они теряли вследствие хищничества динго очень

много овец. Уверяют, что в одной большой овчарне в течение трех месяцев было похищено этими животными не менее 1200 овец. Но самый страшный вред от динго заключается в том, что они наводят на овец панический страх: при появлении динго овцы, как безумные, бросаются бежать в пустыню, где становятся жертвами других динго или погибают от жажды. Взрослые коровы и быки, по показаниям Ленденфельда, не подвергаются нападе-

ниям динго, но отдельные телята часто делаются их жертвами. Они пожирают также кенгуру всех видов и разных других больших и мелких лесных животных. Динго нападают на всех туземных животных и боятся только домашних собак. С пастушьими и охотничьими собаками динго живут в вечной вражде и яростно преследуют друг друга. Когда несколько домашних собак увидят динго, они разом на него бросаются и рвут на куски, то же случается, если стае динго попадается одинокая домашняя собака.

Самка динго приносит от 6 до 8 детенышей и держит их обыкновенно в норе или под корнями деревьев. В случае опасно-

сти она переносит своих щенят в более укромное место. Один колонист нашел целый помёт динго в расщелине скалы; так как матери не было, то он отметил место с намерением в скором времени вернуться и уничтожить разом все семейство, но когда вернулся, то, к великой досаде, нашел нору пустой: мать почуяла, что посторонний приближался в ее отсутствие к гнезду, и утащила детенышей в другое место. Когда динго размножались в неволе, то можно было заметить, что как мать, так и детеныши ведут себя совершенно как домашние собаки. В Бреславльском зоологическом саду, где самка динго родила пятерых детенышей, из которых трое выросли и сделались совсем ручными, можно было оставить и кобеля в той же клетке, так как он не выказывал никаких дурных намерений в отношении щенят и их матери. Из пяти детенышей четверо были по цвету похожи на родителей, а пятый был совсем черный.

От человека динго обычно убегает, если вовремя заметит его. При бегстве он выказывает хитрость и лукавство лисицы и прекрасно умеет пользоваться разными

средствами для спасения. Если его настигают и он видит, что убежать от врагов не может, то оборачивается и яростно защищается, однако и при этом старается, если только возможно, улизнуть.

Обыкновенно считают, что динго нельзя приручить. Но у туземцев Австралии встречаются динго, которые живут в полудомашнем состоянии. Многие динго, которых держали в неволе в Германии, оставались все время дикими и злыми; их волчья натура давала себя знать при всяком удобном случае, так что сторожа должны были с ними обращаться очень осторожно. Они относились недружелюбно и нетерпимо и к животным, которых к ним сажали. В Англии с трудом удалось вырвать из зубов динго несчастного осла, которого он успел схватить, а в Парижском зоо-

Лагхаар

Семейство ВОЛЧЬИ

** Динго в полуприрученном состоянии сосуществует с отдельными племенами аборигенов, однако вполне ручное животное из него получается плохо.*

Сенбернар

Помеси динго с домашними собаками, в частности с бордер-колли, дали современные породы австралийских пастушеских собак.

логическом саду динго яростно прыгал на решетку клеток, где сидели медведи, ягуары и леопарды. Рожденный в Англии динго жил на свободе, но с ранней юности был боязлив и недоверчив; он прятался в темном углу комнаты, когда там были люди, причем одинаково относился как к знакомым, так и к незнакомым; если же он оставался один, то жалобно выл. Своего сторожа он, однако, приучился узнавать, но не проявлял к нему дружелюбия, присутствующего домашней собаке. Чужих он боялся, ворчал на них и часто исподтишка кусал проходящих мимо него. После такого нападения он прятался в углу клетки и оттуда смотрел на свою жертву злобно сверкающими глазами. Будучи в хорошем расположении духа, любил поразмяться, чтобы продемонстрировать свою лов-

кость и силу. К домашним собакам он относился крайне недружелюбно и никогда не выказывал ни малейшего желания с ними каким-либо способом сблизиться.

По моему мнению, не следует придавать большого значения вышеприведенным фактам. Как уже часто приходилось повторять, поведение животного зависит от того, как с ним обращались в ранней юности. Динго, несомненно, умное животное, и приручить его можно, если не в первом, то во втором и третьем поколе-

нии. Если бы динго был хоть немного красивее, то этого хищника давно бы сделали домашним животным, чтобы использовать его прекрасное чутье на охоте*.

Об умственных способностях собак можно написать целые книги, а коротко выразить это очень трудно. Лучшее описание собачьих нравов сделал Шейтлин, и потому я приведу здесь выписку из его сочинения: «Как ни значительно внешнее различие пород собак, но еще более разнообразны их умственные способности: некоторые породы вовсе не понятливы, другие научаются

всему замечательно быстро. Иных приручить к себе очень легко, других трудно; что любят одни, то другие ненавидят. Пудель сам идет в воду, а шпиц любит сидеть дома. Дога легко натравить на человека, а пуделя к этому не приучишь. Только охотничьи собаки могут отыскивать след дичи. Одна медвежья собака хватается медведя между задними ногами; только хорошая такса, у которой туловище так вытянуто, что ей, казалось бы, нужна третья пара лап посередине, имеет столь короткие и кривые ноги, что может влезать в барсучьи норы, и исполняет это с таким же удовольствием, с каким собаки мясников загоняют домой телят и быков.

Ньюфаундлендская собака не боится волка, потому прекрасно сторожит стада и, кроме того, отлично плавает, ныряет и вытаскивает из воды людей. Мясницкая собака также вступает в борьбу с волком и хорошо оберегает стада, годится для охоты на диких кабанов и всякого другого большого зверя, понятлива и очень преданна своему хозяину, но сама в воду не идет, если ее к этому не принуждают. Ее употребляют часто для травли и этим сильно зло-

употребляют, из-за чего она делается очень свирепой и особенно обижает телят, так как они не могут защищаться; в конце концов она превращается в лютого зверя. Она становится злой и кровожадной, начинает кусаться, пить кровь и обжираться внутренностями убитых животных. Борзая собака считается на редкость непонятливой, не податливой к воспитанию и не привязывающейся к своему господину, но она любит, чтобы ее ласкали даже незнакомые; однако эту собаку можно приучить к охоте за зайцами. Легавая собака годится только для известного рода охоты и этому легко обучается, и вообще нужно иметь в виду, что в собаке можно легко воспитать только те качества, к которым она имеет некоторую склонность от природы. Болонка и кингс-чарлс

Ньюфаундленд

Семейство ВОЛЧЬИ

** Имеется в виду, скорее всего, мастиф, а не немецкий дог, которого у нас принято называть*

годятся только для того, чтобы спать на диванах в дамском будуаре или на коленях; они сидят всегда в комнате, ворчат на незнакомых, пьют из одного стакана и едят из одной тарелки со своей госпожой, которая их балует и целует. У охотничьей собаки особенно ценят хорошее чутье, понятливость и верную привязанность к своему господину. сторожевые и пастушьи собаки точно так же понятливы и хорошо охраняют дом. Про шпица говорят, что он очень умен, понятлив, деятелен и ловок, любит кусаться и очень хороший сторож, а некоторые разновидности этой породы очень

Датский дог

просто догом. Мясницкая собака — порода, предшествовавшая нынешнему ротвейлеру. Под пуделем понимается большой (королев-

злы и коварны. Полярная собака преданна человеку, но хозяина своего не знает, не боится побоев, ненасытна, но при случае может долго переносить голод. Доги отличаются верностью, но не умны; они хорошие сторожа, храбро нападают на кабанов, львов, тигров и леопардов; они очень самоотверженны, слушаются не только слова, но даже взгляда своего господина, их легко приучить бросаться на людей, причем они не боятся трех, даже четырех человек и не обращают внимания на выстрелы и даже раны; с другими собаками они затевают страшные драки. Они очень сильны, могут повалить на землю даже самого сильного человека, могут и загрызть его или держать в лежачем положении до тех пор, пока придет хозяин; диких кабанов они удерживают на месте, хватая их за уши. Вообще это очень послушные собаки, и они умнее, чем обыкновенно думают*.

Душевные способности играют такую важную роль в жизни собаки, что физиономию ее трудно передать на рисунке, а тем более сделать из нее хорошее чучело. У нее, без сомнения, самые совершенные умственные и душевные способности, какие только могут быть у животного. Ни про одно животное нельзя с такой достоверностью сказать, что у него недостает только речи, чтобы быть похожим на человека; ни про одно млекопитающее не су-

ществует столько разнообразных и многочисленных рассказов, доказывающих понятливость, память, известную долю рассудительности и воображения; чаще, чем другим животным, собаке приписывают и нравственные качества, а именно верность, нежную привязанность, благодарность, бдительность, любовь к хозяину, терпеливое отношение к шалостям его детей, яростную ненависть к его врагам. Вот почему собаку часто ставят в пример человеку. И чему только собака не может выучиться! Она танцует, играет на барабанах, ходит по канату, стоит на часах, защищает и берет крепости, стреляет из пистолета; она двигает вертел, таскает тележки, научается узнавать ноты, цифры, карты, буквы, снимает шапку с головы человека, приносит туфли, пробует снимать сапоги, как слуга, отлично понимает мимику человека и научается еще многому другому.

Даже недостатки собаки приближают ее к человеку: точно так, как некоторые люди, она может быть лукава, завистлива, фальшива, сердита, скупа, легкомысленна и сварлива; она может быть склонна к воровству и одинаково ласкова ко всем, кто с ней хорошо обходится. Рыб, жуков и червяков нельзя ни хвалить, ни порицать, но к собаке мы не можем относиться столь равнодушно. Всякий понимает,

что она может заслужить и награду, и наказание. Говоря о качествах собаки, употребляют те же выражения, что и о человеке. Вследствие всех этих качеств человек делает из собаки товарища в путешествии и домашней жизни и любимого друга; на ее любовь и привязанность человек отвечает такой же любовью и такой же привязанностью: ее сажают за стол, уделяют ей место на своей постели, внимательно ухаживают за ней и хорошо кормят, лечат ее, если она хворает, оплакивают ее смерть и даже ставят собакам надгробные памятники.

ский) пудель, бывший во времена Брема действительно наиболее универсальной породой, могущей совмещать функции охранника, охотничьей собаки и

Гончая

собаки-компаньона; при правильном воспитании пудели сохраняют описанные положительные качества и по сей день.

Ни одна собака не похожа на другую как по внешним признакам, так и по душевным способностям: каждая из них имеет свои хорошие и дурные стороны. Качества эти до того разнообразны, что владельцы собак могут говорить бесконечно о необыкновенных свойствах и особенностях своих псов. Каждый старается доказать, что его собака самая умная. Случается, что рассказыывают и про глупые выходы собак, но, во всяком случае, каждая из них дает материал к характеристике, а в некоторых случаях к целому жизнеописанию. Даже умирают собаки не все одинаково.

Только невнимательный человек не замечает природных и приобретенных качеств своей собаки. А как разнообразны характеры этих животных! Каждый пудель, например, имеет свои особенности и необъяснимые странности; он и без обучения уже своеобразен. Он научается многому самостоятельно, подражает человеку, напрашивается на обучение, любит играть, но часто капризничает: вобьет себе в голову ничему не учиться и представляется дураком, иногда скучает, иногда же его обучивает лихорадочная деятельность; он то любопытен, то равнодушен. Некоторые собаки не способны к ненависти, другие — к любви, некоторые легко прощают обиды, другие — нет; они могут помогать одна другой во время опасности или игры, спешить на помощь, испытывать сострадание, смеяться и плакать, проливая слезы, выражать радость своеобразным лаем, грустить о потерянном хозяине и при этом даже умирить себя голодом, не обращать внимания на раны, полученные при защите его, гораздо больше любить человека, чем других собак, и перед глазами хозяина

Только невнимательный человек не замечает природных и приобретенных качеств своей собаки. А как разнообразны характеры этих животных! Каждый пудель, например, имеет свои особенности и необъяснимые странности; он и без обучения уже своеобразен. Он научается многому самостоятельно, подражает человеку, напрашивается на обучение, любит играть, но часто капризничает: вобьет себе в голову ничему не учиться и представляется дураком, иногда скучает, иногда же его обучивает лихорадочная деятельность; он то любопытен, то равнодушен. Некоторые собаки не способны к ненависти, другие — к любви, некоторые легко прощают обиды, другие — нет; они могут помогать одна другой во время опасности или игры, спешить на помощь, испытывать сострадание, смеяться и плакать, проливая слезы, выражать радость своеобразным лаем, грустить о потерянном хозяине и при этом даже умирить себя голодом, не обращать внимания на раны, полученные при защите его, гораздо больше любить человека, чем других собак, и перед глазами хозяина

Лайка

терянном хозяине и при этом даже умирить себя голодом, не обращать внимания на раны, полученные при защите его, гораздо больше любить человека, чем других собак, и перед глазами хозяина

воздерживаться от своих желаний и, когда нужно, молчать. Пудель может чувствовать стыд, прекрасно ориентируется во времени и пространстве, узнает знакомые голоса, звук колокольчика, шаги своего господина, его манеру звонить — короче говоря, это наполовину или даже на две трети человек. Он точно так же, как и человек, прекрасно пользуется как всеми органами своего тела, так и дарованными ему душевными способностями; но именно вследствие этого совершенства еще яснее мы видим то, чего ему недостает, чтобы сделаться вполне похожим на человека.

Мы должны признать, что среди собак встречаются различные характеры, которые не могут быть по произволу изменены человеком. Характер у шпица другой, чем у пуделя, и у мопса другие стремления и желания, чем у таксы. Мопс глуп, неповоротлив и флегматичен; мясницкая собака меланхолична, желчна и кровожадна; шпиц склонен к гневу и эгоизму и до самой смерти не забывает обид. Пудель всегда весел, для всех друг и прият-

Большой
(королевский)
пудель

ный собеседник, верен, но легкомыслен, любит удовольствия, перимчив, как дитя, всегда склонен к шалостям и шуткам, это — приятель всех людей, между тем как шпиц привязан только к своему дому. Мясницкая собака знает только своих зверей, такса больше всего любит лазать в норы, борзая же — бегать, а легавая — выслеживать куропаток, бульдог привязан только к своему господину. Один только пудель относится одинаково хорошо ко всему окружающему: он дружит со своей соперницей кошкой, со своим товарищем по дому — конем и с человеком, своим хозяином, любит дом, который сторожит, охотно бросается в воду, чтобы доставать оттуда брошенные вещи; ему нравится и птица, за которой он прыгает, чтобы ее схватить, и коляска, и телега, под которыми он прячется во время пути. Доги заменяют сторожей, солдат, даже убийц; они схватывают и загрызают людей. Борзые,

гончие и легавые заменяют охотников, у них замечаются природные способности к этому. Как они легко привыкают к звуку рожка, как внимательны к каждому выстрелу и голосу псарей! Как хорошо они различают голос и движение дичи; как ловко легавая собака выучивается делать вовремя стойку и поднимать ту или другую лапу, в зависимости от дичи! Многочему она научается от природы, и человек только улучшает эти ее врожденные способности. Пудель научается многому сам по себе; у него, очевидно, преобладают умственные способности, глупостей он никогда не делает, разве сам пожелает их совершить. У других собак больше инстинкта, а у него больше ума. Как бешено бежит гончая во

Шнауцер

время охоты, как она яростно заливается при виде спасающейся дичи! Как злобно бросается дог на врага, как коварно кружится мясницкая собака, высунув язык и искося поглядывая на бегущих от нее телят! Как она грубо хватается их, когда они отходят в сторону, как равнодушна к их страданиям, которые как будто нравятся ей! Как неистово кидается легавая собака на убитую дичь, как бы желая ее задушить! Ни одного из этих дурных качеств мы не замечаем в пуделе, если только он не

испорчен воспитанием, если его предоставили естественным наклонностям. Пудель от природы добр, и если в нем есть что-нибудь худое, то оно привито человеком».

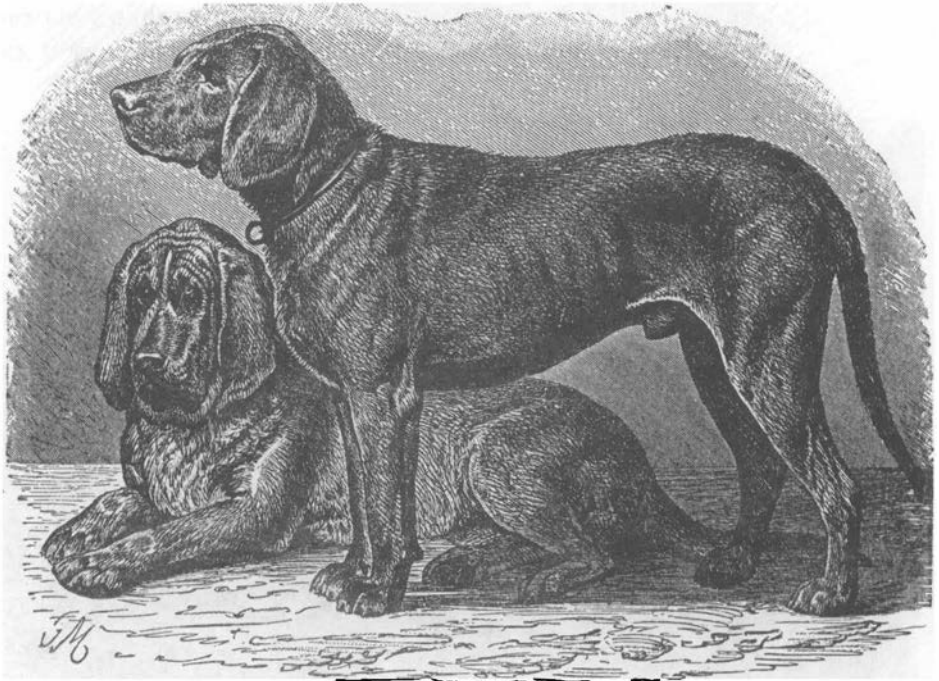
«Я знал собак, — говорит Ленц, — которые, по-видимому, понимали всякое слово своего господина: они по приказанию за-

пирали и отпирали двери, придвигали стул, стол и скамейку, снимали с головы хозяина шляпу или приносили ее, отыскивали спрятанный носовой платок или шляпу одного из гостей среди многих других шляп. В высшей степени интересно наблюдать умную собаку. Как она смотрит и прислушивается, ожидая приказаний своего господина, как радуется, когда может исполнить их, какое грустное выражение появляется у нее, когда ее не берут на прогулку, как умно она оглядывается, когда забежала вперед и остановилась на перекрестке, не зная, куда следует идти дальше, как она счастлива, когда исполнит толково какое-нибудь поручение, и как ей стыдно, когда она сделает какую-нибудь глупость! Если собака совершит какую-нибудь проделку, за которую ей может достаться, и не знает, заметил ли это ее

хозяин, то она часто ложится, зевает, прикидывается полуспящей и равнодушной, чтобы отвести от себя всякое подозрение, при этом, однако, время от времени бросает на хозяина боязливый взгляд. Собаки очень быстро начинают узнавать друзей дома, распознавать среди чужих тех, с кем нужно обращаться хорошо, и всегда плохо относятся к нищим. Интересно также на-

блюдать, как собака в угоду хозяину ищет трюфеля, которых она сама не любит, а также как она усердно тащит тележку и тем больше старается, чем больше хозяин ей помогает».

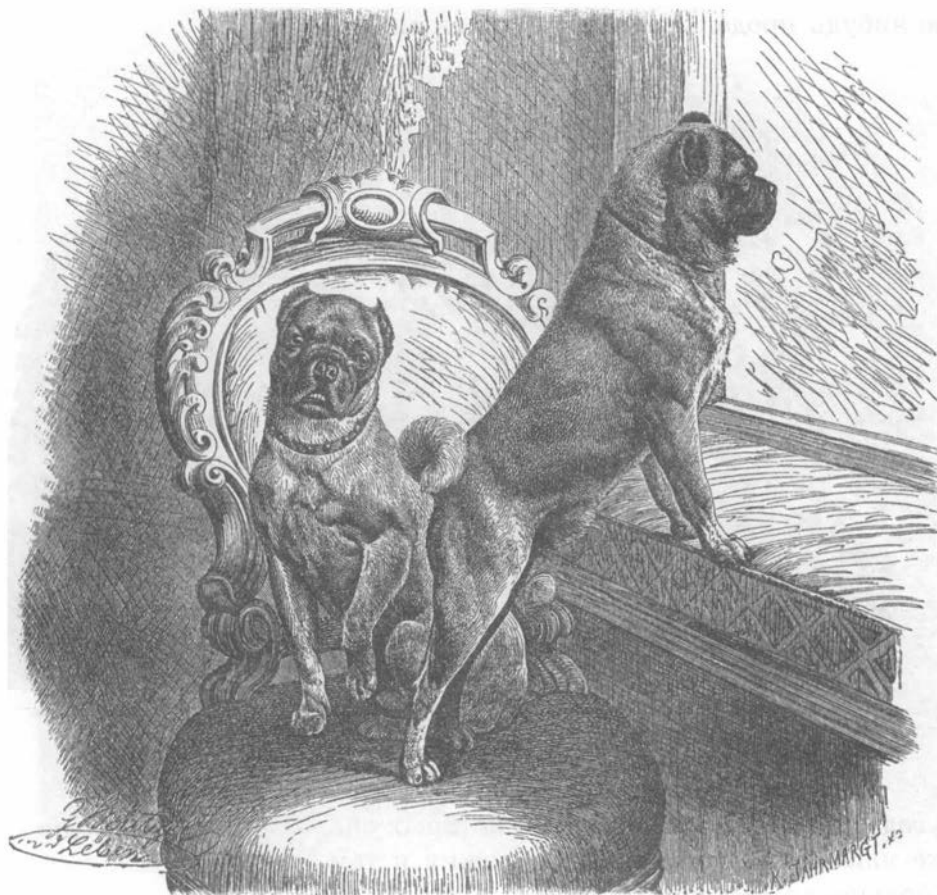
Из всего вышесказанного следует, что породы собак настолько различны в душевном отношении, насколько не похожи друг на друга по внешнему виду. Основными чертами собачьего характера следует считать непоколебимую верность и привязанность к своему хозяину, полную преданность и абсолютное послушание, бдительность, кротость, услужливость и ласковое обращение. Однако ни одна собака не соединяет в себе все эти хорошие качества в полной степени: у одних яснее проявляется одно качество, у других — другое, причем воспитание играет гораздо большую роль, чем обычно думают. Только хорошие люди могут хорошо

Кровяная гончая

Семейство ВОЛЧЬИ

** Еще более собака портится, если с ней обращаются слишком хорошо. Неразумный хозяин, прощая собаке любое*

Мопс

поведение, как бы ставит ее на место вожака в стае. Такая собака становится вовсе не управляемой и не

воспитывать собак. Они становятся верным отражением своих господ: чем дружелюбнее и внимательнее с ними обращаются, чем опрятнее и лучше содержат их, чем больше и толковее с ними занимаются, тем умнее и преданнее становятся они; напротив того, собака очень портится, если с ней худо обращаются*.

Польза, приносимая собакой человеку, неисчислима. Значение этого домашнего животного для образованных народов известно нашим читателям из собственного опыта, но польза, приносимая ею диким и необразованным народам, может быть, еще больше. Мясо собаки едят жители островов Полинезии, а также

многие африканские народы, тунгусы, китайцы, эскимосы и индейцы Северной Америки. В Китае можно часто видеть мясников, предлагающих на продажу собачье мясо; мясники эти всегда окружены стаями живых собак, которые на них яростно нападают. Особенно удобной для откармливания породой считается собака средней величины, плотного телосложения, несколько напоминающая нашего шпица; ее разводят на границах пустыни Гоби специально как съедобное животное. Несколько лет назад пара та-

ких собак была привезена на собачью выставку в Лондон; ими очень восхищались, и герцог Норфолкский, говорят, купил их для развода за 500 гиней (около 5 тысяч рублей).

Но даже там, где собак едят постоянно или только случайно, она все-таки остается товарищем и помощником человека; даже у самых низко стоящих по образованию людей, которые не дают собакам и кличек, она приносит пользу. У диких народов тропических стран собака служит сторожем и спутником на охоте, а у северных народов, которые без собаки были бы совсем беспомощ-

ны, она возит санки по ледяным и снежным пустыням этих печальных стран или несет на спине багаж охотника. В северной Азии из собачьих шкур изготавливают одежду, и даже в Германии собачий мех идет на шапки, сумки и муфты. Из костей и сухожилий приготавливают клей; тонкая, но очень крепкая кожа в дубленном виде употребляется на башмаки, а выделанная как замша — на перчатки. Шерсть идет на набивку мебели. Собачий жир служит для смазывания машин, а прежде служил домашним средством против чохотки. Обученные специально, собаки принимали участие также и в боевых действиях, они выполняли роль не только аванпостных сторожей или быстроногих и мало заметных гонцов, но и, как настоящие ратники, сражались рядом с воинами. Когда испанцы подчинили себе страны Нового Света, то большие, так называемые кровяные собаки принимали активное участие в сражениях с туземцами, и многие из этих животных по своей хра-

брости и доблестным поступкам заслужили такую же похвалу, как и некоторые герои этих кровавых походов. Собаки эти, лучше сказать, их хозяева получали соответствующую часть добычи. Позднее и даже до новейшего времени, особенно в южных штатах Северной Америки, обучали кровяных собак отыскивать бежавших в леса черных рабов.

Уже с давнейших времен люди ценили пользу, приносимую собаками, но обращались с ними и любили их не везде одинаково. Сократ имел обыкновение клясться собакой; Александр Македонский был так опечален неожиданной смертью своей собаки, что в ее честь выстроил город с храмами; Гомер воспел Аргуса, пса Одиссея, самым трогательным образом; Плутарх восхваляет Меламписа, собаку коринфского купца, которая переплыла море, чтобы вернуться к своему господину; верный Филер увековечен надписью на греческих надгробных памятниках; у римских писателей говорится о собаке одного казненного преступни-

Семейство ВОЛЧЬИ

подчиняется командам. Если в подобной ситуации оказывается крупная и сильная собака, то она может стать реально опасной для окружающих людей.

Левретка

Семейство ВОЛЧЬИ

** Плиний, говоря о животных и их поведении, довольно вольно обращается с фактами. Многие его описания полны не только сомнительных, но и откровенно невозможных событий.*

Молосс

ка, которая с воем плыла по Тибру за трупом своего господина; Сотер, единственный оставшийся в живых пес из тех, которые защищали Коринф, получил от граждан этого города серебряный ошейник с надписью: «Защитник и спаситель Коринфа». Плиний ставит собак очень высоко и рассказывает о них много удивительного. Мы, например, узнаем от него, что колофонийцы вследствие своих беспрестанных войн содержали большие стаи собак и что эти собаки уже в самом начале битвы нападали на врагов и оказывались очень полезными. Когда Александр Македонский предпринял поход в Индию, то албанский царь подарил ему собаку огромного роста, которая очень понравилась Александру. Он хотел устроить поединок между этой собакой и медведями, кабанами или другими подобными животными, но собака лежала спокойно и не хотела бороться с ними. Александр подумал, что она ленива и робка, и велел ее убить. Когда об этом узнал албанский

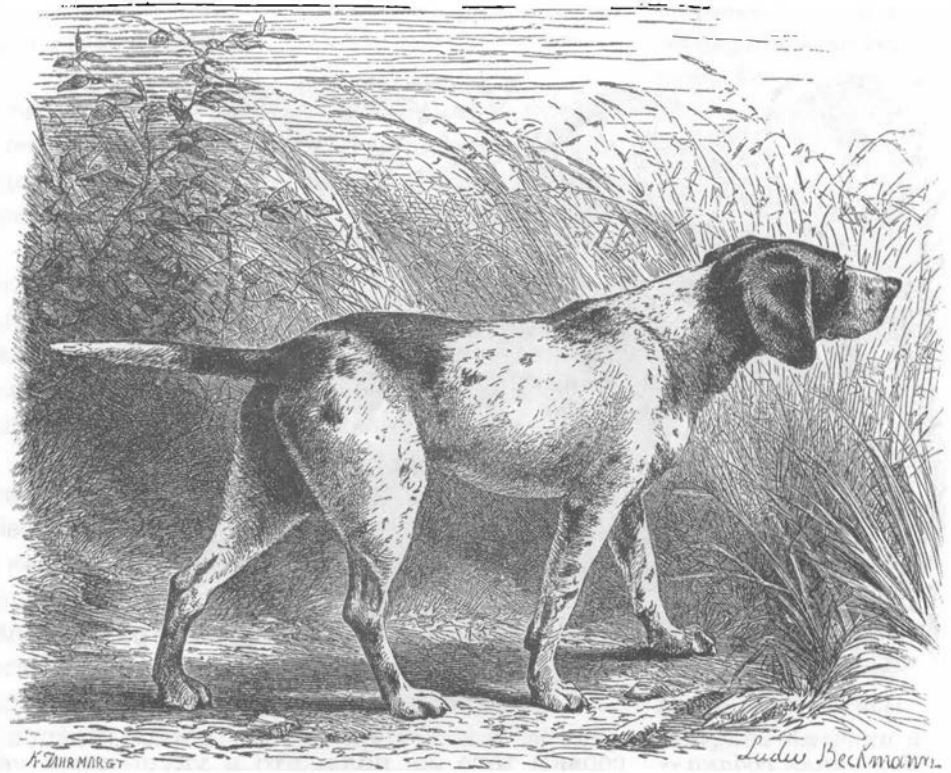
царь, то он прислал ему вторую собаку той же породы и велел сказать, чтобы Александр не давал этому псу бороться со слабыми животными, но лишь со львами и слонами и что если Александр и эту собаку велит убить, то подобной ему уже не достать. Александр натравил этого пса на льва и слона, и она загрызла их обоих*. Иустин рассказывает, что Кир в молодости был вскормлен собакой. Очень многие древние писатели восхваляют верность собак.

Спартанцы жертвовали богу войны среди прочих животных также и собаку и молодых кормящих сук кормили мясом этой жертвы. Греки воздвигали собакам памятники, но слово «собака» считалось у них бранным. Древние египтяне использовали собак во время охоты и, как видно по изображениям на памятниках, очень их ценили. Евреи же считали собаку нечистым животным и презирали ее, что видно из многих мест Библии; почти так же относятся к собакам и нынешние арабы. Древние германцы, на-

против, собак очень уважали. Когда римляне в 108 году до Рождества Христова победили кимвров, то они должны были выдержать жестокий бой с псами, охранявшими повозки этих германцев. Хороший пес в Германии ценился в 12 шиллингов, а конь — только в 6 шиллингов. Если у древних бургундцев кто-нибудь крал хорошую охотничью или борзую собаку, то он должен был всенародно поцеловать зад собаки или заплатить 7 шиллингов. Канарские острова получили название, по словам Плиния, от собак.

В высшей степени интересно передать все заимствованные от собак лечебные средства, о которых говорят древние писатели.

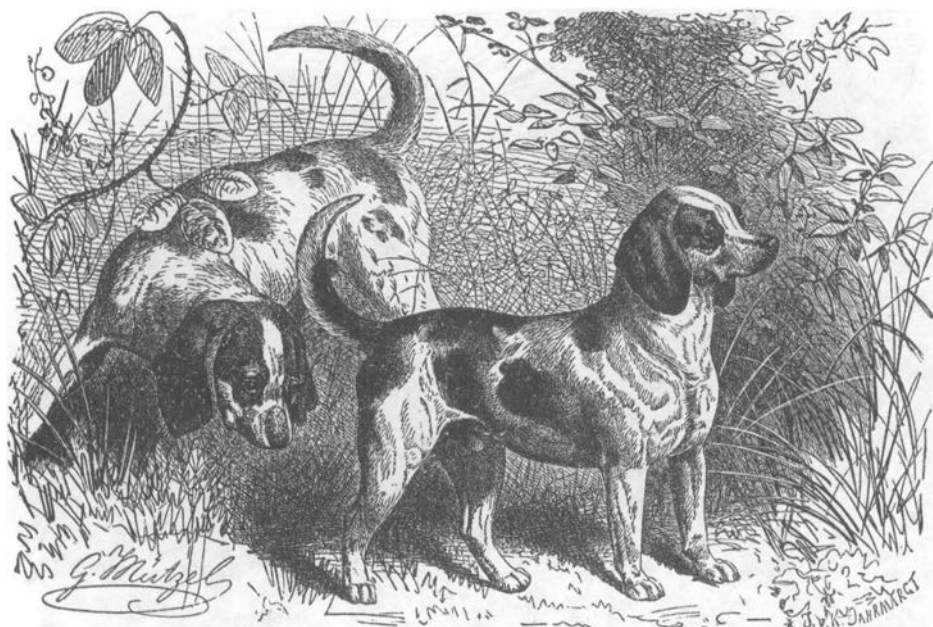
Как целая собака, так и все составные части ее тела служили для врачебных целей. Об употреблении собак в медицине много говорит Плиний, но кроме него об этом упоминают Секст, Гиппократ, Гален, Фавентий, Марцелл, Бонтий, Эскулап и Аматыс. Если живую собаку положить на грудь больного, то от этого утихает боль в груди. Если вскрытую собаку привязать к голове женщины, страдающей меланхолией, то она освобождает ее от этой болезни. По словам

Секста, припарка из разрезанной собаки оказывается очень полезной и при болезни селезенки. Если мясо кормящей собаки сварить с вином, миррой и разными пряностями, то подобное кушанье очень полезно при падучей болезни. Молодая охотничья собака помогает от болезни печени. Если женщина, имевшая уже детей, вдруг становится бесплодной, то ей стоит только досыта наесться собачьего мяса, чтобы избавиться от этого недуга. Употребление жилистого собачьего мяса предохраняет от укусов этих животных. Зола сожженной собаки — прекрасное средство против глазных болезней, а если ею потереть брови, то они окрашиваются в черный цвет. Соленое мясо бешеной собаки считалось хо-

Пойнтер

рошим средством против водобоязни*. Пепел от сожженного черепа здоровой собаки уничтожает «дикое мясо», излечивает рак, предохраняет от водобоязни, уменьшает, если его принять с водой, боль в боку и всякого рода опухоли. Пепел черепа бешеной собаки полезен против желтухи и зубной боли. Кровь собаки употреблялась также во многих случаях: она очень полезна против чесотки и уничтожает кашель у лошадей; если ее пить в большом количестве, то она служит прекрасным противоядием. Собачий жир употребляется для уничтожения родимых пятен и угрей на лице; он излечивает также бесплодных женщин, но для этого надо собаку сварить целиком и снять жир с этого бульона; из жира молодых собак делали мазь против паралича, а смешанный с полынью, он считался средством от глухоты. Мозг собаки,

Домашняя собака

** В этом рецепте, возможно, есть некоторый смысл. Поедая подобное «кушанье», древние, видимо, вводили в организм небольшое количество вируса бешенства, меньшее, чем требуется для заражения, и таким*

намазанный на тряпку, очень полезен от переломов костей и употреблялся также при болезнях глаз. Собачья селезенка хороша против воспалений селезенки и других болезней этого органа, причем лучше всего она действует, если вырезана из живой собаки. Употребление в пищу сырой собачьей печени считалось хорошим лекарством против водобоязни, но ее нужно вырезать из

собаки того же пола, что и укушенный человек. Собачья кожа уменьшает потливость ног. Тройной ошейник из такой кожи предохраняет от жабы, а пояс из собачьей кожи уничтожает резь в животе. Шерсть собаки, завернутая в платок и приложенная к голове, помогает при головной боли, а также предохраняет от водобоязни и даже излечивает ее. Желчь, смешанная с медом, служит хорошей мазью для глаз и помогает от лишаев, а если ее намазать пером, а не рукой, то она помогает от подагры. Пить собачье молоко очень полезно; смешанное с селитрой, оно служит лекарством против проказы, а смешанное с золой — помогает росту волос и полезно при трудных родах. Очищенная моча молодых собак умеряет слишком сильный рост волос. Собачьими клыками трут маленьким детям челюсти, чтобы у них легче про-

резывались зубы. Если бросить левый верхний клык в огонь, то проходит зубная боль, как только дым от горящего зуба рассеется; превращенный в порошок и смешанный с солью, он также служит хорошим средством от зубной боли. Из кала приготавливают хороший пластырь против опухоли, который употребляется также против жабы и кровавого поноса. Возможно ли, впрочем, перечислить все лечебные средства, заимствованные от собак?! Многие из них и до сих пор употребляются деревенскими жителями.

Несмотря на все вышеизложенные достоинства домашних собак, я, однако, не берусь подробно описывать почти бесконечное количество их пород. обстоятельное знакомство со всеми этими породами, а особенно предположения об их происхождении не могут быть помещены в этом издании.

Лисицы имеют почти такие же зубы, как собаки и волки, но отличаются от них более длинным туловищем, удлинённой головой, очень острой мордой, немного вкось расположенными глазами с продолговатым зрачком; ноги у них короткие, а хвост очень длинный и пушистый. На черепе лисицы нет столь высоких гребней для прикрепления мускулов, как у собак, и надбровные возвышения лобной кости расположены почти вертикально, немного изогнуты и лежат в небольшом углублении. По образу жизни и привычкам лисицы имеют некоторое сходство с собаками, но во многом от них отличаются и потому должны быть описаны отдельно.

Обыкновенная лисица (*Vulpes vulpes*)*, без всякого сомнения, одно из самых известных диких млекопитающих, живущих у нас в Европе. Едва ли какое-нибудь животное, разве только шакал, может похвалиться такой известностью и даже дурной славой, как лиса, которую обыкновенно считают олицетворением лукавства, хитрости, коварства и даже некоторого удалства. О ней упоминается в пословицах и поговорках, народ про нее сочинил много сказок. Лучшие баснописцы описывают ее проделки в баснях, и великий немецкий поэт Гёте написал о ней целую поэму. Достойна ли действительно лисица этой славы, это другой вопрос. Пехуель-Леше говорит об этом следующее: «Образ лисицы, встречающийся в народных сказаниях и поэзии, резко отличается от действительности. Беспристрастный наблюдатель не может найти у этого животного в той сильной степени развитых понятливости, хитрости и находчивости, которые ей приписывает народная молва; у нее даже не замечается особенно хорошего развития внешних чувств. По моему мнению, лисица по своей сметливости мало отличается от других хищных зверей, например от волка; разве только можно признать, что это животное, которое подвергается постоянному преследованию, отлично умеет использовать местные условия, чтобы спастись от своих врагов, но и у других,

образом получали своеобразную прививку от болезней (излишне говорить, насколько опасен такой способ «прививки»). Собачья шерсть хорошо согревает, и этим пользуются по сей день. Все же остальные «рецепты» выглядят по меньшей мере фантастическими и приведены Бремом, вероятно, в качестве кзуса.

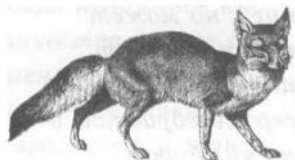
* Обыкновенная, или красная, лисица — одно из наиболее обычных евразийских песовых. Длина тела 45—90 см, хвоста 30—55 см, вес 3—14 кг. Лисы Северной Америки и Центральной Азии мельче европейских. Окраска крайне изменчива: в Европе в основном ярко- или палево-рыжая (отсюда происходит английское название), но может изменяться от песчано-желтой до серо-серебристой и темно-бурой.

не особенно умных животных замечается то же качество. Многие из них, даже такие, которые не принадлежат к числу хищных, научаются точно так же хитрить и увертываться, как и старые лисицы. Каждый опытный охотник, которому часто приходилось иметь дело с лисицами, очень хорошо знает, что далеко не все лисицы отличаются сметливостью и увертливостью и что даже не только среди молодых, но и среди старых лисиц встречаются иногда простоватые и даже просто глупые экземпляры. Следует только вспомнить, как другие преследуемые животные умеют избегать опасности и сколько при этом выказывают осторожности и искусства, — тогда мы должны будем отказаться от слишком высокого мнения о смывленности и хитрости нашей лисы. Я положительно не могу найти разницы между сметливостью обыкновенной лисицы и смывленностью других хищников при тех же условиях. Лисица представляет тип живущего на свободе хищника и хорошо знает свое ремесло, так как должна питаться мясом; она нахальна, но только тогда, когда голодна или должна кормить своих детенышей; во время опасности она не выказывает ни обдуманности, ни присутствия духа и почти всегда теряет голову. Лиса попадает даже несколько раз кряду в одни и те же ловушки, и вообще ее легко обмануть; она боится чучел и тряпок, которые расставляют или вешают в лесу во время облавы, и не решается мимо них пробежать, несмотря на крики погонщиков и выстрелы стрелков; она бежит по обычным тропинкам даже тогда, когда в нее на этих местах уже стреляли, и поэтому во время облавы всегда попадает под выстрелы, между тем как ей было бы гораздо легче прорвать цепь загонщиков. Если охотник стоит смирно, то лиса не сразу узнает о его присутствии, она очень долго не чует его, когда он приближается к ней с подветренной стороны, что, несомненно, указывает на слабое развитие у нее внешних чувств. Очевидно, что лиса басен и сказок и настоящая лисица — два совершенно разных животных; последняя ни в каком случае не может быть названа существом, наделенным хоть какими-то умственными способностями».

Лису так много раз описывали и изображали, что она известна всякому. Однако для тех, кто мало знаком с ней, необходимо сказать несколько слов о ее внешности. Длина тела достигает 1,4 м, из которых 50 см приходится на хвост; высота в холке 35, редко 38 см, вес тела 6,5—8 и только иногда достигает 9 кг.

Однако лисицы заметно отличаются одна от другой по цвету. Самый красивый рыжий мех у северных лисиц, но и они не все одинаковы. Чем дальше на юг, тем лисицы становятся мельче, слабее, и ярко-рыжий цвет постепенно исчезает.

Лисица живет в большинстве стран северного полушария: во всей Европе, северной Африке и западной и северной Азии; Афганистан, западный склон Гималайского хребта и Тибет следует также причислить сюда, так как встречающиеся там разно-

видности лисицы едва ли можно считать отдельными видами. В очень редких местах лисица вовсе не встречается, а во многих странах попадается очень часто. Доведенные до совершенства, ее хищнические способности позволяют ей жить в таких местах, где другие звери не смогли бы выжить, а ее хитрость и осторожность помогают в тех случаях, когда ее пытаются лишить привычных мест обитания. Так как волк — один из основных ее врагов, то лисицы никогда не размножаются очень сильно в тех местностях, где эти хищники господствуют, и по мере истребления волков, как правило, увеличивается число лисиц.

Устраивая свое логовище, лисица проявляет большую смекалку. Как правило, она роет глубокую нору с несколькими выходами, которая помещается под камнями, между корнями больших деревьев или в других удобных местах; в глубине норы лисица всегда выкапывает довольно просторное углубление. Если лисица находит оставленную нору барсука, она поселяется в ней и даже живет с ним иногда в одной норе, несмотря на то что барсук, как известно, очень не любит общество других животных. Почти все большие лисьи норы выкопаны барсуком. Лисица любит такие норы, которые расположены на склоне холмов, так, чтобы ходы направлялись наклонно вниз и постепенно отдалялись от поверхности земли. На плоских равнинах углубление в норе бывает иногда расположено очень близко от поверхности земли.

Осенью и зимой, особенно в плоских местностях, лисица часто живет под кучей хвороста или под камнями, а иногда устраивает свое логовище в дупле старой ивы или просто в ямке под густыми кустами. Во время морозов, бурь, проливных дождей, а летом во время сильной жары лисица почти все время лежит в своей норе; она не покидает ее, разумеется, также и в тех случаях, когда у нее появляются детеныши. В хорошую же погоду она большей частью рыскает за добычей по окрестностям и засыпает там, где ее застала ночь. В теплых и пустынных странах, где мало леса, например в плодородной части Нижнего Египта, лисицы роют норы только для своих детенышей; в остальное же время они живут на поверхности земли под открытым небом.

Лисица охотнее всего отправляется за добычей по ночам, но в ненаселенных и спокойных местах охотится и днем. Во время длинных дней летних месяцев можно встретить в лесу лисицу с лисятами за несколько часов перед заходом солнца, а во время морозов и когда землю покрывает глубокий снег, она, по-видимому, спит только рано утром, так как уже с десяти часов утра рыскает по полям за добычей. Точно так же как собака, лисица очень любит тепло: в хорошую погоду она часто ложится на толстый ствол дерева или на камень, чтобы погреться на солнце и поспать часок-другой под его палящими лучами. С наступлением сумерек или даже в вечерние часы лисица отправляется за добычей.

Она крадется бесшумно и осторожно, время от времени осматривается, обнюхивает воздух, старается как можно лучше прятаться и потому выбирает себе путь между кустами, камнями и в высокой траве. Она по возможности не покидает чащи леса и если бежит через полянку, то только в том случае, когда отдельные кустарники или большие камни дают ей возможность спрятаться и на открытом месте. Опытные охотники очень хорошо знают повадки лисицы и потому почти всегда угадывают, по каким тропинкам (лазам) она должна пробежать из одной части леса в другую, причем, однако, следует иметь в виду, что вечером она избирает себе другой путь, чем днем, и в солнечный день бывает осторожнее, чем при облачном небе.

Добыча лисицы состоит из всевозможных животных, начиная от молодой косули и кончая майским жуком, но чаще всего она поедает различных мышей, составляющих главную часть ее пищи. Она никого не щадит, усердно гоняется за зайцами и кроликами и даже нападает на маленьких косуль и оленей. Она не только съедает яйца и птенцов тех птиц, которые гнездятся на земле, но ухитряется иногда схватить и саму птицу, застав ее где-нибудь врасплох. Для того чтобы добраться до птиц, гнездящихся около воды, лисица переплывает на острова и ходит по топким болотам: известны случаи, когда она загрызала лебедей, сидящих на яйцах. Очень часто нападает она на домашних птиц, особенно в ночное время или около крестьянских домов, стоящих отдельно от других; если вблизи дома у нее есть удобное место, чтобы спрятаться, то она таскает кур даже днем. Особенно активно разбойничает лисица, которая должна прокормить своих детенышей. Мышами их досыта не накормишь, и потому лисица в это время охотится за более крупными животными. «Мой охотник, — пишет мне Гомейер, — убил однажды лисицу, которая тащила своим детенышам целый выводок почти взрослых чиби-сов, а у нее самой в желудке мы нашли только одну мышь. Сама мать питается почти исключительно одними мышами, а детенышам таскает более крупную дичь. В одной лисьей норе, где жили лисята, я нашел двух зайцев, только что убитую молодую косулю, дикую утку и утиное яйцо. Около норы валялось до двадцати заячьих скелетов».

Но такие излишества лисица-самец позволяет себе редко; напротив, он предпочитает всевозможную мелкую дичь и любит при этом некоторое разнообразие в пище. В больших садах и виноградниках лиса, наверно, является более частым гостем, чем обычно думают. Там она ловит кузнечиков, майских жуков и их личинок, дождевых червей или лакомится сладкими грушами, сливами, виноградом и другими ягодами. Она ловит в реках форель или неосторожного рака, а на морских побережьях ворует добычу у рыбаков, опустошая их сети, точно так же как в лесу — силки охотников. Летом ее обычный обед пополняется всевозможными

видами насекомых: жуками, осаи, личинками пчел, мухами и многими другими. Таким образом, лисица всегда имеет хороший стол, который оскудевает только тогда, когда глубокий снег чересчур затрудняет ей охоту. В это тяжелое время она рада всякому съедобному кусочку, вроде, например, завалившихся высохших костей или даже кусков полусгнившей кожи, не говоря уже о падали, которой она и в сытое-то время года не только не пренебрегает, но, как и многие собаки, ест с большим удовольствием. Кроме того, лисица частенько забегает на стоянки дровосеков и в их бивуаки, чтобы подобрать остатки обеда. Если она не очень голодна, то, поймав добычу, не съедает ее сразу, а предварительно долго забавляется ею, пока наконец не задушит несчастную жертву.

Если б я вздумал рассказывать здесь обо всех хитростях и искусных проделках, к которым прибегает лисица во время своих охотничьих вылазок, то объем нашей книги пришлось бы значительно увеличить. Не только басни, но даже и естественная история приводит множество примеров лисьей хитрости, не утративших своего значения и в настоящее время, несмотря на всю кажущуюся их неправдоподобность. «Лисица — хитрое, злое, осторожное и вонючее животное, — говорит старик Геснер. — Она ловко хватает ежа и мочится ему на голову, отчего тот сразу задыхается. С зайцем она долго хитрит, чтобы вдоволь позабавиться над ним. Птиц же лисица обманывает следующим образом: растягивается на траве, притворяясь мертвой, а когда пернатые слетятся к ней, как к трупу, она ловко и быстро схватывает их, словно клещами; поэтому она является заклятым врагом всех птиц. Маленьких рыбок ловит хвостом, который опускает для этого в воду; рыбки запутываются в его длинных волосах, и тогда лисица вытаскивает их на берег и отряхивает хвост, который прекрасно заменяет ей рыбацкие верши и тенета. Таким образом, хитрой куме везде живется привольно и сытно. Так же хитро она подступает и к сотам, чтобы выгнать оттуда пчел и поживиться сладким медом». Истории, подобные этим, рассказывают про лисицу и в настоящее время, и в большинстве случаев их принимают за чистую монету. Частицу правды, конечно, в них найти нетрудно. Известно, что лисица перехитрит хоть кого, и благодаря этому ей удается ловить таких животных, которые легко могли бы спастись от нее бегством, не говоря уже про неповоротливых и тяжелых на подъем зверей. «Что наш разбойник, — пишет далее Гомейер, — ловит старых птиц — не подлежит никакому сомнению; мне кажется даже весьма вероятным, что лисица применяет при этом те самые способы, которые были описаны в старину, а теперь почему-то считаются баснями. Когда лиса, желая погреться на солнышке, ложится растянувшись на лугу, к ней слетаются целые стаи ворон, которые суетятся и лезут к самой голове мертвого, по их мнению, животного. Неподвижно лежащая лиса под-

Семейство ВОЛЧЬИ

Семейство ВОЛЧЬИ

** То же можно сказать о подавляющем большинстве хищников, для которых собственная безопасность в настоящем является одним из залогов успешной охоты в будущем.*

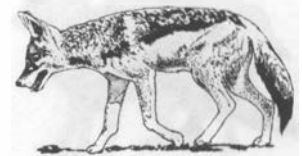

пустит их сколь возможно близко, затем вдруг смелым прыжком бросается на птиц, и один из каркунов непременно делается жертвой ловкой притворщицы. Однажды в мае, когда еще не было новорожденных воронят, мой отец услышал раздававшийся издали неистовый крик ворон и приписал его причину нападению какой-нибудь хищной птицы. Только подойдя ближе, он убедился, что возня происходила тут же, и вскоре мимо него прошмыгнула лисица с вороной во рту, преследуемая целой стаей каркавших сотоварищей несчастной жертвы. Стало ясно, что отчаянный крик, слышанный отцом, относился к тому моменту, когда лисица схватила одну из птиц».

Во время охотничьих походов лисица первым делом заботится о собственной безопасности. Всякая неизвестность возбуждает в ней подозрение, а уж если она чего-то опасается, то тогда лишь мучительный голод заставит ее сделать рискованный шаг*. Но в таком случае она проявляет прямо-таки бесстыдное нахальство. Среди белого дня появляется на каком-нибудь дворе, уносит на глазах людей курицу или гуся и вместе со своей добычей быстро убегает. Только вынужденная крайней необходимостью, она бросает захваченную добычу, да и то через некоторое время снова возвращается на двор, чтобы попытаться что-нибудь стащить. Подобное нахальство она выказывает иногда даже и при таких обстоятельствах, которые вынуждают ее спасаться бегством. Так, одна лисица, преследуемая собаками и выстрелами, из которых два уже просвистели над самой ее головой, на всем бегу схватила подвернувшегося хилого зайца и пронесла его довольно далеко. Другая, тоже во время травли, поднялась с окруженной охотниками поляны, схватила раненого зайца, задушила на глазах у всех, успела еще наскоро зарыть его в снег и проскользнула сквозь самый центр линии загонщиков и стрелков. Про третью рассказывает Крюкеберг: когда охотники загоняли ее из чащи к тому месту, где лежала другая, подстреленная и истекавшая кровью лисица, она тотчас же пустилась бежать по кровавому следу, нашла лежавшего сотоварища, придушила его, несмотря на шум погони, и так нахально стала на виду у всех теревить труп, что один из охотников успел подкрасться и тут же уложил ее метким выстрелом. «Однажды на стойке, — рассказывает Гомейер, — я услышал жалобные стоны зайца, незадолго перед тем виденного мной; я тотчас же поспешил на этот крик, пробираясь с возможной осторожностью, и вскоре заметил лисицу, душившую бедного зайца. Ее кровожадность была так велика, что я смог убить ее, прежде чем она увидела меня». Все эти примеры свидетельствуют о том, что пробудившаяся в лисице неудовлетворенная кровожадность или сильный голод способны это, в общем осторожное, животное сделать и глухим, и слепым, не замечающим грозящей ему опасности, так как умными и расчетливыми подобные ее действия назвать нельзя.

Всевозможные проделки лисицы могут доставить постороннему наблюдателю большое удовольствие; зато люди, пострадавшие от ее хищнических набегов, не смогут помянуть ее добром, так как опыт показал, что этот зверь умерщвляет гораздо больше того, что может съесть, и, если б ему не оказывали серьезного сопротивления, он передушил бы на любом дворе всех птиц; притом это такой хищник, который не имеет ни малейшего понятия о правах собственности, а в борьбе за существование проявляет столько же энергии, сколько и человек, и всякое другое живое существо. Не берусь судить, относится ли к этой борьбе уничтожение себе подобных; во всяком случае, факты говорят о том, что лисица не прочь добить своего раненого собрата, и при этом не всегда ей может служить оправданием мучительный голод. Однажды знакомому Винкеля случилось застать лисицу в то время, как она поела другую лисицу, прошедшей ночью попавшую в капкан; она с такой жадностью расправлялась с жертвой, что охотник легко смог подойти к ней и компенсировать себе убытки за разорванную шкуру первой лисы, убив хищника. Лесничий Мюллер был очевидцем того, как шестеро лисят сначала весело играли друг с другом, потом из-за чего-то поссорились и до крови искусали одного; раненый зверек собрался было бежать, но был в одно мгновение настигнут собратьями, злодейски умерщвлен и тут же съеден. Такая же участь постигла одну молодую лисичку, которая была подстрелена; у нее хватило все-таки сил, чтобы дотащиться до своей норы; когда через некоторое время раскопали нору, то раненую там не нашли, так как братцы успели уже победать ею.

Лисица бежит быстро, неутомимо, ловко и в высшей степени искусно; она умеет ползать, неслышно скользить по земле, нестись во весь дух, скакать и при этом делать необыкновенно большие прыжки. Даже хорошие охотничьи собаки редко бывают в состоянии догнать ее. При быстром беге она держит свой хвост (по-охотничьи — трубу) навывтяжку, откинув его назад, при ходьбе же волочит его по земле. Когда лисица подстерегает добычу, то плотно прижимается брюхом к земле; когда же отдыхает, то нередко, подобно собаке, укладывается, свернувшись, на бок или даже на спину; очень часто она сидит совершенно как собака — на задних ногах и при этом забрасывает свой пушистый хвост к передним ногам. Воды она несколько не боится, напротив того, плавать очень легко и быстро; лазать она тоже мастерица: не раз видели лисицу, сидящую очень высоко на удобно расположенных ветвях дерева. «Мне известно много примеров, — замечает Гомейер, — когда лисица взбиралась на высокие деревья, не только вынуждаемая к тому преследованиями, но и по доброй воле; но для лазанья она избирает всегда такие деревья, которые были некогда сломаны бурей и теперь растут под углом примерно 45—50 градусов; иногда она лазает по кустам в 3—4 метра высотой, чтобы выкрадывать из гнезд птенцов». Фон Унруг сообщает об

одной лисице, которую он видел сидящей на ветви крепкого дуба на высоте 15 метров от земли. Лисица издает отрывистый лай, который переходит в звонкий, высокий визг. Взрослые лисицы лают только перед грозой, в непогоду, при больших морозах и во время спаривания; маленькие же кричат и тявкают, когда голодны или им скучно. В гневе или при опасности лисица издает громкое ворчанье; болезненные стоны вырываются у нее только тогда, когда ее поразит пуля или когда выстрел раздробит ей кость; при всяком же другом ранении она упорно, стойчески молчит.

Лисицу нельзя причислить к общительным животным, и этим она отличается от волков. Хотя нередко можно встретить несколько лисиц в одной и той же роще, даже в общей норе, но в большинстве случаев их соединяет только местность, а вовсе не желание жить и действовать сообща. Иногда, особенно при недостатке пищи, случается, что лисицы охотятся целой стаей, но пока не известно, как они потом распределяют добычу. Обычно каждая лисица идет своей дорогой и о своем собрате беспокоится лишь в той мере, в какой это может принести выгоду лично ей. Даже в пору любви они живут вместе только до тех пор, пока продолжается страсть, и тотчас же после этого снова разлучаются. Чтобы выпроводить барсука, лисица не применяет каких-то особенных уловок и хитростей, и надо считать полнейшим вымыслом рассказ о том, что «когда барсук выходит из своей норы, лисица прокрадывается туда и пачкает отверстие входа своим калом, так что вернувшийся хозяин не только не входит в свою нору, но навсегда покидает ее, оставляя в полное распоряжение любительницы чужой собственности». Ловкая кумушка завладевает чужим жилищем вполне открыто и без всякого стеснения водворяется в барсучьей норе, отвоевывая себе свободный уголок и предоставляя своему угрюмому сожителю убираться вон, если ему придется не по вкусу ее соседство. О дружеском же, совместном сожительстве этих столь различных по характеру компаньонов и речи нет; скорее можно сказать, что все происходит противоположным образом. Так, однажды, по рассказам главного лесничего Гофмана, затравленная лисица скрылась в норе барсука, откуда ее надо было выкопать. Поскольку наступила ночь, около норы развели огонь, а раскопку продолжили на другой день. После нескольких ударов нора была вскрыта, но вместо лисицы там нашли одну только ее голову, куски окровавленного меха и следы свежей крови, смешанной с песком. Хозяева норы, потревоженные в своей зимней спячке, варварски расправились с нарушителем их покоя и отстаили свое право собственности, сожрав дерзновенную, которая с перепугу не смогла найти выхода из норы.

Пора любви у лисиц наступает в середине февраля и продолжается всего несколько недель. В это время около одной самки собирается несколько самцов; они всюду следуют за ней по пятам и ухаживают за лисой, подобно собакам. В этот период

запах их выделений становится особенно резким, и чаще обычного слышится их лай. Дело не обходится, конечно, без драк между соперниками; случается, что два самца до крови искупают друг друга из-за обладания самкой. Когда самка забеременеет, она покидает нору и поселяется в густом кустарнике, расположенном поблизости от выбранной для родового периода норы. В это время, по Бекману, она посещает и расширяет разные норы и наконец поселяется в такой местности, которая в последнее время меньше всего посещалась людьми и собаками. Расположена ли эта нора в укромном месте или лежит открыто — на это она не обращает внимания.

В случае если подходящей норы не найдется, лисица сама выкапывает ее или устраивает себе гнездо в дупле дерева, под кучей камней, хвороста или же прямо в кустарниковой чаще и мягко выстилает его шерстью. «Мне известны два случая, — сообщает обер-егермейстер фон Мейеринк, — когда лисица рожала в дуплах дубов. В главном лесничестве Гарте близ Науендорфа один лесничий вытащил из такого дуба семерых лисят вместе с их матерью. Дуб сверху подгнил, и дупло его в глубину имело не больше одного метра. Возвращаясь в одно майское утро с охоты, я сам видел в трехстах шагах от себя, как по дубу спокойно и медленно пробиралось что-то белое; я подбежал к дубу и увидел лисицу, которая тащила в зубах домашнего гуся; она как раз собиралась влезть на дубок в пять метров в высоту, пользуясь для этого сучками, отстоявшими один от другого приблизительно на полтора метра, но я успел приблизиться шагов на семьдесят и уже готовился спустить курок, как вдруг лисица выронила гуся, а сама быстрыми прыжками стала перескакивать с ветки на ветку и наконец скрылась из виду. Обсыпав место, где находился этот дуб, бумажными обрезками и порошком, я взял раненого гуся и понес его домой, чтобы собрать себе помощников. Через два часа я снова был на месте в сопровождении нескольких охотников, вооруженных топорами и лестницами; по моему приказанию они стали стучать топорами по дереву до тех пор, пока не выгнали наконец оттуда лисицу, которая тут же была убита; мы увидели, что это была самка, а сосцы ее указывали на то, что у нее были маленькие детеныши. Тогда охотники влезли на верх дерева и палкой стали исследовать дупло, оказавшееся в полтора метра глубиной. Оттуда тотчас же полезли маленькие лисята; мы выдолбили дерево снизу и таким образом достали весь выводок, состоявший из четырех детенышей одномесячного возраста». Изредка случается, как сообщает Шваб, что две самки рожают в одном общем гнезде.

Еще во время беременности самка начинает понемногу выпивать себе волосы по всему брюху, от пупка до самого горла; она это делает с двойной целью: во-первых и главным образом, для того, чтобы открыть сосцы для ожидаемого потомства, а во-

Семейство Волчи

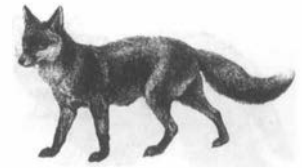
** Беременность лисицы длится 49—56, чаще 51—53 дня, рождается от 1 до 13 (в среднем 5) детенышей. Детеныши покидают убежище в возрасте 8—10 недель, а в 10 месяцев становятся вполне взрослыми.*

вторых, чтобы выдерганные волосы употребить на теплую и мягкую подстилку будущим деткам. Роды происходят спустя девять недель, или 60—63 дня, после спаривания, обычно в конце апреля или в начале мая. Количество детенышей колеблется между 3 и 12; чаще всего в гнезде находят 4—7 лисят*. По исследованиям Пагенштехера, они появляются на свет слепыми и с закрытыми ушами; покрыты очень гладкой, короткой бурой шерсткой с желтоватыми и сероватыми на кончиках волосками; и имеют чалую, резко выделяющуюся на лбу полосу, белый кончик хвоста и маленькое, белое, неясное пятнышко на груди; выглядят они крайне неуклюжими, неповоротливыми и вначале развиваются очень медленно. Глаза у них открываются только через две недели, но зато к этому же времени прорезаются все зубы. Мать обходится с ними с большой нежностью, первые дни не оставляет их ни на минуту, а впоследствии если и уходит, то лишь в поздние сумерки и весьма ненадолго, предварительно приняв всевозможные меры, чтобы скрыть их присутствие.

Через месяц или полтора после своего рождения хорошенькие маленькие хищники, покрытые красновато-серой шерсткой, отваживаются в тихое время выходить из норы, чтобы погреться на солнышке и поиграть на просторе друг с дружкой или с матерью, всегда готовой к их услугам. Мать в избытке приносит им пищу и уже с первых недель приучает к живности, заставляя есть и даже ловить мышей, птичек, лягушек и жуков. В это время лисица становится еще осторожнее: во всякой безделице она готова видеть опасность для своих детенышей и при малейшем шуме уводит их назад в нору, а если чувствует преследование, то тащит их в зубах в другую нору; даже в момент самой серьезной опасности она торопится схватить детеныша, чтобы донести его до безопасного места. Исследователю нередко удается наблюдать играющее семейство. Когда лисята немного подрастут, они любят в хорошую погоду утром и вечером лежать у входа в нору и поджидать здесь возвращения матери; если она задерживается, детки начинают лаять и этим, конечно, выдают охотникам свое присутствие. В конце июля юные лисички уже принимают участие в материнской охоте, а иногда и самостоятельно отправляются на ловлю зайчат, маленьких мышей, птичек или чего-нибудь другого, не пренебрегая и жуками. В конце июля детеныши совсем покидают нору и отправляются вместе с матерью на хлебные поля, которые сулят им богатую добычу и обеспечивают полнейшую безопасность. Когда жатва опустошит поля, они перебираются в густые кустарники, в степи, в тростниковые чащи и упражняются здесь уже в настоящих разбоях; поздней осенью они, наконец, окончательно отделяются от матери и начинают самостоятельную жизнь.

Пока жива самка, самец несколько не тревожится об участи своих детенышей, происхождение которых, принимая во внима-

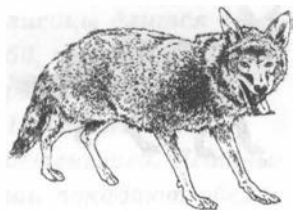

ние полигамию, господствующую в их роде, он не может приписать исключительно себе. В то время как самка всецело поглощена заботами о прокормлении своего многочисленного потомства и доходит до безрассудной наглости, нападавая среди белого дня на глазах взбешенного хозяина на мирно плавающих в пруду уток, вырывая из-под носа собаки куропатку или из-под самого дула охотничьего ружья преследуемого зайца или же выкрадывая в присутствии матери молодую косулю, — в это время самец спокойно рыскает по лесам и полям и только тогда, по свидетельству Адольфа Мюллера, появляется у норы, когда устроенная там самкой бойня слишком уж соблазнительно дразнит его обоняние запахами лакомых яств, которые он без всякой церемонии крадет. Таким образом, о помощи его в хлопотливом деле воспитания детенышей и речи быть не может, если не считать игр с малышами, которые он иногда затевает, пребывая в хорошем расположении духа. Напротив, другие наблюдения, в достоверности которых нельзя сомневаться, указывают, что лисица-самец так же заботливо относится к осиротелым детенышам, как и самка, и, услышав жалобный лай голодных лисят, заботливо приносит им пищу*.

Пойманные молодыми, лисички легко поддаются воспитанию, так как довольствуются обычным кормом щенят и охотно принимают покровительство добродушной суки, которая спокойно подпускает их к своим соскам. Если с ними часто заниматься, то они скоро приручаются и забавляют людей своей ловкостью и подвижностью.

Охотники ненавидят лисицу и преследуют ее круглый год; она не знает отдыха, так как ей не приходится рассчитывать на пощаду. Ее убивают из ружья, ставят капканы, раскладывают отравленные приманки, выкапывают из скрытых нор и бьют дубинами, травят собаками — одним словом, стараются извести любыми способами. Все охотники почему-то считают, что лисица принадлежит к самым вредным животным земного шара и потому должна быть стерта с лица земли со всем своим потомством. Вследствие этого самый честный охотник не остановится ни перед какими средствами, как бы отвратительны они ни были в принципе, если дело идет об истреблении лисицы. С точки зрения охотников, для которых леса и поля представляют собой интерес исключительно благодаря находящейся там дичи, такое бесчеловечное преследование лисицы находит полное оправдание; с более же широкой точки зрения дело выглядит совсем по-другому. Так как леса и поля предназначены и поддерживаются не для одних косуль, зайцев, тетеревов, рябчиков, куропаток и фазанов, но служат различным более важным целям, то вследствие этого лесоводам и агрономам должно быть вменено в обязанность по мере возможности удалять в своих округах все, что способствует уменьшению их продуктивности и вообще приносит

** Лисица-самка спаривается во время течки иногда с несколькими самцами, но далее на период выращивания потомства устанавливает партнерские отношения с одним из них. Самец, по-видимому, принимает такое же участие в добывании пищи для потомства, но внутрь логова не допускается.*

какой-нибудь вред. Никто, конечно, не станет серьезно утверждать, что один из названных видов дичи, населяющей наши поля и леса, мог бы приносить пользу; напротив, все они без исключения причисляются к вредным животным. Правда, этот вред можно извинить им, не обратив на него должного внимания, но отрицать его ни в коем случае нельзя. К тому же причиняемый лисицей ущерб весьма незначителен; несравненно выше следует ставить ее заслуги по истреблению мышей. Эти в высшей степени вредные грызуны служат, как уже раньше было замечено, ее главной пищей: она ловит их не только для питания, что ограничивалось бы лишь 20—30 штуками в день, вполне достаточными ей на обед, но больше для своего удовольствия, причем до смерти загрызает их и бросает. Польза ее в этом случае неоспорима. Я бы слишком удалился от своего рассказа, если бы стал оправдывать лисицу во всех тех прегрешениях, в которых ее часто обвиняют, так как знаю очень хорошо, что она не щадит ни одного слабого существа, съедает многих полезных птиц, грабит их гнезда, душил домашних птиц, подобно кунице, и учиняет много других бесчинств, но все это вполне искупается приносимой ею пользой. В охотничьем районе она бывает действительно вредна, но в лесах, на нивах и полях приносит больше пользы, чем вреда; поэтому понятно, что охотник ненавидит ее и преследует, а сельский хозяин заступается за нее.

Охота на лисиц доставляет охотнику необыкновенное удовольствие. Чаще всего травят лисиц, делая на них облаву, или стреляют в них на стойке, приманивая подражанием голосу молодого зайца или мыши, или убивают в светлые лунные ночи из засады, выставляя в качестве приманки падаль. «Известно, — замечает Гомейер, — что в экипаже к ней можно подъехать настолько близко, что позволяет успешно натравить на нее борзых собак; но случаи, когда ее убивают прямо из саней, бывают очень редки и поэтому интересны. Лисицу объезжают сначала широкими, а потом все более и более сужающимися кругами; хитрый разбойник ложится наконец плашмя на землю и подпускает к себе на ружейный выстрел в надежде, что его не увидят. Мне лично удалось однажды убить лисицу при таких же обстоятельствах; она была уже ранена, но все-таки отлично могла бежать; я объехал ее в санях во второй раз; она легла тогда на землю и лежала так долго, что я мог зарядить ружье и убить ее». Охотятся также на лисицу в лесу с собаками, причем обходятся вообще без загонщиков, а на главные тропинки ставят хороших стрелков.

Живьем лисицу ловят всевозможного рода ловушками, но чаще всего — в железные капканы, быстро захлопывающиеся, как только зверь схватит висящий кусок приманки. Уже за несколько дней перед тем, как ставить капкан, нужно класть на определенное место приманку, чтобы приучить лисицу к этому. Если она в продолжение нескольких ночей брала приманку, то

капкан можно ставить, вычистив его предварительно и смазав чем-нибудь, обладающим соблазнительным для лисиц запахом; у капкана кладут свежую приманку и старательно закрывают его, а рядом подвешивают куски приманки. «Невероятно, — говорит Винкель, — с какой осторожностью идет лисица к тому месту, где расставлены для нее ловушки. Я имел удовольствие быть свидетелем, как однажды в зимний морозный день ловили капканом лисицу. Только что начало смеркаться, когда голодная лисица прибежала к капкану. Старательно и не подозревая ничего дурного, брала она самые дальние куски приманки, удобно располагаясь для еды и помахивая хвостом. Но чем ближе подходила она к месту, где был капкан, тем становилась все осмотрительнее; прежде чем взять кусок, она долго размышляла и несколько раз обходила это место кругом. Когда она добралась до последнего куска, висящего у самого капкана, то сидела над ним по крайней мере минут десять, жадно пожирая его глазами, но не решаясь схватить, а затем несколько раз обежала вокруг капкана. Наконец, убедившись, по-видимому, что ей ничего не грозит, она снова подошла к капкану, протянула за куском переднюю лапу, но не смогла его достать. Снова остановка, в продолжение которой она, как и раньше, не сводя глаз, смотрела на оставшийся кусок. Наконец, как бы решившись, стремительно бросилась вперед, и в ту же секунду железное ожерелье охватило ее шею». Ко многим употребляющимся с древних времен средствам истребления лисиц недавно присоединился еще и яд. Им пропитывают падаль или куски мяса, которые разбрасывают для голодной лисицы в суровое зимнее время, и средство это в большинстве случаев дает отличные результаты. Бедная кумушка, измученная голодом, без всяких размышлений хватает кусок и тут же умирает от яда.

В Англии, по крайней мере в тех местностях, где удобно ездить верхом, не дозволено ловить, убивать или выкапывать лисицу из ее норы. Там уже с конца прошлого столетия травля лисиц сделалась национальным спортом, причем выслеживание и охота ведутся при участии особых породистых и выдрессированных собак*; во время травли намеченное поле объезжают вдоль и поперек, и если встретятся на пути препятствия, то их в зависимости от ловкости ездока и лошади или прямо берут, или объезжают. Задача травли — первому подскочить к убитой лисице, причем победитель получает в качестве трофея хвост затравленного зверя. В прежние времена богатые помещики интересовались охотой гораздо больше, чем теперь, и поэтому не останавливались перед издержками, чтобы содержать большие, дорого стоящие, хорошо выдрессированные для охоты своры собак; в настоящее же время организацией этого дела занимаются не отдельные лица, а целые общества, которые и берут на себя все издержки по охоте. Вследствие этого своры собак значительно увеличились, но

* Эта порода собак так и называется — фоксхаунды (лисы гончие).

предоставленные в распоряжение охотничьего общества участки земли становятся год от году меньше.

Лучшим временем для травли лисиц считается зима, с ноября по февраль. В зависимости от ретивости собачьих свор поле обходят от трех до пяти раз каждую неделю, и участники охоты, как мужчины, так и женщины, собираются в назначенном месте, где выслежена лисица. Несмотря на все искусство охотников и умелое ведение дела, случаются иногда и неудачи на травле, но тем не менее главная цель охоты — удовольствие достигается решительно всегда: возбужденная быстрой ездой кавалькада весело несется по полям, и маленькие несчастья, случающиеся при этом, служат только поводом для шуток и веселья; серьезные же беды почти всегда предотвращаются. Не только у себя на родине, но и везде, где предоставляется возможность, даже, например, в Индии, англичане с большим или меньшим успехом вводят травлю лисиц. Занятие это распространено также в Америке и по всей Европе.

«Когда умирает лисица, то остается мех», — говорит старинная немецкая охотничья поговорка, которая и по настоящее время не утратила своего значения. Мех обыкновенной лисицы в Германии редко употребляется на шубы; он больше расходуется в Польше, России, Турции. Шкура немецкой лисицы, по Ломеру, ценится в 4—7 марок, и Германия ежегодно доставляет их больше 100 тысяч штук. Выше ценится мех северных, так называемых красных лисиц, которые славятся своей красотой; в Старом Свете такие шкурки стоят 15—20 марок, а в Новом — 8—15 марок. Крестовки, вероятно, ублюдки красной и черно-бурой лисиц, имеющие темно-рыжий мех с более или менее ясно отмеченным темным крестом на спине, стоят даже 30—50 марок, но выше всего цена лисиц, известных под именем черно-бурых; они стоят 500—1000 марок, а иногда и еще дороже. Лучшие меха доставляются из местностей, прилегающих к Гудзонову заливу, и из Лабрадора, самые же дешевые — из Сибири и с северного Кавказа.

Мы используем у лисицы только ее мех; предки же наши утилизировали все животное целиком, приписывая ему всякие целебные свойства. Я считаю совершенно бесполезным распространяться здесь еще раз о тех шарлатанствах, которые практиковались в XVII столетии; скажу только, что труп лисицы, по мнению знахарей того века, мог заменить все употребляющиеся в настоящее время лекарственные средства.

Кроме человека лисица имеет еще много других врагов. Не только волк ловит и съедает ее, но так же сильно ненавидят ее собаки и пользуются всяким случаем, чтобы растерзать. Замечательно, что беременных или кормящих лисиц часто щадят самцы собак, которые не преследуют их. Другие млекопитающие не могут вредить лисе; но среди птиц у нее много очень опасных врагов. Ястреб похищает маленьких лисят, холзан ловит даже взрос-

лых лисиц, хотя иногда сам страдает от этого. Судя сообщает такой случай: «Одна лисица, пробегающая через глетчер, была с быстротой молнии схвачена холзаном и поднята высоко на воздух. Но скоро хищник как-то странно захлопал крыльями и скрылся за скалой. Наблюдавший поднялся вслед за ним и, к удивлению своему, увидел, как мимо него стремглав промчалась лисица, по другую же сторону он нашел умирающего орла с растерзанным горлом. Лисице удалось вытянуть шею, схватить своего похитителя за горло и перегрызть его. Весело побежала она от этого места, но, наверное, до конца своей жизни не могла забыть своего невольного воздушного путешествия». Среди других классов животных у лисицы нет врагов, которые были бы ей опасны, но зато есть такие, которые страшно ей надоедают, как, например, блохи. Говорят, будто она избавляется от них посредством хорошего купания, причем в рот себе берет пучок мха и сгоняет туда блох, а затем этот выбрасывает; но подобную басню надо считать полнейшим вымыслом.

Доказано, что лисица подвержена почти всем болезням, которыми хворают собаки, а также и самой страшной болезни — бешенству. Известны даже примеры, когда бешеная лисица среди белого дня явилась в деревню и кусала там всех, кто попался ей по дороге.

Песец, или полярная лисица (*Alopex lagopus*)*, отличается короткими закругленными ушами, короткими ногами, у которых нижняя часть ступни, как и все остальное туловище, густо покрыта волосами, очень пушистым хвостом и, наконец, особенной окраской меха; песец значительно меньше нашей лисицы, имеет приблизительно 95 см в длину, из которых добрая треть приходится на хвост. Летом мех его бывает землисто-серого цвета, а зимой — чисто белоснежного; попадают, впрочем, песцы и с темным мехом.

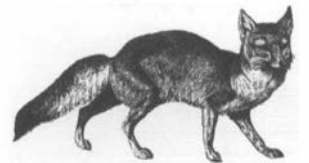
Гренландские эскимосы были совершенно правы, уверяя Броуна, что часто находят белых самок с голубоватыми и белыми детенышами. Доказательство того, что белые и голубые лисицы составляют особые разновидности, Ломер видит в том, что на Аляске, откуда ежегодно доставляется почти четыре тысячи шкур голубых и почти столько же белых лисиц, голубые меха бывают почти на ширину ладони больше, и притом с более короткими и грубыми волосами, чем белые.

С берегов Гудзонова залива вывозят ежегодно 10—12 тысяч белых лисиц, *но всего только 200 голубых. Во всяком случае, надо считать ошибочным то распространенное мнение, что песцы летом носят темное одеяние и их называют тогда голубыми лисицами, а зимой они превращаются в белых лисиц. Стоит только припомнить ласку и горностаю, из которых первая и зимой бывает рыжей, между тем как у второго вся шерсть становится белой, чтобы увидеть в них наглядный пример подобного же явления.

Семейство ВОЛЧЬИ

* Песец относится к особому роду, близкому к роду лисиц. Длина тела 45—67 см, хвоста 25—43 см. Весит взрослый песец от 1,5 до 9 кг. Эти лисы распространены в тундровой зоне Евразии и Америки и на островах между этими материками.

** Взаимоотношение белой и голубой цветовой форм песца на большей части ареала не вполне ясно. Однако на Камчатке и островах Беринга живут, по-видимому, особые подвиды песца, у которых белая форма отсутствует.*

*** В настоящее время и песца, и красную лисицу успешно разводят на зверофермах, причем помимо природных окрасов выведено множество разнообразных цветовой форм, не встречающихся в природе. Все это заметно снизило значение пушного промысла.*

Ошибочно также предположение Ньютона, что в Исландии водятся только голубые лисицы; равным образом не точны и сообщения Мальмгрена о том, что на Шпицбергене встречаются исключительно белые лисицы*.

Меховщики, по словам Ломера, по-разному оценивают шкуры голубых и белых лисиц. Мех голубой лисицы ценится очень высоко: зимние шкурки оценивают в 100—200 марок, а летние — в 20—40 марок, тогда как за белых лисиц платят не более 15—25 марок и 3—4 марки**.

Как подсказывает само название, полярная лисица живет на Крайнем Севере как в Старом, так и в Новом Свете, встречается одинаково часто и на островах, и на материке. Предполагают, что она распространена по всей северной части земного шара и относят ее в разные полярные страны льдины; по крайней мере полярных лисиц часто видели плавающими в море на подобных естественных плотках или же находили в поражающем множестве, как единственных сухопутных млекопитающих, на островах Ледовитого океана, значительно удаленных от материка; поэтому можно допустить, что они когда-то были сюда перенесены на льдинах. По доброй воле песец неохотно заходит на юг дальше 60 градуса северной широты, и только в Сибири, в виде исключения, его можно встретить южнее этой широты. Во всех местах, где водится песец, он многочислен, но всего больше его на островах, откуда он не может так легко переселиться. Поэтому всем северным народам он знаком очень хорошо.

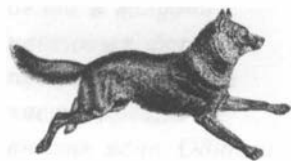
Только при ненастной погоде или когда ему грозит опасность, песец прячется в ущелья между скалами или в выкопанные им самим норы, откуда отваживается выходить только ночью, чтобы достать себе добычу; в тех же местах, где ему и днем не приходится прятаться от человека, он не дает себе труда выкапывать норы и пещеры, а просто прячется между камнями, кустами и в других каких-либо скрытых убежищах, откуда и подстерегает добычу. Это совсем неразборчивое в пище животное, довольствующееся всем, что ни попадет; впрочем, больше всего он любит охотиться за мышами, а стаи пеструшек способен преследовать на самые дальние расстояния, и его не могут остановить ни реки, ни морские проливы. Из пернатых он ловит белых куропаток, зуйков, вообще береговых и морских птиц и наносит особенно большой урон их выводкам. Кроме того, песец поглощает всех животных, которых выбрасывает море, к какому бы классу они ни принадлежали. В случае нужды забирается в человеческие жилища и крадет там все, что в силах унести, даже совсем бесполезные для него вещи. Если у него появляется избыток пищи, то часть ее он зарывает в землю и по мере надобности выкапывает оттуда; таким же образом поступает и тогда, когда боится быть застигнутым людьми. Наполнив свои кладовые, он снова варывает их и так гладко выравнивает мордой, что их почти невозможно заметить.

На Шпицбергене, по Ньютону, песец очень распространен. «Мы не только видели его много раз, — говорит упомянутый наблюдатель, — поблизости от скал, на которых гнездятся чистики, но и слышали так же часто его тывкающий лай. Это самый опасный враг всех птиц, населяющих остров, и страх к нему существенно влияет на выбор птицами места для высидывания яиц. Чем пробивается песец, когда морские птицы покидают Шпицберген и остается только белая куропатка, — это вопрос, который кажется мне одним из самых затруднительных для определенного ответа. Большая часть полярных лисиц живет на земле и одинаково активна как зимой, так и летом, но на Шпицбергене не растет никаких ягод, которые могли бы поддерживать питание песца, а в открытом море он тоже мало чем может поживиться. Таким образом, остается предположить, что он устраивает себе запасы. Возможно, что множество раковин, которые я нашел на морене одного глетчера, в скрытом углублении, составляли остатки подобного зимнего запаса песца».

О песцах восточной Гренландии дают сообщения Копеланд и Пайер: «Полярная лисица, за редким исключением, не обладает той хитростью, которой так прославилась наша обыкновенная лисица, по крайней мере, на нашей памяти это животное оставило впечатление полнейшей безвредности, если не считать редких исключений. Для молодых уток, к которым песец питает большую слабость, он весьма опасный враг. Полярная лисица живет всем тем, что может достать, а зимой питается также моллюсками и другими морскими животными, которые выбрасываются на берег приливами и плавающими льдинами, разламывающимися у берегов. Летом пеструшки, по-видимому, составляют ее главную пищу. Европейский песец избегает человека, гренландский же, напротив, доверчиво и про-

*Песец,
или полярная лисица
(Lepus lagopus)
Белая арктическая
и голубая тихооке-
анская формы*

стодушно ищет его общества, так как всюду сумеет поживиться за его счет. Он первый спешит поздравить охотника с удачным ловом и тут же не преминет урвать кусочек в свою пользу. Он с удовольствием сопровождает человека на охоту и на почтительном отдалении бежит за его санями для того, чтобы потом, воспользовавшись его сном, исследовать результаты охоты и нагло стащить ночью с саней окорок оленя. Зверек с умилением смотрит на затертое льдом судно, потому что там есть что украсть. Он настолько искусно овладел воровскими навыками и притом ведет себя так нахально, что от него бывает трудно отделаться. По целым часам иногда песец гложет что-нибудь около раскинутой палатки, а когда песцов несколько, то они ворчат друг на друга от зависти и злости; когда человеку это наконец надоест и он выходит из палатки с целью разогнать докучливых животных, они и не думают добром расходиться и даже, напротив, дерзко смотрят прямо в глаза человеку, злобно лают, когда в них стреляют, и лишь затем нехотя удаляются, и то медленно и с ропотом негодования. Случается, что, побуждаемые любопытством и каким-нибудь аппетитным запахом, песцы, несмотря на выстрелы, бегут за едущими санями по несколько миль. Направление и сила ветра при этом значительно влияют на поведение этих лисиц. Если погода тихая, безветренная, то они упорно будут следовать за человеком и, не страшась холода, выжидать, пока не представится случай чем-нибудь поживиться».

Песцов часто встречают целыми сообществами, но между ними, однако, нет большого согласия; напротив, в их компаниях часто происходят кровавые драки. Во время этих схваток один из песцов валит другого на землю, топчет его ногами и не выпускает до тех пор, пока вдоволь не натешится. При этом дерущиеся кричат, как кошки, и при возбужденном состоянии издают чистые, звонкие звуки.

Умственные способности песца вовсе не ничтожны, но при наблюдении за их образом жизни и нравами можно натолкнуться на такие противоречия, которые приводят в недоумение и заставляют задуматься над тем, как объяснить тот или другой поступок животного. С одной стороны, они хитры, пронырливы, ловки, несомненно, смыслены, с другой — поражают иногда такими бессмысленно-отважными выходками, каких не встретишь ни у какого животного. В этом я лично смог убедиться. Однажды вечером мы встретили одну из этих лисиц в Доврефельде, в Норвегии, и семь раз стреляли по ней из ружья, но не попадали. Вместо того чтобы убежать, лисица продолжала следовать за нами, шла позади в продолжение двадцати минут, подобно тому как ходят за своими господами хорошо обученные собаки, и отстала от нас только тогда, когда кончились скалы. Ее не могли отогнать даже метко брошенные в нее камни, к которым она отнеслась так же равнодушно, как и к просвистевшим над ее головой пулям.

Мой охотник рассказывал мне, что не раз ловил это животное прямо руками, потому что песец без всякого стеснения подбегал к нему и, с любопытством рассматривая, садился перед ним. Раз песцы съели у него оленью шкуру, под которой он лежал. Хижина его, стоявшая уединенно на горе, зимой часто подвергалась нападениям этих животных, так что он должен был принять серьезные меры предосторожности, чтобы избавиться от этих назойливых гостей. Я упоминаю мельком об этих фактах главным образом для того, чтобы доказать, что песец всюду остается верен самому себе.

Самое подробное и вместе с тем самое интересное описание животного еще в прошлом столетии сделано Стеллером: «На Беринговом острове из четвероногих животных, живущих на суше, попадаются одни только песцы, занесенные сюда, без сомнения,

плавающими льдинами; питаются они всем, что оставляет им море после приливов, и размножились здесь в несметном количестве. В продолжение нашего несчастного пребывания на острове я имел случай основательно изучить нрав этих животных, в наглости, хитрости и пронырливости значительно превосходящих обыкновенную лисицу. Они забирались в наши жилища и днем, и ночью и таскали оттуда все, что могли унести, даже совсем бесполезные для них вещи, как, например, ножи, палки, мешки, сапоги, чулки, шапки и т. п. Они с таким невероятным искусством умели откатывать бочки с мясом в несколько пудов и вытаскивать оттуда содержимое, что вначале нам и в голову не приходило считать их виновниками пропажи. Когда мы сдирали шкуру с какого-нибудь животного, то приходилось почти всегда убить двух-трех песцов, потому что они рвали мясо из наших рук. Как бы старательно мы ни зарывали что-нибудь и хотя бы при этом закладывали место камнями, песцы все-таки не только находили спрятанное, но даже сдвигали камни, наваливаясь на них плечами, как это делают люди, и всеми силами помогая друг другу. Если, желая припрятать от них, мы вешали какую-нибудь

Песец
(*Alopex lagopus*)
в летнем меху

лишья и днем, и ночью и таскали оттуда все, что могли унести, даже совсем бесполезные для них вещи, как, например, ножи, палки, мешки, сапоги, чулки, шапки и т. п. Они с таким невероятным искусством умели откатывать бочки с мясом в несколько пудов и вытаскивать оттуда содержимое, что вначале нам и в голову не приходило считать их виновниками пропажи. Когда мы сдирали шкуру с какого-нибудь животного, то приходилось почти всегда убить двух-трех песцов, потому что они рвали мясо из наших рук. Как бы старательно мы ни зарывали что-нибудь и хотя бы при этом закладывали место камнями, песцы все-таки не только находили спрятанное, но даже сдвигали камни, наваливаясь на них плечами, как это делают люди, и всеми силами помогая друг другу. Если, желая припрятать от них, мы вешали какую-нибудь

вещь высоко на столбе, то они подкапывали его, чтобы он упал, или же один из них, подобно обезьяне или кошке, влезал на столб и сбрасывал оттуда с необычайной ловкостью все, что там было. Они следили за всеми нашими поступками и всюду сопровождали нас, мешая нашим занятиям. Когда море выбрасывало какое-нибудь животное, они съедали его, прежде чем подходил кто-нибудь из людей, нанося нам этим большой ущерб. Если все сразу они не могли съесть, то остатки перетаскивали по частям на гору, там зарывали на наших глазах под камнями и бегали взад и вперед до тех пор, пока все не было перетаскано. При этом другие песцы стояли на страже и следили, чтобы не подошел кто-нибудь; если они издали замечали приближавшегося человека, то вся стая соединялась в кучу, и все вместе начинали рыть песок и закапывать в него какого-нибудь калана или морского кота до тех пор, пока и следа от животного не оставалось. Когда ночью мы спали в поле, они стаскивали с нас шапки и крали перчатки из-под изголовья, а также брововые шкуры и кожи, служившие нам одеялами и подстилками. Если мы ложились прямо на только что убитого калана, чтобы они у нас его не стащили, то это не удерживало песцов: они все-таки подходили и съедали из-под нас все мясо и внутренности убитого животного. Поэтому мы всегда спали с палками в руках, чтобы отогнать их и побить, когда они беспокоили нас.

Когда мы усаживались где-нибудь на дороге, песцы поджидали нас и в это время выделяли в нашем присутствии разные штуки, становясь при этом все более и более нахальными; пользуясь тем, что мы сидели спокойно, они подходили к нам так близко, что принимались грызть ремни, которыми были стянуты наши неуклюжие самодельные сапоги, а иногда добирались и до самих сапог. Если мы притворялись спящими, они обнюхивали нас, чтобы убедиться, живы мы или умерли; иногда мы нарочно задерживали дыхание, тогда они хватили нас за нос и готовы были укусить. Когда мы только приехали сюда и пока рыли могилы для наших покойников, песцы успели отъесть им носы и пальцы на ногах и руках; то же самое они намеревались сделать с больными и слабыми, так что мы едва успели отогнать их. Каждое утро мы видели, как эти бесстыдные животные бегали вокруг лежащих на берегу тюленей и морских котов и обнюхивали спящих, желая убедиться, не мертвы ли они; если же находили среди них мертвого, тотчас же принимались рвать его, волоча из стороны в сторону. Так как тюлени часто душат во сне своих детенышей, то песцы, как бы зная это, каждое утро исследовали всех тюленей и, словно живодеры, вытаскивали мертвых детенышей».

Время спаривания полярных лисиц в зависимости от условий местности происходит немного позже, чем у красных лисиц, а именно в апреле или мае. Песцы спариваются, подобно кошкам,

с большим шумом, что происходит днем и ночью, а испытывая ревность, свирепо кусаются, как собаки. В середине или в конце июня самка рождает в ущельях или расщелинах скал 9—10, а иногда даже 12 детенышей*. Гнезда свои самки больше всего любят устраивать на самом верху скалы или на обрыве утеса. Они необыкновенно, даже, можно сказать, чрезмерно любят своих детенышей и, желая спасти их от нападения, в сущности, вредят им, так как выдают их присутствие громким лаем, которым встречают всякого подходящего человека. Когда они заметят, что их нора обнаружена, они тотчас же переносят детенышей в зубах в какое-нибудь другое, более безопасное место.

На песцов охотятся и ловят их всевозможными способами: стреляют, ставят сети и силки и устраивают даже капканы. Один из способов их ловли очень любопытен. В глубоком снегу песцы вырывают себе норы и пользуются ими как жилищами. Это бывает как раз в то время, когда их больше всего преследуют остяки и самоеды; их выкапывают широким заступом, сделанным из оленьего рога, без лишних слов хватают за хвост и со всего маху бросают о землю головой, чтобы таким образом убить. Охотник сейчас же узнает, есть ли в снежной норе песец или нет: он прикладывает ухо к отверстию и начинает разгребать лопатой снег; от этого шума спящий песец пробуждается и обнаруживает свое присутствие зевотой и чиханьем. Помимо людей у песцов есть еще один опасный враг — белый медведь; кроме того, их преследуют морские орлы. Стеллер видел однажды, как морской орел схватил когтями песца, поднял его на воздух и затем бросил, чтобы раздробить о землю. Главную и почти исключительную цель лова лисиц составляет их мех, о ценности которого мы уже говорили. Путешественники полярных стран при необходимости ели мясо лисицы, но оно никоим образом не может считаться лакомым блюдом.

Из остальных видов лисиц я упомяну здесь только о таких, которые обладают какими-нибудь существенными отличиями или в образе жизни, или в окраске. К одному из самых маленьких видов лисиц принадлежит сосед нашей обыкновенной лисицы в Азии — **степная лисица, или корсак** (*Vulpes corsac*)**. По величине корсак значительно уступает нашей лисице, так как туловище его не превышает в длину 55—60 см, а хвост 35 см. По внешнему виду и характеру он очень похож на своего родича, только немного выше его и имеет более короткий хвост и кругловатые зрачки глаз. Окрас густого меха меняется в зависимости от времени года, хотя и в меньшей степени, чем у волка или лисицы. Вновь отрастающие летние волосы имеют рыжеватую окраску; по мере того как вырастают, они вместе с подшерстком образуют зимнюю шерсть с широким серебристо-белым кольцом перед более темными кончиками, что придает более рыжий или более чалый цвет общей окраске.

* Спаривание песцов в разных частях ареала происходит с февраля по апрель, беременность длится 49—57 дней. Рождаются от 2 до 25 щенков (обычно 6—12).

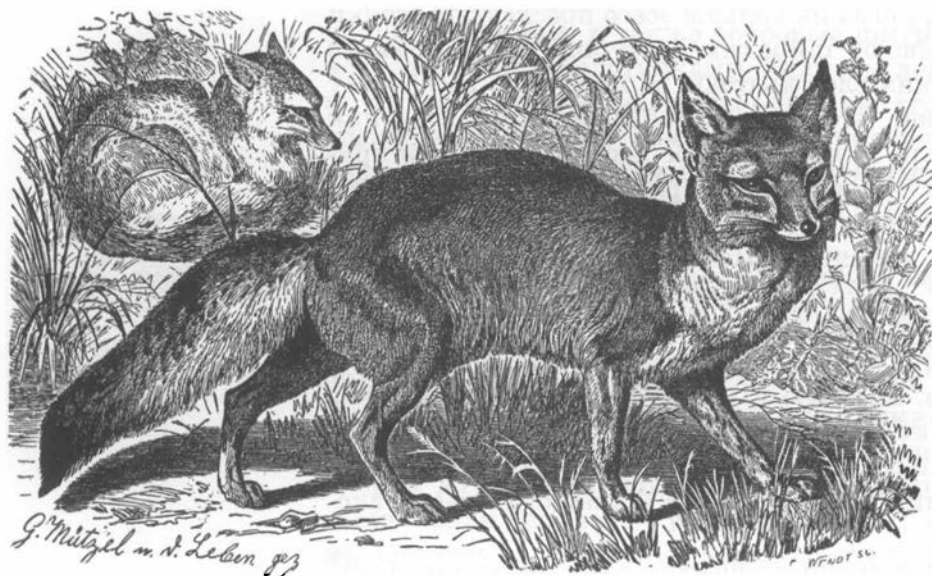

** Корсак распространен в степях Евразии от Нижнего Поволжья до Манчжурии и Тибета. Длина тела около 0,5 м, хвоста 25—35 см.

Область распространения корсака простирается от степей, окружающих Каспийское море, до Монголии; он держится исключительно в степных местностях; в лесах и в горах его вовсе нет. Зимой он ежегодно в значительном количестве уходит из северных областей, а с наступлением весны снова возвращается туда. Постоянного жилища не имеет, так как не выкапывает собственных нор, и в большинстве случаев ведет бродячий образ жизни; неприхотлив и спит под открытым небом или же в крайнем случае пользуется случайно обнаруженной норой байбака, предварительно немного ее расширив. В таких байбачьих норах часто можно встретить двух или даже нескольких корсаков, что говорит об их любви к общежитию в отличие от обыкновенной лисы. Главную его пищу составляют зайцы и полевые мыши; кроме того, он ловит птиц, ящериц и лягушек и, вероятно, крупных

насекомых, особенно саранчу. О его размножении у нас нет точных сведений*.

Ради мягкого, густого, теплого и красивого меха за корсаком усердно охотятся, особенно киргизы. Кроме ловушек и силков, которые ставят перед выходом из нор, корсака травят собаками, выкуривая его из норы. По Радде, его выслеживают там, где живет байбак, и редко днем,

Корсак
(*Vulpes corsac*)

* Половой зрелости корсаки достигают только на третьем году жизни. Спаривание происходит с января по март, беременность длится 50—60 дней. В помете от 2 до 11 щенков.

потому что в это время он спит в покинутых сурками норах; легче всего его выследить по пороше и по следам дойти до его норы, где и ставят капкан. Старые корсаки, знакомые с этими страшными устройствами, увидев их, часто уходят назад в нору и только через 6—9 суток решаются показаться вновь, и то лишь под влиянием сильного голода; большей же частью они прячутся в норе, предпочитая умереть с голоду, чем попасться в ловушку. Трупы их выкапывают весной, после того как оттает промерзлая земля. Кроме собак татары пользуются на охоте за корсаком и хищными птицами — орлами и кречетами, которых они предварительно приручают. Разумеется, от этих пернатых хищников несчастный корсак улизнуть не может.

Одни эти народы доставляют ежегодно на рынок до 50 тысяч шкур корсака, не считая тех, которые они оставляют себе. В

России мех корсака не пользуется особой популярностью, гораздо больше его идет в Китай, куда он доставляется через Кяхту.

Я долгое время держал у себя живого корсака и, кроме того, часто наблюдал пленных животных, но не замечал важного отличия в его образе жизни по сравнению с обыкновенной лисицей. При известных обстоятельствах он поступал если и не совсем так, как лисица, то все-таки очень схоже с ней. Корсак принадлежит к наиболее счастливым обитателям зоологического сада, быстро осваивается с отведенной ему клеткой, не боится ни летней жары, ни зимнего холода, с одинаковым равнодушием выдерживая как солнечное пекло, так и жестокие морозы. Со своими товарищами по плену он уживается не хуже и не лучше, чем лисица, иногда по целым месяцам живет с ними в дружбе, а то вдруг расвирепееет, начнет ссориться, жестоко кусает их, зачастую до смерти, и после того съедает их без малейшего угрызения совести, особенно если очень голоден. Несмотря на это, размножается он в клетке без всяких препятствий, так как между разными полами все-таки преобладает мир; к детенышам относится любовно и нежно воспитывает их до тех пор, пока они благополучно не вырастут.

Немецкие колонии юго-западной Африки населяет **капская лисица**, или **кама** (*Vulpes chama*)*, которая часто питается страусиными яйцами и, по рассказам туземцев, может за один присест съесть целое яйцо этой огромной птицы. Но это мнение основывается скорее на уверенности туземцев в необыкновенном обжорстве животного, а не на их собственном опыте, так как известно, что такого яйца достаточно, чтобы насытить четырех человек. Нельзя поверить, чтобы лисичка, которая почти вполнину меньше нашей обыкновенной лисы, могла съесть столько же, сколько четыре человека. Это маленькое животное не в состоянии нести страусиное яйцо, но все-таки с ним справляется: она, говорят, катит яйцо от гнезда до безопасного места и там вскрывает его очень остроумным образом. Зубы камы слишком слабы, чтобы разгрызть толстую скорлупу, которая к тому же такая гладкая, что даже острые зубы скользят по ней. Поэтому кама открывает яйцо иным способом: она катит его с горки на камни, так что скорлупа разбивается, и лисичка спешит полакомиться его содержимым.

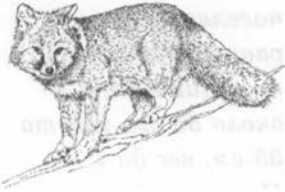
Когда горячее тропическое солнце склоняется к западу и многие животные, которые днем прятались, выходят из убежищ, чтобы насладиться вечерней свежестью, в пустыне можно встретить целые стаи прячущихся, но очень красивых животных, которые рыскают по степи в поисках пропитания. Я имею здесь в виду **фенеков** (*Fennecus zerdo*)** — красивых маленьких степных лисиц. Это животное характеризует пустыню еще лучше, чем газель. Представьте себе лисью мордочку, но маленькую и тонкую, с хитрым, лукавым выражением, как у обыкновенной лиси-

СЕМЕЙСТВО ВОЛЧЬИ

* *Капская лисица* населяет сухие равнины юга Африки. Длина тела — около 56 см, хвоста 33 см, вес до 4 кг. Пищу этой лисы составляют мелкие позвоночные (ящерицы и мыши) и различные насекомые.

** *Фенек* — самый мелкий представитель псовых, отличающийся несоразмерно большими ушами. Длина тела 35—40 см, хвоста 17—30 см, вес около одного килограмма. Эта лисичка населяет пустыни Северной Африки и Аравии, причем может подолгу обходиться без воды. У фенека довольно сильно выражена социальность, в природе он живет группами примерно по 10 особей.

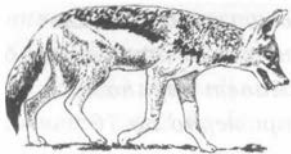
Семейство волчи

цы, но на этой мордочке выделяются необыкновенно большие глаза, а по сторонам головы торчат такие огромные уши, которых нельзя встретить не только у лисиц, но и ни у какого другого животного собачьего семейства. Туловище покоится на тонких, красивых лапках и оканчивается длинным и очень пушистым хвостом. Животное это очень подвижно, и легко заметить, что все его внешние чувства очень хорошо развиты.

В сумерках в степи слышен иногда тихий визг, который трудно описать, а если очень повезет, можно и увидеть между песчаными холмами и скалами или в густой траве, как фенек подкрадывается к добыче; он ползет очень осторожно, прислушиваясь, оглядываясь и обнюхивая окрестности со всех сторон. Ничто не ускользает от внимания опытного маленького разбойника. Большие уши фенека слышали тихое шуршание кузнечика, который прячется в траве, и животное направляется туда более из любопытства, чем из жадности, так как кузнечик составляет для него жалкую добычу. Ловкая ящерица зашелестела, пробегая по песку; фенек и ее услышал, сразу бросился туда, чтобы узнать причину этого шума. Главная добыча фенека состоит, однако, из других животных, в первую очередь из птиц. Горе жаворонку, который случайно опустится на землю недалеко от тропинки, где крадется фенек! Он погиб, если хоть раз шевельнул крыльями, или, забывшись, вспомнил свою воздушную песню и издал несколько звуков! Горе и степному рябку: за ним фенек крадется особенно охотно! Ему не нужно гнаться за многими птицами: одного рябка достаточно, чтобы насытиться самому и даже накормить своих голодных детенышей.

Фенек — самая маленькая из всех лисиц; длина его тела вместе с хвостом не превышает 65 см, хвост бывает длиной около 20 см, а высота в плечах также около 20 см. Тело у него очень стройное, морда чрезвычайно острая, большие глаза имеют округлый зрачок, который окружен коричневым райком. Наиболее замечательной частью тела этого животного следует считать уши: они почти такой же длины, как голова, и ширина их равняется половине высоты. Уши эти придают животному совсем странный вид, и голова фенека отчасти напоминает голову летучей мыши. Внутренняя сторона ушей покрыта белыми волосами; волосы эти растут двумя пучками, расходящимися от ушного отверстия, и поднимаются кверху. На верхнем конце ушей, впрочем, волосы короче и реже. На маленькой мордочке торчат длинные щетинистые усы, которые также составляют отличный признак этого зверька. мех мягок и шелковист, а зимой вырастает густой подшерсток, который весной при линьке висит хлопьями на кустах и камнях, так как фенек в это время чешется об эти предметы, чтобы освободиться от излишнего подшерстка. Казалось бы, фенеку на его жаркой родине вовсе не нужен теплый мех, но зверек этот, по-видимому, очень чувстви-

телен к холоду, и хорошая шуба ему зимой необходима. Верхняя часть тела фенека окрашена под цвет песка, брюшко белое, над глазами заметны два белых пятна, окаймленных темными полосками. Хвост, длинный и пушистый, желтого цвета, с черным пятном у основания и черным кончиком. У самки мех более светлый, соломенно-желтого цвета, а в старости у всех фенек мех еще более светлеет.

Мавры называют его «церда», а арабы — «фенек»; под этим именем он известен и в Нильской долине. Он живет на всем севере Африки, но встречается только в пустынях, однако в тех местах, которые имеют характер низменностей, богаты водой и где есть степная растительность, пусть даже не очень богатая. В этих местностях фенек встречается довольно часто, но редко становится добычей охотников, так как очень осторожен и легко ускользает от них. В зоологических садах, зверинцах и даже в зоологических музеях он встречается довольно редко.

История происхождения фенека до последнего времени была изучена мало, и о нем рассказывали удивительные вещи. Говорили, например, что он живет не в норах, как лисицы, а на деревьях, подобно кошкам; утверждали также, что питается не птицами, а больше финиками и другими плодами и пр. Рюппель первый опроверг эти ошибочные мнения и описал фенека как настоящую лисицу, но описание это все-таки коротко и недостаточно обстоятельно. Очень хорошее и подробное описание фенека составлено специально для этого сочинения моим спутником по путешествию, Буври, который наблюдал фенека как на свободе, так и в неволе. Многие из вышесказанного уже заимствовано из этого описания; сообщаю здесь и остальное.

«Натура фенека ясно выражена своеобразным строением его тела: тонкие, стройные ноги говорят о его ловкости и быстроте. Он обладает тонким слухом и острым зрением, а морда у него такая хитрая и смышленная, что в характере этого животного трудно ошибиться. Можно смело сказать, что этот степной зверек — самый совершенный представитель рода лисиц.

Фенек, подобно лисице, устраивает себе норку под землей, охотнее всего в тех местах, где растет хвощевидная ковылка, которая характерна для скудной растительности пустынь. Предпочтение это происходит, вероятно, вследствие того, что почва около этого растения плотнее, и поэтому гораздо легче там можно устроить многочисленные ходы, которые ведут в главную нору фенека. Ходы эти обычно бывают почти горизонтальны, и котловина норы большей частью расположена неглубоко под землей. Нора, как правило, устлана пальмовыми волокнами, перьями и шерстью и отличается большой опрятностью. Фенек роет землю мастерски: передними лапами он так быстро скребет ее, что трудно уследить глазами за их движением. Эта ловкость часто спасает жизнь животному, так как при преследовании фенек быстро за-

рывается в землю, как броненосец или ящер. Однажды в сопровождении нескольких конных арабов я преследовал в пустыне фенека, который бежал очень недалеко от нас и вдруг исчез из наших глаз. Но я понял его уловку, на этот раз она ему не помогла: я слез с лошади, разрыл песок и вытащил оттуда живым озадаченное животное, к великой радости моих спутников.

Днем фенек спит в своей норе. При этом он сворачивается клубком и прячет узкую голову под пушистый хвост, только уши его торчат наружу. При малейшем шуме спящая лисица просыпается и вскакивает в испуге. Если ее застигнут врасплох, она начинает визжать, как маленькое дитя, и этим как бы доводит до сведения, что разбудивший сильно ее испугал. С закатом солнца фенек оставляет нору и отправляется первым делом на водопой; при этом заметили, что он никогда не идет прямо через песчаные дюны, но всегда отыскивает укромные тропки и пробирается украдкой, стараясь по возможности быть незаметным. Колодцы в низменных местах представляют собой, как правило, простые воронкообразные углубления, так как песчаная, смешанная с глиной почва не позволяет рыть отвесные ямы. Вокруг этих ям земля зачастую бывает влажная, и потому следы фенека отпечатываются здесь так ясно, что можно заметить своеобразное строение его тесно соединенных пальцев с выдающимися, особенно сильно выступающими на задних лапах когтями.

Маленькие птички составляют самую любимую его пищу, поэтому он не щадит ни одного гнезда, находятся в нем яйца или птенчики. Если же нет ни птиц, ни яиц, то он ест ящериц, жуков, стрекоз и даже не пренебрегает тушканчиками и песчанками, хотя поймать их ему едва ли легче, чем птицу. Я часто находил шерсть и другие остатки этих грызунов в норе фенека. При случае он посещает пальмовые рощи, где финики служат ему лакомством; вообще он никогда не пренебрегает плодами и даже поедает арбузы.

По словам туземцев, лисица рождает в марте трех-четырёх детенышей, которые появляются, как говорят, на свет слепыми, очень красивыми, покрытыми желтоватой шерстью. Судя по всему, мать любит маленькие прелестные существа так же нежно, как наша лисица свое потомство.

Фенека ловят силками, сделанными из волос. Силки укрепляются при входе в его норы; иногда же его откапывают; но последний способ ловли часто не приносит удачи».

Далеким сородичем нашей обыкновенной лисицы является **серая лисица** (*Urocyon cinereoargenteus*)*. Серая лисица отличается от обыкновенной более короткими ногами, соразмерно длинным хвостом и вообще более хрупким телосложением. Ее длина составляет приблизительно 1 м, из которого около 40 см приходится на хвост; высота в холке — около 30 см. Господствующий цвет ее шерсти серый со своеобразным налетом, завися-

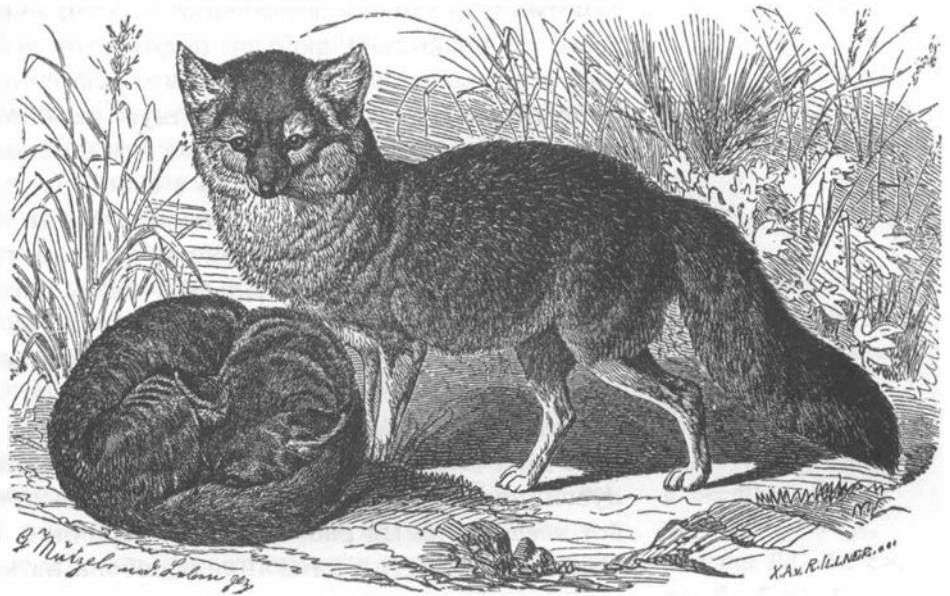
* *Серая лисица широко распространена в Северной и Центральной Америке на юг до Венесуэлы. Длина тела 48—68 см, хвоста 28—45 см, вес до 7 кг. На островах возле побережья Калифорнии живет близкий вид — островная лисица (*U. littoralis*), более мелкая.*

щим от серебристо-серых и черных волос, образующих ее мех; такого же цвета лоб, темя, боковые части морды, затылок и вся верхняя сторона туловища. Отдельные волосы у корня белые, далее черные, конец опять белый. Щеки и горло желтовато-белого цвета, уши и бока шеи серовато-желтого, нижняя и внутренняя части туловища светлого ржаво-желтого или желтовато-белого цвета, полоса на груди темнее, на передних лапах также по черной полоске, хвост сверху черный, снизу ржаво-красный, а на конце серый.

По словам Одюбона, серая лисица чаще встречается в южных, нежели в северных, штатах Северной Америки; севернее штата Мэн она, кажется, совсем не встречается. В Новой Англии и Канаде попадает редко, а в Пенсильвании и Нью-Джерси встречается почти так же часто, как и красная лисица; в южных штатах, исключая горы Виргинии, это единственный встречающийся вид лисиц; во Флориде, Миссисипи и Луизиане она встречается необыкновенно часто. На западе распространяется до Калифорнии.

Довольно трудно точно определить, чем образ жизни серой лисицы отличается от образа жизни обыкновенной и ее родичей в самом узком смысле этого слова. Из-

вестные мне описания жизни этого животного, среди которых выше всех стоит описание Одюбона, походят на описание жизни нашей лисы. Серая лисица, говорят, не может бегать так быстро и долго, как наша, в остальном же она едва ли существенно отличается от своих сородичей. Она устраивает себе жилище в труднопроходимых и даже непроницаемых для больших хищных зверей чащах и в расщелинах скал, где встречаются пещеры и трещины; область ее охоты составляют окрестности ее жилища от морского берега до дворов фермеров. Одюбон уверяет, будто она гораздо трусливее, чем наша лиса, пугается и пускается в бегство не только при виде собаки, но даже когда затрещит ветка, и что совсем почти не слышно об ее нападениях на огороженные птичьи дворы или на стада овец. Однако он подчеркивает, что это

Серая лисица
(*Urocyon
cinereoargenteus*)

Семейство ВОЛЧЬИ

животное на юге так же ненавидят и преследуют, как на севере красную лисицу. Серая лисица ловит, как и обыкновенная лиса, мышей и крыс, полевых и других грызунов, но она не пренебрегает и другой пищей. Одюбон наглядно изображает, как это животное подкрадывается, подобно прекрасной ищейке, пользуясь ветром, к выводку лесных перепелов и уносит одну из птиц. «В один холодный дождливый день нашего путешествия, — рассказывает он, — мы заметили серую лисицу, которая шла подобно легавой собаке. Сначала она кралась против ветра по высокой траве, потом вдруг остановилась и присела на задние лапы. Через мгновение она опять поднялась, тихо и осторожно поползла вперед, по временам нюхая воздух и поворачивая морду из стороны в сторону. Наконец она, казалось, наметила свою добычу и двинулась уже прямо, но все еще очень осторожно, временами крадучись по земле, порой исчезая из наших глаз, пока наконец мы ее опять не заметили, когда она остановилась. Уши ее были опущены; голова всего на несколько дюймов поднята от земли; в таком положении оставалась она около полуминуты и только после того прыгнула на добычу. Послышался шум улетающих перепелов и два-три жалобных крика, и вслед за тем показался разбойник, держа перепела в зубах. У нас было с собой ружье, и мы могли бы его убить, но к чему? Он нам показал, что не только принадлежит к семейству собак, но может охотиться, как прекрасная легавая собака; кроме того, он добыл себе пищу законным для него образом: для чего же его убивать?» Следует принять во внимание, что эта лисица, так же как и другие виды, приносит больше пользы, истребляя вредных грызунов, чем вреда, поедая полезных нам животных. Кроме большой дичи, особенно позвоночных животных всех классов, серая лисица ловит насекомых, разрывает полусгнившие пни деревьев, чтобы достать оттуда личинок, а также ест всевозможные растительные вещества. Один фермер в штате Нью-Йорк обратил внимание Одюбона на маисовое поле, которому какие-то неизвестные животные причинили немалый вред тем, что съели зреющие початки. Оставшиеся следы показали, что это сделала серая лисица, и предположение это вскоре подтвердилось, когда там поймали трех таких лисиц.

В Каролине серая лисица рождает в последних числах марта или в начале апреля, в северных же штатах — немного позже. Детеныши остаются при матери около трех месяцев и расходятся, как только станут самостоятельными и смогут вести одинокую жизнь, как старые лисицы. Даже когда они совсем вырастут, их можно легко узнать по сравнительно меньшей осторожности: на охоте с собаками они только в крайней необходимости ищут спасения в бегстве, в большинстве же случаев влезают на деревья, тогда как наученные опытом старые лисицы часто успешно спасаются от своих смертельных врагов при помощи различных уловок и хитростей. Одюбон, как кажется, находит очень необычным,

что лисица взлезает на деревья, но мы не находим здесь ничего странного, так как и наша лиса проделывает подобные штуки. Для такого ловкого животного не составляет особого труда взобраться на дерево, которое обыкновенно имеет спускающиеся вниз ветви, боковые побеги, наросты и другие неровности; собака же, как более неловкое животное, не в состоянии этого сделать*.

Что касается охоты и других способов истребления серой лисицы, то они почти ничем не отличаются от способов, какими мы охотимся на нашу лисицу. В Америке применяют различные ловушки, чтобы захватить и убить этого плута, и травят этих лисиц так же усердно, как в Англии. Пойманные серые лисицы ведут себя как их европейские сородичи, но, говорят, они никогда не делаются вполне ручными и всегда стремятся обрести свободу.

Мех серой лисицы мало ценится вследствие его коротких и жестких волос и употребляется обычно на подбивку дорожных шуб. По словам Ломера, в год продается только 25 тысяч шкур; каждая из них стоит 4—6 марок.

Большеухая лисица (*Otocyon megalotis*)** характеризуется следующими признаками: тонкое строение тела, высокие ноги, хвост, составляющий почти половину длины всего тела, короткая голова с острой мордочкой, очень большие, бросающиеся в глаза уши яйцевидной формы, весьма значительное количество зубов, так как зубная система ее состоит из 48 зубов и имеет по 8 коренных на каждой челюсти, что представляет отклонение от зубных систем всех других хищных животных; на верхней челюсти у нее на два, а на нижней — на один зуб больше, чем у собаки. Однако такое количество зубов встречается не у всех лисиц: очень часто находят их черепа, у которых только семь коренных зубов наверху. Длина взрослой большеухой лисы достигает 85—90 см, из которых, наверное, одна треть приходится на хвост; высота в плечах — 35 см. Мех ее обычно бывает темного серовато-желтого цвета, имеющего зеленоватый оттенок; отдельные волосы у корня буроватые, в середине серовато-желтые, а на конце светло-желтые или темно-бурые; из смешения этих цветов происходит зеленоватый налет, который придает меху особую окраску. Впрочем, в окрасе большеухих лисиц замечаются различные отклонения.

Большеухая лисица водится в южной и, по исследованиям Кирка и Шпека, также в некоторых частях восточной Африки. О ее образе жизни и нраве очень мало известно. «Большеухая лисица, — говорит Фриш, — названа колонистами мыса Доброй Надежды «ня-шакалом» за ее жалобный, протяжный лай; в Сечуане ее называют «мотлози». Ее любимое местообитание составляют заросшие кустарником степи внутренней Африки на север от Оранжевой реки; в колониях и в верхнем Натале она тоже иногда встречается, однако в вышеназванных странах попадает гораздо чаще, чем здесь. Днем она спит, спрятавшись так же, как

** Серых лисиц иногда называют древесными лисами. Они действительно чаще и лучше прочих псовых лазают по деревьям. Это, видимо, единственные собаки, которые стараются спастись на дереве от преследования. Залезают они туда и без провокации, например для того, чтобы осмотреться.*

*** Большеухая лисица стоит в семействе псовых особняком и родственные ее связи с другими видами не известны. Длина тела 46—66 см, хвоста 23—34 см, вес 3—5 кг. Английское название этого зверя переводится как «лисица с ушами летучей мыши» из-за того, что ее огромные чувствительные уши при опасности складываются «веером» на «летучемышинный» манер. При помощи этих «локаторов» большеухая лисица на слух находит*

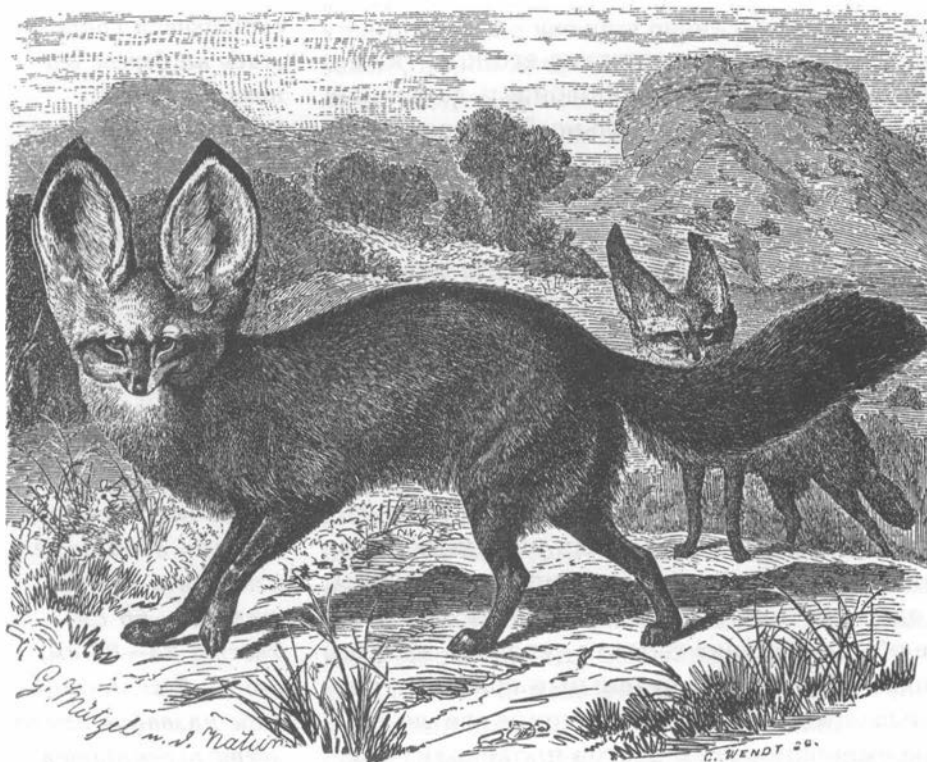
Семейство ВОЛЧЬИ

прячущихся под
землей личинок
крупных жуков —
один из главных
своих кормов.

ее сородичи, в густом тернистом кустарнике или в разрытых трубокозубом постройках термитов, ночью же рыскает за добычей и иногда подходит, испуская жалобные крики, к лагерному огню. Она питается мелкими животными и остатками от добычи крупных хищников, но чаще всего ест саранчу, за которой следует вместе с дрохвами, воронами и мелкими соколами. Мясо этого животного на вид очень аппетитно, но имеет приторный вкус с запахом саранчи, и после еды остается противная отрыжка.

«Туземцы усердно охотятся за этой лисой, потому что с удовольствием едят ее мясо и ценят ее мех. Бечуаны делают из него оторочку колпакообразной шапки, причем эта оторочка спереди приподнята, а сзади опущена; эти шапки носят замужние жен-

щины в отличие от девушек, которые ее носить не смеют. За большеухой лисицей охотятся чаще всего с собаками, которые выслеживают ее в норах и там загрызают; иногда ее откапывают живой. Лисицу редко стреляют, и она реже идет на приманку, чем гиена и чепрачный шакал. Менее хищный зверь, чем наша лиса, и более миролюбивый, чем другие дикие собаки такой же величины, она мало защищается, когда на нее нападают». Я слы-

Большеухая лисица
(*Otocyon megalotis*)

шал, что подстреленные лисицы также испускают жалобные стоны.

Пехуель-Леше встречал широконосую лисицу довольно часто и обычно ранним утром в высоко расположенных, покрытых кустарником степях земли Гереро. В высшей степени проворные и ловкие зверьки ходили обыкновенно парами, выскакивали вдруг совсем близко из-за куста и смотрели на человека, склонив голову набок, как бы доверчиво спрашивая о чем-то; нередко они стояли подняв переднюю лапу, как легавая собака. Побуждаемые любопытством или надеждой на то, что им что-нибудь перепадет от охотника, они следуют за ним иногда в продолжение полчаса

или еще дольше, причем ведут себя очень забавно, делая вид, что идут своей дорогой и до охотника им дела нет. Идя ленивым шагом, уклоняясь то вправо, то влево, они сопровождают наблюдателя с удивительной настойчивостью и подходят к нему иногда через густую траву и кустарник на расстояние половины ружейного выстрела. Потом они начинают выглядывать из своей засады или стоят неподалеку, потягиваясь или сгибаясь в дугу и встряхивая свой мех; при более долгой остановке они садятся, как собаки, и ждут, что будет дальше. Узкая мордочка обычно имеет хитрое выражение, что еще усиливается непрерывными движениями действительно гигантских ушей. Если спокойно подойти к животным, то они отступают, пятятся, сначала останавливаясь ненадолго, а затем только убегают, однако не особенно спеша. При виде сильных угрожающих движений платком или шляпой останавливаются в изумлении или разбегаются; но если пойти дальше своей дорогой, то они опять вскоре начнут настойчиво преследовать охотника. Вообще достоверно, что большеухие лисицы в диком состоянии очень любят мед и сладкие плоды и, если фруктов достаточно, питаются ими гораздо чаще, чем насекомыми; но кроме того, они считаются большими ворами яиц. Большеухие лисицы уже много раз содержались в Лондонском зоологическом саду.

СЕМЕЙСТВО МЕДВЕЖЬИ (Ursidae)*

Медведь такое оригинальное животное, что любой узнает его по первому взгляду.

У больших медведей туловище короткое и толстое, у маленьких — иногда стройное; голова овальная, несколько вытянутая, с заостренной, но в конце как бы обрубленной мордой; шея соразмерно короткая и толстая; уши короткие, а глаза сравнительно небольшие; ноги не очень длинные, ступни как передних, так и задних ног имеют по пять пальцев и снабжены длинными согнутыми неподвижными невяжными когтями, концы которых вследствие этого бывают сильно притуплены. Ступни почти голые. Зубная система состоит из 36—40 зубов; в верхней и нижней челюсти по шесть резцов, по четыре клыка, от двух до четырех ложнокоренных зубов или два ложнокоренных вверху и три внизу и, наконец, два коренных вверху и от двух до трех внизу. Верхняя часть черепа вытянута в длину и отличается очень сильно развитыми гребнями; шейные позвонки короткие и широкие, так же как и спинные; ребра прикрепляются к 14 или 15 позвонкам. Крестец состоит из 3—5, а хвост из 7—34 позвонков. Язык у медведей гладкий; желудок представляет собой простой мешок; толстая и тонкая кишка почти не отличаются одна от другой; слепая кишка отсутствует.

** Семейство медвежьи включает всего 8—9 видов, объединенных в 4—6 родов. Распространены практически во всей Евразии и Северной Америке, один вид живет в Южной Америке; в Африке это семейство отсутствует (кроме небольшого района Атласских гор). Для этих животных характерны массивное сложение, широкий мощный череп, бугорчатые, а не режущие коренные зубы, лапы широкие ступнями и крупными когтями; причем при ходьбе задняя лапа опирается не на пальцы, как у большинства хищников, а на всю стопу. Зубов 40 (у одного вида) или 42 (а не 36—40, как пишет Брем).*

Медведи были известны уже в самые древние времена. В настоящее время они водятся по всей Европе, в Азии и Америке и в некоторых местах северо-западной Африки. Они обитают как в самых холодных, так и в самых жарких странах, как на высоких горах, так и на берегах Ледовитого океана. Почти все виды живут в густых, обширных лесах или горных местностях, большей частью уединенно. Одни виды предпочитают сырые, изобилующие водой местности: болота, берега рек, озер, морей, между тем как другие водятся в сухих местностях. Только один вид постоянно живет на берегу моря и почти никогда не углубляется внутрь страны. Медведи этого вида предпринимают далекие путешествия на больших льдинах, переплывают огромные пространства, даже Северный Ледовитый океан, и перебираются из одной части света в другую. Все остальные виды бродят по менее обширным пространствам. Большая часть медведей живет одиноко и только на время случки соединяется парами, но некоторые виды живут целыми обществами. Одни роют норы в земле или песке, где и устраивают берлоги; другие прячутся в дуплах деревьев или в горных пещерах. Почти все виды медведей — ночные животные: они выходят на добычу после заката солнца и большую часть дня спят в своих берлогах.

** Это в общем случае правда, однако сила медведя, особенно крупного, очень велика; если он отпугнет или случайно заденет человека, то может его покалечить или убить.*

*** На небольшой дистанции бурый медведь способен развивать скорость до 40 км/час. По наблюдениям в природе, крупный бурый медведь легко догоняет более мелкого барибала, который обычно спасается от своего сородича на дереве.*

Хотя медведей можно в полном смысле слова назвать животными всеядными, однако они более всех остальных хищников способны питаться одной растительной пищей. Они едят не только плоды и ягоды, но и зерна хлебных растений в зрелом и незрелом виде, корни, сочные травы, почки деревьев и цветов и т. д. В юности питаются почти исключительно растительной пищей, но и в зрелом возрасте предпочитают в большинстве случаев эту пищу мясной. Вообще медведь ничем не брезгует и ест кроме вышеупомянутых растений и животных раков, улиток, червей, насекомых и их личинок, рыб, птиц и их яйца, млекопитающих и даже падаль, если она еще не очень тухлая. Появляясь вблизи человеческих жилищ, медведи могут причинить большой вред, особенно самые большие виды: мучимые голодом, они нападают даже на рогатый скот и производят большие опустошения среди домашних животных. Некоторые из них так смелы, что забираются в деревни. Для человека даже самые большие и сильные медведи только тогда опасны, когда их раздражают, испугают или ранят — одним словом, если чем-нибудь потревожат*. Движения медведей ошибочно называют неуклюжими и медленными. Большие медведи действительно двигаются обычно не особенно быстро и ловко, но зато они могут долго бежать; маленькие виды чрезвычайно быстры и проворны**. Медведи при ходьбе опираются на всю ступню и осторожно ставят одну ногу перед другой, но стоит им чего-то испугаться, как они пускаются бежать быстрым галопом. В таких случаях даже самые большие медведи демонстрируют необычайную быстроту и ловкость. На задние лапы

могут становиться даже самые неуклюжие медведи, и в таком положении, правда не особенно ловко и покачиваясь, делают они несколько шагов. Лазают почти все довольно хорошо, хотя из-за своего веса им это довольно трудно; по крайней мере, большие виды в старости почти совсем не могут влезать на деревья. Некоторые виды избегают воды, другие, напротив, отлично плавают, могут нырять очень глубоко и долго оставаться под водой. Полярного медведя можно часто встретить плывущим в море на далеком расстоянии от берега; в таких случаях остается лишь удивляться его выносливости и искусству. Большая сила медведей дает им возможность преодолевать все препятствия и очень помогает при хищнических набегах: они могут тащить за собой крупную скотину.

Из внешних чувств у медведя лучше всего развито обоняние; слух у них хороший, у некоторых даже тонкий; зрение и вкус не особенно развиты, осязание почти совсем не развито; однако у некоторых видов кончик морды служит органом осязания. Некоторые виды понятливы и умны и поддаются известной дрессировке. Их можно приручить, но они никогда не выказывают большой привязанности к своему хозяину. Кроме того, к старости дурные свойства их природы все больше выступают наружу: они становятся коварными, раздражительными и злыми, вследствие чего держать у себя в доме взрослых медведей всегда опасно*. Свое настроение медведь выражает различными интонациями голоса — глухим ворчаньем, фырканием или мурлыканьем, а иногда звуками, похожими на хрюканье, свист или даже лай.

Все живущие на Севере большие виды медведей бродят только в течение лета, а с наступлением зимы удаляются в свою берлогу. Однако они вовсе не впадают в непробудный сон, а скорее дремлют в полусознательном состоянии, из которого тотчас же выйдут, почуввав что-либо подозрительное**. Однако они почти никогда не выходят из берлоги и почти вовсе не едят. Достоин внимания, что только живущие на суше медведи впадают в зимнюю спячку, между тем как белые медведи бродят даже в самую сильную стужу и только в самую страшную снежную метель спокойно ложатся на землю, предоставляя снегу засыпать их с головой.

Беременная медведица удаляется в приготовленное ею заранее логовище и там родит от одного до шести детенышей, за которыми она ухаживает, которых кормит и защищает. Когда медвежата подрастают, становятся ласковыми, веселыми и игривыми зверьками.

Вред, причиняемый медведями, почти окупается приносимой ими пользой, тем более что они почти всегда живут в малонаселенных местностях, где не имеют возможности вредить людям. Шкуры почти всех видов идут в дело и ценятся как хорошие меха. Кроме того, их мясо едят, употребляют в дело кости, жилы и внутренности.

** Тем более опасно, что даже играющий медведь сравнительно небольшого размера может легко покалечить человека. «Дружеский», с точки зрения стокилограммового мишки, игривый шлепок лапой вполне способен сломать человеку ребра или предплечье.*

*** Зимняя спячка есть у трех видов медведей, живущих в областях с умеренным климатом: бурого, гималайского и барибала. Перед спячкой медведи жиреют, увеличивая свой вес иногда более чем в полтора раза. Во время спячки они не питаются, температура их тела падает на 5—6°. Однако они периодически просыпаются, даже не будучи потревоженными, особенно в оттепели, и бодрствуют по нескольку часов, прежде чем снова заснуть.*

** Бурый медведь, самый широко распространенный из медведей, населяет разнообразные лесные ландшафты, лесостепи, горные тундры и лесотундру и горные степи Европы, Ближнего Востока, Средней, Северной и Восточной Азии и Северной Америки. Он крайне разнообразен по размерам и окрасу. Самые мелкие его расы (населяющие юг Европы и Центральную Азию) не превышают по размеру крупную собаку, самые крупные (с Камчатки и Аляски) достигают высоты в плечах 1,5 м и веса 700 кг. Окрас варьирует от песчано-палевого до почти черного, но чаще, как и следует из названия, представляет оттенки коричневого.*

*** Усиленная охота и уничтожение местобитаний привели к тому, что бурый медведь почти полностью исчез в*

У самого известного вида медведей — **обыкновенного бурого медведя (*Ursus arctos*)*** мы замечаем большое разнообразие не только в окрасе и качестве шерсти, но и во внешнем виде и в форме черепа. Его обычно густая шерсть, которая на морде, животе и задней части ног длиннее, чем на остальном теле, может состоять из коротких или длинных, гладких или курчавых волос. Цвет ее переходит через все оттенки от черно-бурого до темно-рыжего или желто-бурого или от темно-серого и серебристо-серого до светло-рыжего; встречающийся у молодых животных белый ошейник сохраняется иногда до глубокой старости, иногда же появляется в старости вновь. Рыло бывает более или менее вытянуто, лоб иногда сплюснен, иногда — нет, туловище или очень коренастое, или несколько вытянуто; лапы длинные или короткие.

При 1—1,25 м в высоту в холке медведь достигает 2—2,2 м в длину, причем 8 см приходится на короткий хвост. Вес колеблется между 150—250 кг; впрочем, у больших и тучных он достигает 350 кг. В сытое время один только жир весит 50—100 кг; по уверению Кременца, в одном случае он весил более 140 кг.

Медведи распространены от Испании до Камчатки и от Лапландии и Сибири до Ливана и восточной части Гималаев. В Европе медведи населяют еще и поныне все высокие горы: Пиренеи, Альпы, Карпаты, Трансильванские Альпы, Балканские и Скандинавские горы, Кавказ и Урал, так же как и отроги этих гор и страны, к ним примыкающие; всю Россию, всю северную и среднюю Азию, за исключением голых степей, Сирию, Палестину, Персию, Афганистан, от Гималаев к востоку до Непала и, наконец, в Африке горы Атлас. Медведь часто встречается в России, Швеции, Норвегии, в Придунайских странах, в Турции, Греции; довольно часто — в горах Испании и Италии; почти не встречается в Швейцарии, Тироле, Франции и Австрии и, наконец, совершенно истреблен в Германии, Бельгии, Голландии, Дании и Великобритании. Единичные экземпляры появляются время от времени в горах Баварии, в Каринтии, Штирии, Моравии и, может быть, в Богемских горах**. Непременным условием жизни медведя служат высокие, сплошные и непроходимые или мало посещаемые людьми леса, изобилующие ягодами и другими плодами. От злейшего своего врага — человека он ищет спасения в логовищах, под корнями или в дуплах деревьев, горных пещерах, в темных непроходимых лесах и болотах с сухими островами.

Медведь — самый неуклюжий и косопалый хищник Европы и, как большая часть его ближайших родичей, неловкое и глуповатое животное. Однако неловкость его движений больше кажущаяся, чем действительная. Он иноходец, следовательно, при ходьбе и беге становится одновременно то на обе правые, то на обе левые лапы, поэтому все время тяжело переваливается из стороны в сторону; при ускоренном беге пускается в очень быстрый галоп, лег-

ко догоняет человека и во многих случаях выказывает проворство и ловкость, которые в нем едва ли можно было подозревать. В гору бежит еще быстрее, чем на ровном месте, чему способствует длина его задних ног; с горы он может спускаться только медленно, так как иначе легко перекувыркнулся бы через голову. Кроме того, он отлично плавает и искусно лазает; впрочем, в старости, когда становится очень жирным и тяжелым, избегает лазания по деревьям, особенно если ствол их гладкий и не имеет сучьев. Огромная сила и крепкие когти облегчают медведю лазанье: он может влезть даже на очень крутые склоны скал. Из пяти чувств у него лучше всего развиты обоняние и слух; зрение, напротив, довольно плохое; вкус, кажется, очень хорошо развит.

Кременц представил нам многие наблюдения, касающиеся тонкости чувств медведя. По его словам, медведь слышит в лесу при тихой погоде шелканье курка на расстоянии 70 шагов, треск ломающегося под ногами хвороста в палец толщиной за 135 и довольно тихий свист за 60 шагов. Медведь, лежавший в зимней берлоге, выглянул из своего убежища при приближении охотников уже за 210 шагов, хотя к нему подходили очень осторожно, на лыжах и против ветра. Ручные медведи этого наблюдателя узнавали своего хозяина за 50—70 шагов; но на 80—100 шагов их зрения уже не хватало; хлеб, намазанный медом, чуяли они в траве за 30 шагов, а когда это лакомство было спрятано в кротовой норе — за 20 шагов.

О характере медведя издавна получают самые благоприятные отзывы. «Ни одно хищное животное, — говорит Чуди, — не бывает таким забавным, таким добродушно веселым и любезным, как наш добрый мишка. У него честный, открытый характер, без коварства и фальши. Способность лукавить и хитрить у него весьма мало развита. Всего того, что лисица старается достигнуть умом, орел — стремительностью, медведь добивается прямой, открытой силой. Он не подстерегает долго добычу, не старается обойти охотника или напасть на него сзади, не пускает тотчас в ход свои страшные зубы, которыми может все легко разгрызть, но старается задушить свою добычу сильными лапами и кусает только в крайнем случае, не выказывая при этом большой кровожадности, так как вообще, будучи довольно кроткого нрава, охотно поедает растительную пищу. Внешний вид его более благороден, внушает доверие и более дружелюбен, чем внешний вид волка. Он не пожирает трупы людей, не ест себе подобных, не бродит ночью по деревне в надежде схватить и утащить ребенка, но остается в лесу, где охотится, не принося вреда человеку. Бытует весьма неверное представление и относительно его предполагаемой медлительности: во время опасности он приходит в бешенство и становится очень ловок и подвижен».

Я не могу согласиться с этой характеристикой. Медведь может, конечно, казаться смешным, но он вовсе не добродушен и

большой части Европы, сохранившись там в виде маленьких изолированных популяций. Полностью исчез он в Атласских горах на северо-западе Африки, а также в Мексике, стал крайне редок в Тибете и некоторых других регионах.

не любезен: храбрость демонстрирует только тогда, когда нет другого средства к спасению; он скупо одарен умственными способностями, довольно глуп, равнодушен и ленив. Его добродушие обуславливается скорее неумением добывать добычу, а смешным он кажется нам из-за своей наружности. Кошка смела, собака смышлена, медведь же глуп, груб и неуклюж. Его зубы приспособлены не только для поедания мясной пищи, поэтому он редко нападает на животных.

Бурый медведь
(*Ursus arctos*)

Осторожный наблюдатель не должен упускать из виду, что не только отдельные экземпляры, но и большинство населяющих различные местности медведей могут обладать совершенно различными свойствами в зависимости от того, какие обстоятельства влияют на его нрав и образ жизни. Это подтверждается как отдельными случаями, так и многочисленными опытами. Недавно старший лесничий Кременец издал весьма поучительное сочинение, в котором описал плоды своих многолетних наблюдений над медведями, живущими в болотах около местечка Ра-

китно в Киевской губернии, причем он подчеркивает, что его наблюдения не могут служить полной характеристикой всех медведей, живущих в разных местностях. «Вообще, — говорит Кременец, — медведя нельзя назвать жестоким или кровожадным. Если бы он был кровожаден, то имел бы возможность демонстрировать это ежедневно то тем, то другим способом, и тогда при его необыкновенной физической силе пришлось бы, вероятно, принимать гораздо более энергичные меры для его преследования. Мне ни разу не случилось видеть, чтобы медведь во время своих стран-

ствований и встреч с человеком сам напал на него. Напротив того, в подобных случаях он спешит обратиться в бегство или, сознавая свою силу, не обращает внимания на жалкое существо и выражает свое неудовольствие при встрече с ним притворным наступлением, сопровождаемым отрывистыми ворчливыми звуками. По своей натуре медведь скорее добродушен, хотя ему все-таки вполне доверять нельзя; он особенно не любит, чтобы его дразнили или внезапно нарушали его покой. Одна из главных черт его характера — флегматичность. Он очень любит покой, и в его нападениях видны некоторая откровенность, прямота и рыцарство — свойства, не имеющие ничего общего с кровожадностью волка или коварством рыси. В нем даже замечаются проявления чувства юмора.

«Недоверчивость никогда не покидает медведя и всегда руководит всеми его поступками. Тот, кто наблюдал медведей на свободе, кто воспитывал их, долгое время занимался ими, тот не мог не заметить, какими подозрительными взглядами медведи следят за каждым движением и действием человека: с виду безучастное, животное, однако, недоверчиво сторожит каждый шаг человека и при малейшем его приближении отступает в сторону или назад. Я могу еще сообщить следующее: часто случается, что медведь идет по следу лесного сторожа, который отыскивает его берлогу, и только тогда возвращается в нее, когда убедится, что с этой стороны опасность миновала. Вследствие этой сильной недоверчивости невозможно предвидеть действия и поступки медведя; в ней заключается и невозможность полностью его приручить; поэтому на медвежьей охоте следует соблюдать величайшую осторожность. Частые встречи медведя с людьми (пришедшими в лес за ягодами или грибами, дровосеками и т. д.) почти всегда оканчиваются довольно миролюбиво: медведь довольствуется ворчанием или, в крайнем случае, когда его раздражат, несколькими не совсем нежными толчками и ударами лап. По большей части он обращается в бегство. Вообще мужества у медведя мало; только в затруднительных обстоятельствах, когда на охоте он загнан людьми и собаками, решается для своего спасения храбро напасть на человека, толкает его передними лапами в снег и наносит когтями незначительные раны. Замечено, что те медведи, которые зимой очень отощали, весной особенно смело нападают на домашний скот. Впрочем, я заметил, что эта склонность свойственна большей частью отдельным семействам медведей, а среди них у отдельных экземпляров передается потомству. Так, например, почти все медведи, живущие в Шитинской волости, отличаются большой свирепостью, в то время как в других местностях, несмотря на то что они ежегодно убивают несколько голов скота, эти хищники вообще гораздо более миролюбивы и менее кровожадны. Мне удалось в течение нескольких лет наблюдать жизнь медведей вышеупомянутого округа, и могу сказать, что единичные эк-

Семейство медвежьи

** Всеядность медведя делает его не таким зависимым от собственного физического здоровья, как прочих хищников. Даже раненый или больной медведь может долгое время успешно прокармливать себя, дожидаясь восстановления физических сил. Эта особенность позволяет медведю быть менее осторожным и во время охоты, и при контакте с потенциальной опасностью, что в описании Брема трактуется как «открытость» и «благородство».*

земляры этих животных отличались необычайной кровожадностью и усердно занимались хищничеством даже в те времена года, когда вовсе не страдали от недостатка в пище. Так, один медведь в июле 1871 года, пробираясь с юга на север этой области, зарезал в течение дня до 23 голов рогатого скота, а в августе того же года — еще 8 голов, причем не попользовался мясом ни одной из своих жертв».

Вот как описывает Стеллер в первой половине прошлого столетия образ жизни медведя на самой северной границе области его распространения: «На Камчатке медведи водятся в бесчисленном количестве; целыми стадами бродят они по пустыням. Не будь они там еще более, чем где-либо, смиренные и миролюбивые, они опустошили бы давно всю Камчатку. Весной медведи группами спускаются с гор от истоков рек, куда переселились осенью для добывания пищи и для зимовки. Они появляются у устьев рек, стоя на берегах, ловят рыбу, выбрасывают ее на берег и во время обильного лова съедают, подобно собакам, только головы. Если находят поставленную кем-нибудь сеть, то вытаскивают ее из воды и вынимают рыбу. К осени, когда рыба поднимается вверх по течению, они вместе с ней так же медленно поднимаются в горы. Если человек заметит медведя, то окликает его издали и уговаривает вступить с ним в дружбу. Женщины и девушки не боятся присутствия медведей, когда собирают на торфянике ягоды. Если медведь и нападет на них, то разве для ягод, которые он отнимает и съедает. Вообще, в тех местностях медведи нападают на людей только в тех случаях, когда их внезапно разбудят. Редко случается, чтобы медведь напал на охотника даже после выстрела. Они там так смелы, что вламываются в дома, как воры, и обшаривают все, что попадется»*.

Зубная система медведя свидетельствует о том, что он — животное всеядное, но его рацион состоит преимущественно из растительной пищи. Разными насекомыми, такими, как жуки, слизни, он тоже при случае любит полакомиться. Месяцами довольствуется подобной пищей, наедается, как рогатый скот, всходами ржи или сочной травой, ест зреющие злаки, почки, овощи, желуди, лесные ягоды, грибы; разрывает муравейники, лакомится как личинками, так и муравьями, кислота которых, кажется, особенно ему по вкусу; высклевывает пчелиные ульи, которые предоставляют ему лакомую и особенно вкусную пищу. В Сибири и Туркестане, так же как и в других местностях, он для пчеловодов очень опасный гость. Кременц говорит, что медведь безошибочно умеет находить те ульи, в которых больше меда. Ульи, которые прикреплены к деревьям, он сбрасывает на землю и уносит на далекое расстояние, прежде чем начать лакомиться медом. Очень часто доступ к тем ульям, которые прикреплены к деревьям, для медведя весьма затруднителен, потому что опытные крестьяне стараются оголить ствол дерева на большую высоту и окружить его

крепким частоколом, который медведь должен или разрушить, или перелезть через него с большим искусством. Пойманный с полчиным, он поспешно убегает, скатывается по стволу на землю, а если ему мешает забор, перелезает через него, не причинив себе при этом большого вреда. Нападения пчел для него весьма чувствительны: он ревет от боли, катается по земле, старается лапами сорвать своих мучительниц; если же ему становится совсем плохо, бежит без оглядки. Однако рано или поздно возвращается назад, чтобы добыть любимое лакомство. В лесах гор Малого Хингана медведь переворачивает в июне и июле, когда еще нет ягод, поваленные ветром деревья и ищет в их гниющей сердцевине жуков и личинок. По таким перевернутым стволам и разрытым муравейникам узнают о его присутствии. Только начинают поспевать ягоды, как он принимается за них, а также пригибает к земле молодые плодовые деревья и кустарники, чтобы достать их плоды. Когда хлеб, особенно овес и маис, начинает наливаться, медведь появляется на полях, садится на землю и в таком положении ползает туда и сюда, чтобы с большим удобством подносить ко рту колосья; таким образом в одну ночь он опустошает довольно большие пространства. В осенние месяцы отыскивает опавшие желуди или буковые орешки, а в сибирских лесах — кедровые орехи; по словам Радде, медведь влезает на кедровые деревья, отламывает их верхушки, чтобы достать наполненные орехами шишки. Он не прочь предпринять и большое путешествие в то время, когда зреют особенно любимые им лесные ягоды и плоды. «Кроме овощей и орехов, — говорит Кременц, — медведи любят еще желуди. В урожайные годы они составляют его любимую еду, для добывания которой медведь пускается в дальние странствования. Случается нередко, что ко времени созревания желудей в дубравах появляются целые группы медведей. Однажды в октябре в Бобруйском уезде удалось выследить во время одной облавы в большом дубовом лесу до одиннадцати медведей, и, кроме того, не меньшее их число прорвало цепь. От желудей и хлебных зерен медведи становятся жирными, между тем как мясо, ягоды, овощи и овес мало прибавляют ему сала. Но любимое лакомство медведя все-таки мед, который он без устали отыскивает осенью».

Пока у медведя растительная пища в изобилии, он довольствуется ею. Но, раз попробовав животной пищи, делается хищником в полном смысле этого слова. Добычу свою он высматривает и выслеживает, рогатый скот, как говорят, старается утомить преследованием, особенно когда тот пасется на высоких горах, загоняет его в пропасть, после чего осторожно сам спускается вслед за ним и наедается досыта. Успех увеличивает его смелость. На Урале медведь считается злейшим врагом лошадей. Извозчики и почтальоны отказываются иногда ехать ночью лесом, хотя почти не было случая, чтобы медведь нападал на запре-

Семейство медвежьи

женных в экипаж лошадей; те же лошади, которые пасутся на свободе в лесу, никогда не гарантированы от его нападений. Один знакомый охотник на медведей, Бекман, рассказывал мне, каким образом медведь нападает на свою добычу. Однажды несколько лошадей паслись в болотной чаще на виду у сидящего в засаде охотника. В это время появился медведь и стал осторожно подкрадываться к лошадям, пока они его не почуяли и не пустились поспешно в бегство. Медведь последовал за ними могучими прыжками, в удивительно короткое время настиг одну из лошадей, ударил ее одной лапой по затылку, другой схватил за морду, повалил на землю и растерзал ей грудь. Когда он увидел, что другая из бегущих лошадей хромотает и не может спастись, он, бросив свою добычу, побежал за второй жертвой, быстро настиг ее и убил точно так же. Обе лошади громко ржали.

Раз осмелившись, медведь подходит к хлевам, старается взломать дверь или, как это случается иногда в Скандинавии, разбирает крышу. Необыкновенная сила позволяет ему даже уносить с собой больших животных. Несколько примеров этой страшной силы приводит Кременц. Один медведь в предсмертной схватке сломал сосновые колья от восьми до десяти сантиметров толщиной. Другой, взяв в передние лапы только что убитую и еще трепещущую корову и идя на задних лапах, перенес ее через ручей в лес. На сидевшего у огня полесовщика напал сзади неожиданно вышедший из зимнего логовища медведь и «раздробил ему сильным ударом передних лап череп, так что смерть последовала мгновенно». Наконец, четвертый медведь вытащил из ямы, в которую он свалился, еще живого взрослого лося, весившего 300 килограммов, и протащил его полкилометра по болоту*.

Олени, косули и серны благодаря своей осторожности и быстроте бега довольно часто избегают медвежьих лап, но на севере Скандинавии он гоняется за лосем довольно усердно. Барсучьи норы иногда посещает и заглядывает в их отверстия. Бывает, что волки беспокоят медведя во время зимней спячки, преследуют подстреленных и даже осмеливаются нападать на медведицу, которая упорно и безуспешно защищает своих детенышей. Ни одного четвероногого животного медведь не ненавидит и не боится так, как собаку. «Лошади, — говорит Кременц, — в наших местах редко становятся добычей медведя, свиньи же, овцы и козы — почти никогда, хотя я не могу утверждать, что несколько случаев исчезновения домашних животных, приписываемых волку, не могли быть делом медведя. Из дичи медведь убивает только лосей, кабанов и косуль, преследует также тетеревов и рябчиков и не брезгует даже яйцами последних. Медведь подкрадывается к своей жертве или ожидает ее в углублении, в засаде, прикрытый низкорастущей сосной, молодым ельником или густым ивняком и хворостом. Если одна из его жертв, особенно отделившаяся от стада, приближается к нему, он

** Известен случай, когда медведь-гризли весом 360 кг убил и унес бизона весом 450 кг. Тупые зубы медведя — плохое орудие убийства, и убивает он жертву преимущественно передними лапами, действительно наделенными огромной силой. Покалечив добычу при помощи лап, медведь может пустить в ход и клыки, хватая животное за горло, как многие крупные хищники.*

необыкновенно быстро набрасывается на нее и сильным ударом по спине старается свалить с ног и одолеть, причем вонзает острые и длинные когти своих передних конечностей глубоко в тело, нередко отрывая вместе с кожей куски мяса, и одновременно убивает свою добычу, прокусывая ей горло. У большей части убитых медведем коров и быков, которых я осматривал, были раны на боках и на шее».

С приближением зимы медведь prepares себе берлогу между скалами или в пещерах, а также в дуплах деревьев, или в лесной чаще, или на сухих кочках среди болот. Князь Василий Радзивилл сообщает как свидетель, что в Минской губернии в 1887—1888 годах медведь устроил берлогу даже на дереве. Медведь покоился среди сплетенных сучьев раздвоенного ствола великолепной ели на высоте одиннадцати метров над землей. Впрочем, это животное не в первый раз выбирало себе такое ложе: уже в начале предшествующей зимы оно поселилось на другом, более низком дереве, но, испугнутое любопытными наблюдателями, покинуло его. Логовище свое медведица тщательно устилает мхом, листьями, травой и ветками и таким образом prepares красивое и удобное ложе. В Галицийских Карпатах медведица предпочитает располагаться на зиму в дуплах очень толстых стволов деревьев, если отверстие не слишком широко. Еще до первого снега убирает она зимнее жилище, очищая дупло от земли, гнили и других нечистот.

При наступлении морозов медведь забирается в убежище и погружается в зимнюю спячку. Время, когда медведь осенью залегает в берлогу, весьма различно и зависит от климата и состояния погоды. Медведица удаляется в берлогу уже в начале ноября, а медведь продолжает бродить еще в декабре (в чем я сам убедился в Кroatии посредством рассматривания следов), не обращая внимания на снег и мороз. По уверению русских охотников на медведей, это животное, прежде чем залечь в зимнее убежище, тщательно обходит окрестности и, если заметит следы человеческих ног, тотчас перебирается на другое место. Зимой во время оттепели он даже в России выходит из берлоги, чтобы напиться или поесть. «В начале зимней спячки, — говорит Левис, — им, по видимому, гораздо легче оставлять берлогу, чем посреди зимы. Не подлежит сомнению, что медведи в Лифляндии лежат зарывшись в снег в течение трех-четырех месяцев, не принимая никакой пищи, в результате чего желудок их оказывается совершенно пустым».

Если зима теплая, то спячка медведя продолжается недолго, а в более теплом климате он, вероятно, и не думает об устройстве зимнего убежища. Об этом можно судить по медведям, содержащимся в зоологических садах. Там они вовсе не спят и ведут себя зимой почти так же, как и летом, а в теплые зимы спят разве что немного дольше, чем летом. Ко времени рождения детены-

шей медведица бывает вполне бодра; на воле она спит до и после родов так же крепко, как и медведь, в неволе, как я убедился из собственных наблюдений, не ест в это время ничего. Так как летом и осенью медведь обычно отлично питается, то ко времени зимней спячки бывает весьма жирен и этим жиром питается отчасти и в течение зимы. К весне он, как и все животные, подверженные зимней спячке, очень сильно худеет. Древние, которым это было известно, заметили, что лежащий медведь имеет обыкновение лизать свою лапу, и заключили из этого, что он высасывает из лапы жир. Этим сказкам верят и рассказывают их и по сие время. Совершенно справедливо, что медведь во время зимней спячки, когда на его ступнях линяет кожа, сосет их, причем ворчит и чмокает, что слышно и на дальнем расстоянии; вероятно, он это делает, чтобы ускорить линьку, а может быть, и облегчить боль.

О размножении медведей мы не имеем точных сведений, и это тем более удивительно, что данные животные относятся к тем хищникам, которых часто держат в неволе. Проведено, правда, довольно много наблюдений, касающихся спаривания, беременности и родов медведицы; но эти наблюдения почти все сделаны над животными, жившими в неволе. Впрочем, они настолько идентичны, что, вероятно, могут относиться и к медведям, живущим на свободе. Сокоупление происходит в мае или начале июня, так как половое возбуждение продолжается целый месяц. Линней определяет беременность в 112 дней, так как считает октябрь временем сокоупления. В действительности беременность продолжается по крайней мере шесть месяцев, вероятно, даже более*. Кнауэр нашел (в Карпатских горах) 11 марта в берлоге, обысканной им после смерти медведицы, двух медвежат величиной с кролика; он полагает, что им было пять-шесть недель. Медведица мечет большей частью от двух до трех детенышей, иногда одного или четырех, редко пять.

Наблюдения Кременца относятся не к одним только медведям, жившим в болотах Ракитно, хотя при большей области распространения этих животных могут случиться и отступления от общего правила.

По словам Кременца, течка у медведиц начинается в середине лета — с 15 июня по 15 августа. До настоящих битв между самцами дело, кажется, никогда не доходит, хотя к одной самке нередко сходятся по нескольку самцов. Однажды было замечено, что за одной медведицей следили три самца и самый юный и слабый из них был признан любимцем, по крайней мере он шел непосредственно за медведицей. По прекращении полового возбуждения самцы и самки расходятся в разные стороны, а медведица ходит опять с детенышами, которые и во время течки все-таки следуют за матерью на почтительном отдалении. Нельзя определить с достоверностью, достигает ли медведь половой зре-

** Беременность у бурой медведицы продолжается 180—266 дней, детеныши (от 1 до 4, обычно 2) рождаются в январе—марте. Детеныши покидают убежище в пятимесячном возрасте. Медведица вновь спаривается только на второй-третий год после рождения медвежат.*

лости раньше пяти-шестилетнего возраста, но Кременец по некоторым признакам считает, что это случается раньше. «Медведица родит обыкновенно между 1 декабря и 10 января; редко раньше, иногда немного позже. Из 31 случая родов 16 приходится на время от 1 декабря по 1 января: 13 — на время с 1 по 10 января, 2 — на время с 10 по 20 января. В первый раз медведица мечет от одного до двух детенышей, позже — до трех, а в последующие годы число детенышей колеблется между двумя и тремя и редко доходит до четырех. Зимой 1870/71 годов я сам нашел у убитой мной необыкновенно рослой медведицы пятерых медвежат, но это был второй в этой местности случай в течение 50 лет. Судя по зубам, матери было около 14 лет; она была чрезвычайно зла и поранила довольно серьезно несколько человек, прежде чем ее убили. Старые медведицы приносят меньшее число детенышей, доходят опять до одного, несколько лет вовсе не рожают и в конце жизни совершенно прекращают деторождение».

Из своих наблюдений над убитыми медведицами я могу определить это время между 16—18 годами. Кременец, правда, не говорит определенно, что медведица родит ежегодно, но это само собой разумеется из многих его рассказов. Он пишет, между прочим: «Медведица, пока не беременна, живет совместно со своими годовалыми детенышами. Впрочем, я два раза наблюдал действительно редкий случай, когда мать прогнала двух годовалых медвежат, вероятно, вследствие новой беременности. В таких случаях она не терпит около себя старших медвежат, кусает и бьет их, пока они не оставят ту местность, где она живет. С этого времени детеныши становятся самостоятельными, не зависят больше ни от семьи, ни от матери и сами заботятся о своем пропитании».

Мать устраивает для своих детенышей настоящее гнездо; говорят, впрочем, что она их рождает иногда и в снегу. Если ее потомству грозит какая-нибудь опасность, она переносит медвежат в зубах на далекое расстояние. Достоин внимания, что мать в случае опасности храбро защищает своих уже почти взрослых и сильных детенышей. Медведица с медвежатами считает себя полной властительницей всей той местности, которую избрала для своего местопребывания, и всякое посягательство на свои права встречает нападением на нарушителя. Некоторые медведицы наводят ужас на всех, кому надо проходить по ее владениям, и ограждают даже дороги; смельчак, который пустился бы по этой местности без собаки, рисковал бы жизнью. Медвежата через четыре месяца уже настолько вырастают, что могут следовать за матерью; она учит их лазать по деревьям, находить пищу и вообще обучает всей медвежьей науке.

Покинутые матерью молодые медвежата, говорят, бродят в течение лета поблизости от старой берлоги, куда забираются в дурную погоду; если их не отгоняют старые медведи, они охотно

сходятся с младшими братьями. Наблюдение русских крестьян, сообщенное нам впервые Эверсманом, проливает своеобразный свет на подобные слияния медвежьих семейств. Крестьяне эти имели случай видеть, что медведица поручает своим старшим детенышам присмотр за младшими, по этой причине двухлетние медвежата, гуляющие с матерью и братьями, называются «пестунами». Эверсман рассказывает следующее об одном медвежьем семействе, которое переправлялось через Каму: «Когда медведица переправилась уже на противоположный берег, то заметила, что пестун медленно крадется за ней, не обращая внимания на младших братьев, оставшихся на другой стороне реки; как только он приблизился, мать дала ему пощечину, после которой он, поняв в чем дело, тотчас повернул назад и вернулся к матери, держа в зубах одного из младших братьев. Мать наблюдала за ним, пока он вновь не переплыл реку за другим братцем, но, увидев, что пестун уронил свою ношу на самой середине реки, она бросилась в реку, опять побила его, после чего он поспешил исправить ошибку, и семейство спокойно продолжало свой путь». Среди русских крестьян и охотников ходят слухи, будто медведица к каждому младшему детенышу приставляет пестуна. В его обязанности входит присматривать за маленькими медвежатами, скрытыми в чаще, пока мать подстерегает добычу или насыщается убитым животным, которого не в силах утащить. Зимой пестун живет в ее берлоге и освобождается от своей обязанности только тогда, когда найдется на его место другой большой медвежонок. Поэтому можно при случае увидеть четырехлетнего пестуна при медвежьем семействе.

Пяти-шестимесячные медвежата чрезвычайно забавны. Они очень подвижны, но неуклюжи; поэтому понятно, что иногда они проделывают преуморительные штуки. Их детский нрав проявляется в каждом поступке. Они очень игривы, шаловливо лазают по деревьям, борются, как задорные мальчишки, прыгают в воду без всякой причины и повода, бегают взад и вперед и учиняют массу проказ. Своему сторожу они не выказывают особенной нежности, одинаково ласковы со всеми людьми и почти не отличают одного от другого. Кто их покормит — тот им и друг, кто их рассердит — тот враг, и они и обращаются с ним как с врагом. Медвежата раздражительны, как дети, любовь их приобретается легко, зато так же легко и утрачивается. Уже после шести месяцев они по характеру становятся похожими на старых медведей: делаются злыми и сварливыми, обижают слабейших животных, кусают и царапают даже своего хозяина, так что одни только побои могут укротить их. С годами медведи становятся еще свирепее, прожорливее, кровожаднее и опаснее. Их можно, конечно, воспитать, выучить каким-нибудь немудреным штукам, но доверять им вполне, как вообще всем глупым существам, невозможно: следует всегда опасаться их злобы и коварства, соединенных

со страшной силой. Поэтому их можно еще держать в зоологических садах или водить на цепи для показывания различных фокусов, но никогда нельзя выдрессировать настолько, чтобы близкое сожителство с ними было безопасно для людей. Многие пытавшиеся воспитывать неукротимое и коварное животное испытывали это на себе: некоторые из тех, кто производил подобные опыты, заплатились опасными ранами и даже жизнью.

Это мнение подтверждает и Кременец. «Никогда не дремлющее недоверие медведя, — говорит он, — делает его неспособным к искренней дружбе и любви к людям; приобрести его привязанность ласками — неосуществимая мечта».

Неизвестно еще наверняка, сколько лет длится рост медведя, но следует думать, что медвежонок к шести годам вырастает в настоящего медведя. По-видимому, медведи достигают довольно преклонных лет. Были случаи, что они выживали в неволе до 50 лет, а медведицы рожали 31 года от роду*.

Охота на медведя — вещь опасная, но страшные истории, которые прежде рассказывали опытные охотники, считаются теперь вымыслом. Хорошие собаки, перед которыми все медведи испытывают необыкновенный страх, остаются при всех обстоятельствах лучшими помощниками охотника. В юго-восточной Европе на медведя охотятся большей частью облавой в тот период, когда он нагуляет жир, засадой — реже и в исключительных случаях — до или во время зимней спячки; в России же для охоты предпочитают именно это последнее время. Так как медведь бежит от охотников, то после того, как опытные охотники определили место его нахождения, можно как на облаве, так и в засаде почти всегда рассчитывать на полный успех, конечно только в том случае, если известны его излюбленные тропинки. Хладнокровие и верная рука, хорошее пристреленное оружие — необходимые условия для удачной медвежьей охоты.

«Очень распространенное мнение, — пишет Кременец, — что медведи при нападении всегда поднимаются на задние лапы, вполне ошибочно; в таком случае его нападения легче было бы отразить. Я собственноручно убил 29 медведей, видел, как стреляли в 65 других животных этого рода, присутствовал при том, как медведи всех сортов и величин встречали охотников, и сам не раз подвергался их нападениям; но при мне только один медведь и одна медведица при нападении поднимались на задние лапы и таким образом шли некоторое расстояние навстречу своему врагу. Я не хочу утверждать, что это явление, которое так часто описывалось во многих охотничьих рассказах и прежних научных исследованиях, никогда не случается, но мне кажется, что эти случаи чрезвычайно редки. Нападение медведя всегда внезапно и быстро, причем он или старается коротким и сильным ударом передней лапы поразить противника, или, подбежав быстрой рысью к охотнику, вдруг резким движением поднимается на задние

** Эта цифра продолжительности жизни в неволе подтверждена и в современной литературе. Бурые медведи достигают половой зрелости в возрасте 4—6 лет, но продолжают расти и после этого, до 10—11-летнего возраста.*

лапы и мощным толчком валит его на землю или же наносит сильный удар и сразу кусает, но если люди и собаки недалеко, то медведь никогда не остается долго около своей жертвы и старается убежать». В Гималаях медведь, по словам Блэнфорда, слывет вполне безвредным, ибо он сам никогда не нападает на людей, редко даже ранит, если ему случится защищаться. Кинлох, который убил там много медведей, на основании своего большого опыта вывел такое же заключение: он никогда не видел, чтобы медведь бросался на человека, и никогда об этом не слышал. По его словам, только совершенно загнанный медведь может, прорываясь сквозь цепь загонщиков, повалить человека, при случае даже ударить и укусить его, но все это с целью проложить себе путь к бегству. То, что он поднимается на задние лапы, чтобы обнять и задушить своего противника, следует считать басней.

Кроме обычной охоты на медведя его истребляют и разными другими способами в тех местностях, где он наносит большой вред. В Галиции и Семиградии ставят на его пути капканы, прикрепляют к ним цепь, а к ней посредством длинной крепкой веревки — большую колоду. Медведь ступает на капкан, тщетно старается от него освободиться или перегрызть цепь, в результате прикручивает себя к дереву, выбивается из сил и печально погибает. Охотник, который каждые два дня обходит медвежьи тропинки, узнает путь медведя по следу протасченного капкана, цепи и колоды. «Азиаты, — говорит Стеллер, — строят целое здание из бревен, которые лежат друг на друге и тотчас же валятся и убивают медведя, как только он ступит в ловушку. Они вырывают также ямы, в которых укрепляют острый гладкий обожженный кол, выступающий из земли на несколько футов, ямы же прикрывают травой».

Можно привести примеры и других остроумных ловушек для медведей. На землю кладут доски с торчащими вверх гвоздями и прикрывают их травой; медведь ступает ногой на гвоздь, начинает топтаться на месте, другие лапы также попадают на гвозди, и медведь ложится на спину, причем доски ему мешают видеть, и он делается легкой добычей охотника. Вешают также на дерево, где находится дупло с пчелами, тяжелую колоду; медведь борется с ней, подталкивая ее лапой, а она с размаху его бьет. Иногда устраивают ловушки из частокола в виде узкого кругового коридора, и медведь сам затворяет дверь, проходя вторично мимо нее. Все эти способы, однако, должны еще быть проверены достоверными очевидцами. В Норвегии, России, Испании против медведя выступают опытные, смелые люди, которые в сопровождении нескольких собак, вооруженные только вилами и ножом, борются с ним не на жизнь, а на смерть*.

Выгода, приносимая медвежьей охотой, весьма значительна: мясо ценится довольно высоко; жир, который славится как хорошее средство от выпадения волос, тоже сбывается легко и дорого

* Охота на медведя с так называемой рогатиной (подобие короткого копья с длинным лезвием и поперечной перекладиной) была широко распространена по всей России еще в начале нашего века. Охота эта была весьма опасной и требовала от охотника большой физической силы и определенных навыков.

оплачивается; жир этот белый, не твердеет и не горкнет в закрытых сосудах; в свежем состоянии он имеет противный вкус, который исчезает, когда его сварят с луком. Мясо молодых медведей имеет нежный приятный вкус; жареные или копченые окорока взрослых жирных медведей считаются лакомством. Особенно ценятся гастрономами лапы, однако нужно прежде к ним привыкнуть, так как освобожденные от меха и приготовленные для жаркого они производят отвратительное впечатление своим необыкновенным сходством с огромной человеческой ногой. Медвежья голова слывет также превосходным блюдом. Мех медведя оценивается в зависимости от его размера: шкура мелких пород почти ничего не стоит, мех же больших медведей, по словам Ломера, стоит от 60 до 250 марок.

На Урале крестьянки приписывают когтям, а остяки — клыкам медведя таинственную силу. Медвежий охотник на Урале должен тщательно караулить шкуру убитого им зверя, иначе девушки выкрадут у него когти, так как, по поверью, коготь четвертого пальца правой передней ноги имеет необыкновенную чудодейственную силу: если девушке удастся тайно царапнуть им любимого парня, он страстно полюбит ее. Медвежий зуб служит остяку талисманом, спасающим его от болезней и опасности; он также имеет свойство изобличать обман и коварство. Не нужно поэтому удивляться, что многие народности, живущие в весьма отдаленных друг от друга местностях, убив медведя, устраивают празднество с пирушкой. Обитатели обширных болот Полесья кроме медвежьего меха очень высоко ценят желчь, которой приписывают целебную силу: говорят, что она помогает от лихорадки. Поэтому после счастливой охоты участники ее обильно угощаются водкой, к которой примешивают немного желчи убитого животного.

В начале прошлого столетия немецкие князья считали особым удовольствием травить содержащихся в неволе медведей большими собаками. С этой только целью они держали несколько медведей в особых огороженных местах. «У Августа Сильного, — рассказывает Флемминг, — жили два медведя, и случилось, что один из них однажды выбежал из сада в Августенбурге, схватил в мясной лавке целую четверть телят и, когда жена мясника хотела его выгнать, растерзал ее и ее детей; тогда подросли люди и застрелили его самого». Предназначенного для травли медведя привозили на место охоты в ящике, который можно было издали, дернув за веревки, открыть сразу со всех сторон и таким образом мгновенно освободить медведя. Тогда выпускали на него больших, тяжелых собак; если им удавалось схватить медведя, то одному человеку уже нетрудно было справиться с ним. На дворе Дрезденского замка в 1630 году в течение недели были устроены три медвежьи травли. На двух первых семь медведей должны были бороться с собаками, на третьей — с большими кабанами, из

Семейство медвежьи

** К счастью, можно надеяться, что практика подобных бесчеловечных «развлечений» полностью осталась в прошлом.*

*** Американские бурые медведи, известные под общим названием «гризли», относятся к тому же виду, что и их евразийские сородичи. Строго говоря, к этой группе рас бурого медведя следует причислять и популяции Камчатки и Приморья. Гризли весьма разнообразны по цвету шерсти и по размеру. Именно к ним относится крупнейший из бурых медведей — так называемый кодыак с одноименного острова у берегов Аляски.*

которых пятеро остались на месте; из убитых медведей один весил восемь центнеров. Как правило, знатные господа сами убивали охотничьим ножом задержанного собаками зверя, но Август Сильный имел обыкновение отрубать ему голову.

И в настоящее время устраиваются иногда подобные травли. На мадридских аренах медведей заставляют бороться с быками, а в Париже еще в начале нынешнего столетия травили собаками сидящих на цепи медведей. Кобелл, которому удалось присутствовать при подобном зрелище, рассказывает, что медведь яростно отбивался от нападающих собак направо и налево своими могучими лапами, причем страшно ревел; когда же собаки разгорячились, он некоторых сгреб под себя и раздавил, других же отшвырнул в сторону, тяжело израненных*.

Римляне получали медведей преимущественно из Ливана, хотя рассказывают, что им случалось вывозить их из северной Африки и Ливии. Их рассказы о нравах медведей сильно смахивают на сказку. Аристотель описывает медведей, как и других животных, вернее всех. Плиний прибавляет от себя несколько басен; Оппиан дает подробный отчет о славных медвежьих охотах армян на берегу Тигра; Юлий Капитолин описывает общественные игры в цирке, при которых он присутствовал, и сообщает, между прочим, что при Гордиане Первом на арену доставлено было до тысячи медведей в один день.

Ближайшим родственником бурого медведя следует признать живущего по всей северо-восточной Америке **гризли** (*Ursus arctos*)**, которого американцы в шутку прозвали Старым Ефремом. Строением тела и видом он похож на нашего медведя, но больше, тяжелее, неуклюжее и сильнее его. Плечи, горло и брюхо покрыты темно-коричневыми, на концах более светлыми волосами, которые вообще на всем теле длиннее, пушистее и спутаннее, чем у бурого медведя; на голове же волосы более короткие и светлые. Радужная оболочка красновато-коричневая. Цвет меха переходит часто в железисто-серый или светло-бурый; в первом случае он часто отличается серебристым, а во втором — золотистым отливом, что зависит от того, имеют ли кончики серебристо-белый или желтоватый цвет.

Американские охотники различают поэтому серого, бурого и коричневого медведя и считают последнего не только самым красивым, но и самым опасным из животных этого вида. От европейских медведей американский отличается коротким черепом, выпуклыми носовыми костями, широким, плоским лбом и короткими ушами. Хвост тоже короче, чем у нашего медведя, зато беловатые когти поразительной длины (13 см), они сильно изогнуты и слегка сужены к концам. Значительная величина гризли — один из отличительных признаков этого медведя: в то время как обыкновенный медведь только в исключительных случаях достигает 2,2 м в длину, величина гризли всегда составляет

2,3, а нередко 2,5 м в длину, и весит он до 450 кг. Область его распространения захватывает запад Северной Америки, южные части Соединенных Штатов от Скалистых гор, а на севере (Дакота) — начиная с Миссури. Чем ближе к западу, тем он встречается чаще, особенно в горах. Южнее появляется он еще в горных районах Мексики, по крайней мере до Ялиско, к северу доходит до полярного круга и даже еще севернее.

По образу жизни серый медведь очень сходен с нашим и также подвержен зимней спячке; только при ходьбе сильнее переваливается и покачивается, и все его движения более неуклюжи. Лишь в ранней молодости может влезать на деревья; в зрелом возрасте он уже не в состоянии заниматься подобными упражнениями. Зато с легкостью переплывает широкие потоки. Этот грозный хищник так силен, что может справиться с любым животным своей родины. В прежнее время его любили описывать как самое страшное и свирепое животное, говорили, что он не боится человека, напротив того, идет прямо на него, будь тот на лошади или пешком, вооружен или безоружен, обидел ли он его или не думал даже затрагивать. Рассказывают также, что он умеет притягивать к себе передними лапами туго натянутое лассо, как моряки тянут канат, даже в тех случаях, если сам попал в петлю или этим лассо привязана к кольшку пасущаяся лошадь. У всех индейских племен владелец ожерелья из когтей и зубов медведя пользуется самым большим почетом. Только тот инде-

Бурый медведь
(грizzly)
(*Ursus arctos*)

еще имеет право носить подобное ожерелье, который добыл его сам, померившись силами с серым медведем. Еще рассказывают, что этот медведь, который, увидев человека, смело идет на него, тотчас бежит, если вдруг почует его запах в воздухе. В той же степени, в какой медведь боится человеческого запаха, другие животные пугаются его собственного. Домашние животные, почуяв его, мечутся в загоне или в хлеву, как будто к ним приближается лев или тигр. Они боятся даже трупа гризли и его шкуры.

В настоящее время доказано, что все эти сведения частью совершенно неверны, частью очень преувеличены. Их распространяли и им верили в то время, когда люди еще мало посещали запад Америки и когда, чтобы заинтересовать слушателей, непременно требовалось выдумать для Нового Света чудовище, которого можно было бы противопоставить самым страшным хищникам Старого Света. Из рассказов охотников об их приключениях выводилось общее правило; таким образом, гризли сделался пугалом Дальнего Запада. Конечно, бывали случаи, что люди погибали от серого медведя, как погибали и от нашего; раненые животные отчаянно защищались, а самки и сами нападали на людей, когда детенышам их грозила опасность; но из этого еще нельзя заключить, что американский медведь свирепее своего европейского родича или отважнее его; он скорее по нраву очень похож на него. Из всех серых медведей, с которыми приходилось сталкиваться Пехуель-Леше, ни один не выказал мужества, и даже раненный на охоте медведь не решился напасть на своего преследователя. Гораздо большее значение, чем все эти случайные наблюдения, имеют для нас результаты тридцатилетнего пребывания в американских пустынях знаменитого охотника генерала Марси.

«После всего того, что я слышал о сером медведе, я готов был видеть в нем одного из самых опасных и свирепых созданий в мире; я воображал поэтому, что человек, который его убивает, совершает геройский подвиг. Я в этом был так твердо убежден, что никогда бы не решился стрелять в такого зверя, если бы встретился с ним один и пеший. Гризли, конечно, хозяин американских лесов и по силе, может быть, превосходит всех других хищных зверей, но мой взгляд на его мужество и свирепость значительно изменился с тех пор, как я приобрел опыт в охотничьем деле. Когда я в 1858 году однажды ехал по равнине между рукавами реки Платы, то неожиданно наткнулся на большую медведицу с двумя детенышами, которая на расстоянии целой мили от какого-либо леса спокойно лежала на открытой прерии. Так как мне впервые случилось встретиться одному с этим страшным зверем, да еще с маткой, имеющей детенышей, то весьма понятно, что я почувствовал некоторое беспокойство. Однако я все же решился напасть на зверя. Лошадь моя была вполне надежна. Проверив еще раз, в порядке ли сбруя и оружие, я

приблизился к медведице на расстояние ста шагов; только тогда заметила она меня, высоко приподнялась на задние лапы и внимательно стала меня рассматривать. Я воспользовался этой минутой, чтобы выстрелить в нее, но промахнулся, после чего медведица пустилась в бегство вместе с детенышами. Я выстрелил ей вслед и попал в заднюю часть туловища, тогда она побежала еще быстрее и малодушно бросила детенышей. Когда я настиг медвежат, они стали жалобно выть, но медведица только оглядывалась время от времени, не делая никаких попыток прийти к ним на помощь. Я преследовал ее на лошади на протяжении нескольких английских миль, послал ей вдогонку четыре пули, после чего она наконец упала. Хотя я в продолжение этой погони несколько раз подъезжал к ней очень близко, она ни разу не подумала защищаться. Заботясь единственно о собственном спасении, она предоставила медвежат их судьбе. В трех других случаях я встретил гризли в горах, но ни один из них не пытался защищаться, и все старались только спастись. Во время одного путешествия между Новой Мексикой и штатом Юта мне случилось на отличной лошади гнаться несколько английских миль за огромным серым медведем, которого мне удалось загнать, как одичалого быка, по направлению к моим людям, так что он был убит уже в лагере. На основании моего настоящего опыта я могу сказать об этом сильно оклеветанном животном, что в первую минуту испуга при нападении на его берлогу он действительно в состоянии броситься на противника; точно так же я считаю возможным, что особенно свирепый зверь иногда нападает посреди прерий на пешехода и даже всадника, но подобные случаи вообще редки. Я, по крайней мере, разделяю со многими другими наблюдателями мнение, что американский серый медведь вовсе не так страшен, как его описывают. Я вполне убежден, что каждый медведь, который почует человека или увидит его издали, постарается вовремя убежать от него. Он имеет также обыкновение, когда хочет отдохнуть, запутывать свой след, делая обходы назад или в сторону, и улечься так, чтобы иметь возможность издали увидеть или почуять приближение своего преследователя»*.

Серый медведь питается растительной пищей, охотно ест ягоды, орехи, коренья, но убивает также и животных; кроме того, он, говорят, с особым искусством ловит рыбу. На Аляске, где он водится в большом количестве по берегам рек и по пустынным равнинам, по болотам и горам, постоянно встречаются протоптанные медведями тропинки; направление и протяжение этих тропинок так искусно выбрано, что стоит по ним идти, если вы хотите найти ближайший путь между двумя точками на местности. «На крутых скалистых откосах западной береговой полосы пролива Кука, — пишет Эллиот, — можно иногда видеть целые группы в 20—30 штук этих неуклюжих животных, отыскивающих

* *Американский бурый медведь легко привыкает к присутствию человека и при отсутствии беспокойства со стороны последнего прущается вовсе не обращать на него внимания. Однако огромные хищники во многих национальных парках еще в конце XIX в. стали привлекательным для туристов аттракционом. Приученные не бояться людей и знающие, что рядом с человеком всегда можно найти корм, медведи становятся потенциально опасны. Сверх того, многие посетители парков подкармливают медведей (в нарушение паркового режима) и могут невольно спровоцировать нападение, что несколько раз случалось.*

* Белый медведь по своим размерам является, по-видимому, самым крупным современным наземным хищником, уступая только отдельным экземплярам кодыякского гризли. Длина тела составляет 2—2,5 м, взрослые самки весят 150—300 кг, самцы — до 800 кг. По сравнению с бурым белый медведь относительно мелко- и узкоголовый. Упомянутые Бремом мореплаватели были не так уж далеки от истины: как теперь известно, белый медведь находится с бурым в большем родстве, чем какой-либо другой вид семейства.

там ягоды и коренья. Но их мех невысоко ценится, потому что он груб, неровен и редок. Из-за их свирепости за ними мало охотятся, исключая туземцев, которые выказывают им большое уважение и имеют обыкновение перед тем, как убить медведя, обращаться к нему с похвальной речью. Так как коренные жители боятся ходить по местам, где еще действуют вулканические силы, то окрестности кратеров, горячие источники, угасшие вулканы представляют для диких зверей, в особенности для медведей, самые безопасные убежища, так как они вполне уверены, что люди не станут их там беспокоить».

В молодости гризли приручается легко и, подобно нашему обыкновенному медведю, бывает, хоть на короткое время, кротким и веселым животным. Мех медвежонка, несмотря на длину и густоту, так нежен и красив, что придает маленькому животному весьма нарядный вид. Паллизер, который привез одного гризли в Европу, не мог нахвалиться своим пленником. Он ел, пил и играл с матросами, увеселял всех пассажиров, так что капитан корабля говорил впоследствии Паллизеру, что он был бы весьма рад иметь по медвежонку для каждого рейса. Этот же медвежонк удивительно привязался к маленькой антилопе, которую везли на том же корабле, и при случае защищал ее самым рыцарским образом. Когда антилопу спустили с корабля и повели по улице, на нее набросился огромный бульдог и запустил в нее зубы, не обращая внимания на крики и удары сопровождавших ее людей. К счастью, той же дорогой шел Паллизер со своим медвежонком, который, увидев опасность, грозившую антилопе, вырвался из рук хозяина, мгновенно схватил врага своего друга за горло и так искусал и истребал его, что тот с жалобным воем бежал с поля битвы.

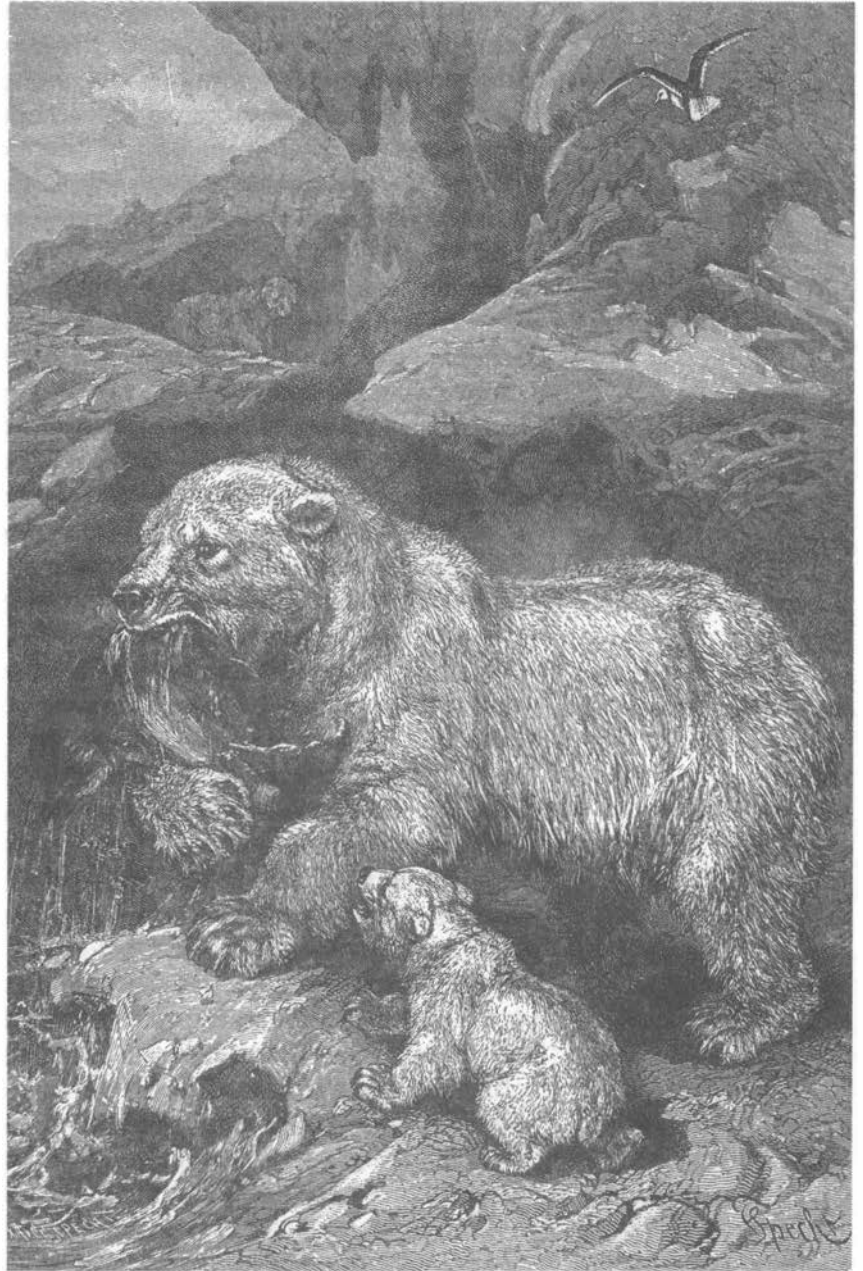
Образ жизни и поведение гризли в неволе мало чем отличаются от нравов нашего медведя.

Польза от убитого гризли та же, что и от бурого: мех его, по словам Ломера, в зависимости от величины и красоты ценится до 250 марок.

Белый, или полярный, медведь (*Ursus maritimus*)*. Первые мореплаватели, которые о нем рассказывали, думали, что это разновидность обыкновенных медведей, мех которых на холодном Севере принял свойственную этим странам белоснежную окраску; это заблуждение продолжалось недолго, потому что очень скоро были замечены существенные различия между бурым и белым медведями. Белый отличается от рассмотренных выше видов более вытянутым телом, длинной шеей и короткими, толстыми и сильными лапами, ступни которых гораздо длиннее и шире, чем у других медведей, а пальцы почти на половину своей длины соединены толстой плавательной перепонкой. Он гораздо больше всех других медведей, так как при высоте 1,3—1,4 м достигает 2,5—2,8 м в длину и 600 кг веса, а

при ожирении и 800 кг. Росс взвесил одного медведя, который, потеряв 12 кг крови, все-таки весил 513 кг, а Лайон указывает на одного медведя весом 725 кг. Из 17 медведей, убитых в Беринговом проливе и в окружающих его местностях во время путешествия Пехуель-Леше, пять достигали вышеупомянутого наибольшего веса; жир одного большого медведя может весить до 180 кг.

Туловище белого медведя гораздо неуклюжее, но вместе с тем более вытянуто, шея значительно тоньше и длиннее, чем у обыкновенного медведя; голова удлинённая, сверху плоская и относительно узкая, задняя часть головы очень удлинена, лоб плоский, широкая морда спереди заостряется, уши короткие и наверху закруглены, ноздри широко раскрыты, отверстие пасти не так глубоко прорезано, как у бурого медведя. Пальцы на лапах заканчиваются средней величины толстыми и кривыми когтями; хвост очень короткий, толстый и тупой, едва виден из-под шерсти. Длинный, косматый и густой мех состоит из короткого подшерстка и гладких глянцевитых и довольно мягких волос, которые короче на голове, шее и спине и длиннее на задней части, брюхе, лапах и на нижних частях ступни. На губах и над глазами находится несколько щетинок, на веках нет ресниц. За исключением темного кольца вокруг глаз, голого носа, краев губ и когтей, белый медведь покрыт белоснежной одеждой, которая у молодых серебристого цвета, а у старых из-за употребления жирной пищи

Белый медведь
(*Ursus maritimus*)

** Долгое время считали, что белый медведь — бродяга, не привязанный ни к какому конкретному месту. Однако, хотя эти звери способны в поисках добычи проходить огромные расстояния, в том числе проплывая проливы между островами и ледяными полями, их популяции в целом сохраняют более или менее постоянное положение в пространстве.*

приобретает желтый оттенок. Время года не влияет на цвет шерсти.

Белый медведь живет на Крайнем Севере земного шара, в настоящем ледяном поясе, и встречается только там, где вода большую часть года или совсем, или, по крайней мере, часто покрыта льдом. Предел области его распространения на Севере до сих пор еще не исследован; но как бы далеко ни проникал человек в этих негостеприимных местах, везде находил он белого медведя, который прекрасно освоился в этих безжизненных местностях, в то время как на юге, ниже 55 градуса северной широты, он попадает весьма редко. Он не принадлежит какому-нибудь одному из трех северных материков, но всем северным странам вообще. Белый медведь рыщет там по морю и по суше, не страшась никаких других существ и относясь равнодушно к леденящему холоду и страшным метелям и бурям; его не останавливает ни ледяная поверхность, покрывающая море, ни бурные волны Ледовитого океана, а в случае нужды снег служит ему покровом, защитой и берлогой. На восточном берегу Америки, близ Баффинова и Гудзонова заливов, в Гренландии и на Лабрадоре, на Шпицбергене и других островах можно видеть его на суше так же, как и на льдинах. В Азии Новая Земля — главное его местопребывание; но также и в Сибири и даже на берегах Европы и Азии можно его найти, впрочем, только тогда, когда его пригонит сюда на льдине. Так появляется он в Лапландии и Исландии. В Америке его находят чаще всего там, где у человека нет возможности его преследовать. По рассказам эскимосов, его главных врагов, он появляется на суше только в редких случаях по ту сторону реки Маккензи, следовательно, он распространен больше на востоке, чем на западе. В более южные страны попадает против своей воли, если его занесут туда большие льдины. Часто видели белых медведей, плывущих на льдине далеко от берега, по морю, уже очистившемуся ото льда. Вообще они возвращаются летом на север к остающимся ледяным массам, на которых в основном живут полярные животные. Часто соединяются в стаи, в двенадцать и более голов. Скоресби утверждает, что однажды встретил у берегов Гренландии около ста белых медведей, из которых двадцать легко были убиты.

Движения белого медведя неуклюжи, но зато эти животные в высшей степени выносливы. Это видно по их плаванию, которым белый медведь овладел в совершенстве. Быстрота, с которой он движется в воде по целым часам равномерно и без погружения в воду, по словам Скоресби, равняется 4—5 километрам в час. Огромная масса его жира, если только он хорошо питается, оказывает ему большую услугу, так как она уравнивает вес его тела с весом воды. Поэтому он в продолжение одного дня проплывает необозримые водные пространства, и часто можно видеть его в открытом море далеко отплывшим и от льдин и от берега*. Он умеет нырять так же искусно, как и плавает на по-

верхности воды. Замечательно, что он вытаскивал из моря лососей, и уже даже поэтому нельзя не удивляться его способностям. Даже на суше он не так беспомощен и неловок, как это кажется с первого взгляда. Его обыкновенная походка медленна и осмотрительна, когда же он пускается в неуклюжую на вид рысь или галоп, то двигается по неровным льдинам или земле с поражающей быстротой и умеет при этом с большой осторожностью выбирать наиболее удобную дорогу. Его внешние чувства очень тонки, особенно зрение и обоняние. Когда он странствует по большим льдинам, то взбирается, по словам Скоресби, на высокие ледяные скалы и оттуда далеко замечает свою добычу. Мертвого кита или кусок сала, поджаренный на огне, он чует на очень большом расстоянии.

Пища белого медведя состоит из мяса почти всех тех животных, которые водятся в море и на бедных жизнью берегах его родины. Страшная сила, которой он превосходит всех других медведей, и упомянутая выше ловкость движений в воде позволяют ему легко добывать себе пропитание. Тюлени всех видов составляют главный предмет его охоты, и он достаточно хитер и ловок для того, чтобы поймать этих умных и проворных животных*. Если он издали видит лежащего на суше тюленя, то бесшумно погружается в воду, подплывает к нему против ветра, приближается с величайшей осторожностью и внезапно выплывает прямо перед животным, которое становится его добычей. Тюлени в этих холодных странах стараются лежать ближе к отверстиям и расщелинам льдин, которые дают им возможность спастись в море. Эти отверстия медведь, плавающий под льдинами, находит с необыкновенным искусством, и тогда вдруг страшная голова опасного врага появляется перед беспомощным тюленем, так сказать, в его собственном доме или в единственном убежище, которое могло бы его спасти. Рыбами белый медведь тоже умеет поживиться, причем он ловит их или ныряя, или загоняя в расщелины между льдинами. На наземных животных он нападает только тогда, когда ему не хватает пищи. Северные олени, песцы и птицы также не гарантированы от его нападений. Осборн видел медведицу, которая переворачивала каменные глыбы, чтобы достать своим детенышам спрятавшихся в норы пеструшек, а Броун, так же как и Кюкенталь, заметили, что медведь поедает в большом количестве яйца гагары. Он добирается даже до недоступных гнезд морских птиц, чтобы во время прилива собирать дань яйцами и птенцами, причем обнаруживает большое искусство в лазании. Падаль ест он так же охотно, как и свежее мясо, но никогда не дотронется до трупа другого белого медведя. В морях, которые часто посещают охотники на тюленей и китоловы, белый медведь с удовольствием поедает лишние шкуры и жира тела тюленей и китов. Но он не питается исключительно мясной пищей и, где только можно, ест и растения, особенно ягоды и мох, как хорошо известно

Семейство медвежьи

** Белый медведь, по-видимому, единственный вид семейства, питающийся почти исключительно животной пищей.*

Семейство медвежьи

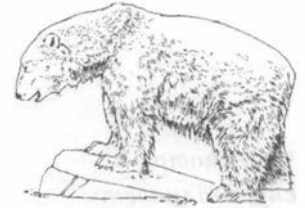

** Беременность у белого медведя длится 195—265 дней. Детеныши рождаются в ноябре—январе, в марте—апреле покидают родильную берлогу. С матерью детеныши остаются около двух лет. Каждая самка участвует в размножении раз в 2—4 года.*

тем, кому часто приходилось встречаться с белым медведем. Многие старые медведи летом или в тех местностях, где много растительного корма, предпочитают питаться растительной пищей, что вполне доказывается содержимым их желудка.

Вполне вероятно, что большинство белых медведей не подвержено зимней спячке. Эти хищники не боятся даже сильных морозов, главное для них, чтобы море, около которого они живут, не было затянута льдом. Некоторые наблюдатели говорят, что старые самцы и молодые небеременные самки совсем не спят зимой, а постоянно переходят с места на место. Верно и то, что они, за исключением беременных самок, всю зиму охотятся. Вообще зимой эти животные живут на море, большей частью на краях льдин. Беременные медведицы выходят зимой на сушу, и детеныши у них рождаются в самое холодное время года. Вскоре после спаривания, которое происходит, говорят, в июле, медведица устраивает себе берлогу под скалами или под нависшими глыбами льда или же роет себе нору в снегу и целиком зарывается в него. При изобилии выпадающего там снега ей не приходится долго ждать, пока ее жилище покроется толстым и теплым покровом. Задолго до того как залечь в берлогу, она успевает нагулять себе достаточно жира, который и расходует всю зиму, потому что оставляет свою берлогу только тогда, когда весеннее солнце уже довольно высоко всходит на небе. К этому времени детеныши уже родились. Известно, что беременность продолжается от шести до семи месяцев, а число детенышей колеблется между одним и тремя, чаще всего их бывает два; более точные наблюдения, впрочем, пока не проводились*. По рассказам северных народов, новорожденные медвежата не больше, если не меньше, кроликов, но к концу марта или началу апреля они достигают уже роста маленького пуделя. Гораздо раньше, чем детеныши бурого медведя, начинают сопровождать свою мать. Она заботится о них самым нежным образом, кормит и защищает. Мать делит с ними все опасности даже тогда, когда они совсем вырастут; в самом раннем возрасте обучаются они всем искусствам: плавать и гоняться за рыбами. Эти маленькие симпатичные существа очень быстро привыкают плавать и нырять, но не забывают и о своих удобствах и отдыхают — например, даже тогда, когда станут довольно большими, — на спине своей матери.

Мореплаватели и китоловы рассказывали трогательные истории о самоотверженной материнской любви медведиц. «За медведицей, — рассказывает Скоресби, — у которой было двое детенышей, гнались несколько вооруженных матросов. Сначала, казалось, она хотела побудить детей к скорому бегу тем, что, забегая вперед, беспрестанно оглядывалась и старалась всеми своими движениями и особенным встревоженным тоном голоса сообщить об опасности; когда же она увидела, что ее враги близко, то погна-

ла детей перед собой, толкая их изо всех сил, пока не спаслась вместе с ними». Другая медведица, поднятая людьми и собаками Кана, таскала своего медвежонка, прижав его головой к груди и держа зубами. Время от времени она поворачивалась и отгоняла от себя преследующих ее собак. Когда она была убита, медвежонок влез на ее труп и отбивался от собак, пока выстрел в голову не уложил его на месте, и только тогда он свалился вниз. Исследования новейшего времени подтверждают эти наблюдения; но что касается дикого нрава и свирепости белого медведя, которые прежде считались его отличительными свойствами, то здесь мнения несколько изменились.

Приводят массу примеров несчастных случаев с людьми и того, что многие китоловы платят жизнью за безумную смелость во время охоты на белых медведей. «Если медведя встречают на воде, — говорит Скоресби, — то можно на него с успехом напасть; когда же он находится на берегу или на снежном или гладком льду, по которому он на своих широких лапах может бегать так же быстро, как и человек, исход редко бывает счастливым. Впрочем, большая часть несчастных случаев — следствие неосторожности нападающих. Печальный факт случился с матросом одного корабля, затертого льдом в Девисовом проливе. Вероятно, привлеченный запахом съестных припасов, отважный медведь подошел совсем близко к кораблю. Экипаж был занят обедом, и даже вахтенные матросы ушли с палубы. Один смелый матрос случайно заметил медведя, вооружился дубиной и спрыгнул на лед, думая прославиться победой над незванным гостем. Но медведь мало обратил внимания на жалкое его оружие и, побуждаемый голодом, схватил своими страшными зубами врага за спину и понес его с такой быстротой, что успел далеко отбежать с матросом, раньше, чем товарищи несчастного бросились к нему на помощь». В другой раз один моряк, который хотел напасть на медведя с пикой, но под конец испугался, спасся от наступавшего животного тем, что по очереди бросил ему пику, перчатку и шапку, рассматривание которых так заняло медведя, что моряк тем временем успел догнать своих товарищей.

Подобные рассказы о действительных несчастьях или более-менее серьезных приключениях попадают часто в описания старых путешествий и очень редко в новых. Чтобы объяснить хоть в какой-то мере это бросающееся в глаза противоречие, можно предположить, что опасность встреч с белым медведем была весьма преувеличена или что свирепый нрав медведей значительно изменился вследствие более близкого знакомства с людьми. Во всяком случае, неверно представление о его свирепости, составленное из чересчур поспешных обобщений отдельных, часто не вполне ясно описанных несчастных случаев, при этом, как правило, не принимаются во внимание и другие стороны его характера. По мнению всех тех, кто в последние десятилетия наблюдал и

** Несмотря на справедливость этого замечания, белый медведь представляет для находящихся вблизи него людей не меньшую опасность, чем бурый. Особенно опасен он стал там, где его прикармливают намеренно или просто оставляя в досягаемости пищевые отбросы, в результате чего зверь привык связывать образ человека с едой.*

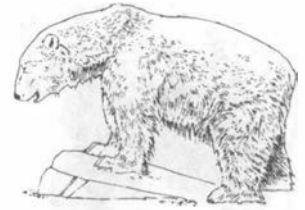
охотился за ним, белый медведь вовсе не так опасен. Ламон, который на яхте принимал участие в охотничьих экспедициях на Крайний Север, пишет по этому поводу следующее: «Я считаю белого медведя самым сильным хищником на Земле; но, подобно всем остальным диким животным, он, за редкими исключениями, сам не нападает на человека, если только может от него уйти, и мне кажется, что рассказы о его свирепости и отважности, сообщенные нам прежними мореплавателями, основываются на грубом преувеличении, если не на вымысле»*.

Точно так же ведет себя этот зверь на далеком северо-западе, южнее и севернее Берингова пролива. Эллиот, один из немногих, кто достиг острова Святого Матфея и встречал сотни медведей, замечает по этому поводу: «В продолжение девятидневного исследования острова не было ни одного мгновения, чтобы мы не видели вокруг нас белых медведей. Оттого ли, что они были сыты, или потому, что летняя погода настраивала их так кротко, но мы не могли возбудить к враждебному нападению ни одного из этих животных. Они постоянно от нас бежали: самки, самцы, детеныши — все они, если только мы шли им навстречу, удирали по всем направлениям за холмы и как можно дальше. Убив с полдюжины их, мы оставили их в покое, потому что они были в периоде линьки и шкура их не имела никакой цены». Пехуель-Леше таким образом высказал свое окончательное мнение относительно нравов белых медведей на севере Тихого океана: «Где живут тюлени и моржи, там неизбежно есть и белые медведи. Нам доставляло всегда большое удовольствие следить за передвижениями этих хищников, как они среди неровностей ледяной поверхности показываются то тут, то там, то переплывают воду, то поднимаются на высоту, чтобы осмотреться, всегда рассчитывая, что простодушный тюлень позволит подкрасться к себе. Их находят вблизи берегов, а также и в открытом море на расстоянии древнего пути от берега, большей частью на льдинах. Неумоимо обходят они свое беспредельное царство, питаясь всем, что могут достать и осилить, и не одним только мясом, но на земле также ягодами и травой. Насытившись, они забавляются разными играми и борются друг с другом на льду. На местах, где они играют, снег вытопан и смят, а склоны гор, кажется, служат им катками: широкие следы и клочки шерсти указывают, кто здесь возился.

Полярный медведь по своей громадной силе, величине и многосторонности хищнических способностей по праву может быть назван царем Ледовитого океана. Он обладает необыкновенной остротой чувств и при нападениях проявляет поразительную хитрость, но при близком знакомстве, как и все дикие звери, оказывается вовсе не таким страшным. С ним случилось то же, что с его сородичем — бурым медведем: рассказы о единичных страшных случаях набросили тень на весь вид. Он защищает свою шкуру, когда это действительно необходимо, но, если только можно, убе-

гает от человека и, даже раздраженный и раненный, редко нападает на него. Но если его принуждают напасть, он действительно становится серьезным противником, в борьбе с которым только хладнокровие и надежное оружие помогут избежать опасности. Охота на воде, когда в лодке подъезжают к быстро плывущему и отлично ныряющему медведю, — это простая резня. Подстреленного медведя надо сейчас же поддержать, потому что нежирные медведи поразительно быстро погружаются в воду. Я бы не хотел назвать белого медведя трусливым, он скорее осмотрителен и пуглив; вместе с тем он до глупости любопытен. Среди них может иногда появиться свирепый экземпляр, настоящий забияка или медведь, истерзанный собаками, который может иногда пересилить свой страх перед человеком и броситься на него; но большинство ужасных историй основываются на неверном понимании некоторых случаев. Медведи любопытны и большие лакомки; что-нибудь съестное побуждает их к исследованию. Тогда приближаются они к человеку, иногда даже поспешно подбегают прямо к нему. Кто не был охотником и не знает нрава медведя, может подумать, что он нападает; тот, кто бросается бежать, может и медведя побудить к преследованию; но серьезных опасностей на сто случаев едва бывает одна».

Животные с такими странными, забавными нравами не могут быть названы страшилищами Ледовитого океана и хищниками, опасными для человека; но я отнюдь не смею утверждать, что встречи и охота с печальным исходом никогда не случались и не случаются. Всегда, однако, можно сказать, что медведи ведут себя относительно добродушно — одним словом, по-медвежьи. Так, астроном Второй немецкой полярной экспедиции Берген двадцать лет назад убедился, к ужасу своему, что голодный медведь может кинуться на человека. Когда он шел к своим инструментам, медведь неожиданно схватил и поволок его. «Без четверти девять, — так описывает Берген свое приключение, — я вышел, чтобы наблюдать покрытие звезды планетой, которое должно было начаться почти в 9 часов, и заодно провести метеорологические наблюдения. Только я собрался идти назад, как пришел на льдину капитан Кольдовой. Мы поговорили несколько минут, после чего я пошел на землю, а он в каюту. Когда на обратном пути из обсерватории я дошел до термометра, то в пятидесяти шагах от корабля услышал какой-то шум и увидел идущего ко мне медведя; не было времени пустить в дело ружье, без которого мы никогда не выходили. Нападение было так внезапно и так быстро, что я до сих пор не могу сказать, как оно произошло: медведь или ударил меня лапами, или с разбегу наскочил на меня; оставшийся след (ушиб и шрам на левом ухе) заставляет предположить, что он меня ударил. Первое, что я почувствовал, было прикосновение зубов к коже моей головы, покрытой тонкой шапочкой, причем медведь старался, как он обыкновенно это делает с

тюленями, взломать мой череп, на котором его зубы только скрипя скользили. Крики о помощи, поднятые мной, испугали медведя только на минуту, он убежал, но сейчас же возвратился и начал опять кусать мою голову. Крики мои были, однако, услышаны капитаном, который еще не успел исполнить своего намерения пойти спать; он поднялся на палубу, удостоверился в том, что это действительно крики о помощи, поднял на ноги весь экипаж и поспешил на льдину, чтобы помочь в беде товарищу. Медведя испугал поднявшийся шум, и он собрался бежать, чтобы унести в безопасное место свою жертву, которую он все еще держал за голову и которая бессильными толчками в медвежий бок старалась заставить выпустить ее. После выстрела, произведенного с намерением испугать медведя, зверь отпустил меня, отскочил шага на два, но потом снова схватил сначала за руку, затем за кисть правой руки, на которой была надета меховая перчатка. К счастью, эта заминка дала возможность преследователям сократить расстояние между нами и приблизиться к медведю. Зверь направился к суше, и ему удалось бы убежать со своей добычей, если бы он сумел взобраться на берег; но, подойдя к краю льдины, медведь двинулся параллельно берегу по острым, неровным, разбитым льдинам; при этом ему пришлось перейти на шаг, а преследователи в это время приближались к нему по гладкому полю. Протащив меня около трехсот шагов и чуть не задушив шалью, концы которой он крепко держал, медведь отпустил меня, и в ту же минуту Кольдовой наклонился надо мной со словами: «Слава Богу, он еще жив». В нескольких шагах стоял медведь, по-видимому раздумывая, что ему делать, пока пуля не показала ему, что давно пора было убираться. О преследовании никто не думал, так как прежде всего надо было доставить пострадавшего на берег; больше всего ран оказалось на голове, где кроме бесчисленных маленьких укусов кожу прорезали длинные, десять—пятнадцать сантиметров, шрамы, и при этом довольно глубокие. Остальные раны, которые были большей частью следствием ударов об острые края льдин, пока медведь тащил меня по неровной поверхности, были незначительны. Следует упомянуть, что я не чувствовал боли ни во время схватки, ни после, ни во время лечения моих ран, которое благодаря хорошему уходу и постоянному прикладыванию льда шло очень успешно».

За белым медведем охотятся ради его мяса, жира и меха всюду, где его встретят. Против него употребляют огнестрельное оружие, копыя и капканы; некоторые охотники, по словам Земана, прибегают к следующей хитрости. Они сгибают китовый ус шириной 10 сантиметров и длиной 60, обкладывают его тюленьим жиром и обжаривают; потом отыскивают медведя, раздражают его стрелами, бросают ему кусок жира и убегают. Медведь обнюхивает приманку, решает, что она съедобна, проглатывает, но тут его настигает смерть, потому что жир в теплом желудке

тает, китовый ус выпрямляется и разрывает ему кишки. Но сомнительно, чтобы недоверчивые звери проглатывали целиком подобные подозрительные куски жира. Правда, они едят, когда их не тревожат, самые разные и удивительные вещи и имеют весьма неприятную привычку отыскивать и присваивать запасы, которые северные путешественники прячут в известных местах в этих ледяных пустынях, чтобы потом ими воспользоваться. Лучшей защитой от их нападений оказывается песок: сначала им засыпают кладовые, затем его обливают водой; она замерзает, и запасы, таким образом, покрываются толстым слоем льда. Деревянные избы медведи разрушают, каменные кучи разбрасывают, бочки, сундуки взламывают и уничтожают все, что плохо лежит и что только они могут проглотить. Кан рассказывает, что эти грабители кроме мяса и морских сухарей сожрали кофе, паруса и американский флаг и только с железным сундуком не смогли справиться. По словам Тобизена, медведи опустошили две бочки с соленой рыбой, оставленные в зимнем помещении. У одного белого медведя, которого убили охотники Мак-Клурса во время его экспедиции для спасения Франклина, желудок был наполнен изюмом, ветчиной, табаком и пластырями; угощение это он мог получить только при разграблении какого-нибудь амбара путешественников на далеком Севере. У немецких полярных путешественников белые медведи утащили астрономические приборы и железные крючки, съели у них, когда они путешествовали на санях, сахар, стеариновые свечи, разжевали каучуковые флажки, пакеты с табаком и вытянули пробку из водочной бутылки; важный дневник они, к счастью, успели только схватить зубами в тот момент, когда шум был услышан и их прогнали.

Мясо и сало белого медведя охотно употребляются в пищу жителями Крайнего Севера. Даже европейцы-китоловы едят его мясо, очистив от жира, и находят его вкусным; но они же утверждают, что от употребления этого мяса люди часто хворают. Печенка белого медведя, говорят, очень вредна и многими считается ядовитой*. «Если матросы, — говорит Скоресби, — по неосторожности поедят печенки белого медведя, то почти всегда сейчас же заболевают и иногда даже умирают; на некоторых же она оказывает такое действие, что у них на всем теле трескается кожа». Кан также подтверждает это. Он велел приготовить себе печенку только что убитого белого медведя, хотя и слышал, что она ядовита; едва он попробовал ее, как серьезно заболел. По словам Пехуель-Леше, вскоре после употребления этой ядовитой печенки у человека начинаются сильные колики, рвота и понос; но не всякая печенка и не всякого человека приводит к болезням. От одного и того же куска один человек может просто насытиться, не испытав никаких дурных последствий, в то время как другой, едва попробовав ее, может серьезно заболеть. Поэтому следует посоветовать европейцам не есть печенку белого медведя. У матро-

** Печень да и мясо медведя настолько жирны, что употребление их в большом количестве не может не сказаться отрицательно на работе печени. Даже при использовании в пищу мяса бурого медведя случаются сильные кишечные расстройства. Надо полагать, что к белому медведю, для которого характерно постоянное наличие большого количества жира, это относится в еще большей степени.*

** В 70-х гг. XX в. цена за шкуру белого медведя составляла от 600 до 3000 долларов США. В результате охота значительно уменьшила популяцию этого зверя, который теперь находится под охраной и включен в различные Красные книги.*

сов существует поверье, что от употребления мяса белого медведя, хотя оно и не вредно, люди рано седеют. Эскимосы придерживаются такого же мнения и тоже знают, что печенка вредна, поэтому кормят ею только своих собак. Сало употребляется ими и как топливо.

Мех этого животного превосходит по своей цене мех остальных медведей. По словам Ломера, за шкуру платят 200—500 марок, в зависимости от ее величины и красоты. В продажу поступает ежегодно от 1000 до 1200 шкур, которые употребляются на полости и ковры, а не на шубы*.

Охота на медведя, которую едва ли можно назвать опасной и особенно интересной, тем не менее представляет некоторые трудности для неопытных охотников, так как осторожный зверь постоянно отступает перед человеком, если не прямо бежит от него. Спутники Норденшельда сначала тщетно охотились на белого медведя, мясо и жир которого были необходимы для их выживания. Они без опаски подходили к медведям, но результатом этого было только то, что осмотрительные животные быстро убегали. Наученные горьким опытом, они придумали другой способ охоты. «Как только показывался медведь и у нас было свободное время, — рассказывает Норденшельд, — все люди получали приказ спрятаться за палаткой или за санями. Вот приходит медведь, он сгорает от любопытства и хочет узнать, что за существа появились в его охотничьей области, не тюлени ли двигаются там? Он подбегает и, когда приблизится настолько, что может рассмотреть незнакомые предметы, получает ловко пущенную пулю».

Расставленные ловушки белый медведь умеет умно и удачно избегать. «Капитан одного китоловного судна, — рассказывает Скоресби, — которому очень хотелось достать медведя, не повредив его шкуры, попробовал поймать его в петлю, покрыв ее снегом, и в виде приманки положил кусок китового сала. Медведь скоро почуял запах жареного жира, увидел приманку, подошел, схватил ее зубами, но заметил, что нога его попала в лежащую петлю. Тогда он бросил мясо, осторожно другой лапой освободился от петли и медленно ушел со своей добычей. Съев спокойно первый кусок, он так же осторожно оттолкнул в сторону подозрительную веревку и во второй раз стащил приманку. Тогда петлю положили поглубже, а приманку — в углубление в самой середине петли. Медведь снова подошел, обнюхал все место кругом, разгреб лапами снег, в третий раз отодвинул петлю и, не раздумывая, еще раз завладел предложенным угощением».

Даже молодые медведи проявляют подобную осмотрительность и всеми возможными средствами стараются не попасться в ловушки, применяемые человеком.

Пойманные в ранней юности, белые медвежата делаются ручными и до известной степени дрессируются. Они позволяют своему хозяину посещать их в клетке, даже играют с ним, но не-

воля им не нравится. Что касается пищи, то здесь проблем не возникает. Молодым дают молоко и хлеб, взрослым — мясо, рыбу, а также хлеб, которого они съедают в день около трех килограммов. К старости медведи становятся раздражительными и вспыльчивыми. При хорошем уходе белого медведя можно держать в неволе несколько лет; известен пример, когда пойманный в молодости и воспитанный в средней Европе белый медведь прожил в неволе 22 года. В клетке он размножается реже, чем бурый медведь, и только тогда, когда ему создают необходимые удобства. В продолжение двадцати лет белые медведи Лондонского зоологического сада приносили детенышей три раза*.

Медведь-губач (*Melursus ursinus*)** заметно отличается и наружностью, и образом жизни от всех настоящих медведей, поэтому его выделяют в особый род. Отличительные признаки его: короткое, толстое туловище, низкие лапы, довольно большие ступни, вооруженные огромными серповидными когтями, вытянутая вперед тупая морда с большими губами, которые могут сильно вытягиваться, и длинная мохнатая шерсть, которая на затылке образует гриву и низко спускается по сторонам. Все эти признаки придают ему такую своеобразную внешность, что он по праву считается представителем самостоятельного рода. Насколько своеобразно это животное, видно из того, что сначала оно было описано под названием «медведеобразный ленивец», а в одном сочинении названо даже «безымянным животным». В Европе губач известен с конца прошлого столетия; в начале этого столетия его привезли сюда живым. Тут, разумеется, увидели, что это настоящий большой медведь, и, таким образом, он получил надлежащее место в систематике животных.

Длина тела губача достигает 1,8 м, причем на хвост приходится лишь 10 или 12 см; высота в холке 85 см; весит он около 145 кг. Это животное трудно не узнать. Низкая, широкая, с плоским лбом голова переходит в длинную, узкую и хоботообразную морду, имеющую на редкость своеобразный вид. Носовой хрящ расширяется в плоский подвижный пяточок, на конце которого находятся две ноздри, расположенные поперек и разделенные узкой перегородкой. Наружная оболочка ноздрей очень подвижна, а длинные вытягивающиеся вперед губы могут совершать разнообразных движений. Даже в состоянии покоя вытягиваются они гораздо дальше челюстей, при случае же могут так удлиняться, двигаться, складываться вместе, загибаться, что образуют трубку, которая в случае необходимости играет роль хобота. Длинный, узкий, плоский язык помогает манипулировать этой трубкой, и, таким образом, животное может не только схватывать различные предметы, но даже прямо их всасывать. Уши этого медведя тупо срезанные, прямостоящие и маленькие, вроде свиных, маленькие глазки расположены косо. Но вообще морда почти не видна, потому что хотя она и покрыта короткими волосами, но

* Известно несколько случаев, когда белые медведи жили в неволе более 30 лет. В зоопарке Детройта одна самка прожила более 38 лет, причем последнего медвежонка родила почти в 37-летнем возрасте.

** Медведь-губач населяет леса запада Индостана. Это средних размеров медведь длиной тела 140—180 см и весом до 150 кг. Его выделяют в особый род из-за видоизмененных губ и зубной системы, что связано с питанием термитами.

**Семейство
медвежьи**

закрывается длинными взъерошенными волосами, спускающимися с темени. Этот волосяной покров скрывает хвост и переходит на некоторых частях туловища, особенно на шее и на затылке, в густую курчавую растрепанную гриву. В середине спины образуются, как правило, два очень больших торчащих вихра из спутанных волос, так что кажется, будто губач имеет горб. Вследствие этого вся передняя часть тела медведя выглядит весьма непривлекательно, особенно если прибавить к этому неуклюжее, тяжелое туловище и короткие толстые лапы. Даже ступни его совсем особенные; а необыкновенно длинные, острые, крючковатые когти делают это животное действительно похожим на ленивца. Цвет жестких волос глянцеви́то-черный; морда кажется серой или грязно-белой; подковообразное пятно на груди тоже белое. Кроме того, пальцы имеют тоже очень светлую окраску. Когти обычно имеют цвет белого рога, но нижняя часть ступни черная. Молодые губачи отличаются от старых более короткой гривой на голове и плечах и вследствие этого сильнее выступающими, относительно большими ушами; кроме того, у молодых морда обычно над глазами желто-бурая, а подкова на груди желтовато-белая.

Медведь-губач
(*Melursus ursinus*)

лодых морда обычно над глазами желто-бурая, а подкова на груди желтовато-белая.

Родина губача — весь Индостан, почти от отрогов Гималаев до южной оконечности полуострова, и Цейлон; на западе ареал его распространения ограничен Индом; встречается ли он на вос-

токе дальше Бенгалии — еще не выяснено. Он любит холмистые местности и джунгли, и, хотя на него там регулярно охотятся, он все-таки до сих пор один из наиболее часто встречающихся крупных зверей Индии, который, однако, в некоторых местах уже совсем истреблен*. На Цейлоне он скрывается, как говорит Теннент, в самых густых лесах холмистых местностей северного и юго-западного побережий, а на больших высотах его можно увидеть так же редко, как и в сырых низменностях. В области Каретчи во время продолжительной засухи он был так обыкновенен, что женщинам пришлось отказаться от купания в реках, так как медведи появлялись перед ними не только на земле, но и в воде, впрочем, часто против воли, потому что, утоляя свою жажду, они сваливались в поток и вследствие своей неловкости не умели из него вылезти. В продолжение самых жарких часов дня губачи лежат в естественных или в вырытых ими пещерах, обычно между обломками скал в холмистых местностях и в ущельях, иногда же просто на траве под густым кустарником. Несмотря на густую темную шубу, они не так чувствительны к жаре, как о них говорят, потому что замечали медведей спящими под прямыми лучами полуденного солнца. В большинстве случаев губач проводит жаркие часы дня, особенно в период дождей, когда его беспокоят паразиты, в прохладном убежище и появляется только ночью; впрочем, их можно видеть и в утренние, и в вечерние часы**. Чаще всего они живут поодиночке или парами, а иногда самец ходит вместе с медведицей, у которой есть детеныши. Его внешние чувства, кроме обоняния, мало развиты; он видит и слышит так плохо, что нетрудно к нему подкрасться совсем близко. На наблюдателя он производит неизгладимое впечатление. «Благодаря длинной, косматой, жесткой шерсти, — пишет Блэнфорд, — и коротким передним ногам он — самое удивительное создание среди всех медведей, и его движения так же комичны, как и его внешний вид. Обычно он передвигается довольно быстрым шагом, когда же переходит на бег, то пускается в такой неуклюжий беспомощный галоп, что если он, спасая свою жизнь, бежит от охотника по прямому направлению, то создается впечатление, как будто его сзади подгоняют, а он кувыркается. Притом он лазает очень хорошо по скалам и нередко, когда испуган или подстрелен, скатывается с них свернувшись в клубок, как это делают другие медведи».

Губач питается в основном растениями и мелкими беспозвоночными животными, но, по словам Тиккеля, уничтожает при случае яйца птиц и птенцов. Наблюдатели сходятся во мнении, что он не нападает на больших животных, чтобы утолить голод, и только Сандерсон и Макмастер заметили один раз, что медведь потрошил маленького подстреленного оленя, а в другой раз — убитого тигром быка. Медвежата, воспитанные в неволе, охотно едят сырое и вареное мясо. Различные корни и всевозможные

** Численность медведя-губача в Индии и на Шри-Ланке составляет приблизительно 10 000 особей.*

*** Хотя основная активность губача приходится на ночные часы, он может быть активен в любое время суток.*

** Основную пищу губача составляют общественные насекомые, в первую очередь термиты, к добычанию которых и приспособлены его конечности и рот. Однако он поедает и других насекомых, мед, яйца птиц, не брезгает падалью, поедает и разнообразную растительную пищу.*

плоды, так же как любимые ими мясистые цветы дерева муа (*Bassia lotifolia*), гнезда диких пчел, соты и мед, который они тоже очень любят, гусеницы, улитки, муравьи — все это составляет главную пищу губача. Длинные загнутые когти оказывают ему хорошую услугу при отыскивании и разрывании скрытых корней или разорении муравейников*. Даже крепкие постройки термитов он разрушает и производит страшные опустошения среди молодого поколения этих насекомых. Тут ему очень помогает способность с большой силой втягивать и выдувать воздух. «Когда он стоит на термитнике, — говорит Тиккель, — то скребет передними лапами до тех пор, пока не отроет середину. При этом он сильно выдувает пыль и землю и втягивает в свою пасть обитателей постройки таким могучим и громким вдохом, что его слышно на двести метров вокруг. Точно так же всасывает он жирных личинок, довольно глубоко сидящих в земле». Чтобы достать плоды и насекомых, он лазает на деревья и ловко умеет двигаться между ветками, но в общем он довольно тяжеловесный акробат. Сандерсон рассказывает также, что губач в некоторых областях с удовольствием влезает на финиковые пальмы и выцеживает из сосудов, висящих на них, пальмовый сок. Медведи карабкаются вверх по стволу дерева, поднимаясь на высоту 8—9 метров, где висят сосуды с соком, нагибают их лапами и выпивают содержимое. Им бы с удовольствием пожертвовали несколько литров этого напитка, если бы только они при своей неуклюжести не разбивали множества сосудов. Потерпевшие убыток люди единогласно утверждают, что эти похитители сока никогда не дают себе труда слезть вниз, а просто падают на землю, причем при этом часто бывают весьма навеселе.

Нижеследующие сообщения Теннента об образе жизни губача в новейшее время подтверждаются. «Один из моих друзей, — говорит Теннент, — шел лесом близ Яффеи и, услышав недовольное ворчание, заметил медведя, который, сидя на ветке, одной лапой совал в рот соты диких пчел, другой в то же время отгонял от своих губ и глазных впадин сильно рассерженных насекомых. Жители Бинтены, главное богатство которых составляют ульи, живут в постоянном страхе перед медведями-губачами, потому что те ничего не боятся и безжалостно опрокидывают ветхие жилища пасечников. Засеянным полям они тоже приносят значительный вред; на сахарных плантациях особенно нежеланные гости. В некоторых случаях губач бывает опасен и для больших млекопитающих и птиц, нападает даже на стада и на людей».

Не так страшны рассказы Жердона, Стерндаля, Сандерсона, Блэнфорда, Форзита и других, и их мнения кажутся достовернее, так как они тщательнее их проверяли. Официальные известия о людях, погибших от зверей в Индии, сообщают, что с 1878 по 1886 год в общей сложности было растерзано медведями 957 человек,

а 13 049 этих животных было убито, причем, конечно, виды медведей не обозначены. Сандерсон пишет: «Губачи не безопасны для невооруженных людей. Дровосеки и те, кому в силу необходимости часто случается бывать в лесу и джунглях, иногда становятся жертвами этих животных. Как и все дикие звери, они опаснее всего, когда встреча происходит неожиданно, потому что тогда они нападают от страха. При таких встречах, по всей вероятности, меньше несчастных случаев происходит при встрече человека с тиграми и пантерами, нежели с медведями, потому что первые обнаруживают большее присутствие духа и не так быстро теряют самообладание. Нападение испуганного медведя далеко не всегда свидетельствует о его агрессивных намерениях, потому что медведи, если их не трогать, настроены миролюбиво и, даже раненные и загнанные, не часто обнаруживают желание вступить в битву». Блэнфорд также называет губача трусливым, но способным защищаться и прибавляет, что чаще всего нападают самки, которые думают, что человек угрожает жизни их детенышей. По его словам, неудачно подстреленный медведь поспешно убегает, не думая о защите или мести. Очень распространенное мнение, что нападающий медведь становится на задние лапы, считается неосновательным, так же как и другое, что он обнимает противника и старается его задушить. Испуганный медведь поднимается иногда на задние лапы, но просто чтобы лучше рассмотреть противника, потом опять опускается вниз. Кто загораживает ему дорогу, того он по необходимости опрокидывает и ударяет лапой; в борьбе старается подмять противника под себя и может несколько раз сильно его укусить*.

Зимой губачи не залегают в спячку. Время случки приходится обычно на июнь, иногда, кажется, растягивается на несколько месяцев; продолжительность беременности наверняка не определена, но считается около семи месяцев. Детеныши рождаются в период с октября по февраль, большей частью в декабре и январе; обыкновенно их двое, изредка, по словам Сандерсона, трое. Макмастер говорит, что они открывают глаза только через 18 дней. Через два-три месяца они уже следуют за матерью, и новейшие исследования несомненно подтверждают, что она носит их на спине. Этот род передвижения сохраняется даже тогда, когда детеныши уже достаточно подросли и не умещаются вдвоем на спине матери: они попеременно сидят на спине или бегут рядом. Эллиот рассказывает, как одна преследуемая медведица пронесла своих детенышей три мили, пока не была убита. По Сандерсону, в высшей степени интересно наблюдать, как удобно сидящие на спине матери медвежата соскакивают там, где находится корм, а при первой опасности поспешно стараются снова взобраться на свое сиденье.

Охотятся на губача различными способами: выслеживают его, когда он, идя по утрам по росистой траве и низкому кустар-

** По современным сведениям, губачи не агрессивны и спокойны переносят присутствие человека. Однако губач обладает слабым зрением и слухом и в результате иногда подпускает человека слишком близко, а затем пугается. В этой ситуации он может напасть, чтобы открыть себе путь к бегству, или просто случайно ударить человека лапой. Скорее всего, случаи, описанные как нападение губача на человека, происходили именно в таких ситуациях.*

Семейство медвежьи

* Во времена Брема этот зверь был известен как тибетский горный медведь. При внешнем сходстве с медведем анатомия гигантской панды столь необычна, что панду помещали то в семейство енотов, то в семейство медведей, то в свое особое семейство. И вопрос этот пока не решен. Возможно, гигантская панда — живое ископаемое, родственник вымерших родичей медведей — агриотериев.

нику, оставляет за собой ясный след; иногда прячутся около логовища и поджидают его возвращения с ночных странствований; наконец, окружают то пространство джунглей, где предполагают или наверное знают, что здесь есть медведь, устраивают настоящую облаву и подстреливают его, когда он выбежит из своего убежища. Некоторые охотники, чтобы придать большую привлекательность охоте, держат особые своры собак, которые бросаются на медведя и держат, пока охотник убивает его кинжалом. Слоны в такой охоте почти никогда не принимают участия, потому что они большей частью обнаруживают поразительный страх перед медведем; даже те, кто смело ожидают нападения тигра, готовы бежать сломя голову при виде этого черного зверя.

В неволе часто наблюдали губачей как в Индии, так и в Европе. На его родине скоморохи и поводыри эксплуатируют ученых медведей, которые, как и наши мишки, проделывают разные фокусы. Люди водят его так же, как и наши поводыри медведей, и зарабатывают себе этим на скудное пропитание. В Европе, особенно в Англии, губачи живут довольно долгое время, иногда даже до 19 лет; в Индии он может прожить до 40 лет в неволе. Его кормят молоком, хлебом, овощами и мясом, причем заметили, что он предпочитает овощи и хлеб всякой другой пище.

Я часто видел губачей в зверинцах и зоологических садах. Пленники лежат обычно как собаки, на брюхе, и по целым часам занимаются облизыванием своих лап. Ко всему, что происходит вне их клетки, они кажутся глубоко равнодушными. Большой частью мне попадались звери добродушные, но очень тупоумные. Когда им дают пищу, они вытягивают губы трубкой и хватают корм почти так же, как это делают жвачные животные.

Убитый губач не имеет особой цены. Из всех рассказов о нем не видно, что делают с добычей; Форзит считает, что шкура его не стоит выделки, а мясо несъедобно. Невал сообщает только, что в его время сало употреблялось английскими дамами для роста волос. Индусы употребляют сало как лекарство против ревматизма.

Большая, или гигантская, панда (*Ailuropoda melanoleuca*)*. Панда меньше нашего бурого медведя и от морды до конца хвоста имеет длину 1,5 м. Ее широкие, закругленные, волосатые в нижней части ступни коротки и при ходьбе не полностью опираются на землю, как у больших медведей. Голова с короткой мордой немного шире, чем у остальных хищников; хвост очень короткий и едва виден. Из 40 зубов наверху расположено по четыре ложнокоренных и по два настоящих коренных, а внизу — по три ложнокоренных и по три настоящих коренных зуба. Панда покрыта густым мехом белого цвета, и лишь в отдельных местах — у глазных впадин, около ушей, на передних конечностях до загравки, на задних ногах и на кончике хвоста — он переходит в черный.

О жизни гигантской панды на свободе почти ничего не известно. Она обитает в недоступных горных лесах восточного Тибета, откуда время от времени предпринимает опустошительные набеги в долины, чтобы добыть пищу, состоящую из бамбуковых кореньев и других растений*.

Одним из представителей медведей в Азии может считаться гималайский, или белогрудый, медведь (*Ursus tibetanus*)**. Туловище его относительно тонкое, голова оканчивается острокопечной мордой, лоб образует с носом почти прямую линию; уши круглые и большие, ноги средней длины, ступни короткие, пальцы снабжены короткими, но крепкими когтями. Цвет и качество меха подвержены значительным изменениям. Кювье, который первым описал открытое Дювоселем животное, сообщает, что мех этого медведя гладкий, за исключением мохнатой гривы на шее, и равномерно черный, исключая белую полосу на губе, белый воротник на груди и рыжеватые полосы по обеим сторонам морды. Белая полоса на груди имеет очертания, похожие на Y; она образует по обеим сторонам ключиц по косой полосе, в середине же опускается вниз, на грудь, в виде мыса или полоски. Вагнер видел однажды в зверинце живого медведя, у которого морда была бурого цвета. Этот зверь при высоте в холке 80 см достигает в длину 1,7—1,8 м, его масса до 120 кг.

Весьма возможно, что медведь, называемый японцами «кума» — полулунно-пятнистый, должен быть выделен из живущих на материке в отдельный вид; но до сих пор мы не имеем еще достаточно наблюдений, чтобы можно было безошибочно решить этот вопрос. Пойманные в Японии медведи, которых я видел, довольно значительно отличались от своих родичей, привезенных с материка. Но это различие не более заметно, чем между некоторыми разновидностями нашего обыкновенного медведя, о разнородности или однородности которых мнения тоже разделяются. Этот вид очень распространен. Вскоре после открытия Дювоселя Валлих нашел подобного же медведя в Непале; Зибольд тоже сообщает в своем сочинении о фауне Японии, что кума часто встречается не только в Китае и Японии, но и в горных странах Азиатского материка и на южноазиатских островах; Радде встретил его в юго-восточной Сибири. Южная область его распространения охватывает, по словам Блэнфорда, не только Тибет, но и лесные пространства всего Гималайского хребта и горы до 4000 метров в высоту, горную страну Ассам и к западу часть Афганистана и Белуджистана до границы с Персией; водится он, может быть, также в Бенгалии и распространяется к юго-востоку до Пегу, где, по свидетельству Теобальда, он встречается довольно редко.

О жизни и нравах кумы сообщают нам Адамс, Кинлох, Радде и другие. На севере Индии и в Кашмирской долине кума живет преимущественно на опушках лесов и близ полей и виноград-

* Основная пища гигантской панды — побеги бамбука. Одна панда съедает за день до 12,5 кг бамбука, включая побеги до 1,3 см толщиной. Кроме бамбука этот зверь ест другие растения, в основном различные луковичные, изредка ловит рыбу и пищу.

** Гималайский медведь населяет горные районы Азии от Ирана и Афганистана до Индокитая, Японии и Приморья.

Семейство медвежьи

** Медведь хорошо и часто лазает по деревьям, однако большую часть времени он проводит на земле. Часто, сидя на развилке толстой ветки, медведь объедает листья. А чтобы ветки не мешали и за ними не надо было тянуться, зверь загребает их лапами и подминает под себя, придавливая седалищем. Так и возникают «беседки». На Дальнем Востоке устраивают зимовальные берлоги в дуплах больших деревьев. Такое расположение берлоги предохраняет спящего медведя от нападения тигра.*

*** На юге ареала медведи нападают и на крупных копытных и способны убить взрослого домашнего буйвола. Есть сведения о нападении и на людей.*

ников, в юго-восточной Сибири, напротив, в самых густых лесах. Она отлично лазает и с большой легкостью взбирается на верхушки высочайших деревьев. Тунгусы даже уверяли Радде, что она вообще почти никогда не спускается на землю и что летом при помощи согнутых и сплетенных веток устраивает себе на деревьях что-то вроде беседок, зимой же спит сидя в дуплах деревьев. Радде несколько раз видел эти беседки, но некоторые туземцы уверяли его, что медведи строят их для забавы, а не для жилища*.

На Гималаях подобная любовь к постройкам, кажется, вовсе не известна, но Адамс согласен с Радде в том, что кума лазает лучше всех животных этого семейства, потому что она влезает на высочайшие деревья, когда созревают орехи или тутовые ягоды. Кроме того, она весьма нежелательный посетитель маисовых полей и виноградников и часто производит в них такие опустошения, что землевладельцы принуждены сооружать сторожки, сидя в которых они громкими криками стараются напугать приближающихся медведей. Тунгусы рассказывали Радде, что кума труслива и неопасна, потому что у нее пасть неглубокая и она может только кусать, но не рвать добычу, как бурый медведь. Адамс, однако, слышал совершенно противоположное и уверяет, что жители горных стран Индии не без основания очень боятся кумы. Кинлох подтверждает эти сведения собственными наблюдениями в Гималаях и видит в этом животном опасного противника, который погубил уже многих европейцев и еще больше — туземцев. Однако нужно допустить, что только раненные или поставленные в затруднительное положение животные этого вида решаются на нападение; то же может случиться, если нечаянно нарушить их покой. Блэнфорд, напротив, считает куму самым кровожадным из индийских медведей, который не только нападает на мелкую дичь и оленей, но и, кроме того, убивает быков, лошадей и ест даже падаль; но все же преимущественно кума питается растениями, особенно кореньями и плодами, из которых, кажется, предпочитает желуди; говорят также, что она очень любит мед**. Относительно зимней спячки сведения довольно разноречивы; можно, однако, допустить, что кума погружается в зимнюю спячку не так регулярно, как это делает наш обыкновенный медведь.

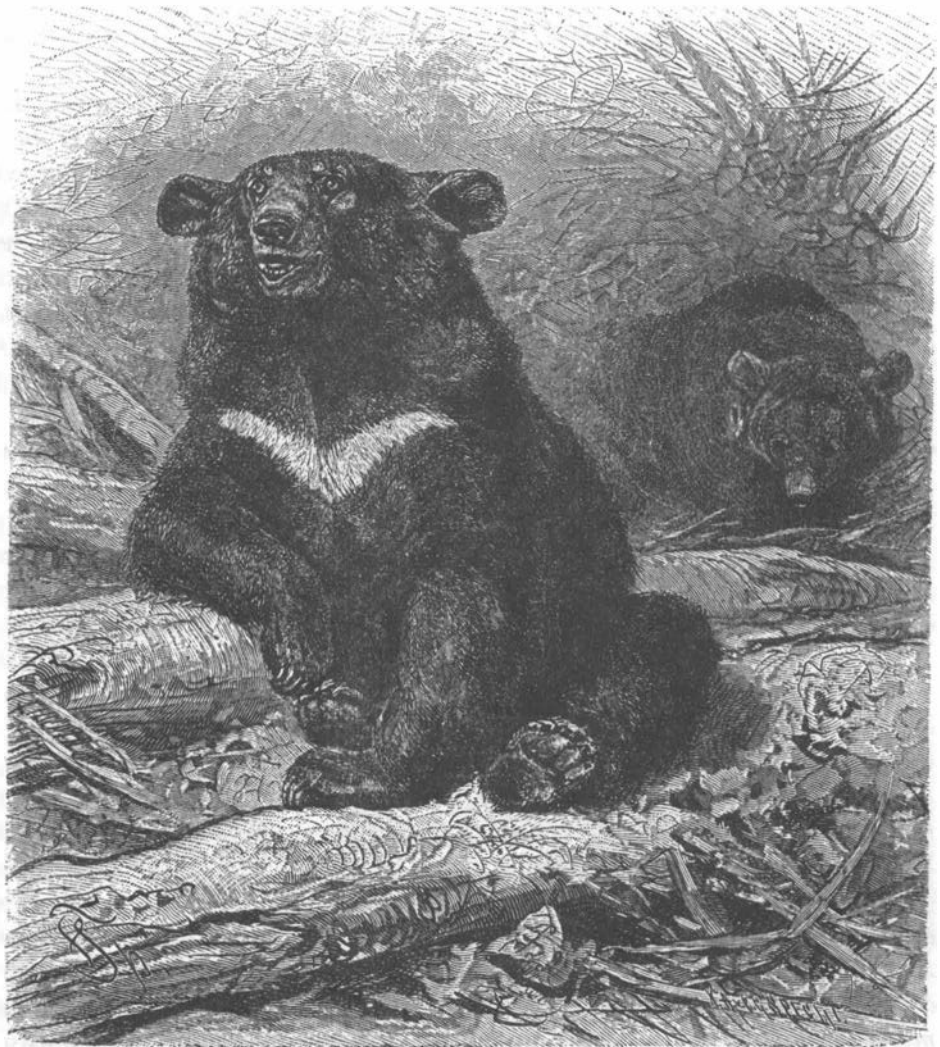
Во время своих ночных походов за добычей кума всегда бежит от человека. Как только почует его (а в этом отношении кума очень чутка), она останавливается, обнюхивает воздух, обнаруживает сильное волнение, делает несколько шагов против ветра, поднимается на задние ноги и, убедившись в грозящей ей опасности, поворачивает назад, убегая со скоростью, которая показалась бы невероятной тому, кто видел куму только в клетке. Если во время спуска с крутизны она вдруг чего-нибудь испугается, то мгновенно свертывается клубком и скатывается с обрыва вниз, иногда преодолевая расстояние до трехсот метров, чему, как уверяет Адамс, он

сам был свидетелем. Детеныши кумы, которых всегда бывает по два, рождаются весной и остаются в течение всего лета (а в Индии еще дольше) при матери. Мясо ее как у японцев, так и у тунгусов считается более вкусным, чем мясо бурого медведя.

По сообщениям Шейбе, у айносов, в северной Японии, это животное пользуется большим почетом, если, впрочем, предположить, что живущий там медведь принадлежит к этому виду.

«Айны, — говорит Шейбе, — вполне основательно высоко ценят этого медведя. Он для них самое драгоценное животное: снабжает их пищей на долгое время, доставляет им одежду, наконец, желчь его высоко ценится благодаря ее целебным свойствам. С другой стороны, ни один зверь не может причинить им столько вреда, как этот медведь, когда он, все разрушая по дороге и убивая домашний скот, врывается в их жилища. Поэтому неудивительно, что айны стараются умиловить медведя, величают его божеством и, убив его, считают своим долгом принести и скупительную жертву. Она состоит в том, что череп уби-

того медведя они насаживают на так называемый «забор идол», который находится перед каждой хижинкой с восточной стороны. У этого «забора» поклоняются всем идолам, исключая бога огня и домового, которым приносят жертвы в самой хижине на определенном месте; с этого момента череп медведя становится священным предметом. По этому же поводу учреждено у айнов празднество, называемое «Иомантэ». Это и есть то искупление,

Белогрудый
(гималайский)
медведь
(*Ursus tibetanus*)

которое айны вместе с выкармливанием молодого медведя приносят всему медвежьему роду за убитого сородича». Шейбе описывает подробно, как ухаживают за этим избранным медвежонком, как его убивают с соблюдением определенных торжественных обрядов, причем много поют и пляшут, еще больше пьют и даже плачут, как сдирают шкуру, пьют его теплую кровь и съедают печень и мозг в сыром виде. Празднество оканчивается насаждением черепа на «забор идолов».

Во всех больших зоологических садах Европы можно найти куму, которая по своему нраву, свойствам и привычкам больше всего похожа на барибала.

От прочих видов этого семейства значительно отличается **малайский медведь**, или **бируанг** (*Helarctos malayanus*)*. Это животное с довольно длинным, но нескладным туловищем, толстой головой, широкой мордой, маленькими ушами, очень маленькими подслеповатыми глазками, несоразмерно большими лапами, длинными крепкими когтями и коротким мехом. Длина его достигает 1,4 м, высота у загривка 70 см. Короткий, но густой блестящий мех черного цвета, за исключением чало-желтых сторон морды и одного подковообразного или круглого пятна на груди, тоже желтого или рыжего цвета.

Бируанг водится на Борнео, Яве, Суматре и на Малаккском полуострове и распространяется к северу через Тенассерим до Бирмы и через Аракан до Читтагонга. Его жизнь на свободе мало изучена. Во всяком случае, он лазает, может быть, искуснее всех своих сородичей и, кажется, столько же времени проводит на деревьях, как и на земле; питается он преимущественно растительными веществами и насекомыми, хотя, говорят, ест также млекопитающих и птиц**. По словам Марседена, он причиняет иногда большой вред кокосовым плантациям на Суматре, взлезает на кокосовые пальмы и съедает нежные побеги, но Розенберг в своем описании этого животного о подобных проделках бируанга не упоминает. Он пишет о нем следующее: «Бируанг проводит день в расщелинах скал и дуплах деревьев, иногда же делает себе на низких деревьях плоское гнездо из крестообразно расположенных прутьев. Бывали случаи, когда он, если его вынуждали, нападал на людей и убивал их». Вообще, на материке его не считают опасным, хотя он, как говорят, нападает иногда на людей. Стерндаль полагает, что на подобные нападения отваживаются только застигнутые врасплох матери, которые думают, что их детенышам грозит опасность. Ряд случаев, которые приводит Мазон как доказательство того, что малайский медведь опасен, по словам Блэнфорда, не подтвердились: злодеяния эти были совершены не малайским медведем, а кумой.

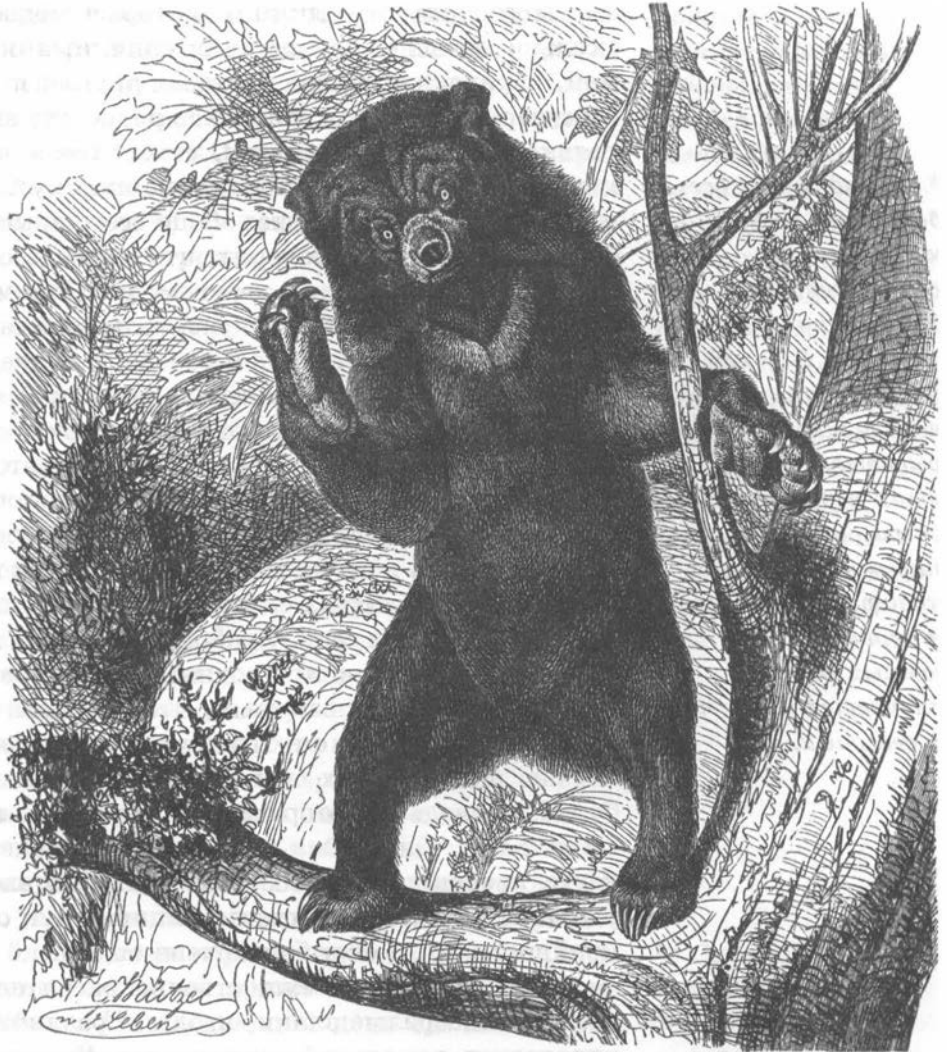
Говорят, что на родине бируанга нередко держат в неволе как забавного и доброго зверя, позволяют даже детям играть с ним и разрешают зверю свободно бегать по двору без присмотра.

* Малайский медведь самый мелкий из собственно медведей: длина тела менее 1,5 м, вес 25—65 кг. Распространен в лесах Юго-Восточной Азии от южного Китая до Зондских островов.

** Основная пища малайского медведя — различные плоды, а также пчелиные личинки и мед. Пчелиные соты он добывает взламывая дупла огромными когтями передних лап. Кроме того, бируанг ест мелких млекопитающих и птиц размером с курицу.

Сердце, а в особенности желчь этого медведя высоко ценятся как лекарство; по словам Бока, китайские купцы дорого за них платят. На острове Борнео даяки из его меха шьют себе шапки.

Наиболее известным американским медведем следует считать **барибала**, или **черного медведя** (*Ursus americanus*). Это очень распространенное и относительно добродушное животное; по крайней мере, он гораздо безобиднее бурого медведя. Самая большая длина его — 2 м при высоте в плечах 1 м. От обыкновенного медведя он отличается преимущественно тем, что голова его уже, морда острее и постепенно суживается от лба к носу; ступни очень короткие; но главное его отличие заключается в качестве и цвете меха, состоящего из длинных, жестких, гладких волос, которые только на лбу и морде становятся короче. Блестящий черный цвет меха только по бокам морды переходит в тускло-желтый; такого же цвета пятна встречаются часто под глазами. Реже встречаются барибалы с белыми краями губ и белыми полосами на груди и темени.

Медвежата бывают светло-серого цвета и только ко второму году облакаются в темную одежду родителей, но мех еще долго остается коротким и отрастает довольно медленно.

Барибал водится по всей Северной Америке. Встречается в лесистых местностях от восточного побережья до границ Калифорнии и от дальнего севера до Мексики. В лесах находит он все необходимое для жизни; однако он меняет свое местожительство

*Малайский медведь,
или бируанг
(Helarctos malayanus)*

** По-видимому, все барибалы погружаются на зиму в спячку, которая длится, начиная с октября, 74—126 дней. Спячка, впрочем, регулярно прерывается; во время этих перерывов сна звери выходят наружу. Это происходит, как правило, в оттепели и в южных районах случается чаще, чем в северных.*

в зависимости от тех удобств, какие предоставляют ему известные местности в различные времена года. Так, весной он отыскивает пищу в богатых растительностью долинах больших рек и озер, а летом удаляется в глубину лесов, где находит в изобилии всевозможные лесные плоды; зимой он роет себе в местах, по возможности скрытых от глаз, удобную берлогу, в которую залегает на время или погружается в настоящую зимнюю спячку. Относительно зимней спячки существуют разные мнения. Одни натуралисты говорят, что лишь некоторые медведи удаляются на несколько недель в берлогу для спячки, а остальные бродят и зимой, переходя с одного места на другое, и даже переключиваются из северных стран в южные; другие думают, что это случается только в более теплые зимы, между тем как в суровые все черные медведи погружаются в зимнюю спячку*. Достоверно известно, что за барибалом охотятся чаще всего зимой и поднимают его из берлоги. Ричардсон говорит, что медведь обыкновенно выбирает место рядом с упавшим деревом, роет прямо около него углубление, в которое и ложится, едва только начинается метель; выпавший снег покрывает тогда и дерево, и медведя; но место логовища нетрудно обнаружить по небольшому отверстию, образовавшемуся от дыхания животного, и по большому количеству инея, окружающего это отверстие. Барибал даже летом устилает свое ложе сухими листьями и травой. Но это ложе очень трудно отыскать, так как оно устраивается в большинстве случаев в самых глухих лесных чащах, в расщелинах скал, низких пещерах или под деревьями, ветки которых спускаются до земли.

Несмотря на свой глупый, тяжелый и неуклюжий вид, барибал — чуткое, подвижное, сильное, ловкое и выносливое животное. Бег его такой быстрый, что ни один человек не может догнать его. Плавает он отлично и лазает мастерски. Во всяком случае, в движениях своих он показывает больше ловкости, чем бурый медведь, с которым он совершенно сходен всеми прочими свойствами. Он весьма редко нападает на человека, по большей части поспешно бежит при виде своего злейшего врага и, даже раненный, почти никогда не защищается; однако, доведенный до крайности, он может быть очень опасен.

Пища его преимущественно растительная: травы, листья, зрелые и незрелые злаки, ягоды и различные плоды. Однако он преследует домашний скот переселенцев и осмеливается нападать даже на самых сильных быков. Фермерам он приносит двойный вред, уничтожая посевы и нападая на скот, поэтому к нему относятся точно так же, как к бурому, — преследуют без устали и истребляют всевозможными средствами, как только он осмелится показаться вблизи человеческого жилья.

О размножении барибала американские натуралисты еще не имеют, кажется, точных сведений. Ричардсон полагает, что беременность самки барибала продолжается примерно 15—16 не-

дель, а Одюбон, судя по всему, списал у него это сведение: оба считают январь временем рождения детенышей. Число медвежат колеблется, по Ричардсону, между одним и пятью, а Одюбон ограничивает его двумя*.

Охота на черного медведя производится различными способами. Многих ловят большими капканами, но большая часть погибает от огнестрельного оружия. Хорошие собаки оказывают большие услуги в этих случаях: они пугают медведя сильным лаем или загоняют на дерево и дают охотнику возможность спокойно прицелиться в него и уложить на месте. Одюбон весьма живо описывает подобную охоту, во время которой было убито несколько медведей, но погибло и несколько собак и даже были ранены некоторые охотники. Одни собаки не могут справиться с медведем: даже самые сильные из них нередко умирают от ударов его страшных лап**. Во многих местах с успехом применяют самопалы, которые стреляют, лишь только медведь дотронется до приманки. По рекам и озерам гонятся иногда за медведями, когда они добровольно переплывают их или загнаны туда собаками.

Очень оригинальны некоторые способы охоты индейцев, но еще оригинальнее торжественные обряды, которыми они стараются умилостивить дух умершего медведя, очень напоминающие религиозное поклонение. Александр Генри, который путешествовал по Северной Америке в областях, где охота на пушного зверя играет важную роль, рассказывает, как вели себя его хозяева по отношению к только что убитому ими медведю: «Тотчас после его смерти к нему подошли все индейцы, а во главе их «старуха мать», как мы ее звали. Она взяла голову зверя в свои руки, гладила и целовала ее и тысячу раз просила у медведя прощения за то, что его лишили жизни, и уверяла его, что преступление совершено не индейцем, а англичанином. Эта история, впрочем, не долго длилась. Скоро принялись за сдирание шкуры и дележ мяса. Каждый член семьи нагрузил себя какой-нибудь частью убитого зверя: кожей, мясом, жиром, и потом все общество направилось к жилищу. Войдя в дом, они украсили голову медведя серебряными браслетами и всеми блестящими украшениями, какие нашлись в семье. Потом положили голову на помост и под нос насыпали большое количество табака. На следующий день сделаны были все приготовления к пиру. Хижину почистили и вымели, голову медведя приподняли и покрыли платком, не бывшим еще в употреблении. Набили трубки, и индеец принялся усердно пускать табачный дым в ноздри медведя. Он упросил меня, как виновника его смерти, сделать то же, чтобы наверняка укротить его гнев. Я старался убедить моего доброго и ласкового хозяина, что в медведе ведь уже не было жизни, но слова мои были напрасны. Под конец мой хозяин произнес хвалебную речь, обращенную к убитому зверю, после которой все принялись есть мясо медведя».

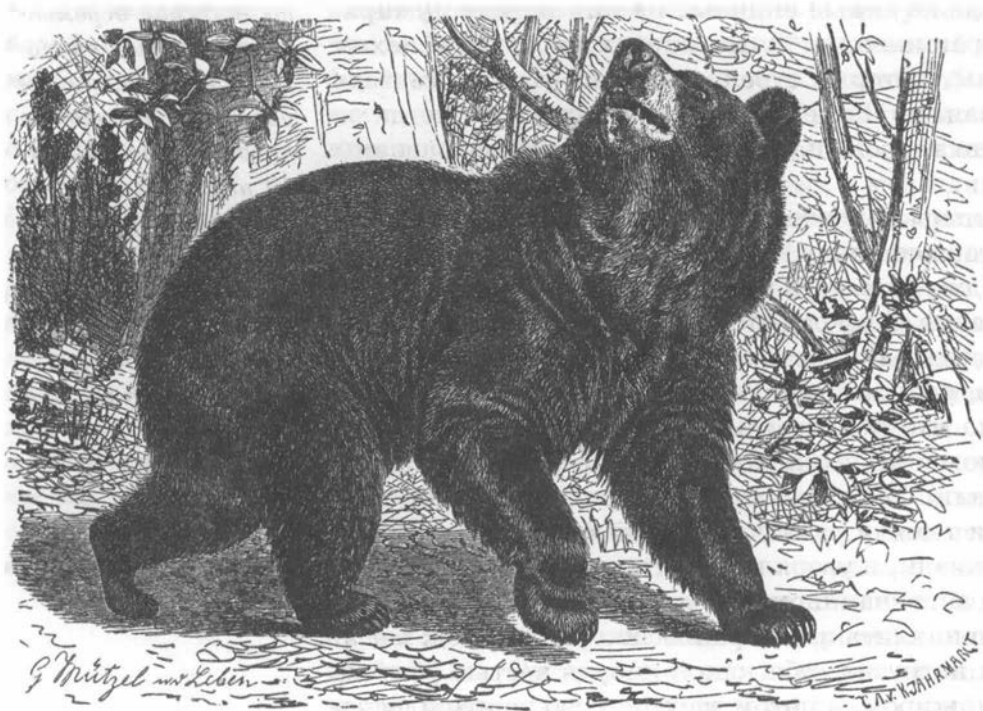
** Барибалы спариваются в первой половине лета. Однако оплодотворенные яйцеклетки как бы консервируются и начинают развиваться только осенью. В результате видимая беременность длится около 220 дней, реально же развитие эмбрионов продолжается всего 10 недель. Детеныши рождаются в январе—феврале, числом от 1 до 5 (обычно 2—3). Самка барибала участвует в размножении раз в 3—4 года.*

*** Основной враг барибала в природе — гризли, который довольно часто убивает и даже ест черных медведей. Спасаясь от гризли, барибал обычно забираться на дерево — это его обычная оборонительная реакция.*

Барибалы, которых я наблюдал, отличались от всех родичей незлобивостью и добродушием. Никогда не злоупотребляют они своей силой против сторожей; напротив того, вполне признают превосходство человека над собой и легко подчиняются его воле. Во всяком случае, они не только гораздо больше боятся сторожа, чем он их, но и еще питают непонятный страх ко всем прочим животным: когда мимо клетки жившего у меня барибала провели однажды небольшого слона, медведь так испугался, что поспешно вскарабкался на свое дерево, как бы надеясь найти там защиту.

Барибалы лазают по деревьям с необыкновенной легкостью и проворством. Испуганные чем-нибудь, они одним прыжком мет-

ра в два высоты вспрыгивают на первый сук гладкого дубового ствола и потом с величайшей быстротой и уверенностью достигают его верхушки. Одна старая медведица перепрыгнула даже через голову сторожа, который хотел загнать ее в другую клетку, и в одно мгновение очутилась на дереве. Целые семьи размещаются иногда по сучьям деревьев в различных, по-

**Барибал, или черный
медведь**
(*Ursus americanus*)

видимому, весьма неудобных позах. Некоторые даже спят на развилках деревьев. Голос барибала напоминает голос бурого медведя, но слабее и жалобнее. Рева в собственном смысле этого слова я от черного медведя никогда не слышал. Возбужденное состояние выражается у него, как и у европейского его родича, сопением и щелканьем челюстей. В гневе он пригибает голову к земле, выдвигает вперед губы, фыркает и нерешительно озирается по сторонам.

Мех барибала, по словам Ломера, ценится от 60 до 250 немецких марок. Из него-то и шьют шубы, известные у меховщиков под названием медвежьих. Мех этот идет также на дорогие санные полости.

СЕМЕЙСТВО ЕНОТОВЫЕ (Procyonidae)*

Какомицли североамериканский (*Bassariscus astutus*) и **какомицли центральноамериканский** (*B. sumichrasti*)** — животные пальцеходящие, причем короткие когти, которыми снабжены все пять пальцев каждой ноги, могут втягиваться на половину своей длины.

Несмотря на то что какомицли известен больше двух столетий, мы все-таки только в новейшее время получили подробное описание его наружности и образа жизни. Лихтенштейн впервые описал его с научной точки зрения и дал ему название; американские же естествоиспытатели Черльсворт, Клерк, Бэрд и особенно Одюбон собирали наблюдения над его образом жизни и привычками. Взрослый самец достигает в длину около 95 см, из коих две пятых приходится на долю хвоста. По форме тела это животное напоминает небольшую лисицу. «Какомицли, — говорит Бэрд, — кажется помесью лисицы с полоскуном. На первую он походит строением тела и хитрым взглядом, на второго — полосатым хвостом. Туловище его стройнее туловища лисицы, но плотнее туловища ласки; форма его почти такая же, как у норки. Довольно мягкая шерсть его с примесью некоторого количества более длинных твердых волос почти такой же длины, как шерсть лисицы, голова остроконечной формы, голая морда длинная, глаза большие; снаружи голые, внутри покрытые короткими волосами острые уши торчат вверх». Шерсть на спине темного буровато-серого цвета с примесью черных волос; щеки и нижняя часть брюха желтовато-белые или ржаво-красные, глаза того же цвета и окружены темным кольцом; бока светлее. Вдоль шеи и ног идут несколько неясно обозначенных полос; хвост белый с восемью поперечными черными кольцами.

Насколько теперь известно, какомицли живет в Мексике и Техасе, причем в Мексике обитает по расселинам скал и в покинутых строениях, а в Техасе селится в дуплах деревьев. В Мексике его можно часто встретить в самой столице, и Черльсворт даже полагает, что он никогда не устраивает своего логовища далеко от человеческого жилища, так как именно человек, заводя курятники, тем самым облегчает охоту этого хищника за добычей. Клерк указывает, что животное это живет в конюшнях и покинутых строениях, впрочем, говорит, ссылаясь на сведения, полученные от других наблюдателей, так как сам он встречал это животное по расселинам скал и на деревьях. Одюбон наблюдал его, по видимому, только на деревьях, а именно в местностях Техаса, имеющих вид парка, в которых почва поросла травой, но кое-где покрыта густым кустарником, среди которого поодиночке возвышаются старые, более высокие деревья. Многие из этих деревьев имеют дупла, и какомицли предпочитает те из них, дупла кото-

Семейство ЕНОТОВЫЕ

* Семейство енотовые включает 6—7 современных родов и 18—19 видов мелких и среднего размера хищных. Распространены преимущественно в Америке, причем как в тропиках, так и в умеренных широтах, а также в Восточной Азии. Енотовые весьма разнообразны по внешнему облику. Общей чертой можно считать конечности, приспособленные как для ходьбы, так и для лазанья, и длинный гибкий хвост.

** Какомицли — некрупные зверьки, длиной тела 30—40 см. Более мелкий северный какомицли живет преимущественно в скалах, а также в лесных завалах и разрушенных постройках; более крупный южный населяет тропические леса.

Семейство енотовые

** Брем имеет в виду прежде всего северного какомицли. Южный вид считается более древесным и, по-видимому, реже спускается на землю.*

*Североамериканский
какомицли
(Bassariscus astutus)*

*** Какомицли, по-видимому, один из наиболее хорошо лазающих хищников. Подвижность суставов задних лап, которые зверек может буквально «выворачивать» в положение, почти обратное нормально-*

рых сверху защищены от дождя. Здесь он живет поодиночке, стараясь держаться от человека на расстоянии, прячась в густом кустарнике*. Клерк утверждает, что он нигде редко не встречается, но только не часто попадает на глаза по причине ночного образа жизни, который он ведет, из-за чего его редко удается убить, хотя землевладельцы тех стран, озлобленные против этого животного за совершаемые им грабежи, пользуются всевозможными средствами для его уничтожения. Какомицли сильно привязывается к избранному им дереву, редко оставляет свое дупло, пока его силой не выгонят оттуда, и вскоре возвращается обратно, когда минует опасность. По наблюдениям Одюбона, он имеет странную привычку обгладывать кору дерева вокруг входа в свое дупло. Если охотник не видит под деревом щепок или обломков, то он может быть совершенно уверен, что животного уже нет в его прежнем жилище. Дупло внутри выстлано травой и мхом; тут же можно найти и скорлупу орехов, содержимое которых, без

сомнения, было выедено какомицли, хотя главную пищу его составляют различные мелкие млекопитающие, птицы и насекомые.

Какомицли — живое, игривое и веселое существо, своими движениями и ужимками во многом напоминающее белку и вследствие этого получившее у мексиканцев назва-

ние «кошачья белка». Если выгнать его из дупла, он, загибая хвост на спину, принимает совершенно те же грациозные положения, какие свойственны упомянутому грызуну, но не может садиться на задние лапы, как это делает белка. Лазают какомицли превосходно, но не может с такой уверенностью и ловкостью, как белка, перепрыгивать с сучка на сучок, а бежит, если испугать его, как можно дальше по одному сучку и пытается с его веток достигнуть другого, цепляясь за него когтями**. Иногда можно видеть, как он, расположившись на верхней части какого-нибудь сука, греется на солнце. Он лежит в таком случае, наполовину свернувшись, без движения и, по-видимому, спит; при малейшем признаке опасности, однако, он поспешно скрывается в свое дупло и снова появляется только после заката солнца. Одюбон полагает, что на одном и том же дереве живет всегда не больше одного экземпляра, и потому считает его животным необщительным;

остальные наблюдатели, по-видимому, также подтверждают его мнение.

О жизни этого животного в неволе мы имеем весьма скудные сведения; только Одюбон сообщает кое-какие подробности. «Несмотря на пугливость и необщительность какомицли, — говорит он, — его можно сделать довольно ручным, а если продержать некоторое время в клетке, то даже смело можно пустить его свободно бегать по всему дому. Он часто становится любимцем мексиканцев и, охотясь за мышами и крысами, приносит большую пользу. Мы видели ручного какомицли, который бегал на свободе по улицам небольшого мексиканского местечка, и слышали рассказ про другого, который был так миловиден, что даже индейцы приходили любоваться им».

В Европу, насколько мне известно, это животное попало живым только один раз, а именно в 1853 году.

Малая панда (*Ailurus fulgens*)*. От густого и мягкого меха тело ее кажется толще, чем оно есть на самом деле; покрытая длинными волосами голова очень широка и коротка, то же можно сказать и о морде; длинный хвост, покрытый густой и мягкой шерстью, очень пушист; уши малы и круглы, глаза тоже невелики; короткие ноги имеют волосатые ступни, которые только наполовину касаются земли, а короткие пальцы снабжены сильно загнутыми когтями. Всех зубов — 38. По величине панда примерно равняется большому домашнему коту: длина туловища — 50 см, хвоста — 35 и высота в плечах — 25 см. Шерсть густая, мягкая, гладкая и очень длинная, на верхней стороне окрашена в блестящий темно-красный цвет, переходящий на спине в светло-золотисто-желтый, так как здесь волосы имеют желтые кончики. Нижняя часть туловища и ноги, за исключением темно-каштановой полосы с наружной и передней стороны, глянцевиито-черные, волосы на подбородке и щеках белые, а сзади ржаво-желтые, так же как лоб и темя; ржаво-красная полоса пробегает от глаз к углам рта и отделяет белую морду от щек; уши снаружи покрыты темно-красными, внутри длинными белыми волосами; хвост рыжий, с малозаметными более светлыми узкими кольцами.

Родина панды — юго-восточная часть Гималайских гор, где ее находят на высоте 2000—4000 м. К западу от Непала ее не встречали. О жизни на свободе этого красивого зверька мало известно. Панды живут парами или семействами в лесах, лазают по деревьям и ютятся в дуплах и ущельях, но часто спускаются на землю, чтобы отыскивать себе пищу**. Эта последняя, по словам Ходжсона и Блэнфорда, состоит почти исключительно из растений: плодов, корней, травы, желудей, бамбуковых ростков и т. д. При случае панда разоряет гнезда и, по словам Жердона, ест и насекомых. По земле панды двигаются медленно и неловко, зато лазают по деревьям отлично. Они не вполне ночные звери, но днем спят по целым часам, причем лежат свернувшись, окружив

Семейство ЕНОВЫЕ

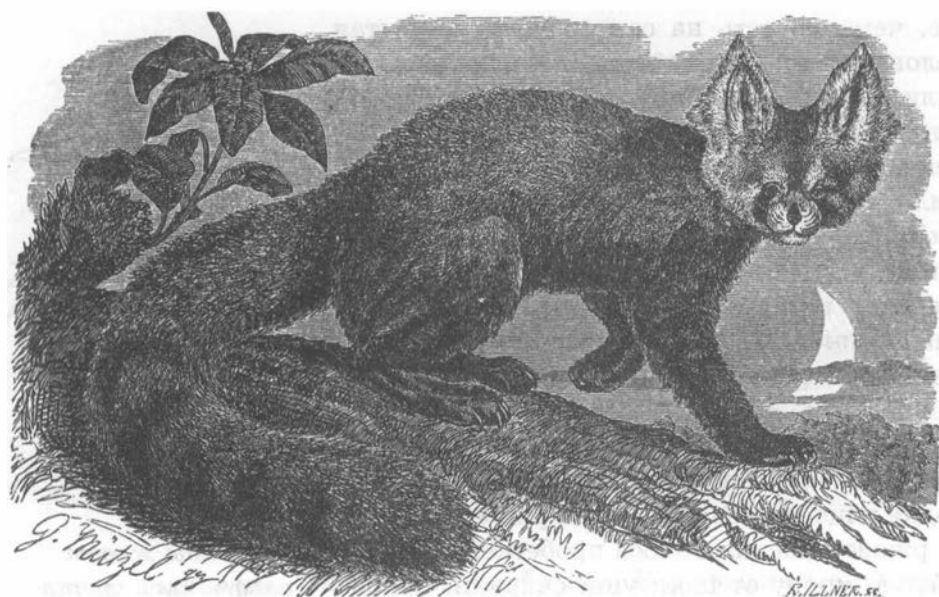
му, позволяет какомицли ловко бегать по стволам и веткам не только вверх, но и вниз. Известен случай, когда в опыте какомицли легко лазал вверх-вниз по шнуру всего полсантиметра толщиной.

** Малая панда еще называется иногда кошачьим медведем. Длина тела 51—64 см, длина хвоста 28—48 см, вес до 6 кг.*

*** Панды живут парами или группами, состоящими из взрослой самки и ее подросткового потомства. Панда ведет ночной образ жизни, днем спит в дупле, свернувшись и накрыв голову хвостом. Хотя зверь хорошо лазает, большую часть пищи (в основном растительной) он собирает на земле.*

Семейство ЕНОВЫЕ

* По данным, полученным в разных зоопарках, беременность малой панды продолжается от 90 до 145 дней. Детеныши рождаются в июне—июле. Детенышей в помете обычно 2, реже 1—4.

Малая панда
(*Ailurus fulgens*)

голову пушистым хвостом; иногда, впрочем, отдыхают они на ногах, засунув голову между передними лапами под грудь. По Бартлету, они пьют, как медведи, всасывая жидкость губами; по Ходжсону же, они лакают жидкость языком. Один знакомый Жердона заметил однажды двух панд на верхушке высокого дерева; они испускали такие ужасные крики, каких он никогда еще не слышал. Обыкновенный их голос — короткий слабый крик, напоминающий птичье щебетание. Время течки и продолжительность беременности еще неизвестны; детеныши рождаются обычно весной*. Даже взрослые панды очень чувствительны к переменам погоды, совсем не переносят жары, но очень страдают и от холода.

Панда была открыта Хардвиком, но описание ее он обнаружил слишком поздно. Симпсон первый привез в Лондон панду, оставшуюся в живых из трех, взятых в Индии, где животное под

присмотром Бартлета прожило некоторое время. «По своему наружному виду, — пишет Андерсон, — панда похожа на полоскуна. Всякое движение напоминает медведя; она ходит (с прямо вытянутым хвостом), садится на задние ноги, владеет передними лапами, лазает, злится и кричит совершенно как медведь». По словам Симпсона, голос ее совершенно особенный.

«Рассерженная панда, — говорит он, — поднимается на задние лапы совсем как медведь и испускает крик, который легко воспроизвести, если открыть рот и быстро выпускать воздух через нос».

Панду можно назвать травоядным животным; по крайней мере, Симпсону никогда не удавалось заставить ее съесть мяса. Ходжсон несколько раз приносил в клетку панды кур, которых она в редких случаях убивала, но потом никогда не трогала. В неволе они едят листья и почки, плоды, а также траву, почки бамбука, сваренный на молоке рис и подслащенное сахаром молоко.

Панда по своему внешнему виду ближе всего подходит к кинкажу. Она сходна с ним и по своим движениям, походке, бегу, лазанью и по роду пищи. Кинкажу значительно превосходит ее

своей подвижностью и кажется в умственном отношении более развитым. Все горные народы, по-видимому, активно преследуют панду из-за ее красивого меха; может быть, они едят также и ее мясо, несмотря на сильный мускусный запах, который распространяет вокруг себя это животное при раздражении.

Енот-полоскун (*Procyon lotor*)* достигает 65 см в длину, длина хвоста 25 см, высота в плечах 30—35 см. Мех желтовато-серого цвета, смешанного с черным, потому что остевые волосы у основания бурые, в середине желтовато-бурые и на конце черные, так что общая окраска в высшей степени оригинальна. Передние ноги, хохолки около ушей, которые с задней стороны окаймлены темно-коричневой полосой, морда и подбородок имеют одинаковую желтовато-белую окраску. От лба до кончика носа и вокруг глаз тянутся темно-бурые полосы. Над глазами до висков пробегает желтовато-белая полоса. Передние и задние лапы буровато-серые, длинные волосы голени и предплечья темно-бурого цвета. Серо-желтый хвост украшен черно-бурыми кольцами и таким же кончиком. Ни один из этих цветов особенно не выделяется, так что даже на небольшом расстоянии они сливаются в один общий трудноопределимый серый цвет, который очень хорошо подходит и к цвету древесной коры, и к цвету земли, поросшей свежей или сухой травой. Звери темного, особенно темно-бурого, цвета, мех которых больше всего ценится, попадаются в очень ограниченном числе. Среди полоскунов редко встречаются экземпляры другого цвета, хотя все-таки попадаются; так, в Британском музее находится белый енот, который по своему меху может соперничать с ослепительно белым горностаем.

Родина полоскуна — Северная Америка, как южная, так и северная ее части. В нынешнее время он стал гораздо реже попадаться в населенных местностях, чем прежде, вследствие беспрерывного преследования, которому он подвергается; однако даже и там его не удалось окончательно вытеснить**. Внутри страны, в лесистых местностях, он водится пока еще в большом количестве. Леса, где встречается много рек, озер и ручьев, — его любимое местопребывание. Обыкновенно он начинает свою охоту при наступлении сумерек, а днем спит в дуплах или на толстых густолиственных сучьях; там, где ему некого бояться, он не имеет определенного времени для охоты, но странствует и днем, и ночью по своим обширным родным лесам.

Это веселое, красивое животное выказывает много живости и подвижности. Во время ходьбы равнодушно опускает голову, горбит спину, опускает хвост, плетется своей дорогой, переваливаясь с боку на бок; но как только оно сделает какое-нибудь важное для него открытие, например найдет след или заметит беззащитное животное, оно сразу преображается. Косматая шерсть сейчас же становится гладкой, широкие уши заостряются; оно высматривает, поднимается на задние лапы, прыгает и бежит легко и

* Енот-полоскун — животное, в первую очередь ассоциирующееся с понятием «енот». Зверь с небольшую собаку размером, весом 2—12 кг. Самки в среднем примерно на килограмм тяжелее самцов. Собственно полоскун распространен в Северной Америке от южной Канады до Панамы, а также акклиматизирован в Западной Европе и на Кавказе. На островах Карибского моря живет несколько близких видов, которые Брем не различает.

** Зверек этот все еще многочислен во многих местах Канады и США. Там, где на него не охотятся, полоскун легко привыкает к человеку, поселяясь даже в парках и скверах больших городов и становясь частым гостем свалок и мусорных баков.

Семейство ЕНОТОВЫЕ

** Полоскун обычно охотится на мелководье или с берега, выискивая на дне добычу при помощи своих крайне чувствительных пальцев. Найдя краба или рака, старательно ощупывает его, чтобы понять, что он нашел, а затем быстро перехватывает тонкими пальцами передних лап так, чтобы схватить членистоногое наиболее удобным и безопасным способом. При этом создается впечатление, что зверек моет добычу, откуда и возникло название «полоскун». Так же (особенно в неволе) зверек поступает и с другой пищей, вероятно, инстинктивно.*

*** Детеныши у енота-полоскуна рождаются с апреля по июнь. Беременность длится обычно 63 дня. До 7—9 недель детеныши проводят в дупле дерева, затем самка переносит их в*

проворно или лезет на дерево с ловкостью, какую едва можно было у него предположить, причем лазает не только по наклонным, но даже и по вертикальным стволам и сучьям, снизу вверх так же, как и сверху вниз. Часто можно видеть, как полоскун, подобно ленивцу или обезьяне, пробегает по горизонтальным веткам, повиснув вниз туловищем, или перепрыгивает с безошибочной точностью с сучка на сучок, что доказывает его необыкновенное искусство в лазанье. На земле он чувствует себя также хорошо, может довольно быстро двигаться скачками, причем прыгает, приземляясь сразу на все четыре лапы. По умственному складу несколько походит на обезьян. Он весел, жив, любопытен, задира и способен ко всяким забавным выдумкам, но вместе с тем смел, когда это нужно, а при выслеживании добычи хитер, как лисица.

Енот ест все съедобное, но кажется лакомкой, который везде, где только можно, сумеет найти себе лучшее кушанье. Овощи всякого рода, каштаны, дикий виноград, маис, пока початки еще мягки, составляют его любимую пищу. Он, однако, преследует птиц и разоряет их гнезда, умеет ловко подкрасться к цыпленку и голубю, мастерски находит самое скрытое гнездо и лакомится тогда яйцами, которые он замечательно ловко умеет прокусить и выпить, не пролив ни капли. Нередко приходит в сады и дома только для того, чтобы украсть кур и опустошить их гнезда; вследствие этого он в немилости у фермеров. Удачно ловит рыб, крабов и черепах и ради этой лакомой пищи пускается в открытое море во время прилива. Гусеницы жуков для него лучшее лакомство; даже кузнечиков ловит с величайшей ловкостью. Он обыкновенно до еды опускает свою пищу в воду и там перетирает ее лапами, точно он ее моет*. Это он делает только тогда, когда не очень голоден; в последнем же случае требования желудка не позволяют ему предаваться этому любимому занятию, от которого он получил свое название. Кроме того, он отправляется на промысел только в хорошую погоду; когда же ветрено или дождь, он по целым дням спокойно лежит в своем закрытом логовище без всякой пищи.

Беременность самки продолжается, по наблюдениям Гааке, 9—10 недель, и в мае в своем логовище, заботливо устроенном в дупле дерева, она рождает от 4 до 6 очень маленьких детенышей; дальнейшее из жизни новорожденных енотов мало известно**. В Берлинском зоологическом саду самка родила в 1871 году пятых детенышей. Она лежала, заботливо пряча их между лапами, целые недели на одном месте. Когда детеныши подросли и начали ползать, она ловила их цепкими передними лапами и снова прятала под себя. Наконец с потомством нельзя было уже справиться; оно не стало больше позволять обходиться с собой как с маленькими; детеныши ползали по ней, вскоре стали влезать на деревья, обрели все свойственные их роду привычки и делали это уже в возрасте трех месяцев совсем как взрослые. На шестом

месяце их жизни они уже наполовину выросли, а через год были совсем взрослые.

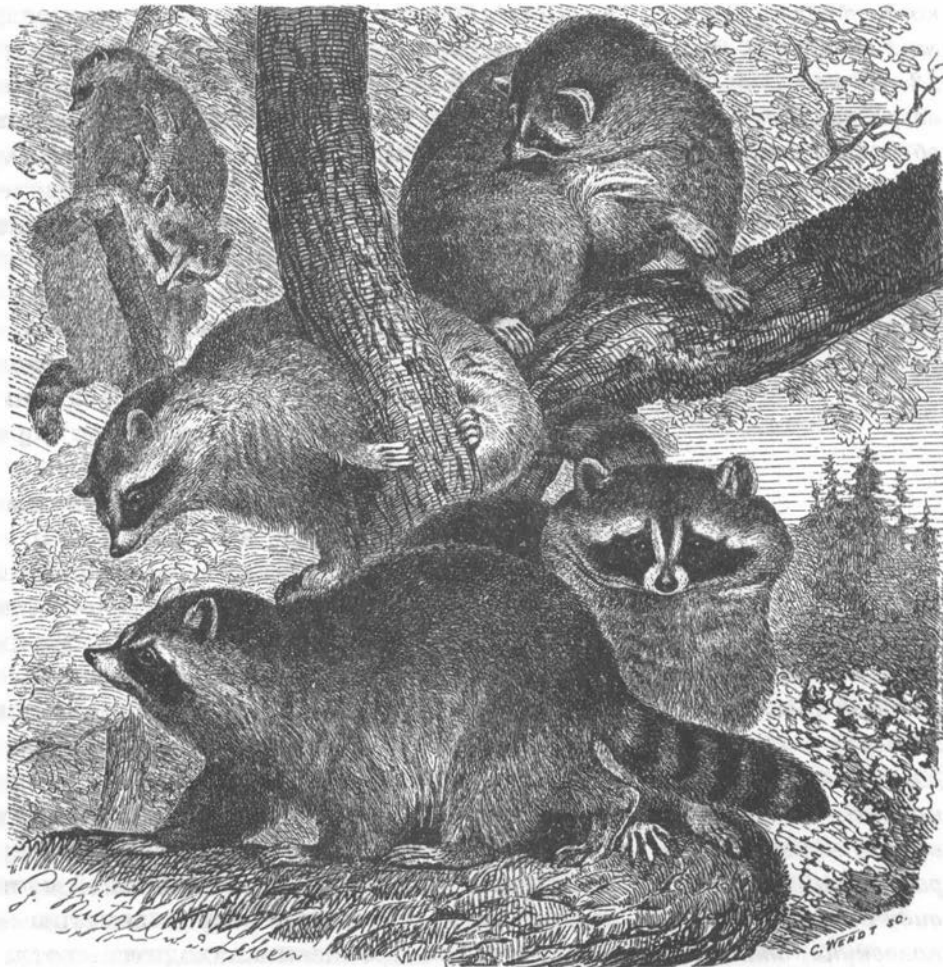
За ентом охотятся не только ради его хорошего меха, но и просто из любви к охоте. Если его преследуют только для шкуры, то употребляют капканы и ловушки разного рода, с рыбой или кусочком мяса в виде приманки. Охоту на него устраивают другим способом. Американцы предаются этой охоте с истинной страстью, и это становится понятным, если прочитать описание ее. Во-первых, охота происходит не днем, а ночью, с помощью собак и при факельном освещении. Когда енот оставляет свое логовище и тихими, неслышными шагами скользит по хворосту, когда в

лесу становится совсем тихо с наступлением ночи, тогда-то охотники и отправляются в путь. Хорошая опытная собака находит след, и вся свора набрасывается на проворно бегущего зверя, который с обезьяньей ловкостью взбирается на дерево и старается укрыться в его тенистых ветвях. Вокруг него собираются в кружок собаки с лаем и воем; травленный зверь лежит наверху, уютно прижавшись к сучку, укрытый темным покровом ночи. Но тут приближаются охотники. Факелы бросают в кучу, прикрывают их хворостом, сосновыми шишками и щепками,

и вдруг под деревом вспыхивает яркий огонь, волшебным светом озаряющий окрестности. Вот самый ловкий охотник поднимается на дерево и наверху, в ветвях, принимает на себя роль собаки. Человек и енот гоняются друг за другом на вершине дерева, пока наконец енот не вскакивает на колеблющуюся ветку в надежде перескочить на другое дерево. Его преследователь спе-

Семейство ЕНотовые

*убежище на земле.
Подросшие детеныши
остаются с
матерью до конца
зимы.*

*Енот-полоскун
(Procyon lotor)*

* Известны случаи, когда полоскуны жили в природе до 13—16-летнего возраста (хотя обычная продолжительность жизни составляет, видимо, 5—6 лет). В неволе один енот дожил до 20 лет 7 месяцев.

** Енот-крабоед сменяет полоскуна и близкие виды на материковой части Южной Америки и крупных островах вблизи ее берегов. По размеру и внешнему виду он похож на полоскуна, отличаюсь более короткой шерстью. Крабоед чаще, чем его северный собрат, охотится не на пресных водоемах, а на морском побережье.

шит за ним до тех пор, пока может, и вдруг начинает сильно трясти ветку. Его достойный сожаления соперник должен крепко держаться, чтобы не упасть на землю. Но это ни к чему не ведет. Все ближе и ближе подбирается к нему неприятель, все сильнее становятся усилия удержаться, но одно неверное движение, и он с шумом падает на землю. Торжествующий лай собак приветствует его падение, и охота продолжается с новой энергией. Полоскун делает еще две или три попытки спастись, снова влезает на дерево, но в конце концов становится добычей своих усердных четвероногих противников и под их зубами кончает свою жизнь.

Пойманный в молодых годах, полоскун обыкновенно очень легко приручается. Его доверчивость, веселость, свойственная ему суетливость, никогда не ослабевающая подвижность, так же как и забавный обезьяний нрав, нравятся людям. Прокормить его нетрудно: он ест все, что ему дадут, — сырое или вареное мясо, птиц, яйца, рыбу, насекомых, иногда пауков, хлеб, сахар, патоку, мед, молоко, коренья, зерна и т. п. Даже в неволе этот чудак сохраняет свою привычку: все, что он ест, сначала пополощет в воде, потом потрет пищу лапами, хотя при этом он лишается некоторых вкусных вещей, например сахара. Хлеб долго мочит в воде, прежде чем съесть его. На мясо набрасывается с жадностью. Всякую твердую пищу подносит ко рту обеими передними лапами, так что вообще вертикальное положение на задних лапах не представляет для него никаких трудностей. При хорошем уходе он и в Европе довольно долго переносит неволю*.

Мясо убитого енота едят не только американские туземцы и негры, но даже и белые, а мех его пользуется большим спросом: енотовые шубы считаются самыми лучшими. Из длинных волос его делают кисточки, из подшерстка — шляпы, а из целых шкур изготовляют боа, которые дамы носят на шее. По словам Ломера, в последнее время поступает в продажу от 600—800 тысяч шкур ежегодно и ценятся они от 4 до 8 марок штука; красивые темно-бурые шкурки стоят еще дороже — от 12 до 25 марок.

Другой вид — **енот-крабоед**, или **агуара** (*Procyon cancrivorus*)** — водится в Южной Америке, особенно на восточном ее побережье. Он немного выше своего сородича, серо-черного или желто-серого цвета, на нижней части туловища светлее, с пушистым хвостом, на котором заметны желтые кольца, и темной мордой; над глазами находится светлая полоска.

По Каплеру, он часто встречается в Гвиане, а именно близ берегов, и ночью отправляется на охоту. Пищу его составляют птицы, яйца, ящерицы и плоды, но с особенным удовольствием, говорят, ловит он крабов на берегу моря и в прибрежных болотах. Подобно североамериканским полоскунам, он легко приручается, но имеет неприятный запах, который даже индейцев заставляет воздерживаться от употребления его мяса.

Других представителей семейства енотовых — носух легко отличить по вытянутому узкому туловищу, почти сходному с туловищем куницы, короткой шее, длинной остроконечной голове, пушистому длинному хвосту и коротким сильным ногам с широкими ступнями, голыми на нижней части. Главным отличительным признаком животного служит его нос. Он тянется в виде хобота гораздо дальше рта и окаймлен острыми выгнутыми краями. Уши короткие и закругленные, блестящие глаза довольно большие, пять пальцев, почти сросшихся между собой, вооружены длинными, острыми и малозагнутыми когтями; зубы такие же, как у полоскунов, только немного уже и выше.

Наиболее известный вид — **обыкновенная носуха**, или **коати** (*Nasua nasua*)*. Он распространен от севера Южной Америки до Парагвая. Общая его длина 100—105 см, из которых 45 приходятся на хвост, а высота в плечах 27—30 см. Пушистый, длинный, но не косматый мех состоит из прямых, жестких и блестящих волос ости, удлинняющихся на хвосте, и короткого, немного курчавого подшерстка, который особенно густ на спине и на боках. Большие усы и длинные щетины находятся на губе и над глазами. Морда покрыта короткими волосами. Цвет шерсти, который на спине бывает ярко-рыжим или серовато-бурым, на нижней части тела переходит в желтоватый; лоб и затылок желтовато-серого цвета, губы белые, уши сзади черно-бурые, спереди серовато-желтые. Над каждым глазом находится по круглому белому пятну, другое — сбоку, у угла каждого глаза, и два, часто сливающихся между собой, под глазами; белая полоса проходит вдоль всего носа. На хвосте перемежаются желтовато-бурые и черно-бурые кольца.

Как на совсем особенный вид Гензель указывает, на основании исследования черепа, на **белоносую носуху** (*Nasua narica*)** Средней Америки. По величине она равна коати, напоминает его также и по цвету. Мех кажется темнее или светлее, смотря по тому, закрыта или заметна светлая окраска кончиков волос. Отдельные волоски у корня рыжеватого или желтовато-бурые, в середине светлее или темнее, а на кончике — чалые или светло-бурые; отсюда получается более или менее яркое смешение цветов: бурого, светло-бурого и желто-бурого. Кольца вокруг глаз, полоса, начинающаяся над глазами и пробегающая до кончика носа, передняя часть морды наверху и внизу желтовато-белые. Шея и нагрудник немного темнее, остальные нижние части буроватые, ноги совсем бурые, уши внутри и на кончиках светло-желтые. У большей части этих носух преобладает светлая окраска; некоторые же кажутся совсем темными.

Азара, Гензелю, Ренггеру и принцу фон Виду обязаны мы подробным описанием образа жизни носух. По принцу фон Виду, общественные и одинокие коати отличаются друг от друга тем, что первые всегда живут и бродят в обществе от 8 до 20 штук,

* *Носуха, или коати, — своеобразный енот с вытянутым подвижным носом.*

Длина тела 41—67 см, примерно такой же длины хвост. Вес до 6 кг.

Самцы немного крупнее самок.

Распространена носуха в Южной Америке к востоку от Анд, на юг — до Аргентины.

** *Белоносая носуха очень похожа на коати, но отличается несколько более легким сложением и окраской. По верхней стороне носа проходит белая полоса (как и следует из названия), тогда как у коати нос темный. Брем в описании окраски коати смешивает признаки обоих видов. Белоносая носуха распространена от южных*

штатов США до северо-запада Перу. На мексиканском острове Козумель живет еще один вид — носуха Нельсона. Некоторые исследователи все три вида объединяют в один — обыкновенная носуха, или коати.

вторые же держатся одиноко в определенной местности и соединяются с другими только во время половых сношений. Одинокая носуха имеет несколько берлог и проводит ночь то в той, то в другой, пока не исколесит ту или другую часть леса; общественные же не имеют ни берлоги, ни определенной местности и ведут поистине цыганскую жизнь: днем рыскают по лесу и там, где застанет их ночь, залезают в дупла или под корни деревьев или укладываются в развилины двух сучьев и спят тут до самого утра. Стада этих носух бегают днем по лесу и при этом испускают постоянно особенно резкие, наполовину хрюкающие, наполовину свистящие звуки, которые можно услышать гораздо раньше, чем увидишь самих животных. Они всегда основательно обыскивают почву, покрытую листьями и хворостом, осматривают каждое отверстие, каждую щель, обнюхивают то ту, то другую дыру, но никогда не останавливаются долго на одном предмете. Одинокая носуха, напротив, плетется медленно, исследует каждый предмет в высшей степени обстоятельно и тратит на все свои действия достаточно много времени, потому что ей не приходится бояться конкуренции со стороны товарищей. Иногда все общество вдруг вздумает влезть на дерево, которое они наскоро обыскивают и столь же быстро оставляют и меняют на другое. Одинокая носуха очень ленива и чаще остается на земле. У общественных носух нет никакого согласия в поступках отдельных членов стада: каждый сам по себе и заботится о своих спутниках лишь в той мере, чтобы не отстать от стада, которое, кажется, ведут старые носухи.

Все эти сведения подтверждаются Гензелем, только он несколько иначе объясняет образ жизни этих животных. «Носуха, — говорит он, — так распространена в Бразилии, что я имел в своем распоряжении не менее 200 черепов. Из сравнения этих черепов, так же как и из неоднократных наблюдений над коати на воле, я убедился, что старые самцы, которых раньше принимали за особый вид, живут в одиночестве. В известном возрасте, когда длинные клыки начинают притупляться, они оставляют стадо, в котором до этого жили вместе с самками, и возвращаются туда только на время спаривания. Никто не видел одиноких самок; если же и встретится одинокая самка коати, то она или во время охоты отстала от всего стада, или просто охотник не заметил стада, находящегося тут же, поблизости. Германским переселенцам в девственных лесах Рио-Грандо-до-Сул, с особенной страстью охотящимся на коати, очень хорошо известны нравы этого зверя. Все они знают, что одинокие коати — это самцы общественных, и считают несомненным фактом то, что никогда не бывает одиноких самок. Носухи — дневные животные; ночью они спят, с утра же до вечера поглощены безостановочной деятельностью. Днем они, кажется, заняты вечными странствованиями, причем ни одного местечка не оставляют, не обыскав его.

Их пища, без сомнения, состоит из всего съедобного в растительном и животном царстве. Охотно ходят они на поля, чтобы таскать маис, особенно пока зерна еще мягкие»*.

Они едят также всяких мелких животных; насекомые и их гусеницы, червяки и улитки служат им лакомством. Если они чуют червяка в земле или гусеницу жука в хворосте, они прикладывают все свои старания, чтобы завладеть им, скребут передними лапами, суют время от времени нос в разрытую ямку, как делают это собаки, когда находят на поле норки мышей, пока не достигнут своей цели. В шуме и свисте и ссорах проходит утро; если жарко в лесу, стадо старается найти прохладное место для полуденного отдыха. Они находят удобное дерево или густой кустарник, и каждая уютно усаживается на его ветвях и засыпает. После полудня опять возобновляются странствования, пока вечером не появляется новая забота — найти себе хороший ночлег. Если коати замечают врага, они дают об этом знать своим товарищам громким свистом и поспешно лезут на дерево; все остальные следуют их примеру, и мигом все общество располагается на ветвях. Если охотники полезут за ними на дерево или сильно будут бить по стволу топором, то носухи взбираются на концы ветвей, спрыгивают на землю и бегут со всех ног. Если же их никто не трогает, они спускаются с дерева вниз головой. При этом они расставляют задние лапы и плотно прижимаются ими к стволу. По веткам они лазают осторожно, а на прыжки с одного дерева на другое, как это делают обезьяны, они не отваживаются, хотя и могут это сделать, потому что в ловкости они не уступают обезьянам или кошкам. На земле движения их не так проворны, как на ветках деревьев. Здесь они ходят или шагом с вертикально поднятым хвостом, или делают короткие прыжки и при этом едва прикасаются передними частями ступней к земле. Только когда они стоят или сидят на задних лапах, ноги их опираются на всю ступню. Их бег кажется неуклюжим, но на самом деле это очень быстрый галоп. Они, кажется, боятся воды и влезают в нее только в самых крайних случаях; но они умеют и плавать настолько хорошо, чтобы переплыть речку, даже довольно быструю.

Из внешних чувств обоняние, несомненно, развито у них лучше всего, затем следует слух, а зрение, вкус и осязание сравнительно слабы. Ночью они видят совсем плохо, днем тоже не особенно хорошо; главным органом осязания служит почти единственно их хоботообразный нос.

Когда приходит время течки, то, по словам Гензеля, одиночные коати возвращаются к своему стаду, и между старыми самцами происходят самые отчаянные битвы. Своими громадными и острыми клыками они наносят друг другу значительные раны; победив противника, самец в качестве награды получает благосклонность самки. Ренггер говорит, что самка носухи, живущая на свободе, приносит в октябре от 3 до 5 детенышей в дупле или

** Исследования социальной организации носух на острове Барро (Колорадо) показали, что стая состоит из нескольких взрослых самок и детенышей обоего пола в возрасте до двух лет (возраст достижения половой зрелости). Половозрелые самцы изгоняются из стаи взрослыми самками, иногда поддерживаемыми молодыми. После этого они ведут одиночный образ жизни и возвращаются в стаю только в период спаривания, но и в это время находятся в подчиненном положении по отношению к самкам. В отличие от носух в стае живущий в одиночку самец может быть активен в любое время суток.*

Семейство ЕНОВЫЕ

* *Готовящаяся родить самка носухи уходит из группы и устраивает гнездо на дереве. Детенышей рождается от 2 до 7. Они проводят в гнезде пять недель, после чего все семейство присоединяется к группе.*

** *Кинкажу — один из немногих хищных с хватательным хвостом, которым он пользуется при лазанье. Это животное размером с крупную кошку, весом до 4 кг. Распространен в лесах от восточной Мексики до центральной Бразилии. Ведет древесный образ жизни.*

пещере, в густо заросшей кустарником яме или в другом убежище. Здесь прячет она свое потомство до тех пор, пока оно не сможет следовать за ней во всех ее странствованиях. Этого не долго дожидаться, потому что в стаде часто встречаются совсем молодые носухи, у которых едва прорезались резцы*.

В неволе носухи размножаются реже, чем можно ожидать по их образу жизни. Воспитанные мной самки только два раза рождали детенышей, которые, к сожалению, скоро издохли.

Носухи, у которых детеныши уже подросли, кормят их, по наблюдениям Гааке, стоя на широко расставленных ногах.

Европейцы, живущие в Южной Америке и Мексике, охотятся за носухами главным образом ради удовольствия. Со сворой собак обходят они леса и отыскивают стада носух. При виде собак носухи с криком бросаются на ближайшие деревья и, испуганные лаем, легко становятся добычей охотника. Но нужен хороший выстрел, если охотник хочет завладеть ими, потому что, раненные, они остаются лежать на развилках сучьев и достать их оттуда очень трудно. Иногда гонимые носухи снова спрыгивают на землю и стараются спастись бегством или взобраться на другое дерево, но тут их легко догоняют собаки и убивают, несмотря на их сопротивление. Одна собака, конечно, не может справиться с носухой. Даже одинокий коати умеет хорошо пользоваться своими острыми зубами, храбро кидается на собаку, если она близко подходит, бешено кричит и сильно кусается. Каждый раз он дорого продает свою шкуру и изранит по крайней мере 5 или 6 собак, прежде чем даст себя одолеть. Мясо его употребляется в пищу не только туземцами, но и европейцами. «Молодые носухи, — говорит Гензель, — служат, если они жирны, отличным жарким, и даже мясо старых все-таки вкусно». Из шерсти индейцы выделывают маленькие сумочки.

Во всех странах, где водятся носухи, их очень часто держат в неволе. Соссюр говорит, что из всех довольно крупных четвероногих носухи — одни из тех, кого легче всего приручить. У индейцев ручные носухи — самое обычное явление. В Европу их привозят тоже очень часто. Воспитывать их нетрудно, даже когда они совсем маленькие. Их можно кормить молоком и плодами; впоследствии им дают мясо, которое они так же охотно едят вареным, как и сырым. Говядину, кажется, они предпочитают всякому другому мясу. Больших птиц и маленьких млекопитающих они не любят, хотя и от такой пищи не отказываются. Впрочем, они не кровожадны и охотно довольствуются растительной пищей. В отличие от других хищных животных они никогда не пробуют гоняться за домашней птицей и этим показывают, что на свободе они больше питаются растительной пищей и насекомыми, чем мясом позвоночных животных.

Кинкажу (*Potos flavus*)** имеет очень длинное, но неуклюжее туловище, которое стоит на низких ногах. Голова замеча-

тельно мала, толста и с очень короткой мордой; глаза не слишком большие; пять пальцев, наполовину сросшихся, снабжены крепкими когтями; нижняя часть ступни голая. Хвост, более длинный, чем все туловище, имеет такое же цепкое строение, как у некоторых двуутробок и ревунов. Взрослые кинкажу в длину имеют 90 см, из которых 47 приходится на хвост, а высота в плечах 17 см. Очень густой, довольно длинный, немного курчавый, мягкий и блестящий, как бархат, мех на верхних и наружных сторонах светлого серовато-желтого цвета, со слабым рыжеватым отливом и черно-бурыми волнистыми полосами, которые особенно ясно выступают на голове и спине; отдельные же волосы у основания серые, в середине рыжевато-желтые и на конце черно-бурые. От затылка

тянется широкая и резко обозначенная темная полоса по всей спине до корня хвоста. Нижняя часть тела красно-бурая, на брюхе светлее, наружные части ног черно-бурые. По середине брюха тоже пробегает темная ржаво-бурая полоса. Хвост у корня бурый, постепенно переходит в почти черный.

Теперь мы знаем, что кинкажу очень распространен.

Он водится во всей северной Бразилии, в Перу и севернее до Мексики, так же как и в южной Луизиане и Флориде. Живет в девственных лесах, часто близ больших рек и обычно на деревьях. Ведет ночной образ жизни; днем спит в дуплах, ночью же очень подвижен и лазает замечательно ловко по верхушкам деревьев, ища себе пищи. Его цепкий хвост оказывает ему хорошую услугу. Кинкажу в искусстве лазанья едва уступает обезьянам. Все его движения в высшей степени спокойны и самоуверенны. Он может держаться за сучки и ветки задними ногами или цепким хвостом и так крепко зацепляется ими за дерево, что слезает с них всегда головой вниз. Когда он ходит, то ступает на всю ступню.

Кинкажу
(*Potos flavus*)

«Однажды ночью, — рассказывает Бетс, — мы спали перед жилищем туземного семейства, которое поселилось посреди леса и не могло пустить нас в хижину вследствие праздника. Когда ночью стало совсем тихо, какой-то шум привлек мое внимание, и я увидел выходящее из леса общество стройных животных, которые при ярком блеске луны на безоблачном небе перескакивали с ветки на ветку легкими прыжками. Многие из них держались на пальмах, и скоро давка, писк, визг и падение плодов указали, чем они там занимались. Я принял сначала этих животных за ночных обезьян, но утром туземец, показав мне пойманного детеныша ночных гостей, убедил меня в том, что это были кинкажу». Питаясь преимущественно растительной пищей, кинкажу не пренебрегает также и мелкими млекопитающими, птицами и их яйцами или насекомыми и их личинками. Мед он особенно любит и разоряет много диких пчелиных ульев. При их опустошении он пользуется своим замечательно длинным и вытяжным языком, который он может просунуть в самую узкую щель и достать им находящиеся там предметы; он просовывает язык через отверстие для вылета пчел глубоко в улей, разламывает им соты, а затем лакает мед.

О размножении этого странного животного мы почти ничего не знаем, но, судя по двум соскам самки, предполагают, что она приносит только двух детенышей. В неволе, насколько я знаю, они еще ни разу не размножились*.

** Сезон размножения кинкажу, вероятно, различен в разных частях ареала. Беременность длится 112—118 дней, самка рождает одного, реже двух детенышей. В возрасте семи недель детеныши научаются следовать за самкой и есть «взрослую» еду.*

Все, кто до сих пор наблюдал кинкажу, согласны в том, что он кроток и добродушен с людьми и легко делается доверчивым и ласковым; как собака, он охотно принимает ласки, знает голос своего хозяина и ищет его общества. Он требует от своего покровителя, чтобы тот играл с ним или разговаривал, и поэтому принадлежит к самым любимым домашним животным у туземцев Южной Америки. Даже в неволе он спит почти целый день. При этом закрывает все тело, и прежде всего голову, хвостом. Если ему положат пищу, он проснется, но бодрствует только до тех пор, пока ест. После заката солнца просыпается, делает несколько неверных шагов с высунутым от жажды языком, выискивает воду, пьет ее, чистится и делается веселым и забавным: прыгает, лазает, выкидывает разные штуки, играет со своим хозяином, издает тихий свист, который и есть его обыкновенный голос; но когда он рассержен, то ворчливо твякает, как щенок. Часто сидит на задних ногах и ест, как обезьяна, с помощью передних лап и своим поведением представляет замечательное смешение привычек медведя, собаки, обезьяны и виверры. Своим цепким хвостом пользуется, как обезьяны, и притягивает им предметы, которые не может достать лапами. Очень чувствительный к свету, он даже в сумерки ищет темного места, и зрачок его стягивается в маленькую точку. Если глаза его раздражаются сильным светом, он выражает свое неудовольствие особенно беспокойными тело-

движениями. Ест все, что ему предлагают: хлеб, мясо, овощи, вареный картофель, зелень, сахар, варенье, пьет молоко, кофе, воду, вино, даже водку, пьянеет от спиртных напитков и хворает от этого несколько дней. Иногда он ловит птиц. После сильных движений часто чихает по нескольку раз. В гневе шипит, как гусь, и громко кричит. Как он ни смирен, он все-таки страстно жаждет свободы. Старый кинкажу, который жил у Гумбольдта, убежал от него ночью в лес, по дороге задушил двух каменных куропаток, которые тоже принадлежали к коллекции животных Гумбольдта, и унес их с собой, как запас на будущее время. Каплер, который наблюдал кинкажу в Гвиане, говорит о нем: «Он питается главным образом плодами и в высшей степени смирен. От индейцев я получил маленького кинкажу, который бегал совершенно свободно. Никто не знал, где он проводит день. Но как только мы сядились вечером за стол, появился Вава, как мы его звали, и начинал забавлять нас смешными ласками, причем он, между прочим, старался свой длинный язычок сунуть мне в рот, уши и нос. Он охотно ел зрелые бананы и другие фрукты. Когда дом запирали, Ваву пускали на улицу, и он влезал на хлебные, кокосовые пальмы и другие деревья, так как не любил сидеть на земле. Он жил у меня целый год, но внезапно умер».

Кинкажу нередко в последнее время привозили к нам живым, и я не раз имел случай наблюдать его. Во сне он лежит на боку, свернувшись, спиной к свету. Под вечер, всегда в один и тот же час, просыпается, потягивается, зевает и при этом далеко высовывает язык из пасти. Затем задумчиво и медленно некоторое время обходит свою клетку. Походка его особенная и совсем неуклюжая. Он так заворачивает внутрь свои кривые, как у таксы, ноги, что, переступая, часто заносит правую ногу за левую и обратно. Цепкий хвост он постоянно пускает в дело. Иногда он держится им и двумя задними лапами на сучке, в то время как тело вытянуто горизонтально. Он ест все съедобное, охотнее всего плоды, вареный картофель и вареный рис. Когда ему бросают маленьких птиц, он приближается к ним очень медленно, усердно обнюхивает, потом кусает и крепко держит пищу обеими передними лапами. Ест не спеша, можно даже сказать, лениво, разрывает и теребит пищу, откусывает, по-видимому с трудом, небольшие кусочки и медленно разжевывает их, прежде чем проглотить. Но он не кровожаден, хотя и не может отрешиться от своей хищнической природы.

Трудно найти более приятное домашнее животное, чем кинкажу. Он привязчив, как дитя. Ласки делают его счастливым. Он нежно прижимается к человеку, когда тот его гладит, и при этом у него, по-видимому, нет никакого коварства. Он бывает недоволен только тогда, когда вдруг тревожат его сладкий сон. Если его будят голосом и дают время проснуться, то он и днем самое милое создание.

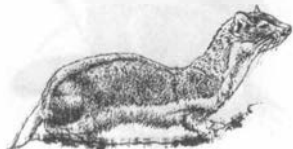
* Семейство куньи включает 23 современных рода и около 65 видов хищных, от мелких (в том числе самых мелких представителей отряда) до средних (до 45 кг). Куньи распространены по всей Евразии, Африке, Северной и Южной Америке, а с человеком попали и в Австралию и Новую Зеландию. Общим в облике куньих можно считать довольно вытянутое тело на относительно коротких ногах (хотя есть и исключения), череп (его лицевая часть) укорочен по сравнению с таковым псовых. Среди видов семейства есть как настоящие хищники, так и всеядные животные.

Семейство куньих богато родами и видами. Описание общих признаков этого семейства довольно затруднительно; общее строение тела, зубная система и устройство конечностей более разнообразны, чем у других плотоядных. Можно, однако, заметить, что все члены этого семейства среднего или малого роста; туловище у них вытянутое, конечности короткие, и на них имеется от 4 до 5 пальцев. Около заднего прохода встречаются железы, как у виверр, но они выделяют не благоухающие вещества, как у этих последних, а напротив того — к куньим относятся самые ужасные вонючки среди животных. Кожа обычно покрыта густой и тонкой шерстью, и потому в этом семействе мы находим самых дорогих пушных зверей.

Скелет у этих животных состоит из очень тонких костей. Грудная клетка окружена 11 или 12 парами ребер, на хребетном столбе, кроме того, имеются от 8 до 9 поясничных позвонков, три крестцовых и от 12 до 26 хвостовых. Лопатки очень широкие, а ключицы, как правило, не развиты. В зубной системе заметны большие острые клыки. Когти большей частью невтяжные.

Ныне куньи живут во всех частях света, за исключением Австралии, в любом климате и на различных высотах, на равнинах точно так же, как и на горах. Местом жительства служат им леса, скалистые участки, но также и ровные поля, сады и даже жилища человека. Большинство их живет на суше, но некоторые из них водные животные; живущие на суше, как правило, отлично лазают и умеют плавать. Многие роют ямки или норы в земле или пользуются норами, вырытыми другими животными. Некоторые устраивают логовища в дуплах деревьев, гнездах белок и некоторых птиц — короче говоря, животные этого семейства умеют устроить жилища в любых местах — от впадины между камнями до искусно устроенной норы, от подпола человеческого жилья до убежища между ветвями или корнями в глухом лесу. Чаще всего куньи имеют постоянные логовища, но некоторые скитаются с места на место в поисках пропитания. Некоторые из живущих на севере впадают в зимнюю спячку, прочие остаются деятельными целый год.

Почти все куньи весьма подвижные и ловкие создания. При ходьбе они опираются на всю ступню, при плавании помогают себе лапками и хвостом, при лазании очень ловко пользуются конечностями, несмотря на то, что когти у них не особенно острые, и могут взбираться на отвесные стволы деревьев и удерживаться в равновесии на тонких сучьях. Движения их находятся, само собой разумеется, в соответствии со строением тела. Чем выше ноги, тем смелее бывают прыжки, чем они короче, тем движение становится более скользким, хотя иногда очень быстрым,

а при плавании оно чем-то напоминает движение рыбы. Из внешних чувств почти одинаково хорошо развиты обоняние, слух и зрение, впрочем, вкус и осязание также довольно хорошие. Умственные способности куньих вполне соответствуют хорошо развитым органам тела. Они весьма понятливы, умны, хитры, недоверчивы, осторожны, очень смелы, кровожадны и жестоки, но к детенышам своим относятся очень нежно. Некоторые любят общество себе подобных, другие живут одиноко или в известное время парами. Очень многие бывают деятельны и днем, и ночью, но большинство из них относятся, однако, к ночным животным. В густо населенных местностях они отправляются на добычу только после захода солнца. Питаются они преимущественно животными, например мелкими млекопитающими, птицами, их яйцами, лягушками и даже насекомыми.

Некоторые едят улиток, рыб, раков и моллюсков; иные не пренебрегают даже падалью, а в случае нужды питаются и растительными веществами, причем особенно любят сладкие, сочные плоды. Кровожадность их необыкновенно велика: они умерщвляют, если могут, гораздо больше животных, чем нужно для пропитания, и некоторые виды пьянеют от крови, которую высасывают из своих жертв*.

Детеныши, число которых, насколько известно, колеблется между двумя и десятью, рождаются слепыми, и мать долго кормит их молоком и старательно оберегает от врагов, с большим мужеством защищает в случае опасности и перетаскивает из одного логовища в другое, если малышам грозит опасность. Детеныши, пойманные молодыми, могут сделаться совсем ручными и даже следуют за своим господином, как собаки, и ловят для него дичь и рыбу. Один из видов хорьковых уже очень давно живет в неволе и используется людьми для охоты на некоторых животных.

Вследствие своего хищничества и кровожадности многие из куньих приносят человеку довольно чувствительный вред, но в общем польза, которую они приносят или непосредственно своей шкурой, или посредством истребления вредных животных, гораздо больше приносимого ими вреда. К сожалению, только немногие признают пользу этих животных, и потому их уничтожают в большом количестве, что, несомненно, приносит людям ощутимый вред. Они заслуживают благодарность человека, истребляя вредных животных, и хотя нападают часто и на полезных домашних животных и птиц, но это случается почти всегда из-за небрежности хозяина, который не умеет хорошо оберегать свои курятники и голубятни. В этом случае странно жаловаться на хищничество куницы или хорька. Точно так же несправедливо упрекать хорька, горностаю и ласку в том, что они истребляют дичь в лесу, забывая при этом, что эти маленькие хищники уничтожают вредных грызунов. Безусловно вредными следует считать только тех куниц, которые поедают рыбу в реках и озерах**. Охотники

** Кровожадность, как и прочие человеческие пороки, не свойственна куньим и любым другим хищникам. Куньи не «опьяняют» себя кровью и не «высасывают» ее, однако многие из них — настолько способные охотники, что могут убить жертву крупнее себя. С такой горой еды зверь не справляется за один раз, ограничиваясь объеданием самого вкусного, а в следующий раз предпочитает убить свежую добычу.*

*** Вредных животных в природе не бывает, и выдра приносит поеданием рыбы и раков не больше вреда, чем ласка истреблением мышей.*

Семейство куны

* Лесная куница населяет леса Европы, включая острова Средиземного моря, Кавказа и Западной Сибири. Длина тела 45—58 см, хвоста 16—28 см, вес около килограмма. На горле у лесной куницы желтое пятно различной формы, за что ее называют «желтотушкой», в противоположность «белодушке» (каменной кунице).

имеют некоторое право жаловаться на куницу и белодушку, но владелец леса должен признать, что они приносят и некоторую пользу, так как истребляют вредных животных.

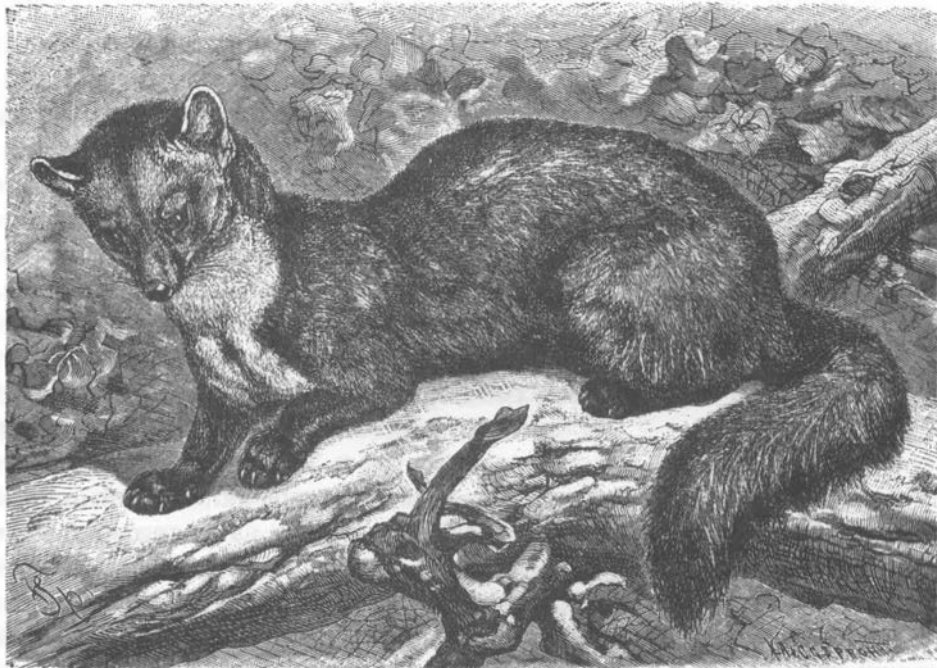
Я не хочу, однако, осуждать охоту на многие виды куньих. Почти все эти животные имеют очень ценный мех, но мясом их почти никто не питается, кроме разве что монгольских охотников за куницами и соболями; впрочем, мясо выдры, по правилам католической церкви, считается постным кушаньем, и некоторые охотники считают вкусным жареного барсука. Как значительно число куниц, истребляемых ради их меха, можно видеть из статистических данных о торговле мехами. По показаниям Ломера, в Европу завозится ежегодно около 3 миллионов шкурок различных куниц на сумму до 20 миллионов марок, не считая тех, которые американские и азиатские охотники оставляют для собственного употребления. Многие индейские и монгольские племена живут исключительно доходами от охоты за пушными зверями, среди которых куньи, как известно, занимают первое место. Тысячи европейцев живут также доходами от торговли мехами. Многие, прежде неизвестные обширные области ныне посещаются охотниками только ради добывания пушнины.

Лесная куница (*Martes martes*)* — красивое и грациозное хищное животное, туловище которого достигает 55 см в длину, а хвост 30 см. Мех с верхней стороны темно-бурый, у морды чалый, на лбу и на щеках светло-рыжий; бока и брюхо несколько желтоватые, лапки черно-бурые, а хвост темно-бурый; за ушами по затылку проходит узкая темная полоса. Между задними конечностями расположено светло-рыжее пятно, окруженное темной каемкой; от этого пятна иногда проходит светло-рыжая полоска до самого горла. Горло и нижняя часть шеи окрашены в красивый желтый цвет, сходный с цветом яичного желтка, что служит главным отличительным признаком этого вида. Густой, мягкий и блестящий мех состоит из довольно длинной и жесткой ости и короткого тонкого подшерстка, который на передней части тела светло-серый, а сзади и на боках желтоватого цвета. На верхней губе четыре ряда усовых щетинок, и, кроме того, имеются отдельные щетинки около внутреннего угла глаз, на подбородке и на горле. Зимой окраска темнее, чем летом. Самка отличается от самца более бледной окраской спины и не столь ярким пятном на горле. У молодых животных горло и нижняя часть шеи окрашены светлее.

Область распространения куницы простирается на все лесистые области северного полушария Старого Света. В Европе мы ее находим в Скандинавии, России, Англии, Германии, Франции, Венгрии, Италии и Испании. В Азии она встречается до Алтая и истоков Енисея. В соответствии с этой большой областью распространения мех куницы изменяется в различных странах. Самые крупные куницы в Европе живут в Швеции, и мех их вдвое гуще

и длиннее, чем у немецких куниц, а окраска серее. Среди немецких куниц больше желтовато-бурых, чем темно-бурых; последние встречаются в Тироле, иногда их мех очень похож на мех американского соболя. Ломбардские куницы бледно-бурого или желтоватого цвета. У пиринейских куниц тело большое и толстое, но шерсть тоже светлая; в Македонии и Фессалии они среднего роста, но темнее.

Куницы живут в лиственных и хвойных лесах, и чем гуще, темнее и уединеннее лесная чаща, тем больше там встречается куниц. Они живут исключительно на деревьях и лазают так хорошо, что ни одно хищное млекопитающее не может с ними в этом сравниться*. Куница избирает себе логовищем дупла деревьев, покинутые гнезда диких голубей, хищных птиц и белок; гораздо реже прячется в расщелинах скал. Весь день она обычно остается в своем логовище, к вечеру, часто еще до заката солнца, отправляется за добычей и гоняется за всеми животными, которых может одолеть. Из млекопитающих хватает даже довольно крупных, например зайцев и молодых косуль, но также и мелких, например мышей. Тихо подкрадывается к ним, внезапно бросается и быстро загрызает. Многие лесничие в Германии видели, как она нападала на молодых косуль. Лесничий Шааль наблюдал, как куница сидела на спине молодой косули, которая жалобно кричала и тем обратила на себя его внимание. Другой лесничий тоже описывает несколько подобных случаев. Впрочем, нападение на столь крупных животных составляет исключение; чаще всего она охотится на мелких грызунов, живущих на деревьях, — на белок и сонь, причем истребляет большое количество этих хорошеньких, но бесполезных и даже вредных зверьков. Само собой разумеется, что она не отказывается от нападения и на более крупных млекопитающих, если для этого предоставляется удобный случай. Зайца хватает в логовище или тогда, когда он ест, а водяную крысу преследует, как

Семейство КУНЬИ

** Куница вряд ли может считаться лучшим древолазом. Значительную, если не большую, часть добычи она находит на земле.*

*Лесная куница
(Martes martes)*

Семейство КУНЫ

** Брем располагал ошибочными сведениями или принимал за половую активность какое-то другое поведение. Теперь известно, что у куницы оплодотворенная яйцеклетка не развивается сразу, а какое-то время находится как бы в «законсервированном» состоянии. Спаривание у куниц происходит в середине лета, а эмбрион начинает развиваться только в середине зимы. В результате видимое время беременности составляет 230—245 дней, хотя реально эмбрион развивается гораздо быстрее. В помете куницы обычно 3—5 детенышей, иногда — до 8.*

говорят, даже и в воде. Среди птиц куница производит такие же опустошения, как и среди млекопитающих. Все лесные птицы должны считать ее своим страшным врагом, особенно куропатки и тетерки. Тихо подкрадывается она к тому месту, где спит куропатка, и прежде чем та успеет оглянуться, куница уже бросается на нее, разгрызает череп или прокусывает шейные артерии, с наслаждением упиваясь вытекающей кровью. Она опустошает гнезда всех птиц, отыскивает гнезда диких пчел и ворует оттуда мед, ест также и плоды, например лесные ягоды, а если проберется в сад — то спелые груши, вишни и сливы. Когда пищи в лесу недостаточно, куница становится смелее и иногда даже приближается к человеческому жилью. Она проникает в курятники и голубятни и производит там такие же опустошения, как хорек или ласка.

Течка у куниц происходит в конце января или начале февраля. Наблюдатель, которому в это время, в лунную ночь, удастся в большом лесу видеть этих хищников, может заметить, что многие куницы неистово бегают и прыгают по ветвям одного дерева. Фыркая и ворча, носятся друг за другом влюбленные самцы, и если они одинаково сильны, то случаются жаркие схватки из-за самки, которая с удовольствием наблюдает за этими поединками и отдается наконец сильнейшему*.

В конце марта или начале апреля у самки родится от трех до четырех детенышей, которые лежат в гнезде, выстланном мягким мхом, в дупле дерева, реже в гнезде белки или сороки, иногда между камнями. Мать с большой самоотверженностью заботится о своем потомстве и, чтобы охранить его от опасности, никогда не удаляется далеко от гнезда. Уже по прошествии нескольких недель детеныши следуют за матерью в ее странствованиях по деревьям, ловко и весело прыгают по сучьям и обучаются под надзором матери всем необходимым телесным упражнениям. При малейшей опасности мать предупреждает детенышей и заставляет их прятаться в логовище. Детенышей, пойманных молодыми, кормят сначала молоком с белым хлебом, а затем мясом, яйцами, медом и плодами.

В наших зоологических садах куницы нередко размножаются, но обычно пожирают своих детенышей тотчас после их рождения, даже если им дают при этом очень обильную пищу. Случается, как, например, в Дрездене, что рожденные в клетке детеныши куницы благополучно вырастают, окруженные заботливым вниманием матери.

За куницей охотятся везде очень усердно, не столько для того, чтобы уничтожить вредного для дичи хищника, сколько из-за ее ценного меха. Легче всего за ней охотиться по пороше, когда следы зверя легко найти не только на земле, но и на сучьях деревьев. Иногда можно случайно наткнуться в лесу на куницу, которая часто лежит вытянувшись на ветви дерева. Если

заметить ее вовремя, то куницу можно застрелить и даже успеть вторично зарядить ружье, если в первый раз промахнулся, так как она очень часто остается на месте после выстрела и смело разглядывает охотника. По-видимому, новые предметы настолько привлекают внимание зверя, что он и не думает о спасении бегством. Один заслуживающий доверия человек рассказал мне, что он в молодости вместе со своими товарищами убил куницу, сидевшую на дереве, бросаясь в нее камнями. Животное следило внимательно за мимо летящими камнями, но с места не двигалось, пока большой камень не попал ей в голову и она не свалилась с дерева.

На охоту за куницей надо брать очень злую собаку, которая смело хватает и крепко держит хищника, так как тот храбро бросается на своего противника, и потому плохая собака часто его боится. Куницы довольно легко попадают в капканы, которые ставят специально на нее и хорошо маскируют; ловят ее также и в другие ловушки. Приманкой обыкновенно служит кусок хлеба, который жарят в несоленом масле и меде вместе с ломтиком лука и затем посыпают камфарой. Некоторые охотники готовят другие приманки из сильно пахнущих веществ.

Мех куницы самый дорогой из всех мехов, получаемых от европейских животных и по своим достоинствам сравним разве что с мехом соболя. Ломер считает, что ежегодно в западной Европе продается около 1800 тысяч шкурок куницы, из которых три четверти добыты в Германии и других странах средней Европы. Самые красивые меха доставляются из Норвегии, затем из Шотландии, после этого из Италии, Швеции, северной Германии, Швейцарии, Баварии, Турции и Венгрии, причем порядок этих стран указывает на качество меха. Мех куницы ценится не только за его красоту, но и за легкость, и лет двадцать назад в Германии платили от 15 до 30 марок за шкурку; теперь же она стоит дешевле: 8—12 марок*.

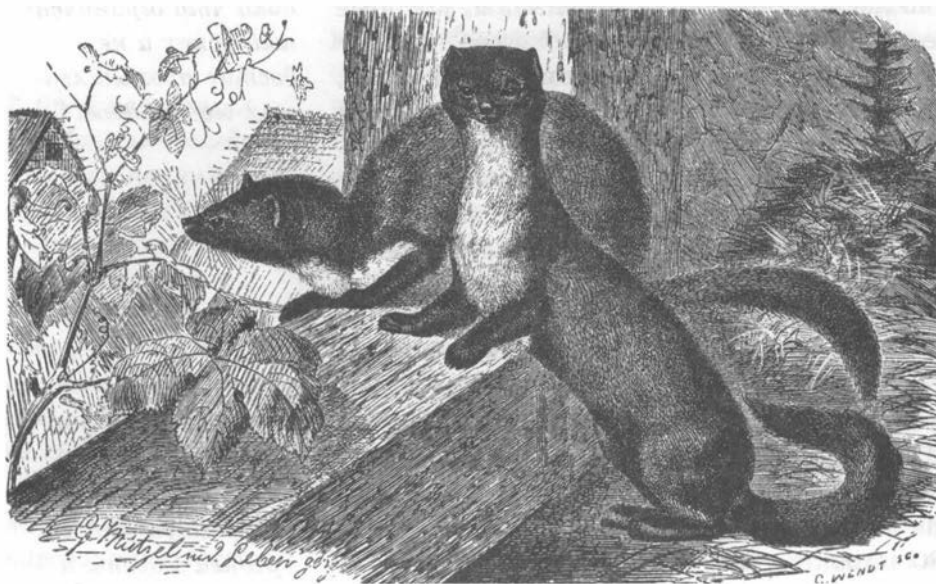
Каменная куница, или **белодушка** (*Martes foina*)** , отличается от лесной куницы меньшим ростом, более короткими ногами, удлинённой головой с короткой мордой, меньшими ушами, более коротким мехом, более светлой окраской шерсти и белым пятном на горле. Длина тела взрослого самца около 70 см, из которых более трети приходится на хвост. Мех серовато-бурого цвета, между остью которого просвечивает беловатый подшерсток. На лапах и хвосте мех темнее, а на концах лап темно-бурый. Пятно на горле, которое по форме и величине бывает довольно различно, но всегда меньше, чем у лесной куницы, состоит из чисто белых волос, у молодых же оно иногда окрашено в красновато-желтый цвет. Края ушей окаймлены короткими белыми волосами.

Белодушка встречается во всех тех странах, где живет и лесная куница. Область распространения ее простирается на всю среднюю Европу, Италию, за исключением Сардинии, Англию,

** Хотя куницу добывали и продолжают добывать ради ее меха, она сравнительно многочисленна, особенно в Центральной России. Опыт искусственного разведения лесной куницы имел пока что ограниченный успех и не достиг промышленных масштабов.*

*** Каменная куница распространена от Средней Европы и Средиземноморья до Монголии и Гималаев. Она очень похожа на лесную куницу размерами и пропорциями (несколько более длиннохвостая), но менее связана с лесами, предпочитая открытые местообитания. Селится на скальниках, каменных россыпях и, иногда, в заброшенных каменных постройках.*

Швецию, среднюю Россию до Урала, Крым и Кавказ, западную Азию, в особенности Палестину, Сирию и Малую Азию. Она встречается также в Афганистане и, кроме того, в области Гималайских гор, но там, по показаниям Скалли, не ниже 1600 метров над уровнем моря. На Альпах белодушка поднимается летом за пределы произрастания хвойных деревьев, но зимой спускается в долины. В Голландии она, по-видимому, совершенно истреблена, по крайней мере там она встречается очень редко. Она почти везде встречается там же, где и лесные куницы, и всегда близко подходит к жилищам людей; можно даже сказать, что деревни и города составляют ее любимое местопребывание. Она любит поселяться в одиноких сараях, конюшнях, беседках, разрушенных каменных стенах, кучах камней и между сложенными дровами,

Каменная куница
(*Martes foina*)

по соседству с деревнями, которым она приносит значительный вред, истребляя домашних птиц. «В лесу, — говорит Карл Мюллер, который обстоятельно наблюдал белодушку, — она охотнее всего прячется в дуплах деревьев, в сараях делает себе глубокую нору в сене или соломе, чаще всего около стены. Ходы ее образованы отчасти тем, что она прижимает в стороны сено и солому, а отчасти тем, что разгрызает их. Под сеном и соломой, обыкновенно в углу под балкой строения, белодушка устраивает для своего потомства гнездо, которое состоит из простого углубления и бывает иногда выстлано перьями, шерстью или льном, если она это может достать».

По образу жизни и привычкам белодушка мало отличается от куницы. Она точно так же подвижна, ловка и искусна во всевозможных движениях, так же смела, хитра и кровожадна; она умеет лазать вверх даже по гладким стволам деревьев, делает очень большие прыжки, хорошо плавает, ловко подкрадывается к добыче и часто протискивается в самые узкие щели. Зимой спит весь день в своем гнезде, если только ее не потревожат; летом даже днем выходит на охоту и посещает при этом далеко отстоящие от ее логовища сады и поля. «Она крадется с большой таин-

ственностью, и если чем-нибудь испугана и в первую минуту не знает, куда ей скрыться, то начинает странно кивать головой, как старая баба, прячет голову в какое-нибудь углубление, быстро ее опять приподнимает и становится в оборонительную позицию, показывая белые зубы. Я заметил, что она в минуты испуга, как и лисица, закрывает глаза, как будто ожидая удара. Во время своих хищнических набегов она точно так же смела и предприимчива, как хитра и лукава. Она умеет забраться в самые высокие голубятни, применяя при этом очень хитрые приемы. Отверстия, в которое она может просунуть голову, достаточно ей для того, чтобы пролезть в него всем телом. На старых крышах поднимает она иногда черепицы, чтобы попасть в курятник или на чердак».

Белодушка питается тем же, чем и куница, но она вреднее ее, так как имеет больше возможностей истреблять животных, полезных человеку. Любым способом проникает она в курятник и там из-за своей кровожадности производит большие опустошения. Кроме того, она ест мышей, крыс, кроликов, всевозможных птиц, а когда охотится в лесу, то хватается белок, пресмыкающихся и лягушек. Яйца она считает большим лакомством и любит также разные плоды: вишни, сливы, груши, крыжовник, рябину и даже семена конопли. Дорогие сорта плодов стараются от нее оберегать, и как только заметят ее присутствие, ствол дерева намазывают крепким табачным раствором или каменноугольной смолой. Курятники и голубятни нужно крепко запирать, чтобы она туда не пробралась, и старательно затыкать даже небольшие отверстия, прогрызенные крысами. Она приносит вред не только тем, что умерщвляет птиц, но и тем, что спасшиеся от ее преследования куры и утки бывают так напуганы, что долго не хотят возвращаться в свой курятник. Ее кровожадность доходит иногда до полного иступления, и кровь ее жертв, кажется, действительно ее опьяняет. По словам Мюллера, белодушку находили иногда спящей в курятниках и голубятнях, где она загрызла много птиц. Впрочем, там, где возможно, она утаскивает с собой несколько трупов, чтобы запастись пищей на следующие дни.

Течка у каменной куницы начинается обычно тремя неделями позже, чем у лесной, большей частью в конце февраля*. Тогда слышишь чаще, чем в другое время, на какой-нибудь крыше кошачье мяуканье этих зверьков, а также своеобразное ворчание и драку двух самцов. В это время белодушка издает более сильный запах мускуса; в комнате запах этот почти невыносим. По всей вероятности, он служит приманкой для других куниц. Случается довольно часто, что белодушка скрещивается с лесной куницей и производит ублюдков, которые хорошо выживают.

В апреле или мае самка родит от трех до пяти детенышей, которых искусно прячет от посторонних глаз, нежно любит и позднее хорошо обучает хищническому искусству. «Мать, — говорит Мюллер, — очень старательно показывает детям на своем

* У белодушки спаривание происходит летом, и оплодотворенная яйцеклетка останавливается в развитии примерно на 200 дней. Настоящая беременность продолжается всего месяц.

Семейство куны

примере разные приемы лазанья по стенам и деревьям. Я имел случай это часто наблюдать. В одном парке стояла каменная стена в пять метров высотой, которая примыкала к сараю, где жила белодушка с четырьмя детенышами. В сумерки старая куница выходила из сарая, внимательно осматривалась кругом, а затем шла осторожно вперед по стене, точно кошка; сделав несколько шагов, она останавливалась и садилась, повернувшись мордой к сараю. Через несколько секунд один из детенышей проходил по той же стене и садился около матери, за ним следовали поочередно второй, третий и четвертый. После небольшого отдыха старая белодушка поднималась и в пять или шесть прыжков перескакивала довольно большое пространство на стене, а затем садилась и смотрела, как ее детеныши таким же способом до нее добивались. Вдруг мать исчезла со стены, и я услышал едва заметный шум от ее прыжка в сад. Детеныши, сидя на стене, вытягивали шеи и, очевидно, не знали, что предпринять. Наконец, пользуясь близстоящим тополем, они решили слезть вниз к матери. Как только они все собрались внизу, старая куница по кусту бузины снова взобралась на стену. Детеныши без всякого колебания последовали за ней, и было интересно наблюдать, как они сумели воспользоваться ближайшим путем, чтобы взобраться по кусту на стену. Тогда началась такая беготня и такие смелые прыжки, что игра маленьких котят показалась бы по сравнению с этим детской забавой. Ученики с каждой минутой становились все ловчее и смелее. Они лазали по деревьям вверх и вниз, рыскали по стене и крыше взад и вперед, следуя везде за матерью, и показывали во всех своих телодвижениях такое искусство, что становилось ясно, как должны птицы в саду опасаться этих хищников, когда они подрастут».

В неволе белодушка очень забавный зверек, так как отличается подвижностью и грациозностью движений; ни одну минуту не остается в покое, а постоянно бегаёт, лазает, прыгает по всем направлениям. Ловкость и быстроту движений этого животного трудно описать, и когда оно здорово, в хорошем расположении духа, то двигается с такой скоростью, что едва можно понять, где голова, где хвост. Однако самец белодушки издает довольно сильный неприятный запах. Запах этот многим кажется в высшей степени противным; кроме того, кровожадность белодушки делает ее довольно опасным животным, и потому почти всегда ее приходится запирасть.

Только опытный охотник может убить или поймать белодушку. Хотя это животное любит ходить по известным тропинкам, но очень недоверчиво и часто умеет перехитрить даже искусного охотника. Малейшая перемена в обстановке тех мест, где белодушка любит пребывать, заставляет ее удаляться от своих обычных тропинок и логовиц на несколько недель, а иногда и месяцев. В Германии и средней Европе, по Ломеру, добывается

ежегодно до 250 тысяч шкурок белодушки. Север Европы поставляет до 150 тысяч шкурок, и цена этого товара доходит до 4 миллионов марок. Самые красивые, большие и темные шкурки доставляют из Венгрии и Турции, они и ценятся гораздо дороже немецких. В семидесятых годах нашего столетия шкурка белодушки ценилась в 15 марок, теперь она стоит от 8 до 10 марок. Блэнфорд утверждает, что еще более красивые шкурки белодушки привозят из Туркестана и Афганистана*.

На куниц больше всего похож драгоценный соболь (*Martes zibellina*)**. Он отличается от них конусообразной формой головы, большими ушами, высокими и довольно толстыми ногами, большими ступнями и глянцево-шелковистым мехом. Мютцель, которому посчастливилось срисовать с природы этот столь редкий в наших зоологических садах вид куницы, говорит: «Туловище и конечности соболя по сравнению с теми же частями тела у других куниц более толсты и приземисты. Голова имеет конусообразную форму, с какой бы стороны на нее ни посмотреть. Вершину конуса образует нос; линия, идущая от носа ко лбу, почти прямая и поднимается довольно круто; это происходит вследствие того, что очень длинные волосы лба и висков торчат вперед и закрывают угол, который образуют уши с передней поверхностью головы. На щеках и нижней челюсти волосы также имеют значительную длину и направлены назад, что придает голове конусообразную форму. Уши соболя больше и острее, чем у всех других видов куницы, и поэтому голова этого животного имеет очень своеобразный облик. Конечности отличаются от конечностей других куниц длиной и толщиной, а ступни — величиной и шириной, так что по сравнению с более тонкими и нежными ступнями других куниц ступни соболя кажутся похожими на лапы медведя, а длина его конечностей вместе с приземистым телосложением, придает всей фигуре соболя совершенно особенный вид».

Мех считается тем красивее, чем он гуще и мягче, а особенно чем более заметна дымчато-бурая с синеватым оттенком окраска подшерстка. Из-за этой окраски сибирские торговцы мехом и ценят мех соболя***. Чем желтее подшерсток и реже ость, тем шкурка менее ценна; чем темнее и однороднее по цвету ость и подшерсток, тем шкурка выше ценится. Самые лучшие шкурки соболя на спине черноватые, у морды черные с сединой, на щеках седые, шея и бока рыжевато-каштановые, а на нижней стороне горла довольно яркого оранжевого цвета, похожего на цвет яичного желтка; уши окаймлены серовато-белыми или светло-бурыми волосками. Желтоватый цвет горла, переходящий иногда в оранжевый, по словам Радде, бледнеет после смерти животного тем скорее, чем ярче это место было окрашено при жизни. У многих соболей на черной спине заметно много белых волос (седина), а морда, щеки, грудь и брюшко беловатые; у других мех на спине желтовато-бурый, брюшко же, а иногда шея и щеки белые

* Хотя каменную куницу и разводят в неволе, это носит ограниченный характер из-за сравнительно малой ценности ее меха.

** Соболь размером примерно с лесную куницу и несколько отличается от нее пропорциями тела, в частности более коротким хвостом. Он распространен в хвойных лесах от Скандинавии до Восточной Сибири и Кореи. В Японии и Южной Корее живет близкий вид — японский соболь (*M. melampus*).

*** Мех соболя — самый ценный из мехов мелких и средних куниц. Российские меховщики различают 11 типов окраски меха, из которых наиболее ценным считается баргузинский с темной, почти черной окраской и очень пышным блестящим мехом, далее по ценности следуют якутский и камчатский.

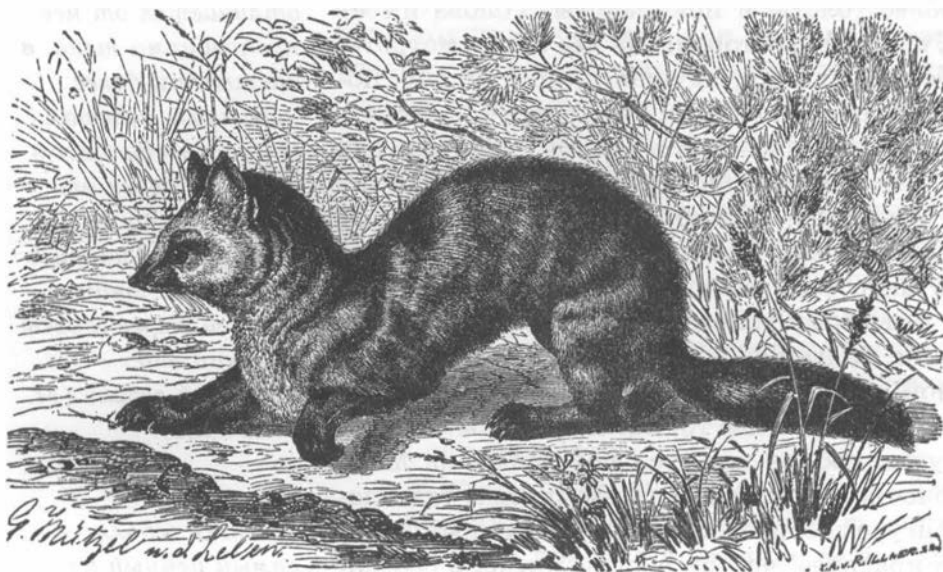
Семейство куны

* Промысел соболя носил массовый характер, что привело к резкому сокращению ареала. В начале XX в. ареал соболя представлял собой несколько изолированных участков, разбросан-

и только ноги темнее; у иных же повсюду преобладает желтовато-бурая окраска, которая оказывается более темной только на ногах и на хвосте; наконец, изредка встречаются совсем белые соболи.

Соболь в прежнее время встречался от Урала до Берингова моря и от южной границы Сибири до 68 градуса северной широты; кроме того, он распространен по обширной территории северо-западной Америки. В настоящее время область его распространения ограничена. Постоянное преследование загнало его в самые густые горные леса северо-восточной Азии, а так как человек и там, даже с опасностью для жизни, его преследует, то он удаляется все дальше и дальше на восток и встречается все реже*. «При завоевании Камчатки, — говорит Стеллер, — там было так много соболей, что камчадалам не составляло никакого труда

платить ясак соболями шкурами; туземцы тогда смеялись над казаками, которые им давали ножик за соболя. Каждый туземец мог без особого напряжения добыть во время зимы 60—80 и даже более соболей. В то время было вывезено из этой страны огромное количество собожьих шкурок, и купец мог посредством меновой торговли, особенно съестными

Соболь
(*Martes zibellina*)

ных по территории Сибири, Дальнего Востока и Монголии; в Северной Европе соболь полностью вымер. В 1920—50-е годы началась широкая реакклиматизация соболя, были созданы несколько запо-

припасами, легко заработать в 50 раз больше того, что истратил. Один чиновник, который ездил на Камчатку, вернулся в Якутск богатым человеком, заработав на торговле соболями 30 тысяч рублей». В это золотое время на Камчатке образовалось несколько обществ охотников за соболями, и с тех пор число этих животных значительно уменьшилось как там, так и в других местах восточной Азии. Преследование охотниками составляет главную причину уменьшения количества соболей, но соболь странствует с места на место, причем, по мнению коренных жителей, он преследует белок, которые составляют его любимую добычу. Во время этих странствований соболь безбоязненно переплывает широкие реки, даже во время ледохода, хотя обычно он избегает воды. Любимым местопребыванием соболя считаются леса сибирского кедра, так как гигантские стволы этих деревьев предоставляют

ему возможность устраивать удобные логовища, и потому еще, что в них живут многие животные, питающиеся кедровыми орешками и составляющие для соболя хорошую добычу; говорят, что он даже сам ест эти орешки*.

«Соболь, — говорит Радде, — несмотря на свою незначительную величину, самое быстрое и выносливое животное Восточной Сибири, а вследствие постоянного преследования человеком он стал и самым хитрым. У него, как у большинства других умных животных, очень заметно развита сообразительность вследствие того, что он постоянно должен бояться преследующих его охотников и потому имеет много возможностей упражнять силу и ловкость тела, а также и хитрость. Таким образом в Байкальских горах, где соболь прячется в расщелинах скал, гораздо труднее за ним охотиться с собаками, чем в горах Малого Хингана, где он избегает каменистых мест, а спасается всегда на деревьях. На Хингане, где его еще не так сильно преследуют, он охотится не только ночью, но даже и днем и спит только тогда, когда вполне насытится; в Байкальских же горах он очень осторожен и совершает свои набеги только по ночам. Охотнее всего отправляется он за добычей рано утром, до восхода солнца, и преимущественно на высоты, окружающие долины. След его немного больше, чем следы куниц, и, кроме того, он не так ясен, потому что по сторонам ступней растут длинные волосы. Когда он бежит, то правой передней лапой делает шаг больше, чем соответствующей левой». По своим движениям он больше всего похож на лесную куницу и точно так же, как и она, хорошо лазает и прыгает. Пища его состоит преимущественно из белок и других грызунов, а также из разных птиц.

Он не пренебрегает и рыбами, по крайней мере идет на приманку, состоящую из рыбьего мяса. Говорят, что очень любит мед диких пчел. Кедровые орехи ест охотно, и Радде находил часто в желудке убитых им соболей эти семена. Соболи спариваются в январе, и самка родит два месяца спустя от трех до пяти детенышей)**.

Сибирские охотники утверждают, что соболь иногда спаривается с куницей и что от этого скрещивания происходят ублюдки, называемые в Сибири «кидусами». Кидус имеет шерсть, как у соболя, но под горлом желтое пятно и хвост в него длиннее соболя. Шкурка его дороже куньей, но дешевле соболиной.

Охота за соболями и ловля их составляют для многих коренных жителей Восточной Сибири главное занятие, и купцы проезжают многие тысячи верст для покупки этих драгоценных шкурок. В нынешнее время большинство соболей добывают в тайге между Леной и Великим океаном, и торговля его шкурками составляет самый значительный доход для тамошних жителей и русских поселенцев. Охота за соболями производится с начала октября до середины ноября или начала декабря. Охотники со-

ведников для его охраны и налажено разведение в неволе. В результате численность соболя заметно возросла, и он вновь появился в некоторых местах своего прежнего распространения.

** В отличие от лесной куницы, соболь проводит большую часть времени на земле и по деревьям лазает неохотно. Основу его питания составляют мелкие млекопитающие и птицы, также он поедает в большом количестве различные ягоды и семена кедровой сосны.*

*** Как и у куницы, у соболя спаривание происходит летом, в июне—июле, после чего оплодотворенная яйцеклетка останавливается в развитии до начала весны. Во времена Брема это не было известно, что и приводило к определенным трудностям при первых попытках разведения соболя в неволе.*

Семейство куньи

бираются в определенных местах небольшими группами и устраивают себе в лесу шалаши или землянки. Собаки, которых берут на охоту, должны везти сани. Охота на соболя ведется почти так же, как описывает ее Стеллер (начало XVIII столетия), с тем только различием, что теперь уже не употребляют лука и стрел. Ставят различного рода силки и ловушки, идут по следам соболя на лыжах, окружают его логовище сетями и убивают из винтовок. Наилучшими считаются те ловушки, в которые соболь попадает, не портя своей шкуры. Охотникам требуется несколько дней, чтобы расставить в нужных местах эти ловушки, а затем каждый день они осматривают их, причем очень часто случается, что вместо соболя в западню попалась лисица или какой-нибудь другой менее ценный хищник. Случается, что несчастного охотника может застать буря в лесу, тогда ему приходится думать о спасении собственной жизни, и он бросает без присмотра расставленные ловушки. Из этого видно, что охота за соболем сопряжена с целым рядом трудностей. Когда охотники возвратятся, то часто оказывается, что добыча едва вознаградила их за расходы, не говоря уже о тех опасностях, с которыми им пришлось столкнуться.

В гористых местностях на юге озера Байкал охоту на соболя начинают еще в конце сентября, так как здесь, на высотах, у соболя раньше появляется его зимняя шерсть. В холодное время года соболь неохотно идет в воду и переходит ручьи по поваленным через них деревьям. В середине этих деревьев охотники устраивают небольшие деревянные ворота и вешают на них волосяные силки, которые прикрепляются посредством волосяных бечевки к большим камням. Соболь, переходя через такой мостик, попадает, несмотря на свою осторожность, шеей в силок; желая освободиться, он сбивает камень и вместе с ним летит в воду, где и тонет. Кроме того, устраивают и другого рода западни, самопалы, а также охотятся на соболей с собаками.

О жизни соболей в неволе сведений еще до сих пор мало. Понятно, что в Сибири столь драгоценное животное ловят живым только по особому заказу, и из тех немногих соболей, которых приручают, лишь единицы попадают в зоологические сады западной Европы. Стеллер рассказывает, что у тобольского архиепископа жил ручной соболь, который пользовался абсолютной свободой, бегал по городу и даже хорошо помнил те дома, в которых ему давали чем-нибудь полакомиться. Он спал почти весь день, но ночью становился очень живым и веселым. Пищу съедал с большой жадностью, после чего пил воду, а затем так крепко засыпал, что несколько часов казался совсем бесчувственным; его можно было щипать и колоть, и он все равно не шевелился. Этот соболь был большим врагом всех других хищных зверей; как только он видел кошку, то становился на задние лапки и выказывал большую охоту с ней подраться. Известны и

другие случаи приручения соболя, причем большей частью это были самки. Хотя эти животные очень красивы, но от них исходит довольно сильный и не всем приятный мускусный запах. Ручные соболя узнают своего хозяина, весело прыгают по клетке, когда довольны и здоровы, а в гневе рычат и ворчат, как молодые собаки*.

В Сибири охотнику платят за шкурку соболя в зависимости от ее качества от 20—25 до 200 рублей серебром. В Германии цена их колеблется между 30 и 500 марками. Лучших соболей поставляют из Якутска и Охотска. Соболи с берегов Енисея, Лены и Амура ценятся не так высоко. По наблюдениям Ломера, из Сибири вывозят ежегодно до 100 тысяч шкурок соболей ценой в 4 миллиона марок.

На северо-востоке и на дальнем севере Америки соболя заменяет американский соболь (*Martes americana*)** , у которого туловище имеет в длину 45 см, а хвост — 15 см. Это животное ближе к лесной кунице, чем к соболю. Окраска меха более или менее равномерно бурая; пятно на груди желтое, а голова и уши серые или белые. Волосы значительно грубее, чем у соболя, и почти такие же, как у нашей лесной куницы.

Самые лучшие шкурки добываются в странах, лежащих по берегам Гудзонова залива, в областях бассейнов рек Большой и Малой Китовых и на Лабрадоре. По Ломеру, из этих стран ежегодно поступает на рынок 100 тысяч, а с Аляски — от 30 до 50 тысяч шкурок, и лучшие из них ценятся по 75 марок за каждую.

Тайра (*Eira barbara*)*** достигает величины 1,1 м, из которых на хвост приходится около 45 см. Густая шерсть на туловище, на ногах и на хвосте буровато-черная, морда бледная буровато-серая, остальные части головы, затылка и бока шеи то пепельно-серые, то желтовато-серые, окраска уха переходит в слегка красновато-желтый цвет. На нижней стороне шеи находится большое желтое пятно. Оба пола друг от друга не отличаются; но отклонения в окраске встречаются, и именно окраска затылка бывает то светлее, то темнее, а пятно на шее иногда желтовато-белым. Совсем не редки и альбиносы.

Тайра распространена на большей части Южной Америки, от Британской Гвианы и Бразилии до Парагвая и еще южнее. Она вовсе не редка, а в некоторых местностях попадает даже часто. В лесных дебрях Бразилии, посещенных принцем фон Видом, она встречается повсюду и хорошо известна поселенцам. Мур утверждает, что на охоту она выходит группами в 15—20 штук; однако это сведение недостоверно, поскольку не подтверждено другими наблюдателями. Проживает тайра, по Ренггеру, на лугах, покрытых высокой травой, а также в густых лесах. При этом убежищем для нее в полях служат покинутые норы броненосцев, а в лесах — дуплистые деревья. Тайра — животное не ночное, так как на охоту она выходит лишь с первым проблес-

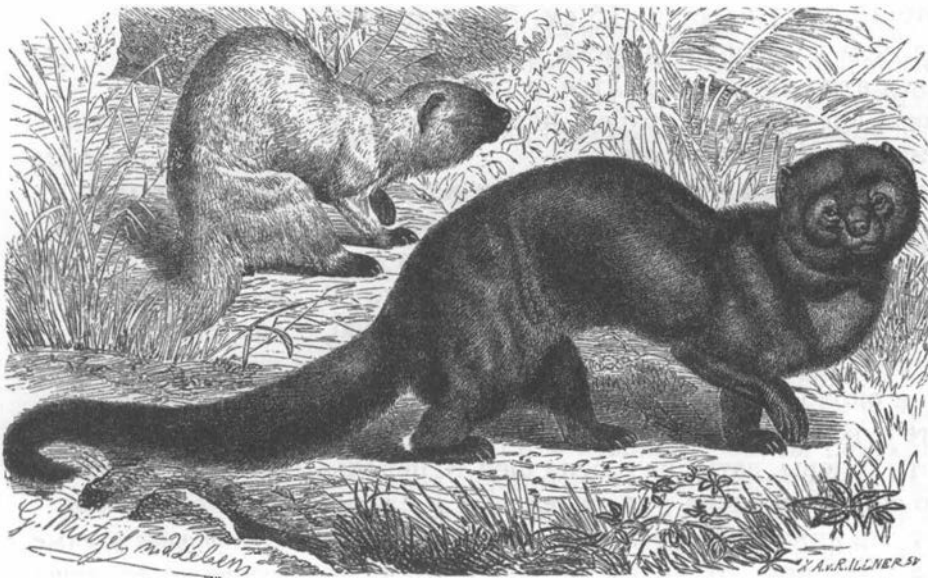
* Рассказывают, что соболей психологически тяжелее всех прочих кунных держать на зверофермах, так как зверьки быстро становятся ручными и работники фермы к ним привязываются.

** Американский соболь отличается более светлым мехом и мелкими размерами. Он распространен в таежной зоне и горных лесах Северной Америки от Аляски и Ньюфаундленда до центральной Калифорнии. Некоторые ученые считают его лишь подвидом соболя.

*** Тайра — близкий родич куниц, распространенный в Америке от южной Мексики до Аргентины. Длина тела 56—68 см, хвоста 37—47 см, вес 4—5 кг.

ком утренней зари и бродит, особенно при облачном небе, до самого полудня. Время полуденной жары проводит в норе, а с вечера и до самой ночи снова охотится. Она считается весьма вредным зверем, смело проникающим даже на территорию поселков.

Пищей для тайры служат все те небольшие беззащитные животные, которых только она в состоянии изловить. Молодые олени, агути, кролики, морские свинки и мыши составляют главную часть ее добычи; кроме того, в беслесных пространствах она преследует куриных и молодых нанду (американских страусов), а в лесах взбирается на деревья и разоряет птичьи гнезда. Для разграбления птичьих гнезд и для отыскания пчелиного меда тайра с большой ловкостью взбирается на самые высокие деревья. Вниз спускается всегда головой вперед и обнаруживает при этом такую ловкость, которой обладают лишь немногие из мле-

Тайра
(*Eira barbara*)

По Гензелю, свои логовища, или гнезда, тайра по преимуществу устраивает под землей; по крайней мере, собаки Гензеля нашли однажды ее убежище под скалами. При этом «лишь после долгих усилий удалось — при посредничестве двух срубленных толстых деревьев, послуживших рычагами, — разворотить обломки скалы и под ними найти как старых тайр, так и двух молодых. Эти последние были еще слепы и, по-видимому, родились всего лишь несколько дней назад; своей наружностью и голосом они вполне походили на лисят, от которых их можно было отличить только при тщательном осмотре по несколько коротким ногам и длинным когтям на всех пяти пальцах».

В прирученном состоянии тайры встречаются довольно часто во всей Южной Америке. Шомбургк зачастую находил их в хижинах у индейцев; да и сам он, так же как и Ренггер, в течение

к о п и т а ю щ и х .
Принц фон Вид свидетельствует: «Тайра бегаёт хотя и не особенно быстро, но в состоянии весьма долго преследовать животное, которое таким образом она доводит до изнеможения и тогда уже завладевает им. Так, между прочим, мне говорили, что видели, как тайра гнала косулю до тех пор, пока та не упала, и тогда принялась ее есть еще живой».

долгого времени имели по ручной тайре, о которых оба этих наблюдателя сообщают следующее: тайр кормят молоком, мясом, рыбой, вареным мясом, зрелыми бананами — короче говоря, всем съедобным, и при этом они чувствуют себя превосходно. Когда им показывают пищу, они стремительно подпрыгивают к ней, хватают передними лапами и зубами и как можно дальше убегают с ней от своего надсмотрщика. Затем ложатся на брюхо и, придерживая мясо передними лапами, начинают есть его наподобие кошек, не отрывая кусков, а разжевывая мясо коренными зубами одной стороны. Если бросить им живую птицу, то в один прыжок они подминают ее под себя и затем перегрызают ей шею около головы. То же самое делают они с небольшими млекопитающими*. Весьма любя кровь, они, умертвив животное, прежде обыкновенно нализываются его крови, а затем уже принимаются за мясо. Если их потревожить во время еды, они начинают яростно кусаться. Жидкость тайры лакают. Будучи весьма чистооплотны, они непрерывно лижут и чистят свою глянцевитую черную шерсть. Рассерженные, испускают мускусный запах, который издает жидкость, выделяющаяся из специальных желез, находящихся в складке кожи под заднепроходным отверстием. Если хорошо обращаться с ними, то они легко привыкают к человеку, играют с ним, отзываются на его зов и, будучи на привязи, следуют за ним по всему дому наподобие кошки. При этом они оказываются весьма игривыми и любят лизать и шутя грызть руки хозяина, но часто в таких случаях могут весьма сильно укусить. Играя, они наподобие щенят урчат; проявляя нетерпение — отрывисто воют. Но несмотря на их любезности, тайры все-таки остаются весьма опасными врагами небольших животных, и, забыв все привитые им воспитанием навыки, с яростью набрасываются на свою жертву и душат ее. В неволе, находясь все время на привязи или в клетке, они настолько изменяют свой образ жизни, что спят всю ночь; но если позволить им жить в доме на свободе, то проводят время так же, как в диком состоянии: спят в часы полуночные и полуденные, а с раннего утра и до самого вечера охотятся за мышами и крысами, от которых и освобождают дом гораздо лучше, чем это делает кошка**.

Только индейцы, для которых не существует дурного мяса, едят этих животных; для европейцев мясо тайр отвратительно. Индейцы употребляют также и ее шкурку, из которой готовят небольшие мешки или же вырезают ремешки, служащие для украшения; однако, несмотря на все это, они не особенно часто охотятся за тайрой. В случае же опасности тайра, спасаясь, прячется или в нору в земле, или в дуплистый ствол, или же взбирается на высокое дерево, с которого по ветвям перебирается на соседние деревья, и затем, на некотором отдалении, снова спускается на землю. Она не принадлежит к быстро бегающим животным и если на своем пути не встретит хотя бы одно из таких

* Тайры обычно держатся поодиночке либо парами, реже — небольшими семейными группами. Хорошо лазает, на деревьях устраивает жилье и спасается от врагов, а пищу добывает в основном на земле. Пищей служат преимущественно грызуны, но также зайцы, мелкие олени, птицы и их кладки, мед и фрукты.

** Тайра сравнительно легко приручается и с давних пор использовалась латиноамериканскими индейцами в качестве кошки.

* Ласка — самое мелкое кунье, длиной около 15 см, не считая сравнительно короткого хвоста, и весом 100—200 граммов. Распространена во всей Европе и Сибири, в Средиземноморье, Малой, Центральной и Восточной Азии и Северной Америке. Для северной более мелкой формы характерна сезонная смена окраски с летней коричневой на зимнюю белую (Бремштер пишет о «беловатобурых пятнах», но такой пегой ласка бывает только во время линьки).

убежищ, то ее очень скоро настигают собаки и после короткой борьбы загрызают.

Ласка и ее ближайшие родичи имеют тело еще более тонкое и удлинненное, чем все остальные куницы; череп их больше сдвоен и к заду суживается; верхний же плотоядный зуб имеет несколько иную форму, чем у хорьков. Все относящиеся сюда виды охотнее всего живут на полях, в садах, углублениях почвы, расщелинах скал, под камнями и кучами дров и охотятся как днем, так и ночью. Хотя эти животные и самые небольшие из хищных, они обнаруживают такую отвагу и кровожадность, что могут служить истинным образцом для целого семейства.

Ласка (*Mustela nivalis*)* достигает длины 20 см, из которых 4,5 см приходится на короткий хвостик. Чрезвычайно вытянутое туловище вследствие одинакового объема шеи и головы кажется еще тоньше, чем оно есть в действительности. Будучи почти повсеместно от головы до хвоста одинаковой толщины, оно только у взрослых несколько втянуто в области живота и немного заострено на конце морды. Ноги у ласки короткие и тонкие, на ступнях между мясистыми частями пальцев находятся волосы, а сами пальцы вооружены тонкими, коническими и весьма острыми когтями. Сравнительно короткий хвост постепенно заостряется от корня к концу. Широкие и закругленные уши направлены в стороны, косо лежащие глаза малы, но взор их весьма жив. Все тело покрыто не очень длинными волосами, и в несколько большем изобилии они находятся вблизи того места морды, где она начинает заостряться. Кроме того, у ласки имеются длинные усы и щетинки над глазами, а также несколько щетинообразных волосков ниже глаз. Окраска меха красновато-бурая; край верхней губы, вся нижняя сторона тела и внутренние стороны ног белые. С каждой стороны рта находится по небольшому кругловатому бурому пятну, и, кроме того, отдельные бурые пятнышки иногда встречаются и на светлом брюшке. От этой окраски мех в умеренных и южных странах существенно не уклоняется; напротив, в северных краях ласка, подобно горностаю, приобретает зимнее одеяние, состоящее из беловато-бурых пятен, но того красивого, черного кончика хвоста, который отличает горностаю, у нее не бывает.

Ласка встречается во всей Европе довольно часто, хотя, может быть, и не в столь большом количестве, как в северной Азии; при этом находит себе убежище на плоских равнинах и в гористых областях; в местностях, лишенных кустарника и в лесах; в местах, густо населенных людьми, она встречается в не меньшем количестве, чем в областях, мало посещаемых человеком. Подходящее пристанище находит себе повсюду, так как умеет везде отыскать убежище, в котором с полной безопасностью укрывается от своих главных врагов. Она проживает в дуплах деревьев, под кучами камней, в развалинах, иногда под берегами, подмыты-

ми водой, в норах крота, хомяка и крысы, а зимой в сараях и амбарах, на чердаках под кровлей, зачастую также и в городах. Там, где ее не беспокоят, ласка рыщет даже днем; там же, где ее преследуют, она выходит на охоту лишь ночью, а если днем, то уже с чрезвычайной осторожностью.

Если осторожно и без шума подойти к тому месту, где она живет, то можно легко за ней понаблюдать. Слышишь слабый шелест в траве и видишь маленькое бурое существо, которое, как только приметит человека, настораживается и поднимается на задние лапы для того, чтобы лучше его рассмотреть. Обычно это миниатюрное создание и не думает убежать; напротив, ласка храбро идет навстречу и даже принимает поистине вызывающую позу. Даже если подойти к ней совсем близко, то и тогда она оказывается настолько отважной, что приближается к возмутителю покоя с удивительным нахальством, как бы осведомляясь, зачем пожаловал сюда непрошенный гость.

Не раз случилось, что смелое создание даже нападало на человека и покидало его, выдержав прежде долгий бой. С такой отвагой соединяется у ласки и большое присутствие духа. Она почти всегда находит

возможность извернуться и даже в когтях хищной птицы не считает себя пропавшей. Сильный и кровожадный ястреб, конечно, не тратит силы на расправу с таким по сравнению с ним слишком уж слабым карликом: несколько не страшась, подхватывает он ласку длинными когтями с земли и пронзает ее ими или душит прежде, чем маленькая плутовка успеет опомниться; но более слабые хищники всегда должны быть осторожны, если им вздумается отведать ее мяса. Одному наблюдателю довелось видеть, как красный коршун стремглав бросился на землю, подхватил какое-то маленькое млекопитающее и поднялся с ним в воздух. Но вдруг птица стала метаться, в полете ее появилась неуверенность, и наконец пернатый хищник упал на землю мертвый. Удивленный зритель поспешил к месту его падения и увидел весело пропымыгнувшую оттуда ласку, которой удалось перекусить

Ласка
(*Mustela nivalis*)

Семейство КУНЫ

** Даже не будучи зажатой когтями, ласка едва ли может справиться со столь крупной птицей, как коршун.*

*** По-видимому, ласка — одиночный хищник. Ее основная добыча — мелкие мышевидные грызуны, к проникновению в норы которых и приспособлено в первую очередь ее тело. Хотя она и нападает на других животных, это, вероятно, крайне редкое явление.*

Описания нападения ласок на животных крупнее молодого кролика могут относиться к другим, более крупным видам рода. Совместная охота нескольких ласок, вероятно, совершается семейной группой, состоящей из самки и подросших детенышей.

горло своему страшному врагу и таким образом избавиться от него*. Подобные наблюдения сделаны и относительно ворон, которые нападали на это небольшое животное, в результате расплачиваясь своей жизнью вместо того, чтобы полакомиться добычей.

Понятно, что такое преисполненное отваги и бодрости создание должно быть поистине страшным хищником, и на самом деле ласка таковым и оказывается. Она объявила войну всем небольшим млекопитающим и производит среди них ужасные опустошения. Из млекопитающих ее добычу составляют домовые, полевые и лесные мыши, водяные и домовые крысы, кроты, молодые хомяки, зайцы и кролики; из класса птиц она истребляет молодых кур и голубей, жаворонков и других живущих на земле птиц, а также и таких, которые спят на деревьях; если попадутся ей гнезда этих птиц, то она опустошает и их. Из пресмыкающихся подкарауливает ящериц, медяниц и ужей, отваживается нападать даже на опасную гадюку, от нескольких укусов которой, однако, умирает. Кроме того, она поедает лягушек и рыб. И вообще ест всякое мясо, даже животных того вида, к которому принадлежит сама. Она любит полакомиться всевозможными насекомыми, умеет справиться с твердой скорлупой рака, когда при случае он ей попадет. Незначительная величина и невероятная ловкость значительно облегчают ей охоту. С полным правом можно сказать, что ни одно маленькое животное не может чувствовать себя в безопасности. Она чрезвычайно ловко бегаёт, хорошо лазает и плавает и умеет при помощи изворотов, совершаемых с быстротой молнии, а в случае необходимости и при посредстве больших прыжков ускользать от своих врагов или, напротив, оказываться у них на спине. В способности пролезать через самые узкие щели и дыры, а благодаря этому проникать в любые самые укромные места заключается ее главная сила. А отвага, страсть к убийству и кровожадность в дополнение к этому превращают маленькое животное в совершенного хищника. Утверждали даже, будто ласки охотятся сообща, чему, впрочем, нельзя удивляться, так как ласка действительно живет и сообществами, а в некоторых местностях соединяется в большие группы. Так, Пехуель-Леше наблюдал семерых ласок, вероятно составлявших одну семью, которые днем обыскивали поросшую кустарником между, причем не особенно пугались проходящих мимо людей**. Маленьких животных ласка хватает за затылок или за голову, а большим норовит вцепиться в шею. В яйцах она умело проделывает одно или несколько отверстий и затем так высасывает их содержимое, что не теряет ни одной капли. Говорят, будто она уносит яйца: маленькие — держа в зубах, а большие — зажимая между подбородком и грудью. Мясо больших животных не трогает, а слизывает лишь их кровь, но мелких животных съедает целиком, и тех, которые попались в ее лапы, она уже не выпустит.

Время спаривания приходится на март. В мае же или в июне, следовательно, после пятинедельной беременности, самка родит пять—семь, иногда же только трех, а порой и до восьми слепых детенышей, причем роды большей частью совершаются или в дупле дерева, или в одной из норок животного, но всегда в скрытом от глаз местечке в гнездовидном логовище, устланном соломой, сеном и листьями*. Самка чрезвычайно любит своих детенышей, долго кормит их молоком, а затем в течение нескольких месяцев приучает к домовым, лесным и полевым мышам, которых приносит живыми. Если детенышей потревожить, то она в зубах переносит их в другое место. В случае опасности верная мать защищает своих детенышей с безграничным мужеством. Когда же прехорошенькие зверьки подрастут, то они часто играют днем со старыми, причем забавно и приятно смотреть, как озаряемое сверкающими солнечными лучами общество резвится по лугам, в особенности там, где много подземных ходов. Весело играет там зверькам, то из одной, то из другой норки показывается головка, маленькие блестящие глазки посматривают во все стороны. Если все тихо и спокойно кругом, то один за другим вылезают зверьки из норы и начинают резвиться в зеленой траве. Братья и сестры задирают друг друга, кусают, гоняются один за другим и обнаруживают при этом всю свойственную им ловкость. Стоит притаившемуся наблюдателю в это время зашуметь, кашлянуть или ударить в ладоши, как полные ужаса стар и млад в мгновение ока скроются в норки. Однако вскоре опять появляются одна, другая, третья головка, наконец, все они вылезают на поверхность земли, озираются, убеждаются в безопасности, и вскоре все общество снова в сборе. Если теперь продолжать испугивать их, то вскоре можно заметить, что это помогает мало, так как маленькие отважные зверьки становятся все нахальнее и наконец совсем уже беззаботно начинают возиться на глазах наблюдателя.

При хорошем содержании ласка может прожить в неволе от четырех до шести лет; на свободе же она, по-видимому, достигает возраста восьми—десяти лет. К сожалению, эти маленькие, полезные создания часто преследуются несведущими людьми и истребляются просто из-за одного только избытка усердия. Там, где ее приманивают яйцами, маленькими птичками или мышами, ласку поймать весьма легко. Часто находят ее в крысоловках, в которые она попадает случайно. Однако вместо преследования это превосходное животное следовало бы всячески охранять из-за той пользы, которую оно приносит. Можно смело утверждать, что для охоты за мышами никакое другое животное не приспособлено столь превосходно, как ласка. В сравнении с приносимой ею пользой не стоит обращать внимания на вред, который ласка причиняет, когда случайно забирается в плохо затворенные курятник или голубятню. Впрочем, со всякого рода предрассудками

** При наличии подходящих температурных условий и обилии корма (в южных частях ареала или когда зверьки заселяют человеческие постройки) ласка способна размножаться круглогодично, принося по несколько пометов в год.*

* Горноста́й очень похож на ласку внешне, отличаясь более длинным хвостом с черным кончиком. Его распространение охватывает ту же область, что и у северной расы ласки (то есть Северную и Среднюю Европу, Сибирь, Японию и Северную Америку), от которой горноста́й отличается еще и большими размерами. В Средней Европе и в Англии горноста́й имеет постоянную окраску, в остальных местах линяет на зиму так же, как и ласка. В Северной Америке совместно с горноста́ем живет очень похожая на него пропорциями и размером длиннохвостая ласка (*M. frenata*). В меховой торговле этот вид и горноста́й не различаются, возможно, и Брем их не различает.

бороться трудно. Невежественные люди не только не знакомы с нравами этого животного, но сочиняют про него басни. А среди них кое-где встречаются еще и такие басни, будто ласка родит своих детей изо рта, — мнение, которое своим возникновением, конечно, обязано тому, что часто видели, как самка переносит своих детей с одного места на другое в зубах, причем забывают, что ведь и кошка делает то же самое. Кроме того, верят, будто у всех животных, приходящих с ней в соприкосновение или укушенных ею, развиваются на соответственных местах злокачественные опухоли, и опасаются за коров, которые будто бы подвергаются укусам более, чем все другие домашние животные. По словам Вуттке, ласка в глазах суеверных людей — в высшей степени опасный зверь. Если она фыркнет на кого-нибудь, то у человека распухает лицо или он слепнет, возможна даже и смерть; слепоту или болезнь причиняет даже один взгляд зверька. Не рекомендуется ласку называть по имени, иначе она станет преследовать человека и сглазит его; поэтому следует сказать ей: «Прелестная крошка, да хранит тебя Бог!» Она портит также и корову, которая от этого заболевает и вместо молока дает кровь. Медленно замученная до смерти ласка излечивает нарывы; если выпустить и еще теплой выпить ее кровь — избавишься от падучей болезни; вырванное еще у живой ласки и тотчас же съеденное сердце сообщает дар пророчества. О всяком другом вздоре, о котором рассказывает старый Геснер, я умолчу; судя по примерам, которые были приведены мной выше, достаточно сказать, что в прежние времена почти каждая часть тела животного играла известную роль в сокровищнице лекарств. Напротив, в других странах сельские жители полагают, что присутствие ласки на дворе приносит счастье дому и хозяйству, и ввиду тех добрых услуг, которые действительно оказывает этот маленький хищник, эти люди оказываются, во всяком случае, лучше знакомыми с истиной.

Горноста́й (*Mustela erminea*)* — это ближайший родич ласки обыкновенной, на которую он чрезвычайно похож по своему наружному виду и образу жизни, но которую, однако, значительно превосходит по величине. Общая длина горноста́я достигает 32 или 33 см, причем на хвост приходится от 5 до 6 см; на севере же он должен быть еще больше, чем в средней Европе. Верхняя часть спины и половина хвоста летом рыжевато-бурого цвета, а зимой белого; соответственно этому и остевые волосы шерсти на этих местах летом рыжевато-бурые, а зимой — белые, нижняя же часть постоянно окрашена в белый цвет с желтоватым оттенком; кончик хвоста всегда черный.

Изменения в окраске горноста́я летом и зимой дали повод к появлению у естествоиспытателей различных мнений. Одни из них признают существование линьки и двойного роста волос; напротив, другие, к которым отношусь и я, того мнения, что к

зиме, и в особенности при наступлении сильных холодов, летние волосы просто выцветают*.

О выцветании летнего одеяния пока еще не существует таких данных, которые опирались бы на наблюдение над живым горностаем; однако мы знаем, что при известных обстоятельствах зимняя одежда может сменить летнюю весьма быстро. Нередко можно наблюдать, что горностаи уже и в позднюю зиму все еще бегают одетый по-летнему; но вот вдруг наступили холода, и часто в течение всего нескольких дней сменяется и его окраска. Это-то и побуждает меня признать с довольно большой достоверностью, что у горностая изменяется цвет волос или, если угодно, он просто выцветает. У всех куньих для вырастания шерсти требуется значительное время, и оно совершается в сущности таким именно образом, который указан выше, поэтому едва ли можно допустить, что горностаи составляют исключение из общего правила и что в течение немногих дней он в состоянии одеться столь же густой шерстью, как и его родичи, которым для замены одного меха другим понадобились бы целые месяцы.

Горностаи живут в северных странах Старого Света на весьма обширных пространствах. Так, он водится во всей Европе, к северу от Пиренейских и от Балканских гор и, кроме того, в северной и Средней Азии до самых восточных границ Сибири. Равным образом он встречается в Малой Азии, Персии и в Афганистане; наблюдали его даже и на Гималаях: по крайней мере Хендерсон однажды застрелил горностая в Кашмире. Во всех странах, где он водится, он не редок, а в Германии принадлежит к числу самых обыкновенных хищных животных.

Как и для ласки, для горностая оказываются пригодными всякая область, почти всякое место; устроиться как можно уютнее он сумеет повсюду. Углубления в земле, стенах, трещины в них, норы кротов и хомяков, расселины в скалах, кучи камней, деревья, необитаемые здания и сотни других подобных укромных местечек служат ему убежищем и приютом в течение дня. Выбрав жилье, он большую часть дня проводит во сне; однако это не мешает горностаю нередко также прогуливаться при лучах солнца, причем он вовсе не прячется от человека. Но время его охоты начинается с сумерек. Уже перед наступлением вечера он оживляется и начинает бродить. Если в это время горностаи проходят через удобные для наблюдения места, то не понадобятся долгие поиски, чтобы открыть присутствие этого животного с умным и проницательным взором. Притаившись где-либо, можно легко стать свидетелем и его действий. С присущими ему нетерпением и любопытством, а быть может, также томимый голодом, горностаи прежде всего начинают обыск в непосредственной близости от своего логовища. Тут и обнаруживается все проворство, привычность и изящество его движений. То как угорь извивается он между камнями и кустарниками, то, присев, остается на мгнове-

Семейство КУНЫ

** Вне всякого сомнения и горностаи, и ласка линяют дважды в год, меняя летний мех на зимний и наоборот. Последующее описание «стремительного» изменения цвета горностая, скорее всего основано на недостоверных наблюдениях. Известны описания как раз обратных ситуаций, когда при поздней осени или ранней весне зверек оказывается «одет не по сезону».*

ние неподвижным, причем середина его тела изгибается кверху дугой, которая гораздо выше, чем у кошки, то на мгновение приостанавливается перед норкой мыши, крота или просто расщелиной в земле и тщательно обнюхивает их. Даже не двигаясь с места, он ни на минуту не остается в покое: его глаза, уши и даже нос находятся в постоянном движении, а маленькая головка поворачивается во все стороны с быстротой молнии. С полным правом можно сказать про него, что он большой искусник и во всех телодвижениях. Он бегают и прыгает, превосходно лазает и быстро и уверенно переплывает большие водяные пространства.

С телесной ловкостью горностая вполне согласуются и свойства его характера. Он обладает такой же отвагой, как и родственная ему ласка, в то же время у него сильно развита склонность к хищничеству, соединенная с кровожадностью, свойствен-

ной всем куньим. Врага, могущего действительно вселить страх, горностай не знает, так как при известных обстоятельствах он с безрассудной смелостью кидается даже на человека. Трудно, конечно, поверить, что горностай может стать серьезным противником для взрослого человека, а между тем в действительности это так.

Горностай охотится и поедает почти всех мелких

Горностай
(*Mustela erminea*)

млекопитающих и птиц, которых он может захватить, а также нередко отваживается нападать и на животных, превосходящих его своей величиной. Мыши, кроты, хомяки, кролики, жаворонки, воробьи, голуби, куры, ласточки (которых он добывает из гнезд), змеи и ящерицы постоянно преследуются им, даже зайцы не застрахованы от него. Ленц однажды наблюдал, как пять горностаев готовились напасть около садового забора на больного зайца и пытались его задушить. Английские наблюдатели свидетельствуют, что отважное животное в состоянии осилить также и здорового зайца. Гоне, услышав однажды громкий жалобный крик зайца, поспешил к месту, откуда он раздавался, и увидел прихрамывающего зайца, которого, очевидно, что-то в высшей степени мучило.

Это что-то при ближайшем рассмотрении оказалось горностаем, который впился зайцу в одну из сторон груди. Заяц протащил еще немного своего страшного врага и скрылся в поросли; вероятно, дальше он уже не пошел. Эти факты можно оспаривать, но тем не менее они несомненны.

При этом Белль, впервые сообщивший вышеприведенный пример, добавляет: «Заяц, преследуемый горностаем, не пользуется своими преимуществами. В несколько прыжков, как само собой понятно, он мог бы так же ускользнуть от горностаея, как это удается ему при преследовании собакой или лисицей, но, по-видимому, он не обращает внимания на маленькое созданище и привольно продолжает прыгать, как будто горностаея вовсе нет на свете, а между тем за такое равнодушие ему иногда приходится расплачиваться жизнью». Интереснее всего наблюдать, как горностаея предается своей любимой охоте, когда овладевает он водяной крысой. Этот грызун преследуется хищником и на земле, и в воде. И как, по-видимому, ни казалась бы неблагоприятной для горностаея вода — эта естественная стихия для водной крысы — тем не менее горностаея в конце концов все-таки умудряется доконать грызуна. Вначале хищник обнюхивает все норы. Его тонкое обоняние явственно говорит ему, что одна или две крысы покоятся в норке. Убедившись в присутствии в норе крысы, горностаея без всяких околичностей проникает внутрь, а крысе, естественно, не остается ничего другого, как броситься в воду, в надежде спрятаться в густом тростнике, но это не спасает ее от неутомимого преследователя и самого злейшего ее врага. Выставив из воды голову и затылок, как обыкновенно это делает плывущая собака, несется горностаея с ловкостью выдры по чуждой ему стихии и с большим упрямством преследует спасающуюся крысу. Если какая-нибудь случайность не поможет ей, то она погибла. Сноровка в лазании столь же мало оказывает ей помощь, как и умение прятаться. Хищник все время, как выражаются охотники, висит над ней, а его хищные зубы всегда опаснее, чем крепкие и острые резцы грызуна. Случается, что борьба заканчивается в воде, и тогда проворный зверек выплывает с добычей в зубах на берег, где на приволье и пожирает крысу. Вуд рассказывает, что несколько горностаев в состоянии уничтожить в течение немногих дней многочисленное поселение водяных крыс*.

Время спаривания горностаея в наших местах (в средней Европе) приходится на март, а в мае или в июне самка приносит от пяти до восьми детенышей**. Для них мать обычно приготовляет мягкое ложе в какой-нибудь хорошо замаскированной норе крота или где-либо в другом, подобном укромном местечке. Детенышей своих мать очень нежно любит, кормит их молоком, ухаживает за ними и играет с ними до самой осени, так как от своей верной воспитательницы почти совершенно взрослые детеныши отделе-

** Основная добыча горностаея — мелкие грызуны. Однако он нападает и на более крупных животных, таких, как молодые утки или кролики. Он часто селится на открытых местах, по берегам водоемов. В некоторых условиях он может стать фактически полуводным животным.*

*** У горностаея беременность имеет латентный период, когда оплодотворенная яйцеклетка не развивается. Поэтому спаривание происходит у горностаев в начале лета, а развиваться эмбрионы начинают лишь с наступлением весны, 7—10 месяцев спустя после оплодотворения. В помёте горностаея обычно около 6 детенышей, но может быть от 3 до 18.*

Семейство Куньи

* У всех куньих чрезвычайно силен так называемый импринтинг (запечатление), благодаря которому первый подвижный предмет, увиденный детенышем после прозревания, ассоциируется с матерью и пробуждает инстинкт следования за этим предметом. Если человек берет слепых детенышей, то велика вероятность, что подрастающие детеныши будут стараться неотступно следовать за своим «воспитателем».

** Брем смешивает два вида: степного светлого хоря (*Mustela evermanni*) и лесного черного хоря (*M. putorius*). Черный хорь распространен по всей Европе до Урала. Окраска темная, черные вершины остевых волос скрывают более светлую коричневую подпушь.

ются лишь около зимы. В случае угрожающей опасности заботливая мать переносит весь свой выводок в зубах в другое убежище и для этого переплывает даже воду. Когда молодые до известной степени подрастут, то мать совершает с ними прогулки, причем очень добросовестно образом обучает их всем хитростям своего мастерства. Маленькие зверьки в свою очередь столь переимчивы, что уже по истечении короткого срока ученья они не многим уступают старым в отваге, лукавстве, ловкости и страсти к убийству.

Ловят горностаю во всякого рода ловушки, и часто он случайно попадает и в крысоловки; если тогда приблизиться к нему, то можно услышать пронзительные трещащие звуки, а если его раздражать, то он бросается на обидчика с громким визгом; о своей боязни он заявляет только тихим фырканьем. Обыкновенно горностаю, будучи пойман старым, живет не долго, так как он столь же раздражителен, как и ласка, не привыкает ни к клетке, ни к ухаживающему за ним лицу, отказывается от пищи или впадает в такое раздражение, что вследствие этого погибает. Я ловил много горностаев, заботливо ухаживал за ними, но не был в состоянии сохранить жизни ни одному из них. Напротив, взятый из гнезда горностаю становится весьма ручным и доставляет своему воспитателю много удовольствия; при этом некоторые из этих экземпляров становились ручными до такой степени, что по собственной воле уходили и возвращались домой, а также следовали за своим господином наподобие собаки*.

Мех горностаю не дорог, но благодаря своей красоте все-таки ценится. Прежде его носили исключительно монархи, но ныне он сделался общим достоянием. По Ломеру, на рынок в год поступает около 400 тысяч горностаевых шкурок общей стоимостью в 300 тысяч марок; при этом самые лучшие идут из Барабинска и Ишима, а качеством пониже — с Енисея и Лены. По Радде, в юго-восточной Сибири за горностаем сильно стали охотиться лишь в недавнее время, причем с 1856 года за шкуру платят от 10 до 15 копеек серебром, между тем как раньше из-за незначительной ценности шкурки горностаю вовсе не преследовали.

Хорь (*Mustela eversmanni*)** имеет туловище длиной от 40 до 42 см и хвост от 16 до 17 см. Мех снизу одноцветно чернобурый, а сверху и по бокам туловища более светлый, обыкновенно темный каштаново-бурый; светлее шерсть также вверху шеи и по сторонам туловища из-за желтоватого подшерстка, просвечивающего в особенности в этих областях тела. Через середину брюшка проходит не резко ограниченная рыжеватая полоса; подбородок и рыльце морды, за исключением темного носа, желтовато-бурого цвета. Над каждым глазом виднеется по одному не резко ограниченному желтовато-белому пятну, которые сливаются с неясной полосой, начинающейся под ухом. По краям бурых ушей находится желтовато-бурая же кайма, а длинные усы чернобуры. От этой только что описанной окраски встречаются

также и различные отклонения, которые давали даже повод рассматривать представляющих их животных как отдельные виды, и среди которых следует упомянуть об альбиносах или о вполне желто окрашенных хорьках. Самка отличается от самца преимущественно совершенной белизной всех тех мест, которые у самца окрашены в желтый цвет. мех животного хотя и густ, но менее красив, чем мех лесной куницы.

Хорек живет во всей умеренной полосе Европы и Азии, а случайно встречается также и в северном поясе. В нашей части света он, за исключением Лапландии и северной России, может быть встречен повсюду. В Азии он распространен к югу до Каспийского моря, а к востоку — через всю Сибирь до Камчатки. Так как хорьку пригодна любая местность, если только она снабжена пищей, он по-

этому проживает и на равнинах, и в горах, в лесах и на полях, но чаще всего селится, однако, вблизи жилищ человека вообще и около больших крестьянских дворов в особенности. Вдали от человека хорек поселяется в дуплистых деревьях, в трещинах утесов, в покинутых лисьих норах и в других расщелинах земли, которые ему случайно попадутся; при нужде он вырывает себе

нору и сам. В полях хорек устраивает себе жилье между высокими хлебными растениями, а также вблизи скал, между сваями, под частоколом, под мостами, в развалинах, между корнями больших деревьев и в густой изгороди; короче, он сумеет прижиться всюду, где только ему полюбитя, избегая лишь излишней работы и по возможности пользуясь чужими трудами. Зимой в наших местах он подходит к селам и городам, охотясь здесь уже на чужой территории — соперничая с домашней кошкой и каменной куницей, а порой забираясь в курятники, голубятни, хлевы для кроликов и в другие места, где в таких случаях он проявляет во вред человеку такую деятельность, которая не только равняется, но и превосходит своей кровожадностью деятельность других видов этого семейства. Но, с другой стороны, он может быть также

Лесной хорь
(*Mustela putorius*)

Семейство КУНЬИ

** Как и любое другое не домашнее животное, хорек не отождествляет домашнюю птицу с ее владельцем. Однако в ряде мест хорька не только привечали в домах, но и приручали. Взятые детенышами и выращенные хорьки делались вполне ручными и не хуже, а порой и лучше кошки оберегали дом от всевозможных мелких грызунов. От разводимых в таком качестве черных домашних фуро, о которых речь пойдет ниже.*

и полезен; в случае, если крестьяне хорошо оберегают своих кур, голубей и кроликов, так, что им не приходится бояться незваного гостя, он способен истребить несметное количество крыс и мышей, основательно очистить ближайшие окрестности от змей и потребует за это лишь теплое логовище в самом темном углу сеновала. Поэтому-то и существуют страны, где хорька любят так же, как в других местностях его ненавидят. В первом случае он пользуется даже некоторой охраной со стороны сельского хозяина и так высоко стоит в его мнении, что не считается виновным даже в том случае, когда следы крови в курятнике или в голубятне несомненно свидетельствуют о ночном посещении этих мест опасным хищником; при этом земледелец думает, что охраняемый и опекаемый им хорек не может оказаться настолько неблагодарным, чтобы в ответ на гостеприимство отплатить разбойничьим нападением на домашнюю птицу: крестьянин полагает, что душителем его птиц был какой-нибудь другой хорек или какая-либо другая каменная куница, забежавшие к нему откуда-нибудь из других мест. Конечно, такие воззрения свидетельствуют о великодушии и снисходительности этого человека, но вовсе не о знакомстве с характером хорька, так как хорек, подобно Лисе Патрикеевне, не имеет вовсе никакого понятия о собственности и взирает на человека, как на добродушного чудака, который, разводя домашнюю птицу или кроликов, предоставляет ему иногда возможность полакомиться вкусной пищей*.

Хорек, подобно кунице, пожирает всякое животное, которое может осилить. Он страшный враг всех кротов, полевых и домашних мышей, крыс и хомяков, даже опасен и для ежа, а равным образом и для всех кур и уток. Лягушки же, по-видимому, составляют его любимое блюдо, так как часто он налавливает их массами и складывает дюжинами в своих логовищах. В случае нужды он довольствуется кузнечиками и улитками. Но хорек выходит также и на рыбную ловлю, причем он, выследив рыбу с берега ручья, озера или пруда, мгновенно бросается за ней, ныряет и схватывает свою добычу с большим проворством; говорят, будто зимой он достает рыбу даже из-под льда. Кроме этого он весьма охотно ест мед и плоды. Его кровожадность также велика, но все-таки меньше, чем у куниц. Обыкновенно он не умерщвляет всех птиц, забравшись в птичник, но, выбрав себе лучшую из них, тащит ее в свою норку; однако такую охоту он может повторить в течение ночи несколько раз. Более, чем другие виды куниц, хорек имеет привычку делать себе запасы, и потому не редки случаи, когда в его логовище находят порядочное количество мышей, птиц, яиц и лягушек.

В Восточной Сибири, по словам Радде, хорек меняет свой образ жизни. Он редко живет в густых лесах, но не избегает, как в Европе, также и поселений человека для своего излюбленного местопребывания. Где есть леса, там он предпочитает их опушки

или же отыскивает покосы, которые, как известно, приманивают к себе полевых мышей и землероек; еще больше нравятся ему необитаемые и сухие степи, так как здесь он находит для себя в большом количестве свою главную дичь — байбаков, или степных сурков; на плоскогорьях же он ловит живущих там сусликов. Так, в Даурских степях, где его существование тесно связано с вышеупомянутыми байбаками, хорек ввиду долгой зимы, во время которой байбак спит, заготавливает себе на зиму пищу очень хитрым способом: осенью, когда земля еще не замерзла, хорек вырыывает в ней глубокие ходы, направляя их к пустым еще в то время логовищам сурков, но не доводит эти ходы до самых логовищ, а останавливается от них на небольшом расстоянии; когда же впоследствии сурок устроится в своей норке, наглухо закопает все ходы к ней и предается зимней спячке, то хорек прорывает оставленный им, как уже упомянуто, нетолстый пласт земли и, проникнув в логовище грызуна, загрызает его*.

Все движения хорька ловки, быстры и верно рассчитаны. Он умеет мастерски прокрадываться и совершать безошибочные прыжки, легко перебежать по самым тонким перекладам, лазает, плавает, ныряет — короче говоря, умеет всякими средствами извлечь для себя пользу. При этом он оказывается лукавым, хитрым, осторожным, предусмотрительным и недоверчивым, имеющим весьма острое зрение, а при опасности и мужественным, сердитым и зубатым — следовательно, животным, вполне способным к хищничеству в больших размерах. По примеру вонючки хорек в случае нужды защищается, выпрыскивая весьма вонючую жидкость, и этим часто отгоняет преследующих его собак. Его живучесть неимоверно велика. Он спрыгивает без вреда для себя со значительной высоты, переносит почти равнодушно всевозможные боли и умирает только вследствие очень значительных ран.

Время спаривания хорьков приходится на март. Там, где хорьки часты, удастся наблюдать или гоньбу по крышам самки и самца, или же борьбу двух соперничающих самцов. При этом все они громко кричат, крепко вцепляются зубами друг в друга и, составив один большой клубок, скатываются с крыш на землю, где на короткое время разъединяются и затем снова начинают свою возню.

Беременность продолжается два месяца, по истечении которых самка рождает где-нибудь в норе, а еще охотнее — в куче дров или хвороста от четырех до пяти, а иногда также и до шести детенышей**. Мать их любит необычайно, очень нежно заботится о них и защищает от всякого врага; случается, что заслышав шум вблизи своего гнезда, она безбоязненно нападает и на человека. Период детства длится около шести недель, по истечении которых молодые выходят вместе со взрослыми уже на поиски добычи, а по прошествии трех месяцев они почти сравниваются по величине со взрослыми.

** Несколько сомнительным выглядит это описание охоты на сурка. Скорее всего оно основано на том факте, что хорьки часто зимуют в сурчиных норах.*

*** Беременность у хорька продолжается 36—40 дней. Детенышей у черного хорька в среднем 4—6, реже от 2 до 12, у светлого хорька 8—11, иногда до 18.*

Семейство куны

Молодых хорьков можно подкладывать для вскармливания кошкам, благодаря чему они быстро приручаются; однако это не сулит много радостей, так как врожденная кровожадность со временем все-таки скажется и у таких хорьков, и тогда они становятся опасными для всякого незащитного домашнего животного.

Из-за значительного вреда, причиняемого хорьком, он почти повсеместно подвергается весьма энергичному преследованию. Для поимки его применяют всевозможные меры и ловушки. Однако там, где уж очень докучают мыши, было бы лучше оставить хорька в покое, а тот труд, который тратится на его поимку, с большей пользой можно было бы употребить на починку и плотное запираение курятников.

Мех у хорька теплый и прочный, но из-за своего поистине невыносимого запаха ценится значительно меньше, чем мог бы, если учитывать его густоту. Лишь в недавнее время он более или менее вошел в моду, и его без отвращения носят даже самые чувствительные дамы. По Ломеру, на продажу в Германии в настоящее время ежегодно попадает около 600 тысяч хорьковых шкурок, которые в общей сложности оцениваются около двух миллионов марок. Лучшие меха доставляют из Голландии, с Баварского плоскогорья, из северной Германии и Дании, не столь хорошие — из Венгрии и Польши и самого низкого качества — из России и Азии. В России в основном преобладают небольшие черноватые, а в Азии — желтоватые меха, ценность которых весьма незначительна. Большинство шкурок в этих странах потребляется на месте, и лишь незначительное количество их вывозится также в Швецию и Финляндию. Из длинных волос на хвосте изготавливают кисти, а мясо совершенно.

Фуру (*Mustela putorius furo*)*, по современным воззрениям всех естествоиспытателей, представляет разновидность обыкновенного хорька, изменившуюся вследствие неволи и приручения.

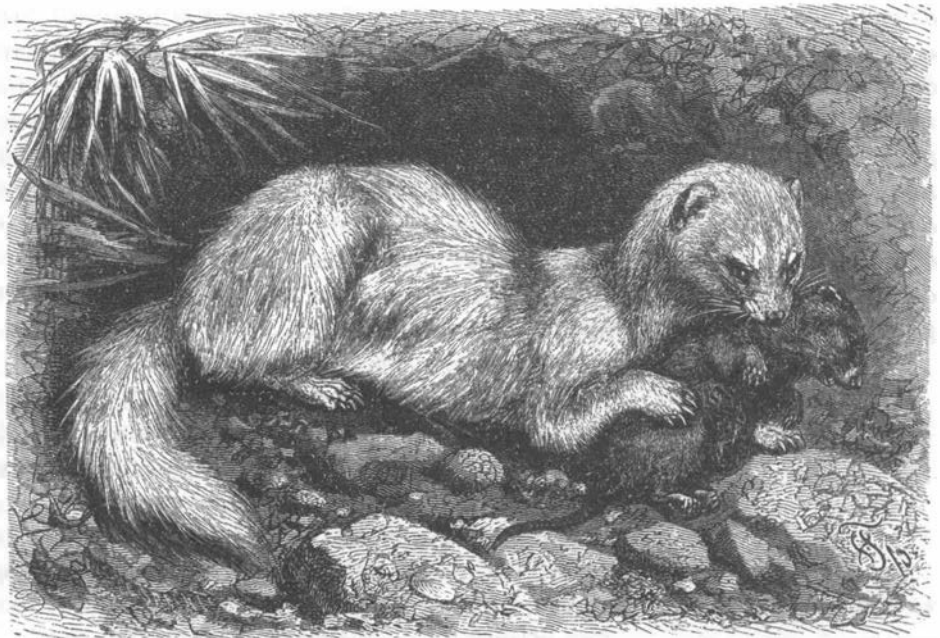
Фуру знают уже с древнейших времен, но лишь в прирученном состоянии. Аристотель упоминает о нем под именем «иктис», а Плиний — под именем «виверра». На Балеарских островах кролики однажды размножились до такой степени, что за помощью обратились к императору Августу. Он послал нескольких виверр, охотничьи подвиги которых были уже известны. Виверры эти пускались в норы к кроликам, выгоняли их оттуда наружу, где кроликов ловили в сети. Страбон повествует об этом случае еще обстоятельнее. «Из всех вредных животных, — рассказывает он, — в Испании водились только кролики, поедавшие коренья, зелень и семена. Эти животные до того размножились, что пришлось обратиться за помощью в Рим. Тогда, чтобы справиться с кроликами, стали изыскивать различные средства; однако самым лучшим оказалось пускать в их норы «африканских кошек» (под этим именем все древние естествоиспытатели разу-

* Фуру считается одомашненной (вероятно, в начале средних веков, а то и в античности) формой черного хоря. Использовался и используется в качестве истребителя домашних грызунов, для охоты на кроликов, просто домашнего любимца, а сейчас и в качестве пушного животного. Окраска, как правило, равномерно белая или светло-желтая.

меют куниц), которые с завязанными глазами выгоняли кроликов из их логовищ». Во времена арабов африканский хорек назывался уже «фуро», и, как свидетельствует Альберт Великий, в Испании его приручали и употребляли для тех же целей, что и ныне.

Фуро похож на обыкновенного хорька и видом, и величиной. Правда, он несколько меньше и слабее обыкновенного хорька, но то же самое наблюдается и у многих других животных, проживающих в неволе. Длина его тела достигает 45, а хвоста 13 см. Эти же размеры точь-в-точь соответствуют, с одной стороны, размерам обыкновенного хорька, с другой — и строение скелетов обоих этих животных существенно не отличается друг от друга. В Европе привыкли видеть хорька-альбиноса, то есть с беловатой или светло-

желтой, а снизу несколько темной окраской шерсти и со светло-красными глазами. Лишь у немногих из этих животных шерсть темнее, и тогда они очень бывают похожи на обыкновенных хорьков. Некоторые естествоиспытатели утверждали, будто фуро — африканец по происхождению и будто по Европе он распространился из Африки, но подтвердить это мнение каким-либо

наблюдением они не смогли. Таким образом, фуро встречается лишь в неволе и содержится нами единственно для охоты за кроликами; только англичане употребляют его для охоты за крысами, и те африканские хорьки, которых называют крысодавами, ценятся там дороже, чем те, которые могут быть употреблены для охоты за кроликами. Животных содержат в ящиках и в клетках, часто дают им свежего сена и соломы и предохраняют зимой от холода. Обыкновенно их кормят булкой или молоком, но они бывают значительно здоровее, если им дается не очень жесткое мясо недавно убитых животных. По наблюдениям Ленца, их можно дешево прокормить лягушками, ящерицами и змеями, так как эти зверьки весьма охотно поедают всех пресмыкающихся и земноводных.

Фуро
(*Mustela putorius furo*)

Семейство КУНЫ

** Фуру хорошо приручается, и только в США около миллионы этих зверьков содержится в качестве домашних любимцев. Однако есть сообщения о неспровоцированных покусках хорьками детей (обычно, как и в случае с другими домашними животными, «неспровоцированность» таких нападений можно было бы подвергнуть сомнению), а также о случаях бешенства у фуру.*

*** В Новой Зеландии и черный хорек, и фуру успешно одичали, образовав смешанную популяцию, представляющую смертельную опасность для ряда видов птиц аборигенной фауны.*

По своему нраву фуру схож с обыкновенным хорьком, которому, однако, уступает в проворстве; по кровожадности же и по склонности к хищничеству он не остается позади своего дикого брата. Даже будучи достаточно сыт, он как бешеный набрасывается на кроликов, голубей и кур, схватывает их за затылок и не отпускает до тех пор, пока жертва не перестанет шевелиться. Вытекающую из ран кровь лижет он с невыразимой жадностью, а головной мозг представляет для него, по-видимому, лакомое яство. На змей и других пресмыкающихся он нападает осторожнее, чем на других животных, и, очевидно, понимает опасность борьбы с гадюкой. По Ленцу, на ужей и медяниц он нападает с большой охотой, даже если раньше никогда не видел этих животных; несмотря на их усиленное сопротивление, он схватывает их, перегрызает хребет и съедает затем по хорошему куску мяса. Но к гадюке хорек приближается в высшей степени осторожно, причем пытается запустить свои зубы в середину тела этой сердитой змеи. Если же хорек был однажды укушен гадюкой, он, чтобы избежать ее ядовитых зубов, прибегает к всевозможным ухищрениям; несмотря на это, однако, порой он бывает настолько труслив, что совершенно отказывается вступать в борьбу и оставляет поле битвы за гадюкой. Укус гадюки не убивает фуру, но он от него хворает и лишается бодрости.

По-настоящему приручить фуру удастся редко; тем не менее известны примеры, когда некоторые из них следовали за своими хозяевами подобно собакам по пятам и их можно было оставлять без надзора на свободе*. Большая же часть африканских хорьков, раз ускользнув из своей клетки, умеет пользоваться добытой свободой: убегает в лес и поселяется в норке кролика, которая летом служит им убежищем. Они вскоре совершенно отвыкают от человека, но если не будут пойманы вторично, то погибают. По словам Болле, на Канарских островах хорек часто становится совсем диким**.

Самка после пятинедельной беременности, рождает в начале мая от пяти до восьми детенышей, которые в течение двух-трех недель остаются слепыми. Мать воспитывает их с величайшей заботой, а когда им минет приблизительно два месяца, то их можно уже отнять от матери и вскармливать отдельно.

В пищу детенышам, по словам Цейлера, у которого я заимствовал только что сказанное, утром дают белый хлеб с молоком, а вечером сырое мясо и раз или два в неделю по сырому яйцу; можно также ему давать, как и всем куницам, различные плоды, в особенности вишни, сливы и кусочки груш. После окончания спаривания самца следует отделить от самки, иначе он непременно съест только что родившихся детенышей; однако без всякого опасения можно в одном и том же ящике помещать по нескольку, по меньшей мере по две самки с детенышами. Не следует препятствовать своевременному спариванию африканского хорька,

иначе и самец, и самка из-за подавления их естественного влечения почти всегда заболевают и могут даже умереть. Если же за зверьком ухаживать тщательно, то он может прожить, оставаясь в добром здравии, от шести до восьми лет.

Но как ни полезен хорек в борьбе с кроликами, однако доставляемая им польза ничтожна в сравнении со стоимостью его содержания. Поскольку охоту за кроликами можно проводить при помощи фуру только с октября по февраль, то в остальное время года приходится кормить его, не получая за это ни малейших услуг с его стороны; к тому же его можно выпускать только против полувзрослых или уже совсем взрослых кроликов, так как если в норке ему попадет молодой кролик, то он тотчас его умерщвляет, съедает, а затем обычно укладывается в его в теплое гнездо, оставаясь в нем сколько ему вздумается и заставляя все это время своего владельца поджидать его снаружи.

На охоту выходят утром, причем хорьков несут или в мягко устланной корзиночке, или в ящичке, или же при необходимости просто в охотничьей сумке. Затем отыскивают все ходы, ведущие к норке, и перед отверстием в каждой укрепляют тенета, имеющие в длину около одного метра и снабженные большим обручем; потом впускают в главный ход к норке хорька, а само отверстие этого хода тоже заставляют сетями. Кролик, как только увидит проникшего к нему врага, тотчас в испуге выбегает наружу, попадает в сеть и его убивают. Для того чтобы фуру сам не загрызал кроликов в норке, ему или надевают небольшой намордник, или подпиливают зубы, а для того, чтобы следить за его продвижением под землей, ему надевают на шею звонкий колокольчик. В прежние времена в Англии охотники бывали настолько жестоки, что этому бедному помощнику сшивали губы, перед тем как пустить его в норку; по счастью, ныне убедились, что той же самой цели можно достигнуть и посредством намордника. Затем, как только хорек покажется у выхода из норки, его следует тотчас же поймать, иначе, снова вернувшись в норку, он ляжет в ней отдыхать и может заставить прождать своего появления оттуда часто в течение нескольких часов. Весьма важно приучить его появляться на свист и зов. Но если он все-таки не выходит, то для поимки его вновь прибегают к всевозможным хитростям. Так, навязывают на гибкий прут кролика и вдвигают его в норку. Такому вызову, возбуждающему в хорьке присущую ему кровожадность, уже не может противостоять ни один африканский хорек; он крепко вцепляется зубами в кролика, и тогда его вместе с ним вытаскивают наружу.

В Англии приучают фуру преследовать крыс и устраивать бои с этими кусающимися грызунами. Однако, по утверждению моего английского знакомого, если хорьки уже испытают на себе зубы крыс, то сравнительно редкие из них снова отваживаются охотиться за ними. Фуру, приученный только к охоте за кроли-

Семейство куны

ками, совершенно непригоден для охоты за крысами, так как убегают от них. Поэтому хорька-крысодава приучают к этой охоте особым способом. Ему предоставляют вначале возможность сражаться лишь с молодыми и слабыми крысами и таким образом исподволь подготавливают его к борьбе и победе. При этом у зверька пробуждается врожденная кровожадность; мужество маленького хищника все растет и растет, и наконец он приобретает такую сноровку в боях с этими грызунами, что совершает истинные чудеса. Обычно старые, опытные крысы, будучи атакованы, забиваются в угол и умеют оттуда как успешно нападать, так и наносить врагу опасные раны; но хорошо выдрессированный африканский хорек не страшится такого опытного противника: он все-таки сумеет улучшить подходящее мгновение и схватить коварного врага. Хороший хорек в состоянии на арене в два-три квадратных метра умертвить в течение часа до пятидесяти крыс.

Фуру и обыкновенный хорьки без особых затруднений спариваются друг с другом и производят ублюдков, которые весьма ценятся охотниками. Такие помеси больше походят на обыкновенного хорька, чем на фуру; от обыкновенного же они отличаются только более светлой окраской морды и горла. Глаза у них совсем черные, и поэтому взор их более выразителен, чем взор фуру. В них сочетаются лучшие качества обоих родителей, они, с одной стороны, значительно легче приручаются, не столь сильно воняют, как обыкновенный хорек, а с другой стороны, они сильнее, смелее и легче переносят холода, чем фуру. Отвага их невероятна, так как они, как бешеные, бросаются на каждого врага, встреченного ими в норе. Но нередко они сердятся на своих хозяев и чувствительно их кусают. Помимо человека у хорька, по-видимому, мало врагов. Правда, хорошие охотничьи собаки с яростью набрасываются на него, как только получают такую возможность, и вскоре умерщвляют его, вторым врагом хорька может быть признана разве что лисица.

Зорилла, или **африканский хорек** (*Ictonyx striatus*)*, животное, имеющее туловище длиной 35 см, а хвост — 25 см. Туловище зориллы длинное, но не очень стройное, голова широкая, морда удлинена наподобие хобота; уши короткие, закругленные, глаза средней величины с долевым расщелиной зрачка, ноги короткие, и передние лапы вооружены сильными, довольно длинными, но тупыми когтями; хвост довольно длинный и пушистый, весь мех тоже густой и длинный. Его основная окраска блестяще-черная, испещренная белыми пятнами и полосами, рисунок которых более или менее изменяется у разных особей. Между глазами находится узкое белое пятно, другое идет от глаз к ушам; иногда оба сливаются вместе и образуют на лбу одну белую перевязь, которая проходит через всю морду к концу рыльца. Губы также часто окаймлены белым. Окраска верхней части туловища очень разнообразна, но имеет всегда один определенный рисунок.

* Зорилла распространена по всей

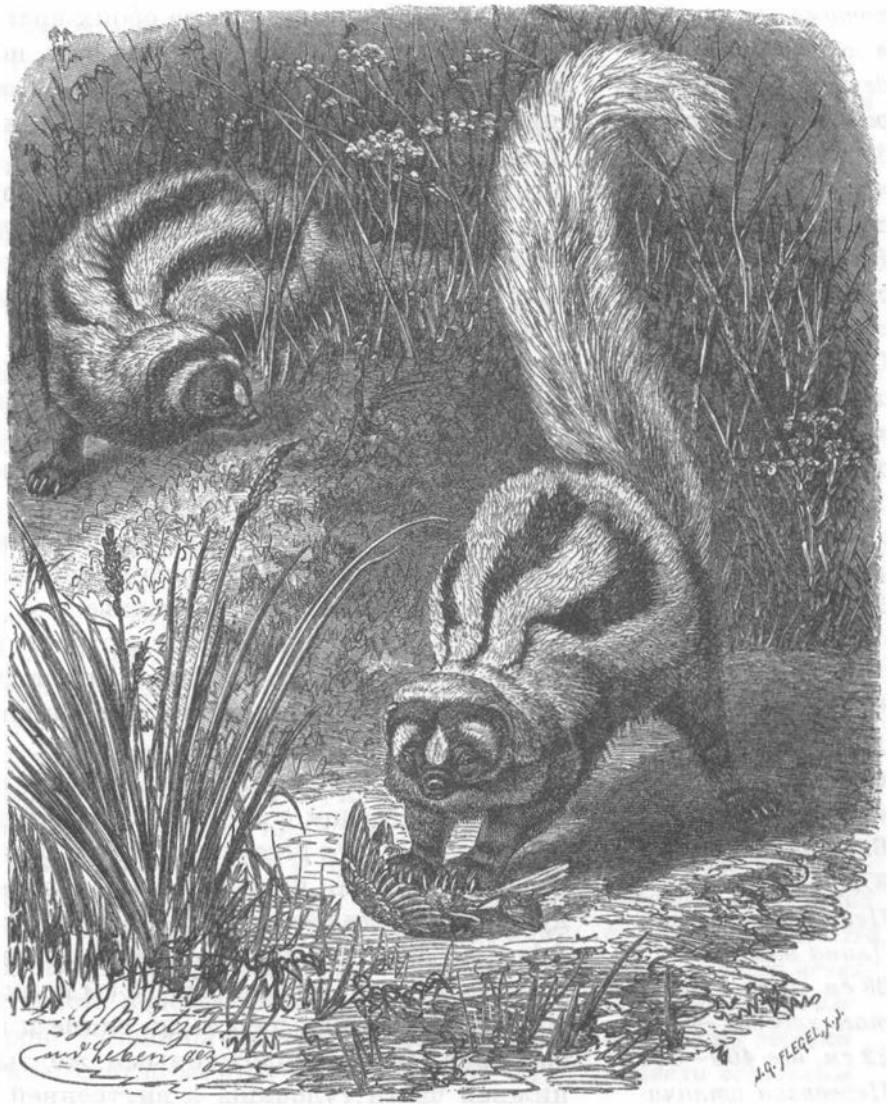
Африке от Мавритании и Судана до самого юга континента. Она живет обычно на земле, но при необходимости неплохо лазает и отлично плавает.

Длина тела зверька 28—38 см, хвоста 20—30 см, весит зорилла от 400 грамм до почти полутора килограммов.

У некоторых через затылок проходит широкая белая поперечная перевязь, от которой отделяются четыре продольные полосы, идущие вдоль всей спины; они расширяются посредине туловища и разделяются тремя черными промежуточными полосами; обе наружные боковые полосы соединяются у корня хвоста и затем продолжают по обеим сторонам хвоста в виде белых штрихов. У других весь затылок, загривок и даже верхняя часть спины — белые; в таких случаях именно от загривка начинаются темные полосы, продолжающиеся по сторонам хвоста, который бывает испещрен то пятнами, то продольными полосами.

Зорилла распространена по всей Африке, переходит через Суэцкий перешеек в Малую Азию, появляется даже иногда у Константинополя, само собой разумеется, только с азиатской стороны*. Скалистые местности служат самым излюбленным ее местопребыванием. Здесь она живет или в ущельях или в норах, выкопанных ею самой под деревьями и кустарниками. Зорилла ведет образ жизни ночного животного, и потому видеть ее случается очень редко. Первые сведения об этом животном дает Колбе. Пища его состоит из мелких млекопитающих, а именно из мышей, мелких птиц и их яиц, из пресмыкающихся и насекомых. Для домашней птицы зорилла нередко бывает опасна, потому что, подобно куницам, прокрадывается в крестьянские дворы и умерщвляет птиц, как хорек.

По своим движениям она не похожа на куниц, так как менее ловка и скорее может быть названа неповоротливой. Ла-

Зорилла, или африканский хорек
(*Ictonyx striatus*)

* В настоящее время зорилла вне Африки не встречается.

Семейство КУНЫ

* Зорилла приносит потомство один раз в год, в сентябре—декабре. Однако если рано родившиеся детеныши погибнут, то самка успевает спариться еще раз. Беременность длится 36 дней. Рождаются 1—3 детеныша. Сомнительно, чтобы из этого зверька, ведущего одиночный образ жизни и агрессивного даже по отношению к сородичам, получался домашний любимец.

** *Перевязка* распространена в степях и лесостепях юго-востока Европы, Ближнего Востока, Южной России и Центральной Азии. Длина тела 29—38 см, весьма пушистого хвоста — 15—22 см, вес 400—700 г. *Перевязка* отличается от хорька анатомически и поэтому выделена в особый род.

*** *Норки Евразии* — очень близкие родственники хорьков. *Норки Америки*

зять она не умеет, воды очень боится, хотя при необходимости плавает, и даже очень искусно. Своим отвратительным орудием она пользуется так же, как и вонючка. «Когда она находится на поле или на лугу, — говорит Колбе, — и заметит, что к ней приближается собака или хищный зверь с намерением схватить ее, то она прыскает на своих врагов такой ужасно вонючей жидкостью, что те спешат оттереть нос о землю или о дерево, чтобы хоть немного освободиться от вони. Если враг не уstraшитcя с одного раза или подойдет еще другой, то она вторично прыскает на противника, извергая из себя зловоние, ничуть не слабее первого. Этим способом она храбро защищается от своих врагов. Если охотник возьмет в руки убитую зориллу, то к ним пристанет такая острая вонь, которую трудно отмыть даже мылом. Поэтому убитых животных никогда сразу не берут, а дают им некоторое время отлежаться на земле. Кому хоть раз приходилось столкнуться с этой ужасной вонью, тот в другой раз, наверное, подальше сойдет с дороги, если заметит зориллу, и трогать ее не станет».

У зорилл особенно невыносимая вонь исходит от самцов и преимущественно во время спаривания, вероятно, потому, что тогда они находятся в необыкновенно возбужденном состоянии. Можно также допустить, что самка находит приятным этот запах, который для нас так противен.

О размножении этого животного, к сожалению, нет точных сведений; известно лишь, что зорилла держится в южной Африке во многих домах голландских колонистов для истребления крыс и мышей*.

В юго-восточной Европе, а оттуда к северу, проникая вплоть до Польши, рядом с хорьком, встречается и родственная ему **перевязка** (*Vormela peregusna*)**, которая ни в одной из названных областей, однако, не водится в большом количестве; по Блэнфорду, в некоторых частях западной Азии она весьма редка, но зато в Афганистане, особенно около Кандагара, обычна. Общая длина ее достигает 50 см, из которых 16 см приходится на хвост. Коротко-волосая и жесткая шерсть на спине и по бокам бурая, усеянная беспорядочно расположенными желтыми пятнами; на голове, нижней части туловища и внутренней стороне ног — черная; в области горла располагаются ржаво-красные пятна; губы и поло-са, направляющаяся от глаз кверху через темя, белые; уши около корня черновато-бурые, а кончики их ржаво-беловатые; окраска же сравнительно длинного хвоста около корня бурая и желтоватая, в середине бледно-желтоватая, а на конце черная. Образом своей жизни, которую подробно описал Хуттон, перевязка вполне похожа на других хорьковых. Мясо перевязки не годно к употреблению, им пренебрегают даже собаки.

Очень близка к хорьку норка***, от которого она отличается лишь более плоской головой, более сильно развитым бугорча-

тым зубом, укороченными ногами, плавательной перепонкой между пальцами, которая более явственно развита на задних лапах, несколько более длинным хвостом и шерстью, которая напоминает выдру и состоит из густо и гладко прилегающих коротких волос, окрашенных и на верхней (хребетной), и на нижней (брюшной) сторонах в равномерный бурый цвет. Кроме нашей европейской норки мы опишем также и норку американскую. Образ жизни обеих до новейшего времени был очень мало известен и даже ныне, по крайней мере что касается европейского вида, наблюдения весьма недостаточны. Значительным обогащением сведений о нашей норке я обязан любезности одного охотника из окрестностей Любека, а американская норка описана Одюбоном и принцем фон Видом.

Многие из естествоиспытателей считают американскую норку лишь разновидностью нашей норки, и на самом деле оба животных находятся в весьма близком родстве друг к другу. Однако в устройстве их тела существуют и такие различия, которые оправдывают противоположный взгляд других естествоиспытателей, полагающих, что обе норки относятся к различным видам. Главными отличительными признаками американской норки могут считаться более короткая голова и более длинный хвост, чем у нашей норки. Число хвостовых позвонков у американской норки равняется 21, а у нашей — 19.

Европейская норка (*Mustela lutreola*)* достигает величины 50 см, из которых 14 приходится на хвост. Ноги у нее короткие, туловище сдавленное, удлинненное, чем-то напоминающее выдру; что же касается головы, то у норки она длиннее, чем у выдры. Ступни, как у хорька, но между всеми пальцами, как уже замечено, находится соединяющая их перепонка. Глянцевитый мех состоит из густых и гладко прилегающих друг к другу, коротких, довольно жестких остистых волос бурого цвета, под которыми виднеется сероватый, весьма густой подшерсток. На середине спины, а всего больше на затылке и на задней части тела окраска меха темнеет; также и на хвосте волосы обычно темнее, чем на туловище. На нижней стороне туловища данная окраска переходит в серо-бурую. Маленькое, светло-желтое или беловатое пятнышко виднеется на горле; верхняя губа белая спереди, а нижняя — по всей длине.

Американская норка (*Neovison vison*) похожа по окраске на европейскую, но мех ее ценится значительно дороже, так как в нем подшерсток более развит, а сам мех мягче. Американская норка превосходит европейскую своей величиной. Что касается деталей окраски, то ее верхняя и нижняя стороны темно-бурого цвета, хвост черно-бурый, а заостренный конец подбородка белый.

В образе жизни, вероятно, оба животных сходятся по всем существенным признакам, и потому мне кажется целесообраз-

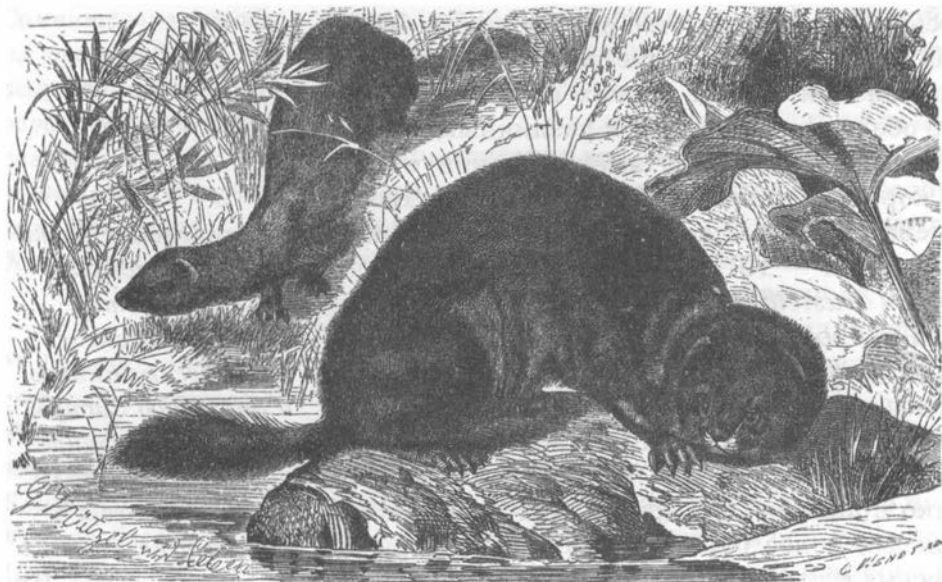
не состоят в близком родстве ни с хорьками, ни с евразийскими норками.

** Европейская норка когда-то населяла большую часть Европы, Европейскую Россию, Кавказ и Западную Сибирь. Ныне она сохранилась лишь в небольшом числе мест в России и нескольких странах Европы. На грань полного исчезновения этого симпатичного зверька привели всевозможные гидротехнические работы, а также американская норка, акклиматизированная в Европе в XX веке, более сильная, чем ее европейская тезка, и занимающая ту же нишу в природном сообществе.*

ным предпослать краткому описанию нрава и привычек нашей норки самое интересное из повествований названных выше писателей о норке американской.

По Одюбону, американская норка представляет собой такого хищника, который по своей деятельности и неутомимой страсти к истреблению больше всего приближается к горностаю; при этом как эта деятельность норки, так и ее хищничество в первую очередь касается птичников и утиных садков, где появление одного или двух этих животных тотчас обнаруживается из-за исчезновения нескольких цыплят и утят. Чтобы избавиться от вредного хищника, следует запастись терпением. Одюбон сам испытал это на одной американской норке, которая поселилась в каменной плотине небольшого прудка, находившегося подле самого дома этого естествоиспытателя. В прудке этом полоскались многочисленные

домашние утки, и понятно, что благодаря этому он оказывался весьма привлекательным местом для охоты. Укрытый уголок норка выбрала столь же умно, сколь и хитро: он находился близко от дома и еще ближе от того места, к которому спускались дворовые куры на водопой; кроме того, перед этой засадой лежали два больших осколка гранита, из-за кото-

Европейская норка
(*Mustela lutreola*)

рых норка и могла обозревать как двор, так и прудок. Здесь настоящей пролеживала она ежедневно целыми часами и отсюда же среди бела дня утаскивала кур и уток, пока — правда, лишь после долгого выслеживания — наш натуралист не положил конец ее проделкам. В особенности часто находил Одюбон норку около Огайо, и здесь он подметил, что она может сделаться и полезной для человека, истребляя мышей и крыс. Конечно, рядом с этой охотой, служащей лишь к выгоде человека, она занимается и всякого рода браконьерством, а в том числе и рыболовством, она в состоянии иногда причинить величайшую досаду удильщику, в решительную минуту выскакивая из-под нависшего берега и конфискуя пойманную им рыбу. По наблюдениям нашего очевидца, американская норка плавает и ныряет с величайшей сноровкой и, подобно выдре, с успехом охотится за самыми быстро плавающими рыба-

ми — за лососем и форелью. В крайних случаях норка, правда, довольствуется лягушкой или саламандрой, но когда ей предоставляется возможность выбора, она оказывается весьма большой лакомкой. Благодаря своему тонкому обонянию норка в состоянии преследовать добычу с уверенностью охотничьей собаки, и достоверные наблюдатели свидетельствуют, что она пользуется этой способностью при каждом удобном случае. В болоте норка преследует водяных крыс, болотных трясогузок, зябликов и уток; на берегу озер — зайцев; в море — устриц, а со дна рек достает раковины; короче, она умеет приспособиться ко всякому месту и всегда чем-либо воспользоваться*. Но вместе с тем норка предпочитает гнездиться по скалистым берегам, а нередко устраивает логовище в непосредственной близости от порогов и водопадов. Когда ее преследуют, она бросается в воду и ищет спасения в плавании и нырянии. По земле бегают довольно быстро, но все-таки вскоре ее настигает собака, и тогда ей приходится прибегнуть к лазанию. Испытывая страх, она распространяет, подобно хорьку, весьма противный запах.

В Северной Америке пора спаривания норки приходится на конец февраля или начало марта. В это время земля еще бывает большей частью под снегом, а потому, руководясь следами, оставляемыми на нем, можно увидеть, какую страшную возню они тогда поднимают. Возбужденные самцы ищут вдоль берегов рек самок, и случается, что, держась речных бассейнов, они целым стадом заходят в такие местности, где в иное время норки или редки или вовсе не появляются. Одюбону в одно только утро удалось застрелить шесть взрослых самцов, которые, несомненно, разыскивали самок. Этот же естествоиспытатель получил в течение одной недели большое число американских норок мужского пола и ни одной женского, вследствие чего он и высказывает мнение, что в пору спаривания самки укрываются в норах. Самка приносит пять или шесть детенышей, их находят или в углублениях под нависшим берегом, или на маленьких островках в болоте, а также и в дуплах деревьев. Если взять норку из гнезда вскоре после рождения, то они быстро становятся ручными и делаются истинными баловнями человека.

Американская норка легко попадает в всякого рода западни, ее столь же часто ловят, как и подстреливают; но так как она весьма живуча, то и заряд на нее нужен хороший.

Принц фон Вид подтверждает описание Одюбона, но прибавляет, что американская норка иногда за один раз умерщвляет несколько куриц; зимой часто питается одними речными ракушками, вследствие чего вблизи ее жилища и находят много пустых раковин от них; в зимнюю стужу она зачастую приближается к человеческому жилью, ее там часто ловят или убивают; наконец американская норка, вытянувшись в длину, чрезвычайно умело и быстро плавает, но тем не менее она не может

** Американская норка — прежде всего полуводный хищник. Она отлично плавает и способна нырять на глубину 5—6 метров. Селится почти всегда по берегам водоемов, предпочитая берега с густой растительностью. Ее основная пища — водные грызуны, а так же рыба, моллюски, черви, членистоногие и мелкие птицы. На домашних уток норка, конечно, может напасть при случае, но вовсе не столь регулярно, как это описывает Брем. В Европейской части России это сейчас один из самых обычных и часто встречаемых хищников.*

Семейство куньи

** Европейская норка иногда использует для жилья норы водяной крысы, расширив их и съев прежнего владельца. Способность норки довольствоваться небольшими водоемами пока что ее спасала от ее американского собрата, не посягающего на ручьи и маленькие пруды. Однако специалисты признают крайне угрожаемое положение европейской норки по всему ее нынешнему ареалу.*

долго оставаться под водой и высовывает свой нос, чтобы вдохнуть воздуха.

Сведения о европейской норке гораздо менее полны. Вильдунген в 1799 году говорит, что норка весьма редка в Германии и поэтому многим завзятым охотникам она даже не известна; сам он уже давно стремился познакомиться с ней, и в этом ему повезло только благодаря неустанным заботам графа Меллина. Из наблюдений этого же естествоиспытателя: «По своей походке с дугообразно изогнутой кверху спиной, по своей расторопности и по способности пролезать в самые маленькие отверстия норка приближается к куннице. Подобно хорьку, она находится в непрерывном движении, вынюхивая и обшаривая все уголки и щелочки. Бегает плохо, не лазает также и по деревьям, но, подобно обыкновенной выдре, норка весьма искусна в плавании и может долго оставаться под водой. По-видимому, она чувствует себя слишком слабой, чтобы противостоять напору быстротекущих стремнин, так как вдоль больших рек встречается реже, чем по берегам проточных вод меньших размеров. Время спаривания приходится на февраль и март, а в апреле или в мае уже находят на возвышенных, сухих местах, в расщелинах земли, между корнями деревьев, а также и в норах, вырытых самой норкой, детенышей, рождающихся слепыми*.

Норка любит жить в местах тихих и уединенных, обособленных. Она избегает человека и хитро умеет спастись от его преследования; тем не менее нередко посещает птичники, где, подобно хорьку или куннице, разбойничает, пока не передушит всю птицу, если ее не спугнут; случается это, однако, только в отдельно стоящих жилищах рыбаков, и я никогда не слыхал, чтобы норка забиралась с этой целью в села. Обычную ее пищу составляют рыбы, лягушки, раки и улитки; но, вероятно, добычей ее бывают также и молодые бекасы и водяные курочки. Высокая цена шкурки норки, сохраняющей свою красоту и летом, побуждает усиленно преследовать это животное, которое становится все реже и реже, и если бы на помощь к нему не пришли нынешние умеренные зимы, то, возможно, вскоре этот вид животных вполне был бы уничтожен, по крайней мере в Померании». Этими сведениями в сущности исчерпывается все, что мы до сих пор знаем о европейской норке. Опасение, будто норка совсем перевелась в Германии, которое теперь высказывается почти всеми охотниками, к счастью, лишено основания. Норка еще встречается в Германии повсюду, хотя везде она весьма редка и попадает только поодиночке. Настоящей ее родиной служит собственно восточная Европа, Финляндия, Польша, Литва и Россия. Здесь она встречается, и не особенно редко, от Балтийского моря до Урала и от Северной Двины до Черного моря. Живет она также в Бессарабии, Трансильвании и Галиции. В Моравии она принадлежит к весьма редким животным, но местами встречается и там; иногда норку ловят

также в Силезии. В конце прошлого столетия видели ее изредка в Мекленбурге и в графстве Брандербургском.

«Норка любит топкие и поросшие кустарником окрестности озер и рек, где она, подобно хорьку, на кочке или на другом возвышении устраивает между ветвями корней ольховых деревьев свое жилище, которое чаще всего находится на самом коротком расстоянии от воды и бывает снабжено немногими выходами, обращенными в сторону воды. Особых ходов для выхода в случае опасности в каком-нибудь другом направлении или же к соседним кочкам у норки встретить нельзя. Потревоженная в своем логовище, норка тотчас как можно скорее стремится к воде и исчезает из глаз. Примечательно при этом бегстве то, что, плывя, она не гребет попеременно, как это делает хорек, но изгибается толчками, двигая передними и задними конечностями одновременно, и делает это с чрезвычайной скоростью. Подстрелить ее на воде удается редко, так как она подолгу остается под водой и появляется всегда на каком-нибудь отдаленном месте. Находясь в воде, даже в ограниченном пространстве, она застрахована от собаки. Следы от ее лап, а также и самые стежки столь сходны со следами и стежками хорька, что даже опытный охотник легко может быть введен в заблуждение: при обычной походе норки на почве вовсе не отпечатывается та короткая плавательная перепонка, которая находится у нее между пальцами. Зимой норку следует искать там, где вода обычно долго не замерзает: в канавах с большим уклоном, около ручьев, над родниками, где в то же время встречается и хорек, который, как известно, неутомимо вылавливает лягушек также и из-под льда. Здесь-то иногда и случается увидеть норку, сидящую на льду около самого выхода из воды и всю вымазанную речным илом».

Рыбы и лягушки составляют, по-видимому, самую любимую ее пищу, хотя Клаудиус и полагает, что норка предпочитает всем другим лакомствам мясо млекопитающих и птиц и тогда только принимается за рыбу, когда не может раздобыть другого мяса. Правда, она не трогает рыбы, если ей в то же время предложить живыми мышью, птицу или ящерицу; но в этих случаях ее возбуждают только движения находящейся перед ней добычи, и она с большой сноровкой ловит их и душит. Но если предложить ей рыбу после того, как она умертвит свою жертву, то, как правило, она прежде всего берется за рыбу или в крайнем случае предпочтет ей лягушку.

В сравнении с численностью шкурок американской норки, которая под этим именем и попадает на рынок, количество шкурок европейской норки весьма незначительно: по Ломеру, два десятилетия назад ежегодно добывалось 55 тысяч шкурок европейской норки и 160 тысяч шкурок американской норки; теперь же добывание шкурок американской норки увеличилось более чем вдвое (так, в 1888 году оно равнялось 370 тысячам). Что же

Семейство куньи

Семейство КУНЫ

** Обе норки считаются хорошими пушными зверями, однако мех американской ценнее. Европейская норка занесена в Международную Красную книгу и официально не промышленяется. Американскую норку промышленяют по всему ареалу, как естественному, так и вторичному. На зверофермах разводят обеих норок, а также гибриды европейской норки с разными хорьками. Самыми ценными для разведения считаются американские норки, представляющие помесь наиболее крупной формы с Аляски и наиболее темноокрашенной с Лабрадора. Однако в условиях звероферм выведены формы норок с самыми разными цветами меха.*

*** Росомаха близка к куницам, но отличается гораздо большими размерами и массивностью*

касается ценности, то в конце шестидесятых годов шкурка американской норки ценилась от 9 до 30 марок, а шкурка русской норки в среднем — от 3 до 6 марок; теперь же американская норка ценится от 4 до 10, а русская — от 1,5 до 4 марок. Цены иногда меняются весьма быстро. Различие между обеими шкурками значительно: шерсть американской норки тоньше и к тому же прочнее. Лучшие шкурки американской норки доставляют с восточных берегов Северной Америки, Новой Англии и Мэна*.

Росомаха (*Gulo gulo*)**, одно из самых неуклюжих созданий семейства куньих, является представителем особого рода, имеющего следующие отличительные признаки: туловище мощное и короткое; хвост короткий и покрыт густой шерстью; спина дугообразно изогнута кверху; большая голова, морда удлинённая, но тупая на конце; ноги короткие и сильные, большие ступни с пятью пальцами вооружены острыми крючковатыми, короткими когтями. Череп сходен с черепом барсука, но несколько шире, короче и весьма выпуклый, так что лоб и спинка носа сильно выдаются вперед; зубная система весьма сильная. Росомаха имеет в длину от 95 см до 1 м, из которых от 12 до 15 см приходится на хвост; высота в плечах от 40 до 45 см. Волосы на морде короткие и тонкие, на ногах грубые и блестящие, на туловище — длинные и косматые; наконец, на бедрах, боковых полосах и на хвосте жесткие и весьма длинные. Темя и затылок черно-бурого цвета, но с примесью серых волос; спина, нижняя часть и ноги чисто черного цвета; светло-серое пятно находится между глазами и ушами, а светло-серая полоса, начиная с лопатки, проходит с каждой стороны вдоль всего туловища. Подшерсток серый, а на нижней стороне тела буроватый.

Росомаха живет на севере земного шара. Начиная с южной Норвегии и Финляндии, она водится во всей северной Азии и Северной Америке до Гренландии. Южная граница ее распространения в Европе прежде простиралась до меньших широт, чем ныне: в эпоху северного оленя она доходила до Альп. Эйхвальд утверждает, что росомаха и позже появлялась в литовских лесах; Бринкен наблюдал ее несколько десятилетий назад в Беловежской пушке, где она теперь уже не попадает; Бехштейн рассказывает о росомахе, которая была убита в Саксонии, а Циммерман — о другой, убитой в Брауншвейге. Однако на этих последних животных следует смотреть как на случайно попавших в Германию, так как нельзя допустить, что росомаха в столь поздние времена постоянно живет так далеко на юге. В настоящее же время она встречается в Норвегии, Швеции, Лапландии, северной России (около Белого моря, Перми, во всей Сибири, на Камчатке) и в Северной Америке.

Прежние естествоиспытатели рассказывают про росомаху баснословные вещи.

Михов говорит следующее: «В Литве и в Московии существует весьма прожорливое животное, называемое там росома-

хой. Оно величиной с собаку, с глазами, как у кошки, весьма сильными когтями, длинноволосым бурым телом и хвостом, как у лисицы, но короче. Если ей встретится мертвечина, то она ест ее до тех пор, пока живот не раздуется, как барабан; тогда она протискивается между двумя близко стоящими деревьями, чтобы освободиться от испражнений, возвращается к падали опять, наедается снова, опять выжимает из себя лишнее при посредстве деревьев и снова ест, пока не сожрет всей падали. По-видимому, она только и делает, что ест, пьет и затем опять ест». Таким же образом описывает росомуху и Геснер; но Олаус Магнус сообщает: «Мясо ее негодно к употреблению и только мех весьма пригоден, ценен и очень красиво отсвечивает, в особенности в том случае, когда искусственно соединен с мехами или материей других цветов. Только государи и великие мужи носят из него мантии, и это не только в Швеции, но и в Германии, где он из-за своей редкости ценится еще больше. Не особенно охотно коренные жители выпускают эти меха из своих стран, так как обычно они при посредстве этих мехов чествуют своих зимних гостей, находя, что ничего не может быть приятнее и красивее, как иметь возможность предложить своим друзьям постели из такого меха. Охотники пьют кровь этого животного, она же в смеси с теплой водой и медом подается также и на свадьбах. Жир помогает при гнилых язвах и т. д. Охотники изобрели много уловок, чтобы заманивать это хитрое животное. Они кладут в лесу падаль, когда она еще свежая. Росомуха тотчас же обнаруживает ее, наедается вволю, а когда, не без больших мучений, протискивается между деревьями, ее пронзают стрелой. Ставят и капканы, которые ее душат. Поймать росомуху при посредстве собак едва ли можно, так как вследствие ее острых когтей и зубов собаки опасаются ее больше, чем волка».

Стеллер опровергает вышеупомянутые невероятные басни, а Паллас дает верное описание образа жизни этого странного создания*.

Росомуха живет в гористых областях севера, предпочитая, например, оголенные высоты Скандинавских Альп необъятным лесам более низменных нагорий. При этом наиболее необитаемый пустырь служит любимым местом ее пребывания. Но определенных пристанищ у нее не существует, и она меняет убежища, в зависимости от обстоятельств, укрываясь там, куда приведет ее ночь, в любом месте, могущем служить ей убежищем, причем все равно, будет ли это лесная чаща или ущелье между скалами, покинутая лисицей нора или же какое-либо другое природное углубление. Будучи, подобно всем куньим, животным скорее ночным, чем дневным, она бродит по своей малообитаемой родине когда ей вздумается, показываясь и при солнечном свете, к чему ее помимо всех других обстоятельств вынуждает также, как известно, и длящееся месяцами так называемые белые ночи в самых

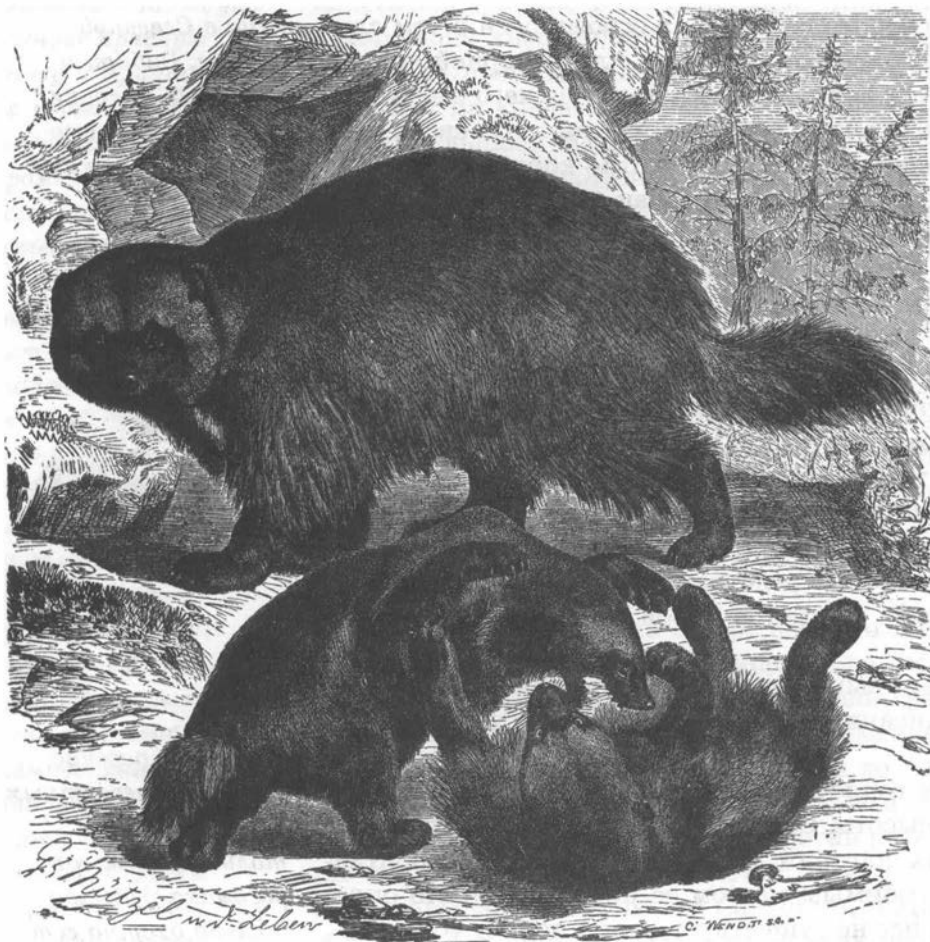
Семейство куньи

(длина тела около метра, вес до 32 кг). Самки примерно на треть легче самцов. Это самое крупное из наземных куньих широко распространено в Северной Европе, Сибири и Северной Америке, предпочитая лесотундру и таежные леса.

** Авторы перечисленных невероятных описаний правы только в том, что росомуха действительно охотно ест падаль, выступая в северных широтах в роли гиены.*

северных частях той области, в которой она обитает. В южных пограничных областях Восточной Сибири, посещенных Радде, существование росомахи связано больше с существованием кабарги, чем северного оленя. Кабарга и росомаха чаще всего встречаются там, где на широко раскинувшихся бледно-желтых и серых, поросших лишаями пространствах альпийская флора еще скрашивает самую крайнюю границу произрастания древесных пород; впрочем, на высоте в среднем 1000 метров над уровнем моря оба животных, даже и в области роскошной растительности, встречаются лишь случайно, да и то в виде отдельных экземпляров. В

Росомаха
(*Gulo gulo*)

восточной части Саянского хребта росомаха оказывается обычным обитателем гор, и именно таким, который, не имея определенного пристанища, постоянно бродит по тем местностям высоких горных краях, на которых встречаются стежки кабарги. При наличии подобных условий ее можно увидеть повсюду также на юге Сибири и точно таким же образом — хотя и с применениями к местным особенностям — определяются условия расселения росомахи на севере Америки.

Зимой, которую росомаха проводит, не предаваясь

спячке, она благодаря широким ступням может легко держаться на снегу, а так как этот зверь к тому же неразборчив в пище, то, никогда не испытывая сильного голода, живет привольно и беззаботно. Ее движения весьма своеобразны, и от всех известных мне животных она отличается своей походкой. Росомаха двигается большими прыжками, как бы прихрамывая и даже кувыркаясь. Несмотря на все эти неуклюжие телодвижения, она при необходимости передвигается настолько быстро, что легко может на-

стигнуть мелких млекопитающих, а при продолжительном преследовании у нее хватает выносливости не отставать от утомленных больших животных. На снегу ее следы в соответствии с описанной походкой, обозначаются глубокими впадинами, которые она оставляет всеми четырьмя ногами. И в то время как преследуемая дичь увязает в снегу, своеобразная походка позволяет ей беспрепятственно двигаться вперед. Невзирая на свою неловкость, она умеет взбираться на низкие деревья, где, плотно прижавшись, лежит настороже, выжидая, пока под деревом пройдет ее добыча. Из пяти чувств больше всего развито у росомахи обоняние, однако достаточно остры зрение и слух.

Главную пищу росомахи составляют различные виды северных грызунов, а именно пеструшки, которых она истребляет в количестве, вызывающем удивление; так как в некоторые годы этих животных бывает весьма много, то росомахе едва ли придется искать другую дичь. Следует она также за волками и лисицами в их походах, в надежде поживиться остатками добычи этих хищников. Наконец, в случае нужды росомаха нападает даже на крупных животных. Известно, что она осиливает не только оленя, но и лося. Тунберг сообщает, что росомаха умерщвляет коров, перегрызая им горло, а Левенгьелм, описывая свое путешествие в северные страны, упоминает о том вреде, который росомаха причиняет стадам овец. Остязки также сообщали Эрманну о том, что, вспрыгнув лося на загривок, росомаха загрызала его до смерти. Со всем этим вполне согласуются и показания Радде. В гористых местностях около Байкальского озера росомаха, часто приближающаяся к поселениям человека, считается бичом для молодого рогатого скота. Однако случившееся в 1855 году переселение оленей из Восточных Саянских гор к югу, в гористые местности около истоков Енисея, не повлияло на образ жизни росомахи; местные жители даже утверждали, будто она никогда не нападает на оленя, но питается исключительно кабаргой*. Мой егерь, Эрик Свенсон, рассказывал мне, что в Скандинавии, особенно при глубоком снеге и ветре, росомаха тихо подкрадывается к белым куропаткам, преследует этих птиц в вырытых ими углублениях в снегу и легко их хватается. Охотники люто ненавидят росомаху. Мой спутник во время путешествия в Норвегию уверял меня, что каждый убитый олень, если его не завалить тщательно камнями, в отсутствие охотника будет объеден росомахой. Весьма часто таскает она из ловушек приманки или съедает попавшее в них животное. Так же поступает она в Сибири и в Америке. Значительные опустошения часто производит и в хижинах лапландцев. Когтями прокладывая себе путь через двери и крыши, она похищает сырое и сушеное мясо, сыр и другие продукты; разрыывает хранящиеся кожи и, будучи очень голодна, съедает часть и их**. Зимой она все время, и днем и ночью, на ногах, а почувствовав усталость, вырывает в снегу яму, ложится в нее, позволяет

** Пищу росомахи, помимо падали всех видов, составляют мелкие грызуны, птицы и их кладки, а также ягоды. Крупных животных росомаха обычно поедает уже в виде падали, умерших от болезней или убитых другими хищниками. Однако зимой она, пользуясь своей способностью бегать по насту не проваливаясь, довольно часто убивает северных оленей, горных баранов и даже лосей, изматывая их долгой погоней или загоняя в глубокий снег, откуда они не могут выбраться.*

*** Сильные лапы и мощные челюсти росомахи до сих пор досаждают людям. Когда эта гигантская куница наведывается в зимовья охотников, лагеря геологических экспедиций, без особого труда проникнув в любые помещения, то расправляется с запасами консервов,*

*разжевывая их
вместе с банками.
Скорбная участь
ждет в этих ситуа-
циях и заготовлен-
ные шкуры, а также
изделия из них, не
говоря уже о запасах
мяса или мясных
продуктов.*

занести себя снегом и таким образом уютно устраивается во вполне теплом логовище.

Поймав мелкое животное, росомаха съедает его тут же, с кожей и с волосами, но большое животное она весьма тщательно зарывает и ест в несколько приемов. Самоеды утверждают, что она откапывает трупы людей и, следовательно, при случае питается и ими.

Росомаха, будучи ловким и хитрым хищником, конечно, не заслужила особенного почета у северных племен, которые за ней охотятся и где только возможно преследуют и убивают, хотя мехом ее пользуются и не везде. Впрочем, камчадалы ценят его весьма высоко и полагают, что более красивого меха не существует. При этом беловато-желтый мех, который у европейцев считается самым никчемным, камчадалы считают самым красивым, и они твердо убеждены, что бог неба, Булутчей, носит одеяние из меха росомехи. Их кокетливые женщины прикрепляют к своей голове, повыше ушей, по два лоскутка величиной с ладонь росомашьей шкурки; поэтому, если камчадал хочет порадовать свою жену или возлюбленную, он покупает им такие лоскутки; цена же их одинакова со шкуркой бобра. Любовь к этим украшениям заходит так далеко, что те женщины, у которых их нет, носят окрашенные лоскутки из шкурки морской утки. Тем не менее, несмотря на такую значительную ценность шкурки, росомаха, по словам Стеллера, встречается на Камчатке часто, так как жители не умеют ее ловить и пользуются лишь теми экземплярами, которые случайно попадают в западни для лисиц.

Охотясь за росомехой, эскимос ложится ничком перед ее норой и ждет, пока она выйдет; затем вскакивает, затыкает отверстие в норе и спускает своих собак, которые, хотя и неохотно идут на такую дичь, но все-таки хватают зверя. Здесь подоспевает охотник, забрасывает хищнику на шею петлю и умерщвляет его. В Норвегии и в Лапландии охотятся уже с ружьем.

К росомехе, несмотря на ее незначительную величину, нельзя относиться презрительно, так как она, несмотря на свой большой рост, сильна, свирепа и упорно защищается. Уверяют, будто ее избегают даже медведи и волки; последние, впрочем, вообще не должны даже и касаться ее вследствие распространяемого ею зловония. На человека набрасывается она только в том случае, когда не может ускользнуть. Обычно, увидев охотника, росомаха спасается бегством, а в случае преследования взбирается на дерево или на самую высокую вершину скалы, где враг не может ее настичь. Быстро бегающие собаки скоро догоняют росомеху на ровных безлесных местах, но отбивается она от них мужественно и с большим искусством. Одна собака не в состоянии осилить росомеху, а иногда даже нескольким собакам удается одержать над ней верх. При этом, если росомехе не удалось спастись от своего преследователя на дерево, она ложится на спину, хватает

собаку острыми когтями, повергает ее на землю и до того истерзывает зубами, что собака часто околевает.

Спаривание у росوماхи совершается осенью или зимой, а в Норвегии, по словам Эрика, в январе. Через четыре месяца беременности, как правило в мае, самка приносит двух—трех, а в редких случаях даже и четырех детенышей, помещая их в мягкое и теплое логовище, приготовленное ею или в дуплистом дереве, или в глубокой норе; для устройства такого логовища избирается или уединенное ущелье, овраг между горами, или самая непроходимая чаща леса*. Конечно, разыскать это логовище трудно; если удастся добыть детенышей росوماхи еще маленькими, то приручить их можно без большого труда. Генберг выкормил одну росوماху молоком и мясом и до того приучил ее к себе, что она бегала за ним в поле как собака. Росوماха эта находилась в постоянном движении, весело играла с разными вещами, каталась по песку, зарывалась в землю и лазала по деревьям. Будучи всего трех месяцев от роду, она с успехом умела защищаться от нападающих на нее собак. Она никогда не объедалась, была добродушна, подпускала к себе свиней, с которыми делила трапезу, но никогда не водила дружбу с собакой; всегда держала себя в чистоте и совсем не испускала зловония, разве что за исключением случаев нападения на нее нескольких собак, которых она, вероятно, желала отпугнуть отделением своих вонючих желез. Обыкновенно днем она спала, а ночью бродила. Лежать она предпочитала на вольном воздухе, а не в хлеву, и вообще любила тень и прохладу. Достигнув полугода, стала кусаться, но все-таки оставалась доверчивой к человеку и когда однажды сбежала было в лес, то впоследствии вскочила в сани одной старой служанки и позволила привезти себя домой. С возрастом она стала более свирепой и однажды устроила такую грызню с большой собакой, что из опасения за жизнь последней пришлось поспешить к ней на помощь. Уже будучи старой, росوماха все-таки еще играла со знакомыми людьми; но если не известный ей человек подставлял палку, то она скрежетала зубами и с яростью вцеплялась в нее когтями.

По Ломеру, на рынок ежегодно попадает около 3500 шкурок росوماхи, причем общая стоимость их доходит до 32 тысяч марок, а привозят их большей частью из Северной Америки. Однако ежегодно убивают и обдирают росомах гораздо больше, так как не одни только камчадалы, но также якуты и другие сибирские племена ценят их шкурки необычайно высоко и платят за них хорошие деньги. По Радде, все шкурки росомах, убиваемых в Восточной Сибири, остаются там же и уже на месте стоят по 4—5 рублей за штуку. Употребляют их азиатские народы, а также и поляки на тяжелые шубы, а американцы и французы, напротив, для полостей, для которых шкурки весьма пригодны вследствие разнообразной окраски и длины волоса.

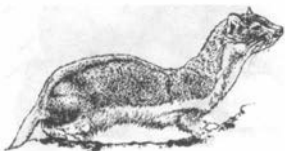
Семейство КУНЬИ

** Брем вновь повторяет ошибку с определением срока беременности у куньих. Спаривание у росوماхи происходит в апреле—июле, латентная фаза беременности длится более полугода, активное развитие происходит в течение 30—40 дней. Детеныши рождаются в период между концом января и началом апреля. Вполне самостоятельными они становятся к осени, а через год достигают взрослого размера.*

Семейство куны

* Барсук представляет тип всеядного куньего. Длина тела 55—90 см, хвоста 10—20 см, вес до 16 кг. Распространен по всей Европе, кроме севера, в Сибири, Центральной и Восточной Азии (на юг до южного Китая). Населяет самые разнообразные типы лиственных и смешанных лесов, а также открытые местообитания. Иногда барсука, населяющего Китай, Японию и Дальний Восток, выделяют в особый вид — амурский барсук (*M. amurensis*).

Барсук (*Meles meles*)* достигает в длину 93 см, из которых 75 см приходится на голову и туловище, а 18 см на хвост. Высота в холке барсук бывает до 30 см, а вес старых самцов по осени приближается к 20 кг. Шерсть, покрывающая все тело с ушами включительно, довольно длинна, блестяща и жестка почти как щетина. Окраска шерсти на спине представляет смешение серовато-белого и черного цветов. Голова белая, но с обеих сторон морды начинается по черной полосе, которые, расширяясь кверху, проходят через глаза и опущенные белой шерстью уши, а затем постепенно исчезают на затылке. Самки отличаются от самцов меньшей величиной и шириной, а также и более светлой окраской, которая зависит от того, что беловатый подшерсток у них сильнее просвечивает. Барсуки совсем белого цвета весьма редки, но еще реже такие, у которых по белой основе рассеяны темные каштаново-бурые пятна.

Новорожденные барсуки имеют, по Дебнеру, в длину 15, а с хвостом 19 см. Шерсть их состоит из редких (на брюхе даже чрезвычайно редких), жестких, сравнительно толстых, похожих на щетину и плотно прилегающих друг к другу волос. Цвет этих волос вообще белый, и только на темноокрашенных местах к ним присоединяются более или менее серые и черные волосы. Те две черные полосы, которые у взрослого барсука проходят с каждой стороны головы, явственно заметны уже у детенышей, но имеют буроватый цвет; буроваты также как сами ступни, так и голени передних и задних конечностей.

Барсук является классическим примером эгоистичного, недоверчивого, упрямого и как бы самим собой недовольного создания. В этом согласны все наблюдатели, хотя они и не отрицают пользы, приносимой этим своеобразным животным. Барсук наиболее безвредное из больших европейских хищных животных, а между тем к нему питают вражду и его преследуют наподобие волка и лисицы, причем у него немного защитников даже среди охотников, которые, как известно, больше всего любят именно тех животных, за которыми всего ретивее охотятся. Барсука беспощадно бранят и осуждают, не подумав о том, что он по-своему живет честно и правдиво и ничего дурного не делает. Однако именно своеобразность его жизни и служит причиной худого о нем мнения. Без сомнения, барсук живет угрюмым отшельником, боится людей и животных; кроме того, отличается такой неповоротливостью и леностью, что трудно найти другого ему подобного, а эти качества, конечно, не могут привлечь к нему друзей. Впрочем, о себе я должен заявить, что не испытываю неприязни к барсуку: наблюдения над его жизнью и нравами доставляли мне большое удовольствие.

Короткое, толстое и крепкое туловище, толстая шея и длинная голова с рылообразно заостренной мордой, маленькие глаза и такие же маленькие, но заметные уши, голые ступни и сильные

когти на передних лапах, короткий опушенный хвост и густая грубая шерсть, а также поперечная складка, ведущая в углубление, в котором около заднего прохода находятся железы, — суть признаки барсука. В зубной системе поражает мощность зубов, всего же зубов 36.

Барсук живет, за исключением острова Сардиния и севера Скандинавии, во всей Европе, а также в Азии, от Сирии (через Кавказ и Персию) до Японии и по Сибири до Лены. Проживает барсук уединенно в норах, которые он вырывает крепкими, закругленными когтями на солнечной стороне лесистых холмов, снабжает их четырьмя—восемью выходами и отдушинами для воздуха и самым уютным образом устраивается внутри. Главная часть жилья — углубление, в которое ведут несколько ходов, — настолько обширно, что может вместить как мягкую подстилку из мха, так впоследствии и детенышей вместе с самкой. Что же касается упомянутых ходов к норе, то барсук пользуется из них лишь немногими; остальные служат ему или как отдушины для воздуха, или как лазейки для бегства в случае крайней нужды*. Повсюду в норе царит большая чистота и опрятность, и этим жильем барсука отличается почти от всех остальных подобных подземных убежищ млекопитающих. Свои норы барсук устраивает преимущественно по опушкам леса, недалеко от лугов или среди самих лугов по не покрытым лесом овражкам. Но вообще, какая бы ни была избрана местность этим отшельником для устройства своего жилья, она всегда самая тихая и самая уединенная, так как жизнь свою барсук любит проводить безмятежно и привольно, охраняя прежде всего свою независимость в самом широком смысле этого слова. Благодаря своей силе барсук очень легко и быстро выкапывает нору и так же, как другие роющие животные, может зарыться в землю в течение нескольких минут. В таких случаях он пользуется сильными, вооруженными крепкими когтями передними конечностями, а когда вырытая им земля начинает мешать работе, то барсук пускает в ход сначала задние лапы, которые отбрасывают землю с большой силой назад, а затем, при дальнейшем углублении в землю, выталкивает землю из норы всей задней частью своего тела, избавляясь таким способом от ее излишков.

Из всех животных, проводящих свою жизнь наполовину под землей, а также и тех, которые лишь спят в норах, именно барсук больше всего заботится о том, чтобы его логовище было просторным и безопасным. Ходы, ведущие из углубления норы, почти всегда имеют от 8 до 10 метров в длину, а их наружные отверстия находятся друг от друга на расстояниях часто вдвое больших. Непосредственно нора лежит обычно под землей на глубине полутора или двух метров, но если крутизна, на которой заложена нора, значительна, то и котловина норы встречается на глубине пяти метров от поверхности земли. В таких случаях ходы, служащие для

* *Нора барсука может использоваться, если ее не разрушать, в течение многих десятилетий и даже столетий. Она обновляется и расширяется каждым следующим поколением барсуков, постепенно превращаясь в «барсучий городок». На поверхности этот комплекс дополняется хорошо проторенными дорожками к местам кормежки, площадками для игр, местами для испражнения. Одна семья барсуков может использовать по очереди несколько гнездовых камер. В тех местах, где на барсука не охотятся, он привыкает к человеку и даже выкапывает норы прямо под постройками.*

** Барсук вне норы может легко стать жертвой волка или леопарда, от которых убежать не способен, а поэтому его осторожность понятна.*

вентиляции, направляются к поверхности почти всегда вертикально. Если же барсуку удастся устроить нору в ущелье, то два условия его благополучия — безопасность и покой — будут еще более соблюдены. В своей норе барсук проводит большую часть жизни, он покидает свое логовище для отдаленных странствований только после того, как ночной мрак окутает землю. Правда, в весьма уединенных, тихих, лесистых местностях барсук летом выходит на прогулку и в поздние часы после обеда, и я сам однажды при ясном дневном свете встретил его вблизи скал на острове Рюгене, но такие дневные вылазки составляют исключение. Один из охранников, которому в течение долгого времени выпало счастье наблюдать барсука на свободе, сообщил о нем Чуди следующие данные: «Нора этого барсука была заложена на краю оврага, и выход из нее мы видели с противоположной стороны ложбины. Путь к норе сильно нахожен, но вновь выброшенная земля перед главным входом была так гладка и утоптана, как ток на овине, и потому нельзя было распознать: есть или нет в норе детеныши. Пользуясь благоприятным ветром, охотник подкрался к своему наблюдательному посту, и взору его предстал старый барсук, который хотя и сидел угрюмо, погруженный как бы в дремоту, но все-таки, по видимому, чувствовал себя вполне привольно под теплыми лучами солнца. Такое препровождение времени было, однако, не случайно, так как охотник видел барсука лежащим на солнце и в другие ясные дни, когда ему доводилось наблюдать за норой. Благодушествуя и ничего не делая, коротал барсук свое время. То, сидя, пристально осматривался он вокруг себя, то тщательно исследовал некоторые предметы, то, наподобие медведя, принимался раскачиваться на передних лапах из стороны в сторону. Столь приятный отдых по временам вдруг нарушался каким-нибудь кусающим насекомым, которого барсук с необыкновенной злобностью тотчас же подвергал казни при помощи зубов и когтей, а затем, расправившись со своим мучителем, растягивался на солнышке, выставляяверху то широкую спину, то упитанное брюшко. Однако такое препровождение времени продолжалось недолго; вероятно, от безделья барсуку начинало что-то мерещиться: он вставал, водил носом по сторонам, принюхивался и хотя ничего не обнаруживал, но предосторожности ради направлялся к себе в нору. Иной раз он продолжал греться на солнце, затем рысью спускался вниз по долине, чтобы испражниться, и, согласно своей прославленной осторожности и чистоте, снова и по нескольку раз возвращался, чтобы уничтожить следы своего испражнения, дабы ничто не служило предательским указанием его присутствия*. Возвращаясь, барсук не торопился, иногда приостанавливался, но не разыскивал, однако, себе пищи; затем на короткое время опять предавался прежней лени, а когда наконец тени от деревьев мало-помалу начинали набегать на землю, он удалялся к себе в нору, вероятно, для того, чтобы вздремнуть перед предстоящей ночной деятельностью».

**Семейство
КУНЫ**

** По исследованиям в Англии, барсуки живут кланами численностью до 12 особей. В других частях ареала*

Барсук весьма своеобразно выходит из норы и возвращается в нее. В отличие от лисицы, которая сначала быстро вылезает, а затем уже начинает озираться, барсук, по словам Адольфа Мюллера, дает знать внимательному охотнику о своем предстоящем появлении из-под земли глухим шумом, который он производит, приблизившись к выходу, встряхиванием с себя пыли. Затем очень осторожно высовывает из отверстия норы половину головы, с минуту прислушивается и принюхивается и снова скрывается. Только удостоверившись таким образом несколько раз в безопасности, барсук решается наконец показаться из норы целиком; выйдя же наружу, он прислушивается и обнюхивает вокруг себя воздух еще раз и только после этого отправляется обычной рысцой в путь. Домой он возвращается, как правило, бегом, причем осенью, когда барсук нагуляет жир, бег его сопровождается пытением, которое слышно издали; медленно он возвращается при тихой погоде и полной уверенности в безопасности и, напротив, бежит чрезвычайно быстро, когда погода ветрена. На поиски пищи старые барсуки выходят всегда в одиночестве, и только молодые отправляются вместе с братьями.

Барсук
(*Meles meles*)

Во время спаривания барсук живет вместе со своей самкой, но и то недолго; всю же остальную часть года проводит в одиночестве, не поддерживая дружбы ни со своей самкой, ни с каким-либо другим животным*. Правда, старые, большие норы барску нередко приходится делить с лисицей; но оба этих животных мало общаются друг с другом, и в таких случаях лисица обычно завладевает верхними ходами и логовищем, а барсук — нижними. Рассказы же о том, будто лисица, оставляя в норе свои испражнения, изгоняет оттуда барсука, согласно показаниям но-

взрослые самцы могут покидать колонии и жить отдельно.

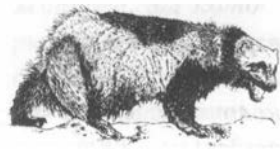

вейших наблюдателей, должны быть отнесены к басням охотников.

Движения барсука медленны и неуклюжи; на ходу он волочит ноги и переваливается; самый быстрый бег совершается так медленно, что хороший ходок в состоянии догнать барсука. Вообще барсук производит довольно своеобразное впечатление.

Пищей барсуку служат весной и летом преимущественно корни, всякого рода насекомые, улитки и дождевые черви, а при случае также молодые зайцы, птичьи яйца и птенцы. Дождевых червей барсук весьма искусно вытаскивает из-под земли посредством острых длинных когтей передних лап; точно так же поступает он и при отыскании личинок как майских жуков, так и других вредных насекомых, проживающих в земле на нивах, лугах и полях. При добычании, личинок барсук не вырывает воронкообразных ямок (глубиной от 3 до 5 см, а шириной — от 1,5 до 2,5 см), как это он делает при добычании дождевых червей, а взрыхляет всю поверхность почвы и переворачивает комки земли. Иногда барсук разрывает, кроме того, гнезда шмелей и ос и с большим удовольствием ест изобилующие личинками медовые соты, не особенно заботясь об укулах обозленных собственников этих запасов меда: его жесткий мех, толстая кожа и находящийся под ней слой жира вполне предохраняют от укусов пчел. Улиток, а также, вероятно, гусениц, бабочек барсуки разыскивают и по деревьям, как в этом мог убедиться фон Бишофсгаузен. В один прекрасный летний день этот охотник, к немалому своему удивлению, увидел, как семья из пяти барсуков поспешно перебежала от одного дерева к другому, причем становились на задние лапы, и приподнявшись кверху, насколько доставали передние лапы, барсуки обыскивали каждый древесный ствол. Пехуель-Леше наблюдал однажды, как барсуки, в данном случае полувзрослые, подобным образом обыскивали сосны, находившиеся вблизи их норы, но так как при этом они только весело прыгали и царапали кору деревьев, то Пехуель-Леше предполагает, что барсуки просто играли.

Осенью барсук питается преимущественно не буковыми и дубовыми желудями, кореньями, как обычно думают, а упавшими с деревьев плодами, кроме того, морковью и свеклой, не пренебрегает он и мелкими млекопитающими, полевыми мышами, кротами, а также ящерицами, лягушками и змеями. При известных обстоятельствах барсук производит опустошения и в виноградниках, причем в таких случаях раздавливает лапами большие грозди винограда и буквально упивается их сладким содержанием. Весьма редко таскает он с ближайших к лесу крестьянских ферм молодых уток и гусей, так как, будучи чересчур недоверчивым и осторожным, отваживается на это только в том случае, если вполне уверен в своей безопасности. Нередко ест и падаль. Впрочем, барсук ест мало, кое-что натаскивает он себе на зиму в

нору, если уж очень большой соблазн побудит его к этому, например поле моркови, находящееся вблизи норы. Заметного вреда барсук не причиняет; во всяком случае, не в такой мере, чтобы польза, которую он приносит ловлей и истреблением всевозможных вредных насекомых как в лесу, так и в поле, не вознаградила бы нас с избытком. Вообще, из всех куницеобразных барсук самое полезное животное, и его можно скорее назвать охранителем леса, а вовсе не животным, причиняющим вред лесной фауне. Поэтому лесничий, стремящийся истребить барсука, грешит как против самого себя, так и против вверенного его попечению леса.

«Вместе с ежом, — замечает Адольф Мюллер, — безвредного барсука обвиняли в опустошении лесных посевов. Когда эти животные, ретиво разыскивающие личинок и гусениц в бороздах, засеянных буковыми или дубовыми семенами, попадались за таким занятием несведущим и поверхностным наблюдателям, то их тотчас же относили к категории вредных животных и старались всеми способами истребить. На самом деле барсук и еж уничтожали вредных личинок, майского жука и других насекомых, которые в основном там поселяются, а также мышей. Будьте справедливы, господа лесничие, и избавьтесь от предрассудков, свойственных старым невежественным охотникам: еж и барсук заслуживают вашего полного покровительства, а не преследования! Ведь стоит только взглянуть на зубы барсука и ежа и сравнить их с зубами грызунов, чтобы перестать видеть и в том, и в другом любителей семян лиственных и хвойных лесных деревьев! Пищей барсуку служат и будут служить насекомые, и потому в связи с тем обстоятельством, что он также ловит и мышей, барсук оказывается одним из полезнейших животных в великом хозяйстве природы».

Однако в Азии барсук ведет себя уже далеко не так невинно, как в Европе. По словам Радде, «в Восточной Сибири барсук, по видимому, гораздо бесстрашнее и кровожаднее, чем в Европе. При этом в более населенных местностях он остается исключительно ночным хищником, что не наблюдается, например, в Хинганских горах, где мы видели его днем четырнадцать раз. Здесь он довольствуется исключительно мышами и змеями, так как не имеет возможности беспокоить молодой рогатый скот, что, однако, повсеместно замечается в Забайкальской области. Так, в степях Даурии нападение барсука на телят — вещь самая обыкновенная. При этом более взрослые телята отделяются обычно лишь глубокими царапинами и рваными ранами, но слабых ему удается одолеть*». После поселения казаков на Амуре барсуки часто тревожили их стада на равнинах выше Хинганских гор».

К концу осени барсук бывает уже довольно упитан. В эту пору он начинает помышлять о наиболее уютном проведении зимнего времени и подготавливает все необходимое для зимней

** Барсук не догонит здорового теленка. Скорее всего, мнение о нападениях барсука на телят основано на том, что этот зверь не брезгает падалью.*

** Обычное утверждение, будто барсук помещает голову между задними лапами и конец морды вкладывает в описанное выше углубление для зловонных желез — неверно.*

*** За осень барсук сильно жиреет. Слои подкожного жира достигает 4—5 см толщины, вес увеличивается в два раза и более. Продолжительность зимнего сна в разных районах сильно различается (от 3 до 6—7 месяцев), на юге своего ареала барсук вовсе не впадает в спячку.*

**** Время спаривания у барсука приходится на конец весны, некоторые самки (возможно, неуспешно спарившиеся весной) спариваются в начале лета. Латентный период беременности длится около 10 месяцев, активное развитие эмбрионов 6—8 недель.*

спячки. С этой целью он натаскивает в нору листья и настиляет себе таким образом пышное, мягкое и теплое ложе. Затем, кормясь до наступления настоящих холодов еще тем, что наготовлено в норе про запас, барсук с наступлением стужи свертывается в клубок, ложится на брюхо, просовывает голову между передними лапами и погружается в спячку*. Однако зимний сон барсука, так же как и медведя, часто прерывается. Так, если холода не постоянны или наступает оттепель, а также не очень холодные ночи, барсук просыпается и иногда ночной порой выходит из своего убежища, чтобы напиться. Вообще же при сравнительно теплой погоде барсук начинает оставлять нору уже в январе, самое позднее в феврале, причем откапывает для себя коренья или, если повезет, лакомится и мышью. Зимнее голодание отражается на нем настолько дурно, что, отправившись по осени в нору с круглым брюшком, барсук выходит из нее весной исхудалым, как щепка**.

Время спаривания у барсука приходится на октябрь, и только в виде исключения (по преимуществу у юных животных) оно запаздывает***. Так как беременность продолжается от 12 до 15 недель, то к концу февраля или к началу марта самка рождает от трех до пяти слепых детенышей, для которых она заботливо выстилает гнездышко мхом, листьями, папоротником и травой; все это она приволакивает к входу в нору, удерживая между задними ногами, и затем уже проталкивает, помогая себе головой и передними ногами, до котловины норы. То, что она проживает в собственной норе — понятно само собой, так как барсучья самка столь же отъявленная отшельница, как и барсук-самец. Детенышей своих самка очень любит. Откормив их молоком, она до тех пор таскает им в нору червей, коренья и мелких млекопитающих, пока они сами не становятся способными к добыванию пищи. Большого труда ей стоит поддерживать в норе ту образцовую чистоту, которой отличается барсук: невоспитанные детеныши, конечно, не в состоянии еще помогать ей в этом. Впрочем, она находит выход из положения: около котловины норы вырывает особое углубление, которое служит маленькому обществу местом для отправления их нужд, а также и для склада отбросов и остатков их корма.

Спустя три или четыре недели маленькие, весьма красивые зверьки выходят вместе со своей матерью наружу и греются на солнышке перед норой. При этом зверьки резвятся, доставляя счастливому зрителю большое наслаждение, тем более, что возможность наблюдать такое привлекательное зрелище случается очень редко. С матерью детеныши остаются до осени, а затем отделяются и начинают жить самостоятельно. При этом, конечно, они предпочитают селиться в старых, покинутых барсучьих норах; но в случае нужды сами вырывают себе норы. В редких случаях мать позволяет им вырывать убежище в ее норе. Тогда

вместе с матерью молодые барсуки проводят и еще одну зиму. Но вообще на второй год молодые барсуки вырастают уже настолько, что становятся способными к размножению, а если пуля охотника не прекратит их дни, то жизнь зверьков может продлиться от десяти до двенадцати лет*.

Барсукам ставят различного рода ловушки, откапывают их, выгоняют из нор посредством особенных, отличающихся острым тонким чутьем барсучьих собак (такс) и застреливают. Избежать угрожающей в вышеупомянутых случаях опасности барсук может лишь в том случае, если схоронится в своей норе так удачно, что даже собаки не смогут его отыскать, иначе вследствие своей неловкости и неуклюжести он будет пойман собакой. Поэтому, если барсука преследуют в его же норе, то обычно он пытается спастись тем, что с большой быстротой зарывается глубоко в землю и действительно довольно часто ускользает от отыскивающих его собак.

Барсуки, пойманные старыми, например при разрывании их нор, оказываются отвратительными животными, непригодными ни к какому воспитанию или приручению, ленивыми, недоверчивыми и злонравными. В течение дня они лежат неподвижно и появляются только ночью, скалят при всяком случае зубы и сильно кусают каждого, кто к ним приблизится. Ленцу был доставлен старый, жирный, вполне здоровый барсук, которого он и поместил в большой ящик. В нем барсук спокойно лежал все в одном и том же углу, не двигался, если его к этому не принуждали сильными толчками, и начинал бодрствовать только после десяти часов вечера.

Совершенно иначе держат себя барсуки, пойманные молодыми и подвергшиеся тщательному воспитанию. Они, в особенности если были вскормлены исключительно или по преимуществу растительной пищей, становятся ручными и до того привязываются к своему хозяину, что даже следуют за ним повсюду, а будучи выпущены из клетки, возвращаются в нее по его зову обратно.

Мясо убитого барсука слаще свиного, и некоторые охотники считают его большим лакомством. Непроницаемые для воды, крепкие и прочные шкурки, которых, по Ломеру, ежегодно доставляют на рынок в числе 55 тысяч штук стоимостью в 123 тысячи марок, употребляются на обивку сундуков и тому подобных вещей; из длинных волос, в особенности выдернутых из хвоста, изготовляют щетки и кисти; жир применяют как лекарственное средство или как осветительное вещество; некоторые же охотно едят его, намазывая на хлеб, и сравнивают с гусиным жиром**.

Медоеды, широкоспинные, короткомордые и короткохвостые животные, отличаются от других видов куньих зубной системой. У них всего 32 зуба. Тело более неуклюжее, чем у обыкновенного барсука и его ближайших родичей, сверху сплющено, спина широкая и плоская, морда длинная, маленькие уши немного выда-

** Наибольшая зафиксированная продолжительность жизни барсука (в неволе) — 16 лет 2 месяца.*

*** Многие охотники и вообще таежники используют жир барсука для смазывания кожаных вещей. По утверждению очевидцев, он прекрасно предохраняет вещи от намокания и плесневения.*

Семейство куньи

** Медоед отдаленно похож на барсука, хотя и не находится с ним в очень близком родстве. Длина тела 60—77 см, хвоста 20—30 см. Весят взрослые медоеды 7—13 кг. Медоед распространен по всей Африке, на Ближнем Востоке, в западной Индии и Средней Азии. Населяет разнообразные, но преимущественно сухие местообитания.*

*** Шкура медоеда настолько прочна, что даже собака практически не может ее повредить. При этом она по всей поверхности тела подслоена жиром и свободно скользит по мышцам (иными словами, можно сказать, что у медоеда везде «шкурка»). Благодаря этому медоед, схваченный за спину или бок, легко изворачивается и кусает своего противника.*

ются из шерсти, глаза небольшие и сидят глубоко, ноги короткие и сильные, пятки голые, а пальцы на передних лапах снабжены длинными когтями, предназначенными для рытья.

Медоед, или ратель (*Mellivora capensis*)*, будучи взрослым, достигает длины свыше 70 см, из которых на сравнительно длинный хвост приходится около 25 см. Волосы длинные и жесткие; лоб, темя, затылок, шея, спина, лопатки и хвост пепельного цвета; морда, щеки, уши, передняя поверхность шеи, грудь, брюхо и конечности серовато-черные, причем оба упомянутых рода окраски резко отделяются друг от друга.

Медоед проживает в норах под землей, которые роет сам, проявляя при этом большую сноровку. Медлительный и неловкий, он едва ли был бы в состоянии ускользнуть от своих врагов, если бы не обладал искусством, по крайней мере в рыхлой почве, почти мгновенно зарываться в землю, то есть столь быстро вырыть нору и укрываться под поверхностью земли, что преследователь не успевает его настигнуть. Медоед ведет ночной образ жизни и лишь редко хищничает днем. Во время наших охот в стране бушменов мы видели его дважды, и каждый раз хотя и под вечер, но все-таки до заката солнца. Ночью же, медленно бродя, он нападает на мелких млекопитающих, каковыми являются мыши, тушканчики и тому подобные, или на птиц, черепах, улиток и червей, выкапывает корни и луковицы, а при случае лакомится и плодами.

Но образ жизни медоеда главным образом определяется его страстной любовью к меду; он готов потратить сколько угодно времени, лишь бы найти пчел.

В безлесных странах Африки пчелы наподобие шмелей и ос гнездятся главным образом в земле, во всякого рода углублениях и расщелинах. Такие-то гнезда для медоеда всего желательнее, и когда такое лакомство сыщется, поедает его с наслаждением. Конечно, пчелы защищаются и жалят его как только могут, но покрытая густыми волосами весьма толстая шкура медоеда представляет собой самый лучший щит, какой только можно найти против пчелиных укусов. Объясняется это тем, что кожа у него лежит на толстом слое жира, поэтому говорят, что в слое подкожного жира медоед мог бы свободно вращать свое туловище**. Против такого врага пчелы совершенно бессильны, а медоед, с ожесточением раскопав их ульи, наслаждается на приволье их драгоценным содержимым. О том, как он устраивает свои набег на пчел, Шпарманн сообщает забавные вещи, которые, без всякого сомнения, основаны на рассказах готтентотов и голландских поселенцев и, конечно, не верны.

«Пчелы, — повествует этот путешественник, — доставляют медоедам если не единственную, то все-таки самую главную пищу, и для отыскания их подземных гнезд медоед прибегает к большой хитрости: перед закатом солнца покидает он свою нору, в

которой продремал целый день, и начинает бродить по окрестностям, чтобы, подобно льву, выследить свою добычу. Он садится на пригорке, защищает передней лапой глаза от низко опустившегося солнца и пристально следит за пчелами. Заметив, что некоторые из них летают в одном и том же направлении, медоед, прихрамывая, идет за ними, затем снова наблюдает за пчелами и наконец мало-помалу добирается до пчелиного гнезда, после чего и начинается борьба не на живот, а на смерть. Рассказывают, что медоеда так же, как и туземных жителей южной Африки, ведет к пчелиным гнездам птица, медовая кукушка (*Indicator*), у которой хватает ума, чтобы сообразить, что меда, этого лакомого блюда, хочется и человеку, и зверю. Будучи не в состоянии собственными силами овладеть пчелиной крепостью, птица эта находит выгоду для себя, указывая отысканные ею пчелиные ульи другим, более сильным существам, чтобы после разрушения гнезда, поживиться и самой. Своим криком она обращает на себя внимание любителя меда, а затем начинает летать перед ним, время от времени присаживаясь, если медлительный обитатель земли бывает не в состоянии за нею поспеть. После такой остановки она снова летит вперед, а, приблизившись к гнезду, извещает об этом приветливым голоском и, наконец, опускается на сокровище. Во время разорения улья птичка остается в стороне и берет свою долю лишь после того, как удовлетворят свою алчность или человек, или медоед*. При нападениях разъяренных пчел превосходную помощь оказывает медоеду толщина его шкуры, которую не могут прокусить не только пчелы, но из-за которой даже собаки, по показаниям всех охотников, не в силах справиться с таким сравнительно слабым противником».

Впрочем, медоед кормится не на одним только медом, он любит также и более сытную пищу. Кармихель сообщает, что владельцы курятников смотрят на него, как на одно из самых вредных животных.

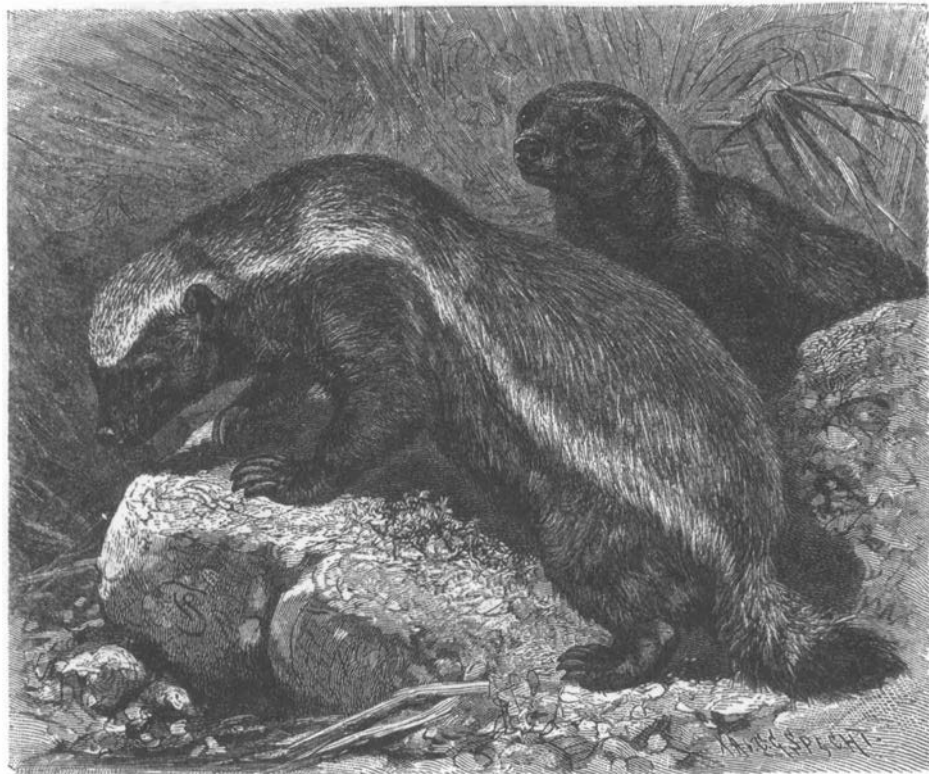
Уверяют, будто медоед живет с двумя или тремя самками и никогда не отпускает их из виду. В период спаривания он, говорят, бывает до того свиреп и разъярен, что нападает даже на людей и тяжело ранит их. Вообще медоед не сдается без боя, если на него нападают. Пытаться схватить его живым — советовать нельзя, так как он умеет употребить в дело свои острые зубы. Однако, прежде чем начать кусаться, медоед пытается спастись, и с этой целью он или невероятно быстро зарывается в землю, если это позволяет свойство почвы, или же опрыскивает своего врага содержимым своих зловонных желез**.

Говорят, будто медоед пускает в дело свои зубы только в крайних случаях. Если это верно, то причина такой сдержанности мне не понятна, так как зубная система у медоеда до того сильно развита, что он мог бы внушить к себе уважение каждому охотнику и каждой собаке и побудить их соблюдать осторож-

** Союз медоеда и птицы-медоуказчика — удивительное явление. Специализированный на питании пчелиными личинками и сотами, медоуказчик приспособился разорять пчелиные гнезда, приводя к ним медоеда. То, что сейчас птица приводит к пчелам и человека — несомненно, вторичное явление.*

*** В период спаривания самец становится крайне агрессивным. Ярконтрастная черная белая раскраска медоеда играет предупреждающую функцию. Его агрессивность в сочетании с резко пахнущим секретом околоанальных желез делают его непривлекательной добычей для хищников, раз с ним столкнувшись, а окраска служит им предупреждением в будущем.*

ность. Зато в живучести этого животного я вполне убежден. Двух выстрелов, которые однажды вечером мой друг Фан-Аркель сделал по медоеду почти с двадцати шагов, было бы вполне достаточно, чтобы уложить льва: медоед же ушел как ни в чем не бывало. Заметим еще к слову, что когда на следующее утро мы отправились обыскивать кусты, то относительно следов зверя нам пришлось руководствоваться лишь нашим обонянием, ибо хотя прошедший ночью дождь и уменьшил зловоние от выпущенной зверем жидкости, но все-таки не уничтожил его полностью. Вонь же вообще была до того сильна, что только особое наше рвение к отыскиванию зверя заставляло переносить ее.

Медоед, или ратель
(*Mellivora capensis*)

* Индийский медоед относится к тому же виду, что и медоеды Африки и Ближнего Востока.

Индийский медоед (*Mellivora capensis*)* по образу жизни, говорят, похож на африканского, и он также весьма вредный посетитель птичьего двора. Кроме того, туземцы обвиняют его и в разрывании могил. За исключением Малабарского берега, а также Нижней Бенгалии, индийский медоед водится во всей западной и северо-западной Индии, от Бенгальского залива до подножия Гималаев. На Цейлоне же он не встречается.

Медоеды, пойманные молодыми, становятся ручными, а из-за своей неуклюжести и своеобразности движений очень забавны. Обыкновенно они весьма серьезно и неумоимо обходят в одном и том же направлении свою клетку и на одних и тех же определенных местах равнодушно кувыркаются. Если же совершить последнее вдруг позабудут, то останавливаются, возвращаются назад и конфузливо наверстывают упущенное. Я наблюдал за содержащимися в неволе медоедами и выяснил, что если на них нападает охота сотни раз измерить шагами свои клетки, то столько же раз, идя друг за другом, они совершат точь-в-точь в одних и тех же местах свои в высшей степени комические кувыркания. Однако тот ме-

доед, который проживал у меня, был гораздо скучнее, что, несомненно, объяснялось отсутствием у него общества. В общем же наши сведения о медоедах оставляют желать еще весьма многого.

Представителями следующего рода являются вонючки*. Признаки вонючек следующие: тело приземистое, вместо хвоста лишь пенёчек, покрытый длинными волосами; голова весьма удлиненная, а морда вытянута в виде рыла; глаза маленькие; короткие и широкие уши скрываются в волосах; низкие и сильные конечности снабжены умеренно большими ступнями, пальцы которых сращены вплоть до последних суставов и оканчиваются мощными когтями, приспособленными для рытья; передние лапы вдвое длиннее задних. Зубная система состоит из 34 зубов. В области заднепроходного отверстия железистого мешка нет, но около заднего прохода есть выделяющие зловонную жидкость железы, которые снабжены сильно развитой кольцеобразной мышцей, при помощи которой жидкость можно выпрыснуть.

Яванский вонючий барсук, или **короткохвост** (*Mydaus javanensis*)**, роста небольшого, в длину имеет 37 см, из которых около 2 см приходится на короткий хвостик. Густая, длинная шерсть окрашена в равномерный темно-коричневый цвет. Белая или желтовато-белая полоса проходит от темени по всему хребту до кончика хвоста. Нижняя сторона тела светлее верхней. мех состоит из шелковисто-мягкого подшерстка и жестких остевых волос, образующих по сторонам головы и затылка нечто вроде гривы. Бок, наблюдавший это животное преимущественно на Яве, прибавляет также, что вся лицевая часть головы до ушей лишена волос, а собственно морда окрашена под цвет тела. Короткохвост живет на Суматре, Яве и Борнео; существует ли он также на Малайском полуострове и на других частях материка — еще не выяснено. Стерндаль считает возможным присутствие его в Тенассериме, но Блэнфорд об этом не упоминает.

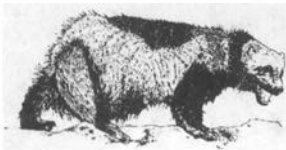
Горсфильд впервые познакомил нас с образом жизни этого своеобразного создания. Короткохвост закладывает свою нору с особенной предосторожностью и большим умением на незначительной глубине под поверхностью почвы. Если он отыщет место, защищенное длинными и крепкими древесными корнями, то именно между ними, под деревом, он и вырывает котловину норы, придавая ей правильную шарообразную форму диаметром в один метр. Отсюда к поверхности земли идут в разные стороны приблизительно до двух метров длиной, ходы, наружные отверстия которых, как правило, бывают прикрыты ветками или сухими листьями. В течение дня короткохвост остается в своей норе; при наступлении же ночи выходит на поиски всякого рода личинок и червей, особенно червей дождевых, которые в огромном количестве водятся в плодородном черноземе. Однако, вырывая из земли дождевых червей подобно свиньям рылом, короткохвост этим

* Эгих животных в русскоязычной литературе принято называть «вонючие барсуки» (дословный перевод их английского названия).

** Яванский вонючий барсук распространен на Больших Зондских островах. Длина тела 37—51 см, короткого хвоста 5—7 см, вес 1,4—3,6 кг. Окрашен этот барсук в черный цвет, за исключением белого загибка и узкой полосы на спине. Брем имеет в виду именно этот вид, хотя в описании окраски смешаны признаки двух видов. Палаванский барсук (*M. marchei*) живет на Филиппинах и несколько мельче: длина тела 32—46 см, хвоста 1,5—4,5 см, вес до 2,5 кг. В материковой части тропической Азии вонючие барсуки не живут.

Семейство куньи

** Местные жители Зондских островов, кроме мяса, использовали измельченную шкуру вонючего барсука. Смешанная с водой, она использовалась как внутреннее средство при лечении лихорадок и ревматизма.*

*** Собака, которой жидкость пахучих желез попала в нос, может умереть от удушья. При попадании в глаза тот же секрет вызывает временную слепоту.*

самым причиняет полям вред. По Боку, короткохвост приносит от трех до четырех детенышей. По Горсфильду, он встречается на Яве исключительно в высоких местах, не менее 2 тысяч метров над уровнем моря, и наблюдается в этих пределах столь же регулярно, как присущие этой местности растения. Все горные жители знают как его самого, так и его повадки; между тем в долинах он известен столь же мало, как и всякое чужестранное животное: так, в Батавии, Самаранге или Сурабайе о нем было бы напрасно и спрашивать. Однако наблюдения, сделанные в новейшее время, противоречат этим данным. Так, Форбес свидетельствует, что «пребывание короткохвоста вовсе не ограничивается, как это утверждали, только высотами; я встречал его также и на горах, и на плоскогорьях, не превышающих 500 футов над уровнем моря; в восточной же Яве он, должно быть, и не водится». Карл Бог тоже протестует против показаний Горсфильда и утверждает, что в юго-восточной части Борнео «короткохвост встречается столь же часто, как крыса, в местностях не выше 80 или 100 футов над уровнем моря. На Суматре же, прибавляет он, наибольшие высоты, на которых встречаются короткохвоста, не превышают более 1000 футов; но, однако, и здесь его находят лишь изредка».

Все движения короткохвоста медлительны, а потому туземцы зачастую его и ловят; они вообще не страшатся короткохвоста и даже едят его мясо, так как, по словам Форбеса, полагают, что если кто приучит себя к этому, то избавит себя от всех болезней*.

Горсфильду во время его наблюдений над короткохвостами туземцы приносили этих животных в таком множестве, что пришлось наконец отказываться от них. Этот же естествоиспытатель утверждает: «Мясо короткохвоста может быть весьма вкусно, если только животное быстро умертвить и если столь же быстро удалить зловонные железы, которые в таком случае не успевают еще испортить своим запахом остальное мясо. Что же касается жидкости, то, по рассказам моего индейца-охотника, короткохвост может исторгнуть ее из себя самое большее на расстоянии 60 см. Жидкость эта весьма тягуча, а сильное ее действие обуславливается чрезвычайной ее летучестью, так что, при некоторых условиях, она может испортить воздух в целой деревне; на близком же расстоянии ее запах в состоянии довести некоторых людей даже до обморока**». Юнгхун подтверждает эти данные, кроме того, прибавляет, что при благоприятном ветре запах едкой, напоминающей чеснок жидкости короткохвоста можно ощутить за полмили. Бок, однако, судит об этом запахе иначе и сравнивает его «с запахом перуанского гуано после добавления к нему азотной кислоты». Напротив, Форбес выражается о короткохвосте так: «Мои вечерние часы оказывались совершенно отравленными тем едким запахом, которым при своих прогулках в сумерки короткохвост, находясь даже и в самом лучшем настрое-

нии, заражает воздух по крайней мере на английскую милю вокруг. Пытаться прогнать животное было бы бесполезно, так как если потревожить короткохвоста, то он не прячется в свое убежище, как это некоторые утверждали, а, напротив, еще сильнее портит воздух своей ужасной вонью, которая целыми неделями сохраняется в платье, посуде и в съестных припасах».

«Короткохвост, — говорит Горсфильд, — нрава тихого и кроткого и, будучи пойман юным, может быть весьма легко приручен. Наблюдать его нрав я мог, держа при себе довольно долго короткохвоста, мной же и пойманного. Этот короткохвост сделался весьма скоро общительным, знал свое место и своего хозяина и никогда не приходил в столь сильный гнев, чтобы выделять свою зловонную жидкость».

Все животные из семейства куньих распространяют вокруг себя «благоухание»; но среди них мы выделяем американских вонючек — скунсов. Это вонючки в превосходной степени! А что значит настоящая вонючая железа, становится понятным из описаний того ужаса, который скунсы распространяют вокруг себя одним только

своим появлением. Все отчеты американских путешественников и естествоиспытателей сходятся в том, что мы даже не в силах составить себе надлежащего понятия о действии, которое производит жидкость, отделяемая зловонными железами этих животных. Никакая лаборатория, никакая помойная яма, никакое место для вывоза падали — короче, никакой смрад на свете не может сравниться с тем, который распространяют столь красивые на вид вонючки-скунсы и который неделями и месяцами гнездится в вещах, пропитанных им. Назвать этот смрад «чумным» — справедливо, так как от всякого, кто имел несчастье близко соприкоснуться с какой-нибудь вонючкой, действительно будут бегать, как от зараженного чумой. Вследствие этого, невзирая на свою незначительную величину, вонючек можно отнести к одним из главных врагов человека, так как стоит им только опрыскать кого-нибудь своей жидкостью, и этот злополучный человек на долгое

*Яванский вонючий
барсук,
или короткохвост
(Mydaus javanensis)*

Семейство Куньи

** Издаваемый куньи-ми запах, действительно, один из самых резких (чувствуется за два с половиной километра) и, что важнее, один из наиболее плохо переносимых хищниками и человеком.*

*** Железы полосатого скунса расположены возле анального отверстия и открываются наружу по бокам от него, а у пятнистого скунса — так, как описано у Брема. У полосатого скунса зловонная жидкость выпрыскивается на расстояние до 2—3 метров.*

время будет принужден покинуть общество себе подобных; из-за этой же жидкости может сделаться необитаемым целый дом, а в огромном магазине драгоценные вещи, пропитавшись этим запахом, могут прийти в негодность*.

Вонючки отличаются от остальных барсуков более удлиненным телом, длинным пушистым хвостом, большим вздутым носом, черным цветом окраски шерсти с белыми полосами на ней. Голова по сравнению с телом мала и заострена; нос чрезвычайно некрасив, не покрыт волосами и толст, как бы вздут; маленькие глаза обладают пронизывающей остротой зрения; уши малы и округлены; короткие ноги заканчиваются умеренно большими ступнями с пятью почти совершенно сросшимися друг с другом пальцами, имеющими довольно длинные, но вовсе не сильные слегка изогнутые когти; нижняя часть пяток, по крайней мере мясистая часть их, голая. Зубная система состоит из 32 или 34 зубов. Зловонные железы имеют значительную величину, открываются внутрь прямой кишки и снабжены особым сжимающим мускулом**.

Каждая железа, по Гензелю, представляет собой полость величиной с грецкий орех, стенка которой выстлана железистым слоем, а снаружи одета мышечной тканью. Полое пространство наполнено желтой, подобно маслу, жидкостью, которую при посредстве сжимающего мускула животное может выпрыскивать из заднепроходного отверстия в виде тонкой желтой струи, бьющей на несколько метров и вследствие своего быстрого распыления охватывающей большое пространство. У взрослых животных, а также и у самцов эта жидкость более пахуча, чем у молодых и у самок, и действие ее также усиливается во время течки.

Вонючек нельзя причислить к животным собственно лесным; встречаются они в местностях травянистых и заросших кустарником гораздо чаще, чем в обширных высокоствольных лесах. В течение дня они спят, укрывшись в дуплистых деревьях, в расселинах скал и в земляных норах, которые сами себе и вырывают; ночью они просыпаются и начинают оживленно разыскивать добычу. Их обычную пищу составляют черви, насекомые, земноводные, птицы и небольшие млекопитающие. Впрочем, едят они также ягоды и корни. К отделению своей смрадной, одуряющей жидкости они прибегают только в тех случаях, когда бывают раздражены или когда, подвергаясь преследованию, испытывают страх перед врагом. В случае опасности они удерживают на почтительном расстоянии даже самых кровожадных и самых хищных кошек и единственный их достойный противник — только весьма злобные собаки, которые самоотверженно накидываются на них даже и в том случае, когда подвергнутся опрыскиванию. Какого-либо значительного вреда человеку вонючки не причиняют, за исключением, конечно, того

отвратительного запаха, который они распространяют и из-за которого поэтому их относят к самым ненавистным животным. Что касается числа видов вонючек, то вследствие уже достаточно известного непостоянства у них отличительных признаков, ныне не подлежит никакому сомнению, что вместо прежних многих видов всех вонючек можно объединить в небольшую группу. А так как образ жизни всех известных видов сходен, то для ознакомления с ними будет вполне достаточно описать один или два из них.

В большей части Южной Америки обитают свиноносые скунсы (*Coonatus*) — **аргентинский скунс** (*Coonatus castaneus*), **южноамериканский скунс** (*C. chinga*), **амазонский скунс** (*C. semistriatus*) и др. Этим вонючкам бразильцы называют «сурильо»*. Зубов у сурильо 32; длина тела равняется 40 см, а хвоста — 28 см. Цвет шерсти и рисунок его меха чрезвычайно изменчивы. В общем густые и длинные волосы коротки только на морде, а отсюда постепенно удлиняются и достигают длины на боках 3, на спине — 4, а на хвосте — 7 см. Цвет шерсти, по Гензелю, переходит от черно-серого и черно-бурого до блестяще-черного. Белые полосы начинаются на лбу и, отделяясь друг от друга на ширину пальца, продолжаютя вплоть до корня хвоста; иногда промежуточного пространства нет почти вовсе, а сами полосы исчезают уже в области последних ребер; в редких же случаях полосы совершенно отсутствуют, и тогда весь мех оказывается одноцветно-черным. Хвост на конце большей частью белый, или же черные и белые волосы так перемешаны друг с другом, что окраска производит впечатление серой; иногда же, а именно в случаях малого развития белых полос на спине, хвост становится совершенно черным. Гензель утверждает, что едва ли можно найти двух сурильо, которые были бы абсолютно одинаковы по цвету.

Что же касается образа жизни сурильо, то, по словам Гензеля, он не отличается существенно от куниц. Живет сурильо по луговым пространствам южноамериканских степей и совершенно избегает густого первобытного леса; но тем не менее сурильо всегда оказывается связан с лесом, так как он встречается только в лесках, рассеянных по лугам. Здесь присутствие скунсов легко можно обнаружить по тем небольшим воронкообразным углублениям, которые это животное вырывает в почве, отыскивая навозных жуков. Эти же углубления похожи на ямки барсука, когда он отыскивает себе пищу в земле, но, впрочем, они шире барсучьих; несомненно, однако, что сурильо, как и барсук, вырывает эти ямки передними лапами, а не носом.

Вонючки днем спят в подземных норах, устраиваемых под обломками скал или под корнями деревьев. С наступлением же сумерек они выходят на поиски пищи, которая, по-видимому, состоит исключительно из навозных жуков; по крайней мере, я никогда ничего другого не находил у них в желудке**.

* Несколько видов свиноносых скунсов (*Coonatus*) распространены от юга США до Аргентины. Это самые крупные скунсы, с длиной тела 30—49 см и весом от 2 до 4¹/₂ кг. Характерное отличие свиноносых скунсов — голый, вытянутый, широкий нос, заканчивающийся подобием скошенного книзу пятка.

** Хотя почвенные насекомые и составляют основу меню свиноносого скунса, он поедает также мелких грызунов, фрукты, ящериц и змей. В некоторых районах гремучие змеи, к яду которых он не чувствителен, могут составлять значительную часть его рациона.

Семейство куньи

* Два вида рода *Merphitis* — *полосатый скунс* (*M. terphitis*) и *капюшоновый скунс* (*M. tasouga*), распространены в Северной Америке и на Панамском перешейке

Амазонский скунс
(*Coonapatus semistriatus*)

от Канады до Коста-Рики. Длина тела 28—38 см, хвоста 18—43 см. Вес от килограмма до двух с половиной.

На севере Америки свиноносых скунсов заменяют два новых вида. Один из них — **полосатый скунс** (*Merphitis terphitis*)*, у которого 34 зуба, длина туловища 40 см, и почти столько же приходится на хвост. Основной цвет блестящего меха черный. От носа начинается цельная, узкая, белая полоса, которая, пройдя между глазами, расширяется на лбу в ромбовидное пятно; это пятно на шее сначала становится шире, а затем снова переходит в полосу, разделяющуюся, в свою очередь, на затылке на две широкие полосы, которые продолжают до хвоста, где опять сливаются друг с другом. На шее, в области лопаток, на наружной стороне конечностей, а реже также на груди и на брюхе выступают небольшие белые пятна. Через весь хвост проходят или две широкие белые продольные полосы, или же он оказывается пестрым вследствие

неправильно смешивающихся белого и черного цветов.

Скунс очень известен тем, что самым беспощадным образом раздражает одно из самых чувствительных наших внешних чувств, а именно — обоняние. О нем говорят уже давно, и теперь еще он упоминается почти во всех описаниях путешествий. Область его распространения довольно обширна; чаще всего он встречается около Гудзонова залива, откуда и распространяется к югу. Держится же

он там в местностях, лежащих высоко, например или в лесках и полосах кустарника, тянущихся вдоль берегов рек, или же в нагромождениях скал, в расщелинах и углублениях которых скунс и гнездится.

Эта вонючка столь хорошо знает силу того органа защиты, которым обладает, что вовсе не пуглива и не малодушна. Все ее движения довольно медленны. Ни скакать, ни лазать она не в состоянии и только ходит, припрыгивая. При ходьбе она ступает всей ступней, выгибает спину и отклоняет хвост в сторону. Время от времени она разрывает землю или же обнюхивает ее вокруг

себя в поисках чего-нибудь съедобного. Встретясь случайно с каким-либо животным, скунс спокойно останавливается, поднимает хвост, поворачивается задом и, если понадобится, выпрыскивает свою жидкость. Если это будут собаки, то, по словам Гензеля, скунс укладывает, наподобие сидящей белки, свой хвост вдоль спины, становится задом к нападающим собакам и с яростью производит странные движения задней частью тела. Собаки очень хорошо знают, какая опасность им угрожает, и большей частью держатся в почтительном отдалении. Только некоторые из них имеют настолько мужества, чтобы схватить и умертвить эту вонючку. В свою очередь и атакованный скунс никогда не выбрасывает свою смрадную жидкость зря, и пока собаки находятся от него в нескольких шагах, он ограничивается лишь одними угрозами.

Иногда вонючка, видимо ничем не раздраженная, нападает, может быть, потому, что сама ожидает нападения, но возможно также, что из-за простого задора. «Однажды вечером, когда мой сын, — рассказывает Зидгоф, — гулял на свежем воздухе, на него неожиданно набросилась вонючка и крепко вцепилась в его панталоны. Он с трудом стряхнул ее с себя и убил ударом ноги. Но когда он вернулся домой, от его платья, обрызганного ужасным животным, распространился такой резкий и отвратительный чесночный запах, что моментально весь дом заразился вонью, и одно знакомое семейство, бывшее у нас в то время в гостях, поспешно убежало домой, а у всех живущих в доме, которые не могли спастись бегством, началась рвота. Всякие курения и проветривания ни к чему не привели. Сапоги продолжали в тепле пахнуть по прошествии четырех месяцев, хотя их несколько раз окуривали дымом и мыли в хлорной воде. Этот несчастный случай произошел в декабре; животное тогда же было зарыто в саду, но даже и в августе следующего года можно было по запаху найти его могилу»*.

Одубон также испытал на себе весь ужас зловония вонючки. «Этот маленький, миловидный и по внешнему виду совершенно невинный зверек, — говорит он, — в состоянии с первого раза обратить в бегство самого отчаянного храбреца, так что тот с жалобным воплем удирает прочь. Я сам однажды испытал подобную неприятность, когда был еще маленьким школьником. Солнце только что зашло. Я не торопясь шел домой с некоторыми из своих товарищей. Вдруг мы заметили прехорошенького, совершенно незнакомого нам зверька, который добродушно обошел нас, приостановился и посмотрел так приятельски, как будто напрашивался к нам в компанию; животное выглядело таким невинным и привлекательным существом и так вызывающе держало на отлете свой пушистый хвост, словно приглашая взять за него и унести домой, что я не мог устоять от соблазна и в восторге поднял его к себе на руки; но вот красивенькая на вид тварь прыснула своей ужасной жидкостью прямо мне в нос, рот и глаза. Как громом пораженный, я выпустил из рук чудовище и, преисполненный смертельного ужаса, бросился бежать».

** Причиной нападения в описанном случае могло быть бешенство, одним из основных разносчиков которого полосатый скунс является в Северной Америке. В этом случае героя истории повезло.*

Однажды Фребель услышал позади себя шорох и, оглянувшись, заметил незнакомое ему животное; это была вонючка. Когда он приблизился к ней, она стала ворчать и топтать ногами, а как только он замахнулся на нее палкой, она моментально обрызгала ему своей вонючей жидкостью все платье, лицо и волосы. Вне себя от ярости, он тут же убил животное и поспешил домой, но там навел на всех такой ужас, что его не пустили в комнаты и, затворив двери, через окно подавали ему разные добрые советы. Ни вода, ни мыло, ни одеколон не могли заглушить отвратительной вони; наконец разложили костер, и несчастный зараженный путешественник, надев одолженное ему одним колонистом платье, должен был в продолжение нескольких часов окуривать себя с ног до головы; только это средство и помогло ему в беде.

Вонючки, живущие в Южной Америке, по качеству своей пахучей жидкости решительно ничем не отличаются от вонючек Северной Америки. Азара сообщает о сурильо, живущем в Парагвае, что он питается насекомыми, яйцами и птицами и тихо бродит как днем, так и ночью. Он никогда не убегает даже от людей. Как только он заметит, что его преследуют, то останавливается, ошетиливает шерсть, поднимает кверху хвост, выжидает, пока к нему подойдут ближе, внезапно оборачивается и пускает свой вонючий заряд. Даже после многократного мытья вонь остается еще настолько сильной, что заражает весь дом. Одну собаку, случайно обрызганную вонючкой, мыли и скребли песком в продолжение целой недели, и то, когда ее снова пустили в дом, вонь была еще настолько сильна, что ее невозможно было выносить. Азара полагает, что эту вонь можно почувствовать даже за пол английской мили.

«Запах вонючей жидкости, — говорит Гензель, — крайне резкий и пронзительный, но все-таки некоторые преувеличивают его силу, потому что он не безусловно невыносим. У многих людей действительно начиналась головная боль и рвота, когда вонючка поблизости от них опоражнивала свои подхвостные железы; но ни один зоолог не остановится перед этим, и будет охотиться за вонючкой, чтобы изучить это достойное внимания животное. Собаки, обрызганные этой жидкостью, тотчас начинают копать в земле и валяться по ней, чтобы удалить вонь, пропитавшую их мех. Особенно сильно впитывается этот запах в суконное платье, которое требует после этого продолжительного окуривания и усердной чистки. По всей вероятности, на удаление запаха влияет не столько дым, сколько жар огня, посредством которого испаряется жидкое вещество. Вонь, выделяемая железами вонючки, не поддается описанию, как и всякое обонятельное ощущение, но ее можно сравнить с вонью от хорька, с той только разницей, что она во много раз сильнее. В спокойном состоянии животное не издает запаха». Пехуель-Леше считает эту вонь не такой уж невыносимой и ужасной, какой ее

обыкновенно представляют, и сравнивает ее с запахом смеси чеснока с сернистым углеродом.

Еще не решено положительно, брызгают ли вонючки друг на друга, а между тем вопрос этот очень интересно было бы исследовать. Наблюдения показывают, без сомнения, что собственный запах любого животного никогда не бывает ему противен, а, напротив, кажется даже приятным; несмотря на это, можно предположить, что самка иногда прогоняет от себя назойливого самца, путив в него сильный заряд своей вонючей жидкости.

Шкура североамериканской вонючки имеет очень хороший мех, известный под названием «скурс»; нужно только при поимке и во время охоты на нее быть крайне осторожным и как можно быстрее убить животное, пока оно не заметило нападения и с испугу не опорожнило свои железы. В начале шестидесятых годов, по Ломеру, ежегодно поступало в продажу до 120 тысяч шкурок этого животного, за которые платили 4—8 марок за штуку; в настоящее же время прибыль увеличилась почти в шесть раз, хотя цена шкурки осталась прежней*.

Выдры** живут в реках и морях и распространены, за исключением Австралии и Крайнего Севера, почти во всех частях света. Одна только нужда заставляет их выходить из воды, да и то исключительно ради того, чтобы отыскать другие воды.

Они плавают и ныряют мастерски, могут долгое время оставаться под водой, бегают по земле, несмотря на свои короткие ноги, очень быстро, сильны, мужественны и отважны, разумны и способны к приручению, но почти везде живут во враждебных отношениях с человеком, так как причиняют большой вред, который далеко не искупается даже ценностью их великолепного меха.

В Европе живет только один вид этой группы, имеющий в длину 1,2 м, из которых 40—43 см приходится на хвост, это **речная выдра**, или **порешня** (*Lutra lutra*)***. Голова этого животного продолговато-круглая, морда закругленная, глаза маленькие, но живые; очень короткое, округлое, закрывающееся кожистой складкой ухо почти все спрятано в мех; туловище довольно стройное, но плоское; хвост более или менее круглый, на конце сильно суженный; очень короткие ноги, пальцы которых соединены до самых ногтей плавательной перепонкой, опираются при ходьбе всей ступней. В довольно коротком и очень плоском черепе затылок необыкновенно сильный и развитый в ширину, лоб немного ниже темени, нос имеет чуть заметную покатость. Зубная система состоит из 36 зубов. Кроме этого характерным признаком, отличающим данный вид, является голая, сетчатая, плоско бородавчатая кожа на кончике носа над обросшими волосами краями губ; по сторонам носа расположены продолговатые, дугообразные ноздри. Все туловище покрыто густой, но короткой шерстью, состоящей из жестких, блестящих верхних волос темно-бурой

Семейство КУНЫ

* Попытки акклиматизации скунса в Евразии, полностью провалившиеся из-за того, что по недомыслию исполнителей в природу выпускали зверьков с удаленными железами. Эти несчастные, лишенные своего главного оружия, становились жертвами первых же встречных хищников.

** Выдры демонстрируют различные стадии освоения водной среды, от полуназемной беззубой выдры до полностью водного, почти не выходящего на берег калана. От выдр или близких к ним водных кунц когда-то произошли тюлени.

*** Речная выдра распространена по всей Европе, в Северной Африке и почти во всей Азии на юг до Шри-Ланки и Суматры. Она населяет берега разнообразных внутренних водоемов, достаточного размера, чтобы

Семейство куньи

обеспечить ей пропитание, а также морских заливов и фиордов. Длина тела 70—86 см, хвоста — около полуметра, вес 5—6 кг.

* В Японии, как и во всей Восточной Азии живет речная выдра. В Южной Азии (в частности, на Индостане) она сосуществует с гладкошерстной выдрой (*Lutrogale perspicillata*), которую, видимо, Брем и имеет в виду. В Африке живет пятнистогорлая выдра из особого рода, особый род выдр населяет и внутренние водоемы обеих Америк. Все эти рода, однако, близки, и многими учеными объединяются в один.

окраски; на нижней стороне окраска становится немного светлее и переходит под шей и на боках головы в беловатый серо-бурый оттенок, между тем как мех, покрывающий край уха, выглядит светло-бурым; посредине нижней губы находится светлое едва заметное беловатое пятнышко; другие отдельные, неправильного очертания чисто белые или беловатые пятнышки рассыпаны по подбородку и между дугами нижней челюсти. Очень тонкие волосы подшерстка в корне светлого буро-серого цвета, а на концах темно-бурого. Большинство животных имеют скорее серовато-бурую, нежели темно-бурую, окраску, но попадаются и отклонения: так, однажды мне прислали шкуру речной выдры, на всей верхней части которой были довольно большие, круглые сероватые с желто-белым пятна.

Наша речная выдра живет по всей Европе и, кроме того, в большей части северной и Средней Азии; область ее распространения на востоке доходит до устья Амура, на юго-востоке — по крайней мере до северо-западной части Гималаев. Блэнфорд выражает сомнение в том, что и Индия является ее местожительством. В полярных странах наша речная выдра, по-видимому, не проникает далеко на север, хотя отдельные экземпляры ее попадают еще в Лапландии; в Сибири она доходит только до Полярного круга. В Индии, Китае и Японии она заменяется родственными видами, а в Африке и Америке существует особый род выдр*. В средней и южной Европе она живет во всех водах, доставляющих ей питание, равно как и во всех реках и притоках, омывающих наиболее населенные местности; в Средней Азии она также избирает более благоприятные места.

Речная выдра предпочитает реки, берега которых на большом пространстве покрыты лесом. Здесь она живет в подземных ходах, которые расположены сообразно с ее вкусами и нравами. Выход находится всегда под водой, обыкновенно на глубине полуметра; отсюда по косому направлению поднимается проход почти в два метра длиной и ведет к просторной котловине, которая тщательно выстлана травой, так что всегда бывает сухой. Другой узкий проход ведет из котловины на поверхность берега и служит для вентиляции. Обычно речная выдра пользуется для жилья уже готовыми, размытыми водой в береге норами и пещерами, которые только удлиняет и расширяет, роя землю и разгрызая попадающиеся корни; в редких случаях она пользуется покинутыми лисьими и барсучьими норами, если те находятся недалеко от воды. Большей частью она владеет несколькими жилищами, если же случается, что река или озеро слишком изобилуют рыбой, то ей тогда нет никакой необходимости предпринимать дальние походы для перемены местожительства. Во время разлива, который затопляет и ее жилища, она спасается на близко растущих деревьях или в дупле и проводит здесь время в покое и отдыхе от своего постоянного занятия — ловли рыбы.

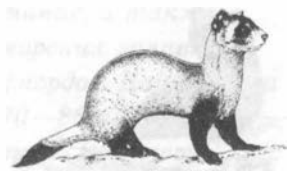
Насколько неприятна речная выдра рыболовникам и любителям ужения, которым она причиняет много вреда, настолько же интересна она для исследователей. Ее жизнь так своеобразна, что требует особенного наблюдения и может заинтересовать всякого любителя природы. У речной выдры все достойно внимания, как ее образ жизни в воде, движения, добывание пищи, так и умственные способности. Она, безусловно, принадлежит к самым интересным животным нашей части света. Что выдра — настоящее водное животное, в этом скоро можно убедиться, если наблюдать ее даже на земле. Ее походка из-за коротких ног производит впечатление ползающей, подобно змеиной, но передвигается она достаточно быстро. По снежной насыпи и ледяной горке скатывается иногда довольно далеко, причем гладкая шерсть не тормозит ее движений, а сильный хвост помогает увеличить скорость. При ходьбе опускает вниз широкую голову, спину слегка выгибает, и в таком виде шмыгает по дороге. Речную выдру не следует считать неуклюжей: она совершает очень гибкие телодвижения даже на суше; легко поднимается на задние лапы, причем может находиться в таком положении, не нарушая равновесия, в течение нескольких минут. Она лазает по деревьям только в случае крайней нужды, причем может влезать по наклонно растущим деревьям, цепляясь за них довольно острыми когтями, да и то крайне неуклюже и неловко.

Совсем иначе движется она в воде, в своей привычной сфере, там она спасается при малейшей опасности, угрожающей ей на враждебной земле. Само строение тела помогает ей удивительно ловко и быстро плавать и нырять: широкое, змееподобное туловище, короткие ноги, пальцы которых снабжены длинной плавательной перепонкой, превращаются в хорошие весла, сильный и довольно длинный хвост, служит отличным рулем, а гладкий скользкий мех помогает ей преодолевать сопротивление воды*. Для схватывания добычи ей служат острые зубы, которые никогда не выпустят того, что раз попало в рот, даже если добыча очень скользкая. В светлых волнах альпийских озер иногда можно наблюдать охоту выдры в воде. Она великолепно плавает, ловко и быстро поворачиваясь в любую сторону, так что рыбы, которых она преследует, должны прилагать большие усилия, чтобы избежать ее зубов, и если бы речной выдре не требовалось время от времени высовывать голову из воды, чтобы набрать воздуха, какой-нибудь рыбе было бы очень трудно спастись от ее преследований. Вода — это ее привычная стихия, и здесь ловкость и скорость помогают ей добывать пищу. Движения ее в воде изящны и грациозны; она совершает их без всякого напряжения, как бы играя.

Даже во время долгого пребывания в воде мех выдры остается гладким и сухим. Место, где она плавает, легко определить, потому что на поверхности воды появляются воздушные пузырь-

* По-видимому, выдра гребет лапами, если так можно выразиться, на малом ходу. Плывая быстро, она поджимает конечности к туловищу, она ими как бы рулит, а двигается преимущественно за счет изгибов тела и хвоста. Под водой выдра может оставаться до 6—8 минут.

Семейство куньи

ки, которые массами собираются вокруг меха. Зимой, когда реки замерзают, животное отыскивает во льду прорубь, спускается через нее под воду и снова возвращается на поверхность, чтобы вдохнуть воздух. Место, где есть прорубь, она отлично запоминает и в следующий раз идет туда уже без колебаний. Во время плавания она иногда находит и новые проруби. Отверстие во льду может быть не больше маленькой дырки, в которую выдра была бы в состоянии только просунуть нос, чтобы набрать воздуха; для нее этого совершенно достаточно, чтобы с успехом охотиться под замерзшей водой.

На свободе голос речной выдры слышится гораздо реже, чем в неволе, когда она легко поддается раздражению. В спокойном состоянии издает тихое хихиканье; когда голодна или раздражена, то испускает громкий крик, который звучит, как быстро и много раз подряд повторенный слог «гиррк»; этот крик так пронзителен, что режет уши; в гневе она громко визжит, а в порыве любви — свистит звучно и приятно.

Органы чувств у речной выдры очень развиты; она отлично видит, слышит и чует. Уже на расстоянии нескольких сот шагов чует приближение человека или собаки и успевает вовремя нырнуть в воду.

Непрерывные преследования, которым она подвергается, сделали ее очень трусливой и осторожной, а также и весьма хитрой, так что приходится иногда по целым дням подстерегать ее, и совершенно безуспешно. Зато иногда и днем ее можно застать врасплох на суше, когда она, например, лежит спокойно, растянувшись на старом пне и греясь на солнышке, забывшись до того, что не слышит шагов человека, который тут же может убить ее; но это бывает очень редко.

Обычно речная выдра выходит на рыбную ловлю лишь после заката солнца и занимается этим в продолжение всей ночи, но усерднее и успешнее — при ярком лунном свете. Во время такой охоты ей нередко случается приближаться к человеческому жилищу и забираться в города и селения, лежащие вдоль больших рек, и совершает свои набеги она так незаметно, что о ее присутствии и не подозревают.

Старые выдры живут, как правило, поодиночке, но самки долгое время не покидают своих детенышей или соединяются с другими самками, а во время спаривания и с самцами и охотятся тогда обществами*. Они плавают всегда против течения и нередко основательно обыскивают реку на протяжении нескольких миль от своих жилищ или на целую милю в окружности обходят все реки, речки и пруды, впадающие в главную реку или сообщающиеся с ней. Если во время охоты их застигает рассвет, они прячутся тогда на весь день в каком-нибудь поросшем тростником пруду, а с наступлением ночи продолжают свое путешествие. Во время странствований, попадая в большие пруды, без лишнего шума

** Речные выдры живут одиночно, охраняя свой участок от взрослых выдр того же пола. Однако участок взрослого самца перекрывается с участками нескольких самок, в воспитании потомства которых он зачастую принимает участие. Детеныши остаются с матерью около года.*

истребляют всю рыбу, в то время как владелец и не подозревает о таком опустошении*. Речная выдра отнюдь не приспособлена к дальним путешествиям, однако в необходимых случаях предпринимает далекие подходы по суше, чтобы попасть из местностей, бедных рыбой, в изобилующие ею реки.

В воде речная выдра представляет собой то, что на земле соединяют в себе лисица и рысь. В мелких водах она загоняет рыбу в бухты, чтобы затруднить ей выход и легче было поймать ее, или, хлопая по воде хвостом, выгоняет ее из береговых нор и из-под камней, так что рыба наверняка становится добычей хитрого зверя. Нередко подстерегает она добычу, сидя на сучках и камнях; заметив еще издали рыбу, тотчас ныряет в воду, гонится за ней на большое расстояние, и когда та в страхе начинает метаться, быстро схватывает. Когда две речные выдры преследуют лосося, тогда одна плывет выше, а другая ниже рыбы, и таким образом они гонят ее до тех пор, пока изнемогший лосось не в состоянии больше двигаться и ему не остается ничего другого, как только сдаться без сопротивления. Речная выдра, охотящаяся в более глубоких местах и без помощи другой выдры, нападает на большую рыбу врасплох, пользуясь особенностями ее зрения, не позволяющими рыбе хорошо видеть то, что находится ниже ее; выдра неожиданно появляется из глубины и сразу схватывает добычу за брюхо. Маленьких рыб она съедает во время плавания, при этом немного приподнимает голову над поверхностью воды; более крупных она тащит во рту на берег и съедает уже на суше. При этом она держит скользкую добычу между передними лапами и начинает есть с плечевой части, объедая со спины все мясо до самого хвоста; голову, хвост и остальные части оставляет. В реках, обильных рыбой, она становится еще большей лакомкой и съедает исключительно лучшие куски со спины. Таким образом, за день она может переловить много больших рыб, но съест от них только по маленькому кусочку филейчика. Прибрежные жители вовсе не преследуют таких лакомок, особенно если река и право рыбной ловли на ней принадлежат не им; напротив, речные выдры оказывают им большие услуги, как поставщики рыбы для их домашнего обихода; они каждое утро ходят на берег и подбирают объеденных выдрой рыб, чтобы использовать их для своих нужд.

При изобилии пищи выдра оказывается такой же кровожадной, как и другие куньи. Мои наблюдения над выдрой в неволе показали, что она готова умерщвлять постоянно, как только завидит в воде что-нибудь живое поблизости от себя, тотчас набрасывается на добычу и начинает преследовать ее, даже если в ту минуту занята самым лакомым обедом. Если ей случайно попадается целая стая мелкой рыбешки, она пытается нахватать их как можно больше, тащит их быстро на берег, убивает и оставляет на берегу, а сама снова бросается в воду, чтобы продолжить охоту.

** Хотя выдра и убивает больше рыбы, чем может съесть, рассказы о производимых ею опустошениях сильно преувеличены.*

Речная выдра питается также раками, лягушками, водяными крысами, мелкими, а иногда и большими птицами, хотя рыба, особенно форель, остается ее излюбленным кушаньем.

Вальтль, как рассказывает Иекель, отбил у выдры схваченную за хвост курицу, которую она собиралась утащить в свое жилище в воде под ольхой; бедная птица била крыльями и пыталась спастись, но выдра тащила ее до тех пор, пока не вырвала у своей жертвы хвост. В 1851 году окружной лесничий Шрек нашел в капкане, поставленном для выдр, случайно попавшую туда лысуху, которая за ночь была наполовину съедена выдрой; другая половина птицы оставалась прищемленной пружиной капкана; на следующее утро удалось поймать и выдру, которая, без сомнения, пришла за остатками вчерашнего ужина. Совершенно то же рассказывает как очевидец и Блэнфорд об индийской выдре. По его словам, выдры часто охотятся там обществами от пяти до шести штук, кровожадно умерщвляют больше того, что могут съесть, и хватают не только рыб, ракообразных и лягушек, но также яйца и водных птиц. Однажды он даже видел их усердствующими около маленького крокодила, хотя не берет на себя смелость утверждать, что они сами умертвили его. Мак-Мастер наблюдал однажды по крайней мере шестерых выдр, которые, образовав большой полукруг радиусом около пятидесяти метров, охотились в озере, плавая, ныряя и снова появляясь на поверхности с пойманной рыбой, которую умерщвляли, но не съедали, а беспечно бросали.

Ест ли выдра на свободе растительную пищу, я не могу утверждать, хотя во время своих наблюдений над пленными экземплярами замечал, что они не пренебрегали ею. Воспитанные мной выдры с удовольствием ели морковь, а груши, сливы и вишни служили для них даже лакомством. Так как большая часть куньи охотно питается плодами, то можно предположить, что и речная выдра также не пренебрегает ими.

Определенного времени для спаривания выдра не имеет, так как в каждом месяце года у нее можно найти детенышей. Обыкновенно время спаривания совпадает с концом февраля и началом марта. Самец и самка приманивают друг друга сильным протяжным свистом и любовно играют между собой в воде; они преследуют друг друга, дразнят, заигрывают; самка жеманно убегает, тогда самец становится настойчивее в своих требованиях и заставляет побежденную самку сдаться. Спустя девять недель после спаривания (в Германии обыкновенно в мае) самка мечет двух—четыре слепых детенышей в безопасной норе, устроенной на берегу под старым деревом или крепкими корнями на мягкой и теплой травяной подстилке. Мать горячо любит своих малышей и нежно заботится о них, стараясь скрыть свое гнездо от посторонних глаз, зорко следя за тем, чтобы не оставлять вблизи норы ни следов своего разбоя, ни даже своих нечистот, которые

могли бы выдать ее присутствие. Через девять-десять дней красивые зверьки открывают глазки, а по истечении восьми недель мать выводит их на рыбную ловлю*. Они остаются еще почти полгода под присмотром самки, в течение которого она обучает приемам, необходимым для их промысла. На третьем году они становятся настолько взрослыми, что способны уже к размножению.

Молодые выдры, взятые из гнезда и вскормленные молоком и хлебом, легко становятся ручными. Китайцы обучают один из видов речных выдр рыболовству; в Германии также неоднократно использовали этих животных для той же цели. В Индии рыбаки часто держали при себе прирученных выдр, которых заставляли загонять рыбу в расставленные сети.

Прирученная выдра — очень миловидное и добродушное животное. Своего хозяина она скоро научается узнавать и тогда следует за ним по пятам, как верная собака. Она охотнее ест молоко и растительную пищу, отказываясь от мясной, и может быть воспитана так, что совсем не станет касаться рыбы.

Выдру очень легко приучить к рыбной ловле. В таких случаях животному смолоду никогда не дают рыбного мяса, а кормят его исключительно молоком и хлебом. Когда оно достаточно подрастет, ему бросают грубо выделанную из кожи искусственную рыбу и стараются приучить выдру к тому, чтобы она стала играть с этим предметом; затем эту рыбу бросают в воду, а впоследствии заменяют ее настоящей, только мертвой рыбой. Если выдра станет приносить и ее, то тогда рыбу бросают в воду и выдру заставляют вытаскивать ее оттуда. Наконец, на заключительном этапе обучения приносят большую лохань с плескающейся в воде живой рыбой и пускают туда выдру. После этого животное можно уже смело посылать в большие пруды, озера и реки, а если продолжить обучение, то можно даже приучить животное ходить вместе с собакой и на другую охоту, причем оно отлично будет таскать убитую под водой дичь. Известны, кроме того, случаи, когда выдру использовали в качестве сторожа вместо собаки.

За речной выдрой во все времена безжалостно охотились из-за жестоких опустошений, которые она причиняла. Ее хитрость делает все роды охоты, применявшиеся к ней, утомительными или даже невозможными. Трудно застрелить выдру на стойке, потому что, почуяв приближение человека, она не выходит из своей норы. Зимой этот способ охоты бывает удачнее, особенно если животное подстерегают у прорубей. Чаще всего выдру ловят капканом, который ставят без всякой приманки перед выходом из норы, так, что вода покрывает его на пять сантиметров, а все железо капкана окутывают водорослями. Еще лучше, если такой капкан можно поставить прямо в реке или в проходе, которым пользуется выдра во время своей охоты для переправы из одного

* В России выдры спариваются обычно также в феврале—апреле, беременность продолжается 60—63 дня. Однако иногда детеныши рождаются и в конце лета. Прозревают они через 28—35 дней.

Семейство куньи

** К сожалению, и здесь охота не могла не сказаться, и численность выдр повсеместно снизилась, к счастью, не до критического уровня.*

пруда в другой. В таком случае весь проход загораживают кольями, чтобы выдра не могла миновать его. В больших озерах и прудах на выдру охотятся с лодки, стреляя в нее в тот момент, когда она вынырнет, чтобы набрать воздуха.

Уже в древнейших законах об охоте строго предписывалось истребление речных выдр и каждому охотнику или ловцу оказывалось всякое содействие. В прежние века лов речных выдр, по Иекелю, причисляли к рыболовству, потому что злые хищники должны были доставаться тем, кто от них больше всего терпел вреда. Были охотники, которые ловили исключительно выдр и считались мастерами своего дела, но все-таки их уважали меньше, чем охотников на других животных. За свой труд они получали весьма незначительные суммы, если не считать того, что имели право шкуру и мясо животного оставлять себе. Мясо прежде стоило в Баварии и Швабии довольно дорого и продавалось по гультену за фунт, преимущественно в монастыри, где имело большой сбыт как излюбленная постная пища; впрочем, теперь покупатели дают за него не больше трети прежней стоимости, потому что мясо выдры волокнисто, трудно переваривается и вкусно только тогда, когда приготовлено с особыми приправами*.

Выше всего в животном ценится мех, за который в настоящее время в Германии платят по 12—20 марок за шкурку. По Ломеру, в средней Европе ежегодно добывают около 12 тысяч шкур речной выдры, которые составляют выручку в 135 тысяч марок. Большой сбыт, однако, производится не на германском рынке, так как мех речной выдры предпочитают скорее северные народы, которые охотно покупают его и платят весьма высокую цену. Речные выдры и рыси считаются, по Раде, у всех монгольских народов драгоценными пушными зверями и стоят у них гораздо дороже, чем у европейских торговцев; за хорошую речную выдру монголы платят 20—25 рублей серебром. За мех американских выдр платят в Германии еще дороже, а именно по 30—100 марок за шкурку; оттуда вывозится в настоящее время почти 13 тысяч шкурок на сумму около 600 тысяч марок. Мех этот употребляют всюду на опушки шуб и зимнего платья, в южной Германии, кроме того, на шапки, которые носят как мужчины, так и женщины в Гессене, Баварии и Швабии; в северной Германии из него шьют меховые воротники и тому подобные вещи; в Китае он идет на опушки шапок и, наконец, на Камчатке его используют при хранении очень дорогих собольих мехов, так как он имеет свойство впитывать в себя всю влагу, благодаря чему собольи меха отлично сохраняются. Из волос хвоста готовят рисовальные кисти, а из тонких волос подшерстка выделываются отличные и прочные шляпы. Некоторые считают, что мех речной выдры, живущей в маленьких реках и ручьях, более высокого качества, чем мех тех выдр, которые водятся в больших реках и озерах; но это не совсем справедливо. Прежде люди использовали

кровь, жир и некоторые внутренности животного, из которых приготавливались лекарственные снадобья.

Речная выдра была известна уже древним грекам и римлянам, хотя про ее образ жизни они много сочиняли басен. Думали, что она нападает на человека и, если ухватится за него своими страшными зубами, то не выпускает до тех пор, пока не услышит, как хрустнут его кости.

Чтобы дать полное представление об образе жизни выдр, я хочу описать словами принца фон Вида и Гензеля еще один вид — лонтру, или гигантскую выдру (*Pteronura brasiliensis*)*. Различие между нашей и бразильской речной выдрой весьма незначительно и заключается главным образом в строении головы и хвоста: голова по сравнению с нашей речной выдрой кажется более круглой и не так плоско сжатой, а хвост острый по краям и сильно сплюснутый. Зубная система не имеет никаких существенных отличий. Окраска прекрасного короткого меха шоколадно-бурого цвета, нижняя сторона немного светлее; нижняя челюсть выглядит желтоватой или белой, и вся нижняя часть шеи до груди покрыта продолговатыми, часто перемежающимися беловатыми пятнами. Видоизменения, впрочем, встречаются довольно часто. По сравнению с нашей речной выдрой лонтра кажется великаном: ее длина достигает 1,5—1,7 м, из которых на хвост приходится 55—63 см.

Гигантская выдра живет преимущественно в больших реках низких равнин, а среди них предпочитает спокойные боковые рукава рек; может также всходить на невысокие горы. «В мало посещаемых реках Бразилии, — описывает принц фон Вид, — этих животных находят в больших количествах. Плавая по Бельмонте, Итабапуане, Ильосу и другими рекам, мы редко проходили без того, чтобы не увидеть появления целого общества речных выдр**. По своим привычкам они сходны с нашими европейскими выдрами, но в отличие от них это дневные животные, выходящие на промысел с наступлением утра и в сумерки отправляющиеся на покой. Когда подходит такая ватага, то уже издали слышатся громко свистящие, напоминающие мяуканье кошек звуки, сопровождаемые сильным фырканьем и храпом; вода приходит в движение, и очень искусно плавающие животные часто высовывают голову, а иногда и часть туловища над поверхностью реки, неся в пасти рыбу, как будто хвастаясь своей добычей. Так поднимались они вверх по течению, охотясь за рыбой обществом, или предоставляли самому течению нести их. Когда навстречу им попадались лодки, они ныряли, выделявая разные штуки, хотя обыкновенно их приветствовали выстрелом из ружья».

«Если, — дополняет Гензель, — выехать в легкой ладье в тихие рукава реки Якуи или ее притоков, защищенные сенью нависших ветвей, и бесшумно скользить по реке, то можно заметить на некотором расстоянии от лодки появляющиеся время от

Семейство Куньи

* Гигантская выдра, относящаяся к особому роду и отличающаяся очень крупными размерами (длина тела до 1,4 метра, длина хвоста около метра, вес до 26 килограммов) и уплощенным хвостом. Эта выдра населяет крупные реки Южной Америки от Колумбии и Венесуэлы до северной Аргентины. Возможно, Брем путает эту выдру с более мелкими видами рода *Lontra*, например с длиннохвостой выдрой.

** Гигантские выдры более социальные, чем речные. В их популяциях есть и одиночные бродячие особи, основу же составляют группы по 4—8 выдр, иногда до 20. Эти группы образованы взрослой парой, где самец принимает такое же участие в устройстве норы и воспитании потомства, как и самка, нескольких полу-взрослых детенышей и детенышей последнего помета.

Семейство куньи

* *Питаются гигантские выдры почти исключительно рыбой и крабами, хотя, несомненно, при желании они могут справиться и с уткой, и с попавшей в воду собакой.*

** *Калан — самое крупное после гигантской выдры и (за счет более массивного сложения) самое тяжелое из куньих животных, до 45 кг. Населяет побережья северной части Тихого океана, от Японии до Калифорнии, причем в ряде мест практически независим от берега и даже детенышей рождает и выкармливает в воде. Название «котик» Брем применяет к калану неправильно, так как и в зоологии, и у меховщиков оно относится к другому зверю (морскому котуку из семейства ушастых тюленей). Маркой «морской бобр» или «камчатский бобр» обозначался мех калана.*

времени темные точки, которые, соединившись обыкновенно вместе, переплывают реку. Еще издали охотник может увидеть длинную струю, которая образуется на воде в виде острого угла, на вершине которого можно различить высывающуюся время от времени из воды голову выдры. Когда же наконец лодка достигает этого места, голова сразу исчезает, и на водной поверхности водворяется безмолвная тишина, в редких случаях нарушаемая лишь криком зимородка. Но вдруг совершенно неожиданно около самой лодки раздается гневное фырканье, и справа, и слева, и спереди, и сзади нас поднимаются из воды головы больших животных, которые через минуту с быстротой молнии и по-прежнему фыряя, снова ныряют в глубину. Напрасны всякие хлопоты со стороны охотников: прежде чем они прицелятся, желанная добыча ускользает, чтобы так же неожиданно вынырнуть где-нибудь с противоположной стороны; если удастся сделать выстрел, то раненое животное исчезает в глубине реки, чтобы никогда больше не показаться.

«Выдра питается, несмотря на свою тюленью природу, всем, что она в силах одолеть. Однажды она загрызла двуутробку, которая была поймана в капкане, и частью съела ее; другая выдра поймала невдалеке от дома в короткое время двух гусей, которые плавали в канаве, подкравшись к ним под водой и схватив добычу за брюхо. К собакам они чувствуют большое отвращение, и в местностях, в которых они еще не научились бояться людей, нередко нападают на собак, находящихся у охотников в лодках, сбившись при этом в стадо. Выдра легко одолевает преследующую ее в воде собаку»*.

Как утверждает принц фон Вид, бразильская выдра также переходит по земле из одной реки в другую и в таких случаях попадает иногда в ловушку. Ее мех везде очень ценится и в некоторых местностях стоит даже дороже бобрового меха.

«Из шайки в пять голов, — продолжает Гензель, — мной и моими людьми были уже спугнуты четыре, прежде чем удалось изловить пятую. Места выходов этой выдры, соответствуя ее величине, представляют просторные голые площадки под густым нависшим бамбуковым тростником или под непроницаемым кустарником. На этих местах находят постоянно массу рыбьей чешуи».

Наша речная выдра и многие ее родственные виды живут как на земле, так и в реках, иногда и в море, но один вид этой группы принадлежит исключительно морю — это **морская выдра**, или **калан** (*Enhydra lutris*), русские его называют «котик»**. Это представитель особого рода, который образует, может быть, соединительное звено между выдрами и тюленями. Голова его, правда, несколько сжата, но круглее, чем у пресноводных выдр; шея короткая и толстая, туловище цилиндрическое, хвост короткий, толстый, сплюснутый, клинообразно заострен и густо оброс

волосами. Передняя пара ног уже немного отличается от ног речной выдры, а задняя имеет совершенно своеобразное строение. Передние ноги отличаются от ног речной выдры только своими укороченными пальцами, которые соединены мозолистой, снизу голой перепонкой и заканчиваются маленькими и слабыми когтями; задние же лапы представляют собой как бы плавники, похожие на ласты тюленей, от которых они отличаются тем, что наружные пальцы длиннее внутренних. Задние лапы морской выдры в значительной степени напоминают лапы бобра, с той только разницей, что они покрыты сверху и снизу короткими густыми шелковистыми волосами. мех состоит из длинных прямых волос ости темно-бурого цвета с белыми крапинами, происходящими от белых кончиков волос. Молодые животные имеют длинные, жесткие, белые

или буровато-серые волосы, которые совершенно скрывают тонкий бурый подшерсток. Взрослые морские бобры достигают общей длины по крайней мере 1,5 м, из которых около 30 см приходится на хвост, и веса от 30 до 40 кг. Область распространения морской выдры ограничивается северной частью Тихого, или Великого, океана, приблизительно цепью Алеут-

ских островов и островом Беринга. У американских берегов она спускается дальше к югу, нежели у азиатских, а именно, по Скамону, до 28 градуса северной широты, но и здесь также год от года становится более редкой. Лучшее описание морской выдры принадлежит Стеллеру, который в 1741 году потерпел вместе с Берингом кораблекрушение около острова Беринга и имел возможность наблюдать это животное.

«Мех этого животного, — говорит Стеллер, — кожа которого неплотно прилегает к телу и во время бега колышется во все стороны, настолько превосходит по длине, красоте и темному цвету мех речного бобра, что этот последний не может выдержать с ним ни малейшего сравнения. Лучшие меха продаются на Камчатке по 30 рублей, в Якутске — по 40 рублей, а на китайской границе при меновой торговле идут по 80—100 рублей за шкуру.

Морская выдра,
или калан
(*Enhydra lutris*)

** На суше самки каланов рожают только в отсутствие беспокойства, в частности, со стороны человека, и затем сразу уносят детеныша в воду, где, пока он не научится плавать, держат его на груди (сами при этом плавают спиной вниз), а ныряя, оставляют на плавающих клубках водорослей. В большинстве мест самки каланов рожают в воде. Детенышей может рождаться двое, но выживает, как правило, один. Если детеныши погибают, самка становится способна к внеочередному спариванию.*

Мясо его довольно съедобно и даже вкусно; у самок оно гораздо нежнее и, против закона природы, особенно жирным и вкусным бывает незадолго до и после времени спаривания. У молодых, питающихся еще молоком матери и называющихся вследствие своего плохого меха «медведками», мясо — жареное или вареное — может поспорить по вкусу с молодой бараниной. Самец, как все другие теплокровные морские животные, имеет в половом органе кость, а самка — два соска около половых органов.

По образу жизни калан так же интересен и приятен, как весел и забавен по нраву; к тому же это очень ласковое и влюбчивое животное. Когда он бежит, мех его блестит ярче самого черного бархата. Каланы предпочитают держаться семьями: самец лежит с самкой, тут же полувзрослые детеныши, или кошлаки, и маленькие сосуны-медведки. Самец ласкает самку, гладит ее, словно руками, передними лапами, часто ложится около нее, а та, шутя, отталкивает его от себя, как бы из притворной скромности, и занимается своими детенышами, как самая нежная мать. Любовь родителей к детенышам так велика, что ради них они готовы подвергнуться смертельной опасности, и если от них отнимут маленьких, то они громко рыдают, почти как дети. Тоска их бывает так велика, что они — как это мы видели на многих примерах — в 10—14 дней высыхают наподобие скелета, делаются больными, слабыми и не хотят уходить с берега. Самок каланов можно круглый год видеть с детенышами. Они рожают только по одному детенышу и всегда на суше*. Малыши рождаются зрячими и со всеми зубами. Самки носят их во рту, а в море — лежа на спине и обхватив их передними лапами, подобно тому как женщина держит в руках свое дитя. Они так же играют с ними, как любящие матери, подбрасывают вверх и ловят, как мяч, толкают в воду, чтобы они учились плавать, и берут опять к себе, когда те устают, и целуют, совершенно как люди. Как бы охотники ни преследовали самку в воде или на суше, она не выпустит изо рта детеныша, разве только в последней крайности или в минуту смерти, вследствие чего и погибает такая масса медведков. Я нарочно отнимал у самок детенышей, чтобы посмотреть, что они станут делать; они принимались рыдать, как огорченный человек, и, подобно собаке, издали следовали за мной, когда я уносил маленьких; при этом матери звали их с тоскливым воплем. Когда детеныши тоже принимались визжать, я сажал их на землю; матери тотчас же подбежали к ним и брали их с собой, причем сосунов несли во рту, а взрослых гнали перед собой. Однажды я встретил самку, спавшую со своим детенышем. Когда я приблизился, она испуганно вскочила и стала будить детеныша, но так как тот спросонья не мог бежать, то она схватила его передними лапами и, как камень, бросила в море. Если им удастся счастливо избежать опасности, то они, достигнув моря, начинают так забавно надсмехаться

над своими преследователями, что без улыбки на них нельзя смотреть: они то становятся в воде вертикально как человек, и прыгают в волнах, то приставляют передние лапы ко лбу, как будто защищая от солнца глаза, чтобы хорошенько разглядеть предмет, то ложатся на спину и гладят себе передними лапами живот, как это делают обезьяны, или бросают в воду маленьких и снова ловят их и т. п.

Если калана настигнуть и у него нет никакого выхода, он фыркает и шипит, как рассерженная кошка. Если его ударить, он ложится на бок, подгибает задние ноги, а передними закрывает глаза и таким образом готовится к смерти. Мертвым он лежит как человек, вытянувшись и крестообразно сложив на груди передние лапы.

Пища каланов состоит из морских раков, раковин, мелкой рыбы, реже из морской растительности или мяса крупных животных. Я не сомневаюсь, что если бы не остановились перед расходами, чтобы перевезти животных в Россию, то их можно было бы приручить, и даже, я так полагаю, они могли бы размножаться в прудах и реках. Я вывожу это заключение из того, что морская вода вовсе не составляет необходимости для каланов, так как они по нескольку дней жили на островах в маленьких реках*. Во всяком случае, это животное заслужило полное наше уважение, так как питало нас в продолжение целых шести месяцев, когда мы не имели никакой другой пищи, а больным, страдавшим цингой, служило даже лекарством.

Движения каланов необыкновенно грациозны и быстры. Они отлично плавают и очень резво бегают, и нет ничего красивее этого бархатистого блестяще-черного животного, когда оно бежит. При этом замечательно то, что животное бывает тем бодрее, умнее и проворнее, чем прекраснее у него мех. Совсем седые, по видимому, очень старые каланы, необыкновенно умны, вследствие чего их крайне трудно ловить. Самые плохие, имеющие одноцветно-бурый мех, по большей части неповоротливы, сонливы и глупы, вечно лежат на льду или на скалах, ходят медленно и легко даются в руки, как будто понимают, что их не станут особенно усердно преследовать. Во время сна они лежат на земле, свернувшись, как собаки; выходя из воды, отряхиваются и чистятся передними лапами, как кошки. Они бегают очень быстро, но при этом описывают кривые линии.

В июле или августе каланы линяют, впрочем несильно, и становятся тогда несколько бурее. Лучшие меха поэтому получают в марте, апреле и мае; большая часть их идет в Китай. На Камчатке нет роскошнее наряда, чем шуба, сшитая из белого меха северного оленя и опушенная каланом. Несколько лет назад там все носили такие шубы; но с тех пор, как этот мех сильно вздорожал, они вышли из употребления; к тому же камчадалы считают теперь собачий мех гораздо красивее, теплее и прочнее.

** Сам по себе организм калана безразличен к солености воды. Однако в пресной воде в его мехе заводятся паразиты, в морской воде не живущие. Мех калана, не намокающий в воде — его единственная защита от холода, и если он будет поврежден или загрязнен и намокнет, животное погибнет от переохлаждения. Та же судьба ждет и каланов, испачкавших шерсть в нефтепродуктах.*

Семейство куньи

** Там, где охота на каланов велась наиболее интенсивно, например на некоторых из Алеутских островов, они вообще перестали посещать берег.*

Калан, которого по качеству его меха несправедливо причисляют к бобрам и потому называют камчатским бобром, есть в сущности настоящая выдра и от речной выдры отличается только тем, что живет в море, почти вдвое больше ее и по красоте меха напоминает бобра. Это, бесспорно, животное американского происхождения, а на азиатских берегах оно является лишь гостем и пришельцем. Он держится в так называемом Бобровом море между 56 и 50 градусами северной широты. Под такой же широтой мы встречали его и в Америке, как на островах, так и на материке, а ближе к матерiku под 60 градусом. Большая часть каланов попадает с берега одного материка на другой, приплывая на льдинах; мне самому случилось видеть, как любят эти животные лежать на льду, и, хотя из-за умеренной зимы льдины были тонкими, однако каланы, как спящие, так и бодрствующие, неслись на них по волнам и прибивались к какому-нибудь острову, откуда при отливе снова уходили в море.

Когда мы прибыли на остров Беринга, каланов там было немало. Во все времена года, хотя зимой чаще, чем летом, они выходят на берег, чтобы спать и отдыхать, а также и для игр. Во время морского отлива они лежат на камнях и на обсохших обломках скал; во время же прилива сидят на берегу в траве или в снегу, на расстоянии почти половины или даже целой версты от берега; впрочем, обычно располагаются поближе к нему. На Камчатке или на Курильских островах они редко выходят на сушу; из этого можно заключить, что на острове Беринга их никогда не беспокоили во время отдыха и игр*.

Мы охотились на них следующим образом: как правило, вечером или ночью мы выходили по двое, по трое или по четыре человека с длинными, крепкими березовыми дубинами и шли к берегу против ветра, осторожно и внимательно озираясь по сторонам. Как только мы усматривали спящего калана, один из нас тихонько отделялся и подползал к животному на четвереньках; другие же тем временем преграждали ему дорогу к морю. Когда калан оказывался настолько близко к нам, что его можно было настигнуть одним прыжком, мы все разом кидались на него с намерением убить животное несколькими ударами по голове. Если же он удирал от нас, прежде чем мы успевали окружить его, то мы пускались вдогонку и загоняли от берега в глубь острова, так что наконец, как бы быстро и ловко ни бегало животное, оно утомлялось, и тогда его легко можно было убить. Когда мы нападали на целое стадо каланов, что случалось нередко, то каждый охотник выбирал животное, которое было к нему ближе, и дело шло еще успешнее. Вначале нам не нужно было напрягать свое усердие, хитрость и ловкость для удачной охоты, потому что весь берег кишел каланами и они лежали в полном спокойствии относительно своей участи. Но впоследствии они научились понимать наши намерения, так что выходили на бе-

рег с крайней осторожностью: прежде чем лечь на отдых, зорко осматривались, обнюхивали все вокруг и только тогда ложились, когда все обстояло благополучно, да и то успокаивались не сразу, а несколько раз снова вскакивали и вторично осматривали местность или же уходили назад в море. Там, где располагалось целое стадо, в разных местах были выставлены ими сторожевые животные. Нам также очень мешали песцы, которые насильственным образом будили каланов и не давали им сомкнуть глаз; вследствие этих причин нам постоянно приходилось отыскивать для охоты новые места, делать большие обходы, предпочитать темную ночь светлой и бурную погоду тихой, и все это для того, чтобы заполучить животное, которое служило единственной нашей пищей. Несмотря на все эти препятствия, с 6 сентября 1741 года по 17 августа 1742 года нами все-таки было убито и съедено 700 штук морских бобров, а шкуры их отвезены на Камчатку. Так как каланов часто убивали без всякой необходимости, просто ради их меха, а еще чаще — когда мех оказывался недостаточно черным — и совсем не пользовались убитым животным, а бросали его целиком в море, то это безбожное истребление привело к тому, что весной, когда все наши съестные припасы были съедены, мы на целые пятьдесят верст в округности не могли найти ни одного животного. Конечно, можно бы было удовлетвориться и тюленями, но они были слишком хитры, чтобы отдаляться от берега, и приходилось считать за особенное счастье, если удавалось убить тюленя.

Курильцы отправляются весной в легких лодках, на которых находится по шесть гребцов, одному рулевому и одному стрелку, на десять и более верст в море. Заметив калана, они изо всех сил принимают грести, чтобы его догнать, но животное, в свою очередь, не менее старательно удирает от них. Когда лодка уже довольно близко, рулевой и сидящие впереди стрелки пускают в калана стрелы. Если они и не попадают в цель, то все же вынуждают его нырнуть, и стрелкам остается только караулить, когда оно снова покажется на поверхности, чтобы выпустить в него новую стрелу. По поднимающимся пузырькам они вполне могут следить за направлением зверя, и рулевой по этому следу гонит лодку. Охотник, стоящий на носу лодки, вылавливает из воды стрелы, работая при этом длинным шестом, на конце которого насажены наподобие щетки тонкие прутья. Если преследуемое животное самка с детенышем, то прежде всего задыхается и тонет именно малыш; тогда мать бросает его, чтобы иметь возможность спастись; детеныша ловят и кладут в лодку, где он нередко приходит в себя. Наконец и преследуемая мать или самец так утомляются, что совсем уже не в состоянии нырять; тогда охотники убивают животное или стрелой, или, когда оно оказывается поблизости, копьем. Если каланам случится попасть в сети, которыми их также ловят, они приходят в такое отчаяние, что начинают

Семейство куньи

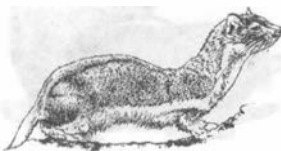
Семейство куньи

даже грызть друг друга. Иногда они сами себе откусывают ноги со злости или с отчаяния, что видят их запутавшимися в сетях.

Ничего нет ужаснее, как охотиться за каланами во время ледохода, когда за ними приходится гнаться по плывущим льдинам и убивать их дубинами. Обычно в это время бывают такая буря и метель, что едва можно держаться на ногах, и все же охотники не боятся даже ночью ходить на такую охоту. Они бесстрашно несутся по льду, который гонят бурные волны, и при этом то поднимаются так, будто стоят на высокой горе, то стремительно опускаются вниз, словно летят в пропасть. У каждого в руках нож или шест, а на ногах длинные лыжи с крючками из костей, чтобы не скользить по льду и не упасть, когда глыба поднимается. Шкуры с убитых животных сдираются тут же на льду, и в этом деле курильцы и камчадалы проявляют большую ловкость; в течение двух часов они часто обдирают по 30—40 штук. Но случается, что льдину очень далеко отгоняет от берега; тогда охотнику приходится все бросать и искать себе спасения: тут его выручает умение плавать, причем он привязывает себя веревками к собаке, которая и тащит его к берегу. При благоприятной погоде они так далеко уходят по льду, что совершенно теряют берег из виду: но одного они никогда не оставляют без внимания — это морского прилива и отлива и всегда внимательно следят за тем, откуда дует ветер, с берега или с моря».

В настоящее время этот всюду старательно преследуемый драгоценный пушной зверь сделался не только редок, но и крайне боязлив, что страшно затрудняет его ловлю. Пехуель-Леше, который 25 лет назад наблюдал и случайно охотился за каланом на Алеутских островах Амукте и Сегуаме, рассказывает, что чуткое животное очень редко подпускает к себе на расстояние выстрела даже спокойно плывущее судно. Отправляясь охотиться на одной лодке, почти нечего и ожидать благоприятных результатов, потому что животное может оставаться под водой добрых четверть часа и когда снова появляется, то зачастую в совершенно противоположном, чем ожидалось, месте. В тихую погоду калан спокойно несется по водной поверхности, иногда в виде бесформенной кучи, которая вовсе не напоминает живое существо, иногда же лежа на спине с поднятым кверху носом, но держа свои плавникообразные задние ноги так высоко и в таком растопыренном виде, как будто хочет заменить ими парус. Иногда он делает большой прыжок в воздухе и, по-видимому, с особенным удовольствием шлепается опять в воду. Нередко, когда что-нибудь высматривает, он становится в воде торчком, так что голова выставляется на поверхности, как это можно часто наблюдать у тюленей, и, подобно тем, так же медленно и в том же стоячем положении снова погружается вместе с головой в воду. Если они собираются в стадо, что, впрочем, случается, кажется, редко, и куда-нибудь вместе направляются вплавь, то при этом удивляют не

только быстрым плаванием, но и различными задорными прыжками, которые время от времени выделывают совершенно как дельфины.

Г. Эллиот, посетивший в прошлом десятилетии область жительство этих животных, утверждает, что пять шестых всех добытых в американских водах каланов были убиты восточнее первого из Алеутских островов — Унимака и южнее полуострова Аляски, на сравнительно небольшом пространстве. Главными местами охоты считаются островок Санак со множеством расположенных к югу от него скалистых островов и рифов. Санак — необитаемый остров. Те из жителей Алеутских островов, которые занимаются исключительно охотой на калана, переправляются на средства торговцев мехом в начале июня на остров Санак группами приблизительно в 50—60 человек на 20—30 байдарках, так называемых легких лодках, которые обычно могут поднять двух человек. Охотники остаются на Санаке около ста дней изолированные от всего мира, предоставленные всем случайным невзгодам, суровой погоде и всевозможным лишениям.

Некоторые охотники охотятся за животными и с суши, для чего торговцы мехами снабжают их прекрасными ружьями. При бурной погоде охотники рыщут по скалам с подветренной стороны и стараются пустить пулю в голову какой-нибудь выдры, которая показывается из воды по ту сторону буруна, в тихой полосе. Грохот воды, kloкочущая вокруг буруна пена мешают осторожно-му животному услышать шаги приближающегося человека, так что настойчивый стрелок может пускать в него пулю за пулей, пока наконец не попадет в цель; после этого он садится и терпеливо ждет, когда ветер и волны принесут ему драгоценную добычу.

К западу от Уналашки, в особенности на Атту, самом западном из Алеутских островов, для ловли морских бобров употребляют особые большие сети (шесть метров длиной и два-три метра шириной), покрывают их водорослями, с которыми выдры очень любят играть. Попадая в сети и запутываясь в них, они до такой степени теряются, что даже не делают особых усилий, чтобы освободиться из этих относительно слабых оков. Ловцы, расставлявшие сети, наблюдают с берега за ходом дела и, как только замечают, что туда что-то попало, спешат захватить животных, которых сразу попадается по трое, а иногда даже по шесть штук в одни сети.

Эллиот, продолжая говорить о каланах, упоминает, что ему, несмотря на многократные попытки, еще ни разу не удалось воспитать и приручить молодых каланов. Они отказываются от всякой пищи и добровольно изводят себя голодной смертью. Все охотники в один голос утверждают, что самка калана никогда не рождает на суше, а лишь на плавающих водорослях и что детеныши рождаются зрячими. Первому из этих показаний противоречит описание Стеллера, которому, во всяком случае, можно дове-

Семейство куньи

Семейство виверровые

** Калан вследствие активного преследования повсеместно стал редок и находится под охраной государств, в водах которых обитает. Особенно редкой стала наиболее южная, калифорнийская раса калана, которую удалось спасти от исчезновения только специальными охранными мерами.*

*** Виверровые — большие стройные животные, объединяют 35 родов, среди которых генеты, циветы, мангусты, бинтуронги, мунго, сурикаты и др. Характеризуются удлинненным туловищем, сравнительно короткими ногами, вытянутой мордой. В основном наземные животные, но многие хорошо лазают по деревьям и ведут полудревесный образ жизни. Из других хищных виверровые более всего родственны*

ряться, хотя нет никакого основания не верить и охотникам, имевшим массы случаев делать абсолютно достоверные наблюдения. Скаммон, сообщающий об образе жизни каланов у западноамериканских берегов, подтверждает сообщения Эллиота и говорит, что детеныши рождаются по одному, редко по два, на водорослях и во все времена года. По Скаммону, на западном берегу Соединенных Штатов каланов преследуют на лодках, причем белые ходят на них днем и с ружьями, а индейцы — ночью с копьями. На суше охота производится также с винтовками.

Двадцать пять лет назад, по Ломеру, на рынок ежегодно доставлялось до 1500 шкур морских выдр, составлявших выручку в 600 тысяч марок, причем цена отдельных шкур колебалась между 300—1500 марок. В настоящее же время сбыт доходит до 4000 шкур на сумму 2500 тысяч марок, и цена отдельной наилучшей шкуры поднялась до 2500 марок.

На торговом языке каланов принято называть «камчатским бобром».

Если охота на каланов будет прогрессировать и закон не примет меры по ограничению их отстрела, то можно почти наверняка утверждать, что со временем калан будет совершенно истреблен и, подобно морской корове, описанной Стеллером, будет причислен к животным, на нашей, так сказать, памяти уничтоженным на земном шаре*.

СЕМЕЙСТВО ВИВЕРРОВЫЕ (Viverridae)**

Представители семейства виверровых отличаются вытянутым в длину, тонким и округленным телом на коротких ногах, длинной тонкой шеей и вытянутой головой, а также почти всегда длинным, по большей части висячим хвостом. Глаза обыкновенно малы; уши то больше, то меньше, ноги четырех- или пятипалые, когти у многих втяжные. Около заднепроходного отверстия находятся две или несколько желез, выделяющих особые жидкости, редко пахнущие приятно. Иногда эти жидкости скопляются в особом железистом мешке.

Одни виверровые похожи на наших куниц, которых они заменяют в южных странах Старого Света, другие напоминают кошек и даже медведей, и можно сказать, что представляют собой группу, близкую к первоначальной форме хищников. От куниц они отличаются главным образом тем, что зубы их с более острыми краями и более остроконечные и что в каждой половине челюсти находится по два настоящих коренных зуба. И те, и другие обладают настоящей зубной системой хищников с большими тонкими острыми клыками, мелкими резцами и зубчатыми, острыми ложнокоренными и настоящими коренными зубами. У виверр насчитывается 36 или 40 зубов: по шесть резцов сверху и снизу и

по одному клыку, три или четыре ложнокоренных и два настоящих коренных зуба в каждой половине челюсти. Череп вытянут, бровные гребни лобной кости сильно развиты, скуловые кости отстоят мало.

Виверр вовсе нет в Австралии, они живут в южной части Старого Света и, следовательно, главным образом в Африке и в южной Азии. В Европе три вида из этого семейства водятся исключительно в странах, прилежащих к Средиземному морю, лишь один вид в Испании. Виверры появились на земном шаре уже в первобытные времена*. В современном мире они, подобно куницам, отличаются большим разнообразием форм, и притом на гораздо меньшем пространстве, чем последние. Места, в которых они живут, так же разнообразны, как и они сами. Некоторые живут в бесплодных высоких сухих местностях, в пустынях, степях, в горах или в небольших лесах некоторых областей Африки, редко орошаемых дождем, и на азиатских плоскогорьях, другие предпочитают плодороднейшие низменности, особенно берега рек или чащи тростников, всем другим местам; одни приближаются к человеческим поселениям, другие боязливо прячутся во мраке самых густых лесов; одни живут на деревьях, другие держатся исключительно на земле. Расщелины скал и ущелья, дупла деревьев и норы в земле, выкопанные ими самими или занятые ими, густые кустарники составляют места, где они живут и отдыхают определенное время дня.

Большей частью виверры — ночные животные, но многие появляются и днем, причем, за исключением утреннего времени, бродят и охотятся, пока солнце остается на небе, а после заката возвращаются в свои логовища. Лишь очень немногих можно назвать ленивыми, медлительными и несколько неповоротливыми; большая часть по быстроте и живости не уступает родственным хищникам. Некоторые роды известны как настоящие пальцеходящие животные, другие при ходьбе ступают на всю ступню; некоторые виды лазают, большинство живет лишь на земле. Ни одна виверра не живет преимущественно в воде. Дневная жизнь и предпочтение к жизни на земле отличают виверр от куниц, с которыми они во многих отношениях сходны; еще больше отличаются друг от друга обе группы по своему характеру. Куницы, как известно, беспокойные, непостоянные животные, которые, придя в движение, едва ли могут пробыть минуту в одном и том же положении или даже на одном месте; напротив, они непрерывно бегают взад и вперед, лазают, плавают, делают, по-видимому, бесцельные движения, и все выполняют с почти неразумной торопливостью; виверры точно так же подвижны, многие из них по крайней мере так же ловки, но нрав их совершенно иной. Известная осмотрительность заметна в них при любых обстоятельствах. Несмотря на все проворство, их движения более равномерны и обдуманно, а потому и более привлекательны, чем движения ку-

Семейство Виверровые

кошкам. Широко распространены в тропиках и субтропиках Старого Света: по всей Африке, включая Мадагаскар, в Южной Европе и во всей тропической Азии. Мангусты интродуцированы на Гавайи и острова Карибского моря.

** Виверры появляются в геологической летописи в верхнем эоцене, то есть около 50 млн лет назад. В своем облике они, как справедливо заметил Брем, сохранили черты наиболее древних хищных.*

ниц. Пальма первенства, если говорить об их подвижности, принадлежит генетам. Едва ли есть другие млекопитающие, которые бы с таким совершенством змееобразно скользили по земле, как мелкие стройные представители этой группы. Быстрота, с которой они прыгают на добычу, находится в странном противоречии с медленностью их обычной походки. Иначе движутся дневные животные этого семейства — мангусты. Ноги их короче, чем у всех родственных форм; тело при ходьбе почти прижимается к земле, а шерсть по бокам тела действительно касается ее, но они не крадутся, а торопливо бегут рысью и могут бежать иногда очень быстрым подпрыгивающим галопом. Они тоже неугомонны, но не легкомысленны, на своем пути исследуют все, но делают это с известной последовательностью: идут своим путем и мало уклоняются от принятого направления. Движения их скорее странны, чем привлекательны, и бросаются в глаза, так как у других млекопитающих ничего подобного не замечается. Впрочем, в случае надобности мангусты бывают весьма проворны, что вызывает крайнее удивление.

Из чувств у всех виверровых, вероятно, стоит на первом месте обоняние. Они чуют, как собаки, обнюхивают каждый предмет, попадающийся им на пути, и знакомятся с помощью носа с тем, что им встречается. Второе место по остроте занимает зрение. Глаз у различных групп имеет различное строение: зрачок у одних круглый, у других — щелевидный. Слух, по-видимому, развит у различных групп примерно одинаково, но заметно слабее, чем оба вышеупомянутых чувства. Преобладает у них вкус над осязанием или нет — это пока неизвестно. Как осязание, так и чувствительность к холоду обнаруживают все, а кроме того, все они настоящие лакомки и очень любят всякого рода сладости.

Понятливость виверровых не следует недооценивать. Все виды этого семейства, которых я изучал на свободе или в неволе, обнаруживают много ума и способности к усвоению.

Среди виверровых лишь виверры и страннохвосты распространяют заметный мускусный запах. Упомянутые выше железы выделяют маслянистую или жирную, похожую на сало, и сильно пахнущую массу, которая поступает в железистый мешок, время от времени выпораживается оттуда и, как кажется, находится в связи с половой деятельностью. Утверждали, что в замкнутых пространствах этот запах может становиться невыносимым и вызывать головную боль и тошноту; у тех животных, которых я держал, этого не наблюдал. Вонь, распространяемая куницами, гораздо невыносимее, чем запах, издаваемый виверрами. Клетка с несколькими экземплярами этих животных, стоящая на открытом воздухе, распространяет даже настоящее благоухание, так как пары мускуса здесь быстрее улечучиваются. Усиления и ослабления запаха я не наблюдал.

Как и у остальных хищников, число детенышей колеблется у виверровых довольно значительно, насколько известно — от одного до шести. Матери чрезвычайно нежно любят свое потомство, а у одного вида, а может быть и у других, отец принимает участие в деле воспитания. Детенышей вообще легко приручить, и они в этом случае бывают так же доверчивы и добродушны, как старые злы, дики и строптивы*. Они хорошо выживают в неволе, и поэтому в некоторых странах их держат во множестве, чтобы легче было добыть их драгоценное выделение желез. Другие виды, специально обученные, хорошо ловят мышей и крыс. Пища всех видов в неволе состоит из сырого мяса, молока с хлебом и плодов. Последние они, подобно большинству хищников, за исключением кошек, поедают с большой жадностью, и эта пища очень полезна для их здоровья. В общем приносимая ими польза вполне перевешивает вред. На их родине грабежи, производимые ими, не наносят большого урона; тем более признается польза, которую они приносят истреблением вредных животных. Эта польза была причиной того, что в глубокой древности одно из этих животных было признано египтянами священным и пользовалось общим почитанием.

Мех и мясо в некоторых странах тоже идут в дело. В торговлю регулярно поступает небольшое количество шкур генеты; мясо, по словам Дорна, охотно едят негры на Принцевых островах, куда ввезена виверра.

Мангусты характеризуются следующими отличительными признаками: туловище их, равномерно опирающееся на низкие ноги, вытянуто и имеет цилиндрическую форму, голова маленькая или средней величины, морда заостренная, глаза довольно маленькие с круглыми или немного продолговатыми зрачками, уши короткие, закругленные, нос маленький, голый снизу, а в середине бороздчатый; как задние, так и передние ноги имеют по пять пальцев, хвост конический, мех жесткий, с длинными волосами. Зубная система состоит из 40 зубов, по большей части больших и крепких, с довольно развитыми, расположенными близко друг к другу бугорками.

Из всех мангустов особенного внимания заслуживает, по всей справедливости, **ихневмон, египетский мангуст, фараонова крыса (*Herpestes ichneumon*)**** как священное животное древних египтян, слава которого дошла и до нашего времени. Уже Геродот говорит, что в каждом городе ихневмона бальзамировали и погребали в священных местах. Страбон сообщает, что это замечательное животное никогда не нападает на больших змей без того, чтобы не позвать на помощь несколько сотоварищей, и затем уже легко овладевает ядовитым гадом. Потому изображение его на священных иероглифах служит олицетворением слабого человека, который не может обходиться без посторонней помощи. Юлиан, напротив, уверяет, что ихневмон один выходит на

** Виверры настоящие хищники, об этом не следует забывать и, глядя на их симпатичные мордочки, надо помнить о длинных клыках и острых втяжных когтях, которые вполне могут быть пущены в дело. Это тем более актуально, так как сейчас и в нашей стране виверры и мангусты понемногу протискиваются в списки домашних любимцев. Но если со взрослой и тем более дикой виверрой никому шутить не рекомендуется, взятые молодыми, они действительно вырастают на удивление ручными.*

*** Ихневмон распространен в Испании и Португалии, на Ближнем Востоке и практически во всей Африке. Населяет разнообразные ландшафты, от сухих кустарниковых зарослей до горных лесов.*

Семейство виверровые

** Среди фантастических легенд вкралась и доля правды: ихневмон действительно причиняет много неприятностей крокодилам тем, что покушается на яйца и новорожденных крокодилов. Польза от этого человечеству сомнительна (особо странно это слышать от египтян, обожеествлявших и крокодила тоже), а вот заботливая крокодилица-мать не испытывает к мангусту никаких добрых чувств.*

*** Цифра явно ошибочная: даже более крупные мангусты из этого рода весят не более 4 кг.*

охоту со змеями, прибегая при этом лишь к некоторой предосторожности: он вываливается в иле и затем высушивается на солнце, так что все туловище его покрывается непроницаемой для яда опасного соперника броней; морду свою он защищает, прикрываясь хвостом. Легенды об ихневмоне не ограничиваются этим и наделяют отважного бойца со змеями еще другими качествами, о чем и передает Плиний. Крокодил, наевшись досыта, имеет обыкновение покоиться где-нибудь на песчаной отмели, причем он страшно разевает свою огромную пасть, угрожая гибелью каждому, кто отважится приблизиться к нему. Исключения допускаются только в отношении одной маленькой птички, которая, не ведая страха, забирается в самую пасть крокодила и выклевывает пищу, завязшую в его зубах. Кроме птиц все другие животные страшатся грозного чудовища и не решаются приблизиться к нему. Один ихневмон поражает своей храбростью: он осторожно подкрадывается к спящему крокодилу, отважно прыгает в его раскрытую пасть, прокусывает ему горло, растерзывает его сердце и, умертвив таким образом, открывает себе окровавленный путь к обратному беспрепятственному выходу из туловища страшилища. Одним этим ихневмон не удовлетворяется: он выискивает и выслеживает места, где ужасный гад в изобилии кладет свои яйца, и скребет тут до тех пор, пока ему не удастся докопаться до скрытого сокровища; тогда он набрасывается на него и, несмотря на бдительность матери, в одну минуту пожирает все гнездо, чем, конечно, оказывает неоценимые услуги человечеству*.

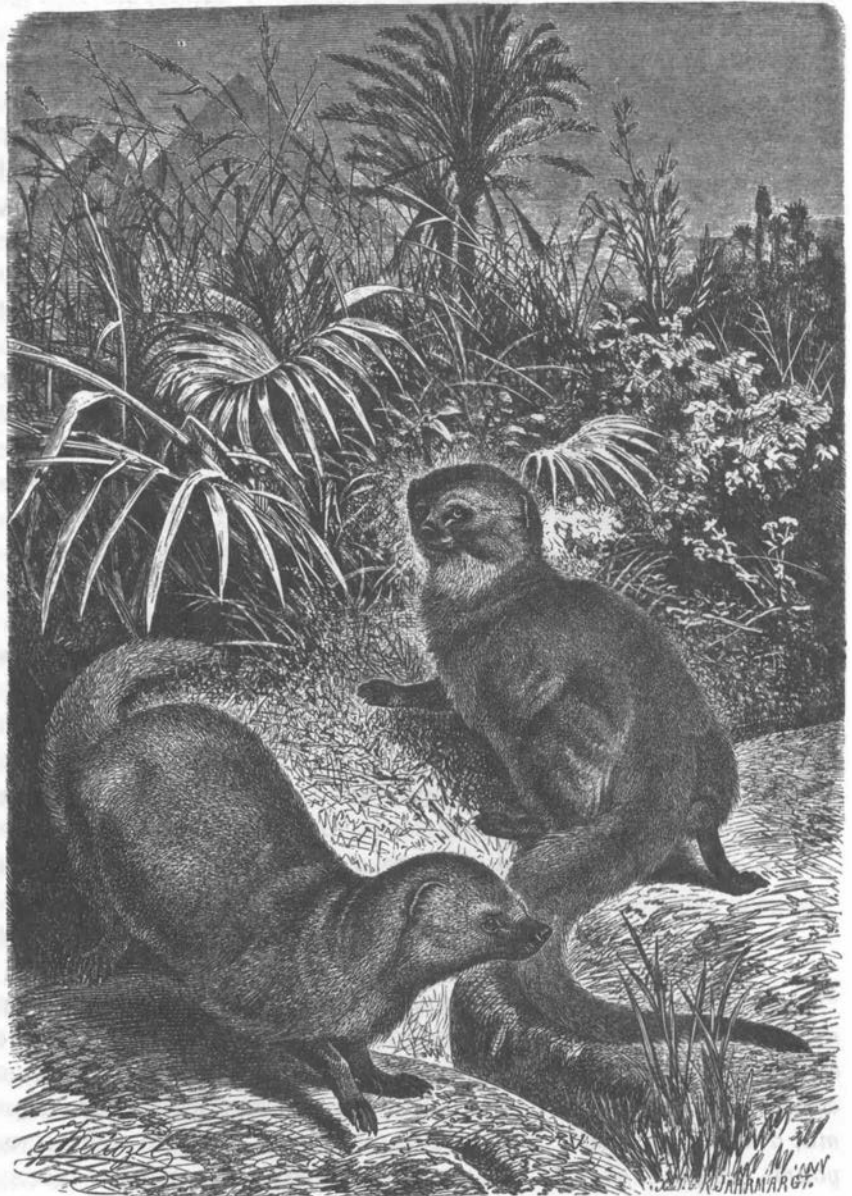
Несомненно, что египтяне твердо верили этим легендам, которые и исходят собственно от них; но позднейшие естествоиспытатели сделали большую ошибку, приняв на веру эти сказочные повествования, так как на самом деле ихневмон далеко не обладает всеми приписываемыми ему качествами. Хотя точные исследования нрава и образа жизни ихневмона стали известны только в позднейшее время, тем не менее и прежде, уже несколько веков назад, многие путешественники высказывали свои сомнения относительно пользы, приносимой этим животным, чем и поколебали веру в различные легенды о нем.

Взрослый ихневмон значительно превосходит ростом нашу домашнюю кошку; длина его туловища достигает 65 см, а хвост имеет по меньшей мере 45 см, но он кажется меньше, чем на самом деле, благодаря коротким ногам; только изредка можно встретить самца, у которого загривок был бы выше 20 см. Туловище ихневмона стройное, как у всех виверр, хотя не такое красивое, как у генет, зато значительно более коренастое, чем у большинства видов этого рода, что подтверждается его весом: взрослый ихневмон весит 7, а иногда даже 9 килограммов**. Ноги у него короткие, ступни голые и пальцы на ногах почти до половины соединены короткой перепонкой. Длинный хвост благодаря густым волосам, покрывающим его у корня, кажется очень толстым,

как бы продолжением самого туловища, и заканчивается кисточкой; глазные впадины голые, вследствие чего еще больше выступают маленькие огненные глаза с круглыми зрачками. Уши короткие, широкие и округленные. Около заднего прохода находится плоский мешок с отверстием посередине. Особенно замечателен мех ихневмона: он состоит из густого подшерстка ржаво-желтого цвета и длинных волос ости почти в 6—7 см. Эти волосы черного цвета с желтовато-белыми кольцами, а на самых концах бледно-желтые. Из-за этого вся шкура получает зеленовато-серую окраску, которая вполне соответствует местопребыванию животного. На голове и на спине мех темнее, на боках и на брюхе более бледный; ноги и кисточка хвоста темновато-черные или совсем черные; встречаются, впрочем, и некоторые отличия.

Ихневмон распространен не только по всей северной Африке и Индостану, но, по Ноаку, который давно уже доказал его пребывание в западной Африке, в Лоанго и Конго, он водится во всей Африке, а также и на Мадагаскаре, куда мог быть завезен людьми. Не доказано еще только его пребывание в южной Испании и северной Азии. Животное это избирает для своего местожительства низменности; в Египте живет по густо

поросшим берегам рек и в тростниках, окружающих поля. Здесь оно проводит дни и устраивает в тростниковой чаще узкие, но тщательно прочищенные тропинки, ведущие к глубоким, но не особенно просторным норам. В них самка плодится, принося весной или в первые летние месяцы двух—четырёх детенышей, ко-

Ихневмон, или
египетский
мангуст, или
фараонова крыса
(*Herpestes ichneumon*)

Семейство виверровые

** В Аравии ихневмоны спариваются в начале весны. В других частях ареала спаривание может происходить в другие сезоны и даже несколько раз в год. Беременность продолжается 60—83 дня. Если в семейной группе более одной взрослой самки, то они все могут принимать участие в воспитании детенышей. Детеныши становятся самостоятельными постепенно в промежутке между четырьмя месяцами и годом, когда они покидают родительскую семейную группу.*

*** Многие хищники не доедают добычу, съев из нее лишь самые вкусные части, а предпочитают убить новую. Происходит это только в ситуации изобилия потенциальных жертв, когда хищнику почти или совсем не нужно их искать.*

торые очень долго питаются молоком матери и еще дольше находятся на попечении обоих родителей*.

Животное это во всех отношениях оправдывает свое название «ихневмон», что значит «сыщик». Своим нравом и душевными свойствами ихневмон напоминает родственных ему куниц: он обладает тем же неприятным запахом, такой же хитростью, кровожадностью и страстью к воровству. Ихневмон в высшей степени труслив, осторожен и подозрителен. Он никогда не отваживается выходить в открытое поле, а всегда пробирается по защищенным закоулкам, хотя рыщет довольно далеко по окрестностям. На промысел он выходит днем и пожирает все, что может добыть хитростью, начиная с зайца, курицы или гуся. Кроме этого он питается змеями, ящерицами, насекомыми, червями, а вероятно также, и плодами. Грабительские набеги ихневмона навлекают на него ненависть со стороны египетских крестьян, потому что он самым безжалостным образом разоряет курятники и голубятни, особенно куриные гнезда, которые курицы устраивают на воле, подобно лесным птицам. Действительной пользы ихневмон почти не приносит, если не считать той услуги, какую он оказывает истреблением змей.

Его походка привлекает особое внимание своей своеобразностью: животное как будто ползет по земле, потому что короткие ноги его совершенно закрываются длинной шерстью, которая не позволяет видеть их движений. В летние месяцы ихневмона редко встречают одного, а всегда в обществе своих родичей. Самец идет обычно впереди, за ним следует самка, а позади матери плетутся детеныши; при этом один член семьи держится так близко подле другого, что кажется, будто вся цепь животных составляет одно целое существо, которое можно сравнить с очень длинной змеей. Время от времени глава семьи останавливается и поднимает голову, чтобы удостовериться в безопасности, причем он неистово раздувает ноздри и сопит, как при сильной одышке. Когда он убедится, что бояться нечего, то идет дальше; при виде добычи начинает бесшумно извиваться между стеблями, как змея, чтобы как можно ближе подойти к ней, затем вдруг в один или два прыжка настигает даже вспорхнувшую птицу. Перед мышинной норой он способен караулить с замечательным терпением, выжидая и подкрадываясь к добыче с забавной осторожностью.

По всей вероятности, ихневмон обладает таким же прекрасным чутьем, как и лучшие собаки; это видно из того, что на охоте он руководствуется преимущественно чутьем. Если ему попадают яйца, то он выпивает их; у млекопитающих и у птиц высасывает обычно только кровь и съедает мозг. Страсть его к хищничеству заставляет его умерщвлять больше животных, чем он может съесть**.

Много нелепого рассказывают о враждебных отношениях ихневмона с другими животными и, между прочим, говорят, что

самые опасные враги его — лисицы, шакалы и особенно караульщик (варан), нильская ящерица. Но я могу уверить, что никогда ничего подобного не видел и не слышал. Самый главный его враг — человек; кроме него ему может вредить только Нил, когда затопляет излюбленные им места; в этом случае, впрочем, его выручает умение плавать, и он заблаговременно перебирается на высокие насыпи, соединяющие одну деревню с другой или огораживающие фарватер; здесь он и находит себе временное убежище в чаще высокого густого тростника.

Охота на ихневмона считается, по мнению египтян, благочестивым делом. Стоит только пойти в любую деревню и известить там о своем намерении поохотиться за «нимсом», как называют это животное арабы, тогда наверняка и старый, и малый поднимутся на помощь, радуясь возможности уничтожить вредного плута и мошенника. Все общество направляется тогда к тростниковой чаще; охотник останавливается там, а его помощники загоняют животное. Хищник тотчас же смекает в чем дело и при первой тревоге спешит укрыться в норе; но и там спасенья нет: арабы выгоняют его оттуда длинными палками, так что ему приходится искать защиты в другой тростниковой чаще. С чрезвычайной осторожностью крадется он между стеблями, прислушиваясь каждую минуту и чутьем стараясь соразмерить близость опасности; когда другого выхода нет, он решается проскользнуть по открытой поляне, чтобы спастись бегством, при этом съеживается как только может и ползком пробирается по траве, стараясь не выдать себя быстрыми движениями.

Все мангусты сходны друг с другом по телосложению, а в большинстве случаев и по образу жизни; таким образом вышеизложенное описание ихневмона могло бы быть вполне достаточным для нашей цели, если бы не требовалось некоторых подробностей об отдельных видах.

Второй после ихневмона и не менее известный вид — это **индийский мангуст** (*Herpestes edwardsi*)*. Индийский мангуст гораздо меньше ихневмона; длина его туловища достигает 40—50 см, хвост немного короче. Длинный жесткий мех серого цвета; волосы на концах с широкими белыми кольцами, что и придает шерсти серебристый отлив и светло-серый оттенок; на голове и бедрах окраска темнеет, а на ногах она переходит в черный цвет; щеки и горло отливают в большей или меньшей степени рыжеватым цветом. Впрочем, отличительные признаки очень резко меняются у этого животного, что и привело к выделению многих видов и разновидностей.

Область распространения проходит через весь Индостан к востоку, вероятно, до Ассама, а на запад — до Афганистана и Белуджистана; кроме того, он встречается и на Цейлоне. Водится ли мангуст на Малаккском полуострове, где Кантор приобрел один экземпляр его, это еще не выяснено**.

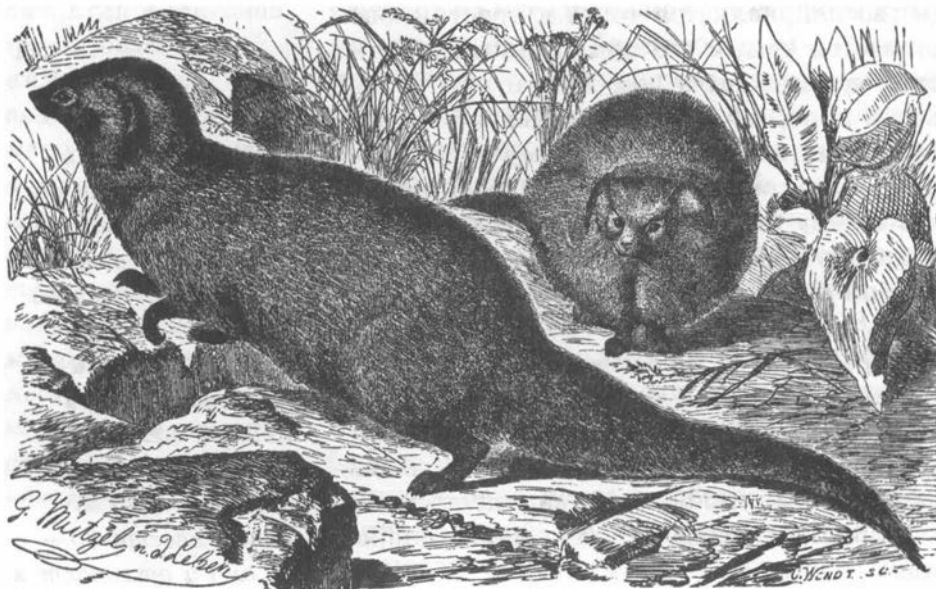

* *Индийский мангуст распространен по всей Южной Азии от Месопотамии до Малакки и острова Тайвань, а также завезен в Италию и на остров Маврикий. Он мельче ихневмона (длина тела 68—74 см, длина хвоста 30—37 см) и отличается более пушистым хвостом без черной кисточки.*

** *Индийский мангуст живет на Малакке. Кроме того, там обитает близкий вид — *H. brachyurus*.*

Индийский мангуст не любит леса, он предпочитает кустарники, рощи, дубравы, плантации, берега, поросшие кустарником и тростником, каменистые покатоки и часто водворяется в домах, где нередко причиняет большой вред домашней птице и прочим мелким домашним животным. В выкопанных ими самими норах самки приносят по три-четыре детеныша. Индийский мангуст питается сладкими плодами, но предпочитает мясную пищу. Перебегая со скалы на скалу, с камня на камень, из ущелья в ущелье, он так основательно исследует местность, что едва ли от него укроется что-либо съедобное; иногда он залезает в самые узкие щели и вытаскивает оттуда мышей, крыс, ящериц, змей и тому подобных животных, пойманных в их норах и логовищах. При нападении на кур ему приходится действовать значительно

осторожнее; тут уж он пускает в ход всю свою природную хитрость: он растягивается на земле и притворяется мертвым, чтобы обмануть глупую птицу, которая из любопытства приходит посмотреть на неизвестный предмет, как только она приблизится, он моментально оживает и в два-три прыжка настигает свою жертву. Эти рассказы путешественников

Индийский мангуст
(*Herpestes edwardsi*)

вполне правдоподобны, потому что мне самому приходилось наблюдать то же у африканских мангустов.

Индийского мангуста хвалят и почитают за его победы над ядовитыми змеями. Несмотря на свою незначительную величину, он может одолеть даже очковую змею, одерживая победу над ней не столько своей силой, сколько ловкостью. Туземцы утверждают, что когда мангуста укусит ядовитая змея, он торопится отыскать особую траву или горький корень, известный под названием «мангусвайл», съедает это противоядие и, вылечившись, может снова продолжать схватку со змеей. Самые точные исследователи признают, что в этих рассказах есть доля правды и отравленный укусом змеи мангуст действительно убегает с поля сражения, чтобы отыскать целебный корень и нейтрализовать змеиный яд, после чего снова принимается за змею. Но Теннент говорит, что сингалезцы не верят рассказам европейцев о сознательном

употреблении противоядия укушенным змеей мангутом; если во время схватки с очковой змеей, на которую он нападает так же легко, как и на родственных ему млекопитающих, животное поедает какую-то траву или корень, то это, по-видимому, является совершенно случайностью. Блэнфорд считает историю о противоядии неосновательной. Если бы рассказы эти были верны, то почему тогда одни индийские мангусты имеют в своем распоряжении противоядие, тогда как другие бойцы, преследующие ядовитых змей, как, например секретарь и некоторые орлы, беззащитны против ядовитой змеи? Также надо принять во внимание, что если бы индийский мангуст знал такое верное средство против укуса змеи, то он нападал бы на нее очертя голову, а не предпринимал бы всевозможных мер предосторожности, проявляя во время такой схватки свою удивительную ловкость и хитрость. Жердон и Стерндаль объясняют неуязвимость мангуста в борьбе со змеями свойством его шкуры; они утверждают, что густая щетинистая шерсть и толстая шкура делают зверя почти недосыгаемым для зубов змеи; если же змее удастся укусить его, то он умирает так же, как и всякое другое животное, хотя, по Блэнфорду, яд действует в его организме медленнее, чем у других млекопитающих одинакового с ним размера. Этот естествоиспытатель был свидетелем того, как мангуст без вреда для себя съедал голову змеи вместе с ядовитой железой. Не следует упускать из виду, что и другие хищники, как, например еж, хорек, барсук, по рассказам Ленца, также без вреда для себя переносят укусы обыкновенной гадюки и могут съесть ее голову вместе с ядовитыми железами*.

В 1871 году на одном из заседаний Лондонского зоологического общества Склатер делал ученый доклад о мангусте по поводу возникшей переписки между ним и заместником Санта-Лючии. Последний прислал моему уважаемому другу и сотруднику запрос относительно истребления копьеголовой змеи, этого страшного бича Вест-Индских островов, причем просил доставить ему мангутов, секретарей или каких-либо других больших хищников для борьбы с этим местным врагом. Склатер ответил, что при существующих условиях он скорее всего может рекомендовать для этой цели мангуста, но при этом должен предупредить, что мангусты производят больше опустошений среди домашних птиц, нежели среди ядовитых змей, и что поэтому он советует лучше назначить большую премию за убийство змей, чем выписывать туда упомянутое животное. Впрочем, он немедленно переслал Де-Вё двух живых мангутов, чтобы тот провел над ними испытания относительно их способности бороться со змеями. Вскоре по получении животных Де-Вё устроил опытную схватку между отважным мангутом и опасной ядовитой змеей. Большую, более чем в полметра длиной, копьеголовую змею заключили в стеклянную банку и поставили перед выпущенным из клетки ман-

** Возможно, что у мангутов, как и у других зверей, часто поедающих змей, есть некоторая устойчивость к яду. В поедании змеи вместе с головой вообще нет ничего странного, так как токсины змеиного яда быстро разрушаются в пищеварительном тракте. Мангусты, в том числе и большой индийский, сравнительно часто едят различных мелких пресмыкающихся, в том числе змей. Однако нападения мангуста на кобру или сходную с ней по размеру змею, если и происходят, то крайне редко.*

густом. При первом же взгляде на ядовитое пресмыкающееся мангуст проявил сильное возбуждение, весь оцетинился, хлопотливо бегал вокруг банки и всячески пытался раскрыть ее, теребя зубами и когтями тряпку, которой была закрыта посудина. Справившись с этой задачей, он выпустил змею, которая тотчас выползла из банки и, осмотревшись, быстро двинулась вперед. Мангуст бросился на нее и схватил ее зубами и когтями за шею, но змея, точно заранее приготовившись к такому нападению, ловко увильнула и, отскочив в сторону, в свою очередь напала на своего маленького врага; по-видимому, она успела укусить его, так как бедный мангуст жалобно взвизгнул и высоко подпрыгнул на месте, но в ту же минуту собрался с силами и снова вцепился змее в шею, на этот раз с удвоенной яростью. Последовала кратковременная борьба; положение змеи не позволяло ей еще раз употребить в дело свои зубы, но она все-таки успела вырваться из когтей и зубов мангуста и уползла от него на несколько шагов. Мангуст притворялся равнодушным и стал как бы без цели бродить около. Так прошло почти три минуты. Змея с трудом пошевелилась, хотела скрыться, не считая себя, очевидно, в безопасности, однако осталась лежать на месте. Тогда мангуст совершенно неожиданно снова наскочил на нее, схватил поперек туловища так, что она не шевельнулась, и поволок в свою клетку, дверца которой стояла открытой. Войдя к себе, он спокойно начал есть свою добычу, у которой прежде всего отъел голову. Клетку заперли, и зрители разошлись в полной уверенности, что храбрый победитель поплатится жизнью за свою прожорливость. По прошествии часа снова вернулись к клетке, открыли ее, и герой битвы вышел из нее совершенно здоровым, а от побежденной змеи оставался один только маленький кусочек хвоста: все остальное было съедено. Прошло еще две недели, а храбрый мангуст продолжал чувствовать себя таким же бодрым и веселым, как и прежде. Был ли он укушен и насколько сильно, этого сказать нельзя, так как мангуста не удалось исследовать. «Змея, над которой производили этот опыт, — так кончает Де-Вё свой доклад, — была еще полувзрослая, хотя уже достаточно сильная для того, чтобы наносить глубокие укусы, последствия которых могли бы убить человека в продолжение самого короткого времени»*. В семидесятых годах индийский мангуст был перевезен на Ямайку с целью истребления крыс, которые опустошали сахарные плантации; польза, оказанная этим животным, была определена в два миллиона марок.

Индийский мангуст лучше других пригоден для приручения, потому что он в высшей степени опрятен, чист, весел и относительно добродушен. Поэтому на родине его можно встретить во многих домах, как обычное домашнее животное. За оказываемое ему гостеприимство мангуст отплачивает массой услуг: подобно ихневмону, он в короткое время очищает дом от крыс и мышей. Как настоящий мангуст, мангуст деятелен только днем. Когда его в первый

** Можно предположить, что в данном опыте зверек был сильно голоден. Следует также заметить, что куфия, которая упомянута в рассказе, заметно мельче кобры. Впрочем, саму по себе возможность нападения мангустов на ядовитых змей (при отсутствии другой добычи) никто огульно не отрицает.*

раз приносят в незнакомое жилище, он живо обегает весь дом, выщипывает все норы, щели и укромные уголки и при помощи своего тонкого чутья тотчас же разыщет грызунов. Он действует так энергично и усердно, что никогда не уходит без добычи.

Как уже сказано, мангуст — довольно добродушное животное, но при дурном расположении духа он, подобно злой собаке, оскаливает зубы решительно на каждого, кто к нему приблизится; впрочем, гнев его непродолжителен, и животное вскоре успокаивается. С человеком мангуст сходится очень быстро; в короткий промежуток времени он так привыкает к своему хозяину, что следует за ним повсюду, спит вместе с ним, ест из его рук и вообще ведет себя как домашнее животное.

У Стендала был мангуст, который в продолжение трех лет его пребывания в Индии служил ему постоянным спутником, причем выказывал послушание и верность, свойственные собакам. Пипс отлично знал, когда хозяин хотел застрелить для него птицу, следил, присев на задние ноги, за прицелом ружья и поспешно хватывал упавшую добычу. Будучи очень чистоплотным, он заботился даже об аккуратном содержании своих зубов и выковыривал из них когтями остатки пищи, что со стороны выглядело весьма забавным. Он был замечательно неустрашим, преследовал даже больших собак. Кроме того, Пипс умерщвлял массу змей. В возбужденном состоянии духа он так оцетинивался, что казался вдвое больше своей настоящей величины, но стоило только хозяину погрозить ему пальцем, как разъяренный любимец смирял свой гнев и успокаивался. Однажды он потерялся в густом кустарнике, и хозяин никак не мог разыскать его в тот день, но когда через несколько дней снова пошел в этот лес, то увидел своего Пипса на дереве, и животное так обрадовалось встрече с хозяином, что тотчас прыгнуло с дерева и уже не отходило больше от него ни на шаг. Впоследствии Стендаль взял его с собой в Англию, где мангуст вскоре сделался общим любимцем. Он умел проделывать много забавных штук: прыгал, кувыркался, садился на стул, надев на голову ермолку, изображал из себя солдата и слушался команды. Пипс умер от тоски: он не перенес временной разлуки со своим хозяином и добровольно заморил себя голодом.

Близкородственным видом индийского мангуста является **яванский мангуст** (*Herpestes javanicus*)*, но он гораздо меньше его и не превышает 55 см в длину, из которых на хвост приходится почти 20 см. Это симпатичное животное имеет темно-бурый мех с нежным золотистым крапом, так что выглядит как бы обсыпанным золотой пылью. На спине окраска темнеет, на голове переходит в рыжеватый цвет.

К замечательным видам этой группы принадлежит **полосатый мангуст** (*Mungos mungo*)**. Он представляет собой самое маленькое животное из всего семейства, но внешним своим видом, образом жизни и характером вполне напоминает своих ро-

* *Яванский мангуст распространен почти во всех тех же местах, где и большой индийский. Кроме того, он завезен на острова Карибского моря, Фиджи, Гавайи и на северо-восток Южной Америки. Он заметно мельче: длина тела 42—54 см, длина хвоста 22—25 см, но в целом внешне очень похож на большого индийского мангуста. Некоторые исследователи яванских мангустов с Индостана и из Аравии считают за особый вид — малый индийский мангуст (*H. auro-punctatus*).*

** *Этот вид отличается полосчатым рисунком на спине и боках. Это отнюдь не самый мелкий мангуст: длина его тела 30—45 см, длина хвоста до 29 см, вес 1—2 кг; карликовые мангусты почти вдвое мельче. Распространен в саваннах и сухих лесах Южной, Центральной и Восточной Африки.*

Семейство виверровые

а в Западной Африке его сменяет близкий вид — гамбийский мангуст (M. gambianus).

** Под сусликом имеется в виду какая-то из африканских земляных белок; настоящих сусликов в Африке нет. Полосатый мангуст питается преимущественно тем, что находит в лесной подстилке: личинками, жуками, многоножками, улитками, при случае ест птичьи яйца или маленьких ящериц. Поэтому не удивительно, что даманы и прочие животные крупнее мыши спокойно относятся к соседству полосатых мангустов.*

*** Франколин (вероятно, он упоминается под именем куропатки) — слишком большая добыча для зверька, живущего не охотой, а скорее, собирательством.*

дичей. Длина его туловища достигает 40 см, а хвоста — 20 см, но я с точностью могу сказать, что видел животных большего размера, хотя и не измерял их длину. Основной цвет густого меха полосатого мангуста кажется бледно-серым, потому что отдельные волосы состоят из белых, черных и чалых колец. мех полосатого мангуста состоит из правильно расположенных темных и светлых поперечных полос. Морда и нижняя часть туловища ржавого цвета, конец хвоста черный.

Полосатый мангуст, как кажется, водится в довольно большом количестве во всей восточной Африке, от мыса Доброй Надежды до Абиссинии, и по всему матерiku до западной Африки. Гейглин много раз наблюдал полосатого мангуста в сообществе с даманом. С сусликом он также, по-видимому, в хороших отношениях, может быть, потому, что боится этого зубастого и сердитого зверька*. По всей вероятности, полосатый мангуст деятелен не ночью, а исключительно днем. Как змея, извивается он между камнями и неслышно скользит по земле. Сверкающие глаза красивого пролазы заставляют предполагать, что он так же кровожаден, как и его родичи. Его пища состоит из всевозможных мелких млекопитающих, из птиц, пресмыкающихся и насекомых, которых он может добыть, из яиц и плодов.

Гейглин высказывает предположение, что полосатый мангуст пускает в ход все свое хитроумие, чтобы заманить свою любимую дичь — степных куропаток, так часто встречающихся на его родине. «Наш разбойник, — говорит он, — больше предпочитает птиц, нежели млекопитающих. Мне представлялся случай наблюдать, как два полосатых мангуста собирались схватить семейство степных куропаток, которое поселилось в низких кустарниках. Однажды мое внимание было привлечено возбужденным призывным криком этих птиц; захватив собак, я с возможной осторожностью подкрался к ним. Едва успел сделать шагов десять, как услышал рядом с собой призывный возглас самки, на него тотчас же откликнулся самец, а через минуту, словно эхо, раздался из дальнего куста совершенно такой же отклик, который исходил от мангуста, притаившегося в чаще. Другой мангуст засел в высокой траве, несколько поодаль, и вторил первому, удачно подражая голосу куропаток. Эта комедия продолжалась несколько минут, пока наконец самец, взбешенный посягательством на его гарем, не подошел слишком близко к моим собакам. Это спугнуло его, и он с криком вылетел из кустов, приглашая с собой всю стаю, а опростоволосившимся пролазам ничего больше не оставалось, как тоже убраться не солоно хлебавши»**.

Рассказ Гейглина не подлежит никакому сомнению. Я сам слышал, как прирученный полосатый мангуст издавал по временам звуки, очень похожие на крик упомянутых степных куропаток. Что касается самой цели этого крика, в которой уважаемый

наблюдатель видел предвзятое намерение обмануть простоватых птиц, то это остается еще не разъясненным вопросом.

Ноак дает интересное описание образа жизни полосатого мангуста по наблюдениям, сделанным Р. Бемом в восточной Африке. «Этот симпатичный зверек особенно часто встречается в Угалле и вообще вблизи рек, где он избирает для своего местожительства оставленные муравьиные постройки. Полосатые мангу-сты в высшей степени общительны и держатся вместе многочис-ленным обществом. Они выходят из своих нор на совместные прогулки, причем иногда их можно встретить проходящими че-рез степи. Как осторожные создания, они все время держатся на-стороже и высылают от своего общества разведчиков, которые забегают вперед, чтобы осмотреть, все ли кругом благополучно.

Если замечается что-нибудь подозри-тельное, то все обще-ство, как по коман-де, улепetyвает в укрomные места. Ро-ясь в земле и отыс-кивая себе плоды и насекомых, мангу-сты производят гром-кий шум, похожий на царапанье цеса-рок. Они всеядные животные, и в их неправильной фор-мы, продолговатых комках кала всегда попадают зерна. В плену, как правило,

очень быстро приучаясь, они ничем не пренебрегают. Яйца и улиток они разбивают презабавным образом, схватывая их передними лапами и бросая о какой-нибудь твердый предмет. Сол-нечные лучи доставляют им наслаждение; согреваясь под ними, они блаженно потягиваются. Голос полосатых мангустов в выс-шей степени своеобразен: они щебечут, издают трели и свистят, как птицы, или же выпускают тихие протяжные звуки, а иногда громкий лай. В гневе и возбуждении они злобно тьявкают и ры-чат. Хотя во время тревоги стараются глубоко зарыться в свои норы, тем не менее мангустов отнюдь нельзя назвать трусливы-ми, а, напротив того, скорее даже смелыми и неустрашимыми. Людей они имеют обыкновение рассматривать с некоторым лю-бопытством, садясь на задние ноги; когда они находятся в своих норах, то к ним можно подойти совсем близко и они не убегают, а только гневно огрызаются на любопытного. Иногда в малень-

Полосатый мангуст
(*Mungos mungo*)

кой рощице можно встретить множество мангутовых нор, одна почти подле другой, жильцы которых живут друг с другом в полном согласии. Приближение человека всю колонию приводит в сильное смущение, и все входы в норы заполняются визжащими животными. Походка и движения полосатого мангуста очень грациозны, и животное всегда содержит себя в чистоте. Мясо его считается съедобным». Относительно голоса его Ноак прибавляет, что некоторые его звуки очень напоминают крик зуйка.

В западной Африке полосатого мангуста держат как домашнее животное на факториях, миссиях и иногда на почтовых пароходах. Он пользуется полной свободой и, раз пойманный, не стремится более убежать. Его веселый нрав делает его всеобщим любимцем; но сам он, подобно домашним кошкам, привязывается

Мангуст-крабод,
или урва
(*Herpestes urva*)

больше к дому, чем к людям, хотя нередко выказывает отдельным личностям большую преданность, всюду следует за ними, влезает им на колени, позволяет себя ласкать и гладить, причем выражает свое удовольствие разнообразным мурлыканьем. Когда ему дают яйца, он умеет сам разбивать их, действуя передними лапами, но чаще подбрасывая их задними ногами так, чтобы они ударились о какой-нибудь твердый предмет. Полосатый мангуст так же легко приручается, как и другие виды.

Я хочу упомянуть о мангусте-крабод, или урве (*Herpestes urva*). По внешнему виду и по строению зубов урва существенно не отличается от остальных мангутов. Морда ее вытянута и заострена, туловище узкое и сильное. Пальцы на ногах соединены большими перепонками, причем внутренние пальцы на передних и на задних ногах сидят выше остальных. Подхвостные железы необыкновенно развиты. По общей окраске урва схожа с остальными мангустами; на верхней части тела мех смешанный темно-серый и буровато-серый; нижняя часть и ноги однообразного темно-бурого цвета; лапы часто бывают черные. По верхней части туловища пробегают иногда темные полоски, от глаза к плечу

идет белая резко очерченная перевязь; такие же поперечные полосы проходят и по хвосту, который у корня опушен густыми волосами. По величине урва немного превосходит другие виды своего семейства: взрослый самец имеет в длину 80—90 см, из которых около 30 см приходится на хвост.

Ходжсон открыл урву в болотистых долинах Непала. Область ее распространения ограничивается незначительными возвышенностями юго-восточной части Гималайского хребта, Ассамом, Араканом, Тенассеримом, Бирмой и югом Китая. По мнению Ходжсона, это животное может отчасти считаться водным, потому что оно питается преимущественно лягушками и крабами.

Из двух величиной с вишню подхвостных желез урва выделяет вонючую жидкость, которую может прыскать назад. Подобно своим родичам гнездится в земляных норах.

Длинноносый кузиманзе (*Crossarchus obscurus*)* представляет мангустоподобное животное и живет в западной Африке, в особенности в Верхней Гвинее. По форме морды и по подхвостному мешку это животное походит на суриката, а по числу пальцев — на настоящего мангуста. Туловище у него плотное, круглая голова оканчивается острой мордой, хвост средней длины; ноги

довольно высокие, на всех лапах имеется по пять пальцев; в верхней челюсти находится 2, в нижней 3 ложнокоренных зуба. Дальнейшими признаками этого животного служат маленькие круглые уши, глаза с круглым зрачком, снабженные третьим неполным веком, длинный язык и закрывающийся подхвостный мешок.

Длина кузиманзе равна приблизительно 55 см, из них около 20 см приходится на долю хвоста. Грубый мех однообразного бурого, на голове более светлого, спереди желтоватого цвета; шерсть его покрыта светлыми и темными кольцами.

Путешественники умалчивают о жизни этого животного на воле. В Либерии, по Бюттикоферу, оно попадает довольно часто и носит название «ду». Отыскивая жуков, личинок и червей, ку-

* Кузиманзе — род мангустов, включающий четыре вида, населяющих Западную и отчасти Центральную Африку.

Длинноносый
кузиманзе
(*Crossarchus obscurus*)

зиманзе пробуравливает в земле круглые отверстия, которые очень часто можно найти на лесных дорогах. В плену он испускает странные звуки, похожие на ворчанье, подобно тому как это делает европейский полчок.

Своей походкой и торопливыми движениями он живо напоминает европейского ежа. Этих зверьков часто держат ручными в домах; я не знаю ни одного дикого животного, которое бы делалось до такой степени ручным и привязанным к человеку, как это. Они очень веселы и чистоплотны. Даже сделавшись домашними животными, они не могут отвыкнуть от врожденной наклонности буравить своей мордочкой отверстия и буравят ею в щелях полов и между пальцами ног у босых людей. Они очень любят тепло и особенно охотно ложатся на ноги человеку, если он сядет где-нибудь или остановится. Они, по-видимому, больше днев-

ные, чем ночные, животные. С недавних пор кузиманзе иногда привозят в Европу живыми.

К мангустам относятся несколько животных, главное отличие которых заключается в форме ног, так как на передних лапах у них пять пальцев, на задних — четыре, и подошвы ног отчасти покрыты волосами.

Желтый мангуст (*Cynictis penicillata*) — жи-

Желтый мангуст
(*Cynictis penicillata*)

вотное, редко встречающееся в наших музеях, достигает 70 см в длину, из которых около 30 см приходится на долю хвоста. Шерсть его гладкая, хвост пушистый. Довольно равномерный рыжеватый или желто-бурый цвет принимает на голове и на ногах более темный, а на брюхе более светлый оттенок; рыжие волосы на хвосте перемешаны с серебристо-серыми; кончик хвоста белый. Над глазами и на губах торчат длинные черные щетины.

Он водится в песчаных местностях южной Африки, к северу от мыса Доброй Надежды, живет в земляных норах, питается мышами, птицами и насекомыми; нрав его дикий и драчливый, он хитер и ловок; за ним охотятся мало или вовсе не охотятся, и потому не нашлось еще наблюдателя, который сообщил бы нам подробные сведения о его нравах и образе жизни.

Африканская цивета (*Civettictis civetta*) ростом равняется приблизительно собаке средней величины, но больше похожа на кошку и по общему впечатлению стоит между куницей и кошкой. У нее выпуклая, широкая голова с несколько заостренной мордой, короткими, острыми ушами и косо прорезанными глазами с круглым зрачком. Тело вытянуто в длину и принадлежит к числу самых толстых во всем семействе; хвост средней длины или равен по длине приблизительно половине тела; ноги средней длины, и нижние стороны лап совершенно покрыты волосами. Не особенно длинный мех густой, грубый и довольно редкий; грива тянется вдоль по средней линии шеи и спины и заметна еще даже на хвосте; животное может ее приподнимать. На красивом пепельно-сером, иногда несколько желтоватом фоне выступают многочисленные круглые и угловатые черно-бурые пятна разной величины и расположенные у разных особей по-разному. Хвост, который еще у корня довольно густо усажен волосами, имеет около 6—7 черных колец и оканчивается черно-бурым кончиком. Тело животного имеет в длину около 70 см, хвост — 35 см, высота в холке — 30 см.

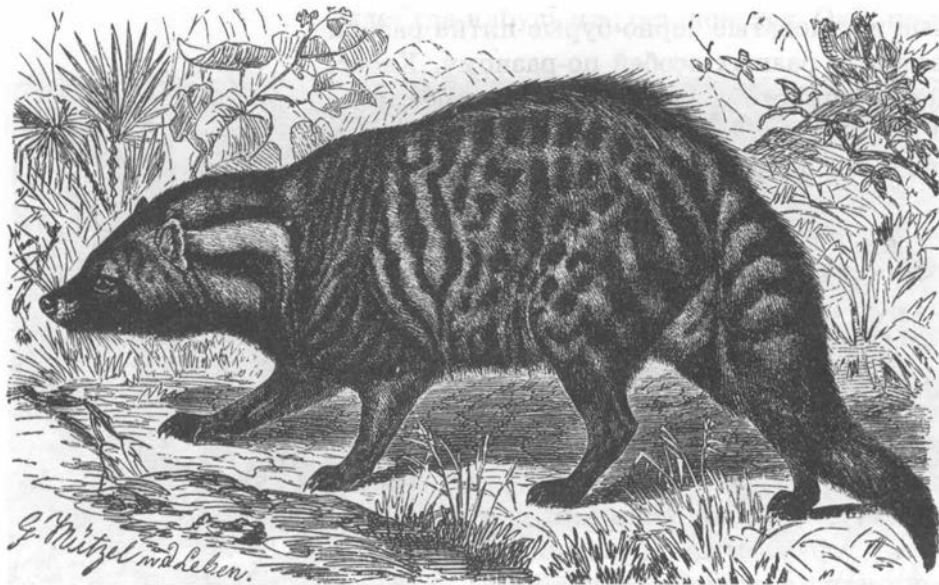
Родина циветы — Африка, и главным образом западная часть ее, а именно Верхняя и Нижняя Гвинея. Она встречается и в восточной Африке, но лишь отдельными экземплярами; по крайней мере она хорошо известна суданцам. В нынешней Германской восточной Африке она, судя по зоологическим заметкам Р. Бема, обработанным Ноаком, по-видимому, обыкновенна, но ее редко приходится видеть. Бем получил в середине января детеныша, родившегося за несколько дней до того, а в июне — детенышей, еще кормившихся молоком. В Гвинее цивета живет, говорят, на бесплодных плоскогорьях и горах, скудно поросших деревьями и кустами. Подобно большинству видов своего семейства, она скорее ночное, чем дневное, животное. Днем она спит, вечером выходит за добычей и отыскивает мелких млекопитающих и птиц, которых может одолеть, крадучись или застав их врасплох. Говорят, что яйца птиц составляют ее любимую пищу и в отыскивании гнезд она обнаруживает большое искусство и ради этой любимой пищи взбирается даже на деревья. В случае нужды она поедает и земноводных и даже плоды и корни. Это подтверждают и наблюдения экспедиции Гюссфельдта в Лоанго, из которых видно, что эти животные в области Конго очень обыкновенны, но их редко случается видеть.

В неволе их держат в особых хлевах или клетках и кормят мясом, и особенно птицами. Если они пойманы молодыми, то не только гораздо лучше переносят потерю свободы, чем пойманные старыми, но и становятся очень скоро ручными и доверчивыми. Пойманные старыми нелегко приручаются, навсегда остаются дикими и часто кусаются. Они очень раздражительны и, будучи рассержены, горбят спину, как кошки, поднимают дыбом гриву и

Семейство виверровые

* В некоторых частях Африки цвет содержат и сейчас в клетках. Один зверь продуцирует в неделю 3—4 грамма мускуса.

Африканская
цивета
(*Civettictis civetta*)

издают хриплый звук, несколько похожий на ворчание собаки. Сильный запах мускуса, издаваемый цветами в неволе, делает их едва выносимыми для слабонервных людей. В парижском Ботаническом саду одну цивету держали пять лет. Она всегда издавала запах мускуса. Если ее дразнили и она сердилась, то у нее выпадали из мешка маленькие кусочки пахучей массы — цибет, но обычно она опорожнивала мешок лишь через 14—20 дней. На свободе животное для опорожнения мешка трется о деревья и камни; в клетке оно прижимает его к жердям. Благодаря этому мешку человек и обратил внимание на цивету. Прежде цибет служил лекарственным средством; в настоящее время он входит как существенная составная часть во многие благовония*.

Альпинус видел в Каире цвет в железных клетках у многих евреев. Им давали исключительно мясо, чтобы они выделяли по возможности больше цибета и тем приносили хороший доход. В его присутствии выдавливали цибет; говорили, что одна драхма этого вещества стоит 4 дуката. Для той же цели животное это держали в домах также в Лиссабоне,

Неаполе, Риме, Мантуе, Венеции и Милане, а также в некоторых городах Германии и особенно в Голландии.

Для добывания цибета животное крепко привязывают веревкой к прутьям клетки, выворачивают пальцами мешок и выжимают содержимое желез через многочисленные выводные протоки, открывающиеся в сумку. Прилипающий к пальцам салообразный сок снимают ложкой и смачивают железистый мешок кокосовым молоком или молоком животных, чтобы успокоить боль, причиняемую животному при выдавливании. Как правило, цибет берут два раза в неделю и получают при этом весьма разные количества. В свежем состоянии он представляет белую пену, которая затем бурет и слегка теряет запах. Большая часть его поступает в продажу фальсифицированным, но и настоящий цибет должен подвергаться еще различной обработке, прежде чем станет годным к употреблению. Только что добытый цибет смешан с волосами, и запах его так силен, что, провозившись с ним

даже короткое время, чувствуешь дурноту. Чтобы очистить, его намазывают на листья бетеля, вытаскивают попавшие в него тонкие волосы, обмывают его водой, затем лимонным соком и, наконец, сушат на солнце. Затем его помещают в оловянные или жестяные коробки и в таком виде пересылают заказчикам. Лучшим сортом считается цибет азиатской виверры и именно с Буру, одного из Моллукских островов. Яванский цибет считается лучше бенгальского и африканского. Однако все это зависит, конечно, лишь от того, до какой степени вещество это очищено. В настоящее время торговля цибетом значительно упала, так как цибету все больше предпочитают мускус. Как правило, у самцов удается взять меньше цибета, чем у самок, но зато он лучшего качества. Чекки уверяет, даже ссылаясь на слова тех, кто разводил их в Каффе, что только самцы доставляют ценный цибет, между тем как самки выделяют «довольно дурно пахнущую массу», почему их даже и не ловят, а выпускают, если они случайно попадают в сети. «Им отрезают, однако, когти, чтобы в другой раз узнать их по следам».

По словам Чекки, который жил в Каффе лет десять назад, там ежегодно ловят до 200 виверр, отыскивая их убежища по следам, обставляя его сетями и выгоняя обитателей шумом. Их продают на рынке за пластинки соли и стеклянные бусы стоимостью около 40 копеек за животное. Наибольшее количество цибета животные доставляют в период своего полного развития. Их содержат в просторных чистых хижинах, в таких узких прямоугольных клетках, чтобы они не могли в них повернуться. К передней стороне клетки приделано корыто для корма, в задней стороне находится отверстие, через которое сторожа могут, не боясь укусов, вынимать массу посредством деревянной, смазанной маслом лопатки. Постороннему неохотно разрешают вход в это помещение, боясь, чтобы его взгляд не помешал отделению цибета. Владелец должен заботиться об обильной и подходящей пище для животных; обычно им дают сырое или полусырое мясо, приготовленное с маслом, и муку, сваренную в мясном бульоне. Помещение отапливается с помощью жаровень, чтобы облегчить этим отделение желаемого вещества. Чекки говорит, что сто вивер съедают в четыре дня 6—7 быков. Промысел тем не менее оплачивается очень хорошо, так как одно животное дает через четыре дня по 80—100 граммов цибета, цена которого колеблется приблизительно от 1,8 до 6,7 марки, а бык обходится крупным землевладельцам Каффы не более 1,6 — 2,4 марки. Цибет очень легко гниет и портится при высокой температуре, поэтому его заботливо сохраняют в сухих и прохладных местах. Его хранят обычно в бычьих рогах и продают, смотря по спросу, обусловливаемому временем года, за одну—три пластинки соли ценой в 0,6—1,8 марки за «вокит», или вес талера, то есть 27 граммов. Каффа так богата цибетом, что повышения цены не наступает даже тог-

Семейство виверровые

* Выделения околоанальных желез виверр имеют, в первую очередь, функцию маркировки территории. Зверь трется седалищем о подходящую палку или камень, оставляя запаховую метку, несущую информацию о том, что территория занята, и о ее хозяине. Собственно, так метят свои участки многие хищники. У мусанга и пакумы железы могут выполнять и защитную функцию: звери, подобно скунсу, брызгают мускусом во врага.

** Азиатская цивета (*Viverra zibetha*) распространена от Непала и восточной Индии до южного Китая и Малайи. Внешне сходна с африканской циветой, от которой отличается несколько более легким сложением и строением зубов. Длина тела 58—95 см, длина хвоста 30—48 см, вес до 11 кг. Как и ее африканский родич, азиатс-

да, когда в один день покупают до ста килограммов. Главная масса вывозится на берег моря и на Восток.

До настоящего времени тщетно старались объяснить себе пользу этого железистого отделения для животного. Что оно не пользуется цибетом таким же образом, как американская вонючка своим смрадным выделением, т. е. для устрашения врагов, это несомненно*. Возможно, оно служит приманкой для животных разного пола. Было бы важно узнать поточнее об образе жизни этого животного на свободе, но приходится признать, что все наблюдения и отчеты о путешествиях крайне бессодержательны в этом отношении, и можно справедливо удивляться, что и неученые так мало обратили внимания на столь замечательное и полезное животное. Сам я имел мало возможности наблюдать африканскую виверру.

Почти то же самое, что можно сказать об африканской цивете, относится и к азиатской цивете (*Viverra zibetha*)**, которую долгое время считали разновидностью африканского вида. Однако она не только отличается от циветы окраской и рисунком шерсти, но и имеет различные отклонения во внешнем виде. Ее голова острее, тело тоньше, уши длиннее, чем у циветы, и волосы нигде не образуют гривы. Основной цвет темный буровато-желтый, на котором выступает большое число густо расположенных темно-рыжих пятен различной формы. На спине эти пятна сливаются в широкую черную полосу, на боках они не очень резки. Ноги буровато-рыжие, хвост имеет черный кончик и различное число более или менее резко ограниченных колец. У взрослого животного длина тела равняется 80 см, длина хвоста — 56 см, при высоте в холке 38 см; вес его равен 8—12 кг.

Азиатская виверра была широко распространена малайцами, которые называют ее «тангалонг», по фон Розенбергу, правильнее «тинггалонг». Родина ее, по словам Блэнфорда, Бенгалия, Ассам, Бирма, южный Китай, Сиам и Малаккский полуостров. В Непале и Сиккиме она поднимается в Гималаях до значительной высоты, встречается, может быть, и в восточном Тибете, напротив, на юг и на запад она распространена немного далее Бенгалии, так как ее нет в средних провинциях Декана. Виверра, встречающаяся в западной части южной Индии, это, вероятно, другой вид (*Viverra civettina*) и, по словам Жердона, встречается и на Цейлоне. В Бенгалии цивета приносит в мае и июне 3—4 детенышей, которые, по словам Ходжсона, рождаются, вероятно, с открытыми глазами. Продолжительность беременности неизвестна.

Азиатская виверра живет вообще поодиночке, днем прячется в рощах, кустарнике и травянистых чащах, а ночью бродит, посещает нередко жилые места и крадет, особенно кур и уток. Вообще же она питается как плодами и различными корнями, так и насекомыми, лягушками, змеями, яйцами и всякими птицами и млекопитающими, которых может одолеть.

Семейство виверровые

Из всех виверровых генеты отличаются очень вытянутым телом, голой продольной полоской на нижней стороне ступни, пятными передними и задними ногами со втяжными когтями, длинным хвостом и средней величины ушами. В заднепроходной области находится неглубокий железистый мешок, который открывается наружу у края заднего прохода двумя отдельными выводными протоками. Многие очень сходные между собой виды населяют Азию и Африку, откуда один, по-видимому, перешел и в Европу.

Самый известный вид **обыкновенная генета** (*Genetta genetta*)*, единственная виверра, встречающаяся в Европе, где кроме нее, из представителей этого семейства водятся еще два вида мангуста. Тело ее достигает в длину 50 см, хвост — 40 см, высота плеч — 15—17 см. Тело, покоящееся на очень коротких ногах, чрезвычайно стройно, голова мала, сзади широка и отличается длинной мордой и короткими, широкими, с тупыми кончиками ушами. Глаза с таким же зрачком, как у кошек, днем сужаются и принимают вид щели. Заднепроходная железа мала и выделяет лишь незначительное количество жирной жидкости, пахнущей мускусом. Основной цвет короткого, густого и гладкого меха светло-серый, переходящий в желтоватый; по бокам тела расположены четыре-пять продольных рядов пятен различной формы и черного цвета, редко смешанного с рыжевато-желтым, а на верхней стороне шеи — четыре непрерывные продольные полосы, направление которых сильно изменяется. Горло и нижняя часть шеи светло-серые; темно-бурая морда имеет светлую полосу над спинкой носа, пятно около глаза и маленькое пятно над глазом; конец верхней челюсти белого цвета. Хвост имеет семь или восемь белых колец и черный кончик.

Настоящей родиной этого крайне изящного, но при этом очень хищного и кровожадного, злого и смелого зверька следует считать горы Атласа и северной Африки. Однако он встречается также в Европе, главным образом в Испании и южной Франции. Уже в Испании генета встречается в удобных местах постоянно, хотя ее крайне редко удастся увидеть. Она живет как на безлесных и лишенных деревьев горах, так и на лесистых, однако спускается и на равнины. Влажные места рядом с источниками, местности, богатые кустарником, каменистые обрывы составляют ее любимое местопребывание. Здесь одинокий охотник иногда вспугивает зверька и днем, но, как правило, благодаря сходству цвета ее меха с обломками скал и даже с голой землей она так быстро исчезает, что охотник не успевает выстрелить. Она извивается с ловкостью змеи между камнями, растениями, травой и кустами и в мгновение ока совершенно скрывается за ними.

Гораздо чаще можно встретить ее ночью, посещая ее любимые места. Лишь довольно поздно после заката солнца и, во всяком случае, после того, как сумерки вполне наступили, она появ-

кая цивета населяет и леса, и открытые пространства, если на них достаточно густой травяной или кустарниковый покров; ведет преимущественно наземный образ жизни.

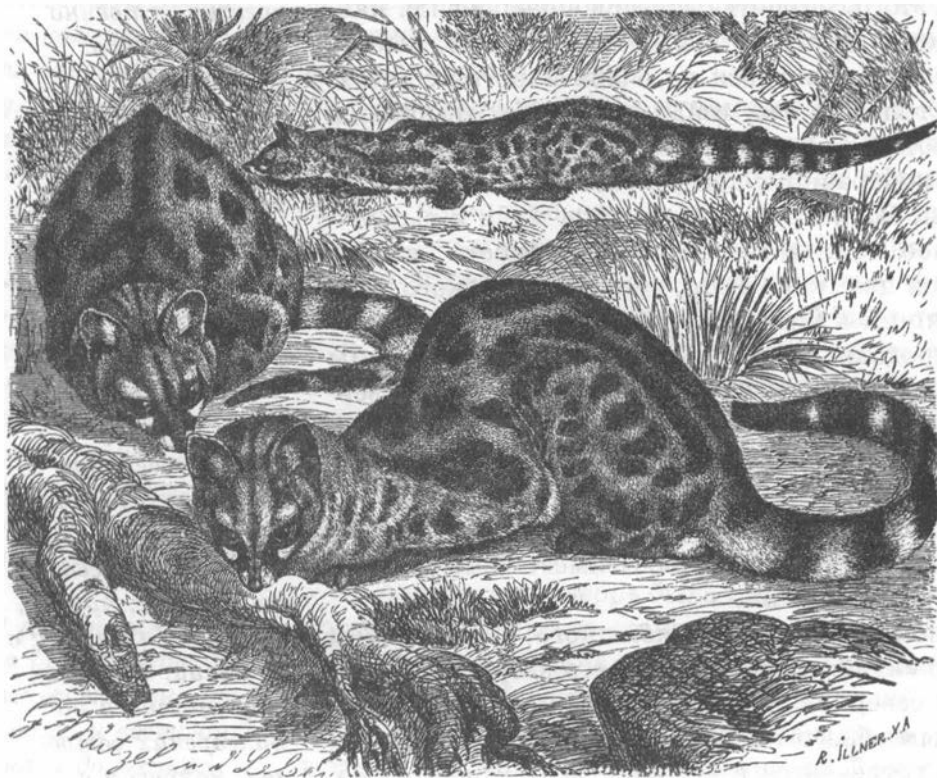
** Обыкновенная генета распространена в Африке к югу от Сахары, в северной Африке, Аравии, а так же в Европе: в Испании, Франции, Португалии и на Балеарских островах. Размером с кошку: длина тела 40—55 см, хвост примерно такой же длины, вес около 2 кг. Самцы немного крупнее самок. Предпочитает открытые сухие местообитания, саванны и даже полупустыни, но с густым растительным покровом.*

Семейство виверровые

* По современным сведениям, генета приносит детенышей дважды в год, в середине—конце весны и в конце

ляется и неслышно скользит от камня к камню, от куста к кусту, старательно нюхая и прислушиваясь по всем направлениям, всегда готовая при малейшем признаке присутствия мелкого животного напасть на него и задушить. Мелкие грызуны, птицы и их яйца, а также насекомые составляют ее пищу, которую она умеет доставать из самых скрытых мест. Для плохо огороженных курятников и голубятен она так же опасна, как куница и хорек, но такие разбои с избытком компенсирует ревностной охотой за крысами и мышами, которые составляют главную часть ее пищи. Движения ее красивы и изящны, быстры и ловки. Я не

знаю никакого другого млекопитающего, которое, подобно ей, умело бы двигаться с гибкостью змеи и с быстротой куницы. Ее удивительная подвижность вызывает восхищение. Кажется, будто у нее тысяча сочленений. При нападениях она неслышно скользит по земле, вытянув так свое узкое тело, что оно вместе с хвостом составляет одну прямую линию, и, расставив ноги насколько возможно, вдруг сильным прыжком бросается на добычу, хватая ее с неиз-

Пятнистая генета
(*Genetta tigrina*)

менной верностью, душит, издавая довольное ворчание, и принимается за еду. Во время еды она поднимает шерсть дыбом, как будто ей постоянно приходится бояться потерять добычу. Она умеет также превосходно лазать и не теряется даже в воде.

О размножении ее на свободе не известно ничего*.

В Марокко генету содержат в домах для тех же целей, что и нашу домашнюю кошку, — она истребляет крыс и мышей. Уверяют, что она с большим усердием и умением занимается этим делом и способна в короткое время очистить целый дом от крыс и мышей. Ее чистоплотность делает ее приятным сожителем, но запах мускуса, который она в короткое время передает всему дому, похоже, слишком силен для европейцев. Однако могут встречаться

лета. Беременность 56—77 дней. Рождается от 1 до 4, обычно 2—3 детеныша.

и исключения. О Чинчочо, прежней станции экспедиции Гюсфельдта в Лоанго, Пехуель-Леше рассказывает следующее: «Мы не раз держали виверр и генет. Первые очень непривлекательные животные, которым никогда нельзя вполне доверять и запах которых скоро становится крайне невыносимым; последние же делаются чрезвычайно ручными, знают свое имя и бегают даже среди бела дня, как собака, за своим хозяином и доставляют необыкновенно много удовольствий. Движения этого несоразмерно вытянутого в длину и длиннохвостого, но очень коротконового животного с узкой головой, гладким серо-желтым мехом, украшенным матово-черными пятнами, так изящны и ловки, так определены и сильны и в то же время гибки, что никогда не усташь смотреть на него, прыгает ли оно, делая волнообразные движения, или, невероятно вытянувшись, подкрадывается к чему-нибудь, как змея или ящерица. В нашем главном бараке поселилась одна полувзрослая генета и, по-видимому, в изобилии добывала себе для пропитания крыс, которые, к сожалению, в огромном количестве водились тут. Когда мы по вечерам сидели и болтали в общей комнате, она часто прибегала по нижней балке крыши, с любопытством смотрела на нас и затем смелым прыжком бросалась вниз на стол. Здесь она по своему обыкновению проворно скользила от одного к другому, издавая тихие звуки, позволяла короткое время гладить и дразнить себя и скоро исчезала так же, как и появлялась». Шкура генеты ценится за ее мех. После победы Карла Мартелла над сарацинами в 732 году при Туре было добыто много одежды с этим мехом; как рассказывает Пеннан, в это время был учрежден Орден Генетты, членом которого были первые из князей.

Древние, по-видимому, не знали этого животного; во всяком случае, очень сомнительно, подразумевал ли Оппиан именно его под названием «маленькая пятнистая пантера». Но Исидор Гиспальский и Альберт Великий упоминают о ней и рассказывают, что мех ее очень ценился уже в то время.

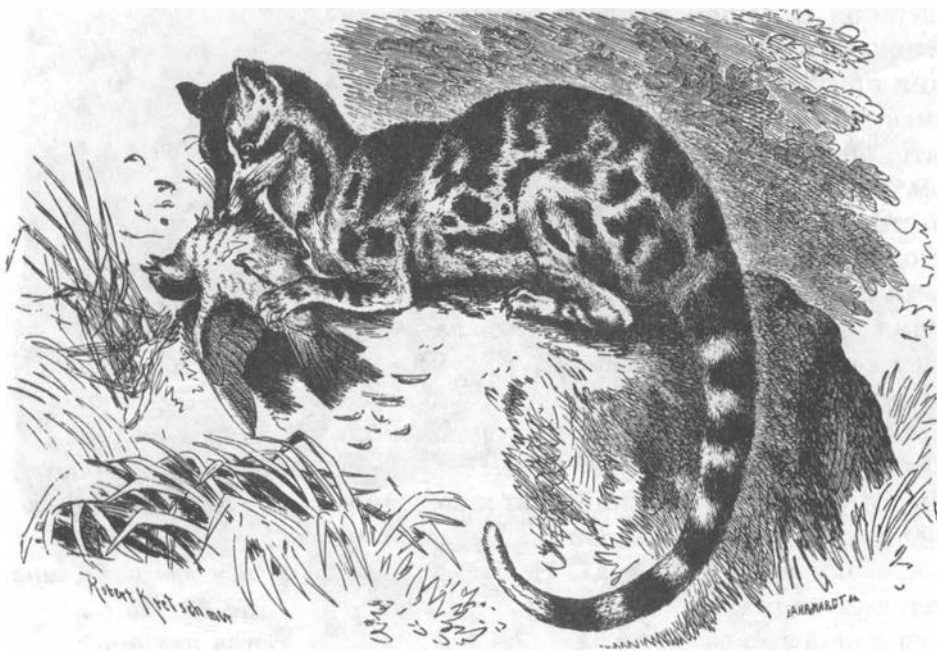
Из виверр Грэй выделяет **полосатого линзанга** (*Prionodon linsang*)* в качестве представителя особого рода, хотя это животное мало отклоняется от общего характера группы. Очень острая голова, необыкновенно вытянутое в длину тело на коротких ногах, хвост, почти равный по длине телу и лишенный гривы, гладко прилегающий мех — все это внешние признаки животного, зубная система которого состоит из 38 зубов, причем на верхней челюсти лишь один бугорчатый зуб, а все коренные зубы имеют очень острые бугорки. Длина тела равняется приблизительно 70 см, из которых 30—32 см приходится на хвост. Светло-серый или желтовато-белый цвет составляет основную окраску короткого и мягкого меха, на котором видны черно-бурые пятна и полосы; из них лишь одна полоса с каждой стороны, начинающаяся над глазом, проходящая по плечам и бокам тела и здесь разделяющаяся

* Полосатый линзанг — некрупная изящная виверра, распространенная в Таиланде, Малае и на Больших Зондских островах. Длина тела 35—45 см, хвост немного короче, вес 600—800 г. Линзанг населяет тропические леса, где ведет полудревесный образ жизни. Часто селится в дуплах или сооружает гнезда из веточек и листьев. Питается мелкими позвоночными и насекомыми. Биология до сих пор изучена плохо.

на пятна, и четыре поперечных полосы на спине до некоторой степени правильны; все же остальные пятна разбросаны в беспорядке. Ноги разрисованы темными пятнами, хвост имеет семь широких темных колец и светлый кончик.

Родиной линзанга Стерндаль называет Яву, Суматру, Малаккский полуостров и Сиам; напротив, Блэнфорд ограничивает пространство его Явой, Борнео и, может быть, Суматрой. Описывая покрытые отдельными кустами травянистые равнины и горные склоны Явы, Юнгхун говорит о местопребывании и образе жизни этого животного на свободе следующее: «Если не боишься тигров и пойдешь в начале ночи насладиться прохладным вечерним воздухом и побродить между кустами, то иногда случается слышать испуганный крик бедной курицы или утки и видеть,

как линзанг быстро бежит, держа добычу в кровавой пасти. Яванцы причисляют это изящное хищное животное к тиграм, повод к чему, без сомнения, дала пантерообразная шкура, беловатая с темными пятнами, и чрезвычайно тонкая вытянутая форма тела, шеи и хвоста. По-видимому, линзанг обыкновеннее в восточной части Явы, особенно у подножия гор, где разбросаны лишь отдельные маленькие

Полосатый линзанг
(*Prionodon linsang*)

деревушки, чем в западной части Явы. Он часто нападает на домашних птиц, но может быть опасен лишь курам и уткам».

Страннохвосты, или мусанги, полустопоходящие животные, задняя часть пятки голая и усеяна бородавками; хвост, от которого, по-видимому, и происходит их название, имеет у некоторых видов свойство закручиваться в кольца, но это свойство вовсе не поражает в такой степени, чтобы видеть в нем главный отличительный признак. Передние и задние ноги имеют по пять пальцев с более или менее выдвигаемыми когтями, которыми страннохвосты, подобно кошкам, пользуются при схватывании добычи и при обороне. Глазами своими, об устройстве которых говорилось выше, они тоже напоминают кошек. Железистый мешок заменяется у них голой продольной складкой у заднего прохода, причем

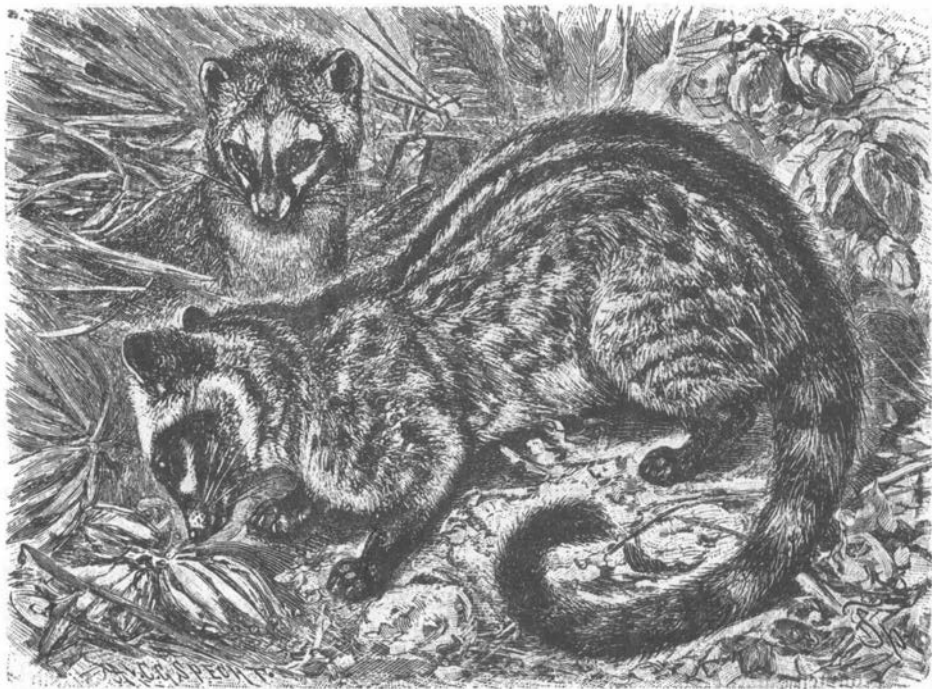
отдельные железы все-таки существуют. Зубная система состоит из 40 зубов.

Все виды страннохвостов живут в южной Азии и на прилегающих островах, преимущественно на Зондских. Как все ночные животные, они с заходом солнца выходят на грабеж, быстро шмыгают по лесам, отлично лазают, умеют ловко ловить птиц и гоняться за мелкими млекопитающими, которые служат им пищей. Впрочем, помимо этого они питаются растительной пищей, иногда даже предпочитают ее животной и вследствие этого совершают набеги на сады и плантации, не менее опустошительные, чем их грабительские нападения на птичьи дворы. Их ловят и часто доставляют живыми в Европу, где они, не требуя особого ухода, живут по нескольку лет и легко размножаются в клетках.

Из-за их сонливости они большей частью находятся на свободе, и даже днем их не держат на цепи. Вонючие выделения из желез делают их для многих крайне противными животными.

Среди страннохвостов **обыкновенный мусанг, пальмовая цивета** (*Paradoxurus hermaphroditus*)*, по строению тела и окраске меха напоминает генету. Величиной своей она приближается к домашней кошке: длина

туловища 45—55 см, хвост почти такой же длины; высота в холке 18 см. Туловище вытянуто, хотя довольно коренасто; ноги короткие и сильные; длинный хвост может закручиваться в разные стороны; уши средней величины; очень выпуклые глаза имеют карюю радужную оболочку и крайне подвижный зрачок, который может суживаться чуть не в волосок. мех состоит из густого подшерстка и тонких волос ости. Основная окраска его буро-серая, почти черная, но оттенки ее меняются в зависимости от освещения. большей частью спина не полосатая, но встречаются экземпляры, особенно из молодых, у которых вдоль позвоночника идут неясные темные полосы, образовавшиеся из слившихся между собой черных пятен. Голова, ноги и конец хвоста черные; под

Обыкновенный
мусанг
(*Paradoxurus
hermaphroditus*)

* Мусанг — одна из самых широко распространенных виверр в Азии. Мусанги всеядны, ведут полудревесный образ жизни.

набегах этих животных на кофейные плантации Явы и об их образе жизни на свободе. Когда созревают плоды кофейного дерева, краснея своей яркой оболочкой, и наступает время сбора и сушки спелых ягод, то по дороге от кофейных плантаций, изрезанной по всем направлениям тропинками, «можно часто видеть своеобразные белые кучи испражнений животного, состоящие из слепленных, но ничуть не поврежденных бобов кофейного дерева. Это кал мусангов, которых так ненавидят горные жители за их грабительские набеги на птичьи дворы; впрочем, мусанг не менее охотно питается и другими плодами, особенно от диких пальм; любимым же его местом пребывания во время созревания плодов служат кофейные плантации, где часто и ловят его яванцы.

Животное переваривает только мясистую сочную оболочку плода, а зерно выбрасывает вместе с калом, так что оно остается нисколько не поврежденным и так же хорошо идет в употребление, как и сорванное с дерева. Яванцы уверяют, что это наилучшие семена кофейного куста, вероятно, потому, что животное ест только самые хорошие, зрелые плоды*. Кроме того, мусанг питается еще птицами и насекомыми, ловит много диких куриных птиц, высасывает яйца в гнездах и особенно падок до этого лакомства. Если поздно вечером пойти прогуляться по кофейной плантации, где понемногу наступает невозмутимая тишина, то можно иногда видеть, как мусанг прыгает между деревьями. Он веселого нрава, особенно в период безмятежной юности, проворен в своих движениях и легко приручается. В неволе мусанг довольствуется по целым неделям одними бананами и так быстро привыкает к дому, что его можно пускать бегать и без привязи».

Еще один вид виверровых, живущий в Китае и на Формозе и выделенный Грэм, имеет большие, но короткие треугольные плотоядные зубы и некоторые несущественные особенности в строении черепа. Мы назовем его пагума, или гималайская цивета (*Paguma larvata*)**. По величине пагума не отличается от своих родичей. Окраска его густого роскошного меха на голове по большей части черная, но на щеках, нижней челюсти, на горле и на шее серая, а на верхней части туловища желтовато-серая. От голого кончика носа идет по лбу и затылку белая полоса, другая такая же расположена под глазами, а третья — над ними. Уши, кончик хвоста и ноги черные. В корне темно-серые, а сверху почти черные волосы меха имеют посередине темное кольцо и белый кончик. Впрочем, пагуму, как и других страннохвостов, нередко можно встретить самой разнообразной окраски.

По существующим до сих пор исследованиям, родиной пагумы нужно признать Китай и остров Формозу. Однако и там он водится в не особенно большом количестве, так как китайцы, называющие его «иу-мин-мао», что значит «кошка, имеющая лицо из драгоценного камня», очень редко могут предложить его есте-

** Очень многие животные, питающиеся плодами, не повреждают семян и даже увеличивают их всхожесть и при этом уносят от родительского растения, обеспечивая расселение того или иного дерева. Некоторые деревья тропического леса уже не могут существовать и расселяться без таких добровольных «помощников» со стороны животных.*

*** Гималайская цивета отличается от мусанга немного большими размерами (длина тела до 76 см, масса до 5 кг) и отсутствием пятен в окраске, а также зубами, более, чем у мусанга приспособленными для поедания мяса. Она распространена вовсе не только в Китае и на Тайване, но населяет леса от Западных Гималаев до Малайи, острова Хайнань и Больших Зондских островов. Человеком заселена в Японию, на остров Хонсю.*

ствоиспытателям не только в живом виде, но и убитым. Свинкое называет пагуму животным, любящим деревья, и замечает, что он отлично лазает. «Я держал, — говорит он, — одну из этих виверр на цепи под верандой в продолжение нескольких месяцев. Она предпочитала жареное мясо сырому, не особенно любила яйца и мелких птиц. Чучело змеи, напротив, возбудило ее живейшее внимание: одним прыжком она вскочила на него, схватила и стала трясти. Когда я дал ей рака, она обнюхала его, вытерла себе морду, как это проделывают собаки, евшие падаль, однако не съела его. Пущенный на свободу пагума влезал на двери, стулья и столы, крепко держась передними ногами, а задними подталкиваясь вперед. Он бегал взад и вперед во всю длину своей цепи, вдруг поднимался на задние ноги и испускал крик, похожий на трель.

Гималайская
цивета
(*Poguma larvata*)

Прохожих собак он отгонял от себя, показывая им зубы. В течение дня спал, большую же часть ночи бодрствовал. Жара для него была очень неприятна и возбуждала сильную одышку».

Животное, напоминающее речную выдру, — это **выдровая цивета**, или **мампалон** (*Cynogale bennetti*). Туловище этого достопримечательного существа короткое и толстое, голова длинная, морда довольно заостренная, ноги и хвост очень короткие, подошвы голые, на лапах по пять пальцев, наполовину соединенных между собой перепонкой и вооруженных выгнутыми когтями. Особенно замечательны в этом животном большие усы, состоящие из длинных желтовато-белых щетин; снизу и сверху их растут более тонкие бурые волосы, а на щеках торчат еще два пучка длинных и крепких беловатых щетин. Устройством зубной системы, заключающей в себе 40 зубов, мампалон столь же близок к всеядным животным, сколь и к настоящим плотоядным. Окраска его меха желтовато-бурая, тонкие волосы ости в середине желтовато-белые или черные; на животе попадаются отдельные длинные волосы с белыми концами, горло и нижняя губа черно-бурые, ноги темнее, глаза карие,

подбородок и пятно над глазами желтовато-белые, нос черный. Сильно округленные уши покрыты снаружи маленькими, короткими, черными волосками. Длина туловища достигает 60—65 см, хвост — 15 см.

Это животное водится около рек и озер Малаккского полуострова, Суматры и Калимантана, но оно умеет — и притом довольно ловко — лазать по наклонным деревьям и по толстым сучьям; питается мампалон рыбой, птицами и плодами. Больше, кажется, ничего не известно об образе жизни этого вида виверр*.

В новейшее время в зоологических садах часто можно видеть еще одну виверру — **рассу**, или **малую цивету** (*Viverricula indica*). Она значительно меньше, но с более длинным хвостом, чем животные, описанные выше; длина ее тела равняется 60 см, длина хвоста несколько менее, вес 2—3 кг. Ее отличает очень узкая голова с относительно большими ушами. Жесткий мех серобурого цвета с черным и испещрен рядами темных пятен; хвост с многочисленными кольцами.

Расса живет от подножия Гималаев по всей Индии, кроме местностей, прилегающих к Инду, и западной части Радшпутана; на Цейлоне, в Ассаме, Бирме, южном Китае, на

Малаккском полуострове, Суматре, Яве и, вероятно, на других южноазиатских островах. Она водится на Сокоторе, хотя сюда, вероятно, завезена, на Коморских островах и на Мадагаскаре. Живет в норах или между скалами, в чащах, иногда около человеческих жилищ и даже в них; говорят, ловко лазает по деревьям и бродит нередко и днем. По Ходжсону, она по большей части выходит на поиски пищи поодиночке, питается кроме различных плодов и корней мелкими млекопитающими и птицами, а также яйцами, лягушками, змеями и насекомыми. При случае похищает и домашних птиц, почему ее особенно не любят в южном Китае. Судя по различным рассказам, яванскую рассу нельзя совсем приручить; об индийской рассказывают прямо противоположное, и Желдон говорит, что держал у себя несколько совершенно ручных животных этого вида.

Семейство виверровые

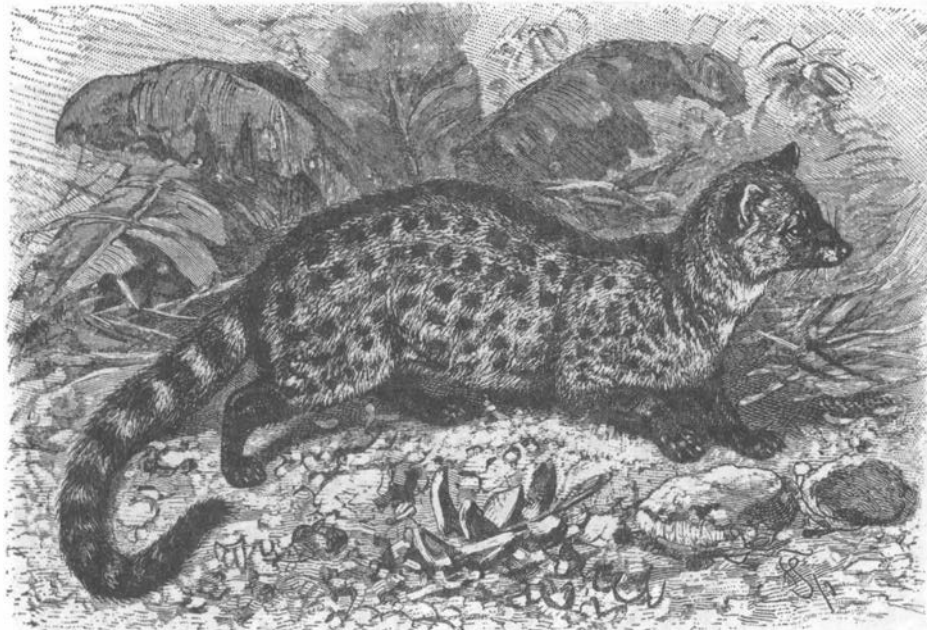
* *Выдровая цивета живет в болотистых местах и по берегам лесных рек, отлично плавает, в том числе под водой.*

Выдровая цивета
(*Cynogale bennetti*)

Семейство виверровые

* *Малая цивета* населяет леса и открытые пространства; живет в норах, которые обычно выкапывает сама. Всеядна.

Расса, или малая цивета
(*Viverricula indica*)

** Эволюционируя в изоляции на Мадагаскаре, фосса стала самым крупным хищником на этом острове, заняв в природном сообществе место кошек и сделавшись удивительно на них похожей.

Расса приносит четыре-пять детенышей. На родине она пользуется большим почетом благодаря цибету, употребление которого очень популярно развито среди малайцев*. Этим благовонным веществом в смеси с другими пахучими веществами не только душат платье, но и опрыскивают комнаты и постели; но этот запах невыносим для европейцев.

Рассу держат в клетках, кормят рисом и бананами или, для перемены, птицами и через определенное время собирают у нее цибет, как описано выше. До самого употребления цибет хранят в воде. Говорят, что после обильного кормления животного бананами он становится особенно благовонным.

Фосса (*Crypto-procta ferox*) с кошками сходна по общему строению, виду морды и по довольно сильно вытягивающимся когтям; с виверрами — вытянутой формой тела, низкими ногами, короткими яйцевидными ушами, длинными усами, заметно развитым железистым мешком около заднепроходного отверстия, голыми ступнями и другими признаками. Череп

длиннее и уже, чем у кошек, нижняя челюсть тоньше, промежуток между клыками и коренными зубами верхней челюсти и первый коренной зуб больше, чем у кошек, в нижней челюсти четыре коренных зуба, а не три.

Фосса достигает 1,5 м общей длины, из которых на хвост приходится 68 см, но очень низкая, так как ноги имеют лишь 15 см в высоту. мех, состоящий из коротких, но густых и несколько жестких волос, которые на голове и ногах кажутся как бы подстриженными, красновато-желтого цвета, темнее на спине, так как здесь отдельные волосы покрыты бурыми и бледно-желтыми кольцами; на ушах снаружи и внутри находятся более светлые волосы; усы частью черного, частью белого цвета; радужная оболочка зеленовато-желтого цвета и похожа на радужную оболочку домашней кошки.

Родина фоссы — остров Мадагаскар**. Ее знают здесь повсюду, боятся до смешного, утверждают, что она нападает даже

на человека, и рассказывают множество басен, в которых она играет значительную роль. О жизни ее на свободе мы не имеем еще достаточно сведений, так как до сих пор ни один европеец хорошенько ее не наблюдал, и даже Поллен передал главным образом рассказы туземцев. По словам мадагаскарцев, фосса, кроме времени спаривания, живет поодиночке в лесах, усердно посещает дворы, чтобы красть кур, и настолько же отличается силой, насколько и кровожадностью. Обыкновенно она живет на земле, но иногда взбирается, как говорят, на деревья и ревностно охотится здесь за полубезьянами, так как особенно любит мясо этих животных. Во время спаривания попадает, говорят, по четыре—восемь фосс вместе, которые в этом случае, по крайне сомнительным рассказам туземцев, без колебаний нападают на человека. Кроме того, говорят, что фосса гасит огонь, царапая землю лапами, что она, желая добыть кур, распространяет вокруг курятника ужасное зловоние, от которого куры погибают, и т. п. Во всяком случае, она представляет собой опасного врага домашних птиц, так как убитый Полленом самец, «хищник первого разряда», в короткое время утащил 1 индюка, 3 гусей и около 20 кур. По уверению огорченного хозяина упомянутых птиц, фосса не довольствуется такой добычей, а при случае нападает также на поросят и других домашних животных и умерщвляет их. Нечего удивляться, что мадагаскарцы жестоко ненавидят ее и по возможности истребляют и даже мучают перед смертью*.

Охота на нее не особенно трудна. Когда Поллен объявил нескольким мадагаскарским охотникам о своем желании убить фоссу, то они свели его до восхода луны в чащу, поблизости от незадолго до того ограбленного села, и приманили фоссу из ее убежища с помощью петуха, которого заставляли петать и хлопать, дергая за веревку, привязанную к его ноге. Через полчаса, в течение которого петух кричал во всю глотку, вдали послышалось ворчание, похожее на собачье, и вскоре после того стали видны две тени, скользившие по траве. Подойдя несколько ближе, хищники остановились и стали прислушиваться, так что Поллену пришлось со своей стороны подползти к ним, чтобы приблизиться на выстрел.

О смешном страхе мадагаскарцев перед фоссой наш соотечественник рассказывает забавную историю. Цудсе, туземец-охотник Поллена, встретил фоссу, которая при его появлении выразила фырканием свое удивление. Вместо того чтобы пойти на ненавистного врага, перепуганный охотник, дрожа всем телом, бросил ружье, влез на дерево и оставался на безопасных ветвях до тех пор, пока фосса не скрылась в ближайшем кусте. Туземцы едят мясо фоссы и очень ценят его за вкус.

Бинтуронг (*Arctictis binturong*), называемый англичанами «черной медвежьей кошкой»**, отличается тем, что из 40 зубов

** Фосса иногда нападает на домашних свиней и даже на телят зебу. На человека она может напасть, только будучи ранена. Фоссы стараются избегать контакта с человеком и приближаются к жилищам лишь в крайних случаях.*

*** Бинтуронг отличается от прочих виверр длинной косматой шерстью и обычно медленными неторопливыми движениями. Это крупная виверра, с длиной тела до 96 см, более коротким хвостом и весом до 14 кг. Распространен от Непала до Индокитая и Зондских островов. Ведет полудревесный образ жизни.*

на каждой стороне верхней и нижней челюсти находится по четыре ложнокоренных и по два настоящих коренных зуба, из которых четыре верхних ложнокоренных обычно выпадают. Длина его от 1,5 до 1,35 м, причем почти половину длины составляет очень длинный завивающийся хвост. Туловище у него плотное, голова толстая, морда удлинённая; ноги короткие и сильные, ступни с голой нижней частью и с пятью пальцами, снабженными довольно крепкими, немного втяжными когтями. Густой, довольно жесткий, волнистый мех покрывает тело. На коротких закругленных ушах волосы образуют кисточки, на туловище же, и особенно на хвосте, они также очень длинные, только конечности покрыты короткими волосами. Толстые белые усы окружают морду с обеих сторон лучистым венцом. Цвет шерсти матово-черный, на голове переходит в серый, а на конечностях — в буроватый; края ушей и брови имеют белый оттенок. Самки бывают, говорят, серыми, а детеныши — желтоватыми, потому что кончики черных волос имеют вышеназванные цвета.

*Бинтуронг
(Arctictis binturong)*

Бинтуронг живет на Калимантане, Яве, Суматре, Малакском полуострове, Тенассериме, Аракане, Ассаме и в Сиаме; встречается ли он в Гималайских горах, Непале и Бутане — еще достоверных сведений нет. О жизни его на свободе известно очень мало. Он ведет ночную жизнь, большей частью на деревьях, и движения его замедлены. По словам Блэнфорда, это животное всеядное, которое ест охотно как млекопитающих, птиц, рыб, червей и насекомых, так и плоды и другую растительную пищу. Его редко можно видеть, потому что он скрывается в густых лесах; его голос похож на громкий вой. Дикий и угрюмый по природе, бинтуронг, пойманный в детстве, скоро делается ручным и даже кротким и веселым. Бок также сообщает, что это животное всеядное и что на Борнео оно встречается реже, чем на Суматре. На этом после-

днем острове его приручают и кормят преимущественно рисом и бананами; во время еды он сидит на задних лапах, а пищу держит передними.

Бинтуронга открыл Фаркгар, но впервые его описал Раффлес. Позднейшие наблюдатели посылали в Европу чучела, а некоторые любители зверей и торговцы привозили в последнее время и живых зверей в Европу. Я видел трех живых бинтуронгов и за одним ухаживал, причем заметил, что он тихое, кроткое и приятное животное, конечно, если с детства за ним хорошо ухаживали. Хотя он ведет ночной образ жизни, но и днем часто бывает бодр и деятелен. Движения его кажутся медленными и осторожными, при лазании он пользуется хвостом, который не очень цепкий, но все-таки помогает; животное крепко им держится, обвив сучья и ветки, потом развертывает его, но не до конца, так что не оставляет точки опоры. Таким образом, петля все ближе и ближе опускается к концу хвоста. Наконец, когда хвост совсем соскальзывает с сучка, бинтуронг медленно лезет дальше и обертывает хвостом другой сучок. Голос его похож на мяуканье домашней кошки. Среди его внешних чувств первое место занимают обоняние и осязание; он долго обнюхивает каждый предмет и применяет усы как орган осязания. В его характере нет ни хищничества, ни кровожадности. Растительную пищу он предпочитает всякого рода животной и в клетке очень хорошо живет на простом растительном корме.

Суриката (*Suricata suricata*)* встречается в Африке от озера Чад до предгорий мыса Доброй Надежды. Голова с хоботообразным рылом, высокие ноги, четырехпалые лапы, хвост, равномерно по всей длине покрытый редкой шерстью, и, наконец, отсутствие первого ложнокоренного зуба — все это отличает сурику от сходных с нею мангустов. Ноги этого животного служат самой характерной его приметой: они вооружены длинными и крепкими когтями, которые, особенно на передних лапах, достигают такого развития, как ни у одного из членов этого семейства. С помощью этих когтей суриката легко выкапывает довольно глубокие ходы. У самки имеются два подхвостных железистых мешка.

Это маленькое животное на высоких ногах длиной 50—60 см, из коих почти половина приходится на хвост. мех довольно грубый, серовато-бурого цвета с желтоватым оттенком; на этом фоне в задней части спины выделяются от восьми до десяти темных полос. На ногах шерсть светлее, серебристого цвета; губы, подбородок и щеки беловатые, кончик морды, кольцо вокруг глаз, уши и кончик хвоста черные. Глаза с большим круглым зрачком и коричневой или серебристо-серой радужной оболочкой.

Во время ходьбы суриката опирается на землю почти всей ступней, но тем не менее держится на прямых ногах. Прислушиваясь к чему-нибудь, она приподнимается на задние лапы и стоит торчком; иногда бывает, что она делает в этом положении не-

* Суриката распространена преимущественно на юге Африки, где населяет открытые сухие местообитания. Этот некрупный, длиной 25—35 см (не считая хвоста, который на треть короче), зверек, по-видимому, наиболее социален среди всего семейства. Он живет в норах, или самим вырытых, сообществами по 10—15 зверьков. Каждое такое сообщество состоит из 2—3 семей, каждая семья, в свою очередь, — из взрослой пары и подрастающих молодых разного возраста.

сколько шагов вперед. Из внешних чувств больше всего, по-видимому, развито обоняние; слух у нее плохой, зрение неважное. Пищу свою она ищет чутьем и потому то и дело, бегая взад и вперед, обнюхивает все углы и закоулки. Найдя какой-нибудь предмет, возбуждающий ее внимание, она хватается передними лапами, обнюхивает, несколько раз поворачивает, снова обнюхивает, подносит ко рту и съедает. Молоко, которое она очень любит, пьет, лакая, как и все жидкости. Бегая взад и вперед, суриката то и дело испускает тихий крик, похожий на «уй-уй».

Суриката
(*Suricata suricata*)

бенно полезна тем, что уничтожает змей и других пресмыкающихся. О жизни их на воле, к несчастью, еще ничего не известно. В наши зоологические сады попадают лишь редкие экземпляры.

Приручить сурикату, по-видимому, можно легко. Она быстро свыкается с окружающими ее условиями и в короткое время научается отличать среди людей своих доброжелателей от тех, кто относится к ней враждебно. Говорят, что суриката, будучи хорошо приручена и приучена к дому, оказывает здесь большие услуги, истребляя мышей, крыс и других вредных животных; в Африке она осо-

СЕМЕЙСТВО ГИЕНОВЫЕ (*Hyenidae*)*

* Семейство гиеновые (*Hyenidae*) включает всего 4 вида, объединяемых в три рода. Все обладают характерным узнаваемым обликом. Гиены распространены в основном в Африке,

Не многие из животных имеют такую фантастическую историю, как гиены. Еще древние исследователи рассказывали о них самые невероятные вещи, вроде, например, того, что собаки теряли голос и разум, как только тень гиены падала на них; уверяли, что эти хищники обладают свойством изумительно подражать голосу человека, чтобы приманить к себе жертвы, напасть на них враспloh и убить; думали еще, что одно и то же животное соединяет в себе оба пола и по желанию может оказываться то самцом, то самкой.

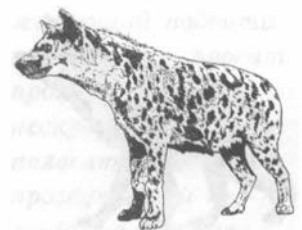
«Туловище гиены, — говорит Геснер, — имеет отвратительный вид: оно все покрыто синими пятнами; глаза такие же от-

вратительные, имеющие свойство беспрестанно менять свой цвет; затылок окостенелый, неподвижный, как у волка или льва; в голове же ее заключен драгоценный камень. Другие к этому описанию прибавляют еще то, что после смерти глаза ее превращаются в камни. Пищу себе эти хищники добывают, поглощая трупы других животных или людей, причем не удовлетворяются валяющейся падалью, а специально вырывают ее из могил. Гиены обладают великолепным зрением ночью, днем же ничего не видят. По желанию они умеют удачно подражать человеческому голосу и, как утверждает Аристотель, соединяют в одном существе два пола. Животное редко когда попадает в руки охотнику, так как знает одну уловку, которая парализует действия человека: преследуемая охотником, гиена быстрым движением делает поворот направо и старается попасть на его следы, оставленные на земле; если ей это удастся, то на охотника нападает глухота, общее расслабление и ему становится уже невозможно продолжать свои преследования. Кроме того, гиена обладает свойством гипнотизировать человека: стоит только ей провести несколько раз правой лапой над спящим человеком, как сон его делается уже беспробудным, и хищник может совершенно спокойно распоряжаться своей жертвой».

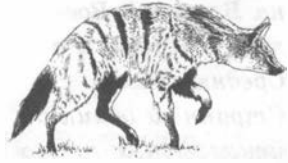
Интересно, что эти сказочные истории сохранились у всех народов, которым приходилось сводить знакомство с гиеной; но богаче всех фантастические представления об этих хищниках у арабов. Они, например, твердо верят, что если человек съест мозг гиены, то может сойти с ума; вследствие этого они стараются как можно глубже закапывать в землю голову убитой гиены, чтобы устранить для колдунов возможность завладеть мозгом хищника и при его помощи проделывать свои ужасные козни. Некоторые доходят в своей суеверии до того, что самих гиен считают оборотнями, которые днем разгуливают в образе человека, а на ночь превращаются в это безобразное хищное животное на погибель честным людям. Меня самого мой слуга-араб в убедительных сердечных словах предостерегал не стрелять в гиен, рассказывая ужасные вещи про силу и хитрость этих, как он искренне верил, злых духов.

«Это порченые люди, возвеличенные нечистой силой и проклятые Аллахом, — рассказывал мой слуга Али. — Они могут одним взглядом своих дьявольских глаз остановить кровообращение в жилах человека, прекратить биение сердца, иссушить внутренности и затмить разум. Один из наших правителей, Хуршид-паша (благослови его Бог за это!), приказал сжечь несколько деревень, в которых водились эти оборотни, но все-таки целая еще пропасть осталась их на белом свете, и во вред правоверным они страшно могущественны. Хотя Аллах и низвергает их в самую преисподнюю ада, тем не менее, пока они живы, правоверные лучше сделают, если сойдут с их дороги и будут молить Всевышнего,

но один вид заходит на Ближний Восток, в Индию и в Среднюю Азию. Станный облик и непривычные голоса гиен сделали их объектом огромного числа суеверий и легенд, которые к тому же были подхвачены древними и средневековыми авторами.

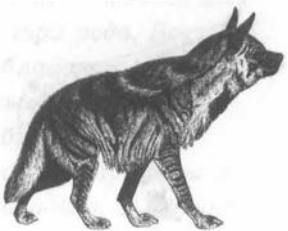

**Семейство
гиеновые**

чтобы Он сохранил их от лютой злобы этих проклятых. Несчастный Хуршид-паша тоже поплатился за свои преследования: он умер преждевременной смертью, преследуемый мстостью злых духов. Верь мне: я сам однажды был в большой опасности, и меня спас только Всемогущий, открыв мое сердце доброму совету. Мне как-то вздумалось поохотиться с братом на этих исчадий ада; случай представился отличный: их собралось целое полчище справлять тризну на труп верблюда. Но в то время, как я уже хотел стрелять, меня остановил голос сына одного мудрого шейха: «Прислушайтесь, правоверные, — говорил он, — к стону существ, которых вы принимаете за гиен. Похож ли он на обыкновенный голос животного? Конечно, нет! Не правда ли, он напоминает скорее вопль стонущего человека? Так верьте же мне, что те, кого вы принимаете за хищных зверей, не кто иные, как люди, великие грешники, осужденные за свои грехи на вечные стенания и жалобы. Слышите, как иногда эти голоса напоминают сатанинский хохот? Так знайте же, что тогда действительно в них смеется дьявол. Верьте, что эти злые духи породили на земле уже массу зла! Я знал одного молодого человека, который имел смелость убить гиену и за это на другой же день был превращен из мужчины в женщину. А с другим случилось еще хуже: как только он убил этого злого духа, кости его тотчас же высохли. Так оставьте их лучше, братья!» Мы вняли доброму совету, но я целую ночь слышал вой этих ведьм, словно они ругались. (Да сохранит нас Бог от этих прислужников сатаны!) В самом деле, это были не звери, а настоящие ведьмы, исчадия ада и слуги дьявола. От страха у меня дрожали поджилки, коснел язык, темнело в глазах; преисполненный ужаса, я поспешил уйти в свой стан. Верь мне, что ты причинишь себе много зла, если покусишься на жизнь этих чудовищ, принимаемых тобой за обыкновенных зверей. Хотя они и жители ада и дети сатаны, хотя им никогда не будет ведомо счастье и радости земных обитателей, хотя они, при обладании почти столь же обширным гаремом, как у султана, никогда не изведают блаженств семейной жизни, хотя в удел им достанется вечная тьма ада и они никогда не увидят рая — тем не менее эти чудовища должны быть неприкосновенны для всякого правоверного, и тебе, как справедливому человеку, говорю, господин: слушайся моего предостережения!»

Всякая сказка, всякое повествование облакаются в известные образы, выходящие из ряда обыденных представлений: в силу этого и животные, о которых рассказывают много чудовищного, должны обладать какими-нибудь исключительными особенностями во внешности. Это наглядным образом подтверждается на гиенах: они как будто и походят на собак, а между тем во всем отличаются от них; по внешнему своему виду они не только некрасивы, но даже отвратительны. Все гиены безобразны. Некоторые исследователи смотрят на них как на нечто среднее между

собакой и кошкой, но мы не можем с этим согласиться, так как гиены имеют совершенно своеобразный вид. Туловище у них вытянутое, шея толстая, голова большая, морда некрасивая, но мощная; передние ноги кривые и короче задних*, вследствие чего спина имеет покатуую форму; на всех конечностях по четыре пальца. Уши грубой формы и мало покрыты шерстью. Глаза поставлены косо, вечно бегают, страшно блестят и имеют отталкивающее выражение. Толстая неподвижная шея, короткий пушистый хвост, длинная, лохматая, жесткая шерсть, которая на спинном хребте превращается в щетину, наконец, сам цвет этой шерсти — темный, мрачный — все это, вместе взятое, производит неприятное впечатление. Притом все гиены принадлежат к ночным животным, обладают отвратительным голосом, которым издают или несносные дикие крики, или действительно какой-то адский хохот; они страшно прожорливы, жадны, распространяют скверный запах и ходят уродливой хромающей походкой — одним словом, в этом животном нет решительно ничего, что бы можно было назвать симпатичным**. Если проводить параллель между гиенами и другими животными, то можно найти еще некоторые особенности: так, например, устройство челюстей указывает на то, что гиены питаются исключительно мясной пищей; необыкновенное развитие зубов дает им возможность утилизировать несъедобные остатки пищи после других хищников и разгрызать самые крепкие кости. У собаки правильный ряд резцов образует сегмент круга; у гиены же зубы вытянуты в прямую линию и этим придают морде широкий, сплюснутый вид. Резцы у гиен замечательно развиты, клыки тупые, ложнокоренные зубы отличаются плоской коронкой, а коренные — чрезвычайной величиной. Всех зубов — 34. Череп поражает широкой тупой мордой, узкой мозговой коробкой и крепкими, выдающимися скулами и гребнями. Шейные позвонки до того толсты, что древние естествоиспытатели предполагали даже, что они представляют собой одно целое; ребра тоже очень широкие. Кроме того, гиены отличаются величиной своих жвачных мышц, громадными слюнными железами, языком, покрытым роговыми бородавками, широким пищеприемным каналом и особенными железками у заднего прохода.

Область распространения гиен очень обширна; по всей вероятности, они водятся повсюду в Африке, за исключением западной экваториальной ее части, и по всей южной Азии до Бенгальского залива; восточнее же залива и на Цейлоне их нет. Это животное не любит жить в лесных дебрях, а предпочитает открытые гористые местности, поросшие травой и мелким кустарником, или же гладкие степи, даже пустыни. Днем редко можно встретить гиен, разве только случайно, когда их спугнут; они выходят на промысел по ночам после заката солнца, собираясь сначала поодиночке или маленькими группами и оглашая воздух пронзи-

** Очевидная опечатка, так как характерным признаком гиен является бóльшая длина передних ног по сравнению с задними. Характерная для гиен мощность шеи и ширина головы объясняется сильным развитием той мускулатуры, которая необходима для разгрызания костей и разрывания связок. Челюсти гиен обладают огромной силой.*

*** Гиены не лишены некоторого обаяния, заметить которое мешает лишь предвзятое отношение. Голос пятнистой гиены звучит в африканской ночи негромко и вполне благозвучно, в нем слышны извиняющиеся нотки, как будто зверь, замечавший что-то интересное в экспедиционном лагере и желающий подойти посмотреть, просит прощения за свою нескромность. Голос полосатой гиены, прозвучавший неожиданно и вблизи,*

Семейство гиеновые

может испугать, но в нем нет приписываемого ему неблагоприятия.

** Гиены устраивают загонные охоты на крупных копытных. И очень часто добычу на этих охотах жертву у гиен отбирает «царь зверей», особенно если является со всем своим прайдом. Между львами и пятнистыми гиенами существуют самые выраженные враждебные отношения, которые только можно наблюдать между двумя видами животных. И если современники Брема склонялись в своих суждениях в пользу льва, то современные зоологи, лучше изучившие жизнь саванны, чаще принимают сторону гиен.*

тельным воем. Стоит только раздаться одному такому крику, как на него тотчас же откликаются другие гиены, и в самое короткое время их соберется целая стая. Голос полосатой гиены очень неблагоприятен, но уж не так отвратителен, как о нем говорят; хриплые звуки чередуются с высоким визгом, пронзительно-крикливые — с глухим ворчанием. Зато вой пятнистой гиены действительно представляет собой адский хохот, какой пылкая фантазия приписывает дьяволу и его подземным собратьям. Кому в первый раз приходится слышать эти звуки, тот не может воздержаться от невольного содрогания, а беспристрастный наблюдатель тотчас же поймет, что в этом-то ужасном хохоте и кроется главное основание для всяких фантастических сказаний об этих животных. Вероятно, ревом своим гиены созывают друг друга на поиски добычи, а как только она обретена, эта адская музыка, кажется, тотчас же смолкает. В продолжение всей ночи гиены рыщут без устали; если они не промышлят себе добычи на полях и в степях, то, пренебрегая страхом к собакам и сторожам, проникают в деревни, даже в города, и только одно утро в состоянии снова загнать их в логовища.

В этих ночных странствованиях гиены руководствуются не только обонянием, но равным образом слухом и зрением. Они идут не только на падаль, на трупы животных и людей, но и на живые жертвы, выбирая их из стада овец, коз или рогатой скотины; с этою целью они пробираются к самым изгородям, всегда очень высоким и плотным, куда загоняют скот на ночь для защиты против хищных зверей. Как только они почуют добычу, тотчас затихают и как можно осторожнее (подкрадываться они не умеют), поминутно озираясь по сторонам, подбегают мелкой рысью на самое близкое расстояние, не переставая прислушиваться, обнюхивать воздух, и готовые, по первому подозрительному звуку, снова удрать назад. Пятнистые гиены несколько смелее полосатых, но все-таки, если принимать во внимание их размеры, поразительно трусливы. Делая свои набегии при недостатке падали на живой скот, они ограничивают свой выбор теми животными, которые не могут оказать им сопротивление, поэтому большей частью нападают на слабосильных домашних животных. Но зато здесь они могут производить страшные опустошения. Из-за них Зелус потерял в южной Африке двух сильных ослов, от которых он нашел лишь одни черепа, а в другой раз за ночь гиены съели у него львицу, убитую им вечером. На здоровый, живой скот гиены посягают только тогда, когда не находят себе добычи среди падали или больных животных, оставших от стада.

Однако случается, что иногда они обращаются в настоящих гончих, преследуют по ночам антилоп, подминают под себя добычу, как это делают волки, душат ее и тут же пожирают*. Швейнфурт видел в стране Ньям-Ньям, как пятнистая гиена, которые, кстати сказать, там очень редки, затравила бубала (*Acronotus*

саата); но такие охоты, во всяком случае, могут считаться исключительными*. Самое приятное для них — падаль; вокруг нее собирается всегда гиен видимо-невидимо. Это настоящие коршуны среди млекопитающих: прожорливость их безгранична; при этом они теряют всякое самообладание, не признают уступчивости и из-за лишнего куска заводят настоящую войну; тогда поднимается такой вой, скрежет зубовой и хохот, что суеверные люди в самом деле могут подумать, что сюда сбежались на шабаш все черти ада**.

Несмотря на ту пользу, которую, казалось бы, могут приносить гиены уничтожением падали, они все-таки должны считаться безусловно вредными животными, потому что убыток, наносимый ими истреблением домашнего скота, во всяком случае, превышает эту относительную пользу, которую могут приносить другие, более приятные работники из класса птиц и насекомых. Особенно гиены любят следовать длинной вереницей за караваном, идущим по степи или пустыне, словно чуют, что там они почти всегда могут найти себе жертву. В крайнем случае они удовлетворяются какими-нибудь остатками животного, иногда даже сухой кожей, и зачастую их можно встретить на деревенских дворах, роющимися в навозных ямах.

Не раз поднимался спор о том, безусловно ли гиена опасна для человека. О полосатой гиене в этом отношении нельзя высказать вполне определенного мнения; что касается пятнистой, то случаи нападения этих гиен на людей описывались так часто и столь достоверными людьми, что сомнения в их опасности для человека быть не может. Большею частью они посягают на жизнь детей, выкрадывая их из деревень; на взрослого они решаются нападать лишь тогда, когда видят, что он незащищен, например, болен, истомлен или спит. Бывают, впрочем, случаи, когда они нападают и на вооруженных людей. В некоторых частях Африки на них смотрят как на бич страны, в особенности там, где они водятся массами. Европейские поселенцы, а за ними и туземные жители стали устраивать облавы на гиен и применять всякие меры для истребления этих вредных хищников; на них охотятся с ружьями или ставят капканы, западни и отравляют стрихнином. Если поймать очень юную гиену, то ее легко приручить, и иногда из нее можно воспитать доброе, привязанное к своему хозяину домашнее животное; они довольно скоро мирятся с невольей, отлично ее переносят, но под старость часто слепнут.

В настоящее время существует, насколько известно, четыре вида этого семейства: три собственно гиены, а четвертый — земляной волк, которого следует рассматривать как переходную ступень между гиенами и виверрами.

Пятнистая гиена (*Crocota crocuta*)*** отличается величиной, крепким телосложением и пятнистой окраской от полосатой гиены и одноцветной бурой гиены. Основной цвет ее шерсти

** Хотя гиены и признанные поедатели трупов, но в основном падалью они питаются, когда ее много.*

*** В стаях гиен царит жесткая иерархия отношений и почти военная дисциплина. Поэтому настоящих драк возле добычи обычно не бывает, хотя старшие по рангу звери могут окриком или укусом напоминать младшим их место. Брем противоречит сам себе, так как выше он уже писал, что возле добычи гиены молчаливы.*

**** Пятнистая гиена — самая крупная из гиен. Длина тела 130—165 см, длина хвос-*

Семейство гиеновые

та 25—33 см, высота в плечах до 90 см, вес 60—80 кг. Распространена по всей Африке к югу от Сахары (но заходит и на окраины пустыни); населяет преимущественно открытые местообитания, но может, придерживаясь расчисток и дорог, проникать и в горные леса. При наличии большого количества падали или отбросов (например, вблизи скотобоев) питается ими, обычно же поедает самостоятельно добытых животных (крупных копытных). Живет, как правило, кланами, члены которых связаны родством и подчинены жесткой иерархии отношений. Самки всегда доминируют над самцами.

серовато-белый, иногда переходящий в чалый; по бокам и на бедрах расположены довольно мелкие темно-бурые пятна. Голова имеет бурую окраску, щеки и темя рыжеватые, хвост с бурыми кольцами, а на конце черный; ноги светлые. Окраска эта не очень постоянна: встречаются экземпляры темнее, а другие — светлее. Длина тела около 1,3 м; высота в плечах около 80 см, однако наблюдения показывают, что часто встречаются экземпляры более крупные.

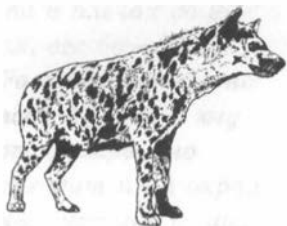
Пятнистая гиена живет в южной и восточной Африке, начиная от гор мыса Доброй Надежды до 17 градуса северной широты и почти совершенно вытесняет там, где она часто встречается, полосатую гиену. В Абиссинии и в восточном Судане она попадает вместе с полосатой гиеной, но к югу встречается уже в большем количестве и, наконец, в южной Африке окончательно вытесняет полосатую. В Абиссинии она очень обыкновенна и поднимается на горы до 4000 метров над уровнем моря. В западной Африке, на юге до реки Лоанге, она местами довольно обыкновенна, встречается еще около города Амбрица в Анголе и была замечена Пехуелем-Леше еще севернее, на гранитных холмах между Кинзембо и Музерра. Севернее этих местностей, особенно между Конго и Нигером, ее никто не видел. Бютнер на основании своих наблюдений полагает, что эти гиены в западных частях Конго не встречаются. Некоторые отдельные сообщения о том, что находили пятнистую гиену в Верхней Гвинее, кажется, происходят от смешения ее с полосатой. По образу жизни она не отличается от других гиен, но из-за своей величины и силы ее больше боятся, и все вышеприведенные сказания, где гиена описывается как оборотень и вредное чудовище, относятся больше всего к этому виду. Арабы называют ее «марафил». Многие путешественники единогласно утверждают, что эта гиена нападает на людей, особенно спящих и усталых. То же самое утверждают, по словам Рюппеля, абиссинцы. Он говорит об этих животных следующее: «Пятнистые гиены от природы очень трусливы, но делаются необыкновенно смелыми, когда их мучает голод. Тогда они даже днем входят в дома и уносят маленьких детей, если могут; на взрослых, однако, нападать не осмеливаются. Когда стада возвращаются вечером домой, то гиены часто бросаются быстрым прыжком на отставшую овцу, которую им удается почти всегда утащить, несмотря на преследование пастухов. Смелость эту можно отчасти объяснить тем, что здесь не держат при стадах собак. Туземцы поймали для нас несколько взрослых гиен, заманив их в глубокие ямы, которые были вырыты на тропинке, окруженной колючим кустарником; ямы эти, конечно, были прикрыты ветвями, а за ними обыкновенно привязывали молодых коз, которые приманивали гиен своим бляением. Однако следует очень быстро убивать гиен, потому что они ловко копают землю и таким образом спасаются из ям». В тех африканских странах, где мне случалось

побывать, пятнистая гиена всегда вела себя трусливо и убегала от человека.

В Капской колонии этот вид гиен известен под названием «тигровый волк». Лихтенштейн в начале нашего столетия пишет о нем следующее: «Эта гиена на мысе Доброй Надежды встречается чаще всех других хищных зверей; ее находят даже в ущельях Столовой горы, так что фермы около Капштадта страдают от ее нападений. Зимой она живет в горах, а летом — в высохших степных местах, где в высокой осоке хватается зайцев, виверр и тушканчиков, которые приближаются к воде, чтобы напиться или поискать себе пищи. Землевладельцы окрестностей Капштадта почти ежегодно устраивают охоты на гиен. Там встречается много низких мест, заросших тростником и осокой; погонщики окружают такое место и с подветренной стороны во многих местах зажигают траву. Как только огонь заставит гиену покинуть свое убежище, расставленные кругом собаки яростно на нее кидаются; зрелище этой борьбы и составляет главное удовольствие охоты. Однако около городов гиены приносят больше пользы, чем вреда: они пожирают па-
даль и уменьшают число вороватых павианов и вредных виверр. Очень редко приходится слышать, чтобы гиена в населенной местности унесла овцу, так как от природы она очень боязлива и не только не нападает на человека, но всегда бежит при его появлении. Гиена при ходьбе сгибает шею и низко опускает голову. Взгляд ее трусливый и злобный». Во времена Шпармана (1772—1776 годы) гиены заходили на юге Африки в города и съедали там на улицах все съедобные отбросы и мелкую падаль. Штрольман, описывая свое путешествие по южной Африке, рассказывает о гиенах разные ужасы. Ему говорили, что ночные нападения гиен стоили жизни многим детям и юношам, и его знакомые

Пятнистая гиена
(*Crocuta crocuta*)

слышали о сорока случаях нападения гиен на людей в течение немногих месяцев. Шептон подтверждает эти рассказы и даже говорит, что ему пришлось лечить двух детей, которые были утащены и изуродованы гиенами, но которых все-таки удалось отнять у них. Это были десятилетний мальчик и восьмилетняя девочка. По мнению писателя, силки, ловушки и самопалы мало помогают против гиен, так как животные эти очень хитры и умеют избегать опасности.

Хотя вышеприведенные рассказы и следует считать несколько преувеличенными, но многое в них можно признать верным. Одно и то же животное показывает различный характер, смотря по обстоятельствам. «Голод не тетка» — говорит пословица, и он придает мужество даже трусам. Один из служителей Фритиша очень боялся гиен и из-за этого не решался проходить через густой кустарник; его страх имел некоторое основание: когда ему случилось раз ночью верхом ехать по степи, то гиены за ним гнались, и он смог их отогнать, только зажигая тряпки и даже куски своего одеяла.

«Смелость этих животных, — пишет Фритиш, — ночью очень значительна; на взрослых людей действительно они нападают редко, но мне известно несколько случаев, когда они хватали детей и старались даже повалить лошадь». И по другим описаниям можно прийти к убеждению, что пятнистая гиена иногда очень смела и опасна. В Бенгуеле она несколько раз нападала на взрослых людей, которые могли защищаться, например, на путешественников и почтарей. Джемс недавно узнал, что в Сомали эта гиена настолько смела, что нападает на скот в присутствии пастуха; он сам был очевидцем, как гигантская пятнистая гиена вечером напала на верблюда в то время, когда путешественник со своими спутниками снимал с этого верблюда тюки. Почти в то же самое время Пауличке и фон Хардеггер жили в Хараре и пишут следующее о хищничестве гиен: «Пятнистая гиена представляет в Хараре настоящий бич. Эти животные, часто очень большого роста, живут в огромном количестве на склонах ближайших гор и ежедневно после захода солнца появляются в городе, нападают на скотину и людей и убили уже много тысяч жителей Харара. Гиена нападает чаще всего на нищих и детей, а также и на больных оспой, которых выносят на улицу, поэтому жители города и окрестностей были нам очень благодарны, что мы занялись довольно опасной охотой на этих ночных хищников и уничтожили несколько дюжин их. Охота за ними действительно довольно опасна и соединена с большими трудностями, потому что гиены выходят из своих убежищ только после наступления темноты, и потому в них можно стрелять лишь на близком расстоянии; кроме того, они очень живучи и яростно защищаются, когда ранены. Фон Хардеггер однажды вечером был в большой опасности, когда огромная раненая гиена бросилась на него; только смелый

удар штыком спас жизнь моего друга, причем ему пришлось защищаться и от самца этой гиены, который приближался большими скачками; фон Хардеггер убил его кинжалом. Охотникам, во всяком случае, интересно узнать, что гиена, которую считают столь трусливым зверем, при случае может оказаться столь же опасным и нападающим на человека хищником, как лев и леопард».

В сочинении Ноака, в котором описываются собранные Бемом в восточной Африке млекопитающие и сообщаются наблюдения сего последнего, мы находим следующие сведения о пятнистой гиене. «Эти животные встречаются почти повсюду, а в Угого и Уньянембе особенно часто и ведут себя весьма различно в разных местах. В Угого они появлялись ночью целыми толпами вокруг нашего лагеря, чтобы пожирать околевших животных и даже трупы носильщиков, среди которых свирепствовала оспа, при этом они были так смелы, что совершенно безбоязненно шумели и бегали в кустах, неохотно удалялись от подходящего к ним человека, тотчас по уходе его возвращались к своей добыче, которую не оставляли даже тогда, когда кто-нибудь из нас прицеливался в них из ружья. В Таборе гиены подходили к веранде нашего дома, где мы часто спали, но их прогоняла небольшая местная собачка, которая была очень смела и бросалась на них с большим задором. Около реки Угалла они таскали провизию от дверей наших палаток, и даже выстрелы не могли помешать им пожирать добычу. Напротив того, в других местах, например, около Какома, я, хорошо спрятавшись, подолгу напрасно караулил их у павшего быка или осла, который нарочно был притащен в удобное место для приманки их; между тем гиены держались очень близко от этого места, так как если я удалялся хотя бы на четверть часа, то они уже появлялись около падали. Гиены таскают павших животных с удивительной скоростью: они даже уносят такие большие трупы, как труп быка. Я видел, как они, в числе нескольких штук, без труда галопом уносили труп человека. Гиены оставляют в известных местах в большом количестве свои испражнения, которые в свежем виде темно-зеленого цвета, а затем делаются белыми. Во время своих ночных походов они придерживаются известных тропинок, но иногда меняют их на больших расстояниях. Они приближаются к деревьям только после наступления темноты, но их неприятный вой бывает слышен иногда еще перед заходом солнца, а в далеких лесах даже раньше. Один из наших людей застрелил днем около реки Вала гиену, которая для дневного сна избрала себе разрушенную хижину в покинутой деревне. В Таборе я видел мальчика, которого гиена утащила спящим, но бросила, когда он стал кричать. Туземцы считают их нечистыми животными и закрывают свои водоемы ветвями, чтобы гиены там не пили; между тем вой их им кажется смешным, у арабов же этот вой возбуждает суеверный страх».

Семейство гиеновые

Семейство ГИЕНОВЫЕ

* Сезонности в размножении пятнистой гиены нет, но пик рождений детенышей приходится на сезон дождей. Беременность длится, по данным разных авторов, 98—111 дней. Детеныши (обычно двое) рождаются зрячими, но совершенно беспомощными. Однако к 10 дням они уже могут довольно быстро двигаться. Молоком они продолжают питаться до года, уже в основном перейдя на взрослую пищу.

** Бурая гиена распространена в странах юга Африки. Меньше пятнистой гиены и не такого мощного сложения. Населяет разнообразные открытые местности и разреженные сухие леса. В настоящее время находится под угрозой исчезновения, сохранилась только на охраняемых территориях.

Пятнистая гиена служит предметом очень многих басен и рассказов. Многие суданцы полагают, что колдуны принимают вид гиен, чтобы как можно больше навредить правоправным во время их ночных странствований. Причину этого вымысла следует прежде всего искать в некрасивом внешнем виде животного и в его страшном вое, который похож на человеческий смех. Мы должны действительно признать, что внешний вид гиены очень безобразен, из всех хищных зверей у нее, несомненно, самая отталкивающая, неприятная наружность, при этом и душевные ее качества сильно способствуют тому, что все ее ненавидят.

Гиены редко размножаются в неволе. О самом спаривании и о времени беременности я никаких сведений не имею*. Пятнистая гиена в средней Африке ценится около начала сезона дождей, а севернее — весной; логовищем при этом ей служит земляная впадина, канава или пещера; щенят бывает от трех до четырех. Пока щенки малы и слабы, мать их любит нежно и храбро защищает от врагов; позднее, когда детеныши станут крепче, она, говорят, при опасности бежит сама и о них не заботится. Детеныши покрыты короткой, жесткой одноцветной темно-бурой шерстью, морда более светлая; пятен на шерсти тогда не заметно.

Бурая гиена (*Hyena brunnea*)** отличается главным образом от других видов длинными грубыми волосами, которые растут на спине и висят по сторонам тела. Окраска шерсти темно-бурая, ноги беловатые с бурыми полосками, голова темно-бурая и серая, лоб черный с белыми и рыжими пятнышками. Длинные волосы на спине у основания серовато-белые, а остальная часть окрашена в черно-бурый цвет. Бурая гиена ростом гораздо меньше пятнистой и едва достигает величины полосатой гиены. Животное это живет в южной Африке, но, вероятно, только в западной, пустынной полосе, на север до Моссамедеса, а может быть, как земляной волк, и до Бенгуелы; встречается она в основном на самом берегу моря. Животное это, кажется, встречается везде в меньшем количестве, чем пятнистая гиена, но по образу жизни от нее мало отличается и питается главным образом падалью, может быть, той падалью, которая выбрасывается морем. Следует, впрочем, заметить, что в Китовой губе, где время от времени среди рыб начинается мор, так что огромные массы рыбы лежат по берегам, этой гиены не встречали, хотя шакалов там бывает множество. Говорят, что бурая гиена хватается мелкий скот и делает это не только в случае крайней нужды, но всегда; поэтому ее ненавидят точно так же, как и других гиен. Но она осторожнее и хитрее прочих видов гиен, попадает только в одиночку, во всяком случае, не более 2—3 штук зараз. Последнее время эту гиену можно чаще видеть в зверинцах и зоологических садах.

Полосатая гиена (*Hyena hyaena*) нам известна лучше других, потому что ее часто привозят в Европу; ее можно видеть в

каждом зверинце. Она живет ближе к Европе, встречается в большом количестве, вследствие чего стоит не дорого, и содержатели зверинцев ее охотно держат для того, чтобы развлекать посетителей. Так как это животное общеизвестно, то на описание ее не стоит тратить много слов. Шерсть ее жесткая, щетинистая и довольно длинная, бледного желтовато-серого цвета, с черными поперечными полосами; волосы гривы имеют черные кончики, передняя часть шеи также черная. Хвост иногда одноцветный, иногда

полосатый. Голова толстая, а морда относительно тонкая, но на конце довольно тупая; стоячие уши очень велики и не покрыты волосами. Детеныши похожи на старых. Длина тела взрослой гиены около 1 м. Область распространения полосатой гиены гораздо больше, чем у других видов: она встречается по всей северной Африке, начиная от крайнего запада, в значительной части южной Африки, а затем в юго-западной Азии, начиная от Средиземного моря до Бенгальского залива. По Блэнфорду, гиена эта очень обыкновенна в северо-западной и средней Индии, попада-

ется реже в нижней части Бенгалии и совершенно не встречается в восточных областях Индии и на Цейлоне. Ее также нет в значительной части экваториальной Африки; по крайней мере, в немецких колониях восточной Африки, в Конго и в западных береговых областях до Нигера ее не встречали. Во внутренних областях Верхней Гвинеи она встречается. Область распространения ее в южной Африке, кажется, ограничивается западными областями на север от Оранжевой реки. Фритиш не мог доказать ее присутствия в восточных частях южной Африки, а, напротив того,

Бурая гиена
(*Hyena brunnea*)

Семейство ГИЕНОВЫЕ

** Самая широко распространенная гиена — полосатая, она населяет глинистые и каменистые пустыни и кустарниковые заросли Восточной и Северной Африки, Ближнего Востока, Индии*

*Полосатая гиена
(Hyena hyena)*

и Средней Азии. Гиены живут обычно парами. Питаются падалью, а также грызунами, ящерицами, черепахами, насекомыми, поедают на бахчах арбузы и дыни.

Шинц видел ее в пустыне Калахари до Кунена. Далее на север Монтейро находил ее вместе с пятнистой гиеной во всей области Куанза, где, вероятно, находится граница ее распространения, начиная от юга к экватору. Как все гиены, она не любит лесных местностей, а предпочитает открытые равнины. Она менее вредна, чем другие виды гиен, и потому ее почти нигде не боятся. Во всех тех местах, где живет, встречается так много падали или по крайней мере костей, что голод редко принуждает ее к смелым нападениям на живых животных*. Гиена эта очень труслива, но и она заходит иногда в деревни, а в Египте встречается поблизости от них. К падали, которую мы клали, чтобы привлечь туда грифов, ночью всегда подходили гиены и этим нам очень надоедали. Когда нам случалось ночевать под открытым небом, то они подкрадывались очень близко к нашему лагерю, так что

мы могли стрелять в них, не вставая с мест. Во время поездки в Синайские горы мой друг Гейглин застрелил полосатую гиену со своей постели зарядом дробы, обычно употребляемой для куропаток. Несмотря на то что она всем надоедает, ее, однако, никто не боится, и она никогда не решается нападать на людей, даже на спящих. Не раскапывает она также могил, как о ней любят рассказы-

вать содержатели зверинцев: случается это разве лишь тогда, когда труп едва прикрыт песком или землей. По образу жизни она похожа на пятнистую гиену, но никогда не встречается очень большими стаями. В Индии можно редко видеть больше двух гиен зараз, и они там точно так же питаются главным образом падалью, но таскают большие куски этой падали в свои логовища. При случае они хватают овец, коз, а также и собак. Жердон рассказывает, что однажды гиена утащила маленькую собачку одного офицера, но несколько солдат сейчас же отыскали логовище гиены, убили ее и таким образом спасли еще живую собачку. Адамс утверждает, что полосатая гиена таскает домашних кур. Молодые экземпляры считаются в Индии довольно

способными к приручению; они понятливы и очень привязываются к своему хозяину.

Земляной волк (*Proteles cristatus*)*. Это пока малоизвестное животное по внешнему виду очень похоже на полосатую гиену; у него такая же тупая морда, высокие передние ноги, покатая спина с гривой и мохнатый хвост, но уши больше, чем у гиены, и на передних лапах есть короткий пятый палец, как у некоторых собак. Зубная система имеет некоторые особенности: коренные зубы отделены друг от друга большими промежутками и имеют небольшие, острые бугорки; некоторые из них выпадают, так что их не бывает больше четырех на верхней челюсти и трех на нижней. Резцы, как у настоящих гиен, образуют прямой и длинный ряд, отчего морда кажется очень широкой, между тем как задняя часть челюсти, где сидят коренные зубы, невелика и слаба. Только молочные зубы этого животного дают возможность точнее определить его место в системе; оказывается, что оно ближе всего стоит к гиенам. Строение прочих частей скелета похоже на строение как гиен, так и собак. Позвонки и кости конечностей еще тоньше и, если можно так выразиться, изящнее, чем у шакалов; но на этих костях заметны большие отростки для прикрепления мускулов, что приближает их к костям гиен, отличающихся своей толщиной и массивностью.

Общая длина тела 1,1 м; хвост имеет 30 см. мех, который состоит из мягкого подшерстка и длинной щетинистой ости, бледно-желтоватого цвета с поперечными черными полосками на боках тела. Голова черная с желтоватыми пятнами, морда, подбородок и окружность глаз темно-бурые. Уши внутри желтоватобелые, а снаружи бурые. Нижняя часть тела желтовато-белого, а кончик хвоста черного цвета. От затылка по всей спине до основания хвоста волосы ости образуют гриву, которая продолжается на пушистом хвосте. Грива эта черного цвета с отдельными желтоватыми волосками. Боковые части морды покрыты короткими волосами, а усы очень длинные. Кончик и гребень носа голые.

Земляной волк живет в южной Африке, особенно в западной части ее до Бенгуелы, а может быть, и до Куанзо. О нем упоминают уже первые путешественники, но описан он был в первый раз **Жоффруа Сент-Илером**. Открыл его натуралист Лаланд, спутник которого Верро доставил нам самые подробные, хотя все-таки скудные сведения об образе жизни этого животного. Шпарман, по всей вероятности, описывает земляного волка под названием «серый шакал», как его называют голландские колонисты южной Африки. Левальян в стране Намаков самого животного не видел, но находил его шкуры, применяемые в качестве плащей. Его спутники, однако, утверждали, что волк ночью подходил к их лагерю, так как они умели отличать его голос от голосов полосатой гиены и шакала.

Семейство ГИЕНОВЫЕ

** Земляной волк настолько своеобразен, что некоторые ученые склонны выделять его в особое семейство. Он немного напоминает полосатую гиену, но резко выделяется среди всех видов слабыми и тонкими челюстями и мелкими, редко сидящими в челюсти зубами, число которых не постоянно. Длина тела 55—80 см, длина хвоста 20—30 см. Широко распространен на открытых равнинах и в зарослях кустарников по большей части Африки южнее Сахары. Питается в основном термитами и личинками насекомых, режет поедает мелких грызунов, ящериц и кладки птиц.*

Согласно всем сообщениям, которые относятся к этому животному, можно заключить, что оно ведет ночной образ жизни, а днем прячется в норах, имеющих сходство с норами наших лисиц, но только гораздо более просторных, так как в одной норе живет несколько волков. Верро выгнал с помощью собаки из одной норы со многими входами трех земляных волков, которые были убиты его спутниками. Они выбежали с взъерошенными гривами и опущенными ушами и хвостами и хотели спастись бегством. Один из них старался снова спрятаться в нору и выказал при этом большую ловкость в разгребании земли лапами. Исследование норы показало, что все выходы вели к помещению,

которое, вероятно, и служило общим жилищем для всех волков. Вышеупомянутый наблюдатель говорит, что добыча этих зверей состоит главным образом из маленьких ягнят, но что время от времени они нападают на взрослую овцу, причем пожирают только ее жирный курдюк. Если это верно, то волк, конечно, может обходиться и без крупных зубов. Других сведений об образе жизни этого животного нет.

*Земляной волк
(Proteles cristatus)*

Несколько лет назад многие несколько земляных волков были доставлены живыми в Лондонский зоологический сад и там хорошо перенесли неволю. Кормить их не представляло затруднений. О жизни их в неволе никаких сведений пока не имеется.

СЕМЕЙСТВО КОШАЧЬИ (FELIDAE)*

* Кошачьи действительно, как пишет Брем, представляют собой «самый совершенный тип хищни-

Кошачьи (кошки) — самый совершенный тип хищников. Подобного соответствия между строением конечностей и туловища, подобной пропорциональности всех органов мы не встречаем ни у каких других хищных животных. Каждая отдельная часть

тела кошек красива и грациозна, а потому и все животное вполне удовлетворяет нашему эстетическому чувству. Мы можем считать нашу домашнюю кошку типичным животным для всех кошек вообще, так как ни у какого другого семейства хищников не замечаем такого сходства общих признаков.

Видовые признаки кошек кажутся второстепенными в сравнении с теми особенностями, которые отличают друг от друга отдельные виды прочих семейств. Лев со своей гривой и рысь с мохнатыми ушами и коротким хвостом все-таки остаются кошками, точно так же, как и наш домашний кот или леопард. Даже гепард, который значительно отличается от других кошек, должен быть внимательно рассмотрен, прежде чем мы узнаем его настоящую природу.

Строение тела кошек можно считать общеизвестным: всякий достаточно знаком с их сильным и красивым туловищем, округленной головой, сидящей на довольно толстой шее, не очень длинными конечностями с утолщенными лапами, с длинным хвостом и мягким мехом, окрашенным в такой цвет, который соответствует окружающей местности. Кошки снабжены очень внушительными орудиями для защиты и нападения. Зубы у них ужасны: клыки имеют вид тонких, длинных, острых, на конце слегка согнутых конусов, которые гораздо длиннее других зубов и при укусе образуют глубокие, часто смертельные раны*. Очень маленькие резцы почти незаметны рядом с этими большими клыками, и даже мощные, снабженные острыми треугольными зубцами и остриями коренные зубы, хорошо приспособленные для разрезания мяса и сухих жил, кажутся по сравнению с ними незначительными. Зубам вполне соответствует мясистый язык, замечательный тем, что поверхность его покрыта тонкими роговыми, загнутыми назад шипами, которые сидят на больших бородавках. Язык этот дополняет вооружение рта. Шипы кошачьего языка достаточно остры, чтобы при усиленном лизании оцарапать до крови нежную кожу; кроме того, язык дополняет действие зубов, которые по своему строению могут служить только для разрезания мяса на куски, но для раздавливания пищи вовсе не приспособлены. Зубы составляют, однако, не единственное оружие кошек: они могут очень удобно схватывать добычу и даже наносить смертельные раны своими страшными когтями.

Та часть ступни, которая касается земли, кажется у кошек очень короткой и округленной, вследствие того что последний сустав пальцев приподнят кверху; таким образом, при ходьбе последние суставы пальцев вовсе не касаются земли и предохраняют тем самым от притупления сидящие на них серповидные большие и очень острые когти. Во время покоя и при ходьбе эти суставы пальцев сохраняют свое приподнятое положение благодаря двум упругим сухим жилам, из которых одна прикреплена сверху, а другая сбоку суставов пальцев; в состоянии гнева и воз-

ков», иными словами, наиболее специализированные представители отряда. Семейство включает 36 видов, группируемых в 10—12 родов (хотя разные систематики выделяют в семействе от 3 до 22 родов). Все виды имеют характерный «кошачий» облик, укороченную лицевую часть черепа и вытяжные когти (за одним исключением). Распространены по всей Евразии, Африке и в обеих Америках, а домашняя кошка с человеком проникла практически повсюду, включая антарктические острова.

** Клыки многих кошек стали орудием, в первую очередь, убийства, причем убийства быстрого и эффективного, тогда как другие хищники клыками зачастую удерживают жертву при поимке. Поэтому клыки кошек относительно длиннее и*

Семейство кошачьи

*тоньше по сравнению с клыками других хищных млекопитающих. Среди древних кошачьих было множество форм с совсем длинными клыками, из-за которых эти животные получили название саблезубых и полусаблезубых кошек. В настоящее время единственная полусаблезубая кошка — дымчатый леопард (*Neofelis*).*

** Не умеет лазать по деревьям, по-видимому, только тигр, и очень плохо с этим справляются лев и гепард. Леопард, даже крупный, лазает отлично.*

Плавают все кошки неплохо, а некоторые виды, живущие в богатых водой местах, делают это часто и охотно и даже добывают в воде значительную часть своего пропитания.

*** Рысь в опытах в Беловежской Пуще слышала милицейский свисток на*

буждения сильный мускул, сухая жила которого прикрепляется к нижней стороне последнего сустава, опускает его, удлиняет ступню и превращает ее в страшное орудие, едва ли встречающееся у других животных. Такое строение ног служит причиной того, что на следах кошек никогда не заметно отпечатка когтей; тихая поступь кошек — следствие того, что нижняя сторона ступней снабжена мягкой подушкой, часто покрытой волосами.

Кошки принадлежат к числу сильных и очень ловких зверей. Каждое движение их указывает на силу и грациозное проворство. Между всеми видами этого семейства нет большого различия, как по физическим, так и по душевным свойствам, хотя некоторые виды и имеют известные преимущества перед другими и, наоборот, у иных известные качества выражены слабее, чем у прочих. Все кошки ходят отлично, но медленно, осторожно и почти неслышно; они быстро бегают и могут делать прыжки, длина которых в несколько раз превосходит длину их тела. Лишь весьма немногие из крупных видов не способны лазать по деревьям, большая же часть делает это очень искусно. Хотя кошки и не любят воды, но все же плавают хорошо, если к этому вынуждены*. Они умеют сжимать и свертывать свое красивое тело, чрезвычайно быстро действуют лапами и могут с большой ловкостью схватывать животное, даже бегущее; ко всему этому надо еще прибавить большую силу конечностей животных и их выносливость. Кошки крупных видов одним ударом своей ужасной лапы и напором при прыжке повергают на землю животное, которое ростом больше их самих, и могут перетаскивать на довольно значительные расстояния большие тяжести.

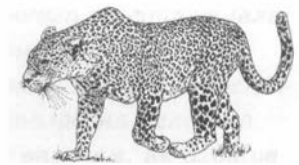
Среди чувств у кошек более всего развиты слух и зрение: слух, без всякого сомнения, играет самую важную роль во время их хищнических набегов. Кошки слышат малейший шум на большом расстоянии и прекрасно оценивают всякий звук: от их внимания не ускользают осторожные шаги добычи и тихое шуршание песка под ногами животных; даже невидимую жертву находят они посредством слуха**. Зрение не так хорошо развито, но слабым его все-таки назвать нельзя. Глаз кошек, вероятно, далеко видеть не может, но вблизи они видят очень хорошо. Зрачок у большинства видов имеет круглую форму и в темноте, а также при возбуждении, значительно расширяется, но остается круглым; у мелких видов зрачок поперечно-продолговатый и также способен сильно расширяться (под влиянием яркого света он стягивается в узкую полоску, при раздражении же и в темноте становится почти совсем круглым). После зрения мы должны упомянуть об осязании, которое проявляется как в активном ощупывании, так и в тонком восприятии случайных ощущений. Для ощупывания служат главным образом длинные усы по сторонам рта, щетинки над глазами. Если отрезать у кошки усы, то этим поставишь ее в самое неприятное положение: она делается, в полном

смысле, беспомощною и теряет способность к деятельности или, по крайней мере, выказывает беспокойство и неуверенность в своих движениях, которые, однако, пропадают, когда усы снова отрастают. Лапы также очень хорошо приспособлены для осязания. Кошки весьма чувствительны ко всем внешним раздражениям и выказывают очевидное неудовольствие при неприятном ощущении и, напротив, большое удовольствие, если ощущение приятно. Когда тихонько гладят шерсть кошки, то этим всегда приводят ее в приятное расположение духа; если же шерсть намокнет или ее грубо ерошат, то кошка приходит в сильное озлобление. Обоняние и вкусовые ощущения стоят почти на одной ступени развития; можно даже предположить, что вкус несколько лучше развит, чем обоняние. Несмотря на шероховатый язык, большая часть кошек очень чувствительна к вкусовым ощущениям и более всего любит слегка соленые и сладкие вещества, особенно жидкости животного происхождения, как, например, кровь и молоко. Органы же обоняния могут быть возбуждены лишь сильно пахучими веществами. Странное пристрастие некоторых кошек к сильно пахучим растениям, например, валерьяне и кошачьей мяте, дает право предположить, что обоняние у них развито слабо, потому что животные, наделенные тонким обонянием, относятся с отвращением к подобным сильно пахучим веществам; кошки же набрасываются на эти растения как сумасшедшие и от их запаха впадают в сладостные конвульсии.

По своей понятливости кошки стоят ниже собак, но не так низко, как обыкновенно думают. Не следует забывать, что при сравнении душевных способностей двух семейств хищных — собачьих и кошачьих — мы почти всегда имеем в виду двух домашних животных, отношение которых к человеку совсем не одинаково. Собаку человек систематически воспитывает уже в течение многих тысячелетий, усердно ухаживает за ней, подвергает, большею частью, строгому искусственному отбору и приближает к себе более других животных. На кошку человек смотрит почти всегда с некоторым предубеждением, о воспитании особенно не заботится и предоставляет ее собственным инстинктам. Если же мы сравним два живущих в естественных условиях вида этих семейств, например, лисицу и рысь, то преимущество собак в понятливости почти вовсе исчезает, и сравнение скорее благоприятно для рыси; поэтому очень несправедливо считать кошек за животных, низко стоящих по умственному развитию; между тем это мнение часто высказывается, а еще чаще служит причиной некоторого пренебрежения к кошкам*.

Кошки встречаются во всех частях Старого Света и Америки; в Австралии их нет, если не считать одичалых домашних кошек. Они живут на равнинах и в горах, в сухих песчаных и в сырых низменных местностях, как в лесах, так и на полях. Некоторые поднимаются довольно высоко в горы и встречаются там

километр дальше, чем собака. Та же рысь, хотя обычно и не демонстрировала особенной остроты зрения, однажды наблюдала за канюком с расстояния в 1 км.

** Социальность, заложившая основу для возможности одомашнивания, у, по крайней мере, ныне живущих кошек развита в среднем слабее, чем у псовых. Это, однако, ни в коей мере не свидетельствует об интеллектуальном уровне отдельных особей, взятых в отрыве от социума. Тут есть основания полагать, что кошки демонстрируют более развитый интеллект.*

Семейство кошачьи

** Крупные кошки, убивая жертву, душат ее зубами за горло и могут так дожидаться ее окончательной гибели по 10—15 минут. Кошки не более «кровожадны», чем любые другие животные. Когда добычи много и она легко доступна, кошки предпочитают охотиться. Однако в другое время они не брезгуют падалью, причем часто отбивают ее у других, более слабых, хищников.*

на значительной высоте над уровнем моря, другие живут в поросших кустарником открытых степях и пустынях, третьи предпочитают сырые места на берегах рек и озер, заросших камышом. Но все-таки большую часть кошек следует считать лесными животными. Деревья доставляют им все необходимое для жизни; прежде всего кошки находят там удобные убежища, в которых могут прятаться для того, чтобы нападать на добычу и скрываться от врагов. Небольшие кошки используют в качестве убежищ дупла деревьев, трещины в скалах, оставленные логовища других млекопитающих; крупные виды прячутся в чаще кустарников. Хотя дикие кошки предпочитают те страны, где человек не успел еще сделаться полным властелином, многие из них отважно и дерзко приближаются к его жилищу, чтобы или напасть на него самого, или унести животное из его стада. Для этого они с наступлением темноты оставляют свое логовище и бродят вокруг, высматривая добычу, или же подкарауливают людей и животных близ дорог и тропинок. Лишь очень немногие нападают на добычу днем, но часто трусливо убегают, встретив сопротивление. Настоящая их жизнь начинается с наступлением темноты и оканчивается с рассветом.

Кошки питаются мясом самых разных позвоночных, но, несомненно, предпочитают млекопитающих. Некоторые виды чаще всего охотятся на птиц, другие, хотя и немногие, едят мясо пресмыкающихся, например, черепах; наконец, есть такие, которые не гнушаются и рыбной ловлей. Беспозвоночных животных кошки едят редко и только разве случайно съедят какого-нибудь рака или крупное насекомое. Все кошки питаются преимущественно той добычей, которую сами умертвили, и только весьма немногие едят падаль и то лишь в том случае, когда она осталась от их собственной добычи. Многие кошки отличаются большой кровожадностью, и некоторые виды, если только могут, питаются исключительно кровью*.

По способу нападения почти все кошки похожи друг на друга. В поисках добычи они обычно крадутся осторожными неслышными шагами, внимательно оглядываясь и чутко прислушиваясь ко всему окружающему; малейший шорох возбуждает их внимание. В согнутом положении, а то и ползком подбираются они к добыче, стараясь держаться под ветром, и, наконец, в один или несколько прыжков настигают свою жертву, схватывают ее своими страшными лапами за затылок или за бока, валят на землю и вонзают в нее несколько раз свои ужасные зубы; затем они немного раскрывают челюсти, но так, чтобы пойманное животное не могло уйти, внимательно смотрят на добычу и снова кусают до тех пор, пока в животном остается хоть искра жизни. Часто замечаем мы у кошек отвратительную привычку долго мучить свою жертву: они ослабляют хватку и часто даже позволяют животному пробежать небольшое расстояние, но в нужный момент снова

его хватают, затем опять выпускают и продолжают эту жестокую игру до тех пор, пока жертва не падает, изнеможенная от ран. Даже крупные кошки опасаются нападать на тех животных, от которых ожидают ощутимого сопротивления, и идут на это только тогда, когда по опыту знают, что выйдут победителями из предстоящей борьбы*. Даже лев, тигр и ягуар в первое время боятся человека и трусливо от него уходят, но когда увидят, насколько он слаб и беспомощен, то становятся страшными его врагами. Хотя почти все кошки отлично бегают, они обычно воздерживаются от продолжительного преследования добычи, если первое нападение их было неудачно. Кошки пожирают свою добычу на том месте, где ее словили, только тогда, когда чувствуют себя в полной безопасности; обычно же они тащат убитое или смертельно раненное животное в скрытое место и пожирают его там с полным спокойствием и наслаждением. Если местность изобилует добычей, кошки делаются необыкновенными лакомками и съедают только лучшие части жертвы, остальное достается обитающим поблизости более мелким хищникам.

Самки производят на свет, как правило, нескольких котят и только редко одного; в большинстве случаев их бывает не более шести (у некоторых видов, говорят, и больше). Воспитывает детенышей мать, а отец заботится о них только в редких случаях. Кошка с котятами представляет собой чрезвычайно привлекательную картину; материнская нежность и любовь видны в каждом ее движении и в каждом звуке ее голоса, который делается необыкновенно мягким и ласковым. В семейном логовище наблюдателя поражает чистота, к которой с самого раннего возраста приучает мать своих детенышей; она беспрестанно их лижет, чистит, гладит, приводит логовище в порядок и не терпит около него никакой нечистоты. Она защищает детенышей от врагов с полным самоотвержением, и крупные кошки в это время делаются в высшей степени опасными. У многих видов мать должна защищать своих детенышей и от отца, который их часто пожирает, особенно пока они еще слепы; вероятно, поэтому все самки кошек старательно заботятся о том, чтобы по возможности скрыть свое убежище. Когда детеныши несколько подрастут и станут похожими на настоящих кошек, самец их уже не трогает, и тогда начинается веселая жизнь котят, которые имеют явную склонность к забавам и разным играм. Природные способности кошек ясно выказываются в каждом движении котят: их детские игры состоят главным образом в подготовительных упражнениях к той серьезной охоте, которой они будут заниматься, когда станут взрослыми. Все, что двигается, привлекает их внимание, при малейшем шуме котята настораживают уши. Сначала они больше всего играют с материнским хвостом: внимательно следя за его змеевидными движениями, котята стараются своими маленькими лапками остановить движение хвоста или словить его кон-

** Для кошек более, чем для каких-либо хищников, необходимо быть «в форме» — только это обеспечивает успех охоты. Поэтому не удивительно, что кошки опасаются нападать на животных, способных оказать сопротивление. Известен случай, когда нападение тигра на человека (впрочем, не охотившегося, а защищавшего свой участок) было остановлено перочинным ножом. Кошка, нападая на крупную жертву, так выкладывается физически, что жертве иногда удается вырваться. И только если животное серьезно ранено, кошка вновь начинает преследование. Именно это Брем и называет «игрой» с жертвой. Хотя в ряде случаев кошки действительно «играют», но только с совсем уж безобидной добычей и будучи сытыми либо обучая детенышей охоте.*

Семейство кошачьи

** Охота на диких кошачьих всех размеров и по всему миру привела к тому, что кошки стали редкими повсеместно, а некоторые виды вплотную подошли к угрозе исчезновения. В настоящее время все кошки занесены в списки так называемой конвенции CITES, жестко регламентирующей на государственных уровнях торговлю редкими животными и их частями.*

чик. Мать не только не сердится, но нарочно продолжает двигать хвостом, чтобы дать своему шаловливому потомству всласть наиграться. Несколько недель спустя можно уже видеть семейство кошек занятым более разнообразными играми, в которых мать принимает деятельное участие наравне с котятами, и это отмечается как у львиц, так и у домашних кошек. Часто вся семья свертывается как бы в один клубок, причем каждый член семьи ловит и кусает хвост другого. С возрастом игры делаются серьезнее: маленькие научаются понимать, что хвост — это часть их самих, и пытаются пробовать свои силы на чем-нибудь другом. Мать тогда приносит им небольших животных, полуживых или совсем живых, и выпускает на потеху котятам, которые ревностно и терпеливо преследуют их и таким образом упражняются в хищническом ремесле, которым будут заниматься позже. Наконец, мать берет их с собой на охоту, и здесь они научаются владеть собой, внезапно нападать на добычу, одним словом, всем хитростям, которые необходимы для будущей хищнической жизни. Только когда котята всему научились и сделались совершенно самостоятельными, они отделяются от матери и затем довольно долго ведут одинокую, бродячую жизнь.

У кошек враждебные отношения со всеми прочими животными, и потому вред, ими приносимый, очень значителен. Но следует при этом иметь в виду, что все крупные виды этого семейства живут в странах, необычайно богатых добычей, и можно с определенной уверенностью утверждать, что, препятствуя излишнему размножению некоторых жвачных и грызунов, крупные кошки приносят пользу. Что касается мелких видов, то польза, ими приносимая, очевидно перевешивает причиняемый ими вред. Добыча их ограничивается мелкими млекопитающими и птицами, а особенно много истребляют они мелких вредных грызунов, которые сильно размножаются около человеческого жилья. Домашняя кошка сделалась для нас совершенно необходимой, но и мелкие дикие кошки приносят нам много пользы и довольно мало вреда. Кроме того, человек часто использует их мех, а кое-где даже ест их мясо. В Китае и часто в Африке мех некоторых кошек служит знаком известного общественного положения. Другие народы ценят этот мех более всего за его красоту, другими достоинствами он почти не обладает*.

Разделение кошек на роды и виды в высшей степени затруднительно, поскольку признаки, отличающие один род и вид от другого, незначительны.

Тигры — настоящие кошки, без гривы, с довольно большими бакенбардами и ярко выраженными поперечными полосами на мехе. Тигр — самая страшная из всех кошек, хищник, перед которым даже человек оказывается почти беспомощным существом. Ни одно хищное млекопитающее не соединяет так удачно обворожительную красоту с большой долей кровожадности, никто

лучше не подтверждает старой басни о глупом мышонке, который видел в кошке красивое и любезное животное. Если степень опасности животного принять за масштаб его значения в природе, то тигра, без всякого сомнения, следовало бы поставить на первое место среди всех млекопитающих, поскольку ни одно живое существо не вело до сих пор борьбу с властелином земли так успешно, как тигр. Освоение человеком все новых территорий не только не вытеснило и не уничтожило тигра, подобно другим хищникам, а напротив, заставило его приблизиться к человеческому жилью, а в некоторых местах ему даже удалось потеснить человека*. Тигр не покидает, подобно льву, населенные местности, чтобы благоразумно избежать опасности быть уничтоженным, но смело и с некоторым коварством идет навстречу этой опасности и явно объявляет себя врагом человека, врагом тем более опасным, что со смелостью он соединяет скрытность и нападает почти всегда неожиданно. Его свирепость и кровожадность, а также число съеденных им людей сильно преувеличивались, по крайней мере, описывались слишком яркими красками.

Тигр (*Panthera tigris*)**, представляет собой очень красивую кошку с прекрасно окрашенным мехом. Он выше и стройнее, чем лев, но нисколько не уступает ему в красоте и силе. Длина его тела от носа до кончика хвоста определяется весьма различно. Эллиот дает очень наглядный пример того, как отличаются измерения, сделанные разными наблюдателями: один из них определил величину тигра в 284 см, а два других указали длину того же тигра в 355 и даже 365,7 см. Сандерсон не убивал самцов, длина которых была бы больше 290 см, а длина убитых им самок не превышала 255 см. Блэнфорд убил двух взрослых самок, длина которых составляла 228,5 и 233,6 см. Рас дает более крупные цифры, а самую большую длину указывает Бересфорт: в среднем 320 см для самца и 294 см для самки; три тигра, убитые им в Раджпутане, где, говорят, они прежде были особенно велики, имели длину в 340, 345 и 375 см. Вполне возможно, что в некоторых местностях тигры достигают особенно больших размеров и среди них встречаются настоящие великаны, как, например, последний из указанных, который был убит Бересфортом в 1862 году, но приведенные цифры все-таки представляют исключения. Очевидно также, что иногда неверно измеряют длину тигра и совсем не измеряют отдельно длину туловища и длину хвоста, между тем как величина последнего весьма изменчива. Вследствие этого не очень большой тигр с длинным хвостом оказывается длиннее крупного тигра с коротким хвостом, так что о величине самого туловища дается неверное понятие. Жердон считает средней величиной 274—290 см и сомневается в том, чтобы когда-либо убивали тигров длиннее 310 см. Многие другие охотники и натуралисты согласны с ним. Таким образом, мы можем сказать, что общая длина взрослого самца колеблется между 260 и 300 см, а

** Тигров всегда вынуждал к контакту с человеком захват людьми все новых и новых земель. Во многих странах обитания тигра ему фактически некуда уходить. Со времени написания Бремом книги как минимум две расы тигра перестали существовать, численность и область распространения остальных сократились в несколько раз.*

*** Тигр — самый крупный ныне живущий представитель кошачьих. Длина тела 150—317 см, хвоста 60—115 см, масса до 390 кг. Разные расы тигра отличаются размерами и интенсивностью окраски. Королевскими тиграми в XIX в. называли расы, живущие на Индостане и сопредельных территориях южной Азии.*

Семейство кошачьи

Самая крупная форма тигра — амурский тигр — распространена ныне только на Дальнем Востоке России и в соседних районах Китая и Кореи.

** Этого красивого тигра мы уже никогда не сможем лицезреть живьем: в 1972 г. этих кошек, когда-то населявших всю Яву, оставалось менее 10 особей, а в последние десятилетия нет никаких подтверждений о существовании живых яванских тигров.*

взрослая самка на 30—40 см короче. Хвост бывает длиной 80—95 см, высота в плечах 90—106 см. Вес двух самок был определен в 108,8 и 158,7 кг, а двух самцов в 163,3 и 172,4 кг.

Туловище тигра несколько тоньше, а голова круглее, чем у льва; хвост без кисточки на конце; шерсть довольно короткая и гладкая, а на щеках несколько удлинённая в виде бакенбардов. Самка ниже ростом и бакенбарды у нее короче. У тигров, обитающих в более северных странах, шерсть зимой гуще и длиннее, чем у тех, которые живут на жарких равнинах Индии. мех тигра очень красив: на светлом ржаво-желтом фоне ясно выделяются темные полосы, испещряющие мех на брюхе; на внутренних сторонах конечностей, под хвостом, на губах и на нижних частях щек мех почти белый. У северных тигров желтый цвет меха несколько темнее, чем у тех, которые живут в джунглях. От спины по бокам тянутся поперечные черные полосы довольно неправильного рисунка, причем расстояние между ними бывает различно у разных особей. Некоторые из этих полос делятся на части; сплошные полосы более темные. Хвост светлее туловища и также испещрен черными кольцами. Усы белые. Зрачки глаз круглые, раек желтовато-бурый. Детеныши окрашены точно так же, как взрослые особи, только желтый цвет их меха несколько светлее.

У тигров встречаются различные видоизменения цвета, например, желтый цвет бывает темнее или светлее, а в редких случаях встречаются совсем черные тигры или белые с неясными черными полосами. Яванский тигр, как его называют в зоологических садах и зверинцах, меньше обыкновенного, имеет более плотное телосложение и отличается также более узкими, темными и очень частыми полосками на мехе; по Розенбергу, у яванского тигра основной цвет меха имеет менее буроватый оттенок, а хвост короче и тоньше*.

Казалось бы, столь ярко окрашенный хищник уже издали должен быть замечен тем животным, которых он преследует, но это предположение совершенно неверно. Выше я уже говорил, что общая окраска всех животных, особенно кошек, находится в тесной зависимости от их местообитания, и потому напомним только, что тигр живет главным образом среди тростников, крупных злаков и кустарников, где цвет животного сливается с окружающей средой. Даже опытные охотники часто не замечают тигра, лежащего совсем близко от них; несомненно, трудно заметить тигра и многим животным.

Область распространения тигра очень обширна, так как он обитает не только в жарких странах Азии, например, Индии, но и во многих других местах этой огромной части света, которая по величине гораздо больше Европы. Он встречается даже в юго-восточной Сибири. Северная граница области распространения тигра проходит севернее широты Берлина (следует заметить, что

Сибирь имеет гораздо более холодный климат, чем европейские страны, лежащие на тех же широтах). Индию следует считать главным отечеством тигра; отсюда он распространяется на северо-восток через весь Китай до берегов Амура, а на запад через северный Афганистан в Персию до южного берега Каспийского моря, где в заболоченных лесах он встречается довольно часто. Известия о том, что тигры встречаются в Закавказье, следует, по мнению А. Вальтера, считать неверными, так как его путают с леопардом*.

Все животные имеют основание бояться тигра. Поэтому точно так же, как у нас галки и мелкие птицы криком встречают коршунов и сов, а певчие птицы в лесу своим громким щебетаньем выдают лисицу, вышедшую из норы, в тропических странах многие животные издают громкие звуки, когда почуют тигра. Они знакомы с ним и по опыту знают, какая опасность им угрожает, когда тигр выходит из своего логовища. Конечно, они пугаются и других хищников, а также вообще какого-нибудь необычайного явления, и беспокойство, проявляемое безвредными животными, не всегда следует считать признаком присутствия тигра. Однако беспокойство оленей, павлинов, других птиц, а особенно обезьян дает охотнику очень важные указания о приближении опасного зверя. Форзит и другие приводят многие примеры деятельного участия обезьян в охоте на тигров. Так, долго преследуемая тигрица, сожравшая уже много людей, непременно бы скрылась в скалистом ущелье, если бы бегавший по скалам старый гульман (один из видов обезьян) не указал охотнику ее убежища своим криком и жестами. «Во время другой охоты, — рассказывает Форзит, — я шел по следам убежавшего тигра по иссохшему руслу ручья и мог следить за ним только благодаря многочисленным гульманам, которые срывали плоды на близрастущих деревьях. Когда тигр пробежал мимо них, то они спасались на верхушках деревьев, шумно трясли ветвями и громко кричали, как бы ругая нарушителя спокойствия, и по всему этому легко было угадать, где находится тигр. Каждое стадо шумело, пока хищник был виден, а затем спокойно возвращалось на нижние ветви и лакомилось плодами как ни в чем не бывало, зато следующие обезьяны начинали шуметь и выдавали передвижение тигра. Основываясь на этих точных указаниях, на одном изгибе русла я пробежал кратчайшим путем и таким образом обогнал его. Он скоро показался, тихо и неуверенно пробираясь по дорожке с опущенным хвостом, точно его мучила совесть вследствие совершенных злодейств; при этом он боязливо посматривал вверх на обезьян, как бы прося их не выдавать его присутствия. Верно пущенная пуля оборвала его жизнь».

Голос тигра по силе не может сравниться с голосом льва, он даже не так далеко слышен, как мычание наших коров и быков, поэтому о «реве» тигра говорить нельзя. Обыкновенно он издает

** Во времена Брема и даже позже долины рек в Иране, Афганистане, Закавказье и Средней Азии населяла особая форма тигра — туранский тигр. Еще в 1930 г. отдельные тигры жили на большей части указанной территории. К 1940-м годам он уцелел только в тугайных зарослях Таджикистана и Северного Ирана. Последний раз живого туранского тигра видели с самолета в 1957 г. Надежды на то, что тигр сохранился в труднодоступных районах Ирана, нет.*

Семейство кошачьи

** Ниже Бремом приводится довольно много сведений о тиграх-людоедах, не редки их описания и в другой литературе. Почти всегда причиной людоедства тигров бывает травма, не дающая зверю возможности нормально охотиться, или какая-либо иная причина крайней бескормицы. Даже и в этом случае, по свидетельствам очевидцев, тигр становится людоедом не всегда и не сразу. Зачастую первых людей он убивает случайно, когда они натываются на его дневку, и не ест. И лишь продолжающийся голод заставляет его отведать незнакомой (и, наверное, с точки зрения тигра, дурно пахнувшей) добычи.*

протяжный жалобный звук, который иногда довольно быстро повторяется и оканчивается тремя или четырьмя краткими звуками. Кроме того, он может издавать низкий горловой звук «а-о-ун». Когда тигр сильно удивлен или испуган, то громко вскрикивает «ху-аб» или «вау»; когда сердится, то глухо рычит, а при нападении на добычу издает крик ярости, похожий на сухой кашель. «Голос тигра, — пишет Форзит, — производит сильное впечатление в ночной тишине, он невольно вызывает представление о страшной силе».

Тигра нельзя считать храбрым зверем: он не только осторожен и робок, но даже труслив, хотя принадлежит к числу хитрых и коварных хищников. Когда тигру впервые приходится встречаться с человеком, он всегда бежит от него. Большинство тигров теряет присутствие духа от сильного шума и энергичных жестов, и, вероятно, ни один из них не может противостоять хладнокровному и решительному противнику. Но многие тигры убеждаются на опыте, что с человеком им не трудно справиться, и тогда они делаются очень опасными, так как подкарауливают беззащитных людей и неожиданно нападают на них; таким образом, тигры бывают в некоторых случаях не только смелыми, но даже нахальными. Некоторые местности становятся почти необитаемыми вследствие хищнических набегов тигров: утверждают, что пешие переходы от одной деревни к другой иногда возможны только в сопровождении нескольких смелых охотников и только с зажженными факелами, если путешествие происходит ночью. В окрестностях деревень и даже у самых хижин тигры хватают иногда людей среди белого дня и, случается, заставляют их покидать свои жилища. Чаще всего страдают от тигров люди, живущие одиноко в лесах или на полях, например, пастухи, дровосеки, земледельцы; особенно плохо приходится пастухам, которые должны защищать не только себя, но и стада. Почтальоны также часто делаются их добычей*.

В конце шестидесятых годов в Майсуре жил тигр-людоед, который приобрел печальную известность и наводил ужас на все окрестности, пока, наконец, счастливая пуля не положила конец его злодеяниям. Там же в 1873 году появилась тигрица с детенышем; она была менее опасна, однако за шесть месяцев съела одиннадцать человек. Сандерсон в течение нескольких недель преследовал этого хитрого зверя и, наконец, однажды вечером подкараулил и застрелил его у убитой им коровы. Форзит в начале шестидесятых годов застрелил нескольких тигров-людоедов в центральных районах Индии. Один из них совершенно парализовал движение по некоторым дорогам и вынудил жителей многих деревень бросить свои хижины. Люди осмеливались выходить в лес только большими вооруженными толпами, барабанным боем и криком отпугивая тигров. Это было в 1862 году, когда строившаяся железная дорога из Бомбея в

Аллахабад дошла именно до этой местности. Но работы должны были прекратиться, так как дровосеки не осмеливались более идти в лес, чтобы рубить там деревья на шпалы. Этот тигр распространял свои набеги на район, имевший от 50 до 60 км в диаметре, и сожрал более ста человек до того, как Форзиту удалось его убить. В той же местности, по словам Фейрера, другой тигр похитил за три года 108 человек, пока не был убит скрытым в приманке самострельным ружейным стволом. Одна тигрица терроризировала жителей тринадцати деревень, вынудив их покинуть свои дома, не давала возможности заниматься сельскими работами на площади 1000 квадратных километров и очень хитро избегала всевозможных ловушек до тех пор, пока английскому охотнику не удалось ее застрелить. Другая тигрица была убита в 1869 году на берегах реки Годавари, после того как умертвила 127 человек.

Статистические данные о числе людей, ставших жертвами диких животных, свидетельствуют, что число жертв постоянно возрастает и в 1886 году достигло 24,841 случая, но по многим причинам следует сомневаться в справедливости этих цифр, потому что девять десятых смертных случаев приписывается ядовитым змеям, а лишь одна десятая приходится на долю хищных животных. Число людей, ставших жертвами тигров, ныне значительно сократилось. Официальные данные о числе людей, умерщвленных тиграми в 1877—1886 годах, и о количестве убитых тигров приведены в нижеследующей таблице.

1877 г. —	819 человек,	1579 тигров.
1878 г. —	816 человек,	1493 тигра.
1879 г. —	698 человек,	1412 тигров.
1880 г. —	872 человека,	1689 тигров.
1881 г. —	889 человек,	1557 тигров.
1882 г. —	895 человек,	1726 тигров.
1883 г. —	985 человек,	1825 тигров.
1884 г. —	831 человек,	2196 тигров.
1885 г. —	838 человек,	1855 тигров.
1886 г. —	928 человек,	1464 тигра.

Из таблицы видно, что в среднем тигров ежегодно убивается в два раза больше, чем они уничтожают людей, при этом не принимаются в расчет те тигры, которые были только ранены и, возможно, позднее умерли. К сожалению, не зафиксировано, сколько людей умирает впоследствии от ран, полученных на охоте за тиграми или при защите от них стад. Если же принять в расчет, что население тех областей Индии, где обитает тигр, в 1886 году достигало 200 миллионов человек, а по некоторым данным даже 250 миллионов, то вред, наносимый тиграми людям (менее 5 жертв на миллион людей), окажется очень незначительным. Кроме того,

** Ныне в Индии живет не более 3000 тигров, то есть столько, сколько убивали их в XIX в. охотники за два года.*

как уже выше сказано, эти данные никак нельзя считать безусловно верными*.

В виде общего заключения можно сказать: люди в такой же мере становятся жертвами тигров, как и других хищных животных, и происходит это большей частью только тогда, когда они сами на животных нападают. Некоторые тигры, однако, первыми нападают на людей, но число жертв в таких случаях, кстати, довольно редких, незначительно.

По некоторым сведениям, на Яве и Суматре только в 1862 году тигры загрызли до 300 человек, но знатоки тамошней жизни не верят этим сведениям. Ботаник Тейсманн, в течение сорока лет исследовавший необитаемые районы голландской Ост-Индии, ни разу даже не встретился с тигром. Розенберг, который тридцать лет провел в этих местах, слышал только об одном человеке, умерщвленном тигром. Подобные же указания дает и Форбес. Многие путешественники по Индии также ни разу не видали дикого тигра. О том, что тигры вовсе не так обыкновенны, свидетельствуют и охотники. Один из них, Форзит, например, говорит: «По правде сказать, в Индии вовсе не опасно путешествовать по пустынной местности, за исключением разве что очень хорошо известной области, где совершает свои набеги тигр-людоед. Для успокоения робких путешественников могу я указать, что никогда ни один тигр не нападал на мою стоянку, хотя я странствовал с малым числом спутников, никаких особых мер предосторожности не предпринимал и часто, как выяснялось впоследствии, устраивал ночлег очень близко от логовища этого зверя». Блэнфорд, который двадцать лет кряду исследовал Индию, согласен с Форзитом и говорит, что из тигров для человека могут быть опасными только довольно редко встречающиеся людоеды, или тигрицы, защищающие своих детенышей, или же очень голодные тигры, которые не могут сами добыть пищу.

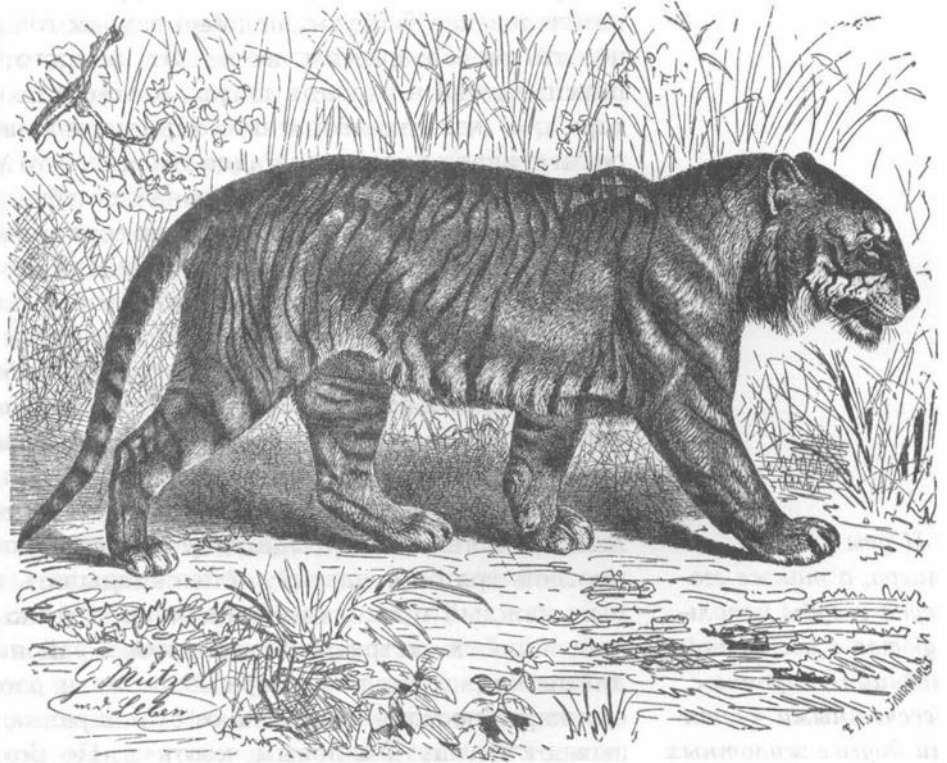
В свое время много говорили, да и ныне еще толкуют о страхе, который наводил тигр на жителей острова Сингапур. При занятии острова англичанами в 1819 году он был совершенно необитаем и тигров там не было. Появление их было замечено лишь в 1835 году. Сразу возникло предположение, что тигры должны были переплыть морской пролив шириной около двух километров. Скоро нашли доказательства справедливости этого предположения. Однажды утром в сетях, расставленных у берега острова, нашли запутавшуюся и едва живую тигрицу. Так как сети были поставлены в несколько рядов, а тигрицу нашли в одной из сетей, расположенных далеко от берега, очевидно, что животное не могло туда попасть с острова, а приплыло с материка. Вскоре тигры стали умерщвлять в Сингапуре людей; число смертных случаев быстро росло. В шестидесятых годах число жертв, по некоторым известиям, доходило до 400 человек в год; по другим данным, тигры в среднем пожирали по одному человеку в день,

преимущественно китайских рабочих на плантациях. Следует удивляться, как люди могли при таких обстоятельствах жить на острове вне города, ведь из ста человек один становился в то время жертвою тигров; еще более удивительно, что английские охотники не занялись истреблением этих тигров-людоедов, тем более, что не все тигры занимаются охотой на людей, и не могли же в Сингапуре собраться тигры-людоеды со всех окрестностей.

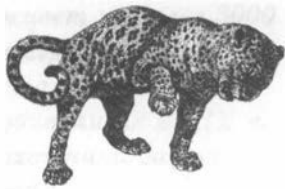
Но есть и более успокаивающие известия. Ботаник Кунце, который путешествовал по острову в 1875 году, многие из преувеличенных известий о вреде тигров называет баснями, так как, несмотря на все его старания, он не мог получить достоверных данных о страшных опустошениях, производимых тиграми.

Поскольку в Европе ему верить не хотели, он обратился к немецкому консулу в Сингапуре Биберу с просьбой проверить распространенные сведения об огромном числе людей, съеденных тиграми в шестидесяти годах. Бибер ему отвечал: «По официальным данным, в течение четырех лет, с 1862 до 1866 год, полиция получала известия о том, что тигр съедает одного человека в шесть или восемь недель, то есть речь идет примерно о восьми смертных случаях в год. В малайской части города постоянно можно видеть двух или трех живых тигров, которые показываются за деньги, они были пойманы туземцами в ямы-западни. В последние десять лет тигры в Сингапуре стали очень редки; теперь (1878 год) их не более двух или трех на всем острове». Кунце кроме того указывает, что в газете, издающейся в Сингапуре, за весь 1879 год описаны только два случая смерти людей от нападений тигров. Эти известия, значительно отличающиеся от прежних, подтверждаются Гансом Мейером, который несколько раз посещал Сингапур в 1882 году. Таким образом, представление об ужасах, производимых тиграми в шестидесяти годах, было сильно преувеличено.

Тигр
(*Panthera tigris*)

Семейство кошачьи

** И усы, и лапы тигра, а также его череп и зубы используются в восточной медицине наравне с бесчисленными частями других животных с одной основной целью — увеличения мужской потенции. Тем не менее все эти ингредиенты снабдий стоят баснословные деньги, и даже введение самых строгих мер взыскания за убийство тигра не может спасти этих кошек в Китае и Корее.*

Следует иметь в виду, что из многих тигров только некоторые, так называемые людоеды, действительно опасны для человека, и нельзя зло, причиняемое немногими экземплярами, распространять на всех тигров. Но в любом случае это опасный зверь, недаром он всегда занимал важную роль в рассказах и преданиях местных жителей. В некоторых областях Индии тигр считается божеством, и жители, говоря о нем, употребляют различные описательные наименования, а по имени не называют. Народы восточной Сибири, по сообщениям Радде, имеют такие же воззрения и называют его «зверь-человек», дауры — «зверь-властелин», некоторые тунгусы говорят о нем только шепотом и называют его «лавун» — словом, непонятным для тигра и потому безвредным для человека. Тунгусы, подобно даурам и маньчжурам, полагают, что тигры с возрастом достигают высшего чина и требуют больших почестей и что есть тигры, которые по чинам равны губернаторам. У многих аборигенов Приамурья почитание тигра имеет религиозный характер: Радде слышал, что тигра называют «бурхан», что на местном языке означает «божество». Основанное на боязни почитание этого хищника составляет у южных тунгусов важную часть их религиозных воззрений, состоящих из смешения шаманства и буддизма. Живущие в горах Хинган орочи боятся не только самого тигра, но даже следов его, и когда найдут их, то кладут на следы половину своей охотничьей добычи, чтобы умиливать животное-божество. Кто убьет тигра, говорят тунгусы, тот наверняка будет съеден другим тигром. Коренные жители острова Суматра убеждены, что тигр — это оборотень умершего человека и потому его нельзя убивать. В Индии имеют обыкновение устанавливать на тех местах, где тигр загрыз человека, высокий шест с цветной тряпкой наверху или складывать кучу камней, к которым каждый проходящий прибавляет по камню (последний обычай, впрочем, встречается и в других районах земного шара). Индийцы также видят в тигре оборотня и рассказывают, что души его жертв постоянно окружают его, охраняют от опасностей и указывают ему путь к новым жертвам. По Боку, некоторые жители Сиам охотно едят мясо тигра, думая, что оно придает силы. Сиамцы упрекали жившего среди них Бока в том, что он привлекает в их деревни тигров, так как случайно, во время его пребывания там, тигры подкрадывались к жилищам и нападали на домашних животных, собак, рогатый скот. Усы тигра в некоторых районах Индии считаются смертельным ядом и сжигаются сразу, как только его убьют, в других же местах, по показаниям Жердона, особенно в южной Индии, эти усы ценятся очень высоко, так как думают, что их обладатель получает неограниченную власть над женским полом*. У некоторых народов Индии было принято, по Блэнфорду, давать торжественные клятвы, стоя на тигровой шкуре.

Некоторые индийские князья до сих пор запрещают в своих владениях тигровую охоту, считая ее царской забавой и предо-

ставляя право на нее только самим себе, но в других местах, где много европейских поселений и англичане усиленно истребляют тигров, их почти совсем не осталось. В прежние времена индийские князья устраивали большие охоты на тигров, причем главную роль играли торжественная обстановка, наличие огромной свиты, шум и блеск лагерной жизни; тигров же убивали очень мало. В XVII веке, по отчету иезуитского миссионера Вербье, китайский император однажды выступил на тигровую охоту с целым войском, окружил большое пространство и устроил огромных масштабов облаву. Было убито более тысячи оленей, много медведей, кабанов и шестьдесят тигров. В 1683 году китайский император отправился на охоту с 60 тысячами людей и 10 тысячами лошадей, но охота была не очень удачной. Мекерн описывает большую охоту, устроенную в Индии аудским набобом. У этого князя было целое войско пехоты и конницы, несколько пушек, более тысячи слонов и неисчислимое количество телег, верблюдов, вьючных лошадей и носильщиков. Его жены сидели в особых закрытых экипажах; в свите находились баядерки, певцы, шуты, фокусники, охотничьи гепарды, соколы, боевые петухи, соловьи и голуби. Было убито много разной дичи, но нашли только одного тигра, логовище которого было окружено двумястами слонов. Набоб приказал гнать его к тому месту, где сидел он сам на слоне в окружении воинов. Тигра сначала ранили, затем погнали к набобу, который его и убил. Карл фон Герц был на охоте на тигра, устроенной начальником индийского войска. В охоте участвовало до 40 слонов, из которых восемь было предназначено для охотников, а остальные играли роль загонщиков; на слонах, кроме вожakov, сидело по два или по три индуса. Всеи процессии приходилось проезжать по зарослям бамбука и тростника высотой в пять-шесть метров. Убит был всего один тигр.

Индийские князья загоняют иногда тигра в сети. Для этого устраивают изгороди из высоких бамбуковых шестов, которые втыкают в землю на расстоянии 4—5 метров один от другого; между шестами натягиваются широкие, крепкие сети. Эта изгородь из сетей имеет в конце острый угол, в вершине которого устраивают из бревен высокий помост, на который становятся вооруженные винтовками охотники. Тигра загоняют в этот угол, где стрелки убивают зверя меткими выстрелами. Сети в низких местах имеют около 4 м вышины и лишь слабо прикреплены к шестам, так что когда тигр старается через них перепрыгнуть, они падают, а животное в них запутывается. Эта охота требует, впрочем, большого количества загонщиков, которых нельзя заменить, как это часто делают, слонами, так как эти последние очень часто, не замечая сетей, ломают изгородь и дают таким образом тигру возможность спастись. Чтобы загнать тигра в должное место, его пугают всевозможными средствами: стучат, стреляют, барабанят, зажигают огни, бросают зажженные факелы в тростник

и с особенным успехом пускают большие ракеты, которые направляют совсем наклонно, чтобы они летели на небольшом расстоянии от земли. Если тигр оказывается в окруженном пространстве, то вскоре начинает спасаться бегством. Он, конечно, бежит в ту сторону, где нет шума и огня и скоро натывается на изгородь из сетей. Так как она слишком высока, чтобы через нее перепрыгнуть, и слишком упруга, чтобы ее прорвать, животное принуждено бежать вдоль сетей к тому месту, где охотники из своего безопасного убежища могут его застрелить, чем обычно и оканчивается охота. Этот способ охоты имеет, однако, крупный недостаток: он требует сложных приготовлений, большого количества людей и, следовательно, значительных расходов, а потому применяется редко и считается для охотников большим празднеством. Результаты такой охоты далеко не всегда соответствуют сложным приготовлениям: тигр иногда прячется, пропуская мимо себя загонщиков, и убегает в другую сторону, иногда же просто прорывает шумную, но в сущности безопасную цепь загонщиков.

Гораздо выгоднее охоты облавой охота в одиночку, когда какой-нибудь смельчак отправляется на тигра один или с немногими помощниками. Точно так же, как в Африке есть храбрые охотники на львов, в Индии встречаются специалисты по охоте на тигров. В местностях, поросших высокой и густой травой, охотники большей частью едут на слонах, поскольку, идя по земле, тигра очень часто и не увидишь. Фейрер сообщает, что при подобных условиях четыре охотника с 19 апреля по 1 мая 1855 года в Ауде (историческая область в Индии) убили без всякого вреда для себя одиннадцать тигров. Слоны, однако, стоят дорого, особенно хорошие охотничьи слоны, поэтому охотники часто обходятся без них, особенно в местах, где среди чащи встречаются незаросшие прогалины — там тигра легче заметить. Охотник взбирается еще засветло на дерево около полусъеденной добычи тигра и дожидается его возвращения к ней или приманивает зверя привязанной к дереву скотиной. Днем отыскивают следы тигра и его логовище, иногда окружают сетями целые рощи или загоняют зверя к известному месту (тигр предпочитает ходить по тропинкам, сухим руслам ручьев и другим открытым местам, чем продирается сквозь густой кустарник). Он довольно легко, как всякая другая дичь, позволяет загнать себя по известному направлению.

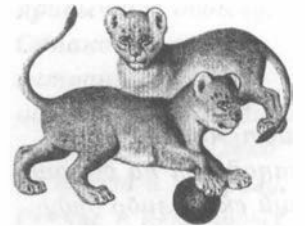
Местные жители хорошо знают образ жизни тигров и их любимые пристанища. Они не боятся даже в небольшом числе обыскивать лес и кусты, но при этом обычно держатся близко друг от друга. При подобных условиях очень редко случаются несчастия, потому что тигр почти никогда не решается броситься на толпу шумящих и кричащих людей. Насколько он выказывает смелости при неожиданном нападении на свою жертву, настолько он труслив, когда ему самому грозит опасность. Стрелять

в тигра почти совсем безопасно: он постоянно избегает борьбы с человеком и когда видит, что за ним гонятся, всегда, как настоящий трус, обращается в бегство. Как и лев, тигр опасен только когда ранен или загнан со всех сторон: в таком случае он, видя себя в безвыходном положении, иногда яростно бросается на врагов, не столько для того, чтобы отомстить за себя, сколько для того, чтобы прорваться на свободу или прогнать охотников. Если бы это было не так, то ни один охотник на тигров не мог бы обеспечить себя нужным для облавы числом загонщиков. Местные жители боятся только тигров-людоедов. С прочими тиграми индийцы живут, так сказать, в дружественных отношениях и наиболее известных из них называют даже собственными именами.

Стерндаль рассказывает, что в шестидесятых годах во многих центральных областях Индии на тигра смотрели, как на необходимую принадлежность известной местности. Если он устраивал логовище слишком близко от человеческих жилищ, случалось, что мальчишки бросали в него камнями. Стерндаль видел также, как пастух, у которого тигр схватил теленка, набросился на него с ругательствами и до тех пор колотил палкой, пока хищник не оставил еще живую добычу. Пастух вовсе не считал, что совершил геройский поступок, и когда его хвалили за храбрость, то удивленно спрашивал, неужели могли думать, что он добровольно отдаст разбойнику скотину из своего стада. Конечно, местные жители осмеливаются бесцеремонно обращаться только с таким тигром, характер которого они хорошо знают — не со всяким зверем можно это проделать.

Как было уже сказано, характеры у тигров довольно разнообразны, и, по словам хороших знатоков, в зависимости от их добычи тигров можно разделить на три главные группы: тигры, уничтожающие дичь, тигры, нападающие на скот, и тигры-людоеды. Тигры, преследующие дичь, избегают жилищ человека, так как настоящим их местообитанием следует считать безлюдные места, где они во всякое время могут спокойно рыскать по лесам, кустарникам и травяным чащам. В случае нужды тигр легко переселяется из одной местности в другую, следует за дичью, перемещающуюся в разные сезоны года с места на место; так что эти тигры встречаются в горах, на равнинах, а также в холмистых местностях. Для охотника такой тигр, конечно, часто бывает соперником, но для земледельца это добрый приятель, который играет роль почти домашнего животного, спасающего посеvy, например, от оленей, диких свиней, которые сильно вредят земледельцу и от которых он не знает как избавиться. Тигры, гонящиеся за дичью, обычно меньше ростом и более ловки, чем другие, хотя среди них встречаются и очень крупные экземпляры. К этой группе относится наибольшее количество тигров; в жаркое и сухое время года они собираются у еще непересохших рек и озер.

Семейство кошачьи

** В основном тигры систематически нападают на домашний скот либо будучи ранеными или истощенными, либо при отсутствии другой, более естественной добычи.*

Тигры, похищающие скот, поселяются обычно близ деревень и чаще всего выбирают себе добычу среди домашних животных: скот нередко выгоняют на пастбище или оставляют ночью бродить без надзора между хижин, но в большинстве случаев хозяева запирают его на ночь в хорошо огороженных хлевах, и потому тигры приучаются хватать добычу днем, большей частью в послеобеденное время. Если тигра не преследуют и не пугают, он живет постоянно близ известных деревень; в противном случае, он распространяет дальше свои набеги. В Майсуре (Индия), в одной местности площадью 800 квадратных километров, жили 8 тигров из тех, что убивают скот. Иногда тигры довольствуются козами, овцами, ослами, а при случае хватают оленей, кабанов и другую дичь. Только старый, заживевший и избалованный тигр довольствуется исключительно рогатым скотом; тогда он избирает себе удобную местность, где может найти достаточно мяса и воды. С жителями деревень такой тигр сосуществует на условиях взаимной снисходительности; через каждые три или четыре дня он регулярно убивает одну скотину. Пастухи, уже поднаторевшие в обращении с тиграми, часто спорят с ними из-за добычи и стараются их прогнать. Иногда и сильные быки удачно защищают стадо от нападений хищника. С другой стороны, тигры, которым иногда долго не удается зарезать скотину, при случае загрызают животных про запас, причем число жертв бывает 3—5 в один день. Сандерсон рассказывает, что однажды тигр загрыз за один раз четырнадцать коров и телят, которые, правда, были уже полуживыми из-за холода и ветра*.

Но по количеству убиваемого тигром рогатого скота нельзя, конечно, судить в целом о приносимом им вреде. Индусы вообще не убивают рогатый скот, и потому в каждой деревне можно встретить большое число старых и больных животных, которые могут лишь распространять различные болезни и, собственно говоря, только и годятся, что на корм тигру. Здоровый молочный и рабочий скот поселяне тщательным образом оберегают и защищают от нападений хищников. Тигр приносит известную пользу и тем, что уничтожает и отгоняет диких травоядных животных, угрожающих полям опустошением. В некоторых местностях люди рискуют засеять поля только потому, что знают о существовании там тигров и леопардов. Поэтому земледельцы не бывают довольны, когда охотники убивают слишком много животных, питающихся дичью, которые для них служат как бы полевыми сторожами. Когда выстрелом Сандерсона был убит давно всем известный, весьма хитрый и чрезвычайно крупный тигр, истребитель скота, местные жители, окружившие его труп, с сожалением говорили: «Жаль его! Он никогда не приносил нам вреда».

Тигр-людоед большей частью не что иное, как прежний истребитель скота, вследствие частых столкновений с людьми, особенно с пастухами, потерявший к ним всякий страх. Людоедами

бывают чаще самки, чем самцы, вероятно, потому, что они должны заботиться о своих детенышах; иногда же людоедом бывает раненый или несколько изувеченный тигр, который не может обычным способом себя прокармливать*. Так как на человека легче напасть и легче его осилить, чем домашнее или дикое животное, тигр, уже переставший бояться людей, нападает на них, когда уверен, что не подвергает себя опасности. Вследствие этого сложилось мнение, что он предпочитает человеческое мясо всякому другому. Но это предположение, как и то, что тигр-людоед обыкновенно очень худ, было опровергнуто противоположными доводами. У старых тигров шерсть становится светлее и полосы как бы выцветают, потому что в них появляется седина. Эти опасные хищники питаются не только человеческим мясом; они подкарауливают и всякую другую попадающуюся им добычу. Нрав и привычки подобных тигров весьма различны, и некоторые из них бывают особенно опасны. Внешние обстоятельства и, так сказать, происхождение и воспитание играют при этом, вероятно, главную роль, потому что детеныши, которых мать выкормила человеческим мясом и которые были свидетелями ее нападений, конечно, скорее других решатся наброситься на людей. Тигры становятся людоедами преимущественно в тех местностях, куда только в известное время года пригоняются стада, и где, по их уходе, тигры — истребители скота — бывают вынуждены вследствие недостатка пищи нападать на людей. Тигр-людоед не выказывает большей смелости, чем прочие тигры; он, правда, очень нахален, но трусливо убегает от вооруженных людей и нападает на одиноких и безоружных, которых прекрасно умеет распознавать. Охотиться на него весьма трудно, так как он вследствие своего образа жизни лучше других тигров знает привычки людей. «Этот страшный для робких и безоружных индийцев зверь, — пишет Сандерсон, — встречается теперь, к счастью, очень редко; об ужасных людоедах уже почти не слышно, и если они и появляются, то их очень скоро убивают. До появления в Индии многочисленных европейских охотников тигры, конечно, могли вынуждать жителей покидать ту или иную местность; еще и теперь можно найти в пустынных местах остатки деревень, которые были из-за тигров покинуты испуганными жителями. В Майсуре и окрестных областях о тиграх-людоедах теперь почти не слышно. В течение последних 15 лет (до 1879 года) там появился только один настоящий людоед, известный бенкипурский тигр; за его уничтожение правительство обещало выдать большую награду. Но между всеми застреленными и выдаваемыми за этого людоеда тиграми не могли узнать настоящего, хотя можно предположить, что он был убит местным охотником. Несчастные случаи прекратились сразу после того, как тот представил убитого тигра-самца со сломанной передней лапой. Однако поскольку нельзя было доказать, что именно этот тигр и есть разыскиваемый злодей, награда не была выплачена».

** Кроме раны, нанесенной человеком, косвенным виновником появления тигра-людоеда может стать дикобраз. Иглы дикобраза, воткнувшиеся в лапу тигра в тот момент, когда хищник пытался схватить грызуна, проникают глубоко в мышцы и там застревают, вызывая воспалительные процессы и мешая зверю охотиться на привычную добычу. Однако и в этой ситуации охромевший тигр становится людоедом далеко не всегда и не сразу. Сейчас в некоторых местах Индии проводится работа по предотвращению людоедства со стороны тигров. В определенных местах леса устанавливают человеческие манекены, к которым подсоединен источник электрического тока. Схвативший такую приманку хищник получает удар током, вследствие чего вырабатывает отрицательный*

Семейство кошачьи

рефлекс на соприкосновение с человеком.

Сандерсон даже советует щадить тигров, хотя ничего не имеет против правильной охоты на них. Но он возражает тем, кто считает полезным истреблять их всеми способами, даже с помощью западни и яда. По его мнению, при существующих условиях с уничтожением тигров во многих странах уменьшится доход с земли, так как земледельцы не будут в состоянии защищаться от вреда, приносимого им дикими травоядными животными. «Тигр, — пишет он, — не причиняет значительного вреда; дикие свиньи и олени, а не тигры и барсы угрожают сельскому хозяйству, главному источнику существования местных жителей. С этими травоядными могут справиться только крупные хищники, которым сама природа предназначила такую добычу. Жаль, что тигра ныне преследуют и истребляют даже всякими не охотничьими способами, главным образом вследствие поднявшегося в Англии общего вопля о громадном вреде, им причиняемом, чему вовсе не следовало придавать значения. Всевозможным образом надо выслеживать и убивать каждого тигра-людоеда, а также и вреднейших истребителей скота, но обыкновенные тигры менее всего опасны и притом приносят известную пользу. Да отдалится от нас то время, когда все тигры будут уничтожены!» Как начальнику правительственной охоты на слонов, Сандерсону пришлось жить сообразно своей должности — в отдаленных районах между дикими зверями. Во время своих путешествий он ознакомился с различными областями Индии и поэтому более чем кто-либо может судить о тамошних обстоятельствах.

Форзит, Блэнфорд и другие говорят о тигре почти то же самое. Шервилл прямо говорит: «Бенгальский тигр в сущности безвредный и робкий зверь и делается только тогда злым и опасным, когда ранен. Он редко беспокоит людей, разве только тогда, когда раздражен ими, а людоеды почти не встречаются в Бенгалии, за исключением, может быть, болотистых лесов в дельте Ганги». Фейрер, который признает вред, причиняемый этим животным, прибавляет, что всевозможные несчастья во время охоты на тигров случаются не чаще, чем в Англии на травлях лисиц.

Из вышесказанного можно заключить, что о тигре следует судить иначе, чем это делали до сих пор. Это хищник, который во многих местностях (по крайней мере в Индии) приносит больше пользы, чем вреда, и только в редких случаях бывает тем страшлищем, каким ранее описывали всех тигров вообще.

Обычно говорят, что тигр, как и лев, охотится следующим образом. Определив расстояние, он прижимается к земле, а затем большим прыжком бросается на жертву. Однако это не совсем верно: главная сила его нападения заключается в неожиданности. Если он сумел незаметно подкрасться к добыче, то схватывает животное безо всякого прыжка; если добыча довольно далеко, он приближается к ней несколькими быстрыми скачками, если же жертва убегает, он за ней гонится, стараясь ранить задние ноги

крупных животных сильными ударами передних лап; иногда, если это возможно, тигр пытается опередить добычу, пробираясь через чащу и еще раз бросаясь на нее сбоку. Следовательно, он не бросает, как другие кошки, ту добычу, которая в первый раз сумела от него спастись. Удары его лап редко бывают настолько сильными, что ломают большие кости. Часто думают, что раны, нанесенные тигром, очень тяжелы и трудно заживают, но Фейрер отрицает это, основываясь на собственном опыте врача и охотника. Больших зверей тигр убивает точно так, как лев, переламывая им шейные позвонки. По мнению Форзита и Бальдвина, он хватается животное зубами за затылок, но чаще, по словам Сандерсона, Стерндаля, Блэнфорда и других, за горло, а затем уже лапами переламывает ему шею. Из нескольких сотен жертв только две имели раны на затылке, а у всех остальных было перегрызено горло; да тигру и трудно напасть сверху на больших, особенно на рогатых, животных*.

Тигр обыкновенно при наступлении темноты тащит свою добычу в густые кусты; иногда, впрочем, он ее недалеко уносит. Сандерсон удостоверяет, как очевидец, что сильный тигр-самец пронес тяжелого быка через густой кустарник на расстояние 300 шагов. Когда ему не мешают, он наедается досыта и, по достоверным сведениям, может съесть зараз около 30 килограммов мяса. Он почти всегда начинает с задней части, только изредка с боков. Во время еды он не раз подходит к ближнему водопою и много пьет, причем иногда опускает голову в воду до самых глаз, чавкает и фыркает, как будто хочет хорошенько промыть себе пасть. После сытной еды тигр засыпает и долго наслаждается дремотой, происходящей от полного насыщения; он встает только чтобы напиться. Вечером следующего дня между 4 и 9 часами тигр обычно возвращается к своей добыче, чтобы снова поесть, если только найдет остатки ее: ими питаются многие мелкие хищники, которые при виде тигра поспешно убегают.

Существует много различных, иногда очень оригинальных, способов охоты на тигров. Устраивают различного рода ловушки, часто в виде глубоких ям, куда тигр проваливается. Прежде посреди ям ставили острый деревянный кол, но с тех пор, как один несчастный европеец на прогулке провалился в такую яму и попал на кол, подобные ловушки были запрещены, по крайней мере в Сингапуре. На острове Ява, по словам Гаскарла, ловушка устраивается в виде высокого сруба с отверстием, которое запирается падающим затвором; в срубе привязывают живую козу, которая привлекает тигра своим бляньем. Когда хищник войдет в сруб и схватит привязанную козу, то дернет веревку, которая держит затвор, и тот падает. В Индии подобные ловушки представляют собой большую железную клетку. Европейцы пробовали устраивать большие стальные капканы, вроде тех, что употребляются для ловли лисиц, но в такие капканы тигры попадают редко.

** Как и подавляющее большинство кошек, тигр — хороший бегун только на очень короткой дистанции. Поэтому, охотясь, он старается начать погоню с как можно меньшего расстояния до жертвы, чтобы можно было догнать ее в несколько прыжков. Всегда ли тигр тропит раненую и вырвавшуюся жертву — неизвестно, скорее, можно предположить обратное. Огромные лапы тигра с кривыми вытяжными когтями вовсе не так тяжелы, как принято думать. Тигр не ломает шею жертвы (кстати, самую прочную и мускулистую часть большинства копытных), а лишь удерживает лапами с выпущенными когтями свою добычу, чтобы она не вырвалась. Убивает же тигр, как и другие крупные кошки, укусом в загривок (сравнительно некрупных животных) или чаще в горло, причем*

Семейство кошачьи

во втором случае держит, пока животное не задохнется (иногда до 10 мин.). Ударом лапы тигр может убить только каких-либо некрупных животных, типа детеныша оленя или зайца.

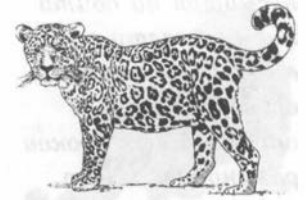
** Нельзя не отметить, что при прогулках по тропическому лесу разнообразные самострелы, вроде описанных Бремом, поставленные на тигра, а и на других животных, представляют для человека едва ли не самую большую опасность.*

Сандерсон рассказывает, как неудачно был употреблен такой капкан для поимки известного тигра «Дона», который оказался гораздо хитрее, чем предполагали. Как искусно ни скрывали капкан, тигр всегда находил возможность спустить его пружину без вреда для себя, а живую козу, привязанную в виде приманки, брал в награду за свое искусство. Таким образом тигр истребил целое стадо коз, пока, наконец, не был убит выстрелом Сандерсона. На Суматре, по словам Форбса, аборигены прикрепляют острое копые к длинной упругой жерди, которая натягивается веревкой; сооружение это помещается около отверстия в заборе, через которое должен пролезть тигр, чтобы приблизиться к приманке. Прибравшись сквозь отверстие, тигр задевает за веревку, натягивающую жердь, она выпрямляется и копые прокалывает тигра насквозь. В Ассаме (Индия), по словам одного путешественника, подобная же ловушка устраивается около водопоя; но здесь употребляют в дело лук со стрелой, намазанной ядом, который даже при малейшей ране вызывает смерть. Европейцы и местные жители, знакомые с огнестрельным оружием, устраивают также ловушки с заряженными стволами, выстреливающими, когда тигр схватит приманку. Последнее время часто применяют стрихнин, которым отравляют положенное в виде приманки мясо, но, как говорят, сила яда теряется, если мясо начинает разлагаться*.

Выгода от охоты на тигров довольно значительна. Кроме правительственной награды, определенной за уничтожение зверя, охотник может выгодно продать его жир, который индусы считают хорошим средством от ревматизма и некоторых болезней рогатого скота; от одного тигра получают 4—6 литров жира. В некоторых местах мясо тигра употребляется в пищу, и путешественник Ягор утверждает, что оно довольно вкусно. После одной охоты на Яве тамошний князь подарил Ягору убитых зверей. «Так как шкуры тигров были во многих местах проколоты, — говорит Ягор, — я удовольствовался тем, что взял для моей коллекции из внутренностей животных многих глистов и велел себе изжарить несколько котлет из мяса тигра. Против ожиданий котлеты оказались вкусными и похожими на мясо быка; прочие гости не верили этому и не соглашались даже попробовать это блюдо, которое им казалось противным».

В юго-восточной Сибири, по словам Радде, мясо тигра дозволяется есть только охотникам, которые его убили, или пожилым, опытным людям. Женщин же, по крайней мере у тунгусов, совсем не допускают до этого пиршества. Охотники глубоко верят, что мясо тигра действует на людей благотворно, придает силу и смелость; то же самое думают и в Сиаме. В некоторых местах мясо тигра считается лекарством, но китайские врачи полагают, что кости тигра действуют сильнее, чем его мясо; больше всего ценятся коленные чашечки, затем следует передняя пара ребер. В других странах зубы и когти тигра, его жир и печень ценятся

выше, чем мясо и кости. В Индии охотники украшают себя зубами тигров, служащими не только доказательством победы над ним, но и, как они полагают, средством защиты от нападений тигров. Азиатские и европейские дамы носят когти тигра, отделанные золотом и серебром, в виде украшений. Язык и печень тигра имеют большую ценность: индийские знахари готовят из них разные снадобья, которые продают верующим индусам, как самые действенные средства от болезней. Шкура тигра предохраняется от насекомых дубильными и другими веществами и отправляется большей частью в Европу или Китай. Богатые киргизы в прежние времена за нее дорого платили и делали из нее колчаны. В Европе шкура тигра имеет различную ценность, в зависимости от величины, красоты и целостности.

Кроме человека, у тигра, кажется, нет врагов, за исключением, может быть, индийской дикой собаки. Это быстрое и сильное животное обычно охотится днем, собравшись в стаи, и, по словам местных жителей, при случае преследует и тигра. Собаки гонятся за ним, окружают со всех сторон и самые смелые кусают его за задние ноги; так продолжается до тех пор, пока обессиленный и усталый тигр не свалится и не бывает побежден большим количеством нападающих собак. Хотя эти рассказы и не могут считаться вполне достоверными, довольно вероятно, что стая диких собак может в конце концов победить тигра, причем, конечно, и многие собаки погибают*.

До какого возраста может жить тигр на свободе — трудно узнать. Индусы думают, что возраст убитого тигра можно определить по числу лопастей его печени. Только Сандерсон дает кое-какие данные для решения этого вопроса. Крупный самец, которого он убил в Майсуре, был уже известен аборигенам в течение двадцати лет; он не имел никаких признаков старости — зубы были целы и не очень стертые, шерсть только начинала выцветать.

Время спаривания у тигра различно и зависит от климата его родины. На севере, говорят, спаривание происходит точно за три месяца до начала весны. В южных странах, по наблюдениям, сделанным в Индии, спаривание не связано с каким-нибудь временем года; рождение детенышей происходит в разные месяцы. Знатоки образа жизни тигров утверждают, что тигрица рождает не каждый год, а через два или три года; так, при матери находят или очень молодых, или взрослых детенышей, но никогда не замечали котят-погодков, что должно было встретиться, если бы тигрица рожала ежегодно. Во время спаривания голос тигров слышен чаще, чем в другое время; часто несколько самцов собирается около одной тигрицы, много самцов погибает в борьбе друг с другом во время течки у самок, которые погибают редко. Причина в том, что самки более осторожны, чем самцы. Через 100 или 105 дней после спаривания тигрица родит двух-трех, иногда

** Если не врагом, то достойным противником тигра является бурый медведь. Из схватки один на один (если по какому-то стечению обстоятельств до нее дойдет) медведь может выйти и победителем. Огромные амурские тигры иногда нападают на медведя вдвоем-втроем. Известны случаи, когда тигр бывал убит старым опытным кабаном. Хотя кабан в таких случаях не является инициатором схватки, как зверь всеядный он может и подкрепиться за счет неудачливого охотника.*

Семейство кошачьи

** У амурского тигра, несмотря на обитание в области с выраженной сезонностью климата, определенных сроков размножения нет. Беременность продолжается 98—112 дней. Детеныши при рождении имеют длину тела до 40 см и массу до 1 кг (обычно немного меньше). У амурского тигра детеныши остаются с матерью 2—3 года, достигая к концу этого времени 100—150 кг веса; соответственно, тигрица вновь спаривается по истечении этого периода, то есть когда тигрята становятся вполне самостоятельными.*

и четырех, а в редких случаях пять и даже шесть детенышей, причем устраивает свое логовище в непроходимой чаще кустарников или высоких трав*. Новорожденные тигрята вдвое меньше домашней кошки и, как все котята, очень милы. В первые недели тигрица оставляет своих детенышей очень ненадолго, только чтобы утолить сильный голод, но когда они немного подрастут, делает более продолжительные вылазки.

Сандерсон пишет об индийском тигре: «Местные жители говорят, что мать кормит сначала своих детенышей полупереваренным мясом, которое она отрывает, возвратившись из охотничьих набегов. Через шесть недель детеныши уже начинают переходить вместе с матерью от одного логовища к другому, но на охоту она их еще не берет, а приводит иногда к убитой добыче, если не приходится идти слишком далеко. Уже в раннем возрасте тигрята очень умны и умеют прятаться и даже защищаться, если их застанут одних. Двое молодых тигров, которые родились в ноябре 1875 года и жили недалеко от моей станции в Майсуре, в июне следующего года стали охотиться самостоятельно, но жили еще при матери. Им было пока трудно самим умертвить даже слабую старую скотину, и они терзали ее ужасным образом. При этом следует заметить, что они не смогли бы справиться и с этой скотиной, если бы она не была привязана. В одном случае несомненные следы указывали, что мать сидела вблизи и наблюдала, как один из ее детенышей загрызал привязанного быка. Я застрелил обоих молодых тигров около убитой добычи, к которой они возвратились, чтобы вторично поесть мяса: убитая 29 июля 1876 г. молодая самка имела 190,5 см длины и весила 53,5 кг, а молодой самец, убитый 25 ноября того же года, имел 211 см длины; взвесить я его, к сожалению, не смог».

Спаривание у тигров происходит не очень шумно, оно сопровождается обычно глухим рычанием и ворчанием. С новорожденными детенышами мать обращается очень нежно. Молодые тигрята рождаются совсем слепыми или с чуть прорезавшимися глазами, но растут быстро и скоро начинают играть совершенно по-кошачьи со своею матерью.

Азиатские властители уже давно владели искусством приручать тигров и даже пользоваться ими во время охоты. Марко Поло пишет: «У татарского хана в завоеванном им городе Камбалу много леопардов и рысей, с которыми он охотится; у него есть и львы, которые больше вавилонских львов, имеют красивый мех с белыми, черными и рыжими полосами и могут быть употребляемы для охоты на диких кабанов, буйволов, диких ослов, медведей, оленей, ланей и других животных. В высшей степени удивительно наблюдать, как такой лев бросается на добычу и с какой быстротой и силой он нападает. Хан возит их в клетках на колесах и в каждой клетке находится маленькая собачка, к которой лев привыкает. Помещают же их в клетках потому, что львы

слишком яростно бросаются на дичь, когда ее почуют, так что невозможно их удержать. К дичи их следует подвозить против ветра: иначе животные чуют льва издалека и от него бегут».

И в наши дни индийские князья для забавы устраивают побоища между пойманными тиграми и другими сильными животными, например, слонами и буйволами. Ташар видел такое побоище в Сиаме. На площадь, окруженную высоким частоколом, вывели трех слонов, головы которых были покрыты чем-то вроде панциря. Тигр уже находился в ограде и его удерживали двумя веревками. Он был не из крупных и, когда увидел слонов, хотел убежать, но тотчас же получил несколько чувствительных ударов хоботом по спине, так что упал на бок и некоторое время лежал как мертвый. Он, однако, вскочил, когда его отвязали, заревел и вцепился в хобот одного слона; тот приподнял тигра кверху и так сильно ударил его бивнями, что тигр полетел высоко вверх, тяжело упал и более не осмеливался нападать, а стал карабкаться на частокол, чтобы убежать из ограды. На него направили тогда всех трех слонов, которые так сильно били тигра, что он снова упал как мертвый, и после этого уже только старался спастись от своих врагов. Побоище тогда приказали кончить, но было очевидно, что слоны могли бы легко убить тигра.

Бои между буйволами, тиграми или другими хищными зверями и людьми, вооруженными копьями, принадлежат к любимым удовольствиям южноазиатских князей, особенно на острове Ява. Э. Мартенс и Ягор описывают почти одинаковыми словами подобное побоище. «Князь вместе с резидентом и всеми присутствующими европейцами отправились в павильон, чтобы посмотреть на бой между королевским тигром и буйволом. Цилиндрическая клетка в 6 метров высотой служила помещением для буйвола, украшенного венками. Тигр помещался по соседству в клетке меньших размеров. Когда отворили дверцу, соединяющую эту последнюю клетку с клеткою буйвола, все зрители напряженно стали ждать появления тигра, однако он не выходил и его пришлось выгонять, довольно долго пугая зажженными факелами. Наконец, он выполз в большую клетку, но вовсе не выказывал желания начать борьбу*. Тигр бегал вдоль ограды и, очевидно, трусил. Буйвол, который некоторое время равнодушно на него посматривал, вдруг бросился на зверя и ударил его рогами; тигр со страху полез по бамбуковой ограде вверх, его оттуда прогнали, обливая кипятком, прысая ему в морду отваром перца и нанося удары копьями. Обоих животных всячески дразнили люди, сидящие на верхней части клетки; наконец, тигр кинулся на буйвола, вцепился зубами в его правое ухо, а передней лапой захватил за затылок. Буйвол громко ревел, тщетно старался освободиться от тигра и несколько раз прижимал его к земле. В конце концов тигр упал и получил несколько таких сильных ударов рогами, что лежал как мертвый; буйвол стал его обнюхивать и, когда тигр

** Можно только высказать надежду, что подобные варварские, изуверские «увеселения» остались в прошлом.*

пытался снова укусить его, так ударил зверя рогами, что тот растянулся во весь рост и лежал неподвижно. Зрители были недовольны исходом боя и старались различными средствами раздражить животных, но старания эти были напрасны, пришлось открыть дверь тигровой клетки, и тигр, испуганный горящими факелами, поспешно удалился в свое логовище.

В пять часов пополудни на площади перед домом князя было снова устроено побоище, которое на местном языке называется «ромпок». Большая четырехугольная площадь была окружена несколькими рядами воинов, вооруженных копьями (их было около двух тысяч человек). В середине четырехугольника стояли две небольшие клетки, окруженные соломой, и третья, побольше, напоминающая крышу. В каждой из маленьких клеток находилось по тигру. За копьеносцами стояла огромная толпа зрителей. По данному знаку зажгли солому, окружавшую одну из клеток, но тигр долго не выходил. Это был тот же несчастный зверь, который утром так сильно пострадал во время борьбы с буйволом. Уже боялись, что тигр в клетке сгорел или задохнулся, но наконец он показался, выползая из клетки задом. Когда он вылез и оглянулся, то так испугался, что полез обратно в горящую клетку и долго там скрывался, пока огонь не заставил его вторично выскочить. Не трогаясь с места, тигр стал осматриваться и искать какое-нибудь другое убежище. Тогда люди, скрывавшиеся под высокою крышею, из отверстия которой торчали копья, подвинулись вместе со своим помещением вперед и вынудили зверя подняться. Так как тигры охотнее всего бегут против направления ветра, то соответствующая сторона была окружена большим числом людей, но тигр в этом случае поступил против своего обыкновения и в отчаянии бросился на ту сторону ограды, где людей было меньше. Но здесь его очень скоро убили несколькими ударами копий. После этого была зажжена солома у второй клетки. Второй тигр выказал больше храбрости: одним прыжком выскочил он из клетки, осмотрел своих врагов и постарался прорваться с подветренной стороны. Прогнанный оттуда, он повторил свою попытку подалее, но тут же был заколот, причем люди, возбужденные этим зрелищем, совершенно напрасно кололи копьями уже мертвого тигра».

Мартенс дополняет вышеприведенное описание Ягора еще тем, что люди, которые отворяют клетку тигра, бывают вооружены только одними кинжалами. «Обычай требует, чтобы люди, отворившие клетку, удалялись от нее тихими шагами, не оглядываясь; никогда не случалось, чтобы они подвергались нападению тигра». Ганс Мейер подтверждает это, что, впрочем, совершенно понятно, так как хищный зверь, уже усмиренный неволей и напуганный большим количеством вооруженных людей, вовсе не выказывает желаний начать борьбу.

Древние познакомились с тигром довольно поздно. В Библии о нем не упоминается, и греки о нем почти ничего не знали.

Неарх, полководец Александра Македонского, видел тигровую шкуру, но самого зверя не видал, а от индусов узнал, что величиной он с крупную лошадь и превосходит все другие существа своей силой и быстротой. Только Страбон говорит о тигре несколько подробнее. Римлянам он был вовсе не известен до Пунических войн; когда же они распространили свое владычество в Азии, парфяне доставляли им тигров. Плиний пишет, что Скавр первый показывал римлянам тигра в клетке в 743 году от основания Рима, то есть в 10 году до новой эры. Император Клавдий уже имел четырех тигров, и начиная с этого времени они довольно часто появляются в Риме; Гелиогабал запрягал их в свою колесницу, когда изображал Вакха, а при императоре Авите, в 455 году, за один вечер в цирке было убито пять тигров, чего прежде никогда не случалось.

Тигр, как и лев, не имеет близкородственных видов; наиболее сходное с ним животное — пещерный тигр, обитавший в средней Европе, давно вымер*.

Дымчатый леопард (*Neofelis nebulosa*) ** гораздо меньше тигра. Он похож на тигра своим удлиненным туловищем на коротких, но сильных лапах, маленькой, очень короткой головой с округленными ушами и рисунком своего длинного и мягкого меха, но с первого взгляда отличается от него более короткими лапами и хвостом, длина которого равняется длине тела. Основной цвет его меха довольно неопределенный: иногда он бывает пепельно-серым или буровато-серым, но часто переходит в серовато-белый с желтоватым или красноватым отливом; нижняя часть тела чаще всего бледно-рыжая. Голова, конечности и живот покрыты черными округленными и искривленными пятнами и полосами. По сторонам шеи тянутся три неправильные, продольные, темные полосы; вдоль спины тянутся также две подобные же полосы, а по сторонам головы замечаются несколько узеньких полосок; над плечами и бедрами и по бокам тела расположены неправильные черные пятна с угловатыми очертаниями: подобные пятна встречаются и на хвосте. Длина туловища около одного метра; хвост — от 74 до 92 см. Старый самец общей длиной 170 см весил 20,2 кг. Область распространения этого животного довольно обширна и включает весь юго-восток Азии и Большие Зондские острова. Дымчатый леопард встречается преимущественно в горных лесистых районах Индии (в Ассаме), Бирмы, Сиаме, полуострова Малакки, на островах Суматра, Ява и Борнео. В юго-восточной части Гималайских гор, в Сиккиме и Бутане, по свидетельству Жердона, эта кошка поднимается до высоты 3000 метров над уровнем моря, но Блэнфорд полагает, что выше 2000 метров она не встречается. На острове Формоза встречается ее разновидность с более коротким хвостом.

До последнего времени дымчатый леопард был очень редок в зоологических садах и музеях, да и теперь там можно увидеть

** Более правильное название — пещерный лев, так как населявшая Евразию в прошлом огромная кошка была более родственна льву. Из современных кошек ближайший родственник тигра, несомненно, лев, с которым у тигра очень большое анатомическое сходство и с которым он успешно гибридизуется в неволе.*

*** Дымчатый леопард — одна из самых красивых кошек. Среди анатомических особенностей — необычайно длинные верхние клыки, из-за которых дымчатого леопарда считают единственной современной полусаблезубой кошкой.*

лишь его единичные экземпляры. О его жизни на свободе известно, пожалуй, только то, что рассказывают о нем туземцы. Жители Суматры уверяют, что это животное не свирепо и питается только мелкими млекопитающими и птицами. К последним следует отнести и домашних кур, которых дымчатый леопард истребляет в большом количестве. Малайское его название указывает на то, что он живет большей частью на деревьях и, по-видимому, там спит и охотится, очень ловко лазая по сучьям и стволам. В Гималайских горах он нападает, как говорят, на овец, коз, свиней и собак.

Дымчатый леопард
(*Neofelis nebulosa*)

По всем рассказам видно, что дымчатый леопард добродушен, насколько может быть добродушна кошка. Несмотря на свою величину и силу, которые делают его похожим на настоящего леопарда, животное отличается необычайно кротким нравом.

В Лондонском зоологическом саду жил прекрасный, здоровый дымчатый леопард, совершенно ручной и добродушный; сторож с дымчатым леопардом обращался как с домашней кошкой. В этом отношении с ним можно сравнить

только гепарда. На толстом сучке дерева, которое находилось в его клетке, он любил лежать, принимая иногда самые странные и, казалось бы, неудобные положения.

Бок говорит, что на острове Борнео мех дымчатого леопарда высоко ценится даяками как боевое украшение. Они делают в шкуре отверстие около шеи и просовывают в него голову, так что большая часть шкуры висит сзади в виде плаща. Иногда шкуру разрезают и делают из нее ковры, а также круглые шапки, которые надеваются даяками на голову во время военных действий, а в большинстве случаев висят сзади и служат подушкой для сиде-

нья. Зубы и когти употребляются как талисманы и украшения для ушей.

Мраморная кошка (*Pardofelis marmorata*)*, похожа на дымчатого леопарда, только намного меньше, и также очень красива. Она больше домашней кошки: общая длина тела доходит до 100—106 см, из которых 35—40 см приходится на хвост. Ее мягкий и густой мех имеет буровато-желтую, светло-желтую или красновато-бурю основную окраску. Нижняя часть тела светлее и иногда даже белая. От лба через голову, затылок и спину тянутся продольные черные полосы, которые спереди и сзади состоят из отдельных пятен и только на затылке составляют сплошную полосу.

Мраморная кошка обитает в горных лесистых районах юго-восточной Азии, в восточных предгорьях Гималаев, Ассаме (Индия), Бирме, на полуострове Малакка, островах Суматра, Ява и, может быть, на Борнео; в Непале, кажется, она не встречается. О ее жизни на свободе ничего не известно, но, вероятно, она живет на деревьях, как и дымчатый леопард. В неволе встречается редко.

Из кошек Старого Света нам более всего известна **дикая кошка** (*Felis silvestris*), так как только она одна еще не вполне истреблена в Европе. Очень долго думали, что наша домашняя кошка происходит от этого дикого вида, и до сих пор некоторые натуралисты придерживаются подобного мнения, хотя исследования показали, что оно неверно. Дикая кошка по росту почти равна лисице, следовательно, значительно больше домашней кошки. От последней она отличается более густым мехом, большим количеством усов, диким взглядом, и крупными сильными зубами; голова у дикой кошки толще, туловище короче, а хвост более пушист и также короче, чем у домашней кошки; кроме того, хвост у дикой кошки

Семейство КОШАЧЬИ

* Мраморная кошка несколько напоминает дымчатого леопарда, но отличается меньшими размерами и массивностью и, конечно,

Мраморная кошка
(*Pardofelis marmorata*)

меньшей длиной
клыков. Длина тела
46—60 см, длина
хвоста 45—54 см.

** Дикая, или, как ее чаще называют, лесная кошка, населяет леса Западной и средней Европы на восток до Украины и Молдовы, Кавказа и Малой Азии. Размером и пропорциями очень похожа на крупную домашнюю кошку, с которой скрещивается. В местах одичания домашней кошки (например, в Англии и на Кавказе) могут возникать гибридные популяции, иногда с трудом отличающиеся от чистокровных лесных кошек.*

*** Как раз хвойные леса лесная кошка не населяет. Она предпочитает леса широколиственные, дубово-грабовые или букковые, но может селиться в смешанных лиственных лесах, зарослях кустарников, а иногда селится и в тростниковых плавнях.*

по всей длине одной толщины и на конце как бы обрублен, а у домашней он к концу постепенно утончается. Отличительными признаками дикой кошки считаются также желтовато-белые пятна на горле и темные или черные пятки. Дикая кошка весит от 8—9 кг, общая длина тела у нее 100—120 см, из которых 30—35 см занимает хвост, высота в плечах 35—42 см. Некоторые коты бывают еще крупнее. Например, лесничий Хаузиус застрелил в октябре 1888 года около Зангерхаузена кота, который весил 75 кг при длине 128 см. В той же местности, но позднее, был убит кот, который зимой, при глубоком снеге, очень сильно похудел, но был совершенно здоров и мог быстро убежать от охотника; по данным лесничего, который его застрелил, он весил всего 3,25 кг.

Мех у дикой кошки длинный и густой, у самца бледно-серый, иногда темно-серый, у самки желтовато-серый; морда рыжеватожелтая, нос телесного цвета, уши снаружи ржаво-серые, внутри желтовато-белые. Ото лба идут назад три параллельные черные полосы, которые, несколько загибаясь, проходят между ушами; две средние полосы скоро соединяются вместе и образуют одну полосу, которая тянется посередине спины и продолжается даже на верхней части хвоста. От этой полосы по бокам расходятся не очень ясные поперечные полосы темного цвета, которые тянутся к брюху. Брюшко желтоватое с несколькими черными пятнами, на лапах заметны черные поперечные полосы, около пальцев более желтого цвета; внутренняя сторона задних лап также желтоватая и без пятен, пятки, как уже сказано выше, темные, на хвосте заметно три или четыре черных кольца, которые у основания темнее хвоста. Глаза желтые.

Дикая кошка до сих пор еще живет по всей Европе, за исключением самых северных стран — Скандинавских и северной части России*. В Германии она держится в одиночку и обитает во всех гористых и лесистых районах, от Шварцвальда до Рудных гор. Встречается и на равнинах, в тех местах, где лес еще не вполне истреблен. Число диких кошек, вероятно, гораздо больше, чем обычно полагают. Часто дикая кошка встречается на юге, особенно на юго-востоке Европы; в лесистых предгорьях Альп живет повсюду и в большем количестве, чем в самих Альпах; в Боснии, Сербии, Хорватии, южной Венгрии, Румынии, да, вероятно, на всем Балканском полуострове она считается самым обычным хищником. В Испании дикая кошка также довольно обыкновенна, в лесах Франции она встречается не реже, чем в Германии; даже в Великобритании ее не удалось полностью истребить. Можно с некоторой долей достоверности утверждать, что область ее распространения не заходит далеко за пределы Европы. Ее находили в Закавказье, но в других азиатских районах она, кажется, не встречается. Большие высокоствольные леса, преимущественно хвойные, составляют любимое местопребывание дикой кошки**. Она предпочитает лесис-

тые местности, где есть скалы, так как там ей легче прятаться. Она устраивает логовище в ямах, где до того жили лисицы и барсуки, а также в дуплах толстых деревьев; за недостатком таких мест поселяется на сухих прогалинах болот, в заброшенных каменоломнях. Дикая кошка возвращается ночью в свое логовище только в холодное время года, а постоянно живет в нем только тогда, когда у нее есть детеныши; летом странствует с места на место, чтобы по возможности избавиться от сильно надоедающих ей блох, и проводит ночь где попало, но чаще в дуплах деревьев. Как часто еще встречается этот опасный хищник в Германии, можно видеть из следующих данных: зимою 1884—1885 года в Эльзасе и Лотарингии были застрелены 152 дикие кошки, в Пруссии в 1885—1886 году — 606 кошек.

Когда детеныши еще малы, дикие кошки живут парами, а во всякое другое время их можно встретить только поодиночке. Котята довольно скоро отстают от матери и начинают охотиться самостоятельно. Обер-егермейстер фон Мейеринк пишет: «Я не помню, чтоб когда-нибудь видали двух диких кошек вместе; эти кошки предпринимают, особенно когда они беременны, очень большие путешествия. Около Нейгальденслебена дикие кошки встречаются очень редко, но мне известно два случая, когда их видали в этих местах весной. Оба раза в следующую затем зиму в соседних лесах было убито по четыре кошки, которых прежде там никто не видел. Это были, очевидно, выросшие котята тех кошек, которые были замечены весной».

Во время странствований дикие кошки почти всегда завладевают лисьими и барсучьими норами; днем они обычно там спят, а ночью рыщут за добычей, причем их труднее заметить, чем лисицу, которую часто обвиняют в опустошениях, произведенных дикой кошкой.

Зимою кошки часто оставляют леса и иногда живут близ одиноко стоящих человеческих жилищ. Ленц утверждает, что в Венгрии дикие кошки живут зимой по преимуществу в нежилых деревенских строениях.

С наступлением сумерек дикая кошка отправляется на охоту; она очень опасна для мелких и даже средних по своим размерам животных, так как очень чутка, осторожна и хитра, крадется неслышно и терпеливо выжидает удобного момента для нападения. По мнению одного немецкого охотника, ни одно животное не превосходит дикую кошку в зоркости глаз, которые ночью горят, как пылающие угли, в чуткости обоняния и в умении подкрадываться к добыче; я же со своей стороны прибавлю, что она превосходно выслеживает животных и отлично умеет их схватывать, делая прыжки. С хитростью, свойственною всем кошкам, подкрадывается она к спящей в гнезде птице и к зайцу, заснувшему в своем логовище, подкарауливает кролика, выходящего из норы, вероятно, хватает и белок в дуплах деревьев. На крупных

Семейство кошачьи

** Основная пища дикой кошки — мышевидные грызуны и гнездящиеся на земле птицы (в частности, разнообразные утки), ест она также рыб, водных моллюсков, раков и крупных насекомых. Самая крупная добыча для лесной кошки — заяц-русак, но и на него она, скорее всего, нападает нечасто. Нападение лесной кошки на косуль и молодых оленей представляется крайне сомнительным. А вот птички дворян кошка посещает в тех местах, где она еще многочисленна, с достойной порицания регулярностью.*

*** Хотя обычно период спаривания у лесной кошки приходится на январь—март, самка в некоторых случаях может приносить по 2—3 помёта в год, особенно если какой-либо помёт погибает.*

животных она нападает, вскакивая им на спину и перегрызая шейные артерии. Если прыжок был неудачен, то она не преследует животное дальше, а охотнее отыскивает себе новую добычу; в этом отношении она поступает как все кошки. К счастью для охотников, ее обычную добычу составляют мыши и мелкие птицы, на более крупных животных она нападает только в крайнем случае. Есть данные, что она загрызала молодых косуль и оленей. Около озер и лесных ручьев дикая кошка подкарауливает водяных птиц и очень искусно умеет выхватывать из воды рыбу. Особенно вредна она в тех рощах и парках, где сохраняется дичь для охоты, преимущественно там, где содержатся фазаны. Иногда дикие кошки появляются в птичниках и голубятнях деревень, особенно тех, что расположены возле леса; в мае 1863 года в герцогстве Нассау крестьянка убила старого дикого кота с тупыми зубами и когтями, который, однако, задушил много кур в ее птичнике*.

Дикая кошка, несмотря на свою небольшую величину, очень опасный хищник и так же кровожадна, как большинство других кошек. Охотники ее сильно ненавидят и прилежно преследуют, не обращая внимания на пользу, которую она приносит, уничтожая множество мышей. Как много может она истребить этих опасных грызунов, видно из показаний Чуди, утверждающего, что в желудке убитой дикой кошки были найдены остатки 26 мышей. В остатках, которые собирали около логовища диких кошек, можно найти кости и волосы куниц, хорьков, горностаев, ласок, хомяков, крыс, водяных, полевых и лесных мышей, реже белок и птиц. Из этого видно, что мелкие млекопитающие составляют главную добычу диких кошек, а так как среди них большую долю составляют мыши, встает вопрос, действительно ли вред, причиняемый этим хищником, больше приносимой им пользы. Дикая кошка, конечно, истребляет много дичи, и потому охотники едва ли будут ее защитниками, но сельские хозяева и лесничие должны бы считать ее полезным зверем. Зеллебор защищает дикую кошку, доказывая ее пользу, с ним трудно не согласиться. Обобщив все вышесказанное, можно прийти к следующему заключению: дикая кошка вредит только в некоторых случаях, но пользу приносит постоянно: она истребляет больше вредных животных, чем полезных, и поэтому нет никакой причины безоглядно ее уничтожать.

Дикие кошки спариваются в феврале, котята рождаются в апреле. Беременность продолжается 9 недель. В тех районах, где дикие кошки еще многочисленны, крики спаривающихся кошек и шумные драки самцов между собой точно так же невыносимы, как и страшный ночной визг наших домашних кошек**.

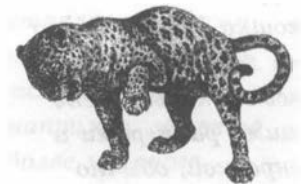
Дикая кошка родит пять или шесть котят, которые очень похожи на домашних и также рождаются слепыми. Когда они перестают сосать, мать заботливо кормит их мышами и другими гры-

зунами, кротами и маленькими птичками. Через какое-то время котята начинают лазать по деревьям, ветви которых впоследствии будут служить им местом для игр и убежищем в случае опасности. Если котята увидят врага, они чаще всего прижимаются к толстой ветке и тихо лежат там, надеясь на то, что их не заметят. Действительно, цвет их меха так хорошо подходит к цвету древесной коры, что только очень опытный глаз может обнаружить присутствие зверька. Так же делают взрослые дикие кошки, особенно летом, когда верхушки деревьев затемнены листвой. Даже если охотник уверен, что кошка на дереве, когда собака, почуяв ее, лает внизу, то и тогда ему приходится тщательно осматривать дерево со всех сторон, чтобы заметить спрятавшееся животное.

Дикая кошка по своей природе не может считаться смелым животным и большей частью осторожно и даже трусливо убегает от врагов, если не поставлена в безвыходное положение или не ранена. Мать даже не защищает своих котят и часто покидает их при приближении человека.

Охота на диких кошек практикуется в Германии повсюду: охотники в них видят только животных, наносящих ущерб запасам дичи. Чаще всего загоняют их посредством облавы. Мейринк говорит, что дикую кошку довольно легко загнать на облаву и она приближается к стрелку скорее, чем лисица. «Я сам раз застрелил крупную кошку в Гарце при облаве на всякую дичь: был сильный мороз, и я издали слышал, как она приближается, шелестя упавшими листьями и иногда останавливаясь и оглядываясь на загонщиков, как лисица». Зимой по пороше ее находят по следам, загоняют в гнездо или на дерево, удерживают на месте с помощью собаки и затем убивают метким выстрелом. Охотники приманивают ее, подражая писку мыши или щебетанию птицы. Охота на зверька, однако, не всегда бывает удачна. Говорят, что дикую кошку можно приманить некоторыми зажаренными в жире растениями, например ягодами паслена, татарским просом, кошачьей травой и фиалковым корнем; она так сильно бывает привлечена запахом этих трав, что не замечает приближающегося охотника, и тогда ее легко застрелить. В Венгрии ее загоняют собаками к гнезду или в дупло на дереве, которое потом срубают, чтобы добыть животное.

Зеллебор говорит, что труднее всего добыть из дупла спрятавшуюся туда дикую кошку живую: «Два или три смелых человека надевают на руки толстые перчатки, а кроме того еще завертывают их в тряпки; но и при таких предосторожностях они с трудом захватывают дикую кошку и суют ее в мешок». Признаюсь, что не верю возможности захватить таким образом этого зверя, так как, по свидетельству опытных людей, с дикой взрослой кошкой шутить нельзя. Винкель советует охотнику быть очень осторожным, не жалеть второго выстрела, если первый не был смертельным, и подходить к кошке только тогда,

** Это возможно только в одном случае — если кошка занесла с когтями в раны грязь, что привело к сепсису (заражению крови). Но подобная опасность подстерегает, в принципе, и человека, копающегося на своей грядке в огороде. Конечно, дикая кошка — агрессивное и для своего роста сильное животное. Но необходимо напомнить, что опытные звероловы в Сибири ловили руками живьем рысей и молодых тигров, явно превосходивших по силе европейского дикого кота.*

*** Степная кошка, североафриканскую разновидность которой иногда называют буланой кошкой, распространена в сухих степях и полупустынях Южной Азии и практически всей Африки. Степная кошка очень похожа на лесную, отличающуюся несколько меньшими размерами и окраской, обычно*

когда она больше не шевелится. Раненые дикие кошки бывают очень опасны.

«Берегись дикой кошки, — говорит Чуди, — и хорошенько прицеливайся в нее! Если она только ранена, то бросается на охотника с выгнутой спиной и поднятым хвостом; фыркая и рыча, как дикий зверь, готовится она к защите и смело прыгает на человека; она так глубоко вонзает свои острые когти в тело, особенно в грудь, что ее трудно оторвать, и раны эти трудно заживают. Она так мало боится собак, что, когда собака приближается к ней одна, кошка иногда добровольно спускается с дерева, чтобы с ней подраться, и борьба тогда бывает страшная; кошка яростно царапается когтями, стараясь попасть в глаза собаки, и защищается с большим остервенением до тех пор, пока в ней есть хоть искра жизни; она ужасно живуча».

По свидетельству некоторых охотников, бывали случаи, когда человек в борьбе с дикой кошкой получал очень опасные, иногда даже смертельные раны*.

Следует отличать настоящих диких кошек от одичалых домашних. Последних довольно часто можно встретить в лесах средней Европы, но своими размерами они никогда не достигают величины диких кошек, хотя крупнее домашних. Они так же смелы и вредоносны, как и дикие кошки, и, если размножились в лесу уже не одно поколение, то по цвету шерсти становятся похожими на свою африканскую прародительницу, буланую кошку, а также на дикого кота, в зависимости от того, каким был первоначальный цвет домашней кошки, от которой они произошли, — черный, белый или пестрый.

Родоначальником нашей домашней кошки можно считать буланую, или **степную кошку** (*Felis libyca*)**. Рюппель открыл ее в Нубии, в западной части долины Нила, у Амбукола, в пустынной местности, где наряду со скалистыми участками встречаются роскошные кустарники. Позднейшие исследователи, впрочем, находили ее по всему Судану, в Абиссинии, в глубине Африки и даже в Палестине. Длина ее туловища 50 см, хвоста — немного более 25 см. Эти размеры несколько отличаются от размеров нашей домашней кошки, но все-таки очень к ним близки. И по облику буланая кошка весьма походит на некоторые разновидности домашней. Ее мех на верхней части туловища имеет бледно-желтую или булано-серую окраску; на загривке и по спинному хребту он рыжее, по бокам светлее, на брюхе совсем беловатый. По всему туловищу проходят темные, узкие, волнообразные поперечные полосы, которые на ногах выступают яснее; на верхней части головы и на затылке заметны восемь узких продольных полос. В некоторых местах туловища мех пестрит мелким черным крапом. Хвост сверху булано-желтый, снизу белый; завершается он тремя широкими черными кольцами и совсем черным концом.

Мумии и изображения кошек, обнаруженные при археологических раскопках в Фивах и других древнеегипетских городах, более всего соответствуют этому виду и заставляют предполагать, что именно буланую кошку древние египтяне держали как домашнюю. Очень может быть, что из южной Нубии в Египет ее занесли священнослужители. Позже она, по-видимому, распространилась в Аравию и Сирию, а затем, через Грецию и Италию, до западной и северной Европы. Дальнейшему ее распространению могли помочь европейские путешественники.

Эти предположения были подтверждены наблюдениями, сделанными во время моей последней охотничьей поездки в Абиссинию. Домашние кошки йеменцев и арабов западного побережья Красного моря не только имеют одинаковую с булаными кошками окраску меха, но и отличаются такой же стройностью и красотой. Хотя положение домашней кошки там совсем иное, чем у нас, так как хозяева нисколько не заботятся о ней и предоставляют ей самой искать себе пропитание, вряд ли будет справедливым считать последнее обстоятельство причиной ее худощавости: в тех странах нет недостатка в пище для хищников. Я полагаю, что кошка северо-восточной Африки лучше других сохранила свой первоначальный облик. Обычная окраска африканской кошки более всего схожа с окраской ее предполагаемой прародительницы.

Черты сходства особенно сильно проявились, когда Денитц сравнил череп домашней кошки с черепом буланой кошки, привезенной Швейнфуртом из центральной Африки. Буланая кошка, как обнаружилось, отличается от домашней лишь тонкостью костей, что составляет отличительный признак диких животных. Во всяком случае по строению черепа наша дикая кошка отличается от домашней кошки, а буланая кошка — нет*.

Для упрочения мнения, что буланая кошка — прародительница нашей домашней кошки, чрезвычайно важны наблюдения, сделанные Швейнфуртом в центральной Африке. По его сообщениям, буланая кошка встречается там чаще, чем в каком-либо другом исследованном районе Африки, так что можно предполагать, что самый центр внутренней Африки и есть главная область распространения этого животного. Местные жители не держат домашней кошки как таковой, но они обзаводятся пойманными булаными кошками; их держат на привязи поблизости от жилья, и за короткое время они настолько приручаются, что сами не бегут от жилья и весьма скоро привыкают к ловле мышей.

«Кошка, — пишет Эберс в романе «Дочь египетского царя», — считалась самым священным из всех почитавшихся египтянами животных. Она была неприкосновенной святыней, тогда как другие животные почитались только относительно». Геродот сообщает, что когда в Египте случался пожар, то прежде всего заботились о том, чтобы спасти кошек, а затем уже отправлялись ту-

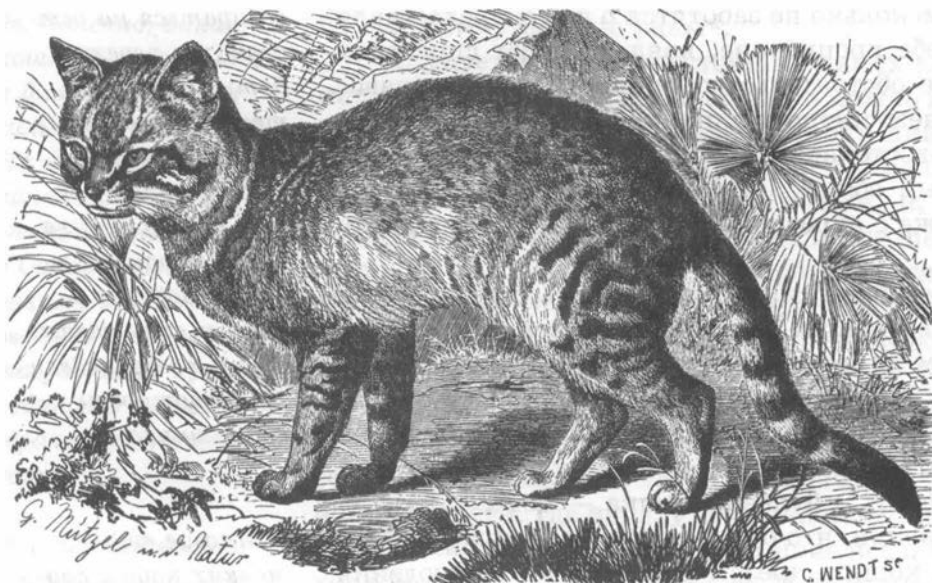
пятнистой, а не полосатой. Степная кошка — прямой предок кошки домашней (Felis catus). Одомашнивание это произошло, по-видимому, в долине Нила, где ежегодные разливы вынуждали кошек собираться на островах и пережидать половодье в тесных сообществах. Возможно, это сделало степную кошку с Нила более терпимой к себе подобным и другим существам, что и предопределило возможность одомашнивания.

** Многие виды мелких кошек способны в неволе скрещиваться, давая плодовитые гибриды. Не исключено, что современная домашняя кошка несет в себе кровь не только степной кошки (что представляется несомненным), но и других диких кошек, например, заметно более крупного камышового кота.*

шить огонь. Смерть же кошки отмечалась особым рода трауром — обрезанием волос. Если кто-нибудь намеренно или даже нечаянно убивал кошку, его, как убийцу, приговаривали к смертной казни. Диодор был свидетелем, как одного несчастного римского гражданина, позволившего себе убить кошку, египтяне лишили жизни, несмотря на то что правительство, из страха перед могущественными римлянами, принимало все меры, чтобы успокоить народ. Трупы кошек искусно бальзамировали и с почетом погребали. Из всех мумий животных чаще всего находили мумии кошек, тщательно обернутые в полотняную пелену.

В восточной части дельты Нила, в городе Бубастис, находился храм богини Пахт или Баст (ее изображали в виде женщины с кошачьей головой), куда обыкновенно свозили для погребения трупы кошек. Их мумии попадают и в других местах, но особенно часто близ

Серапеума. По Геродоту, богиня Пахт была тождественна с греческой Артемидой и называлась Бубастийскою. По Стефану Византийскому, кошка, по-египетски «бубастос», по большей части была известна под названием «мау-ми». Богиня Пахт почиталась как покровительница детей и помощница рожениц. Надпись на храме в

Степная кошка
(*Felis libyca*)

Дендрах подтверждает, что богине Пахт приписывались некоторые божественные черты Астарты, Венеры и Урании. Эти верования были заимствованы египтянами от финикийцев.

Если у древних египтян кошка почиталась как божество, у древних германцев она (точнее, дикая кошка, главным образом рысь) считалась прислужницей богини любви Фрейи, возившей по облакам ее колесницу. Впоследствии она превратилась в мистическое существо и по настоящее время еще внушает некоторый суеверный страх. По Вуттке, кошка владеет даром чародейства и предвещания. Трехцветная кошка, согласно народному поверью, предохраняет дом от пожара и других несчастий, а людей — от лихорадки; сама же она в огне не горит и потому простым народом в Германии называется «огненной кошкой». Того, кто утопит или убьет ее, постигнет несчастье. Кошка притягивает

к себе болезни; труп ее, зарытый у порога дома, приносит проклятие. Кошачье мясо полезно против чахотки, и, напротив, если кому случится проглотить кошачий волос, тот заболеет ею, а если это приключится с ребенком, тот больше не будет расти. Черные кошки служат колдунам для гаданья и средством становиться невидимками. Кроме того, их почитают как охранителей полей и садов и как целителей от падучей болезни и грудной жабы; особенно славятся чародейственной силой черные коты. Достигнув семи-или девятилетнего возраста, черные кошки сами становятся колдунами; в Вальпургиеву ночь они ходят на сборища ведьм или стерегут входы в подземные пещеры.

С кошкой связаны разные приметы: например, когда она умывается или выгибает горбом спину, это предвещает приход гостей; если она проводит лапой по ушам, значит, придут важные особы; если кошка тянется, то придет кто-нибудь с палкой; на ком во время умывания кошка остановит свой взор, тот должен ожидать в тот день побоев. Когда кошка мяукает перед домом, это предвещает беду, ссору, иногда даже смерть; если кошки дерутся между собой в ночь на пятницу, значит, в доме непременно поссорятся; если перед венчанием кошка сядет на алтарь, брак будет несчастлив. Появление на улице белой кошки, мяукающей под окном, предвещает, что через два часа в доме будет покойник. В некоторых местностях, впрочем, иначе толкуют эти приметы и на грациозное животное смотрят более миролюбиво. Например, в южной Германии и в Прирейнских районах считается, что кошки покровительствуют любви и обеспечивают счастливое супружество.

Исследования позволяют предполагать, что кошка впервые была приручена древними египтянами, а не индийцами и не северными народами. По крайней мере первые сведения о ней дают нам египетские памятники, описания, рисунки и мумии, тогда как в истории других народов мы никаких сведений о кошках не находим. В местах погребения находили мумии не только домашней кошки, но и болотной рыси. Это доказывает, что в период процветания древнеегипетского царства практиковалась ловля дикой кошки с целью ее последующего приручения. До Геродота мы не встречаем у древних египтян названия кошки, а позднее она только мельком упоминается у греческих и латинских писателей. Это свидетельствует о том, что распространение кошки из Египта шло весьма медленно. Сначала, по-видимому, она распространилась более на восток: известно, например, что это животное было любимцем пророка Магомета. До X века оно было почти неизвестно в северной Европе. В Валлийском своде законов есть, между прочим, постановление Ховелла Да, или Ховелла Лебона, умершего в середине X века, в котором определяется стоимость домашней кошки, а равно и наказания за жестокое обращение с ней. Цена молодой кошки, не поймавшей еще ни одной мыши,

была вдвое меньше цены опытной кошки. Покупатель имел право требовать, чтобы глаза, уши и когти животного не были повреждены, чтобы она умела ловить мышей и, если это самка, чтобы знала, как воспитывать котят. Если купленная кошка оказывалась с изъяном, покупатель мог потребовать с продавца треть цены обратно. Тот, кто воровал или убивал кошку в княжеском амбаре, должен был искупить свое преступление, пожертвовав овцу или барана, или же дать столько мер пшеницы, сколько нужно, чтобы засыпать кошку, повешенную за хвост над самой землей.

Этот закон свидетельствует о ценности домашней кошки в те времена и доказывает, что дикая кошка не может считаться родоначальницей домашней. В Англии тогда было такое изобилие диких кошек, что не представляло ни малейшего труда ловить и приручать их в каком угодно количестве. Впрочем, самостоятельность пород дикой и домашней кошек подтверждается, как уже отмечалось, непосредственным сравнением обоих животных. Нынешняя домашняя кошка остается такой же, какой была в древности, и она, несомненно, состоит в самом близком родстве с буланой кошкой, которую приручили древние египтяне, большие любители животных. Прирученная дикая кошка могла попасть в Египет только из Европы или из Малой Азии, но в то время в Европе никто еще не пытался приручать разных животных; буланую же кошку древние египтяне имели в своем отечестве и, при своей острой наблюдательности, убедились, что из нее можно сделать превосходного друга дома. Этим и исчерпывается вопрос о происхождении домашней кошки.

В настоящее время кошка водится во всех странах, где люди ведут оседлый образ жизни, за исключением лишь Крайнего Севера и, согласно Чуди, высочайшего пояса Андов. В Европе она встречается повсюду; в Америке кошка распространилась вскоре после ее открытия европейцами, в Азии и в Австралии она довольно обычное явление; лишь в Африке, особенно во внутренних ее районах, она попадается гораздо реже. По распространению кошки можно судить о степени развития народа. Чем развитее народ, чем определеннее оседлость его образа жизни, тем более распространена кошка. Более всего она ценится в Европе и пользуется лучшим уходом у немцев, англичан и французов. В Индии, Китае и Японии, а также на острове Ява она причисляется к обычным домашним животным. В Китае, как сообщает Гук, по сужению ее зрачков определяют время дня. В Египте кошка, как любимица пророка, пользуется особенным уважением и принимает участие в торжественных процессиях, а в Каире кошки даже содержатся на общественный счет; в их пользу составляются завещания и оставляется капитал, проценты с которого служат источником их пропитания. По Гензелю, в Южной Америке кошка встречается преимущественно в городах, где, как и во Франции, существует обычай держать их при магазинах для ловли крыс, а

иногда просто для украшения. В Новой Зеландии кошка одичала. Наблюдения показывают, что больше всего кошки распространены там, где люди умеют получать от них известного рода пользу для себя. Некоторые народы Азии, например, маньчжуры, ведут довольно обширную торговлю кошками. У народов, обитающих в южной части восточной Сибири, занимающихся скотоводством и охотой, кошка, вероятно, до сих пор еще не привилась. В 1857 и 1858 годах из деревень, лежащих в истоках реки Амур, она попала в селения по среднему течению реки, между тем как в селениях в устье Амура она водится уже с 1853 года. Зимой 1858 года ее еще не было в горах Малого Хингана, но в северной их части она скоро уже начала появляться. В Гренландии кошки были разведены датчанами, привезшими их сюда со своей родины. С португальцами кошка попала в их владения на юго-западе Африки, откуда местными жителями была перевезена в Конго и с этих пор развелась во всех факториях на западном побережье Африки. В настоящее время и в восточной Африке кошка распространяется все дальше в глубь континента. Расширяя мало-помалу область своего распространения, кошка начала пользоваться правами гражданства повсюду и стала живым свидетельством человеческого прогресса, оседлости и развивающейся цивилизации. Собака — животное всеветное и всеобщее, в самом широком значении этого слова; кошка же по преимуществу животное домашнее. Собака отвоевала себе место и в переносном шатре кочевника, и в прочном доме оседлого жителя, тогда как кошка привязалась только к дому и таким образом вошла в быт цивилизованного человека.

Тем не менее кошка сохраняет до некоторой степени свою самостоятельность и во многих случаях подчиняется человеку лишь настолько, насколько находит эту зависимость выгодной для себя. Чем больше человек занимается ею, тем сильнее она привязывается к семейству, а чем меньше он стесняет ее свободу, предоставляя самой себе, тем прочнее она привязывается к дому, в котором выросла. Степень приручения и привязанности кошки к домашним зависит всецело от человека. Нередко случается, что кошка, предоставленная самой себе, убегает на лето в леса, где, при известных обстоятельствах, может совершенно одичать. Но в большинстве случаев на зиму она снова возвращается в прежнее жилище, да притом не одна, а вместе с котятами, которых успела произвести на свет во время летнего скитания по лесам*.

Наша домашняя кошка (*Felis catus*) является типичным представителем семейства кошек, к тому же вполне доступным для наблюдения. Это чрезвычайно красивое, чистошерстное, миловидное и приятное животное. Каждое движение кошки обнаруживает много грации и ловкости, часто достойных удивления. Ее походка в высшей степени плавна; при ходьбе она подбирает когти и ступает своими бархатистыми лапками так осторожно, что

** Всеветно распространившись с человеком, кошка во многих местах начала дичать (включая некоторые арктические и антарктические острова). Там, где она сталкивается с местными дикими кошками и другими хищниками сходного размера, ее одичание не заходит слишком далеко, она все равно остается в населенных пунктах, предоставляющих ей защиту от диких сородичей. В местностях, где дикие кошки жили ранее, а позже были истреблены, домашняя кошка, вероятно, способна занять их место в экосистеме. Действительной неприятностью является одичание кошки в местах, где диких кошек никогда не было, например, в Австралии. Здесь кошки, сталкиваясь с животными, не умеющими избегать этой новой опасности, могут навести опустошение среди аборигенной фауны. В этих*

Семейство кошачьи

ситуациях необходимы самые жесткие меры контроля за бывшими домашними любимцами.

** Вопреки распространенному мнению, довольно многочисленны домашние кошки, любящие играть с водой (например, ловить носом капли из водопроводного крана), хотя кошек, которые добровольно влезали бы в воду целиком, видимо, действительно немного. Они более часты в местностях, богатых речками и протоками, где кошкам в погоне за добычей или просто в ежедневных странствиях волей-неволей приходится преодолевать водные преграды.*

при этом не производит ни малейшего шума. При каждом своем шаге проявляет свойственную ей подвижность, соединенную с изяществом и легкостью; только в тех случаях, когда ее преследует другое животное или испугают чем-нибудь, она изменяет свою плавную походку на бег, который сопровождается частыми скачками, способствующими быстрому передвижению. Благодаря ловкости, а также разумному пользованию всякой лазейкой и умению взбираться на высоту, ей почти всегда удается спастись от преследования. Она легко и ловко лазает по деревьям и по мягким или негладким вертикальным поверхностям, удерживаясь на них своими цепкими когтями; по открытому полю она бежит так медленно, что любая собака легко может ее догнать. Особенную ловкость кошка выказывает в своих прыжках. Она может упасть как угодно, но почти тотчас же встанет на ноги. Кошка умеет и плавать, но она пользуется этой способностью только в крайних случаях, когда, например, ей приходится спасаться. Добровольно же в воду она никогда не идет и боится даже дождя. Гааке знал, однако, одну кошку, которая прыгала в пруд для ловли золотых рыбок*. Кошка, подобно собаке, сидит на задней части туловища и опирается на передние лапы; когда спит, свертывается и ложится на бок, при этом любит спать на мягкой и теплой подстилке.

Из внешних чувств у кошки лучше всего развиты слух, осязание и зрение. Слабее всего у нее обоняние.

Слух у кошек замечательно тонкий. Ленц рассказывает, как однажды, сидя с кошкой на дворе, он был удивлен поразительным проявлением слуха у этого животного; кошка крепко спала у него на коленях, но вдруг порывисто вскочила и бросилась в кусты; оказалось, что через двор по гладкой дорожке, от одного куста к другому перебежал мышонок, причем человеку нельзя было уловить ни малейшего шороха; Ленц измерил расстояние, на котором кошка услышала мышь, и оно составило целых 14 метров.

Душевные свойства кошки в большинстве случаев оценены весьма ошибочно. Ее считают неверным, фальшивым и лукавым животным и полагают, что ей никак не следует доверяться. С ранней молодости я всегда с любовью относился к кошкам и много занимался ими, так что во взгляде на душевные свойства их вполне схожусь с Шейтлином, который с полным пониманием дела дает верную оценку нрава этого милого животного. «Кошка, — говорит он, — богато одаренное существо. Превосходство ее над другими животными сказывается уже в самом строении тела. Это маленький хорошенький львенок или тигр в миниатюре. Все в ней соразмерно, ни одна часть туловища не бросается в глаза непомерностью своих форм. Малейшая неправильность портила бы общее впечатление; все в ней вполне закончено и округлено. Красивее всего форма головы, что можно видеть и на черепе: ни

одно животное не имеет такой красивой головы, как кошка. Весь скелет прекрасен и своими формами свидетельствует о необыкновенной легкости и приспособленности к грациозным мягким движениям. Кошка изгибается не по ломаной линии и не под острым углом, а едва уловимыми для глаз поворотами; кажется, будто она вовсе не имеет костей, а сделана из какого-то мягкого материала. Душевные ее способности также высоки и вполне соответствуют строению тела.

Обратим теперь внимание на главные особенности кошки. Прежде всего нас поражает ее ловкость: и дух, и тело одинаково подвижны, будто отлиты из монолита. Как ловко успевает она перевернуться в воздухе, чтобы встать на лапы, когда падает спиной вниз даже с высоты всего нескольких футов! Как искусно

держится на самых узких карнизах и ветвях дерева даже в тех случаях, когда их сильно трясут! Ее любовь к чистоплотности следует причислить как к телесным, так и к душевным качествам; она постоянно лижется и чистит себя. Все волоски ее шерсти, от головы до кончика хвоста, должны лежать в совершенном порядке; чтобы пригладить волосы на голове, она облизывает лапки и про-

водит ими по голове; даже самый кончик хвоста не оставляет она неумытым. Нечистоты свои она прячет, зарывая в ямки, которые выкапывает собственными лапками. Кошка обладает высшим телесным развитием, которое по крепости нервов и отсутствию головокружения соответствует силе ее душевных качеств. Она умеет различать цвета и звуки, способна узнавать человека по одежде и голосу; когда ее зовут, откликается на зов. Кошка обладает замечательной памятью на места и постоянно пользуется этой способностью. Она вечно скитается по ближайшим к дому окрестностям, по всем домам, комнатам, погребам, лазает по крышам, дровяным сараям и сеновалам. Это в полном смысле слова животное места, так как привязывается оно больше к дому, чем к его обитателям. При переездах кошка не следует за хозяином, а остается на старом месте; если же ее увезут силой, она снова

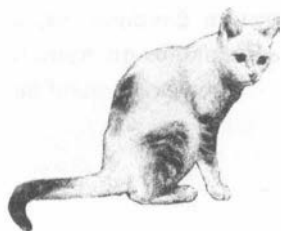
Домашняя кошка
(*Felis catus*)

возвращается в прежний дом. Замечательно, что если даже ее занести куда-нибудь далеко от дома в завязанном мешке, она и тогда сумеет отыскать свой дом или свою родину.

Встречаясь со своими «кровными врагами» — собаками, кошка проявляет необыкновенную смелость, несмотря на все несоответствие сил и размеров. Как только она увидит собаку, тотчас же грозно выгибает спину дугой; глаза ее загораются гневным огнем, в них сверкают отвага и ненависть. Она начинает фыркать и искать спасения в побеге, для чего носится по комнате, вскакивает на карнизы, на печку или просто бросается к дверям. Но если при ней котята, и собака подошла довольно близко, кошка бесстрашно бросается на врага, вскакивает ему прямо на голову и беспощадно расцарапывает глаза и всю морду. Нередко кошка не бежит от собаки, а мужественно ожидает нападения врага, вооружившись поднятой лапой с выпущенными когтями. Пока у нее спина свободна, она совершенно покойна; целостность своих боков может отстаивать ударами лап, которыми орудует как руками. Случается, что она выдерживает осаду пяти и более собак и все-таки не сдается. Она могла бы одним прыжком перескочить через них, но умное животное сознает, что в таком случае погибнет, так как собаки непременно догонят ее. Если собакам надоест держать кошку в осаде и они уйдут, не тронув ее, она все еще остается сидеть в прежнем выжидательном положении, готовая выдержать еще хоть десять нападений.

Со смелостью в кошке совмещаются неустрашимость и присутствие духа. Ее нельзя, как собаку или лошадь, сильно испугать чем-нибудь, можно лишь слегка спугнуть. Те животные более благоразумны, кошка же более смела; ее ничем нельзя ни озадачить, ни удивить. Много говорят по поводу ее лукавства и хитрости — и говорят совершенно справедливо; хитрая кошка тихонько подкрадывается к мышинной норе, вся съеживается и терпеливо поджидает добычу, только сильным блеском глаз выдавая волнение; вот мышь уже вышла наполовину из своей норки, но кошка не шелохнется, выжидая более удобный для нападения момент. Она полная хозяйка над собой и, как все хитрые существа, редко попадает впросак. Чувство гордости, тщеславие развиты у кошки в весьма слабой степени; она существо не общительное, а скорее замкнутое, победам своим не радуется, но зато и не стыдится поражения. Когда она сознает за собой какую-нибудь вину, то боится лишь наказания.

Очень любят распространяться насчет лести, коварства и даже мстительности кошек, а, между тем, кошка может так же сильно любить, как и ненавидеть. Если она кого-нибудь полюбит, то выражает это своеобразными ласками: прижимается своими щеками или боками к своему любимцу, всячески ластится, приходит к нему на постель, ложится по возможности ближе и начинает его лизать. Конечно, некоторым кошкам не всегда можно доверять-

ся: они могут кусаться и царапаться тогда, когда этого совсем не ожидаешь, но в большинстве случаев это является проявлением их личной обороны»*.

Спаривание кошек происходит обычно два раза в год: в конце февраля или в начале марта и в начале июня. 55 дней спустя после спаривания у кошки рождаются 5—6 котят, которые появляются на свет совершенно слепыми и начинают видеть только на девятый день. Они рождаются обыкновенно в конце апреля — начале мая или в начале августа. Ко времени появления детенышей мать всегда заранее выбирает какое-нибудь укромное местечко, где скрывает своих котят возможно дольше, особенно опасаясь котов, которые, найдя детенышей, зачастую съедают их.

Маленькие котята чрезвычайно симпатичные существа. Любовь матери к ним замечательна. Еще до их рождения мать prepares им гнездышко и стоит ей лишь почуять опасность для своих новорожденных, как она моментально переносит их на другое место; при этом очень нежно берет их своими губами за шиворот и несет так осторожно, что детеныши едва чувствуют прикосновение. В период кормления кошка отлучается от них только для того, чтобы себе и им добыть пищи. Все кошки с течением времени научаются совершенствоваться в воспитании котят.

Когда к кормящей кошке подходит чужая собака или какая-нибудь другая кошка, она с яростью поднимается на нарушителя спокойствия и даже самого хозяина дома неохотно подпускает к маленьким котятам. В то же время она выказывает большое участие к другим животным: известно много случаев, когда кошки вскармливали своим молоком щенят, маленьких лисичек, кроликов, зайчат, белок и даже мышей; я сам еще мальчиком производил над моей кошкой подобные опыты, и они вполне подтвердили эту особенность. Никакое другое животное не проявляет так очевидно материнские чувства, как кошка. Опровергать это или объяснить многочисленные примеры случайными причинами может только тот, кто чужд понимания душевных свойств этого животного.

Ни одна женщина-мать не может отдаваться уходу за своими малютками с большей нежностью и беззаветностью, чем кошка. В каждом ее движении, в звуке голоса, во всех поступках видна искренность, заботливость, горячая любовь и внимание не только к потребностям, но и к капризам своих детенышей. Пока котята слабы и вполне беспомощны, мать целиком сосредоточивается на физическом уходе за ними.

Потребность в играх проявляется у котят очень рано и, со своей стороны, мать не только не подавляет ее, но всячески старается поддерживать. Подобно тому, как женщина-мать из любви к малюткам сама становится ребенком и готова играть с ними с

** Некоторые, на первый взгляд, немотивированные случаи агрессии спокойной перед этим кошки могут объясняться легкой электризуемостью ее шерсти. В результате продолжительного поглаживания в шерсти кошки накапливается статический заряд, что ей самой, по-видимому, не нравится. Как бы кошка ни относилась к хозяину (зачастую она к нему действительно привязана сильнее, чем обычно думают), потирания боками головы означают вполне определенную вещь — железами, расположенными в области скул, кошка метит очередной предмет (в данном случае человека) как «свой», принадлежащий ее территории.*

Семейство кошачьи

* «Игры» эти имеют весьма большое практическое значение: во время них котята, кроме общей физической тренировки, получа-

Домашняя кошка
(*Felis catus*)

ют навыки выслеживания, ловли и умерщвления добычи. Кошка, помимо предоставления собственного хвоста в качестве «тренажера», приносит все

утра до вечера, так и кошка резвится и забавляется со своими котятами не меньше их самих*.

Думают обычно, что кошку нельзя воспитать, но такое мнение ошибочно. При хорошем и разумном обращении с нею она проявляет столько же привязанности к человеку, сколько и ума. Бывают кошки, — я сам знал таких, — которые переезжают со своими хозяевами с квартиры на квартиру и им в голову не приходит возвращаться на старое жилье; в этом случае привязанность к человеку проявляется сильнее привычки к месту. Некоторые кошки, завидев еще издали своего хозяина, бегут к нему навстречу, ластятся, приветливо мурлычут и всячески стараются

выказать ему свое расположение. Они отлично распознают своих среди чужих. Кошки способны поддерживать дружбу с другими животными. Вопреки сложившейся поговорке, встречается много примеров теснейшей дружбы между кошками и собаками. Об одной кошке рассказывают, что она очень любила, когда ее друг, собака, таскала ее в зубах по комнатам; о других кошках известно, что они во время собачьих драк нередко заступались за своего

друга, собаку, употребляя при этом все свои кошачьи силы и увертки, и точно так же их самих защищали друзья-собаки во время кошачьих драк.

Некоторые кошки проявляют замечательные доказательства своего ума. Иные любители птиц умеют так воспитать кошек, что те не наносят пернатым любимцам своих хозяев ни малейшего вреда. Один кот очень осторожно приносил со двора домой трясогузку, вылетавшую из комнаты на свободу. Такой же случай был в деревне на моей родине; там кошка одного любителя птиц возвратила ему, к его великой радости, пропадавшую из дома на несколько дней красношейку, которую кошка не только узнала, но

и постаралась поймать, чтобы доставить удовольствие своему гонимому хозяину. Принимая во внимание эти факты, можно считать достоверным и следующий рассказ: одна кошка прекрасно ладила с канарейкой своего хозяина и охотно позволяла птичке садиться себе на спину и играть с собой. Однажды хозяин видит, что кошка с бешенством бросается на канарейку, схватывает ее зубами и ворча вскакивает на бюро, не выпуская птицу изо рта. Подняли крик, чтобы спасти канарейку, и в это время заметили другую чужую кошку, которая пробралась в комнату; тогда все стало ясно: кошка желала спасти своего пернатого друга от когтей и зубов пришлого гостя, которому, она знала, нельзя доверять*.

Есть еще немало и других доказательств ума и понятливости этого прекрасного животного.

Из всего вышесказанного можно без колебаний вывести заключение, что кошка вполне заслуживает дружбы человека и что со временем ложные и неблагоклонные суждения о ней совершенно исчезнут. К тому же у нас не умеют ценить ту несомненную пользу, которую приносит кошка. Кто никогда не жил в старых домах, где господствуют мыши, тот, конечно, и не поймет, что значит хорошая кошка. Но кому случалось не один год страдать от этих докучливых грызунов и убедиться, насколько человек бессилён в борьбе с ними, тот сумеет оценить пользу кошки и поставить это домашнее животное в ряду необходимых сожителей человека, заслуживающих не только пощады и уход, но даже благодарность и любовь. Достаточно только держать кошку, чтобы наглые, но трусливые мыши убрались из дома, так как они отлично знают остроту кошачьих зубов, которых им не миновать, если они вовремя не уберутся.

Главным объектом охоты кошки служат мыши, как домашние, так и полевые; к крысам они иногда не решаются подступиться, но это только в редких случаях, когда крыса слишком уж велика. За землеройками кошки гоняются только смолоду, но и тогда не едят их, так как острый запах мускуса, издаваемый этими животными, им противен. Помимо мышей, кошки истребляют некоторых вредных насекомых, а также земноводных и пресмыкающихся: майских жуков, стрекоз, ящериц, лягушек и змей. Во время своей охоты кошка проявляет и терпение, и ловкость. Бывают, впрочем, случаи, когда хищные наклонности кошки делают из нее весьма неприятное животное: она гоняется на свободе не только за птицами, зайцами и ранеными куропатками, но и не брезгует отборным кушаньем, вроде цыплят домашних кур, и даже ловит рыбу. Кухаркам нередко приходится воевать с этими грабителями и видеть в них своих первых врагов. Однако следует оговориться, что польза, приносимая кошкой, гораздо значительнее того вреда, от которого предусмотрительная хозяйка всегда может уберечься.

более и более живую добычу (начиная с вполне мертвой и кончая лишь слегка оглушенной) и заставляя котят ее ловить и убивать. При существовании в человеческом социуме инстинкты кошки, связанные с обучением котят, могут странным образом смещаться, заставляя зверя приносить задушенных ночью мышей, например, в хозяйскую кровать.

** Сравнительно легко, по свидетельствам очевидцев, кошка научается не трогать любовь живность на определенной территории, например, в пределах квартиры. Кошки, в детстве пережившие сильное психическое потрясение или физическую травму, иногда буквально «застревают» на своего хозяина и оказываются чрезвычайно хорошо обучаемыми.*

Семейство кошачьи

* Лев — самая крупная после тигра современная кошка, до 240 см длиной (не считая хвоста в 60—90 см), весом до 227 кг. Львы обладают наиболее выраженным среди кошек половым диморфизмом: самки заметно мельче самцов и лишены гривы. Когда-то лев населял огромную территорию от Южной Африки до Закавказья и Восточной Индии. Ныне львы полностью истреблены в Северной Африке и в Малой Азии, а менее ста лет назад вымерли в Иране и на большей части Индии, сохранившись там всего в одном заповеднике. Хотя современных львов долгое время подразделяли на несколько разных видов, сейчас их всех (и африканских, и азиатских) объединяют в один вид.

** Во льве царского — только его грива. «Царь зверей», будучи существом социальным, сам

В Голландии, Бельгии и горах Шварцвальд (Германия) кошек разводят ради их меха. По Вейнланду, шварцвальдские крестьяне держат преимущественно одноцветных черных и серых (синих) кошек; они убивают их зимой и продают шкуры, обычно неокрашенные, разъезжающим торговцам. Даже мясо кошек находит сбыт и некоторым оно очень нравится своим вкусом. «Кошачье филе, — сообщает мой дорогой друг Альберт Жоффруа Сент-Илер, описывая свой обед во время осады Парижа русскими войсками, — был превосходен. Это белое мясо имеет приятный вид, нежно на вкус и напоминает отчасти холодную телятину». Таким образом даже в этом отношении кошка может быть полезной.

После всего вышесказанного можно только похвалить животное, к которому так часто относятся несправедливо.

Достаточно одного взгляда на тело льва (*Panthera leo*)* и на выражение его «лица», чтобы вполне согласиться с воззрением всех древних народов, которые знали это животное. Лев — царь четвероногих хищников, властелин млекопитающих; таково мнение и древних, а отчасти и нынешних народов.

Львов легко отличить от всех остальных кошек. Главнейшие признаки заключаются в крепком сложении сильного туловища, покрытого короткой, гладко стелющейся одноцветной шерстью, в широкой морде со сравнительно небольшими глазами, в царской мантии, которою окружены плечи самцов, и в пучке волос, украшающем конец хвоста. Туловище льва короче, чем у других кошек, живот подтянут и все тело поэтому кажется очень мощным, но не неуклюжим. На конце хвоста имеется спрятанный в пучке волос роговой ноготь, на который обратил внимание уже Аристотель. Глаза имеют круглый зрачок, усы расположены в 6—8 рядов. Грива льва, более всего отличающая самца от самки, придает ему гордый и царственный вид.

Эта грива, при полном своем развитии покрывающая шею и переднюю часть груди, представляет так много видоизменений, что по ней, справедливо или несправедливо, различают несколько разновидностей львов. Трудно сказать, имеются ли для такого деления достаточные основания. Ниже я приведу краткое описание различных львов и тогда читатель сам решит для себя этот вопрос.

Прежде всего обратим наше внимание на варварийского льва. Ведь именно он еще в древнейшие времена получил прозвище царя зверей за свое мужество, смелость, силу и мощь, за геройский нрав, благородство и великодушие, за серьезность и спокойствие. Сила, самоуверенность, спокойное мужество и уверенность в победе светятся в его взгляде. Все в нем свидетельствует о благородстве; каждое движение рассчитано и исполнено достоинства; тело и душевные качества находятся в полной гармонии**.

Варварийский лев, как и другие львы, отличается сильным, плотным туловищем, передняя часть тела сильнее задней, благодаря широкой груди и подтянутому животу. Массивная, почти четырехугольная, голова оканчивается широкой и тупой мордой; уши закруглены, глаза средней величины, но живые и полные огня; конечности приземисты и необычайно крепки, лапы больше, чем у всех других кошек, как абсолютно, так, быть может, и относительно; длинный хвост оканчивается коротким когтем, прикрытым пушистой кистью. Гладкая, короткая шерсть яркого красно-желтого или бледно-бурого цвета покрывает «лицо», спину, бока, ноги и хвост; там и сям попадаются волосы с черными концами или совершенно черные. Голова и шея покрыты густой и могучей гривой, которая состоит из длинных, прямых волос, спускающихся космами и доходящих спереди до пасти, а сзади почти до половины спины и боков. Живот также во всю длину покрыт густорастущими прямыми волосами; даже на локтях и на передней стороне бедер растут пучки волос. В гриве, имеющей в основном бледно-чалый цвет на голове и шее, замечается множество черно-бурых волос, которые особенно изобильно встречаются по сторонам затылка; черно-бурые волосы, смешанные с бледно-желтыми, находятся также на животе, локтях, бедрах и кисти хвоста. Все это описание относится к взрослому самцу, высота которого с загривком достигает 80—100 см при 1,6—1,9 м длины туловища и 75—90 см длины хвоста. Таким образом, общая длина животного от носа до конца хвоста составляет около 2,4—2,8 метров.

Длина новорожденных львов — около 33 см, но у них нет ни гривы, ни кисти на хвосте. Львята покрыты волнистыми сероватыми волосами; на голове, ногах, боках, спине и на хвосте имеются черные пятна и полосы, напоминающие окраску леопарда. Уже в первые годы этот леопардовый узор бледнеет; впрочем, у самок следы его сохраняются еще в течение нескольких лет, особенно на ногах и нижней части туловища; признаки возмужалости появляются на третьем году. Львица всегда более или менее походит на молодое животное, от самца она отличается отсутствием гривы; волосы на передней части тела такой же длины, как и на задней (иногда лишь несколько длиннее). Варварийский лев встречается исключительно в странах, прилегающих к горам Атлас*.

Сенегальский лев отличается от барбарийского хорошо развитой на передней части тела гривой, которая почти совсем отсутствует на нижней части тела. **Капский лев**** и, по-видимому, **абиссинский** поражают своей значительной величиной и имеют черную гриву. Селус встречал южноафриканских львов длиной до 305 см; взвешенный им сильный, но худой самец имел 170,5 кг веса. **Персидский лев** с гривой, смешанной из бурых и черных волос, встречается от Персии до Индии; мы еще мало знаем о нем,

практически не охотится, предпочитая это делать львицам, зато чужую добычу, как самый сильный африканский хищник, присваивает, не задумываясь.

** Во времена Брема варварийский подвид льва еще обитал в Атласских горах. Последний раз этого льва видели в 1922 г. и с тех пор о нем сведений нет.*

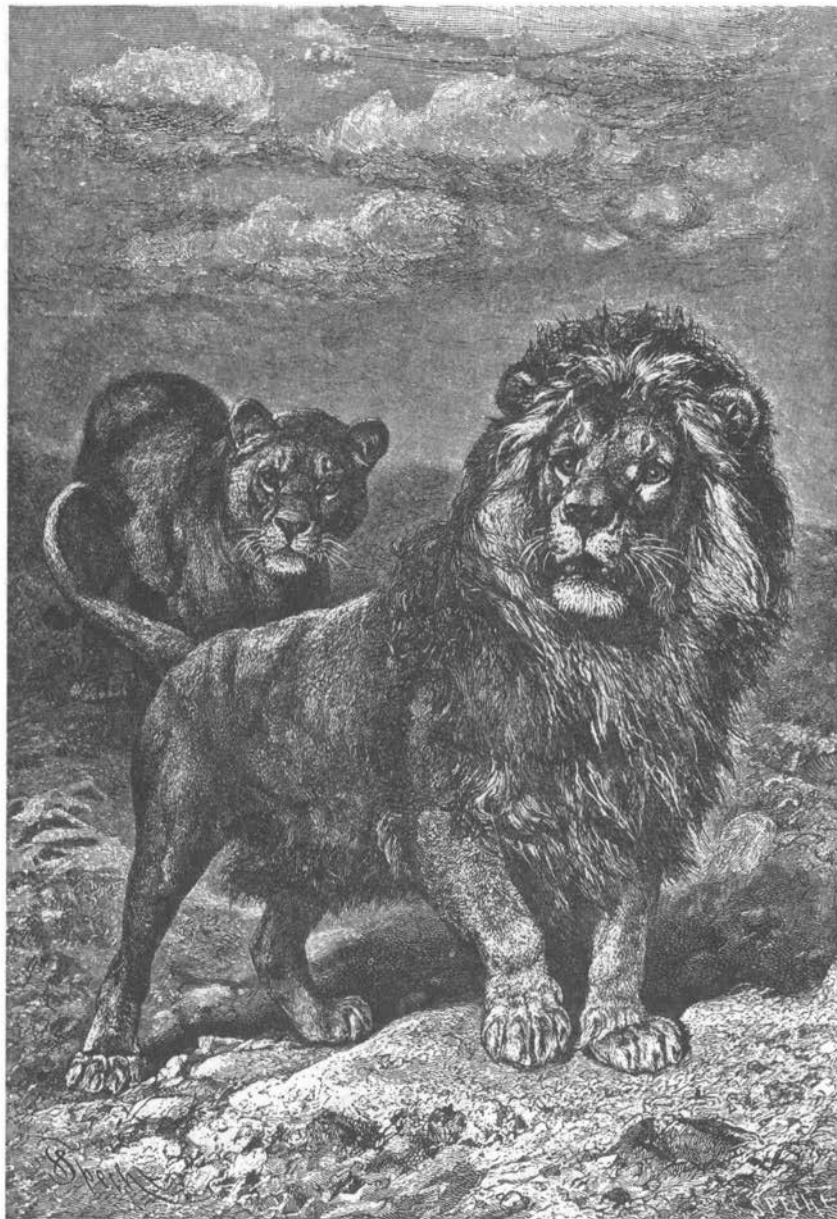
*** Капский подвид льва из Южной Африки полностью уничтожен человеком к 1865 г.*

так что не можем сказать с уверенностью, с кем у него больше сходства: с сенегальским львом или же с иногда безгривым сородичем из Гуджарата в Индии.

Область распространения сенегальского льва и часто причисляемого к нему, не без основания, капского льва охватывает почти всю центральную и южную Африку, от западного до восточного побережья, приблизительно от 20 градуса северной широты до Капской провинции; впрочем, в экваториальных областях западной Африки, приблизительно от реки Конго до реки Нигер, его пока не наблюдали. В бассейне Нила он не заходит севернее 17 градуса широты. На Голубом и Белом Ниле и в лесных местностях Абиссинии сенегальский лев — обыкновенное, а во многих степных районах центральной, средней и южной Африки частое явление.

Одно время полагали, что известный уже древним гуджаратский лев (жители Гуджарата называют его «унтия-бах», или «верблюжий тигр») меньше своих сородичей и лишен гривы. Однако это утверждение, приводимое Сми, не подтвердилось. Весь он, кроме темного пучка на хвосте, скрывающего маленький роговой коготь, и ушей, отличающихся у наружного основания более или менее черным оттенком, окрашен в бледный красно-желтый или желто-бурый цвет.

Волосы гривы у взрослого самца нередко имеют темные концы. По Блэнфорду, общая длина самца достигает 269 см, самки — 243 см, без пучка на хвосте. Самец длиной в 268 см имел в загривке значительную высоту — 106 см. Несомненно, встречаются как бо-

Лев
(*Panthera leo*)

лее крупные, так и меньшие особи обоих полов. Уже Райс указал на то, что предполагаемое отсутствие гривы нельзя считать отличительным признаком, так как сам он в Гуджарате убивал густогривых львов. Он готов признать, что грива у них менее густа, чем у некоторых африканских львов, от которых он, впрочем, не склонен отличать индийских. Можно допустить, что это украшение достигает у индийского льва такого же разнообразного развития, как и у африканского. По словам Кинга, в центральной Индии в бассейне реки Джамны постоянно встречаются густогривые львы.

Несколько десятилетий тому назад лев был распространен от бассейна реки Инд через центральную Индию до бассейна реки Ганги, и еще в шестидесятых годах XIX века два льва были убиты западнее Аллахабада. Сми встречал их в Гуджарате, особенно в чаще леса по берегам рек, где в течение месяца было убито 11 львов. Теперь это животное почти совсем истреблено и встречается изредка в наиболее отдаленных и недоступных местностях Раджпутаны. Если его не отделять от других львов, то и на западе нельзя определить границу его распространения: он попадает в прибрежных областях Белуджистана, а также, более часто, в южной Персии и на Месопотамской низменности*.

Здесь излишне решать вопрос о том, составляют ли упомянутые львы — барбарийские, сенегальские и гуджаратские — разновидности одного и того же вида или их следует признать отдельными видами. Главное — это то, что образ их жизни в сущности одинаков.

Тысячелетия прошли с тех времен, когда для борьбы на арене можно было собрать 600 львов. С тех пор царь зверей все далее и далее отступал от местностей, освоенных властелином земли. Геродот рассказывает, что во время одного из походов Ксеркса в Македонию ночью на нагруженных поклажей верблюдов, к удивлению воинов, напали львы. Раньше никто не подозревал присутствия здесь хищников. Аристотель считал реки Ресс и Ахелой границей обитания львов в Европе и утверждал, что в Европе львы нигде, кроме Греции, не встречаются. Нельзя установить, когда именно были они истреблены в нашей части света, но, вероятно, с тех пор прошло более тысячелетия. О том, что в древности в Сирии и Палестине жили львы, мы знаем из Библии, но о времени их истребления в Святой Земле у нас нет сведений. Во всяком случае, было время, когда львы были повсеместно распространены от мыса Доброй Надежды через всю Африку и южную Азию до Индии.

Повсеместно этому опасному врагу скота приходилось претерпевать одно и то же: человек вступал с ним в бой и настойчиво оттеснял его, пока, наконец, не истреблял.

Лев не населяет сплошных девственных лесов, а как в горах, так и на равнинах предпочитает открытые местности: травяни-

Семейство кошачьи

** К настоящему времени азиатский лев находится под угрозой исчезновения; в природе сохранилось около 180 этих львов в национальном парке Гир в Индии.*

Семейство кошачьи

** Львы живут и в первичных лесах, предпочитая, однако, держаться вблизи расчисток или полян. По-видимому, в лесу они чаще ведут одиночный образ жизни, чем на открытой местности.*

*** Львы охотятся группой, причем функции загонщиков и собственно охотников строго распределены. В этом случае, возможно, львы-загонщики и могут реветь, создавая панику среди животных и побуждая их бежать к засаде. Но скорее всего львы в большинстве случаев (а особенно одиночки) ревут, сообщая, что их потревожили или что участок занят. Вообще же у львов, как животных социальных, должна быть довольно богатая звуковая коммуникация.*

тые луга с перелесками из кустарников, скудные степи с колючими кустами и пустынные местности. В Судане он охотно выбирает для своего логовища плоское углубление в каком-нибудь защищенном месте, а в южной Африке прячется в кустарниках; он любит также высокие камыши, опоясывающие русла временно текущих рек, а за неимением камышей довольствуется густыми зарослями терновника; здесь он отдыхает один или несколько дней, смотря по тому, богата ли местность дичью или нет, спокойна или опасна. Во время странствований он остается лежать там, где застанет его утро*.

В общем привычки льва сходны с привычками других кошек, но во многом он значительно отличается от них. Он ленивее других видов этого семейства и особенно не любит больших переходов; напротив, он старается устроиться как можно надежнее и удобнее. По известиям Селуса, южноафриканский лев предпочитает насыщаться дичью, убитой охотником, чем самому умерщвлять ее. В восточном Судане, например, постоянно следует за кочевниками, куда бы они ни направлялись. Он перебирается вслед за ними в степи и возвращается обратно в лес; взирает на кочевников, как на подданных, обложенных податью, и в самом деле взимает с них самую тяжелую дань. Жизнь ведет ночную. Днем его редко встретишь, только случайно в лесу, да и то разве тогда, когда его систематически преследуют с собаками и выгоняют из логовища. Как я узнал, однако, во время моего последнего путешествия в Абиссинию, все же случается увидеть его и днем, крадущимся в чаще леса или же сидящим тихо на возвышенном месте, откуда он, может быть, старается выследить животных в своем охотничьем районе. Это выслеживание, замеченное уже Левальяном и подтвержденное позднейшими путешественниками, считалось мало вероятным, но мы сами убедились в этом (то же свойственно и пантере).

Мне самому пришлось убедиться в том, что рев льва не есть предостережение для животных, подвергающихся опасности его нападения. Напротив, я принужден был склониться к мнению, что рычание имеет целью встревожить животных, побудить их к бегству и этим доставить добычу если и не самому ревущему льву, то хотя бы охотящемуся совместно с ним льву-«напарнику». В южной Африке после рева от львов не ждут нападения, так как они имеют привычку возвышать свой могучий голос лишь тогда, когда насытились или же когда их спугнули. Охотящиеся львы там или совсем тихи или только временами издают сердитое «ворчание», которое, даже если оно исходит из близлежащего места, все же кажется далеким. Должно ли это ворчание тревожить дичь или оно имеет другое назначение, остается нерешенным.

Я имею полное основание думать, что на севере лев преднамеренно ревет при виде загона, чтобы побудить находящийся там скот бессознательно ринуться за оградой**.

С заходом солнца кочевник загоняет свой стада в безопасную серибу (так называется ограда из густопереплетенных колючих ветвей мимозы высотой до 3 м и толщиной около 1 м). Это самая надежная защита для скота, которую он в состоянии устроить. Стая сторожевых собак охраняет серибу. Становится все тише и спокойнее; шум умолкает; над станом опускается ночь. Жены и дети владельца стада улеглись спать в одной из палаток. Мужья исполнили последние обязанности и также направляются к ночлегу. На соседних деревьях африканские козодои затягивают свою ночную песню или летают, распутив в воздухе пышный хвост; они часто и охотно приближаются к серибу и шмыгают, как духи, вокруг спящего стада. Ничто больше не нарушает тишины и покоя. Даже чуткие собаки, успокоенные всеобщей тишиной, замолкают.

Вдруг точно земля начинает дрожать: это неподалеку заревел лев! Теперь он оправдывает свое арабское название «эссед», то есть «возбуждающий тревогу», так как в серибу обнаруживаются сильнейшее смятение и величайшая тревога. Овцы как безумные бросаются к терновому плетню, козы громко блеют, коровы со стоном ужаса собираются в беспорядочную кучу, верблюды стараются разорвать свою привязь, чтобы убежать, а храбрые собаки, побеждавшие леопардов и гиен, громко и жалобно завывают и с визгом ищут защиты у своих хозяев. Мощным скачком перепрыгивает могучий хищник терновую стену, чтобы избрать себе жертву. От удара его страшных лап падает молодой бык; сильные зубы ломают шейные позвонки не могущего сопротивляться животного. Глухо рыча, лежит хищник на своей добыче, глаза ярко сверкают торжеством победы; хвостом он с силой хлещет воздух. На мгновение лев освобождает умирающее животное и снова схватывает его своими все разламывающими зубами, пока оно не перестает шевелиться. Теперь ему надо возвращаться назад через изгородь, а покидать свою жертву он не хочет. Чтобы с добычей в пасти совершить обратный прыжок, необходима вся его страшная сила. Но это ему удается: я видел серибу высотой в рост человека, через которую перепрыгнул лев с двухлетним волком в пасти; я заметил пролом, произведенный тяжелой ношей на вершине забора, а на другой стороне видел углубление, оставленное в песке падением вола, прежде чем лев потащил его дальше! Надо, впрочем, заметить, что рогатый скот в тех странах не так тяжел, как у нас. Часто с полной отчетливостью можно видеть на песке борозду от протащенного животного до того места, на котором оно было растерзано.

Понятно, что все животные, знающие этого хищника, приходят в ужас, как только услышат его рев. Но не следует думать, что рев льва слышен в пустыне во всякое время. Обыкновенно он издает протяжный звук, напоминающий мяуканье исполинской кошки, и глухое ворчание или рычание, при испуге же — корот-

Семейство кошачьи

** По впечатлению Дж. Даррела, рев льва напоминает сперва медленные, а затем все убыстряющиеся звуки движения пилы по очень гулкому бревну. Рев этот, по-видимому, носит функцию маркировки территории.*

*** По впечатлению автора этого примечания, рев льва у человека, не слышавшего его ранее, вызывает в первую очередь удивление, так как не ассоциируется ни с каким знакомым животным. Обезьяны (бабуины), сидящие на деревьях, продолжают кормиться как ни в чем не бывало. По многочисленным киносъемкам львиных охот видно, что принцип нападения на сильного противника действует и в львином прайде, поэтому*

кий звук, подобный кашлю. По-настоящему лев ревет настолько редко, что некоторым путешественникам, побывавшим в местах, где он обитает, совсем не удавалось его услышать. Рев — отличительная черта льва, можно сказать, выражение его силы: это рычание — единственное в своем роде, силой звука оно превосходит голоса всех других существ, за исключением, по словам Пехуеля-Леше, разве что самца гиппопотама. Так же судит об этом Селус: «Нет ничего более величественного и вместе с тем более возбуждающего страх, чем рев нескольких львов, охотящихся вместе, конечно, если он раздается невдалеке. Рев льва не поддается описанию. Арабы метко называют его «раад», то есть «гром гремит». Кажется, что он исходит из глубины груди и точно хочет разорвать ее. Трудно определить, откуда он раздается, потому что лев ревет по направлению к земле и звук разносится по ней действительно подобно грому. Самый рев состоит из чрезвычайно могучих звуков, средних между *О* и *У*. Он обычно начинается тремя или четырьмя протяжными звуками, похожими на стон, потом все быстрее и быстрее раздаются короткие звуки; к концу они опять повторяются медленнее и все более ослабевают, так что последние, собственно, больше походят на рычание»*.

Невозможно описать впечатления, производимого голосом «царя зверей» на его «подданных». Воющая гиена хоть на несколько мгновений умолкает; леопард перестает рычать; обезьяны начинают громко визжать и полные страха взбираются на самые верхушки деревьев; антилопы в бешеном бегстве пробиваются сквозь чащу; среди блеющего стада водворяется мертвая тишина; навьюченный верблюд дрожит, перестает повиноваться оклику своего погонщика, сбрасывает ношу и седока и ищет спасения в поспешном бегстве; лошадь становится на дыбы, сопит, раздувает ноздри и опрокидывается назад; не приученная к охоте собака с визгом ищет защиты у своего хозяина.

И даже человек, у которого впервые среди ночи в девственном лесу раздается в ушах этот звук, даже он спросит себя, достаточно ли у него геройства, чтобы выступить против животного, издающего такой страшный рев? ** То же чувство страха, которое вызывается ревом льва, овладевает всеми зверями, когда они узнают о его присутствии благодаря другим своим внешним чувствам, даже когда просто чуют его запах: ведь близость льва равносильна смерти.

Североафриканский лев, если это возможно, поселяется близ деревни, на которую и направляет свои набеги. Он пренебрежительный сосед и прогнать его не так-то легко, тем более, что при своих нападениях он обнаруживает значительную хитрость. «Когда лев по старости уже не может охотиться за дичью, — рассказывает Ливингстон, — то он вторгается в деревню за козами, и, если по дороге ему попадутся женщина или ребенок, они также становятся его добычей. Львы, которые нападают на людей, всегда ста-

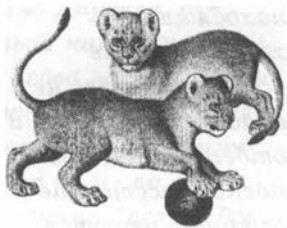
ры и если какой-нибудь из этих опасных хищников уже один раз пробрался в деревню и утащил козу, местные жители говорят: «Зубы его притупились; вскоре он умертвит и человека». Я также думаю, что в деревни заходят только старые опытные львы, но, по моему мнению, зубы их бывают совсем исправны. Довольно часто человек делается единственной добычей льва, а если последний хоть раз победил в себе присущий ему страх перед людским поселением и по опыту знает, как легко именно здесь найти добычу, то он становится все более дерзким и смелым; тогда он поселяется как можно ближе к деревне и отсюда совершает свои набеги до тех пор, пока человек это терпит. По достоверным сообщениям, некоторые львы становятся настолько смелы, что показываются у деревни днем; порой их не сдерживают и сторожевые огни. Против этого показания говорит твердая уверенность всех жителей северо-восточной Африки, с которыми у меня были сношения, в том, что огонь является самым верным охранительным средством против нападений льва. Они не знают случая, когда бы хищник напал на лагерь, защищаемый заботливо подерживаемыми сторожевыми огнями. Совершенно другое рассказывают они о леопардах; впрочем, южноафриканский лев, как говорят, также не всегда боится огня.

Совсем иначе, чем с домашними животными, поступает лев при нападении на диких зверей. Он знает, что они чуют его на значительно большем расстоянии и достаточно быстроноги, чтоб убежать. Поэтому он подстерегает их или чрезвычайно осторожно подкрадывается к ним в сообществе с другими львами, против ветра, и притом не только в ночное время, но и при солнечном свете. Но все же такие дневные охоты составляют исключение из общего правила. Обычно лев дожидается по крайней мере сумерек, прежде чем приняться за охоту. Подобно другим кошкам, он поджидает дичь близ наиболее посещаемых перекрестков. Так, например, львы отыскивают степные водопой, к которым животные пустыни приходят утолять жажду.

Когда спадет дневной жар и наступит прохладная ночь, грациозная антилопа, кроткоокая жирафа, полосатая зебра и могучий буйвол спешат к водопою. Осторожно приближаются они к источнику или луже, зная, насколько опасны для них эти места. Беспреданно нюхая воздух и прислушиваясь, зорко вглядываясь в ночную тьму, ведет передовая антилопа свое стадо. Ни одного шага не сделает она, не убедившись, что все тихо и спокойно. Антилопы большей частью достаточно хитры и потому идут к водопою против ветра, что позволяет передовой антилопе часто вовремя чуют врага. Она останавливается, прислушивается, вглядывается, нюхивается — и вдруг бросается назад, обращаясь в поспешное бегство. Другие следуют за ней; далеко закидывают они свои тонкие копыта, высоко подскакивают, подобно пружинам, ноги животных. Они мчатся через кусты и высокую траву и

вполне здоровые и находящиеся в хорошей форме копытные вовсе не впадают в панику, а отбегают на безопасное расстояние и останавливаются, вполне уверенные в своей безопасности.

находят спасение. Так же приближается к водопою умная зебра, так подходит и жирафа: на горе им, если они пренебрегут этой предосторожностью! Горе жирафе, если она подходит по ветру к луже, заросшей кустами; горе ей, если из-за страстного желания освежить горячий, засохший язык она хоть на мгновение забудет об осторожности!

По Ливингстону, лев обычно хватается за шею, иногда в пах, с которого охотнее всего начинает жрать. «Иногда встречаются остатки антилопы, которую он вполне выпотрошил». Селус подтверждает, что лев прежде всего разрывает задние части туловища своей жертвы и начинает поедать ее с внутренностей и благородных органов; он наблюдал также, что иногда лев складывает эти части в кучу и покрывает ее землей, без сомнения, для того, чтобы сохранить мясо до следующей ночи и скрыть его от грифов, которые, наверное, явятся днем.

О способе львиной охоты Ливингстон говорит: «По моим сведениям, лев самым разнообразным способом нападает на зверей. Я видел лошадь, молодого слона и двух антилоп, которые все были умерщвлены укусом в горло; я же видел лошадь и несколько зебр, умерщвленных укусами в затылок. Буйвол, как мне кажется, он одолевает посредством перелома шейных позвонков; достигает он этого, вспрыгнув на плечи жертвы, причем лапой хватается ее за морду и, притягивая к себе, круто поворачивает затылок. Я видел и убивал много буйволов, которые вовремя успели освободиться ото льва, но у которых затылок и плечи были ужасно покусаны». Блэнфорд не отвечает на вопрос о том, умерщвляет ли таким способом индийский лев более крупных зверей; он видел, как львица схватила верблюда за горло и в продолжение многих минут держала таким образом, не пытаясь скрутить ему затылок*.

** По-видимому, чаще всего лев убивает крупную жертву, именно душит ее зубами за горло.*

Лев предпочитает крупных животных мелким, но не пренебрегает и последними. Утверждают, что временами он довольствуется даже саранчой. По Ливингстону, лев, становясь слабым и старым, начинает охотиться за мышами и другими мелкими грызунами. Конечно, это редкое исключение: строение его тела совсем не приспособлено для добывания такой мелкой дичи. Охотится лев преимущественно за крупной добычей: чаще всего он появляется там, где много диких травоядных и крупного рогатого скота. Главной пищей ему служат домашние млекопитающие, зебры, антилопы, дикие кабаны. «В южной Африке, — замечает Мор, — лев попадается только в тех местностях, где водится крупная дичь, где встречаются буйволы и крупные виды антилоп. Слонов и носорогов он никогда не трогает, на кафрского буйвола нападает не без успеха. Я убедился в этом, осмотрев старого быка, которого убил 15 июля 1870 г. Незадолго до этого лев напал на этого степного великана и страшно изувечил его. Оба уха его были буквально изодраны в клочки, а на шее и затылке нахо-

дились страшные раны от когтей хищника; один из огромных рогов был сломан и из него сочилась кровь. И все же старый боец отбилась ото льва».

На человека лев нападает очень редко. В Судане, по крайней мере в некоторых местностях, часто встречаются львы, но почти неизвестны случаи, когда бы они съели человека. Там люди чаще становятся жертвами крокодилов и даже гиен, чем львов. В южной Африке, напротив, известно довольно много случаев, когда львы, несмотря на сторожевые костры, пробирались за ограду загонов для похищения домашних животных и уносили даже людей, сидящих около огня. Вероятно, к этому их побуждает крайний голод. Селус рассказывает о страшной львице, которая несмотря на огонь, сторожей и выстрелы трижды в продолжение ночи нападала на лагерь. В первый раз она схватила лошадь, а потом двух туземцев, сидевших у огня, но в конце концов была убита. «Голодный лев — черт, — говорят в южной Африке. Когда он голоден, все равно, силен или стар и слаб, лев и днем, и ночью может нападать на людей. А

Лев
(*Panthera leo*)

когда из опыта убедится, что к человеку легко подкрасться и схватить его, тогда он чаще начинает стремиться к такой удобной добыче. Впрочем, настоящими людоедами львы становятся редко, так как большинство южноафриканских аборигенов не из тех людей, которые долго станут терпеть нападения льва. Если какой-нибудь лев попытается кормиться из их стада, то воинственные аборигены выслеживают его и убивают или изгоняют из своей местности. По словам Кера, в районе Чибинга (южнее реки Замбези) ежегодно около 10 человек становятся жертвами львов, особенно в дождливое время года, когда люди работают на плантациях и тут же спят.

Никто обстоятельнее не описал южноафриканского льва, чем Селус: «Мне всегда казалось, что слово «величественный» совсем не подходит к дикому льву, потому что днем у него всегда неуверенное и пугливое выражение, которое несовместимо с понятием о величии. Чтобы соответствовать такому определению, он должен был бы держать высоко гордую голову. А это он делает редко. Когда лев идет, он опускает голову низко, ниже линии спины и только, если замечает близость человека, иногда поднимает ее, окидывает взглядом нарушителя своего покоя, потом обычно снова опускает ее и, ворча, убегает. Но ни одно животное не имеет более грозного вида, чем лев, поставленный в безвыходное положение: пасть его открыта, глаза сверкают, голова глубоко опущена между плечами; он издает непрерывающееся глухое рычание и хвостом хлещет себя по бокам; и даже тогда в облике его нет ничего величественного. Если лев два или три раза подряд подбрасывает хвост вертикально вверх — берегитесь: это почти всегда служит признаком скорого нападения. При встрече днем львы почти всегда отступают перед человеком, даже в том случае, когда люди мешают им насыщаться только что убитым животным. Если же их рассердят или ранят, то следует ждать нападения. Судя по моим наблюдениям, приобретенным опытом, львы все-таки более других южноафриканских зверей склонны к нападению на человека. Так как они значительно лучше умеют скрываться и быстрее нападать, чем слоны, буйволы и носороги, то, по-моему, они гораздо опаснее этих зверей. Без сомнения, подобно людям и животным, львы также имеют различный нрав и потому было бы ошибочно предполагать, что поступок одного льва будет повторен и следующим. Никто не имеет права называть льва трусливым зверем только на том основании, что два или три экземпляра, которых охотник застрелил, не обнаружили мужества в борьбе. Если больше несчастных случаев с людьми происходит от столкновений с буйволами, чем со львами, то причина не в том, что первые опаснее последних, а объясняется тем, что их гораздо больше, так что в семидесятых годах на охоте один лев приходился на 50 буйволов».

«Если преследовать льва с собаками, то для человека почти нет опасности, потому что все внимание льва привлекает окружающая его шумная стая собак, а не приближающийся злейший враг, человек. Иногда случается, впрочем, что он хватается охотника, находящегося среди собак. Охотник верхом часто может спастись благодаря скорости своего коня; я не думаю, чтобы лев мог догнать хорошую лошадь — это удастся ему разве в лесной чаще или в глубоком сыпучем песке. Для пешего охотника без собак наименее опасно первое столкновение; опасность возрастает при выслеживании уже раненого льва, особенно в высокой траве или в лесной чаще, потому что трудно найти другого зверя такой величины, который умел бы так хорошо скрываться за самым не-

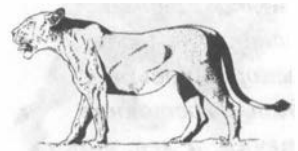
значительным прикрытием и с быстротой молнии бросаться на врага. Я никогда не видел, чтобы лев делал прыжок; мне всегда казалось, что он, подобно собаке, приближается тяжеловатым галопом, причем удивительно быстро продвигается вперед. Далее, я никогда не наблюдал, чтобы лев уносил на себе добычу; по моим наблюдениям, все львы, без исключения, имеют привычку схватывать труп за затылок и тащить его по земле. Так поступают они даже с мелкими антилопами, и я не думаю, чтоб южноафриканский лев, как это рассказывают про североафриканского, в состоянии был унести такое тяжелое животное, как вола, не говоря уже о том, чтобы, держа его в пасти, перепрыгнуть через ограду». Это мнение, подтверждаемое другими опытными охотниками, достойно внимания, тем более, что южноафриканский лев крупнее североафриканского.

Селус сообщает, что, по его сведениям, мясо льва довольно вкусно; подобно телятине, оно беловатого цвета и лишено какого-либо отталкивающего запаха. Живучесть льва, по крайней мере южноафриканского, самого видного из всех, невелика; в этом отношении он уступает даже большинству антилоп. Он умирает гораздо быстрее последних, если в его сердце или легкие проникает небольшая свинцовая пуля из винтовки калибра в 4,5 линии (приблизительно 9,5 мм), которую опытные охотники в Индии считают лучшим ружьем против тигров.

Внешний образ льва внушает почтение, его могучая сила, отважная смелость издавна признавались людьми и вызывали у них удивление. И если это удивление часто оказывалось преувеличенным и приписывало льву качества, которыми он в действительности не обладает, оно все же было небезосновательным. В числе качеств, приписываемых льву самыми лучшими естествоиспытателями, видное место занимает благородство. Кто близко знаком со львом и как я многие годы ежедневно встречался с ним в неволе, тот наверняка испытает то же, что и я. Он станет любить и уважать его, как только может человек любить зверя. Ниже я расскажу о моем любимом звере, пойманной львице, которая доставила мне немало приятных и веселых часов.

Время, когда лев сближается с львицей, очень различно в разных местностях, потому что время рождения детенышей совпадает с весной. Во время течки за одной львицей часто следуют 10—12 львов и между ними происходит много битв и ссор. Но как только львица избрала себе супруга, остальные удаляются, и пара живет в полном согласии. Хотя течка у львицы не имеет столь бурного характера, как у других крупных кошек, случка у львов повторяется много раз. Львица сластолюбивее самца. Это она подходит к суровому супругу с ласками и нежностями и как будто приглашает его; он спокойно лежит напротив, пристально устремив на нее глаза, и поднимается только тогда, когда она приближается к нему. Не обходится и без некоторого рычания и

Семейство кошачьи

** Менее всего взрослый лев-самец, видимо, согласен жертвовать собой ради львят. Будучи плохим охотником, он после спаривания с самкой, продолжаящегося в общей сложности несколько дней, возвращается к прайду и продолжает выполнять свою основную функцию: защищать территорию прайда от других львов и вообще от других хищников. Львица же находит укромное место, в которое старается не пускать никого, и более всего — отца семейства. Он знакомится с львятами, когда те уже способны следовать за матерью. Если за время беременности в прайде случилась смена власти и доминирующее положение занял новый самец, он без зазрения совести тут же убивает львят от предыдущего доминанта. Львица, потеряв выводок, вскоре вновь приходит в состояние течки, и лев, таким*

фырканья львицы; однако она не неистовствует так бешено, как другие крупные кошки, не раздает, подобно им, ударов лапой. Через 15—16 недель, или 100—108 дней, после случки львица рождает 1—6, но чаще 2—3 детенышей. Они появляются на свет с открытыми глазами и по величине похожи на полувзрослую кошку. Для родов мать подыскивает место в чаще, как можно ближе к водопою, чтобы не ходить далеко за добычей. Лев помогает ей добывать пищу и, в случае надобности защищает ее и детенышей*. Львица обычно проявляет к детенышам большую нежность и трудно представить себе более привлекательное зрелище, чем львицу со львятами. Маленькие прелестные зверьки играют друг с другом, как шаловливые котята, а мать строго, хотя и с бесконечным удовольствием смотрит на эти детские игры.

В первое время молодые львята довольно беспомощны. Только на втором месяце своей жизни они начинают ходить, а свои детские игры начинают еще позже. Вначале они мяукают совсем как кошки, позже голос их становится сильнее и полнее. В играх они неповоротливы и неуклюжи; но со временем появляется и ловкость. Через шесть месяцев мать перестает кормить их молоком, но они еще раньше начинают сопровождать мать, а иногда и обоих родителей в набегах, но только на незначительные расстояния. К концу первого года они достигают величины большой собаки. Вначале половое различие никак не проявляется, но скоро обнаруживается разница между самцом и самкой, выражающаяся в более крепких и мощных формах самца. К третьему году у самца начинает пробиваться грива; но только на шестом или седьмом году оба пола достигают полного развития и окончательной окраски. Такое медленное взросление определяет возраст, до которого они доживают. Известны случаи, когда даже в неволе львы жили 70 лет, хотя при самом хорошем уходе они там довольно скоро дряхлеют и теряют значительную часть своей красоты.

При разумном уходе пойманные молодыми львы становятся ручными.

Как уже было замечено, при хорошем питании лев выдерживает неволю много лет. Он нуждается ежедневно в 4 кг хорошего мяса. При таких условиях он чувствует себя хорошо и становится видным и упитанным.

Никто не станет удивляться тому, что африканцы всеми средствами стараются истребить львов. Все же страх их перед львом не так велик, как это представляется. Могучий хищник даже там, где он водится, встречается отнюдь не ежедневно. Он не вторгается беспрестанно в загоны, а старается отыскать себе пропитание в пустыне; некоторым племенам он своей охотой даже полезен. Бушмены часто обязаны ему вкусной пищей. Рано утром они обыскивают местность, где он охотится, и там им часто попадаются значительные остатки дичи, которую лев убил ночью. Они

даже решаются согнать хищника с его добычи, чтобы для них осталось как можно больше.

Но и жители северной Африки мало жалуются на ущерб, приносимый львами. Правда, их хищнические подвиги всех волнуют и широко обсуждаются, но без особого негодования по поводу потери скота. Люди относятся к этому скорее как к злему року, как к чему-то неизбежному. У поселенцев европейского происхождения, конечно, другие понятия о ценности имущества, чем у беззаботных африканцев. По вычислению Жюля Жерара, в 1855 году в провинции Константина 30 львов причинили убытков только истреблением домашних животных на 170000 франков: следовательно, каждый лев «употребляет» для своего пропитания скота приблизительно на 5660 франков. С 1856 по 1857 год, по сообщению того же охотника, в окрестностях города Бона жило 60 львов, которые съели 10000 голов мелкого и крупного скота. Дальше в глубь страны вред, приносимый ими, гораздо меньше, потому что скотоводство, которое составляет единственное занятие жителей, ведется в гораздо больших размерах, чем в странах, где преобладает земледелие. Все же вред и там довольно ощутим, и бедный скотовод иногда приходит в отчаяние от разорения, причиняемого львами*.

В горах Атлас на льва охотятся различными способами. Если он обитает по соседству со становищем бедуинов и его присутствие делается слишком тягостным, то все мужчины, способные носить оружие, окружают кустарники, в которых скрывается их враг, и пытаются криками и выстрелами выгнать его оттуда. Когда он наконец показывается, в него направляют такую массу пуль, что лев обычно мгновенно падает, сраженный наповал, хотя иногда и успевает изувечить или умертвить нескольких своих преследователей. Львов также убивают, подкарауливая около приманки. Арабы выкапывают яму, плотно закрывают ее сверху, так что открытыми остаются только отверстия для ружей, и кладут недалеко от ямы только что убитого кабана или же влезают на деревья и стреляют оттуда. Кроме того, арабы ловят львов в ямах глубиной 10 м и шириной 5 м. Как только лев попадает в яму, со всех сторон сбегаются люди и поднимают страшный шум. Каждый кричит и бросает вниз камни. Особенно шумят женщины и дети. В конце концов мужчины стреляют в льва. Когда он лежит уже совсем неподвижно, они отваживаются спуститься вниз и привязывают к его ногам веревку, с помощью которой поднимают труп наверх с немалым трудом, так как вес взрослого льва-самца доходит до 200 килограммов. Каждому мальчику, чтобы он стал мужественным, дают съесть по кусочку сердца. Из волос гривы готовят амулеты, так как верят, что подобные волосы предохраняют от лвиных зубов.

Мало найдется животных, о которых бы издавна сочинялось, да и до сих пор сочиняется столько побасенок, сколько о

Семейство кошачьи

образом, получает возможность скорее и лучше сохранить свои гены в потомстве.

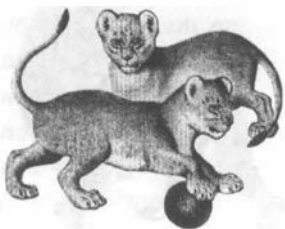
** Как и все крупные хищники, лев ест сравнительно мало и может довольно долго голодать без особого вреда. В природе, где львы при всем желании убивают ровно столько, сколько им необходимо для еды, это составляет 2—3 жертвы в неделю на прайд.*

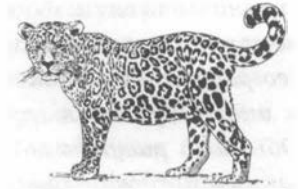

львах. Известия о них дошли с самой седой старины. На египетских памятниках лев изображен в различных положениях. Это доказывает, что древние египтяне хорошо его знали и верно определяли его место среди других зверей. Дюмикен, который был так добр и написал нижеследующее для «Жизни животных»: «В древнеегипетском языке одно и то же слово служило для обозначения льва и кошки. Идеограмма, изображающая это слово в египетских письменах, выговаривалась «маау» (слово, в котором нельзя не заметить звукоподражательной основы). Имеет ли эта идеограмма в рукописях то или другое из двух значений, решается определительным рисунком, то есть изображением, которое ставилось вслед за упомянутой идеограммой, в нашем случае изображением льва или кошки. Кроме «маау», встречаются еще слова «ар» и «там», последнее преимущественно для обозначения солнечного божества, почитавшегося под видом льва — защитника ворот востока. Не подлежит сомнению, что древние египтяне отводили льву первое место среди хищных зверей, так как слово «маау» употреблялось ими и для обозначения всех хищников. Так, в папирусе Гарриса значит: «О владыка богов! Сблаговолит защитить меня от диких хищных зверей (маау-у), крокодилов в реке и всех жалящих змей».

«Почти на всех древнеегипетских памятниках, даже тех, которые насчитывают по крайней мере 4000 лет, как, например, на гробницах при пирамидах, между рисунками, украшающими стены в храмах и усыпальницах, нередко попадаются изображения диких и прирученных львов. Достоин внимания, что здесь встречается не только африканский, но и азиатский лев (последний изображался или в виде дани, приводимой азиатскими племенами, или в качестве объекта охоты царей во время походов в Азию). Древнейшее известное мне изображение львиной охоты находится в одной из гробниц; найденные там рисунки, без сомнения, относятся к наиболее удачным произведениям древнеегипетского искусства, а изображения животных поражают даже зоологов. Владелец гробницы, называемой в рукописях Пта-Хотеп, был знатным сановником периода царствования Таткара Асса, Танхереса пятой Манефонской династии. Это, вероятно, то же лицо, которому принадлежат сочиненные в царствование названного царя и снискавшие славу мудрые изречения об обхождении с людьми. Как видно из рисунков, он умел обращаться и с животными, а также знал, как охотиться на них.

В Библии львы упоминаются часто, и евреи давали им много разных названий. Греки и римляне очень обстоятельно рассказывают о царственном животном и сообщают при этом массу сказок. Кости льва будто бы так тверды, что ими можно высекать огонь; лев презирает мелких животных, щадит женщин; сильная и жестокая львица может родить за всю свою жизнь лишь одного детеныша, потому что он своими острыми когтями

разрывает матку; то же происходит и у гадюки. Аристотель знает, что львица рождает много раз, что молодые львята очень малы и начинают ходить только на втором месяце. Он знает даже, что есть два вида львов: более короткие, с вьющейся гривой, и более длинные, с густой гривой, сильнее первых. Плиний говорит, что новорожденные львята представляют собой бесформенный кусок мяса, величиной не более ласки, что они через два месяца едва двигаются и только после шестого месяца начинают ходить. Они будто бы пьют очень редко, едят через день и могут по три дня обходиться без пищи, все проглатывают целиком и потом вытаскивают когтями из пасти то, что желудок не может вместить, чтобы в случае надобности иметь возможность спастись бегством. Из всех хищных животных только лев «милостив» к просящим, щадит падающих перед ним ниц и изливает свой гнев больше на мужчин, чем на женщин, на детей же только при сильнейшем голоде.

Первую борьбу львов устроил эдил Сцевола, вторую — диктатор Сулла, у которого было уже 100 львов, Помпей же заставил сражаться 600, а Юлий Цезарь — не менее 400 львов. Ловля их была тяжелым делом и производилась большей частью с помощью ям. При Клавдии пастух случайно нашел легкий способ поимки льва; он накинул на голову зверя свою одежду, и лев был так озадачен, что спокойно позволил поймать себя. Позже способ этот часто применялся в цирке. Марк Антоний после Фарсальской битвы ехал по городу с одной актрисой в колеснице, запряженной львами. Ганог, известный карфагенянин, первый стал собственноручно управлять колесницей, в которую были запряжены прирученные львы. Однако из-за этого его изгнали из отечества (подумали, что человек, властвующий над львами, наверное, захочет властвовать и над людьми). Император Адриан приказал в один день убить в цирке 100 львов, а при Марке Аврелии 100 львов было убито стрелами. В результате численность львов так уменьшилась, что отдельным лицам было запрещено на них охотиться, дабы сохранить их в достаточном количестве для игр. Но настоящее истребление львов началось позднее, с изобретением огнестрельного оружия.

Уже со времен Аристотеля и Плиния среди исследователей существует разногласие относительно систематического определения трех кошек Старого Света, объединенных общим названием пантер: леопарда, пантеры и зондской пантеры; их то считали разновидностями одного и того же животного, то особыми видами.

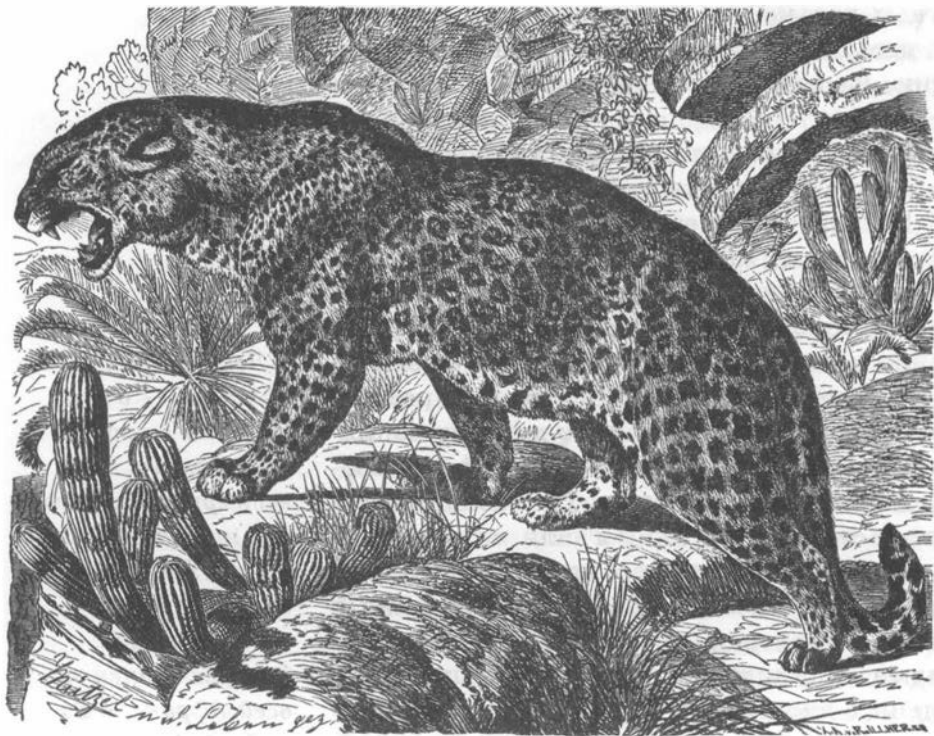
Леопард (*Panthera pardus*)* имеет следующие признаки: общая длина составляет 170—200 см, из которых на хвост приходится 60—80 см. Голова велика и округла, морда мало выдается, шея очень короткая, тело сильное, вся фигура плотная; ноги средней вышины и умеренно толсты, лапы не особенно велики. Ос-

* Леопард, барс, пантера — очень крупная (среди современных — четвертая по размеру) кошка. Длина тела 120—170 см, длинный хвост около 1 метра. Распространен по всей Африке, в Западной Азии на северо-востоке до Кавказа и Туркмении, во всей Южной и на большей части Восточной Азии. Населяет весьма разнообразные местообитания, от сухих предгорий Средней Азии до влажных тропических лесов Западной Африки и Зондских островов.

Семейство кошачьи

** У леопарда есть сильная изменчивость окраски, как географическая, так и индивидуальная. Обычный рисунок шкуры представля-*

ющей бледный красновато-желтый цвет темнеет на спине и переходит в области горла и передней части груди в светло- или бело-желтый, на нижней и внутренней стороне конечностей — в желтовато-белый, но весь окрас кажется относительно темным, так как пятна малы и расположены довольно густо. Вообще же «лицо», темя, затылок, стороны головы и шеи, плечи, плечевая часть передних конечностей и предплечья, бедра и ноги на наружной стороне, горло и передняя часть груди густо покрыты черными сплошными, круглыми или кругловатыми пятнами, величина которых колеблется от величины горошины до величины грецкого ореха.

Леопард
(*Panthera pardus*)

ет собой узор из черных кольцевидных пятен на желтом, коричневом или рыжевато-коричневом фоне. Но иногда часть пятен может сливаться, образуя сначала очень крупные размытые пятна,

на нижней и внутренней стороне конечностей мы замечаем простые или двойные сплошные пятна. Ухо снаружи черновато-серого цвета, на конце его большое беловатое пятно; глаз имеет зеленовато-желтую радужную оболочку и круглый зрачок. Ни животные разного пола, ни взрослые и молодые животные, ставшие самостоятельными, не отличаются существенно друг от друга; но есть более темные и даже черные экземпляры. Леопард блестящего буро-черного цвета, который лишь при солнечном свете кажется пятнистым, называется в Абиссинии «гезела» и ревностно преследуется ради своей ценной шкуры*.

Пантере приписываются следующие признаки: общая длина 200—240 см, из которых около 82—96 см приходится на хвост. Голова умеренной величины, продолговато-округлая морда выда-

Некоторые пятна образуют как бы кольца, темные пятна окружают маленькое срединное поле, что наблюдается на всех пятнах верхней части спины, боков тела и верхней части хвоста у его основания. Хвост при основании очень неправильно разрисован вытянутыми в длину кольцеобразными и сплошными пятнами, потом же лишь этими последними; на конце хвост снизу почти чисто-белого цвета. Наконец, на

ется довольно сильно, шея короткая, тело вытянутое, сильные ноги относительно очень толстые, лапы крупные. Основной светлый охристо-желтый цвет переходит на спине в темный красновато-желтый, на нижней стороне тела и внутренней стороне конечностей в желтовато-белый, как у леопарда, но выступает гораздо резче, так как рисунок, состоящий из пятен, здесь совершенно другой. Кроме головы, затылка, боков шеи, горла и верхней части груди, на которой несколько пятен тоже сливаются в две или три полосы, лишь предплечья и голени покрыты сплошными пятнами, по большей части состоящими из двух или трех слившихся отдельных пятен, между тем как плечи и бедра, а также спина и бока усажены окаймленными или кольцевидными пятнами. Все кольцевые пятна, или розетки, отличаются от таких же пятен леопарда своей значительной величиною. По средней линии спины тянутся два параллельных ряда розеток, а около них — два почти параллельных; первые состоят по большей части из замкнутых, последние из частично разорванных полулунных пятен, мелких по сравнению с пятнами на боках, розетки на боках расположены, как у леопарда, в ряды, довольно правильно тянущиеся косо сверху и спереди вниз и назад. На верхней стороне хвоста до середины его преобладает рисунок, состоящий из больших, как на спине, розеток, нижняя сторона покрыта здесь более светлыми полулунными пятнами; вторая половина хвоста имеет сверху широкие черные полукольца, разделенные узкими светлыми полосками, а снизу одноцветные белые полукольца. Желтовато-белая или чисто-белая нижняя и внутренняя сторона конечностей покрыта большими продолговато-округлыми редкими черными пятнами. Окраска и рисунок уха такие же, как у леопарда; радужная оболочка обыкновенно желтого цвета.

По мнению некоторых, **зондскую, или длиннохвостую пантеру***, обитающую на островах Суматра и Ява, не следует, строго говоря, смешивать с леопардом и собственно пантерой. Отличительными признаками ее, по сравнению с обоими родственными видами, считаются: маленькая длинная голова, удлинённая шея, очень вытянутое тело, длинный, почти равный телу хвост, низкие сильные ноги, снабженные крепкими когтями, и, наконец, особый рисунок пятен. Как сплошные пятна, так и розетки гораздо меньше, темнее и расположены чаще, чем у родственных форм. мех получает, благодаря этому, синевато-черный отблеск, который резко выступает, если смотреть на мех по шерсти. Основной цвет темный охристо-желтый, цвет полей буровато-желтый, цвет нижней и внутренней стороны конечностей серовато- или желтовато-белый. Край уха густого черного цвета. Радужная оболочка зеленовато-желтая.

Так называемая **черная пантера, или черный леопард**, представляет собой не что иное, как более черные экземпляры того же животного. Как справедливо замечают Рейнвальд и Куль и как

затем, у некоторых особей, рисунок в виде широких неправильных полос или мраморных разводов. Попадают особи совершенно черные. Причем неверно говорят, что даже у такого леопарда на ярком свету становятся заметны пятна — попадают особи глянцево-черные, безо всякого видимого рисунка. В разных популяциях черные леопарды могут быть как исключительной редкостью, так и составлять большинство особей.

** Приводимые Бремом разновидности леопардов составляют один биологический вид — *Panthera pardus*, в пределах которого ученые выделяют около 25 подвидов (географических рас). Различия между собственно леопардом и пантерой, приводимые в книге Брема, представляют собой индивидуальную изменчивость леопарда.*

Семейство кошачьи

** Как сейчас известно, совершенно черная окраска зависит от переизбытка в организме темного пигмента — меланина, а его выработка зависит, в свою очередь, от гормонального статуса животного. Иными словами, черные и желтые леопарды, даже будучи кровными родственниками, могут обладать разными характеристиками, разным темпераментом и, соответственно, разной приспособляемостью к одним и тем же условиям. Соответственно, если даже у самки леопарда будет родиться поровну желтых и черных котят, в одних местностях лучше будут выживать одни, а в других другие.*

известно, по словам Розенберга, каждому яванцу, этих пантер находят в одном помете с желтыми, причем, как на Зондских островах, так и на материке. По Сандерсону и Блэнфорду, эти черные экземпляры, представляющие по окраске совершенно черную кошку (пятна у них можно различить лишь при известном освещении), более обыкновенны на Малаккском полуострове и в южной Индии, особенно в Траванкуре и Майсуре, чем в более северных областях. По словам Сандерсона, они живут исключительно в больших густых лесах, между тем как светлее окрашенные представители того же вида встречаются повсюду. В настоящее время можно встретить черных пантер почти во всех зоологических садах, и в некоторых их успешно разводят. Если спариваются черные экземпляры с черными же, потомство представляет такую же окраску*.

Охотники и торговцы довольно уверенно отличают по внешним признакам и образу жизни леопарда, как более мелкое и плотнее сложенное животное, от пантеры, которая крупнее и тоньше сложена. Ведь умеют же отличить легкую лошадь от тяжелой или, как в Индии, коренастого тигра горных местностей от худощавого тигра равнин. Но следует иметь в виду, что тут речь идет о крайних пределах отклонений; в систематике это деление не признается, так как резкого различия между видами провести нельзя. Пантера и леопард составляют в систематике лишь один вид. Величина, форма головы, плотное или тонкое сложение, длина хвоста, его длина и густота шерсти на нем, пятнистость и основная окраска меха бывают у этих животных очень различны, а желтоватые или красноватые, а также светло- или темно-бурые и совершенно черные экземпляры, мех которых кажется пятнистым лишь при известном освещении, встречаются в разных местностях, значительно удаленных друг от друга. Попадаются и альбиносы. Различия в величине во многих случаях должны быть отнесены к различию возраста, места обитания и способа питания. Во всяком случае, знатоки умеют сразу отличать африканские шкуры от азиатских.

Следовательно, можно считать леопарда и пантеру разными животными или не делать между ними различия, как кому более нравится. Можно также называть африканский «вариант» леопардом, а азиатский пантерой, хотя в северной Африке леопарды называются пантерами, а в Индии и на близлежащих к ней территориях, например, на Цейлоне, различают обе разновидности, водящиеся рядом. По своим повадкам и образу жизни они сходны между собою, различия в величине и силе незначительны. Некоторые из этих кошек предпочитают более мелкую дичь и более мелких домашних животных, другие нападают также на крупную дичь и крупный скот, а также на людей и по «хищности» ближе всего стоят к тигру, а в Индии во многих случаях считаются даже более опасными.

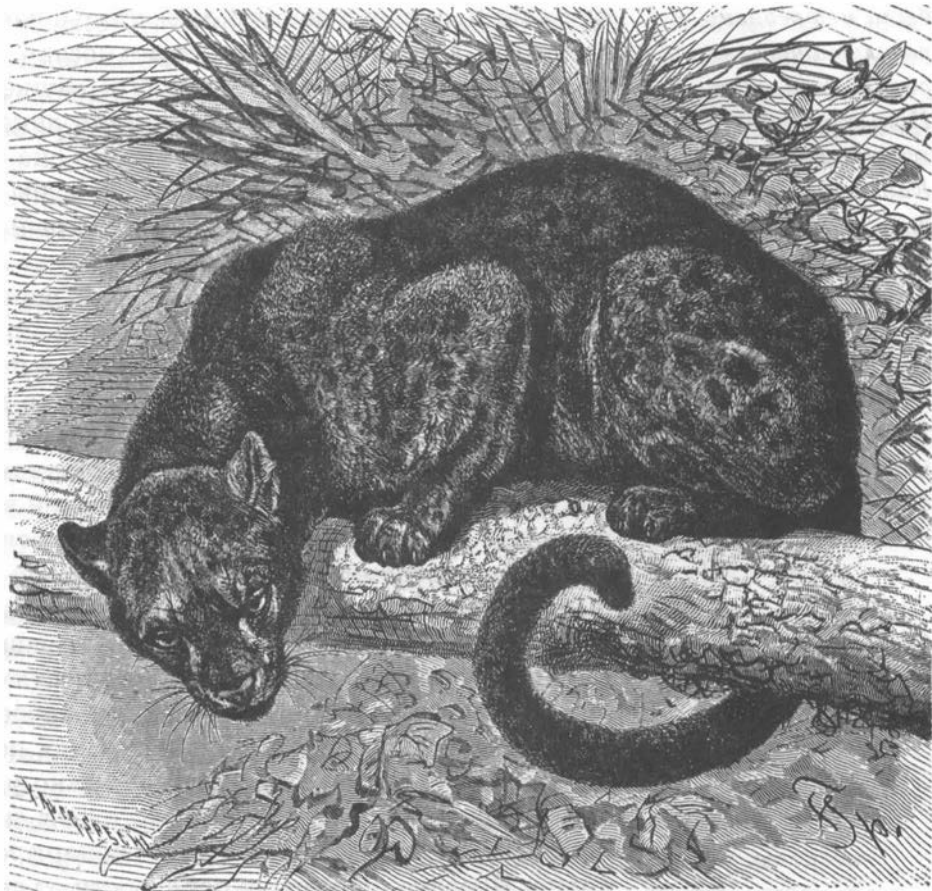
Область распространения этого животного очень велика: она охватывает всю Африку и всю южную Азию. На западе заходит далее на север, чем область распространения тигра, напротив, на востоке проходит намного южнее. Пантера распространена в Персии, а также на Малоазиатском и примыкающем к нему Армянском нагорьях, вплоть до Кавказских гор.

Хотя в настоящее время на Кавказе пантера уже сильно истреблена, но все еще встречается в южном Дагестане и северном Азербайджане. На западном склоне Кавказа, спускающемся к Черному морю, пантера, как говорят, распространена еще далее на север (по некоторым данным, до Анапы); однако до настоящего времени нельзя указать здесь с достоверностью самого северного пункта ее распространения*. В Средней Азии область ее распространения ограничена средним течением Амударьи, а также окраинами туркменских пустынь, примыкающих к этой реке. Во всяком случае в Туркмении пантера обычна лишь в Копетдаге и по коротким долинам рек, у истока которых и можно провести северную границу распространения пантеры.

Между тем как во всем русском Туркестане, в районах нижнего течения Амударьи и у Аральского моря, а также в западной части Бухарского эмирата ее, вероятно, нет; нельзя также быть уверенным, встречается ли она в юго-восточной части Бухарского эмирата. Сведения скудны и разноречивы; верхнее течение Амударьи, по видимому, и служит границей. В британской Индии, по словам Блэнфорда, пантеры нет в Пенджабе и в некоторых частях Синда; не встречается она и в предгорьях восточных Гималаев.

Леопардов можно назвать молчаливыми животными, так как редко случается слышать их негромкий голос. Иногда они изда-

* Еще в начале XIX в. леопард был распространен на Кавказе до Осетии и верхний рек бассей-

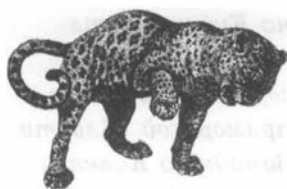

Леопард (черная пантера, меланист)
(*Panthera pardus*)

на Кубани, хотя населял только горные районы и приморской области Западного Кавказа не жил. Около 40

Семейство кошачьи

лет назад леопарды были сравнительно обычны в ряде районов Армении и Азербайджана. Во всех этих местах были истреблены в результате неконтролируемой охоты. Попытка найти живого леопарда на Кавказе в 1978 г. результата не дала. Анатолийский подвид леопарда, живший в Закавказье, сохранился в Туркмении, Малой Азии и Иране в количестве едва ли более 50 особей.

ют в пустыне грубый крик, повторяющийся 3—4 раза, а если они испуганы, раздражены или нападают, то резко издают в виде сухого кашля тот же самый хриплый крик, смешанный с не поддающимся описанию дребезжащим ворчанием, похожим на ворчание бешеной собаки. Голос их во всяком случае не громче, чем голос собаки средней величины.

Леопард, или пантера, самая красивая из всех кошек на земном шаре. Правда, мы видим во льве царя зверей, тигр считается самым опасным видом этой семьи хищников, мех оцелота красивее всех окрашен, но по гармонии строения тела, красоте рисунка на мехе, силе и ловкости, мужеству и изяществу движений они, как и все остальные кошки, стоят позади леопарда, который как бы соединяет в себе все телесные и «душевные» достоинства отдельных видов кошек. Его бархатная лапа соперничает по своей мягкости с лапой домашнего кота, но она скрывает очень острые когти; зубы его гораздо сильнее, чем зубы льва. Красивый и гибкий, сильный, и ловкий, смелый и хитрый, он представляет собой идеально развитого хищника.

«Одежда леопарда» на первый взгляд может показаться слишком пестрой для хищника, который, чтобы овладеть добычей, должен подстерегать ее, прятаться и подкрадываться. Однако достаточно поверхностного взгляда на те местности, где это животное водится, чтобы понять несправедливость подобного мнения. Кто хорошо знаком с местами обитания леопарда, тот знает, как естественно сливается с окружающей растительностью и камнями это пестрое существо, становящееся незаметным даже на близком расстоянии. Леопард встречается всюду, где есть непрерывные густые леса, причем иногда в относительно большом количестве. Он не любит травянистых равнин, хотя нередко обитает и в степи, а в населенных местностях часто залегает на полях, плантациях или в прилегающих зарослях кустарника. Весьма охотно удаляется в горы, на склонах которых, поросших густой растительностью, находит не только удобные убежища, но и обильную добычу. В Абиссинии даже в поясе высот от 2000 до 3000 метров над уровнем моря леопард чувствует себя великолепно. Нередко он селится поблизости от человеческого жилья — но при любых обстоятельствах хитрый хищник выбирает себе такие места, где может наилучшим образом укрыться от посторонних взоров.

Несмотря на свою не слишком значительную величину, леопард оказывается одним из самых страшных врагов всех животных и даже человека, которого он, однако, избегает по мере возможности. Благодаря ловкости своих движений и хитрости, которая ему присуща в большей степени, чем другим кошкам, он умеет завладеть даже самой быстрой и осторожной дичью. В лазании леопард лишь немного уступает другим кошкам. На дереве он прячется почти так же часто, как и в кустарнике. Если его

преследуют, он всегда взбирается на дерево. В случае надобности леопард переплывает довольно широкие реки. Лишь при движении он обнаруживает всю свою красоту. Каждое движение так гибко, так пластично, ловко и проворно, что можно только любоваться животным, когда удается его наблюдать. В его движениях нельзя заметить ничего, указывающего на напряжение. Тело изгибается и поворачивается во всех направлениях, а нога ступает так тихо, будто бы несет самое легкое тело. Каждый изгиб изящен, округлен и мягок, одним словом, бегущий или подкрадывающийся леопард доставляет истинное наслаждение взору каждого и может быть сравним в этом отношении разве только с одним гораздо меньшим хищником — генеттой*.

К сожалению, «душевный образ» леопарда не соответствует его телесной красоте, по крайней мере, по человеческим понятиям. Леопард хитер, зол, дик, кровожаден, мстителен и вовсе не робок. В Африке его называют иногда, как и ягуара в Америке, просто тигром, обозначая этим его кровожадность. И действительно, это, без сомнения, самый опасный вид семейства кошек Старого Света. Он умерщвляет все существа, которые может одолеть, все равно, велики ли они или малы, могут ли защищаться или без сопротивления становятся добычей. Антилопы, шакалы и мелкий скот составляют его главную пищу; но он лазает также по деревьям за обезьянами, по скалам за даманами, бросается на дроф и цесарок, а также на других птиц, включая самых мелких, и, без сомнения, не избегает земноводных. Всякое животное годится ему, но он глотает также, по наблюдениям Пехуеля-Леше, жирные плоды масличной пальмы. Павианов преследует постоянно и препятствует опасному их размножению, что очень заметно по большому количеству этих обезьян на тех высотах, куда он не доходит**.

Если стада находятся в загоне, то леопард при случае устраивает, как говорят, настоящую бойню и в одну ночь может умертвить дюжину и более овец. Поэтому владельцы скота боятся его гораздо больше, чем других хищников, которые по большей части довольствуются одной тушей. За курами он охотится постоянно. В южной Африке полагают, что леопард предпочитает коз овцам. «Фермер, — говорит Фритиш, — бывает доволен, когда его пастух пасет вместе с его овцами несколько собственных коз, так как леопард, вероятнее всего, схватит коз и пощадит овец». Это объясняется, конечно, главным образом тем, что козы, особенно при дальних переходах, устают гораздо скорее, чем овцы, и таким образом легче достаются хищнику.

Смелость и хищность леопарда сочетаются с величайшей дерзостью. Нагло и бесстыдно он проникает в село, город и даже в обитаемые хижины.

Леопард дал и мне поразительное доказательство своей отваги и кровожадности. Мы ехали верхом в предобеденное время

** Леопард, действительно, единственная из крупных кошек, хорошо лазающая по деревьям. По сообщениям очевидцев, он обладает непропорционально большой, по сравнению с другими кошками, силой. Леопард может довольно долго нести в зубах добычу, почти равную ему по весу, так, чтобы она не касалась земли. Кучеренко в книге «Тигр» сообщает, что амурский леопард способен, держа в зубах убитую кабаргу и даже косулю, прыгать на 13 м в длину или запрыгивать на дерево на трехметровую высоту.*

*** Для леопарда охота, особенно на крупную дичь, — такое же утомительное занятие, требующее выкладки всех физических и душевных сил, как и для любого крупного хищника. Поэтому бессмысленно обвинять его в кровожадности.*

Семейство кошачьи

Леопард, благодаря своим способностям, гораздо чаще нападает на различных обезьян, в частности, на бабуинов, чем другие кошки. Поэтому бабуины боятся леопарда и, увидев, реагируют на него гораздо более бурно, чем на льва.

через часть Богосских гор. Вдруг услышали над собой всегда возбуждающий к охоте рев больших павианов и решили испробовать на них свои ружья. Наши люди остались внизу в долине, чтобы держать мулов; а мы медленно взобрались вверх по обрыву горы, выбрали довольно удобное место и открыли огонь по обезьянам. Они сидели довольно высоко и иные выстрелы не попадали в цель; некоторые оказались, однако, удачными: жертвы или падали вниз, или, раненные, искали спасения в бегстве. Мы увидели, как один очень старый гамадрил, раненный в шею, хромая, неверной походкой спустился с утеса и прошел мимо нас, направляясь к долине, где мы рассчитывали найти его уже мертвым.

Вдруг среди обезьян началось страшное смятение, а несколько секунд спустя раздался бешеный шум внизу в долине. Все павианы-самцы наклонялись вниз с края утеса, хрюкали, ворчали, ревели и яростно били руками по земле. Глаза всех были устремлены вниз, все стадо бегало взад и вперед; некоторые особенно свирепые самцы стали спускаться по обрыву скалы. Мы думали уже, что на нас будет произведено нападение, и поторопились зарядить ружья. В это время наше внимание привлек шум внизу. Мы услышали лай, крики наших людей и наконец различили слова: «На помощь! На помощь! Леопард!» Всмотревшись вниз, мы действительно заметили хищника, спешащего прямо к нашим людям, но вдруг занявшегося каким-то предметом, который был нам не виден. Затем внизу раздалось два выстрела и все стихло, лишь продолжали лаять собаки.

Все это совершилось так быстро, что мы все еще не знали, в чем дело. Спустившись в долину, нашли своих людей, застывших в самых различных позах и неотрывно смотревших на куст, где, как они говорили, сидел леопард. Я осторожно приблизился к кусту, но, как ни напрягал зрение, не мог заметить животное. Тогда один из людей указал рукой на определенное место и наконец совсем близко перед собою я увидел лежащего леопарда. Он был мертв. Шагах в десяти далее по направлению к долине лежал мертвый гамадрил.

В городах и селах, расположенных близ леса, леопард беспрестанно совершает набеги в дома, похищает на глазах людей какое-нибудь животное и утаскивает его, причем крики людей не сбивают его с толку и не заставляют бросить добычу. Всякое домашнее животное годно ему; с особенной охотой он хватается за собак, хотя они и храбро защищаются. Во многих местностях Африки жители вынуждены строить для своих домашних животных крепкие строения из бревен и толстых кольев, способные ночью защитить животных от леопарда.

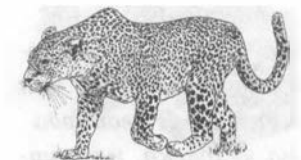
Если леопарду кажется, что его детенышам грозит опасность, если на него напали или ранили, он иногда бросается на противника, как бешеный. Камминг рассказывает, что, когда один из его

друзей ранил пантеру, она мгновенно бросилась на него, сбила с ног и ужасно истерзала; к счастью, ему удалось спастись, так как и сама пантера тут же околела от полученной раны. То же самое случилось с молодым Эриксоном, известным южноафриканским охотником, когда он в первый раз выстрелил в леопарда. Слуга пастора Стелла был, как мне сообщили, умерщвлен леопардом, в которого он выстрелил. Известны также случаи, когда хищник нападал на людей, даже не будучи ничем раздражен. Кольбе рассказывает, что на бургомистра Капштадта неожиданно бросился леопард; человеку удалось, правда, после упорной борьбы, одолеть животное, но потом он долго страдал от ран. В Абиссинии ежегодно происходят несчастные случаи; леопарды нападают даже на взрослых вооруженных людей и умерщвляют их; еще чаще они хватают детей.

И в западной Африке леопард тоже иногда угрожает людям. Пехуель-Леше рассказал о двух случаях, происшедших на берегу Лоанго в середине семидесятых годов XIX века. В рыбацкой деревне леопард пробрался сквозь камышовую стену хижины и попал на спавшую девушку. Девушка, достаточно сильная, стала обороняться от хищника, которого спугнул поднявшийся в деревне шум. Девушка, однако, оказалась жестоко исцарапанной. В другой раз леопард явился под вечер в Юмба на двор фактории и схватил мальчика-аборигена, занимавшегося на веранде жилого дома чисткой ножей. На хищника набросилась храбрая собака, и леопард оставил человека в покое, зато схватил собаку и убежал с ней в ближний лес. Мальчик на следующий день умер от ран. На памяти людей в этой обширной береговой полосе это были единственные случаи неспровоцированных нападений на людей. Туземцы не сомневались в том, что имели дело с оборотнями. Случай в Юмба сделал эту местность небезопасной для людей. Однажды среди бела дня леопард прошел по открытому месту перед факторией в 50 шагах от управляющего, разговаривавшего с толпой шумевших туземцев. Засады, подкарауливание, охота с загонщиками — все было одинаково безуспешно, между тем как дерзкий хищник объявлялся то на одном, то на другом берегу широкой реки Банья и постоянно похищал овец, коз, собак, кур. Лишь два года спустя одному англичанину удалось убить крупной дробью страшного хищника, когда он днем, преследуя нескольких овец, забежал во двор дома. Вообще же в Лоанго и прилежащих областях не особенно боятся леопардов: мужчины, женщины, дети бесстрашно ходят по лесам и чащам, где обитают эти животные. О леопардах-людоедах в Африке и вовсе не слышно.

Не то мы видим в Индии. По данным официальных учреждений, в последнее десятилетие (до 1886 г.) в этой стране леопарды ежегодно убивали от 194 до 300 человек, а всего за это время загрызли 2368 человек. В тот же период ежегодно истреблялось от 3047 до 5466 леопардов. Сколько несчастных случаев про-

Семейство кошачьи

** Леопард, в отличие от тигра, может стать людоедом, не будучи раненым или больным. Иногда это происходит от того, что зверь долго питается человеческими трупами, например, во время эпидемий или войн, когда туземцы не успевают справлять похоронные обряды. После этого леопард воспринимает человека как вполне естественную добычу. Любопытство и сравнительно малая осторожность леопарда позволяют ему приближаться к человеческому жилью без особых на то причин, а единожды удачно поохотившийся в деревне леопард далее включает ее в свою охотничью территорию. Возможно, сравнительная легкость, с которой барс подходит к человеку, связана с тем, что обезьяны во многих местах составляют привычный рацион этой кошки. Необходимо отметить, что нападения леопарда на человека, несмот-*

изошло из-за нападений раздраженных или раненых животных — об этом слишком мало сведений. Блэнфорд пишет, что леопарды иногда научаются пожирать людей и тогда становятся даже более страшными хищниками, чем тигры с такими же привычками*.

По словам Стерндаля и Форсита, в конце пятидесятих годов население центральных районов особенно страдало от пантер. Форсит рассказывает о пантере, которая в 1858 году загрызла в Сеони около 100 человек, пока не была убита. Она прокрадывалась в дома, где душила в постелях спящих, взбиралась на деревья и постройки, откуда бросалась на людей, стороживших поля. Если ее прогоняли на одном краю деревни, она появлялась на другом и во время суматохи обязательно находила себе жертву. Другой свидетель приводит еще более грустные данные. Стерндаль рассказывает о леопарде-людоеде, который свирепствовал в течение трех лет в области протяженностью до 30 километров. Там зверь умертвил более 200 человек, однажды даже трех в одну ночь. По-видимому, он часто умерщвлял людей из одной страсти к убийству, так как много раз находили его жертвы совершенно нетронутыми, только с перекушенным горлом. Леопард был, однако, необычайно труслив, и его можно было отогнать от жертвы криками сбежавшихся людей.

С этим животным связаны сказки об оборотнях. Рассказывают, что два странника, муж и жена, возвращались как-то домой после паломничества в Бенарес. На пути им встретилась большая пантера, сильно напугавшая женщину. Муж ободрил ее уверением, что несет с собою порошок, приняв который он может превратиться в любое животное. Передав жене часть порошка (с его помощью он смог бы снова сделаться человеком), другую часть порошка муж проглотил, превратившись в пантеру, которая и прогнала настоящего зверя, встретившегося на дороге. Но когда он возвратился, чтобы снова принять свой прежний вид, жена испугалась и уронила в грязь остаток волшебного средства. Мужу пришлось навсегда остаться пантерой. В ярости он сначала растерзал жену, а потом стал страшным людоедом.

Несмотря на некоторую противоречивость данных, мы можем вместе с Блэнфордом согласиться с тем, что в некоторых областях Индии пантеры иногда действительно становятся настоящими людоедами. Нередко бывает так, что при определенных обстоятельствах эти животные случайно могут отведать человеческого мяса. Приведенные выше случаи относятся ко времени кровавого военного восстания, когда благодаря обилию человеческих трупов хищники привыкли к человеческому мясу. Недаром говорят, что и тигры-людоеды больше всего свирепствовали именно в это время.

Согласно Тенненту, на Цейлоне пантеры тоже занимаются охотой на людей. Однако эти данные недостаточно точны, так

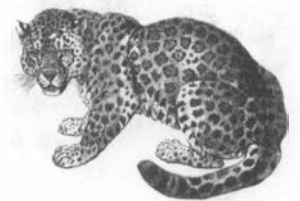
как не дают права заключить с уверенностью, что животные действительно вели образ жизни настоящих людоедов. Несчастные случаи происходят с людьми повсюду, где водятся хищники. Леопард еще и потому считается более опасным, чем тигр, которого, однако, многие любят представить самым страшным животным, что он более смел и дерзок, не боится человека и так же охотно хватается ребенка или взрослого человека, как и домашнее животное. Никто в Индии не назовет пантеру безвредной, а тигра, умерщвляющего только дичь и похищающего скот, индийцы считают безвредным зверем.

Блэнфорд говорит, что пантера охотнее всего хватается шакалов и собак; Сандерсон называет лишь собак. Вообще же она нападает на всех и пожирает все, что попадется: рогатый скот, лошадей, ослов, овец, коз, свиней, антилоп, обезьян, павлинов, кур и всяких мелких животных, включая мышей и ящериц; не брезгует она и падалью. Известны случаи, когда пантера нападала на лошадей близ лагеря путешественников и охотников, но не приводится ни одного случая, когда бы она похищала людей, сопровождавших этих лошадей. Добычу свою пантера старается унести и спрятать; Форсит уверяет, что иногда она затаскивает добычу на деревья и сохраняет ее в развилках ветвей; сам он нашел раз в таком положении труп только что унесенного ребенка. Блэнфорд также говорит: «То, что пантеры не съедают, они часто прячут на деревьях».

Пантеры обитают как в больших лесах и на их опушках, так и в местах, поросших кустарником и даже в застроенных местностях близ человеческого жилья. Все леопарды любят отдельные скалистые вершины, которые, особенно в центральной Индии, усеяны глыбами и обломками камней и служат превосходными убежищами. По-видимому, такие убежища сильно привлекают пантер, и Форсит рассказывает, что один индийский охотник в течение года убил из засады на одном из холмов 52 пантеры (это говорит об обилии пантер). Из таких разбойничьих «замков» звери выходят, по Сандерсону, под вечер и обходят свой охотничий район, ища запоздалого или возвращающегося домой вразброд скота, на который и нападают. При этом они часто сталкиваются с местными жителями и нередко в деревнях или на прилегающих к ним плантациях среди шума и суматохи люди убивают какую-нибудь пантеру. Однако многим достаются раны от когтей и зубов зверя; случаются и более серьезные несчастия.

Охотиться на пантер труднее, чем на тигров. Хотя пантеры гораздо многочисленнее, они не имеют такой сильной потребности в воде, не связаны с определенной местностью и потому их гораздо сложнее найти. Тем более, что они обладают изумительной способностью всюду прятаться. К тому же более смелые и ловкие противники, чем тигры. Они иногда кидаются на слонов, нападают и на загонщиков, с крайним ожесточением несколько

ря на сказанное — явление уникально редкое и в разных районах происходят с разной частотой (как и в случае с тигром — чаще в перенаселенных людьми местностях).

раз кряду бросаются навстречу преследователям; мать упрямо защищает своих детенышей даже при таких обстоятельствах, когда тигрица оставила бы их на произвол судьбы; она нападает, не будучи вызвана на это.

Сандерсон тоже считает пантеру более раздражительной, мужественной и гораздо более решительной в своих нападениях, чем тигр. Во время охоты на тигров ни ему, ни кому-нибудь из загонщиков и помощников ни разу не пришлось пострадать, между тем как во время более редко устраивавшихся охот на пантер два раза сильно пострадало по несколько людей. Раз пантера-самец, которую они выслеживали на скалистом холме, где она пряталась, неожиданно бросилась на них, в одно мгновение очень опасно искусала и изранила когтями двух туземцев и была застрелена Сандерсоном в последнее мгновение, когда она бросилась на него самого. Другая пантера, которую хотели поймать в сеть, кинулась на только что выставленные тенета, опрокинула их, прыгнула на стоящего рядом сторожа, разорвала ему левую руку и исчезла, прежде чем кто-нибудь мог помочь ему. За нею погнались и нашли ее спрятавшейся в кустах и снова окружили сетями; но она упорно не хотела покинуть чащу, несмотря на бросаемые палки и камни. Преследователи были слишком раздражены, чтобы терпеливо ждать: Сандерсон, сопровождаемый плотно сомкнувшейся толпой своих спутников, вооруженных копьями, вступил в окруженное сетями пространство и направился в кусты. Как мы знаем, тигр всегда отступает перед такой фалангой; но эта пантера вдруг выскочила из своего убежища, с быстротою молнии набросилась на человека, третьего слева от Сандерсона, изранила его когтями, сделала то же самое со стоявшими около него и позади него, прорвалась через середину толпы и исчезла прежде, чем копые или пуля коснулись ее. Таким образом, одна и та же пантера в один день изранила четырех своих преследователей и спаслась сама, оставшись невредимой.

В местах обитания леопарда, или пантеры, против него ведут непримиримую войну. Способы охоты крайне различны, так как огнестрельное оружие применяется не всюду; вообще же это единственное оружие, гарантирующее жизнь охотника и в то же время обещающее ему успех. В Индии местные охотники сажают козленка или собаку в яму, прикрытую плетнем, и располагаются поблизости, в возможно более безопасном месте, откуда и убивают из ружья подкрадывающегося хищника. Но чтобы приманить его, надо заставить приманку кричать. Для этого укрепляют крючок в ухе козленка или собаки и дергают его с помощью шнурка, вызывая таким образом жалобные крики. При этом у кроткого индуса не проявляется никакого чувства жалости. У кого есть хорошие собаки и кто умеет охотиться на хищника днем, тому нечего бояться его ни в Азии, ни в Африке. Собаки, которые, правда, сами подвергаются при этом величайшей опасности, отвлека-

ют зверя и дают охотнику время не торопясь послать в пеструю шкуру хороший заряд крупной дроби или верную пулю.

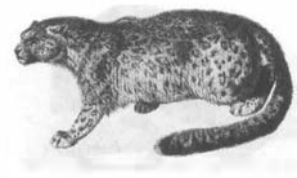
Так как леопард (пантера) отважнее и кровожаднее тигра, его легче перехитрить; при этом употребляются все способы ловли, которые были уже приведены при описании льва и тигра. В Абиссинии патер Филиппини поймал 25 леопардов в ловушки, устроенные по образцу мышеловок. В самом заднем отделении ловушки в качестве приманки помещалась курица или молодая коза. Рано или поздно кровожадность хищника брала верх над осторожностью, и зверь оказывался в «тюрьме». На следующее утро патер спокойно и безопасно убивал его выстрелом.

Раз в такую ловушку попался и лев, но для него не была еще отлита пуля. В гневе он одним ударом лапы разбил дверь ловушки и убежал. Такую же ловушку применяют и в южной Африке.

От убитого леопарда пользы никакой, кроме пестрой шкуры, которая употребляется в Европе на чепраки и украшение комнат. В Судане эти шкуры высоко ценятся и притом более неграми, которые видят в них символ победоносности. Среди народов банту шкура леопарда тоже пользуется почетом и сановники любят украшать себя не только его когтями, но и лобными повязками, сделанными из шкуры леопарда; у многих племен шкура считается королевским украшением, которое не подобает носить простому человеку. Восточноафриканские старейшины обычно насаживают головы убитых леопардов на шесты около главных ворот деревни.

Время спаривания леопарда приходится на месяцы, предшествующие весне в тех странах, где он обитает. В это время часто собираются в одно место несколько самцов; они отвратительно кричат наподобие влюбленных кошек, но гораздо громче и более низкими голосами, и свирепо дерутся между собою. Как известно из наблюдений над животными, содержавшимися в неволе, самка после приблизительно 90-дневной беременности рождает 3—5 слепых детенышей, которые открывают глаза на десятый день. Продолжительность беременности у леопардов, живущих на свободе, точно неизвестна. Блэнфорд полагает, что у пантеры беременность продолжается не менее 15 недель*. В Индии детеныши, обычно их бывает 2—4, рождаются в феврале-марте. Спустя некоторое время они превращаются в привлекательные, очень игривые создания. Как кошки, они весело играют друг с другом и с матерью, которая нежно любит и мужественно защищает их. На свободе она прячет свое потомство в пещере скалы, под корнями большого дерева, в густых кустарниках. Как только детеныши достигают размеров крупной кошки, они начинают сопровождать мать в ее ночных походах за добычей и скоро научаются добывать пропитание самостоятельно. Мать, кормящая своим молоком детенышей, обычно становится бичом для всей об-

Семейство кошачьи

** Беременность у леопардов продолжается 90—105 дней. В России спаривание происходит в декабре—январе, котята рождаются в марте—апреле, изредка в мае.*

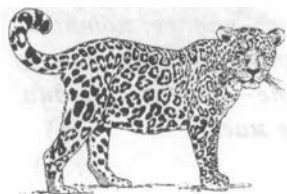
ласти. Она грабит и умерщвляет особенно активно, но становится более осторожной, чем когда-либо, поэтому лишь в редких случаях ее или детенышей удастся поймать. Впрочем, леопарды причиняют много вреда уже в период спаривания, когда собирается одновременно по 6—8 особей, хотя, как говорят, пока леопарды заняты любовью, они менее кровожадны.

Лишь самая незначительная часть пойманных леопардов, молодых или старых, привозится в Европу, однако эта красивая кошка нередко в зоологических садах и зверинцах. При надлежащем уходе леопард долго выносит неволю. Ему требуются, как всем кошкам, теплая и чистая клетка и ежедневно чуть более одного килограмма хорошего мяса; в остальном он очень невзыскателен.

Во время моего пребывания в Африке я долго держал в неволе леопарда-самца, но никогда не мог добиться того, чтобы между мной и им установились сносные отношения. Как только я приближался к клетке, он выражал свое неудовольствие оскалом и щелканьем зубов, а также хриплым фырканьем; если же я подходил хоть на дюйм ближе обыкновенного, то мог быть уверен, что он постарается ударить меня лапой и притом в тот момент, когда я менее всего ожидал этого.

Тем не менее леопарда тоже можно приручить, как и льва и тигра, хотя за более продолжительный период.

Изображение леопарда часто встречается на египетских памятниках. «Древнейшее известное мне изображение, — сообщил мне Дюмихен, — находится в гробнице Птах-Хотеп на таблице, вырезанной внутри пирамиды, о которой я уже упоминал, говоря о льве, и относится к третьему тысячелетию до начала нашего летосчисления. Среди рисунков и надписей этой гробницы на одной стене, во втором ряду сверху, виден леопард в клетке, которую несут люди. В гробнице номарха Нехера в Бени-Хассане на одной стороне стены изображена великолепная охотничья сцена. Среди представленных на ней животных, в которых Нехер и его сын Нехт вонзают свои стрелы, мы видим и леопарда. Напротив, в храме с террасами в Деир эль-Баххери, построенном во время владычества Тутмоса в XVII веке до нашей эры, мы видим несколько очень удачных изображений пантеры. Кроткий характер животного подчеркивается тем, что его ведут на веревке. Шкура леопарда, укрепленная на левом плече, служила особым знаком высокого духовного звания; но и богиня Сафех, «владычица письма и покровительница библиотек», как ее называют в надписях, носит обычно шкуру леопарда. Среди рисунков и надписей на различных памятниках часто можно видеть большие кучи шкур, полученные в виде дани из южных стран, названных «шкурами леопардов юга». Наконец, в исторических текстах, излагающих подвиги царя, нередко упоминается, что его величество приходил в чрезвычайную ярость «подобно леопарду».

У древних римлян леопарды и пантеры часто использовались в публично устраиваемых звериных боях. В те времена пантера была в Малой Азии гораздо более обычна, чем теперь. Целий писал Цицерону, который был наместником Сицилии: «Если я в своих боях не показываю целых стад леопардов, то вина падет на тебя». Скавр I во время пребывания в должности эдила прислал в цирк 150 этих животных; позже Помпей прислал 410, а Август — 420 особей. По древнему решению сената было запрещено привозить в Италию «африканских зверей», но трибун Ауфидий добился позволения поставлять их для представлений в цирке. Это случилось в 670 году после основания Рима. Название «леопард» (полагали, что животное представляет собой помесь льва с пантерой) впервые употребил в конце III века историк Юлий Капитолин. Плиний рассказывает, что леопарды приманивают всех четвероногих животных своим запахом, но отпугивают их своею гадкой головою; поэтому они прячутся, чтобы ловить животных, привлеченных их запахом. В другом месте он говорит, что львы, леопарды и все другие подобные звери имеют шероховатые, как напильник, языки и лизаньем могут стереть кожу человека. Даже прирученные, эти звери приходят в ярость, когда увидят кровь. Греки называли леопарда «Pardalis»; о нем несколько раз говорит Аристотель. Он рассказывает, что у животного четыре соска, оно имеет пятнистую шкуру, встречается лишь в Азии, не попадается в Европе. Самки, как следует из его слов, храбрее самцов. Леопарды умеют вылечивать себя сами, если отравятся травой *Pardalianches*; им помогают найденные человеческие испражнения. Травой этой травятся, по его мнению, также львы; охотники, чтобы животное не уходило далеко, вешают на дерево человеческие испражнения. Оппан различает два вида опасных *Pardalis*: больших (пантеры) и менее крупных (леопарды), которые, однако, не уступают первым в силе. Согласно мифологии, это животное было кормилицей Вакха и потому любит вино.

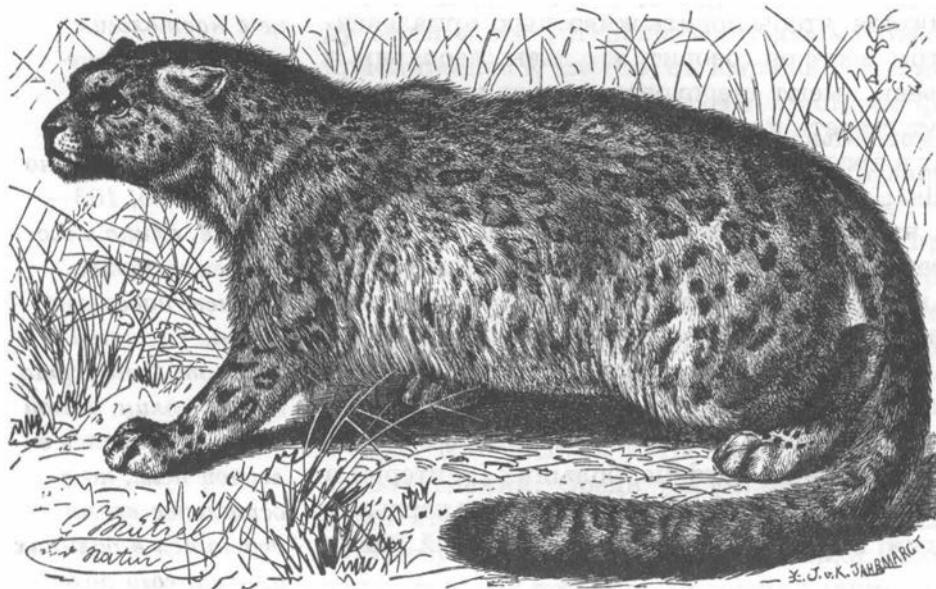
Ирбис, или снежный леопард (*Uncia uncia*) *, по размерам едва ли уступает пантере. Общая длина его тела — около 220 см, длина хвоста — 90 см, высота плеч — 60 см. Основной цвет меха беловато-серый с светло-желтоватым оттенком, обычно более темный на спине и белый на нижней стороне. Отчетливо обрисованные черные пятна на голове небольшие и сплошные; на шее большие и кольцеобразные; на теле они расширяются, образуя крапчатые кольца с темной серединой. Вдоль спины тянется темная полоса, которая без перерыва продолжается и по хвосту, покрытому матово-черными пятнами. На нижней стороне тела находятся сплошные пятна. Короткие тупые уши при основании и на конце черного цвета, посередине же — белого; расположенные четырьмя рядами усы частично белые, частично черные.

Уже по его «одежде» можно понять, что ирбис живет в более холодном климате, чем леопард. Его родина — Средняя Азия (до

* Ирбис, или, как его называют в русской литературе, снежный барс (что приводит к путанице с настоящим барсом) лишь несколько мельче леопарда. Длина тела, более плотно сложенного, 103—130 см, длина хвоста около метра. Ирбисы населяют горные системы Азии от Гиндукуша до Монголии, зимой иногда спускаясь в лесной пояс, но в остальное время держатся в долинах альпийского пояса, на скальниках и в степненных участках. До недавнего времени ирбиса считали близким родичем леопарда и других больших кошек, однако теперь многие ученые полагают, что из всех кошачьих эта необычная горная кошка состоит в наибольшем родстве с гепардом.

Семейство кошачьи

* Ирбис — сильный и быстрый хищник, питающийся преимущественно крупными копытными. Он распространен в малонаселенных местах, возможно, поэтому мало известен даже

Снежный барс, ирбис
(*Uncia uncia*)

в тех областях,
которые населяет.

Сибири). «Он заменяет, — сообщает А. Вальтер, — пантеру в горах Туркестана, населяет Алтай и южносибирские плоскогорья и распространен в юго-восточной части Бухарского эмирата, на Памире, в Кашмире и далее на восток по всему Тибету». Жердон указывает, что ирбис живет во внутренних районах Азии на высотах от 3000 до 6000 м. В Гималаях он распространен больше в тибетской, чем индийской части гор. Встречается ирбис в высокогорных долинах Инда и Сатледжа и, по словам Скулли, зимою спускается ниже 3000 м (до 2000 м), «Ирбис, — замечает Радде, — очень редок даже в тех областях юго-восточной Сибири, где часто встречается тигр. Во время моего путешествия по восточной части Саянского хребта, в Байкальских горах и Забайкалье мне ничего не удалось узнать о нем, точно так же как и во время двукратного проезда через район верхнего течения Амура. Лишь от

бирарских тунгусов я получил достоверные сведения об ирбисе, которые позволяют причислить его к весьма редким представителям фауны Малого Хингана. Он, кажется, чаще встречается в Западной Сибири, так как, по сообщению Лессинга, показывается поодиночке даже в окрестностях Красноярска, а в южном Алтае даже нередок. Бирарские тун-

гусы указывали Лессингу на покрытые высокой травой, похожие на степи равнины около реки Сунгари как на местность, где обитает ирбис. Им было известно, что животное охотно взбирается на деревья и с них бросается на добычу, как рысь; но вместе с тем они обращали внимание на длинный хвост, как на отличие ирбиса от рыси. Они приводили некоторые примеры его хитрости. Его боятся гораздо меньше, чем тигра, и уверяют, что несколько хороших собак загоняют его на дерево». В Гималаях ирбис питается дикими овцами, дикими козами, грызунами, птицами, похищает также мелких домашних животных и нападает, как говорят, даже на лошадей; но, по словам Блэнфорда, никто не слышал, чтобы он нападал на людей*.

Этим и ограничиваются сведения о жизни ирбиса на воле. О его поведении в неволе мне ничего неизвестно. По достовер-

ным сведениям, два жермена ирбиса были привезены в 1871 году в Московский зоологический сад, но, насколько мне известно, над ними не производилось там наблюдений, и они скоро умерли*.

Крапчатая кошка, или **кошка-рыболов** (*Prionailurus viverrinus*)** достигает размеров нашей дикой кошки. Длину самца, весившего 7,7 кг, Блэнфорд определил в 105 см, из которых 29 см приходилось на хвост, высоту плеч в 38 см. По Жердону же, общая длина достигает 118 см, а иногда и более, длина хвоста — 32 см, высота плеч — 40 см. мех грубый, без блеска. Основной цвет — трудно определимый желтовато-серый, который приближается то более к сероватому, то к буроватому, смотря по тому, насколько сильно развита окраска средней части волос (при основании они темно-серые, посредине желтоватые, на конце буроватые или черноватые. Нижняя сторона светлее. Животное испещрено крапинами вытянутой формы, различающимися у разных животных по величине, резкости контура и отчетливости. Хвост опоясан 8—9 кольцами, снизу прерванными. Глаз, имеющий круглый зрачок, бронзово-желтого цвета.

Область распространения крапчатой кошки охватывает Цейлон, в южной Индии Малабарский берег, на севере Индо-Гангскую равнину (а также Ориссу), лежащую у подножия Гималаев, на запад она тянется до Непала, далее охватывает всю Бирму, южный Китай и Малаккский полуостров. По словам Свингое, крапчатая кошка встречается также на острове Формоза. О том, водится ли она на Больших Зондских островах, ничего неизвестно. О жизни ее на воле сведений мало, однако известно, что эта кошка предпочитает влажные чащи у берегов рек, заболоченные местности близ устьев, где она, в противоположность большинству кошек, может питаться водными животными, особенно рыбой. По словам Буханана Гамильтона, она пожирает даже пресноводных моллюсков; Ходжсон получил экземпляр кошки, съевшей большую змею. Но Блэнфорд полагает, совершенно основательно, что она, подобно другим ее родичам, охотно будет есть и млекопитающих, и птиц, каких может поймать. Кошка похищает также, судя по различным рассказам, собак, овец, отва-

Семейство кошачьи

* К счастью, ирбис хорошо переносит неволю и успешно размножается в ряде зоопарков, в частности, в Московском.

Кошка-рыболов
(*Prionailurus viverrinus*)

** Кошка-рыболов распространена в тропической Азии. Привержена к околоводным биотопам. Она охотно плавает и даже ныряет в погоне за добычей, в первую очередь рыбой.

Семейство кошачьи

* Трудно представить, чтобы кошка весом в 7 кг могла напасть даже на небольшую собаку, а уж тем более утаскивать детей и телят, как минимум в полтора-два раза тяжелее ее.

** Бенгальская кошка распространена по всей Южной и Восточной Азии, кроме Шри-Ланки и островов Рюкю, на юг до Филиппин и Зондских островов, на север до Приамурья. Ее крупный северо-восточный подвид известен под названием «амурский лесной кот». Размеры для мелких кошек: длина тела 50—54 см, хвост такой же длины или несколько короче. Амурская раса крупнее, до 85 см, более короткохвостая. Вес 3—7 кг. Населяет разнообразные местообитания, предпочитая различные леса. Там, где на них не охотятся, могут селиться рядом с человеком.

живается нападать даже на молодых телят, а на Малабарском берегу она, по словам Бэкера, даже несколько раз утаскивала из селений маленьких детей*.

Крапчатая кошка в неволе считается обычно диким, злым и не приручаемым животным. Блейт, напротив, придерживается мнения, что ее нетрудно приручить. Однако крапчатые кошки, содержащиеся в Лондонском зоологическом саду, держали себя настороженно и недружелюбно, и общаться с ними было так же трудно, как и с другими дикими кошками (от этих последних они отличались еще крайне сильным запахом, который делал уход за ними очень неприятным).

В большей части Азии встречается пятнистая карликовая, или бенгальская, кошка (*Prionailurus bengalensis*) **. Величиной она приблизительно с нашу домашнюю кошку, но часто бывает меньше ее, хотя и выше. По Жердону, вся длина ее равна 88—96 см, из которых 28—30 см приходится на хвост; по Тиккелю, экземпляр, убитый в Бирме, имел общую длину 65 см, при длине хвоста 24 см. Блэнфорд говорит: «По некоторым измерениям длина хвоста составляет более половины длины тела; однако часто хвост короче, не более трети длины тела и головы». Основной цвет сверху светлый буровато-серый, с переходом в серый; снизу тело белое, сверху ржавые темно-бурые пятна, снизу черно-бурые пятна.

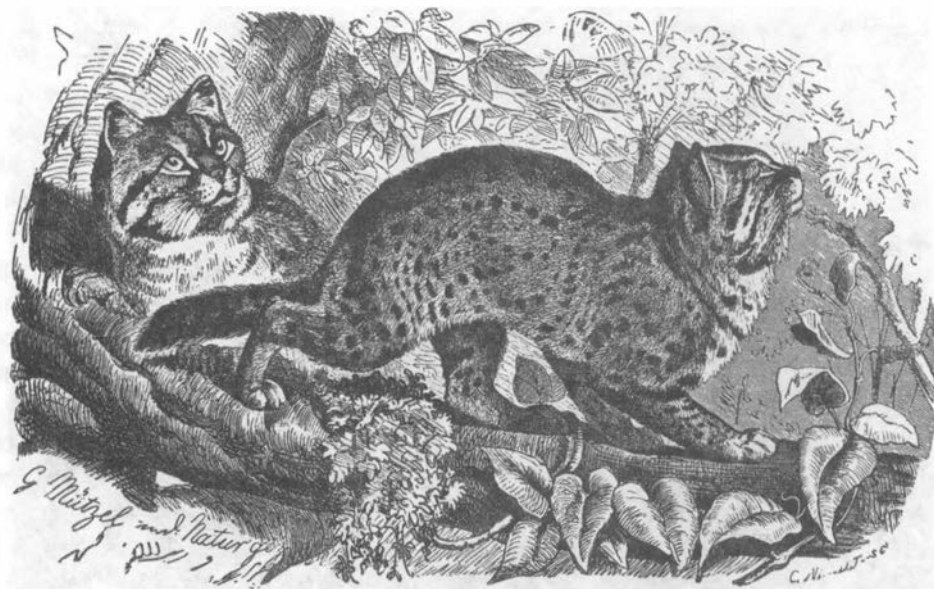
Как размеры, так и окраска животного бывают очень разнообразными, а так как и область распространения его чрезвычайно обширна, то, как пишет Блейт, «существуют бесконечные разновидности этой красивой маленькой кошки и по ним можно устанавливать сколько угодно видов, пока не надоест». Этим и объясняется многочисленность названий кошки.

Исследованиями Шренка и Радде, по-видимому, твердо установлено, что область распространения карликовой кошки простирается гораздо дальше, чем считали до сих пор. Прежде знали, что животное водится в Индии и на Зондских островах; предполагали его наличие и в Японии, но вышеперечисленные исследователи к этим кошкам причислили вид, найденный в Амурской области, и китайскую дикую кошку.

О жизни карликовой кошки на свободе до сих пор известно мало. По словам Блэнфорда, она обычна в Гималаях к западу от Симлы, в нижней Бенгалии, Ассаме, Бирме, на Малаккском полуострове, в южном Китае, на островах Суматра, Ява, Борнео и на Филиппинах, реже в южном Индостане. Жердон и Стерндаль указывают, что она водится также на Цейлоне, хотя знатоки природы острова не приводят ее в числе представителей местной фауны. Розенберг упоминает, что он достал живую карликовую кошку на Суматре. По словам Юнгхуна, она очень часто встречается во многих лесах Явы, живет на поросших мхом ветвях деревьев на высоте 20—30 метров и почти никогда не спускается на

землю. «Она превосходит всех других животных в быстроте лазания и прыгания, питается главным образом птицами, которых ловит в родных лесах, и часто попадает живой в руки яванцев при рубке деревьев». Говорят, что она принадлежит к числу самых диких и кровожадных видов кошек. Тот факт, что одна дикая кошка из Амурской области, называемая «куэрук», была застигнута и убита в овчарне, где она задушила ягненка, говорит в пользу выше приведенного мнения. Эллиот говорит тоже, что, кроме кур, она нападает на зайцев и даже на мелких оленей, а Мэк-Мэстер рассказывает, что видел, как карликовая кошка благополучно утащила курицу почти такой же величины, как она сама, хотя ее преследователи кричали и кидали в нее различными предметами.

Сервал (*Leptailurus serval*) имеет худощавое телосложение, но высок, голова его удлинена, сжата с боков и кажется особенно высокой благодаря замечательно большим ушам, широким при основании и яйцеобразно за-

ругленным на концах; хвост его средней длины и не простирается дальше пяток; глаза малы и заметно косо направлены; зрачок продолговато-округлый; шерсть довольно длинная, густая и грубая. Достигает при высоте в 50 см в загривке общей длины 1,35 метра, из которых около 30—35 см приходится на хвост. Желтовато-серый мех бывает то светлее, то темнее, с небольшими темными пятнами. Горло и верхняя часть груди у некоторых экземпляров лишены пятен, у других разрисованы поперечными полосками. Хвост при основании имеет продольные пятна, к концу же он у одних экземпляров покрыт тремя или четырьмя кольцами, у других этих колец от шести до восьми; вообще же рисунок представляет различные отклонения.

Хотя сервал и очень хорошо известен голландским поселенцам в южной Африке под именем «кустарниковая кошка», у нас нет еще точного описания его образа жизни. Мы знаем, что он не только довольно часто встречается в южной Африке, но также распространен в западной и восточной части материка. Вероятно,

Бенгальская кошка
(*Prionailurus
bengalensis*)

Семейство кошачьи

* Сервал населяет кустарниковые заросли и саванны по всей Африке к югу от Сахары.

Сервал
(*Leptailurus serval*)

** *Длинноногий, легко сложенный сервал хорошо прыгает и часто хватает птиц вроде франколина уже в воздухе. Птицы и мелкие*

он обитает на всех степных и пустынных территориях Африки; например, он встречается в Алжире, а также, по Пехуель-Леше, в западной части области Конго и далее к югу в Анголе и Германской юго-западной Африке; к северу он распространен по крайней мере до Юмбы, а по Бюттикоферу также и в Либерии, по Бему — в восточной Африке*. В непосредственной близости от Капштадта его более не встречаются, но он водится в лесах и на покрытых кустарником горах внутри южной Африки. По Гейлину, у верхнего Белого Нила сервал обитает также в скалистых местностях, где расщелины и пещеры служат ему днем хорошим убежищем. Он преследует и душит зайцев, молодых антилоп, ягнят, а особенно птиц. Ночью сервал часто заходит во дворы, забирается в плохо охраняемые курятники, которые может сильно опустошить. Днем он спит где-нибудь в укрытии. Лишь при наступлении сумерек начинает свои разбойничьи странствования. При этом сервал выказывает себя настоящей кошкой, пускает в дело всякие хитрости, чтобы подкрасться к добыче и овладеть ею посредством внезапных прыжков**.

За ним трудно охотиться, так как днем он прячется в укромных местах; однако сервал часто попадает в ловушки. Сервалы, пойманные молодыми, при надлежащем обращении скоро становятся ручными; напротив, будучи пойманными старыми, они долго сохраняют, по словам Керстена, неукротимость, как безумные бесятся в клетке, фыркают и шипят, заметив человека, и всегда готовы в удобный момент нанести хорошо рассчитанный удар.

Мясо этого животного в восточной Африке не едят только магометане, а все языческие племена охотно употребляют в пищу. Шкура сервала поступает в продажу под названием «африканс-

кой тигровой кошки» и идет на ковры и полости, но по своей грубости не выдерживает сравнения со шкурами других кошек и поэтому ценится низко.

Самым замечательным видом одноцветных американских кошек следует признать **кугуара**, или **пуму** (*Puma concolor*)*. Северные американцы называют его пантерой, а гаучо — львом. Длина туловища этого животного 1,2 м, хвоста 65 см, высота в загривке 65 см. Густая, короткая и мягкая шерсть несколько гуще на животе, чем на спине. мех в общем темного желтовато-красного цвета, на спине темнее всего; на животе мех красновато-белый; на внутренней стороне конечностей и на груди светлее, на шее белый; на внутренней стороне ушей — белый, а на внешней — черный, в середине ушей — переходный красноватый цвет. Голова серая, кончик хвоста темный. Различия в цвете между самцами и самками отсутствуют, а между детенышами и старыми особями они весьма заметны. Окраска старых пум не всюду одинакова: на юге они светлее, почти серебристо-серые, в Мексике и Соединенных Штатах Америки — чаще темно-рыжие и даже буровато-серые.

Кугуар распространен очень широко. Он встречается не только во всей Южной Америке, от Патагонии до Новой Гренады, но и за Панамским перешейком, в США и даже в Канаде. В некоторых местностях популяции животного большие; в других районах этот вид почти исчез уже с конца XVIII столетия, когда Азара дал нам первое полное описание его. Кугуар выбирает себе местообитание в зависимости от характера местности. В лесистых странах он предпочитает лес открытому полю; больше всего любит опушки лесов и покрытые высокой травой равнины, хотя последние посещает, кажется, только для добывания пищи; по крайней мере, он тотчас бросается в лес, когда замечает за собой погоню. Однако кугуар часто встречается в пампасах вокруг Буэнос-Айреса, где нет лесов, и прячется там весьма искусно в траве. По-видимому, он не любит берегов рек и вообще местностей, часто заливаемых водой. Как многие хищники, кугуар не имеет постоянного местопребывания. Днем спит на деревьях, в кустах или в высокой траве; вечером и ночью отправляется за добычей. Во время своих набегов он в одну ночь пробегает огромные пространства, так что охотник редко может его подкараулить на том месте, где он накануне умертвил какое-нибудь животное. Все движения кугуара легки и сильны; говорят, что он делает прыжки в шесть метров и даже более. Глаза его большие и спокойные, взгляд вовсе не свиреп. Ночью и в сумерках он видит лучше, чем днем, но незаметно, чтобы и солнечный свет слишком ослеплял его. Обоняние у него слабое, но слух превосходный. Только в крайней нужде выказывает он смелость, вообще же убегает от человека и собак. Гензель говорит, что когда совсем нет добычи и продолжительный голод доводит его почти до иступления, кугуар иногда нападает на человека.

Семейство кошачьи

грызуны — его основная добыча, и едва ли он часто нападает на что-то более крупное. В местностях, где на него не охотятся, сервал часто показывается и днем, даже вблизи поселков и деревень.

** Пума — одна из самых крупных кошек Америки. Длина тела до 180 см, хвост вдвое короче. Вес до 80 кг. Разные расы пумы могут довольно сильно различаться по размерам. Пума очень широко распространена в обеих Америках, от Канады до Патагонии, населяя широчайший спектр местообитаний, от горных сухих лесов, кустарников и прибрежных дюн до дождевого тропического леса. Во многих местах прежнего ареала пума из-за усиленной охоты стала очень редкой или вовсе исчезла (например, на востоке Канады и в восточных штатах США).*

** Рацион пумы во многих местах не ограничивается новорожденными ягнятами. Нападает эта кошка и на тапиров, а во многих местах питается преимущественно белохвостыми и чернхвостыми оленями (размером с европейскую косулю). Однако многие авторы утверждают, что пума практически никогда не нападает на домашних животных, равно как и на людей. По-видимому, эта кошка предпочитает довольствоваться знакомой добычей и до крайнего случая воздерживаться от «кулинарных экспериментов». Правильно замечание Брема о том, что пума почти всегда ест только слабых животных. Справедливости ради, то же можно сказать почти обо всех хищниках.*

Обычной добычей ему служат мелкие слабые млекопитающие: лани, ягнята и жеребята (последние когда они уже отделены от матери). Даже проворные обезьяны и быстроногие американские страусы становятся объектами его нападений, потому что он так же легко перепрыгивает с дерева на дерево, как носится по земле. Ренгер наблюдал однажды его охоту на обезьян. Свист нескольких капуцинов обратил внимание естествоиспытателя, и он схватил свое ружье в надежде застрелить хотя бы одну обезьяну. Вдруг все стадо подняло пронзительный крик и кинулось в его сторону; со свойственным им проворством животные перепрыгивали с ветки на ветку, с дерева на дерево, причем выражали свой ужас жалобными криками и особенно тем, что беспрестанно испражнялись. Тогда Ренгер заметил, что их преследует кугуар, который с невероятной ловкостью пробирался среди сучьев, обвитых вьющимися растениями; соскользнув с ветви, когда она начинала под ним гнутья, кугуар верным прыжком достигал ближайшей ветви.

Когда кугуар хватается свою жертву, он прежде всего перегрызает ей горло и вылизывает кровь. Мелких животных он съедает целиком; у крупных съедает он только часть, обыкновенно переднюю, а остальное зарывает, по наблюдениям Азары, в песок или покрывает травой. Насытившись, он выбирает удобное место для ночлега, но редко около своей добычи, а чаще всего удаляется от этого места на полмили и более. На следующую ночь, если ему не удастся добыть другой пищи, он возвращается к зарытым остаткам вчерашнего обеда; если же встретится другая добыча, он не трогает больше падали. Кугуар часто не довольствуется одной жертвой, поэтому владельцы больших стад считают его своим злейшим врагом. Кугуар никогда не уносит свою добычу далеко от того места, где убил ее. Он редко нападает на крупных животных, таких как лошади, мулы, волы и коровы. Даже собак не трогает, хотя часто крадется близ самых жилищ. Реки переплывает он только в редких случаях, хотя плавает весьма искусно*.

О размножении пум мы до новейшего времени почти не имели никаких сведений. От натуралистов, наблюдавших в Америке этих животных, мы знаем, что во время течки самки и самцы, жившие до тех пор раздельно, сближаются. Самка после трехмесячной беременности родит 2—3 слепых детенышей, с пятнистой шерстью, которых она прячет в траве. В скором времени она берет их с собой на охоту и через сравнительно короткое время совсем бросает. Этим ограничивались наши сведения. Над жившими у меня в неволе животными я успел сделать следующие наблюдения. Как у почти всех больших кошек, за которыми долгое время был правильный уход, течка у кугуаров наступает правильно, два раза в год, зимой и летом.

Родившиеся после 96-дневной беременности детеныши действительно прелестны и очень отличаются по виду от своих роди-

телей. Общая длина от 25—30 см; длина туловища — 15—18 см. Преобладающий цвет их мягкой шерсти — серовато-бурый; на спине он темнее, а на животе переходит в светло-серый; по всей наружной стороне идут продолговатые, долевые и поперечные пятна черного цвета. Хвост покрыт чередующимися белыми и черными полосками; шея серовато-черная; внутренняя часть ног покрыта светло-серыми пятнами и полосками.

Родившая несколько раз самка пумы — нежная мать, как и большая часть кошек, но перворожденных детенышей она часто закусывает до смерти и даже съедает. Известно, впрочем, что так же поступают многие другие хищники, пока не выяснят своих материнских обязанностей*. Молодые пумы открывают глаза на девятый или десятый день и вскоре после того начинают двигаться живее. Вначале они очень неловки, шатаются и спотыкаются при хождении, падают навзничь и неуклюже подползают к матери. Но очень скоро всё меняется. Уже по прошествии 5—6 недель они начинают играть между собой и с матерью или, по крайней мере, с ее хвостом. На 10—12-й неделе начинают бледнеть пятна, и после первой линьки они становятся похожими на родителей. Вместе с этим детеныши делают самостоятельными и более или менее искусными хищниками.

Вследствие кровожадности кугуара и причиняемого им значительного вреда его везде весьма усердно истребляют. Охоту на него едва ли можно назвать опасной, так как при известной осторожности можно оградить себя даже от нападения раненой пумы. В северной части штата Нью-Йорк Пехуель-Леше однажды убил

Пума
(*Puma concolor*)

* Материнское поведение многих хищников, и в частности, всех кошек, формируется как на основе врожденных рефлексов, так и

Семейство кошачьи

жизненного опыта. Поэтому молодые кошки всех видов часто тем или иным способом теряют первый помет (не сразу догадываются, что котят надо кормить или просто случайно задавливают во сне). «Теория» заботы о потомстве заложена в кошачьих генах, а «практику» кошка постигает на первом неудачном опыте.

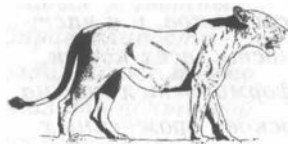
крупной дробью пуму, пробирающуюся мимо него среди кустарников. Обычно, при виде людей животное спасается бегством и, отлично умея прятаться, скоро исчезает из виду. В лесу его очень трудно догнать, потому что, выгнанное из засады собаками, оно тотчас влезает на деревья и продолжает свой путь уже среди листвы. Гаучо, эти смелые наездники пампасов Ла-Платы, находят особое удовольствие в охоте на кугуара. Они травят его своими огромными собаками в открытом поле или, преследуя на быстрых лошадях, метко набрасывают ему на шею аркан, после чего гонят лошадей галопом и тащат кугуара за собой, пока не задушат. В Северной Америке кугуаров загоняют с помощью собак на деревья и потом подстреливают. Ловят их также в западни.

Среди услышанных мной охотничьих рассказов о пуме один особенно ярко характеризует это животное. Английский путешественник, охотившийся в пампасах Южной Америки на диких уток, подползал к ним однажды, вооруженный только легким охотничьим ружьем; он завернул себе голову и часть туловища обычной национальной одеждой тех мест — пончо, чтоб не быть замеченным среди травы. Внезапно он услышал короткий, хриплый рев и почувствовал чье-то прикосновение. Сбросив поспешно с себя пончо, он, к немалому своему удивлению, увидел перед собою кугуара. Но и тот был не менее озадачен и, поглядев на охотника несколько мгновений, отступил на десять шагов, немного постоял и потом пустился бежать огромными прыжками.

В аргентинских провинциях Сан-Луис и Мендоса Геринг видал на оградах, за которые загоняют на ночь скот, много голов убитых пум, воткнутых на колья. Ему объяснили, что эти трофеи демонстративно выставлены для того, чтобы помешать другим пумам наведываться на пастбища, подобно тому, как в прежние времена имели обыкновение выставлять головы преступников перед воротами города, где они получили должное возмездие за свои преступные деяния. Владельцы голов пумы очень ими дорожили и не позволили Герингу снять ни одной с кола, суеверно считая, будто пума непременно нападет на стадо, не защищенное головой одного из ее собратьев.

Старый кугуар, будучи пойманным, отказывается иногда от пищи и добровольно умирает голодной смертью; молодые же, напротив, очень скоро становятся ручными. Геринг, который несколько лет путешествовал по местностям, где водятся кугуары, сообщает нам, что на воле они издают очень громкие звуки. Он пишет: «Присутствие пумы очень заметно, и я живо припоминаю те ночи, которые проводил в Кордильерах, к востоку от Мендосы, когда десяток пум подымали в разных сторонах такой рев, что мы с трудом могли заснуть».

Мех пумы в Парагвае не нашел широкого применения, но на севере Америки он употребляется на ковры. В некоторых местностях едят мясо пумы, которое, по словам Дарвина, очень вкусно

и похоже на телячье, а плантаторы штата Каролина считают его даже лакомством.

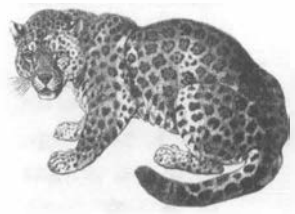
Ягуарунди (*Herpailurus yagouarundi*)*, стройное, тонкое животное, которое своим вытянутым телом и длинным хвостом несколько напоминает куницу. Голова маленькая, глаза довольно большие, уши округленные, мех короткий и густой, темного серовато-бурого цвета; отдельные волосы у основания хвоста и немного ниже его бурого кончика — черные, вследствие чего ягуарунди кажется то светлее, то темнее. Когда животное находится в спокойном состоянии, шерсть его лежит гладко и кажется темнее; когда же он раздражен, шерсть поднимается, становятся видны более светлые корни волос, и шерсть кажется светлее. Лапы и губы сероватые, усы бурые. Самка всегда светлее самца. Длина туловища ягуарунди не более 55 см, хвоста 32 см, высота в плечах 34 см.

Ягуарунди обитает в Южной Америке от Парагвая до Панамы, а может быть и дальше, как утверждает Штоль, до южной Гватемалы, где он называется «гато-де-монте». В Парагвае, где его наблюдал Ренгер, он живет в лесах, но больше любит их опушки и густой кустарник, чем высокий лес. На открытом поле никогда не встречается. За добычей выходит утром и вечером, редко днем; в слишком бурную погоду не оставляет своего убежища и выжидает более благоприятного времени. Главную его пищу составляют птицы, а также молодые некрупные млекопитающие: мыши, агуты, кролики, а может быть, и молодые олени, которые в Южной Америке едва достигают величины наших косуль. Впрочем, большую часть своей пищи ягуарунди добывает на скотных дворах, почему часто бродит около жилищ. Ренгер не только наблюдал за его разбойничьими набегами, но даже дал ему раз случай поохотиться в его присутствии. Ренгер привязал к длинной веревке курицу неподалеку от изгороди из бромелий, за которой скрывался ягуарунди. Немного погодя он заметил, как из-за кустарника то там, то сям стала показываться голова хищника, который осторожно осматривался кругом. Потом зверь стал незаметно приближаться к курице, прильнув к земле; он крался так осторожно, что едва шевелил траву. Приблизившись к жертве на шесть или восемь шагов, он вдруг сжался и прыгнул на курицу, схватил ее зубами за голову и понес к кустам. Куриные породы птиц, по-видимому, составляют его любимую добычу, и Ренгер уверяет, что он хватает птиц, когда те спят, даже с деревьев. Но ягуарунди никогда не убивает больше одного животного за раз. Если добыча слишком незначительна и не насытила его, он вторично отправляется на охоту и добывает себе новую жертву, пока не насытится окончательно.

Ягуарунди живут обычно парами, на определенной территории, откуда и производят недалекие набеги. Иногда несколько пар живут вместе, что не в обычае у других диких кошек: собаки

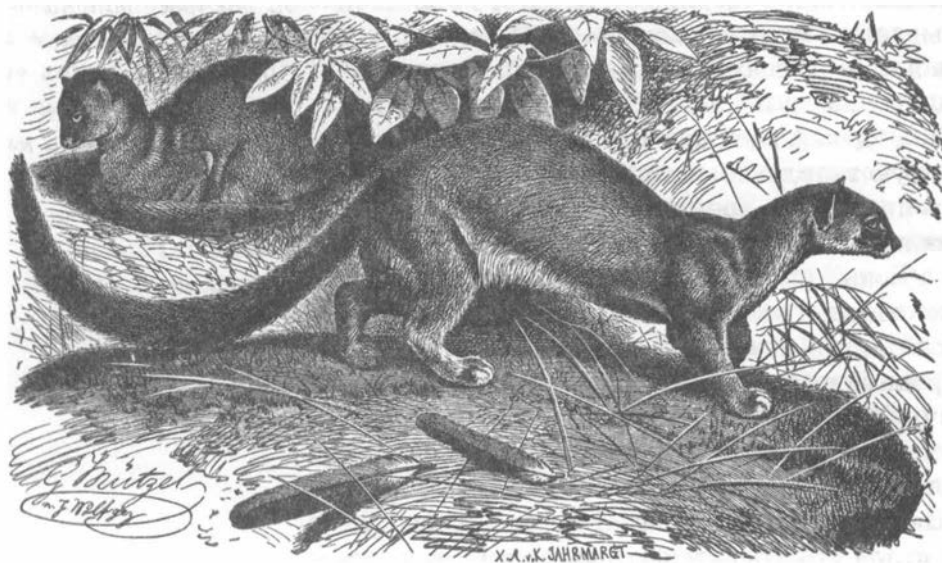
Семейство кошачьи

* Ягуарунди — своеобразная кошка, похожая, если можно так выразиться, на длинную пуму. Тело вытянуто, а конечности, по сравнению с прочими кошками, укорочены. Длина тела 55—67 см, длина хвоста 33—66 см. Ягуарунди распространена от южных штатов США до северной Патагонии в Аргентине, населяя леса и густые кустарники возле воды. Хорошо плавает. Рацион составляют птицы и мелкие млекопитающие.

Семейство кошачьи

* Скорее всего, самку с подростками котят, уже достигшими самостоятельности, но еще оставшимися при матери (что обычно у многих кошек).

Ягуарунди
(*Herpailurus
yagouarundi*)

Ренгера выгнали один раз шесть взрослых ягуарунди из небольших зарослей кустарников*. Во время случки, в ноябре и декабре, сходятся несколько самцов, и тогда можно слышать, как они между собой дерутся, визжат и пищат среди тернистого кустарника. Около девяти или десяти недель после случки самка родит двух-трех детенышей в логовище среди густого кустарника или во рву, обросшем кустами, а иногда в дупле дерева. Мать никогда не отходит далеко от своих детенышей. По мере того как они подрастают, она снабжает их птицами и мелкими грызунами, пока они сами не научатся охотиться. Но при близкой опасности она трусливо покидает своих детенышей и никогда не осмеливается защищать их от людей или собак. Ягуарунди никогда не нападает на людей, так что охота на него не представляет опасности. Его подстреливают из ружей или ловят в западни, а иногда охотятся на него с собаками, которым он оказывает сопротивление только в крайнем случае. Обычно зверь

старается скрыться от преследователей среди мелкого колочего леса, но настигаемый бросается на деревья или в воду, чтобы спастись вплавь.

Ренгер держал у себя в неволе нескольких ягуарунди, которых приручили еще малышами. Они были совсем ручными и вели себя, как самая кроткая домашняя кошка, но страсть к

охоте была в них так сильна, что Ренгер не решался свободно пускать их бегать по своему дому. Он держал их в клетке или привязывал на веревку, которую они никогда не пытались перегрызть. Они позволяли себя гладить, играли рукой, которую им протягивали. Как только им давали свободу, они тотчас же начинали гоняться за домашними птицами по двору и схватывали первую попавшуюся курицу или утку. Даже будучи на привязи, они старались поймать близко подошедших к ним птиц и для этой цели коварно прятались за что-нибудь. Никакими наказаниями нельзя было отучить их от грабежа или заставить выпустить уже схваченную добычу.

Свое название **ягуар** (*Panthera onca*) получил от индейцев гуарани, которые называют его «ягуаретте», то есть собачье

тело*. Ягуар распространен на большой территории, от Буэнос-Айреса и Парагвая через всю Южную Америку до самой Мексики и юго-западной части США. Он живет на лесистых берегах больших рек и ручьев, на опушках лесов, близ болот и вообще в болотистых, покрытых высокой травой и тростником местностях. В открытом поле или в глубине больших лесов он показывается редко, и только в тех случаях, когда перекочевывает из одной местности в другую. Там, где его застанет солнце, он ложится в густую траву или в чащобу леса и проводит там день. Подобно тигру, любит царапать когтями мягкую кору. Каплер уверяет, что ягуар встречается довольно часто и в Гвиане.

Он выходит на добычу в утренние или вечерние сумерки или в светлые, лунные ночи, но никогда не охотится среди дня или в темные ночи. Все крупные позвоночные животные, которых ягуар может осилить, служат ему пищей. Во всех отношениях это опасный разбойник. Как ни тяжела, по-видимому, его походка, он может, в случае нужды, двигаться весьма ловко и быстро. Сила его, в сопоставлении с ростом, очень велика и может сравниться только с силой льва или тигра. Органы чувств хорошо развиты: зрение острое, слух превосходный, однако обоняние, как почти у всех кошек, не особенно острое; тем не менее животное чует добычу на довольно большом расстоянии. Таким образом, ягуар «снабжен» всем необходимым, что нужно опасному хищнику. Впрочем, зверь не разборчив в пище. Азара находил в его помете иглы ежа, Ренгер в его желудке — части крыс и агути, из чего можно заключить, что ягуар охотится и на мелких животных. Кроме того, в камышах он ловко подкрадывается к болотным птицам, а из воды весьма искусно таскает рыб. Ягуар не щадит, как утверждает Пеппиг, даже кайманов. Бэйтс во время охоты нашел свежий след ягуара, ведущий к воде, который был, очевидно, только что вспугнут. Вскоре он услышал шелест в кустах, где скрылся хищник, а в нескольких шагах дальше нашел голову, переднюю часть и шкуру аллигатора; остатки эти были еще теплыми, и вокруг виднелись следы ягуара. Не подлежало сомнению, что аллигатор был им растерзан**. «Ягуар, — говорит А. Гумбольдт, — жесточайший враг морской черепахи и преследует ее по берегу, где она кладет свои яйца. Он нападает на нее в песке и, чтобы удобнее было ее есть, переворачивает на спину. Черепахи уже не могут сами перевернуться, а так как ягуар переворачивает их гораздо больше, чем может съесть за одну ночь, его трудами часто пользуются индейцы. Нельзя при этом не удивляться ловкости, с которой хищник отделяет двойной панцирь черепахи: связки мускулов будто подрезаны хирургическими инструментами».

«Опытному охотнику, — говорит Ренгер, — нетрудно наблюдать за ягуаром, особенно около рек. Можно видеть, как он под-

** Ягуар — самая большая и тяжелая из американских кошек. По сложению он похож на тигра. Длина тела 150—180 или даже 240 см, длина хвоста 43—66 см, вес до 136 кг. Прежде ягуар населял все тропические и субтропические леса обеих Америк, ныне исчез в США и на большей части Мексики и Аргентины.*

*** Ягуар, как и тигр, любит воду и охотно в нее идет, плавает же, наверное, лучше и чаще прочих крупных кошек. Отчасти это связано с тем, что большая часть его ареала лежит в Амазонии — краю рек и ручьев, которые хищник волею неволей должен переплывать. Такое обилие воды определяет и специфику рациона ягуара: хотя он нападает на любых средних и крупных млекопитающих, от иглошерстой крысы до*

Семейство кошачьи

тапира, он более других крупных кошачьих ест всякую водную фауну: разнообразных рыб, околотовных птиц, кайманов, водных черепах.

крадывается к берегу, где подстерегает преимущественно водосвинок и выдр. Время от времени он останавливается и внимательно осматривается. Но я никогда не замечал, чтобы он, руководствуясь чутьем, выслеживал дичь на земле. Нельзя не удивляться той осторожности и терпению, с которыми он крадется к замеченной водосвинке. Он извивается по земле, как змея, останавливается на минуту, чтоб лучше заметить место, где находится жертва, делает часто большие обходы, чтоб напасть с той стороны, с которой его труднее заметить. Когда ему, наконец, удастся подойти незамеченным к жертве, он одним, редко двумя прыжками набрасывается на добычу, прижимает ее к земле, прокусывает ей горло и уносит еще трепещущее в предсмертных судорогах животное в чащу.

По треску сухого дерева под его ногами о присутствии ягуара часто узнают рыбаки, расположившиеся на ночлег у берега, водосвинки же, почуявшие его приближение, с громким криком бросаются в воду. Утверждают, впрочем, что ягуары иногда бросаются в воду вслед за намеченной жертвой и вылавливают ее в самый момент исчезновения под водой. Когда ягуар подкрадывается к какому-нибудь животному, его внимание так поглощено этим занятием, что он не замечает ничего вокруг, не слышит даже сильного шума. Если он не может подойти незамеченным к добыче, то лежит настороже в кустах. Положением тела он тогда походит на кошку, подкарауливающую мышь: тело сжато, глаза неподвижно устремлены на будущую жертву и только вытянутый хвост медленно двигается туда-сюда. Но ягуар не всегда преследует добычу: часто прячется он среди камышей на болотах или на берегах небольших рек и спокойно ждет, когда животные придут на водопой».

Ягуар очень опасен для крупного рогатого скота, а также лошадей, мулов, особенно для молодняка. На волов и быков он нападает редко, только в крайней нужде, но те мужественно идут на хищника и обращают его большей частью в бегство. Даже коровы успешно защищают от ягуара своих телят, однако при этом часто бывают сами тяжело ранены. Лошади и мулы легко делаются его добычей, если подходят близко к лесу».

Ягуар хватает свою добычу в воде так же легко, как и на суше; на деревьях он не охотится, хотя довольно ловко взлезает на них, спасаясь от преследования.

Ходит много басен о способах, которые ягуар использует, чтобы поймать рыбу. Так, например, говорят, что он приманивает ее пеной своей слюны или ударяя хвостом об воду. «Очень опытный охотник, — говорит Ренгер, — которому я обязан многими хорошими советами и наблюдениями, сообщил мне по этому предмету более точные сведения, которые впоследствии я сам проверил на собственном опыте. Когда я однажды в жаркий летний вечер возвращался в лодке с охоты на уток, сопровождавший меня

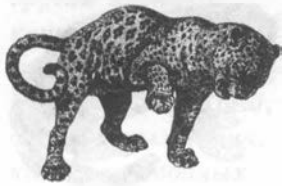
индеец заметил ягуара на берегу реки. Мы подплыли к тому месту и спрятались, чтобы понаблюдать за ним. Он сидел, свернувшись на выступе берега, где течение было сильнее, около того места, где обыкновенно водится хищная рыба, которую туземцы называют «дорадо». Зверь пристально смотрел на воду, нагибаясь время от времени вперед, будто высматривал что-то на дне. Четверть часа спустя я увидел, как он быстро опустил лапу в воду и выбросил оттуда на берег большую рыбу. Таким образом я убедился, что он ловит рыбу тем же способом, как и домашняя кошка».

Небольших животных ягуар съедает тотчас же с кожей и костями; но у лошадей, оленей и тому подобных крупных животных он объедает только мягкие части, не выказывая пристрастия ни к каким из них в особенности, только до внутренностей не дотрагивается. Насытившись, он возвращается в лес, но удаляется не более как на четверть часа ходьбы от того места, где ел, и там засыпает. Вечером или на другой день утром возвращается к убитому животному и обгладывает его вторично, оставляя остатки коршунам.

Ягуар, по словам Ренгера, никогда не возвращается больше одного раза к убитой им добыче; до падали он вообще никогда не дотрагивается. Впрочем, последнее подлежит сомнению: вряд ли он в этом отношении отличается от других кошек. Вообще он предпочитает не возвращаться к убитой добыче. Если ягуар словил какое-нибудь животное вдаль от леса, то уносит его с собой в чащу. Свою добычу он, случается, переносит и через реку. Однажды ягуар убил лошадь, неподалеку от жилища Азара, и волок ее сначала шагов шестьдесят по полю, а потом перетащил через быструю реку на противоположный берег. Ягуар никогда не убивает более одного животного зараз, чем отличается от других видов крупных кошек.

Ягуар, еще мало знакомый с людьми, почтительно уступает им при встрече дорогу или с любопытством следит за ними издали. «Нередко случалось нам, — говорит Ренгер, — наткнуться во время нашего путешествия по пустынным местам северного Парагвая на одного или нескольких ягуаров, которые тотчас убежали от нас в лес или останавливались на опушке и хладнокровно наблюдали за нами издали*. Не было случая, чтобы среди необитаемых лесов ягуары растерзали бы человека, но те из зверей, которые живут в населенных местностях или у судоходных рек, быстро утрачивают свою робость перед людьми и нападают на них. Ходят слухи, что ягуары иногда ночью осмеливаются влезать на пришвартованные к берегу суда и таскают оттуда мясо или собак и даже смертельно ранят матросов; но, как правило, люди расплачиваются жизнью только за свою неосторожность. Например, нападения хищников на рыбаков, которые при противном ветре выходят на берег варить себе ужин, почти не имеют

** Надо полагать, то же относилось ко всем крупным кошкам до тех пор, пока человек не стал самым часто встречающимся существом на их территориях. Эту мысль подтверждают и следующие далее слова рассказчика. Можно провести аналогию со множеством случаев, когда тигр или ирбис с интересом следил за человеком с близкого расстояния или шел по следам, вовсе не пытаясь напасть. Амурские тигры, судя по многим сообщениям в печати, часто выходят к дороге и с любопытством смотрят на проезжающие автомобили.*

никогда кровавого исхода, потому что рыбаки при малейшем подозрительном шорохе тотчас устремляются на спасительное судно. Они предоставляют ягуару жарящееся на огне мясо, которым он и довольствуется. Достоверно также, что он совсем не боится огня». Гумбольдт утверждает то же самое: «Мы заметили, к своему удивлению, — говорит он, — что ягуары совсем не боялись нашего огня. Они переплывали рукав реки, отделявший нас от берега, и утром мы слышали их рев на близком расстоянии». Далее он сообщает, что однажды ягуар выхватил из самой середины лагеря всеми любимую собаку и уволок ее. Собака, которая вечером слышала рев ягуара, забила под гамак своего господина, но утром все-таки исчезла.

Знаменитый «рев» ягуара вовсе не кажется особенно страшным. Может быть, прежние путешественники приняли другие голоса за его крик или эти звуки среди неведомой дикой природы показались им величественнее, чем были в действительности. Пеппиг говорит, правда, «о страшном, громком «реве», который раздастся в лесах в тихие ночи», но, конечно, происхождение этого рева должно быть проверено; тот же натуралист говорит, что когда ягуар крадется вокруг стана или жилища, то издает «только короткое отрывистое ворчание». Более поздние путешественники ничего не сообщают о реве. Аппун говорит о крике ягуара, как о похожем на «кошачье мяуканье». Пехуель-Леше напрасно старался услышать нечто похожее на «рев» ягуара; Закс слышал ночью из лагеря у Ориноко «тихий кошачий визг, громкий вой» и «глухие, сердитые звуки на близком расстоянии». «Мои спутники, — говорит он, — проснулись, а индеец пробормотал равнодушно «тигр близко» и принялся разжигать огонь». У К. фон Штейнена встречается следующая фраза: «Ночью кричал ягуар, с противоположного берега раздавались довольно жалобные звуки, похожие на мяуканье кошки или кваканье лягушки». Почти все натуралисты, к которым обращались с письменными запросами, отрицают способность ягуара «реветь». «Даже там, где ягуаров было много, — пишет Геринг, — мне случилось слышать их крики только один раз, когда они бродили вокруг нашего лагеря; звуки были отрывистые и тихие и далеко не походили на рев».

Азара утверждает, что когда ягуар набредает ночью на спящий лагерь, он прежде всего убивает негров, а потом европейцев; но Ренгер с этим не соглашается. Ягуар никогда не убивает больше одного человека сразу, если ему не приходится защищаться. Достоверно, что на негров он нападает чаще, чем на белых, причем вполне можно допустить, что первых он встречает, конечно, чаще, чем вторых. Рассказывают, что, когда люди случайно днем натыкались на ягуара, им удавалось испугать его громкими и дружными криками, и это показание кажется нам правдоподобным, насколько позволяют судить наблюдения над другими кошачьими.

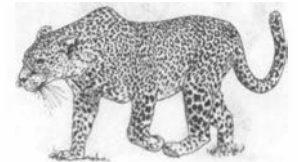

Пеппиг говорит, что на равнине Майнаса года не проходило без человеческих жертв. Ягуары появлялись среди белого дня в населенных местностях и похищали собак, которые составляют их любимую пищу*. Особенно худой славой пользовалась дорога через густые леса между Сапуозой и Мойомамбой: на ней в течение 30 лет было растерзано до 20 индейцев, которых посылали пешими с каким-нибудь поручением. Один из индейцев Шомбургка всю жизнь носил на груди следы зубов ягуара, который бросился на него, когда он был еще мальчиком; хищник схватил его за грудь и поволок в лес, но потом бросил, когда мать мальчика выбежала ему на помощь с охотничьим ножом. В девственных лесах у подножья перуанских Анд ягуар живет, по свидетельству Чуди, преимущественно близ деревень; он всю ночь бродит вокруг них и похищает то собаку, то свинью, а иногда и человека. Он не только не боится людей, но сам нападает на одиноких путников и, мучимый голодом, среди белого дня проникает в лесные деревни. Но Каплер, который жил в Гвинее почти 45 лет, говорит: «До сих пор был только один случай, когда ягуар напал на человека и загрыз его, хотя на плантациях он часто нападал на рогатый скот или свиней». Из всего вышесказанного можно заключить, что ягуар не во всех местностях одинаково опасен для человека, что он питается, как и тигр, исключительно животными, похищает преимущественно домашний скот и только в редких случаях лакомится человеческим мясом.

Ягуар остается в одной и той же местности до тех пор, пока находит в ней достаточно пищи и его не очень беспокоят. Когда же пищевые «ресурсы» истощаются или люди слишком усердно его преследуют, он удаляется в другое место. Странствует он обычно ночью, причем не боится пробегать по населенным местностям; даже самые широкие реки не служат для него препятствием, так как он отличный пловец.

Можно подумать, что плывущего ягуара легко убить, однако он и в воде опасен. Только очень умелые лодочники решаются нападать на него. Если зверь заметит преследование или окажется раненым, то часто сам нападает на людей, сидящих в лодке. Вот что рассказывает Ренгер: «В 1819 году, вскоре после моего прибытия в Асунсьон, я был свидетелем одной охоты с происшествием, которое, к счастью, имело комический исход. Ягуар плыл с противоположного берега реки. Три иностранных матроса, несмотря на предостережение парагвайца, схватили ружье, бросились в лодку и поплыли навстречу ягуару. Приблизившись на расстояние одного или двух метров, передний матрос выстрелил и ранил ягуара. Не успели матросы опомниться, как ягуар ухватился за борт лодки и вскочил в нее, несмотря на удары веслами и прикладом. Тогда матросам ничего не оставалось, как броситься самим в воду и пуститься вплавь к берегу. Ягуар же улегся в

** Почему-то собаки чаще других домашних животных становятся жертвами крупных кошек. Поэтому местные наученные горьким опытом псы в местах обитания леопарда или коготи из его родни при появлении гигантской кошки прячутся первыми. Отчасти это связано с тем, что в природе волк, например, является естественным врагом леопарда.*

Семейство кошачьи

** Следствием царапин, нанесенных когтями ягуара, учитывая теплый влажный климат Амазонии, может стать в первую очередь заражение крови.*

*** Беременность у ягуара, как и у других больших кошек, длится 93—105 дней.*

лодке и преспокойно поплыл вниз по реке. Заметив за собой погоню других охотников, зверь прыгнул в воду и спасся на ближайшем берегу».

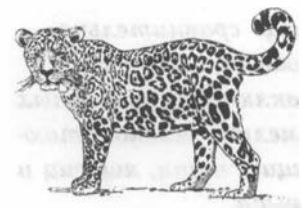
«Во время разливов рек ягуары уходят с островов и лесистых берегов и приближаются к населенным местностям, где причиняют людям и скоту много вреда. Во время больших наводнений нередко можно видеть ягуара в деревнях или городах, расположенных на высоком берегу реки. Один ягуар был убит в Вилла-Реале в 1819 году, другой — в столице Парагвая в 1820 году, наконец, в том же году в Вилла-дель-Пилар было убито два ягуара. Когда мы в 1825 году прибыли во время большого наводнения в Сантафенам, там рассказывали, что несколькими днями раньше один францисканский монах, пришедший в церковь служить раннюю обедню, был растерзан ягуаром у самой двери ризницы. Впрочем, такие несчастия случаются редко. В городах лай собак и толпы людей пугают ягуара и он старается скрыться. Раны, причиняемые хищником, всегда очень опасны и не столько из-за их глубины, сколько из-за того, что зубы и когти зверя не очень остры, поэтому, кусая и царапая, он давит и рвет плоть. В теплых странах последствием подобных увечий, особенно при недостатке медицинской помощи, обычно бывает местный или общий паралич*». Большую часть года ягуар живет один, как утверждает Ренгер; только в августе и сентябре, когда настает время случки, самки и самцы сходятся. «Если во время случки сойдутся одна самка и несколько самцов, то между ними происходит борьба, в результате которой слабейшие удаляются. Самец и самка остаются вместе не более 4—5 недель, затем опять расходятся. Как долго продолжается беременность самки — определенно сказать не могу. Если судить по времени, которое проходит между случкой и появлением на свет детенышей, она, вероятно, длится три-три с половиной месяца**. Самка мечет двух, редко трех детенышей. Это происходит в самой непроницаемой чащобе леса или в яме возле вырванного с корнем дерева. Мать никогда не отходит далеко от своих детенышей в первые дни их жизни и при малейшей опасности перетаскивает их в зубах на другое место. Материнское чувство в ней развито очень сильно, она с яростью защищает своих детенышей и преследует похитителя целыми часами. После шести недель маленькие ягуары уже всюду сопутствуют матери. Первое время они еще прячутся в чаще, пока мать охотится, но скоро сами начинают подстергать добычу. Когда они достигают размеров обыкновенной охотничьей собаки, мать бросает их, но некоторое время они еще ходят за ней». Окраской молодые ягуары отличаются от родителей, но уже с седьмого месяца они становятся целиком похожими на них.

В клетках наших зоологических садов и зверинцев ягуар ведет себя так же, как и леопард. Наблюдения в различных зоологических садах позволили мне предположить, что ягуар трудно приручается и дрессируется. Однако опытнейший укротитель

зверей Крейцберг успешно опроверг это мнение. Именно самые дикие ягуары становятся наиболее понятливыми учениками в руках искусного дрессировщика, но прежде всего им надо дать почувствовать, что они в укротителе нашли себе господина, сопротивляться воле которого бесполезно. В неволе ягуар размножается не только в зверинцах, но и у торговцев зверями. От скрещивания ягуара с леопардом и пантерой происходят сильные, способные к продолжению рода животные.

Из-за вреда, который ягуары наносят человеку, их сильно преследуют и истребляют. В Южной Америке индейцы употребляют против него стрелы, пропитанные страшным ядом урари. Гораздо более опасный способ охоты на ягуара следующий: охотник, завернув левую руку в овечью шкуру и вооружившись обоюдоострым ножом или кинжалом длиной около двух футов, отправляется в сопровождении двух-трех собак по следу ягуара, который не робеет перед небольшим числом собак. Охотник близко подходит к зверю и старается его раздражить голосом и жестами. Ягуар мгновенно вскакивает, как медведь, на задние лапы и с широко разинутой пастью набрасывается на охотника. Тот протягивает к передним лапам животного свою обмотанную шкурой руку и, нагнувшись немного вправо, вонзает ему в левый бок нож. Раненый ягуар, которому трудно сохранить равновесие, падает на землю, и собаки тотчас же на него набрасываются. Если первая рана не смертельна, ягуар легко освобождается от собак и снова нападает на своего противника, а тот вторично ударяет его кинжалом. Ренгер знал одного, который таким образом убил до ста ягуаров. Он был страстным охотником, однако в 1821 году на одной такой охоте заплатил жизнью за свою смелость. Герингу рассказывали о гаучо, получившем прозвище истребителя тигров. Этот смельчак тоже убил кинжалом большое число ягуаров.

По уверению Ренгера, в Парагвае на ягуара охотятся следующим образом. Хороший стрелок в сопровождении двух человек, вооруженных один пикой, а другой вилой в пять футов длины, выходит с 6—10 собаками на охоту. Как только охотники заметят ягуара, они становятся все в ряд, стрелок в середине. Этот последний старается ранить зверя выстрелом в грудь или в голову. После удачного выстрела собаки нападают на своего врага и придавливают его к земле, где с ним уже легко справиться. Если же выстрел был неудачный или ягуар оказался только легко раненым, он сам нападает на противников. Как только он поднимется на задние лапы, один из охотников приставляет ему к груди вилу, другой ударяет копьём в бок, но тотчас же вытаскивает оружие из раны и готовится нанести второй удар. Во время борьбы собаки стараются повалить зверя, дергая его за хвост; только самые сильные и злобные псы решаются нападать сбоку. При такой охоте жизнь даже самых смелых и опытных людей подвер-

* *Оцелот распространен примерно там же, где и ягуар, населяя тропические и субтропические леса от юга США до северной Аргентины. Размер средний: длина тела до 1 м, длина хвоста 30—45 см. Эта кошка оказалась более счастливой, чем ягуар, и, несмотря на красивый мех, в некоторых местах еще сравнительно обычна. Рацион включает различных мелких млекопитающих, птиц, ящериц и рыбу.*

гается большой опасности, ведь борьба происходит обычно в чаще леса, и самое незначительное препятствие может помешать нанести зверю верный удар.

Парагвайцы, впрочем, иногда охотятся на ягуара верхом, вооруженные только лассо: они ловко набрасывают ему петлю на шею, после чего скачут галопом, волоча животное за собой, пока не задушат; часто это делают с помощью второго лассо, которое тянут в противоположную сторону. Ягуаров также подстерегают и бьют из засады или ловят в западни, ставят самопалы у тех мест, где он оставил часть добычи.

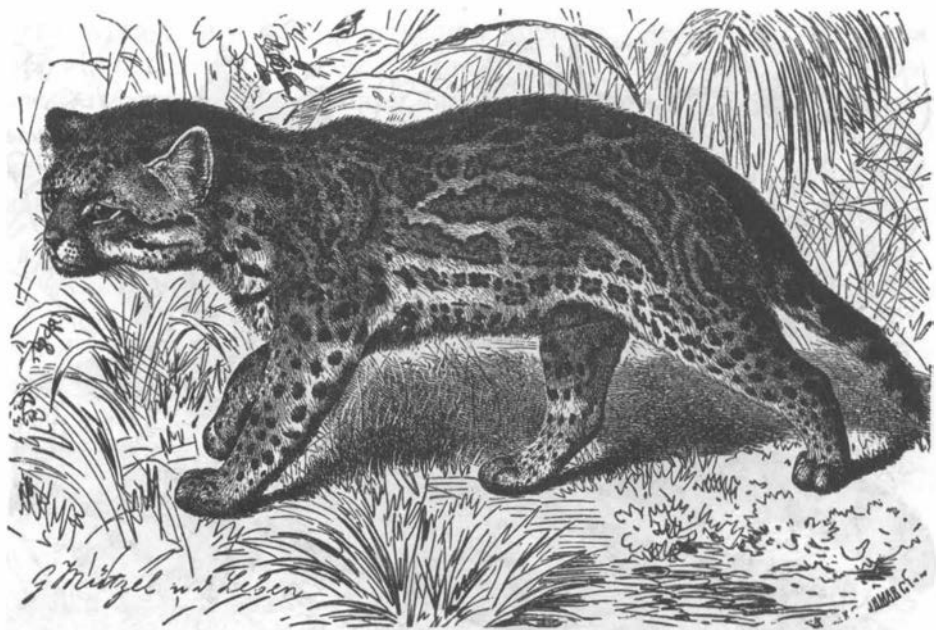
Мех ягуара не особенно ценится в Южной Америке; он употребляется только на ковры и тому подобные вещи. Мясо ягуара, которое ел фон Штейнен, оказалось жестким; но о мясе другого им убитого ягуара он отзывался следующим образом: «Мясо ягуара жирно, как свинина. К котлетам из него отличной приправой послужила бы красная капуста». Некоторые части тела ягуара употребляются как лекарство. Так, например, полагают, что его жир помогает от глистов, а сожженные когти — против зубной боли. Кроме того, дикие племена натирают себе тело его жиром, воображая, что благодаря этому станут такими же сильными и мужественными, как он. Мясо особенно опасных ягуаров, ищущих себе жертву близ деревень и постоянно угрожающих людям нападением, никогда не употребляют в пищу; индейцы убеждены, что это не настоящие звери, а заколдованные существа или оборотни умерших порочных людей.

Оцелот (*Leopardus pardalis*)* имеет длину 1 м 30 см, из них 40—45 см хвост. Вышина в плечах — 50 см. Своими размерами животное походит на рысь, но та гораздо выше. Туловище оцелота довольно широкое, голова большая, заостренный книзу хвост не очень длинен, уши короткие, широкие, округленные; зрачки продолговатой формы, мех густой, блестящий, пестрого красивого рисунка. Основной цвет шерсти буровато-серый или красноватый желто-серый; на животе желтовато-белый. По спине проходит много продольных полос (большой частью четыре) и целый ряд узких черных пятен, среди них несколько крупных. По бокам выгнутые продольные полосы, которые тянутся от плеч к заду и ярче окрашены, чем остальные, но с черными краями, а иногда даже и с черными точками посередине. Нижняя часть туловища и ноги в пятнах, на хвосте переходящих в кольца. Впрочем, эта окраска очень варьирует. Самки отличаются от самцов менее яркими красками пятен и кругообразно расположенными точками на плечах и поясице. Каплер к этим признакам прибавляет голубовато-серый цвет глаз и мясного цвета нос.

Оцелот широко распространен. Он живет как в южных областях Северной Америки, так и в Южной Америке вплоть до Перу, Боливии и Парагвая, чаще в густых, безлюдных лесах, скалистых и болотистых местах, нежели около населенных местнос-

тей, хотя попадает и в последних. В чистом поле его никогда не находят. В некоторых местностях он попадает очень часто, но, кажется, постоянного места обитания не имеет. Целый день он спит в самых темных уголках леса, среди непроходимой чащи деревьев или кустарника, иногда в дуплах. На охоту выходит в утренние и вечерние сумерки, и особенно ночью, как светлой и звездной, так и бурной и темной. Последняя ему даже благоприятнее, потому что тогда, не замеченный собаками, он пробирается к крестьянским дворам и душит домашних птиц. В темные ночи хозяевам приходится хорошенько запирать курятники. В естественных условиях оцелот питается птицами, которых он ловит или на деревьях, или на земле в их гнездах, а также маленькими млекопитающими, молодыми оленями, свиньями, крысами, агути, мышами и др. Он гоняется по деревьям за обезьянами.

«Так как эта кошка выходит на добычу только ночью, — говорит Ренгер, — то я и не мог ни разу наблюдать, как она охотится. Но, кажется, она странствует на большие расстояния. Я часто по целым часам шел по ее следам в девственных лесах. Гораздо реже можно напасть на остатки ее еды; большей частью они

состоят из перьев птиц. Я не считаю ее кровожадной и думаю, что она убивает столько животных, сколько ей нужно, чтобы насытиться. Это подтверждают и наблюдения за захваченными в неволю оцелотами, которых я держал у себя. Оцелот хорошо лазает и, когда его преследуют, перепрыгивает с дерева на дерево, если они стоят близко, хотя в лазанье он и не обладает той легкостью, какая есть у пумы. В воду бросается только в случае необходимости, например, если наводнением его отрезало от твердой земли и ему нужно достигнуть берега; тем не менее он отличный пловец. Оцелоты живут парами на определенной территории. Охотник может быть уверен, что, спугнув одного, он вскоре поблизости встретит другого оцелота. Но больше одной пары в одном лесу никогда не встречается. Самка и самец не выходят на охоту вместе, каждый охотится сам по себе. Сходятся они в период с октября

Оцелот
(*Leopardus pardalis*)

Семейство кошачьи

* Самка оцелота котится с сентября по январь. Беременность длится около 70 дней. В помете обычно два котенка, но может быть до четырех.

Онцлла, тигровая
кошка
(*Leopardus
pardinoides*)

по январь; сколько времени длится беременность — неизвестно. Число детенышей редко бывает более двух*. Мать прячет их в дуплах или в чаще леса и, как только они могут есть обычную пищу, носит им мелких млекопитающих и птиц».

Вред, который наносит оцелот человеку, незначителен: он слишком боится людей и собак, чтобы приближаться к населенным местностям. Лишь жилища, расположенные около леса, посещаются им от случая к случаю, но и тогда он ограничивается одной или двумя утками или курами, которых затаскивает в ближний кустарник и тут же съедает. Когда ему удастся первый «набег», он обычно возвращается на прежнее место в следующие ночи, пока его не поймают или не спугнут. В Парагвае на него охотятся с собаками или ловят в западни. Он очень пуглив и видит

охотника в лунные ночи раньше, чем тот заметит его. От преследующих его собак он поспешно спасается на деревьях, где прячется в листве. Подстреленный оцелот защищается от собак когтями и может быть опасен для человека. Легче всего он ловится в западни, рядом с которыми оставляют клетку с курицей или куском мяса в виде приманки.

Молодых оцелотов часто ловят и

приручают. Обычно детеныши выдают свое местопребывание мяуканьем и поэтому их довольно легко найти даже без помощи собак. Их вскармливают молоком и потом кормят вареным мясом; от одной растительной пищи они заболевают. Если их кормить только сырым мясом, они делаются больше и красивее, чем когда питаются только вареным мясом. Даже старые оцелоты становятся со временем ручными, хотя только до известной степени.

В наших зоологических садах оцелот не играет выдающейся роли. Он ленив и смотрит на белый свет, по-видимому, с неизменным равнодушием, довольствуется любым помещением и требует только, чтобы последнее было чисто и тепло и чтобы ему не было недостатка в пище и питье. Большинство оцелотов, при-

везенных в Европу, будучи уже в прирученном состоянии, соответствовало вышеописанному образцу. Я не встречал оцелотов, пойманных старыми и приходящих в ярость, подобно леопардам.

От оцелота отличаются американские кошки. **Тигровая кошка, онцилла** (*Leopardus pardinoides*)*, величиной с нашу домашнюю кошку. Длина ее туловища достигает 50, а хвоста 30 см. Ее мягкая шкурка имеет на боках бледно-желтую окраску, а снизу, как у большей части кошек, белую. По щекам пробегают две темные полосы, две другие идут от угла глаз к затылку. От затылка шесть полос идут дальше и переходят в широкие пятна. На горле два черных пятна, по груди проходят широкие полукруги. Посреди спины идет сплошная полоса, а по сторонам ее несколько рядов сплошных пятен, из которых многие обведены более светлой тенью. Лапы и нижняя часть туловища в пятнах, уши черные с белыми пятнами. Хвост более пушистый к концу, нежели у корня.

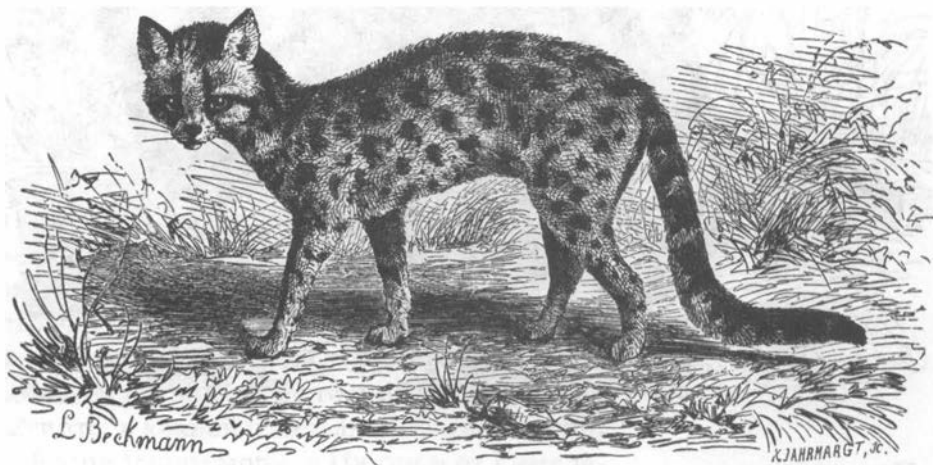
По образу жизни эта кошка почти во всем сходна с оцелотом. Пойманная в молодости и хорошо воспитанная, она делается чрезвычайно понятливым и преданным животным; пойманная в старости, ведет себя сначала очень дико и буйно, но через некоторое время достигает известной степени прирученности.

Чаще вышеописанных видов этого семейства попадается в бразильских лесах **длиннохвостая кошка** (*Leopardus wiedii*). По размерам она схожа с крупной домашней кошкой, только лапы у нее сильнее. Общая длина туловища достигает 90—100 см, из которых 30—35 см

составляет хвост. Она отличается маленькой головой, большими глазами, округленными книзу и заостренными кверху, наподобие ланцета, ушами и сильно загнутыми беловатыми когтями. Основной цвет ее шерсти рыжевато-серый, на боках светлее, снизу белый. По всему телу проходят продольными рядами серо-бурые или темно-бурые пятна; отдельные пятна окружены более светлой тенью. По верхней части туловища идут пять продольных рядов, на лбу две черные полосы и между ними точки, по бокам головы две темные продольные полосы, под горлом темная поперечная полоса. Нижняя часть лап бурая. «Эта кошка, — говорит принц фон Вид, — живет во всех исследованных мною странах. Ее тонкое тело, пестрый мех делают ее одним из красивейших

Семейство кошачьи

* Тигровая кошка, или онцилла — родственница оцелота, в целом похожа на него, но немного уступает ему в размерах. Распространена в тропических лесах от Коста-Рики до Северной Аргентины. Биология изучена плохо. Вероятно, ведет полудревесный образ жизни; активна в сумерках.

Длиннохвостая
кошка
(*Leopardus wiedii*)

Семейство кошачьи

* На большей части своего ареала длиннохвостая кошка стала редкой, а в ряде стран оказалась под угрозой исчезновения.

представителей кошачьего семейства. Мои охотники находили ее в разных местах, поэтому я могу сказать, что она живет почти во всех девственных лесах Бразилии. У бразильцев она носит название «пятнистая дикая кошка», часто они убивают ее ради красивого меха. Особенно легко она взбегаёт на деревья по вьющимся растениям, разыскивая там разных животных, каких только успевают схватить. Для лесных птиц и домашних кур она очень опасна и часто подходит к жилищам, чтобы похитить птицу. Своё логовище устраивает в дуплах, в ущельях скал или пещерах и там, подобно нашей дикой кошке, производит на свет своих детенышей».

«Обыкновенно ее ловят в западни. Я изловил таким образом в больших девственных лесах Мукури за 14 дней трех таких кошек. В четвертую, сидевшую на дереве, выстрелил один из моих

охотников. Он хотел ее схватить, но она убежала, так как была только легко ранена. Собака, найдя такую кошку, моментально загоняет ее на дерево, и тогда зверька легко подстрелить. Только случай может помочь охотнику заполучить это красивое животное, так как оно быстро двигается по деревьям не только днем, но и ночью, и поэтому его трудно выследить».

Пампасская кошка
(*Oncifelis colocolo*)

В последнее время американских длиннохвостых кошек стали изредка привозить в Европу*. Из тех, которых я видел, ни одна не привыкла к людям; все они, напротив, были злобными, бешеными созданиями, шипели и фыркали, когда к ним подходили, сердито ворчали и выразительно били хвостом о землю, а если кто-то приближался на шаг ближе, подбегали к решетке и становились в оборонительную позу, как почти всегда делают дикие кошки в дурном расположении духа.

Пампасская кошка (*Oncifelis colocolo*) от всех других кошек отличается самыми яркими продольными полосами. По серовато-серебристому меху выступают темные или бледные ржаво-бурые полосы, которые разбегаются по всему туловищу сверху и спереди, вниз и назад и повторяются на груди и шее в виде

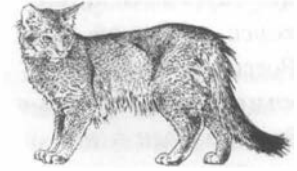
поясов, а на ногах в виде колец. Уши снаружи светло-бурые, по краям темно-бурые, а в середине грязновато-белого цвета. Хвост такого же цвета, как спина, и к концу имеет 4—6 темных колец. На ногах проходят 6—7 ржаво-красных полос по желтоватому фону; на нижней части туловища по бледно-желтоватому фону тянутся неправильные светло-бурые полосы. Благодаря цвету и красоте рисунка меха пампасская кошка принадлежит к самым красивым видам семейства кошачьих. Большие самцы достигают 120—130 см длины, из которых 30 см составляет хвост. Высота в плечах 30—35 см.

Пампасская кошка обитает в пампасах Южной Америки и в Патагонии вплоть до Магелланова пролива; особенно часто встречается она на берегах Рио-Негро. Добычей ей служат небольшие грызуны, которых в пампасах очень много*. Ее все считают безвредным животным, приносящим даже пользу. О жизни ее в неволе я ничего сообщить не могу. В европейские зоологические сады она попадает очень редко.

Камышовый кот, хаус, или болотная рысь (*Felis chaus*), «кошка джунглей», как ее называли английские натуралисты, достигает в длину 90 см, из которых 22—37 см приходится на хвост; высота в плечах — 35—40 см, вес 6—9 кг. Довольно богатый мех имеет разнообразную основную окраску, от желто-серой до серо-бурой. Рисунок состоит из темных поперечных полос, которые отчетливее выступают на передней стороне шеи, на боках и ногах. Хвост сверху украшен 6—9 темными полукольцами и на конце черный. Уши снаружи серо-желтые, внутри рыжевато-желтые, ноги буро-рыжеватые, их нижняя сторона светло-бурого цвета. Глаза зеленовато-желтые. У некоторых животных полосы очень неясны и даже совсем пропадают, особенно в зрелом возрасте. В Индии иногда встречаются совершенно черные особи.

Болотная рысь широко распространена. Она живет в большей части Африки, особенно южной и восточной в Нубии (на северо-востоке Судана), Египте, в южной и западной Азии, Персии, Сирии, в районах вокруг Каспийского моря, в Индии и от Гималаев до Цейлона, на востоке вплоть до Бирмы. В Гималаях она поднимается до высоты 2500 м, а может быть и выше (местные особи имеют более густой и длинный мех). Она была хорошо известна древним египтянам, ее даже бальзамировали, как и домашнюю кошку, помещая ее трупы в священных местах.

Я несколько раз встречал болотную рысь в долине Нила. В Египте она не представляет редкости, ее только нечасто удается заметить. В этой стране почти нет значительных лесов, в которых могло бы прятаться хищное животное, поэтому ему приходится искать другое убежище. Обширные хлебные поля, раскинувшиеся на местах, заливаемых Нилом в половодье, и не подвергающиеся искусственному орошению, служат главным ее убежищем. Кроме того, болотная рысь живет на больших равнинах, покры-

* Пампасская кошка охотится в основном на земле (на грызунов и гнездящихся на земле птиц), на деревья забирается редко.

Семейство кошачьи

** Излюбленными местами обитания хауса в Южной России являются камышовые плавни в дельтах рек и по*

*Камышовый кот,
хаус
(Felis chaus)*

берегам степных озер. Прекрасно плавает и часто ловит свою добычу (различных мелких позвоночных) прямо в воде.

тых более или менее густой, высокой, режущей осокой; наконец, желанным местом обитания для нее являются сухие места среди камышей, а также и тростниковые чащи, которые тянутся по берегам каналов и окаймляют поля. Те же самые условия она предпочитает в Индии*.

Болотная рысь охотится за добычей и днем и ночью. Она дерзко приближается к деревням, причем особенно привлекают ее большие сады. Чтобы заметить болотную рысь или по крайней мере ее следы, нет надобности долго бродить. Если внимательно осматривать окраины хлебных полей, межи и дороги, ведущие через них, то ее можно видеть довольно часто. Она, как настоящая кошка, тихо и неслышно крадется между растениями, которые обычно почти совсем скрывают ее, время от времени останавливается и прислушивается. По-видимому, она, во всяком случае днем, более руководится слухом, чем зрением, так как уши ее даже при величайшем покое находятся в постоянном движении. Малейший шум тотчас изменяет их положение: болотная рысь

поднимает голову, ее уши коротким быстрым движением направляются в сторону шума, все тело прижимается к земле и как бы исчезает в траве, и животное, как змея, ползет к своей добыче, которая по большей части бывает поймана. Иногда случается видеть, как из осоки, в которой, кажется, нет ни одного живого существа, сильным прыжком выскакивает вверх какое-то животное и в следующее мгновение снова исчезает: это болотная рысь сделала воздушный прыжок за какой-нибудь птицей, которую спугнула. Добыча ее состоит преимущественно из мышей и крыс, затем из мелких наземных и тростниковых птиц, а именно из степных кур, жаворонков, ржанок, камышевок и других. В садах она крадет у крестьян кур и голубей, на полях подкрадывается к зайцам, а на окраинах пустыни — к тушканчикам. На более

крупных животных она, как говорят, не нападает никогда; человека, по-видимому, тоже боязливо избегает. Тем не менее арабы боятся ее, как очень злого животного, и этот страх передался европейцам. Мой слуга не осмелился выстрелить в прекрасную болотную рысь, которую он спугнул в хлебах. Раненая и доведенная до крайности болотная рысь умеет хорошо защищаться. Это испытал на себе, между прочим, один из слуг Дюмихена, который дал по болотной рыси два неточно направленных выстрела, а затем хотел схватить раненое животное. Это последнее вовсе не стало ждать приближения врага, а прямо бросилось на него, крепко вцепилось когтями и так изодрало ему руку, что плохому стрелку пришлось целые месяцы страдать вследствие неудачной охоты.

В Индии кошка джунглей считается злобной и опасной, вроде нашей дикой кошки; полагают, что приручить ее можно лишь в исключительных случаях. Раненые зверьки не раз нападали на стрелявших. По-видимому, эти хищники в то же время очень дерзки, так как известны случаи, когда кошки джунглей утаскивали на глазах охотников только что застреленных ими павлинов*. И в Индии болотные рыси любят населенные местности, где производят большие опустошения среди домашних птиц, умерщвляя их из одной кровожадности. В Индии кошка джунглей мечет, говорят, два раза в год по 3—4 детеныша**.

Пойманные болотные рыси редки в наших зоологических садах: я видел их не более пяти штук. Они ведут себя, как и другие дикие кошки, злобно и бешено, если попадают в неволю старыми или если с ними дурно обращаются, и, напротив, спокойно и добродушно, если они попали под власть человека детенышами и воспитывались с любовью.

Обыкновенная рысь (*Lynx lynx*)*** встречается часто. Лишь в копенгагенском музее я узнал, какой величины может достигать рысь, так как в немецких коллекциях были животные лишь средних размеров. Вполне взрослая рысь, по крайней мере, такой же величины, как те леопарды, которых приходится видеть в наших зверинцах; она только несколько короче и ноги ее длиннее. Длина тела не менее 1 м, а может достигать и 1,3 м, длина хвоста 15—20 см, высота у загривка до 75 см. Самец рыси может достигать веса в 30 и даже, как мне говорили в Норвегии, 45 кг. Животное отличается чрезвычайно сильным, плотным сложением, сильными ногами, мощными лапами, напоминающими лапы тигра или леопарда; все это уже с первого взгляда указывает на большую силу рыси. Уши довольно длинные, заострены и оканчиваются кисточкообразным пучком черных, густых, торчащих волос длиной в 4 см. На толстой верхней губе находится несколько рядов жестких и длинных усов. Густой мягкий мех одевает тело и удлиняется на морде в виде бороды, которая свешивается двумя концами по обе стороны головы и вместе с ушными кисточками придает «лицу» рыси своеобразный вид. Цвет меха сверху рыже-

* В России хаусы пользуются «услугами» охотников, подбирая в камышах подстреленных, но не найденных уток; на промысле ондатры таскают попавшихся хаусов из капканов.

** В России камышовый кот размножается один раз в году.

*** Рысь — наиболее обычная дикая кошка в нашей стране и самая «северная» представительница семейства. Длина тела рыси до 108 см (у крупных самцов), короткий хвост всего 20—30 см, вес 8—20 кг. Рысь населяет преимущественно лесные биотопы, но самые различные: от сухих широколиственных лесов в субтропиках Кавказа до горной сибирской тайги. Распространена по всей северной Евразии, везде, где есть достаточно обширные лесные массивы.

Семейство кошачьи

вато-серый, перемешанный с беловатым; на голове, шее, спине и боках мех густо усажен рыже-бурыми или серо-бурыми пятнами; нижняя сторона тела, внутренняя сторона ног, передняя часть шеи, губы и круги вокруг глаз белого цвета. Морда рыжеватая, ухо внутри покрыто белыми волосами, на наружной стороне — черными и бурыми. Хвост по всей длине равномерно и одинаково густо усажен волосами; конец его, занимающий почти половину всей длины, черного цвета. Летом мех короче и более рыжеватый, зимой длиннее и скорее светло-серого цвета. Самка, по-видимому, отличается обычно от самца более рыжим цветом и менее яркими пятнами; новорожденные детеныши беловатые. Глаза бронзово-желтого цвета с круглым зрачком.

Рысь была известна древним, но в Риме ее показывали гораздо реже, чем льва или леопарда, так как уже в то время было очень трудно добыть ее живой. Та, которую показывали во времена Помпея, была привезена из Галлии. О жизни рыси на свободе, по-видимому, ничего не знали и потому с ней связано много суеверий. «Нет ни одного животного, — говорит старый Геснер, передавая рассказы древних, — которое имело бы такое же острое зрение, как рысь: по словам поэтов, она проникает своим взглядом сквозь непрозрачные предметы, как, например, стены, дерево, камень и тому подобное. Напротив, если держать перед ней блестящий предмет (зеркало), то она начинает чувствовать ненависть к своему лицу и умирает от этого». В мифологии древних германцев рысь играла приблизительно такую же роль, как кошка; вероятно, именно она, а не кошка, должна считаться животным богини Фрейи, которое везет ее колесницу.

Еще в средние века рысь обитала постоянно во всех больших лесах Германии, вызывая общую ненависть и упорное преследование. В конце XV столетия она, по словам Шмитта, считалась в Померании самым вредным хищником. «Так как рысь, — говорится в одном старом узаконении, — всего вреднее, то ее должно прилежно преследовать в зимнее время, ловить сетями и стрелять». С тех пор число рысей в Германии постоянно уменьшалось и в настоящее время это животное можно считать истребленным.

Современная область распространения этого хищника начинается с Карпат; отсюда она простирается на восток и на север, в Россию и Скандинавию*. Здесь она встречается вплоть до северной границы сплошных лесов. Рысь населяет всю восточную Сибирь, где местность гориста и покрыта лесом, и часть Азии, вплоть до Туркестана и Гималаев, где она встречается, в частности, в долине верхнего Инда. Тибетскую рысь, которая живет не в лесах, а в скалах, Блейт считал особым видом, главным образом на основании более чалого цвета и некоторых отличий меха; Блэнфорд, напротив, считает такое выделение ее в особый вид безосновательным.

* В Финляндии рысь истреблена и там теперь встречаются особи, случайно заходящие из соседних областей России. В России, к счастью, эта красивая кошка все еще сравнительно обычна даже в густонаселенных областях.

Условием для постоянного пребывания этого хищника являются обширные сплошные леса, богатые чащами и вообще труднодоступными местами и населенные разнообразной дичью. По словам Нолькена, которому мы обязаны лучшим описанием образа жизни рыси, это животное показывается в редких лесах лишь в исключительных случаях, и именно зимой, чтобы охотиться в таком лесу за зайцами. В противоположность волку, который из года в год ведет бродячую жизнь, рысь часто подолгу держится одной и той же области, обходит ее во всех направлениях, в одну ночь уходит за целые мили, нередко без всякого страха держась проезжих дорог, осмеливаясь приближаться к деревням и даже посещать одиноко лежащие двory, но через несколько дней возвращается обратно в свою область, чтобы снова исследовать ее.

Обыкновенно рысь, подобно своим родичам, живет поодиночке; там, где она встречается чаще, как, например, в Лифляндии, бывает «распределена» так, что на область в 25 квадратных километров приходится приблизительно по четыре или пять особей.

По строению тела и душевным качествам рысь, по-видимому, не уступает никакой другой кошке. Необыкновенно сильное туловище при высоких ногах и превосходно развитые органы чувств показывают, что этот хищник прекрасно вооружен. Рысь очень вынослива при ходьбе, она движется лишь шагом или кошачьей рысью, но никогда не прыжками, пока ее не принуждает к этому необходимость, но в случае надобности делает поистине изумительные прыжки; она довольно хорошо лазает и, кажется, легко плавает. Из ее чувств, несомненно, выше всего стоит слух, и кисточка на ее ушах может поэтому считаться вполне заслуженным украшением. Едва ли хуже слуха зрение, хотя новейшие наблюдения и не подтвердили ранее сложившееся мнение о необыкновенной зоркости рыси. Напротив, обоняние, как и у всех кошек, слабое: по крайней мере, рысь не может чують на значительных расстояниях и, наверное, не может отыскать какую-либо дичь с помощью одного лишь обоняния*. Она обладает развитыми вкусовыми ощущениями, о чем говорит выказываемая ею любовь к лакомству. Что касается чувства осязания, то рыси, находящиеся в неволе, довольно ясно демонстрируют, что они в этом отношении не уступают своим родичам из семейства кошачьих. Чувство осязания проявляется в тонкой чувствительности при каждом движении, а также и при отыскивании и поедании уже найденной и умерщвленной добычи. Усы на морде просто необходимы рыси, как и другим кошкам; она непременно ощупывает ими все, с чем ей приходится иметь дело. Духовные качества этого хищника всегда ставились высоко. «Рысь вообще хищное животное, подобное волку, но гораздо хитрее», — говорит старый Геснер. И, по-видимому, он совершенно прав, так как и все новейшие исследователи описывают ее как чрезвычайно осторожное, осмотрительное и хитрое животное, которое никогда не теряет

** Существуют свидетельства тропления рысью мелких копытных. Однако это, несомненно, уникально редкие события. Обычно рысь охотится «по-кошачьи», бросаясь на жертву из засады и в случае неудачи почти не преследует ее.*

присутствия духа и из всякого положения старается и умеет извлечь выгоду.

Прежние наблюдатели сравнивали голос рыси с воем собаки, но эта характеристика совсем неверна. Я слышал лишь крик рысей в неволе и должен сказать, что их голос очень трудно поддается описанию. Он громок, криклив, высок и отдаленно сходен с голосом влюбленных кошек. «Я много раз, — говорит Оскар фон Левис, — слышал крик не только моей ручной рыси, но и

диких рысей ночью в уединенных лесах. Но никогда нельзя было найти в голосе рыси хотя бы отдаленное сходство с голосом собаки. Крик рыси представляет собой скорее звук, сопровождающийся как бы плачем и ревом; он начинается высокой нотой и оканчивается глухо и низко; по звуку он более похож на рев медведя. Причиной крика у моих ручных и свободно бегавших рысей были голод и скука. Ворчание и фырканье, при которых животные высоко выгибали спину, были всегда знаком ярости и готовности защищаться. Тихое, тонкое, кошачье, беско-

Рысь
(*Lynx lynx*)

нечно тоскливое мяуканье моя рысь издавала, алчно и кровожадно наблюдая за голубями и курами или гибкими движениями подкрадываясь к дичи. Продолжительное мурлыканье и ворчание, издаваемые в то время, когда животное чувствовало себя хорошо (если, например, его гладили рукой), были такие же, как у домашней кошки, только более грубые и резкие».

По словам Нолькена, рысь — чисто ночной хищник; с наступлением дня она прячется и, если ей не помешают, то лежит до наступления темноты, чем существенно отличается от волка,

который по большей части снова начинает бродить уже около полудня. Для своего логовища она выбирает расщелину скалы или лесную чащу, иногда и большую яму, даже нору лисицы или барсука. Когда она хочет спрятаться или лечь, то обыкновенно подходит по какой-нибудь дороге к выбранной чаще и бросается в лес несколькими широкими прыжками. Если дорога проходит около самой лесной чащи, рысь иногда так далеко прыгает в нее, что снаружи вовсе не видно ее следов. Всегда она выбирает самые густые леса, например, чащу молодого хвойного леса, не особенно заботясь о происходящем вокруг движении. На основе наблюдений за поведением рыси на свободе и в неволе можно заключить, что она весь день по возможности лежит на одном месте. Она полуспит, как домашняя кошка, которая тоже обыкновенно дремлет целые часы кряду, но тем не менее замечает все, что делается вокруг нее. Тонкие чувства защищают рысь и во время такой дремоты от какого-либо неожиданного нападения. Я не раз убеждался на примере рыси, которую держал, что чувство слуха у нее было обостренным даже в то время, когда она казалась погруженной в самый глубокий сон. Малейший шорох заставлял ее поворачиваться в ту сторону, откуда слышался подозрительный шум, а закрытые глаза тотчас же открывались, если шум становился сильнее.

С наступлением сумерек рысь делается бодрой. Днем она кажется неподвижной, как изваяние; с наступлением вечера она сама жизнь и движение, но пускается на поиск добычи лишь ночью, часто останавливается и прислушивается, как кошка, которой надо перейти через открытое место, кажущееся ей небезопасным. По мере возможности рысь держится своего прежнего пути. Зимой она, по-видимому, делает так постоянно и именно ступает самым точным образом на свой старый след. Смешать ее следы со следами другого зверя может разве что человек, вовсе не знающий этого животного; след рыси велик, но не соответствует ее несоразмерно большим лапам: он больше, чем след волка, замечательно кругл и, так как нет отпечатка когтей, спереди туп; шаг относительно короток. Таким образом, следы тянутся полосой, которую легко узнает каждый, кто хоть раз видел следы рыси. Переходя с места на место и возвращаясь обратно, рысь ступает на старые следы; так же обычно поступают и несколько рысей, выходящих на охоту вместе.

Благодаря оригинальному сложению рыси, каждое ее движение кажется странным, в известном смысле даже неуклюжим. Мы привыкли видеть, что кошка — невысокое длиннохвостое млекопитающее и что движения ее соответствуют коротким ногам, то есть равномерны, не отрывисты, мягки и потому мало заметны. Рысь двигается иначе. Она, видимо, ступает твердо и шагает широко по сравнению с другими кошками. И хотя ей недостает отваги родичей, она вовсе не уступает им в ловкости, иску-

Семейство кошачьи

** Рысь — неплохой бегун на короткую дистанцию. Поэтому она довольно часто начинает охоту с расстояния до жертвы в 9—10 прыжков. Если атака сразу не удалась, кошка пробегает еще некоторое расстояние, делая с десяток коротких прыжков, но затем останавливается и бросает преследование.*

*** Рысь охотится на разных млекопитающих и птиц, предпочитая более крупных (до известных пределов). На равнинах рысь питается в основном зайцами, но если появляется возможность охотиться на копытных средней величины, рысь быстро переключается на этот источник корма.*

но лазает и превосходит всех других в быстроте и продолжительности движений, хотя вовсе не принадлежит к самым лучшим бегунам. На какие движения она способна, можно яснее всего видеть на свежевыпавшем снегу, там, где она бросалась на добычу*.

В довольно подробном отчете об охоте, когда была убита в горах Гарц последняя рысь, сказано: «Самое замечательное было то, как рысь в ночь на 17 марта поймала зайца; это было совершенно ясно видно по следам. Заяц сидел на опушке молодой еловой чащи, примыкавшей к большой поляне. Рысь подкралась к нему из чащи, вероятно, с подветренной стороны, но заяц, должно быть, рано заметил это и с возможной быстротой побежал по поляне. Рысь настигла его девятью громадными прыжками, футов по 13 в среднем. Хищник, следовательно, гнался за дичью как собака, и, как видно было по следам, зайцу не помогли прыжки в бок — его обыкновенное средство спасения. От бедняги нашли лишь задние лапки». Чтобы рысь несколькими прыжками преследовала дичь — это вообще редкое исключение. При всех нападениях, которые проследил Фрауенфельд, хищник не преследовал добычу, а тотчас же после неудачного прыжка спокойно шел дальше, как будто бы ничего не случилось. Нолькен, которому не раз удавалось находить места, где рысь подкрадывалась и откуда она бросалась на добычу, тоже никогда не наблюдал, чтобы она делала более трех или четырех широких прыжков; он говорит, что рысь никогда не преследует ускользнувшую от нее добычу.

Добычей рыси может служить, по-видимому, каждое животное, которое она способна каким-либо образом осилить. От мельчайших млекопитающих и птиц до косули или глухаря и дрофы едва ли какое-либо живое существо застраховано от ее нападений (на оленей, лосей и кабанов решаются нападать лишь очень сильные рыси). Крупную дичь рысь решительно предпочитает мелкой; так, например, мышей она, по-видимому, не ловит: по крайней мере, Нолькен никогда не замечал, исследуя ее однообразный прямой след, чтобы она обращала внимание на мышей. Тем не менее я полагаю, что и мышонок, пересекающий ей дорогу, не спасется от нее. Чтобы испытать ловкость рысей, я часто бросал особям, которых держал, живых воробьев, крыс и мышей, но ни разу не наблюдал, чтобы какое-нибудь из этих мелких животных могло ускользнуть от когтей хищника**.

На севере, где благородных оленей мало, а мелкой дичи много, рысь приносит относительно мало вреда; напротив, в странах умеренного пояса она становится одинаково ненавистной и охотнику, и пастуху, так как душит гораздо больше животных, чем ей нужно для еды. Она лишь слизывает с добычи кровь и поедает самые лакомые кусочки, оставляя остальное волкам и лисицам. Здесь она крайне редко возвращается к падали, между тем как в бедной дичью Лифляндии она, по словам Нолькена, очень охотно

ест ее и даже предпочитает на некоторое время залечь близ нее, оставив другую охоту*. Скотоводству в Лифляндии она причиняет мало вреда, хотя надо иметь в виду, что весь скот там загоняют перед вечером и поэтому она не имеет возможности похитить добычу из стад. Совершенно иное замечается в местностях, богатых дичью и стадами. В швейцарских Альпах рысь, по словам Шинца, подстерегает барсуков, сурков, зайцев, кроликов и мышей, подкрадывается в лесах к косулям, на скалах к сернам, ловит глухарей, рябчиков и горных тетеревов и хищнически забирается в стада овец, коз и телят. Богатый косулями парк может быть опустошен рысью, которая умеет долго укрываться от мстительного свинца охотника; в самых многочисленных стадах овец и коз она истребляет более одной десятой. Рысь, которая была поймана лесничим Виммером в Лихтенбергском лесу около Розенбаха, питалась преимущественно косулями и зайцами, но также нападала на серн и однажды ночью растерзала семь овец, в чем сначала подозревали медведя**. Истину установил охотник, осматривая на виде нанесенных ран. Как-то рысь растерзала восемь овец, но даже не тронула их мяса. Такие случаи нередки. Согласно Бехштейну, одна рысь умертвила за ночь тридцать овец; по Шинцу, другая за короткое время умертвила до сорока овец; по Чуди, третья, которая свирепствовала в горах Сунтали летом 1814 года, загрызла более 160 овец и коз. Нечего удивляться поэтому, что охотник и пастух одинаково стремятся как можно скорее поймать или убить рысь.

О размножении этого хищника не имеется достаточных данных. Говорят, что рыси обоего пола собираются вместе в январе — феврале, причем несколько самцов часто с громким криком сражаются из-за самки. Через десять недель после спаривания самка рождает двух, самое большее трех детенышей в глубоко скрытом логовище — расширенной барсучьей или лисьей норе, под нависшей скалой, между удобными корнями дерева и в тому подобных скрытых местах. Некоторое время детеныши бывают слепыми, а когда вырастут, мать кормит их мышами и мелкими птицами, учит охотиться и вообще готовит их к последующей хищнической жизни.

Содержащиеся в неволе рыси безусловно могут быть причислены к самым привлекательным кошкам. Я несколько раз держал рысей, однажды даже нашу и канадскую рысь вместе, наблюдал несколько других в различных зоологических садах и поэтому могу говорить на основании собственного опыта. По сравнению с другими представителями семейства кошачьих рыси кажутся угрюмыми, упрямыми и ленивыми; они лежат, как отлитые из меди статуи, почти без движения, половину дня на одном и том же месте. Каждое действие они выполняют с серьезным достоинством, разумным размышлением и железным спокойствием. Никогда они не позволяют себе, подобно другим кошкам, с жад-

** Рысь менее других кошек склонна есть падаль. Убив косулю или северного оленя, рысь может питаться ими в течение полутора недель, если они раньше не протухнут. Однако она не мастер прятать остатки своей трапезы, и они часто становятся добычей «нахлебников»: колонков, лис и т. д. Росомаха, взяв на себя роль «северной гиены», часто следует за рысью и отгоняет ее от только начатой добычи. Из-за этого рысь там, где охота для нее не представляет трудностей, убивает копытных почти ежедневно.*

*** Не исключено, что цифры сильно завышены, и к тому же рыси приписаны чужие грехи, чтобы оправдать охоту именно на нее.*

ностью прыгать за добычей, напротив, они спокойно и пристально смотрят на брошенный им кусок мяса, медленно приближаются к нему, схватывают его с быстротой молнии, учащенно и сильно виляют при этом своим коротким хвостом и едят, по-видимому, так же умеренно и спокойно, как благовоспитанный человек, не больше и не меньше, чем им нужно, и с пренебрежением отворачиваются от остатков.

Не только вследствие большого вреда, который рысь причиняет в охотничьих парках или на пастбищах Альп, но и ради удовольствия, которое получает истинный охотник, на рысь охотятся всюду, где она встречается. На севере каждую зиму на нее устраивается массовая охота. Охотятся четырьмя способами: с помощью капканов, снабженных хорошей приманкой; подражая голосу дичи — косуль и т.п.; путем облавы и, наконец, с помощью гончих. Расстановка капканов мало эффективна, так как рысь хотя и твердо держится известного ей удобного пути, но проходит слишком большое расстояние, чтобы можно было рассчитывать на верный успех; при этом она очень осторожно избегает ловушек, нередко достает из капкана приманку, не попадаясь, как правило, сама. Пойманная рысь впадает в беспримерную ярость, даже в настоящее бешенство. «Тем, кто ловит в капкан живых рысей, — говорит Кобелль, — часто случалось быть свидетелями их ярости, особенно если в капкан попадала лишь одна передняя лапа. По большей части рысь, стремясь освободиться, обрывает себе когти на свободной лапе и ломает клыки. Вернее могла бы привести к цели приманка путем подражания голосу животных, за которыми рысь охотится (косули, зайца или кролика), хотя на севере, по словам Нолькена, этот способ никогда не применяют.

Об охотах облавой столь же подробно, сколь и дельно, рассказывает Нолькен. «По большей части, — говорит он, — рысь легко окружить; однако иногда это представляет некоторые затруднения. Во время самого загона приходится действовать совершенно иначе, чем при охоте на лисицу. Лишь немногих животных можно так легко гнать, как лисицу; напротив, нет животного, которое было бы труднее гнать, чем рысь. Это обуславливается совершенно различным характером обоих животных. Рысь пугливый и осторожный хищник, но она в высокой степени обладает спокойствием и рассудительным присутствием духа, свойственными всем кошкам. Она избегает человека, но не боится шума. Поэтому-то часто устраивает свое логовище около самой проезжей дороги. Необходимо, следовательно, проходить по самой чаще: идя лишь по редкому лесу, ее вряд ли вспугнешь. Но надо иметь много загонщиков, иначе игра в прятки может тянуться без конца, и если кого-нибудь трудно увидеть, то это именно рысь. Стрелки должны быть особенно внимательны в то время, когда загонщики уже почти прошли: если рысь выйдет, то появится по боль-

шей части как можно позднее. Она идет по чаще почти всегда шагом, бесшумно скользя, как кошка, и очень легко и с быстротою молнии поворачивая назад».

Охота с гончей привлекательнее и вернее, чем охота с загонщиками. Для этого необходима хорошая, по возможности сильная и быстрая собака, годная для охоты на зайца; если к тому же она обладает свойством какое-то время гнать молча, то удовлетворяет всем требованиям охоты на рысь. Важнее всего, однако, быстрота; с медленной ищейкой тут ничего не поделаешь. Рысь умеет делать петли, возвращаться назад, прыгать в сторону; она взбегаёт по стволам наполовину упавших деревьев вдоль всего дерева и оттуда сильным прыжком бросается в сторону, в кусты, употребляет бесконечное множество других хитростей, чтобы обмануть собаку. По отношению к медлительному псу ей это в большинстве случаев удается, даже если сама и не идет особенно быстро. Она быстро бежит вообще лишь в том случае, если быстрая собака следует за ней по пятам и сильно беспокоит ее; имея дело с медлительной собакой, она вовсе не торопится, так как хорошо сознает свое превосходство в скорости. Лишь резвая собака может заставить ее покинуть чащу. Если слышно, что собака лает на месте, то охотникам следует поспешно приблизиться, осторожно подкрадываясь, чтобы не спугнуть рысь, остановившуюся на земле. Если рысь взобралась на дерево, то прежде всего ловят собаку и лишь затем стреляют, чтобы не дать собаке схватить еще, быть может, живого врага и подвергнуться таким образом большой опасности». По наблюдению одного из слуг вышеупомянутого превосходного охотника, рысь, защищаясь от собак, бросается на спину, пускает в дело все четыре лапы с большой ловкостью и часто с полным успехом*.

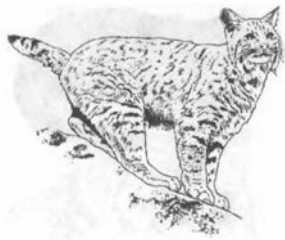
Обыкновенно рысь боязливо избегает столкновений с человеком; но если она ранена или загнана в узкое место, то храбро и отчаянно нападает на него и становится при этом вовсе не ничтожным противником. «В последних числах февраля, — рассказывает швед Аберг, — я нашел следы рыси. Так как эта местность часто посещалась волками, я надел на собаку попонку, усеянную гвоздями. После 2—3-часовой охоты рысь устала и остановилась недалеко от березы, где собака и лаяла на нее, пока я не подошел и не выстрелил, однако не совсем удачно. Выстрелить из другого ствола было невозможно, так как рысь одним прыжком бросилась на собаку. Началась жестокая борьба, которую я постарался прекратить своим вмешательством. Это удалось мне настолько, что рысь оставила собаку, но зато вцепилась когтями мне в поясницу. Когти ее показались мне очень острыми и неприятными, я сильно рванулся, стараясь оторвать от себя зверя, но вместо этого упал лицом в снег. Животное, не желавшее выпускать своей добычи, очутилось на мне; но собака спасла меня от незваного гостя и продолжала драться до тех пор, пока рысь,

Семейство кошачьи

** Одиночная собака может получить от рыси непреодолимый отпор и даже быть сразу убитой. Для того чтобы успешно взять рысь, ей должны быть противопоставлены 3—5 хорошо обученных собак.*

наконец, не сдалась. Собака сильно пострадала и, если бы попона не защищала ее грудь и шею, наверное, не вышла бы из этой битвы живой».

Шкура рыси принадлежит к числу ценных сортов меха; самыми красивыми и большими считаются шкуры скандинавских рысей. Сибирь ежегодно доставляет около 15 000 шкур, Европейская Россия и Скандинавия — около 9000. Шкуры восточносибирских рысей (особенно светлые), по словам Радде, идут исключительно в Китай; большой спрос на них существует у пограничных народов Монголии.

Мясо рыси всюду считалось и считается вкусной дичью. В конце XVI века граф Георг Эрнст фон Хеннеберг, по словам Ландау, послал двух рысей, убитых его охотниками, в Кассель ландграфу Вильгельму. «Мы посылаем их Вашей милости, — пишет он, — хорошо сохранными и надеемся, что они, благодаря продолжающейся еще зиме, могут быть доставлены Вашей милости свежими. Дружески просим Вашу милость благосклонно принять их и скушать на здоровье вместе с супругой Вашей и молодыми господами и желаем, чтобы Вы нашли их вкусными». Кобелль, из книги которого я заимствую эти данные, замечает, что еще во время Венского конгресса 1814—1815 годов часто подавалось на стол жаркое из рыси, а в 1819 году было отдано приказание поймать рысь для баварского короля, так как эта дичь должна была служить ему средством против головкружения. «В Лифляндии тоже, — пишет мне Оскар фон Левис, — мясо рыси охотно едят и даже высоко ценят многие, не только из рабочих классов, но и из высшего общества. Оно нежное и светлого цвета, похоже на лучшую телятину и не пахнет слишком сильно дичиной; его можно сравнить с мясом глухаря. Жители берегов Амура, а также все посещающие их монгольские и маньчжурские купцы считают его, по словам Радде, особенно вкусным, и даже женщинам позволено есть его, в противоположность мясу тигра».

В южной Европе рысь заменяется несколько меньшим ее родичем, **леопардовой**, или **пиренейской рысью** (*Lynx pardinus*)*. Прекрасный самец, убитый моим братом Рейнгольдом, врачом при посольстве в Мадриде, был длиной не менее 1 м, причем 15 см приходилось на хвост. Основной цвет довольно яркий рыжеватосерый; рисунок состоит из черных полос и рядов пятен. По общей окраске леопардовая рысь более похожа на сервала, чем на нашу рысь.

До настоящего времени не могли еще достаточно точно определить область распространения леопардовой рыси. По указаниям некоторых наблюдателей, она охватывает всю южную Европу и, следовательно, включает в себе три южных полуострова. Особенно часто встречается это животное на Пиренейском полуострове. «Здесь, — пишет мне мой брат, — оно встречается всюду,

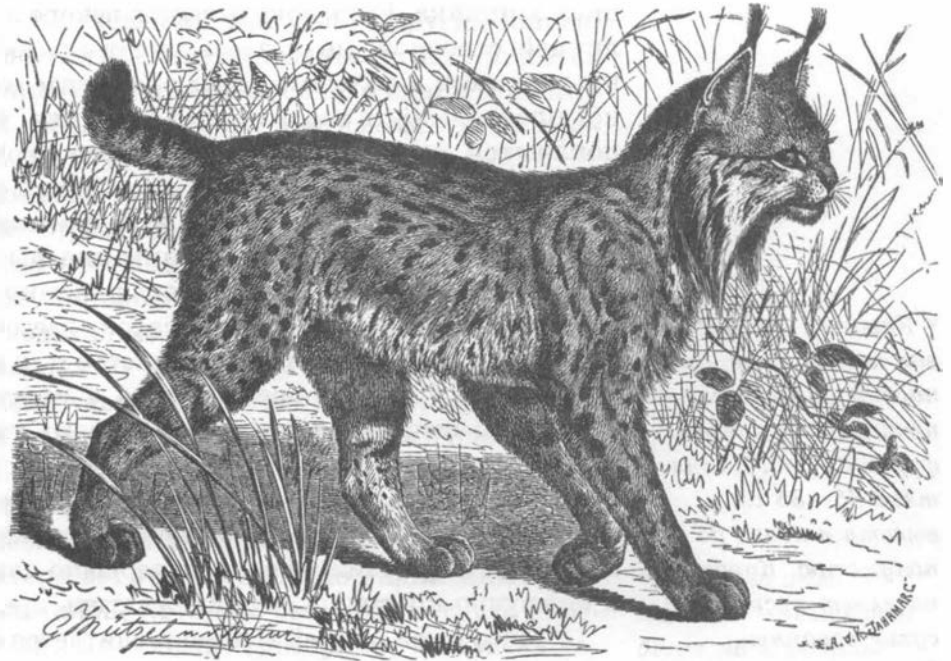
* Пиренейская рысь почти не уступает обычной рыси в размерах и отличается несколько более легким сложением и короткой шерстью. Населяет покрытые кустарниками и сухими лесами горы в Португалии и Южной Испании.

где есть сплошные леса, особенно часто там, где розмарин и кусты вечнозеленого дуба образуют чащи, в которых рысь, оставаясь по возможности невидимой и неслышной, может заниматься своей охотой. По моим наблюдениям, она чаще всего встречается в Эстремадуре, в горах, отделяющих Старую Кастилию от Новой, следовательно, на Сьерра-де-Гата, Беньяо-де-Франсиа, Сьерра-де-Гвигя, Сьерра-де-Гредос и Сьерра-де-Гвадаррама, далее в Арагоне, в южных Пиренеях и их отрогах, в Астурии; но она обитает также и в южной Испании, например, в Сьерра-Неваде и Сьерра-Морене и в виде отдельных экземпляров попадает даже в малонаселенных горах Мурсии и Валенсии. Леопардовая рысь встречается близ самого Мадрида и других городов. Поблизости от столицы она поселилась в королевском саду Прадо, ухоженном охотничьим парке, и простирает свои разбойничьи набеги нередко до самого города. В Эскуриале она посещает сады монастыря, хотя благодаря высокой стене может прокрадываться сюда лишь через сточные трубы и потому иногда попадает в поставленные здесь капканы»*.

«По своему поведению леопардовая рысь представляет, по-видимому, точную копию своего северного сородича. Она точно так же умеет отлично прятаться и при малейшей опасности прокрадывается, столь тщательно прячась, что неопытному наблюдателю или охотнику лишь редко может представиться случай видеть ее. Благоприятные обстоятельства, в которых она живет, позволяют ей пребывать непосредственно вблизи людей. Главная пища ее состоит из диких кроликов, которыми Испания, как известно, богаче любой другой страны Европы, и лишь крайне редко она нападает на мелких домашних животных. Не приходится также слышать жалоб на то, что она причиняет заметный вред более крупной дичи. Пока в местности, где она обитает, есть кролики, она охотится на них и не заботится о другой добыче. Опустошив уже «освоенную» ею область, рысь направляется в другую, богатую кроликами.

Семейство кошачьи

* На большей части ареала рысь исчезла полностью; к настоящему времени сохранилось не более 1000 этих кошек. Охраняются законом в местах обитания.

Пиренейская рысь
(*Lynx pardinus*)

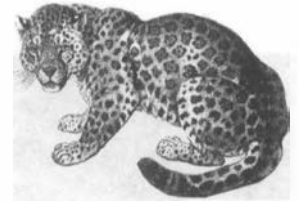
* *Каракал — красивая кошка, сходная с настоящими рысьями пропорциями тела и формой ушей. Длина тела 65—85 см, высота в холке до полуметра. Каракал населяет пустыни и сухие саванны. Распространен в Средней Азии, на Ближнем Востоке и почти по всей Африке. Питается зайцами, грызунами и птицами, последних в прыжке часто хватая на лету. В Азии каракалы стали крайне редкими животными и нуждаются во всемерной охране.*

«В начале марта самка леопардовой рыси мечет 3—4 детенышей, обычно в труднодоступной глубокой расщелине скалы. Если это логовище откроет или близ него появится человек, мать переносит детенышей в другое скрытое место. Охотники, которые находили рысят, опасаясь столкновения с матерью, не решались тотчас же брать их. Когда они возвращались затем на это место, логовище оказывалось пустым. Детеныши, ставшие самостоятельными и научившиеся охотиться, остаются при матери до осени и, вероятно, отделяются от нее лишь при ближайшей течке.

Большую часть леопардовых рысей подстреливают во время облав, отдельных рысей убивают случайно в ходе охоты на кроликов, других приманивают, подражая крику кролика; последний способ, как правило, дает хорошие результаты. На облавах охотник должен с напряженным вниманием следить за появлением хищника. Рысь показывается вскоре после начала гона перед линией стрелков, но и здесь умеет превосходно прятаться. Открытых мест и больших дорог она всегда избегает и скорее рискнет проскользнуть возле самого охотника, чем хоть на мгновение покажется на открытом месте. Превосходный слух все время доставляет ей точные сведения о состоянии облавы, и потому стрелок, не умеющий стоять тихо и без движения, тщетно будет ждать ее. Еще занимательнее приманивание рысей, для чего служит дудка, которая издает звуки, очень напоминающие кролика. Охотник отправляется в кроличий садок, где он подозревает присутствие рыси, выбирает здесь скалистое или густо обросшее кустами место и замечает время, когда у крестьян бывает сиеста, а потому на большом пространстве царит тишина. Хорошо спрятавшись за камнями или в кустах, он начинает время от времени дудеть; если поблизости находится рысь, то приманка почти всегда имеет успех. Уже после первого звука хищник выходит из логовища и приближается, непрерывно двигая ушами и глазами и беззвучно крадучись, чтобы схватить предполагаемую добычу.

Мясо рыси во всей Испании считается большим лакомством, причем не исключительно среди простонародья, а и среди образованных классов. Оно белого цвета и, как говорят, похоже по вкусу на телятину. Я никогда не мог решиться отведать его. Шкура рыси в большом ходу и употребляется преимущественно для шитья курток и шапок, которые особенно часто носят лица, принимающие участие в бое быков, кучера omnibusов, цыгане и другие люди, занимающиеся лошадьми. В один Мадрид ежегодно доставляется около 200—300 шкур леопардовых рысей, убитых в ближних горах».

Степная рысь, или каракал (*Lynx caracal*)*, — прекрасное животное, длина тела которого равняется 65—75 см, длина хвоста 25 см, высота плеч 40—45 см. От других рысей каракал отличается тонким телом, высокими ногами, длинными, узкими, заостренными ушами, которые, как у всех северных представителей рода,

снабжены большими кисточками, и плотно прилегающей шерстью. Каракал — настоящее дитя степи и пустыни, он хорошо приспособлен к их условиям. Фигура у него худощавее и тоньше, чем у его северных сородичей, ноги выше, что позволяет ему особенно быстро бегать, уши относительно большие и приспособлены к тому, чтобы прислушиваться на далеких расстояниях. Цвет его шерсти — цвет пустыни, темно- или светло-серовато-желтый, без пятен; лишь на горле и на брюхе он приближается к беловатому и прерывается большим черным пятном на верхней губе, а также черными полосами, которые тянутся от края носа к глазу. В зависимости от местности, где живет каракал, его окраска бывает то темнее, то светлее, вероятно, соответственно цвету почвы, так что можно встретить у него все оттенки от буланого до буровато-рыжего. Гармония окраски с окружающей средой обнаруживается у него столь же отчетливо, как у всех других кошек. Каракал имеет на шкурке пятна, лишь позднее он их лишается полностью. Пятнистое животное, крадущееся по одноцветной песчаной почве пустыни, в светлую ночь легче могло бы быть замечено.

Область распространения каракала велика. Он населяет всю Африку, а также южные страны Азии, включая Индию, притом преимущественно районы пустынь и степей; лесов он избегает совершенно. В Индии он, по словам Блэнфорда, нигде часто не встречается и вовсе не водится на Малабарском берегу, в Бенгалии и в восточных Гималаях. О жизни его на свободе мы знаем еще очень мало. Шпарман утверждает, что каракал ночью подкрадывается к птицам, а днем стаями охотится на более крупных животных, но оба сообщения лишены всякого основания. Как уверяли меня жители южной Нубии, эта «кошка пустыни» живет поодиночке и довольствуется охотой на мелких млекопитающих и птиц, но подстерегает также, подобно индийским каракалам, и более мелких антилоп, которым без особого труда перекусывает шейные артерии. По словам Тристрама, в оазисах северной Сахары каракал нежелательный посетитель курятников, где он производит большие опустошения. По мнению всех охотников восточного Судана, каракал — крайне злобное существо*.

С учетом его небольших размеров каракала можно назвать самым сердитым и неукротимым видом этого рода семейства. Я часто наблюдал его в неволе, но никогда не мог найти в нем привлекательной стороны. Стоит только подойти к клетке, в которой он лежит, по-видимому, спокойно, чтобы тут же возбудить его гнев. Он сердито вскакивает и с фырканием бросается на зрителя, как бы желая разорвать его своими острыми когтями, или же ложится на землю в самом заднем углу своей тюрьмы, прижимает свои длинные уши, оттягивает губы, фыркает и ворчит без конца. При этом его сверкающие глаза с такой бешеной злобой смотрят на человека, что нельзя винить древних за то, что они

* Подобно рыси, каракал — быстрый бегун на короткой дистанции, где он может догнать даже зайца-песчаника, но долго бежать он не может. Поэтому, как и прочие кошки, скрадывает добычу, сидя в засаде. Активен преимущественно в сумерках и ночью, днем же прячется в тени под кустами или скалами.

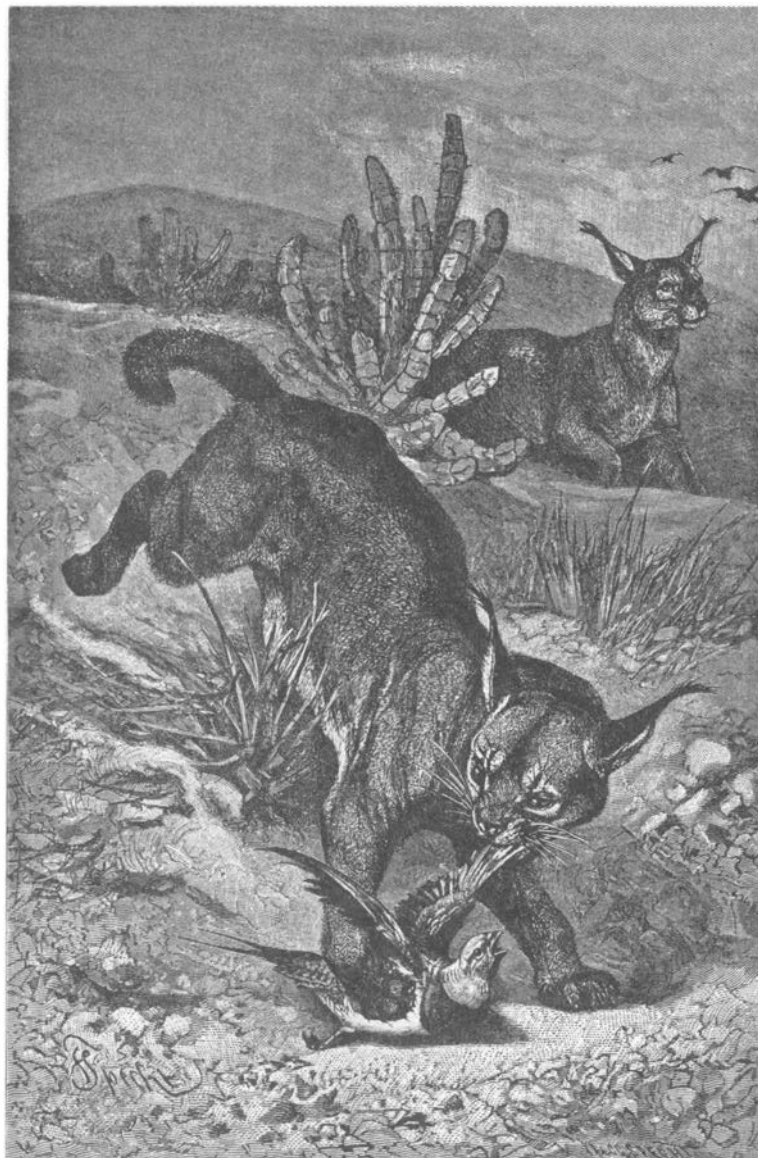
приписывали этим глазам даже волшебную силу. Несмотря на злобность характера, каракал все-таки поддается приручению. Приручали ли его древние египтяне, которые прекрасно изображали его на своих памятниках и бальзамировали, остается под вопросом, но из различных рассказов древних путешественников следует, что, по-видимому, некоторые азиатские народы издавна дрессировали для охоты наряду с гепардом и каракалом.

«У татарского царя есть, говорят, леопарды и рыси, которых он использует для охоты, — пишет Геснер, повторяя, вероятно, данные Марко Поло. И поныне в Индии, где каракала считают вполне приручаемым, его дрессируют для ловли мелких оленей, антилоп, лисиц, зайцев, павлинов, журавлей и более мелких птиц. Некоторые индийские князья держали каракалов в довольно большом числе для охотничьих целей, так как они во многих отношениях считаются более пригодными для этого, чем гепарды. Любимое удовольствие в некоторых районах Индии заключается, по словам Блейта, в том, чтобы биться об заклад, сколько птиц могут задушить каракалы за очень короткое время. Их выпускают на стаю голубей, сидящих на земле, и самый проворный каракал успевает задушить часто до дюжины голубей. Тот, чья добыча больше всего, — победитель, и его хозяин получает приз.

На мысе Доброй Надежды еще в XVIII столетии высоко ценили шкуру каракала, так как приписывали ей целебные свойства против ломоты в конечностях

и подагры. Такие шкуры за хорошую цену продавались и в Европе. В настоящее время этот товар почти совершенно исчез с нашего рынка.

«В некоторых частях североамериканских штатов Мэн и Нью-Гэмпшир, — рассказывает Одюбон, — есть пространства, ко-

Каракал
(*Lynx caracal*)

торые прежде были покрыты большими деревьями, но, опустошенные впоследствии огнем, представляют ныне крайне печальный вид. Насколько хватает глаз, видишь во всех направлениях высокие, почерневшие, прямые стволы. Ветви, наполовину обгоревшие и обуглившиеся, наполовину сгнившие и истлевшие, покрывают землю. Между этими остатками и возник новый растительный мир; природа снова начала заменять уничтоженное и на некоторых пространствах образовался густой подлесок. Тот, кто вступает в такой лес, с трудом пролагает себе путь: здесь нужно то перелезть через стволы, то проползть под ними или идти по одному из упавших, чтобы избежать встречающихся препятствий. В таких лесах охотнику, внимание которого привлекали до сих пор лишь дикие индейки и другие птицы, случается видеть, как большое млекопитающее медленно и неслышно движется, стараясь спрятаться от неприятного нарушителя тишины. Сведущий человек узнает в нем рысь, которая достаточно хитра для того, чтобы с возможной поспешностью отступить перед своим опаснейшим врагом. Случается, что животное, лежа на толстой ветви, закрытое густой листвой, пропускает охотника мимо себя, не делая ни одного движения и вообще ничем не обнаруживая своего присутствия. Внимательно устремив на врага глаза и уши, оно замечает каждый его шаг, как бы оценивает каждое его действие и ни малейшее движение не выдает напряженного внимания хищника».

Тот вид, который изображает нам писатель-художник — не что иное, как **канадская рысь** (*Lynx canadensis*)*, один из важнейших пушных зверей Америки. Вполне взрослый самец достигает общей длины 1,15 м, из которых около 13 см приходится на хвост, при высоте плеч около 55 см; следовательно, канадская рысь несколько меньше нашей рыси. Мех длиннее и гуще, чем у европейского вида, борода и кисточки на ушах более развиты, отдельные волосы мягки и на конце окрашены иначе, чем при основании. Буроватый с серебристо-серым цвет — преобладающая окраска; пятна почти незаметны на спине, а на боках отмечены слабо. Нос мясного цвета. Летом шерсть имеет более рыжеватый оттенок, зимой более серебристо-белый.

Область распространения канадской рыси охватывает север Америки, на юг простирается до Великих озер, на запад до Скалистых гор. Живет она в лесистых краях. Образ жизни такой же, как у нашей рыси. По описанию Ричардсона, полярная рысь отличается трусостью и не отваживается нападать на более крупных млекопитающих, а охотится лишь за зайцами и мелкими грызунами или птицами. От человека и собак она всегда бежит; если ее остановят, то она оцетинивается при нападении, как все кошки, грозно фыркает, но ее легко тем не менее победить, даже убить палкой. Благодаря тому что она не очень опасна, за нею усиленно охотятся. Одюбон, который подробнее описывает жи-

* Канадская рысь заменяет обычную рысь в таежных лесах Канады и севера США. Она очень похожа по размеру и пропорциям на своего азиатского сородича и ведет сходный образ жизни. Некоторые ученые считают ее лишь расой обыкновенной рыси.

ных вопросов не имеет для нас никакого значения, так как образ жизни, нравы и привычки всех охотничьих леопардов в главных чертах, по-видимому, одни и те же*. Гепард очень худощав, ноги гораздо выше, чем у настоящих кошек, голова мала и скорее вытянута, как у собак, чем округлена, как у кошек; уши широки и невелики, глаза отличаются круглым зрачком, мех довольно длинен и взъерошен, особенно на спине; основной цвет меха — очень светлый желтовато-серый; на этом фоне находятся черные и бурые пятна, которые на спине тесно сближены и даже почти сливаются между собой, продолжаясь на брюхе и даже отчасти покрывая хвост, ближе к концу его соединяясь между собой в кольца. Длина тела достигает, по Жердону, 137 см, длина хвоста 76 см, высота в загривке 76—84 см.

Гепард водится во всей юго-западной Азии и в Африке**. «Охотничий леопард, — пишет А. Вальтер, — обыкновенен в Персии и Туркестане. Постоянной северо-западной границей его распространения служит восточный берег Каспийского моря и северная часть плато Устюрт, между Аральским и Каспийским морями. Горы и леса северо-западной Персии преграждают ему доступ в Закавказье». Он встречается на большей части полуострова Индостан, но, по словам Блэнфорда, не севернее Ганги; наверное, он не встречается также на Малабарском берегу; по Сандерсону, его почти не знают уже в Майсуре***. Гепард — степное животное, которое должно добывать себе пищу более быстротой, чем силой. На вид это нечто среднее между собакой и кошкой. Движения гепарда существенно отличаются от движений кошки. Правда, он умеет ползти, плотно прижавшись к земле и согнув длинные ноги, но и это он делает скорее по-лисьи или по-волчьи, чем по-кошачьи. По сравнению с кошкой гепард ступает твердо и делает большие шаги. Если он ускоряет свое движение, то бежит как борзая собака; ее он напоминает и тогда, когда делает большие прыжки, так как он не только совершает несколько прыжков и затем останавливается, но иногда передвигается прыжками на значительном расстоянии. Одной способностью, свойственной большинству кошек, он не обладает вовсе: гепард не в состоянии лазать и если ему надо добраться до высокого предмета, то ему приходится ограничиваться одним, правда, очень большим, прыжком. Умеет ли он также плавать, на это нет указаний ни у одного наблюдателя. Голос его тоже совершенно своеобразен. Гепард подолгу мурлыкает, как домашняя кошка, только несколько грубее и глубже; в раздражении он фыркает, как и его сородичи, так же свирепо щелкает зубами и издает при этом глухое ворчание; кроме того, он издает еще своеобразные жалобные звуки, которые Блейт сравнивает с блеянием козы.

Пища охотничьего леопарда состоит главным образом из небольших жвачных животных, которые водятся на его родине;

* Все виды ныне сведены в один вид — *Acinonyx jubatus*. В некоторых популяциях гепардов у одной самки могут рождаться сразу и обычные, пятнистые, и полосатые котята.

** Гепард распространен в пустынях и сухих саваннах Средней Азии, Ближнего Востока и всей Африки. В настоящее время азиатский гепард практически исчез. В ряде мест Африки гепарды относительно обычны.

*** В Индии гепарды исчезли уже в XIX в. Последние сообщения о встречах гепардов в Туркмении относятся к 1960-м годам.

Семейство кошачьи

** На короткой дистанции гепард развивает скорость до 112 км/час (иногда указывается даже цифра 148 км/час), однако такой темп он может держать не более нескольких сотен метров. Охота для гепарда — более трудное дело, чем для других крупных кошек. Тонкие длинные ноги его плохо приспособлены для удержания крупной добычи, а короткие клыки не дают возможности быстро задушить жертву, которая, даже схваченная за горло, имеет еще шанс вырваться или нанести гепарду травму. Поэтому гепард очень придирчив в выборе потенциальной жертвы. Если атака не удалась, гепард долго приходит в себя от пережитого напряжения, прежде чем вновь начать охоту. Такова истинная цена «охотничьего искусства» гепарда, по крайней мере, когда он охотится в одиночку.*

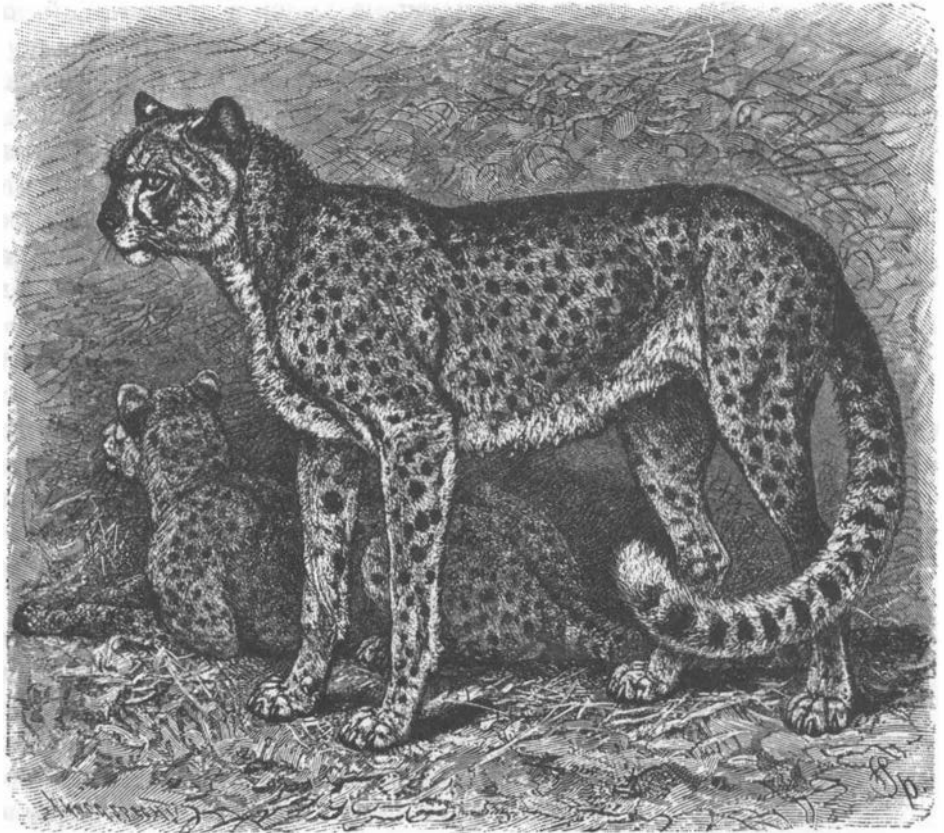
ими он умеет овладевать очень ловко. Любимейшую его добычу составляют антилопы; леопард и встречается чаще всего поблизости от тех мест, которые они предпочитают. Обычно он живет между скал на невысоких холмах. Знатоки утверждают, что на не очень больших расстояниях леопард — самое быстрое из всех млекопитающих*. Но он пользуется и хитростью, чтобы добраться до своей добычи. Заметив стадо пасущихся антилоп или оленей, гепард прижимается к земле и ползет, как змея, беззвучно, но быстро, чтобы жертва не успела его заметить. При этом никогда не подкрадывается с наветренной стороны, лежит тихо и без движения, как только вожак стада поднимает голову, чтобы осмотреться. Подкравшись как можно ближе, выбирает животное, стоящее удобнее всего, и с бешеной быстротой устремляется на него, гонится за бегущим, ударами лапы по ногам сбивает его на землю и хватает за горло. Если он может подкрасться лишь на расстояние хорошего ружейного выстрела, то и тогда, полагаясь на свою быстроту, не колеблясь преследует бегущую жертву. Зоолог Мэк Мэстер как очевидец рассказывает, что один гепард, который мог незаметно приблизиться к антилопе лишь на 200 шагов, тем не менее догнал и свалил ее на протяжении менее 500 шагов. Тот же зоолог и Бальдвин рассказывают на основании собственного опыта, что охотничий леопард, вначале быстрый как стрела, скоро устает при более продолжительном беге, и лошадь быстро догоняет его. Он старается тогда спрятаться и лишь редко оказывает серьезное сопротивление, когда всадники колют его с седла копьями.

Прирожденная хитрость и способность к охоте побудили человека к попытке воспользоваться охотничьим искусством этого животного. С помощью примитивной дрессировки охотничий леопард стал прекрасным охотничьим животным, которое едва ли уступает благородному соколу. Во всей Ост-Индии его считают прекрасным помощником на охоте. Персидский шах получает охотничьих леопардов из Аравии и держит их в особом доме. Иозеф Барбаро видел в 1474 году у князя Армении 100 охотничьих леопардов. В Европе тоже использовали гепарда для охоты. Доктор Конрат Геснер слышал от кого-то следующее: «Король Франции держал леопардов двух родов, которые отличались лишь величиной. Большой был величиной с теленка, несколько ниже, но зато длиннее; меньший же имел размеры собаки. Иногда, когда король хотел потешиться, сторож брал на охоту меньшего леопарда. Привязав его на цепь, он сажал его на подушке, сзади на лошадь. Затем леопарда спускали с цепи и пускали перед ним зайца, которого он тотчас ловил, делая несколько больших прыжков, и разрывал на части. Когда же охотник или сторож снова хотели привязать леопарда, приходилось подходить к нему задом, чтобы леопард не мог видеть лица человека, предлагать ему кусочек мяса, просовывая его между ногами, и этим задабривать

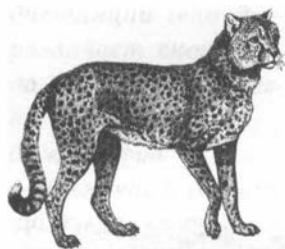
зверя; потом его привязывали на цепь, гладили, отводили к лошади, на которую он сам без труда вспрыгивал и занимал свое место». Что это описание может относиться лишь к гепарду, не подлежит никакому сомнению. Австрийский государь Леопольд I, император Священной Римской империи, получил в подарок от турецкого султана двух дрессированных гепардов, с которыми часто охотился. Монгольские ханы часто брали с собой на большую охоту до 1000 гепардов. Еще и теперь некоторые князья в Индии содержат этих животных. Особые люди занимаются их дрессировкой и их использование на охоте предполагает присутствие очень опытных охотников, которые занимают приблизительно такое же почетное положение, как наши прежние сокольничьи. Можно представить, как дорого обходится это охотничье удовольствие.

Гейглин подтверждает свидетельства старых путешественников, что гепарда в прежнее время дрессировали для охоты и в Абиссинии, а Гартман указывает на точность известного изображения алжирского бедуина с ручным гепардом, которого он собирается спустить на пасущееся вдали стадо газелей. Фондер-Деккен уверял меня, что видел у арабов северной Сахары ручных и обученных охотничьих леопардов. В северо-восточной Африке, по наблюдениям моим и других путешественников, это животное в настоящее время больше не используется для охоты.

В Индии гепарду перед охотой завязывают глаза, сажают на привязь из тонкой веревки, помещают на легкую двухколесную телегу. Затем отправляются в те места, где водятся олени или антилопы и стараются, насколько возможно, приблизиться к какому-нибудь стаду. Обычно даже самые пугливые животные те-

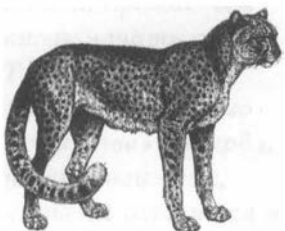
Гепард
(*Acinonyx jubatus*)

легу подпускают гораздо ближе, чем пешеходов, поэтому к стаду можно подъехать шагов за 200 или 300. Как только охотники достаточно приблизились, они снимают с глаз гепарда повязку и выразительными жестами и тихим подуськиванием обращают внимание зверя на добычу. Едва животное ее завидит, как в нем просыпается инстинкт к охоте и во всей полноте обнаруживается его естественная хитрость. Изящно, невидимо и неслышно выползает гепард из телеги, осторожно крадется к стаду, пока оно не обращается в бегство или он сам не будет уверен в успешности охоты. Если нападение удастся, гепард хватается добычу за горло и валит на землю. Хозяин подбегает, перерезает добыче горло, собирает вытекающую кровь в деревянный сосуд, дает ее гепарду и снова завязывает ему глаза. Впрочем, по наблюдениям Винья и Гамильтона, не все гепарды подкрадываются к добыче; некоторые сразу гонятся за ней, приравливая свои движения к движениям преследуемого животного, подобно ему идут рысью или галопом, пока не решатся наконец напасть. Более 500 шагов гепард, видимо, и не гонится; обычно он пробегает лишь половину этого расстояния, а повалив добычу, останавливается и в крайнем возбуждении несколько минут ходит взад и вперед, после чего прислужник снова забирает его.

Не всегда удается заполучить намеченную добычу. Когда принц Уэльский в 1875—1876 годах объезжал Индию, ему, конечно, предоставили лучших охотничьих леопардов, но охоты тем не менее были не всегда удачны. Два гепарда, спущенные из телеги, правда, поймали по антилопе, но третий, которого подвели к стаду на 60 шагов, прекратил гон после напрасного преследования самца антилопы на расстоянии 500 шагов. Рюппель, один из спутников принца, так описывает казусы на королевской охоте. «Один гепард, спущенный на антилопу, вместо нее погнался за собакой. Собака обернулась, и гепард обратился в бегство. Рысь (вероятно, каракал) была натравлена на лисицу, но эта последняя выказала храбрость и собралась дать отпор рыси, однако в конце концов рысь и лисица посмотрели друг на друга и мирно разошлись. Даже выпущенных зайцев рыси не всегда хотели преследовать; напротив, соколы по всем правилам искусства убивали каждого зайца, на которых их выпускали».

Должно казаться очень странным, что крайне мало известно о жизни на свободе этой кошки, которую так часто приручают; даже о ее размножении почти ничего неизвестно. Я напрасно расспрашивал об этом кочевников в Африке; эти люди, которые отлично знают гепардов, могли сказать мне только, что их ловят силками и, несмотря на первоначальную дикость, в короткое время приручают. Стерндаль рассказывает несколько больше о гепардах Индии. По его словам, детеныши, за исключением черной полоски на носу, чисто-серого цвета; однако можно ясно заметить будущие крапины, удалив верхние волосы. Он

говорит далее, и все его товарищи по профессии согласны с ним, что для охоты никогда не дрессируют детенышей, а ловят для этого лишь взрослых животных, так как, по мнению индийцев, детеныши лишь при полной свободе и под руководством старых гепардов могут стать хорошими охотничьими животными*. Наблюдения Жердона, во всяком случае, не противоречат этому. Он удачно обучил охоте на добытых для этой цели антилопах своего воспитанного с юности, очень ручного гепарда, который скоро стал своевольно нападать на овец и ослов, причем часто терпел неудачи. Гепард хотя и гнался за ними и догонял убегавшую добычу, не относился к охоте «серьезно», не всегда сваливал преследуемое животное и некрепко держал добычу. Может быть, его и удалось бы приучить к этому, но хозяину пришлось прекратить воспитание, так как он должен был уехать по служебным делам.

По словам туземцев, гепард наедается лишь раз в три дня, но до отвала, и прячется тогда в своем логовище, чтобы спать и переваривать пищу. На третий день он отправляется к определенному дереву, куда приходят и другие животные того же вида, чтобы здесь играть, царапать кору и точить когти. В этом рассказе должна заключаться известная доля правды, так как около таких хорошо известных деревьев его и ловят способом, который Стерндаль описывает со слов очевидца. Английский охотник сопровождал туземцев к известному дереву. Здесь, шагов на 12 вокруг было укреплено на земле на деревянных гвоздях множество петель, какие употребляются для ловли антилоп. Затем охотники спрятались за своего рода плетнем из ветвей, поставленным в 80 шагах, и стали внимательно караулить. Когда солнце стало садиться, на расстоянии около 500 шагов показались четыре гепарда — два больших и два меньше, вероятно, одно семейство; они гонялись друг за другом, играли. Скоро подбежали к дереву; большие гепарды находились далеко впереди и тотчас запутались лапами в петлях. Охотники подбежали, бросили попоны на головы пойманных, связали им ноги и надели кожаные покрывала на головы, причем один неловкий туземец был сильно укушен в руку. Самка оказалась гораздо непокорнее самца. Пойманных отвезли в деревню на подъяхавших телегах, запряженных быками. Здесь воспитание их началось с того, что женщины и дети изо дня в день, смеясь и болтая, находились около них, чтобы прежде всего приучить их к человеческому голосу. Приблизительно через 6 месяцев подготовки они становятся годны для охоты и покупаются любителями за хорошую плату. Их никогда не держат в клетках, а всегда, как собак, на привязи.

В наших зоологических садах и зверинцах гепард редко живет долгое время**. Он, правда, не более требователен к пище, чем другие представители того же семейства, равные ему по ве-

** Сроки размножения гепарда в природе не известны, возможно, различны в разных местах. Беременность 84—95 дней, детенышей в помете 2—4. Новорожденные котята не имеют пятнистого рисунка, на спине у них шерсть длиннее, чем на других частях тела, и имеет серебристо-белый цвет. Подросшие детеныши до 2—3 лет остаются с матерью, да и позже долгое время могут держаться и охотиться вместе.*

*** В настоящее время гепарды в большом числе живут во множестве зоопарков и сафари-парков по всему миру и успешно в них размножаются.*

*Семейство
кошачьи*

личине, но нежнее и менее вынослив. При суровой погоде он очень страдает, не менее терзает его и пребывание в тесной клетке. Тепло и возможность свободно двигаться — необходимые условия его благополучия; но в зоопарках и зверинцах соблюдать их трудно. При неблагоприятных условиях гепард по большей части скоро хиреет. Насколько мне известно, он еще не размножался в неволе в Европе; в Индии, по-видимому, этого тоже не случилось.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Русские названия

- Агуара, 560
Адьяг, 451
Ай, 120
- Бабуин, 355
Бандикут
 длинноносый, 79
 кроличий, 78
 свиноногий, 80
Бандикутовые, семейство, 78—81
Барибал, 549
Барсук, 614
Барсук вонючий, яванский, 625
Белодушка, 573
Белозубка
 длиннохвостая, 166
 малая, 167
 обыкновенная, 166
Бинтуронг, 681
Бируанг, 548
Броненосец
 гигантский, 137
 плащеносный, 138
 трехпоясный, 134
 шестипоясный, 129
 щетиный, 129
Броненосцевые, семейство, 126—142
Бурозубка обыкновенная, 162
- Валуви, 254
Вампир
 ложный, 213
 обыкновенный, 221
Вампировые, семейство, 215—221
Вандеру, 368
Вари, 247
Вечерница рыжая, 229
- Виверровые, семейство, 650—684
Волк, 410
Волк
 горный, 452
 гривистый, 433
 земляной, 697
 красный, 449
 луговой, 433
 пестрый, 442
 сумчатый, 76
 тасманийский, 76
Волки сумчатые, семейство, 76—78
Волчи, семейство, 408—507
Вомбат
 голоносый, 108
 длинношерстный, 108
 короткошерстный, 108
 шерстоносый, 108
Вомбатовые, семейство, 107—109
Выдра
 гигантская, 641
 морская, 642
 речная, 633
Выхухоль
 пиренейская, 182
 русская, 182
- Галаго
 обыкновенный, 270
 сенегальский, 270
 толстохвостый, 271
Галаговые, семейство, 269—273
Гамадрил, 358
Гвереча, 326
Гелада, 363
Генета обыкновенная, 671

Гепард, 814
Гиббон
 белобровый, 370
 белорукий, 370
 быстрый, 371
 чернорукий, 371
Гиббоновые, семейство, 369—377
Гиена
 бурая, 694
 полосатая, 694
 пятнистая, 689
Гиеновые, семейство, 684—698
Горилла, 384
Горностай, 588
Гризли, 524
Гуар, 433
Гульман, 317

Десмод, 221
Динго, 461
Долгопят-привидение, 273
Долгопятовые, семейство, 273—276
Дрил, 365
Дьявол сумчатый, 71

Ёж
 европейский, 150
 обыкновенный, 150

Ежовые, семейство, 149—160
Енот-крабод, 560
Енот-полоскун, 557
Енотовые, семейство, 553—567
Ехидна австралийская, 45
Ехидновые, семейство, 44—49

Землеройка
 водяная, 167
 домовая, 166
Землеройковые, семейство, 160—170
Зорилла, 600

Игрунка
 карликовая, 313
 львиная, 314
 обыкновенная, 311
 серебристая, 311
 черноухая, 311
Игрунковые, семейство, 308—316
Индри хохлатый, 256
Индриевые, семейство, 256
Ирбис, 773
Ихневмон, 653

Какомицли
 североамериканский, 553
 центральноамериканский, 553
Калан, 642
Калонг, 206
Кама, 499
Капуцин
 белогрудый, 293
 белоплечий, 293
 обыкновенный, 293
Каракал, 810
Катта, 251
Кахау, 324
Кволл, 70
Кенгуровые, семейство, 90—105
Кенгуру
 восточный серый, 96
 длинноухий, 100
 желтоногий, 99
 исполинский, 96
 кистехвостый, 102
 кистехвостый скалистый, 98
 кольцехвостый, 99
 медвежий, 101
 мускусный, 104
 обыкновенный заячий, 100
 скалистый, 99
Кинкажу, 564
Коала, 105
Коаловые, семейство, 105—107
Коата
 светлолобая, 289
 черная, 288
Коати, 561
Койот, 433
Колзун, 449
Колобус
 восточный, 326
 королевский, 329
 черный, 329
Короткохвост, 625
Корсак, 497
Кот камышовый, 797
Кошачьи, семейство, 698—820
Кошка
 бенгальская, 776
 дикая, 727
 длиннохвостая, 795
 домашняя, 737
 карликовая, 776
 крапчатая, 775

- Мангуст**
 египетский, 653
 желтый, 666
 индийский, 657
 полосатый, 661
 яванский, 661
Мангуст-крабоед, 664
Мандрил, 364
Мартышка
 бородатая, 337
 мона, 337
Мартышка-гусар, 337
Мартышка-диана, 337
Мартышковые, семейство, 316—369
Медведь
 белогрудый, 545
 белый, 528
 бурый, обыкновенный, 510
 гималайский, 545
 малайский, 548
 полярный, 528
 сумчатый, 105
 черный, 549
Медведь-губач, 539
Медвежьи, семейство, 507—552
Медоед, 622
Медоед индийский, 624
Мирикина, 305
Муравьед
 гигантский, 112
 двупалый, 117
 карликовый, 117
 сумчатый, 74
 трехпалый, 112
 четырехпалый, 115
Муравьедовые, семейство, 111—119
Муравьеды сумчатые, семейство, 74—75
Мусанг
 малайский, 676
 обыкновенный, 675
Мышехвостовые, семейство, 210—211
Мыши летучие, подотряд, 210—230
Мыши летучие обыкновенные,
 семейство, 222—230
Мышь
 летучая водяная, 224
 сумчатая желтоногая, 69
Намбат, 74
Насекомоядные, отряд, 143—184
Неполнозубые, отряд, 111—142
Нетопырь-карлик, 222
Норка
 американская, 603
 европейская, 603
Носач, 324
Носуха
 белоносая, 561
 обыкновенная, 561
Ночница водяная, 224
Обезьяна
 Гумбольдта, 291
 ночная, 305
 паукообразная, 288
 шерстистая, 291
Обезьяны, подотряд, 277—404
Однопроходные, отряд, 43—56
Онцилла, 795
Опоссум
 водяной, 65
 обыкновенный, 61
Опоссумовые, семейство, 60—67
Орангутан, 377
Оцелот, 792
Павиан
 медвежий, 355
 плащеносный, 358
 хохлатый, 354
Пагума, 677
Панда
 большая, 544
 гигантская, 544
 малая, 555
Пантера
 длиннохвостая, 761
 зондская, 761
 черная, 761
Перевязка, 602
Песец, 491
Пинче, 313
Плавун, 65
Подковонос
 большой, 213
 малый, 211
Подковоносые, семейство, 211—213
Полуобезьяны, подотряд, 242—276
Порешня, 633
Поссум, 86
Поссум сахарный летающий, 87
Потору трехпалый крысиный, 103
Потто
 золотой, 267

- калабарский, 267
 обыкновенный, 267
 Приматы, отряд, 231—404
 Проехидна волосатая, 49
 Прыгунчик короткоухий, 170
 Прыгунчиковые, семейство, 170—171
 Псовые, семейство, 408—507
 Пума, 779
 Расса, 679
 Ратель, 622
 Ревун
 рыжий, 281
 черный, 281
 Розалия, 314
 Росомаха, 608
 Рукокрылые, отряд, 189—230
 Руконожка, 259
 Руконожковые, семейство, 258—262
 Рысь
 болотная, 797
 канадская, 813
 леопардовая, 808
 обыкновенная, 799
 пиренейская, 808
 рыжая, 814
 степная, 810
 Саймири беличий, 303
 Саки
 бледноголовый, 297
 лисьехвостый, 299
 мохнатый, 299
 черный, 297
 чертов, 297
 Свободнохвост египетский, 210
 Сервал, 777
 Сиаманг, 369
 Силен, 368
 Скунс
 амазонский, 629
 аргентинский, 629
 полосатый, 629
 южноамериканский, 629
 Скунсы свиноносые, 629
 Собака
 виверровая, 435
 гиеновая, 442
 дикая малайская, 451
 енотовидная, 435
 Собаки домашние, 454
 Соболь, 577
 Соболь американский, 581
 Сумчатые, отряд, 57—110
 Сумчатые хищные, семейство, 67—73
 Суриката, 683
 Тайра, 581
 Тамандуа, 115
 Тамарин эдипов, 313
 Тафа, 67
 Тенрек обыкновенный, 147
 Тенрековые, семейство, 146—149
 Тигр, 705
 Тилацин, 76
 Тонкотел чубатый, 322
 Тупайа обыкновенная, 243
 Тупайевые, семейство, 243—244
 Тушканчик сумчатый, 69
 Уакари
 лысый, 300
 черноголовый, 300
 Уистити, 311
 Унау, 120
 Урва, 664
 Утконос, 49
 Утконосые, семейство, 49—56
 Ушан обыкновенный, 225
 Фанер, 254
 Фенек, 499
 Филандер, 65
 Филандер красношей, 98
 Фосса, 680
 Фуру, 596
 Хануман, 317
 Хаус, 797
 Хищные, отряд, 405—820
 Хищные сумчатые, семейство, 67—73
 Хорек африканский, 600
 Хорь, 592
 Хулок, 370
 Цепкохвостые, семейство, 279—308
 Цивета
 азиатская, 670
 африканская, 667
 выдровая, 678
 гималайская, 677
 малая, 679
 пальмовая, 675
 Чакма, 355
 Человекообразные, семейство, 377—404

Шакал
обыкновенный, 425
полосатый, 423
чепрачный, 431
Шерстокрыл филиппинский, 186
Шерстокрыловые, семейство, 185—188
Шерстокрылы, отряд, 185—230

Шимпанзе, 398
Широкоушка европейская, 227
Щелезуб кубинский, 145
Щелезубые, семейство, 145—146
Ягуар, 784
Ягуарунди, 783

Латинские названия

Acinonyx jubatus, 814
Acrobates pygmaeus, 86
Ailuropoda melanoleuca, 544
Ailurus fulgens, 555
Alopex lagopus, 491
Alouatta
caraya, 281
seniculus, 281
Antechinomys laniger, 69
Antechinus flavipes, 69
Anthropoidea, 277
Aotes trivirgatus, 305
Arctictis binturong, 681
Arctocebus calabarensis, 267
Ateles
belzebuth, 289
paniscus, 288
Barbastella barbastella, 227
Bassariscus
astutus, 553
sumichrasti, 553
Bettongia lesueuri, 102
Brachyteles arachnoides, 288
Bradypodidae, 119
Bradypus tridactylus, 120
Burramyidae, 86
Cacajao
calvus, 300
melanocephalus, 300
Callithrix
argentata, 311
jacchus, 311
penicillata, 311
Callithricidae, 308
Canidae, 408

Canis
adustus, 423
aureus, 425
familiaris, 456, 461
latrans, 433
lupus, 410
mesomelas, 431
Carnivora, 405
Cebidae, 279
Cebuella pygmaea, 313
Cebus capucinus, 293
Cercocebus aterrimus, 338
Cercopithecidae, 316
Cercopithecus
diana, 337
mona, 337
Chaeropus ecaudatus, 80
Chaetophractus villosus, 129
Cheirogaleidae, 253
Chironectes minimus, 65
Chiropotes satanas, 297
Chiroptera, 189
Chlamyphorus truncatus, 138
Choloepus didactylus, 120
Chrysocyon brachiurus, 433
Civettictis civetta, 667
Colobus
guereza, 326
polykomos, 329
satanas, 329
Conepatus, 629
Conepatus
castaneus, 629
chinga, 629
semistriatus, 629

- Crocidura*
 russula, 166
 suaveolens, 167
Crocota crocota, 689
Crossarchus obscurus, 665
Cryptoprocta ferox, 680
Cuon alpinus, 449, 451, 452
Cyclopes didactylus, 117
Cynictis penicillata, 666
Cynocephalidae, 185
Cynocephalus volans, 186
Cynogale bennetti, 678

Dasypodidae, 126
Dasyuridae, 67
Dasyurus viverrinus, 70
Daubentonia madagascariensis, 259
Daubentoniidae, 258
Dendrolagus ursinus, 101
Dermoptera, 185
Desmana moschata, 182
Desmodontidae, 215
Desmodus rufus, 221
Didelphidae, 60
Didelphis marsupialis, 61
Duscicyon
 thous, 438
 vetulus, 439

Edentata, 111
Eira barbara, 581
Enhydra lutris, 642
Erinaceidae, 149
Erinaceus europaeus, 150
Erythrocebus patas, 337
Euphractus sexcinctus, 129

Felidae, 698
Felis
 catus, 737
 chaus, 797
 libyca, 732
 silvestris, 727
Fennecus zerdo, 499

Galago senegalensis, 270
Galemys pyrenaicus, 182
Galigidae, 269
Genetta genetta, 671
Gorilla gorilla, 384
Gulo gulo, 608

Hapalemur griseus, 252
Helarctos malayanus, 548

Herpailurus yagouarundi, 783
Herpestes
 edwardsi, 657
 ichneumon, 653
 javanicus, 661
 urva, 664
Hominidae, 377
Hyaena
 brunnea, 694
 hyaena, 694
Hyenidae, 684
Hylobates
 agilis, 371
 hoolok, 370
 lar, 370
 syndactylus, 369
Hylobatidae, 369
Hypsi prymnodon moschatus, 104

Ictonyx striatus, 600
Indridae, 256
Insectivora, 143

Lagorchestes leporides, 100
Lagothrix lagothricha, 291
Lasiorhinus latifrons, 108
Lemur
 catta, 251
 macaco, 248
 mongoz, 250
Lemuridae, 245
Leontopithecus rosalia, 314
Leopardus
 pardalis, 792
 pardinoides, 795
 wiedii, 795
Leptailurus serval, 777
Loris tardigradus, 263
Lorisidae, 262
Lutra lutra, 633
Lycaon pictus, 442
Lynx
 canadensis, 813
 caracal, 810
 lynx, 799
 pardinus, 808
 rufus, 814

Macaca
 nemestrina, 342
 nigra, 354
 silenus, 368

sinica, 338
sylvanus, 343
Macacus mulatta, 340
Macrotis lagotis, 78
 Macropodidae, 90
Macropus giganteus, 96
Macroscelides proboscideus, 170
 Macroscelididae, 170
 Marsupialia, 57
 Martes
 americana, 581
 foina, 573
 martes, 570
 zibellina, 577
Megachiroptera, 204
Meles meles, 614
Mellivora capensis, 622, 624
Melursus ursinus, 539
Mephitis mephitis, 630
Microcebus rufus, 255
 Microchiroptera, 210
 Monotremata, 43
Mungos mungo, 661
 Mustela
 erminea, 588
 eversmanni, 592
 lutreola, 603
 nivalis, 584
 putorius furo, 596
 Mustelidae, 568
Mydaus javanensis, 625
Myotis daubentoni, 224
 Myrmecobiidae, 74
Myrmecobius fasciatus, 74
Myrmecophaga tridactyla, 112
 Myrmecophagidae, 111
Nasalis larvatus, 324
 Nasua
 narica, 561
 nasua, 561
Neofelis nebulosa, 725
Neomys fodiens, 167
Neovison vison, 603
Nyctalus noctula, 229
Nyctereutes procyonoides, 435
Nycticebus coucang, 265
Oncifelis colocolo, 796
Ornithorhynchus, 49
Ornithorhynchus anatinus, 49
Otocyon megalotis, 505
Otolemur crassicaudatus, 271
Paguma larvata, 677
Pan troglodytes, 396
 Panthera
 leo, 744
 onca, 784
 pardus, 759
 tigris, 705
 Papio
 cynocephalus, 355
 hamadryas, 358
 leucophaeus, 365
 sphinx, 364
 ursinus, 355
Paradoxurus hermaphroditus, 675
Pardofelis marmorata, 727
Perameles nasuta, 79
 Peramelidae, 78
Perodicticus potto, 267
 Petauridae, 87
Petaurus breviceps, 87
 Petrogale
 penicillata, 98
 xanthopus, 99
Phalanger maculatus, 82
 Phalangeridae, 81
Phaner furcifer, 254
Phascogale tapoatafa, 67
 Phascolarctidae, 105
Phascolarctos cinereus, 105
 Phascologyidae, 107
Philander opossum, 65
Pipistrellus pipistrellus, 222
 Pithecia
 hirsuta, 299
 pithecia, 297
Plecotus auritus, 225
Pongo pygmaeus, 377
Potorous tridactylus, 103
Potos flavus, 564
Presbytis comata, 322
 Primates, 231
 Priodontes
 giganteus, 137
 maximus, 137
 Prionailurus
 bengalensis, 776
 viverrinus, 775
Prionodon linsang, 673
 Procyon
 cancrivorus, 560
 lotor, 557

Procyonidae, 553
Propithecus diadema, 256
Prosimii, 242
Proteles cristatus, 697
Pteronura brasiliensis, 641
Pteropodidae, 204
Pteropus vampyrus, 206
Puma concolor, 779

Rhinolophidae, 211, 213
Rhinolophus
 ferrumequinum, 213
 hipposideros, 211
Rhinopoma microphyllum, 210
Rhinopomatidae, 210

Saguinus oedipus, 313
Saimiri sciureus, 303
Sarcophilus harrisi, 71
Semnopithecus entellus, 317
Solenodon cubanus, 145
Solenodontidae, 145
Sorex araneus, 162
Soricidae, 160
Suricata suricata, 683

Tachyglossidae, 44
Tachyglossus aculeatus, 45
Talpa europaea, 173
Talpidae, 171
Tamandua tetradactyla, 115
Tarsiidae, 273
Tarsipedidae, 109
Tarsipes spenserae, 109
Tarsius spectrum, 273

Tenrec ecaudatus, 147
Tenrecidae, 146
Theropithecus gelada, 363
Thylacinus, 76
Thylacinus cynocephalus, 76
Thylogale thetis, 98
Tolypeutes tricinctus, 134
Trichosurus vulpecula, 84
Tupaia glis, 243
Tupaiaidae, 243

Uncia uncia, 773
Urocyon cinereoargenteus, 502
Ursidae, 507
Ursus
 americanus, 549
 arctos, 510, 524
 maritimus, 528
 tibetanus, 545

Vampyrum spectrum, 213
Varecia variegatus, 247
Vespertilionidae, 222
Viverra zibetha, 670
Viverricula indica, 679
Viverridae, 678
Vombatus ursinus, 108
Vormela peregusna, 602
Vulpes
 chama, 509
 corsac, 497
 vulpes, 477

Zaglossus bruijni, 49

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
Биография Альфреда Эдмунда Брема	7
МЛЕКОПИТАЮЩИЕ	17
Предисловие научного редактора	17
Общий взгляд на жизнь животных	19
Отряд однопроходные	43
Семейство ехидновые	44
Семейство утконосовые	49
Отряд сумчатые	57
Семейство опоссумовые	60
Семейство хищные сумчатые	67
Семейство сумчатые муравьеды	74
Семейство сумчатые волки	76
Семейство бандикутовые	78
Семейство кускусовые	81
Семейство карликовые кускусы	86
Семейство сумчатые летяги	87
Семейство кенгуровые	90
Семейство коаловые	105
Семейство вомбатовые	107
Семейство хоботноголовые кускусы	109
Отряд неполнозубые	111
Семейство муравьедовые	111
Семейство ленивцевые	119
Семейство броненосцевые	126
Отряд насекомоядные	143
Семейство щелезубые	145
Семейство тенрековые	146
Семейство ежовые	149
Семейство землеройковые	160

Семейство прыгунчиковые	170
Семейство кротовые	171
Отряд шерстокрылы	185
Семейство шерстокрыловые	185
Отряд рукокрылые	189
Подотряд крыланы	204
Семейство крылановые	204
Подотряд летучие мыши	210
Семейство мышехвостовые	210
Семейство подковоносые	211
Семейство американские листоносы	213
Семейство вампировые	215
Семейство обыкновенных летучих мышей	222
Отряд приматы	231
Подотряд полуобезьяны	242
Семейство тупайевые	243
Семейство лемуровые	245
Семейство карликовые лемуры	253
Семейство индриевые	256
Семейство руконожковые	258
Семейство лориевые	262
Семейство галаговые	269
Семейство долгопятовые	273
Подотряд обезьяны	277
Семейство цепкохвостые	279
Семейство игрунковые	308
Семейство мартышковые	316
Семейство гиббоновые	369
Семейство человекообразные	377
Отряд хищные	405
Семейство волчьи, или псовые	408
Семейство медвежьи	507
Семейство енотовые	553
Семейство куньи	568
Семейство виверровые	650
Семейство гиеновые	684
Семейство кошачьи	698
Алфавитный указатель	821
Русские названия	821
Латинские названия	826

Брем Альфред

ЗВЕРИ

том I

Директор издательства *О.С. Бартенев*
Оформление художника *М.А. Трубецкого*
Редактор *Н.А. Рожкова*
Технический редактор *Т.П. Тимошина*
Набор и верстка *Ю.Н. Дородницына, Л.Ф. Комаровская.*
Р.А. Курбакова, Н.Е. Манушкина
Корректор *Н.С. Емельянова*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-93,
том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать 22.01.2000. Формат 84×108^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура Шюльная.
Печать Офсетная. Печ. л. 52,0. Тираж 10 000 экз. Заказ 4055.

ООО «Фирма «Издательство АСТ»».
ЛР № 066236 от 22.12.98 г.
366720, РФ, Республика Ингушетия, г. Назрань, ул. Московская, 13а.
ООО «Издательство Астрель».
143900, Московская область, г. Балашиха, пр-т Ленина, д. 81.
ЛР № 066647 от 01. 06. 99 г.
E-mail: AST@POSTMAN.RU

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

